

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА:

VIII.

А 139/36

802-11
226

СЫНЪ
ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ. W 3/4

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1839.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КАМОЭНСЪ.

ФАНТАЗІЯ. СОЧИНЕНІЕ ГАЛЬМА.

(Посвящается пожелавшему учителю Елисаветы Кузьминой, К. В.
Гроссгейриху.)

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Донъ Людовикъ Камозисъ. — Донъ Іозе Квебеде Кастель-
бранко, богатый купецъ. — Гусманъ, сынъ его*. — Смотритель
Главной больницы для бедныхъ въ Лиссабонѣ. — Тѣнь Екатерины.

Комната въ Главной Лиссабонской больнице для бедныхъ, мрачная,
сырая, съ обвалившеюся на стѣнахъ штукатуркою. На сценѣ, съ
правой стороны, ближе къ зрителю, старый столъ, покрытый
книгами и бумагами, и два, или три стула; съ лѣвой стороны
бидиалъ постель, на которой спитъ Камозисъ; у его изголовья
повѣшены мечь; надъ головой его, на стѣнѣ, виситъ старая лотія;
въ глубинѣ сцены дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Іозе Квебеде и Смотритель Больницы,
съ ключами въ рукахъ и книгой подъ мышкою, оста-
навливаются въ дверяхъ.

КВЕБЕДО.

Третій эшажъ! Мы не пойдемъ ли выше?

* Васко Мусино (названный здесь Гусманомъ) Квебеде Кастель-
бранко болѣе всѣхъ Португальскихъ поэтовъ приблизился къ Камозису.
Героическая поэма его: *Альфонсъ Африканскій*, въ которой луч-
шими мѣстами почитаются описаніе мученія Принца Фернанда и
сраженіе при Алказарѣ, явилася въ 1611 году. Пр. Пер.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ законенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1839 года.
Апрѣля 10 дня.

Ценсоръ П. Корсаковъ.
Ценсоръ А. Крыловъ.

СМОТРИТЕЛЬ.

Синьоръ, на мѣспѣ мы.

КВЕБЕДО.

Ну, слава Богу!

Задохся я, ручьями лѣмся пошъ....

Такъ мы на мѣспѣ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Видишь, синьоръ:

Вошъ здѣсь написано: *Людвикъ Камонсъ*,

Подъ пятымъ номеромъ. Мы, право, не ошблнсь.

КВЕБЕДО.

Вы корошко его не знаете, бышь можешь?

СМОТРИТЕЛЬ.

Не знаю.

КВЕБЕДО.

Какъ? Ужели не извѣстенъ

Вамъ и по имени *Людвикъ Камонсъ*?

СМОТРИТЕЛЬ.

Здѣсь полько имена: намъ дѣла нѣтъ
Ни до извѣстности, ни знаиности большаго.*Людвикъ Камонсъ*, покоя нумеръ *пятый*,

И больше ничего! Такъ въ книгу онъ внесень.

(Открываетъ книгу и показываетъ Квебедо).

КВЕБЕДО.

Я вижу по всему у васъ порядокъ въ книгѣ....

Такъ здѣсь-то онъ? О, милосердый Боже!

Какъ сыро, мрачно здѣсь, какъ низокъ пошолокъ,
Въ окнѣ — въ окнѣ желѣзная рѣшетка!

СМОТРИТЕЛЬ.

Обыкновенно здѣсь содержатъ сумасшедшихъ.

Уединенія, покоя онъ желалъ,

А эша компаня тогда пушла спояла —

Мы, по желанію, его сюда перенесли.

КВЕБЕДО.

Вошъ, кшати, помѣщенъ въ покоѣ сумасшедшихъ!

Прекрасно сдѣлали, и вы по сердцу мнѣ.

Желалъ бы я, чшобъ въ дому сумасшедшихъ

Упрямали всѣхъ нашихъ риемачей!
Не онъ ли спитъ на пошъ поснедь?

СМОТРИТЕЛЬ.

Онъ.

Не разбудить ли мнѣ его?

КВЕБЕДО.

Оспавше!

Я подожду, пока проснешся самъ.

СМОТРИТЕЛЬ.

Такъ оспвайшесь же — успѣха вамъ желаю.

КВЕБЕДО.

А вошъ вамъ за шруды...

СМОТРИТЕЛЬ.

Благодарю, синьор!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

*КВЕБЕДО ссидитъ на стулѣ
близъ стола, но такъ, что
Камонсъ остается у него
въ виду.*

Я забрался высоко и успалъ,

И ошдохнушь мнѣ, право, не мѣшаешь.

Въ больницу въ жизнь бы я свою не заглянулъ,

Когда бы сынъ въ умѣ не помѣшался

И званья моего не презиралъ.

Задумалъ онъ кропашъ себѣ спшшонки,

Да риемы подбирашь, присчитываешь спшоны;

Забредилъ вдругъ о славъ и о лаврахъ!

Одинъ сынъ у меня и пошъ не хочешь бышь

Купшомъ, какъ я, гнушаешься шорговлей

И лихоимешвомъ барыши зовешь.

Доспигнушь хочешь славы Камонса —

А вошъ его шпремленья идеаль:

Покрытый славою и лаврами вѣчанный,

Въ больницу, пошъ, безъ глаза, изшурень,

Пѣвецъ великій дивной Лузіады,

Кшо на спѣнахъ Орана, гордой Цейшы,

За родину кровь проливалъ свою,
 Теперь въ больницѣ запертъ сумасшедшихъ!
 Опъ благъ земныхъ оспались у него
 Заржавый мечъ, запыленная люшня.
 Охъ! жизнь его была горька, горька!
 «Людоедъ Камоэнсъ, покоя нумерь пятый»,
 И больше ничего, шакъ въ книгу онъ внесень....
 А я, надъ кѣмъ онъ пѣкогда сѣялся,
 Кого онъ шывкой звалъ, аршинникомъ, глупцомъ,
 Кшо продавалъ изюмъ, опсчишывалъ лимоны,
 Я распосѣлъ, разбогатѣлъ, какъ Крезъ:
 Три дома у меня, мои гальоны
 Съ поварями лешаюшъ по морямъ.
 Гнался за славою онъ, а я лишь за богатствомъ —
 И вошь какъ поприща доспигли мы конца!
 Увидишь лишь его Гусманъ мой, непременно
 Онъ званье избересть доходное опца.
 Клянусь Сеншъ-Яго, онъ его увидишь долженъ.
 Не для шого ли я взобрался на чердакъ?
 Его увидишь онъ, изъ успъ его услышишь
 Признаніе, что жилъ, какъ сумасбродъ,
 Чшо за химерами онъ по свѣшу гонялся.....
 Онъ просыпаеця, вздохнулъ, глаза опкрылъ.....

Камоэнсъ.

Такъ это былъ лишь мимолетный сонъ!
 Онъ освѣжилъ меня для новыхъ лишь срадацій —
 Не непробудный сонъ — кончина бытія!
 Тѣнь смерти не сама спасительная смерть.
 Кшо-то вошелъ сюда — живое существо —
 Какъ: человекъ? Возможно ль? Чшо за чудо
 Приводишь васъ сюда? Вы не ошибкой ли,
 Синьоръ, зашли сюда?

Квееبدو.

Донъ Камоэнсъ,

Я къ вамъ пришелъ.

Камоэнсъ.

Ахъ! я забылъ, кшо я!

Не нужны ли вамъ свадебныя пѣсни,
 Для серенады вамъ не нужно ли спиховъ?
 На шомъ споеть, извольте взять, любые:

Во всякомъ родѣ ешь, дешевые, синьоръ —
 Реала по два я прошу за сочищеньс.....

Квееبدو.

Я не за шѣмъ пришелъ.

Камоэнсъ.

Не думаете ли вы,

Чшо сочиню спихи для васъ нарочно?
 Взгляните на меня, синьоръ: я изнемогъ,
 Едва могу привешанъ съ одра болѣзни,
 Нѣтъ силы у меня и мысли оскудѣли.
 Довольствуйшесь, когда угодно, шѣмъ,
 Чшо я на всякой случай загошовилъ.

Квееبدو.

Я къ вамъ пришелъ, сударь, не за спихами.
 Людоедъ! приспально взгляните на меня:
 Узнали ли вы меня?

Камоэнсъ.

Синьоръ, я васъ не знаю.

Квееبدو.

И полно! Вы должны меня узнать!

Камоэнсъ.

Не узнаю.

Квееبدو.

Въ Кальваст мы ходили съ вами

Въ одно училище.

Камоэнсъ.

Я съ вами?

Квееبدو.

Да, въ Кальваст.

Другъ другу часно мы вицѣлялись въ волосы
 И безъ пощады вы меня бивали.
 Припомните — меня должны вы знать.

Камоэнсъ.

Синьоръ, просните, память ослабѣла:
 Чшобъ ни сказали вы, я вспомнишь не могу.

Квееبدو.

Сеншъ-Яго! Вспомните, бышь можешъ,

Когда я вамъ скажу: я вангъ землякъ,
Товарищъ вашъ — Квеведо Каспельбранко.

КАМОЭНСЪ.

Квеведо! Вы?

КВЕВЕДО.

Такъ почно, Дюнь Людовикъ,
Юзе я Квеведо Каспельбранко,
Кого ты звалъ пустою головой,
Я самый пошь Квеведо.

КАМОЭНСЪ.

И, скажише,
Квеведо Каспельбранко?

КВЕВЕДО.

Да, поглядѣвъ пришелъ, какъ поживашъ ты.
Ты что-шо похудѣлъ; шебъ, какъ видно, плохо,
А посмотри, какъ швой товарищъ располенѣлъ!
Да, ты, брашъ, поседѣлъ, соспарѣся въ больницѣ
И окривѣлъ къ шому, бѣдняжка Камоэнь!

КАМОЭНСЪ.

Зачѣмъ пришелъ сюда, Квеведо Каспельбранко?

Счишашъ мои седые волоса

И на лицѣ глубокия морщины?

КВЕВЕДО.

Не съ шѣмъ намтреньемъ, пришелъ, говорю.
Хошѣлъ лишь я сказать, что время измѣнилось,
А съ нимъ и ты: ужъ ты не пошь красавецъ,
Кошорый дамамъ головы кружилъ,
И гордоспью былъ знашною молодежи. —
Ужъ ты не пошь Людовикъ Камоэнь!

КАМОЭНСЪ.

Да, я не пошь. Хотя бѣ веъмъ счастлиемъ жизни
Пожерпивалъ я суешной мечтѣ,
Вы не указчикъ мнѣ! Какой нибудь Квеведо
Не можешъ быть моимъ цѣншителемъ, судьей....

КВЕВЕДО (въ сторону).

Сеншъ-Яго! Еслибъ онъ не нуженъ былъ для сына,
Я сбиль бы эшу спѣсь!

(къ Камоэнесу)

Со мной неласковъ ты.

Я лучшаго ждалъ отъ себя приема,
И вижу по всему, что болень ты,
А по бы обласкалъ шоварица и друга;
Ты не былъ бы злопамашень; съ восшоргомъ
Приномилъ бы дни дѣшевша своего,
Дни свѣплые подъ кровлею родною!
Меня спросилъ бы ты про пошь широкій лугъ,
Гдѣ въ мячъ играли мы; спросилъ бы ты про липу:
Какъ мяча высока она была, но ты
Всегда выигрывалъ условную награду.
А помнишь ли, когда играли мы
Въ охону — за шобой гнались мы, какъ собаки,
Ты былъ олень и мчался, какъ спрѣла,
И всѣхъ насъ перегналъ — ты помнишь?

КАМОЭНСЪ.

Помню.

КВЕВЕДО.

А помнишь ли, когда полною шумной
Мы осаждали холмъ: для насъ, какъ Гибралшаръ,
Онъ былъ высокъ и крушъ — тогда была пошѣха!
Досшалоса довольно нашимъ лбамъ....

КАМОЭНСЪ.

Отъ шой игры на память мнѣ оспался
Рубецъ на лбу, вопъ эшопъ —

КВЕВЕДО.

Вижу, вижу!

А помнишь, какъ рѣку мы переплышь хошѣли,
Да не рѣшался; лишь ты одинъ....

КАМОЭНСЪ.

Я первый бросился въ кипящую пучину,
Боролся долго съ ней, и наконецъ
Смирилъ се, и на хребтѣ волнишномъ
Она меня умчала далеко.
Вы, шруссы, между шѣмъ мнѣ съ берега кричали
О дѣшевша дни! какъ сладко вспомнишь васъ!
Приди, дай руку мнѣ, Квеведо: знаешъ,
Съ шобой всегда врагами были мы;

Ты мнѣ тогда казался — но, бывъшь можешь,
 Ты не шаковъ, какимъ казался мнѣ.
 Приди сюда — со мной игралъ пы въ дѣшешвъ,
 Со мною радости невинныя дѣлалъ,
 И нивъ, въ сумрачный закашъ печальной жизни,
 Выводишь предо мной картину свѣсплыхъ дней.
 Я до того осирошѣлъ въ семь мѣрѣ,
 Чшо еслибъ пы смершельнымъ былъ врагомъ,
 То и тогда бъ шсбя прижалъ я къ сердцу.

К в е в е д о (утирая слезы.)

Ну, каково же пы, Людовикъ, поживалъ
 Со дня того, какъ мы съ тобой разснались?
 Меня ошець изъ Кальвы ошослалъ
 Въ Фигеру. Ахъ! тогда я съ играми просшлася
 И за работу сѣлъ.

К а м о э н с ъ.

Меня судьбина

Въ Коимбру привела, въ святилище наукъ.
 Тамъ, шамъ услышалъ я Омпра пѣснопнѣня
 И пѣсьнъ Виргилія — и овладѣла мной
 Любовь къ высокому, и чшо въ груди шанлось
 Безъ образовъ, ошущешвилось все
 И приняло божешвенные ликп!

К в е в е д о.

Науки мнѣ не шли на умъ, пріяшель.
 Въ учење я поналъ къ кунцу росповѣдику,
 А онъ кое-чшо зналъ, умѣлъ счипанъ порядкомъ.

К а м о э н с ъ.

И годы мчались! Изъ спнѣнъ Коимбры шѣсшой
 Я вырвался: мнѣ было душно шамъ!
 Влеченію души послѣдовалъ я робко;
 Увидѣлъ Лиссабонъ, увидѣлъ пышный Дворъ,
 Увидѣлъ Короля, сѣвшаго, какъ солнце,
 И вокругъ него, какъ звѣзды въ небесахъ,
 Вельможъ Двора — и, словно, ослѣпленный
 Спалъ вдалекѣ, очамъ не вѣрилъ я,
 Приблизивъ къ величешству не смѣя.

К в е в е д о.

Точъ въ почъ со мной тогда случилось шоже,
 Когда въ залъ биржевой вешунилъ я въ первый разъ!

К а м о э н с ъ.

Тамъ я се увидѣлъ — и шуманомъ
 Подернулось сѣяніе вѣнца,
 И блескъ померкъ Двора и царедворцевъ!
 Какъ Божіе дыханье разлилось
 Лучемъ живительнымъ по хаосу шворенъя,
 Такъ взоръ ея проникнулъ въ душу мнѣ
 И создалъ рай въ ея глубокомъ лонѣ.
 Ахъ! какъ была пльнишельна она!

К в е в е д о.

Я шоже испышалъ: вопъ полюбилась мнѣ
 Смугляночка, купеческая дочка;
 Ломился золопомъ сундукъ ея опца,
 Сердечко же ея еще свободно было,
 А я былъ бережливъ, собой недурень.....

К а м о э н с ъ.

Какъ пламенно другъ друга мы любили!
 И наша спрасъ была согласный звукъ,
 Перешама ангела испоргнушый изъ арфы
 Предъ шрономъ Вышняго, неслышный для другихъ.....

К в е в е д о.

Вопъ я опцу понравивъсья успѣлъ:
 Опъ насъ благословилъ, и я въ воспоргѣ
 Повелъ богашую купчиху къ алшарю!

К а м о э н с ъ.

Блаженъ, кшо спрасъ свою успѣхомъ увѣчалъ!
 Я — я несчасливъ былъ! Насъ разлучили:
 Въ спнѣнахъ монаспіря увяла жизнь ея —
 Жизнь лиліи, опъ солнца оплученной!
 Меня же свѣшъ спремленіемъ увлекъ:
 Война тогда опчизну волновала;
 Смершь славную опрадой я счипалъ.
 Въ Марокко я взлешѣлъ на спнѣны Цейшы;
 Лишился глаза шамъ — не жизни.....

К в е в е д о.

Ахъ! и я

Не лучшей жребій испышалъ! Подруга
 Скончалась у меня, и я тогда лишь
 Ушѣнился, когда наслѣдство получилъ.

К а м о э н с ь .

И я утѣшился! Въ снѣнахъ больницы шемной,
 Съ обязаннымъ лицомъ, спрадалъ я одинокъ.
 Лежала ночь окрестъ меня, во мнѣ! Въ шо время
 Спустилося.... Нѣтъ.... тихо низпарило
 Нашше святое на меня,
 Какъ слово Божіе въ мою запало душу,
 Какъ пламя яркое, и крошкое, какъ лучъ,
 Вечернія заріи, горящее, какъ солнце,
 И влажное, какъ ангела слеза,
 Какъ громъ гремящее, и нѣжное, какъ арфа —
 Спустилося и обняло меня,
 И вознесло, помчало — и на ложе
 Я палъ безъ чувствъ; когда жъ пришелъ въ себя,
 Я не былъ одинокъ, опъ вѣхъ оспавленъ:
 Пѣснь первая моя лежала предо мной,
 Свѣтъ внутренній сіялъ очамъ моимъ закрытымъ,
 И мѣра гореспямъ исполнилаея моимъ.
 Моя душа на крыльяхъ пѣнопѣнья
 Оспраду въ небесахъ у Бога обрѣла,
 Я цѣль и забывалъ спраданаія земныя.

К в е б е д о .

Меня — какъ я сказалъ — утѣшило богашенно.
 Я закуналъ повары, въ росшъ давалъ,
 Кое-чѣмъ промышлялъ, не спрашилъ по пушному
 И нажилъ. А что же сдѣлалъ шы?

К а м о э н с ь .

Спрану оспавилъ я, гдѣ прахъ ея хранился,
 Гдѣ былъ не поняшъ я, гдѣ былъ забышъ —
 Предѣлы Индіи я опыскалаъ далекой,
 И шамъ, среди нешлѣнныхъ весны,
 Я Поршугалію воспѣлъ въ шой пѣсни,
 Которая до Таго разшлаея.
 Европа именемъ де-Гамы огласилася,
 И Лузіадѣ громкую хвалу
 Оспгранули брега Гиберніи шуманной.

К в е б е д о .

А принесла ли выгоды шебъ?
 Слухъ посшся.....

К а м о э н с ь (сѣ жаромъ).

Она мнѣ навлекла гошеня
 И ненависть! Поэштъ, воспѣвшій славу предковъ,
 Умокнушъ долженъ былъ при низосени сыновъ;
 Они не вынесли того, что по въ пѣнопѣняхъ
 Пигмеями я ихъ изобразилъ;
 Они почли саширой ядовишой,
 Что было шолько дружескимъ совѣшомъ.
 О! горекъ жребій мой: меня навѣкъ ошвергла
 Спрана, воспѣшая, прославленная мной.
 О Поршугаллія! и шы меня забыла!
 Я мужъ, и ропшомъ гнушаюся, но повѣрь,
 Что эшу рану нанесли мнѣ въ сердце —
 Уврачевашъ ее лишь можетъ смершъ одна!

К в е б е д о .

Ну, полно горевашъ, шциушшее забудъ;
 Въ расчешахъ кшо спокшъ не ошбался?

К а м о э н с ь .

Съ восшешвїемъ на пронъ младаго Себашпяна
 И для меня мелькнулъ, какъ солнце, счастья день.
 Орлиный взоръ его въ мою проникъ шемницу
 И цѣль позорная съ моихъ упала рукъ.
 На Божій свѣтъ меня онъ вывелъ снова
 И сердце ошогрѣлъ живишельнымъ лучемъ!
 На долго ли? Король при Альказарѣ
 Палъ жертвою ошважности въ бою.
 Со дня того Филиппова десница
 На Поршугаллію, какъ иго, налетла,
 Со дня того чего не вышперѣлъ я въ жизни!

К в е б е д о .

Ты прагъ: дни черные шогда поснигли насъ,
 А для шебя они вѣхъ пагубиѣ были.

К а м о э н с ь .

Свѣшило дней моихъ навѣки закашилося
 И вечеръ сумрачный просшсеря вкругъ меня;
 Хвалимый нѣкогда, шеперь опъ вѣхъ забышій,
 Вопъ до чего на спаросши я дожилъ!
 Одинъ лишь другъ мнѣ въ мїрѣ ошавался —
 Негръ Саладинъ; его бранилъ я чернымъ посмъ,

А въ бѣдности я Негра жилъ прудами;
 За мной въ бѣдѣни онъ ухаживалъ одинъ,
 У ложа моего просиживалъ дни, ночи,
 И утѣшеніе и ласки распочалъ;
 Онъ для меня молилъ о подаяныи.
 Когда же наконецъ бѣдьяжка изнемогъ,
 Онъ до того просперъ ко мнѣ усердье,
 Что умеръ для меня, мой вѣрный черныи песь!
 Господь, Ты зрѣль! Покойся въ мирѣ, другъ,
 Мой вѣрный другъ, послѣдній на землѣ!
 Ахъ! счастье еушнѣ, жизнь наша преволненье....
 Блаженъ, блаженъ почившій мершвымъ сномъ!

К в е б е д о .

Теперь не время ли мнѣ къ дѣлу пристуиить?
 Ты много бѣдешвей перенесъ, пріятель,
 Ты плохо награжденъ за трудъ свой вѣковой
 И не принесъ плода швой цвѣтъ великолѣпный.
 Въ больницѣ швы нашель себя пріюпъ —
 Вопъ поприща конецъ, избраннаго шбою!

К а м о э н с ь .

Каковъ конецъ?

К в е б е д о .

Я думаю, шеперь:
 Что распаваяся, различными пупями
 Мы выпушили въ свѣтъ. Ты цѣль себя избралъ
 Высокую, но, кажешся, пріятель,
 Я выбралъ лучшую. Подумай: я богатъ;
 Товарами мои набишы лавки
 И корабли мои лшаюпъ по морямъ.
 А въ дышешвъ на меня смощрѣль шы горделиво!
 Хотя я лаврами себя не увѣнчалъ,
 Но все таки, мнѣ кажешся, пріятель,
 Что перевѣсипъ лиру мой аршинъ.

К а м о э н с ь .

Барышъ для шоргаша — вопъ верхъ его желаній,
 Но иѣчто ешь споль иѣжное, чего
 Не свѣсипъ на вѣсахъ, и споль оно высоко,
 Что швой аршинъ не хвашипъ до него!
 Замъшь себя, дружжкъ: шоргуи лисномъ лавровымъ,
 Но шрогашъ не дерзай лавроваго вѣнца!

К в е б е д о (въ сторону).

Не надъ мопать ли онъ смѣшенъ состояньемъ?
 Тыфу, пропасть! Попади лишь въ руки мнѣ,
 Корншь тебя я милосепней буду
 И опшлачу тебѣ спорнцей!

(Промко) Камоэнсъ!

Не обижашъ тебя хочю — я сожалѣю.
 Когда же словомъ шы обидился монмъ,
 Взгляни лишь на себя, уважъ причину,
 Которая меня къ тебѣ влекла:
 Оспавъ больницу шы, войди въ мое семейство;
 Госпепрнменъ домъ мой — я богатъ.
 Людовикъ! ошдохни онъ горшеи жншейкнхъ
 На лопъ дружеснва, и раздѣли со мной
 Все изобиліе.

К а м о э н с ь .

Чшо говоришь шы? Какъ?

Ты предлагаешь мнѣ свой домъ?

К в е б е д о .

Къ швоимъ услугамъ.

Ты гощемъ будь монмъ; рѣшайся, Камоэнсъ,
 Не хочешъ ли шы жипъ въ семействѣ Кашельбранко?

К а м о э н с ь .

Жипъ у тебя! Ты думаешь, бышь можешъ....
 Нѣять! у тебя нѣтъ злаго на умѣ.
 Благодарю тебя за иѣжное учашсье.
 Но мнѣ здѣсь хорошо, шы здѣсь оспавъ меня;
 Круицями спола пишай бездомныхъ нищихъ,
 Я въ шягосн не хочю бышь никому.

К в е б е д о .

Ты въ шягосн мнѣ? Возможно ли! Напрошншь,
 По ошкровенности скажу тебѣ, чшо шы
 Своимъ совѣтомъ мнѣ полезень будешь.

К а м о э н с ь .

Возможно ли? Тебѣ могу я бышь полезень,
 Когда себе ни чѣмъ я пользы не принесъ!

К в е б е д о .

Лишь выслушай меня, номомъ рѣши, пріятель.

Вопь видишь: Богъ мнѣ сына дароваль,
 На спаросъ дней надежду, упишенье,
 И вопь ужъ юношей прекраснымъ выросъ онъ,
 И я уже надеждою ласкался,
 Что увеличитъ онъ наслѣдїе ошца,
 Трудясь на поприщѣ, гдѣ въ погъ я шрудился,
 Какъ вдругъ безумїемъ увлекся мой Гусманъ,
 Спаль презирашь купеческое званье,
 Всѣмъ забросилъ онъ, а книги полюбилъ,
 Искусствами, поэзїей забредилъ....

К а м о э н с ь .

Безумецъ онъ!

К в е б е д о .

Я шожѣ говорилъ,

Но онъ не слушаетъ опеческихъ совѣтовъ:
 — Служенью Музъ себя задумалъ посвятивъ —
 Такъ опшвѣчаетъ онъ на всѣ мои упрекѣ.

К а м о э н с ь .

Такъ всѣ они мечтають.... лишь мечтають!

К в е б е д о .

Напрасно испощалъ я просьбы и моленья.
 Упрямецъ: на своемъ поставилъ хочешь онъ.
 Вопь, видишь, что меня превожилъ, мучилъ.
 Мнѣ кажешся, Гусманъ не излечимъ.
 Когда бъ увидѣлъ онъ поэзїи награду,
 Когда бъ увидѣлъ свой блестящїй идеаль,
 Когда бъ увидѣлъ онъ въ больницѣ Камоэнса,
 Быть можешь....

К а м о э н с ь .

Онъ меня увидѣшь должень.

Пошли сюда — его я исцѣлю
 Опъ страши гибельной, опъ сумасбродства.
 Теперь понятнo мнѣ, къ чему полезетъ я —
 Спрашилищемъ я должень быть поэзовъ!

К в е б е д о .

Ты хочешь дать ему совѣтъ благоразумный?
 Заблудшаго надѣнешся спасти?

К а м о э н с ь .

Пошли его ко мнѣ.

К в е б е д о .

Онъ недалеко.

При имени швоемъ мой окрылился сынъ.
 Съ нимъ объ руку, бытъ можеть, я надѣюсь,
 Ко мнѣ пожалуешь гопь дорогой....

К а м о э н с ь .

Увидимъ.

К в е б е д о .

Такъ проспи, дражайшїй другъ!

(*Про себл*)

Мнѣ удалось. Когда спасеть онъ сына,
 Пожалуй, умйрай: что пользы намъ въ больномъ?

(*Уходитъ*).

Я в л е н і е ш .

К а м о э н с ь (*одинъ*).

Я упомень! Мнѣ шяжело дышашъ,
 Тускнѣеть взоръ — не гопь ли мой желанный
 Слетькъ ко мнѣ? Не ты ли, смерть,
 Коснулася меня холодными устами?

(*Посль шьотораго моланїя*)

Екашерини нѣтъ! Не спало Саладина!
 Опъ всѣхъ опавленный, спюю у гроба я.
 Ахъ! какъ удѣлъ завиднѣ селянина!
 Все поприще его смиренное — семья.
 Доволенъ онъ забонливую долей
 И скромною спезей, пробншюю опцомъ.
 Когда же смерть надъ нимъ крыломъ повѣшетъ,
 Среди семьи родной онъ шыхо охладѣетъ,
 Склонясь на грудь подруги ясныхъ дней,
 Въ объятїя рыдающихъ дѣшей.
 Когда жъ въ очахъ его угаснетъ пламя жизни,
 Рука жены закроетъ нѣжно ихъ!

А я, безумною мечшою ослѣпленный,
 Мнѣ не кого позвашъ и къ смершному одру!

Ахъ, жилъ я одинокъ и одинокъ умру.
 Въ шу роковую ночь, у береговъ Кншная,
 Какъ ураганъ корабль мой захватилъ,
 И мачны горды, какъ шебли, сокрушашъ,
 Корабль мой объ ушеть гранишный раздробилъ —

Все злобо, все дары Фортуны коловрашной
 Я бросилъ въ бездну водъ — лишь удержалъ ее,
 Священный Божій даръ, сокровище мое!
 Съ ней бросился я въ хаосъ необъятный,
 Держалъ ее превыше ярыхъ волнъ;
 Воспорженный, опиваги, врыи полнъ,
 И вышелъ на берегъ — и въ шомъ нашель опраду.
 Лишаясь благъ земныхъ, что спасъ я Лузіяду.
 Сокровищемъ своимъ я почиталъ ее;
 Въ ней полагадъ свое земное счастье!
 О, роковая пѣснь, души горящей плодъ!
 И ты, злосчастный лавръ, главу мою вѣнчавшій,
 Я изъ-за васъ, судьбѣ наперекоръ,
 Онъ пшихъ радостей семейныхъ ошказался.
 Блаженъ лишь шомъ (чрезъ васъ повѣрилъ я шому),
 Кшо счастиемъ безвѣщностью почиташеть,
 Кшо не завидуешъ въ сей жизни никому
 И зависши ничѣмъ не возбуждаешъ....
 Мнѣ холодно — по жиламъ льшеся пренешъ,
 Ошходишь Камоэнсъ, п чей опраднй гласъ
 Ушъшишь, освѣдншь его послѣднй часъ?
 Грядущее предъ нямъ покрыпо мглою,
 Минувшее, какъ ночь, просперлась позади;
 Я пѣломъ изнемогъ, я палъ душою —
 Угасъ огонь пророческій въ груди,
 Зеленый лавръ увялъ, оцѣнѣла лира,
 Промчалась жизнь моя, какъ обольшишель сонъ,
 Разсыпалась, какъ лучъ звѣзды ераженной,
 Дробясь, кашпша въ шуманный небосклонъ.
 Квеbedo правъ — плодъ жизни, провденной
 Въ однихъ мечнаніяхъ — лишь бесполезный сонъ!

Я В Л Е Н І Е IV.

Камоэнсъ. Гусманъ (вбѣгаетъ).

Гусманъ.

Здѣсь, здѣсь, сказали мнѣ, найду его! Онъ здѣсь?
 Такъ это онъ: сей величавый образъ
 Въ мечнаніяхъ парилъ передо мной!
 Лишь взоръ его горѣлъ блистательнѣе, ярче,

Гордѣ возносилъ онъ ясное чело.
 Каковъ бы ни былъ, все онъ пснопѣвецъ;
 Какъ ни согбенъ подъ древноспію лѣпъ,
 Нашьемъ Божешва сей ликъ ознаменованъ
 И генія печашъ пылаешъ на челѣ.
 Привѣтливую тебя, поэпъ великій!

Камоэнсъ.

Кшо ты?

Гусманъ.

Гусманъ Квеbedo, сынъ Квеbedo Кастельбранко.

Камоэнсъ.

Квеbedo сынъ?

Гусманъ.

Мнѣ приказалъ ошець,
 Васъ проводить подъ кровъ гошеспрімный.
 Не рано ли пришель я?

Камоэнсъ.

Нѣтъ! ты опоздалъ....

Приблнжься, юноша, взгляни окрестъ меня—
 Не видишь: кшо споишь у изголовья?
 То ангель смерши. Чашъ ударилъ мой.
 Но выслушашъ еще, Гусманъ, уснѣшь
 Изъ уснѣ хладѣющихъ послѣднй мой совѣтъ;
 Ты зачан въ груди своей глубоко
 Завѣщнй даръ убогаго пѣвца.

Гусманъ.

Ты хочешъ умереть! Не можешъ быть, не вѣрю,
 Чшобъ Камоэнсъ когда могъ умереть....

Камоэнсъ.

Намъ время дорого. Меня, Гусманъ, послушай:
 Ты хочешъ посвятншь себя служенью Музъ,
 Такъ мнѣ сказаль ошець? Сказаль ли правду?

Гусманъ.

Клянусъ Всешѣдущимъ, ошець мой не солгалъ!

Камоэнсъ.

Обдумай выборъ швой; вся жизнь швоя зависншь
 Онъ выбора шеперь. Еще ты молодъ,

Твоя душа еще чужда земнаго
И рвется къ небесамъ, и попому
Священную поэзію ты любишь.
Пусть дочь она небесъ, какъ и твоя душа,
Любовь твоя поручится ль за силу?
Намъ легче разумѣть, чѣмъ сопоряпъ.
Скорѣ мы предпринимашъ умѣемъ,
Чѣмъ замысль приводишъ къ счастливому концу.

Гусманъ.

Да, мнѣ извѣстно, Камоэнсъ, что легче
Даръ принимаешь, чѣмъ отдавашъ другимъ.

Камоэнсъ.

Когда же шакъ, взгляни въ глубь сердца и извѣдай,
Что завлекло тебя на трудную спезю —
Тщеславіе, иль дѣшское желанье
Поэтамъ подражашъ, иль сильный крови жаръ,
Иль раздражительность твоей системы нервной?
Развѣдай все, не обольщай себя —
Випія изучишь свое искусство можешъ,
Поэша же — лелюшъ небеса!

Гусманъ (по нѣкоторомъ молчаніи.)

Что я шеперь, того не выражу словами;
Какъ тѣмъ я спалъ — поняшно, ясно мнѣ;
Я въ дѣшствѣ былъ мечпашеленъ и мраченъ,
За книгой лишь развеселялся я,
Блуждалъ слѣпцомъ по жизненному полю,
Въ уединеніи ошраду находилъ;
Ночь лунная въ меня воспоргъ вдыхала,
Тревожный день казался мнѣ пуснымъ.
Случайно какъ-то я услышала Лузіаду
И вдругъ изъ глубины воспорженной души
Миръ новый выпушилъ и — жребій мой рѣшился!

Камоэнсъ.

Что вижу? Юноша! твои пылаюшъ взоры!
Какъ вдохновенный, ты стоишь передо мной.
Бышь можешъ... Нѣтъ! хотя бѣ и въ самомъ дѣлѣ
Ты чувствовашъ къ поэзіи призывъ —
О, воротись на путь шобой пренебреженный!

Фортуной ты любимъ, за ней послѣдуй ты.
Повѣрь — ахъ! убѣдилъ меня жестокій опытъ —
Повѣрь, что счасшье не удѣлъ поэза!

Гусманъ.

Лишь дай мнѣ заслужишь и я его оптвергну!

Камоэнсъ.

Безумецъ! ты стоишь надъ радужною бездною!
На край пропасти ты хочешъ лавръ сорвашъ
И гордое чело короной звѣздной
Безмертвѣ за подвигъ увѣнчашъ!
Но знай, увянешъ лавръ, твои погаснушъ звѣзды —
Не выкупишь намъ слава горькихъ дней!

Гусманъ.

Я видѣлъ лавръ пѣвца на недоспойномъ,
Вънецъ заслуженный я видѣлъ — обнаженъ
Когтями зависши, безъ лисшьева и во прахѣ
Какъ я ни молодъ, я не ослѣвленъ
Сянѣемъ почешпей и славою пусною —
Я къ высшему парю воспорженной душою.

Камоэнсъ.

Какъ: къ высшему, чѣмъ слава и богатштво?
Чего же жаждешъ ты? Къ чему спремисься ты?

Гусманъ.

Я съ давнихъ лѣтъ шаю въ груди желанье —
Тебѣ лишь, Камоэнсъ, осмѣлюсь я опкрышь —
Не жажду славы я, ни счасшья мирной жизни,
Я пѣнями хочу другихъ одушевляшь;
Въ сердца огонь поэзіи вливая,
Побѣды пѣнь опческаго края,
Словами укропашъ мяшежный пылъ спрашпей —
Хочу поэтомъ бышь, свѣшльникомъ людей!
Не сонъ объялъ меня, не гордое мечпанье —
Я чувшвую мое къ поэзіи призванье.

Камоэнсъ.

О, юноша, мечпами окрыленный,
Какъ чуждъ еще тебѣ коварный свѣтъ!
Ты хочешъ увлекашъ сердца своимъ воспоргомъ,

Воспламеняй божественнымъ огнемъ!
Кто можешь ледъ зажечь? Гармоніей небесной
Глухорожденныхъ кто распроегашь сердца!..

Гусманъ.

Ты могъ очаровать сердца высокою пѣней!
Твои слова, какъ манна среди снѣпей,
Питая насъ, вдохнули силу свыше
И къ родинѣ любовь неслѣдную зажгли.
Ты мыслью живъ, ты властвуешь сердцами,
И хошь земнос превратился въ прахъ —
Безмернее ты! Поэшь, любимый небесами,
Какъ мысль высокая, ты будешь живъ въ вѣкахъ!

Камоэнсъ.

Его глаза горятъ, ланины пламеняющъ.
Сей гласъ пророческій меня поколебалъ,
Живѣйшей сладостью мою исполнилъ душу —
Не Богъ ли юношу сего мнѣ низпрослалъ?

(*Помолавъ*).

Въ грядущее ты простираешь взоры....
Ихъ доду опусти — взгляни лишь на меня:
Я въ нищестѣ, преслѣдуемъ насмѣшкой,
Въ больницѣ, одинокъ, недугомъ урученъ —
Такъ награждаетъ свѣтъ за вдохновење.
Бѣги снѣзи моею, бѣги снѣзи пѣвца!

Гусманъ.

Мнѣ, мнѣ бѣжанъ? Пущь мой удѣлъ презрѣнье,
Пускай меня шерновый ждесть вѣнецъ —
Вѣнокъ шерновый въ лавръ преобратился,
Больница мрачная въ блистательный дворецъ,
Когда удастся мнѣ сравниться съ Камоэнсомъ,
Народъ мой просвѣтлится, мой возвеличится въкъ.
Не устращашь погда меня швоа судьбина,
Недугъ и горести, весь ужасъ нищеты,
Когда я буду живъ и дѣйствовашь какъ ты!

Камоэнсъ.

Дыханіемъ зяющей могилы,
Спраданьями постигшими меня,
Священной пѣнію парящей падо мной,

Воспоргами Пермесскаго огня,
Клянуся, ты рожденъ для высшей цѣли!
Не честолюбіемъ ты воспаленъ пуснымъ —
Въ тебя, на Божій гласъ, опъ самой колыбели
Вдохнулъ поэзію Господень Херувимъ!
Снѣза шернистая отккрыша предо мною —
Ее достигнешь ты, мой сынъ — ты чиспъ душою!

Гусманъ.

Досигну? Ты сказалъ.... Клянись, скажи:
Я буду ли поэмомъ?

Камоэнсъ.

Ты поэшь.

Довѣренность иппай къ себѣ, и помни,
Когда судьба тебя преслѣдовашь начнешь,
Что Камоэна ты послѣднія минушы
Веселіемъ на время прояснилъ;
Что онъ въ себѣ опять себя увидѣлъ,
Съ опвагою и жаромъ юныхъ дней;
Что онъ, хладѣющей рукой благословляя,
Въ поэмы посвящилъ тебя роднаго края.
Начи борьбу со свѣтомъ — Богъ съ побой!
Иди, блистающій, какъ яркое свѣтило....
Ахъ! Камоэна день исходишь въ мракъ ночной
И скоро хладною поглощенъа могилою!

Гусманъ.

Ты въ пѣсняхъ будешь живъ — безмернее швой удѣлъ!

Камоэнсъ.

Безмернее! Оно главу мою вѣчаешъ:
Я былъ поэшь воплиъ. Напрасно я ропшалъ
На бѣдствія мои. Ихъ небо посылаешъ —
Мукаешъ гений въ горестяхъ земныхъ.

Гусманъ.

Людовикъ! что съ побой? Какъ взоръ швой запыалъ!

Камоэнсъ.

Оснавъ меня, мой духъ крылъ расправилъ,
Съ земли парилъ, дышу свободно я....

(Поддерживаемый Гусманомъ, онъ приподнимается съ кресла. Въ продолженіе сльдующей рвти Камознса, потолокъ въ комнатѣ исзезаетъ; видно синее небо; при звукѣ тихой, отдаленной музыки, спускается въ облакахъ тнь Екатерины, держащая въ одной рукѣ лавровой вѣнокъ, а въ другой знамя Португаліи, которое она развѣиваетъ надъ головой Камознса, опуская вѣнокъ на его голову).

Я слышу звукъ гармоніи небесной....

Дыханье рая вѣетъ на меня....

День льется на меня таинственный, чудесный,

Донинѣ я не зрѣлъ еще шакого дня!

Мой взоръ пророческій грядущее чипаетъ,

Потомспиво позднее опскрылось передъ нимъ....

Разверзлись небеса, нисходятъ Серафимы —

Екатерины ликъ сіяетъ въ сонмѣ ихъ....

О, идеаль души богощворимый,

Свѣпило ясное печальныхъ дней моихъ!

Ты на главу мою кладешъ вѣнокъ лавровый

И вѣетъ знаменемъ опчижны надо мной!

О радость! близокъ день — съ себя надушъ оковы,

О Португалія, спасишель близокъ швой!

Съ себя ты сбросишь гнеть Испаніи надмѣнной

И возведешъ на пронь роднаго Короля....

(Тнь скрывается въ облакахъ.)

Куда паришь, другъ сердца незабвенный?

Распалась цѣль — просни, просни земля!

Я возношусь, какъ голубь легкокрылый —

Хоръ Ангеловъ меня вспрѣчаетъ въ небесахъ!....

(Блдный, безчувственный, но съ улыбающимся лицомъ, онъ опускается въ кресла, поддерживаемый Гусманомъ).

Гусманъ (склонясь надъ нимъ).

Опъ умеръ? Нѣтъ, лишь шѣдо снѣдь могилы....

Безмерпенъ духъ его — онъ царшвуешъ въ сердцахъ!

Съ Пльмисс. п.л. ОВОВОДСКІЙ.

ПРОЗА.

САМООТВЕРЖЕНІЕ.

(ПОВѢСТЬ.)

Немного найдется въ Германіи мѣсть прелестнѣе Баденъ-Бадена. Воды его, еще въ древности извѣстныя, какъ говорятъ, каждое лѣто привлекають множество иностранцевъ. Гостинницы наполнены; улицы кипятъ народомъ; каждый вечеръ веселое общество сходится на площадкѣ, передъ домомъ собранія, слушать музыку, ѣсть мороженое, между тѣмъ, какъ пестрыя толпы гуляющихъ смѣняють одна другую, легкія колясочки красавиць мелькають по прекрасной аллеѣ Лихтенталя, и веселія кавалькады встрѣчаются на каждомъ шагу. Но напрасно путешественникъ сталъ бы искать здѣсь сельской простоты и свободы. Больные и небольшие привозятъ съ собою столичные моды, столичные обычаи; балы отличаются роскошью, гулянья пышностью нарядовъ и экипажей; имена Принцевъ, Принцессъ, Князей, ливреи Королевъ и Герцоговъ, обманываютъ воображеніе: это шумъ Итальянскаго Бульвара, блескъ

Оперы Фаварь, *le comte il faut* аристократической гостиниой Петербурга. Но не то плѣнило меня въ Баденѣ: уединенныя прогулки въ долинахъ и по горамъ, его окружающимъ, очаровательная тѣнь лѣсовъ, покрывающихъ скаты Близнецовъ Штауфенбергговъ*, молчаливыя, живописныя развалины стараго замка, коззія воспоминаній, которыми испоянены окрестности — вотъ что составляло для меня главную прелесть Бадена. Вездѣ, на каждомъ шагу, память народа сохранила преданія давнихъ событий. Нѣмой камень передаетъ повѣсть времени протекшихъ, или басню, освященную вѣками. Тамъ, между утесами, кажется, набросанными рукою исполина, показываютъ вамъ *каведру дьявола*, съ которой онъ проповѣдывалъ народу, готовому оставить своихъ боговъ для новаго, неведомаго Свѣта, пришедшаго съ Востока; въ другомъ мѣстѣ скалу, гдѣ свѣтлый ангель, являсь колеблющемуся народу, уничтожилъ все дѣйствіе демонскаго краснорѣчія. И тогда-то, говоритъ преданіе, раздраженный побѣдою свѣтлаго духа, царь ада обрушилъ въ долину гору, дикіе обломки которой видите вы передъ собою. Тамъ, прекрасная дочь владыки Германіи, въ шумъ праздника, во время веселаго танца, спасала милаго рыцаря..... Но для чего я припоминаю все такія басни минувшаго, вѣроятно, вамъ неизвѣстныя? Онѣ имѣютъ цѣну только для тѣхъ, кто, какъ я, бродилъ по очаровательнымъ окрестностямъ Бадена, любилъ его уединенныя долины и рощи, а не шумъ и блескъ его городской жизни. Для меня пріятны эти воспоминанія: въ моихъ глазахъ придавали они необыкновенную пріятность каждой тропинкѣ, каждому мѣсту, и чѣмъ уединеннѣе было оно, тѣмъ болѣе мнѣ нравилось. А для другихъ?...

* Такъ называются двѣ горы близъ Бадена.

Но воспоминанія о Баденѣ имѣютъ для меня еще особенную прелесть. Тамъ встрѣтила я дѣвушку, видъ которой произвелъ уже на меня глубокое впечатлѣніе, прежде чѣмъ узнала я, что занимательнаго было для меня въ ея участи. Любимою прогулкою моею были развалины стараго замка. Однимъ вечеромъ, по обыкновенію моему, долго блуждая по перепутаннымъ тропинкамъ прекраснаго лѣса, которымъ отъ подошвы до вершины покрыты горы, я стѣснила къ развалинамъ полюбоваться игрою лучей заходящаго солнца, на полуобрушенныхъ, заросшихъ плющемъ стѣнахъ жилища древнихъ рыцарей. Извилистая дорожка, круто поднимаясь между двумя рядами прекрасныхъ кленовъ, проходитъ подъ первыми воротами, обвѣшанными гирляндой боярышника и плюща. Взоръ съ удовольствіемъ слѣдуетъ за нею, когда выходя изъ-подъ полуразвалившагося свода, она исчезаетъ у подошвы каменнаго утеса, служащаго основаніемъ наружной стѣны замка. Не знаю, рукамя ли времени, или порывомъ бури, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда склонился вершиною къ землѣ старый клень, который зеленѣетъ, образуя другой сводъ, обновляющійся съ каждою весною, между тѣмъ, какъ все вокругъ тяготеетъ подъ рукою вѣковъ, вездѣ являя страшный символъ разрушенія.

Время срыло до основанія часть наружной стѣны замка, и остатокъ ея образуетъ уголъ, неравная площадка котораго поросла дикими вишнями и столѣтними слями. Не могу описать прелести этого мѣста, тихаго и уединеннаго, ни красоты неба, котораго синева мелькаетъ сквозь темную сѣтку древесныхъ вершинъ и разбланны стѣны, чудно расписанныхъ временемъ. Всякій разъ и долго останавливалась я здѣсь; нерѣдко толпы путешественни-

ковъ проходили мимо меня; я видѣла, какъ взбирались по лѣстницамъ, онѣ мелькали по толщамъ стѣнъ и верхнимъ галлереймъ, слышала голоса ихъ, вторглемые эхомъ: минутные гости въчной гробницы, они оживляли ее заимствованной жизнью, какъ перелетныя стада воздушныхъ обитателей, на минуту опускающіяся надъ бесплодною пустыней!

Иногда находила я здѣсь художника, на походномъ стулѣ у корня въковой ели, и засматривалась на лицо его, оживленное такимъ тихимъ, такимъ совершеннымъ наслажденіемъ, что казалось, какъ будто ни что земное не существовало для него, кромѣ дикаго камня, у котораго взоръ его спрашивалъ тайну гармоніи природы; иногда взбѣгала я на верхнія галлерей, и поцѣлымъ часамъ смотрѣла въ даль, безотчетно наслаждаясь чудною картиною окрестностей.

На тотъ разъ я также очутилась на верхней галлереѣ, обращенной къ западу, и какъ обыкновенно, прислонилась къ стѣнѣ, въ отверстіи, нѣкогда служившемъ окномъ. Здѣсь, господствуя надъ вершинами горъ и зелеными долинами, окружающими Баденъ, взоръ мой терялся въ глубокой дали, гдѣ въ золотомъ туманѣ заходящаго солнца блистали волны Рейна, а далѣе за нимъ синѣлись горы Франціи, влѣво на веселомъ холмѣ красовался уютный Баденъ.... Вечеръ незабвенный, когда душа мол переживала каждою минутою годы наслажденій!

— И это назначено мнѣ? — сказалъ кто-то неподалеку отъ меня, и по Руски.

Я вскочила съ мѣста: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, также въ отверстіи окна, сидѣла молодая дѣвушка; сперва я не обратила на нея вниманія, ни на мужчину, который стоялъ возлѣ нея. Она рисовала; бѣлое кисейное платье обхватывало легкій

станъ ея, и темнорусыя кудри вились по бѣлой шейкѣ. Соломенная шляпка, зонтикъ и котомка артиста лежала возлѣ нея на полу. Мужчина, стоявшій подлѣ, былъ высокаго росту, строень, съ большими голубыми глазами, въ которыхъ отсвѣчивалась нѣжная, любящая, какъ говоримъ мы, женщины, душа: судите же былъ ли онъ интересенъ для меня? Къ тому въ пріемахъ его, въ осанкѣ было столько благородства, столько притягательности, физиогномія его выражала такое глубокое чувство, что я забыла и Рейнъ, и синеву Вогезскихъ горъ, и отошла немного далѣе, чтобы лучше видѣть молодую чету.

— Съ чего вы это взяли? — спросила молодая дѣвушка, поднявъ прекрасную головку, и бросивъ довольно насмѣшливый взоръ на своего собесѣдника. Глаза ея, влажные, огненные, черные, горѣли такъ чудно и плѣнительно, что я поняла одушевленный взоръ молодаго челоуѣка.

«Какъ! Неужели я и этого не заслуживаю?»

— Да, чѣмъ же, смѣю спросить?

«О, вы сегодня неблагодарны!»

Будто не слыхавъ вопроса, онъ отошелъ къ другому окну и, казалось, совершенно предался очарованію вечера.

— Не кокетничайте же. Вѣдь я не пойду за вами.

Онъ продолжалъ смотрѣть; она рисовала и будто оба не думали о томъ что дѣлали. Меня забавляла ихъ нѣмая игра; мнѣ казалось, что вижу въ ней будничность молодой дѣвушки. Кто уступитъ первый? Какъ часто подобныя сцены, въ первые дни любви, рѣцаютъ участь цѣлой жизни! А тутъ была любовь: я узнавала ее по блестящимъ взорамъ, по нѣжному румянцу, по дѣтской ссорѣ, по... какъ знать, почему? Любовь есть, и — что ни дѣ-

лай, какъ ни хитри, ее узнають. Почему? Кто объяснить! Наконецъ, молодая дѣвушка, не оставяла карандаша, сказала съ насмѣшливою улыбкою: «Еще не налюбовались пурпуромъ облаковъ?» — Ахъ! Лица, ты убійственна твоею холодностью! — Молодая дѣвушка взглянула на него, но на тотъ разъ онъ, казалось, не могъ пожаловаться на холодность ея взора. Къ несчастію, глаза ея встрѣтились съ моими; она покраснѣла какъ заря, и освѣщенная яркимъ лучемъ заходящаго солнца, блестящая молодостью и красотою, посреди мрачныхъ развалинъ, она показала мнѣ столь прелестною, что я думала видѣть въ ней существо неземное. — Тутъ послышались голоса и смѣхъ; молодая дѣвушка схватила свой альбомъ, котомку, начала укладывать, но то кисти, то карандаши летѣли на землю; надобно было прибѣгнуть къ посторонней помощи, и я имѣла жестокость оставаться до тѣхъ поръ, пока общество соединилось съ нами. И теперь еще совѣстно!

На другой вечеръ, я увидѣла ее на балѣ, въ залѣ собранія; едва касаясь пола, она летала по паркету небрежно, какъ будто единственно по приличію раздѣлая забаву, которою пренебрегала. Глаза ея оживлялись только встрѣчая взоры своего вчерашняго товарища, и не разъ замѣчала я живую краску на лицѣ ея, и какую то неловкость въ движеніяхъ, когда она случайно проходила мимо меня. Да, кто же она? спросила я. — Мнѣ назвали графиню В.

Векоръ оставила я Бадень, и потеряла изъ виду мою прекрасную незнакомку. Судьба забросила меня далеко и отъ Бадена и отъ столицы, куда навѣрное возвратилась она. Я почти забыла объ ней. Жизнь измѣняетъ намъ не въ одномъ настоящемъ: время уноситъ самыя воспоминанія; часто хотимъ припомнить милое, пріятное — невозможно! Память

отказывается оживить прошедшее. Вотъ отъ чего любимъ мы звукъ знакомой пѣсни, мѣсто, живо напоминающее бывшее: они возвращаютъ намъ улетающую жизнь.

Года два тому, мнѣ случилось быть у тетюшки моей въ П.....ой губерніи. Я собиралась домой; на проводы съѣхалось множество сосѣдей. Я сердилась на дурную погоду, на долгіе сборы, на докучливыя сожалѣнія, ходила отъ окна къ окну, какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ пожилая дама, съ жеманнымъ видомъ, въ преузорочномъ чепцѣ, и тоненькимъ голоскомъ пицить:

— Нельзя ли осмѣлиться побезпокоить васъ просьбою?

«Сдѣлайте одолженіе!

— Вы изволите проѣхать К.....мъ; тамъ у меня учится дочка, не то что въ пансіонѣ, а такъ, у одной благородной — живетъ у родныхъ, у невѣстки моей, то есть, брата моего жены — онъ тамъ исправникомъ. Нельзя ли, сдѣлать милость, доставить ей письмецо и посылочку?

«Съ большимъ удовольствіемъ» — хоть это словѣмъ не дѣлало мнѣ удовольствія. Но мы въ свѣтъ такъ же лжемъ, какъ дышимъ воздухомъ.

Я пріѣхала въ К.....къ; спрашиваю лошадей, и, по обыкновенію маленькихъ городовъ, мнѣ отвѣчаютъ: «Нѣтъ!» Что дѣлать въ уѣздномъ городѣ, безъ знакомыхъ и осенью? Каково бы ни было мѣстоположеніе, но Ноябрь тоже, что пятьдесятъ лѣтъ для красавицы. Къ счастью, я вспомнила о посылкѣ моей деревенской пріятельницы, и отъ нечего дѣлать, пошла сама въ пансіонъ. Отыскать было не трудно; я скоро очутилась передъ небольшимъ домикомъ, въ пять оконъ, съ чистыми кисейными занавѣсками и множествомъ цвѣтовъ. Вхожу въ отворенную ка-

литку; дѣвочка, опрятно одѣтая, выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу и ввела меня въ довольно большую, свѣтлую комнату, чрезвычайно чистую. Въ сторонѣ стояло небольшое фортепiano; окна заставлены были цвѣточными горшками; посрединѣ, за длиннымъ столомъ, забросаннымъ книгами и тетрадами, сидѣло нѣсколько дѣтей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Въ концѣ стола, румяная, полная дѣвочка, съ прелестными косами вокругъ головы, читала протяжно, вода по книгѣ пальчикомъ, и по временамъ бросая вопрошающій взоръ на высокую, стройную даму, которая, не сводя глазъ съ работы, слушала и поправляла, когда дѣвочка ошибалась. Видѣ дамы поразилъ меня; я остановилась въ дверяхъ неподвижно; появленіе мое произвело такое же впечатлѣніе на все общество, какъ будто бы магическій пруттикъ волшебника привелъ всѣхъ насъ въ оцѣпенѣніе. Всѣ глаза остановились на мнѣ; начатыя слова замерли въ отворенныхъ устахъ, и протянутая подъ столомъ ручка маленькой шалуньи упала на коленни сосѣдки, съ запрещенною булкою, которая покатила по полу. Учительница пансіона, одна избѣжавшая силы очарованія, подошла ко мнѣ съ милою непринужденностью свѣтской дамы. Видно въ ту минуту на лицѣ моемъ было что-то чрезвычайно странное, потому, что изумленіе изобразилось въ чертахъ незнакомки, и она два раза спросила меня: что вамъ угодно? Голосъ ея довершилъ мое смущеніе: я стояла передъ нею, какъ Артуръ въ оперѣ *Dame Blanche*, когда онъ слышитъ напѣвъ пѣсни, подъ которую засыпалъ въ дѣтствѣ. Было что-то знакомое, милое, но не ясно; мнѣ хотѣлось что-то припомнить и я не могла. Я знала, что когда-то видала эти прелестныя, тонкія черты, и черные глаза съ выраженіемъ тихой грусти, слышала этотъ го-

лось, пріятный, гибкій, доходящій до сердца, но то было гдѣ-то, какъ будто въ другомъ мірѣ. Я начинала думать, что душа моя нашла старинное знакомство изъ лучшаго міра, гдѣ жила она, прежде нежели удостоила оживить мое грѣшное существо.

— Вы какъ будто стараетесь узнать меня? — сказала учительница. — Мнѣ было бы пріятно помочь вашей памяти...

«О, ради Бога! Я знаю, помню, что гдѣ-то видѣла васъ, но какъ и когда....»

Она взяла меня за руку, пристально посмотрѣла на меня, и вдругъ, какъ озаренная внезапною мыслью, крѣпко сжала мою руку, и тихо, съ неизъяснимымъ выраженіемъ сказала: «Въ Баденѣ!»

Это слово оживило въ памяти моей цѣлый міръ прошедшаго; модал артистка съ темнорусыми локонами, насмѣшливая, веселая, развалины стараго замка — но что же это? Балъ на водахъ, Русская Графиня и учительница пансіона въ уѣздномъ городѣ! Я протираала себѣ глаза. Боже мой! Да, вѣдь мы не во Франціи 1789 года?

Я прожила въ К.....кѣ цѣлую недѣлю; каждый день видѣлась съ моею новою знакомкою. Вотъ повѣсть жизни ея, или, лучше сказать, ея сердца. Жалѣю, что не могу вамъ передать ея словами самой героини; удовольствуйтесь моимъ рассказомъ.

Если вы хотите видѣть Баденское общество, идите вечеромъ въ прелестную аллею, ведущую къ Лихтенгалю. Прекрасное шоссе идетъ между двухъ рядовъ столѣтнихъ платановъ, орѣховыхъ деревьевъ и кудрявыхъ каштановъ, по очаровательной долинѣ, усыпанной группами деревьевъ, красивыми домиками поселянъ, и орошаемой свѣтлою, какъ кристаллъ, рѣчкою; по обѣимъ сторонамъ возвышаются льсистые скаты горъ; по мѣстамъ гранитные утесы вы-

ставляютъ голыя, неровныя стѣны свои, обвѣшанныя плющемъ, а тамъ, на сѣверо-востокъ, высоко надъ веселымъ Баденомъ рисуются въ синевѣ небесной темные зубцы утесовъ, служащихъ основаніемъ старому замку. Монастырь Лихтенальскій былъ издавна мѣстомъ погребенія Баденскихъ Герцоговъ, гробницы которыхъ находятся въ небольшой капеллѣ, возобновленной въ готическомъ вкусѣ и примыкающей къ главной церкви монастыря. Внутреннія украшенія, мрачность, даже образа, писанные въ наше время, но во вкусѣ Голбейновъ и Балтонъ Гриновъ — подражаніе жалкое, показывающее недостатокъ самобытности—все поддѣлано подъ вкусъ среднихъ вѣковъ, и точно такъ же напоминаетъ ихъ, какъ бульварный фасшонабль, одѣтый для маскарада въ рыцарскіе доспѣхи. Сюда набожные собираются поклониться двумъ изображеніямъ, св. Пія и Венедикта, великолѣпно украшеннымъ бархатомъ, алмазами и жемчугами, и насладиться бесѣдою игуменни. Здѣсь всегда встрѣтите любопытнаго путешественника. Отсюда, однажды вечеромъ, вышло небольшое общество чужестранцевъ; мрачность и тишина мѣста, алтари святыхъ и видъ гробницъ нанечатали важную задумчивость на лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и потому, когда черезъ нѣсколько минутъ они явились въ аллею, многіе замѣтили небольшую кавалькаду, которой фізіогномія такъ мало соответствовала веселости гуляющихъ.

Вдоль аллеи неслись щегольскія коляски, кабриолеты; развѣвались вуали дамъ; мужчины и дамы верхами скакали взадъ и впередъ; пѣшеходы, какъ цвѣточная кайма богатаго ковра, по обвѣмъ сторонамъ дороги, то медленно двигались впередъ, то останавливались; дамы, прекрасно одѣтыя, отдыхали на лавочкахъ, въ боковыхъ аллеяхъ; старыя Нѣм-

ки, въ бѣлыхъ чепцахъ и съ чулками въ рукахъ, сидѣли окруженные семьями; дѣти рѣзвились на лугу; молодые франты, съ дымящимися сигарками, мелькали между рядами важныхъ Нѣмцовъ. Все живо, все пестро: это Пратеръ, это гулянье на Елагиномъ, съ тою только разностью, что здѣсь какойнибудь мечтатель забудетъ и шумъ, и блескъ экипажей и общество, засмотрѣвшись на чудныя картины горъ, дивясь природѣ роскошной и величественной.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ гулянье кипѣло наиболѣе жизнью, подъ навѣсомъ вѣковаго дуба, въ боковой аллеѣ, на деревянной скамьѣ, сидѣли три дамы и пожилой мужчина, одинъ изъ тѣхъ необходимыхъ принадлежностей гостиныхъ, для которыхъ напрасно течетъ время, которые, перемѣняя платье съ каждымъ капризомъ моды, думаютъ, что съ нимъ вмѣстѣ возобновляются и жизнью, которые вездѣ извѣстны своей любезностью, вездѣ слывуть злыми языками, всюду разносятъ вѣсти, всюду приняты какъ друзья, влюблены во всѣхъ женщинъ и неопасны ни для одной. Подлѣ него сидѣла дама среднихъ лѣтъ, одѣтая по послѣдней модѣ, и небрежно играла вѣеромъ. Двѣ другія дамы, гораздо моложе ея, провожали лорнетами каждый экипажъ. Наша задумчивая кавалькада приблизилась.

— Не знаете ли вы, Графъ, кто эта дама въ розовой шляпкѣ съ цвѣтами, съ длиннымъ лицомъ, завѣшаннымъ множествомъ локоновъ, вотъ въ этомъ кабриолетѣ, которымъ править мужчина въ сѣромъ сюртукѣ?—спросила одна изъ молодыхъ дамъ пожилаго мужчину.

«Я почелъ бы себя совершенно несчастливымъ, еслибы не могъ удовлетворить вашего любопыт-

ства. Это miss D. .; она богата, независима и путешествует — съ дядюшкою — говорить.

— Прошу не злословить, Графъ! — сказала дама съ вѣромъ.

«А это кто, двѣ дамы въ коляскѣ, съ блондовыми вуалями? Посмотрите скорѣе!» спросила другая, едва успѣвая договаривать слова.

— О, это Рускія! Ихъ всегда узнаешь. Дорогой плащъ, блонды, богатая ливрея, и будто ни на кого не смотритъ — какъ картина на выставкѣ. Вѣрно, Рускал. Онѣ живутъ въ гостинницѣ Золотога Оленя и никогда не обѣдаютъ за общимъ столомъ.

«Да, вѣдь всѣ Рускіе миллионеры.

— Правда ли — спросила разсѣянно дама съ вѣромъ — что они зимою носятъ маски?

«О нѣтъ! Зачѣмъ же?» отвѣчала другая. «У нихъ вѣчно дюжина лакеевъ; ихъ просто завернуть въ мѣха, вынесутъ и посадятъ въ карету. Ахъ! посмотрите! Это что за важная чета со множествомъ дѣтей?

— Англичане. Вотъ уже мѣсяць, какъ я обѣдаю съ ними каждый день въ гостинницѣ Россія, и еще не слыжалъ: говорятъ ли они что нибудь, кромѣ rommes de terre, garçon, и то Богъ знаетъ какъ!

«Кто этотъ молодой человекъ, верхомъ, блѣдный, съ черными глазами и прелестными черными волосами? Ахъ! какіе волосы!

— Да гдѣ же?

«Видите, рядомъ съ этимъ блондиномъ съ маленькими усиками и задумчивымъ видомъ.

— А, послѣдній-то артистъ изъ Мюнхена, очень хорошій музыкантъ. А счастливецъ, обратившій вниманіе ваше — ужели вы не знаете его? Это де-Нолле.

«Такъ это онъ? Вѣдь я еще только вчера пріѣхала изъ Вѣны.

— Что такое этотъ де-Нолле? Я безпрестанно слышу о немъ. Одни хвалятъ его; другіе говорятъ, что онъ просто фанфаронъ, пустой человекъ.

«Приятно слышать, что де-Нолле не имѣлъ счастья быть вамъ извѣстенъ», сказала Графъ, бросая страстный взоръ на свою сосѣдку.

— Не потому ли, что соперничество его опасно, хотите вы сказать? — Не вздыхайте, ради Бога, Графъ, а скажите, кто онъ.

«Вы ко мнѣ чрезвычайно жестоки, но я повинуюсь. Де-Нолле очень хорошей фамиліи, но отъ всего достоянія предковъ сохранилъ одну частицу де, въ началѣ своего имени. Онъ недавно получилъ званіе адвоката, извѣстенъ уже своимъ краснорѣчіемъ и въ Палатѣ обѣ стороны за нимъ ухаживаютъ.

— Онъ роляистъ?

«О, нѣтъ, и даже, кажется, пристанетъ къ лѣвой; впрочемъ онъ, какъ прекрасная женщина, кокетничаетъ со всѣми.

— Какъ жаль, что онъ Французъ! — сказала молодая Австріянка, со вздохомъ и поднятыми къ небу глазами — ужъ вѣрно либераль и безъ религіи!

«Посмотрите, сдѣлайте одолженіе — это будетъ очень занимательно: вотъ онъ встрѣчается съ тою кавалькадой; они Рускіе, Графиня С. съ семействомъ. Прелестная женщина! Вы ее знаете?

— Видала — отвѣчала дама съ вѣромъ — миленькая, но ничего не значитъ. Племянница лучше ся.

«Не смѣю спорить съ вами, но знаете ли, что де-Нолле страстно влюбленъ въ Графиню? Мужъ ревнивъ, какъ Турокъ, и въ его присутствіи онъ уживается за племянницей. Посмотрите: вотъ онъ ѣдетъ рядомъ съ нею, но вотъ Графъ остановился съ Лордомъ Г. — Прекрасно! Теперь онъ подѣдетъ къ Графинѣ.

— Ахъ! это клевета, Графъ! — сказала съ живостью молодая дама, которую называли Баронессою. — Я коротко знаю Графиню. Де-Нолле точно влюбленъ въ племянницу.

« Не смотря на уваженіе мое къ прекрасному по-лу, я долженъ сказать, что вы ошибаетесь. Де-Нолле влюбленъ въ Графиню, и его слушаютъ благо-склонно.

— Увѣряю васъ, что это несправедливо. М. St. Clair, подите сюда! — сказала она подходящему молодому че-ловѣку. — Вы коротко знаете де-Нолле; скажите: онъ влюбленъ въ племянницу Графини С..., или въ Графиню?

« Я думаю ни въ ту, ни въ другую, » отвѣчалъ молодой человѣкъ. « Де-Нолле слишкомъ уменъ, и вѣрно не влюбится.

— Ахъ! что вы говорите! — вскричали дамы.

« Конечно: знаете ли, что такое де-Нолле? Че-столюбецъ, котораго всѣ мысли заняты политикой. Онъ смотритъ на связи, какъ на средства; дружба для него опора, а любовь, какъ каватина Беллини, какъ пейзажъ Вателе, или сцена Біара, какъ балъ въ оперѣ — приправа жизни, больше ничего! Впро-чемъ, въ немъ много благороднаго, и, кажется, нико-гда ни подлость, ни предательство не будутъ его средствами. Онъ понравился Графинѣ...

« Ахъ! нѣтъ! Я вамъ ручаюсь, что Графиня жен-щина съ правилами.

— Съ правилами? Какъ вамъ кажется, Графъ?

« Я готовъ вѣрить всему, что угодно утверждать прекрасной женщицѣ.

— Очень хорошо, Графъ, но мы пережили вре-мя мадригаловъ, и я позволю себѣ спросить: много ли есть женщинъ съ правилами?

« Ахъ! что вы говорите, Mr. St. Clair!

— Ни мало, это не мѣшаетъ вамъ быть истинно достойными уваженія, только вмѣсто правилъ, вы руководствуетесь чувствами, и они приводятъ васъ иногда къ той же самой цѣли.

« Вотъ забавно — прошу объяснить.

— Ничего нѣтъ легче. Развѣ съ самаго дѣтства не развиваютъ въ васъ болѣе чувства? Вы изъ любви къ маменькѣ не шалите въ гостиной, изъ любви къ папенькѣ учитесь, изъ тщеславія дѣ-лаете успѣхи. Тутъ и помина нѣтъ о правилахъ. Въ васъ съ самаго дѣтства глубоко вкореняютъ отвращеніе къ пороку, уваженіе къ мнѣнію свѣ-та и страхъ будущаго наказанія. Признайтесь, что всѣ вы — вѣдь мы хорошіе Католики — иногда по-думаете о чистилищѣ и его принадлежностяхъ, и не одна изъ васъ струситъ, вспомни чернаго демона?..

« Прощу не касаться религіи, Mr. de St. Clair — все что вамъ угодно, кромѣ этого.

— Вотъ изволите видѣть! Чувства въ васъ такъ сильно запечатлѣны, что вы слѣдуете имъ, какъ инстинкту. Но противопоставьте имъ другое, и вы увидите, что сильнѣйшее возьметъ верхъ.

« Нѣтъ! невозможно! Вы уничтожаете женщи-ну, вы не вѣрите добродѣтели...

— Да кто же вамъ сказалъ, что я почитаю силь-нѣйшимъ порочное? Вотъ видите, какъ я хорошо думаю объ васъ: пускай увѣрятъ каждую изъ васъ, только чтобы умѣли увѣрить, на примѣръ, красно-рѣчиємъ Графа, противъ котораго ни что не усто-итъ (Графъ дулся еще за мадригалы и сидѣлъ весь пурпуровый), пускай увѣрятъ, говорю я, каждую изъ васъ, что она стремится къ пороку: она ужаснется, и не остановится, но пойдетъ въ самую бездну, ступенька за ступенькой, все говоря: «Да, это ничего!»

до тѣхъ поръ, пока ясно не увидить гибели, и тогда-то начнутся слезы, борьба чувствъ... Въдь я употреблялъ вашъ языкъ, говоря: бездна, гибель; что касается до меня... Кто это прелестная блондинка въ амазонскомъ платьѣ, Графъ?

«Вы ужасны, ужасны, Mr. de St. Clair! Васъ слушать—погибель!» вскричали всѣ три дамы.

Можно было въ самомъ дѣлѣ подумать, что St. Clair погибъ въ ихъ мнѣніи. Ничего не бывало: онъ сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ дамъ. Говорять, женщины всегда таковы: ни что столько не наскучить имъ, какъ безмолвное обожаніе и совершенная увѣренность въ ихъ непогрѣшаемости. Онѣ поступаютъ совершенно противоположно Римскому владыкѣ: не согрѣшать, но хотять, чтобы думали, что онѣ могутъ грѣшить. Весь разговоръ былъ пересказанъ Графинѣ отъ слова до слова. Гдѣ нѣтъ услужливыхъ друзей, которые, подъ видомъ искренней пріязни, не растерзали бы сердца нашего, которое безъ нихъ, можетъ быть, вѣчно дремало бы въ безпечномъ снѣ! Другъ очень часто ни иное что, какъ услужливое эхо нашихъ враговъ, стрѣлы которыхъ безъ его посредства никогда не достигли бы до своей цѣли.

Кавалькада, подавшая поводъ къ небольшому спору, состояла изъ двухъ дамъ и столькихъ же мужчинъ; одинъ изъ нихъ, бѣлокурый, пріятной наружности, ѣхалъ между дамами и преимущественно говорилъ съ тою, которую Графъ называлъ Графиней С..., до тѣхъ поръ, пока общество повстрѣчалось съ Лордомъ Г., и де-Нолле, какъ заметили дамы, завладѣвъ вниманіемъ Графини. Молодой чело-вѣкъ осадилъ лошадь; примѣру его послѣдовала другая дама. Между ними завязался тихій, безконечный разговоръ, который не любитъ третьяго,

сегодня, завтра тотъ же и одинъ, и всегда занимателенъ, всегда равно пріятенъ. Молодыя дамы казались обѣ однихъ лѣтъ, хотя одной изъ нихъ, конечно, было за двадцать пять, другой едва ли девятнадцать. Но первая была небольшого роста, съ легкою воздушной талією, съ тонкимъ, нѣжнымъ румянцемъ и тѣми плѣнительно неопредѣленными чертами, которыя такъ очаровательно раждались подъ кистью Грѣза.

Физиогномія ея была смѣсь нѣги и живости, мечтательности и дѣтской веселости; посмотря на нее, можно было сказать, что она будетъ любить нѣжно, безпредѣльно, но съ самоотверженіемъ ли? Нѣтъ! во всемъ, въ движеніяхъ, въ голосѣ, въ самомъ нарядѣ, въ ней видно было отсутствіе воли и рѣшимости. Она была избалованное дитя гостиныхъ, бережено, лелѣянное, до котораго не касались ни непогоды, ни сѣверный вѣтеръ, для котораго и солнце умѣряло силу палящихъ лучей своихъ. Она сидѣла въ сѣдлѣ не смѣло, но съ прелестною небрежностью, и отдавалась совершенно на волю своего гнѣдаго Англичанина, который, казалось, гордился своею прекрасною ношею. Другая, высокая, стройная какъ пальма, казалось, выросла подъ бурями и непогодой; полныя, прекрасно округленные плечи, яркій румянецъ и гордый взглядъ показывали женщину, которая не закутается въ шаль отъ сѣвернаго вѣтра, не затрепещетъ при раскатѣ грома, и можетъ быть, уснетъ подъ воемъ бури. Черные глаза ея метали искры, и, казалось, одна могущественная воля ея умѣряла ихъ пылкость. Прекрасныя черты ея Греческаго лица могли бы, можетъ быть, показаться суровыми, еслибы кроткая, меланхолическая улыбка не смягчала ихъ выраженія. Она не привлекала тою дѣтскою прелестью, тою слабостью, кото-

рыя такъ нравятся въ женщинѣ, но художникъ изобразилъ бы ее жрицею Друидовъ, на вершинѣ скалы, со взоромъ устремленнымъ въ безпредѣльную даль, внимающею шопоту листьевъ священнаго дуба, или гордою Амазонкою, какою казалась она теперь, на прекрасномъ ворономъ конѣ, который горячился, сгибая крутую шею, и какъ будто противъ воли повиновался сильной рукѣ, имъ правившей.

Если вы хотите знать, кто онѣ, какія отношенія существовали между ними, то не полѣнитесь послѣдовать за мною, и простите, если безъ церемоній поведу васъ подъ соломенную крышку сельскаго господскаго домика.

Тому прошло уже много лѣтъ; былъ холодный апрѣльскій вечеръ, какихъ не мало еще имѣемъ мы весною; густыя облака закрывали небо и быстро неслись одно за другимъ съ запада; по временамъ накрапывалъ дождь; въ полѣ гудѣлъ вѣтеръ. — Въ небольшой чистенькой комнаткѣ, съ закрытыми ставнями, сидѣла, прижавшись къ теплой печкѣ, пожилая женщина, въ каленкоровомъ чепцѣ, и потихоньку отирала слезы, катившіяся крупными каплями по блѣднымъ щекамъ ея. Высокій, худощавый мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ рѣдкими въ просѣдъ волосами, сложа руки накрестъ, ходилъ по комнатѣ, то снималъ со свѣчи, то смотрѣлъ въ потолокъ, чтобы не видать слезъ своей печальной подруги, то бросалъ робкій взоръ въ полуотворенную дверь сосѣдней горницы, освѣщенной блѣднымъ сіяніемъ лампы. Ничто не прерывало всеобщаго молчанія, ни лай собакъ, ни шаги запоздалаго прохожаго; одинъ часовой маятникъ однообразно измѣрялъ ходъ печальнаго вечера, да слышались капли дождя, падающаго съ крыши.

Старикъ остановился противъ плачущей подруги своей и ласково сказалъ, взявъ ее за руку: «Полно, Агаша! Богъ не безъ милости!

— Ахъ! Павелъ Васильевичъ, да какая же надежда теперь! — сказала, заливаясь слезами, Агаша Ивановна (такъ звали пожилую женщину).

«Да, помнишь ли какъ восемь лѣтъ тому, у насъ хотѣли взять имѣніе? Ты также плакала, но вѣдь Богъ помогъ — изворотились.

— Да, изворотились: заплатили долгъ, да нажили другой! Хорошо такъ жить богатымъ людямъ: имъ все съ рукъ сходить, а намъ-то какъ? Свели тебя съ ума недобрые люди, Павелъ Васильевичъ! — Заложилъ, да заложилъ имѣніе въ Приказъ — уплатишь понемногу! Анъ-вогъ и заложилъ, да и смотри, какъ погонять изъ дому; вѣдь сегодня срокъ продажи. Матерь Божія! что станешь дѣлать? Иди съ ребенкомъ по міру — прибавила она, заплакавъ еще больше.

Такой упрекъ сразилъ Павла Васильевича. Надобно вамъ сказать, что онъ былъ небогатый помещикъ села У..., въ Т...ской губерніи. Можетъ быть, вы не знаете, что едва ли найдется въ которой нибудь изъ Великороссійскихъ губерній столько мѣлкопомѣстныхъ дворянъ, сколько въ Т...ской. Мѣлкопомѣстные дворяне... Это вамъ не нравится? Но посудите: чѣмъ они теперь, тѣмъ легко могутъ быть, въ теченіе вѣковъ, если угодно, ваши потомки, блестящій хвостъ ракеты, съ шумомъ и трескомъ прокатившейся по небу. Она исчезла, но слѣдъ ея еще видѣнъ, и чѣмъ болѣе она дробится, тѣмъ болѣе слабѣетъ. Быть можетъ, предки нѣкихъ мѣлкихъ дворянъ были нѣкогда сильны, считали за собою тысячи, но въ послѣдствіи времени, съ Божиимъ благословеніемъ, въ каждомъ домѣ столько развелось

наследниковъ, что потомки богачей едва едва имѣютъ чѣмъ поддержать званіе дворянина, что значить, по ихъ мнѣнію, не носить бороды и не работать въ полѣ. Цѣлыя деревни наполнены такими дворянами; цѣлыя села раздѣлены между несчетнымъ множествомъ У...., О....., и проч. и проч. Иногда между двадцати такихъ помѣщиковъ находитъ одинъ зажиточный и играетъ роль вельможи. Вкругъ него тѣснится вся мѣлочь, хвастаетъ со ласкою, ревнуетъ каждому взору, и въ грубой народіи разыгрываетъ сцены большаго размѣра. Гдѣ люди не таковы? Въ селеніи У...., какъ и въ вольномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, мы вѣчные поклонники золотыхъ погремушекъ!

Между такими-то гомеопатическими помѣщиками жила мой Павелъ Васильевичъ и Агаѣя Ивановна, смиренхонько, не добиваясь тѣснаго знакомства съ Князьями У...., которыми было наполнено селеніе, но и не чуждаясь ихъ. Князья любили ихъ, не смотря на неравенство рода, звали ихъ на праздники, но старики не охотно пользовались такою честью. Состояніе ихъ было очень не велико: пять крестьянскихъ дворовъ, съ принадлежащимъ къ нимъ трехъ-польнымъ хозяйствомъ, да хорошо обработанный конопляникъ — вотъ и все, но впрочемъ, барщина, староста, дворян, словомъ — все принадлежностей. Уютный домикъ, въ половину покрытый соломкою, съ полисадничкомъ и большимъ огородомъ, примыкалъ съ одной стороны къ переулку, съ другой къ чистому зеленому лугу, за которымъ развѣшивала густыя тѣни липовая, темная роща. Передъ домомъ большая площадь, посреди которой возвышалась церковь, за нею порядкомъ крестьянскихъ избъ и большая дорога. Взоръ напрасно искалъ чего нибудь далье: ровное, гладкое поле во все стороны

сливается съ небосклономъ, и вѣтеръ безпрепятственно разгуливаетъ по нивамъ, волнуя ихъ, какъ скатереть моря; все однообразно, нигдѣ не синѣется даль, ничто не разрываетъ свѣтлой черты, отдѣляющей небо: вѣрное подобіе жизни У....скаго обитателя, для котораго цѣлые годы, какъ одна безконечно повторяемая нота.

Павель Васильевичъ былъ добръ, песя о благосостояніи крестьянъ, при каждомъ убывшемъ или прибывшемъ тяглѣ выдѣлялъ имъ самъ законы, и бѣсился, что они молча чешутъ затылки, когда онъ бранитъ ихъ за худое удобреніе полей.

Онъ былъ небогатъ, но какъ-то жилось; однообразные дни текли не безъ горя, но и не безъ радости. Такъ, напримѣръ, случилось иногда подъ вечеръ, когда солнце склонится къ полямъ и наведетъ длинныя исполнскія тѣни на зеленый лугъ, Павелъ Васильевичъ, съ трубкою во рту, сидеть у отвореннаго окна; напротивъ его, съ чулкомъ въ рукахъ, его престарѣлая подруга, и Лиза, ихъ Веніаминъ, послѣднее дитя отъ большой семьи, которая вся покоилась тамъ за рощею, у часовни, коей маковка виднѣлась изъ-за деревьевъ; румяная, полная, немножко запачканная Лиза играетъ на лугу съ полудюжиною маленькихъ горничныхъ, и Павелъ Васильевичъ любитъ, не пурпуромъ неба, не золотистымъ туманомъ, въ которомъ тонетъ роща, но милою, несравненною Лизою, смѣясь отъ души, когда она хохочетъ и поощряетъ взорами и голосомъ, когда увертывается отъ преслѣдующихъ подругъ, и потому онъ начинаетъ мечтать о будущности милой дочери. Ахъ! сны отца не пріятнѣ ли, не смѣле ли самыхъ сновъ любви?... Правду сказать, мечты Павла Васильевича не были ни слишкомъ дерзкіи, ни слишкомъ заносчивы.

— А, Агаша? Что за дѣвочка! — говаривалъ онъ съ восторгомъ.

«Слава Богу, батюшка! Лишь бы жива была», отвѣчала Агаѣя Ивановна, и со вздохомъ поглядывала на свѣтлую маковку часовни, которая въ ту минуту горѣла, какъ золото.

— Ужь кабы старая Графиня была жива, да пріѣхала сюда, поучили бы мы Лизу. У нея все, бывало, вабитъ домъ мамзелями, да мадамами.

«Полно, батюшка, на что ей? Знала бы страхъ Божій, да необходимое — вотъ: читать, писать, а этому и отецъ Діаконъ выучить.

— Оно, конечно, да не худо бы и другое. Пускай лепетала бы по Французски, какъ Городничиха, а мы смотрѣли бы, да радовались.

У Агаѣи Ивановны показались слезы на глазахъ.

— Да, на ту бѣду вотъ ужь лѣтъ десять никто и не заглянетъ въ помѣстье, а ужь куда бы хотѣлось!

«Станемъ лучше Богу молиться, батюшка; все наши гаданья ни къ чему не годятся. Человѣкъ судить, да рядить, а подуеть вѣтеръ и все прахомъ поидетъ! Вотъ лучше подумаемъ-ка: у насъ чайку такъ, такъ что дна на три станеть, да вотъ и Петровъ день на дворѣ: мучки бы крупчатой къ розговѣнью...

— Надобно бы, да денегъ-то нѣтъ!

«Нѣтъ? А, кажись, вчера староста звенѣлъ деньгами, тамъ, у тебя въ прихожей!

— Звенѣлъ! Весѣннія подушныя принесъ.

«Осенью продали бы сѣмячко, внесли бы...» Агаѣя Ивановна взяла чулокъ, не подымая глазъ.

— Внесли бы, внесли бы! Вотъ всегда вы такъ-то, женщины, разсуждаете, что хоть золотомъ пиши, а

на дѣлъ выйдеть все вздоръ. За сколько лѣтъ подушное-то не плачено?

«Не сердись, Павелъ Васильевичъ; я такъ сказала, ну что за бѣда, и безъ чаю пробудемъ! Милъ, право, ничего, а вотъ Лизы жаль, ребенокъ привыкъ. Ну, да что! Поплачетъ, да и перестанетъ!» прибавила она, съ веселымъ и ласковымъ взоромъ, складывая чулокъ. «Не пора ли ужинать, батюшка?

Павелъ Васильевичъ задумался, «Лиза поплачетъ и перестанетъ!» Слова камнемъ упали на сердце его. На другое утро, съ зарею, лошадка его уже пылила по городской дорогѣ. У Лизы были чай и крупчатый пирогъ къ празднику. Все бы ничего, но придетъ осень, Лизѣ надобно платье, подушныя опять отложатся до весны, и такъ годъ за годъ, недоимка нарастала и нарастала, и въ одно утро Павелъ Васильевичъ ужаснулся, когда Засѣдатель показалъ ему настрожайшій приказъ новаго Губернатора взыскать недоимку, или взять имѣніе въ онеку. Не стану входить въ подробности дѣла; скажу только, что Павелъ Васильевичъ замятилъ подушныя, но въ маклерской книгѣ былъ записанъ вексель въ какую-то сумму съ слѣдующими процентами, а ужь Павелъ Васильевичъ только зналъ, какіе проценты съ него слѣдовали. Теперь, видите ли какимъ образомъ имѣніе было заложено въ Приказъ и назначено къ продажѣ?

Все это кажется вамъ вздоромъ, мзлочью, вамъ, которые въ золоченыхъ залахъ своихъ и не знаете, что значать недоимка, Приказъ, слѣдующіе проценты... Простите: послѣднее вы иногда очень, очень знаете, да не тужите, а подъ соломенной кровлею, въ деревнѣ, посмогъли бы вы, какъ были грустны старики въ достопамятнѣйшій вечеръ срочнаго дня продажи имѣнія...

Павель Васильевич вошелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ безпечнымъ сномъ дитяти спала дочь его. Слабый лучъ лампы, горѣвшей у образа Спасителя, падалъ на лицо спящей дѣвушки; темнорусые локоны въ беспорядкѣ вились по шеѣ и плечамъ, отбѣгая атласную бѣлизну ихъ. Она тихо улыбалась: Казалось, ангелъ веселыми картинами дѣтскихъ игръ улаживалъ воображеніе ея. Старикъ облокотился на кровать, и устремилъ взоръ на розовое личико милой дочери, плакалъ, да, плакалъ, какъ молодецъ. Она, его любовь, его надежда, гордость преклонныхъ лѣтъ его, она, можетъ быть, завтра, безъ пристанища, безъ куска хлѣба, должна оставить домъ, гдѣ родилась, гдѣ развилось въ глазахъ отца и матери безпечное дѣтство ея.... Знаете ли, какъ горько оставлять навсегда мѣсто, гдѣ мы жили, гдѣ любили, гдѣ надѣялись окончить жизнь? Павель Васильевичъ бросилъ взоръ вокругъ себя: здѣсь снживала покойная мать его, здѣсь игривалъ онъ съ своего Лизого, здѣсь въ теченіе двадцати пяти лѣтъ привыкъ каждое утро толковать съ доброю женою о дневныхъ занятіяхъ, а съ тѣхъ поръ, какъ родилась Лиза, о новыхъ дарованіяхъ ея, мечтать о будущности милой дочери... Еще нѣсколько дней тому, онъ также мечталъ, а теперь.... куда дѣвались всѣ призраки, всѣ надежды?....

Лиза вздохнула, какъ будто облачко грусти пробѣжало по лицу ея; она закинула на подушку руку, и атласная бѣлизна ея заблестала на темныхъ кудряхъ; старикъ не смѣлъ дохнуть, но вотъ она опять успокоилась и грудь ея снова заколебалась ровнымъ дыханіемъ. Онъ упалъ на колѣни, и горячія слезы, слезы отца полились изъ глазъ его передъ иконою утѣшительницы скорбнаго челоуѣчества. Не о себѣ молился онъ: пусть будетъ онъ

несчастливъ, пусть вся жизнь его будетъ очистительною жертвою, лишь бы чаша горести миновала се, милую дочь его, его сокровище, его надежду! Въ тоже время, за стѣнкою, также на колѣняхъ, молилась Агаѣя Ивановна... Ужели ты будешь несчастлива, Лиза? Что же дойдетъ къ престолу Вѣчнаго Милосердія, если не слезы отца и матери?

Послышался колокольчикъ... ближе, ближе — остановился; стукнуло кольцо калитки. Ужели все рѣшилось и роковая вѣсть пришла? Павель Васильевичъ вышелъ изъ комнаты дочери; увѣренность, что молитва его услышана и жертва принята, поселила спокойствіе въ душѣ его, и на лицѣ его отразилось то истинное благородство, которое ничего не страшится, если и ничего не надѣется... Дверь отворилась.

Часто убожество, оскорбленное пышностью роскошныхъ богачей, въ горькія минуты испытанія, ропщетъ на судьбу, не по ровну надѣляющую сыновъ одной матери — земли. Взоръ его упрекаетъ небо и несправедливая ненависть клевететь брата, преимущественно одареннаго. Клевететь, — да, зайдите въ хижины, гдѣ скорбитъ челоуѣчество, подите въ тѣ пристанища, гдѣ благотворительность собрала вдову, старца, безпріютнаго сироту, гдѣ страждущее убожество находитъ помощь, здоровую пищу, покойный пріютъ; спросите, кто нашелъ ихъ, кто ангеломъ утѣшителемъ явился къ нимъ въ часъ скорби, кто пролилъ утѣшительный бальзамъ на раны ихъ? Зайдите въ мастерскую художника, спросите его въ добрую минуту — не тогда, какъ заносчивое самолюбіе артиста оскорблено невниманіемъ какого нибудь барича — кому обязанъ онъ тѣмъ независимымъ состояніемъ, которое обезпечиваетъ ему свободу дѣлать что хочетъ, какъ хочетъ — неспре-

мнѣнное условіе самобытности таланта—кто извлекъ изъ неизвѣстности, кто поощрилъ его юное дарованіе, кто оцѣнилъ первый трудъ его? Скажете: въ первомъ случаѣ часто тщеславіе, во второмъ прихоть роскоши. Что нужды до причины, скажите: есть ли добро и отъ кого произошло оно?

О, не ропщи, бѣдный пасынокъ фортуны! Вѣрь: неравенство состояній есть непремѣнное слѣдствіе условій, на которыхъ существуетъ общество; есть богачи, незнающіе сладости благотворенія; пожалѣй о нихъ: они слѣпцы, разбивающіе сосудъ съ цѣлительнымъ питьемъ. Большая часть не захотятъ добровольно лишиться лучшаго изъ преимуществъ, дарованныхъ богатству и силѣ: счастья быть полезнымъ; дѣло въ томъ, чтобы не дѣйствовали неосмотрительно. И подъ соломенную кровлю Павла Васильевича заглянуло счастье, и какое милое, какое плѣнительное счастье! Оно явилось въ видѣ молодой дамы, прекраснѣйшей изъ тѣхъ, которыхъ выдали вы, когда небрежно и плѣнительно порхая по паркету, въ легкихъ газахъ, и съ цвѣтами въ локонахъ, сорванными, кажется, рукою самой весны, онѣ являются божествами, сифидами, обитательницами другаго, какого-то лучшаго міра, и исторгаютъ ваше обожаніе, если только вы не смотрите въ темные очки той скучной разочаровательницы, которая вѣчно указываетъ на другую сторону картины... Какъ она? Не помню. Она ко мнѣ завертываетъ изрѣдка; мы все какъ-то не въ ладу. Богъ съ нею!

Молодая гостья Павла Васильевича была не въ цвѣтахъ и не въ газахъ. Венеціанскій бархатъ и Сибирскій соболь окутывали ея прекрасный станъ, и блондовый вуаль взвивался легкимъ облачкомъ на

маленькой шляпкѣ, которая, какъ свѣтлый вѣничикъ, окружала истинно ангельское личико молодой дамы. Она была высока, стройна, и глядѣла такими веселыми, такими прекрасными глазами, что Агабѣ Ивановнѣ подумалось: ужъ не въ правду ли Ангель Божій? Знать услышана грѣшная молитва! И вдругъ Ангель Божій подастъ бумагу, и Павелъ Васильевичъ читаетъ—вся недоимка заплачена. Господи! велика милость Твоя!—О, какъ плакалъ онъ! Какъ горячо цѣловалъ руки своего Ангела Хранителя! Какъ краснорѣчиво было нѣмое выраженіе его благодарности! А Лиза? Она проснулась, въ одной рубашечкѣ встала, на цыпочкахъ добралась до полуотворенной двери, и съ любопытствомъ высунула въ отверстіе свою хорошенькую, кудрявую головку. Агабья Ивановна стояла поодаль, и сквозь слезы только могла говорить: «Ваше Святѣльство!» Ангель утѣшитель, явившійся старикамъ нашимъ, была молодая супруга Графа С...., сына той старой Графини, помѣщицы прекраснаго селенія съ барскимъ домомъ, въ полуверстѣ отъ У...., о которой такъ жалѣлъ Павелъ Васильевичъ. Графъ воспитывался въ Лицѣѣ, и былъ предназначенъ къ гражданской службѣ; онъ любилъ науки, читалъ философовъ, мечталъ о соединеніи націй, о просвѣщеніи массъ, писалъ стихи, но чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ военному мундиру—поприщу, хотѣла я сказать. Въ то время слава 1812 и 1813 годовъ отбрасывала еще отблескъ свой на все, что имѣло названіе солдата; умы воспламенялись при одномъ звукѣ сабли или шпора, и потому Графъ вступилъ въ какой-то кавалерійскій гвардейскій полкъ, послужилъ, обвѣшался крестами, и чуть чуть было не надѣлъ густыхъ эполетовъ. Но годы проходили; энтузіазмъ къ военному началу про-

сывать; около того времени старушка Европа, оставя мечты и поэзію, принялась за холодную положительность, а какъ мы, Рускіе, старьемся не бывши молодыми, и разочаровываемся, не намечтавшись и въ полсъта, и не шажкомъ, а скачками догоняемъ Европейскую образованность, то и у насъ привялись также за положительность. Графъ, какъ послѣдователь всѣхъ новыхъ идей, тотчасъ примѣнилъ ихъ къ своему положенію: разсчиталъ доходы съ своего имѣнія, выгоды на службѣ, труды, и рѣшился перемѣнить военную службу, поэзію и мундиръ на мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ при министрѣ и на адресъ-календарь. Онъ женился на богатой, не потому, чтобы она ему очень нравилась, но, какъ разсудительный человѣкъ, именно для того, что будущая Графиня имѣла хорошее родство, и соединеніе двухъ капиталовъ увеличивало кругъ дѣйствія и давало способы приумножить тотъ и другой. Сойдутся ли они въ привычкахъ, склонностяхъ? Что до того? По мнѣнію Графа, мужъ долженъ быть искуснымъ полководцемъ, который ведетъ оборонительную войну. Непрїатели вольны разгуливать во всѣ стороны до извѣстныхъ границъ: онъ молчитъ и наблюдаетъ. Сунружество есть товарищество—иногда говаривалъ Графъ—сообщники составляютъ общій капиталъ, раздѣляютъ выгоды и убытки; если между ними общее согласіе—тѣмъ лучше; въ противномъ случаѣ, они не станутъ безпоконить другъ друга, но это не должно мѣшать общими выгодами. Одно, чего Графъ не могъ подвѣсть ни подъ какіе итоги—это была ревность, но и та скрывалась подъ личиною уваженія и приличій.

Со времени смерти матери, Графъ не бывалъ въ своемъ имѣніи; женившись, онъ рѣшился провести цѣлое лѣто въ деревнѣ; дѣла принудили его остано-

виться на нѣсколько дней въ губернскомъ городѣ, гдѣ давно уже ожидалъ Графа его управляющій. Въ то время громовая туча разразилась надъ головою Павла Васильевича. Управляющій, какъ-то вечеромъ, сѣдя одинъ съ Графиншею, разсказалъ о своемъ несчастіи, о томъ, какъ любила его старая Графиня, какъ умирая просила сына не оставлять его. Графиня расстрогалась, приступила къ мужу съ просьбою помочь старикамъ, и сѣтельный спекулянтъ согласился: не большая дружеская уступка даетъ право требовать въ вознагражденіе гораздо большей.

На другое утро незабвеннаго дня, счастливый Павелъ Васильевичъ и Агаѣя Ивановна рѣшились пойти съ Лизою въ церковь, а оттуда къ Графинѣ, благодарить ея сѣтельство. Лизу нарядили въ бѣлое платье съ розовымъ кушакомъ, на голову надѣли ленту съ большимъ бантомъ, и велѣли держаться какъ можно прямо. Агаѣя Ивановна также нарядилась въ лучшее платье, а Павелъ Васильевичъ надѣлъ губернскій мундиръ, подаренный ему Предводителемъ на послѣдней балетировкѣ. Еще до свѣта начали хлопотать и приготавливаться, и въ восемь часовъ были уже всѣ готовы; но какъ управляющій сказалъ, что прежде десяти и думать нельзя идти къ Графу, то всѣ уехали въ гостиную. Агаѣя Ивановна складывала и раскладывала платокъ, охрашивала шаль, то вдругъ вскакивала и подбѣгала къ Лизѣ, приглаживала ей волосы, въ десятый разъ перевязывала платочикъ на шеѣ, а Лиза сидѣла, какъ вкопаная, и въ глазахъ ея тмилось отъ принужденія. Павелъ Васильевичъ ходилъ молча по комнатѣ и улыбался.

Наконецъ настала желанный часъ; Агаѣя Ивановна встала и перекрестилась. — Не стыдно ли тебѣ, матушка? чего это бояться?—сказалъ Павелъ Василье-

вичь, который во все время придумывалъ, что сказать Графу и Графинѣ, и только что хотѣлъ похвалиться передъ семейю своею выдумкою, какъ вдругъ увидѣлъ знаменіе креста Агаѣи Ивановны. Добрые люди! Вчера они такъ свободно, такъ краснорѣчиво изъясляли по просту свою признательность и были благородны и трогательны, а теперь, когда чувства ихъ успокоились, они вспомнили разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ Графа и Графини, боялись показаться деревенщиною модной, свѣтской дамѣ, и придумывали тысячу глупостей, въ надеждѣ сказать что нибудь умное — зараза общал! Мы все слишкомъ много думаемъ о томъ, что о насъ подумаютъ, и всего болѣе страшимся показаться съ невыгодной стороны. А тутъ-то и бѣда!

Агаѣя Ивановна была совершенно встревожена.

— Ахъ, батюшка Павелъ Васильевичъ! какъ морозомъ меня по кожѣ! ну, такъ-то страшно! Чай Графиня премодная...

«Да, вѣдь ты видѣла ее вчера? Что тутъ страшнаго: Графиня премилоствивая.

— Да, я не знаю, что и сказать ей!

«Какъ что? Скажи такъ, просто — вотъ я, напримеръ, придумалъ ей сказать: «Ваше Сіятельство! не достаетъ мнѣ словъ, и....

— Не только словъ, да и ума-то нѣтъ!

«Какая ты право! Ты скажи просто, вотъ какъ я придумалъ: «Ваше Сіятельство! не достаетъ мнѣ словъ....

— А Лизѣ-то надо что нибудь говорить? Ахъ! я все тебя перерываю! Какъ же сказать: «Ваше Сіятельство».... Ахъ! вотъ и крыльцо! Ну, скажи же, какъ — какъ?

Но двери отворились, и лаксн, высокіе, съ черными бакенбардами, привели еще въ болѣе большой страхъ

Агаѣю Ивановну. Лиза держалась за ея платье и шла робко по лѣстницѣ, оглядываясь потихоньку назадъ.

Графиня, прекрасна, какъ и вчера, въ легкомъ утреннемъ нарядѣ, сидѣла за чайнымъ столикомъ; подле нея, на диванѣ, лежалъ полуразвернутый богатый кинсекъ. Агаборъ, прекрасная собака, покоился у ногъ ея на бархатной подушкѣ; пожилая Англичанка, бывшая гувернантка Графини, затянутая въ корсетъ, со взбитыми буклями и большими голубыми глазами, разливала чай; Графъ, за особеннымъ столикомъ, обложенный журналами, сидѣлъ съ длиннымъ чубукомъ. Едва показался Павелъ Васильевичъ, какъ Агаборъ поднялся съ мѣста, заворчалъ и съ лаемъ бросился къ дверямъ. Лиза испугалась, схватилась за мать, сдернула платокъ съ ея плечъ; Агаѣя Ивановна встревожилась; самъ Павелъ Васильевичъ смѣшался и забылъ все придуманное краснорѣчіе. Графъ вошелъ въ ихъ несчастное положеніе. Собаку улеглась въ ногахъ Графини и по временамъ ворчала, а Лиза, присѣвши на самый кончикъ стула, чувствовала, что каждую минуту готова была упасть, не смѣла пошевелиться, не знала куда глядѣть: вправо — собака; влево — страшные глаза модной Англичанки въ корсетѣ. Графиня показала ей всѣхъ менѣе страшною: она обласкала Лизу, дала ей разсматривать кинсекъ; она съ испуга взяла его верхъ ногами, и Англичанка же всгунилась въ дѣло и перевернула книгу въ рукахъ Лизы. Ухъ, Боже мой! такого страшнаго дня не запомнить еще ни Лиза, ни Агаѣя Ивановна!

Наконецъ прошелъ тяжелый часъ; возвратились домой. Здѣсь Агаѣя Ивановна и Лиза обрѣли снова употребленіе языка, припоминая каждое слово, каждый взглядъ Графини; Павелъ Васильевичъ сидѣлъ

подъ окномъ и рассказывала сосѣду, прибѣжавшему провѣдать какъ что было, что говорилъ онъ Его Сіятельству. Онъ совершенно выпелъ изъ своего характера, и дней десять былъ, какъ въ чаду; даже старость, вмѣсто приказовъ, рассказывала о пріемѣ Его Сіятельства, наказывая, чтобы не ссорились съ Графскими крестьянами. Говорили, будто даже Агабыя Ивановна кланялась спѣсивѣ знакомымъ; я думаю, что это выдумка людей, которые сами способны къ такимъ мѣлочамъ. Я знаю только, что Агабыя Ивановна съ недѣлю толковала всѣмъ, кого встрѣчала, о Графинѣ, Англичанкѣ, но о собакѣ ни слова.

Ко всему привыкаютъ, и старики наши привыкли къ новому своему положенію, и хотя ласки сіятельныхъ и вкружили немного ихъ головы, но сердечная простота одержала верхъ; они снова вошли въ колею однообразной своей жизни, вспоминая о Графинѣ, какъ объ Ангель-Хранителѣ, удостоившемъ явиться имъ въ минуту скорби. Агабыя Ивановна даже рѣдко и ходила къ Графинѣ, и то развѣ для того, чтобы отвести или взять назадъ Лизу, когда Павлу Васильевичу было недосужно, но какъ ни кто изъ У..... помѣщиковъ не бывала въ Графскомъ домѣ, то счастье нашихъ стариковъ сдѣлалось предметомъ зависти и всеобщихъ толковъ; говорили, будто они стали и горды и спѣсивы; перетолковывали каждое ихъ движеніе, каждое слово, и тѣмъ болѣе смѣялись надъ ними, чѣмъ болѣе желали быть на ихъ мѣстѣ. Особенно на Лизу обратились вся зависть и насмѣшки цѣлаго У..... Подруги да же и не глядели на нее, говоря, что она сдѣлалась гордою. — Я видала подобныя картины и не въ У.....

И въ самомъ дѣлѣ, Лиза перемѣнилась. Графиня полюбила ее, велѣла ходить къ себѣ великій день,

перерядила, переучила, посадила ее работать. И Лиза скоро начала дивить и нянюшекъ и дѣвушекъ своими чудесными познаніями; маменька плакала съ радости, а Павелъ Васильевичъ, сѣдя вечеромъ подъ окномъ со своею старою подругою, подмигивала лѣвымъ глазомъ, говоря, о Лизѣ: «А, старуха! по-сватается же за насъ У.....!» И старикъ засыпалъ съ пріятною мечтою, называя милую свою Лизу княгиней.

Наступила осень; свободный вѣтеръ разгуливалъ по сжатымъ нивамъ и забрасывалъ дорогу желтыми листьями; пошли дожди, слякоть; въ домѣ Графа стали замышлять объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Въ одинъ вечеръ, дождь стучалъ въ окна, вѣтеръ по временамъ забывалъ въ полѣ. Посреди комнаты, противъ камина, въ которомъ трещала и вспыхивала огонекъ, въ большихъ спокойныхъ креслахъ, сидѣла Графиня, положила хорошенькія ножки на косяматую спину Агабора; по временамъ бросала она взоръ на Лизу, которая, сѣдя на маленькомъ стулѣ, у ногъ старой Англичанки, читала протяжно и въ полголоса.

Свѣтъ лампы падалъ на наклоненную головку дѣвочки, и ярко отражаясь на гладкомъ, какъ слоновою кость, челѣ ея, оставлялъ въ полусвѣтѣ тонкія черты ея Греческаго личика, на которомъ горѣлъ румянецъ деревенскаго здоровья. Это была уже не запачканная, дикая Лиза, но милое, хорошенькое дитя, простодушное, не ловкое, но уже начинающее раскрывать дары, которыми осѣнила его природа. Первый приходъ Лизы пришелъ на память Графинѣ: она вспомнила большой чепецъ Агабыя Ивановны и узкій муциръ Павла Васильевича; сравнила настоящую Лизу съ тѣмъ, что была она, и сердце Графини сжалось при мысли, что станетъ съ нею, если

она опять останется одна, как погибнуть неразвитами ее прекрасныя способности, как, можетъ быть, въ вѣчной неизвѣстности должна она будетъ провести дни своей молодости! Графиня была добра и дѣлала добро по влеченію сердца, а не по принятымъ правиламъ. Облегчить скорбь несчастнаго, помочь бѣдному, было требованіе ее души; она исполняла его не какъ обязанность, но искала какъ удовольствія, какъ любимой забавы. Душа ее была, будто прекрасный цвѣтокъ въ драгоценной вазѣ, безъ собственнаго вѣдома, не произвольно разливающей ароматы вокругъ себя. Вздумано, рѣшено — Лизу взять въ Петербургъ. И въ тотъ же вечеръ, облокотясь на спинку кресель, на которыхъ Графъ читалъ Земледѣльческій Журналъ, она шепнула. «Антоній! мнѣ хочется взять съ собою Лизу.» Графъ посмотрѣлъ на нее, положилъ журналъ, и что-то проговорилъ о привычкѣ къ роскоши, къ прелестямъ столичной жизни въ богатомъ домѣ, о будуще...

«О я все беру на себя! Лиза не будетъ знать нужды, а если выйдетъ замужъ и за небогатаго, то, конечно, я буду умѣть обезпечить ее состояніе.

Сердце замерло у Павла Васильевича, когда Графиня предложила ему отпустить съ нею Лизу: одинокая старость, длинные осенніе вечера, скучный, томительный обѣдъ въ двоимъ мелькнули въ его воображеніи. Но счастье Лизы — должно было рѣшиться. Долго, долго стоялъ онъ на распутьи, провожая глазами Графскую карету, уносившую по дорогѣ Лизу его, и не замѣчалъ, какъ слезы, одна за другою катились по щекамъ его, покрытой морщинами. Пусто было въ домѣ, когда онъ возвратился, пусто и грустно. Онъ вошелъ въ комнатку Лизы и отвернувшись къ окну, какъ будто безпорядкомъ кро-

ватки сказалъ ему что нибудь новое. Агаѣя Ивановна у коммоды увязывала платяицу Лизы, и слезы падали на ее сухіе, морщиноватые пальцы. Говорять, что въ тотъ день, кушанье со стола ихъ было снято не початымъ. Съ тѣхъ поръ Павелъ Васильевичъ не сживалъ болѣе у окна, подъ которымъ игрывала Лиза, а Агаѣя Ивановна каждое утро, какъ ударить къ обѣднѣ, хаживала въ церковь и возвращалась домой спокойнѣе, препоручивъ свою Лизу покровительству Пречистой Дѣвы.

Но была ли Лиза счастлива въ новой жизни? Оправдываются ли надежды доброй Графини? Не вполне пока. Лизу надобно еще было научить принимать свое счастье.

Многое переменялось для нея по пріѣздѣ въ столицу. Идолъ отца и матери, сокровище и диво нянюшекъ и дѣвушекъ, зависть подругъ и удивленіе всего У....., прекрасная, понятная, руководяница, Лиза имѣла о себѣ довольно высокое мнѣніе; теперь на каждомъ шагѣ ее останавливаютъ, оговариваютъ, съ кротостію, правда, но смѣливая дѣвочка видитъ, что все не такъ, чтобы она ни сдѣлала. Она не смѣетъ сѣтовать, за то ночью, когда остается одна съ подушкою, какъ горько плачетъ ее оскорбленное самолюбіе! Изъ всѣхъ болѣзней души, можетъ быть, самое тяжелое есть чувство собственнаго недостатка, или безсилія. Чтожь оно для того, кто еще недавно почиталъ себя чуть ли не чудомъ? Къ этому присоединилось еще другое: въ деревнѣ она проводила цѣлый день въ гостиной Графини, болтала, ее слушали, смѣялись; теперь — она молчитъ; пріѣдутъ гости, ей и мѣста нѣтъ въ кабинетѣ Графини. Отъ чего же въ У.... была она всѣмъ равная? Однимъ вечеромъ, ког-

да въ залѣ гремѣла музыка, и шумъ танцевъ сливался съ говоромъ и смѣхомъ, она стояла въ уборной, прижавшись въ уголокъ, смотрѣла на дамъ, которыя входили, поправляли передъ зеркаломъ пушистые локоны и опять уходили, замѣняясь другими, одна молодая, прекрасно одѣтая дама, расправляя передъ зеркаломъ легкій газъ, волновавшійся на груди ея, устремила взоры на Лизу, и въ полголоса спросила Англичанку, вошедшую вмѣстѣ съ нею въ комнату: кто эта хорошенькая дѣвочка?— А, это дочь бѣднаго сосѣда, которую воспитываетъ Графиня — отвѣчала Англичанка. — *Toujours bonne et bienfaisante!* сказала дама, уходя изъ комнаты. *Bienfaisante!* это слово уже знала Лиза. И такъ, ласки Графини, ея попеченіе, наставленія — все это изъ благотворительности? Лиза знала дома одну любовь, всѣмъ обязана была одной любви и принимала ее какъ что-то должное, а здѣсь, это совсѣмъ не то: ей говаривали о благотворительности, когда она видела бѣдное дитя, удрученное болѣзнію, бѣдностію... Что же это? Ужели и она?... Лиза не умѣла отдать себѣ отчета въ томъ, что чувствовала, но ей было тяжело, и когда вечеромъ она поцѣловала руку Графини, поцѣлуй ея былъ холоднѣе, поклонъ неловокъ; Графиня засмѣялась, передразнила ее — она также смѣялась, но смѣхъ ея былъ первымъ урокомъ притворства. — На что мнѣ ихъ благотворительность? ворчала она сквозь слезы, надѣвая ночной чепчикъ—я не просила ихъ: мнѣ лучше было у маменьки!.. Простите ей: это говорила полудикала...

Дитя свободы, балованное днтя материнской нѣжности, своевольная и самовластная повелительница полудюжины рабоблѣвующихъ горничныхъ, гордая обладательница и наследница У..... помѣстья,

теперь она зависить отъ всего ее окружающаго, повинуется одному слову, одному знаку и не имѣеть ничего собственнаго. Та, которая дарила ласками, и то когда вздумается, добрую мать, принимаетъ сама, какъ даръ, поцѣлуй или ласковое слово. Лента, платочикъ — все это даръ благотворительности; ученье — но здѣсь Лиза узнавала свою Агабю Ивановну. Графиня радовалась, какъ мать, ея успѣхами. Истинная благотворительность имѣеть что-то общее съ материнскою любовью; въ нихъ есть семейное сходство: первая усыновляетъ предметъ своихъ попеченій, и, какъ вторая, въ его счастьи находитъ свое верховное наслажденіе. Не скоро привыкла Лиза къ своей участи. Зеленый лугъ, темная роща, мирныя игры полуднякихъ подругъ мечтались ей и за пѣльцами въ кабинетъ Графини, и за уроками въ пансіонѣ, и вечеромъ, когда, въ прекрасной шляпкѣ, она чинно шла съ Графиніею по набережной Каменнаго Острова. Иногда тихо плакала она, вспоминая добрую Агабю Ивановну, зеленую могилу братьевъ, ласки стараго отца; прошедшее представлялось воображенію ея въ такихъ живыхъ, въ такихъ прелестныхъ кракахъ, что сердце билось при одномъ имени У..... Но время мало по малу сглаживало яркость такихъ красокъ. У..... и дѣтская жизнь скрывались, какъ будто въ туманѣ, представлялись рѣже воображенію, и то, какъ воспоминаніе пріятнаго сна. Она любила свое положеніе, а болѣе всего любила Графиню. Это было первое, развившееся въ сердцѣ ея чувство, и она предалась ему со всѣмъ энтузіазмомъ юности. Ея молитвы, ея желанія, все было для Графини, и жертва цѣлой жизни показалась бы ей легкою, еслибы ею можно было искупить счастье Графини.

То была счастливая эпоха ея жизни; ей было

шестнадцать лѣтъ, когда Графиня, на маленькомъ вечерѣ, для короткихъ, представила ее нѣкоторымъ знакомымъ и роднымъ. Ея молодость и свѣжесть обратили на нее вниманіе; многіе замѣтили, что черты ея очень правильны; одинъ сказалъ: «Будь она не то, что есть, она произвела бы впечатлѣніе въ свѣтъ.» Но Лиза не слыхала этого; она была въ упоеніи; она слышала музыку; племянникъ Графа, пажъ, взялъ ее танцовать, потомъ другіе юноши, а къ концу вечера даже нѣкоторые изъ кавалеровъ, танцующихъ въ первыхъ парахъ. О, то былъ вечеръ востигительный! За нимъ послѣдовали другіе. Графиня брала ее къ роднымъ и знакомымъ на дѣтскіе вечера; ее ласкали; юношество танцовало съ нею, особливо, когда начинали раздѣжаться и оставались одни короткіе. Лиза замѣтила странное различіе: тѣ самыя, которые нашептывали ей ласкательства въ кабинетѣ Графини, когда бывали запросто, едва узнавали ее въ обществѣ. Безпокойный умъ ея началъ дѣлать сравненія; она увидѣла, что была въ обществѣ не то, что другія; скоро поняла причину, и сердце ея сжалось: она очутилась въ свѣтъ, какъ въ странѣ, которой описаніе читали мы въ дѣтствѣ, тогда, какъ съ силою генія говорили: «Я буду тамъ,» и предавшись милой мечтѣ, садились поодаль отъ товарищей, шумъ и рѣзвость которыхъ не въ силахъ были отвлекать насъ отъ милой мечты. Въ лѣтахъ возмужалости мы видимъ прекрасную страну, ищемъ знакомыхъ образовъ: они не тѣ... Такъ и Лиза: она искала въ свѣтъ торжества скромности, талантовъ, ума, красоты, добродѣтели... Мечты, мечты! злой демонъ смѣялся ей въ глаза, и на ея школьныя разсужденія указывалъ достоинство и добродѣтель въ тѣни, порокъ осыпанный отличіями, и самую красоту, это божество мужнины, не замѣченную, если ни по-

рода, ни богатство, ни кокетство не возвышали ее въ глазахъ толпы.

«Ты хороша, ты съ дарованіями; видишь: ты умнѣе многихъ изъ тѣхъ красавицъ, которыхъ превозносятъ свѣтъ... Но ты бѣдна, неизвѣстна, и что въ тебѣ? Кто ничѣмъ не отличается отъ толпы, тотъ старается быть ближе къ отличеннымъ, чтобы и его замѣтили, а ты что?» хриплъ злой демонъ и громко хохоталъ въ уши бѣдной дѣвушки.

Не скоро успокоится сердце, обманутое надеждами, не скоро разсудокъ убѣдитъ неугомонный умъ, не скоро пріучитъ сердце уживаться съ существованіемъ. Пораженный явною несправедливостію, юный умъ обращается къ природѣ; ищетъ отвѣта въ первоначальномъ сословіи чловѣка; спрашиваетъ небеса, самую религію: и небеса, и религія, и природа говорятъ ему, что общество не то, чѣмъ оно быть должно. Дерзкій Титанъ! оно мечетъ горы къ небесамъ, и горы обрушиваются на него своею тяжестью, и желѣзная рука необходимости пишетъ огненными буквами на темномъ сводѣ небесъ: «Такъ должно быть!»

И Лиза сказала: «Такъ должно быть!» Гордое чело ея склонилось подъ ярмо необходимости, но страданія, выпесенныя ею прежде, нежели она пріучилась къ такой мысли, имѣли сильное вліяніе на ея характеръ; женщина съ душою слабою, можетъ быть, стала бы убѣгать людей, возненавидѣла бы ихъ—Лиза сдѣлалась къ нимъ равнодушною. Она ничего не ждала, ничего не надѣялась, ничего не страшилась отъ нихъ; не вѣрила ихъ ласкамъ, ихъ дружбѣ; знала, что есть исключенія, но, боясь обмана, не хотѣла искать ихъ: любила одну Графиню, любила, какъ любить мать свое дитя: все пріятное—ему, все горькое—себѣ. Въ такомъ положеніи находилась Лиза,
Т. VIII. — Отд. I.

когда Графиня отправилась въ чужіе края. Она пробыла зиму въ Парижѣ. Тамъ Графиня представила Лизу, какъ свою родственницу; чужестранка, молодая, прекрасная, съ талантами, она скоро обратила на себя общее вниманіе. Иностранцы пожаловали ее сіятельствомъ. Графиня смѣялась, а Лиза горько улыбалась, когда демократы сгибались предъ ея сіятельствомъ. Въ то время въ домъ Графини явился родственникъ ея, Дмитрій Минскій, и какъ родной и соотечественникъ, извѣстный въ хорошемъ обществѣ, сдѣлался ежедневнымъ гостемъ. Минскій не легко могъ нравиться въ свѣтѣ: онъ былъ робокъ нѣсколько, даже неловокъ, но благородная, прекрасная душа отражалась въ его прекрасныхъ глазахъ. Онъ мало зналъ языкъ гостинныхъ; откровенность и прямота составляли главные черты его характера; привычка наблюдать сдѣлала его недоувѣрчивымъ; онъ мало имѣлъ друзей, но любилъ искренно тѣхъ, которымъ разъ повѣрилъ. Красота Лизы сдѣлала на него сильное впечатлѣніе; можетъ быть, встрѣтился съ нею въ Петербургской залѣ, онъ сказалъ бы: «Какъ хороша, какъ жаль, что неровня мнѣ,» и прошелъ бы, не говоря, не оглядываясь, своею дорогою — но здѣсь общее вниманіе безпрестанно указывало ему на Лизу; онъ слышалъ похвалы ей, видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ слушали, когда она говорила, свободно, не боясь разсѣяннаго вида слушателя; онъ присталъ къ другимъ, и что называется, началъ ухаживать за милою соотечественницею. Она слушала его, какъ слушаютъ проповѣдь лицемѣра: безъ вѣры и умиленія. Можетъ быть, что равнодушіе или рѣзкая противоположность ея холоднаго ума съ тѣмъ, что онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ, обратили въ истинную привязанность капризъ молодого чело-вѣка, но онъ постоянно преслѣдовалъ Лизу, не на-

стойчивымъ, смѣлымъ искательствомъ обожате-ля гостинныхъ, но робкою, вкрадчивою любовью, которая измѣняетъ себя невольно, и тѣмъ истиннѣе кажется, чѣмъ болѣе таятся. Не зная самъ, какъ это сдѣлалось, онъ полюбилъ Лизу, какъ любятъ въ юности, съ вѣрою въ совершенство своего предмета. Они вмѣстѣ гуляли, читали, бѣгали по Баденскимъ развалинамъ (изъ Парижа Графиня перѣѣхала въ Баденъ), художнически восхищались разбитымъ шпемъ дуба, корнемъ вѣковой сосны; Лиза узнала его короче, оцѣнила прекрасныя свойства души его, и прежде нежелани появилась, какого роду чувство привязываетъ ее къ Минскому, она уже любила его всею силою души, новой, тѣмъ болѣе пламенной, чѣмъ менѣе она имѣла свободы. Слово: «люблю», не срывалось еще съ языка ихъ, но разъ, вечеромъ, они сидѣли подъ наклономъ капитановъ, освѣняющихъ высокій холмъ, извѣстный подъ именемъ Сократова Храма, и веселый Баденъ разстилался у ногъ ихъ надъ зеленою долиною, его окружающею. Лучъ солнца, свѣтлую струею взбѣгая по стѣнамъ церковныхъ башенъ, заблесталъ въ окнахъ новаго замка Принцессы С....., и какъ будто убѣгая отъ преслѣдующей его тѣни, загорѣлся пурпуромъ на гранитной коронѣ развалинъ стараго замка. Тихій вечерній сумракъ сходилъ въ долины, и природа роскошно и величественно являлась въ полномъ блескѣ красоты; вокругъ ихъ шумѣло, говорило и смѣялось веселое общество; они не замѣчали его, и когда луна величественно взошла надъ лѣсистыми вершинами Штауфенберга, они сидѣли, сливаясь чувствомъ въ долгомъ взаимномъ взорѣ, и тихо говорили, какъ о старинной были, о чувствахъ, наполнявшихъ сердца ихъ.

Съ тѣхъ поръ все перемѣнилось. Міръ одѣлся для

нихъ въ праздничныя одежды. Они повѣрили счастью; надежда радостно улыбнулась имъ. Любовь, какъ юность, такъ же доверчива, такъ же дремлетъ въ безопасномъ снѣ. О, не просыпайся, Лиза! Пробужденіе отъ этого сна мучительно, и не скоро, не скоро привыкнетъ сердце къ безотрадной пустотѣ, имъ оставляемой!

Теплый воздухъ лѣтней темной ночи врывается въ отворенное окно небольшой, довольно хорошо убранной комнаты, вмѣстѣ съ душистыми испареніями резеды и жасмина, которыми былъ уставленъ балконъ; возлѣ столика, въ большихъ креслахъ сидѣла Графиня; противъ нея мужъ, на стулѣ, сложа нога на ногу и облокотясь на столъ, по временамъ бросалъ испытующіе взоры на Графиню. Молодая женщина улыбалась, хотѣла казаться веселою, но взоры ея старательно избѣгали взоровъ супруга и на лицѣ изображалось тайное безпокойство. Видно было, что она желала и не могла прервать мучительнаго разговора.

Странное явленіе для домашнихъ — Графъ, такъ поздно, въ комнатѣ супруги.

— Впрочемъ, Александрина — говорилъ Графъ — тебѣ грѣшно жаловаться на недостатокъ откровенности съ моей стороны.

«Откровенности, Антоній? Ты, право, шутишь. Да, мы такъ рѣдко бываемъ вмѣстѣ, что намъ и некогда быть откровенными.»

— Развѣ я бывалъ когда нибудь скрытнымъ или неискреннимъ?

Легкая улыбка показалась на устахъ Графини. Супругъ ея отклонилъ отвѣтъ, или не хотѣлъ понять

упрека. «Скрытнымъ?» сказала она, «ты не можешь жаловаться на мое любопытство.»

— Чтожь касается до искренности, еслибы я видѣлъ, что тебѣ нужны совѣтъ, или предостереженіе, вѣрь, что я поспѣшилъ бы къ тебѣ съ готовностью друга.

Молодая женщина была какъ на иголкахъ: она не понимала, къ чему ведетъ этотъ разговоръ, и уже боялась. Съ самаго перваго года женитьбы, Графъ умѣлъ внушить такой страхъ супругѣ своей, что она, какъ всѣ слабыя существа, трепетала безотчетно одного его взгляда.

— И въ доказательство, что я говорю истину — продолжалъ Графъ — позволишь ли теперь говорить тебѣ, какъ другу?

«О, конечно, Антоній!»

— Свѣтъ не такъ добръ и снисходителенъ, какъ ты думаешь, Александрина, особенно къ тѣмъ, кто наиболѣе привлекаетъ его вниманіе: лѣ завиставѣ и мститъ за превосходство.

«По къ чему это?»

— Къ тому, что есть недорѣе люди, которые осмѣливаются судить твои поступки.

Графиня вспыхнула. «Но мнѣ кажется,» сказала она съ видомъ достоинства, которое сдѣлало бы честь и не ея характеру, «что до сихъ поръ никто еще не могъ найдти въ нихъ чего нибудь предосудительнаго?»

— Совершенно ничего — до сихъ поръ. Но теперь... частыя утреннія посѣщенія де-Нолле...

«О, ты ошибаешься!» — сказала молодая женщина

сь принужденною улыбкою, которая болѣе походила на судорожное движеніе. Минутная твердость ея исчезла и смертная блѣдность покрыла щеки.— «Ты ошибаешься! Увѣрю тебя, это очень забавно! Здѣшнія дамы сердятся на Лизу, и говорятъ, что онъ бываетъ для нея.

— Можетъ быть, но я слышала совсѣмъ другое.

«Нѣтъ, это не такъ. Впрочемъ и то очень неприятно; я не хотѣла бы, чтобы говорили и объ Лизѣ.

— Нѣтъ ничего легче: не принимать Де-Нолле.

«Но какъ же это можно? Онъ знакомъ.

— Принимай его тогда только, когда у тебя гости, или когда я дома.

«Но этого сдѣлать нельзя, и жертвовать знакомствомъ изъ пустыхъ пересудовъ!....

— Пересуды неприятны.

«Я презираю ихъ.

— Но я не презираю.

Въ это самое время, Лиза, уже въ постель, дочитывала романъ, принесенный Дмитріемъ. Уже было за полночь, когда горничная Графини вошла въ ея комнату.

— Что это значитъ, Лизавета Павловна? Графъ все еще у барыни, и, слышно, крупно поговариваютъ, а барыня плачетъ.

«Что жъ намъ до того, Саша? Вѣрно о домашнихъ дѣлахъ—вѣдь это случается.

— Рѣдко! — сказала горничная, качая головою. — Бѣдная Графиня! изволить очень плакать.

Горничная вышла.

И въ самомъ дѣлѣ, на другое утро Графиня была блѣднѣе обыкновеннаго, жаловалась на бессонницу, не велѣла никого принимать, и сама не выходила, даже и въ паркъ.

Въ двѣнадцать часовъ у подъѣзда остановилась знакомая коляска. Графиня вздохнула и сказала Лизѣ, что ей хотѣлось бы заснуть. Коляска поѣхала назадъ, и Лиза вышла, бросивъ печальный взглядъ на свою собесѣдницу.

На другой день Графиня должна была выѣхать съ мужемъ. Цѣлый день проведенъ въ визитахъ, въ гуляньи. Графъ былъ очень любезенъ и ни на минуту не оставлялъ жены.

Прошло нѣсколько дней. Стали поговаривать объ отъѣздѣ. Доктора находили, что Баденскія воды не годятся для Графини, и во все это время она была такъ разсѣяна, столько выѣзжала, что не было средства застать ее дома. Де-Нолле жаловался. «Но мы всегда дома вечеромъ» — былъ ему робкій отвѣтъ. А вечеромъ у нихъ по Петербургски: княжны, графини и карты. Де-Нолле не игралъ. Графиня вдругъ полюбила вистъ. Такъ все перемѣняется въ здѣшнемъ мѣрѣ!

Проходятъ дни. Вотъ балъ въ домѣ Собранія; огненныя гирлянды разливаютъ яркій свѣтъ по каштановымъ аллеямъ парка; темный сводъ небесъ синѣетъ сквозь сѣтку древесныхъ листьевъ, освѣщенныхъ фантастическимъ блескомъ огней. Какъ Китайскія тѣни, мелькаютъ между деревьями группы гуляющихъ; одиѣ тѣсняются на площади, противъ дома на террасахъ, входятъ въ отворенныя двери, откуда, какъ изъ средоточія, изливаются источники свѣта; другія выходятъ изъ залы, опять

возвращаются; въ самой залѣ все кипитъ движеніемъ, жизнью; музыка гремитъ, кадрили волнуются; цвѣты, газы, перья, красота, безобразіе, цвѣтущая юность, все смѣшалось. Съ упоеніемъ веселится молодость, какъ расточитель, для котораго не взойдетъ другое утро...

Въ это время, у одной изъ боковыхъ колоннъ, стояла молодая дама; взоры ея, то горѣли какъ двѣ звѣздочки, милыя, плѣнительныя, которыя охотно пролюбуются всю долгую, осеннюю ночь, то опускались на букетъ цвѣтовъ, съ невыражаемою тоскою: любовь, нѣжная просьба, страхъ смѣнялись въ нихъ съ невѣроятною быстротою. Она слушала молодого мужчину, который, прислонясь къ колоннѣ, казалось, считалъ непрестанныя измѣненія лица ея. Въ немъ не видно было никакого волненія, но онъ былъ мраченъ; по временамъ губы его сжимались ироническою улыбкою, и иногда взоры оживлялись минутнымъ пламенемъ. Онъ говорилъ немного, и, казалось, выжидалъ, какое дѣйствіе произведетъ каждое слово его, какъ искусный врачъ, который въ рѣшительную минуту не сводитъ глазъ съ больного, наблюдая каждое его движеніе. Эта минута была для него опытомъ: онъ изучалъ, и можетъ быть, ей обязаны красавицы блестящею страницей въ *Revue des deux mondes*, или другомъ какомънибудь журналѣ; политика не исключаетъ занятій литературныхъ. Изъ толпы, окружавшей танцующихъ, два огненные глаза пристально, ревниво слѣдовали за всѣми движеніями молодой четы, и поодаль, изъ середины кадрили, робкій взоръ прекрасной танцовщицы, говорила ли она съ кавалеромъ, смѣшивалась ли съ другими въ общемъ шенѣ, все съ безпокойствомъ смот-

рѣлъ, то на безпечныхъ любовниковъ, то на толпу, изъ которой пристально глядѣлъ зловѣщій глазъ.

Ясна и блистательна была лазурь неба на другое утро; легкій голубой паръ, какъ прозрачная дымка, волновался въ долинѣ; городъ пробудился; веселая крестьянка въ бѣломъ фартукѣ, съ наполненнымъ всякаго роду плодами корзинкою на головѣ, спѣшитъ на рынокъ, занять свое обычное мѣсто; въ аллеяхъ мелькаютъ зонтики и шляпки; верховья лошади у подъездовъ бьютъ копытомъ о камень мостовой; весело приголубливаетъ молодой крестьянинъ въ синей блузѣ лѣниваго осла, который, повѣся голову, тащитъ по улицѣ одноколку, нагруженную овощами, и румяная Нѣмочка съ дружеской улыбкой кланяется знакомому, искусно развѣшивая газъ и блонды въ окнахъ магазина; передъ домомъ Собранія, на площадкѣ, окруженной высокими каштановыми деревьями, собираются большыя и небольшыя, послѣ утренней прогулки, пить кофе за маленькими столиками, читать газеты и курить Гаванскія сигары, между тѣмъ, какъ любители уже прокрадываются въ первую залу, завѣтное пристанище изгнанницы, отвергнутой всѣми могуществами Европы — игры, и дамы благосклонно останавливаются предъ временными магазинами въ каштановыхъ аллеяхъ, гдѣ промышленность раскладываетъ атласъ, бархатъ, Бриссельское кружево, Богемскій хрусталь, рѣзные корзиночки Бернскаго крестьянина, и пр.

Графиня, въ утреннемъ легкомъ платьѣ, стояла у окна, опираясь одною рукою на плечо Графа, который выслушивалъ спокойно, что было угодно говорить его супругъ.

— Ты сиѣшишь, Антоній? Но какъ бы это сдѣлать? Мнѣ очень хотѣлось бы еще разъ видѣть Эбер-

штейнъ *. Я такъ люблю это очаровательное мѣсто. Нельзя ли послѣ?

«Но ты знаешь, Александрина, что мы непременно ѣдемъ послѣ-завтра.

— Ахъ! да. Но вѣдь вы пробудете тамъ цѣлый день, а мнѣ надобно сдѣлать столько прощальныхъ визитовъ, да и тетушка проситъ отобѣдать съ нею въ послѣдній разъ.

«Ты поѣдешь къ ней завтра.

— Когда же? Ты знаешь, тетушка ѣдетъ въ Россію. Надобно приготовить съ ней посылки Ахъ! это несносно! къ тому жь сборы... Мы непременно ѣдемъ?

«Непремѣнно. Рѣшишь, Александрина — скоро одиннадцать.

— Ну, такъ и быть! Надобно быть разсудительною. Ты простишься за меня съ Эберштейномъ. Смотри же: вспомни меня, когда будешь на балконѣ, знаешь, который обращенъ въ ту сторону, гдѣ такъ сердито реветъ бѣшеная Мурга, и прекрасно теряется долина въ безконечной перспективѣ горъ!

Едва примѣтная улыбка на минуту появилась на устахъ Графа; онъ пожалъ руку жены, и ласково простившись съ нею, вышелъ. Ахъ! Графиня! вы забыли, что ревность имѣетъ свой инстинктъ, который не дремлетъ!

Часовая стрѣлка движется медленно, но вотъ уже два часа. Коляска Графини стоитъ у подъѣзда. Она только что возвратилась; шляпка, перчатки броше-

* Замокъ, принадлежащій Герцогу Баденскому, въ двухъ миляхъ отъ Баденъ-Бадена.

ны на столѣ. Графиня сидитъ передъ развернутою книгою и не читаетъ ея. То смотритъ на часы, то встаетъ, прислушивается, и опять падаетъ въ креслы. Лицо ея пылаетъ, грудь вздымается неровно. Кажется, силы готовы оставить ее. Ахъ! нѣтъ! если тихая, взаимная привязанность есть жизнь женщины, то страсть, страсть запрещаемая разсудкомъ, превышаетъ ея силы, и она изнемогаетъ, какъ слабый цвѣтокъ подъ ударами непогоды. Бѣдная лилія полей! ей надобно весеннее солнце, весенній тихій дождь — бурный ливень свѣжитъ вершину величественнаго дуба, но онъ убьетъ ее....

Вотъ звонокъ... входятъ на лѣстницу... дверь открывается... Лиза шла въ сосѣдней комнатѣ — работа упала изъ рукъ ея, когда она узнала въ гостиной Графини голосъ де-Нолле.

Но что же это? Какъ Графиня, съ ея правилами, съ ея душою, какъ «цвѣтокъ, изливающій ароматъ безъ собственнаго вѣдома» — и вдругъ свиданіе, умышленное, замѣтле, обманъ, въ отсутствіи мужа...

Я могла бы вамъ написать цѣлую страницу о чистотѣ намѣреній Графини; сказала бы, что порочная мысль ни на минуту не представлялась душѣ ея, что... что... что обыкновенно говорится въ такихъ случаяхъ, но я боюсь: вы вспомните слова Сен-Клера, въ Лихтентальской аллеѣ, если хоть нѣсколько внимательно читали начало моей повѣсти, и поэтому просто расскажу вамъ, какъ все случилось.

Рано утромъ, когда Графиня была еще въ постели, Лиза вошла къ ней въ комнату съ букетомъ цвѣтовъ.

— Какал смѣшная ваша Фанни! Пришла сегодня ранѣе обыкновеннаго, и ни за что не согласилась

отдать Графу своего букета. Ей сказали, что вы еще спите; она хотѣла было уйти. Графъ увидалъ, приступилъ къ ней, чтобы ввѣрили ему букетъ, но она начисто отказала, говоря, что никому не отдасть, кромѣ меня, и совсѣмъ было собралась уйти.

Фанни была маленькая, хорошенькая дѣвочка изъ ближайшей деревни. Графиня имѣла случай оказать помощь ея семейству, и съ тѣхъ поръ Фанни каждое утро являлась съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ. Съ нѣкотораго времени букеты стали разнообразнѣе, богаче, и Фанни никому не отдавала ихъ, кромѣ самой Графини, или иногда Лизы. Графиня страстно любила цвѣты; каждый день сама пересвязывала букеты, разставляла ихъ по вазамъ, сама перемѣняла воду. На тотъ разъ, еще не вставая съ постели, она также хотѣла приняться за любимое занятіе свое; снурокъ развязанъ, цвѣты рассыпались, но Графиня вспыхнула и бросила взоръ на Лизу — та искала чего-то на полу. Александрина упала на подушку, и когда осталась одна, маленькая ручка ея развернула небольшую записку — она прочла:

«Въ два часа: не правда ли? О, умоляю васъ!»

«Какая дерзость!» вскричала Графиня, вскочивъ проворно съ постели, и бросила записку — въ свой письменный столикъ. «Присылать цвѣты — это... очень мило, но записка? Это ужъ слишкомъ». Нѣтъ! она уйдетъ съ Графомъ въ Эберштейнъ, не увидится..... хотя бы то было уже въ послѣдній разъ.

Мы видѣли чѣмъ кончилось....

Графиня была въ видимомъ волненіи; она сидѣла опершись на спинку кресель; яркій румянецъ горѣлъ на щекахъ ея; рука распускала бахраму шарфа.

— Я не ожидала этого де-Нолле; это ужъ слишкомъ! Смѣть писать...

«Что значить письмо, Графиня? Забѣна словъ. Я осмѣлился писать то, что говорилъ вчера, и вы.... слушали меня.

— Вы правы; виновата я одна. Вы наказываете меня де-Нолле! — сказала Графиня, съ такимъ выраженіемъ истиннаго раскаянія, что де-Нолле былъ тронутъ; онъ видѣлъ, что здѣсь не было притворства.

«Графиня,» сказалъ онъ, помолчавъ, «я не привыкъ, да и смѣшно было бы мнѣ играть роль Ловеласа — особенно съ вами. Мы встрѣтились, сошлись, Богъ знаетъ какъ. Я знаю одно, что мнѣ трудно будетъ забыть васъ. Я думалъ сначала, что найдю въ васъ женщину, у которой кокетство вошло въ привычку. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что вы любите искренно.»—Графиня сдѣлала движеніе, желая прервать его.—«Оставимъ фразы, Графиня: онъ нейдетъ намъ обоимъ. Вы любите меня; мужъ увозитъ васъ отсюда; скажите, могу ли я слѣдовать за вами? Гдѣ найду васъ? Александрина! одно слово и мы можемъ еще быть счастливы. Скажи, скажи! Я забуду все: сынъ честолюбія, мои мечты, отечество...» Онъ нечувствительно оставилъ холодно-почтительное положеніе, въ которомъ былъ съ начала разговора; на скамеечкѣ, у ногъ Графини, онъ сидѣлъ, одно колено на коврѣ, сжимая ея руки въ своихъ рукахъ, со взоромъ, въ которомъ горѣли любовь, страсть....

Послышался шумъ шаговъ. Они вздрогнули. Графиня вскочила съ своего мѣста; дверь отворилась — вошелъ Графъ.

Но прежде нежели успѣлъ онъ выговорить одно слово, въ боковую дверь вбѣжала Лиза, и схватила руку Графа, такъ проворно, что изумленный Графъ не могъ понять: была ли она въ комнатѣ до его прихода, или только что вошла?

— Графъ—сказала Лиза, съ необыкновеннымъ волненіемъ—будьте снисходительнѣе Графини! Я знаю, что мнѣ нѣтъ оправданія, но мнѣ тяжело оставить васъ, не получая ея и вашего прошенія.

«Что это значить, Лиза?»

— Я знала, что ни вы, ни Графиня не будете дома и позволила ему прійхать.

«Ты, Лиза?» — Графиня и молодой человекъ стояли, какъ окаменѣлые.

— Я неправа, но посудите: я хотѣла простить—сл, можетъ быть, навсегда. Вспомните упрямство Фанни. Она не хотѣла отдать вамъ букета—въ немъ была записка ко мнѣ. Графиня возвратилась ранѣе, чѣмъ я ожидала. — Въ голосъ, во взоръ Лизы было столько благородства, въ осанкѣ ея столько твердости, что не смотрѣлъ на собственное признаніе, ее трудно было почестъ виновною. Графъ смотрѣлъ на нее недоувѣрчиво, по временамъ бросал взоры на Графиню, блѣдную, какъ мраморъ.

«Надобно повѣрить вамъ, сударыня,» сказалъ наконецъ Графъ. «Но, понимаете ли, что вы сдѣлали?»

— Знаю, Графъ, равно какъ и то, что мнѣ остается дѣлать.

— Мнѣ понятны шалости молодыхъ людей — продолжалъ Графъ, обращаясь къ де-Нолле, съ иронической улыбкою—мнѣ только жаль, что вамъ

удобно было избрать домъ мой театромъ вашихъ подвиговъ. Слуга покорный!

«Нѣтъ, Графъ, это не можетъ быть такъ,» отвѣчалъ де-Нолле, какъ будто выходя изъ тяжелаго сна.

«Я прошу—руки Лизы.

Графиня схватилась за ручку кресель. Лиза затрепетала. Пусть кто можетъ вообразить положеніе актеровъ этой сцены; оно было неописанно.

Радостная улыбка блеснула на лицѣ Графа.

— Лизавета Павловна свободна располагать собою, и думаю, что Графиня не захочетъ противиться ея счастью—отвѣчалъ онъ. Проницательный взоръ его обратился къ Графинѣ.

«Ты свободна, Лиза,» сказала она трепетнымъ голосомъ — «я желаю только твоего счастья.»

Образъ Дмитрія мелькнулъ въ душѣ Лизы. Счастье, любовь, надежды, все заговорило милымъ, знакомымъ голосомъ. Ужели она откажется отъ всего? Но оно уже разрушено. Дмитрій узнаетъ происшедшее, а истина никогда не дойдетъ до него. Ахъ! до сихъ поръ она не думала о томъ. Въ рѣшительную минуту, когда душа, послушная призванію внутренняго голоса, съ энтузіазмомъ спѣшитъ на благородную жертву, всѣ другія чувства молчатъ: прекрасна и возвышенна, она ощущаетъ въ себѣ силы Божества и невозможность исчезать передъ нею! Но коротка минута святаго восторга. Блаженъ, кто вкусилъ его, хотя мгновенно! Невольникъ, перенесенный на родину въ пріятномъ снѣ, потрясаетъ узами и звукъ цѣпей возвращаетъ ему темницу, неволю и одиночество. И Лиза увидѣла свое положеніе; душа

ел поколебалась, но она опомнилась и подала руку де-Нолле.

«Мнѣ жаль только, что мы не можемъ быть на вашей свадьбѣ, Лизавета Павловна,» прибавилъ Графъ, бросая испытующій взоръ на Графиню. «Дѣла при- зываютъ меня въ Вѣну.»

Повѣрилъ ли Графъ, или хотѣлъ только повѣрить? Кто объяснить?

Настойчивое желаніе Графини остаться дома и вчерашній разговоръ на балѣ пришли на умъ Графу? между тѣмъ какъ коляска его катилась по прекрасной аллеѣ Лихтенталя. Ужели тутъ есть что нибудь условное свиданіе? — быть не можетъ! Кровь ударила въ лицо Графа; мысль, что пятно ляжетъ на имени его, что свѣтъ назоветъ его обманутымъ мужемъ, что на него падутъ насмѣшки общества, приводила его въ трепетъ. А что дѣлать? Возвратится? Но если онъ тамъ? Что дѣлать тогда? Осыпать упреками виновную, наказать оболъстителя, драться? — Ужасно, глупо! Варварскій предрасудокъ — жертвовать жизнию Богъ знаетъ изъ чего! Къ тому же, не значило ли это предаться самому на волю злорѣчія? Да и кто знаетъ, что сдѣлаетъ Графиня? Страсти придають невѣроятную силу самымъ слабымъ твореніямъ: надобно будетъ разстаться, лишиться плодовъ столькихъ лѣтъ хозяйства, трудовъ, стараній.... Но, можетъ быть, еще есть время.

Графъ возвратился—что за сужда подь какимъ предлогомъ. Ревность мучила его, но ничего опредѣленнаго не было въ его головѣ. Есть минуты, когда политики и спекулянты отдаются на волю случая, какъ и мы, вѣчно бродящіе подь его знаменемъ. Онъ все еще думалъ, какъ нибудь избѣгнуть

огласки, но когда услышалъ голосъ де-Нолле, все расчеты были забыты; заговорило одно оскорбленное самолюбіе; онъ вошелъ.... Дѣло взяло неожиданный оборотъ; спекулянтъ снова подалъ голосъ, и Графъ рѣшился воспользоваться случаемъ, тѣмъ болѣе, что могъ вмѣстѣ сохранить приличіе и выгоды.

Въ тотъ же самый вечеръ, Графиня была у тетюшки, Лиза оставалась одна; тихая ночь сошла на землю; звѣзды ярко зажглись на синевѣ небесъ; горьдъ смолкъ; въ комнатѣ Лизы было темно; она сидѣла у окна, прижавшись къ панели, неподвижна, блѣдна, и, казалось, вся душа ея обратилась въ слухъ. Слышались голоса.

— Я не повѣрилъ бы, еслибы не она, не сама она призналась!... Женщина всегда останется наукою.

«Да, что жъ тутъ мудренаго? Де-Нолле хороше, локоть, славные кудри — чего же лучше?»

— Правда... Тутъ голосъ стихъ, такъ, что ничего невозможно было разслышать.

«Ты берешь слишкомъ свысока! Что тутъ за долгъ? Дѣвушка правится; онъ ей болтаетъ всякій вздоръ: вольно же слушать! А тамъ — нѣсколь- ко тысячь въ приданое, и какой нибудь управляющій, или чиновничекъ, съ радостью женится. Де-Нолле — дуракъ!»

И это говорилъ Дмитрій.

Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ такъ, онъ, столь благородный, столь любящій. Или то было просто отголосокъ чужихъ рѣчей, которыми онъ хотѣлъ прикрыть истинное чувство въ глазахъ человѣка, который не понималъ бы его? О, эта мину-
Т. VIII. — Отд. I.

та была для Лизы жесточайшею изъ всѣхъ, свинцовою тяжестью канувшихъ въ вѣчность съ этого роковаго утра! Лишиться Дмитрія было ужасно, но своею жертвою она искупала спокойствіе своей благодѣтельницы, женщины, которую, можетъ быть, она любила болѣе всего на свѣтъ, и должно сказать правду: въ рѣшительную минуту, она не обняла всей великости своей жертвы. Узнать о возвращеніи Графа и рѣшиться спасти Графиню было дѣло одной минуты. А теперь, оставшись одна, она поняла, какую бездну изрыла подъ ногами своими. *Его презрѣніе!* Знаете ли, что значить незаслуженное презрѣніе человѣка, въ которомъ мы полагали все наше счастье? Здѣсь свидѣтельства совѣсти недостаточно. Она оправдана въ глазахъ свѣта — правда, да, что для нея свѣтъ, для нея, имя которой умираетъ въ залахъ большаго свѣта, какъ пустой звукъ, не находящій отголоска? Что свѣтъ для женщины любящей, какъ высоко въ немъ ни стояла бы эта женщина, въ сравненіи съ избраннымъ сердца ея? Развѣ улыбка его, одинъ веселый взглядъ, его не заставляютъ забывать часто свѣтъ и самые намѣки совѣта? Много ли женщинъ любящихъ, которые поколебались бы между свѣтомъ и любовью? А она? Гдѣ было ея общество? Гдѣ кругъ ея? Незванная гостя въ залахъ большаго свѣта, она прошла незамѣченная ими; затмилась бы — и никто не примѣтилъ бы ея отсутствія. Что же ей свѣтъ? Кругъ отца ея? Но ей уже не приставать къ нему: ее примутъ тамъ, какъ чужеземку, не поймутъ языка ея; ей странно показаться языкъ соотечественниковъ. Она одна въ цѣломъ мірѣ; ея общество, ея міръ, ея вселенная, все было въ сердцѣ Дмитрія — и Дмитрій презираетъ ее! Онъ причисляетъ ее къ тѣмъ женщинамъ, для которыхъ слово «люб-

лю» — игрушка; ложь, ходячая монета, которою онъ разбивается съ героями своихъ минутныхъ прихотей, для которыхъ чувство сдѣлалось сказкой бабушекъ, а истина театральною мишурою. Оправдываться? Невозможно: онъ не повѣритъ, да, и будетъ ли тогда жертва полною? А если Дмитрій говорилъ искренно, и она, любя его, была игрушкою бездушнаго искателя забавъ?... О, я не знаю, что страшнѣе: лишиться ли безвозвратно предмета страсти, или въ одно мгновеніе свести съ радужныхъ облаковъ божество души нашей, чтобы видѣть въ немъ бѣдное подобіе человѣка... Но что это?... А! старинная пѣсня: прежній знакомецъ Лизы, чернѣйшій демонъ ея, смѣется въ углу, оскала зубы.....

Лизавета Павловна! вы хвалились вашимъ знаніемъ свѣта; вы думали, что не переступили границы круга, означеннаго для васъ обществомъ, и будете умѣть избѣгать толковъ, непріятныхъ вашему самолюбію? Напрасная надежда! Вы вышли изъ своего круга, когда ступили на пышные ковры кабинета Графини. Каковъ бы ни былъ порядокъ вещей, различіе обществъ всегда будетъ существовать, и никто ненаказанно не выйдетъ изъ круга ему опредѣленнаго. Вы принесете въ чуждое вамъ общество чистое сердце, высокую мысль, и оно разобьетъ ихъ, какъ разбиваетъ ребенокъ драгоценный сосудъ, отъ того только, что онъ поставленъ въ темномъ углу, и на небогато вызолоченномъ подстольникѣ.

Правда, нашелся человѣкъ, который понималъ благородную дѣвушку, который не спросилъ: историческое, или безвѣстное имя произнесется съ нарѣканіемъ? съ шумомъ ли нововоду пронесется это нарѣканіе, или отзовется только въ сердцѣ стараго

отца или дряхлой матери? Онъ не спросилъ, кто страдаетъ, но сдѣлалъ то, что внушило ему благородное сердце, электризованное примѣромъ самоотверженія, да вознаграждало ли это Лизу? Что было для нея де-Нолле? Чужестранецъ, котораго она едва знала по имени. Поступокъ его благороденъ, но и Дмитрій поступилъ бы также на его мѣстѣ. Въ минуты, когда судьба призываетъ на великое и благородное, душа, проникнутая святымъ энтузіазмомъ, дѣйствуетъ свободно, не спрашивалась ни приличій ни предразсудковъ, свойственныхъ каждому обществу, каждому особенному классу людей; она смотритъ на міръ, какъ Божество, передъ которымъ всѣ равны, и царь и нищій, бѣдный и богатчъ.

Черезъ два дня послѣ того, Графская карета ѣхала по Большой Рахштадской дорогѣ; въ день отъѣзда, по обыкновенію, подавали шампанское, и Минскій пилъ за здоровье невесты. Де-Нолле тутъ не было; встрѣтись вечеромъ въ залѣ собранія, Минскій пожалъ его руку, поздравляя съ помолвкой. Впрочемъ было рѣшено, что дѣло останется пока тайною.

«Что, Графъ, кто правъ изъ насъ?» спросила Баронесса (та самая молодая дама, которая такъ горячо когда-то защищала Графиню), подходя къ круглому столику, за которымъ сидѣли старый Графъ, дама съ вѣромъ и пріѣзжая изъ Вѣны.

— Тысячу разъ прошу вашего прощенія; музыка такъ гремитъ, что я принужденъ просить повторить, что угодно было сказать прекрасной Баронессѣ?

«А! вы не слышите, Графъ? Знаете ли, что де-Нолле женится на воспитанницѣ Графини?»

— На ея племянницѣ?

«Вы даже и того не знаете? Это ея воспитанница, бѣдная двушка, совершенно изъ простыхъ. Де-Нолле хорошей фамиліи; эти Французы помѣшаны на гризеткахъ!»

Графъ опустилъ руку съ ложечкой мороженаго, которое поднесъ было ко рту. Стыдь: быть столько несвѣдущимъ въ дѣлахъ общества, совершенно отнять у него способность дѣйствовать. Съ открытымъ ртомъ и устремленными неподвижно на Баронессу глазами, съ блюдечкомъ мороженаго въ одной и ложечкою въ другой рукѣ, онъ сидѣлъ, не имѣя силы придти въ себя, а музыка гремѣла, и веселыя пары гуляющихъ проходили, останавливаясь, то у одного, то у другаго столика съ знакомыми, исчезали въ темныхъ аллеяхъ и снова возвращались.

Лиза осталась у Графининой тетюшки. Де-Нолле снѣвши свадьбою. Дѣла призывали его въ Парижъ.

Но что же дѣлается въ У.....? Мы совсѣмъ забыли нашихъ стариковъ. Заглянемъ въ ихъ неизвѣстный уголокъ земнаго шара.

Весело и ясно горѣло осеннее солнце. Блестящія нити паутины тянулись на полѣ. Вода, какъ зеркало неподвижное, отражала безоблачное небо, и ярко блестѣлъ золотомъ пожелтѣлый листъ кудриваго клепа. Пестрыя толпы крестьянъ, тихо толкая между собою, возвращались въ селеніе узкою полевою дорогою, которая вела къ кладбищенской церкви за рощею. Нѣсколько дрожекъ съ фартуками, нагруженныхъ Князьями и Княгинями У....., тянулись впередъ за старинною колымагою, въ которой сидѣли священникъ, и двѣ дамы въ черныхъ платьяхъ, повязанныя бѣлыми платочками. Стороною, лужкомъ, шли двѣ дородныя жещины, одна въ огром-

номъ тюлевымъ чепцѣ и драдедамовомъ салопѣ; другая повзванная чернымъ шелковымъ платкомъ, въ синемъ холодникѣ, съ вырѣзаннымъ городками воротникомъ, обшитымъ узкою лентою. Обѣ едва удостоивали жеманнымъ наклоненіемъ головы крестьянъ, которые, поравнявшись съ ними, останавливались и кланялись въ поясъ. Случалось однакоже, что нѣкоторые изъ удалцовъ, повѣся голову и размахивая руками, проходили мимо, чуть чуть дотрогиваясь до шапки (гдѣ же нѣтъ вольнодумцовъ, не уважающихъ ни рода, ни отличій?). Дамы провожали ихъ суровымъ взоромъ, и прерывали, важный по видимому, разговоръ, словомъ: «Молокососы!» или чѣмънибудь подобнымъ. То были: супруга Графскаго управителя и старая попадья, ея задушевная пріятельница.

— А вы видѣли ее, матушка, Аграфена Максимовна?

«Какъ же не видать? Видѣла, да когда? Вотъ въ прошедшую среду. Поѣхала на базаръ, веретенецъ посмотреть: дѣвчонки всѣ переломали; дай зайду навѣстить старика: слышь больно трудень. Да, признаться, хотѣлось и дочку-то посмотреть. Въдѣ пріѣхала и не заглянеть! Куда вспомнить насъ, мѣлкихъ людей? Старое-то забывается....»

— Что же, какъ бы сказать, хороша изъ себя?

«Не дуриа бы, да глаза что-то такіе большіе, да и блѣдна больно. Я пришла, поцѣловалась съ Агабей Ивановной, да иду этакъ къ кровати, а она сидитъ въ головахъ, такъ разряжена, прости Господи, въ шелковомъ платьѣ, поклонилась, а мнѣ и глядѣть на нее не хотѣлось.»

— Э, матушка, Аграфена Васильевна! Кто Богу не грѣшечь! И не наши сѣни подламываются, а она

въдѣ, хоть и залетѣла ворона въ барскія хоромы, да не далеко же отстала отъ насъ грѣшныхъ. Отецъ-то, царство ему небесное, съ матерью только что слово-то что дворяне, а ужъ такъ такъ что концы съ концами сводили!

«Ну, оно не говори этого, мать моя. Въдѣ по милости Графини они зажили было порядочно, и обзавелась; все муженекъ же мой за нихъ просилъ. Да вотъ какъ судомъ-то начали спрашивать, по какимъ крѣпостямъ владѣють землею, анъ у нихъ никакихъ нѣтъ. Оно кабы деньги, такъ все бы сладилось, а то земля-то и отошла. Крестьяншкы въ раззоръ раззорились. Писали было къ дочкѣ, а она изволить въ Парижъ гулять. А намъ что? Наше дѣло сторона: дитя не плачетъ, мать не разумѣть. Загордился больно хоть бы и Агабей Ивановна. И не вздумаетъ придти на праздникъ, что ли — вишь-де дочка въ домѣ. Ну, да намъ что? Богъ съ нами! Имънецо-то продали. Ну какъ быть? Все бы жилое: кой какія денжонки еще оставались, да какъ пошли слухи объ дочкѣ, то, да съ — ужъ не скрадешь. Намъ написалъ, спасибо, племянникъ, камердинеръ Графскій. Мой Харитонъ Петровичъ пошелъ къ старику, да между прочимъ и рассказалъ про дочкины проказы. Старика ударило параличемъ, да ужъ и не вставалъ.»

— Вотъ, царство ему небесное, покойникъ натерпѣлся. Каково-то было его сердечушку?

«Что? отцовское дѣло! Слышь, какъ пришла, повисла ему на шею, да и говоритъ: «не виновата!» повѣрять.»

— Ужъ неча сказать, Аграфена Максимовна, можетъ быть и виновата — Богу судить. А ужъ какъ

за отцомъ ходила! Три недѣлюшки глазъ не смыкала денно и ночью. На ея рукахъ и Богу духъ отдалъ.

«Ну ужь оно конечно такъ. Отецъ же вѣдь есть.

— То-то вотъ неразумѣнье-то наше. Ну что садится не въ свои сани! Зналъ бы сверчокъ свой шестокъ, анъ дѣло бы здоровѣе было.

«Ну, что и говорить! Да, вотъ, садись-ка мать на дрожечки-то, да поѣдемъ къ намъ, побесѣдуемъ. А тамъ, пообедаемъ чѣмъ Богъ послалъ.

Пріятелиницы съѣли, поѣхали; объ чемъ и что говорили, то вѣрно ужь записано не въ книгѣ ангельской. Люди вездѣ таковы: любимъ судить другихъ. Укора другому часто похвала себѣ: не стали бы, скажутъ, судить порока, который сами имѣютъ.

И такъ Лиза не выпила за де-Нолле? Нѣтъ. По отъѣздѣ Графини, она объявила, что не можетъ рѣшиться ни на что, не получивъ согласія отца. Де-Нолле и сама тетушка уговаривали ее; она была неумолима. Въ одинъ вечеръ, они остались одни; де-Нолле сидѣлъ въ углу, задумчивый; черные кудри его въ беспорядкѣ надали по лицу, которое казалось блѣднѣе обыкновеннаго; тревожныя думы хмурили его высокое чело. Лиза подошла къ нему.

«Вы завтра ѣдете во Францію, г. де-Нолле?»

— Безъ васъ? Нѣтъ!

«Дайте мнѣ вашу руку, де-Нолле!» Онъ подаль ей руку, которую она крѣпко сжала. «Вы благородный человекъ, и я вполне цѣню ваше великодушіе; но скажите правду: женитьба входила ли въ ваши планы?»

— Этотъ вопросъ...

«Не у мѣста, хотите вы сказать. Вы ошибаетесь, де-Нолле; я спрашивала, потому, что положеніе наше вынуждаетъ взаимную довѣренность. Я не знаю, до какой степени любили вы Графиню; знаю, что никогда не любили меня. Бракъ безъ любви долженъ быть, по крайней мѣрѣ, выгоднымъ, а нашъ союзъ не портитъ ли только вашей будущности?»

Де-Нолле хотѣлъ говорить; она прервала его. «Выслушайте — ваше благородное сердце ручается мнѣ, что я была бы счастлива съ вами; но ..... я люблю, де-Нолле!»

Легкая краска оживила на мгновеніе лицо его. — Любите? Но любимы ли вы?

«Что до того!» отвѣчала она съ колкою усмѣшкою. «Я не умѣла бы согласить съ сердцемъ новыхъ обязанностей, не умѣла бы любить васъ такъ, какъ вы заслуживаете, и, смѣйтесь надо мною, называйте мечтательностью, но я не хочу разстаться съ моею любовью.»

— Не опять ли выдумка вашего великодушія, Лиза?

«Нѣтъ!» сказала Лиза, и въ голосѣ ея было столько горестнаго, что де-Нолле замолчалъ, и въ черныхъ глазахъ его блеснуло что-то похожее на слезу.

— Но въ такомъ случаѣ — сказалъ онъ — не могу ли я ... оправдать васъ передъ *нимъ*?

«Нѣтъ, нѣтъ!»

— Чтожь я долженъ дѣлать? Располагайте мною, приказывайте!

«Скажите всѣмъ, что будете въ Петербургъ черезъ два мѣсяца и поѣзжайте въ отечество. Остальное

предоставьте мнѣ. Вы сдѣлали для меня все, что могли сдѣлать. Будьте счастливы..»

Голосъ ея прервался; она крѣпко сжала руку де-Нолле и вышла. На другой день де-Нолле не было уже въ Баденѣ. Лиза отправилась съ тетушкою въ Петербургъ, ожидать, какъ говорила она, прїѣзда жениха. А тамъ, подъ предлогомъ неожиданныхъ писемъ, было уже не трудно уѣхать въ У.....

«Послѣ кончины батюшки,» говорила мнѣ моя прекрасная учительница пансіона, Лизавета Павловна, если вамъ угодно, «я уговорила матушку переѣхать сюда; домикъ нашъ былъ проданъ, вмѣстѣ съ имѣніемъ; у насъ не оставалось въ У..... ничего, кромѣ могилы отца моего. О! какъ мнѣ было хорошо на его могилѣ, покрытой зеленымъ дерномъ, съ простымъ деревяннымъ крестомъ вмѣсто памятника! Отверженная людьми, безпріютная Царія на родинѣ, я только здѣсь была на своемъ мѣстѣ, у себя.—Батюшка видитъ меня—думала я—онъ знаетъ сердце мое; онъ одинъ не сомнѣвается во мнѣ. Тяжко переносить презрѣніе цѣлаго общества, каково бы оно ни было. Взоръ человѣка одаренъ чудною силою и дѣйствуетъ непостижимо на душу. Что это такое, я не знаю, но вооруженный презрѣніемъ, онъ мертвитъ, и разумокъ уступаетъ ему, какъ силѣ превосходной. За чтожь на меня падаетъ презрѣніе? Ужели власть общества такъ сильна, что малѣйшее нарушеніе приличій его, даже съ цѣлью благородною, строго наказывается имъ? На чемъ же основана власть судьи? Какъ могутъ сотни слѣпцовъ, которыхъ вся жизнь не иное что, какъ сцѣпленіе ошибокъ, произносить приговоры неопровергаемые? Что я сдѣлала? Я искала одного добра, жертвовала всѣмъ для счастья другихъ, и что же

получаю? Одно презрѣніе! Горько плакала я, но плакала не напрасно. За меня молился онъ, мой добрый другъ, мой отецъ, и спокойствіе низошло въ душу мою, и мнѣ сталъ понятенъ чудный законъ, на которомъ основана власть общества. Такъ, если оно судитъ самую наружность, если строго наказываетъ тѣнь порока, это доказываетъ существованіе добра, какъ истины вѣчной и неопровержимой, которую чтить даже и тотъ, кто безъ зазрѣній совѣсти играетъ ея святыми законами, истины, которая знакома душѣ человеческой и иногда отзывается въ ней, какъ забытая родина, которую подъ часъ приносятъ въ жертву за самолюбіе и за личныя выгоды. А вознагражденіе? Отвѣтъ на это здѣсь, въ сердцѣ, и я не отдамъ его ни за какія блага міра. Кто страдалъ здѣсь неправо, тому понятно безсмертіе, тотъ знаетъ, вѣрить, что есть лучшій міръ, лучшій порядокъ вещей, гдѣ все благородное и высокое найдется отвѣтъ, гдѣ судится душа, тогда, какъ свѣту принадлежитъ одна наружность. Теперь слезы мои не были горьки; мнѣ казалось, что я разгадала загадку жизни: была цѣль моимъ страданіямъ, и слезы мои текли не даромъ.»

«Мы наняли здѣсь домикъ; недостатокъ въ способахъ ученія обезпечивалъ успѣхъ моего предпріятія. Вотъ видите: я учительница небольшой школы. Здоровье матушки совершенно ослабѣло. Она не помнитъ ничего, и, какъ дитя, не можетъ обойтись безъ посторонней помощи. Я теперь ея нянюшка. Судьба дала мнѣ завидную участь: я имѣла счастье хоть нѣсколько заплатить за добро, мнѣ сдѣланное; одинъ только батюшка — по онъ видитъ сердце мое: онъ простилъ мнѣ!»

«Занятія мои оставляютъ мнѣ мало свободнаго времени; готовлю задачи, читаю; сойдутся мои шумные гости; я задаю уроки, иногда сержусь, привожу въ порядокъ моихъ маленькихъ республиканокъ. По временамъ однакоже, душа изнемогаетъ подъ искусственною дѣятельностью, и чувство противъ воли разбиваетъ свои оковы. Тогда прошедшее, во всей магической красотѣ своей, является взорамъ; какъ легкія видѣнія, смѣняются въ душѣ моей воспоминанія: Графиня, слабая, но добрая, любящая блескъ общества; жизнь . . . мечта переноситъ меня къ тѣмъ свѣтлымъ, беззаботнымъ днямъ, когда искусство, поэзія, всѣ утонченныя наслажденія роскоши лелѣли мою неопытность, приучал сердце къ ихъ обольстительному дыханію, когда природа и жизнь угощали меня, какъ милую гостью на веселомъ пирѣ. Мнѣ не возвратитъ прошедшаго; тамъ, далеко, гдѣ развилась моя молодость, по прежнему раздадутся божественные нагъвы любимцевъ небесъ; ихъ волшебныя струны зазвучатъ гармоніей небесныхъ арфъ — я не услышу ихъ, душа не отзовется на дивный аккордъ! Мнѣ мѣръ и мертвь и пусть, и нѣтъ отголоска для души. Мнѣ осталось одно воспоминаніе: въ немъ оживаю я прежнюю жизнью, но и оно слабѣетъ все болѣе и болѣе. . . »

Она замолчала и закрыла лицо руками. Я также молча смотрѣла на нее, и мнѣ казалось, что вижу сѣдую Перю. Черезъ нѣсколько минутъ она опять начала:

«Я могла бы, можетъ быть, болѣе получать, крайней мѣрѣ съ меньшимъ трудомъ, еслибы поступила въ какой нибудь богатый домъ, какъ гувернантка, или компаньенка, но съ одной стороны — какъ

оставить большую матушку? Съ другой, имя мое не напомнитъ ли Баденской исторіи? Общество забываетъ старыя грѣхи,» продолжала она съ милою улыбкою, которая на минуту напомнила Баденскую Лизу, «но для того надобно постараться оглушить память его звономъ червонцевъ, или шумомъ баловъ. Съ нами, бѣдняками, оно не такъ забывчиво. Къ тому же — я уже привыкла къ моему участи. Графиня не забыла меня; она часто пишетъ ко мнѣ; нѣсколько разъ просила объясненій, но я никогда не хотѣла говорить ей о себѣ. Она предлагала мнѣ пенсію; я отказалась. Графъ никогда не писалъ ко мнѣ, но я получила значительную сумму денегъ отъ неизвѣстнаго — и онъ отъ него, я это знаю. Я взяла ихъ; вотъ онъ, въ этомъ ларчикѣ; ихъ найдутъ послѣ смерти моей, съ надписью на имя Графа: я никогда не прикоснусь къ нимъ. Нѣтъ! я не испорчу единственнаго наслажденія, оставленнаго мнѣ судьбою: увѣренности, что я могла заплатить долгъ признательности. И къ тому же, еслибы вы знали, сколько мысль: быть всею обязанной единственно себѣ, дѣлаетъ меня счастливою! Я смѣло поднимаю взоры къ небесамъ: чувство моея независимости внушаетъ въ меня твердость, которая утѣшаетъ меня въ минуту грусти. Какъ бываю я довольна, когда мнѣ удастся сдѣлать что нибудь пріятное матушкѣ! Это лучшая радость моя. Мнѣ кажется, я была бы почти счастлива, еслибы . . . . потеряла память прошедшаго.»

Она опустила глаза съ выраженіемъ тихой грусти и замолчала.

— А онъ? — спросила я робко.

«Я никогда и ничего не слыхала о немъ,» отвѣчала она, не поднимая глазъ. «Вѣроятно, онъ забылъ

меня, какъ одно изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, имена которыхъ не удерживаются въ памяти. Это тягостно со стороны чловѣка, который ... любимъ еще.»

Крупная слеза канула съ ея рѣсницы на столъ, по которому она чертила перочиннымъ ножичкомъ. Я смотрѣла на нее съ живѣйшимъ участіемъ. Мнѣ понятны были и тоска ея, и слабость, которыя заставляли ее сожалѣть о блескѣ, ложномъ, недостаточномъ для истиннаго счастья, по который, какъ яркое пламя, заставляетъ блѣднѣть все, что безъ него свѣтло бы тихимъ, мерцающимъ сіяніемъ.

Почти все время пребыванія моего въ К....ъ безвыходно была я у моей прекрасной знакомки. Прощаясь съ нею въ послѣдній вечеръ, я просила позволенія видѣть еще разъ Агаю Ивановну. Мы вошли въ небольшую комнатку съ однимъ окномъ; были кисейныя занавѣски, нѣсколько горшковъ съ душистыми цвѣтами, опрятность, можно сказать нѣкотораго рода роскошь, которою отличалась отъ другихъ эта комната, показывали, что рука дочери убирала ее. Маленькая старушка, сѣднѣкая, въ бѣломъ платочкѣ, съ блуждающимъ, безжизненнымъ взоромъ, сидѣла на постелѣ, чистой какъ серебро, и вертѣла въ рукѣ конецъ платка. Я подошла къ ней: она посмотрѣла на меня, и поклонилась съ добродушною улыбкою, какъ будто въ знакъ прощанія — вѣроятно, вѣчнаго. Слезы катились по щекамъ Лизы; она пожала мою руку, и молча пошла за мною до калитки. На поворотѣ улицы я еще разъ оглянулась: она все еще стояла на томъ же мѣстѣ, гдѣ я простилась съ нею, и грустный взоръ ея говорилъ мнѣ многое, что не переводится словами. Можетъ быть, удаленіе мое раскрыло сно-

ва раны сердца, еще не совсѣмъ зажившія; несчастью немного надобно, чтобы возмутить его обманчивое спокойствіе.

—
Недавно какъ-то, утромъ, мнѣ случилось быть у одной знакомой моей; я бываю у нея иногда, чтобы узнать, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ; она много выѣзжаетъ, словоохотна, любить рассказывать, и я слушаю ее всегда съ большимъ удовольствіемъ. «Ахъ! ты сегодня прѣехала очень кетати!» сказала она, увидя меня. «Ко мнѣ будетъ молодая; я вчера видѣла ея двоюродную сестру; онѣ сегодня представляются ко Двору, и хотѣли захватить оттуда ко мнѣ, показать свои платья. Говорятъ, чудо какое шитье!»

— Какая молодая?

«Какъ я вѣтрена! Я и забыла, что ты затворница и ничего не знаешь, что дѣлается въ свѣтѣ. Теперь только и говорятъ о Дауровой, что вышла за Минскаго. Прекрасная собой, богата, какое родство, какіе брильянты! Ты знаешь Минскаго, что былъ долго за границей?»

— Минскаго? Нѣтъ, не помню.

«Ты ничего не знаешь. Онъ добрый и, говорятъ, съ прекрасною душою. Ахъ! это прѣинтересно!»

— Да, говори, ради Бога, порядочнѣе! Я ничего не понимаю.

«Ктожь тебѣ велитъ вѣчно сидѣть дома! Вотъ видишь что: она хоть мнѣ немного и съ родни, но тебѣ можно рассказать. Минскій давно ужъ искалъ въ ней; это по всему для него прекрасная партія, и она была влюблена, да какъ — это весь міръ знаетъ, и тетюшка Федосья Николаевна, и я, и да-

же Графиня, двоюродная сестра Минскаго, вотъ ты ее увидишь — ну, весь міръ...»

«Графиня С...!» прокричалъ человѣкъ, отворяя двери.

И Баденская Графиня, прекрасная, блистая брилльантами, вошла въ комнату. За нею, въ самомъ дѣлѣ, прекрасная, молодая дама, также блистательно одѣтая, и мужчина довольно пріятной наружности. Я узнала голубые глаза его, задумчивые, кроткіе; это былъ Дмитрій, онъ, но какая разница! Мечтательный, нѣжный Дмитрій, теперь — высокій — только изъ вѣжливости не назову толстымъ — но, полный и очень колный мужчина, съ розовыми щеками, довольною улыбкою, вошли, всѣ трое веселы, счастливы, довольны... Мнѣ стало грустно; я вспомнила мою Лизу, и поѣхала домой отыскивать повѣсть, которую набросала на бумагу по ея рассказамъ, вскорѣ послѣ того, какъ разсталась съ нею...

М. Ж. К. ВА.

=

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ КОМЕДИИ:

ВОСПИТАНІЕ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Бутусовъ, богатый помѣщикъ. — Бутусова, жена его. — Анна и Ольга, ихъ дочери, 30-ти и 16-ти лѣтъ. — Перовцевъ, молодой человѣкъ, преподающій Ольгѣ науки. — Слуга Бутусовыхъ.

=

ЯВЛЕНІЕ I.

(Зала въ домѣ Бутусовыхъ. Прямо отъ зрителей дверь въ переднюю; направо дверь въ гостиную. Анна сидитъ направо, съ книгою въ рукахъ; направо, ближе къ оркестру, сидитъ за столикомъ Ольга, пишетъ. Бутусова сидитъ подлѣ Ольги).

Анна.

Ахъ, Боже мой! папан!

Т. VIII. — Отд. I.

БУТУСОВА.

Къ чему же горячиться?

Пора надуматься — ужь двадцать слишкомъ лѣтъ;

Вѣдь надо жь, помириться

На чемъ-нибудь, *Annette?*

Онъ не дуракъ, хоть человекъ горячій,

Немного скупъ, немного и въ лѣпахъ...

АННА.

А нуце-то всего — подъячий...

Ахъ, шошно, *сере маман!* ахъ!...

ОЛЬГА (*въ испугъ.*)

Ахъ!

Что съ вами?

БУТУСОВА.

Вошъ изволила учиться

Въ шрехъ пансіонахъ, а чему?

Не научилась шы уму!

Романы все, — изволила влюбиться,

Ты что-то завела съ учеными лады...

АННА.

Съ учеными? Вошъ вздумали бѣды!

Вы, вѣрно, о Перовцевѣ...

БУТУСОВА.

А что-же?

Послушай, Аннушка, я слышала, что шы

Даришь ему какія-то *летги*...

Къ чему это?

ОЛЬГА (*про себя.*)

Да, онъ ихъ не берешъ, шакъ вошъ

И сердце...

БУТУСОВА.

Или вошъ — на что это похоже! —

Третьяго дня какой-то *одяльг*

Просила шы...

АННА.

Еі, маменька! Нѣшъ, *идеалъ*;

Ну, по естѣ, пѣсенку, или что-нибудь шакое...

Да, что пришло на мысль желанье вамъ смѣшное

Навязывать такиихъ мнѣ жениховъ?

Одинъ герой приказной фразы,

Въ испугъ онъ своихъ грѣховъ,

И спишъ и видишь все указы;

Другой... помилуйше! вошъ мужъ!

И что у васъ за вкусъ:

Поешъ — бѣднякъ еще въ добавокъ,

А дерзкой-шо какой! Предсшавшие вы, мама:

Онъ васъ вчера назвалъ — я слышала сама —

Блишашельной онъ множесшва булавокъ...

БУТУСОВА (*вставая въ сильномъ негодованіи.*)

Ахъ! негодяй онъ!

ОЛЬГА (*про себя.*)

Ну, ей Богу, класена

Изъ зависти!

БУТУСОВА.

Пренизкая черта!

Вошъ вамъ учила! Вошъ вамъ и воспитанье!

А я ему все дѣлала добро,

Безъ вычета плашила серебро,

Шушила въ домъ изъ сосшраданья...

Какъ будшо нужны мнѣ науки-шо его!

Да онъ не знаешъ ничего.

Какія дерзосши! Чего жь глядишь начальсшво?

Поднялъ онъ носъ,

Какъ будшо шмьсча душъ, какъ завшра генеральсшво!...

Молокососъ!

«Блишашельна онъ множесшва булавокъ»

Какъ? Развѣ я шорговка модныхъ лавокъ?

И бригадиршу смѣшь!

Нѣшъ! къ губернашору прошенье!

АННА.

Вѣдь это, маменька...

БУТУСОВА.

Никакъ нельзя шерпѣшь —

Да, это поношенье!

Анна.

Нѣтъ, колкоспѣ. Можно опказашь,
Чшобъ шолковъ не весши къ чему нибудь смѣшному...

Бутусова (почти съ крикомъ,
притопывая ногами).

Да, сей часъ же приказашь,
Послашь, велѣши всему пошчасъ же дому
Скорѣ гнать его.. Эй! эй!

(На шумъ ея въбѣгаютъ, изъ передней слуга, а изъ гостиной мужъ.
Незамѣтливый женою, онъ останавливается поодаль и протираетъ
сонныя глаза.)

Я В Л Е Н И Е П.

Тъ же, Бутусовъ и Слуга.

Бутусова (слугѣ).

Гони съ двора его скорѣй!

Слуга (поглядывая и бокомъ
подвигаясь къ барину.)

Кого прикажете?

Бутусова.

Чшобъ онъ и не являлся!...

Анна (слугѣ).

Спущай! (Слуга уходитъ)

Бутусовъ (струся)

Вошъ, наконецъ, при спаросши дождался!

Ольга.

Просшите, маменька! Онъ...

Бутусова.

Прочь!

Вошъ вамъ воспитанная дочь,
Не пансіонка!

И шы осмѣлилась оправдывашь его,
Негодная дѣвчонка?

Да, эшо шы взяла съ чего?

Чшо жъ онъ тебѣ ошецъ, или какой пріятель?

Бутусовъ (про себя.)

А что же я!

Анна.

Нѣтъ, болѣе всего:

Онъ, виднше-ль, ея первѣйшій воспитаншель...

Ольга.

Конечно шакъ, сесирница...

Бутусова.

Цыцъ!

Ахъ, Боже мой! Да, онъ навралъ ей небывлицъ,
Онъ съ шолку сбиль ес...

Ольга (въ слезахъ кидается
на грудь отца)

Ахъ, маменька!

Бутусова (увидавъ мужи, къ
нему.)

Смотрите,

Вошъ воспитанія плоды,
Вошъ вамъ и дочь, за хлопоты, труды!

Теперь мнѣ расскажите,

Чему

Мы три года ее учили?

Бутусовъ.

Не знаю, мамушка!

Бутусова.

Ему

Чшобъ шолько карны были!

Кому же знашь, сударь, кому?

Чай важныя дѣла найдуща:

Законы пишешъ чшо ль? По цѣлымъ сумкамъ гдѣ?

Вѣдь мнѣ жъ вездѣ

Для васъ одной не расшянушья!

И наконецъ...

Бутусовъ.

Помплуй, мамушка!

Бутусова.

Мое ли это дѣло?
Ну, что ты за отецъ?

Бутусовъ.

Ее, ей, невиновашъ!

Бутусова.

Взгляни — ужъ посѣдѣла
И голова — пора бы переспашъ
Въ бирюльки-шо играшъ..

Бутусовъ.

Не буду, мацунка.

Бутусова.

Какъ смѣлъ ты не видашъ,
Зачѣмъ ходилъ сюда негодный къ ней училель?

Зачѣмъ ты не былъ здѣсь всегда,
Мучилель?

Сей часъ же, чтобы онъ здѣсь не былъ никогда,
Не смѣлъ пускашъ и на порогъ ногою!

Ольга.

А нынче мнѣ урокъ...

Бутусова.

Ни ни!...

Сей часъ же со двора гони!
Смотри, другъ, не шути со мною!...

Ольга (плачетъ.)

О, Господи!

Анна.

Ахъ! Нѣтъ, тамап —

Такъ рѣзко, вдругъ, нельзя отказывашъ ошъ дома....
Онъ принягъ былъ у насъ; языкъ его чума —
Вѣдъ вольнодумецъ онъ — расскажешъ все какому
Нибудъ Ужмкинну.... Пускай урокъ послѣднй свой,
Хошъ, папенька, при васъ онъ прочипашетъ.

Пошомъ....

Бутусова.

Ахъ, Боже мой!

Да что онъ понимаешъ!

Анна.

Тогда и можно опказашъ.

Сказашъ,

Что Олинкѣ учишся ужъ довольноно.

Слуга (отворяетъ дверь.)

Кареша подана!

Анна.

Пора намъ въ магазинъ,

Поѣдемъ-ше, тамап!

Бутусова.

Смошрѣшъ, такъ, право, больно!
Ну, уживисъ бошъ съ нимъ!

Да, за какое жъ прегрѣшенъе
Такого мужа Богъ мнѣ далъ?

Что ошъ шебя женъ за ушъшенъе?...

Смотри, не прозъвай, чтобы нынче жъ опказалъ;

Да не дремли, урока-шо не слушай!...

А ты, негодница, смотри —

Ни слова съ нимъ не говори,

Сиди, молчи и ничего не слушай
Ошъ него!

Анна.

Да, посшороняго.

Бутусова.

Нѣтъ! ровно ничего!

Поѣдемъ (уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Бутусовъ и Ольга.

(Бутусовъ, потупивъ голову, нѣсколько леновей остается въ стѣнѣ,
бокомъ разльишлененъ. Ольга плачетъ.)

Бутусовъ (озираясь назадъ.)

И теперъ все жупко.

О! охъ!

Бышъ мужемъ я все кое-какъ бы могъ....

Женишся-шо плохая шупка!

Никакъ не приберу ума.
Да, изъ чего была вся эша кунерьма,
Скажи мнѣ, Олинъка?

О Л Ь Г А.

Ну, просто, небылицы:
Что будшо бы вчера училель говорилъ,
Да эшо, папенька, все выдумки сесприцы,
Что будшо маменьку онъ какъ-то не хвалиль.
Не вѣрьше папенька — нарощно!

Б У Т У С О В Ъ.

Не похвалиль? — Вѣдь экая гроза!
Да что хвалишь-шо? Ажно слушашь пошно...
Ужь эша егоза!
Вопъ дочку выросилъ съ женой себѣ на шею,
Не приведи, Господь, злодѣю!
Тѣфу, Господи, просни!
Да съ ними согрѣшишь: знашь, вражеская сила,
И дочь-шо опъ онца совѣсьмъ почши онбила!
А надобно снесши,
И дѣлашь нечего, покуда здѣсь дежурить.
Творецъ мой, шы, судья...
Ну, что здѣсь буду я?
Все слушашься жены, и глаза нельзя зажмуришь!
Охши!

О Л Ь Г А (посматривая на часы,
про себл.)

Онъ долженъ скоро бышь.

Б У Т У С О В Ъ.

Ну что же, Олинъка, у васъ ученье споро?
Онъ нынче-шо съ побой что будешъ проходитьъ?

О Л Ь Г А.

Поэзію. . . (Бутусовъ вертитъ головой въ знакъ того, что
ни сколько не понимаетъ, что такое поэзія)

Вѣдь онъ придетъ еще нескоро, —
Вы, папенька, пошли-бы отдохнушь...

Б У Т У С О В Ъ.

И шо немножко! Какъ пибудь,
Минушку — ночь не спалъ! Пришли-жь тогда за мною.
(Уходитъ)

Я В Л Е Н І Е І V.

О Л Ь Г А.

(Посль нѣсколькихъ мгновений задумливости.)

Со злосію шакою
Моя сеспра его задумала бранишь,
За что?... Меня все эшо шакъ шревожишь...
Бышь можешъ,
Теперь не спанешъ онъ къ намъ болѣ ходишь...
Ахъ! какъ его мнѣ жаль!.. Сначала
Въ немъ доброму я замѣчала.
Помошь, казалось мнѣ, я спала замѣчашъ
Въ немъ благородныя желанья
Мнѣ умъ свой весь и чувствва передашь.
Какъ былъ доволенъ онъ за дѣшкя познанья!
Съ какою силой умныхъ думъ
Онъ говоришь всегда мнѣ про науки;
Онъ сердце радуешъ, онъ создаешъ мой умъ,
Съ нимъ шакъ часы некупъ безъ скуки,
Когда не учишь даже онъ...
Съ другимъ же — послушай хошь минушку,
Ну, шакъ въ ухахъ и поднялся вдругъ звонъ:
Въ нихъ нѣшь ума на оспренѣкую шушку,
Все глупо шакъ — пушой, несвязный крикъ —
Вопъ, право, будшо ихъ кшо шинешъ за языкъ...
Съ какимъ восторгомъ, силой спрасшной
Любовь къ поэзіи онъ мнѣ передавалъ!
Онъ міръ мнѣ, новый міръ, прекрасный,
Въ созданяяхъ великихъ открывалъ!
И сколько, помню я, мечшой неувимой
Жила я въ міръ шомъ счастливые всего!
Я полюбила край, земнымъ очамъ незримый,
Я — полюбила и его!..

Надежды итьшь... душа спрашишся
 И съ радосишо ждешь...
 Ахъ, Боже мой! да чшо же онъ нейдешь...
 Ну, если съ нимъ веляпгь мнѣ навсегда проспишьясь?...
 Какъ шяжело! Ахъ, еслибъ ошъ шого,
 Чшо счаспье къ сердцу ближе!...

(Садится подль стола и въ задумливости склоняеть на руку голову своего. Постль нѣкотораго времени аходитъ Перовцевъ, и заливтивъ ея положеніе останавливается, стараясь всмотрѣться).

Я В Л Е Н І Е V.

О Л Ь Г А и П е р о в ц е в ъ .

О Л Ь Г А .

Ахъ! ради Бога шпше!

П е р о в ц е в ъ .

Вы смущены, въ слезахъ! Сегодня, въ первый разъ,
 Я вамъ причиною испуга!
 Не смѣю пребовашь, но навсегда для васъ
 Во мнѣ участіе и вся головношья друга.
 Вы эшо знаете....

Я свяшо ихъ храню.

Вы умъ, и сердце мнѣ безопасно довѣрили,
 Довѣрьте мнѣ свои печали —
 Я имъ не измѣню.

Скажише мнѣ — бышь можешь,
 Теперь не кспашн мой совѣпгъ?
 Васъ не приходъ-ш мой шревожишъ?
 Скажише — я сей часъ...

(Отстугаетъ назадъ, показывая готовность уйти.)

О Л Ь Г А .

Ахъ, итьшь!

Но маменька сказала,
 Чшобъ я у васъ теперь учишья переспала,
 Довольно будшо-бы....

П е р о в ц е в ъ .

И слишкомъ, можешъ бышь,
 Чшобы блеснушь въ кругу ихъ сѣшна,
 И какъ они, всю жизнь прожишья...
 Да, чшо же? Васъ печалипгь эшо?

О Л Ь Г А .

Но вамъ хошяпгь сегодня ошказашь.

П е р о в ц е в ъ .

Пускай. Я счаспливъ былъ, и васъ беру въ поруки —
 Вы эшо мнѣ позволише сказапгь,
 Чшо память ваша мнѣ... наградой за науки:
 Вы не ошказете въ воспоминашья?

О Л Ь Г А .

Итьшь!

Я вамъ обязана за умъ, за блага жизни,
 За радоспъ многихъ, многихъ лѣпгъ:
 Могу ли я безъ укоришны
 Васъ позабышь?

П е р о в ц е в ъ .

И я могу ли не сказапгь,
 Чшо съ зависшью другіе скажушъ,
 Чшо счаспливъ я въ себѣ и въ васъ?

О Л Ь Г А .

Но ошказашь....

П е р о в ц е в ъ .

Пускай ошкажушъ!

О Л Ь Г А .

Ошъ дому....

П е р о в ц е в ъ .

Эшо чшо жъ?

О Л Ь Г А .

Вы будшо бы вчера

Не въ пользу маменьки сказали
 Слова....

ПЕРОВЦЕВЪ.

Да, мы въ глаза другъ друга не видали!

О л ь г а.

Но это слышала есепра...

ПЕРОВЦЕВЪ.

А! новосней шпартинная газета!

И за это

Теперь хопяшь мнѣ опказашъ?

Напрасно же давно не опказали...

Такъ знашь,

Сегодня вамъ вполнѣ и въ лицахъ прочиншали

Курсъ воспитанья весь?

Ну, я и не беруся чинашъ къ нему добавкн...

Чпожь я сказалъ?...
(*Про себя*).

А! видно, епсь

Ужалили будавки!

(*Ольга*)

Мнѣ очень жаль, чпо вздорныя слова,

И сказанныя мной безъ всякой дерзкой цѣли,

Такъ вашей маменькѣ располкованы умѣли.

Кшо прежде вповашъ — раздумашъ бы сперва.

Но если пакъ — довольно,

Разстанемся... (*Про себя*)

Какъ мнѣ ее оставишь больно!..

(*Ей*)

Приминке жъ — вновѣ я повшорю —

Приминке вамъ мое всѣхъ лучшнхъ благъ желанье;

Вы знаете, чпо я ошъ сердца говорю —

За вашъ успѣхъ и за вниманье...

Они вѣнецъ моихъ награды!

И съ чисенымъ, веницинымъ учащемъ,

Васъ вшрѣшивъ въ свѣтъ, буду радъ

Я любованья вашимъ счастьеемъ —

Для васъ оно! Теперь я передамъ

Уму и сердцу вашему.. просинише!

Желалъ бы передашь однимъ лишь вамъ

Права мои, а вы... кому хопящие...

О л ь г а.

О, эти я права умѣю уважашъ,

Я уважашъ ихъ при года учили,

И чувствую кому ихъ подарила,

Нѣтъ! вамъ... вамъ навсегда они принадлежашъ!

ПЕРОВЦЕВЪ (*съ возрастающимъ чувствомъ*.)

Ахъ! говорите говорите!

Скажете: Не мечта ль надежда вся моя?

Меня теперь вы научите

Поняшь — вполнѣ ли счастливъ я?...

Договорите!

Блаженство думъ, надеждъ залогъ,

Души божественной участие,

Скажите — чпо оно? Вѣнчайте мой восторгъ,

Создайте же мое мнѣ счастье!...

Ни слова... Можешъ бышь... Скажете приговоръ,

Вы моего и счастья мнѣ дороже!

(*Ольга медленно подымаетъ на него взоръ, полный любви. Перовцевъ сглатываетъ ея руку и цѣлуетъ въ восторгъ.*)

Ахъ, эпошъ взоръ!...

Въ немъ все мое!

О л ь г а (*тихо*)

Великій Боже!

ПЕРОВЦЕВЪ.

Въ душѣ моей

Для васъ однѣхъ любовь и жизнь, — имъ нѣтъ раздѣла!

О л ь г а (*про себя*)

Скажу ль — надежды нѣтъ...

ПЕРОВЦЕВЪ.

Любовию сляшой

Я васъ люблю, — любовью безъ предѣла!

(*по некоторомъ молчаньи*)

Скажите мнѣ — уже ль они

Въ моемъ и счастья мнѣ опказашъ?

Вы знаете — должны
 Вы знаете, что мнѣ они шакоз скажутъ...
 Все — все скажите, я прошу!

О Л Ь Г А .

Они... Но въ эпошъ разъ,
 Ошъ ложнаго негодованья...
 Сказала маменька, что... приглашала васъ...
 Въ свой домъ... изъ сосрада...

П Е Р О В Ц Е В Ъ (прерывал.)

Изъ сосраданья?...

О Л Ь Г А (про себя.)

Зачѣмъ сказала, Боже мой!
(подводитъ робко къ нему и съ умоляющимъ взоромъ)
 Пускай участіе мое васъ успокоитъ, —
 Простите мнѣ!

П Е Р О В Ц Е В Ъ (про себя.)

Изъ нихъ нишо ея неспошнъ!
 И съ ней ли, съ радостью моею не земной...
(быстро схвативъ ея руку, цѣлуетъ.)

О Л Ь Г А (отскакивая.)

Ахъ, ахъ!.. Да что вы эпош...

П Е Р О В Ц Е В Ъ (въ сторону.)

Какъ сердце счастлиемъ и радостью согрѣно —
 Она моя!

И будь, какъ вы, ничпоженъ я —
 Я опомешилъ бы вамъ, проклящая семья!
 Нѣшь, нѣшь! Я не опдамъ шебъ на поруганье
 Моей мечпы и счастья желанье,
 Блаженства моего, свящынн чувствъ моихъ...
 Во мнѣ нѣшь ничего для нихъ —
 Воспоминаемъ ихъ я счастья не нарушу!...

(Ольга)

Для васъ и вамъ однимъ всю жизнь, мою всю душу...
 Скорѣй опсюда прочь...
 Любви свяшой не здѣсь благословенья...

О Л Ь Г А .

Ахъ, Боже мой!

П Е Р О В Ц Е В Ъ .

Безъ сожалѣнья,
 Бышь можешъ, въ эпошъ ночь...
 Далеко будемъ мы — намъ счастья не разрушатъ!

О Л Ь Г А .

Я... *(увидѣвъ вошедшаго отца)*
 Ахъ!...

—

Я В Л Е Н І Е VI.

Т ѣ ж е и Б у т у с о в ѣ .

Б у т у с о в ѣ (на цыпочкахъ про-
 бираясь на лѣвую сторону.)

Позвольте намъ послушать!

(Въ то самое время, какъ онъ усаживается нальво отъ зрителей, Ольга, поворотившись къ Перовцеву, дѣлаетъ ему знакъ — они идутъ къ столику и садятся, Ольга противъ зрителей, а Перовцевъ къ нимъ лѣвѣмъ бокомъ. Онъ беретъ со стола книгу и машинально начинаетъ ее перемѣтывать.)

Какъ хорошо я вздумалъ не проспать,

А снился во снѣ

Мнѣ нынче спрашныя химеры...

(Посль нѣсколькихъ листовъ общаго молчанія, Перовцевъ начинаетъ говорить отрывисто, разсѣльно. Бутусовъ прислушивается къ словамъ его, и говоритъ про себя, только тогда, какъ Перовцевъ замигаетъ.)

П Е Р О В Ц Е В Ъ .

Незабвенный нашъ поэтъ!... Какъ онъ умѣлъ со-
 знавать въ своей душѣ впечатлѣнія прекраснаго —
 жизнь души тихой, чистой, какъ лазуръ небесная
 въ майское утро... Прислушайтесь къ его звукамъ...

Б у т у с о в ѣ .

Знашь, начали учиться не при мнѣ!
 Теперь онъ...

ПЕРОВЦЕВЪ.

И какіе звуки!...

БУТУСОВЪ.

Хочешъ ей показывать примѣры...

ПЕРОВЦЕВЪ.

Они стройны, торжественны, какъ молитва души благодарной!...

БУТУСОВЪ.

Мнѣ говорила и жена,
Что съ молодю...

ПЕРОВЦЕВЪ.

При нихъ унікають тревоги...

БУТУСОВЪ.

...Училась и она

На разные манеры...

ПЕРОВЦЕВЪ.

И жизнь и чувство жизни, объята ими — льются гармонически, какъ поэзія рѣчей его.

(Читаетъ)

Въ часы забавъ, нѣтъ празднои скуки,
Бывало, лиръ я мосей
Вѣдрль извѣщенные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моеи
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отрадеи чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешъ ты,
И силой кроткой и любовной
Смирляешъ буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлятъ арѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ!

Мученикъ жизни, онъ не любилъ — нѣтъ! онъ молился тѣмъ, кто его иногда мирилъ съ его мукою...

БУТУСОВЪ.

Позвольте — это вѣдь куплешъ,
Изъ... изъ... чего, бншь?...

ПЕРОВЦЕВЪ *(сухо)*

Нѣтъ!

БУТУСОВЪ.

(про себя, съ досадою)

Ахъ! виноваты! И знать, что помѣшаю...
А страшно, право, съ нимъ начать!...

ПЕРОВЦЕВЪ.

А вотъ нашъ задумчивый, мечтательный пѣвецъ...
Какъ прощальный лучъ заходящаго свѣтила, пѣснь его грустна, таинственна... При ней душа, чуждая земнаго, погружается въ себя. — Нѣтъ! съ струями его меланхолической пѣсни, она готова бы унестиь туда — въ тотъ свѣтлый міръ, откуда вѣсть на нее отрада жизни, откуда льются ей мирныя, томныя думы волшебнаго поэта...

Все спитъ!.. Лишь нѣздка въ далекой тмѣ промчитъ
Невнятный гласъ... или колыхнется волна...

Иль сочный листь зашевелится.

Я на берегу одинъ... Окрестность вся молчитъ!...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья молодыхъ березъ недвижно стоитъ
Надъ усыпленною водою!

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священныи кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ:
Какъ бы зорное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышетъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ дръвъ корою,
Съ сей очарованной мѣшалась тишиною,
Душа незримая подъземлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою!

И пѣкто уривъ сей безмолвный присѣдять,
И, мнителъ, на меня впередъ опъ томпы очи;
Безъ образа лицо, и зракъ туманный свѣтъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи!

Смотрю... и, мнителъ, все, что было жертвой лѣтъ,
Опять въ видѣннн прекрасномъ воскресаетъ,
И все, что жизнь сулитъ, и все чего въ пей нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ!

Но гдѣ онъ?... Скрылось все!... Лишь только въ тишинѣ,
Какъ-бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ будто гений путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье!

О! кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ во слѣдѣ!
Скажи: безсмертный ли предѣловъ сихъ хранитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи: земной ли свѣтъ,
Иль небеса твои обитель?..

И ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ! На лицѣ величїе смиренья;
Взоръ къ небу устремленъ; надъ юною главой
Горитъ звезда преображенья!

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ!
Младая жизнь въ слезахъ простерта предъ тобою!..:
Но гдѣ я?... Все вокругъ молчитъ... призракъ исчезъ,
И небеса покрыты мглою!

Одна лишь, смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто мїръ земной въ ничто преобразился!
Какъ будто та страна знакомый стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся!

Довольно, кончимъ! *(встаетъ и беретъ шляпу)*

Бутусовъ *(про себя)*

Ну! кончили — пора имъ было окончать
(Дѣлаетъ знакъ Олегу и она выходитъ изъ комнаты.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бутусовъ и Перовцевъ.

Бутусовъ.

Такъ дѣло-шо у васъ въ порядкѣ, слава Богу?
Вы учите вошь апакаъ, по немногу....

Прекрасно — (Ну какъ мнѣ онъ спанешъ пожъ чипашъ!)
Мы вамъ обязаны...

Перовцевъ.

За что?

Бутусовъ.

За Олнпъку...

Перовцевъ.

Ее благодарите.

Бутусовъ.

Помилуйше — не шо...

Перовцевъ.

Да, какъ же вы хощите?

Я сдѣлалъ все что могъ, она-съ
Гораздо болѣе чѣмъ бы другія...

Бутусовъ.

Да-съ,

Она ужъ, кажешся, доснапочно успѣла!

Перовцевъ.

Не кажешся, а въ самомъ дѣлѣ шакъ.

Бутусовъ.

(Ахъ, Боже мой! Да какъ

Я ошкажу — вишь онъ ужасно смѣлой!)

Вошь виднше-ль, мнѣ кажешся, что ей...

Я... какъ ошець...

Перовцевъ *(тихо)*

(Нельзя не сомнѣваться!)

БУТУСОВЪ.

Такъ я могу... Чшо нужно ей...
Какъ шо естъ ваша мысль — вѣдь спала обучаться
Изрядно ужъ она?

ПЕРОВЦЕВЪ.

Я вамъ сказалъ.

БУТУСОВЪ.

И ей... (ну, вошь и заикнулся!)
То ешь, ужъ много знашь она должна?
Такъ, видише-ль...

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ.

Чшо дядюшка — проснулся?

БУТУСОВЪ (тихо)

Онъ, кажется, ужъ долженъ бы поняшь!

СЛУГА (за дверьми)

Изволили.

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ.

Не ошпрягашь (Входитъ).

П Р О З А.

1-е МАЯ 1828 ГОДА.

(С. Г. Веселитскому).

ПЕРЕЪЗДЪ ИЗЪ КРѢПОСТИ ЦАЛКИ ВЪ ГОРОДЪ ГОРИ,
ЧЕРЕЗЪ ХРЕБЕТЪ ЭРДЖАВА.

Боевой и крѣпкій конь отрада не для однихъ Бедуиновъ, и нужнѣе, необходимѣе для офицера Г. Ш., нежели для отважныхъ сыновъ степенъ Аравійскихъ.

Въ погонѣ завѣтной за врагомъ кровоместнымъ, въ убѣгѣ отъ убійственнаго вѣтра Самума, онъ служитъ Фарису. Для насъ же конь вѣрный — безцѣннѣе: онъ, на хребтѣ своемъ крѣпкомъ, выносить въ бѣдѣ не одного своего господина, но участь многихъ полковъ и часто, цѣлой арміи. Люблю тебя, мой добрый *Шабдизъ*! Уважаю въ тебѣ благородную кровь Вазнона. Ты достоинъ ея, достоинъ и имени, которое носишь!

Какъ жаль, любезный читатель, что вы не узнаете, не увидите моего *Шабдиза*, моей *Телной Ноги*; ни его вороной рубашки, ни его глазъ и ноздрей,

пышущих огнем его знойной родины, ни его, опъеннаго бшеною пвною оскала, ни его ногъ, стройныхъ, гибкихъ, крѣвкихъ, какъ смертоносная трость Бедуина! Какъ жаль, что вы не полюбуетесь на его благородную поступь, не подивитесь на бѣгъ его бысролетный, въ перегонку съ вѣтромъ, или мыслью! Люблю тебя, мой добрый товарищ *Шабдизъ*! Ты вѣрно дружилъ мнѣ! Не разъ ты выносилъ меня изъ бѣды, не разъ ты доставлялъ мнѣ добрую славу наездника, исполнителя даннаго дѣла или слова...

Но теперь я люблю тебя еще больше, теперь ты дороже мнѣ всѣхъ сокровищъ Востока! Ты для меня сокращаешь пространство и время, разлучающія меня съ милой невѣстой! И самъ ты, мой добрый *Шабдизъ*, вѣрнѣе, безъ усталости совершаешь твой трудный путь, ободренный лаской напутной Кетли моей безподобной! Благодарю тебя, мой добрый *Шабдизъ*, благодарю, товарищъ мой неизмѣнный! Тебя не отдамъ я за волшебный коверъ-самолетъ: онъ мнѣ тебя не замѣнитъ! Когда и подарила бы мнѣ добрая фея такой заветный коверъ — я накрывала бы имъ тебя отъ знойнаго солнца, отъ змйнаго вѣтра, отъ выюги; насыпала бы тебѣ на немъ ячменя золотого съ благодатной долины Кахетинской, богатой не однимъ своимъ виномъ благовоннымъ и чудными очами своихъ прекрасныхъ Грузинокъ...

Утромъ 4-го Мая 1828 года, я выѣхалъ изъ крѣпости *Цалки* и быстро промчался по равнинѣ до *Лепбинскаго* поста, устроеннаго при входѣ въ ущелье, ведущее путника на высокій хребетъ *Эрджааа*, черезъ который я долженъ былъ проѣхать въ городъ *Гори*, для снѣтїа и описанїа маршрута горной дороги.

Было то дѣло незадолго передъ начатїемъ Турецкой войны.

Конечно, никому не удавалось сдѣлать прогулки перваго дня весенняго праздника такъ, какъ мнѣ удалось ее сдѣлать.

По краткомъ отдыхѣ, и послѣ перемѣны на посту конвойныхъ казаковъ, я въѣхалъ въ ущелье... Много поэзїи въ безграничныхъ степяхъ, въ поляхъ, волнующихся жатвой, въ дремучихъ, въковыхъ лѣсахъ, въ волнахъ и хлябяхъ океана... Но горы, по ихъ утесы и скалы, ихъ ущелья и гремучїе потоки и водопады, ихъ *голыцы* и снѣговыя вершины, уходящїя отъ земли въ небо, больше пѣлняютъ воображенїе, больше возвышаютъ душу, больше уединяютъ челоуѣка въ самого себя, больше поражаютъ удивленїемъ и благоговѣнїемъ къ великому Знждителю міровъ. Съ каждымъ шагомъ, съ каждою ступенью, вы, отдѣляясь физически отъ доловъ, еще больше отдѣляетесь отъ земли вашимъ духомъ, всѣмъ нравственнымъ существомъ вашимъ. Даже самый инстинктъ животнога доступенъ такому влїанїю: взгляните на моего *Шабдиза*, какъ онъ несетъ меня на гору! Замѣчаете ли, какъ онъ нетерпѣливо, бодро рвется въ вышину, и — чѣмъ далѣе, чѣмъ круче, чѣмъ выше, тѣмъ онъ становится неукротимѣе, огненнѣе, благороднѣе, прекраснѣе! На немъ можно доѣхать до самаго солнца. А спускаясь долу — какъ онъ робокъ, безпокоенъ, какъ онъ неволенъ въ своихъ движенїяхъ... Онъ, какъ будто нехотя оставляетъ каждую высоту, какъ будто хочѣтъ, вмѣстѣ со мною, насладиться еще горнымъ воздухомъ и горными, очаровательными видами!

Ради Бога, Мм. Гг., оставьте вашъ сырой и пыльный *Екатерингофъ*, ваши красивые и богатые экипажи, вашихъ манежныхъ лошадей, бодрыхъ только

подъ косметическимъ хлыстомъ, да подъ кирасирской шпорою, вашу стукотно и суетность, ваши *торцы, паркеты*, вашихъ красавиць... Нѣтъ! ихъ возьмите съ собою, освободите только ихъ, бѣдненькихъ, изъ душныхъ магазиновъ и будуаровъ, заставьте ихъ по неволѣ взглянуть на природу, неподдѣльную красоту ел, красоту Божьяго, великаго созданія!

Какъ хорошо!

Тише, мой добрый *Шабдизъ*! Ты палъ на колѣни... Да! ты напомнилъ мнѣ долгъ мой... Ты учишь челоуѣка благоговѣнію... Твой инстинктъ смиряетъ его гордый разумъ... Тебя не удержала твоя подкова на этой громадной высотѣ, на этой скалѣ: ты сорвалъ о каменную плиту съ вольной поги твоей желѣзо, въ которое заковалъ тебя сынъ праха... Товарищъ! я тоже сложилъ съ себя путы земныя — я разорвалъ ихъ по напутнымъ ущельямъ, какъ ненужную, лишнюю, тяжелую пошу... Какъ легко безъ нея здѣсь — какъ здѣсь безъ нея привольно!

Завидна участь орла, жильца горныхъ высей, завидио назначеніе солнечнаго луча, играющаго въ выпуклыхъ зеркалахъ льдовъ, отдыхающаго на *туманъ* * снѣговъ нагорныхъ... Хотѣлось бы выше, желалось бы дальше — туда, къ нимъ, къ тѣмъ счастливымъ, туда ближе къ небу — отъ дольнаго муравейника, отъ его вѣчной, труженической работы, пыли и пота... Это зависть — земное чувство... Но, и оно, здѣсь на высотѣ, въ чистомъ, не зараженномъ воздухѣ — благородно и возвышенно. Оно не посягаетъ на корысть, либо на братоубійство... оно не порожденіе уродливыхъ страстей, но вели-

* Слово, которое какъ-то написалось вмѣсто не Русскаго: *манъ*. Не знаю, замѣнять ли оно его? Сог. — Мы думаемъ, что эту нечаянную находку можно прибавить къ Русскому словарю. Р. С. О.

кодушное желаніе, потреба сердца, восхищеннаго величіемъ природы. Что же дѣлать, добрые люди, если тутъ, на горахъ, такъ хорошо, если тутъ лучше, нежели *тамъ* — у васъ, на низовьяхъ, потопленномъ въ вѣчной мглѣ испареній! Только мертвецы лежатъ спокойно, неподвижно подъ саваномъ, только разслабленныхъ купають въ сѣрныхъ ваннахъ, только щедушный свыкается съ дольною жизнью, не ищетъ, хоть иногда, простора на высяхъ, убаюканный, запачканный по уши болотной тиной своего безмысленнаго и бездушнаго быта... Какъ вы думаете, люди, промывалъ бы Прометей, великодушный страдалецъ, жертва метительнаго и смятеннаго Олимпа, промывалъ бы онъ на ничтожество свой несчастный жребій, свои оковы, свою Кавказскую скалу?.. Отдалъ бы знаменитый узникъ *Елси* за ничтожную свободу безвѣстнаго поденщика жизни свою пустынную скалу, на которой, вмѣстѣ съ нимъ, мужемъ судьбы, прикованы были великія событія, событія дѣлага міра?.. Кто осмѣлится подумать иначе?.. Кто усомнится въ томъ?..

Я слабѣ тебя, мой бодрый *Шабдизъ*: три часа твоего смѣлаго хода изнурили меня. Отдохнемъ здѣсь немного, здѣсь — вотъ на томъ утесѣ... .

Боже мой! какая картина!

Дайте мнѣ солнечный лучъ — вмѣсто кисти, радугу — вмѣсто палитры, и это самое небо — вмѣсто полотна: я нарисую вамъ картину дивную... Но могу ли я, можетъ ли кто другой передать вамъ ее нашими земными средствами?.. Она могла быть только *создана*, но не *изображена*.

Можно ли начертать на бумагѣ буквами, или на полотнѣ красками, безконечно подвижные, съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ поворотомъ головы вашей измѣняющіеся виды? Вотъ солнце на румя-

номъ востокъ — вотъ оно въ знойномъ полуднѣ — вотъ оно на золотомъ закатѣ: и тутъ, и тамъ, и здѣсь — другія тѣни, другой свѣтъ, другіе отливы — въ ущельяхъ, на скалахъ и утесахъ, на снѣгъ и льдахъ нагорныхъ! Вотъ набѣжали облака, вотъ нависла туча — уловите легкія, подвижныя тѣни облаковъ, чудный, грозный мракъ, которымъ туча обвиваетъ горы-исполины! Изобразить ли горную бурю, ея перуны, вихри, ливень — водопады, обвалы, гремучіе потоки, крикъ орла, эхо, отвѣчающее имъ въ тысячахъ отзвонѣхъ?.. Передать ли торжественную ораторію, созданную изъ вещества, звуковъ и свѣта однимъ могучимъ словомъ: *да будетъ?* Человѣкъ немощенъ, не только изобразить, но даже долго смотреть на все это... Его глазъ можетъ ослѣпнуть; его грудь можетъ разорваться отъ восторга... И между тѣмъ не хочется отвести очей, не можешь заглушить слуха, чтобы не полюбоваться еще и еще дивной картиной, не проронить ни одного звука ея божественной гармоніи!

Нѣтъ! не въ силахъ я передать вамъ даже и тѣни того, что предстоить теперь глазамъ моимъ! Посмотрите, полюбуйте сами и раздѣлите со мной восторгъ вашъ: мнѣ мало, недостаточно моего собственнаго... Расскажите послѣ людямъ — можетъ быть, вы владѣете могучимъ, достойнымъ ея глаголомъ. Я самъ приду васъ слушать, не пророню ни одного слова, не забуду ни одной черты изъ вашего разказа — о томъ каменномъ утесѣ, гдѣ мы стояли съ вами, и о томъ, какъ вокругъ насъ громоздились горы, одна другой выше, одна другой громадѣе, зіяя своими бездонными ущельями и стреминями; какъ влѣво отъ насъ, подпираемый со всѣхъ сторонъ огромными *устолами*, уходилъ за об-

лака своею вершиною одинъ изъ великановъ Карталиннн, *Эрджава*; какъ вправо отъ него, подъ самыя стопы нашими, проходили каменными волнами и зубцами его отроги; какъ онъ, оцетиненнымъ лѣсомъ, ступенями сходилъ къ Куръ, извивавшейся по широкой долинѣ узенькою серебряною лентою, унизанною, какъ будто жемчугомъ и изумрудомъ, береговыми селеніями и садами. А вдали за Курою, еще выше насъ, воздымался Кавказъ, подпирая своими ледяными столпами синій куполъ неба. А эта пропасть — надъ которою мы стоимъ теперь, робко, болѣзненно заглядывая въ нее, увлекаетъ обалтнемъ черной глубины ея, какъ она дымилась вулканомъ тумановъ, извергавшихся изъ ея насти, ревущей водопадомъ! А надъ головами нашими, эта вислая скала, имѣющая видъ человѣческаго черепа, обросшаго, вмѣсто волосъ, съдымъ мхомъ и тощимъ, колочимъ кустарникомъ, съ глубокими впадинами, вмѣсто очей, и въ нихъ, вмѣсто праха и тлѣнія, оставшійся снѣгъ, точащій слезы? Вы не забудете все разказать людямъ — и можно ли забыть хотя единый очеркъ, единый гіероглифъ изъ довѣчнаго, могучаго, неразгаданнаго сказанія природы! Вы передадите жадному вниманію вашихъ слушателей то мгновеніе, когда надъ нами пронеслась вонъ-та туча, которая теперь, гонимая восточнымъ вѣтромъ, мчится войною на Эрджава, обрывая объ острые зубцы его предгорій нижніе слои своего туловища, затопляя ими ущелья и пропасти, подобно вождо безчисленной рати, подобно Тамерлану, или Чингисъ-Хану, которые пробѣгали съ своими полчищами чуждыя земли, оставляя въ нихъ, вмѣстѣ съ пеломъ и развалинами, сильныя сторожевыя войска, для обезпеченія своихъ завоеваній... Но вотъ рать-туча, какъ будто замедлила бѣгъ свой, какъ буд-

то встрѣтила могучаго противника... Вотъ она раз-
вертывается въ боевой порядокъ, развивая свои
крылья, обхватывая ими противника... Она вызы-
ваетъ охотниковъ, высматриваетъ стрѣлковъ, и подкрѣ-
пляетъ ихъ летучими отрядами, она разсыпала толпы
ихъ по вогнутому своему фронту... Вотъ отдѣли-
лся отъ нея сторожевой полкъ и занялъ въ тылу
тѣснину... И вспыхнулъ огонь въ центрѣ, на фла-
гахъ, и разлился ослѣпительнымъ и оглушитель-
нымъ пожаромъ повсей линіи... Кому-то пасть!...
Земля застонала и затрепетала подъ ударами... Мы
едва можемъ держаться на своемъ утесѣ, который
грохочетъ, отягченный дерзкою пятою человѣка, стрих-
нуть насъ съ хребта своего въ бездну... Одно мгно-
венеіе, и — мы прахъ, бѣдная жертва исполинскаго
боя... Но, посмотрите: мы спасены. Эрджавя про-
рвалъ центръ непріятеля и разобилъ его силы.
Смотрите, какъ гибнуть дружины, посланныя на
приступъ къ твердынѣ... Онѣ подкрѣплены свѣжи-
ми силами — и тѣ отражены и разбиты!... Какъ
страшно онѣ свержаются въ бездны, разрываемыя
падающими на нихъ лавинами и камнями, оставляя
на скалахъ лохмотья одежды, лоскутки знаменъ...

Но вотъ снѣговая вершина исполина горнаго за-
горѣлась отъ заходящаго солнца, прорѣзавшаго убѣ-
гающую тучу, и обвѣялась она, будто побѣднымъ
вѣнкомъ, его золотыми лучами...

Не образъ ли то земнаго величія человѣка? Да,
слава прельстительна, улекательна, могущественна,
золотиста, радужна!

Благоговѣю передъ ея избранниками, благоговѣю
передъ ихъ дѣлами, могучими рычагами, которыми
они двигаютъ событія человѣчества для его блага,
или тяжкаго врачеванія!..

Когда подобіе величія такъ поражаетъ насъ, что

же мы должны чувствовать, когда мы, счастливые
дѣти, современники, свидѣтели, такъ сказать по-
требители благихъ дѣлъ Великаго Избранника Бо-
жія? — Россія! ты узнаешь Его?

Но туча скрылась уже за дальними горами. И
слѣда ея нѣтъ! Только замѣтно ея направленіе по
рѣдкому вспыхиванью молній, да по отдаленному,
чуть слышному рокоту грома. Какая свѣжесть! Что
за прозрачность въ воздухѣ!

Долина Куры, до того туманная, выяснилась, какъ
будто приподнялась на нѣсколько ступеней выше,
чтобы удобнѣе могли разсмотрѣть ея красоту, какъ
будто она приглашаетъ насъ къ отдыху на свое цвѣту-
щее ложе... Пора, пора на ночлегъ!

Не забуду, какъ я спускался по Ховлинскому
ущелью, переходя съ выси на высь, продираясь
сквозь валежникъ лѣсовъ, лѣпясь по гранитнымъ
утесамъ, врѣзываясь въ топи лощинъ, бредя черезъ
потоки, вздутые водами ливня недавно промчавшей-
ся бури... Какая прелесть въ преодоленіи труда,
препятствій и опасности! Но, вотъ — стемнѣло...

Версты за четыре до селенія Ховли, ущелье рас-
пахнуло настежь свой выходъ, и по легкому, ров-
ному скату довело меня до порога Сакли радушна-
го Грузина, у котораго нашель я добрый ужинъ,
доброе вино и спокойный ночлегъ, подъ навѣсомъ
густой и пахучей черешни. На утро оставилъ я
Ховли.

Перейдя у селенія небольшой ручей, ѣдете по
дорогѣ на западъ. Перевалившись за возвышенность,
оттянутую отъ сѣверныхъ высотъ, подпирающихъ
Эрджаву, дорога спускается на Курскую долину,
идеть по ней, болѣе и болѣе сближаясь съ Курюю,
и наконецъ, за селеніемъ Худоставомъ, она подхо-
дитъ къ переправѣ, устроенной противъ города Гори.

Я любовался роскошными садами и виноградниками долины, восхищался съ высокаго берега бѣгомъ широкой рѣки, смѣлою и ловкою переправою по ея неугомоннымъ волнамъ, на маленькихъ бурдючныхъ паромехъ, и видомъ города, раскинутаго амфитеатромъ на высокомъ холмѣ, который одиноко, какъ зоркій часовой, стоитъ на обширной равнинѣ, идущей отъ подошвы самаго Кавказа...

Н. СК. Л. НЪ.

Царское село,
1839 года
Мая 1-го.

=

ПРОГУЛКА ВЪ ЛУНУ.

Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замкну тусклыхъ фонарей...

А. Пушкинъ.

— Здравствуй, Воля! — сказалъ вѣбжавшій въ мою комнату гусарскій поручикъ Алексѣй Тарковъ — угадай, братъ, откуда я?

«Почему мнѣ знать? У тебя такая куча знакомыхъ, что я могу цѣлый мѣсяцъ догадываться и не угадать. Суди однакожь по твоему усталому и озабоченному виду, думаю, что ты съ товарищеской пирушки, или изъ-за карточного стола: прогулялъ, или проигралъ ночь на-пролетъ, и проигрался до копейки или прогулялся до пес plus ultra.

— Нѣтъ, Воля, не угадал! Во-первыхъ, потому что я исправился: не играю и не пью болѣе.....

«Воды?»

— Нѣтъ, водки, вина, рому, ликеровъ, и всего хмѣльнаго, выдуманнаго чортомъ на пагубу души и тѣла.

«Давно ли такая перемѣна?» спросилъ я съ любопытствомъ и безпокойствомъ, ожидая, что такой переворотъ въ жизни Таркова могъ произойти только отъ чрезвычайнаго случая.

— Со вчерашняго дня — отвѣчалъ переважно Тарковъ — да, со вчерашняго дня я не пилъ ничего, кромѣ воды, подливая въ нее немного рому или вина, чтобы рѣзкая перемѣна не повредила здоровью.

«Ужъ не влюбленъ ли ты?»

— Былъ, но вполне разочарованъ — со вздохомъ продолжалъ Тарковъ — разочарованъ ужасно, и не только въ любви, но и въ дружбѣ, въ пріязни, въ наслажденіяхъ, въ жизни!

Такое вступленіе успокоило меня. Человѣкъ, который въ минуту разочарованія не сошелъ съ ума, или не лишилъ себя жизни, и идетъ рассказывать о томъ пріятелю, расцѣживая рассказъ вздохами и охами, тотъ человѣкъ не въ опасности.

«Расскажи мнѣ исторію твоего обращенія.»

— Вчера — отвѣчалъ Тарковъ — я захвѣлъ обѣдать къ Фельету, и на радости, что по утру удалось обмѣняться на Невскомъ взглядомъ съ парюю черныхъ, выразительныхъ глазокъ Софьи М..... цѣпь, выпилъ съ двумя товарищами полдюжины бутылочекъ шампанскаго.»

«До разочарованія или послѣ разочарованія?» спросилъ я.

— Естественно *до*, а не *послѣ*: это былъ путь ко спасенію, преддверіе разочарованія. Распростившись съ товарищами — куда дѣваться? подумалъ я. Въ театръ рано — шесть часовъ; домой — заспишь: дай заверну къ пріятельницѣ Александрѣ Филиппевнѣ.

«Кто же эта Александра Филиппевна?»

— Какой же ты профанъ, Воля! Ты не знаешь Александры Филиппевны, знаменитой ворожен, которая уже съ полгода кружитъ всѣмъ головы чуднымъ угадываемъ будущаго и прошлаго? Она перѣдко приглашается въ дома знатныхъ, и нѣкто-

рые — правильно ли, нѣтъ ли — прозвали ее Madame Rokoko.

«А! слышалъ.»

— Въ Шестилавочную! — закричалъ я кучеру. Александра Филиппевна такъ славно угадала мнѣ горе-арестъ и радость-чинъ, что смѣшно было сомнѣваться въ чудномъ знаніи ея угадывать будущее, и мнѣ запала мысль: разгадать — любить ли меня Софья М., да пришлетъ ли матушка денегъ? Много бродило у меня въ головѣ и другихъ мыслей, тайны которыхъ должны были раскрыться передъ всеильнымъ знаніемъ Александры Филиппевны; къ тому жъ гороскопъ, ею продиктованный прошлаго осенью, былъ на исходѣ. Въѣзжаю во дворъ, дергаю за колокольчикъ; рыжій бѣсенокъ, маленькій маймистъ, отворилъ дверь и — вогъ я въ жилищѣ Александры Филиппевны! — «Барыни дома нѣтъ», проворчалъ мальчишка, «да она скоро будетъ; подождите, коли хотите.» Намѣреніе разгадать нѣкоторые вопросы, которые тщетно думалъ я разрѣшить самъ собою, убѣдило меня дожидаться ворожен. Мальчишка ввелъ меня въ гостиную, поставилъ на столъ сальный огарокъ, затворилъ дверь, и я остался одинъ, съ трепетомъ ожиданія въ сердцѣ. Комната, давно мнѣ знакомая, убрана была просто: диванъ и нѣсколько стульевъ чинно стояли у стѣны, поджавши ножки, по обыкновенію всей мебели, продаваемой на Апраксинскомъ Дворѣ; на стѣнахъ висѣли, въ пріятномъ безпорядкѣ, нѣсколько картинокъ безъ стеколъ, подъ завѣсою паутины и пыли, и въ рамкахъ, обвѣденныхъ тараканами и временемъ; въ углу, на полкѣ, красовались кофейникъ — источникъ знаній Александры Филиппевны, и нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ. Все было просто и не ново для меня. Отъ бездѣлья я растянулся на диванъ, и мысль

Т. VIII. — Отд. I. 9

за мыслью, мечта за мечтою, занесли меня за тридевять земель въ тридешатое небо. Прошло больше получаса, съ тѣхъ поръ, какъ я пустилъ коня моего воображенія въ долину фантазиі.....

«Ба, да не сдѣлался ли ты поэтомъ?» перервалъ я. Берегись, Алеша! Далеко ли до грѣха! Вѣдь съ поэзіи опьянѣешь, хуже чѣмъ съ бутылки стараго рейнвейна.

— Да, и мнѣ казалось, что я пьянѣлъ....

«Съ выпитаго вина?»

— О, пить! Вотъ рѣдкость: выпить двѣ бутылки шампанскаго, да нѣсколько рюмокъ ликеру! Нѣтъ— мнѣ казалось, что я опьянѣлъ отъ мыслей: онѣ кружились вокругъ меня, словно оживленные въ фантастическихъ образахъ, то звѣзднымъ роємъ прелестныхъ глазъ, то радужными лучами пламенныхъ взглядовъ, то вереницею чудно-бѣлыхъ рукъ и пышныхъ плечиковъ....

«То плетеницею длинногорлыхъ бутылокъ рейнвейна и горбатыхъ стеклянокъ венгерскаго...»

— Не смѣйся, Воля, надъ моими мечтами: онѣ были сладки и упоительны, какъ чарующая поэзія гармоническаго стиха Мура, какъ волшебный звукъ смычка Паганини.....

Передъ такими могущественными авторитетами, избранными для сравненій прелестныхъ глазъ, пламенныхъ взглядовъ, чудныхъ рукъ и плечъ, я замолчалъ, а Тарковъ продолжалъ свою рѣчь.

Мнѣ казалось, будто всѣ эти образы, въ бѣшеномъ круженіи, касались невидимыхъ струнъ и производили звуки, которые находили отголосокъ въ моемъ сердцѣ; казалось, что онѣ группировались въ живыхъ картинахъ, какихъ конечно не изобрѣтеть N. N. И долго, видно, длилось чудное состояніе моего воображенія, съ полчаса я думаю. Но

вотъ, самъ не знаю какъ, я опомнился, взглянулъ, и вообрази мое удивленіе, когда изъ за тусклаго свѣта нагорѣлой свѣчи увидѣлъ я длинную фигуру Александры Филипповны, сѣрые глаза которой, какъ будто парили въ моемъ сердцѣ....

Въ минуту пробужденія отъ сладкихъ мечтаній, видъ тусклыхъ глазъ Александры Филипповны, въ которыхъ свѣтилось *что-то неземное*, пропзвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Сначала, какъ будто досада, а потомъ какой-то невольный трепетъ охватили мою душу. Александру Филипповну и днемъ встрѣтить невзначай, такъ напугаешься, потому что паружность ея злыо некрасива. Вообрази себѣ женщину лѣтъ 50-ти, худую и желтую, какъ высушенный гусь, длинную, какъ верстовой столбъ, съ лицомъ изрытымъ рубцами, оспинами и морщинами, наподобіе Вяземскаго прылика, съ цвѣтомъ зеленой бутылки, тонкими губами, изъ-за которыхъ выдаются паружу чепыре желтыхъ клыка, и со взглядомъ неподвижной мертвенности! Нарядъ ея состоялъ изъ оживленнымъ прелестямъ: шелковос платье ярко пламеннаго цвѣта, и сверху желтый платокъ, на головѣ чепецъ съ широкими лентами, въ которыхъ опять встрѣчалось сочетаніе пламеннаго и желтаго цвѣтовъ; изъ-подъ чепца торчатъ пряди сѣдыхъ волосовъ, въ видѣ локоповъ, опушенныхъ инемъ..... Все это бросилось мнѣ въ глаза, и долго въ оцѣпенѣннн смотрѣлъ я на ворожею, такъ неслышно подкравшуюся въ комнату, въ самомъ разгарѣ моихъ мечтаній... Наконецъ она заговорила могильнымъ голосомъ:

«Алексѣй Павловичъ! забылъ ты Господа Бога; знаешья ты съ повѣсами, да съ чаркою; заглядываешься ты на хорошіе глазки! Повѣсы и чарочки не доведутъ тебя до добра, а красивые глазки об-

морочать твою душу, сожгутъ твое тѣло, выпьютъ твою кровь, да потомъ и забудутъ, какъ старую, изношенную ветошь.»

Такая рѣчь не была для меня новостью, будучи всгдашнимъ прѣвѣтствіемъ не только Александры Филипповны, но и двухъ тетокъ старухъ, да дяди старика, выжившихъ изъ лѣтъ. Но никогда не производила она на меня такого дѣйствія, какъ въ ту минуту, когда воображеніе мое было подготовлено къ воспріятію всего видимаго и слышимаго въ чудесномъ видѣ и смыслѣ. Мысль о прошедшей жизни упрекомъ удвѣила меня; въ самомъ дѣлѣ: что день — то пирушка, да карты, что ночь — то балъ, да новая страсть, и обольстительныя и живыя рѣчи, и ни одной дѣльной мысли, ни одного основательнаго поступка, ни одного добраго дѣла, чтобы уравновѣсить, хоть сколько нибудь, всѣ отозвавшейся совѣсти. Закусилъ я черный усъ въ раздумьѣ, а по тѣлу мурашки забѣгали, но ей ей, не отъ страха, а — стало совѣстно!

Александра Филипповна не переставала смотрѣть на меня, будто выпытывая мои мысли.

«Что? Совѣстно стало? Благо, что совѣсть есть! А хочешь, докажу тебѣ, что пріятели твои вѣрны только до чернаго дна, а черныя очи твоей трефовой дамы смотрятъ на тебя нѣжно только въ глаза, а за глаза посматриваютъ на другаго, на третьяго, и, можетъ быть, на пятаго, на десятаго, мѣняя васъ, какъ мѣняютъ нарядныя платья, и глядя на всѣхъ равно умильно?»

Стало мнѣ досадно, слыша такія слова о товарищахъ-друзьяхъ и о душѣ-дѣвицѣ. «Давно ли», подумалъ я, «дружеское пожатіе рукъ за чашею пѣнистаго вина запечатлѣло тѣсный союзъ дружбы? Давно ли въ черныхъ очахъ моей красавицы прочи-

талъ я краснорѣчивое признаніе въ любви? Давно ли видѣлъ расцвѣтъ распускающейся розы на ея щекахъ, при нашей встрѣчѣ на Невскомъ? Не могъ обманъ заползти змѣей въ это прекрасное тѣло и очаровывать меня въ ея влажномъ взглядѣ и трепетной рѣчи!

И я не выдержалъ съ досады.

— Докажи! — сказалъ я.

«Не вѣришь, такъ увидишь, а если хочешь, такъ и услышишь,» отвѣчала ворожея. «Знаю гаданье, которое мнѣ открыла покойная бабка, урожденная Цыганка, и которое не всегда безопасно. Она вынесла его изъ далекой стороны, изъ-за синя моря, гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ воды текутъ медовыя, гдѣ берега кисельные. Хочешь попробовать, такъ укрѣпись духомъ.»

— Гусару ли трусить? Давай гадать — отвѣчала я, думая, что гаданье ограничителъ бобами, кофейникомъ, или много, много что зарѣзанной кошкой. Далѣе нынѣшнія дьяволистика не шагаетъ, боюсь тмы, а, можетъ быть, и свѣта премудрости.

«Такъ одѣнься потеплѣе,» продолжала ворожея.

— А зачѣмъ?

«Мы поѣдемъ въ луну.»

— Какъ въ луну? — спросилъ я въ удивленіи, думая, что ворожея шутитъ, или хлебнула неосторожно заѣтнаго. Но она увѣрительно отвѣчала:

«Да, въ луну. Тебѣ кажется это мудреннымъ и невѣроятнымъ, потому, что въ вашихъ книгахъ и умахъ о томъ не писано, потому, что для вашихъ мудрецовъ многія тайны природы недоступны. Да вѣдь они не умбютъ за нихъ взяться: бродятъ около нихъ, словно въ потѣмкахъ, чахнутъ надъ вычисленіями, и подъ часъ морочатъ людей, выворачивая на изнанку старую, давно изношенную истину, а

внутренно сознаются, что они дошли только, до того, что еще ничего, или почти ничего не узнали. Рады они, какъ чуду, когда иная тайна сама прилетитъ къ нимъ въ руки; тутъ загомолятся они вокругъ нея, словно пчелы вокругъ улья, и давай ее вытягивать проволокою, да пересылать черезъ нея повѣстки за тридцать земель, или заперать въ ящикъ съ водою, да кататься по бѣлу свѣту безъ лошадей, или безъ парусовъ, или закатывать въ порошники и летить людей. Многие вамъ кажется чуднымъ, что за нѣсколько тысячъ лѣтъ было добромъ цѣлыхъ поколѣній мудрецовъ, а многое, чего не вѣдаете, кажется вамъ смѣшнымъ, потому, что вы не понимаете глупымъ разумомъ, что все создано для человѣка и въ его власти должно находиться.

Такая диссертация изумила меня. Откуда могла Александра Филипповна почерпнуть столько умныхъ разсужденій — она, простая женщина, ворожея для снисканія насущнаго хлѣба? Чудно дѣйствовали на меня ея слова: сначала мнѣ невѣроятны до смѣха казались слова старухи; потомъ сомнѣнiе закралось въ душу..... «Почему жь нѣтъ?» подумалъ я. «Многія тайны извѣстны простому народу, и между тѣмъ недоступны образованному уму, ограждаемыя формами наукъ и схоластическимъ изученіемъ природы; многія тайны умерли для свѣта въ пирамидѣхъ Египта и въ гіероглифахъ, досель неразгаданныхъ.» — Тутъ мнѣ бросились на память старые уроки о чудесахъ древняго Египта, остатки которыхъ еще видны въ древней Индіи, колыбели человѣчества и знаній, которыя хранятся теперь отъ любопытства людей, не какъ святыня, предъ коей преклонялись народы, а какъ способъ для выручки денегъ.

— Ыдемъ — сказали я рѣшительно, окутываясь въ холодную шинель.

«Какъ пуститься въ такое далекое, чудное путешествіе, не прибавивъ храбрости!» сказала ворожея. Я согласился. И вотъ Александра Филипповна поднесла мнѣ какого-то жидкаго снадобья, которое раскаленнымъ свинцомъ разлилось въ моихъ жилахъ; потомъ принесла метлу и ступу, стала надъ ними шептать какія-то заклинанія, перевернулась раза три, сунула мнѣ метлу въ ноги, сама сѣла въ ступу, и только успѣла проговорить: «Держись крѣпче!» какъ мы вихремъ вылетѣли въ дверь и понеслись къ небу.... Что я чувствовалъ въ началѣ нашего воздушнаго путешествія, не могу тебѣ описать. Мнѣ не разъ случалось летать по воздуху во снѣ, и такіе сны доставляли мнѣ всегда невыразимое удовольствіе; но летѣть дѣйствительно, въ необъятномъ пространствѣ, чувствуя подъ собою, вмѣсто коня, метлу, и вмѣсто стремлянъ, воздушную глубину, летѣть въ обществѣ вѣдьмы и звѣздъ, внѣ области привычной жизни — такой полетъ, признаюсь, сначала показался мнѣ страшенъ, тѣмъ болѣе, что быстрота исторгала изъ глазъ слезы, занимая дыханіе, мысли сжимались, будто въ гомеопатическую порошнику, а чувства были, какъ въ предсмертной истомѣ. Манинально держался я одною рукою за моего безподобнаго Буцефала, а другою за край одежды Александры Филипповны. Однако жь незаметно чувство страха прошло, и со всею беззаботливостью моего характера, скоро свыкъся я съ настоящимъ положеніемъ, въ которомъ, могу поклясться честью гусара, не случалось быть ни одной душѣ христіанской нашего премудраго вѣка!

Мнѣ даже понравился такой спокойный родъ вѣды, гдѣ одной мысли достаточно было направ-

лать полетъ самолетныхъ коней — метлы и ступы, и гдѣ можно было безопасно нестись, не боясь ни овраговъ, ни болотъ, ни перекрестныхъ дорогъ, ни встрѣчныхъ проѣзжихъ. Только двѣ мысли меня беспокоили: невѣдѣнность, сколько продолжится мое отсутствіе изъ Петербурга, и перспектива ареста, за самовольную отлучку, при возвращеніи. При такихъ мысляхъ невольно упалъ взоръ мой на оставленную землю: Петербургъ, будто токулъ въ волнахъ луннаго свѣта, и изъ волнъ его выглядывали, то свѣтлыя шпицы церквей, то каменные гряды домовъ; блестящею змѣею текла Нева, перерезанная островами, а вдали струился Финскій заливъ, будто накрытый серебряной чешуей, въ которой, то зажигалось, то погасало отраженіе звѣздъ небесныхъ. Картина была прелестная. Окрестности Петербурга отдыхали въ безмолвіи вечернемъ, между тѣмъ какъ изъ города ясно долетали до меня звуки житейскихъ заботъ, не пугавшихся теченія времени, которое каждыя четверть часа, будто со стономъ, отрывалось отъ настоящаго, и въ звукахъ часоваго боя улетало въ міръ вѣчности. До того ли жителямъ столицы, чтобы считать четверти часовъ, когда они губятъ годы, бросаютъ цѣлую жизнь за нѣсколько мгновеній искусственнаго наслажденія, ссорятся съ настоящимъ и вѣчно рвутся въ будущее съ запасомъ надеждъ? И вотъ, съ послѣднимъ ударомъ часовъ, я насчиталъ одиннадцать. «Теперь,» подумалъ я, «моя красавица въ роскошномъ будуарѣ, среди пышныхъ нарядовъ, свосравничаегь передъ зеркаломъ и передъ своею уборщицею, подготавливаетъ обаятельныя улыбки и взгляды, и мысленно перебираетъ поклонниковъ—кого бы подарить своимъ вниманіемъ на предстоящемъ балѣ? А если она думаетъ обо мнѣ? а если она любитъ меня одного,

и душа ея обручилась съ моею душою, и хранить тайну завѣтную въ сокровищницѣ дѣвственныхъ думъ, залпую льдомъ приличій? Что если въ мечтѣ, она назначила сегодняшній вечеръ вечеромъ признанія, и съ трепетомъ ждетъ встрѣчи со мною, съѣша высказать мнѣ думу своей души? — А меня тамъ не будетъ, и рука ея задрожитъ въ рукѣ другаго, мысль ея сольется не съ моею мыслью, и не я буду глядѣться въ зеркалъ черныхъ очей!» Эта мысль бросила меня въ дрожь; я забылъ небо, къ которому влекла меня сила метлы и Александра Филипповны, забылъ опасность, и выпустилъ изъ рукъ безпогаго Буцефала, чтобы потешае закутаться въ шинель; только кавалерійская привычка держаться крѣпко колышками спасла меня отъ смертельнаго салътоморгала на землю.

«Эхъ, Алексѣй Петровичъ!» сказала мнѣ укоризненно спутница, «не оставилъ ты земныхъ желаній и помысловъ! Опасно нести ихъ съ собою въ чистое море воздуха, гдѣ все свято отъ начала міра и куда можетъ залетать только мысль. Сбрось на землю бремя искушеній, которыя мутятъ твою душу, отряхни прахъ думъ и желаній, которыя гнѣздятся въ твоемъ умѣ. Посмотри на Божій міръ: не красивѣе ли онъ пестраго и тѣснаго міра, тобою покинутаго? Взгляни на эти звѣзды—не свѣтлѣе ли онѣ горятъ, чѣмъ очи твоей красавицы! Надышишь этимъ воздухомъ: не чище ли онъ воздуха вашихъ гостиныхъ? Оставишь мірекое, яснѣ увидишь что хотѣлъ.»

Она замолчала, и я, пораженный истинною словъ ея, будто сталъ перераждаться нравственно. Безъ сожалѣній, какъ излишнюю тяжесть, сталъ я сбрасывать мысль за мыслью, желаніе за желаніемъ, чувство за чувствомъ; только зрѣніе и слухъ оставилъ

я при себѣ на безсмысленные ординарцы. Разумъ озябъ, какъ мѣръ на зарѣ разсвѣта; понятіе волнами врывалось въ него, и все предметы, доселѣ недоступные уму, горѣли въ ясномъ блескѣ свѣта. Съ восторгомъ погружались взоры мои въ безконечное пространство, усеянное бисеромъ звѣздъ, между которыми лѣнѣла все ближе и ближе серебристая луна; слухъ, утонченный въ рѣдкомъ эфирѣ, съ наслажденіемъ прислушивался къ чудной гармонической тишинѣ, нарушаемой только звукомъ прелетныхъ метеоровъ и падающихъ звѣздъ. Тогда съ гордостью посмотрѣвъ я на землю, которая необъятнымъ шаромъ плыла въ пространствѣ, будто окутанная свѣтлою атмосферою. Отъ чуднаго ли дѣйствія этой атмосферы, въ которой родились мы съ Александрою Филипповною, которою мы дышали столько лѣтъ и которая унеслась вмѣстѣ съ нами въ небо—не знаю, но только и мы, по мѣрѣ отдаленія отъ земной сферы, стали свѣтлѣть и горѣть огнемъ планетъ. Тѣло, одежда и наши самолеты—все покрылось фосфорическимъ свѣтомъ, а за нами бѣжала звѣздистая струя, будто хвостъ кометы. Почему знать: можетъ быть, въ то время вниманіе какого нибудь трудолюбиваго наблюдателя небесныхъ свѣтилъ было обрadowано, какъ новымъ открытіемъ, нашимъ появленіемъ въ двойственномъ видѣ, въ числѣ свѣтлыхъ мировъ? Намъ, можетъ быть, сопричислили къ новымъ звѣздамъ, или кометамъ, окрестили въ Нѣмецкомъ прозваніи, настроили тму системъ, одну безсмысленнѣе другой, отгиснули за новостъ въ журналахъ и брошюркахъ, и подарили журнальнымъ безсмертіемъ!

Воздухъ былъ такъ рѣдокъ, что мнѣ слышалось бѣненіе моего сердца и сердца моей звѣзды-спутницы, а тѣло до того просвѣтлѣло, что сквозь него

видѣлось ясно движеніе крови. Александра Филипповна, съ чудною понятливостію—даромъ эфирнаго пространства—прочла мою мысль въ головѣ, какъ сквозь прозрачное стекло, и сказала:

« Не удивляйся! Скоро не только будешь слышать бѣненіе чужаго сердца и видѣть движеніе крови, но услышишь даже чужія мысли, самыя тайныя и завѣтныя желанія, и увидишь просвѣтленнымъ взоромъ истинное добро и зло, которое живетъ на землѣ. »

Небесныя свѣтила не расли передъ нами, хотя мы, казалось, приблизились къ нимъ на ближайшее разстояніе, судя по отдаленію земли, мелькавшей вдали блѣднымъ шаромъ. Тутъ понялъ я, какъ ничтожны наши понятія о необъятности пространства, которое мы думаемъ вычислить на человѣческихъ цифрахъ. Милльоны милльоновъ верстъ въ этомъ пространствѣ были каплею въ Океанѣ, невидимымъ атомомъ въ воздухѣ, пещинкою въ степяхъ Африканскихъ. Сознаніе въ безсиліи человѣческихъ умствованій передъ величіемъ созданія, отторгнуло отъ меня послѣднее чувство земное—гордость, и я съ смиреніемъ и съ восторгомъ любовался міроданіемъ.

Пролетѣвъ половину разстоянія, отдѣлявшаго насъ отъ луны, мы увидѣли солнце, но не то солнце земное, которое, подружась съ земною атмосферою, даетъ жителямъ земли свѣтъ и тепло, и брызжетъ на нихъ лучами жизни, не солнце съ восходомъ и закатомъ, какъ будто ежедневнаго гостя земли, или странника, осужденнаго на вѣчное путешествіе по извѣстнымъ законамъ обмана чувствъ, а просто свѣтлую планету, безъ тепла, безъ лучей, неподвижную, кружащуюся только вокругъ себя и служащую центромъ кругооборота толпъ другихъ меньшихъ пла-

петь, планету, какихъ много въ небѣ, безъ особой красы, безъ восхода и заката, безъ румяной зари—шалуньи утренней, и безъ зари вечерней—подобія тихой смерти, безъ намета облаковъ, и даже безъ вѣчной его спутницы—поэзии мірской. «Долго же ты морочилъ насъ!» подумалъ я, глядя прямо въ очи солнцу, безъ страха встрѣчая его ледяное сіяніе. «Постой, братъ: воротаясь на землю, я разочарую міръ на счетъ твоихъ прелестей. Ты, видно, за то и любилъ нашу крошечную планету, что она убираетъ тебя въ лучи, да дѣлится съ тобою тепломъ, радитъ въ серебряные локоны облаковъ и въ шапку бровевыхъ тучъ, умываетъ по утру живительною рососою, тѣшитъ громовою музыкаю и потѣшнымъ огнемъ молніи... Развѣ общаешь ты мнѣ много красныхъ и теплыхъ дней на землѣ, развѣ вызовешь для меня у любовницы твоей земли много пышныхъ розъ, развѣ радугою счастья заманишь ты въ мое жилище... Ну, съ такимъ условіемъ, хоть и по рукамъ, ударимъ мировую!»

Все дальше и дальше, быстрѣе и быстрѣе неслись мы. И вотъ луна стала принимать всѣ формы и цвѣта земли, а земля стала казаться большою луною. Ближе и ближе..... Что за чудо! да это земля! Вотъ черное пятно—это Атлантическій Океанъ; вотъ темною полосою отдѣлилась Британія отъ твердой земли, будто отрѣзанный отъ Европы ломоть; рядомъ съ нею Франція: въ ней что-то мало свѣтлыхъ пятенъ; рядомъ Швейцарскія горы, блестятъ, какъ въ исторіи героическіе подвиги ея сыновъ; вотъ ученая Германія—свѣтлыя линіи бороздятъ ея во всѣхъ направленіяхъ, не составляя одного цѣлаго; рядомъ съ нею, въ морѣ свѣта, горою, исполнимою высится Россія, опираясь на скалы Финскія, горы Балканскія, Кавказъ, Уралъ, хребты Алтая и Саяна! Задро-

жало мое сердце, словно выскочить хотѣло отъ радости, замѣтивъ Россію, какъ родной домъ при возвращеніи на родину, гдѣ ждутъ объятія матери и сестеръ, благословенія отца, воспоминанія золотого дѣтства, свѣтлое и спокойное уединеніе, колыбель сладкихъ думъ и источникъ радостей душевныхъ! Восторгъ мой былъ такъ же чистъ, какъ эфиръ меня окружавшій, но такъ же непродолжителенъ, какъ минута счастливаго упоенія, потому что Александра Филиппевна, угадавши причину моей радости, сказала:

«Ты ошибаешься, Алексѣй Петровичъ, принимал отраженіе земныхъ предметовъ за самую землю, по привычкѣ понимать вещи въ превратномъ видѣ. Передъ тобою луна, и ты на ней увидишь и услышишь истины и тайны, разрѣшенія которыхъ никто не далъ бы тебѣ на землѣ. Таинственно разгадается тебѣ твоя судьба; ты увидишь, будто въ лѣвъ, землю, рѣки, города, людей, твоихъ знакомыхъ; ты увидишь ихъ въ тѣхъ же положеніяхъ, въ какихъ они находятся дѣйствительно на землѣ, съ тою разницею, что здѣсь видимое будетъ только отраженіемъ дѣйствительно существующаго на землѣ, но за то и съ тою несравненною выгодною, что сквозь просвѣтленные, такъ сказать, образы земные, ты, вмѣстѣ съ очаровательностью наружностью образовъ, увидишь тайну ихъ внутренняго бытія. Тебѣ доступны будутъ даже помыслы людей, и между тѣмъ, какъ слухъ твой будетъ пораженъ тѣми же звуками роднаго Русскаго языка, тѣми же обманчивыми рѣчами и обольстительно прекрасными увѣреніями, взоръ твой, въ глубинѣ сердець, въ изгибахъ душъ, въ затворѣ мыслей, прочтетъ истину, неподверженную чарамъ словъ и взглядовъ. Тутъ не нужно будетъ подслушивать тайну въ невольномъ трепетѣ сердца, или дрожаніи голоса, не нуж-

по угадывать состоянія души по незамѣтной судорогѣ губъ, или пролетной блѣдности лица—то средства земныя, и они часто обманываютъ въ назначеніи самое опытное вниманіе, и безошибочно употребляются только романистами въ очеркахъ страстей.»

Дивны были рѣчи, еще дивнѣе было слышать ихъ отъ Александры Филипповны, но послѣ всѣхъ чудесъ, мною видѣнныхъ и испытанныхъ по волю моей спутницы, я не могъ усомниться въ истинѣ ея словъ, убѣжденный сверхъ того, по собственному опыту, что съ удаленіемъ отъ условій жизни, отъ обычныхъ земныхъ чувствъ и мыслей, разумъ свѣтлѣетъ и яснѣе познаетъ бытіе, а воля, скинувъ земныя желанія, получаетъ новыя силы и смѣло располагаетъ стихіями, созданными для чловѣка. Сверхъ того такому перерожденію простой женщины въ созданіе ясновидящее и умно разсуждающее могли содѣйствовать какія нибудь тайны, ей одной извѣстныя: можетъ быть, ея простота была только умышленная, чтобы спокойно жить среди самолюбія людей, и подѣ грубою оболочкою ворожен, подѣ уродливыми морщинами и сѣдинами, скрывалась образованная душа, обманутая въ ожиданіяхъ, уединившаяся отъ людей въ угѣнительное созерцаніе тайнъ и чудесъ природы!..

Между тѣмъ, мы быстро летѣли. Фосфорическій свѣтъ луны началъ исчезать, и чудное отраженіе земныхъ предметовъ, въ самыхъ мѣлкихъ подробностяхъ, стало яснѣе передъ нами. При самомъ влетѣ въ атмосферу луны, мы встрѣчены были весьма неприятно градомъ аэролитовъ, которые очень вѣщественно свистѣли мимо ушей, непривыкшихъ къ такому угощенію. Множество волкановъ, большихъ и малыхъ, курились, дымились и взбрасывали на не-

обычную высоту огромные камни серебристаго свѣта. Это одно напоминало, что передъ нами луна, а не земля, потому, что наружная оболочка луны казалась истинно нашею землею. Укрывшись кое-какъ отъ непріязненной встрѣчи воздушныхъ камней, мы начали опускаться надѣ отраженіемъ Россіи. Тѣ же, за два часа видѣнныя мною на землѣ моря, рѣки, озера, города, села, лѣса, степи рисовались въ блѣдномъ свѣтѣ — и вотъ заструилась серебряная чешуя Финскаго залива, змѣей блеснула Нева, перерѣзанная островами, упираясь хвостомъ въ Ладожскій бассейнъ, а головою утопая въ волнѣ Балтики. Петербургъ, съ золотыми спицами и грядями домовъ, будто погружался въ море свѣта. И между тѣмъ, какъ окрестности столицы отдыхали въ глубокомъ снѣ ночи подѣ звѣздистымъ наметомъ неба, тотъ же шумъ житейской заботы, но не столь громкій, какъ при отлетѣ съ земли, слышался изъ подобія нашего Петербурга, а съ нимъ вмѣстѣ бой часовъ, оклики часовыхъ и лай собакъ.

Быль часъ ночи, когда мы спустились на Адмиралтейской площади, или на ея отраженіи. Экипажи мелькали мимо насъ, глухо стуча по опустѣлымъ улицамъ; запоздавшіе пѣшеходы изрѣдка являлись на тротуарахъ, то слѣдимые, то предшествуемые своею тѣнью, при удаленіи ихъ, или приближеніи къ тускло горѣвшимъ фонарямъ; у будокъ бродили сонные часовые, вооруженные аллебардами, и, отъ нечего дѣлать, коротили время, то пѣсней, то выразительнымъ зѣвкомъ; въ окнахъ было мало свѣта: люди ремесленные и дѣловые отдыхали; люди свѣтскіе и бездѣльные разбрелись по баламъ и шумнымъ собраніямъ. Я рассказываю тебѣ все мѣлочныя подробности, потому, что онѣ бросились мнѣ въ глаза первыя при спускѣ на луну, и

все онъ, будучи только тѣнью, или отраженіемъ дѣйствительности, поражали необыкновенною вѣрностію въ сходствѣ съ оригиналомъ.

«Гдѣ же хочешь ты начать опытъ познанія людей?» спросила меня спутница.

— Начиная съ бала Князя N.....—отвѣчала я—тамъ я долженъ найти почти всѣхъ давнишнихъ товарищей гулякъ и Софью M... — Сердце на передки, а умъ оставимъ куда въ обозъ...

«И тому и другому будетъ работа», замѣтила Александра Филипповна, «но, выводи тебя на дорогу истиннаго познанія людей, мнѣ должно предупредить тебя, Алексѣй Павловичъ, что я не принимаю на свою совѣсть послѣдствій отъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя ты увидишь и услышишь. Счастіе большей части смертныхъ заключается именно въ томъ, что они цѣлый свой вѣкъ бродятъ въ очарованномъ кругу и, обманываясь на каждомъ шагѣ, бѣгутъ за новыми призраками и такъ добѣгаютъ до могилы. Мечты — наслажденіе для человѣка: онъ любимыя его игрушки; онъ убираетъ ихъ въ лучшія украшенія земныя, заимствуя изъ неба только изрѣдка молитву, чтобы его освятить иную мечту, окрестить въ ней какъ въ купѣли лучшія надежды, и, какъ щитомъ, его загородить любимое дитя отъ злости свѣта и непостоянства судьбы. Разбей сосудъ надеждъ человѣка, разорви чудную ткань мечты его, и онъ убьетъ себя съ тоски, но прежде, убьетъ того, кто коснется его сокровищъ. Хотя въ свѣтѣ разочарованіе нинѣ въ модѣ, но повѣрь, что оно только въ словахъ и на кислыхъ рожахъ: полное разочарованіе—смерть для человѣка! Есть ли возможность разочаровываться, когда въ будущемъ море неизвѣстности? А гдѣ есть тайна, которой не раскроетъ

земное знаніе, тутъ-то люди и липнутъ, стараясь поднять край завѣсы, скрывающей грядущее, и въ безсиліи стрѣлятъ воздушныя замки, мечтая о тинствахъ своей судьбы. Нѣтъ! теряя непрерывно въ горькомъ опытѣ самыя драгоценныя мечты, человѣкъ продолжаетъ наводить волшебное стекло на все окружающіе его предметы и зоветъ къ себѣ очарованіе. Но тяжело ему разставаться съ увѣреніемъ въ ложной дружбѣ, въ обманчивости любви, въ непрочности всѣхъ связей, и онъ съ тоскою встрѣчаетъ опытъ, который по временамъ открываетъ ему глаза, показывая истину въ наготѣ. Тяжело, можетъ быть, и тебѣ будетъ разстаться съ лучшими мечтами, которыя перелетными птичками напѣвали тебѣ радости, или чудною кистью природы рисовали будущее. Такъ подумай: я предлагаю тебѣ, хотя и неполное разочарованіе, но тоже опытъ, только онъ не будетъ стоить ни времени, ни здоровья, ни денегъ, опытъ, который раскроетъ тебѣ въ настоящемъ свѣтѣ связи, на которыхъ ты вѣжилъ свое настоящее и убаюкивалъ будущее. Въ вѣсколько часовъ ты узнаешь все, но есть еще время отложить нашу опытъ и осгаться въ пріятномъ заблужденіи.»

— Нѣтъ, Александра Филипповна—отвѣчала я рѣшительно—можетъ быть, счастіе жизни обобщаетъ мнѣ такой опытъ; можетъ быть, въ немъ почерпну истинны, которыя устранять меня съ пути заблужденія. Не разъ горько мнѣ доставалось отъ чаръ прелестныхъ глазъ и обманутыхъ ожиданій: отступлю ли я теперь передъ возможностью разрѣшить завѣтные вопросы? Гусару ли отступать отъ боя, не извѣдавъ наслажденія опасности?

Въ самомъ дѣлѣ, любопытство стремительнымъ ключемъ подмывало меня, и мы поѣхали по Нев-

скому, я на помель, а Александра Филипповна въ ступѣ. Думаю, съ построения Петербурга, по улицамъ его никому, не только гусару, не случалось ѣздить на помель, а барынямъ въ ступѣ! Хотя я и былъ убѣжденъ, что все меня окружающее не есть мѣръ дѣйствительный, и что нарушение формы на лунѣ не грозитъ арестомъ, но, право, нѣсколько разъ, при встрѣчѣ экипажей, въ которыхъ блестяли генеральскіе эполеты и рисовались хорошенькія женскія личики, меня бросало въ дрожь, а отъ стыда, казалось, даже волосы краснѣли. Желая безопасно испытать: дѣйствительно ли мое странное появленіе на помель не произведетъ какого либо впечатлѣнія на людей, или на ихъ тѣни, мимоходомъ подъѣхалъ я къ будкѣ и спросилъ у будочника: который часъ? На то не послѣдовало ни отвѣта, ни даже обычнаго движенія аллебарды передъ лицомъ офицера; часовой безмысленно смотрѣлъ, то на небо, вѣрно, поджидая часа росы небесной, или вызывая утро, а съ нимъ и смѣну, то на холодную мостовую, будто прискивая на ней жесткое изголовье. Невниманіе полусоннаго будочника не вполне бы меня еще успокоило, еслибы я въ тоже время не замѣтилъ, что свѣтъ близкаго фонаря, ударяя прямо въ насъ, будто проходилъ сквозь меня и Александру Филипповну, не ложась за нами тѣнью, между тѣмъ, какъ тѣнь ясно бродила около будочника и его аллебарды. Успокоенный вполне, я беззаботно продолжалъ слѣдовать за моею спутницей, но по дорогѣ не выдержалъ — завернулъ на минутку въ гостиницу Кулона, гдѣ моя квартира, увѣрился въ дѣйствительной исправности моего Ваньки, за трезвость и честность котораго я готовъ былъ побожиться. На помель самолетъ быстро вылетѣлъ я въ четвертый этажъ, и не чувствуя подъ

собою пола, поддерживаемый только чудесною силою моего воздушнаго Буцефала, очутился передъ занимаемымъ мною номеромъ. Смотрю и не вѣрю: дверь пастежъ, вещи разбросаны въ безпорядкѣ, наплавившая свѣча догараеть, бросая неясный свѣтъ на всѣ предметы, а Ванька — о, начало горькаго опыта! — Ванька, полумертво пьяный, валется на моей кровати! Забывшись, я было протянулъ руку, хотѣлъ протрезвить негодяя, но рука ударилась о пустой воздухъ, а между тѣмъ взоръ мой видѣлъ ясно пьяницу и прочель даже заснувшую вмѣстѣ съ нимъ радость удачи въ постоянныхъ обманахъ! Съ досады, я помчался за Александрою Филипповною на балъ Князя N....

Зарево освѣщенія издали указало намъ домъ Князя; длинныя ряды экипажей запрудили улицу, припавшая густою массою къ блестящему подъѣзду; въ окнахъ горѣли тысячи огней и мелькали стройныя четы, увлекаемыя вихремъ вальса, и толпы головъ, состоявшихъ не у дѣлъ; очаровательная музыка оркестра Лабинскаго раздавалась изъ комнатъ, оживляя танцующихъ звуками Штраусовскаго вальса.

Черезъ мраморныя ступени, уставленныя цвѣтами и унизанныя сонными лакеями, мы влетѣли въ залу, и — вотъ я наконецъ у цѣвъ, у порога опыта и новаго очарованія.....

Люди всѣ были, какъ люди земные: дамы разубраны, затянута до нельзя; нѣкоторыя милы, граціозны, прелестны, всѣ кокетливы; мужчины съ коками и безъ коковъ, въ одеждѣ разныхъ цвѣтовъ, въ палевыхъ перчаткахъ и съ палевою физиогноміею, съ самоуверенностію въ рѣчахъ и взглядѣ; тѣ и другіе ходили, кланялись, приветствовали

другъ друга по земному; все двигалось чинно, исправно, холодно и вѣжливо, какъ во всякомъ порядочномъ салонѣ, съ условіями, принятыми на землѣ и усвоенными высшимъ обществомъ. Танцующія пары стройно сходились и переплетались, скользя по паркету, подъ мѣру музыки. Говоръ рѣчей, то возникалъ, то упдалъ, еще несвязанный безконечною занимательностью продолжительной мазурки, на которую приглашенія и рѣчи готовлены за нѣскольکو дней; празднество было еще на первой главѣ романа, гдѣ дѣйствующія лица выступаютъ на сцену безъ видимыхъ близкихъ отношеній, гдѣ разсказъ ограничивается наружнымъ обзоромъ, въ родѣ инспекторскаго смотра, и гдѣ чудная плетеница страстей еще кроется подъ наружнымъ невниманіемъ, или равнодушіемъ. Засмотрѣвшись на оживленные призраки, слыша ихъ разговоры и встрѣчая въ нихъ на каждомъ шагу знакомыя лица, я вовсе забылъ бы о лунѣ, еслибы въ тоже время не чувствовалъ подъ собою помела самолета, а о бокъ присутствія Александры Филипповны, хотя и съ просвѣтленнымъ умомъ, но все же не бальной подруги. Призраки проходили мимо, даже сквозь насъ, а между тѣмъ я видѣлъ ихъ въ настоящихъ людскихъ образахъ и слышалъ голоса точно земные.

«Удивленіе неумѣстно, послѣ всего тобою видѣннаго,» сказала Александра Филипповна. «Передъ тобою свѣтъ безъ маски: смотри, читай въ сердцахъ и мысляхъ; пользуйся временемъ, чтобы разомъ узнать разрѣшеніе завѣтныхъ вопросовъ, пока всѣ твои друзья и знакомые въ сборѣ, и пока всѣ они думаютъ и говорятъ не во снѣ; я между тѣмъ следаю на четверть часа по своимъ дѣламъ.»

Что ближе къ сердцу съ того и начну, подумалъ

я, и съ трепетомъ сталъ искать въ толпѣ призраковъ обворожительнаго призрака моей милой. Скоро, слишкомъ знакомый голосъ указалъ мнѣ ее въ амбразуру окна, обставленнаго цвѣтами. Прелестная, какъ оживленная мечта, она съ дѣтскою граціозностію отдыхала въ креслахъ, небрежно слушая и отвѣчая на пустословіе нѣсколькихъ прославленныхъ умниковъ, и перебрасываясь ничтожными замѣчаніями съ двумя другими дѣвушками, ея свѣтскими подругами. Въ ея нарядѣ, позѣ, отвѣтахъ не было ничего изысканнаго; все было мило отдѣльно, съ полною гармонією въ цѣломъ.

Блескъ трехъ грушеобразныхъ алмазовъ ея фенорьерки замиралъ передъ блескомъ ея черныхъ очей, осѣненныхъ длинными рѣсницами; въ черныхъ кудряхъ, обрисовывавшихъ ея Итальянское личико, разсыпаны были цвѣты изъ жемчуга и брильянтовъ а вокругъ матовой шеи висѣла нитка бурмицкихъ зеренъ, споря въ молочной бѣлизнѣ съ бѣлизною обворожительныхъ плечъ. Таія — прелесть: тонка, какъ ея шейка, гибка какъ перо султана! Но какою очаровательною нѣгою дышала ея возвышенная грудь, разграниченная по указу природы тѣсною межою на два равныхъ, завѣтныхъ участка, гдѣ тайна, какъ рѣзвое дитя, притаилась подъ кружевною оборочкою и складками шелковаго платья, шаловливо выглядывая на людей, маня къ себѣ и торопливо скрываясь по прихоти своенравной воли. Неуповимы въ прелести трепетнаго движенія, какъ желанія красавицы, передъ ними волшебною топились мысли въ мечты, а мечты вспыхивали безотчетнымъ восторгомъ. И какъ символъ неразрѣшенной дѣвственной тайны, на божественной груди приколотъ былъ букетъ изъ нераспустившихся розъ, будто ожидающихъ разсвѣта дня, чтобы подъ

страстнымъ поцѣлуемъ солнечнаго луча зацвѣсть полнымъ, пышнымъ расцвѣтомъ.

Въ нѣмомъ восторгѣ смотрѣлъ я на прекрасный призракъ; мнѣ и на умъ не пришло заглянуть въ тайный смыслъ его думъ — такъ свита, такъ непорочна казалась она! Отвѣты ея на замѣчанія и вопросы доказывали, что она не принимала живаго участія въ разговорѣ, и накрахмаленная любезность двухъ записныхъ франтовъ спасовала. Они исчезли; ихъ тотчасъ замѣнили другіе любезники, въ числѣ которыхъ я узналъ моихъ пріятелей Брякушкина и Вѣрова; съ ними подошелъ офицеръ, Венгерецъ родомъ, молодецъ собою, гусаръ душою, мой задушевный другъ съ масляничной гульбы. Его приближеніе видимо оживило Софью М. Незамѣтная улыбка самодовольствія пробѣжала по ея лицу — меня бросило въ жаръ.....

Разговоръ завязался приглашеніемъ на слѣдующія кадрили; отъ приглашеній перебросился къ балу, убранству комнатъ, дошелъ до цвѣтовъ, и тутъ цвѣтисто разсыпался потокомъ сравненій и замѣчаній.

«Я не удивляюсь, что вы предпочли общество цвѣтовъ нашему обществу,» замѣтилъ Венгерецъ. «Цвѣты, говорятъ, съ родни красавицамъ, а кто больше васъ имѣетъ право на такое родство?»

— Къ какому же семейству цвѣтовъ причислите вы насъ? — спросила Софья М., удыляя подругамъ часть своего торжества.

«О, конечно къ семейству розъ — не здѣшнихъ, чахлыхъ, безцвѣтныхъ розъ, но тѣхъ, которыя пышно цвѣтутъ и благоухаютъ подъ теплымъ небомъ моей родины!»

— Розы недолговѣчны, Графъ. . . .

«Да, что вѣчно? Однообразіе вѣчности въ прекрасномъ убило бы цѣну изящнаго; взоръ и обоняніе, привыкнувъ къ красивому цвѣтку, утомились бы его однообразіемъ; красота дѣвушки не была бы предметомъ обожанія мужчинъ, еслибы она могла длиться цѣлую жизнь и не мѣнялась съ каждымъ днемъ.»

— *Comparaison n'est pas raison* — замѣтилъ меланхолически Вѣровъ.

«*Mais n'est pas une déraison dans le cas présent.*» отвѣчалъ Графъ. «Зимою вы жаждете зеленыхъ и цвѣтущихъ луговъ и лѣтняго тепла подъ раскидистою тѣнью деревьевъ, а лѣто не успѣло придти, и вы уже скучаете однообразіемъ зелени и зноемъ солнца, мечтая о поляхъ, заупущенныхъ снѣгомъ. Впрочемъ, однообразіе красоты, вѣролтно, надоедаетъ и женщинамъ — не правда ли?»

— Неправда, Графъ. Я хотя не считаю себя въ числѣ красавицъ, однакожь не желала бы потерять, по крайней мѣрѣ, красоты молодости.

«Да, молодость въ васъ прекрасна, но вы прекраснѣе молодости, и однакожь, что ни день — за чѣмъ одѣваетесь вы въ новую прелесть? что ни балъ — за чѣмъ новыми чарами преображаете вы свою красоту?»

— Мои бѣдныя прелести мѣняются только отъ моего наряда, а остальное. . . .

«Остальное vient de soi-même,» подхватилъ Брякушкинъ.

— Вы закидали насъ комплиментами — сказала Софья М.— и я, право, боюсь, Графъ, что наконецъ въ

самомъ дѣлѣ повѣрю вашей шуткѣ о скукѣ однообразія въ прекрасномъ!

«По однообразію нашего разговора, по однообразію, можетъ быть, восхищенія, съ какимъ мы любуемся вами, и которое вамъ надобно встрѣчать во всѣхъ глазахъ и во всѣхъ привѣтствіяхъ? Не скучайте хвалой свѣта: въ ней всегда есть основаніе правды.»

— Комплиментъ не правда, а лесть.

«Комплиментъ обращается въ правду, когда онъ относится къ вамъ.»

— Ваши правды лестны, но . . .

«По крайней мѣрѣ, онъ не лесть, а выраженіе чистаго восторга.»

— И вы не скучаете однообразіемъ его?

«Мой, или лучше общій восторгъ, только однообразно обращенъ къ одному предмету, но съ каждымъ днемъ мѣняется и растетъ въ объемъ и форму.»

Тутъ Александра Филипповна подъѣхала ко мнѣ и спросила:

— Что же твой опытъ?

«Я не начиналъ его», отвѣчалъ я. «Глаза мои видѣли только красоту Софьи, а уши заняты были ея разговоромъ.»

— Видно, безъ меня, ты какъ дитя безъ няньки. Я не хотѣла участвовать въ разочарованіи твоихъ задушевныхъ тайнъ, не хотѣла служить тебѣ указкою въ изученіи азбуки сердець, предоставляя самому все видѣть и повѣрять мысли словами. Вижу, что безъ меня ты ничего не узнаешь: смотри же и слушай! Взгляни въ сердце твоей Софьи: видишь

ли ты, въ источникъ чувствъ радостное трепетаніе отъ разговора съ Венгерцемъ; взгляни на голову ея, колыбель мыслей — развѣ не прочитаешь ты въ нихъ, разными нарѣчіями Европейскими написанное: «Графъ мой; я ему нравлюсь! Онъ богатъ и знатенъ, прекрасенъ и уменъ! Онъ будетъ моимъ мужемъ, повезетъ въ Вѣну! Тамъ я буду жить во дворцѣ, въ знатности и богатствѣ.» Посмотри — у ней нѣтъ ни одной мысли о тебѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдъ за взглядомъ Александры Филипповны, легко проникнулъ я въ глубину души и сокровенность мыслей Софьи, и съ ужасомъ убѣдился въ истинѣ словъ моей спутницы. Но мало того: я узналъ, что сердце ея никого не любитъ, ни даже красиваго Венгерца; что оно залито эгоизмомъ и самолюбіемъ. Горестно было разочарованіе; гнѣвъ волнами колыхалъ кровь и надвигалъ ее, то къ сердцу, то къ головѣ. Я былъ игрушкой свѣтской куклы; я вѣрилъ взгляду, въ которомъ была одна просьба для каждаго: «Возьми меня замужъ.» О, Боже мой! какъ смѣшны показались мнѣ мои мечты, моя увѣренность въ чистотѣ ея души и привязанности ко мнѣ! Какъ смѣшновъ былъ я самъ, ползалъ передъ каменнымъ идоломъ? Урокъ былъ полный, поучительный, но еще сомнѣніе крылось въ душѣ моей, и я невольно послѣдовалъ за Софьею и ея подругами, когда онѣ, по звуку призывнаго туша, встали и пригнули къ рѣдамъ строившагося контраданса.

Графъ танцовалъ съ нею; я сталъ позади и слышалъ весь ихъ разговоръ. Восторженный Венгерецъ таялъ передъ опытною кокеткою, и разсыпая передъ нею чистое золото пылкаго чувства, получалъ въ обмѣнъ только позолоченную мишуру сочувствія. Въ его сердце я видѣлъ море счастья, въ его мы-

сляхъ волны цвѣтистыхъ думъ; я узнавала себя въ неопытной, но страстной рвчи, которая безъ связи вырывалась у него шопотомъ, подъ громъ музыки.

«Нѣтъ, mademoiselle Sophie, вы напрасно отвергаете сочувствіе душъ, пазывая любовь чувствомъ эфемернымъ, небывалымъ! Есть минуты восторга въ жизни человѣка, когда онъ, забывая себя, родныхъ, свѣтъ, будущее, весь принадлежитъ любимому существу.»

— Да, можетъ быть, есть минуты—отвѣчала она—минуты летучія и скоро забытыя.

«Нѣтъ! не скоро забываются минуты не земной радости; онѣ западаютъ въ душу искрою и скоро разгораются пламенемъ, сожигая кровь; въ нихъ начало и конецъ земныхъ мечтаній о небѣ, въ нихъ зерно жизни или смерти!»

— Mais c'est trop pathétique pour une contredanse, Monsieur le Comte.

«Языкъ сердца не умѣетъ разбирать времени, и того или другаго танца; онъ снѣшить пользоваться летучею минутою бальной встрѣчи, дорожа мгновѣніями, какъ годами. И какъ не дорожить мнѣ рѣдкимъ случаемъ бесѣдовать съ вами, когда вы вѣчно, или въ толпѣ подругъ, или ангажированы на всѣ возможные танцы.»

— Раннее приглашеніе зависитъ отъ кавалеровъ.

«Но отъ васъ зависитъ избраніе.»

— Женскому полу предоставлено только безслов-
но соглашаться.

«Et si je vous prendrai au mot—если бы я просилъ

васъ осчастливить меня обѣщаніемъ танцовать со мною мазурку?»

— Я отвѣчала бы вамъ, что обѣщаніе мое уже дано, два дня тому.

«И я вѣрно не ошибусь, назвавши Алексѣя Таркова вашимъ кавалеромъ?» продолжалъ Венгерецъ вспыхнувши.

Услышавъ мое имя, я притаилъ дыханіе, ждалъ отвѣта, какъ приговора, боялся потерять одно слово, одно движеніе, ожидая въ голосъ, или въ выраженіи лица, прочесть что либо для себя радостное. Быстро, но незамѣтно, она окинула собраніе и спокойно отвѣчала:

«Вы угадали. Тарковъ пригласилъ меня на мазурку.»

Венгерецъ нахмурилъ брови и сталъ крутить свой черный усъ; я заглянулъ въ его сердце! Чувства кипѣли въ немъ, какъ вода на очагѣ; видно было, что права товарищеской пріязни боролись съ пламенною любовью, но сердце предатель, когда дѣло идетъ о соперничествѣ въ любви—оно одержало верхъ. Онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

«Двѣнадцатый часъ, а Таркова еще нѣтъ. Странно! Вѣрно, его удержало что нибудь важное. Въ случаѣ, если онъ не будетъ, позвольте мнѣ: какъ доброму товарищу, заступить его мѣсто.»

— Очень охотно, Графъ, если вы хотите—отвѣчала она—но съ условіемъ. Поступокъ Г. Таркова непростителенъ, и потому я буду танцовать съ вами просто, съ Графомъ, а не съ представителемъ Г. Таркова.

«Условіе лестнѣе для меня самаго обѣщанія: какъ представитель Таркова, я не имѣлъ бы права гово-

рить за Графа, но теперь Графъ осмѣляется говорить за себя.»

— Тарковъ никогда не можетъ быть тѣнью для васъ, — отвѣчала Софья, бросивъ на него взглядъ очаровательно соблазнительный, отъ котораго мурашки забѣгали у меня по тѣлу.

Уже Графъ готовилъ отвѣтъ, можетъ быть, полное признаніе, но въ это время огромный аэролитъ, будто казнь небесная, разразился надъ предателемъ и измѣнницею — а отшатнулся, окутанный облакомъ серебристой пыли, поднявшейся снизу, и оскорбленный во глубинѣ души, поворотилъ своего безногаго Буцефала отъ танцующихъ привидѣній, нисколько не встревоженныхъ появленіемъ воздушнаго камня.

Говорить ли тебѣ о планахъ мести, о разгарѣ негодованія, о глубокомъ горѣ? Все шевелилось, кипѣло во мнѣ, но, къ счастью, Александра Филиппевна нашла средства развлечь и успокоить меня.

«Не горюй, Алексѣй Павловичъ,» говорила она — «ну, стоитъ ли сожалѣнія кокетка, которая продаетъ себя тому, кто больше дастъ или, по крайней мѣрѣ, обѣщаетъ. Въ общественномъ быту развѣ не все съ торгу отдается и получается? Свѣтская дѣвушка знаетъ, что красота товаръ линючій: надобно продать его по выгодѣ и поскорѣе, и кто возьметъ залежалый товаръ, когда на немъ нѣтъ модныхъ разводовъ, а тѣмъ болѣе, когда внутренняя доброта его не въ состояніи замѣнить потерянной свѣжести красокъ? Да, полно, не вы ли, молодые люди, сами виноваты, что дѣвушки стали нестойки въ своемъ выборѣ? Зачѣмъ морочите вы ихъ надеждою на замужество, когда въ мысляхъ вашихъ только желаніе удовлетворить самолюбіе, а потомъ позабавиться на

счетъ легковѣрія и готовности отвѣтствовать любовью за любовь. Не обвиняй другихъ, не обвинивъ себя прежде. Вотъ взгляни на эту дѣвушку.» — Тутъ Александра Филиппевна подвела меня къ амбразурѣ окна, гдѣ уединенно сидѣла блѣдная дѣвица. «Взгляни на нее, она чиста и непорочна, какъ въ первый день выхода изъ Института; она была прекрасна и даже богата; она принадлежитъ къ хорошей фамилии, но жизнь ея завяла до разцвѣта, ея весна продолжалась только нѣсколько дней, пока длилось убѣжденіе, что ея не обманулъ первый голосъ мужчины, шепнувшій ей слово любви, пока она вѣрила надеждѣ, что обманъ не кроется во влажномъ взорѣ и трепетномъ пожатіи руки. Теперь всѣ зовутъ ея старой дѣвушкой, подруги ея чуждаются, мужчины смѣются надъ ея годами, а въ чемъ заключается ея вина? Въ томъ только, что отдавши разъ сердце, она не имѣла довольно силы возратить его, отвергла принятое свѣтомъ право платить обманомъ за обманъ, и, затанувъ въ душѣ горе, превратила его не въ желчь, но въ слезы. И море слезъ выплакала она за нѣсколько дней обманутаго счастья, за то, что молодому повѣсѣ захотѣлось попробовать надъ нею силы, заглянуть въ ея голубыя очи и заронить въ ея душу вниманіе къ его особѣ. Прошли годы — она не узнала счастья быть женою и матерью; она высохла съ горя: она, дѣйствительно, старая дѣвушка — а кто виноватъ?»

— Да, Александра Филиппевна, ты права — подумалъ я. Тяжелая отвѣтственность лежитъ на многихъ изъ насъ за шалости сердца. Конечно, минута любви неощущима; но еслибы воображали мы гибельныя послѣдствія отъ необдуманнаго взгляда, или отъ пламеннаго порыва рѣчи, то, конечно, языкъ нѣмѣлъ бы отъ ужаса, а очи пухли бы отъ слезъ. При этихъ

мысляхъ совѣсть моя пробудилась, раскаяніе заняло мѣсто негодованія — мнѣ стало легче.

Отошедъ отъ унылаго созданія, бывшаго предметомъ нашего разговора, я продолжалъ слѣдовать за моею путеводительницею мимо сидящихъ дамъ и кавалеровъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ Александра Филипповна обращала особенное вниманіе, сообщая мнѣ цѣлую жизнь однихъ и краткія замѣчанія о другихъ. Всѣ, казалось, были ей извѣстны, какъ морально, такъ и въ отношеніи житейскомъ: ремесло вороженъ и даръ ясновиднія придавали большой вѣсъ ея рассказамъ. Много дивныхъ новѣстей узналъ я въ тотъ вечеръ — онѣ составили бы цѣлые томы — и когда нибудь я расскажу ихъ тебѣ. Тутъ были имена безъ душъ и души съ изношенными именами; лица съ извѣстностью отжитою и знаменитостию въ будущемъ; плѣшивая юность подъ парикомъ и старость въ узкихъ панталонахъ, съ выкрашенными щечками; мѣлочныя страсти подъ личиною великодушныхъ идей, невѣжество напшигованное обрывками энциклопедическихъ знаній, старья истины въ новыхъ платьяхъ, идиллія Геслера въ корсетъ и чувство съ умомъ на днѣ винаго стакана. Тутъ безнравственность проповѣдывала о святости добродѣтели, порокъ прикидывался невинной овечкой, молодость, которая любить и боится въ томъ сознаться, и старость, которая не любить, но по старой привычкѣ волочится за любовью: больше ума нежели сердца, больше заемныхъ мыслей, чѣмъ ума, больше словъ, чѣмъ мыслей, больше шарканья, чѣмъ словъ, и наконецъ больше скуки, чѣмъ дѣйствительнаго удовольствія. Физиогномія общества была безконечно разнообразна, чего и прежде не замѣчалъ подъ вліяніемъ дѣйствительной жизни и мѣлочныхъ позывовъ страстей. Но тутъ,

присутствуя въ сборищѣ, такъ сказать, только наглядно, отчужденный отъ дѣйствительнаго міра, видя его какъ будто въ діорамѣ, имѣя другаго *Diable Boiteux* къ моимъ услугамъ и собственную способность все уразумѣвать и провидѣть, я внимательно наблюдалъ выраженіе свѣтской физиогноміи въ малѣйшихъ ея отношеніяхъ. Грустно было развязывать узлы моихъ собственныхъ вѣрованій въ прекрасное, при повѣркѣ видимаго прекраснаго съ дѣйствительностью скрытою, но, право, не менѣе грустно было поднимать завѣсу, отдѣляющую міръ фантастической, или кажущейся, отъ міра существованности, и видѣть лишь развалины, гдѣ являлась полная жизнь, обрывки поэмы, гдѣ казалась цѣлая блестящая эпопея, стонъ уязвленной души, гдѣ видится счастье, нестройную музыку, исполненную музыкантами съ завязанными ушами, прекрасную картину закиданную грязью, талантъ подъ пятою и громкое одобреніе крикливой, а тѣмъ болѣе *золотой* посредственности...

«Я судія изящнаго!» кричалъ одинъ—разрушайте минувшее, создайте новые храмы, не думайте о правилахъ — я правило!»

— Развѣ правило, съ помощію котораго изящное слѣдетъ на мѣль, или захлебнется отъ прѣсной воды! отвѣчалъ другой. Не слушайте его, внимайте мнѣ: я нашелъ истину - абсолютъ; хотите ли узнать тайну дѣлать золото? заплатите мнѣ миллионы! кто дастъ больше? — Господа! сюда — кто больше?

«Я дамъ больше всѣхъ,» кричалъ кто-то изъ толпы, «но мнѣ нужно убѣдиться въ истинѣ. Изъ золота дѣлать золото не мудрено; покажи намъ истину: не сули журавлей въ небѣ, а дай хотя синицу въ руки».

— Господа! всякое предпріятіе требуетъ предварительно расходовъ, а тѣмъ болѣе такое, гдѣ ожидаютъ неимовѣрныя выгоды: не 10, 25, 50 процентовъ обѣщаютъ торжественно капиталистамъ, а сто на сто, рубль на рубль, и даже больше, только нужны предварительно деньги!

«Представьте обезпеченіе, залого, а капиталы лягутся,» отвѣчали владѣльцы движимыхъ и недвижимыхъ цѣнностей.

— Золото, залого, обезпеченіе!— продолжалъ первый крикунъ— все это заключается во мнѣ. Говорю ли я— золотомъ взвѣшиваютъ мои слова; пишу ли я— каждый листокъ служитъ залогомъ дѣйствительной цѣнности; мои творенія, прошедшія и будущія, вѣрнѣйшее обезпеченіе въ случаѣ потери кредита или честнаго банкротства!

«Взоръ, вздоръ!» шумѣли голоса: «онъ шарлатанъ, онъ говоритъ о предметахъ вовсе ему незнакомыхъ, проповѣдуетъ объ изящномъ, когда въ немъ дѣйствительно изящны только самохвальство и непомѣрная самоувѣренность; онъ указываетъ вамъ цѣли, потому, что онъ ему не по силамъ, а достигните ихъ, онъ первый предьявитъ права на владѣніе и оберетъ кругомъ! Онъ мистифируетъ и смѣхомъ, и шуткою, и слезою— это Мефистофель!— Онъ журналистъ, послушаемъ его! Говорите, говорите!

— Господа и милостивыя государыни! не оскорбляйтесь криками моихъ противниковъ, не обращая вниманія на шипящую зависть, я смѣло исполню мое призваніе — друга истинны. На крики я отвѣствую гордымъ молчаніемъ, на оскорбленія я подаю законную челобитную публикѣ, которая такъ милостива, что призывая меня на судъ, и даже приговаривая къ молчанію, платитъ мнѣ за проигран-

ный передъ судомъ ея искъ, и платитъ снова, когда я, въ противность законнаго ея рѣшенія, снова возвышаю голосъ и громлю противниковъ. Публика великодушна; она любитъ людей, выходящихъ изъ обыкновенной колесни, прорытой прилежаніемъ; она хлопаетъ и все знаетъ, не заботясь о томъ, дѣйствительно ли знаетъ что либо; она привѣтствуетъ мои брошюрки, гдѣ я такъ вѣжливо подаю ей указку, совѣтуя учиться чистому языку, по правиламъ языка мною составленнаго, и надѣваю на носъ очки, чтобы все смотрѣли моими глазами. Видитъ Богъ, господа и милостивыя государыни, что я тружусь для вашей пользы, и если по временамъ надѣваю на здравый смыслъ шапочку-невидимку, то для того, чтобы вы дороже цѣнили его внезапное появленіе, а между тѣмъ узнавали настоящую цѣну и пользу умѣнья прикинуться дурачкомъ. Хотите ли знать, господа и госножи, тайну моего искусства?— читайте мои произведенія. Хотите ли узнать настоящую науку представлять истину въ превратномъ смыслѣ?— учитесь у меня. Хотите ли познать науку шутить всегда и при всякомъ случаѣ: науку шуткою опозорить талантъ, шуткою убить человѣка?— я знаю эту тайную науку — сѣдуйте за мною и я научу васъ!

— Онъ оскорбляетъ публику, онъ грязью кормитъ насъ— подъ судъ его, подъ судъ! Составимъ, господа, тѣсный союзъ противъ крикуна, объявимъ наборъ талантовъ, а для вѣрнѣйшаго успѣха составимъ компанію на паяхъ, для застрахованія успѣха сочиненій, назначивъ вклады умами и деньгами, а съ деньгами и умами чего не сдѣлаешь? Успѣхъ будетъ вѣрнѣй, когда заговоритъ толпа; другая толпа, участвующая въ компаніи только именованная.

Т. VIII. — Отд. I. 41/4

ми, закричить еще громче; смѣлость, господа, а остальное судьба устроить!

«Дѣло, дѣло! Я вкладчикъ! Я тоже, и я, и я!.....»
вопила толпа молодежи.

— Первымъ условіемъ, господа—продолжалъ учредитель компании—стоять дружно противъ общаго врага, врага нашего языка и грабителя нашего достоинства!

«Хорошо! Согласны!» отвѣчали всѣ.

— Второе условіе судить обо всемъ, даже чего мы не знаемъ: наукахъ, искусствахъ, литературѣ современной и древней, языкахъ Русскомъ и иностранныхъ, хотя бы о Китайскомъ и Японскомъ, о знаніяхъ естественныхъ, математическихъ, медицинскихъ, и пр., и пр., даже о домоводствѣ, сельскомъ хозяйствѣ и промышленности вообще.

«Да, никто изъ насъ не учился ни домоводству, ни сельскому хозяйству, ни промышленности вообще, никто и понятія не имѣетъ о предметахъ?»

— Вотъ вздоръ! Стоитъ взять энциклопедическій лексиконъ и знанія готовы; стоитъ переложить статьи иностранныхъ на свой языкъ, и какъ разъ, прослышешь агрономомъ. Хотя никто изъ насъ не видалъ ни одного посѣва, не участвовалъ въ управленіи экономіею, не распоряжался домоводствомъ, не оцѣнивалъ земель и не имѣетъ понятія о кадастрѣ, но ктожь изъ насъ не говорилъ объ нихъ въ обществахъ, какъ будто о предметахъ основательно намъ знакомыхъ. Ты, напримѣръ, беллетристъ, ты, ручаюсь, будешь первымъ агрономомъ и ученымъ сотрудникомъ по отдѣленію сельскаго хозяйства. А ты—ты будешь говорить о кадастрѣ, о таксаціи, хотя ты не понимаешь, да и я съ тобою, истиннаго значенія этихъ словъ. Для удобства, мы можемъ переводы выдавать за образцовыя статьи,

старья новости выдѣлывать на новый ладъ, черпать изъ всѣхъ источниковъ и смѣлостью выраженій увлечь убежденіе.

«Какой оригиналь!» прошептала длинная, худощавая фигура, одѣтая въ виць-мундиръ и причесанная à l'enfant.

— Не *оригиналь*, а *оригиналь*—замѣтилъ кто-то, столбшій возлѣ него.

«Помилуйте! ужели я не знаю, что *оригиналомъ* зовутъ челоѵка страннаго и смѣшнаго, а *въ оригиналь* препровождаютъ только какія нибудь отношенія, рапорты, и т. п. Это оригиналь, говорю я вамъ, потому, что онъ рѣшается судить о разныхъ предметахъ, ему неизвѣстныхъ. Другое дѣло управлять какимъ нибудь агрономическимъ предпріятіемъ безъ знанія агрономіи: это возможно, не правда ли? А я живой тому примѣръ. Для того нужно только въ извѣстное время потребовать отчеты, задать программу вопросовъ, а изъ ответовъ дѣлать заключенія мое дѣло. Къ тому жъ мои произведенія могутъ служить образцомъ ученаго дѣловаго слога: не правда ли? Помилуйте! да я перещеголяю всякаго ученаго, хоть не учился ни грамматикѣ, ни логикѣ, и не знаю ни статистики, ни географіи, и ужъ конечно мои сужденія объ агрономіи и сельскомъ хозяйствѣ хоть сей часъ же въ печать?»

— Онъ дѣйствительно *оригиналь*, а не *оригиналь*—подумалъ я, отходя прочь—потому, что созданное имъ слово странностью своею совершенно соответствуетъ странности его сужденій.

«Побѣгу домой и напишу поскорѣе шутку - водевилъ, подъ названіемъ: «*Оригиналь - Агрономъ*, или управляющій агрономическимъ предпріятіемъ!» сказалъ молодой челоѵкъ, разговарившій съ оригиналомъ.

Тутъ нечего было заглядывать въ головы и сердца: мысли и чувства обнаруживались явно, подмываемыя самолюбіемъ и корыстолюбіемъ, двумя великими дѣтелями міра. Я уединился въ уголокъ, гдѣ слышался мнѣ тихій и скромный разговоръ о современной литтературѣ. Здравья и вмѣстѣ скромныя сужденія приковали мой слухъ и оживили мое вниманіе, утомленное неблагопристойными и дерзкими выходками оставленныхъ мною литтераторовъ. ....

(Будетъ ли продолженіе? Можеть быть).

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КРЕОЛКА.

(повѣсть г-жи ТЪЕРРИ).

I.

Я родилась на островѣ Бурбопѣ, въ 1760 году, отъ Французскихъ колонистовъ, издавна тамъ поселившихся. Мой отецъ былъ уважаемъ между негодьятами. У него были большіе магазины пряностей и Индійскихъ товаровъ, прекрасный домъ въ Сень-Дени, и множество невольниковъ и невольницъ для домашней прислуги. Седьмой годъ шель мнѣ, когда проснувшись однажды утромъ, я увидѣла подлѣ моей бамбуковой кровати молодую Мулатку, нашу служанку, которую называли Марія Роза. Она горько плакала. Марія Роза была воспитана въ нашемъ домѣ, и по своей добротѣ и природному уму была въ довѣренности у моего отца. Ей препоручено было особенно смотрѣть за мною, и она исполняла свою

обязанность съ неутомимою ревностью, и любовью, походившею на страсть. Изумленная ея — печалью, съ дѣтскимъ любопытствомъ спрашивала я о причинѣ. Долго не могла она отвѣчать и только рыдала. Наконецъ, прерывчатыми словами сказала она мнѣ: «Бѣдная малютка! твоя мать умерла, когда родила тебя, а вотъ и отецъ твой скончался! Теперь у тебя только Богъ на небѣ, да Марія Роза на землѣ!» При такихъ печальныхъ словахъ, я заплакала. Мнѣ жаль было смотрѣть на слезы Маріи, а кромѣ того, я понимала уже, какъ ни мала еще была, что смерть есть разлука безъ свиданія, и, стало быть, я никогда болѣе не увижу моего добраго отца...

Черезъ два дня потомъ, Марія Роза увела меня изъ отцовскаго дома, и переправилась со мною на большой купеческій корабль, принадлежавшій Индійской Компаніи и отправлявшійся во Францію. Я не понимала причины такого внезапнаго удаленія отъ родины, и не заботилась о томъ, но печалилась, видя, что моя добрая нянька безпрестанно плачетъ. Часто спрашивала я у нея: когда мы опять увидимъ землю, дома и деревья? Наконецъ, послѣ четырехъ-мѣсячнаго плаванія, корабль нашъ достигъ береговъ Нижней Бретани, и мы вышли на землю въ гаванской Лоріанской.

Основанный Компаніею Восточной Индіи, учредившею здѣсь главную складку своихъ товаровъ, городъ Лоріанъ, до уничтоженія сей Компаніи, былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и дѣятельныхъ во Франціи. Каждый годъ во время навигаціи, и особенно во время продажи колоніальныхъ товаровъ, сюда съѣзжалось множество посѣтителей, почти изъ всѣхъ частей Европы; одни пріѣзжали закупать для своихъ торговыхъ домовъ Индійскія произведенія, другіе просто изъ любопытства, и погулять на ве-

ликольпныхъ праздникахъ, какіе давались въ то время въ городѣ. Одна изъ продажъ колоніальныхъ товаровъ, предварительно обвѣщенная по всей Франціи, была открыта, когда мы пристали къ Лоріану, 25-го Мая 1767 года. Помню живое удивленіе, какимъ была я поражена. Портъ, съ его прекрасными магазинами, заваленными всѣмъ богатствомъ произведеній Китая, Бенгала, береговъ Короманделя и Малабара, походилъ на великолѣпные, чудесные базары Тысячи Одной Ночи. Начиная съ бочки кофе и тюка хлопчатой бумаги, до варенаго въ сахарѣ инбиря, столь пріятнаго для вкуса, и тонкой кисели, которою облекается Индійская красавица, съ чаю и индиго до роскошной ткани Персидской, наконецъ съ простаго ожерелья изъ Ангольскаго перца до алмазовъ Голкондскихъ, всѣ различныя произведенія столь различныхъ странъ, чудныхъ обиліемъ природы и искусства, были разложены передъ взорами жадной и любопытной толпы, ходившей кругомъ. Французскіе купцы, съ озабоченнымъ видомъ, Индійскіе торговцы, сопровождаемые черными невольниками, офицеры морскіе и сухопутные, скромные мѣщане, переимѣшанные съ гордыми сельскими дворянами, женщины всѣхъ званій, но по большей части одѣтыя по Лоріанской модѣ, съ примѣсью колоніальной роскоши и Французскаго щегольства — все это, приходящее, уходящее, толпой передъ магазинами, образуя самыя разительныя противоположности вида и одежды — таково было зрѣлище, какое представилъ намъ видъ внутренняго порта. А между тѣмъ на горизонтѣ очерчивалась неподвижная, величественная линія кораблей, и множество легкихъ шлюпокъ, на полныхъ парусахъ, мелькали съ рейда въ портъ и изъ порта на рейдъ. Безпрерывныя движенія моряковъ, продавцовъ, покупателей, стукъ кано-

патчиковъ, смѣшанный съ пѣснями бродящихъ пѣвцовъ, распѣвавшихъ пѣсни въ честь Компаніи, и словомъ, все это смѣшеніе дѣятельности, промышленности, богатства, могло очаровать людей, четыре мѣсяца не видавшихъ ничего, кромѣ безбрежнаго океана. Я просто была внѣ себя отъ радости, и въ моемъ дѣтскомъ восторгѣ, протягивала ручки къ чуждой мнѣ землѣ, куда судьба влекла меня, бѣдную сироту, у которой всю опору, все руководство составляла добрая, безпомощная невольница...

Вмѣсто прогулки въ портъ, не смотря на мои усердныя просьбы, Марія Роза поспѣшно пробралась со мною сквозь толпу, въ городъ. Предварительно замѣнила она мое черное платьице самымъ лучшимъ кисейнымъ, и повязала мнѣ на голову красный, мадрасовый платочикъ, яркій цвѣтъ котораго, какъ говорила она, лучше выкажетъ черные локоны моихъ волосовъ и бѣлизну моего лица. Увлекаемая противъ воли, я шла съ досадою и не хотя, но тутъ нянька моя въ первый разъ сказала мнѣ, что мы идемъ къ старому другу моего отца, очень богатому господину, и убѣдительно просила меня быть тихою, ласковою, и вести себя, какъ можно умнѣе. По распросамъ нашимъ, намъ указали на красивый домъ, бывший на главной городской улицѣ. Мы вошли въ него. Слуга, безъ ливреи, но щеголевато одѣтый, спросилъ насъ: кого хотимъ мы видѣть? Марія Роза произнесла, неизвѣстное мнѣ до тѣхъ поръ, имя г-на Лоранти, и прибавила: «Скажите ему, что привезли маленькую Аделаиду Сенвилъ съ острова Бурбона». Черезъ нѣсколько минутъ, слуга ввелъ насъ въ кабинетъ своего господина. Моя нянька казалась безпокойною, растроганною. Я была весела и ничего не боялась. Проходя длинную анфиладу комнатъ, великолѣпно меблированныхъ, я имѣла время раземо-

треть множество предметовъ роскоши, и они, какъ игрушки, веселили мое зрѣніе и увлекали мое дѣтское вниманіе.

При входѣ моемъ въ кабинетъ, я увидѣла картины, мраморныя бюсты, много книгъ, и мужчина, который показался мнѣ очень старъ, хотя ему было не болѣе 50-ти лѣтъ, и видъ котораго выражалъ важность и добродушіе, протянулъ ко мнѣ руки, съ ласковымъ словомъ: *Добро пожаловать!* Я съ радостью бросилась къ нему на шею и крѣпко обняла его. Восхищенная такимъ началомъ, Марія Роза плакала отъ радости, смотрѣла на насъ, и не могла промолвить ни одного слова. Но ея безмолвіе награждалось множествомъ движеній, и ея пантомимы были такъ выразительны, что г-нъ Лоранти казался ими растроганнымъ. Бѣдная нянька моя, то бросалась къ ногамъ моего новаго покровителя, и оставалась передъ нимъ сложа руки, въ умоляющемъ положеніи; то схватывала она обѣ руки г-на Лоранти и обвивала ихъ около меня, какъ будто желая показать, что онъ долженъ обнять меня, какъ свое дитя, и принять бѣдную сиротку въ свое покровительство. Наконецъ, когда она могла уже говорить, то заговорила съ необыкновенною живостью, и кончила длинную рѣчь свою, которой я почти не поняла, подавая г-ну Лоранти какой-то маленькій, красивый, сафьянный портфелей. Но прежде нежели онъ успѣлъ взять, Марія Роза раскрыла его, вынула изъ него незапечатанное письмо, со слезами расцѣловала это письмо, а потомъ уже передала его г-ну Лоранти. Когда г-нъ Лоранти взялъ и развернулъ письмо — оно, какъ потомъ узнала я, было писано отцомъ моимъ на смертномъ одрѣ — выраженіе глубокой горести изобразилось на лицѣ его, и нѣсколько разъ произнесъ онъ голосомъ искренней скорби: «Мой доб-

рый Сенвиль! Бѣдный Сенвиль! Благородный Сенвиль!» Нѣсколько секундъ читаль онъ письмо.— Марія Роза ждала, и, казалось, хотѣла бы на то время удержать дыханіе свое, только не перервать бы чтенія.... Едва кончилъ письмо г-нъ Лоранти, и трогательно поднявъ глаза къ небу — «Вы принимаете ее, М. Г., принимаете?» вскричала Марія Роза, съ такимъ выраженіемъ, котораго я не умѣю передать.— «Да, я принимаю ее!» отвѣчалъ г-нъ Лоранти; слезы текли изъ глазъ его; онъ наклонился ко мнѣ, обнялъ меня и нѣжно поцѣловалъ. Я припала къ нему на грудь. «Адель, Адель!... Слава Богу! теперь ты не одинока въ мірѣ!» воскликнула торжественно Марія Роза. «Вотъ этотъ господинокъ — онъ будетъ твоимъ опекуномъ, и я не разстанусь съ тобою! Богъ дастъ тебѣ втораго отца — благодари благодѣтеля твоего, дитя моя!» — Тутъ начала я все понимать, и хотя названіе *опекуна* было мнѣ вовсе неизвѣстно, но слово *отецъ* заставило меня горько плакать.

Мой опекунокъ — такъ называла я съ тѣхъ поръ г-на Лоранти — взялъ меня за руку, и провелъ въ комнату, гдѣ увидѣла я даму, молодую, красивую, и такъ великолѣпно одѣтую, что я невольно изумилась, глядя на нее. То была г-жа Лоранти. «Вотъ — сказала ей мужъ, представляя меня — вотъ, милая Лиза, я привелъ къ тебѣ дитя, которое прошу полюбить; послѣ расскажу я тебѣ, кто она.» Дама поглядѣла на меня, вскричала: «Ахъ! какая она хорошенькая!» схватила меня на руки и начала ласкать. Но тотчасъ, какъ будто ласки утомили ее, она присила проводить меня къ Клементинѣ.

Клементина была худощавая дѣвочка, лѣтъ десяти или одиннадцати, единственное дитя отъ перваго супружества моего опекуна. По лѣтамъ своимъ

весьма высокая ростомъ, она была такая блѣдная, а выраженіе какого-то холоднаго состраданія, ею изъявленное ко мнѣ, тотчасъ превратило въ боязнь и отвращеніе мою дѣтскую веселость. Мой опекунокъ оставилъ насъ одиѣхъ, и я совѣмъ смѣшалась, не смѣла подойти къ моей новой подругѣ, которая также молчала и оставалась неподвигною. Но черезъ минуту, моя природная живость пересилила страхъ, и я бросилась къ Клементинѣ съ распростертыми объятіями. «Ахъ! Боже мой!» сказала она, отеторонившись съ испуганнымъ видомъ, «ты изомнешь мое платье!» Такое опасеніе, мнѣ, дочери природы, никогда не боившейся изодрать своего лучшаго платья, и свободной во всѣхъ движеніяхъ, показалось столь странно, что я громко захохотала. Однакожь, со всѣмъ новымъ для меня и немного страннымъ нарядъ моей новой подруги, когда я разсмотрѣла его вполнѣ и подробно, не замедлилъ внушить мнѣ какого-то чтенія.

Волосы у Клементины были напудрены до бѣла, завиты и подняты какими-то бантами оранжеваго цвѣта. Платье ея, такого же цвѣта, было сильно перетянуто въ поясъ, а юбка раздута на фижмахъ изъ китовыхъ усовъ. Какой-то черныи, бархатный галстухъ былъ у нея на шеѣ, и заставлялъ ее держать голову прямо и неподвигно. Наконецъ, руки ея, обхваченныя узенькими рукавами до локтей, въ этихъ мѣстахъ были украшены большими манжетами изъ черныхъ кружевъ, отъ чего она казалась еще сухощавѣе. Пристально обгладѣвши весь такой костюмъ, столь отличный отъ нашей легкой Креольской одежды, и заставлявшій Клементину держаться прямо, какъ кукла на палочкѣ, я начала, по моему обыкновенію, говорить съ ней запросто: «Ну! какъ же мы станемъ теперь играть?» — Она молчала.

Да, развѣ ты не играешь?» спрашивала я. — Нѣтъ! — отвѣчала Клементина — теперь надобно заниматься работой, а не играть. — Не обративъ на меня ни одного взора, она, какъ большая, чинно сѣла въ креслы, вынула изъ какого-то ящичка работу, наперстокъ, золотыя ножницы, и начала внимательно заниматься, будто меня тутъ вовсе и не было. Видя, что мою ласковость приняли такъ холодно, я опечалилась, заплакала, и побѣжала жаловаться моей доброй Маріи Розѣ на неучливую подругу.

Здѣсь разскажу я подробности, которыя въ послѣдствіи узнала о жизни и второмъ супружествѣ моего опекуна. Онъ былъ Креоль и сынъ богатаго колониста на островѣ Бурбопѣ. Отецъ женилъ его, весьма молодого, на двушкѣ, такъ же какъ онъ самъ, весьма богатой. По смерти отца, принужденный управлять двумя обширными имѣніями, онъ вскорѣ увидѣлъ всю тягость подобныхъ заботъ. Свойства ума дѣлали его мало способнымъ для утомительныхъ и мѣлочныхъ заботъ, какихъ требуетъ поддержка, или увеличеніе колоніальнаго богатства. Онъ любилъ чтеніе и науки, и большую часть времени своего проводилъ сочиняя стихи и прозу. Занятія, столь отличныя отъ занятій другихъ богатыхъ колонистовъ, скоро заставили его удаляться отъ ихъ общества, и даже навлекли на него насмѣшки толпы, не понимавшей, что такое онъ дѣлаетъ. Среди роскошной жизни набаба, какую вель по примѣру другихъ, и среди уваженія, какое доставляли ему богатство и полезное его употребленіе, при всѣхъ наслажденіяхъ роскоши, неизвѣстныхъ въ Европѣ, онъ грустилъ, не находя ни одного человѣка, съ которымъ могъ бы подѣлиться своими умственными занятіями. Онъ запирался у себя дома, убѣгалъ общества своихъ сосѣдей, не знавшихъ другаго препровожденія времени,

кромѣ раззорительной игры, или совершеннаго бездѣйствія. Единственнымъ наслажденіемъ его бывали посѣщенія путешественниковъ, пріѣзжавшихъ изъ Франціи, съ которыми могъ онъ говорить о философіи, литературѣ и обществѣ ученыхъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ стремились безпрестанно его мечты и желанія; онъ хотѣлъ бы поскорѣе оставить колонію и отправиться въ Парижъ, и составлялъ тысячи плановъ, которые оставялъ одинъ за другимъ, видя невозможность ихъ исполненія. Наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ, главное препятствіе къ исполненію его желаній разрушилось смертью г-жи Лоранти. Мой опекунъ тотчасъ принялся превращать въ деньги все свое имѣніе. Онъ распродалъ свои дома, сахарныя заводы, невольниковъ, не жалѣя объ убыткахъ; отказался отъ своего мѣста Колоніальнаго Совѣтника, которое занималъ много лѣтъ съ особеннымъ уваженіемъ, и оставилъ только себѣ почетное названіе своего чина. Видя, что теперь можетъ исполнить любимую мечту свою, онъ навсегда простился съ своею родиною, и съ единственною дочерью отправился на королевскомъ кораблѣ, который присталъ въ Лоріанѣ. Г-нъ Лоранти никогда не видывалъ Франціи. Желаніе наслаждаться благами Европейскаго образованія, и мало по маду учиться, такъ сказать, симъ наслажденіемъ, столь для него новымъ, удержало его нѣсколько мѣсяцовъ на берегахъ Бретани. Но онъ не думалъ тутъ поселиться, хотѣлъ посѣлится въ Парижъ, какъ въ центръ литературы и вкуса. Совершенно нечаянное обстоятельство вдругъ перемѣнило его намѣреніе.

Неподалеку отъ Лоріана, и не вдалекѣ отъ береговъ моря, на скагѣ высокаго холма, находился старый замокъ, съ четырьмя башенками и подъемнымъ мостомъ. Это старинное зданіе, съ сѣвера прикры-

тое въковимъ лѣсомъ, и возвышенное надъ красною деревенькою, которую окружали прекрасныя поля, засѣянные хлѣбомъ, и орошаемыя рѣчкою, которая вилась среди садовъ и луговъ, принадлежала въ то время, когда мой опекунъ прибылъ во Францію, одному дворянину. Онъ назывался маркизь Керварекъ-де-Лампестрасъ, и подобно многимъ помѣщикамъ Нижней Бретани, производилъ родъ свой по прямой линіи отъ Берграна Дюгесклена, чрезвычайно гордясь такимъ происхожденіемъ. Хотя все имѣніе его заключалось въ старомъ замкѣ Лампестрасъ, небольшихъ доходовъ котораго далеко не доставало ему на уплату старыхъ долговъ, но онъ велъ жизнь достаточнаго помѣщика, рыскалъ по полямъ собѣдей съ старыми худощавыми собаками, и давалъ обѣды другимъ дворянамъ, при чемъ, за неизмѣнимъ роскошнаго стола, ѣли, пока не сваливались подъ столъ, а хозяинъ не думалъ считать своихъ доходовъ съ расходами. Такимъ образомъ, Маркизь дожилъ до того, что замокъ Лампестрасъ, обремененный долгами, показался кредиторамъ его недостаточнымъ ручательствомъ за новый кредитъ, и Бретанскій потомокъ Дюгесклена, доведенный до крайности, угрожаемый изгнаніемъ изъ дѣдовскаго помѣстья, рѣшился лучше самъ добровольно продать его. О продажѣ замка было повсюду объявлено. Но къ большому удивленію всѣхъ явившихся покупателей, Маркизь предлагалъ имъ главнымъ условіемъ, чтобы старая голубятня, находившаяся посреди главнаго двора въ замкѣ, была исключена изъ продажи, и оставалась его собственностью, потому что, говорилъ онъ, въ ней хочетъ онъ поселиться, и умереть подъ кровлею своего родового замка. Такая странная мысль Маркиза составляла предметъ всѣхъ разговоровъ въ Лоріанѣ. Мой опекунъ слышалъ о прихоти Марки-

за, и какъ по примѣру всѣхъ моралистовъ Англійскихъ, книги которыхъ были любимымъ его чтеніемъ, онъ страхъ любилъ оригиналы, то ему захотѣлось узнать чудака Маркиза, на счетъ котораго смѣлся весь Лоріанъ, и сдѣлать личныя наблюденія надъ такимъ особеннымъ характеромъ. Въ одно утро съѣвъ онъ въ свою карету, отправился въ Лампестрасъ, и явился къ хозяину его, какъ покупатель.

Желая удостовѣрить всѣхъ, что его рѣшеніе вовсе не шутка, маркизь Керварекъ уже переселился въ темное и тѣсное убѣжище, котораго не хотѣлъ никому продавать, и вокругъ котораго стадами летали изгнанные, прежніе обитатели его. Маркизь встрѣтилъ г-на Лоранти со всею важностью стариннаго дворянина. «Вамъ, вѣроятно, извѣстны, М. Г., условія, на которыхъ продаю я мой замокъ?» спросилъ онъ. — Да, М. Г. — отвѣчала улыбаясь мой опекунъ — но я надѣюсь, что вы откажетесь отъ вашего страннаго условія. Двумъ хозяевамъ въ одномъ домѣ невозможно ужиться, и притомъ голубятня портитъ лучшее мѣсто въ замкѣ — ее надобно сломать.

Слово: *сломать*, возбудило жестокое негодованіе Маркиза. «Голубятня, М. Г.» вскричалъ онъ, «голубятня! Да, знаете ли вы, что это одна изъ башенъ замка Лампестраса, донжонъ, построенный пять сотъ лѣтъ тому, зданіе, которому предки мои и я могли давать какое угодно назначеніе, но которое тѣмъ не менѣе всегда должно быть почтено, уважено? — Здѣсь, подъ этими комнатами — продолжалъ онъ, тоналъ въ полъ ногою — здѣсь кладовая, гдѣ хранятся наши родовые архивы, а подлѣ нея всегда, съ незапамятныхъ временъ, жиливали предки мои, на каменной скамьѣ, въ день Св. Ивы, и принимали поздравленія своихъ вассаловъ. Не знать

уваженія къ стѣнамъ, на которыя время положило слѣды свои, осмѣлился думать даже о сломкѣ ихъ, свойственно какому нибудь богатому мѣщанину, выскочкѣ со вчерашняго дня, который думаетъ, что все началось съ нимъ, и не мыслитъ о великомъ прошедшемъ, не готовитъ славнаго будущаго! Знаете ли вы, г-нъ Лоранъ, Лоранти, или какъ васъ зовутъ—миѣ мало до того дѣла—знаете ли, что гербъ Дюгесклена изваянъ на томъ зданіи, которое называете вы голубятней? Знаете ли, что хартія сеньоральныхъ правъ сиротъ Лампестрасъ, предоставляеть исключительно пользоваться этою баншею моему роду, и я не продамъ права моего никакому Рогану, не только Лорану?»

Такая горячая выходка запоздалаго феодала не только не разсердила моего опекуна, но напротивъ поправилась ему, какъ любопытная черта удивительной оригинальности. Послѣ нѣсколькихъ словъ, которыми успокоилъ разсерженнаго сира Лампестраса, опекунъ мой располагался выйти и спуститься по какой-то странной лѣстницѣ, придѣланной снаружи для входа въ жилище маркиза Керварека, какъ вдругъ огромная занавѣса изъ зеленого сукна, которую дѣлалась на двое единственная комната, бывшая въ голубятнѣ, или донжонѣ, какъ говорили Маркизъ, поднялась съ одного края. Молодая дѣвушка, лѣтъ 18-ти, прекрасная и стройная, явилась изъ-за занавѣсы и вскричала сердито: «Неужели, папешка, въ самомъ дѣлѣ, вы рѣшились жить со мною въ этомъ курятникѣ? Я такъ же, какъ вы горжусь нашимъ именемъ, да развѣ не вездѣ останется оно съ нами, и для него надобно похоронить себя на голубятнѣ!» Послѣ такой, совершенно Бретонской вѣщанки, дѣвушка остановилась, замолчала,

покраснѣла, какъ будто въ ту только минуту замѣтила присутствіе незнакомаго посѣтителя.

Пока стояла она въ замѣшательствѣ, мой опекунъ разматривалъ ее съ истиннымъ наслажденіемъ. Самый гнѣвъ придавалъ этой дѣвушкѣ въ глазахъ его какую-то оригинальность, и притомъ дѣвица Керварекъ была красавица. На ней было черное шелковое платье; подиавшіи цвѣтъ и заплатки показывали ветхость его, но платье это, почти изношенное, было тамъ опрятно, и такъ хорошо обрисовывали ея талию, и такъ ловко сидѣло на ней, что лучше не показалась бы она и въ новомъ богатомъ одѣяніи. Замѣчаніе о томъ, сдѣланное моимъ опекуномъ среди многихъ другихъ, поразило его особенно. Ему казалось, что въ твердости, съ какою переносила бѣдность свою прекрасная наследница Дюгескленовъ, онъ видитъ признакъ великихъ свойствъ души ея и всѣхъ возвышенныхъ качествъ благороднаго сердца. Когда возвращался онъ въ городъ, образъ восхитительной владѣтельницы замка Лампестраса, столь прелестной, столь великодушной, мужественной въ несчастіи, занималъ его и заставлялъ забываться въ мечтаніяхъ. Мечтанія привели его къ мысли, которую сначала онъ отвергъ было, какъ вовсе безразсудную, но она потомъ не давала ему покоя. Не смотря на то, что моему опекуну было уже около пятидесяти лѣтъ, и что онъ былъ весьма остороженъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, онъ началъ теперь думать о второмъ супружествѣ. Въ восторгъ, какой внушали ему сочиненія Ж. Ж. Руссо, онъ былъ уже влюбленъ въ обихъ героиню *Новой Элоизы*, заставилъ искуснаго живописца написать портреты ихъ, поставилъ портреты въ своемъ кабинетѣ, и безпрестанно любовался своими идеалами Юліи д'Этанжъ и двоюродной сестры ея. Надоб-

но же было так случиться, что въ чертахъ дѣвнцы Керварекъ было сходство съ чертами идеальной Клеры, которую любилъ онъ больше Юліи. И такое ничтожное обстоятельство рѣшило его участь. Онъ до того началъ спѣшить дѣломъ, что изумилъ всѣхъ своею поспѣшною помолвкой и заслужилъ названіе оригинала.

Гордость потомка Дюгескленова не устояла противъ богатства Креола Лоранти. Маркизь отдалъ ему руку дочери, молчалъ о неравенствѣ званій, и радъ былъ, когда обрадованный зять заплатилъ долги его, и тѣмъ избавилъ отъ необходимости жить въ голубятнѣ, для сохраненія сеньоральныхъ правъ владѣльца замка Лампестраса. Смертью Маркиза замокъ скоро сдѣлался владѣніемъ моего опекуна. Первое дѣло власти, какую возымѣла надъ нимъ молодая жена его, было то, что она уговорила его, изъ любви къ ней, не переселиться въ Парижъ, но навсегда остаться въ Лоріанѣ. Здѣсь могла она блистать въ первомъ ряду знаменитостей, пользовалась между земляками правомъ знаменитаго происхожденія, при удобствахъ, доставляемыхъ богатствомъ мужа. А кто замѣтилъ бы ее въ Парижѣ, и узналъ родъ Дюгесклена подъ мѣщанскимъ именемъ Лоранти? Такимъ образомъ, мой добрый опекунъ, оставившій островъ Бурбонъ съ тѣмъ, чтобы поселиться въ Парижѣ, среди наслажденій обществомъ философовъ и литераторовъ, кончилъ, не смотря на свое долготѣнее размысленіе и упорство — утвержденіемъ житія своего навсегда въ маленькомъ городкѣ Бретаньскомъ. Онъ около полугода былъ женатъ, когда меня привезли къ нему, и не смотря на розовую существенность, можно уже было сомнѣваться о счастливой будущности, какую обѣщало ему второе супружество. . . .

Характеры его и молодой его жены представляли противоположности, которыя дѣлались еще разительнѣе отъ неравенства лѣтъ. Г-жа Лоранти, хотя добрая въ основаніи, была чрезвычайно легкомысленна, имѣла странныя прихоти, и особенную страсть къ забавамъ и разсѣянности свѣтской, роскоши и мотовству. Мой опекунъ, напротивъ, не любилъ ни шума, ни праздниковъ. Величайшее наслажденіе его состояло въ томъ, чтобы проводить часы въ своей библіотекѣ, а вечеромъ собирать около себя небольшой кружокъ друзей, которымъ могъ бы онъ читать стихи и прозу, сочиненные имъ во время дня. Съ начала, изумленный несходствомъ вкусовъ, какое находилъ между собою и женою своею, которую украсилъ онъ всѣми идеалами красоты душевной и умственной, онъ старался внушить ей вкусъ и привычку къ упрямейшимъ дома, къ литературѣ, къ семейному счастью. Но г-жа Лоранти, то смѣясь, то сердясь, отреклась отъ исполненія совѣтовъ мужа, и страсть къ свѣтскимъ наслажденіямъ, которую особенно подстрекала юность, проведенная въ бѣдности и уединеніи, увлекла ее совершенно въ вихрь шумныхъ забавъ. Мой опекунъ, человѣкъ характера слабого, влюбленный, старшій — уступилъ. Нечувствительно привыкалъ онъ видѣть домъ свой съ утра до вечера во власти большого свѣта Лоріанскаго, который тѣснился на его балахъ, съѣдалъ его обѣды и ужины, но не представлялъ ему ни одного внимательнаго и умнаго слушателя стиховъ и прозы, которыхъ хотѣлъ некать г-нъ Лоранти въ салонахъ Парижа, для которыхъ переплывалъ онъ океанъ. Любовь, не смотря на преклонность лѣтъ, услаждала ему нѣсколько ошибку въ расчетѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ сознавался иногда самъ себѣ, что не за тѣмъ было вхаль онъ во Францію.

II.

Около года жила я въ домѣ г-на Лоранги, и въ любви и попеченіяхъ обо мнѣ, почти не различая, онъ меня отъ родной своей дочери, когда нянька моя сказала мнѣ, что меня съ нею отправляютъ въ монастырь. Въ самомъ дѣлѣ, мой опекунъ, боясь, и справедливо, чтобы мое воспитаніе не было пренебрежено, если оставить его на попеченіе г-жи Лоранги, рѣшился передать его лучше въ другія руки. Монастырь, избранный имъ по всеобщей извѣстности отличнѣйшимъ воспитаніемъ ученицъ, была обитель des Dames de la Visitation du Saint-Sacrement, въ Парижѣ. Помню еще первые дни, которые провела я въ этомъ уединеніи, и тоску, смѣшанную съ отвращеніемъ, какую внушали мнѣ видѣ его и монастырскіе обычаи. Закрывъ лица — и всѣ ихъ воображала я старыми и уродливыми — однообразное молчаніе, продолжительныя утреннія и вечернія пѣнія, прелести которыхъ я не понимала, спертый воздухъ, какимъ дышали здѣсь повсюду, въ залахъ, корридорахъ, разговорной, и совершенное лишеніе ласки и привѣта, все тяжело поражало мое живое воображеніе, котораго не утомили прежде продолжительное плаваніе по морямъ и общество засмоленныхъ матросовъ. Я сдѣлалась дика и изнывала тоскою. Врожденная веселость меня оставила. Я не хотѣла даже принимать участія въ забавахъ моихъ подругъ. Все, кромѣ заботливости Маріи Розы, казалось мнѣ несноснымъ, и въ такомъ состояніи, испытанномъ мною въ первый разъ въ жизни, образъ моей милой родины, ея свѣтлое небо, ея прекрасное море, ея благоухающіе лѣса, все отражалось въ моей памяти, вмѣстѣ съ памятью о моемъ отцѣ,

котораго часто призывала я къ себѣ въ слухъ, какъ будто онъ могъ слышать меня...

Но нѣсколькихъ недѣль было довольно успокоить мою мизантропію, странную въ ребенкѣ моихъ лѣтъ. Нечувствительно сблизилась я съ образомъ жизни, привычками, увеселеніями подругъ моихъ. Годы протекали, и я росла, такъ, что уединеніе не казалось мнѣ тягостнымъ, и вовсе не заботилась я о суетѣ свѣта, и о томъ, что меня въ немъ ожидаетъ. Только однажды, въ теченіе десяти лѣтъ, постигла меня мой опекунъ, но въ отсутствіи никогда не представлялъ онъ думать объ успѣхахъ моего воспитанія, и заботился обо мнѣ, какъ самый нѣжный отецъ. Желанія мои были исполняемы съ неистощимою щедростью, и между моими подругами я была богаче всѣхъ другихъ блестящими бездѣлками, которыя составляютъ роскошь пансіонерки. Подарки г-на Лоранги принимала я, какъ собственно мнѣ принадлежавшее имѣніе, и почитала моего добраго опекуна только распорядителемъ его. Я помнила роскошь, какою окружено было мое младенчество въ отцовскомъ домѣ, и въ мысль не приходило мнѣ, что я бѣдная, безпомощная сирота. Меня утѣшало, что я буду потомъ свободна въ жизни моей, но ни гордость, ни раннее желаніе независимости не вмѣшивались въ мое чувство, и вся прелесть будущаго состояла для меня въ надеждѣ, что я могу обогатить и осчастливить человека, котораго выберу себѣ въ мужа, если онъ будетъ бѣденъ. Супружество представлялось мнѣ обязательствомъ, гдѣ счастье наиболѣе будетъ зависетьъ отъ меня, и такая мысль сдѣлалась моею любимою мечтою, когда я начинала думать о будущемъ.

При наружности тихой, манерахъ робкихъ и постоянствѣ характера, всѣ считали меня хладнокров-
Т. VIII. — Отд. II.

ною и безпечною, но въ глубинѣ души моей таились тревожная чувствительность, и жажда нѣжныхъ чувствъ, которая ко всему обращалась и ни чѣмъ не могла удовлетвориться. Въ дѣтствѣ моемъ, нянька моя, та или другая изъ подругъ, пташка, цвѣтокъ и все поочередно питало мою потребность любить, любить страстно, которую ощущала я съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Но когда годы сдѣлали изъ меня молодую дѣвушку, энтузіастку и мечтательницу, міръ, гдѣ жила я, показался мнѣ слишкомъ тѣсенъ для выбора моей дружбы, и дѣйствительность, кака я была у меня передъ глазами, явилась мнѣ слишкомъ блѣдною и ничтожною. Со всѣми обольстительными призраками моего возраста, и со всѣмъ тѣмъ, что узнала изъ книгъ, бросилась я въ міръ, мною созданный, среди котораго поставила себя царицею, ежедневно наполняя его новыми предметами моей страсти и моего обожанія. Тамъ было мое избранное общество, составленное изъ юныхъ красавцовъ и красавицъ, великодушныхъ героевъ и героинь, которыхъ по прихоти моего воображенія переносила я, то въ шумную и дѣятельную жизнь то въ очарованное уединеніе лѣсовъ моей родины. Совершенное согласіе царствовало въ моемъ идеальномъ мірѣ — тамъ всѣ любили, всѣ правилась одинъ другому, но меня любили и мнѣ старались правиться особенно, и въ моемъ спѣ на яву я была самою счастливою и самою гордою дѣвушкою въ мірѣ...

Но при такихъ полу-дѣтскихъ, полу-романическихъ чувствахъ, какія передавала я вымышленнымъ мною существамъ, было еще чувство, можетъ быть, живѣе всѣхъ другихъ, чувство, которое ощущала я, смотря на изображеніе прекраснаго юноши въ одной изъ картинъ, находившихся въ уединенной галлерей нашей обители. Чудное наслажденіе испыты-

вала я, когда смотрѣла на его прекрасное, свѣтлое лицо, голубые глаза, русые полосы, раздѣленные на головѣ и падающіе кудрями по обѣ стороны шеи. Нерѣдко по часу стояла я въ забытій и не могла наглядѣться. Иногда потребность взглянуть на милый мнѣ ликъ такъ живо тревожила меня среди ученія, или среди игръ съ подругами, что подъ какимъ нибудь предлогомъ убѣгала я въ галлерей — тамъ забывалась въ мечтаніи, устремивъ взоры свои на картину, оживляла ее, давала ей рѣчи, слышала звуки рѣчей ея, и когда прерывали мою забывчивость — мнѣ такъ грустно становилось, мнѣ такъ жаль было моего исчезнувшаго очарованія...

Такъ жила я въ какомъ-то отдѣльномъ отъ дѣйствительнаго мірѣ, и увлекательная идея бытія, украшаемая всѣми прихотями фантазіи, дѣлала меня чуждою почти всего, что было вокругъ меня въ мірѣ дѣйствительномъ. Все, отъ чего плакали другія монастырки — зависть, оскорбленное самолюбіе, соперничество въ ученій, въ нарядахъ, мелькало мимо души моей, исполненной плѣнительныхъ, не земныхъ видѣній. Подруги мои, видя меня всегда довольною и спокойною, даже когда и до меня достигали досады и огорченія ихъ, говорили шутя: «Адель никогда не умретъ съ тоски.» И я тоже говорила, но съ тою разницею, что другія думали будто я лишена способности грустить, а я, доврѣчивая судьбѣ моей, льсти себя надеждой, что будущее осуществитъ хоть часть мечтаній моихъ — я надежно вѣрила въ счастье жизни безъ тучъ и безъ конца.

Во всѣ десять лѣтъ пребыванія моего въ монастырь, Марія Роза не оставляла меня. Природа одарила ее сердцемъ и умомъ, и сіи качества, которыми превъсходила она свое состояніе, еще болѣе раскрылись отъ вниманія, съ какимъ слѣдовала она за всѣмъ

тѣмъ, чему я училась. Въ языкѣ ея не было ничего простонароднаго, и когда чувство оживляло ее, она дѣлалась даже краснорѣчивою. Я обходилась съ ней, болѣе какъ съ подругою, нежели какъ съ служанкою. Но далеко не могло сравниться мое чувство къ ней съ тѣмъ, какою она ощущала ко мнѣ, и которому показала такое сильное доказательство, для меня безъ возврата оставивъ свою очаровательную родину, въ юныхъ лѣтахъ соединивъ жребій свой съ жребіемъ бѣдной сироты, и для меня отказавшись отъ всѣхъ радостей жизни. Къ несчастію, ея любовь ко мнѣ, хотя руководимая умомъ живымъ и вѣрнымъ, умѣла выказываться только такими поступками, гдѣ видна была преданность слѣпая и безграницная. Лучше всякаго другаго понимала она, что совѣтуютъ разумъ, разсудокъ и благоразуміе, но почитала себя недостойною руководствовать моими поступками. Иногда робкое, мимолетное замѣчаніе — вотъ все, на что она осмѣливалась, и то въ важныхъ только случаяхъ, когда чувство сердца заставляло ее забывать привычку къ невольному послушанію и званію невольницы. Хотя и съ грустью, она снисходила всѣмъ прихотямъ моего воображенія. Ея слабость, или, лучше сказать, излишекъ покорности, слѣдствіе привычекъ ея званія, препятствовали ей взять надо мною власть, которую могла бы она обратить въ мою пользу.

Мой опекунъ часто писалъ ко мнѣ, но ни въ одномъ письмѣ его ни слова не было о томъ, когда возьметъ онъ меня изъ монастыря. Мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, и Марію Розу стало безпокоить его молчаніе. Въ извѣсткѣ своего усердія, она уже начала сомнѣваться, не думаетъ ли г-нъ Лоранти оставить меня здѣсь, полагая, что привычка къ монастырской жизни внушитъ мнѣ желаніе

принять покрывало инокини. Увлеченная любовью ко мнѣ, нянька моя сдѣлалась недоувѣрчива и подозрительна, предвидѣла небывалыя бѣды, и боялась, что кто нибудь внушитъ моему опекуну непріятельныя мысли. Въ этомъ характеръ ея былъ противоположенъ моему; я вдалась въ другое излишество: не только безпредѣльно вѣрила я всѣмъ, кого любила, но никогда не сомнѣвалась и въ успѣхъ моихъ предположеній, каковы бы они ни были. Когда Марія Роза робко предсказывала мнѣ иногда, что моя излишняя довѣрчивость можетъ сдѣлать меня жертвою какого нибудь несчастнаго увлеченія, я слушала ее не вѣря ей, или смѣялась, не думая ее слушать. Чтобы ни хотѣла она говорить объ излишнемъ срокѣ моего монастырскаго житія, я ни сколько не безпокоилась, и каждый день настаивать и оканчивался для меня безъ тревоги.

Но вскорѣ, и когда я всего менѣе ожидала, самое обыкновенное событіе разрушило вдругъ мое глубокое спокойствіе. Дама, особенно дружная съ моимъ опекуномъ, навѣстила меня по его порученію. Она хвастала своимъ умомъ, писала стихи, и такое сходство въ наклонностяхъ сдѣлалось первою причиною дружбы между нею и г-мъ Лоранти. Женщина-поэтъ почувствовала къ нему какое-то страстное удивленіе, что-то въ родѣ идеальной любви. Началась переписка, поэтическая, испещренная бабетками чувства и кокетства, и съ именемъ *Зирфилы* печатались во Французскомъ Меркуріи отвѣты на элегическія идилліи, которыя мой опекунъ помѣщалъ тамъ подъ именемъ Филемона. Съ такимъ восторгомъ говорила мнѣ страстная Зирфила о превосходныхъ качествахъ того, кто былъ отцомъ и покровителемъ моимъ, такими яркими красками описывала мнѣ благородный характеръ и умъ челоуѣка, котораго

привыкла уже я любить, не понимая его и почти не зная, что меня воспламенилъ идеаль, совершенно для меня новый. Безотчетныя чувства почтенія и признательности вдругъ превратились въ какое-то благоговѣніе передъ совершенствами, которыхъ я не могла постигать. Все, что только было восторженнаго въ моей головѣ и въ моемъ сердцѣ, казалось, слилось въ одну мысль — увидѣть, узнать близко человѣка, столь умнаго, столь великодушнаго, исполненнаго такихъ высокихъ качествъ души и сердца. Не знаю, было ли такое движеніе вполнѣ начато разказами и словами подруги моего опекуна, или внутренняя сила души, до тѣхъ поръ дремавшая во мнѣ, вспыхнувъ внезапно, кинула меня, такъ, что я не могла уже управлять собою, къ предмету дѣйствительному, когда прежде порывы души моей направлялись только къ мечтамъ созданнымъ моимъ воображеніемъ, но, какъ бы то ни было, а идеаль моего опекуна началъ безпрестанно мнѣ грезиться, и смѣнилъ въ умѣ моемъ все мои прежнія мечты. Мною овладѣло самое нетерпѣливое желаніе — быть подъ одною кровлею съ моимъ опекуномъ, видѣть тотъ кабинетъ, гдѣ я встрѣтила его въ первый разъ, и который казался мнѣ теперь святилищемъ добродѣтели и дарованій. Съ этихъ минутъ, время начало мнѣ казаться медленнымъ, и горестно раздѣляла я даже опасенія моей няньки — боялась, чтобы въ самомъ дѣлѣ какое нибудь обстоятельство, мнѣ неизвѣстное, сильнѣе любви ко мнѣ моего опекуна, не сдѣлало противъ воли его вѣчными разлуки нашей и моего печальнаго уединенія...

Желанія естественно цѣпляются одно къ другому. Думая о томъ времени, когда я вновь увижу моего опекуна, я представляла себѣ яркими, увлекатель-

ными картинами, какія прежде не приходили мнѣ въ голову, и семейную жизнь, и удовольствія свѣта и прелесть свободы. Такія мысли скоро внушили мнѣ какое-то отвращеніе отъ моей настоящей жизни. Лихорадочная тревога заступила мѣсто моего прежняго спокойствія. Мнѣ показалось, что я гибну подъ игомъ нестерпимаго тиранства. Мое воображеніе, привыкшее всегда сосредоточиваться на одной какой нибудь думѣ, заиграло въ мечтахъ моихъ только отъѣздомъ, путешествіемъ, прогулкою по бѣлому свѣту, жизнью городскихъ обществъ. Часто старалась я различать различный шумъ, какой слышался за стѣнами, въ которыхъ считала я теперь себя няньницею, и съ грустною настоячивостью слѣдовала взоръ мой за облаками, медленно бѣгущими по небу, за быстрымъ полетомъ птички, весело пролетавшей надо мною. Я сдѣлалась бѣздна, задумчива. Подруги мои не узнавали меня.

Наконецъ, самая простая мысль пришла мнѣ въ голову — писать къ моему опекуну. Живо изобразила я ему состояніе души моей, и умолила его, ради самой трогательной для него причины, желанія видѣться съ нимъ, позволить мнѣ возвратиться въ Лоріанъ. Я ждала отвѣта въ безпрерывномъ волненіи надежды и нетерпѣнія, и ничто не можетъ изобразить радости, какую почувствовала я, когда получила отвѣтъ. Г-нъ Лоранти, тронутый моимъ состояніемъ и привязанностью къ нему, писалъ мнѣ, чтобы я готовилась къ отъѣзду. Онъ прибавлялъ, что одна знакомая ему дама взялась проводить меня къ нему, и векорѣ явится за мною. Тотчасъ побѣжала я по всему монастырю, рассказывала всемъ о моемъ неожиданномъ счастьи, раздавала всемъ что только могла, прощалась со всеми, и считала часы, минуты и секунды, которые тянулись до желаннаго часа

отъезда. Мое ожиданіе было не продолжительно. Черезъ два дня по полученіи письма г-на Лоранти, г-жа Лабордери — имя дамы, которая взялась проводить меня — явилась въ монастырь нашъ, и съ радостью увидѣла я, что передо мною отворились рѣшетки, за которыми провела я десять лѣтъ грустнаго уединенія. Черезъ два дня должно было совершиться семнадцать полнымъ годамъ моей жизни. Не много поплакала я, когда стала прощаться съ моими подругами, но необъяснимыхъ предчувствій, но таинственнаго страха, какъ говорятъ, заставляющихъ трепетать наше сердце въ рѣшительныя минуты жизни, я вовсе не испытывала. На другой день, въ душѣ моей не было опять никакого безпокойства, никакого сомнѣнія въ будущности — все сливалось въ чувствѣ наслажденія свободою, въ мысляхъ о моемъ добромъ опекунѣ, желаніи поскорѣ ѣхать, и ѣхать далѣе, далѣе, такъ далеко, какъ далеко летаетъ ласточка въ небесахъ...

Г-жа Лабордери, вдова прежняго Интенданта на островѣ Бурбонѣ, была женщина лѣтъ сорока, еще довольно красивая, любезная въ обхожденіи, и съ чрезвычайно вкрадчивыми манерами. Съ недѣлю жила я у нея въ Парижѣ, и хотя жить мнѣ было весело, но съ горестью видѣла я, что она все еще медлитъ назначеніемъ дня нашего отъезда. Наконецъ, она сказала мнѣ, что какое-то важное дѣло удерживаетъ ее въ Парижѣ на долгое время, и что она и сама не знаетъ, когда можно ей будетъ отправиться въ Бретань, а потому хочетъ ввѣрить меня въ моемъ путешествіи въ Лоріанъ надежной особѣ, на которую надѣется, какъ на самое себя. Такъ она выразилась, говори со мною, и прибавила: «Племеникъ мой, Артуръ Дартеваль получилъ мѣсто лейтенанта, и долженъ отправиться по повелѣнію

Министра въ Лоріанъ. Онъ будетъ вашимъ проводникомъ, и безопасно доставитъ васъ къ вашему опекуну. Марія Роза дѣвушка въ лѣтахъ, добрая нянька ваша, будетъ съ вами, и потому мое распоряженіе, которое дѣлаю по неволѣ, и о чемъ я предувѣдомлю г-на Лоранти, несколько не будетъ противно приличіямъ. Надѣюсь, что вы на меня не осердитесь?» — Я съ живостью отвѣчала, что рада ѣхать съ кѣмъ угодно, только бы ѣхать поскорѣе. Такое, можетъ быть, уже слишкомъ откровенное выраженіе моихъ мыслей, казалось, ни сколько не оскорбило г-жи Лабордери. Она просила меня заняться приготовлениями къ немедленному отъезду, говоря, что проводника моего завтра представитъ мнѣ на лицо.

Я бросилась искать мою Марію Розу, желая передать ей поскорѣе радостное извѣстіе, что мы ѣдемъ. Но долго не могла я отыскать моей няньки, и наконецъ увидѣла ее въ углу одной комнаты, гдѣ стояла она, и со вниманіемъ и любопытствомъ читала какой-то лоскутъ бумаги, какъ будто оторванный отъ письма. Увидя меня, поспѣшно спрятала она бумагу. Ничего болѣе не надобно было для возбужденія моего любопытства въ сильнѣйшей степени; я хотѣла видѣть таинственное письмо, и не смотря на свое замѣшательство и видимую неохоту, нянька принуждена была уступить моему желанію. Огрывокъ, который она отдала мнѣ, было черновое письмо, писанное г-жею Лабордери къ моему опекуну. Марія Роза случайно нашла его; мое имя бросилось ей въ глаза, и она не могла противиться желанію узнать, что такое обо мнѣ пишутъ. Я сохранила это письмо и списку его здѣсь слово въ слово. Оно начиналось дожиною зачеркнутыхъ строкъ, а за тѣмъ было въ немъ слѣдующее:

... «Теперь племяннику моему Артуру двадцать восемь летъ, и онъ послѣдній въ родѣ своемъ, столь прежде значительно въ Нормандіи, а теперь совершенно раззорившемся. Лишенный состоянія, онъ принужденъ вступить въ военную службу, хотя важный характеръ его и склонность къ ученой жизни совсѣмъ несогласны съ шумными обществами и разсѣянною жизнью, какую обыкновенно ведутъ военные люди. Но его важность совсѣмъ неурюма, и напротивъ, къ пріятнымъ дарованіямъ присовокупляетъ онъ такую прелесть въ обращеніи, что въ обществѣ бываетъ очарователемъ. Представляю его вамъ, любезный Советникъ, какъ образецъ молодыхъ людей, и по обращенію, и по праву. Я горжусь имъ, и очень рада буду, когда вы подтвердите мое объ немъ мнѣніе.

«Съ педьло живу уже я съ вашею Аделью, и начну тѣмъ разговоръ объ ней, что прелесть ея обращенія и красота лица ея совершенно увлекли меня. Милая воспитанница ваша, съ тѣхъ поръ, какъ вы ея не видали, сдѣлалась прекрасною, высокаго роста, легкою, стройною, какъ назъмы ея родины, дѣвучкою, съ голубыми глазами, бѣлымъ лицомъ, розовыми щеками, въ одно время добродушною и мечтательною, въ которой ничего нѣтъ Креольскаго, но что-то такое кроткое, прелестное, воздушное. Такими же словами можно выразить и характеръ ея: онъ представляетъ соединеніе веселости, живаго воображенія, скромности и восторга. Видно, что она болѣе чувствуетъ, нежели размышляетъ, и что счастливаго инстинкта ея достаточно ей быть любезною и скромною. Повторю вамъ, что мой племянникъ Артуръ единственный человекъ, который...

Здѣсь прерывалось письмо. Чтеніе его заставило меня покраснѣть отъ удовольствія и замѣнательства. Никогда прежде не слыхала я такихъ похвалъ себѣ, и въ первый разъ узнала, что меня находятъ — по крайней мѣрѣ, недурною. Но какъ ни драгоценны для молодой дѣвочки подобныя извѣстія, чувство живѣе тщеславія занимало меня. Что значили эти недокончанныя слова: «Мой племянникъ Артуръ *единственный человекъ, который*...? Богъ знаетъ чего не отдала бы я, только бы узнать мнѣ,

что такое хотѣла тутъ еще сказать тетка г-на Дартеваль! Къ любопытству моему примѣшивалось что-то тревожное, и вмѣстѣ усладительное, чего не могла я понять хорошо. Марія Роза, съ обыкновенною своею проникательностью, прочитала въ глазахъ моихъ все мои мысли, и можетъ быть, предупреждая вопросы, какіе захотѣла бы я ей сдѣлать, сказала мнѣ съ притворнымъ добродушіемъ: «Г-жа Лабордери, видно, хотѣла дополнить далѣе такъ: *единственный человекъ, который не влюбится* въ такую милую и прекрасную дѣвучку. Такъ выходитъ, мнѣ кажется, по смыслу всего письма.» — «Въ самомъ дѣлѣ такъ?» — отвѣчала я Маріи Розѣ, а между тѣмъ думала, что нянька моя ошибается, и письмо должно было оканчиваться совсѣмъ иначе.

Въ тотъ же вечеръ г-нъ Дартеваль явился къ своей теткѣ и она рекомендовала его мнѣ. Онъ былъ въ прекрасномъ сипемѣ, съ позументами, флотскомъ мундирѣ. Я ожидала увидѣть стройнаго красавца, потому, что каждый молодой человекъ, котораго мнѣ предварительно хвалили, представлялся красавцемъ моему воображенію. Но какъ въ головѣ моей составленъ уже былъ идеалъ красоты по моей любимой картинѣ, и всѣхъ красавцевъ воображала я себѣ съ русыми локонами, то, признаюсь, взглядъ на молодого моряка сначала разочаровалъ меня совершенно. Не только ничего подобнаго моему идеалу не было въ Дартеваль, но онъ даже вовсе не подходилъ на него. Высокій ростомъ, онъ былъ очень строенъ, но лицо его было важно и смугло. Только прекрасныя черныя глаза, сверкашіе умомъ и въ то же время выражавшіе что-то милое, смягчали выраженіе нравственной силы и величія души, изобразившихся въ моемъ скупнѣи, вмѣсто нѣжности и кротости, какія думала я въ немъ найти. Въ до-

садѣ, что такъ жестоко обманулась, я поклалась самою собою, что останусь равнодушна къ Дартевалю, и даже не взгляну на него болѣе ни разу. Но мое рѣшительное намѣреніе не продолжилось. Едва только началъ онъ со мною разговаривать, какъ я почувствовала совсѣмъ другое расположеніе къ молодому человѣку. Голосъ его былъ такъ очаровательно пріятенъ, и выражалъ кротость и нѣжность, чего ни какъ нельзя было подозрѣвать при первомъ взглядѣ на его важную и выразительную физиогномию. При каждомъ новомъ взглядѣ, которые бросала я на него украдкою, меня болѣе и болѣе поражали мужественная красота лица моего спутника и благородство ея выраженія. Правда, я не чувствовала еще въ сердцѣ моемъ никакого необыкновеннаго движенія, но съ сей минуты начало мнѣ казаться, что въ идеальномъ, съ бѣлымъ лицомъ его, розовыми щеками, русыми локонами и голубыми глазами — чего-то недоставало для красоты мужчины...

III.

Какъ сказала г-жа Лабрдерн, на другой день мы отправились съ ея племянникомъ, въ одной каретѣ, въ троюмъ, но Марія Роза, изъ почтенія къ г-ну Дартевалю не говорила почти ни одного слова. Странно было мнѣ, съ самаго дѣтства жившей всегда только съ женщинами, вдругъ теперь очутиться одной съ незнакомымъ мужчиною, молодымъ офицеромъ, быть принужденною жить передъ его глазами, укрывая отъ наблюденій его развѣ только движенія души моей. Но все, что такое положеніе заключало въ себѣ страннаго и затруднительнаго, сначала не приходило мнѣ въ голову. Быстрота, съ какою по выѣздѣ за заставу помчали насъ ло-

шади, привела меня въ восторгъ. Видя себя въ открытомъ полѣ, подъ безграничнымъ небомъ, летя почти такъ же скоро, какъ птичка, видя какъ мчатся мимо кустарники, деревья, поля, селенія, въ первый разъ ощутила я всю прелесть свободы, все счастье безпредѣльной воли. Глаза мои, жадные насладиться новымъ для меня зрѣлищемъ, не знали на чемъ надобно было имъ остановиться. Я глядѣла, то вѣтъ, то въ другія дверцы кареты, и нѣсколько разъ, забывая присутствіе моего спутника, восклицала: «Ахъ! Марія Роза! посмотри — какой милашкѣй домикъ!.. Какая прекрасная роща... Посмотри, посмотри — мѣльница!» — Наконецъ, меня утомило такое необыкновенное для меня движеніе, и небольшою дождь съ вѣтромъ, принудившій насъ закрыть окна кареты, заставилъ меня скрывать въ безмолвіи радость мою и счастье.

Тогда только, обстоятельство, котораго сперва я вовсе не замѣчала, привело меня въ большое замѣшательство. По внимательной вѣжливости, г-нъ Дартеваль посадилъ подлѣ меня Марию Розу, а самъ сѣлъ на задней лавкѣ кареты. Такимъ образомъ, намъ должно было безпрестанно глядѣть другъ на друга и встрѣчаться взорами, а это было для меня тѣмъ безпокойнѣе, что я вспомнила все неприличіе показанной мною дѣтскою радостію въ мои годы, и потому захотѣла теперь показать моему спутнику, что я не дѣта, совсѣмъ неглупа, и притомъ хорошо образована. Онъ началъ говорить со мною, и вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему съ моею обыкновенною простотою, я выписывала отборныя слова, мѣшталась, и нѣсколько разъ совершенно спутывалась, такъ, что принуждена была наконецъ замолчать. Не зная что мнѣ дѣлать, я толкала потихоньку ногою Марию Розу, какъ будто призывая ее

на помощь, и готова была плакать съ досады, потупляя глаза передъ свѣтлымъ, пронизательнымъ взоромъ моего собесѣдника. Приведенная въ отчаяніе, когда замѣтила, что мои старанія казаться любовною нигуда не годились, я рѣшилась просто замолчать, отвѣчала коротко, потупила глаза. Такимъ образомъ, къ досадѣ моей, я показала сначала г-ну Дартевалю рѣзвою, глупою пансіонеркою, а потомъ капризною, прихотливою дѣвочкою. Но кроткая любовь его была неизмѣнима. Казалось, онъ ничего не замѣчалъ, и къ вечеру, когда взоры его не пугали уже меня въ темнотѣ, я стала свободнѣе, и между нами завязался самый занимательный, дружескій разговоръ. Первую ночь надобно было намъ провести въ ѣздѣ, и нѣсколько часовъ прошло такъ, что мнѣ совсѣмъ не хотѣлось спать, и мы безпрестанно говорили.

Ночь была безлунная, Июньская, тихая и очаровательная. Сквозь мракъ ея, я могла различать только бѣлую полосу дороги и въ высотѣ синее небо, на которомъ горѣли золотыя звѣзды. Наша карета, безъ стуку и шума, быстро катилась по опушкѣ какого-то густаго лѣса, высокія деревья котораго казались великанами во мракѣ. Отъ ночнаго ли безмолвія, или по особенному расположенію души моей, голосъ Дартевала отзывался теперь мнѣ улаживательнѣе, выражалъ что-то такое нѣжное и грустное. Мнѣ казалось, что особенная прелесть и кроткое выраженіе его происходили отъ моего присутствія, и высказывали мнѣ нѣжную дружбу его. Далѣе нешло мое воображеніе, но не знаю отъ чего, подъ вліяніемъ мысли о дружбѣ Дартевала, я впадала мало по малу въ забывчивое мечтаніе, предметомъ котораго былъ мой спутникъ; я задумывалась, и не думала отвѣчать ему. Онъ полагалъ, что

я заснула, и пересталъ говорить, не смѣя беспокоить меня; но его безмолвіе было для меня еще выразительнѣе, какъ молчаніе между двумя друзьями, послѣ долгаго, сердечнаго изліянія взаимной дружбы и довѣренности. Такая мысль очаровала меня; мнѣ казалось, что я наговорила съ братомъ, и мы оба засыпаемъ съ мыслью другъ о другѣ. Между тѣмъ полная луна освѣтила насъ. Я увидѣла, что Дартевалъ не спитъ. Думалъ, что я уснула, онъ вслѣдствіе заботился обо мнѣ, смотрѣлъ на меня такъ нѣжно, и, казалось, при каждомъ толчкѣ кареты трепеталъ, чтобы меня не разбудила дорога. Къ утру сдѣлалось холоднѣе; осторожно накрылъ онъ мнѣ колѣни пологою своего плаща, и нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ спящей Маріи Розы, поправлялъ тихонько подушку подъ моею головою. Зажмурившись и притворяясь спящею, я все видѣла; такая братская, нѣжная заботливость веселила меня; беззаботно уснула я наконецъ, и не отдавая еще самой себѣ отчета, я уже думала, какъ нѣжно можетъ любить добрый, ласковый, милый спутникъ мой....

На другой день, днемъ, изломалось колесо у нашей кареты, но такъ счастливо, что мы не опрокинулись, и успѣли выйдти очень спокойно. Недалеко видно было селеніе, гдѣ надлежало намъ перемѣнить лошадей. Намъ надобно было идти туда пѣшкомъ, либо дожидаться на дорогѣ почтальона; его послали мы за людьми, которые могли довести нашу карету до станицы. Рѣшаясь на первое, и оставя при каретѣ слугу г-на Дартевала, сидѣвшаго на козлахъ, мы трое пустились въ путь. Солнце пекло; дорога была покрыта пылью. Избѣгая такихъ неудобствъ, г-нъ Дартевалъ предложилъ перейти черезъ лугъ подлѣ дороги, и идти потомъ рощею, которая тянулась до самаго селенія. Я хот-

но согласилась, Марія Роза не спорила, и через несколько минут были мы под тѣнью прекрасныхъ деревьевъ и шли по берегу ручья, который, то скрывался въ чащѣ дубовъ и орѣшника, то выдвигался опять между тростниковъ.

Безплодный лугъ, однообразный садъ — таковы были мѣста моей прогулки въ монастырѣ. Видъ столь новой для меня природы, живой, веселой, свободной, дикой, журчаніе живой воды, щебетанье тысячъ птичекъ, все это привело меня въ неизъяснимое восхищеніе. Съ минуту оставалась я въ усладительномъ безмолвіи, а потомъ начала бѣгать, куда попало, по волѣ перемѣняя направленія, и какъ будто неволью увлекаемая сквозъ кустарники, перебѣгая по едва проложеннымъ тропинкамъ. Вскорѣ мнѣ стало немного совѣстно, что я кажусь такимъ дитятею г-ну Дартевалю, и чувство стыда заставило меня возвратиться къ моему обыкновенному спокойствію, изъ котораго увлекали меня всякая неожиданная радость и каждое живое впечатлѣніе новыхъ предметовъ. Бѣгая, удалилась я отъ г-на Дартеваля. Увидя, что я возвращаюсь тихо и спокойно, онъ съ улыбкою приблизился ко мнѣ, и предложилъ немного отдохнуть. «Ваши щеки такъ покраснѣли — сказалъ онъ нѣжно — и вы, кажется, немного устали отъ движенія....»

Мѣсто, выбранное имъ для отдыха, было маленькой лужокъ среди лѣса, заросшій густою травою. Огромныя дубы и вязы окружали это прекрасное убѣжище; нѣсколько дикихъ плодовыхъ деревьевъ склонялись между нихъ, и ключъ билъ изъ-подъ корня въковаго дуба, вылся по желтому песку и скрывался далѣе между травъ и цвѣтовъ. Я съѣла подлѣ ключа, на древесныхъ корняхъ, обросшихъ мхомъ. Г-нъ Дартеваль помѣстился у ногъ моихъ;

Марія Роза съѣла немного подальѣ. Лазурь неба видна была сквозъ вершины деревьевъ, и яркіе лучи солнца весело и прихотливо играли сквозъ зелень на водѣ и цвѣтахъ. Когда разсмотрѣла я наше прелестное убѣжище, желаніе воли, овладѣвшее мною при видѣ рощи, уступило мѣсто другимъ впечатлѣніямъ; чувство спокойствія овладѣло моимъ сердцемъ, и какое-то душевное умиленіе смѣнило дѣтскую радость. Мнѣ казалось, что одно изъ прекраснѣйшихъ мечтаній моихъ осуществилось, и какъ будто очарованіемъ перенеслась я въ тѣ убѣжища счастья, гдѣ такъ давно жили привычныя мечты мои. И тамъ воображала я себя руческъ, лужокъ, тѣнь деревьевъ; все это было передъ мною; недо-ставало только для полноты картины какой нибудь хижинны, но я замѣтила мѣстечко, гдѣ можно было поставить ее, и не могла удержаться, чтобы не сказать: «Если бы тутъ построить домикъ — какъ счастливо могли бы жить въ немъ двое друзей!» Говоря такъ, неволью оборотилась я къ товарищу моему, и изумилась выраженію взора его, неподвижно на меня устремленнаго. Можно было подумать, что онъ хотѣлъ проникнуть въ тайны сердца моего, и по смятенію, по замѣнательству моему, по краскѣ, оживившей щеки мои, въ первый разъ угадала я тайну моего сердца, о которой темно догадывалась вчера...

Сама испуганная своимъ открытіемъ, я потушила глаза, и не знала что дѣлать. Я боялась, что Дартеваль угадаетъ мои чувства, и тысячи смѣтанныхъ и безпокойныхъ ощущеній овладѣли мною. Дартеваль молчалъ, и я не смѣла, ни глядѣть на него, ни говорить съ нимъ. Пока, старалась возвратитъ себѣ спокойствіе, безъ цѣли перебѣгала я взорами кругомъ, они останавливались на ручейкѣ, протекав-

шемъ мимо насъ. Я увидѣла листочекъ, свалившійся съ дерева, подъ которымъ я сидѣла; дрожа упалъ онъ въ воду, и потокъ повлекъ его, вертя своевольно; то останавливали его травки, то снова увлекала вода. Мнѣ пришло на мысль, что этотъ листочекъ былъ точное мое изображеніе, что и меня также влечетъ непреоборимый потокъ судьбы въ безвѣстную даль будущаго... Суевѣрный страхъ овладѣлъ мною; по сердцу моему пробѣжалъ холодъ; я поспѣшно встала и наклонилась къ ручью, желая выхватить изъ него бѣдный листочекъ. Дартеваль думалъ, что я хочу сорвать цвѣтокъ; онъ спѣшилъ предупредить мое желаніе, сорвалъ и подаль мнѣ прекрасный синій колокольчикъ. «Посмотрите,» сказалъ онъ мнѣ, «какъ онъ свѣжъ и хорошъ! Вы сохраните его на память обо мнѣ... объ этомъ днѣ...» прибавилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія. Голосъ его дрожалъ. Я взяла цвѣтокъ, и мнѣ казался онъ безъ словъ отвѣтомъ на тайную мысль мою, залогомъ, который разрушаетъ дурное предчувствіе. Надежда и довольство сердца воротились ко мнѣ, и я была увѣрена, что моего спутника одушевляютъ одинакія съ моими впечатлѣнія. Мнѣ казалось даже, что онъ вздохнулъ. — А вотъ и солнце скоро зайдетъ—сказала тогда громко Марія Роза, какъ будто нарочно желая перервать нашу бесѣду. Дартеваль взглянулъ на свои часы. «Въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ онъ, «скоро семь часовъ.» Онъ предложилъ мнѣ свою руку. Мы пошли въ селеніе. По несчастію, мы обились съ дороги и болѣе часа принуждены были путаться по извилинамъ тропинокъ. Солнце уже село, когда мы попали на прямой путь. Я чувствовала себя весьма усталою, но не думала жаловаться. Дартеваль, внимательный къ каждому моему движенію, казалось, угадывалъ усталость

мою. При каждой остановкѣ моей, при каждой неровности дороги, онъ нѣжно бралъ меня за руку и просилъ опираться на его руку. Робость, стыдливость препятствовали мнѣ пользоваться его предложеніемъ, но до того восхищали меня такая заботливость, такая нѣжная внимательность, что мнѣ хотѣлось бы еще дальѣе протянуть наше пѣшеходство.

Слишкомъ восемь часовъ было, когда мы пришли на станцію. Карета наша была давно исправлена и ждала насъ. Но при усталости отъ нашей прогулки, мы не рѣшились ѣхать, и хотя деревенская обѣдь была очень плоха, положили однакожь остаться здѣсь ночевать. Мы ужинали въ двосмѣ съ Дартевалемъ въ небольшой залѣ, окна которой были отворены на обширный дугъ, гдѣ косари продолжали свою работу въ ночь, боясь переменъ погоды. За знойнымъ днемъ слѣдовали лѣтніе сумерки, свѣжіе, благоухающіе. Такое время, уединенный, скромный ужинъ, деревенская работа, оживленная веселой пѣней — все соединялось здѣсь очаровать мое воображеніе, и какъ будто показать мнѣ одну изъ счастливыхъ сценъ моей будущности. Я вообразила себя дома, въ деревнѣ, въ красивомъ сельскомъ домикѣ, хозяйкою. А Дартеваль... Онъ такъ краснорѣчиво говорилъ о будущихъ надеждахъ своихъ на томъ поприщѣ, куда увлекали его отличіе и слава! Корабль его долженъ былъ соединиться съ эскадрою Графа Детена, близъ Антильскихъ острововъ. Слушая увлекательный разсказъ, я вообразила себя женою моряка, раздѣляющего его блестящія надежды, ожидающего его возврата, издали встрѣчающего драгоцѣнный корабль, который возвращаетъ его домой... Такія мечты, какъ ни различны онѣ были съ тѣмъ, что насъ окружало, увлекали меня, потому, что съ ними соединилса мой милый, умный собесѣдникъ. Мнѣ мечталось:

почему этотъ спутникъ моего путешествія не можетъ быть вѣчнымъ спутникомъ моей жизни? И не переставая слушать его, любоваться его внимательностью ко мнѣ, отвѣчать ему улыбкою, я дополняла мое настоящее благополучіе тѣмъ счастьемъ, какое могло ожидать меня въ будущемъ....

Ужинъ нашъ давно кончился, но мы не думали вставать изъ-за стола. Наконецъ, Марія Роза сказала мнѣ, что уже пробило десять часовъ. Надобно было кончить вечеръ, столь усладительный для меня. Готовая выйти изъ комнаты, я оборотилась къ Дартевалю, и увидѣла въ его взорахъ такую грусть, что невольно остановилась. Тутъ нянька моя, обыкновенно терпѣливая и послушная, показала знаки досады. Она поспѣшно взяла со стола свѣчу и пошла къ дверямъ. Молча поклонился мнѣ Дартеваль. Когда я пришла въ комнату, гдѣ надобно было почевать мнѣ и Маріи Розѣ, мнѣ такъ было весело и хорошо! Медленно и молча раздѣвалась я, и когда легла въ постелю, желаніе высказать, что было у меня на сердцѣ, заставило меня начать разговоръ съ Маріей Розой, которая не говорила ни слова.

— Послушай, няня — сказала я — что ты ничего не скажешь мнѣ о нашей прогулкѣ по рощѣ? Какъ тебѣ она показалась?

«Немного продолжительна,» отвѣчала она. «Боюсь, что мы потеряли много времени, и вы притомъ такъ устали....»

— Устала? Вздоръ какой! Да, я, пожалуй, завтра готова опять гулять также. Мнѣ кажется, съ такимъ проводникомъ я пройду десять мѣ безъ устали. А скажи мнѣ, няня милая, что ты думала, когда мы шли съ нимъ вмѣстѣ и такъ весело разговаривали между собой?

«Я ничего не думала,» сказала Марія Роза, какъ будто съ невольною досадою.

— Ничего? Какъ: ничего совершенно?

«Право, ничего, сударыня,» отвѣчала Марія Роза, съ притворнымъ хладнокровіемъ.

— Удивляюсь—сказала я, желая дать ей замѣтить мою досаду.— Почему не могла ты подумать, что еслибы такой любезный товарищъ былъ у меня цѣлую жизнь — я была бы счастлива?

«Ну, смотри на г-на Дартеваля, я несмѣла бы такъ думать. Мы знаемъ его только со вчерашняго дня. Я такъ васъ люблю, что не захочу всякаго встрѣчнаго считать вашимъ женихомъ.»

— Всякаго встрѣчнаго! — вскричала я съ досадою. — Человѣкъ благородный, Французскій офицеръ, котораго всѣ хвалятъ, племянникъ почтенной дамы, котораго, навѣрное, полюбитъ мой опекунь... Впрочемъ — прибавила я со всѣмъ упрямствомъ ребенка, избалованнаго потачкою няни — значить оскорблять меня, если такъ дерзко говорить о человѣкѣ, котораго... я уважаю...

Испуганная тѣмъ, что такъ разсердила меня, бѣдная Марія Роза отвѣчала мнѣ, послѣ нѣкотораго молчанія, тихимъ голосомъ: «Простите меня, сударыня — право, я не хотѣла огорчить васъ»...

— Я не сержусь, не сержусь, няня! — вскричала я — но скажи мнѣ, пожалуста: ты не удивляешься тому, что я говорю? Ты не замѣчаешь развѣ, что г-нъ Дартеваль кажется мнѣ очень милымъ и любезнымъ? — Она молчала. — Ахъ! да, очень милымъ! — повторила я съ глубокимъ вздохомъ, какъ будто желая досказать Маріи Розѣ то, чего я словами сказать не смѣла.

«Да, сударыня, я замѣтила, что общество г-на

Дартевала вамъ приятно; но мнѣ кажется, что тутъ ничего болѣе и нѣтъ.

— Ахъ, Боже мой! ничего болѣе!.. Ты не думаешь развѣ, что такой милый, любезный человекъ можетъ сдѣлать счастливою ту, кого... которая...

Напрасно не хотѣла я договаривать, надѣясь, что Марія Роза договоритъ за меня. Она молчала. Я опять рассердилась.— Это безсовѣстно, няня — ты несправедлива къ нему, и я знаю, почему онъ тебѣ не нравится — потому, что онъ небогатъ — а у васъ всегда эта глупая мысль, чтобы выходить за богатыхъ. — Нужды нѣтъ, каковъ человекъ...

Марія Роза хотѣла отвѣчать, но я перервала слова ея.— Что мнѣ богатство ваше, когда дѣло идетъ о счастіи цѣлой жизни! Никогда не подумаю я промѣнять его на гадкія ваши деньги!

Казалось, что Марія Роза съ трудомъ удержалась отъ отвѣта. Она молчала съ минуту, и потомъ сказала угрюмо: «Вы очень безкорыстны, сударыня. Г-нъ Дартеваль, кажется, не таковъ.»

— Такъ что же?—вскричала я—еслибы онъ и любилъ меня не для одной только меня, еслибы и богатство имѣло въ глазахъ его цѣну—такая слабость простибельна, и тѣмъ счастливѣе я буду, если раздѣлю съ нимъ все, что оставилъ мнѣ мой отецъ.

Глубоко вздохнула бѣдная Марія Роза и молчала. «Поди — сказала я съ досадою — ты не можешь понимать меня!»

Ни мало не оскорбляясь такимъ дерзкимъ упрекомъ, Марія Роза кротко спросила у меня: «Развѣ г-нъ Дартеваль объяснился съ вами?»

— Ты бредишь, няня!—Какъ же это возможно?—продолжала я, ласково. Слово: *объяснился*, мелькнуло мнѣ такою радостью въ будущемъ, что я помирилась съ моею доброю нянею. — Какъ это воз-

можно: объясняться въ дорогѣ, когда ему препоручили меня въ защиту! Когда ему оказали такую довѣренность, а онъ станетъ говорить о любви своей дѣвушкѣ, которую ему препоручили... Это было бы безчестно — по крайней мѣрѣ, неприлично, да, нехорошо... Онъ можетъ только любить меня въ безмолвіи...

«И, конечно, сударыня,» отвѣчала Марія Роза, съ замѣтнымъ удовольствіемъ. «Но съ чего же говорите вы, когда вы не знаете еще: любить ли онъ васъ?»

— Я не знаю?.. Ахъ! ты, няня!.. Да, ты только погляди на г-на Дартевала, такъ не станешь сомнѣваться, что онъ меня любитъ!

«Ахъ! сударыня, я, можетъ быть, болѣе вашего смотрю»—она вздохнула—«но ничего не вижу, кромѣ простой вѣжливости, которая ни къ чему не обязываетъ и ничего не доказываетъ.»

— Ничего? Но развѣ человекъ не долженъ думать о томъ чувствѣ, которое онъ внушаетъ? При молчаніи, которое надобно наблюдать г-ну Дартевалю, каждый взоръ его есть уже обязательство. Между нами такъ много сходнаго — мнѣнія, привычки — о! на вѣрное и чувства! Увидишь, что я не обманулась...

Мнѣ казалось, что рѣчи мои должны были убѣдигъ няню и что она признается побѣжденною. Но она молчала. Я не вытерпѣла и хотѣла уже начать упреки, когда мнѣ послышалось, что она потихоньку плачетъ. Тутъ мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть, ей досадно раздѣлать съ кѣмъ бы то ни было любовь мою, предметомъ которой до сихъ поръ была она одна. Мнѣ жаль ее стало, жаль, что я огорчаю ее... Я замолчала.

Недовольная первымъ опытомъ моею довѣренно-

сти къ Маріи Розѣ, я не смѣла болѣе открывать ей моей сердечной тайны. Когда могли мы говорить на свободѣ — и молчала, или заводила рѣчь о какомънибудь вздорѣ. Принужденная быть безмолвною зрительницею любви, явной для нея, бѣдная нянька не смѣла предупредить меня объ опасности моего чувства. Напротивъ, привыкнувъ потворствовать моему упрямству, иногда она была невольною покровительницею страсти моей. Но сердце ся сжималось отъ горя; на глазахъ навертывались слезы, и печальный взоръ, устремленный на меня, какъ будто говорилъ мнѣ: «Мечта, мечта твое счастье!» Грусть и уныніе Маріи Розы могли тронуть меня, заставить одуматься, но несчастная мысль запала мнѣ въ душу, что всему причиною былъ эгоизмъ няньки моей, хоть и безкорыстный. Я перестала заботиться, притворялась, будто ничего не вижу, и слѣпо предавалась увлекавшей меня склонности.

Впрочемъ, мнѣ ли было, молодой, неопытной дѣвушкѣ, смогрѣть на чувство свое съ какойнибудь другой стороны, кромѣ романтической! Безразсудная привязанность, такъ быстро овладѣвшая моимъ сердцемъ, казалась мнѣ средоточіемъ двухъ душъ, давно искавшихъ другъ друга, назначенныхъ судьбою одна для другой. Я думала, что чувства мои вполне раздѣляются, и не изучать характеръ Дартеваль старалась я, но только изыскивала въ немъ новыя стороны для моего удивленія, и въ его обхожденіи, словахъ, взглядахъ открывала признаки любви, самой пламенной, хоть и робкой. Какъ счастлива я бывала, когда сидя противъ него, видѣла выраженіе пѣжности въ глазахъ его, иногда замѣчала въ немъ задумчивость, успѣвала подслушать тайный вздохъ. Въ самомъ молчаніи его находила я краснорѣчіе любви. «Онъ любить меня,» говорила

и повторила я самой себя, да и кто сталъ бы въ томъ сомнѣваться на моемъ мѣстѣ, видя непрерывную его заботливость, внимательность, види, что только я одна его занимаю, что онъ почти не глядитъ даже ни на прелестную сторону, по которой мы ѣхали, ни на небо, и взоръ его, задумчиво, и постоянно, устремляется только на меня...

Каждое событіе въ дорогѣ, всякая бездѣлка казалась мнѣ новыми доказательствами чувства, удерживаемаго приличіемъ и пѣжностью души, но постоянного и глубокаго. Когда я выходила изъ кареты, Дартеваль, казалось мнѣ, старался долѣе удерживать мою руку, помогая мнѣ сойдти, и иногда, какъ будто забывшись, тихо пожималъ мнѣ ее. Если утомись спдвѣемъ въ каретѣ, мы выходили на какойнибудь пригорокъ, или рѣшались пройтти по аллеѣ, нашъ разговоръ прерывался, едва отставала отъ насъ Марія Роза. Казалось, сильное волненіе останавливало слова въ устахъ Дартеваля; онъ какъ будто хотѣлъ мнѣ что-то высказать, и такъ много, но не могъ сказать ничего, и тѣмъ понятнѣе говорили взоры его. Онъ не сводилъ съ меня глазъ, счастливая и смущенная, я притворялась невнимательною, не глядя на него, смотрѣла кругомъ, хотя иногда сама не знала, гдѣ мы и куда идемъ! По видимому, и Дартеваль также часто увлекался своимъ чувствомъ, забывалъ о прогулкѣ, и со стороны довольно забавно было посмотрѣть, какими зигзаками нерѣдко шель путь нашъ. Однажды, мы опомнились только на краю рва — я первая замѣтила опасность и съ ужасомъ закричала. Быстро бросясь и поддерживая меня Дартеваль; рука его обвилась вокругъ моей талии, и съ жаромъ вскричалъ онъ: «Не бойтесь, милая Аделя, я съ вами!» Его движеніе, его слова заставили меня радостно

затрепетать, и слезы потекли у меня, сама не знаю отъ чего. Даргеваль, какъ будто испугался—не высказала ли онъ слишкомъ много? Почтительно отшелъ онъ, но его словъ, его нечаяннаго движенія было для меня довольно.

Такъ пролетѣли три дня, и въ теченіе ихъ, погруженна въ какое-то очарованіе жизни, я забыла весь міръ, цѣль моего путешествія, и даже моего опекуна, какъ ни страстно хотѣла я сначала видѣть его. Все мысли мои слились въ настоящемъ, и, какъ взоры мои, почти не переходили за тѣсное пространство, какое занимала я съ моимъ товарищемъ путешествія. Его голосъ, его улыбка, заботы, вопросы, рѣчи его—таковъ былъ весь міръ впечатлѣній, воспоминаній, надеждъ сердца моего; да же чего иного я не искала, ничего не желала. Спокойная и веселая, чистою радостью любви наслаждалась я. Но иногда движенія сердца моего были такъ живы, чувство такъ сильно, что излишекъ счастья моего походилъ на страданіе. Мнѣ хотѣлось тогда найти какой нибудь предлогъ заплакать свободно и облегчить вздохами грудь мою, но такое страданіе, такой призывъ горл были уладительны, не менѣ радости.

На четвертый день, Марія Роза, до того времени молчаливая и угрюмая, вдругъ вскричала радостно: «Ахъ! вотъ и Лоріанъ—мы пріѣхали!» Никогда не испытала я въ жизни такого тяжкаго пробужденія! Какъ будто оглушенная громомъ, не могла я сказать ни слова, и только воображала, что Лоріанъ означалъ конецъ путешествія, которое хотѣлось мнѣ продолжить до конца жизни. Скрывая свое смущеніе, глядѣла я безмолвно въ окно кареты, и въ самомъ дѣлѣ, тамъ, среди тумановъ, что-то темнѣлось вдали. Печально, грустно начала я взгля-

дываться, когда нянька моя, безпрерывно глядѣвшая въ другое окно кареты, начала снова свои восклицанія: «Пыль по дорогѣ!... Четыре лошади... Карета! Охъ, это г-нъ Лоранги; онъ, онъ, право—онъ! Вѣрно, онъ получилъ мое письмо!»... Я невольно вскрикнула при ея словахъ, и больше отъ нечаянности нашего свиданія, нежели отъ радости. Быстро придвинулась я въ уголь кареты, думая о томъ, какъ бы обмѣняться еще нѣсколькими взглядами съ Даргевалемъ; я хотѣла увидѣть на лицѣ его выраженіе грусти, печаль разлуки, но не нашла такого утѣшенія. Мой товарищъ, столь нѣжный, столь внимательный за нѣсколько мгновеній прежде, вдругъ принялъ выраженіе важное, почтительное, какое всегда замѣчала я въ немъ при обхожденіи съ посторонними. Ничто не показывало въ немъ ни малѣйшаго смущенія; глаза его сдѣлались безвыразительны, и онъ—спокойно поправлялъ свои волосы, и приводилъ въ порядокъ маншеты... Какъ? Въ минуту разлуки!... Мнѣ стало досадно—я наклонила голову, и думала, что можно бы теперь сказать мнѣ нѣсколько словъ и менѣ заботиться о вздорныхъ приличіяхъ туалета. Но размышленія мои были непродолжительны. Карета катилась быстро, поуждаемая словами Маріи Розы почтальону. Вскорѣ другая карета, вѣхавшая на встрѣчу, поравнялась съ нашею. «Этотъ онъ, этотъ онъ! Я узнаю его! Сударыня! вотъ вашъ опекунъ!» кричала моя нянька. При словахъ ея, во мнѣ ожили чувства привязанности къ моему опекуну, задушаемый эгоизмомъ любви. Я велѣла открыть каретныя дверцы и бросилась на шею къ г-ну Лоранги, пока онъ не успѣлъ еще сойти по ступенькамъ своей кареты. Съ восторгомъ обнимала я его и не дала ему времени опомниться. «Полно, полно!» говорилъ онъ смѣясь, «я

ужь слишкомъ старъ для твоихъ поцѣлуевъ! Ахъ, дитя мое, милая моя Аделя! какъ ты выросла, какъ ты похорошѣла!» И онъ нѣжно обнялъ меня. Казалось, что онъ глядитъ на меня со всею отцовскою радостью. Дартеваль также вошелъ въ его карету. Опекунъ мой благодарилъ его, просилъ считать дружескимъ домъ Лоранти, не забывать насъ, пока пробудеть въ Лорантѣ. Мы распрощались вѣжливо. Дартеваль безмолвно пошелъ къ своей каретѣ, а наша помчалась впередъ во весь галопъ.

IV.

Едва прѣехали мы, какъ опекунъ мой спѣшилъ ввести меня къ женѣ своей, ожидавшей меня, какъ говорилъ онъ, нетерпѣливо. Г-жа Лоранти было тогда около 30-ти лѣтъ; она походила на королеву богатымъ нарядомъ своимъ и величьемъ осанки, но иногда казалась шаловливою пансіонеркою, по быстрой и живости словъ и движеній. Время не уменьшило прелестей лица ея, но, казалось, не измѣнило и ея характера. Всегда прихотливая, она не терпѣла возраженій, и упорствомъ воли и красотого управляла своимъ мужемъ. Всего чаще уступала онъ, кротко и рѣшительно, довольствуясь развѣ какою нибудь эниграммою противъ женщинъ, но часто и печалился, вида невольное покорство волеѣ жены, и не имѣя смѣлости вызвать ее на какую нибудь бурю, которая могла возвратитъ ему право отца и хозяина. Такъ уже лѣтъ двѣнадцать или домашній дѣла моего опекуна, а слабость его, бывшая всему причиною, заставляла его между тѣмъ поддерживать въ мнѣнїи постороннихъ наружность мира и спокойствїя, вовсе забытыхъ между супругами, столь несходнымъ характеромъ и правами.

Г-жа Лоранти была въ своей уборной. Кисейный

пенуаръ съ богатымъ кружевомъ наброшенъ былъ на нее сверхъ короткой юбочки съ фигурною фалбалою, изъ-подъ которой видна была прелестная ножка, въ розовомъ башмачкѣ съ сафьяннымъ каблучкомъ. Она занималась своею прическою, внимательно смотря на себя въ большое круглое зеркало, съ серебряною, фиолетовою рамою, въ которую ввернуты были по сторонамъ два фарфоровые амура, вмѣсто колчановъ и луковъ державшіе пудреницы. Зеркало стояло на дорогомъ столикѣ, изъ чернаго дерева, съ украшеніемъ изъ слоновой кости. По обѣимъ сторонамъ его были двѣ горничныя, одна съ помадою, другая съ длинными шпильками. Но онѣ казались только живою мебелью; сзади кресель стояла премилая дѣвочка, лѣтъ 11-ти, взмостившись на табуретъ, и она только одна занималась головою г-жи Лоранти, чрезвычайно ловко раздѣляя, закручивая, пудря на ней волосы, убирала ихъ крепомъ, укрѣпляла на шпилькахъ. Дѣвочка была совсемъ не служанка, но единственная дочь моего опекуна отъ его втораго брака. Мать никому не давалась убирать головы своей, и красивая шалуниа точно была мастерица, но — тѣмъ ограничивалось все ея образованіе. Далѣе, подлѣ окна, увидѣла я высокую дѣвушку, лѣтъ за 20-ть; она шила что-то въ пальцахъ. Ея холодная, безстрастная фигура отражалась на занавѣскѣ изъ голубаго лампаса, и странно противорѣчила веселымъ личикамъ амуровъ и нимфъ, какими расписаны были стѣны и потолокъ комнаты. Мнѣ не трудно было узнать въ высокой, угрюмой дѣвушкѣ подругу моего дѣтства, Клементину, старшую дочь моего опекуна.

Г-жа Лоранти привстала, увидѣвши меня, и ласково протянула мнѣ руку. Клементина встала тихо, важно, сдѣлала почтительный привѣтъ отцу, и по-

дошла поцѣловаться со мною, молча, церемонно, такъ, что невольно вспомнила я, какъ при первомъ свиданіи нашемъ въ дѣтствѣ болѣла она, что я изомну ея ленты. Сестра ея съ радостью бросилась мнѣ на шею, но тотчасъ опять вскочила на свой табуретъ, и занялась опять прическою матери, но безпрестанно развлекалась, оборачивалась ко мнѣ, и ея вѣтренность скоро навлекла на нее бѣду.

— Ну, моя Креольская красотка—сказала весело г-жа Лоранти—ты опять съ нами! Тебѣ будетъ здѣсь весело; мы станемъ шалить вмѣстѣ.

«Вѣрю!» прибавилъ съ улыбкою мой опекунь.

— Я ужь говорила вамъ, М. Г. — возразила г-жа Лоранти, смѣясь — что не терплю ни эниграммъ, ни комплементовъ.— Ну, вотъ, милая—продолжала она, вдругъ обернувшись ко мнѣ — для твоего пріѣзда, мы дадимъ балъ.

«Очень мило и безкорыстно съ твоей стороны,» сказалъ мой опекунь, насмѣшливо, «но мнѣ кажется, Адель привыкла къ уединенію, и балъ едва ли доставитъ ей много удовольствія.

Г-жа Лоранти хотѣла отвѣчать, какъ вдругъ гнѣвъ изобразился на ея лицѣ; вся прелесть выраженія его пропала. «Лоретта!» вскричала она, «подойди сюда!»

Бѣдняжка робко сошла съ своего табурета и стала передъ матерью, которая къ словамъ прибавила повелительное движеніе руки. «Ты шалишь, ты уколота меня шпилькою!» вскричала г-жа Лоранти, и—на щеку Лоретты отдалась жестокая пощечина.

Съ крикомъ кинулась она къ отцу, и тотъ не зная что дѣлать, ласкать ли ее или выговаривать жевѣ. Онъ вывелъ Лоретту изъ комнаты, но шалунья начала кричать болѣе, не хотѣла идти, и такое непослушаніе не только не разсердило боль-

ше матери, но заставило ее расхохотаться. «Точная я, настоящій бѣсенюкъ!» вскричала она. «Это ничего—характеры перемѣняются съ годами!» — Клементина, уже давно засѣвшая снова за свое шитье, улыбнулась, а мой опекунь вдохнулъ и хотѣлъ что-то сказать, но жена предупредила его словами: «Ну, мой другъ! для бала дай мнѣ денегъ—надобно сто луйдоровъ—слышишь?»

— Лиза, мой другъ!—сказалъ мой опекунь—позволь привести тебѣ слова одного философа...

«Ну!» отвѣчала нетерпѣливо г-жа Лоранти.

— Онъ говорилъ: «Когда общество получить полное образованіе, и люди сдѣлаются совершенно умными и мудрыми, то, вѣрно, они не стануть жиниться: такъ трудно...

«Найди мудрецу жену?—Твой философъ дуракъ, и не стыдно ли повторять его глупости? Полно, полно—она ласково поглядѣла на мужа—перестань скупиться! На что и деньги, если онѣ не приносятъ удовольствія намъ самимъ и другимъ? Да, одно то, что когда мы даемъ балъ, такъ весь городъ въ восхищеніи—тебя хвалятъ, мнѣ завидуютъ, однимъ удовольствіемъ, другимъ барышъ... Ну, что 100 луйдоровъ для пріѣзда твоей воспитанницы и для твоей Лизы... Вотъ я тебя еще поцѣлую!

Она встала, и съ самымъ пѣжимымъ взоромъ поцѣловала своего мужа.

«Ахъ!» сказалъ онъ, «твой поцѣлуй все изъ меня сдѣлаетъ! Какъ Аенняне говорили о Периклѣ, я могу сказать о тебѣ: «Богиня убѣжденія на устахъ твоихъ!» Но...

— Что за *но!* Всякое условіе уменьшаетъ цѣну услуги... Пши скорѣе прикажь — выдать мнѣ 100 луйдоровъ... Прекрасно! Подпиши же поскорѣе!.. Ахъ! какъ ты мила—и стихи еще?...

Въ самомъ дѣлѣ, мой опекунъ написалъ еще что-то на оборотѣ бумажки, и пока онъ обтиралъ потъ, выступившій на лицѣ его, видно отъ поэтическаго вдохновенія, г-жа Лоранти схватила бумажку и прочла въ слухъ:

Восторги стараго поэта
Горять, одушевляютъ вновь;
Его похвалить ли Лизета
Въ награду за его любовь?

«Не только похвалить — расцѣловать!» вскричала г-жа Лоранти. «Всякій разъ, когда за твоимъ куплетомъ слѣдуютъ золото и балъ — твой куплетъ лучше Анакреона!»

Она подала ему поцѣловать руку и выслала опекуна моего и меня, такъ, что я не успѣла сказать десяти словъ во все время нашего страннаго свиданія.

На другой день, когда я проснулась, послѣ спокойной ночи, у постели моея стояла Марія Роза.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? — спросила я у нея съ удивленіемъ.

«Смотрѣла, какъ вы спали,» отвѣчала печально моя бѣдная нянька, «вспомнила, какъ спокойно спали вы прежде, и первое имя послѣ пробужденія вашего и во снѣ — было мое имя... А теперь не мое имя произносили вы...»

— Развѣ ты подслушала?

Марія Роза не отвѣчала ни слова.

«Ахъ!» сказала я, забывши, что ничего не рѣшалась говорить съ нею объ Дартеваль — «я не видала его со вчерашняго дня! Грусть о томъ, и радость, что я его сегодня увижу, приводить меня въ такое волненіе... Дай мнѣ поскорѣ одѣться... я прогуляюсь немного...»

— Вы любите его?

«Больше моея жизни!»

— И онъ любить — вы думаете?

«Могу ли сомнѣваться!»

Марія Роза замолчала и вздохнула.

«Ты безпрестанно вздыхаешь и молчишь!» вскричала я съ сердцемъ. «Твои поступки мнѣ не нравятся. — Ну, о чемъ ты вздохнула?»

— Боюсь, не обманываетесь ли вы, и — только!

«Только? Будто этого мало!... Одѣнь меня.»

Марія Роза не отвѣчала. Я сѣла подлѣ окна, которое было въ садѣ, обширный и правильный. Въ аллеѣ прохаживалась Клементина, одѣтая въ утреннее дезабилье, такъ тщательно, какъ будто на балъ. Она шла мѣрными шагами, важно, тихо, и длинными ножицами срѣзывала вѣтки и листья, нарушавшіе своевольно симметрію аллеиныхъ деревь. Лоретта шла за нею и забавно дразнила мѣрную прогулку сестры. Едва та оборачивала голову, шалунья углубляла вниманіе въ книжечку, которую держала въ рукахъ — вѣроятно, то былъ ея урокъ. Посмѣявшись надъ проказами Лоретты, я спросила у Маріи Розы, какъ находить она Клементину?

— Непріятною! — живо отвѣчала мнѣ моя нянька.

«Ты несправедлива! Клементина очень хороша. У нея прекрасное лицо и большіе глаза.»

— Большіе, зеленые глаза не велика красота. Мнѣ кажется, они никогда не смѣялись и не плакали.

«Посмотри, какъ она бѣла!»

— Какъ мраморъ. Видно, что подъ ея кожей нѣтъ человѣческой крови.

«Талія у нея прекрасная. Она высока, стройна...»

— Ахъ! полно-те — что за стройна: вытянута, какъ длинная палка! Можно ли подумать, что она родилась на Иль-де-Франсъ? Она — статуя безжизненная!

«Я вижу одно, что тебѣ почему-то не нравится Клементина.

— Да, вы угадали — вскричала моя нянька — не знаю что отвращаетъ меня отъ нея, но я ее терпѣть не могу!

«Напрасно. Она и хороша и добра, такая кроткая — я увѣрена, что полюблю ее.

— Кроткая? — Марія Роза покачала головою.

«Ты думаешь, что она зла?

— Не зла, но — не снисходительна, безчувственна — у нея нѣтъ сердца человѣческаго!

«Марія Роза! ты забываешь, что Клементина дочь моего стараго отца!

— Сударыня! вы спрашиваете, что я думаю о дѣвицѣ Клементинѣ — неужели мнѣ лгать вамъ? Всякому другому я не скажу ничего...

«Нѣтъ! ты должна будешь хвалить ее, когда узнаешь лучше...

— Я и теперь ужъ знаю въ ней одно прекрасное свойство...

«Какое?» спросила я съ любопытствомъ.

— Богатство, сударыня, богатство!» Какъ будто зависть видна была въ словахъ Маріи Розы. — У дѣвицы Клементины милльонъ приданого. Какъ ей не показаться красавицей и доброй? О, посмотрите, что она будетъ счастлива!

«Счастлива? Развѣ деньги заставятъ когонибудь любить ее?

— Нѣтъ, но на ней женится тотъ, кого она полюбитъ. У нея безпрестанно являються женихи.

«Право? Ты ужъ успѣла узнать всѣ домашнія тайны... Но Клементина выбрала ли когонибудь?

— А зачѣмъ ей торопиться, пока не същется женихъ, похожій на Грандиссона? Она такъ думаетъ.

«И недурно думаетъ!» сказала я, захохотавши. «Не влюбитесь ли ей въ г-на Дартевала? Жаль, что онъ-то въ нее не влюбится!

— А почему такъ говорить! — Марія Роза значительно взглянула на меня.

«Потому» отвѣчала я добродушно, «что онъ любить другую.

— Ахъ, сударыня! Хоть вы и полагаете, что я желаю вамъ богатаго жениха, но какъ бы обрадовалась я, если бы г-нъ Дартевалъ былъ нашимъ женихомъ!

Я бросилась къ ней на шею. «Нина! Теперь въ первый разъ говоришь ты такъ, что я вижу... ты любишь меня и отдаешь ему справедливость...

— А еслибы вы, сударыня, поговорили съ нашимъ опекуномъ — сказали ему все...

«Ахъ! какъ это можно!...

— Почемужъ нѣтъ? Начните рассказывать откровенно ваше путешествіе, и онъ самъ догадается.

«И будто можно...

— Должно, сударыня, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Кто ручается за завтрашній день?

Неволью содрогнулась я при словахъ ея. Сердце мое просило довѣренности, и мысль открыть все доброму моему опекуну не страшилась меня; мнѣ вдругъ пришла въ голову Клементина — сама не

знаю отъ чего! Тогда Дартеваль не можетъ быть ея женихомъ, еслибъ мой опекунъ и не одобрилъ любви моей...

— Посмотри, какъ я тебя слушаюсь — сей часъ иду и все расскажу г-ну Лоранти?

«Какъ я рада буду!» вскричала Марія Роза, хлопая руками — привычка Мулатронъ, которой не могли истребить въ илькѣ моей ни лѣта, ни перемѣна образа жизни.

Я въ самомъ дѣлѣ побѣжала въ кабинетъ г-на Лоранти, слѣдуя первому движенію. Но мнѣ надобно было для того пройти черезъ большія сѣни. Тамъ попалась мнѣ Клементина. Она взяла меня подъ руку, и начала ходить со мною взадъ и впередъ, какъ будто стараясь удержать меня. Я хотѣла вырваться отъ нея поскорѣе.

«Не въ кабинетъ ли папеньки идете вы?» холодно спросила меня моя подруга, и не дожидаясь моего отвѣта, прибавила: «Не ходите; у него теперь маменька—они бранятся».

— Боже мой!—воскликнула я, невольно. Клементина не отвѣчала ни слова. «Папенька вашъ несчастливъ!» сказала я, думая вызвать ея участіе.

Клементина взглянула на свои золотыя часы, и холодно отвѣчала мнѣ: «До завтрака мнѣ надобно еще прослушать урокъ Лоретты—мы увидимся!»

Воображая себя весь ужасъ сцены несогласія супруговъ, я осталась одна, и не знала: идти ли мнѣ, или остаться? Но какая-то невольная сила влекла меня, какъ будто я боялась потерять драгоценныя минуты. Тихонько вошла я по лѣстницѣ, и не слыша никакого шума, осмѣлилась постучать въ дверь кабинета. Слово: «Войдите!» разъяло весь страхъ

мой; сердце мое забилося радостью и надеждою. Мой опекунъ сидѣлъ подлѣ стола, и что-то писалъ въ маленькой розовой тетрадкѣ. Онъ былъ одѣтъ, по обыкновенію, щегольски, и мнѣ показалось, будто приходъ мой былъ не во время—онъ не успѣлъ кончить стиховъ своихъ, или не могъ еще успокоиться отъ досады. Послѣ слышала я, что его разсердили счеты, которые далеко превзошли 100 луйдоровъ; что онъ отказалъ въ балѣ; жена также разсердилась, и опекунъ мой едва могъ выпросить прощенье, обѣщавъ дать большой праздникъ въ замкѣ, куда хотѣли мы все отправиться вскорѣ. Онъ улыбнулся поцѣловавши меня, посадилъ подлѣ себя, и сказалъ съ мрачнымъ видомъ: «Не разсердишься ли ты, что бала не будетъ? Но за то мы будемъ пировать въ замкѣ, а теперь, право, было нельзя».

Я отвѣчала на его сомнѣніе такъ искренно, что, казалось, слова мои растрогали его. «Ты очень мила и добра, Адель!» сказалъ онъ. «Уже нѣсколько разъ со вчерашняго утра повторялъ я слова Греческаго поэта: «Блаженъ, кто поведетъ се къ алтарю!» «Но чѣмъ ты мнѣ, тѣмъ болѣе тревожитъ меня твоя участь, мой другъ!» продолжалъ мой опекунъ съ какою-то грустью. «Позволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ, и если онъ теперь не совѣтъ кетати, тѣмъ не менѣе, сохрани его въ душѣ твоей: Будь осторожна въ твоей склонности: не вѣрь сердцу своему, не отдавай его первому, кто увлечетъ твое вниманіе! И если Богъ приведетъ тебя выбирать жениха—не слушайся сердца и совѣтуйся только съ умомъ! Браки по любви — величайшая глупость, какую только можетъ сдѣлать человѣкъ...»

Горестная улыбка оживила лицо его. Слова его казались бѣднымъ утѣшеніемъ насмѣшки надъ его

несчастьемъ. «Какъ?» спросила я, «бракъ безъ любви — но кого же и слушаться, если не сердца, и можно ли думать о выборѣ, если сердце не указало намъ на милаго человѣка!

«Неопытность молодой дѣвочки, и — больше ничего!» Онъ всталъ, взявъ изъ библіотеки книжку въ золотомъ обрѣзѣ и богатомъ переплетѣ. «Послушай, Адель, что говоритъ одинъ авторъ, вздорный по наружности, мудрецъ по мыслямъ. Это сказка: *Сердечныя шалости и обманы любви*, но едвали философъ какой могъ сказать столь умно: «Когда мы увѣримся, что насъ любятъ, мы уже не стараемся нравиться. Счастье дѣлается привычкою. Слабая за мѣна взаимности является вмѣсто любви, уваженіе сдѣлуетъ за чувство, приходитъ скука, и мы рады, если насъ оставляютъ, по крайней мѣрѣ, въ покоѣ.

Видя, что я не доверлю цитатѣ его, г-нъ Лоранти увлекся въ длинныя доказательства, что сказка его точно говоритъ правду. Бракъ по любви явился въ рѣчи его несчастіемъ, бѣдствіемъ. Доказательства не убѣждали меня, но пораженнаго противоположностью рѣчей его съ тѣмъ, о чемъ именно хотѣла я съ нимъ говорить, ни слова не могла я сказать ему болѣе и потушила глаза. Думая, что я начинаю уже соглашаться, г-нъ Лоранти усилилъ рѣчь свою, и такъ хорошо успѣлъ въ доказательствахъ, что я ушла отъ него испуганная, и обѣщала самой себѣ — никогда не открывать тайны сердца моего такому страшному противнику сердечныхъ чувствъ и защитнику браковъ по холодному расчету ума! «Какъ? Ему скажу я, что въ три дня любовь рѣшила навсегда мой жребій?» — Напрасно говорила мнѣ Марія Роза, что г-нъ Лоранти совсѣмъ не та-

ковъ, и слова, внушенныя ему въ часы досады, не надобно принимать за голосъ сердечнаго убѣжденія; что всѣ мнѣнія измѣняются временемъ и обстоятельствами — ничто не помогло: минута сердечной довѣренности пролетѣла, и я упрямо рѣшилась скрыть все отъ моего опекуна, пока самъ Дартеваль не рѣшится прервать молчанія.

И мнѣ казалось, что такая минута счастья скоро должна наступить. Мой товарищъ путешествія успѣлъ всѣмъ поправиться и сдѣлался общимъ другомъ всего семейства Лоранти. Онъ часто обѣдалъ съ нами запросто, оставался ужинать, когда бывали гости, и его отпускали неохотно. Онъ умѣлъ обо всемъ такъ хорошо говорить. Литтература, искусства, политика, придворныя новости — ничто не было ему чуждо; простое, благородное обхожденіе, вкусъ въ сужденіяхъ, уваженіе къ литераторамъ, все нравилось въ немъ моему опекуну, и онъ называлъ его передо мною и своею дочерью самымъ милымъ, образованнымъ молодымъ человѣкомъ, привязывался къ нему ежедневно болѣе и болѣе, не могъ нахвалиться основательностью его сужденій, пріятностью его разговора. Ни Клементина, ни г-жа Лоранти не спорили. Одна говорила, что племянникъ г-жи Лабордери стариннаго рода и хорошъ собою; другая, у которой все занятія распредѣлились по часамъ, и часовой маятникъ былъ совершенствомъ всего прекраснаго, прибавляла, что г-нъ Дартеваль самый *пунктуальный* и *солидный* человѣкъ, какого только она знала; что онъ самый вѣжливый притомъ, кланяется, ходитъ, говоритъ такъ, что ему позавидовалъ бы и самый Лордъ Честерфильдъ. Я не смѣла ничего говорить, да и кто понималъ бы, что мнѣ нравилось въ Дартеваль? Но похвалы ему,

какія бы онѣ ни были, заставляли меня радоваться и гордиться.

Если поведение Дартевала, во время поѣздки нашей, заставляло меня вѣрить въ любовь его, поступки его въ домѣ моего опекуна усиливали мою надежду. Правда, со времени прибытія въ Лоріанъ, Дартевалъ соблюдалъ странную осторожность въ отношеніяхъ со мною, не позволялъ себѣ ни слова, ни взгляда, но съ вѣрованіемъ неопытнаго сердца ждала я, что онъ скоро откроетъ тайну свою — тайну любви нашей. Дружба и ласковость всего семейства Лоранти отнимали у меня самое малѣйшее сомнѣніе о томъ, что его предложеніе не будетъ принято. Прекрасныя качества его, думала я, превозмогутъ все, что могъ бы сказать мой опекунъ о недостаткѣ богатства моего жениха. Если я и не знаю, какъ велико имѣніе, оставленное отцомъ моимъ, его навѣрное достанетъ быть счастливыми. Но положимъ, что оно невелико. И вотъ — я начинала строить планы, какъ устроить небольшое хозяйство, считала, рассчитывала, пересчитывала, что надобно издержать, если жить въ маленькомъ домикѣ... Домикъ мой украшала я всею, что могло сдѣлать его самымъ милымъ, прелестнымъ убѣжищемъ любви... Я воображала себя скромною хозяйкою, принимала немногихъ, добрыхъ друзей, запирала дверь отъ толпы докучныхъ посѣтителей. Въ моемъ мечтательномъ домикѣ царствовали порядокъ, веселье, вкусъ; довольство безъ роскоши, удовольствіе безъ шума, умъ безъ злорѣчія, и мнѣ казалось, что я слышу, какъ тотъ, кто одушевлялъ собою все мечты мои, говорилъ мнѣ: «Адель! какъ я счастливъ!»

Пока уносила я въ радужное царство моего благополучія, Марія Роза, отъ которой не скрывала

я своихъ мечтаній, тревожилась: чѣмъ кончится любовь моя и мечты мои! Мнѣ даже и въ голову не приходило, что въ домѣ опекуна моего была еще невѣста, кромѣ меня; мнѣ казалось, что для Дартевала въ цѣломъ мірѣ существовала я одна — я и болѣе никто! Какъ? все его посѣщенія, старанія, любезность могли имѣть цѣлью то, чтобы поправиться семейству Клементины для нея? Она его невѣста? — Но нянька моя извѣщала мнѣ иногда свои подозрѣнія. Хотя сѣ и самой казалось невозможнымъ Дартевалю, простому лейтенанту, человѣку безъ состоянія, искать руки богатой дѣвицы Лоранти, хотя она начала наконецъ вѣрить мнѣ, что сердца наши связаны неразрывнымъ союзомъ, но все еще колебалась между надеждою и отчаяніемъ.

Трепеща за меня, она хотѣла знать все малѣйшія подробности того, что дѣлается въ гостиной, куда нельзя ей было проникнуть. Отсюду собирала она все свѣдѣнія, и особенно началась у нея большая дружба и были непрерывные переговоры съ Лореттой, умною, любопытною и страшною болтушкою. То веселая, то скучная, смотря потому, что слышала отъ своей молодой кумушки, Марія Роза со времени пріѣзда нашего въ Лоріанъ совсѣмъ измѣнилась въ своемъ нравѣ, надоедала мнѣ неровностью своего характера, хоть и не смѣла открыто сказать всехъ своихъ опасеній. Ея замѣчанія особенно падали на чрезвычайную скромность и упорное молчаніе Дартевала. «Если онъ вѣдь любитъ, чтожь онъ ничего не говоритъ, ни вамъ, ни нашему опекуну? Ну, пусть еще съ опекуномъ, но какъ же съ вами-то не говоритъ? Какъ не увѣриться въ чувствахъ вашихъ?» — Онъ знаетъ ихъ! — говорила я. — Нянька моя только качала головою.

Но ея рѣчи, безпрестанно повторяемыя, произвели однакожь сильное на меня впечатлѣніе, и сердечный, откровенный разговоръ съ Дартевалемъ, котораго прежде я боялась, считая его неприличнымъ, сдѣлался моею любимую мечтою и не давалъ мнѣ покоя. Ожиданіе минуты, когда я услышу отъ Дартевала слово: «Люблю», заставляло меня трепетать отъ нетерпѣнія слышать его. Всегда на сто роужъ, въ ожиданіи, въ страхъ, я бѣжала къ нему на встрѣчу, думая встрѣтиться съ нимъ одна и первал. Но робость одолевала меня и я пряталась поспѣшно, когда онъ отворялъ двери. Сколько разъ садилась я въ комнату Лоретты: двери изъ нея выходили въ корридоръ, по которому былъ переходъ изъ гостиной въ кабинетъ г-на Лоранти. Дартеваль такъ часто проходилъ тутъ... Казалось, что я совершенно занята была ребенкомъ — играла, бѣгала, училась съ Лореттой, а между тѣмъ вниманіе мое было далеко — шумъ шаговъ увлекалъ слухъ мой; я находила причины отворять дверь въ корридоръ: мнѣ не хотѣлось пропустить, когда онъ пойдетъ — я боялась, что онъ не замѣтитъ моего присутствія. Съ сердцемъ трепещущимъ, когда подходилъ онъ, я готова была броситься къ нему на встрѣчу, и—вдругъ, разрушая все, что такъ искусно было приготовлено, едва только слышала я, что онъ подходитъ, бѣжала, скрывалась отъ него, и только тогда выходила, когда его уже не было. Такъ протекали день за днемъ. Не умѣя помирить моей робости и моей любви, я чувствовала, что многого теперь недоставало къ моему счастью, и переходы отъ надежды къ горести, отъ ожиданія къ безнадѣжности, заставляли меня грустить о прежнемъ времени, когда я такъ безопасно любила, такъ безразсечно вѣрила...

Мы отправились въ замокъ Лампестрасъ. Благо-

даря украшеніямъ и поправкамъ, какія сдѣлалъ въ немъ мой опекунъ, полуразвалившееся жилище потомковъ Дюгеслена сдѣлалось обиталищемъ самымъ роскошнымъ и прелестнымъ, соединяя съ затѣями новѣйшей роскоши всю живопись феодальныхъ временъ. Г-жа Лоранти была рада житью въ родовомъ своемъ замкѣ, потому, что нигдѣ не показывала такой роскоши и не тратила столько денегъ, какъ тамъ. Все, что только было въ провинціи отличнаго и любезнаго, приглашаемо было проживать свободно цѣлые мѣсяцы въ ея замкѣ, со всеми удобствами и прихотями. Кромѣ того, двери замка были открыты для всего окружнаго дворянства и городекихъ богачей, прѣзжавшихъ туда обѣдать, ужинать и убивать время. Такое гостепріимство дѣлало изъ замка родъ постоянного двора, и часто хозяева сами не знали, кто гоститъ у нихъ, сидитъ за ихъ столомъ и даже ночуетъ въ ихъ замкѣ. И деньги, и здоровье, и спокойствіе моего опекуна гибли въ такой жизни, но онъ жаловался на нее тогда только, когда какія нибудь дорогія прихоти жены заставляли его разсердиться и отказать ей въ томъ, на что черезъ часъ онъ долженъ былъ согласиться. Всегда вѣжливый къ дамамъ, хоть безпрестанно отпуская эпиграммы на женщинъ, онъ сочинялъ мадригалы женѣ и всемъ гостямъ. Ихъ читали, особенно за столомъ, между шампанскимъ и пирожнымъ; тогда все бывало отъ нихъ въ восторгѣ, и утѣхи поэтическаго самолюбія заставляли опекуна моего забывать все непріятности его домашняго быта...

Дартеваль былъ въ числѣ гостей, которыхъ пригласили прожить въ замкѣ нѣсколько времени. Мысль, что буду жить подъ одною съ нимъ кровлею, надежда въ свободѣ сельскаго житія найти случай

говорить съ нимъ, разсѣлаи грусть, начинавшую терзать меня. Я уже осуждала себя за то, что разрушаю свое счастье безпокойствомъ безъ причины. Всѣ мечты моей фантази, увидавшіе отъ грустнаго взгляда на неизвѣстность будущаго, снова развернулись, какъ цвѣты на роскошномъ лугу послѣ бури, и моя прежняя довѣренность къ жизни, съ моиими думами, моиими страстными восторгамн, опять овладѣла душою. Лампестрасть представлялся мнѣ той блаженной стороной, гдѣ столько воздушныхъ, чудныхъ замковъ было мною настроено...

V.

Августа 15-е, день рожденія жены моего опекуна, всегда было днемъ большаго праздника въ замкѣ. Балъ, какой давали тогда, и роскошь угощенія славилась во всей провинціи не менѣ старинныхъ годовыхъ продажъ товаровъ Индійской Компаніи, начинавшихъ уладать съ каждымъ годомъ. Крестьяне помѣщика принимали большое участіе въ радости жителей замка, потому, что кромѣ сельской пляски и угощенія, имъ прощали тогда недоимки, дарили ихъ и награждали за поздравленія. Въ то время, когда въ залахъ замка тѣснилась толпа гостей и богато одѣтыхъ дамъ, при звукахъ огромной музыки, блескъ одежды спорилъ съ блескомъ богатаго освѣщенія и роскошное угощеніе разносили повсюду, въ ожиданіи ужина на серебрѣ и Китайскомъ фарфорѣ, подъ деревьями парка шумѣло собраніе, не менѣ веселое, при звукахъ скрипокъ и волынки. Тамъ, освѣщаемыя фонарями и плашками, тѣснились крестьяне и простолудины, раздавались пѣсни на Британской віолѣ и *бигну*, молодежь безъ памяти прыгала свои контрадансы, а пирожки,

крепы, сидръ, вино, водка подкрѣпляли радость нелетящихъ гостей и шумъ не умолкалъ до самаго почти утра.

Никогда, никакой сеньоръ съ большимъ родовымъ гербомъ не умѣлъ лучше моего опекуна быть болѣе благотѣльнымъ безъ хвастовства и роскошнымъ безъ излишества. Но если нѣжное великодушіе его и умѣнье жить въ обществѣ доставляли ему всеобщее уваженіе, тѣмъ труднѣе ему было ужиться съ самыми близкими людьми, которымъ всего болѣе оказывалъ онъ ласки и угодливости. Что ни придумывалъ онъ къ 15-му Августа въ честь своей жены, требованія и прихоти ея всегда превосходили всякую мѣру терпѣнія и щедрости моего опекуна. Принужденный отказывать, вмѣсто благодарности слышалъ онъ упреки, колкости — ссоры были безпрестанныя. Такимъ образомъ, каждый годъ недѣля передъ тѣмъ «блаженнымъ днемъ, когда Лиза явилась въ міръ и оживила его улыбкою», какъ писалъ въ куплетахъ своихъ мой опекунъ, былъ для него недѣлею страданій, досадъ и безпокойствъ.

Но на сей годъ, все, казалось, шло по желанью и прихоти г-жи Лоранти, и мой опекунъ, пріятно изумленный, готовился уже славить въ своихъ стихахъ, которые обыкновенно пѣвали за обѣдомъ, кротость и милыя свойства сердца своей супруги, кромѣ ея красоты и ума, какъ вдругъ въ одно утро загремѣла въ семействѣ буря, давно неслышанная. Г-жѣ Лоранти вздумалось, что драпировка въ залахъ нижняго этажа, еще новая и прекрасная, не годится, и къ 15-му Августа надобно блеснуть передъ гостями самою новою и болѣе щегольскойю, а съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣнить и большую часть мебели. До праздника оставалось три недѣли. Клементина боялась

всего, что разстроивало заведенный порядокъ и ея занятія, почти механически правильныи каждый день; потому старалась она доказать невозможность новаго устройства и неучитивость принимать между тѣмъ гостей въ другихъ комнатахъ. Г-жа Лоранти разсердилась. «Совѣтую вамъ, любезная падчерица, распорядиться въ своемъ домѣ, когда вы выйдете за мужъ — вскричала она — а здѣсь я хозяйка и имѣю право дѣлать, что мнѣ угодно!» Еще менѣе успѣшны были представленія моего опекуна; жена его не слушала, и привыкнувъ идти на перекоръ, рѣшилась позволить ему говорить, что хочетъ, а тихонько исполнить свою волю, послѣ чего опекунъ мой обыкновенно соглашался и былъ еще чрезвычайно доволенъ.

И вотъ однимъ утромъ, возвратясь съ прогулки, опекунъ мой увидѣлъ, что Клементина — почти бѣжала къ нему на встрѣчу. Что нибудь необыкновенное! «Папенька! подите, подите поскорѣ!» говорила она и почти тащила его къ залѣ. Пока г-нъ Лоранти старался угадать, что такое могло придать старшей его дочери столь неслыханную живость, они подошли къ залѣ, и — вообразите изумленіе бѣднаго моего опекуна! Двадцать человекъ мебельщиковъ, обойщиковъ, золотильщиковъ, и Богъ знаетъ еще кто, прибыли изъ города, работаютъ и не смотрятъ на хозяина! Одни обдираютъ стѣны и окна — золотыя стрѣлы, сердца, кольца лежатъ въ пыли; прекрасныя штофы дерутся въ лоскуты; здѣсь тащатъ на чердакъ диванъ съ Фландрскимъ ковромъ — тутъ мѣрлютъ, кроютъ — пылъ столбомъ! Столики, консоли, мебели навалены въ передней — часы, фарфоръ, канделябры разставлены кое-какъ по полу, и даже любимыя кресла моего опекуна и

пальцы Клементины на боку, въ углу, и никто объ нихъ не заботится.....

Въ первомъ оцѣпененіи, какое причинило ему явное, наглое неповиновеніе и мотовство жены, мой опекунъ не могъ сказать ни слова, но только поблѣднѣлъ и задрожалъ. Видъ безпорядка, особенно пылецъ, брошенныхъ въ уголь полуизломанныхъ, довель Клементину до такой энергіи, что думая, не колеблется ли еще отецъ ея, она заговорила ему громко: «Папенька! осердитесь же, ради Бога! Послѣ этого на что не рѣшится моя мачиха? Она зажжетъ домъ, чтобы заставить васъ выстроить новый! Разсердитесь, пожалуста!» — Хорошо, хорошо, мой другъ! — отвѣчалъ г-нъ Лоранти. Онъ подошелъ къ звонку, и такъ зазвонилъ, что отвсюду сбѣжались слуги. Въ первый разъ въ жизни онъ вышелъ изъ себя. «Вонъ всѣхъ этихъ негодяевъ!» закричалъ онъ. «Въ четверть часа прибрать все по старому, или — съ двора долой!» Поступокъ былъ геройскій, дѣйствіе его на слугъ походило на дѣйствіе громоваго удара — они сперва остолебѣли, а потомъ бросились исполнять приказъ господина. Ремесленниковъ тотчасъ прогнали, не смотря на ропотъ ихъ. Г-жа Лоранти прибѣжала на шумъ, но не смѣла показаться мужу, и даже самъ онъ, оглушенный неслыханною своею смѣлостью, ушелъ въ свой кабинетъ и предался отдыху, а между тѣмъ ужасъ обнималъ его при мысли: что за то будетъ?

Черезъ два часа, я пошла за книжкой, которую забыла въ комнатѣ подлѣ кабинета. Сквозь перегородку я услышала голосъ г-жи Лоранти, и — мнѣ даже страшно стало, такъ что я не знала: уйдти ли мнѣ или остаться? Брань, слезы, упреки, жалобы, крикъ, насмѣшки — все лилось рѣвкой. Въ первый

разъ съ роду поняла я то, о чемъ не могла имѣть никакого понятія — бышенство разсерженной, свое- нравной женщины! Мой опекунь молчалъ. Г-жа Лоранти заключила словами, что велить воротить ремесленниковъ — хлопнула дверью и ушла! — Ско- рыми шагами началъ ходить послѣ того мой опе- кунъ, и вздыхалъ такъ тяжко, что мнѣ жаль его стало. Сострадавъ челоуѣку, котораго уважала я бо- лѣе всѣхъ на свѣтѣ, я рѣшилась даже идти къ не- му, броситься въ его объятія и утѣшать его, какъ вдругъ услышала, что растворилась другая дверь въ кабинетъ. «Ахъ! мой милый г-нъ Дартеваль» заго- ворилъ мой опекунь, «я не въ силахъ переносить болѣе: жизнь моя—мученье! Слышалиль вы, что на- дѣлали опять?» И въ сердечной скорби, онъ расска- залъ всю несчастную сцену и слѣдствія послѣ нея. «Скажите, г-нъ Дартеваль, чтобы сдѣлали вы на моемъ мѣстѣ? Дайте мнѣ совѣтъ!» съ жаромъ за- ключилъ мой опекунь.

Я подошла, какъ можно ближе къ двери, желая разслушать отвѣтъ Дартевала. Ужь одно то, что я услышу его голосъ, было для меня радостью. «Лю- безнѣйшій г-нъ Лоранти «говорилъ онъ, и слова его показывали большое замѣшательство, «я чрезвычай- но сожалею... Неудовольствія въ семействѣ, при всемъ уваженіи, при всей любви супруговъ... дока- зательства несовершенства челоуѣческаго.

— Но что мнѣ дѣлать-то? Время не терпите! Вы ничего не говорите?

«Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы... взаимной усту- ки, покупки согласія — даже маленькимъ пожертво- ваніемъ...

— Такъ уступать? Дѣло не самое легкое, но вы совѣтуете, и только для васъ — извольте: я такъ

и скажу ей самой! Но въ замѣну того — я васъ такъ люблю, что готовъ услужить и вамъ совѣтомъ, до- брый мой другъ! Послушайте: при всемъ очарованіи юности, которое жаль разрушать—избави меня Бо- же! но — не женитесь никогда!

«Какъ? — сказала Дартеваль — да, если я встрѣчу дѣвушку благоразумную...

— Такіе фениксы въ нашъ міръ еще не являлись! Не вѣрьте наружности! Ничего нѣтъ обманчивѣе женскаго лица — это двулицый Янусъ, у котораго двѣ разныя рожи: одна для свѣта, любовника и же- ниха — ангельское лицо, а другая для мужа... не скажу какаѣ...

Дартеваль молчалъ, а мой опекунь началъ важ- нымъ тономъ, какой обыкновенно употреблялъ онъ, когда давалъ наставленія, разныя философскія ци- таты: «И не смѣшно ли имѣть твореніямъ измѣнчи- вымъ, ничтожнымъ, игрушкѣ прихотей и слабостей, бесстыдно увѣрять, что онѣ могутъ вѣчно любить одного, забыть все для его счастья и измѣнять свой врожденный характеръ? Счастливое супруже- ство—явленіе примѣчательнѣе кометы. Если харак- теръ мужчины, твердый, основательный, гнется подъ тяжестью супружескихъ обязанностей, какъ можно женщинѣ...

— Ахъ! я зналъ женщинъ...

«Умныхъ и прелестныхъ вмѣстѣ? Да, и я зналъ ихъ, но тѣмъ не менѣе считаю супружество самымъ слупымъ, самымъ дерзкимъ дѣломъ. Погодите — я прочту вамъ нѣсколько строкъ изъ моей небольшой тетрадки, которую называлъ я: «Женщина до заму- жства и послѣ замужства». Думаю, что вы остаетесь довольны и слогомъ.. О, я забочусь объ немъ!

И мой опекунъ началъ читать: «Утренняя звѣзда, предшествуя зарѣ прекраснаго дня, не столь блестяща въ небесахъ, какъ невѣста среди семьи своей. Невинность на челѣ ея, упоеніе радости въ очахъ, обѣтъ на счастіе въ устахъ. Но та, которая казалась ангеломъ, скоро явится»...

Тутъ невольно отворила я дверь и прервала чтеніе. Я всл покраснѣла отъ сильнаго движенія—мнѣ страшно казалось, если фразы г-на Лоранти убѣдятъ Дартевалля и онъ согласится съ нимъ. «Нѣтъ, нѣтъ!» вскричала я, бросаюсь къ моему опекуну—«за что вы такъ браните бѣдныхъ женщинъ? Простите имъ, если онъ хуже васъ, но если онъ въ самомъ дѣлѣ такія злыя, для чего же самъ Богъ назвалъ ихъ подругами вашими, и создалъ притомъ такими ужасными?»

Мнѣ показалось, что мое появленіе возбудило улыбку обоихъ моихъ судей; я смѣшалась и потупила глаза. И въ то же время раздался громкій смѣхъ, дверь растворилась и къ намъ вошла г-жа Лоранти. Она уже успѣла одуматься и приближала мириться и уговаривать мужа ласкою. «Ахъ, дитя!» говорила она мнѣ, «для чего помѣшала ты докопчить опекуну своему одну изъ тѣхъ мыльхъ фразъ, которыми такъ часто осуждаютъ женщинъ? Онъ такія умныя, что, право—ты стоишь поцѣлуя за свою тетрадку, мой другъ!» продолжала она, обращаясь къ мужу и цѣлуя его.

— Лиза, мой другъ! я написалъ такъ...

«Дай мнѣ свою тетрадку—я съ удовольствіемъ прочту ее... Ну, а теперь ты меня прощаешь, душенька?»

— Мой другъ! какъ кротость пристала къ женщинамъ, такъ....

«И тебѣ вовсе не годится быть злымъ и тираномъ! Ну, ты согласенъ на миръ? И ихъ велѣтъ воротить?»

— Но эти молодые люди подумаютъ, что любовь моя къ тебѣ...

«Слабость? Ты мой Ахиллесъ, у котораго никакой другой слабости до сихъ поръ я отыскать не успѣла...»

Буря кончилась. Все сдѣлалось по волѣ г-жи Лоранти, и мужъ радъ еще былъ угождать ей, потому, что она удвоила къ нему ласки и приводила его въ восторгъ. Печальная мысль запала мнѣ въ душу: «Что теперь думаетъ Дартевалль? Если онъ увѣрился, что и я могу быть со временемъ такою же мучительницей своего мужа?»

Я такъ была встревожена моею мыслью, что заговорила даже съ Клементиной, работая подлѣ нея. «Знаете ли, Клементина: вѣдь папенька вашъ говорилъ очень много дураго о женщинахъ г-ну Дартеваллю, и не совѣтовалъ ему жениться?» — Право? — холодно спросила Клементина — такъ что же? — «А если слова папеньки произвели сильное впечатлѣніе?» — Мнѣ кажется — отвѣчала Клементина — что ... — и она спокойно выбирала между тѣмъ огънокъ шерсти — что г-нъ Дартевалль долженъ имѣть свое собственное мнѣніе въ его годы. — «Такъ, вы увѣрены въ его характеръ?» — Да, онъ человѣкъ очень *солідный* и я уважаю его за то.

Дартевалль вдругъ вошелъ и сѣлъ подлѣ насъ. «А мы объ васъ говорили!» сказала я ему. — Ахъ! расскажите, что же такое? — спросилъ онъ. — «Клементина увѣрена, что вы не согласны съ мнѣніемъ ея па-

пеньки о женщинах и не разделяете его мыслей о супружестве.» — Ваша подруга, сударыня, не ошиблась... — отвечала Дартеваль.

В ту минуту раздался звонок къ обѣду. «Боже мой! Мнѣ остается только четверть часа одѣться!» сказала Клементина. Она тихонько закрыла свою работу, и послѣ глубокаго почтенія Дартевалю, вышла медленно изъ комнаты.

Мы остались одни. Послѣ нѣкотораго молчанія, Дартеваль возобновилъ разговоръ. «А вы, сударыня, разделяете ли благосклонное мнѣніе подруги вашей обо мнѣ?» сказалъ онъ. — Мнѣ нѣтъ причины думать иначе — отвечала я. — «И только? — Стало я не успѣлъ сдѣлаться вамъ болѣе Клементины извѣстнымъ, и внушить вамъ особенной довѣренности къ моимъ правиламъ и мнѣніямъ?» — Что мнѣ было отвечать? — «Если бы вы знали, сударыня,» прибавилъ Дартеваль, «какъ дорого цѣню я ваше расположеніе!» — Моя благодарность и дружба давно уже вамъ принадлежатъ — сказала я. — «Ваша дружба! Я умѣю оцѣнять ее, и если бы я осмѣлился только требовать ея доказательства — но, можетъ быть, это будетъ слишкомъ смѣло съ моей стороны...» — Нѣтъ, говорите, говорите! — отвечала я поспѣшно. — «Вы очень добры», сказалъ Дартеваль, глядя на меня съ улыбкою, «но дѣло требуетъ подробнаго разговора на досугъ, и тогда я осмѣлюсь надѣяться, что вы не откажетесь отъ словъ вашихъ!»

Чего же мнѣ было больше? О чемъ можетъ онъ говорить со мною, о какой тайнѣ, если не о томъ, въ чемъ сомнѣвалась еще Марія Роза? И когда на другой день, меня позвали въ кабинетъ къ моему опекуну, я такъ была увлечена очарованіемъ моей

единственной мысли, что призывъ этотъ казался мнѣ рѣшеніемъ судьбы моей. «За то, что ты такая милая,» сказалъ мнѣ опекунъ, поцѣловавши меня, «вотъ что я приготовилъ тебѣ для праздника!» Онъ показалъ штуку кисеи, богато вышитой серебромъ. Я не могла скрыть моей радости. «И вотъ еще,» продолжалъ мой опекунъ, «видишь, какой жемчугъ — возьми его и береги, мой другъ! Онъ очень дорогой и я хочу, чтобы ты надѣла его въ день твоей свадьбы!» Мнѣ показалось, что слова сопровождались значительною улыбкою. Я такъ смѣшалась, что забыла благодарить. «О, женщины! вы все одинаковы на одномъ — нарядахъ!» сказалъ смѣясь мой опекунъ. Правда, подарки его меня радовали, но еслибы онъ зналъ, какъ далека была тогда отъ меня мысль о нарядѣ. «Теперь услуга за услугу — вотъ я сочинилъ десять куплетовъ для жены: ты пропоешь ихъ въ день праздника, за обѣдомъ — безъ возраженій, мой другъ! Поди въ залу — тамъ ждетъ тебя г-нъ Дартеваль; онъ написалъ музыку, и премилую. Чтожъ ты изумляешься? Поди, онъ ждетъ тебя!»

Не было больше сомнѣній: Дартеваль навѣрное открылся моему опекуну и онъ согласился. Я отворила дверь и остановилась. Г-нъ Лоранги засмѣялся. «Что за робость такая?» сказалъ онъ, самъ вывелъ меня изъ кабинета и обратился къ Дартевалю. «Вотъ вамъ она — смотрите же, чтобы между вами было согласіе — развѣжите ей языкъ — она со всемъ оцѣмѣла, кажется...

Я спѣшила съѣсть за клавесины, скрывая свое смущеніе. Листокъ съ нотами былъ передо мною, но я ничего не могла разглядѣть, разбирала, и только несогласные звуки вырывались изъ-подъ пальцевъ

моихъ. Вѣроятно, моя нелѣпая игра мѣшала поэтическимъ восторгамъ г-на Лоранти. Онъ затворилъ дверь въ кабинетъ. Неожиданное движеніе опекуна моего вдругъ возвратило мнѣ смѣлость; я оборотилась къ Дартевалю, и — Боже мой! онъ смотрѣлъ такъ спокойно, такъ весело — ни малѣйшаго смущенія...

— Я не могу пѣть — сказала я, съ нѣкоторою досадою — музыка очень трудная!

«Не думаю,» отвѣчалъ онъ. «Позвольте мнѣ пропѣть се вамъ.» — Спокойно сѣлъ онъ за клавишны, и пропѣлъ десять длинныхъ куплетовъ... Я едва дослушала ихъ, и бросилась къ дверямъ...

«Развѣ вамъ не угодно теперь пѣть?» спросилъ Дартеваль.

— Мнѣ надобно еще написать письмо. Я забыла...

«Вѣроятно, очень нужное?» сказалъ онъ улыбаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ!..

«Позвольтежъ мнѣ просить васъ... Сядьте, сядьте, сударыня...» Мнѣ показалось, что Дартеваль пришелъ въ странное замѣшательство.

— Вы хотите говорить со мною?

«Да... И если бы я могъ... Если вы не забыли вчерашняго нашего разговора...

— Могу ли забыть его!

Дартеваль посмотрѣлъ на меня съ умиленіемъ, какъ мнѣ казалось...

«А вотъ вамъ, милый мой Дартеваль, и еще два куплета!» сказалъ мой опекунъ, торжественно входя въ комнату. «Надѣюсь,» продолжалъ онъ, потирая

руки, «вы не останетесь недовольны ими. Слушай, Адель, и говори свое мнѣше!

Моя Лизета совершенна,
И самъ божокъ боговъ другихъ,
Амуръ, мнѣ кажется, влюбленной
Работъ сталъ прелестей такихъ.
Скажите: было ль что на свѣтъ,
Что уподобится Лизетъ!

Такую прелесть, обольщенье,
Гдѣ, кто на свѣтъ здѣсь найдеть?
И кто въ восторгъ, въ восхищенъ
Ея Кипридой не зоветъ?
Нѣтъ! смертный не выдалъ на свѣтъ,
Что уподобится Лизетъ!

«Ну?» — Онъ глядѣлъ на насъ обоихъ.

— Прелестно! — сказалъ Дартеваль — достойно и поэта, и того чувства, которое внушило вдохновеніе!

«Льстецъ!

— Нѣтъ! Я не лъщу...

«Вы заставите меня думать, что

Гласу моему послушный,
Пегазъ къ Парнаскимъ высотамъ
Меня помчалъ, какъ по цветамъ!

«А это изъ третьяго куплета!» сказала Дартеваль.

— Онъ помнитъ! — вскричалъ поэтъ въ восторгъ — Ну, ну! я и самъ думаю, что *рефренъ* недурень... Но ты, Адель, что же ты молчишь?

А что я могла сказать? Что значилъ поступокъ Дартевала? Мечты мои разлетѣлись — ясно видѣла я, что свиданіе наше не было слѣдствіемъ уговора съ моимъ опекуномъ. Но не хотѣлъ ли Дартеваль самъ предварительно объясниться со мною?... И онъ могъ потерять драгоценныя минуты счастья, пѣть

десять несносных куплетовъ, прежде нежели рѣшился говорить!... Да, виновать ли онъ? Онъ смутился, онъ любитъ, но нѣжность его обхожденія препятствуетъ ему говорить...

VI.

Между тѣмъ замокъ наполнялся гостями. Съ утра до вечера былъ непрерывный шумъ, забава смѣнялась забавой, и г-жа Лоранти доказывала, что любезность и угодливость ея всѣмъ другимъ, кромѣ ея мужа, были неистощимы. Только одна особа среди всѣхъ оставалась неподвижною и холодною — Клементина. И въ ней начала я замѣчать странную перемену. Не потому ли терпѣливо сносилла она шумъ и блескъ, какими нарушался порядокъ жизни въ половинѣ Августа, что такое нарушеніе ежегодно было правильно и регулярно въ это время? Но за всѣмъ тѣмъ, она не терпѣла разныхъ печальностей и случайностей шумной жизни, особливо позднихъ прогулокъ, причемъ свѣчи понапрасну горѣли въ залахъ и ужинъ тянулся до утра. Никогда не присоединялась она въ такомъ случаѣ къ обществу, оставалась въ замкѣ, ходила около столовъ, разставленныхъ для карточной игры, раскладывала марки и мѣлки. Къ удивленію моему, къ Клементинѣ присоединялся товарищъ. Дартеваль также не полюбилъ вечернихъ прогулокъ, и по два или по три вечера оставался для бесѣды съ Клементиной.

Наканунъ праздника, не знаю кака я тягостная дума заставила меня также остаться въ замкѣ. Я сошла въ залу, и изумилась, увидя тамъ Дартеваля. Я полагала его въ отсутствіи, но онъ былъ тутъ и что-то говорилъ съ Клементиной. Разговоръ былъ неважный — о нарядѣ для завтрашняго дня, но

Клементина говорила — она ожила, сколько могла ожить! Не менѣе изумилъ меня мой опекунь. Онъ явился изъ кабинета своего, отведъ въ сторону Дартеваля, говорилъ съ нимъ что-то, и потомъ сѣлъ подлѣ своей дочери. Дартеваль скрылся. Мрачная задумчивость овладѣла мною — я сидѣла и ничего не слушала, когда слова: *любовь, счастье*, поразили меня. Какъ будто проснулась я, и изумилась, видя г-на Лоранти съ жаромъ описывавшаго счастье супружества, и уже не въ куплетахъ, но въ самой философской прозѣ... Что это значитъ? Для чего говорить онъ Клементинѣ? Не лишная ли я притомъ?

Тихонько скрылась я и никто не замѣтилъ моего отсутствія. Прелестный вечеръ и тишина въ саду облегчили мое сердце. Надуматься хотѣлось мнѣ, забывая обо всемъ, и объ людяхъ, которые меня не помнили... Голосъ Дартеваля извлекъ меня изъ печальнаго одиночества. «Я васъ искалъ,» сказалъ онъ. Лицо его выражало какую-то радость, какое-то удовольствіе. «Г-нъ Лоранти васъ зоветъ — ему надобно говорить съ вами!» Безмолвно смотрѣла я на него; мнѣ казалось, что ни чувство радости не могло теперь меня обрадовать, ни чувство печали сдѣлать грустнѣе. Не говоря ни слова, подала я руку Дартевалю. «Вы помните наше путешествіе?» сказала я ему, когда мы прошли нѣсколько шаговъ. — Помню ли я? Счастье мое, судьбу мою рѣшило это путешествіе! — «Что вы хотите сказать?» спросила я съ изумленіемъ. — О сударыня... Вы.. вы все скоро узнаете — г-нъ Лоранти долженъ вамъ самъ сказать — вы не будете нечувствительны къ словамъ его — вы всегда были такъ добры ко мнѣ... —

Толпа гостей подошла къ намъ. Я потеряла изъ виду Дартеваля, и когда мы пришли въ залу, тамъ

уже годился народъ. Остальной вечеръ я почти не видала моего опекуна. Но мои мечты о счастья казались мнѣ теперь такъ близки — таинственный слова Даргевалю, его радость, то, что хотѣлъ говорить со мной опекунъ—я разсердилась даже, когда на другой день Марія Роза задумчиво качала головой при моемъ разсказѣ, при моихъ словахъ, что Даргеваль и опекунъ хотятъ изумить меня радостью...

— Изумить! — сказала она — въ самомъ дѣлѣ, радость на свѣтѣ почти изумляетъ человѣка...

«А я знаю важный секретъ!» вскричала Лоретта, вбѣгая въ комнату.

— Какая нибудь новая шалость?

«Нѣтъ, не шалость! Знаете ли что? Унасъ свадьба, а кто женихъ? Г-нъ Даргеваль.

Я затрепетала.

И болтушка пролепетала, какъ отецъ и мать ея долго говорили между собою въ кабинетѣ, «и не бранились, а что-то толковали о счастья.» Какъ потомъ Даргеваль пришелъ съ отцомъ ея къ г-жѣ Лоранти, и она захохотала, говоря: «Я хочу говорить съ вами и о дѣлѣ, и о пустякахъ — о нашемъ предложеніи и балѣ.» — Оставьте шутки, милый другъ! — сказалъ мой опекунъ. Лоретту прогнали, но она начала подслушивать у дверей.

— Ахъ! какъ это нехорошо, сударыня — сказала Марія Роза—Но... что же вы слышали?

«О, много—супружество, счастье, любовь, невеста—ну, а потомъ имя Адель!»

— Ты выдумываешь — сказала я, скрывая свое смущеніе.

«Ахъ! нѣтъ, нѣтъ!» И она разсказала, какъ сего-

дня по утру съ ней долго говорила управительница, вывѣдывала всѣ разговоры вчерашніе, и когда Лоретта назвала меня, г-жа Русселе вскричала съ удивольствиемъ: «Мы это знали! Вы не велику новость открываете мнѣ...

И Лоретта убѣжала отъ насъ. Я бросилась къ Маріи Розѣ и молча обняла ее.

— Мечта — печально сказала она — о, ради Бога, не увлекайтесь мечтами! Что значить болтовство ребенка? Для чего такая таинственность — съ вами, если вы...

«Мечта!» вскричала я. — «Если я лишусь мечты моей, день ея потери будетъ для меня послѣднимъ днемъ моей жизни!

Я спѣшила въ садъ, туда, гдѣ я гуляла вчера, гдѣ встрѣтилъ меня Даргеваль. Клементина встрѣтила меня въ сѣняхъ, и важно разсказала мнѣ, что теперь не могу я видѣть моего опекуна. «Онъ занятъ важнымъ дѣломъ — послѣ отъѣзда г-на Даргевалю...

— Развѣ г-нъ Даргеваль уѣхалъ? — спросила я, скрывая изумленіе.

«Да,»... Мнѣ казалось, что Клементина что-то хочетъ сказать и колеблется. Но ея лицо вдругъ приняло свое обыкновенное выраженіе. «Онъ возвратится сегодня къ балу,» примолвила она и спѣшила уйдти, поливать цвѣты, или за другимъ столь же важнымъ занятіемъ.

Она ничего не знаетъ, а я — я все понимаю!

Теперь въ сердцѣ моемъ не оставалось сомнѣній. Въ какомъ-то безотчетномъ упоеніи бродила я по саду, и опомнилась тогда только, когда увидѣла себя въ лабиринтѣ, въ отдаленномъ углу сада, и подлѣ меня

кто-то говорилъ. Мнѣ легко было узнать голоса шеваляе Треголина и тетки его, г-жи Исидорь.

— Теперь, ты можешь поправиться развѣ только фараономъ. Какъ можно было не позаботиться о такой невѣстѣ?

«Но я увѣряю васъ, тетушка, что вы ошибаетесь. Взгляните на нее: можно ли быть невѣстою и такою ледяною статуею? Дартеваль, кромѣ того, влюбленъ по уши...»

— Но вѣдь онъ женится?

«Ну, это почти не тайна, да вы ошибаетесь въ невѣстѣ...»

— Кто не замѣчалъ, что онъ равнодушенъ къ этой Креолкѣ...»

«И не правда ли, что ея глазки могутъ свести съ ума и не Дартевалеву мудрость...»

— Но вѣдь она бѣдная сирота?

«Бѣдная! Кто вамъ сказалъ: бѣдная?»

Разговоръ прервалъ приходъ третьяго собесѣдника. Они удалились... Я не могла разстаться съ моимъ уединеніемъ. Рука моя невольно чертила что-то на корѣ дерева золотою булавкою. Я взглядылась, что такое написала я — то были слова: A. D.

Только къ обѣду я воротилась въ замокъ, и едва успѣла переодѣться. Обѣдъ былъ блистательный. Двѣнадцать куплетовъ моего опекуна были приняты съ восторгомъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня и сказалъ съ усмѣшкою: «Я виноватъ, что не такъ болтливъ въ прозѣ, какъ въ стихахъ — но ты простишь меня, Адель. Не правда ли?»

Мнѣ казалось, что мы поняли другъ друга; я бросилась въ его объятія...

VII.

Въ семь часовъ вечера дамы разошлись для приготовления бальныхъ туалетовъ. Войдя въ мою комнату, я увидѣла Марію Розу; печально сидѣла она подлѣ моей кровати, на которой разложила, съ большимъ стараніемъ, всѣ принадлежности щегольского наряда, который мнѣ надобно было надѣть. Мое кисейное, шитое серебромъ платье, нижняя юбочка изъ Китайскаго атласа, ленточные бантики, цвѣты для головы, жемчужное ожерелье и браслеты, все было приготовлено въ порядкѣ, и казалось, улыбается и говоритъ мнѣ: «Скорѣе, скорѣе, счастливица!» Взглядъ на всѣ блестящія части моего наряда изумилъ меня: чувство, наполнявшее всѣ мои мысли, не допускало никакихъ другихъ ощущеній, и уже недѣли съ двѣ прошло, какъ я едва вспоминала, и то безъ всякаго участія, о прекрасныхъ уборахъ, какіе готовились мнѣ для праздника. Благодаря заботливости Маріи Розы, они были теперь собраны здѣсь всѣ, и были такъ хороши, что восхитили меня. Живо тронутая радостью, которую можетъ понять только молодая дѣвушка, я захлопала руками, запрыгала по комнатѣ и закричала. Нянька моя изумилась, но молчала; по ея приглашенію начала я свой туалетъ. Какъ ни торопилась она, но я все еще просила ее поспѣшить — нетерпѣливо хотѣлось мнѣ видѣть себя въ полномъ блескѣ моего наряда, и поглядѣть: отвѣчаетъ ли красота моя надеждамъ моего самолюбія? Смотри въ зеркало, гдѣ отражалось веселое, радостное лицо мое, я сердилась, что Марія Роза видна была мнѣ печальная, угрюмая, но не могла не поблагодарить ея однакожь за стараніе, съ какимъ десять разъ перевертывала она каждую мою букло, пока принима-

лась за другую. Я не хотѣла признаться себѣ, что мнѣ кажется, будто не желаніе одѣть меня лучше, но какая-то неохота была причиною медленности моей няньки. Желая развеселить ее, я шутила, смѣялась, спрашивала ее: «Не правда ли, няня, вѣдь я буду очень хороша?» Она почти ничего не отвѣчала, и я почла бы, что она вовсе не принимаетъ участія въ моемъ весельи, еслибы дрожащія руки ея и прерывчивое, тяжкое дыханіе непоказывали, что она растрогана не меньше меня самой. Только что кончился мой нарядъ, какъ Марія Роза посмотрѣла на меня, и вскричала, будто невольно: «А! теперь пусть они поглядятъ и позавидуютъ!» — Ахъ! какъ я тебѣ благодарна! — сказала я, цѣлуя няньку мою, и побѣжала изъ комнаты. Надежда упоила сердце мое; сильно билось оно однакожь, когда я всходила по лѣстницѣ! Съ наслажденіемъ воображала я себѣ ту минуту, когда Дартеваль взглянетъ на меня и подумаетъ: «Какъ она хороша!» подумаетъ — можетъ быть, скажетъ... Все, все веселило меня — и ароматы моего бальнаго букета, и легкій шумъ моего платья... Но, когда надобно было мнѣ войти въ комнату передъ залою, не знаю отъ чего, какой-то ужасъ овладѣлъ мною — трепещущая остановилась я, и мнѣ слышалось, будто какой-то таинственный голосъ говорилъ мнѣ: «Воротись!»

Кромѣ хозяйки, въ залѣ былъ только одинъ посторонній — Дартеваль. Я не смѣла взглянуть въ ту сторону, гдѣ находился онъ, и слышала съѣтъ подлѣ Клементины, которая заняла большія кресла въ своемъ великолѣпномъ бальномъ платьѣ.

«Какъ ты хороша!» сказалъ мнѣ мой опекунъ, подходя ко мнѣ и остановясь передо мною. «Въ этомъ бѣломъ платьѣ — ты настоящая невѣста!»

— Да, кстати, сударь — прервала рѣчь его г-жа Лоранти, поправляя передъ зеркаломъ свою прическу — вѣтъ ли у тебя какой нибудь тайны, которую ты скрывала отъ нашей милой Адели? Не стыдно ли тебѣ, что она узнаетъ ее, когда тайна твоя будетъ уже всемъ извѣстна!...

Мой опекунъ колебался съ минуту, какъ будто слова жены его были въ самомъ дѣлѣ упрекомъ и онъ былъ виноватъ передо мною въ скрытности. Онъ улыбнулся и съ шутиливою важною началъ говорить: «Извините, моя миляшка Аделъ: есть у меня тайна... Видите: дѣло идетъ о свадьбѣ!»

Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ началъ говорить не шутило и просто, но какъ ни неопредѣлена была рѣчь его, я ждала ея окончанія съ такимъ сильнымъ біеніемъ сердца, что едва могла дышать. Но въ это мгновеніе, такое страшное, такое рѣшительное для меня, г-жа Лоранти прервала слова мужа своимъ обыкновеннымъ порывомъ вѣтренности. «Боже мой!» вскричала она, «девять часовъ бьетъ — всѣ тотчасъ придутъ сюда, а мы теряемъ время въ разговорахъ? Подите, сударь, поскорѣ въ большую залу, посмотрите: все ли тамъ готово, да встрѣчайте гостей. Я останусь здѣсь — тутъ будетъ моя главная квартира.»

Слова сопровождалъ повелительный взглядъ, которому привыкъ повиноваться мой опекунъ. Онъ всталъ, говоря: «Ну, милая Аделъ, извини — видишь сама!»

— Да, ступайте же, сударь, ступайте! — заговорила опять г-жа Лоранти — я докажу за васъ Адели! — Она подошла ко мнѣ, и вдругъ, оглядѣвши меня кругомъ, вскричала: — Ахъ! моя Креолочка, какъ ты сегодня хороша! Я сама думала надѣть бѣлое платье, но боялась, что мнѣ будетъ не къ лицу! Бо-

же мой! какая у нея талия — ее обхватишь двумя пальцами! Не правда ли, Клементина? Скажите г-нь Дартеваль: мила ли Адель? —

Клементина сдѣлала знакъ согласія головою, а Дартеваль улыбнулся, и — очень холодно, какъ мнѣ показалось. Но г-жа Лоранти тотчасъ засыпала его другими вопросами: «Да, скажите безъ шутокъ, какъ находите вы мой уборъ? Не слишкомъ ли у меня много брильянтовъ для хозяйки? Все это несносная Лоретта — такая охотница до нихъ — плачетъ, если я не надѣну на себя всей моей коробки съ брильянтами! Не снять ли мнѣ, вотъ этого эгрета? Клементина! какъ ты думаешь?» —

По важному выраженію, какое приняло лицо Клементины, казалось, что она приступаетъ къ систематическому изслѣдованію. Но дѣло кончилось скоро. Г-жа Лоранти уже рѣшила затрудненіе, подбѣжала къ зеркалу, посмотрѣлась въ него и вскричала: «Нѣтъ, нѣтъ! Эгретъ останется; онъ мнѣ очень къ лицу! Не правда ли, Адель?»

— Могу одно только сказать — отвѣчала я, стараясь избѣжать сомнительнаго рѣшенія — что вы сегодня прелестны!

«Нѣтъ! ты такъ, въ самомъ дѣлѣ, безподобна!» вскричала г-жа Лоранти, обнимая рукою мою талию и цѣлуя меня въ шею.

Эта ласка, послѣ чего, не выпуская меня изъ рукъ, прошла она со мною нѣсколько шаговъ по залѣ, казалась мнѣ началомъ къ открытію тайны. Я думала уже, что наступила рѣшительная минута моей жизни, боллаась, какъ бы не встрѣтить въ то мгновеніе взора Дартевалева. Но тутъ вдругъ вошло въ залу множество народа; г-жа Лоранти бросилась принимать, цѣловать дамъ. Невольно слѣдовала я за

нею. «Постой, милал, я тотчасъ отдѣлаюсь!» сказала она мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту, она пошла опять. Но съ ней были три дамы, и двѣ изъ нихъ сѣли между мною и женою моего опекуна. Напрасно ожидала я, что несносныя сосѣдки мои уйдутъ — онѣ не уходили. Я дѣлала знаки г-жѣ Лоранти, и въ сердечномъ томленіи и ожиданіи готова была схватить ее и отвести куда нибудь къ окну, но сначала у меня не доставало смѣлости, а потомъ приходы гостей и встрѣчи ихъ хозяйкою сдѣлались непрерывными, и народу набралось столько, что не было уже никакой возможности подумать о разговорѣ съ г-жею Лоранти.

Съ горя, я готова была заплакать. Досада моя перешла въ отчаяніе; мнѣ все начало казаться такимъ несноснымъ и скучнымъ, но вскорѣ, по инстинкту молодости, я увлеклась очарованіемъ бала. Совсѣмъ новое зрѣлище представляло для меня собраніе столькихъ людей, великолѣпно одѣтыхъ, блескъ освѣщенія, говоръ и жужжанье голосовъ, приготовленія музыкантовъ, бѣглыя взгляды, комплименты, какіе говорили мнѣ самой и другимъ — все походило на упоеніе какимъ-то волшебнымъ напиткомъ. Грусть и досада перемѣшались съ множествомъ впечатлѣній и потерялись наконецъ въ неопредѣленномъ ощущеніи восторга. На лву мечтала я, что нахожусь на обручальномъ празднествѣ моемъ; что весь этотъ блескъ, вся роскошь, все мужины и женщины, столь богато одѣтые — все было собрано для меня. Въ странной мечтѣ моей, я испытывала все тревожныя ощущенія, какія можетъ перечувствовать молодая невеста въ присутствіи своего жениха, который не нарадуется ея прелестью, и друзей, и родныхъ, которые собрались торжествовать ея счастье.

Мечты мои разсѣлъ голосъ молодой дамы, под-
Т. VIII. — Отд. II.

ль меня сидѣвшей. «Боже мой! посмотрите пожалуйста,» сказала она, устремляя взоры свои къ однимъ дверямъ залы— «что это за уродъ такой тамъ глядитъ?» Какъ будто внезапно пробужденная отъ сна, безъ мыслей оборотила я голову, и увидѣла сквозь большія стекла двери лицо Маріи Розы. Большіе глаза ее были устремлены на меня съ какимъ-то ужасающимъ выраженіемъ! Мнѣ казалось, что страшнѣе не могла она глядѣть на меня даже и тогда, когда видѣла бы меня мертвою передъ собой, и вмѣсто бальнаго платья обернутою въ саванъ. Но я не столько испугалась, сколько изумилась ея взору, и только отворотила глаза отъ непріятнаго впечатлѣнія. Черезъ нѣсколько минутъ, полагая, что Марія Роза уже удалилась, я опять взглянула украдкою... Нѣтъ! она все еще была тамъ, не перемѣнила ни положенія, ни выраженія взоровъ, и ея черное лицо, казалось, какъ будто было приклеено къ стеклу, словно зловѣщій образъ несчастія! Но чего же она хочетъ? Что съ ней сдѣлалось? Отъ чего неподвижно устремленъ на меня страшный взглядъ ея? — Я еще спрашивала обо всемъ самое себя, и не находила отвѣтовъ, когда другое, совсѣмъ неожиданное, происшествіе увлекло мое вниманіе.

Капельмейстеръ, спѣша показать гостямъ начало танцовъ, заигралъ на скрипкѣ своей ригурнель менуэта. Мнѣ послышался тихій, общій говоръ, выразившій какое-то любопытство, чему не понимала я еще причины; вдругъ всѣ, кто былъ подлѣ г-жи Лоранги, оборотились къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Дартеваль. Онъ всталъ— съ какимъ-то торжественнымъ видомъ отправился къ Клементинѣ и взялъ ее за руку. Наступило общее молчаніе; я приписала его глубокому впечатлѣнію, которое произвели на всѣхъ ловкій манеръ и благородный видъ Дартевала, въ

странной противоположности съ Клементиною, совсѣмъ не походившею на пару прелестнаго молодого кавалера. Впрочемъ, Клементина—и ей нельзя было не позавидовать на тотъ разъ, что она, какъ дочь хозяина, имѣла право открыть балъ — показалась мнѣ какъ-то лучше обыкновеннаго. Походка ея показывала какую-то робость; холодность ея не была слишкомъ замѣтна и легкій румянецъ оживилъ ея суровое лицо, придавая ему выраженіе. Выборъ Дартевала не внушилъ мнѣ нисколько ревности; онъ принужденъ былъ къ нему этикетомъ и приличіемъ; только мнѣ казалось, онъ могъ бы и не торопиться принимать участіе въ танцахъ, подождать, пока можетъ танцовать со мною. Маленькая досада, какую почувствовала я, скоро уступила мѣсто рассудку, говорившему мнѣ, что я была несправедлива. Я увлеклась тѣмъ общимъ вниманіемъ, какое привлекъ на себя Дартеваль. Вдругъ по неосторожности, едва ли не въ первый разъ въ жизни, у аккуратной Клементины упалъ съ головы цвѣтокъ. Дартеваль наклонился, поднялъ его — я не вѣрила глазамъ своимъ: вмѣсто того, чтобы подать цвѣтокъ своей дамѣ, Дартеваль съ нѣжною улыбкою воткнулъ его въ петличку своего мундира... И опять оборотился онъ съ нѣжностью къ Клементинѣ, какъ будто не только не хотѣлъ скрывать, но желалъ на показъ выставить свое чувство къ ней... Я прикрыла глаза рукою, стараясь разглядѣть: не обманываетъ ли меня мое зрѣніе? И когда я увѣрилась, что я не мечтала, что видѣнное мною была дѣйствительность, — мнѣ показалось, что человѣкъ, которому всегда я столько удивлялась, на тотъ разъ, навѣрное, сошелъ съ ума! За страшною мыслию моею послѣдовала минута сомнѣнія, и потому я чувствовала, какъ сердце мое забилось отъ ненависти и ревности! Кровь

бросилась мнѣ въ лицо и стучала въ виски; голова моя закружилась — я едва собрала силы удалиться отъ зрѣлища, растерзавшаго меня, и поспѣшно ушла изъ залы...

Я была совершенно внѣ себя, прошла нѣсколько комнатъ, наполненныхъ людьми, но никого не узнавала, не думала, что на меня всѣ глядятъ, отворила безъ мыслей двери комнатъ одну за другою, сама не понимая куда иду, и остановилась только въ послѣдней комнатѣ, которою оканчивалась къ одной сторонѣ анфилада. Тамъ былъ отдѣльный кабинетъ, окнами въ садъ, и его освѣщали фонари, повѣшенные на деревьяхъ противъ окна. Здѣсь сѣла я на софу. Совершенное уединеніе мѣста привело въ порядокъ мои мысли и утишило движеніе ревности, которому невольно я уступила. Какъ грустно мнѣ было теперь думать, что я сдѣлала величайшую глупость, и на цѣлый вечеръ лишила себя наслажденія быть вмѣстѣ съ Дартевалемъ! Послѣ моего разстроеннаго, поспѣшнаго ухода, мнѣ стыдно было воротиться въ залу! Если замѣтили? Если догадались? — Такая мысль опечалила меня — я готова была плакать, не могла отъ нея оторваться, и страданіе новаго рода заступило мѣсто досады, взволновавшей меня при торжественномъ изъявленіи чего-то, походившаго на любовь, изъявленнаго такъ неосторожно Дартевалемъ. . . .

Противъ софы, на которой я сидѣла, были большое зеркало и надъ нимъ старый портретъ Испанской школы, обдѣланный вмѣстѣ съ зеркаломъ въ стѣнную рѣзьбу; онъ мрачно отдѣлялся отъ нея въ полусвѣтѣ, освѣщаемый изъ сада. Пока оставалась я неподвижною и слезы капали изъ глазъ моихъ, глаза мои, затмѣваемые ими, въ какомъ-то безчувствіи устремились на него, и болѣе озаренный, нежели

всѣ другіе предметы, мнѣ казалось, онъ оживаетъ и выходитъ изъ рамы. Со страхомъ смотрѣла я на него и чувствовала ужасъ, до того усилившійся, что я затрепетала. Глаза человека, изображеннаго въ одеждѣ XVI-го столѣтія, мечталось мнѣ, шевелются и преслѣдуютъ меня, то свирѣпыми, то насмѣшливыми взоромъ. Я опустила глаза мои ниже, и собственное мое лицо мелькнуло передо мною въ зеркалѣ, освѣщаемое красноватыми, мерцающими свѣтомъ, перебивавшимся изъ сада, ярче, блѣднѣе, смотри по тому, какъ приближалъ или удалялъ вѣтеръ вѣтви деревьевъ, росшихъ передъ окнами. Что-то фантастическое было въ отблескахъ свѣта — сперва голова моя мелькнула мнѣ окруженная ярко, и вдругъ потомъ въ зеркалѣ все потемнѣло — черты мои сдѣлались блѣдны, не ясны, и потомъ постепенно исчезали, какъ будто тѣнь... Встревоженная столькими переходами впечатлѣній, я чувствовала, что суетный страхъ овладевалъ умомъ моимъ. Малѣйшій шумъ листьевъ заставлялъ меня дрожать и тишина меня пугала! Встать хотѣла было я и убѣжать, но опасеніе, какъ будто какой нибудь страшной опасности, удерживало меня. Выше всякаго выраженія страдала я, но страшилась сказать самой себѣ, что предчувствую страданіе еще страшнѣе... Прошло съ полчаса, а я все еще находилась въ моемъ невыносимомъ состояніи, не зная, какъ мнѣ отъ него избавиться и что дѣлать. Вдругъ большая ночная бабочка влетѣла изъ сада и ударила мнѣ въ лицо. При разстройствѣ нервическомъ, такой неожиданный ударъ былъ для меня, какъ будто электрическимъ; еще не умѣя отдать самой себѣ отчета въ причинѣ его, я закричала и бросилась въ дверь; онъ, какъ будто сами собою отворились въ то мгновеніе.

Вошла Клементина. За нею послѣ двѣ свѣчи. Слу-

га поставилъ ихъ на комодѣ и удалился. «Право, милая Аделаида,» сказала мнѣ Клементина, садясь на софу и усаживая меня подлѣ себя, «иногда можно подумать, что ты съ ума сходишь по временамъ! Скажи, отъ чего ты такъ разстроена и зачѣмъ ты сидишь здѣсь одна, въ потьмахъ?»

— Мнѣ очень не здоровится — отвѣчала я, стараясь скрыть мое смущеніе — и я принуждена была уйти...

«Такъ зачѣмъ же ты не ушла въ свою комнату, съ Маріей Розой, или съ другой служанкой? Какъ не соблюдать до такой степени приличій, и тревожить тѣхъ, кто тебя любитъ! Я тотчасъ пошла искать тебя, когда кончился менуэтъ, но если бы слуга не выдалъ, какъ ты шла сюда, мнѣ не найти бы тебя....»

Не знаю, что сказала я въ отвѣтъ. Клементина продолжала: «А впрочемъ, я даже рада, что нашла тебя здѣсь одну и могу свободно поговорить съ тобой. Мачиха моя никакъ не вытерпѣла до завтра и рассказала мою тайну, такъ неожиданно, что я и сама не знала, что мнѣ дѣлать — извини меня — говорить тебѣ при всѣхъ, или молчать, но я опять опасалась, что въ такомъ случаѣ, ты будешь сомнѣваться въ моей дружбѣ. Я люблю тебя, какъ сестру, и была бы въ отчаяніи, если бы кто другой, кромѣ самой меня, открылъ тебѣ новость, отъ которой совершенно измѣняется мой жребій...

Она остановилась. Надежда еще разъ ожила — хотѣла ожить въ сердцѣ моемъ, но ея слѣдовъ уже не было при послѣднихъ словахъ Клементины. Сердце мое перестало биться. Холодъ потекъ по жиламъ моимъ — я едва не лишилась чувствъ, но оскорбленная гордость придавала мнѣ изумительную силу,

и въ ту минуту ничто въ моей наружности не показывало страшнаго мученія, какое я испытывала...

«Ты, вѣрно, давно ужъ замѣтила,» продолжала Клементина съ величайшимъ хладнокровіемъ, «какъ старался угождать отцу моему г-нъ Дартеваль?»

Рѣчь ея походила на вопросъ — я не отвѣчала. И благоразумная моя подруга принуждена была продолжать и изъясняться понятнѣе, такъ, что ничто не могло поддержать ея скромности. — «Видишь, милая Аделаида — я знаю, что ты весьма уважаешь своего бывшего дорожнаго товарища. Поэтому... надѣюсь.... тебѣ очень любопытно будетъ узнать... что его заботливость.... его старанія — исполнѣе увѣчались успѣхомъ....»

— Я васъ не понимаю, Клементина — вскричала я съ досадою — я ничего не понимаю!...

«Ахъ! Боже мой!» отвѣчала Клементина, смѣшавшись и немного досадуя. «Какъ же еще мнѣ говорить? Мнѣ совѣстно»... Но хладнокровное благоразуміе тотчасъ одержало верхъ. Она улыбнулась и прибавила: «Понимаю — ты мстишь мнѣ за мнимую недовѣрчивость, за скрытность мою... Но я, право, невиновата....»

— Я не понимаю словъ вашихъ, Клементина! — повторила я снова. Но выраженіе словъ моихъ было такъ безумно, что всякій, кромѣ милой подруги моей, понялъ бы, какую муку душевную выражали они...

Клементина была неизмѣнима. «Ты серднишься — я вижу» сказала она мнѣ, «но выслушай мое оправданіе. Если давно не открыла я тебѣ тайны моей, то, право, потому только, что и сама едва вчера все узнала. Только вчера изъяснилъ мнѣ г-нъ Дартеваль свои чувства ко мнѣ; до тѣхъ поръ я не

подавала ему никакой надежды и не могла ничего подозревать. Онъ до того сомнѣвался въ моемъ благопріятномъ для него образѣ мыслей, что — вообразилъ себя! — хотѣлъ даже однажды стороною вывѣдать мои мысли. Теперь онъ самъ сказалъ мнѣ, что тебя хотѣлъ избрать своей повѣрною...

— Самъ сказалъ? Меня повѣрною? — Какъ будто молнія сверкнула въ головѣ моей — все припомнила я въ одно мгновеніе! — Боже мой! — вскричала я, схватываясь за голову обѣими руками.

Отчаяніе, съ какимъ произнесла я слова мои, не было понято Клементиною; она увлеклась одною мыслью. Я ужъ ничего не понимала, что еще говорила она, какъ продолжала изъясненія, извинялась, увѣряла меня въ дружбѣ. Горько улыбулась я только тогда, когда съ глупою какою-то стыдливостью прибавила она, что ей странно будетъ слышать, какъ станутъ ее называть *е-жею Дартсвалл*. «Теперь понимаешь ли все, милая Адель?» Такъ заключила она длинную свою рѣчь.

— Да — едва могла я сказать, удушливѣмъ голосомъ.

«Ты должна быть очень нездорова,» замѣтила наконецъ Клементина, смотря на меня съ участіемъ и сожалѣніемъ. «Посмотри, какая ты блѣдная?» Она встала. «Я пришлю къ тебѣ Марію Розу — поди поскорѣ къ себѣ и успокойся. А вотъ, пока, возьми — понюхай! Это освѣжитъ твои чувства!» Она дала мнѣ сткляночку съ солью и медленно пошла изъ комнаты.

Едва переступила она за порогъ — слезы, копившіяся въ глазахъ моихъ во все время мучительнаго разговора съ Клементиною и горѣвшія въ нихъ огнемъ, вдругъ брызнули и полились ручьями. О! какъ мнѣ выразить терзательную скорбь души

моей, такъ страшно разочарованной! Какъ высказать все, что видѣла я мучительнаго, убійственнаго въ той унижающей мысли, что я обманулась въ склонности Дартсвалл, въ чувствахъ его, въ немъ самомъ! Онъ любить другую — и я буду видѣть другую счастливою тѣмъ счастьемъ, въ которомъ соединились для меня жизнь моя, весь міръ! А если онъ и не любитъ ея, а только выгоды заставляютъ его рѣшиться... Какой человекъ! И въ какую бездну стыда и отчаянія упала я, увлеченная слѣпою довѣренностью моего характера, моимъ упрямствомъ, съ какимъ отвергала всѣ совѣты Маріи Розы! Теперь — что со мною будетъ? Куда мнѣ убѣжать отъ счастья моей соперницы? Гдѣ скрыть отъ всѣхъ глазъ мое несчастное бытіе и муки безсильной ревности? Я хотѣла бы убѣжать на мою далекую родину, укрыться тамъ за морями, скрыть себя въ обители, посвятить себя суровому обѣту монахини, но какъ отдать алтарю сердце съ безумными страстями? — Смерть, одна смерть спасетъ меня!... Смерть! — въ моемъ изступленіи, нѣсколько разъ громко произнесла я страшное слово, не узнавая своего голоса — онъ казался мнѣ голосомъ судьбы моей, и — ужасное рѣшеніе вдругъ овладѣло мною! Въ саду былъ глубокий прудъ — «Туда! вскричала я и бросилась къ окну... Оно было низко — одинъ шагъ и я въ саду... Но, видно, Богъ сжалился тогда надъ отчаяніемъ безпомощной сироты — въ то самое мгновеніе прибѣжала Марія Роза. Съ силою необыкновенною схватила она меня и увлекла отъ окна. Не знаю, говорила ли я что нибудь, изъ чего поняла она мое страшное намѣреніе, или догадалась она сама по моему безумному виду... Но она крѣпка держала меня и напрасно старалась я у нея вырваться. Тутъ, истощенныя силы мои привели меня въ страшную сла-

бость — рыдая бросилась я въ объятія къ доброй нянькѣ моей. Долго, не говоря ни слова, стояли мы обнявшись. Никакія слова не выразить чувствъ нашихъ — скорби съ одной, состраданія съ другой стороны. Марія Роза довела, лучше сказать — донесла, меня до софы, посадила, съела подлѣ меня, и рыданія на груди ея дали мнѣ возможность дышать. Она сама плакала — слезы наши смѣшивались.

«Ты все знаешь?» спросила я наконецъ у нея.

— Ахъ! — отвѣчала она — прежде васъ, я знала уже эту проклятую тайну! Самъ г-нъ Лоранти, незадолго до начатія бала, сказалъ мнѣ и вельлѣ даже передать ее вамъ — просилъ притомъ, не знаю въ чемъ, извинить его передъ вами... Охъ! Боже мой! какое было мнѣ мученье, когда я видѣла васъ потомъ въ залѣ: и вы были такая хорошенькая, такая веселая, такая довольная, не подозрѣвая, какое страшное несчастіе вамъ грозило... Ахъ! сударыня, — забудьте, забудьте его: онъ никогда не любилъ васъ!

«Никогда?» вскричала я. «Ахъ! не говори, не говори, увѣрай меня, что онъ меня любилъ — онъ точно любилъ меня... Его нѣжность, его рѣчи, его взгляды, его самое молчаніе — это была любовь!

— Нѣтъ, нѣтъ! — говорила Марія Роза — и когда вы думали, что онъ занимается только вами, во время несчастнаго нашего путешествія, я увѣрена, онъ ужъ и тогда думалъ о дѣвицѣ Лоранти, объ ея богатомъ приданомъ...

«Ты лжешь, нянька!» вскричала я, всакивая съ своего мѣста — «ты клеветишь!».. Силы меня оставили; я упала опять на софу и рыдая склонилась къ Маріи Розѣ. «За чѣмъ хочешь ты отнять у меня мое послѣднее утѣшеніе? Позволь мнѣ думать,

что онъ точно любилъ меня, какъ я его люблю, какъ буду любить всю жизнь мою... Только здѣсь, когда мы пріѣхали, богатство невѣсты и злые совѣты возбудили въ немъ честолюбіе и онъ промѣнялъ любовь свою на кусокъ золота...»

Тутъ, какъ будто я была уничтожена — я склонилась къ спинкѣ софы, закрыла лицо руками и оставалась неподвижною. Ни слезы, ни ласковыя слова, ни участіе Маріи Розы — ничто не могло возратить мнѣ памяти и чувства. Ничего не отвѣчала я, ничего не слышала — и вдругъ, среди тысячи убійственныхъ мыслей, безпорядочно тревожившихъ мою душу, какъ будто какой-то страннѣйшій, безумнѣйшій лучъ надежды блеснулъ въ тревогѣ ихъ. Быстро подняла я голову и утерла слезы мои.

«Послушай Марія Роза,» сказала я — «чѣмъ больше вспоминаю я прошедшее, тѣмъ болѣе увѣряюсь, что онъ точно любилъ меня. Если Клементина отняла у меня его сердце, клянусь — честолюбіе увлекло его — адскій демонъ, которому поддавались самыя высокія, самыя благородныя сердца! Дартеваль подумалъ, что я бѣдная сирота, что у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ благотвореній моего добраго опекуна. Но вѣдь у меня есть также имѣнье: мой отецъ былъ также богатъ — не правда ли?» — Марія Роза хотѣла что-то сказать — «Не говори, не говори!» вскричала я — «дай мнѣ сперва все высказать! Когда онъ узнаетъ, что и я также богата — я увѣрена, онъ тогда послѣдуетъ голосу сердца — онъ слынетъ какойнибудь предлогъ разорвать цѣпь, какою оковало его корыстолюбіе... Поди къ нему, вызови его, скажи ему, что и я также богата, и если я не такъ богата, какъ Клементина — любовь моя дополнитъ остальное! Поди, поди скорѣе къ нему, милая плнн-

ка! Испытаемъ последнее средство: не будь гордѣ меня!

— Ахъ! сударыня! — отвѣчала она, голосомъ, выражавшимъ сильное огорченіе — чего вы отъ меня требуете!

«Услуги, которую всякій оказалъ бы мнѣ на твою мѣсть», сказала я съ выраженіемъ упрека. «Что? Ты еще колеблешься? Развѣ гордость твоя сильнѣе привязанности ко мнѣ?»

— Гордость!.. Ахъ! такого чувства я никогда не знала... Богъ свидѣтель, что хоть и понимаю я, какъ унижительно для васъ и для меня... Но я пошла бы къ нему — сказала бы ему...

Марія Роза остановилась — слезы такъ сильно потекли у нея изъ глазъ, что можно было угадать всю великость ея страданія. Но я ничего не хотѣла понять.

«Что тебя останавливаетъ?» говорила я, «можно ли уважать какія нибудь вздорныя приличія, если отъ твоего рѣшенія зависитъ жизнь моя? Что мнѣ въ твоихъ слезахъ! Ты не любишь меня, если не согласишься рѣшиться — скажи, для чего не хочешь ты идти и спасти меня?»

— Сударыня! я не могу — не могу идти къ нему и сказать, что вы богаты!

«А почему?» вскричала я нетерпѣливо.

— Я не могу обманывать его! — едва могла говорить Марія Роза.

«Обманывать?» сказала я, пугаясь словъ моей няньки. «Такъ развѣ у меня нѣтъ имѣнья? Развѣ отецъ мой... Но до сихъ поръ ты мнѣ ничего не говорила — для чего ты мнѣ не говорила ничего?»

— А для чего стала бы я говорить вамъ, огорчать васъ? И когда вы спрашивали меня о томъ? И

вашъ опекунъ строго запретилъ мнѣ сказывать, что вамъ обязаны вы только его благодѣяніемъ.

«Какъ? Такъ что же я такое?»

— Вы бѣдная сиротка — сказала Марія Роза, какъ будто собравши всѣ силы свои — кромѣ красоты, добраго сердца и благодѣяній вашего опекуна — у васъ ничего нѣтъ! Ахъ! Боже мой! Наслѣдство послѣ отца!.. Несчастнѣйшій отецъ вашъ умеръ совершенно раззорившись, и когда мы поплыли съ вами сюда — я едва могла собрать столько, чтобы заплатить за переездъ нашъ... Что было бы съ вами, еслибы отецъ вашъ не умолялъ на смертномъ одрѣ о помощи своего добраго друга — если бы другъ его не принялъ на себя великодушно обязанностей отцовскихъ... Онъ исполнилъ ихъ, не требуя ничего, кромѣ счастья вашего — даже никто не слышалъ отъ него, что у васъ ничего нѣтъ; но какъ уганять тайну отъ людей? И ее всѣ знали, кромѣ васъ...

Я слушала и молчала, была неподвижна. «О, сударыня!» вскричала Марія Роза, «простите, простите меня, если я терзаю ваше сердце, если разрушаю послѣднія ваши надежды... Зачѣмъ обождать себя несбыточной мечтой? Лучше отъ меня узнать вамъ, нежели отъ другихъ жестокою истину...»

Она бросилась передо мною на колѣни. Въмѣсто отвѣта, вмѣсто жалости къ ея горю, я оттолкнула ее отъ себя. Она схватила мои руки и обливала ихъ слезами. Неожиданное открытіе моей бѣдности дополнило мѣру моего печальнаго состоянія, и мое отчаяніе опять сдѣлалось мрачнымъ и недоступнымъ. Я молчала, не плакала; щеки мои, то горѣли, то блѣднѣли; судорожная дрожь пробѣгала у меня по всему тѣлу, и напрасно говорила мнѣ, плакала Марія Роза. Вдругъ садъ освѣтился богатою иллюминаціею,

и свѣтъ ярко проникъ въ комнату, гдѣ почти темно было отъ нагорѣвшихъ свѣчь. Тутъ замѣтила я богатую блестящую одежду мою. При видѣ наряда, столь мало соответствовавшего моему состоянію, дикое отчаяніе овладѣло мною. «Марія Роза!» вскричала я — сорви съ меня всѣ проклятыя цвѣты и жемчугъ! Сорви съ меня платье, изорви его — брось! Бѣдной сиротѣ, всѣми оставленной, обманутой вами, надобны рублища, а не дорогіе уборы... Зачѣмъ вы меня обманывали? За что вы погубили меня вашимъ притворствомъ?»

И я срывала съ себя ожерелья, браслеты — все, что могла сорвать трепещущими руками — я бросала далеко отъ себя наряды мои, игрушки, которыми за нѣсколько часовъ такъ восхищалась, на которыхъ глядѣла такъ гордо, какъ на признаки моего торжества, какъ на уборы невѣсты...

Обезумленная, убитая моимъ отчаяніемъ, ничего не говорила мнѣ Марія Роза — она только плакала, и, можетъ быть, всю ночь мы провели бы такъ, если бы меня не заставилъ опомниться шумъ многихъ голосовъ, приближавшихся къ двери. Между ними различила я голосъ моего опекуна. Страхъ, что меня застанутъ въ такомъ безпорядкѣ, что меня станутъ спрашивать, возвратилъ мнѣ разсудокъ и смыслъ; я набросила на себя поскорѣе плащъ моей няньки, выскочила въ садъ и по маленькой лѣстницѣ ушла въ мою комнату. Благодаря Клементинѣ, которая всѣмъ говорила на балѣ о моей нечаянной болѣзни, никто не подумалъ о настоящей причинѣ моего отсутствія. Жалѣли только, что я лишена была участія въ общемъ весельи, да и кто могъ вообразить, что адъ всѣхъ страстей, всѣхъ бѣдствій терзалъ въ то время бѣдную Креолку...

На другой день, когда я проснулась послѣ тяжкаго сна, о Боже! какъ все вокругъ меня измѣнилось... Чувствуя горечь жизни въ душѣ, пустоту въ мѣрѣ, печаль удушающую, безнадежность въ будущемъ, я не узнавала самой себя, той Аделаиды, простой, доврчивой, счастливой, мечтательной, вѣрившей въ любовь безкорыстную, въ искренность чувства... Да, то была не я — другая Аделаида...

Жестокая горячка доводила меня до могилы. Она избавила меня, по крайней мѣрѣ, отъ посѣщеній жены моего опекуна и Клементины. Имъ сказали, что болѣзнь моя заразительна, и онѣ не смѣли придти ко мнѣ. Но добрый мой опекунъ приходилъ ко мнѣ часто, сидѣлъ подлѣ меня, плакалъ обо мнѣ...

«Какъ я радъ, милый другъ,» сказалъ онъ мнѣ, когда я могла уже сидѣть на кровати моей и понимать, что мнѣ говорили — «какъ я радъ, что ты выздоровѣешь! Ты замѣнишь мнѣ дочь мою, которая тебѣ одолжена своимъ счастьемъ. Безъ тебя, мы не знали бы г-на Дартевала. Теперь, я умру спокойно, вѣтряя ему жребій моего семейства, мою маленькую Лоретту... Но твой жребій сдѣлался моимъ священнымъ обязательствомъ — я устрою его и ты будешь счастлива!»

Счастлива! Мой опекунъ не зналъ, что слова его были утѣшительны мнѣ, не по обѣщанію счастья — его нѣтъ уже для меня, но потому, что они показали мнѣ рѣшеніе моей судьбы... Долго думала я и увидѣла, что Провидѣніе даровало мнѣ средство заплатить моему благодѣтелю цѣною моего счастья. Такъ! И — ничто не возмутитъ его радости, его надежды — ни онъ и никто не узнаютъ моей тайны — я сокрою ее въ могилѣ... Тяжко мое рѣшеніе, но Богъ подкрѣпитъ меня. Я задыхаюсь вздохами моими; слезы моихъ не увидать, и когда вокругъ меня будутъ ра-

доваться, будутъ такъ веселы и счастливы — я никому не скажу: «Они купили счастье цѣною моего счастья—моей жизни!»...—Гдѣ только взять силы? — Теперь я одна. Клементина, мачиха ея, Дартеваль и г-нъ Лоранти всѣ въ Лоріанѣ. Они готовятся къ свадьбѣ; они хотятъ ѣхать въ Парижъ за покупками. Свадьба наследницы Дюгескленой будетъ великолѣпная. Черезъ мѣсяць они опять будутъ здѣсь... Тяжко мнѣ тогда...

Провидѣніе избавило бѣдную Аделанду отъ испытанія, котораго она не могла бы перенести. Она умерла за недѣлю до пріѣзда опекуна въ замокъ. Любовь и горестъ перемогли силу ея воли и рѣшительность...

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Л И Д І Я.

(Переводникъ посвящаетъ сію повесть, на память, поэтическому Ю. Н. Бартеневу.)

Шанфоръ сказалъ гдѣ-то: «Въ двадцать пять лѣтъ надобно сердцу, либо разорваться, либо сдѣлаться мѣднымъ.» — Въ двадцать пять лѣтъ сердце мое разорвалось...

Отвращеніе отъ положительной жизни заставило наконецъ меня ужасаться ее. Всѣ мои мысли, всѣ мои надежды устремлялись къ той жизни, которая «никогда не будетъ», говорятъ матеріалисты, которая «непремѣнно будетъ», говоритъ сердце чело-вѣческое, и между тѣмъ видитъ въ ней тайну непроницаемую! Покровъ тайны былъ раскрытъ для меня. Я проникъ въ нее, таинственную, будущую жизнь, какъ въ жизнь дѣйствительную. Я чувствовалъ, я глубоко постигалъ, что Богъ, по предвѣчнымъ законамъ своимъ положившій, да не погиб-

нетъ ни единая пылинка во вселенной, не могъ нарушить своего божественнаго закона въ отношеніи небеснаго огня ума и неземнаго пламени любви, чѣмъ одушевить человѣкъ, совершеннѣйшее изъ его созданій. Крѣпко и твердо увѣрился я въ необходимость награды нашей за могилу, которую общаетъ намъ божественное слово Искупителя. Мой вѣкъ былъ временемъ безвѣрія, но въ сердцѣ моемъ уцѣлѣло сознаніе вѣры. Однажды достигнувъ до сей точки философіи, однажды увлекшись поэзіею сердца, я чувствовалъ, какъ стали заживать раны его. Но въ тоже время, я охолодилъ умъ мой, я употребилъ его весь на то, чтобы сердцу моему не было нанесено новыхъ язвъ, и для того, сколько могъ, удалился я отъ всѣхъ товарищей моего земнаго, бѣднаго бытія. Ничто вѣрнѣе оскорбленной чувствительности не ведетъ насъ къ эгоизму. Столько разъ, такъ сильно, такъ часто бывалъ я обманутъ въ самыхъ драгоцѣнныхъ отношеніяхъ, что мнѣ показалось, будто мудрость человѣческая состоитъ въ томъ, чтобы никого и ничего не любить, изъ опасенія страдать, когда теряемъ то, что мы любили. И мнѣ казалось, что такъ можно жить человѣку, какъ будто жизнь человѣческая можетъ называться жизнью безъ любви...

Мое состояніе давало мнѣ средства путешествовать, вести подвижное, перелетное существованіе, составленное изъ бѣглыхъ, измѣнчивыхъ чувствованій и впечатлѣній, не привязываясь ни къ чему на землѣ, не давая даже себѣ времени на чемъ нибудь остановиться. «И что наша жизнь, если не путешествіе?» говорилъ я самъ себѣ. Только потому, что мы не разнообразимъ переходами каждый день нашъ, только потому запутываемъ мы наконецъ себя узамъ, которыхъ послѣ того развязать не можемъ. Ка-

кая печаль можетъ нарушить послѣднія минуты бытія беззаботнаго пилигрима, который никому не завѣщаетъ ни памяти своей, ни имени своего, ни лица своего, перемѣняетъ всякій день семейство и отечество, и слезы свои можетъ посвятить развѣ только воспоминанію о своемъ дѣтствѣ, а за то и самъ не будетъ стоить ни одной слезы свидѣтелямъ его смерти? Такъ умереть, значить перейти изъ одной гостинницы въ другую — положимъ: переселиться изъ одной страны въ другую, да что тутъ за бѣда тому, кто привыкъ къ подобнымъ переселеніямъ?

Мнѣ должно бы говорить самому себѣ иначе, говорить, что такъ умереть, значить умереть не живши; что на землѣ существуемъ мы для того только, чтобы любить другъ друга, помогать другъ другу, служить взаимно, нести одному за другаго бремя жизни; что будущая жизнь не отрадна тому, кто здѣсь не исполняетъ такого долга; что человѣку, не любившему здѣсь не для чего желать воскресать тамъ, если осмѣлимся такъ выразиться, ибо благами будущей жизни призываютъ насъ наслаждаться только любовь и добро. — Не такъ я думалъ, и — всѣ сѣ чувства вдругъ возродило въ сердцѣ моемъ событіе, которое хочу я здѣсь разсказать.

Слѣдуя строго своей системѣ, я не имѣлъ при себѣ въ моихъ путешествіяхъ постояннаго служителя. Иногда такой служитель полюбитъ васъ и вы можете его полюбить. Нѣтъ! Никакой любви и ни къ кому! И я перемѣнялъ услугу, какъ перемѣнялъ мѣсто пребыванія, вездѣ останавливаясь только на самое краткое время. Если при такомъ распорядкѣ, я терялъ выгоду имѣть услугу правильную, привычную, преданную мнѣ, можетъ быть, «за то всегда у меня слуга умнѣе,» говорилъ я, «знакомѣ съ тѣмъ

мѣстомъ, гдѣ я нахожусь, болѣе знаетъ всѣ подробности, все любопытное для путешественника, и я удобнѣе и съ большою занимательностью путешествую, ни чѣмъ не стѣсняясь.» Слуга, которого взялъ я такимъ образомъ въ Женевѣ, для соупростованія мнѣ по Валеэской области, договорился провожать меня до Мартиньи, мѣста его жительства. Онъ назывался *Маленькій Лугоноъ*, по причинѣ небольшого его роста, и хотя онъ былъ строенъ и крѣпокъ, но казался мнѣ забавною шуткою природою, сдѣлавшей такую прихотливую миниатюру жителемъ исполинскихъ Альповъ. Маленькій Лугоноъ соединялъ впрочемъ въ себѣ всѣ качества, по которымъ Альпійскіе проводники составляютъ особенный родъ людей, отдѣльный отъ всѣхъ типъ. Онъ былъ живая исторія, біографія, статистика Швейцаріи, а, разумѣется, чего же еще болѣе спрашивать отъ временнаго проводника? И я не заботился, что мой Лугоноъ не былъ ученымъ, не былъ философомъ, а напротивъ былъ добродушенъ, и простъ и довѣрчивъ притомъ, какъ дитя. Добродушіе, и два эти качества придавали особенную прелесть его разговорамъ, потому, что онъ говорилъ, не желая, ни самъ чему нибудь научиться, не думая и учить другихъ. Онъ зналъ имя каждаго предмета, число того или другаго событія, но скромная умственность его не усиливалась восходить къ причинамъ происшествій и выводамъ изъ видимыхъ вещей. Онъ говорилъ что зналъ, вѣрилъ тому что говорилъ. И только съ такими условіями и люблю я всякое знаніе. Когда неожиданный вопросъ перерывалъ рассказъ его, и особенно, если онъ увлекалъ его изъ дѣйствительности положительной жизни въ предположительный міръ воображенія и отвлеченій, онъ обыкновенно выводилъ себя изъ за-

трудненія тѣмъ восклицаніемъ, которое принадлежитъ къ счастью человечества, во всѣхъ странахъ языку сердца — восклицаніемъ: Божья воля! Такъ говаривалъ Лугоноъ, и я вызываю мудрецовъ всего міра найти болѣе вѣрное разрѣшеніе множеству затруднительныхъ сомнѣній, представляемыхъ всѣми знаніями человѣческими. Не сомнѣваюсь, что нѣкогда передѣлаютъ всѣ наши энциклопедіи по категоріи сего понятія, и тогда наши энциклопедіи будутъ хорошими книгами, то есть, будутъ совсѣмъ не тѣмъ, что онѣ теперь. Но Лугоноъ вовсе не думалъ передѣлывать энциклопедій, потому, можетъ быть, что никогда объ нихъ и не слыхивалъ.

Мы отправились съ нимъ изъ Вевея послѣ обѣда, прекраснымъ весеннимъ днемъ, желая осмотрѣть — за несуществованіемъ Кларанской рошницы, о которой я и не подумалъ бы заботиться, еслибы она и существовала — замокъ Шильонъ, потому, что надобно же было тутъ что нибудь осмотрѣть! Путешественники обыкновенно воображаютъ, будто непременно должно имъ осматривать то, что прежде нихъ смотрѣли другіе, хотя часто иной любопытный предметъ вовсе не стоитъ труда даже взглянуть на него.

Мы ѣхали рядомъ, подъ тѣнью деревьевъ, не поуждавъ нашихъ лошадей. Вдругъ Лугоноъ перервалъ молчаніе и началъ въ слухъ говорить самъ съ собою:

«Вотъ домъ Жоржа, но, конечно, Лидіи тутъ нѣтъ. Бѣдлjacka, навѣрно, въ такую прекрасную погоду ушла плести Жоржу свои вѣнки изъ дикихъ цвѣточковъ, тамъ, въ томъ проклятомъ мѣстѣ, которое называютъ ея садикомъ.»

Въ это время ѣхали мы мимо какого-то прелестнаго домика, бѣлаго, съ зелеными ставнями; веселая

наружность его давала утѣшительную мысль о тишинѣ, довольствѣ и опрятности.

— Домъ Жоржа? — сказала я — а что это за Жоржъ такой?

«Жоржъ кто такой? Мужъ Лидіи.

— Хорошо, да кто такая эта Лидія?

«Лидія кто такая?» сказалъ холодно Луговъ, потому ли, что не понималъ вдругъ, что я не могъ знать извѣстныхъ ему подробностей, или потому, что хотѣлъ возбудить мое любопытство — Лидія, сударь, жена Жоржа.

— Разумѣется — отвѣчала я, удерживая мое нетерпѣніе — но и Лидія и Жоржъ, оба, кто они такіе, и почему они имѣютъ честь возбуждать твое участіе?

«Лидія и Жоржъ?» Онъ приблизился ко мнѣ, и добродушно опершись рукою на сѣдло мое, прибавилъ: «это, сударь, цѣлая исторія!»

— Тѣмъ лучше. Намъ теперь нечего дѣлать другаго, какъ только слушать исторіи.

Мы поѣхали шагомъ. Луговъ задумался, будто собираясь на интересный разговоръ памятью и словами. Медленно потеръ онъ себѣ лобъ, словно приводя въ порядокъ свои воспоминанія. Потомъ, съ увѣренностью поднялъ онъ свою голову и началъ такъ:

«Жоржъ и Лидія, какъ уже вы знаете, сударь, были мужъ да жена, и никогда еще, кажется, не бывало такой чудесной парочки, прекрасной во всемъ: никого не найдешь, бывало, красивѣе Жоржа — развѣ Лидію, и никого лучше Лидіи — развѣ Жоржа. Ну, говорятъ, деньжонокъ-то у нихъ немного водилось, какъ они пріѣхали къ намъ, лѣтъ тому,

вотъ этакъ съ пять, шесть, и поселились у бабушки Цурихъ, а она жила тогда тамъ, въ бѣдной хаткѣ, на берегу, вонъ за тѣми виноградниками! Я указалъ бы вамъ, да садикъ разросся тамъ такой густой, что отсюда не видно домика. Ну, впрочемъ, она подарила потомъ свою избушку сосѣдкѣ, которая была еще ея бѣднѣе. Хорошая была старушка! Вотъ, какъ Жоржъ присталъ къ ней, и пошелъ онъ къ лодочникамъ и рыбакамъ — «дайте,» говорить, «работы!» Онъ былъ такой молодець, силачъ, трезвый, ласковый, ловкій, и скоро у него одного стало больше работы, нежели у всѣхъ его товарищей. Да, онъ не хотѣлъ жить на счетъ другихъ. Бывало, у кого этакъ день выйдетъ плохой, Жоржъ тотчасъ радъ подѣлиться. За то, какъ всѣ любили его, и такое чудо было, что чѣмъ больше онъ разжился, тѣмъ менѣе было у него завистниковъ. Всякій, бывало, говоритъ: «Дай Богъ Жоржу — добрый человекъ!» Разумѣется, что скоро обзавелся онъ своей лодкой и своими сѣтями, и тогда-то, чтобы всегда поближе быть къ берегу, купилъ онъ себѣ, вотъ этотъ хорошенькій домикъ. Онъ, правда, дешево ему достался: дрянной такой былъ, а ужъ украсилъ-то его самъ Жоржъ, и сдѣлалъ его такимъ миленькимъ, что твоя игрушечка. Особенно заставило его бросить свое старое гнѣздо у бабушки Цурихъ одно несчастіе, что тамъ умеръ у него малютка — такой хорошенькій, вотъ настоящий ангелъ! Мать, бѣдная не могла жить болѣе въ томъ домѣ, гдѣ все напоминало ей грустную потерю. Они уговорили и бабушку Цурихъ переехать къ нимъ — помнили ея добре, а старушка такъ полюбила ихъ, что не хотѣла съ ними разстаться, да и ей малютки-то жаль было; она сама водилась съ нимъ. Часто Лидія, бывало, плачетъ вмѣстѣ съ старушкой. Бѣдная

очень сильно горевала; ее ужь только и видали, когда она по воскресеньямъ ходила къ обѣднѣ въ католическую часовню, да въ праздники отправлялась съ Жоржемъ, вонь туда, черезъ озеро, къ Святому Жангу. Такъ, вотъ, сударь, что такое были Жоржъ и Лидія.»

— Спасибо тебѣ за рассказъ, любезный Лугонь— сказалъ я, подстегнувши лошадь, такъ, что она пошла маленькой рысью. — Не диво, что благословеніе Божіе сошло на такихъ добрыхъ людей, какъ вы Жоржъ и Лидія. Да, гдѣ же однакожь твоя исторія?

«Ну, да, я вѣдь не кончилъ еще моего рассказа! Опять остановилъ я лошадь мою, и сталъ слушать.»

Ну, видите, какъ Жоржъ былъ не здѣшній,» продолжалъ Лугонь, «такъ, знаете, всякому и любопытно было знать: откуда онъ? И кто что узнавалъ отъ чужестранцовъ, пересказывалъ другому. А вѣдь вы знаете, что едва ли въ какой другой сторонѣ перебивается столько народа, сколько здѣсь у насъ. Вотъ мы и узнали, что Жоржъ родился отъ одного богатаго, однакожь очень честнаго купца, въ какомъ-то приморскомъ городѣ — право, не помню: Страсбургъ ли, Перпиньянъ ли, да только во Французскомъ городѣ, и именно гдѣ-то подлѣ Англіи. Отецъ его былъ корабельщикъ, то есть, отправлялъ въ море корабли, и съ нимъ товарищемъ былъ отецъ Лидіи. Отъ того старики такъ издавна и положили, что Жоржу жениться на Лидіи, когда же-нихъ съ невѣстой подростутъ. Бѣдняжки съ дѣтства полюбили другъ друга; и состояніе у нихъ было равное, и отцы были согласны. Чего бы кажется? Оно и такъ, да человекъ предполагаетъ, а располагаетъ Господь. Божья воля! Тамъ буря разбила корабль;

тамъ плутъ какой-то обанкрутилсл; тамъ морской разбойникъ захватилъ товаръ. Оба друзья умерли съ горя, а бѣдныя дѣти ихъ остались такіе безпомощные, такіе сироты, что всѣ ихъ забыли и ужь нельзя было подумать о свадьбѣ. Жоржъ зналъ всякой пустой науки много; и адвокатомъ могъ быть, и сочинителемъ и депутатомъ. Ну, да, такъ пришлось, что онъ принужденъ былъ приняться просто за работу — былъ онъ такой сильный, и думалъ, что хлѣбъ зарабатывать никакимъ занятіемъ не стыдно. Вотъ онъ пошелъ въ гавань, и началъ тамъ таскать тюки съ товаромъ. Всѣ его прежніе товарищи по-собить ему не думали, но стали его за то презирать, да онъ и не помышлялъ объ нихъ.

«Однажды выгружаютъ корабль. Жоржъ спрашиваетъ: куда таскать товаръ? Ему и даютъ записку. Глядь — товары-то принадлежали его отцу. Тутъ было все то, что удѣляло отъ моря, и отъ разбоя, и отъ плута.»

«Хорошо — подумалъ Жоржъ — хотя я и отдаю все тѣмъ, кому былъ долженъ отецъ, но вѣдь отцовскіе долги все еще не всѣ заплачены. Онъ и говорить кредиторамъ: «Возьмите, господа — вотъ еще отыскалось имѣніе моего отца!» Тѣ взяли, поблагодарили, а Жоржъ опять началъ работать, какъ прежде. Поведеніе и поступокъ его были замѣнены. Всѣ сказали: «Жоржъ очень честно поступилъ.» Видите, если люди сами не всегда дѣлаютъ хорошо, но когда видятъ, что кто нибудь другой дѣлаетъ хорошо, такъ всегда похвалятъ.»

«Надобно вамъ сказать, сударь, что у Жоржа былъ дядя, старикъ, не женатый и очень богатый, потому, что пока отецъ Жоржевъ наживалъ деньги, дядя былъ съ нимъ за одно, а какъ стали дѣла-то шататься, онъ взялъ свою часть, а Жоржеву отцу по-

собить потомъ не думалъ. Дядя позвалъ Жоржа къ себѣ, и сказываютъ, началъ говорить ему вотъ такъ:

«Ну, братецъ, добрыхъ я вѣстей объ тебѣ наслышался! Мать твоя, а мой сестра, имѣла свое собственное добро, а ты и его отдалъ за долги отцовскіе. А послѣ Богъ тебѣ послалъ было кое что, ты и то отдалъ. А для чего ты такъ поступаешь? Что тебѣ платить чужіе долги? Что, думаешь, скажутъ тебѣ люди спасибо? Про тебя же все теперь говорить, что ты очень глупъ! Нѣтъ, братъ, этакъ денегъ не наживешь. Да, впрочемъ, не мое дѣло — поступай, какъ знаешь, а вотъ что мое дѣло: деньги ты отдаешь другимъ, какъ богатый человѣкъ, а самъ принужденъ работать, какъ будто какойнибудь поденщикъ. Какъ же ты не видишь, что твоя работа и твоя бѣдность безславятъ меня, въ томъ городѣ, гдѣ живу я, и гдѣ, Богъ знаетъ съ чего, почитаютъ меня богачемъ? Знайте, сударь, что никогда порядочный человѣкъ не бываетъ дрягилемъ, и изъ нашего рода никто такую унижительною работою не занимался. Топоръ, либо заступъ — да, это позоръ нашему роду!

Жоржъ отвѣчалъ: «Мнѣ казалось, дядюшка, что мое поведеніе не заслуживало упрека. Я почиталъ трудъ единственнымъ честнымъ средствомъ для существованія человѣка, у кого ничего нѣтъ. Позвольте мнѣ остаться при моемъ мнѣніи, потому, что мнѣ кажется, будто такъ долженъ думать каждый честный человѣкъ и христіанинъ. Что моя незаслуженная и невольная бѣдность можетъ унижать справедливую гордость моего почтеннаго родственника, я съ вами согласенъ, но я готовъ избавить васъ отъ невольнаго поношенія, тѣмъ, что уйду работать куданибудь въ другое мѣсто. Я уже давно о томъ думалъ, и

если до сихъ поръ не исполнилъ моего намѣренія, такъ потому только, что мнѣ надобно было чтонибудь скопить для разживы, а въ моемъ занятіи такое дѣло не бездѣлка, и дѣлается очень медленно. Но вы можете быть увѣрены, что если вамъ досадна моя работа, и кажется унижительнымъ мое занятіе, я отъ того и другаго васъ избавлю, и тотчасъ удалюсь отсюда.

— Хорошо — сказалъ старикъ дядя. — Ты стало быть удалишься, если тебѣ дать немного денегъ на путешествіе? Я дамъ, пожалуй — разумѣется, немного. Теперь деньги стали дороги...

Жоржъ удержалъ свою досаду и отвѣчалъ: «Денегъ вашихъ мнѣ не надобно, дядюшка. Я успѣлъ накопить столько, что могу безъ вашей помощи отправиться отсюда. На что же вамъ тратить ваши деньги? Вамъ онѣ пригодятся. Вы можете имѣть въ нихъ нужду — у васъ кромѣ денегъ ничего нѣтъ, а я могу работать...

Тутъ лобъ старика дяди разгладился.

— Послушай, Жоржъ — сказалъ онъ ласково — ты мой племянникъ, кровь отъ моей крови, сынъ моей сестры, любимой, да очень любимой... — Старикъ хотѣлъ утереть слезу и поднесъ кулакъ къ глазу, но слеза поупрямилась, не явилась, и онъ безъ слезъ продолжалъ: «Въ молодости все мы такъ думаемъ, какъ ты, а потомъ опытъ показываетъ намъ истину, которой ты еще не знаешь. А какъ я твой пѣжрый дядя, и желаю тебѣ добра, то и подѣлюсь съ тобой — тѣмъ, чего у тебя нѣтъ и что мнѣ хорошо извѣстно, то есть, истинами опыта. Вотъ, меня все считаютъ богачемъ, но кто заглянулъ бы въ мой карманъ, такъ испугался бы! Я богачъ? Да, однѣ подати такъ раззорять, хоть кого! Ну, а я хочу однакожь упрочить твое благосостоя-

ние — то есть, мнѣ съ тобой, братецъ, къ чему дѣлиться? При худыхъ нынѣшнихъ временахъ, можетъ быть, и мнѣ едва на жизнь мою достанетъ, а что останется — твое: ты, мой племянникъ, мой единственный наслѣдникъ! И при жизни своей хочу я устроить твое благополучіе. Тебѣ надобно жениться, мой любезный Жоржъ, и я размышлялъ уже о томъ. Ты знаешь вдовушку, жену бывшаго твоего главнаго кредитора, женщину умную, экономку, красавицу по ея лѣтамъ, еще очень свѣжую. Знаешь ли, что она сдѣлала съ деньгами, которыя ты ей заплатилъ? Употребила ихъ на предпріятіе, которое даетъ тройную прибыль, а между тѣмъ взяла съ товарищей залогъ и за капиталъ проценты! Ты еще и при жизни будешь богаче меня, а послѣ меня и мои крохи тебѣ достанутся. Поди-ка, принарядись, да пойдѣмъ обѣдать къ нашей вдовушкѣ...

Вотъ Жоржъ и говоритъ ему: «Я васъ, дядюшка, покорнѣе благодарю, за то, что вы такъ милостиво изволите заботиться, чтобы составить мое счастье. Но мнѣ на предложеніе ваше согласиться невозможно. Вы знаете, что еще при жизни отца, я былъ обрученъ съ Лидіей, дочерью его добраго друга, а несчастіе отца Лидію сдѣлало союзъ нашъ неразрывнымъ, потому, что если я откажусь, такъ буду подлець. Воля была на то моего отца и отца Лидіи».

Дядя выпучилъ глаза. «Что?» сказалъ онъ — «ты женишься на Лидіи?»

— Точно такъ, дядюшка!

Онъ поклонился и ушелъ. А черезъ недѣлю Жоржъ женился на Лидіи, и вмѣстѣ съ нею отправился изъ города, то есть, для того чтобы дядя не краснѣлъ за него передъ другими. Дядя былъ еще человекъ не

очень старый, но какъ онъ безпрестанно заботился, худо ѣлъ, худо спалъ, такъ вдругъ занемогъ и умеръ. Передъ смертью онъ завѣщалъ — видите: онъ былъ великій *филантропъ*, а, говорятъ, такое ремесло очень выгодно въ наше время — завѣщалъ все имѣніе на заведеніе школъ взаимнаго обученія, то есть, гдѣ учатся все знать, хотъ учителей и нѣтъ въ этихъ школахъ, а ученики сами до всего доходятъ. Хитрый нынѣ народъ! — Объ Жоржъ дядя именно заказалъ: не давать ему ни копѣйки! Жоржъ помогъ за упокой души старика, точно такъ, какъ будто былъ наслѣдникъ послѣ него, но онъ не жалѣлъ о наслѣдствѣ, поселился здѣсь и работалъ усердно до самой смерти своей.

— Да, развѣ Жоржъ умеръ? — вскричалъ я, невольно останавливая свою лошадь.

«Да, развѣ я вамъ еще не сказалъ о томъ?» хладнокровно отвѣчалъ Лугоны. «Умеръ, сударь, умеръ! Вотъ, это случилось прошедшею осенью, Октября 6-го. Въ Божій Праздникъ будетъ ровно восемь мѣсяцовъ. Жоржъ весело возвращался въ своей лодкѣ; заработка тотъ день была у него славно. Вдругъ видитъ онъ — пожаръ! Горѣлъ домикъ, тутъ на берегу, садикъ отъ котораго выходитъ на мысъ къ самому озеру, что называютъ теперь всѣ *Лидіинъ садъ*. Пламя и дымъ разстилаются по водѣ. Жоржъ спешить, привязываетъ лодку къ берегу, бросается — никого нѣтъ: только кое кто ближніе сосѣди сбѣжались — два старика тащатъ лѣстницу. «Что такое?» спрашиваетъ Жоржъ. «Тамъ,» говорятъ, «осталась мать съ дѣтьми!» Онъ ни слова — приставляетъ лѣстницу, лѣзетъ въ огонь, и черезъ минуту несетъ оттуда женщину, безъ памяти, кидаетъ ее мнѣ — я на ту пору прибѣжалъ и поскорѣе влѣзъ по лѣстницѣ. Народъ отсюда сходится; кричатъ:

«Спасена, спасена!» Но бѣдная вдругъ опомнилась и хочетъ броситься опять въ огонь; ее держать — она кричитъ: «Дѣти! Дѣти!» Я пробрался наконецъ къ самому окну по лѣстницѣ, но войти туда было нельзя — все горитъ, дымъ душитъ! Вижу — изъ огня Жоржъ, кричитъ: «Бери!» и отдаетъ мнѣ дитя, потомъ другаго — слава Богу, живы и не тронуты — ихъ передаютъ изъ рукъ въ руки къ матери. Но она вопить еще и народъ повторяетъ ея слова: «Кольбелъ! Дитя!» Жоржъ хотѣлъ уже прыгнуть изъ окна — «Что такое?» спрашиваетъ онъ — я едва не задыхаюсь отъ дыма, но кричу ему: «Дитя! Кольбелъ!» Онъ въ отвѣтъ ни слова, и — опять въ огонь!.. Ну, думаю, пропалъ! Пламя обхватило уже лѣстницу; она горитъ, скользитъ — стѣны трещатъ... И тутъ Жоржъ является въ окнѣ, видитъ, что лѣстницы нѣтъ, схватываетъ съ себя веревку, обвязываетъ малютку, котораго вытащилъ — «Держи, Лугонъ!» кричитъ онъ — «ребенокъ живъ!» Мы подхватили дитя, а въ эту минуту кровля обрушилась, и все свилось въ одинъ столбъ огня, куда и подступить близко было невозможно — и слѣдовъ Жоржа не нашли потомъ въ обгаркахъ: сгорѣлъ ли онъ тутъ, или Господь взялъ его живаго въ жилище праведныхъ...

«Воля Божія!» заключилъ Лугонъ рассказъ свой.

— Да, мой другъ! — сказалъ я, взявши его за руку — но чтожь далѣе?

«Ничего. Дѣти, которыхъ спасъ Жоржъ, живы и здоровы — вонъ они тамъ, какъ мы ѣхали, играли подлѣ дороги....»

— Но Лидія? Ты ничего не говоришь объ ней... Лидія также умерла?

«Воля Божія, конечно, но есть люди, которые говорятъ, что лучше бы ей умереть... Кто знаетъ?...»

Она сошла съ ума черезъ нѣсколько дней потомъ, и — видите, помѣшалась, да такъ какъ-то чудно помѣшалась... Она воображаетъ, что всякую ночь улетаетъ она съ Жоржемъ на небо — Богъ знаетъ что это такое! А ужъ ее разувѣрить никто не можетъ....

Лугонъ вдругъ остановился.

— Посмотрите, сударь — вотъ обгарки дома...

Онъ указалъ влѣво на обширныя развалины. — А вотъ — онъ указалъ на полуразрушенный плетень, гдѣ стояли опаленныя деревья — видите эту молодую женщину, что ходитъ тамъ и ищетъ цвѣтовъ? Это Лидія, жена Жоржа — тутъ садъ Лидиинъ...

Онъ быстро отвернулъ свою лошадь, прикрылъ глаза рукою, и какъ будто разсматривалъ что-то въ сторонѣ.

Я соскочилъ съ своей лошади.

«Ты подождешь меня здѣсь, мой другъ» — сказалъ я. «Пусть лошади отдохнутъ немного, вотъ тутъ, подъ тѣнью. Я хочу видѣть Лидію и поговорить съ нею.

— Послушайте, сударь — сказалъ Лугонъ, съ сомнительнымъ видомъ, удерживая меня за руку. — Конечно, воля Божія, но лекаръ говоритъ, что сумасшествія бываютъ иногда заразительны, и что именно, сумасшествіе Лидіи такого рода. Берегитесь, сударь — знаете ли, что бабушка Цурихъ уже... — Онъ повелъ пальцомъ по лбу — да, сударь, она вѣрить всему, что рассказываетъ ей Лидія!

«И такой умный человекъ можетъ слушать такія дурачества!» сказалъ я, усмѣхаясь. «Да, тѣмъ-то лекаръ и морочатъ насъ, что толкуютъ небывальи и выводятъ небывальи открытія! Будь спокоенъ на мой счетъ: я совершенно безопасенъ отъ вѣры въ слова сумасшедшей женщины, и если не могу при-

несть ей никакого утѣшенія, то и бояться ея не стану.

Я перепрыгнувъ черезъ плетень, пока Лугонь, навистывая пѣсню, располагался на отдыхъ. Лидія меня не замѣчала. Въ рукахъ ея была маленькая корзинка, наполненная цвѣтами и травою, но она еще искала и рвала ихъ. Потомъ, вдругъ остановилась она, съела и начала ихъ раскладывать...

Я сорвалъ нѣсколько цвѣточковъ и подошелъ къ ней. Она поглядѣла на меня. «Не сердись, Лидія,» сказалъ я, «что, вотъ, я сорвалъ нѣсколько цвѣточковъ въ твоемъ саду. Они такіе милые — рѣдко гдѣ найти подобныхъ, но я не унесу ихъ, а отдамъ тебѣ для твоего букета.» — «Не для моего» — отвѣчала она, улыбаясь — «а для Жоржева.» И она взяла мои цвѣты и раскладывала ихъ, продолжая говорить — «У него есть свои цвѣты лучше, и такъ хорошо пахнутъ, что никакой цвѣтокъ на землѣ не дастъ тебѣ о томъ никакого понятія. Но Жоржъ любитъ смотреть и на мои цвѣтки, всегда благодаритъ меня и вспоминаетъ, какъ мы вмѣстѣ рвали ихъ, здѣсь на берегу.» — «Развѣ онъ опять придетъ къ тебѣ?» спросилъ я, садясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. — «Сюда?... Нѣтъ! онъ сюда не приходитъ. Ему нельзя придти — вѣдь онъ умеръ. Развѣ ты не знаешь, что онъ умеръ?» — Она взглянула на меня, съ такою улыбкою, что сердце мое перевернулось. «Извини меня, Лидія,» сказалъ я, «а вѣдь я думалъ, что ты ждешь его сюда.» — «Охъ! нѣтъ!» — вскричала она — Жоржъ всегда ждетъ меня къ себѣ, и сегодня я тотчасъ отправляюсь къ нему, вотъ, какъ только зайдетъ солнце и мнѣ захочется спать... Ахъ! если бы я безпрестанно могла спать!» — «Стало быть, сонъ твой сладокъ, Лидія, если ты желаешь его приближенія? Да, по крайней мѣрѣ, въ эту пору ты не

страдаешь...» — «Не страдаю?» — сказала она, приближаясь немного ко мнѣ — «а что ты называешь *страдать*? Я не страдаю никогда, никогда! Днемъ я жду ночи и надѣюсь. Иногда дни кажутся мнѣ немножко длинны; мнѣ становится скучно; но я начинаю молиться, собирать цвѣты для Жоржа, думать объ немъ, думать о томъ времени, когда мы на вѣкъ соединимся съ нимъ — вотъ что вы обыкновенно называете: *умереть!*» — «А ночью, Лидія?» — «По ночамъ, мы бываемъ вмѣстѣ — я и Жоржъ. Да, развѣ я тебѣ еще не рассказывала? Да, точно — и мнѣ кажется, что мы съ тобой что-то давно не выдalisся. Пожалуй, если хочешь, я все тебѣ расскажу, такъ подробно, какъ бабушкѣ Цурихъ.» — «Я радъ бы тебѣ послушать, но не утомитъ ли тебя рассказъ?» — «Говорить объ Жоржѣ и утомиться? — Она отложила свои цвѣты, взяла меня за руку, а другую руку свою приложила къ своему лбу, какъ будто стараясь что нибудь припомнить. «Да, да, такъ!» повторяла она, и, казалось, мысли ея приходили въ порядокъ, лицо оживало, глаза загорѣлись какимъ-то неестественнымъ огнемъ. Она начала говорить, и чудная стройность была въ рѣчахъ ея, и непостижимая прелесть выраженія одушевляла ея рѣчи. Вотъ что говорила она:

«Думаю, ты не позабылъ того дня, когда былъ пожаръ? Какъ забыть его! День этотъ былъ ужасный день — не правда ли? Но когда пожаръ кончился, дѣтей спасли, мать ихъ была счастлива, всѣ спокойно пошли домой, только Жоржъ не приходилъ домой. Не знаю: сказалъ ли мнѣ кто нибудь, или я сама догадалась, что Жоржъ умеръ. Тогда я почитала еще смерть самымъ ужаснымъ дѣломъ — вѣчною разлукою! Я думала, что цѣлая вѣчность разълила меня и Жоржа, и жалѣла, что печаль моя тотчасъ

меня не уничтожила. Мнѣ показалось даже, что я мало любила Жоржа, потому что пережила его, и только тѣмъ себя утѣшала я, что отчаяніе, можетъ быть, походить на другія болѣзни, что у него, какъ у лихорадки, есть свои постепенности, и оно не можетъ убивать вдругъ, подобно грому, или удару кинжаломъ. Какъ хорошо бы — думала я — умереть вдругъ, умереть безъ продолжительнаго страданія, такъ, какъ умеръ Жоржъ! Но я надвѣлась, чувствуя, какъ страшно бьется мое сердце, думала, что ему долго не вынести, что оно скоро разорвется, и все таки мнѣ страдать остается недолго. Такъ я жила, не знаю сколько времени, безъ движенія, безъ словъ, безъ пищи, безъ сна, и въ умѣ моемъ были только какія-то странныя мечты. Мысль о пожарѣ безпрестанно меня преслѣдовала. Мнѣ все мечтался пожаръ. Отъ времени до времени мнѣ казалось, что все вокругъ меня горитъ; пламенные вихри обвиваются около меня; отъ нихъ стѣсняется мое дыханіе, загараются мои волосы и рѣсницы, и когда я оборачивала кругомъ себя взоры, я видѣла, что отовсюду пробивался огонь, сливался длинными, огненными змѣями, крутился, отдвигался, опять подходилъ, и съ радостью говорила я: «Слава Богу! я такъ же умру, какъ Жоржъ!» Мнѣ иногда казалось, что пожаръ еще продолжается, и я думала: «И я такъ же сгорю, какъ онъ! Для чего же говорилъ мнѣ, будто онъ одинъ, безъ меня умеръ? — Иногда мнѣ казалось, будто я слышу вокругъ себя сильные вопли: «Радуйся, радуйся! Онъ спасенъ! Его не задавило тамъ! Кровля упала на него, но горящія бревна не совсѣмъ обрушились, и подъ ними онъ уцѣлѣлъ и найденъ живой и здоровый!» Вокругъ меня прыгали дѣти и кричали: «Онъ живъ! Онъ живъ!» Я старалась проговорить что нибудь, спросить: «Кто спасенъ? Кто

живъ?» Слова замирали въ моей груди. Но Жоржевъ голосъ слышался мнѣ; онъ говорилъ мнѣ: «Я живъ, я спасенъ!» Его слова оживляли меня; я не могла изъяснить чувства моей радости, но слышала, какъ Жоржъ подходилъ ко мнѣ, какъ его дыханіе было близко ко мнѣ, какъ онъ взялъ меня за руку — я затрепетала, и тогда только разглядѣла, что меня держитъ за руку какой-то высокій, блѣдный и худощавый человекъ. Онъ пристально смотрѣлъ на меня и говорилъ кому-то: «Кажется, что она не умретъ, но только она помѣшалась — она лишилась разсудка!»

Тутъ Лидія остановилась на минуту, какъ будто снова собирала свои воспоминанія, и потомъ начала опять съ тѣхъ самыхъ словъ, которыя особенно увлекли ея вниманіе, не прерывая связи мыслей. «Лишилась разсудка! Помѣшалась! Богъ знаетъ, что это онъ говорилъ! Что такое: «лишилась разсудка?» Это такое состояніе, когда умъ приходитъ въ безпорядокъ, и ему мечтаются всякіи безсвязный вздоръ, либо онъ увлекается какою нибудь мечтою. Что жъ такое? Исключая смерти, состояніе самое счастливое, состояніе единственное, котораго позволено намъ желать здѣсь на землѣ, потому что желать смерти грѣшно! Да, я не была сумасшедшею, совсѣмъ не была — я ничего не забывала, ничего не воображала я себѣ нелѣпаго и несбыточнаго. Я очень хорошо понимала, что Жоржъ умеръ, что я осталась одна, что онъ никогда ко мнѣ не возвратится. Да, я очень хотѣла бы сойти съ ума и вообразить себѣ какую нибудь радостную мечту, но не могла. У меня оставалось ума гораздо больше, нежели сколько было надобно понимать весь ужасъ моего страшнаго несчастія. Я такъ хорошо его понимала, что не могла забыть ни на одну минуту. Я говорила сама себѣ: «Это ужасное стѣсненіе сердца,

неужели оно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока сердце мое не разорвется? Это смертное томленіе, неужели продолжаться ему до самой смерти моей? Да, если я умру еще не скоро, мученіе мое хуже смерти! Чтожь? Смерти такъ легко достигнуть — прости, всемогущій Творецъ, моему тогдашнему отчаянію! — Та молодая женщина, которую Жоржъ недавно вытащилъ изъ озера, куда она бросилась съ горя, и которой такъ старались возвратить жизнь — она не жила болѣе, она ничего не чувствовала болѣе, ни любви, ни горестей, за минуту ее терзавшихъ — она успокоилась, бѣдняжка, на цѣлую вѣчность. И это спокойствіе, которое нашла она такъ легко и скоро, кто препятствуетъ и мнѣ такъ же легко и скоро найти его? Озеро здѣсь близко — воды его глубоки и смерть ждетъ меня въ глубинѣ ихъ!

«Ты понимаешь, мой другъ,» продолжала Лидія, «что такая злая мысль могла придти мнѣ въ голову потому только, что я не думала еще тогда прибѣгнуть къ Богу... Ахъ! я думала тогда только о моемъ Жоржѣ, и мысль соединиться съ нимъ смертью была для меня радостною, единственною. Надежда новой жизни явилась мнѣ съ надеждою смерти. Я успокоилась, открыла глаза, желая узнать: настала ли ночь, потому, что я могла исполнить мое намѣреніе только въ ночной темнотѣ. Я хорошо понимала, что люди не дадутъ мнѣ исполнить моего намѣренія днемъ. Солнце еще не совсемъ сѣло, но уже послѣдніе лучи его померкали на вершинахъ горъ. Я прислушивалась, и слышала, какъ пастухи сзывали стада свои вечернею пѣсней. Жужжаніе насѣкомыхъ замолкало. Моя любимая горлица прятала головку подъ крыло свое. «Скоро ночь — подумала я — и спокойствіе навѣки мое!»

Здѣсь еще разъ остановилась Лидія, и радостно вздохнула, какъ путешественникъ, послѣ тяжелаго перехода, весело измѣряющій взоромъ покатое склоненіе легкой остальной дороги. Она начала опять:

«Болѣе ста часовъ я не спала, и какія ни дѣлала я теперь усилія не заснуть, пока настанетъ ночь, которой ждала я, какъ моего избавленія, глаза мои невольно слипались. Богъ знаетъ, уснула ли я, но только все предметы вдругъ какъ-то исчезли передо мною, слились въ какомъ-то смѣшенномъ чувствѣ бытія, почти неразличимаго отъ смерти, потому, что оно было спокойно и безчувственно, какъ смерть. Только вокругъ себя слышала я какой-то неопредѣленный шумъ, тихій, очаровательный, будто шумъ вечерняго вѣтерка въ листочкахъ дерева, либо ропотъ тихой волны, умирающей на берегу. Ночь, начало которой видѣла я съ такимъ негерпѣніемъ, казалось, превращала мракъ свой въ утреннюю зарю, или нѣтъ: то былъ какой-то не дневной свѣтъ, и не свѣтъ огня, но темнота дѣлалась мало по малу прозрачною, свѣтлою. Пока она постепенно ярче и ярче свѣтлѣла, я обращала все мое вниманіе на такое необыкновенное явленіе, и вниманіе мое было невольное, совершенно свободное отъ всѣхъ моихъ страданій. Казалось, что у меня не было тогда ни воспоминаній, ни чувствъ, ни души. Только одно зрѣніе мнѣ оставалось. Свѣтлость становилась живѣе и живѣе, но она не ослѣпляла меня, была усладительна, хотя я и не понимала, какъ могутъ глаза смертнаго человѣка выносить ее безъ ослѣпленія. Вдругъ, и какъ будто чувства мои пробуждались одно за другимъ, мнѣ показалось, что я слышу словно трепетаніе крыльевъ, шелестившихъ въ этой чудесной атмосферѣ; мнѣ казалось, что шумъ отъ нихъ долеталъ ко мнѣ отъ какого-то свѣтлаго пятна, ле-

твѣщаго на меня съ высоты; чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе становилось оно, развивалось на полетѣ, и по мѣрѣ приближенія облекалось въ цвѣта и формы. Ко мнѣ прямо летѣлъ кто-то, и крылья были у него съ золотыми перьями, и шумъ движенія ихъ былъ очаровательнѣе для слуха всякой земной гармоніи, а тотъ, кто летѣлъ ко мнѣ на крыльяхъ — ты понимаешь — то былъ мой Жоржъ! По въ изступленіи, въ какое повергъ меня восторгъ свиданія, я больше угадывала, нежели видѣла, что то былъ точно онъ!

«Крылья его коснулись меня; руки его обвились вокругъ меня; я чувствовала прикосновеніе устъ его на щекахъ, на глазахъ моихъ, чувствовала, какъ локоны волосовъ его касались лица моего. «Иди со мною» — говорилъ онъ мнѣ — «довѣрься твоему брату, твоему возлюбленному другу! Эта земля уже не наша земля; здѣшнее пребываніе уже не наше пребываніе!» — И мы поднялись съ нимъ въ одно мгновеніе, и такъ быстро, что границу почной темноты уже перелетѣли мы, а я только что собрала силы спросить у него: куда мы летимъ? Мы погружались, какъ будто въ Океанъ бездонный и безбрежный, въ тотъ вѣчный эфиръ, гдѣ никогда нѣтъ ночи, гдѣ свѣтъ всѣхъ свѣтилъ небесныхъ затопляетъ пространство. Нашъ мѣръ, который, безъ грусти, некала я мои взоры, казался мнѣ только блѣдною планетою, чуть блѣвншею вдали, готовою исчезнуть въ темныхъ пеленахъ облаковъ. Солнце наше не замедлило погаснуть въ свой чередъ, пока новое солнце загаралось на небосклонѣ, и казалось летѣвшимъ на насъ, безпрерывно увеличивалъ блескъ и объемъ. И оно скрылось потомъ въ глубинахъ безконечности, гдѣ скрылось уже передъ нами столько другихъ свѣтилъ, столько другихъ

солнцевъ. Черезъ мгновеніе — такъ усиливался полетъ нашъ, безъ сомнѣнія, по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе приближались мы къ нашей цѣли, всѣ безчисленныя звѣзды мелькнули мимо глазъ моихъ съ быстротою молніи, подобно тѣмъ падучимъ звѣздамъ, какія мелькають и летаютъ по нашему небу въ тихія, осеннія ночи. Изумленныхъ чувствъ моихъ было недостаточно для зрѣлища огненныхъ, звѣздныхъ вихрей, улетающихъ во все стороны съ нашего пути, и таинственную гармонию которыхъ, какъ мнѣ казалось, я вполне чувствовала мимолетомъ. Скоро потомъ, движенія золотыхъ крыльевъ Жоржа стали медленнѣе, стали похожи на движенія крыльевъ парящаго орла, который кажется неподвижнымъ въ недоступныхъ высотахъ, легко потрясая воздухъ окончностью ихъ, въ неравныя мгновенія. Последнее солнце, освѣтившее насъ, уже не убѣгало въ слѣдъ за другими, подобно легкому метеору. Оно оставалось неподвижно въ небѣ, но было больше, лучистѣе, и свѣтило притомъ болѣе кроткимъ свѣтомъ, нежели наше земное солнце, такъ, что я легко спосила свѣтъ его и взоры мои очертали въ немъ новыя силы зрѣнія. Черезъ мгновеніе потомъ, свѣжій вѣтерокъ, какое-то ласкающее дыханіе неизвѣстной атмосферы, началъ играть въ кудряхъ моихъ. Мнѣ казалось, будто я слышу отдаленный шумъ, гдѣ сливаются самыя прелестныя звуки земли: шелестъ листочковъ, при дыханіи вечерняго вѣтерка; щебетаніе шнечковъ, когда склонясь на край гнѣздышка, они хотятъ восторхнуть за матерью; вѣчный вздохъ озера, когда слегка зарыбитъ его вѣтерокъ, и складки на поверхности его разбиваются о камыши и тростники. Горизонтъ, за мгновеніе передъ тѣмъ безграничный, мало по малу сближлся. Горы, вершины которыхъ казались мнѣ островами, плавающими, ку-

пающими свои твердыни въ морѣ безконечномъ, установились кругомъ и окрыли на подножіяхъ, усѣянныя тѣнью лѣсовъ, зеленью, цвѣтами, гдѣ не было суровой дикости нашихъ ледныхъ и гранитныхъ Альпъ. Черезъ мгновеніе еще, испанскія деревья склонили кругомъ насъ свои кудрявыя вершины, гибко согнулись надъ нашими головами, и составили навѣсъ, испещренный травами и плодами, гдѣ блистали цвѣты, откуда излетали благоуханія, какихъ не могутъ вообразить наши чувства на землѣ! Жоржъ опустил меня на душистое ложе зелени и цвѣтовъ, свернулъ свои крылья, легко, какъ золотокрылая бабочка, и свѣлъ подлѣ меня. Онъ обнялъ одною рукою мою голову, напечатлѣлъ поцѣлуй на челѣ моемъ и устремилъ взоры свои въ мои глаза. Онъ, радостно улыбаясь, смотрѣлъ на меня и какъ будто ждалъ моего перваго слова...

— О, какъ я счастлива! — сказала я — мы вмѣстѣ; но неужели ты не скажешь мнѣ: гдѣ мы?

«Ты въ странѣ замогильной,» отвѣчалъ Жоржъ, «въ той странѣ, гдѣ души блаженныхъ превращаютъ формы свои, готовясь предстать достойными передъ престолъ Божій!»

— Какъ? — вскричала я — развѣ это еще не рай, обѣщанный Создателемъ и вѣрою отцовъ нашихъ, не то царство нескончаемаго блаженства, которое предназначено для праведныхъ? —

«При сихъ словахъ Жоржъ припалъ болѣе важное выраженіе; черты лица его сдѣлались величественны, какъ у человѣка, готоваго научить великой тайнѣ. Я чувствовала, что взоръ его исполняетъ меня какимъ-то умилятельнымъ трепетомъ, и сквозь ласковое снисхожденіе любви въ немъ заблестало величіе высшаго противъ меня существа.

— Неужели ты думаешь, молъ Лидія — сказала

онъ — что между земныхъ существъ, болѣе всѣхъ другихъ облагодѣтельствованныхъ дарами Всемогущаго, сыщется хоть одна, столь чистая, столь дѣвственная душа, что надежно осмѣлится предстать предъ ея Создателемъ, въ то мгновеніе, когда спадуть съ нея позоръ, грѣхъ и бѣдность земной жизни? Кто дерзнетъ питать надежду, столь горделивую? И на землѣ не испытывала ли ты въ безмолвномъ сознаніи души твоей, кроткой и смиренной, что чувство нашего ничтожества и недостойнства усиливается, напротивъ, на каждомъ шагу, который благость Божія позволяетъ намъ сдѣлать на пути къ нашему совершенству? И неужели не знаешь ты, что это всегда было тревожною думою даже избранныхъ Божіихъ и возмущало минуты кончины самыхъ праведниковъ? Гордость философіи и мудрости человѣческой ужасается сей бездны, разделяющей человѣка отъ Бога, и тщетно думаетъ она наполнить ее своими великими мечтами! Не умѣя примирить идеи величія Божія и ничтожества человѣческаго, она рѣшилась утверждать самую безумную изъ всѣхъ мыслей человѣческихъ — вѣчную смерть и уничтоженіе. Нѣтъ, милая Лидія, смерти нѣтъ у Бога — ничто у Него не умираетъ, и ничто не можетъ умереть! Онъ Богъ живыхъ, и все измѣняетъ только видъ — небо отдается небу, духъ духу, вещество веществу! Міръ, гдѣ мы теперь, несравненно лучше міра земнаго, но онъ только степень безконечности, мудрости и благости Божіей. Здѣсь совершается только часть непостижимой тайны жизни, надъ разгадкою которой тщетно будетъ трудиться умъ человѣческой, потому, что она сокрыта для земли непроницаемымъ таинствомъ смерти! Я не могу изъяснять тебѣ ничего, потому, что у твоего смертнаго бытія нѣтъ еще средствъ понять

меня; ты не должна ничего у меня спрашивать: смертному на землѣ дано только одно — *Вѣра*.

«Великій Боже!» сказала я съ ужасомъ, «да развѣ я еще не умерла? Неужели мы опять должны разстаться?»

— Успокойся, мол возлюбленная! — отвѣчалъ Жоржъ, весело улыбаясь. — Мы никогда не будемъ разлучены на время продолжительнѣе того, на какое разлучались мы съ тобою на землѣ, и къ разлукѣ нашей не будутъ притомъ присовокупляться ни грусти, ни сомнѣнія нашего земнаго бытія. Ты помнишь, какъ всякое утро отправлялся я въ лодкѣ своей, среди тумана, среди бурь, и съ прощальнымъ поцѣлуемъ всегда соединялась тоска: увидимся ли опять? Теперь, ты будешь отправляться ко мнѣ, но безъ сомнѣній житейскихъ; я буду ждать тебя, не съ твердою увѣренностью на свиданіе; ни буря, ни туманъ, ни гроза — ничто не будетъ страшить насъ! Если мы были счастливы при всегдашней мысли о непрочности нашего счастья, когда мы знали притомъ, что немногими годами оно ограничено, не стократно ли счастливѣе мы теперь, когда надежда составляетъ все бытіе наше и впереди насъ вѣки бытія! Надежды нашей теперь ничто не оравитъ. Прежде, ничтожное событіе губило ее; смерть разрушала ее. — Да, мы не знали тогда, что такое смерть, а теперь мы знаемъ, что она единственное благо бытія, и что она похищаетъ у человѣка, то она и возвращаетъ ему.

«Да, да,» сказала я, преклонивъ голову на грудь Жоржа, «да, и потому-то съ такимъ нетерпѣніемъ спѣшила я соединиться съ тобою смертию! О, еслибы не такъ скоро ты пришелъ ко мнѣ, я успѣшила бы къ тебѣ, но ты предугадать, предупредить мысль мою...

— Остановись, Лидія, остановись! Слова твои ужасаютъ меня: еслибы ты совершила свое несчастное намѣреніе, ты навсегда погубила бы себя! Вѣчность столѣтій, можетъ быть, не соединила бы насъ съ тобою! Душа, освѣщенная свѣтомъ вѣры, въ отчаяніи произвольно отрекалась отъ благодати Божіей и самовольно призывая къ себѣ ничтожество, дѣлается недостойною милосердія Божія! Еслибы только ничтожество было возможно у Бога, то, безъ сомнѣнія, оно постигло бы самоубійцу. Преступнику не позволено нарушать наказанія, какое наложилъ на него законъ человѣческій. Какъ смѣетъ самоубійца нарушать законъ страданія, назначеннаго ему Богомъ? Никакое бѣдствіе земное не оправдываетъ самоубійства. Къ счастью нашему, твое преступное намѣреніе было мимолетнымъ мгновеніемъ отчаянія. При возвышенномъ чувствѣ, какое здѣсь дано мнѣ, и которымъ участвую я отсюда во всѣхъ тайныхъ думахъ милыхъ мнѣ существъ, оставленныхъ мною на землѣ, съ ужасомъ слѣдоваль я за сцѣпленіемъ твоихъ пагубныхъ мыслей, доводившихъ тебя до самоубійства. Съ какимъ восторгомъ увидѣлъ я потомъ, что ты спасена, и спасена тѣмъ, что потеряла свой земной умъ! Ты возвращена теперь мнѣ, возвращена даже прежде разрѣшенія твоихъ земныхъ цѣпей: таковъ законъ, что безуміе міра дѣлается умомъ неба. Они думаютъ, бѣдные люди, что дни твои принадлежать сумасшествію, но оно-то и возвышаетъ тебя къ познанію истины, недоступной безсильно мудрыхъ землан! Воспоминанія, какія отсюда будешь ты уносить на землю, послужатъ для людей предметомъ насмѣшекъ и сожалѣній, но истина не земная жилища. Не знаю, долго ли еще будешь ты оутана кандалами земнаго бытія, но душу твою, порадуйся, Лидія, уже открыто предчувствіе

вѣчнаго безсмертія! Съ терпѣніемъ переноси тоску временной темницы своей, когда притомъ для твоего утѣшенія каждый вечеръ Провидѣніе будетъ отворять передъ тобою дверь ея, и указывать на безконечность блаженства, въ которое скоро, скоро, можетъ быть, ты умчишься на всю вѣчность любви нескончаемой!

«Все понимаю, Жоржъ,» отвѣчала я, «и душа моя, смиренная передъ непостижимыми судьбами Бога, съ благодарностью покорится его святой волѣ. Но если мнѣ позволено видѣть тебя въ сіи минуты мимолетной смерти моей, или усладительнаго сновидѣнія, ниспосланнаго мнѣ Богомъ для услажденія моей скорби, почему не вижу я здѣсь, съ нами, и нашего милаго дитяти? Почему оно не съ нами? Ему нельзя обитать розно съ нами: радость матери будетъ не полна и въ самомъ небѣ, если ее разлучать съ ея дѣтьми! Невинное сердце моего ангела не было еще причастно грѣху, и Господь не могъ лишить самое прекрасное изъ Своихъ созданій того блаженства, на которое сама добродѣтель имѣетъ права мѣлье, нежели невинность. Для чего ты мнѣ ничего не отвѣчаешь? Для чего слеза блеснула въ глазахъ твоихъ, въ то самое время, когда твоя улыбка хочеть утѣшить меня? Не ужели на моего младенца не распространено блаженство вѣчное?»

«Все въ Богѣ пребываетъ,» отвѣчалъ мнѣ Жоржъ, «а все пребывающее въ Немъ — любовь и блаженство. Господь вложилъ въ сердце матери любовь къ ея сыну, и Онъ не дастъ человѣку чувства ложнаго и обманчиваго? Но таинство сна объемлетъ нашего сына — сна, подобнаго тому, какимъ наслаждался онъ въ вѣдрахъ твоихъ, и потомъ засыпая безпечно у твоей груди! Нашъ ангель не возвращенъ еще намъ потому, что ты еще не сбросила земныхъ оковъ

твоихъ. Въ тотъ день, когда ты, юная, оживешь для вѣчности въ моихъ объятіяхъ, каково бы ни было число дней, предоставленныхъ тебѣ на землѣ — и что число дней земныхъ? Самая продолжительная жизнь только краткія сумерки грустнаго дня, который сливается съ вѣками безконечнаго счастья — въ тотъ день свиданія безъ разлуки, хранимаго въ радостной тайнѣ будущаго, ты увидишь и милое дитя наше — оно оживетъ, оно проснется въ объятіяхъ нашихъ, оно усладитъ насъ своими невинными ласками, какъ будто мы никогда съ нимъ не разлучались! Теперь спитъ оно, окутанное въ своемъ маленькомъ саванѣ, какъ въ колыбельныхъ пеленкахъ, и услаждается видѣніями, о которыхъ на землѣ нѣтъ понятія, такъ, какъ человѣкъ непонятны невинныя дѣтскія радости на землѣ. Терпѣніе одно изъ самыхъ тяжкихъ испытаній человѣка, если оно утверждается на одномъ холодномъ умѣ, но оно отрадно и легко, если опирается на вѣру. День, когда пробудится съ нами дитя наше, такъ близко къ намъ въ послѣдованіи вѣчности, какъ кратокъ бывалъ сонъ дитяти нашего на землѣ, когда онъ засыпалъ на колыбеляхъ твоихъ и мы боялись разбудить его. И что въ томъ, сколько продолжится сонъ его, если онъ, ангель нашъ, не старѣетъ во снѣ своемъ? О, моя Лидія! Старайся побѣдить суетныя тревоги живущихъ, которыхъ не могу я теперь разсѣять вполне открытіемъ тайны, потому, что только смерть можетъ научить тебя всему, что тебѣ кажется еще непонятно и чего не дано мнѣ изъяснить тебѣ! Вѣрь и надѣйся! Помни, что быстро пролетаетъ время скорби и мгновеніе разлуки ведетъ за собою вѣчность свиданія. Жизнь за могилой жизнь свѣта, радости, надежды и любви! Посмотри кругомъ себя — перенеси на землю память страны замогильной, хотя

еще столь далекой отъ непостижимаго блаженства праведныхъ въ Богѣ, какъ далека несовершенный чловѣкъ отъ его всесовершеннаго Создателя!»

Говоря сіи слова, Жоржъ подавъ мнѣ руку, и повелъ меня по своему обиталищу, гдѣ, среди очаровательныхъ рощей, переходили мы отъ удивленія къ удивленію, и гдѣ чудеса обновлялись передо мною на каждомъ шагу, и гдѣ тѣмъ болѣе все поражало меня, что твореніе, отданное всей роскоши небесной фантазіи, ни въ чемъ не ограничивалось однообразнымъ проявленіемъ формъ, подобно тому, какъ видимъ на землѣ. Каждое дерево, каждая травка, каждый листочикъ, имѣли тамъ свой видъ, свой цвѣтъ, каждый цвѣтокъ отличался отъ другихъ своимъ отѣнкомъ и своимъ благоуханіемъ, и все это не препятствовало тому, чтобы любимый цвѣтокъ нельзя было тамъ продолжить и размножить; я видѣла тамъ даже анютины, барвинокъ, фіалки и розы, какъ будто все, что внушало мнѣ здѣсь какое либо пѣжное чувство, или оставляло въ душѣ моей воспоминаніе, перешло со мною и за могилу. Обильное и богатое великолѣпіе, находимое здѣсь только въ немногихъ твореніяхъ, тамъ блистало передо мною въ самыхъ ничтожныхъ былинкахъ и предметахъ. Отъ тамошняго песку померкли и постыдились бы здѣшніе рубины и сафиры. Пылинки, видимыя при лучахъ солнечныхъ, сверкали тамъ алмазами. Ручьи текли тамъ по яхонтовому, опаловому, перловому песку, и волны ихъ отражались всѣми цвѣтами радуги. Но къ чему искать мнѣ ничтожныхъ сравненій, другъ мой? Что такое ваши рубины и опалы и что такое наши алмазы и сафиры? Что самая наша радуга въ неистощимомъ обиліи созданій Непостижимаго? Потерянная въ изумленіи и удивленіи, я не могла отвлечь глазъ моихъ отъ чудесъ, всюду меня по-

ражавшихъ, и мои чувства какъ будто сосредоточивались притомъ все на самомъ Жоржѣ. Онъ казался мнѣ обладателемъ, властителемъ небеснаго своего обиталища, и выраженіе красоты его облакалось притомъ такимъ величіемъ, какого никогда не замѣчала я въ немъ прежде, здѣсь, на землѣ. «О мой возлюбленный!» говорила я ему, проливая радостныя слезы, «въ какой очаровательной странѣ мы находимся! Ты бережешь мнѣ мгновеніе восторга, ты не хочешь, не смѣешь мнѣ сказать, пока я облечена еще смертнымъ тѣломъ моимъ — ты долженъ еще скрывать отъ меня, но я сама вижу, я сама чувствую, что здѣшняя область не можетъ быть переходомъ отъ земной жизни къ жизни небесной. Нѣтъ! Здѣсь, здѣсь мѣсто награды, уготованной праведнымъ. Солнце, блистающее въ тысячу разъ болѣе свѣтлыми, нежели на землѣ лучами, и между тѣмъ ласкающее свѣтомъ взоры мои, и не тягостное для нихъ; великолѣпная природа, которой, кажется, никогда не нарушало свирѣпство бури; птички, украшенныя цвѣтами, какіе и не снились мнѣ на землѣ, восхищающія меня пѣніемъ, гдѣ отзывается душа — все это созданіе, которое такъ живетъ, такъ любитъ, все движенія, все голоса и звуки, которые сливаются въ мысль благоговѣнія передъ нѣмъ Создателемъ — ты самъ, Жоржъ, съ своими золотистыми крыльями... Да, что же такое рай, если еще не рай та страна, гдѣ мы теперь находимся?»

— Понимаю твое заблужденіе, и еще болѣе понялъ бы его — отвѣчалъ мнѣ Жоржъ — еслибы смерть дала тебѣ возможность постигать тысячи впечатлѣній, теперь неизвѣстныхъ тебѣ, при несовершенствѣ твоего земнаго бытія. Ты можешь составить себѣ слабое понятіе, если вообразишь, что могла бы ты ощущать вещественность, еслибы тебѣ

даны были разумнѣе и мысль, и ты могла бы понимать преобразованія, приближающія тебя къ совершенству. Вообрази, если можешь перенести умъ свой въ невозможное предположеніе, вообрази полноту радости, когда грубая вещественность получила бы сознание жизни въ камень, движимость въ металлъ, мысль въ растеніи. Съ каждымъ шагомъ въ природѣ совершенствуется твореніе, но самое полное сознание такого совершенствованія для вещественности, ничто, ничто. въ сравненіи съ тѣмъ, что проникаетъ въ сердце человѣка, когда онъ сбрасываетъ съ себя оковы смерти для начала вѣчности. Тебѣ будутъ открыты тайны загробныя, но не мнѣ и не теперь изъяснять ихъ тебѣ: на языкъ смертнаго нѣтъ для нихъ словъ! Темное предчувствіе сердца твоего есть необманчивый голосъ вѣчности. Все облечено въ тайну, и самыя крылья мои есть символъ во глубинѣ тѣхъ благъ, какія Творецъ даруетъ Своему прекрасному созданію. Благо тому, кто тамъ на землѣ отдалъ жизнь свою за ближнихъ своихъ! А здѣсь все оцѣнено Создателемъ! Пожертвованіе безотчетное не равняется жертвѣ съ сознаніемъ, и жертву увеличиваетъ то, что оставили мы послѣ себя на землѣ. Въ моей жертвѣ не столько оцѣнилась она сама, сколько то, что забывалъ я ради ея!

«Благословляю мудрость Создателя,» сказала я, «но уничтожь сомнѣніе, какое возраждается въ сердцѣ моемъ при словахъ твоихъ, при всемъ блаженствѣ, какое ощущаю. Для чего же такая неполнота въ созданіяхъ Бога на землѣ? Для чего неполнота и здѣсь? Для чего всюду тайна, всюду покрывало передъ очами, даже и здѣсь, за могилою?»

— Только для тебя онъ, моя Лидія, и несовершенство твое причиною тайны. Но сомнѣнію ли гнѣз-

дится въ сердцѣ твоёмъ? За твое незнаніе развѣ нѣтъ тебѣ вознагражденія? А вѣра твоя, Лидія, вѣра?

«Но Всемогущій развѣ не могъ передать творенію Своему и полнаго сознанія благъ Своихъ, и тѣмъ подкрѣпить трудный путь испытанія знаніемъ истины, которую только сочувствуетъ, но не постигаетъ и не изъяснить сердце человѣка?»

— Остановись, Лидія! Вѣра не есть знаніе и не должна имъ быть. Ея великая заслуга въ ея всеобъемлющей полнотѣ и безотчетномъ смиреніи. Вѣрующей потому, что знаетъ, не есть ни довольно вѣрующей, ни благо вѣрующей. Убѣжденіе есть слѣдствіе изслѣдованія, а изслѣдованіе показываетъ уже пыгливость недověрчиваго ума. Проникнуть въ бездну премудрости Божіей не дано человѣку достаточныхъ способностей. Славной не можетъ судить о цвѣтахъ и глухой о звукахъ. Вѣра есть высочайшая доля мудрости человѣка, но испытаніе встрѣтитъ уже добро и зло тамъ, гдѣ одно истинное благо. Что же такое зло? Несовершенство нашего понятія, гордаго и нетерпѣливаго. Вѣрь, надѣйся и люби — вотъ весь законъ человѣка. Жизнь для смерти и смерть для жизни потребны, какъ надежда необходима для любви и любовь для вѣры въ Того, Кто весь любовь и благо! — Прости! Еще временная разлука — прости, и вѣрь, люби, надѣйся! Горесть мгновенна, радости вѣчны...»

— И въ то самое мгновеніе — говорила мнѣ Лидія — я очутилась опять на скорбномъ одрѣ моего страданія, гдѣ вечеромъ наканунѣ заснула въ смертельномъ томленіи, съ мыслью о самоубійствѣ. Лекаръ держалъ меня за руку и наблюдалъ мой пульсъ. «Гдѣ онъ?» вскричала я. «Гдѣ небесныя птички? Гдѣ великолѣпныя сады его? Гдѣ его прекрасное солнце? Гдѣ его золотистыя крылья?» — Но я вспомнила

слова Жоржа, оглядываясь кругомъ и замолчала, видя, что время пльна моего на земль еще не кончилось. Радостно улыбнулась я, при мысли, что не продолжителенъ онъ будетъ....

«А! вотъ это очень хорошо!» сказалъ лекарь, съ довольнымъ видомъ. «Мое предсказаніе сбылось. Она смѣется: видите, она лишилась разсудка. Времени терять не должно. Поспѣшите отправить ее въ Лозаннскій домъ сумасшедшихъ, гдѣ ближе могу я наблюдать переходы ея болѣзни, довольно замѣчательной.

— А для чего же будете вы наблюдать? — спросила его бабушка Цурихъ, которая не разставалась со мною день и ночь послѣ смерти Жоржа.

«Видите,» отвѣчалъ лекарь, вынимая золотую табакерку и нюхалъ изъ нея табакъ — во первыхъ, ея безуміе можетъ доставить намъ дополненіе къ исторіи психологическихъ болѣзней, а во вторыхъ, я стараюсь ее вылечить.»

Бабушка Цурихъ покачала головою. Молча смотрѣла я на нее и на лекаря. Для меня было все равно въ ту минуту, съ ней ли остаться, идти ли въ домъ сумасшедшихъ. Нигдѣ и ничѣмъ не могли разлучить меня съ Жоржемъ. Но скоро слова моей доброй подруги показали мнѣ, что въ сердцѣ моемъ было мѣсто и для другихъ чувствъ на земль. Бабушка Цурихъ не поняла первыхъ словъ лекаря, но она отвѣчала ему съ глубокимъ вздохомъ:

«На что вамъ стараться излечить ее? Пусть лучше она такъ останется. Какъ блага, надобно молить для нея того несчастнаго состоянія, въ какомъ она находится. Намъ не оживить Жоржа, а безъ него, что за жизнь Лидіи, да и какая и на долго ли она жилица на земль! Оставьте ее мнѣ, оставьте ей безуміе, которое можетъ закрыть отъ нея ея страшное

состояніе. Бѣдная будетъ моею дочерью; кромѣ нея, мнѣ не кого любить въ здѣшнемъ мірѣ...

И она обняла меня обѣими руками, какъ будто боясь, что меня отнимутъ у нея. Слезы стали невольно капать изъ глазъ моихъ. Да, я чувствовала, что мнѣ тяжело было бы разстаться съ моимъ старымъ другомъ, съ тѣми мѣстами, гдѣ мы жили съ Жоржемъ, гдѣ была могила моего дитяти... Докторъ покачалъ головою и съ тѣхъ поръ я не видала его. Я осталась здѣсь. Живу, люблю, вѣрю, и надѣюсь съ каждымъ часомъ, что скоро, скоро... А они говорятъ, будто я сумасшедшая!... — Лидія улыбнулась и замолчала.

Уже давно перестала она говорить, и какъ будто забывши, что я былъ еще тутъ, принялась спокойно перебирать свои цвѣточки.

— Одно слово, Лидія, еще одно слово! — сказалъ я, видя, что она встаетъ съ своего мѣста. — Съ той поры, какъ ты видѣла въ первый разъ Жоржа, при видѣлся ли тебѣ, хоть однажды, еще твой сонъ?

«Сонъ?» отвѣчала она. «Да, развѣ и ты думаешь, что это былъ сонъ? Не бойся, не бойся — я не разсержусь на тебя; вѣдь вы все такъ думаете...»

Старушка, которой до того времени и не замѣтила, подошла къ Лидіи и взяла ее за руку. То была бабушка Цурихъ. Онѣ удалились вмѣстѣ; солнце близко было къ закату...

— Бѣдная Лидія! — думалъ я, когда за густыми кустами скрылась она съ своею провожатою. — Нѣтъ! Ты счастлива, счастлива своимъ безуміемъ! Оно отдастъ тебѣ райскія мечты въ замѣну ничтожной земной дѣйствительности! Спустись скорѣе, благодѣтельная ночь, и дай отраду больному сердцу несчастливцы, отдай ей поскорѣе ея усладительную мечту! Не замедли и ты, гробовая ночь, отрада на-

ша — да, отрада, цѣль жизни человѣческой! — Благодарю тебя, Лидія, за сладостныя, драгоценныя утѣшенія, какія почерпнулъ я въ словахъ твоихъ! Тамъ, гдѣ видѣлъ я загадку, которую думалъ разрѣшить безъ изслѣдованій и жертвъ, тамъ показала ты мнѣ, что рѣшеніе великой тайны принадлежитъ только тѣмъ, кто умѣетъ любить и страдать. Боязнь страданія заставляла меня бояться любить, и я не зналъ, что удаляя отъ себя тяжкія испытанія сердца бесильною недовѣрчивостью къ моимъ силамъ, я искажаю въ себѣ самое живительное начало моего безсмертія, то единственное начало, которымъ приобретаемъ мы право на вѣчную награду и участие въ безконечныхъ радостяхъ. Твои слова снова зажгли въ душѣ моей дѣятельность добра, которую старался я потушить въ груди моей. Я возвращаюсь снова къ людямъ — иду помогать имъ въ страданіяхъ, буду плакать съ ними, если пособить не въ силахъ. Я опять возьму мой участокъ въ тревогахъ, какими обременено наше преходящее, мгновенное бытіе; я соберу на свою голову все, что могу снять съ другихъ головъ, и если скорбь еще доступна мнѣ, то скорбь о томъ только, что моя обязанность, столь слѣпо и безразсудно пренебреженная въ слѣдствіе моего ложнаго умствованія, слишкомъ легкою кажется теперь для души моей, рѣшившейся сдѣлаться достойною своей участи. Нѣтъ, дѣйствительно, нѣтъ несчастія для любви, когда она опирается на вѣру и надежду, и еслибы предчувствіе вѣчной истины, всемъ раскрытой, дано было, такъ какъ она дано Лидіи и мнѣ — о, Боже великій! кто дерзнулъ бы сказать, что и на землѣ не данъ намъ участокъ рая!

— Божья воля! — проговорилъ Луговъ, какъ будто отвѣчая на послѣднія слова мои, въ забывчиво-

сти выговоренныя мною вслухъ. Молча съѣлъ я на лошади.

— Мнѣ кажется, м. г., — продолжалъ Луговъ — что сегодня поздно уже вѣхать осматривать Шильонъ?

«Шильонъ? Что мнѣ, другъ мой, до твоего Шильона, всѣхъ остатковъ варварства Среднихъ Вѣковъ, всѣхъ воспоминаній поэзіи, даже чудесъ природы въ вашихъ Альпахъ! Ближніе мои грустятъ о моемъ отсутствіи; мать моя, старая и дряхлая, ждетъ меня; мой старикъ дядька боленъ; у моего бѣднаго сосѣда сгорѣла хижина... Къ нимъ, къ нимъ! Имъ помочь, ихъ утѣшить... Имъ отдать то, что расточаю я здѣсь съ безчувственнымъ эгоизмомъ!

Мой отвѣтъ представлялъ Лугову безсвязныя, непонятныя слова, и могъ поселить въ немъ сомнѣніе о томъ: въ полномъ ли смыслѣ говорю я ихъ? Оныя ни слова не отвѣчали мнѣ и только тяжело вздохнулъ. Добрый Луговъ не могъ забыть общаго повѣрья, что безуміе Лидіи заразительно.

«Божья воля!» сказалъ онъ, садясь на своего мула. Молча пріѣхали мы вечеромъ въ Вевей.

И всю жизнь мою потомъ остался я вѣренъ своему рѣшенію. Съ покорностью, съ благодарностью принималъ я участокъ, какой угодно было Провидѣнію даровать мнѣ въ скорбяхъ и страданіяхъ человѣческихъ. Никогда не жаловался я, что чаша была переполнена горечью, хотя часто изливалась она черезъ края. И, прибавлю — въ бодрости моей не видѣлъ я даже никакой великой заслуги: она простекала отъ крѣпкой вѣры моей. И всякій, подобно мнѣ, найдетъ ее въ своемъ убѣжденіи, если онъ тщательно укроетъ свое вѣрованіе отъ мѣлочныхъ изслѣдованій суемудрія человѣческаго, если онъ однажды пойметъ, что всѣ наши добродѣтели

заклучаются въ любви, все наше блаженство въ вѣрѣ...

Но, мнѣ еще надобно досказать вамъ исторію Лидіи.

На другую весну, послѣ той, когда встрѣтилъ я Лидію, тяжкая тревога какая-то, въ которой самъ я не могъ отдать себѣ отчета, побуждала меня снова повидаться съ нею и узнать объ ея судьбѣ. Меня ужасало особенно стараніе врачей: что, если они вылечили ее, возвратили ей умъ и страшное сознаніе ея страшнаго жребія, и если она уже не мечтаетъ болѣе? И самая душевная рѣшимость моя, еще колеблемая, еще боязливая при насмѣшкахъ умниковъ и при гордомъ презрѣніи мудрецовъ, хотѣла болѣе укрѣпиться взглядомъ на Лидію, оживиться бесѣдой съ нею.—Желая удовлетворить жаждѣ сердца, я отправился въ Вевей, но не остановился въ немъ, проѣхалъ мимо красиваго домика Жоржа и Лидіи, у котораго, какъ прежде, окна и двери были заперты, и думалъ, что найду Лидію въ ея саду. Наступилъ вечеръ, тихій, прохладный, предельный. Все такъ оживало, все такъ роскошно начинало цвѣсть. Задумчиво ѣхалъ я, и вдругъ кто-то повстрѣчался со мною и обратилъ на себя вниманіе мое словами: «Это вы, сударь!» То былъ мой старыи знакомецъ, маленькій Луговь.

— Куда, сударь, это вы изволите ѣхать, безъ проводника?

«Въ садъ Лидіи, добрый Луговь. Тамъ ли она?»

— Тамъ, сударь — отвѣчалъ мнѣ Луговь, опустивъ взоры въ землю. Голосъ его задрожалъ. — Да, Лидія тамъ, и никогда не выйдетъ изъ своего сада, пока земля не отдастъ костей ея по глазу Архангела.

«Она умерла?»

— Да, она умерла.

Странная загадка сердце человеческое! Не знаю, что сильнѣе тогда говорило въ моемъ сердцѣ: скорбь ли, что я не увижу болѣе Лидіи? радость ли, что страданія ея кончились?

— Она умерла, сударь, умерла черезъ мѣсяць не болѣе послѣ того, когда вы съ ней говорили такъ долго. Видѣли, какъ она гуляла тамъ, въ томъ мѣстѣ, которое называли ея садомъ. По обыкновенію своему рвала она цвѣточки и собирала букеты своему Жоржу. Два раза приходила бабушка Цурихъ, и два раза уходила, думая, что Лидія спитъ; она лежала, склонивъ голову на свои цвѣты. Уже темнѣло; становилось сыро и холодно; люди добрые возвращались съ работы. Старушка рѣшилась разбудить Лидію и не могла разбудить ее. Тогда громко зарыдала бѣдная. На крикъ ея сошлись сосѣди. «Посмотрите, посмотрите!» говорила она, «вѣдь Лидія умерла!» Вотъ что было чудно, сударь: бабушка Цурихъ не сказала болѣе ни слова, обняла Лидію, и когда хотѣли поднять Лидію съ мѣста, такъ и увидѣли, что Господь прибралъ и добрую старушку. Имъ выкопали двѣ могилы и похоронили ихъ рядомъ....

«Ну, а что же у васъ о томъ говорили?» спросилъ я, почти самъ не понимая, къ чему былъ мой вопросъ.

— Да, многіе простые люди дивились, а лекаръ нашъ ни сколько не удивлялся, потому, что онъ зналъ причину смерти обихъ. Онъ говорилъ, что Лидія умерла отъ мозговой конжестіи, то есть, попросту это значить — ударъ въ голову. А старуха, по его словамъ... Право, не припомню, какъ бишь онъ объяснялъ! Онъ человѣкъ очень ученый, сударь!

«Одна умерла потому, что совершился предѣлъ ея страданій, а другая потому, что ей уже не кого утѣшать на землѣ. Такую награду должно было дать ей небо!» говорилъ я, забывши, что Луговь стоялъ подлѣ меня.

Луговь пристально поглядѣлъ на меня, съ изъясненіемъ грусти и удивленія. Видно, онъ не забылъ еще прежняго мнѣнія своего о заразительности Лидіина безумія...

— Да,—сказалъ онъ—конечно такъ, что старушка прожила свой вѣкъ, а Лидія была еще такъ молода и хороша...

Онъ утеръ слезу.

«Не плачь объ ней, другъ мой!» сказалъ я. «Порадуйся: теперь она свободна отъ всѣхъ горестей. Она обладаетъ, безъ тревоги и безъ пробужденія, тѣмъ, о чемъ мечтала въ юдоли скорби...»

Луговь опять посмотрѣлъ на меня пристально.

— Воля Божія! — сказалъ онъ.

К. НОДЪЕ.

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ІАКОВЪ КАТСЪ.

ПОЭТЪ-МЫСЛИТЕЛЬ И МУЖЪ СОВѢТА.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Wij zijn voor ons alleen ter Werelt niet gekomen...
Komt eet van mijn gewas, hier zijn de Vruchten goet!

I. Cats, *Ouderdom en Buytenleven.*

Много ли насчитаемъ мы поэтовъ прежнихъ лѣтъ, которыхъ поэзія не устарѣла бы въ наше положительное, прозаическое время? Каждая нація, каждый вѣкъ, имѣли своихъ поэтовъ мысли, поэтовъ чувствъ, поэтовъ выраженія — и большая часть изъ нихъ умерли съ своимъ вѣкомъ, и почти всѣ произведенія ихъ остались на полкахъ библіофиловъ, какъ представители духа своего времени, какъ библіографическая кабинетная рѣдкость. Большая часть твореній Омира, Виргилія, Лукана, Боярда, Мильтона, Клопштока, которыхъ классическіе критики провоз-

глашали безсмертными, сдѣлались въ наше время едва ли не справочными книгами! Но мы читаемъ еще Горация; мы наслаждаемся произведеніями Шиллера, Шекспира, Гёте; мы жадно слушаемъ октавы Тасса, напѣваемыя гондольеромъ Венеціи. Отъ чего же такое предпочтеніе однихъ передъ другими. Не отъ того ли, что подъ оболочкою ихъ поэзіи скрывается высокая мысль всего человѣчества, всей природы человѣка? Не отъ того ли, что старѣется одно общество, а не человѣкъ — душа общества? Выводъ нашъ изъ этой темы довольно просто: философъ-поэтъ, постигшій душу человѣческую, загадавшій чувства человѣчества, мыслитель, усвоившій себѣ выраженіе истины, будетъ всегда любимымъ поэтомъ современниковъ и потомства. И такимъ поэтомъ-мыслителемъ былъ Иаковъ Катсъ, украшеніе не только Голландской, но и Европейской литературы.

Имя Катса сливается съ пріятнѣйшими воспоминаніями моей молодости. Онъ былъ первый поэтъ въ Голландіи, заставившій меня ознакомиться съ произведеніями его соотечественниковъ, точно такъ же, какъ одинъ простой Нортъ-Голландскій крестьянинъ, *баасъ* * Херритъ, садовникъ Оудмерестена, былъ первымъ проводникомъ моимъ въ святилище Голландской литературы. Анекдотъ объ этомъ довольно оригиналенъ, и, мнѣ кажется, онъ будетъ не лишнимъ въ характеристикѣ поэзіи Катса. Лѣто 1809 года проводилъ я у отца невесты моей, извѣстнаго Амстердамскаго негодянта Фридриха Бетлинга, въ Бефервейкскомъ его замкѣ Oudmeersteen; при замкѣ былъ прелестный садъ (проданный на

* Ваас, выраженіе, соответствующее Французскому слову maître, принадлежность мастеровыхъ, ремесленниковъ и служителей, завѣдывающихъ какою нибудь частію въ хозяйствѣ.

срубъ послѣ моей первой женитьбы), а въ этомъ саду находилась прекрасная группа Американскихъ сосенъ, подъ тѣнью которыхъ, я, девятнадцатилѣтній мечтатель, любилъ тогда уединяться, и, по обычаю влюбленныхъ, украдкою отъ людей, перечитывалъ и цѣловалъ письма своей очаровательницы, въ ожиданіи ея утренняго поцѣлуя. Но — honni soit qui mal у pense! Эти письма были писаны съ дозволенія родителей моей *возлюбленной* *; поцѣлуи ея были чисты, какъ поцѣлуи дитяти... Въ мечтахъ о будущемъ, строилъ я воздушные замки... Неумолимое время разрушило ихъ, какъ рука истребителя спекулянта сравняла съ землею старинный замокъ Оудмерестеэнъ и вырубилла на дрова мою любимую группу Американскихъ сосенъ... Привыкнувъ къ своему уединенію, я пораженъ былъ неожиданнымъ чтеніемъ Голландскихъ стиховъ. Родители невесты моей и она еще не просыпались; все въ домѣ ихъ погружено было въ сладкій сонъ. Голось читателя былъ довольно грубъ и — кого же узналъ я въ немъ, вставъ съ дерновой моей скамейки? Садовника замка, бааса Херрита! Онъ сидѣлъ на берегу пруда и отдыхалъ послѣ утренней работы; по правую сторону его лежали заступъ и опрокинутая лейка, а въ рукахъ у него была толстая, засаленная книга, въ пергаментномъ переплетѣ, пожелтѣвшемъ отъ времени. Знавши добраго Бааса за существо вовсе не поэтическое, я крайне удивился его тогдашнему занятію, и ударивъ его дружески по плечу, спросилъ Херрита: въ какомъ углу

* *Возлюбленную* (Beminde) называютъ въ Голландіи свою невесту. Невѣста съ женихомъ, какъ братъ съ сестрою, вздять одинъ въ театрѣ, на гуляньи, и пр. Это состояніе *обрученныхъ*, въ случаѣ молодости ихъ, продолжается иногда года по два и по три, къ чести нравственныхъ Голландскихъ красавицъ.

сада выкопалъ онъ *свою старую, истасканную книжку*? — Садовникъ нахмурился, быстро взглянулъ на меня и повторилъ съ досадою: «*myn oud versleden Boek!*» Потомъ, въ священномъ негодованіи противъ моей дерзости, указавъ на зеленую группу сосенъ, онъ отвѣчалъ:

Eeuwig groent een Dennenwoud:
Vader Cats word nimmer oud!

т. е. Вѣчно будетъ зеленѣть сосновый лѣсъ;
Отецъ Катсъ никогда не состарѣется,

и не вставая съ земли, углубился опять въ свое чтеніе, но продолжалъ его уже не вслухъ, а молча и про себя.

Дистихъ бааса Херрита возбудилъ мое любопытство. Творенія Катса были мнѣ вовсе незнакомы, но простодушіе садовника предубѣдило меня въ пользу ихъ достоинства; я сдѣлалъ слѣдующій логическій выводъ: «Если творенія Катса могли вдохнуть внезапный восторгъ поэзіи въ душу грубаго Нортъ-Голландскаго крестьянина, и разразить его негодованіе двумя довольно гладкими стихами, то этотъ «отецъ Катсъ,» какъ онъ называлъ его, долженъ быть могучій чародѣй!» И съ тѣхъ поръ пробудилось во мнѣ желаніе узнать покороче народнаго поэта Голландіи, поэта, котораго творенія, рядомъ съ Библиею, украшаютъ книжную полку едва ли не каждаго Голландскаго вельможи, ученаго и поселанина.

Уже не шутя, но съ любовію къ ученію, просилъ я добраго бааса Херрита ознакомить меня съ красотами народнаго поэта Голландіи, поэта, котораго творенія, внушивъ ему сказанный имъ дистихъ, подарили Нидерландской словесности Поэта, другаго

поэта-крестьянина, о которомъ я говорилъ въ моемъ «Очеркѣ Голландской литературы.» Лицо садовника-филолога прояснилось; онъ взглянулъ на меня сперва съ недоувѣрчивостію, но вскорѣ увидѣлъ чистоту моего намѣренія ознакомиться съ любимцомъ души его, и мы сдѣлались друзьями. Онъ прочелъ и растолковалъ мнѣ нѣсколько отрывковъ; я выслушалъ ихъ съ наслажденіемъ. Наконецъ зазвонили къ завтраку, и я рассказалъ анекдотъ о баасѣ Херритѣ невѣстѣ моей и ея родителямъ. Принесено было изъ бібліотеки ихъ прекрасное изданіе сочиненій Катса, и любовь сдѣлалась моимъ наставникомъ; я началъ изучать красоты Голландскаго Горациа. Съ любовію приступаю я въовъ, и уже на второй половинѣ жизни моей, къ разбору произведеній поэта-мыслителя, творенія котораго достойны быть усвоены вѣсьм просвѣщеннымъ народамъ.

По методу, принятой мною въ монографіи Фондела, ознакомлю сперва читателей съ жизнеописаніемъ Катса, а отъ нея уже перейду къ его литературнымъ произведеніямъ.

На Зеландскомъ островѣ Схаувенъ (Schouwen) есть городокъ, или мѣстечко, Браувергафенъ (Brauwershaven), большею частію населенное рыбаками и пивоварами. Но это мѣстечко достопамятнѣе многихъ городовъ въ Нидерландахъ: въ немъ родился 1577 г. поэтъ, мыслитель и мужъ совѣта — Иаковъ Катсъ. Любовь къ ученію и жажда познаній скоро ввели его въ святянице Музъ, первый Голландскій университетъ, основанный только за два года до его рожденія *. По обычаю своего времени,

* Знаменитый Лейденскій университетъ основанъ въ 1575 году Генеральными Штатами Соединенныхъ Нидерландовъ, въ награду жителю города Лейдена, за выдержавшую ими геройскую осаду, во время войны съ Испаніею. Новое правительство соединенныхъ провинцій не

Иаковъ Катсъ, кончивъ курсъ наукъ въ Лейденѣ, отправился во Францію, въ городъ Орлеанъ, для полученія тамъ высшихъ ученыхъ степеней, по части Законовѣднiя. Здѣсь, въ первый разъ, узналъ онъ неизбежное чувство любви, пробудившее въ душѣ его неподдѣльную поэзію чувствъ къ его Розамундѣ. Ей обязанъ онъ прелестнѣйшими вдохновеніями своей молодости и тою граціею, которая украшаетъ ихъ и понынѣ. Романическая любовь едва не заставила юношу Катса — навсегда разстаться съ отечествомъ и поселиться въ Орлеанѣ. Священная любовь къ родинѣ взяла однакожь свое; любовь къ возникавшей славѣ ея одержала верхъ надъ любовію къ красотѣ, и Катсъ возвратился къ своимъ домашнимъ Ларамъ, обогащенный плодами опытности и познаній. Новоучрежденный, но уже знаменитый въ то время Лейденскій университетъ предложилъ ему вступить въ ученое сословіе своихъ профессоровъ и занять въ немъ кафедру Правъ. Но пылкій духъ Катса искалъ обширнаго поприща для своей дѣятельности: желаніе сдѣлаться полезнымъ своему отечеству, возвеличенному геніемъ Виллема I-го — героя возрожденія Нидерландовъ — увлекло Катса въ государственную службу. Онъ постепенно занималъ въ ней значительнѣйшія должности по гражданской и дипломатической части. Въ 1627 былъ облеченъ званіемъ Посла Соединенныхъ Штатовъ въ Англию, и — первый изъ государственныхъ сановниковъ своей родины — возвратился 1651 года въ отечество украшенный почетными знаками

почадило ничего для возведенія сего ученаго сословія на высокую степенъ славы, такъ, что вскорѣ потомъ оно могло состязаться съ древнѣйшими университетами Европы. Но во времена Катса, существовалъ еще предрасудокъ, заставлявшій студентовъ искать усовершенія познаній своихъ въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

кавалерственнаго ордена Св. Георгія. Съ 1636 по 1651 годъ облеченъ былъ высокимъ званіемъ Радтсъ-Пенсіонариса (государственнаго канцлера) и должность сію исправлялъ съ честію и умомъ *. Наконецъ, пресыщенный суетою міра сего, утомленный тщетою земнаго величія, лелѣемый друзьями, почти боготворимый ближними, уважаемый всѣми за доброту свою, умъ и любезность, Иаковъ Катсъ сошелъ съ шумнаго поприща своихъ политическихъ успѣховъ, и удаллся въ мирное, прелестное убѣжище, помѣстье свое Зоргвлитъ ** и въ этомъ новомъ Тибурѣ, отдохнувъ отъ государственныхъ трудовъ, безмятежно провелъ все остальное время полезной и дѣятельной жизни своей, бесѣдуя съ Музами, самимъ собою и избраннымъ обществомъ друзей. Какъ мореплаватель, совершавшій многотрудный путь по бурному морю, онъ осторожно при-

* Нельзя здѣсь не замѣтить, что всѣ Радтсъ-Пенсіонарисы Голландіи и Зеландіи, начиная отъ Катса и продолжая включительно до знаменитаго отца Графа Схиммельпеннинка, нынѣшняго Нидерландскаго Посланника при Россійскомъ Дворѣ (1839), были мужи глубоко-ученые, отличные законовѣды, ораторы или поэты.

** Помѣстье Zorg-vliet (*заботы — прочь теките!*), есть великолѣпнѣйшая загородная дача, по дорогѣ изъ Гааги въ Схефенингенъ, съ садами, оранжереею, звѣриномъ, птичникомъ, террасами, цѣтниками, холмиками, гротами, фонтанами и каналами. При дачѣ сей есть тѣсная роща и живописное озеро; мѣстоположеніе Зоргвлита прелестно, и красота его еще болѣе возвышается очаровательнымъ видомъ дальняго моря. При жизни Катса сюда съѣзжалось къ нему отборнѣйшее общество въ Нидерландахъ: это былъ второй замокъ Мейденскаго дроста (балы) К. Говетта, прозванный Парнассомъ Голландіи. Гостепримный хозяинъ не только позволялъ всѣмъ желающимъ гулять въ обширныхъ садахъ своихъ, но любилъ изучать природу человѣческую въ пестротѣ незнакомыхъ поэтичей, подслушивалъ свободный говоръ толпы и, подъ вліяніемъ духа народнаго, писалъ стихи свои — любезные, какъ окружавшая его природа. Благодарность единоплеменцевъ исчертила большую часть деревьевъ въ Зоргвлитѣ эмблемами и диктонами изъ твореній Катса, какъ бы въ воспоминаніе его радушнаго гостепримства, не вездѣ и не всегда обыкновеннаго да Гол-

чалиль ладью жизни своей къ спокойной пристани, и оттуда, благословляя Небеснаго Кормчаго, надѣляль единоплеменцевъ плодами своей опытности, своего мысленія и досуга; собственнымъ примѣромъ своимъ научалъ онъ всѣхъ и каждого любить Бога и дѣлать добродѣтель, олицетворяль идеаль челоуѣка-христіанна, въ полномъ смыслѣ сего слова. И память добрыхъ дѣлъ поэта слилась съ его твореніями, сдѣлала ихъ незабвенными для потомства, присвоила ему наименование «*Отца* народа Голландскаго» (Vader Kats). Книга его твореній сдѣлалась настольною книгою, любимымъ чтеніемъ всѣхъ земляковъ Катса, отъ вельможъ до поселеннаго, а стихи его нашли путь къ сердцу каждого, даже и въ переводѣ ихъ на иностранныя языки. Глубокая и просвѣщенная начитанность Катса были исимовѣрны: онъ прочелъ почти все, что было написано въ его время на мерт-

ландскихъ загородныхъ дачахъ (buiten-plaatsen), которыя по большей части заперты для любопытнаго незнакомца. Почти всѣ углы этихъ дачъ уставлены рогатками, пожными ловушками и желѣзными капканами; вмѣсто пугала выставлены вездѣ доски съ ужасными эниграмами, вариціями на одну общую тему: «Alhier zijn voetangels en klemmen (*здесь капканы и тиски*).» При наследникахъ поэта-философа многое измѣнилось въ Зоргвэлитѣ. Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка досталась прелестная дача сіа Грау ванъ Роону (van Rhoon), который возобновилъ въ ней гостепріимство ея основателя. Зоргвэлитъ сдѣлался пріютомъ всѣхъ именитыхъ иностранцевъ, и радушный хозяинъ угощалъ ихъ, какъ бы отъ лица своихъ соотечественниковъ. Лучшее Гаагское общество украсило его бесѣды. Послѣ кончины Графа ванъ Роона, помѣстье Зоргвэлитъ перешло во владѣніе брата его, Графа Карла Бенгника, въ фамиліи котораго и оставалось оно въ мое время, т. е. въ 1807—1810 гг., когда Король Людовикъ Наполеонъ, избравъ мѣстопрѣбыніемъ своимъ Амстердамъ, предоставилъ опустошенную Гаагу однимъ воспоминаніямъ ея прежняго блеска. Въ садахъ Зоргвэлита все напоминаетъ о Нидерландскомъ Гораціи, основателѣ сего новаго Тибура. Множество деревьевъ и теперь еще отзываются гармонією его стиховъ, начертанныхъ на вѣковой ихъ корѣ. Буквы, которыми переданы прелестные стихи, росли вмѣстѣ съ деревьями, вмѣстѣ съ двухвѣковой славою поэта, и цвѣли воспоминаніями его добродѣтелей, ума и неподдѣльнаго чувства. . . .

выхъ и живыхъ нарѣчіяхъ ученой Европы; кромѣ языковъ Древнихъ, онъ въ совершенствѣ зналъ языки Французскій, Испанскій, Италіянскій, Англійскій и Нѣмецкій; на многихъ изъ нихъ писалъ стихи. Латинскіе стихи его были истинно превосходны: они напоминали изящество Горація въ ясномъ и граціозномъ выраженіи мысли, а въ картинныхъ описаніяхъ и въ полнотѣ чувствъ своихъ, онъ далеко за собою оставилъ Овидія, которому нѣкоторые уподобляли его. Ни въ чьихъ стихахъ нѣтъ столько нравственно-религіозныхъ мыслей, облеченныхъ въ самую любезную, живую, простую форму; никто лучше Катса не постигъ сердца челоуѣческаго. Языкъ его роскошенъ и богатъ; слогъ чистъ и изященъ*; дикція свободна и увлекательна; выраженіе точно и неизысканно, а картины его такъ естественны, что каждую изъ нихъ можно нарисовать: Гораціанское правило, котораго всегда и вездѣ держался нашъ ученый поэтъ-мыслитель. Характеръ поэзіи Катса надѣмся мы развить въ критическомъ разборѣ его литературныхъ созданій, и въ нѣсколькихъ отрывкахъ, которые предложимъ читателю въ довольно *вырваномъ*, если *несовершенномъ* переводѣ. Личный характеръ поэта представленъ имъ самимъ въ послѣдней поэмѣ его J. Cats Tachtigh-jarigh Leven (*Восьмидесятилѣтняя жизнь I. Катса*), о которой поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. Три года спустя, онъ скончался, или, лучше сказать, уснулъ сномъ праведника, на мызѣ своей Зоргвэлитѣ, 12 Сентября 1660 года, на 84 году своей жизни, оплакиваемый ближни-

* Одна вставочная частіца *en*, и то изрѣдка, напоминаетъ читателю, что стихи Катса писаны въ XVII, а не въ XIX вѣкѣ, на примѣръ:

Een hof een lustigh hof, *en* daer een yeder dwaelt. . . .
Dat, niet gelijk het zon *en* gingh. . . .
En dan *en* geef ick geen gehoor. . . . etc.

ми и дальними друзьями своими, осыпанный заслуженными почестями и богатством, окруженный всеобщим уваженіемъ соотечественниковъ и всѣхъ знавшихъ его иностранцевъ. Ни одинъ голосъ не раздался въ порицаніе его личности, даже и по смерти его, когда безмолвіе усопшаго ответчика развязываетъ уста живыхъ хулителей и клеветниковъ: лучшее доказательство — что правила чистѣйшей нравственности, которою дышатъ творенія Катса, почерпнуты имъ не изъ книгъ, а изъ собственной домашней жизни. Много ли найдемъ мы моралистовъ, поэтовъ и писателей, которые удостоились послѣ смерти своей столь лестнаго триумфа?

Особый родъ поэзіи, въ которомъ Катсъ не имѣлъ соперниковъ, есть созданный имъ родъ «иносказаній», или, какъ называлъ онъ ихъ Proteus, of Minne-en-Sinne-Beelden (*Протей, или любовныйя и умственныея изображенія*). Темою этихъ пѣтическихъ игрушекъ избираетъ онъ какой нибудь видимый предметъ (по большей части самый ничтожный), и прямымъ, естественнымъ оборотомъ переходитъ сперва къ душѣ жизненныхъ нашихъ ощущеній любви, а отъ нея къ какой либо высокой, нравственной, или религіозной мысли. Это нѣчто въ родѣ древнихъ антологическихъ *Эмблеммъ* (Emblemata), или *Девизовъ* рыцарства, родъ поэзіи, который можно назвать «героглифомъ сердца и ума», нравственною, или эротическою эпиграммою. Книга Катса «Протей», преимущественно посвященная юношеству, подъ суетною оболочкою потѣшной игры, заключаетъ чистый, практический *курсъ морали* для всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сослоній. Это рядъ мѣлкихъ стихотвореній, которые, по краткости и эпиграмматической своей формѣ, легче другихъ врьзы-

ваются въ память читателя. Первые стихи каждаго отдѣла (подъ особою Латинскою рубрикою) посвящены любви, и были произведеніемъ молодости нашего поэта. Они настоящія «Эротическія картины» (Minne Beelden). Возмужавъ, онъ прибавилъ къ нимъ «картины *чувственныея, умственныея*» (Sinne-Beelden), такой же эпиграмматической формы, но съ глубочайшею философическою мыслью, приспособленною къ одному и тому же предмету. Необыкновенный успѣхъ сихъ стихотвореній въ Голландіи заставилъ Катса прибавить къ нимъ и религіозную, соответствующую имъ «думу», съ указаніемъ Библейско-Евангельскаго источника, изъ котораго она почерпнута. Въ вольномъ переводѣ каждаго отрывка на Французскій и Латинскій языки, автору хотѣлось возбудить желаніе своихъ читателей ознакомиться съ поэзіею Франціи и древняго Рима. Отдавая справедливость его Латинскимъ стихамъ, мы не смѣемъ скрыть отъ читателей нашихъ, что его Французскіе стихи далеко отстали отъ Латинскихъ, а еще далѣе отъ Голландскихъ. Въ нихъ (мы говоримъ о Французскихъ) отзывается перестановочная старинная манера Ронсара, Бюфа и Маро, со всѣми *созвучіями гласныхъ* (hyatus), которыми обезображено силлабическое стопосложеніе Нордманскихъ Труверовъ и Нидерландскихъ Редерейкеровъ. Однимъ словомъ — это стихъ младенчества Французской поэзіи. Не довольствуясь поэзіею, умный Катсъ, къ каждому отдѣлу ихъ, прибавилъ по одному Латинскому и Голландскому прозаическому отрывку, какъ бы пояснительному выводу, который подкрепляется у него словами Библии и Св. Отцовъ, а иногда цитатою изъ философовъ, историковъ, поэтовъ или ораторовъ древности и новѣйшихъ временъ. Все, вмѣстѣ взятое, украшенное соответственны-

ми рисункомъ и *эпиграфомъ-пословицею*, составляетъ (какъ мы уже сказали выше) «курсъ чистой практической морали», достойной остаться въ памяти читателя и удобной къ заученію наизусть. Почти каждое Латинское и Голландское стихотвореніе, по старинной эпиграмматической конструкторці, заключаетъ въ себя не болѣе восьми, а Французское не болѣе четырехъ стиховъ. Авторъ уподобляетъ своего *Протема—горькому лекарству, которое, для пользы дѣтей, даютъ имъ (обманомъ) принимать въ сахаръ*. Въ предисловіи къ симъ иносказаніямъ, Катсъ раздѣляетъ *человѣчество на три возраста*, и къ каждому изъ нихъ приспособляетъ по одному изъ своихъ стихотвореній: къ *юности*—эротическое, къ *мужеству*—умственное, къ *старости*—религіозное, и такимъ образомъ переводитъ читателя своего отъ *чувства* къ нравственности, а отъ нравственности къ Христу. Предисловіе свое заключаетъ поэтъ нашиими простыми, добродушными словами: *Leest dan, wie gij zijt, aandachtelijck, verstaet gezondelijck, oordeelt huyselijck, en vaert wel!* т. е. *Читай же, кто бы ты ни былъ, внимательно, разумь здраво, суди прилично, и здравствуй!* Въ концѣ прибавляетъ слѣдующій Латинскій диктовъ—совершенно объясняющій цѣль *краткихъ* его иносказаній—*Misce stultitiam consiliis brevem!*

Желая ознакомить читателя съ сими иносказаніями, мы переведемъ изъ Катса, съ возможною точностью, нѣсколько *эротическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ* его картинъ. Вотъ одна изъ нихъ, на изображеніе «*червячка, превращаемаго изъ куколки (личинки) въ крылатое насѣкомое*», на которое смотритъ авторъ съ трехъ разныхъ точекъ зрѣнія:

ЭРОТИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

Lieven doet leven.

Любовь намъ жизнь даетъ.

Лежалъ въ могилѣ я, былъ смерти обреченъ,
Пока меня любовь и солнце не коснулись:
Мнѣ солнце дало жизнь, любовь дала мнѣ крылья,
И я, изъ куколки, сталъ рѣзвымъ мотылькомъ,
И бодро къ небесамъ взвиваюсь я изъ праха:
Изъ мрака вылетѣвъ, я въ радугахъ лучусь!
Такъ оживляетъ насъ улыбка красоты;
Такъ воскресилъ насъ чудесный откликъ милой.

ПРАВСТВЕННО-ЧУВСТВЕННАЯ КАРТИНА.

Komt niet tot yet 't is elex verdriet.

*Иной успѣхъ—**Бѣда для вѣсхъ.*

Презрѣнный червь сталъ *сарангею*;
Пестрѣтъ въ воздухъ, порхаетъ по полямъ—
И людямъ, и звѣрямъ, и хлѣбу, и лугамъ
На крыльяхъ вредъ несетъ съ собою.
Не ей ли въ участи подобенъ временщикъ?
Изъ грязи выползъ онъ, и носъ несетъ высоко,
И топчетъ ближняго пятой своей широкой—
Когда изъ малаго онъ станетъ вдругъ великъ.

РЕЛИГІОЗНАЯ КАРТИНА.

Помни убо, откуда спалъ еси и покаяся!

Апокалипсисъ Св. Іоанна, гл. В. ст. 5.

Зародышъ бытія, небесъ полусозданье,
Персть грязная земли родится для небесъ,
Коснѣвшая во тмѣ выплываетъ звѣздами
И возраждается въ ясплюющихъ лучахъ.
О, мысль моя—горь!... Кто къ небесамъ стремится,
Тотъ къ жизни Феникса надъ солнцемъ возродится.

Скинь оболочку, духъ, въ высь горнюю лети:
Тамъ вѣчный твой удѣлъ, тамъ все мое желанье!

Вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ первой части
иносказаній, или Протея.

FIT SPOLIANS SPOLIUM.

Однажды милую засталъ я въ сладкомъ снѣ,
Увидѣль алыя уста и замлѣлся,
Сталъ хищникомъ... но что за похищенье!
Я съ усть ея — похитилъ поцѣлуй,
А сердце отдалъ ей въ добычу.
Такъ мышъ свою приманку ловилъ
И попадаетъ въ мышеловку.
О милая! какъ ты хитра:
И сонная — ты крадешь вора!

AMISSA LIBERTATE LAETIOR.

Blij door slaverny.

Неволя — радостная доля.

Когда я самъ былъ свой, могъ птицею похититься,
Я много вытерпѣлъ, на свѣтъ грустно жилъ;
Теперь, когда любовь меня закабалитъ,
Я радостенъ, быхусь и незнакомъ я съ горемъ.
Неволя сладкая, пріятное насилье!
Что мука для другихъ — отрада для меня!

РАБЪ ИСТИНЫ СВОБОДЕНЪ ОТЪ ГРѢХА.

Посл. къ Римл. VI. 20, 22.

Когда я въ мѣрѣ жилъ, и какъ въ лѣсу, скитался —
Заботы разныя меня смущали тамъ:
Я шелеста листковъ, журчанья струй боялся,
Дрожалъ — чего? Не знаю самъ.
Теперь, меня причли къ рабамъ,
И ошибаются: я не желаю болѣ
Жить въ прежней волѣ:

Я Божій рабъ среди монахъ оковъ,
Я чистъ душой, свободенъ отъ грѣховъ.

FUGIENDO NON EFFUGIT.

«Желанье ты спастися отъ любви —
Покинь любезную, бѣги въ страны чужія!»
Такъ юношѣ совѣтуетъ Назонъ,
Но опытъ показалъ, что сей совѣтъ былъ — вѣтеръ.
Я плавать далеко, я перебылъ вездѣ —
И что же? Препятнее ко мнѣ прилынуло горе:
Ношусь съ нимъ по горамъ, таскаюсь въ долахъ съ нимъ....
«Что жизнью сердца стало въ насъ —
Того съ собой носить не перестанемъ.»

КАПЛЯ СЧАСТЬЯ, МОРЕ ГОРЯ!

QUOD JUVAT EXIGIUM EST.

Klijn Genucht, groot Gezucht!

Увѣнчанъ розами упитанный телець,
Ему предшествуютъ тимпаны, пѣсни, лики,
Но купленъ дорого сей розовый вѣнецъ
И радостные клики:
За жертвой слѣдуетъ — неумолимый жрецъ.
О юность! и тебя здѣсь ожидаетъ тоже,
Когда ты, на цвѣточномъ ложѣ,
Утѣхами наполнивъ свой фляжъ,
Подносишь, въ роскоши, къ устамъ его кристалъ.
Не осушай до дна отрады житейскихъ чашъ:
Тамъ — горечь ждетъ тебя, раскаянье, позоръ;
Здѣсь — мигъ одинъ всѣ наслажденья наши:
Забавы — впереди, а назадъ — топоръ!

Трудно въ счастья не свихнуться.

't zijn stercke Beenen, die weelde draegen.

Когда на угольяхъ желѣзо раскалится,
Объятое огнемъ,
Оно, какъ воскъ, и гнется и мягчится,
Но отсырѣвъ опять ожесточится.

Такъ мякнетъ и душа въ несчастіи своемъ,
 Подъ карою громовъ небесныхъ,
 Подъ жаломъ лязв тѣлесныхъ.
 И мы у рока подь бичемъ
 Такъ смирыи всѣ, что чудо!
 «Всѣ хороши пока намъ худо!»

NON INTRANDUM, AUT PENETRANDUM.

Кокетка и паукъ сплетаютъ сѣти:
 Пчела несется на пролетъ,
 А муха вязнетъ въ паутинѣ.
 Учитесь юноши у пчелъ
 Сквозь сѣти пробиваться,
 А если силъ въ душѣ у васъ не достаетъ
 И вы не пчелы — мухи,
 То убирайтесь лучше прочь!

НАРУЖНОСТЬ ОБМАНЧИВА.

Иоанн. VII. 24.

Въ пескахъ пустыни, пилигримъ
 Увидѣлъ пирамиду,
 И думаетъ: «Вотъ пышный домъ царей;
 Его верхи сводъ неба подпираютъ!»
 Глупецъ не зналъ того, что прахъ одинъ царей
 Выщипаетъ пышная гробница - пирамида....
 Кто по наружности лишь судитъ о вещахъ,
 Тотъ строитъ домъ — на облакахъ!

NEMO DOLENS PATET LIBIDINI.

Грусть любви не питаетъ.

Всѣ мыши прочь бѣгутъ, когда валится домъ;
 Всѣ птицы прочь летятъ съ подсыченныхъ деревьевъ;
 Отъ обнищавшихъ богачей
 Уходятъ всѣ друзья и гости....

Такъ испарлется изъ трупa жизни духъ;
 Такъ отъ души, печально изпуренной,
 Въ испугъ прочь летитъ любовь,
 Когда для пламени ея нѣтъ больше пищи.

Вторая часть иносказаній Катса, названная имъ:
 Emblemata moralica et oeconomica, исполнена той же
 граціи, естественности и ума; одна разница въ фор-
 мѣ. Рисунокъ съ Латинскимъ заглавіемъ поясняется
 прелестнымъ Голландскимъ стихотвореніемъ, къ ко-
 торому приложенъ Латинскій переводъ, или соот-
 вѣтственные Латинскія цитаты, а иногда и переводъ
 и цитата вмѣстѣ. Вотъ описаніе перваго изображе-
 нія, переведенное развѣромъ подлинника:

ДВѢ ПАЛЪМЫ НАДЪ РУЧЬЕМЪ.

Vivite concordēs!

Молодцы и молодницы,
 Вы, которымъ здѣсь попарно
 Рокъ судилъ на свѣтъ жить,
 Вы, которымъ жить случалось
 И въ ладу и не въ ладахъ!
 Подойдите, научитесь —
 У деревьевъ, у бездушныхъ,
 Какъ вамъ жить и какъ вамъ быть.
 Вотъ — четой стоятъ двѣ палмы;
 Ихъ разрознилъ бурный ключъ,
 Но зеленыя ихъ вѣтви
 Мостомъ тянутся другъ къ другу,
 Будто руки подають.
 Такъ и вы, давъ клятву мира,
 Руки давъ у алтаря,
 Не берите рукъ обратно,
 И союзъ вамъ благодатный
 Не разрознятъ и моря!

Десятая эмблема изображает *чайку надъ морелью и мильную рыбку на поверхности воды*; вотъ ея описаніе:

RAUPER AGATE CAUTE.

Ты за чѣмъ, малютка рыбка,
Выплываешь изъ воды?
Твой пріютъ на днѣ глубокомъ;
Тамъ бы жить тебѣ и быть.
Надъ водой порхаютъ чайки,
Страшно крыльями шумятъ,
Съ дикимъ крикомъ ищутъ пищи,
Пожираютъ мѣлкихъ рыбъ.
Пусть большія рыбы въ морѣ
Выплываютъ надъ волной:
Имъ нестрашны птичьи клювы,
Имъ нестрашны когти ихъ;
Мѣлкимъ тварямъ безопаснѣй
На утищѣ, въ глубинѣ:
Имъ удобнѣ тамъ плавать,
Гдѣ родимый ихъ пріютъ.
И китамъ, когда ихъ хищный
Рыбака усмотритъ взоръ,
И китамъ грозитъ увѣче,
А нерѣдко — пльвь и смерть.
Не всегда то сносить карю,
Что выносить исполнѣ:
Блескъ примащивъ, но надежнѣй
Жить въ безвѣстности, въ тиши.

Изображеніе тринадцатое представляетъ *маякъ съ надписью: Luceat lux vestra coram hominibus*. Это изображеніе внушаетъ Катсу слѣдующій монологъ:

Какъ спасителемъ, друзьямъ,
На крутомъ яру маякъ!
Ночи цѣлыя надъ нимъ
На пролетъ горитъ огонь;
Кто по хлябямъ водъ морскихъ

Ни проедетъ въ корабль,
Между сизыхъ волнъ, ему
Гавашъ освѣщаетъ онъ.
Такъ и ты, въ ночи мірской,
Церкви Божьей вѣрный сынъ,
Будь маякомъ для пловцовъ
Въ морѣ жизни, и свѣти
Братьямъ, людямъ на пути,
Камни, мѣли озаряй
Въ пристань міра провожай!

Еще двѣ картины его особенно поразили насъ своею естественностью и простотою. Въ одной изъ нихъ (XXVI-й, къ порядку отдѣла) изображенъ *цвѣтникъ, съ летающими надъ нимъ пчелами*, подъ заглавіемъ: *Danti non desedit*. Вотъ дума Катсы, возбужденная симъ изображеніемъ:

Пчелка легкая порхаетъ
По цвѣточкамъ, безъ хлопотъ,
И для улья съ нихъ собираетъ
Бѣлый воскъ и сладкій медъ —
И не чудо ль? Розы алой
Отъ того не блекнетъ листъ,
И все такъ же, какъ бывало,
Цвѣтъ ея багрянъ, душистъ!...
Тотъ, кто трудника лелѣетъ,
Пищу алучшимъ даритъ,
Длань того не оскудѣетъ,
Вѣчно, самъ тотъ будетъ сытъ.
За радушныхъ — Провидѣнье;
Милосердѣй не убогъ:
Съ нимъ — небесъ благословенье;
Казначей его — самъ Богъ!

Картина XXVII-я, съ эпитафюмъ: *Omnibus ansa rebus inest*, представляетъ *руку, протянутую къ кисти виноградной*, и внушаетъ Катсу слѣдующія мысли:

Ты, которому плодъ пѣжный
 Предназначено срывать!
 Смильвивъ будь, благоразумень,
 Обращаться съ нимъ умй:
 Легче за него берися,
 Осторожно рви его!....
 И въ дѣлахъ житейскихъ тоже
 Есть спаровка, есть законъ,
 Есть на все свои приемы,
 Свой порядокъ есть на все:
 Кто ихъ визналь, тотъ лишь можетъ
 Называться удалцомъ.
 Дѣвы, слабыя созданы,
 Скромный, робкій женскій полъ —
 Нѣжной требуютъ спаровки:
 Осторожно ихъ плѣнай:
 Приступая къ нимъ, любовью
 Ихъ безстыдной не пугай!
 Ягодку берутъ булавкой,
 А ухватами — горшки;
 За горло хватають плута;
 Ловять на словъ глупца;
 За рукавъ берутъ буяна;
 Сѣтью ловять рыбу и птицъ,
 Бракомъ робкій стыдъ дѣвицъ.

Небольшая Катсова поэма: *De Zelfs-Strijt*, Борьба съ самимъ собою, или *силыя движенія плоти и духа* (*Krachtige Beweginghe van vlees en geest*), есть, по мнѣнью нашему, одно изъ слабѣйшихъ его произведеній. Она состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ рассказовъ, въ стихахъ и прозѣ, изъ которыхъ одинъ, именно второй, имѣетъ сильный драматическій интересъ и заключаетъ въ себѣ ужасную трагедію. Вотъ его краткое изложеніе:

«Во времена Герцога Карла Бургундскаго, Правитель Зеландіи влюбился въ одну замужнюю красавицу. Пользуясь неограниченною довѣренностью сво-

его государя, сей недостойный любимецъ Карловъ, подъ предлогомъ мнимаго заговора, заточаетъ въ темницу мужа и предаетъ его суду. Несчастному угрожаетъ смерть, и Правитель не иначе обѣщаетъ пощадку, если жена согласится удовлетворить его неистовую страсть. Послѣ долгой борьбы съ своимъ цѣломудріемъ, несчастная жена, уступая необходимости, рѣшается купить спасеніе мужа потерю своей чести. Ужасная жертва принесена. Опозоренная супруга спѣшитъ въ темницу своего мужа, объявить ему, какою цѣною купила она его освобожденіе и — что же находить тамъ? Обезглавленный его трупъ! Злодѣй-правитель присвокупилъ къ неистовству своему и вѣроломство: наслажденіе усилило его буйную страсть; чтобы имѣть все средства пресытиться плодами своего преступленія, онъ заранѣе приговорилъ плѣнника своего къ смерти, и планъ исполнилъ дѣло свое, когда жена пришла въ темницу несчастнаго. Отчаяніе возвращаетъ ей ту бодрость, которой лишила ее опасность обожаемаго мужа. Она, по совѣту друзей его, отправляется ко Двору Герцога, бросается къ ногамъ его государя и умоляетъ его о правосудіи. Герцогъ осѣдомляется о дѣлѣ и узнаетъ невинность обезглавленнаго; посылаетъ за любимцемъ своимъ, и уличивъ его въ злодѣйствѣ, велитъ ему, для возстановленія чести опозоренной имъ женщины, жениться на ней и составить въ пользу ея духовное завѣщаніе: въ случаѣ бездѣтства ихъ и смерти мужа, все имѣніе его упрочивается вдовѣ. Призванъ священникъ; бракъ совершенъ; духовная подписана и скрывается Герцогомъ. Поруганная честь женщины возстановлена блистательнымъ образомъ. Но правосудіе Карла неумолимо: новобрачный преступникъ, еще до брака своего, обреченъ уже неизбежной смерти. Тотчасъ же, по

выходъ изъ пріемной залы, Герцогъ велитъ казнить любимца своего, того же самую смертію, которою погубилъ онъ перваго мужа своей жены. Она вторично дѣлается вдовою и наследуетъ все имѣніе и богатство сего втораго мужа.» — По обычаю своихъ рассказовъ, добрый Катсъ заключаетъ и эту страшную исторію слѣдующими простыми словами: Denk!-er op, Leser, en vaert wel! т. е. «Размысли о семь, читатель, и здравствуй!»

Въ третьемъ отдѣлѣ «Борьбы съ самимъ собою» помѣщенъ рассказъ о цѣломудріи Сципіона въ Испаніи.

Изъ предисловія къ сочиненію видно, что авторъ, по просьбѣ издателя, и уже при второмъ тишеніи своего сочиненія, наполнилъ его библейскою повѣстью о *цѣломудріи Иосифа*, взятою изъ «древностей Иудейскихъ,» I. Флавія. Это, собственно, длинная драматическая сцена между Сефиромъ, женою Пентефрія, и Иосифомъ, въ которой она старается соблазнить его, и не успѣвъ въ своемъ разсчетѣ, клевететь на Иосифа и предаетъ невиннаго юношу въ руки ревниваго своего мужа. Въ концѣ сцены, Иосифъ поручаетъ судьбу свою Богу и кончаетъ сцену молитвою. Не смотря на отдѣльныя красоты версификаціи въ этомъ діалогѣ, состоящемъ изъ 26 страницъ in-4°, въ два столбца, изложеніе его утомительно и вяло. Этотъ послѣдній діалогъ называетъ авторъ «знаменемъ, которое посвящаетъ онъ всѣмъ *благочестивымъ* юношамъ, (Veldt-Teyken, alle eerbare Jonge-Lieden toegeeygent). Сочиненіе напоминаетъ намъ мистеріи Голландскихъ труверовъ, или *редерейкероувъ*, писавшихъ во времена Герцога Альвы: оно имѣетъ ихъ немногія красоты и великіе недостатки, въ немъ преобладаютъ духъ полемики и педантизма Среднихъ Вѣковъ, отъ которыхъ такъ далекъ Катсъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ. Изданіе 1659 го-

да, которое лежитъ у насъ передъ глазами, украшено иллюминированными виньетами, на которыхъ всѣ Египтяне, по какому-то странному анахронизму тогдашней Фламандской живописи, одѣты въ Испанскіе костюмы: Иосифъ въ беретъ съ строусовыми перьями, а жена Пентефрія въ платье Среднихъ Вѣковъ!

Къ одному и тому же разряду духовныхъ мистерій можно причислить «Драму о *достоинствѣ мужа* (уваженіи къ мужу), состоящую изъ *предложенія, возраженія и приговора на счетъ уклонности Царицы Васты* исправить семейственные недостатки того вѣка, *изъявленной* послать Царю Артаксеркса (Toneel der *Mannelijke Achtbaerheyt*, aengewesen in de Voorfs prake, Tegen-sprake, en Uyt-sprake, over de Weygeringe van de Koninginne Vasthi, aen de Gesanten des Konincks Assuerus, tot verbeteringe van de Heeysgebreken deser Beuwe)!! По странности заглавія можно догадаться о длиннотахъ и утомительности сего полемико-нравственного и религіознаго произведенія; оно совершенно выходитъ изъ области повѣйшей критики, и разряда нашихъ драматическихъ произведеній.

Но вотъ мы доходимъ, по порядку твореній Катса, до одного изъ превосходѣйшихъ его созданій. Дидактика-философическая эта поэма образецъ ума, чувства, мысли и необыкновеннаго дарованія называется: *Het Houwelijk* (Бракъ). Она, такъ же какъ почти всѣ произведенія Катса, отличается оригинальностью, если не странностью своего заглавія — необходимаго данью тогдашнему вѣку, ибо вѣкъ требовалъ отъ автора не одного излишества въ произведеніяхъ, но и витіеватости въ титулѣ. Любопытно было бы заглянуть въ тогдашнюю библиографію и полюбоваться кудреватостью заглавій того

вѣка, если бы тѣ же странности не возобновились и въ наше время. Послѣ краткаго междуцарствія двухъ династій моды, узорчатый *Готикъ* естественнымъ образомъ заступилъ мѣсто Римско-Греческой наготы, исключительно преобладавшей во время Французской революціи, подобно тому какъ династія Карла Великаго смѣнила угасавшій родъ древнихъ Кесарей Рима. Манерность Среднихъ Вѣковъ замѣнила древнюю простоту: манерность въ художествахъ и искусствахъ, манерность въ слоги, манерность въ заглавіяхъ — вотъ девизъ изящнаго въ пропагандѣ вѣрованія бородатыхъ оригиналовъ, причесанныхъ à la moujik! Обыкновенныя слова и обороты рѣчи, ясно и положительно выражающіе авторскую мысль, изгнаны ими, не только изъ области поэзіи, но и смиренной прозы. Отвлеченность и мистицизмъ, кудреватость и изысканность отличаютъ слоги этихъ Гг. Западныхъ гусаровъ XIX вѣка. Они до того догонялись за оригинальностью, что начали писать безъ мысли и цѣли; пошли въ разбродъ, куда глаза глядятъ, лишь бы только не идти по большой, спокойной, торной дорогѣ; попадали въ ямы и рытвины непроходимой литературной дебри, и ихъ тамъ навалилась такая умоирительная куча, что головоу съ умомъ нельзя смотрѣть на нихъ безъ жалости и смѣха. Вотъ куда было привели эти господа современную образцовую словесность во Франціи и Германіи, если бы люди даровитые (безпристрастные поборники изящнаго) не образумили публики на счетъ жалкихъ шарлатановъ, адептовъ древняго смѣшенія языковъ *. Самъ витѣватый Бальзакъ, даро-

* Къ сожалѣнію, и у насъ еще не вывелось племя чудаковъ, которые, желая блеснуть оригинальностью, пользуются способностями своими не для развитія какой нибудь простой, полезной, назидательной

витѣйшій изъ шарлатановъ, измѣнилъ ихъ знаменамъ, сдѣлался отступникомъ ихъ вѣрованія въ безпамятность; одни *Гугонисты* еще держатся за древно растерзаннаго ихъ знамени. Новое поколѣніе, которому здравая критика открыла шарлатанство его обаятелей, смѣется теперь въ глаза своимъ бывшимъ учителямъ, начинаетъ писать *по челоуически*, и постигать, что «безъ философической идеи въ романѣ — нѣтъ романа», а тѣмъ менѣе нѣтъ ученой книги безъ истинной учености, безъ цѣли, математически определенной. Естественная простота начинаетъ уже изгонять изъ литературы манерность мысли, чувства и слова, подобно тому, какъ чистая нравственность, какъ вѣра истинная изгоняютъ изъ общества нелѣпый материализмъ, губительный эгоизмъ и жалкое безвѣріе въ добродѣтель. Будемъ надѣяться, что нравственный и умственный переворотъ скоро совершится, и мишура ума замѣнится неподдѣльнымъ золотомъ безъ легатуры, золотомъ, въ его естественной чистотѣ. По куда увлекся я отъ разбираемыхъ

испны, а для развѣянія *лестныхъ идей*, надъ которыми теперь смѣются и въ самомъ отечествѣ ихъ — Западной Европѣ. Они — просто — сѣвцы плевель, а не пшеницы. За недостаткомъ мысленія, они хотѣли блеснуть новизною, хотѣли увѣрить и насъ, какъ безграмотныхъ, будто бы формы благороднаго слова Русскаго, освященные употребленіемъ и общепринятымъ правиломъ, не существуютъ de facto. Въ провинціализмѣ нашихъ уѣздныхъ нарѣчій, какъ лебеда въ запущенномъ полѣ, прозабаютъ въ ихъ твореніяхъ. Тамъ увидите вы *не* въмѣсто *ни* и на оборотъ, *войти въ коллнату*, *войти на лнстнцу*, *встать вмѣсто стать*, *одѣтъ платье*, небывалые *услыгалъ* и *увидалъ* вмѣсто *увидѣть*, *услышалъ*, и тому подобныя отрывки изъ граматки Немврода и компаніи. Мы не сказали бы о томъ ни слова, если бы искренно уважаемый нами издатель «Справочнаго мѣста Россійскаго Слова» щадя и милоу сихъ господъ, не пропустилъ ихъ въ своёмъ указателѣ. Ошибки мнимыхъ литераторовъ въ печатномъ гораздо вреднѣе заученныхъ ошибокъ разговорнаго языка. Слово улетаетъ на ветеръ, а *то написано перомъ, того не вырубншь и топоромъ*.

мною произведений моего умнаго Голландца? Къ бзумцамъ новѣйшаго времени, которые, желая блеснуть оригинальностью, обращаются въ плохія копіи самыхъ жалкихъ оригиналовъ, которые, безстыдно присвоивая себѣ одни заблужденія и ошибки людей съ дарованіемъ, стыдятся усвоить отечественной словесности одно прекрасное изъ своихъ образцовъ! Но оставимъ въ покоѣ умственныхъ Араповъ: ихъ выбѣлять не вода и мыло, а sachatum saturni, или терпугъ. Обратимся къ твореніямъ нашего поэта....

Знаменитая поэма Катса, къ разбору которой мы приступаемъ, издана была имъ въ 1665 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Houwelijk (по новой орфографіи, Huwlijk), dat is, het gantsche Beleyt des Fechten-Staets, afgedeelt in ses Hoofst-Stucken, te weten: Maeght, Vrijster, Bruyt, Vrouwe, Moeder, Weduwe, behelsende mede de Mannelijeke-Tegenplichten (Бракъ, т. е. цѣлое руководство бражнаго состоянія, раздѣленное на шесть разрядовъ, и именно: Дѣва, Возлюбленная, Невѣста, Жена, Мать, Вдова, заключающее также и соответственныя сему обязанности мужчины). Въ видѣ введенія приложено къ ней прекрасное изображеніе дѣтскихъ игръ. По духу своей поэзіи, авторъ, живописуя (въ прекрасныхъ и легкихъ стихахъ) забавы младенчества, говорить:*

Maer t' wijlje met de kinders Iacht,
So woud'ick datje voorder dacht
Als dat'j'ooek in dit eygen Beelt
Al mede Lij de kinders speelt.

.....
Diet spel, al schijnt er Zonder Sin,
Dat heeft een kleyne Werelt in;
De Werelt en haer gantsch Gestel
En is maer enekel kinder-spel.

.....

Пока съ дѣтми играешь ты,
Не худо вспомнить и о томъ,
Что самъ ты, собственнымъ лицомъ,
Участникъ дѣтской суеты.

.....
Хотя въ ихъ играхъ смысла нѣтъ,
Онъ вмѣщаютъ малый свѣтъ,
И свѣтъ большой, съ толпой своей,
Не всели игра большихъ дѣтей?

Послѣ общей, матеріальной картины дѣтскихъ игръ, авторъ переходитъ къ частностямъ; описываетъ «жмурки», въ которыхъ ребенокъ, съ завязанными глазами, ловитъ не ту подругу игръ своихъ, которую поймать ему хочется, а кого удастся; наконецъ, повязка снята, онъ видитъ ошибку — но поздно: очередь его прошла; онъ потерялъ право ловить. Такъ и въ бракѣ: съ повязкою страсти, ослѣпленный любовникъ ловитъ мнимый идеалъ совершенства, но когда повязка скинута, когда свѣтъ истины озаряетъ ему печальную сущность, недостатки заступаютъ мѣсто прелестей и онъ разочарованъ! Тутъ авторъ обращается къ влюбленнымъ и говоритъ:

Послушайте моихъ рѣчей,
Слѣпыя дѣти, не спшите,
И если въ жмуркахъ вы людей
Не видите, другихъ спросите,
Чтобъ выборъ вашъ на цѣлый вѣкъ
Вамъ не былъ въ гибель и въ упрекъ.

Отъ жмурокъ переходитъ онъ къ игрѣ въ кубарь:

Но вотъ — раздался шумъ и вой:
Кубарь, по глади земляной,
Крутится, съ визгомъ, подъ бичемъ:
Чѣмъ больше хлещете по немъ,

Тѣмъ онъ сильный летить впередъ,
 А перестали — упадетъ,
 И вашъ летунъ, скакунъ лихой,
 Въ прахъ ляжетъ, какъ чурбанъ простой!
 Игрушки этой смыслъ поймемъ,
 Когда въ несчастіе впадемъ,
 Пока отъ горя, золь и бѣдъ
 У насъ кружится голова,
 Намъ устали, покоя нѣтъ,
 А отлегло — все тринь трава,
 Все дѣло — наслажденье, смѣхъ;
 Не дѣла намъ давай — утѣхъ!

Но вотъ видитъ онъ мальчика, который спускаетъ
бумажнаго змѣя, и у поэта нашего вырывается
 слѣдующее воззваніе:

Лети, крылатый змѣй, песишь!
 Взвивайся въ облачную высь,
 Покуда дѣтская рука
 Не дернетъ твоего шурка!
 Свободой пользуюсь своей,
 Теперь — ты выше всехъ людей,
 Взвился отъ нихъ въ подвѣздный кругъ;
 Надменно, съ сѣвера на югъ,
 Раскинулъ свой широкій хвостъ,
 Небесныхъ сферъ минутный гость!
 Но лопнетъ шуръ и *зудо-злой* —
 Бумаги листъ, игра вѣтровъ,
 Забава жалкая дѣтей —
 Низверженъ съ высей... въ грязный ровъ!
 Такъ иногда, судьбы рукой,
 Гордецъ, взнесенный надъ толпой,
 Алкаетъ почестей вѣнца:
 Его желаньямъ нѣтъ конца;
 Предѣловъ нѣтъ его мечтамъ:
 Онъ мыслить равенъ быть богамъ!
 Но лопнетъ шуръ, и полубогъ —
 Игра вѣтровъ и смѣхъ людей,
 Повикнетъ, какъ бумажный змѣй,
 И ляжетъ въ прахъ у дѣтскихъ ногъ!

«Игра въ обручикъ», который дитя вертитъ на палкѣ, представляетъ Катсу точное изображеніе чело-
 вѣка, который во всю жизнь свою держась ста-
 рины, видитъ круговращеніе свѣтилъ небесныхъ,
 иногда кружится самъ, но, подобный многимъ
 надеждамъ нашимъ, и не смотря на прожитыя
 имъ новыя годы, не чувствуетъ морщинъ его по-
 кривившихъ, остается на прежнемъ мѣстѣ, отстаютъ
 отъ вѣка и продолжаетъ играть въ свою прежнюю
 игру! — «Воробей, привязанный за лапчатку» внушаетъ
 Катсу мысль о чело-вѣкѣ, связанномъ нуждами и
 приличіями; когда крылатый пѣвникъ порывается
 съ руки пѣвнителя своего на воздухъ, то вытяну-
 тая полетомъ его нить останавливаетъ легкокрылаго;
 онъ какъ будто слышитъ голосъ судьбы, говорящей
 ему: *Ни шагу далье!* — «Христось», продолжаетъ
 Катсъ, «не смотря на простодушіе дѣтей, не взирая
 на суетность ихъ, любилъ игры младенцовъ и бла-
 говолилъ поучать ихъ Своими Божественными прит-
 чами, ибо въ играхъ дѣтскихъ видѣлъ подобіе на-
 шихъ дѣйствій. Намъ ли, послѣ сего,» продолжаетъ
 поэтъ философъ, «пренебрегать ихъ играми, когда
 они суть точное подобіе жизни нашей?»

Таковы были волшебныя краски, которыми не-
 сравненный Катсъ живописалъ намъ самыя безмы-
 сленныя дѣтскія игры, и облагородилъ то, что ка-
 залось въ нихъ *тривиальнымъ*. Моральные выводы
 его дышать Библейскимъ величіемъ и Евангельскою
 простотою. Въ нихъ отзывается душа поэта, возле-
 дяннаго христіанскими истинами, столь близкими
 къ сердцу каждаго читателя, и просвѣщеннаго
 гражданина и необразованнаго жителя сельской
 хижины. Стихъ Катса звученъ, какъ нѣжная сви-
 рѣль, *любезенъ, какъ говоръ друга*; подобія его много-
 образны, какъ природа, изъ которой почерпаетъ онъ

свои заманчивыя иносказанія. Въ нихъ является онъ настоящимъ Протеємъ, который никогда и никому не наскутитъ, и по мнѣнію нашему, это одна *мастера писать*, съ помощію которой можно облечь и сухую дидактику въ граціозныя формы.

За изображеніемъ дѣтства слѣдуетъ *Указатель пути къ браку изъ двора заблужденій, или лабиринта первой любви* (*Wegwijser ten Houwelijk uyt den Doof-hof der Kalverliefde*). Вотъ какъ Катсъ описываетъ этотъ лабиринтъ:

Een hof, een schoon preeel, daer alle Tuynen bloijen,
Maer des al niettemin ook zuege fruyten groijen;

Een hof, daer overal veel schoone rosen staen,
Maer die ze plucken wil, die vint'er priekels aen.

.....

Een hof, een rechte suyck, een winckel van bedrogh,
Daer yeder over klaeght, en yeder blijft er noch.

.....

Een hof, dat niemant keat, dat niemant oyt en leert,
Als die eerst heeftgedoof en dan eens wederkeert.

.....

И вотъ подстрочный переводъ сего описанія:

Дворъ — прелестей приютъ, гдѣ всѣ сады пестрятъ,
Но гдѣ и кислые плоды растутъ и зрѣютъ;

Дворъ — полный пышныхъ розъ блестящей красоты,
Гдѣ колетъ острый шипъ того, кто рветъ цвѣты;

Дворъ — верша для людей, гдѣ хитрости гнѣздятся,
Гдѣ каждый съуетъ и всѣ хотятъ остаться;

Дворъ тайны — въ жизни сей, извѣданный лишь тѣмъ,
Кто вышелъ изъ него и заблуждался въ немъ.

Описавъ волшебнымъ перомъ Овидія всѣ опасности и всю прелесть сего лабиринта, остроумный Катсъ даетъ совѣтъ, какъ изъ него выдти: онъ заключаетъ поучительное описаніе свое четырьмя стихами:

Noch wil ick evenwel geen jonge Maeght beletten
Haer voet te rechter uur in desen hof te zetten,

Genaeckt dan, zoete jeught, maer eer je verder gaet,
Laet Tucht u leytsman zijn en Reden uwen draet!

Смысль ихъ есть слѣдующій:

Не запрещаю я, тебѣ, краса младая,

Въ часъ добрый посѣщать сей дворъ — обращай къ раю;

Но, юность милая, спыши не на обумъ:

Пусть вожь твой будетъ — честь, а нить спасенья — умъ.

Оригинальное изображеніе «Герба дѣвства» (*Maeghde-Wapen*), подъ рубрикою: *Lateat dum pateat*, оканчивается введеніе въ прелестную поэму Катса. Изображать всѣ красоты этого милого отрывка, значило бы переводить его вполне: онъ весь грація, весь прелесть, какихъ мало у Овидія, какихъ нѣтъ у Жанги-Бернара. Нѣсколько остроумныхъ совѣтовъ дѣвцамъ-красавицамъ, какъ беречь свое цѣломудріе, заключаютъ очаровательное описаніе ихъ геральдическихъ атрибутовъ. Но вотъ и сама поэма. Первая часть ея, какъ мы уже сказали, называется «Дѣвушка» (*Maeght*).

Эта часть поэмы, или *тѣнь* (какъ говаривали въ прошломъ вѣкѣ) состоитъ вся изъ разговоровъ между двумя молоденькими дѣвцами, Анной и Филисой. Разговоръ ихъ напоминаетъ образъ изложенія Латинскаго писателя Меурзія *, въ приписываемыхъ

* Иоаннъ Меурзіи родился (1579) въ деревнѣ Лосдѣйненъ, близъ Гааги и умеръ профессоромъ Исторіи и Политики въ 1639 году. Известнѣйшія сочиненія его суть: *De populis Atticæ*; *Archontes Athenienses*; *De Athenarum Origine*; *de Testis Græcorum*; *Historia Danica*; *Athenae Batavæ* (Исторія Лейденскаго Университета); *Glossarum Græco Batavorum*; *Creta*, *Cyprus*, *Rodhes*, и пр. Если приписываемые ему «Бесѣды Алоизіи» действительно произведеніе сего автора (въ чемъ однакожь мы сомнѣваемся, не смотря на увѣренія издателя), то въ оправданіе его скажемъ, что ихъ нѣтъ въ полномъ изданіи его сочиненій, напечатанныхъ 1741 г. во Флоренціи, въ 12 томахъ in folio. Эти бесѣды отзываются духомъ Пьетра Аретина, а не Яна Меурзія.

ему остроумных «Бесѣдахъ Аловизіи», книжкѣ столь же безнравственной, сколько произведеніе Катса чисто и благопристойно. Последняя изъ двухъ собесѣдницъ болѣна «сама не знаетъ чѣмъ», и въ невинности своей открываетъ душу и чувства своей подругѣ. Анна, болѣе ея разсудительная, отгадываетъ болѣзнь своей пріятельницы и подаетъ ей дружескіе совѣты. Изъ милой изъ полемики образуются правила, не безполезныя для юныхъ, неопытныхъ красавицъ. Вотъ тайны сердца милой, неопытной дѣвушки, которая открываетъ ихъ наединѣ другу своему, Аннѣ :

Волненіе странное во мнѣ:
 Дрожу, чего сама не знаю!
 То вспыхну вдругъ и, вся въ огонь,
 Невольно сердцемъ замираю,
 И безъ движенія устаю,
 И безъ причины я тоскую,
 И безъ досады негодную;
 Хожу, сажусь, опять встаю,
 Безъ цѣли бѣгаю, рываюсь,
 То вдругъ заплачу, засмыюсь,
 То быстрой серпою пощесуся,
 То вдругъ, съ печалью на чель,
 Я камнемъ приросту къ землѣ;
 Безъ мыслей въ думу погружаюсь,
 Безсонная въ постель бросаюсь,
 Гублю я молодость свою,
 Сама себя не узнаю:
 Какъ объяснить болѣзнь мою?»

Анна, притворясь, будто не поняла ея, дивится, какъ она спрашиваетъ объ этомъ такую же неопытную подругу; она совѣтуетъ ей обратиться съ вопросомъ своимъ къ «мужу опытному въ изцѣленіи подобныхъ болѣзней». Филиса не вѣритъ ея невѣдѣнію и убѣждаетъ ее быть искреннѣе.

Анна говоритъ, шутя, что прежде леченія нужно

доктору знать всѣ обстоятельства и начало болѣзни, и приглашаетъ подругу свою рассказать ихъ подробнѣе. Филиса открываетъ милой подругѣ всю душу своего! «Однажды,» продолжаетъ она, «примѣтила я на аспидной крышѣ двухъ голубковъ; сперва они, дружно воркуя, играли и клевались, потомъ вспорхнувъ, слетѣли внизъ; потомъ, другъ за другомъ, взвились выше и закружились по воздуху, а тамъ слетѣвши въмѣстѣ, начинали прежнюю игру свою.» Слѣдя ихъ глазами, Филиса почувствовала что-то необыкновенное въ крови своей, какое-то странное сотрясеніе во всѣхъ своихъ членахъ. «И такъ, подумала она, всемогущество Божіе соединяетъ попарно всѣ роды Своихъ созданий; каждая порода радуется по своему, соединяется четами?... И кто жь изъ нихъ не чувствуетъ любви? Развѣ не любить — значитъ жить?..... Неужели одиночество удѣлъ одного человѣка? Любовь взаимная улаживаетъ жизнь льва и медвѣдя; неужели сладость ея должна быть чужда сердцу вѣжливой дѣвушки?» Эта мысль не оставляетъ ея, грезится ей во снѣ, мечтается ей на яву. «Скажи: какъ мнѣ назвать болѣзнь мою?» спрашиваетъ она Анну. «Чудная болѣзнь твоя,» отвѣчаетъ ей подруга, «*есть тоска дѣвигья, есть жажда первой любви*» — Сколько истины, сколько естественности въ сихъ немногихъ словахъ!

Въ слѣдствіе этой занимательной бесѣды, Анна даетъ Филисѣ, слишкомъ пылкой и опрометчивой, самые спасительные совѣты, какъ поступать съ тѣмъ, кого избреть ея сердце, какъ не поддаваться обаянію чувствъ, не вдругъ открывать душу свою возлюбленному, и прибавляетъ:

De vogel moet der vanger zijn.

Птичкѣ должно быть ловцомъ.

Анна подкрѣпляетъ совѣты свои примѣрами, и совѣты ея не потеряны; какъ доброе сѣмя, они пали на добрую почву. Филиса даетъ ей слово быть осторожною, и говоритъ, что стыдъ дѣвичій и чувство собственнаго достоинства, сильные союзники ея наставленій. Она препоручаетъ судьбу свою Провидѣнію, терпѣливо хочетъ ждать своего суженаго, и благодаритъ подругу за ея добрый совѣтъ. Вотъ практика и теорія морали, выраженная языкомъ сердца, языкомъ, понятнымъ для всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній!

Вторая часть поэмы: de Vrijster (Дѣвушка-невеста *), начинается тѣмъ же порядкомъ. На «гербѣ» героини двѣ надписи: Латинская Flos mihi dos, и Голландская Sedigheid, Schaemte (*приміе, стыдъ*). Этотъ отрывокъ (*Гербъ влюбленной, возлюбленной*) уступаетъ въ граціи гербу дѣвства, но заключаетъ въ себѣ самыя умныя наставленія, на примѣръ:

Weest Vrouwen in verstant en Maeghden in manieren!
Toont yeder blij gelaet, o Maeght! en hooger niet!

Будь женщина умомъ, а обращеніемъ — дѣва!
Кажись веселюю, о дѣвушка, не больше!

«Слѣдуя совѣтамъ моимъ,» говоритъ поэтъ-филозофъ, «ты въ самомъ званіи супруги и матери сохранишь свое нравственное дѣвство.»

* Слово Vrijster нѣтъ въ богатомъ Голландскомъ языкѣ особенное значеніе. Такъ называютъ въ Нидерландахъ каждую *взрослую дѣвушку* (дѣвушку-невесту), дѣвушку, достойную того возраста, въ которомъ совершился уже переходъ отъ младенчества къ *пору любви*. Слово это можно изъяснить Славянскимъ выраженіемъ *юнона*, соответственнымъ *топошъ* въ мужскомъ полѣ, но невведенномъ въ Русскій разговорный языкъ. Vrijster значитъ дѣвушку, хотя и не *невесту* — de facto, но *готовую быть невестою*, почти тоже, что Virgo по-Латини, въ различіе отъ puella (дѣвочка).

Въ этой части поэмы бесѣдуютъ между собою новобрачная Сибилла и молодая дѣвушка Розетта.

Последняя приветствуетъ пріятельницу свою съ благополучнымъ совершеніемъ ея брака. Онѣ идутъ въ садъ бесѣдовать о дѣлахъ своихъ. Розетта, чувствуя, что и ей настала также пора думать объ устройствѣ своей участи, составляетъ множество мечтательныхъ предположеній, какъ лучше и вѣрнѣе достигнуть цѣли своей. Новобрачная доказываетъ Розеттѣ ошибочность ея образа мыслей. Умные споры ихъ даютъ средство автору объяснить читателямъ свой превосходный курсъ практической морали. Сибилла отклоняетъ Розетту отъ иныхъ повѣренныхъ, кромѣ сердца ея матери и отца, совѣтуетъ ей не торопиться выборомъ жениха. Чтобы составить счастливую чету, она полагаетъ 21-й годъ невесты и 28-й годъ жениха (нѣсколько болѣе или менѣе) настоящимъ возрастомъ для вступленія въ бракъ. Съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ которымъ мы отдаемъ справедливость первой части Катсовой поэмы, обязаны мы сознаться, что вторая часть ея уступаетъ ей въ образѣ изложенія и въ занимательности.

Последнія четыре части Катсовой поэмы составляютъ особый отдѣлъ, подъ собирательнымъ именемъ: «Христіанская женщина домовница» (Christelijk Huys-Wijf). Сія четыре части, какъ мы сказали уже въ нашемъ «Очеркѣ Голландской литературы,» соответствуютъ четыремъ временамъ года. *Невеста* (обрученная) — веснѣ; *жена* (супруга) — лѣту; *мать* — осени; *вдова* — зимѣ. Украшая поэму свою именемъ женщины, а не мужчины, Иаковъ Катсъ оправдывается тѣмъ, что самое слово «Бракъ, (по Лат. Matrimonium) происходитъ отъ слова Mater, *мать*, отъ той таинственной Изиды, въ недрахъ которой образуется зародышъ

будущаго человѣчества, какъ въ пѣдрахъ земли об-
разуется зерно растеній, надежда и пища всего
живущаго. Составляя свой идеалъ христіанской жен-
щины-домовницы, добрый Катсъ лелѣетъ въ ней
отраду всего человѣчества. Но заботясь о земномъ
счастіи своего пола, усовершеніемъ женщины, поэтъ
нашъ, не такъ какъ эгоистъ, но истинный другъ
всего человѣчества, хочетъ упрочить счастье и са-
мой женщины, и съ такою благородною цѣлью
бросаетъ онъ бѣглый взоръ на обязанности муж-
чины.

Вотъ сущность его бесѣды съ самимъ собою объ
обязанностяхъ и свойствахъ истиннаго «мужа-су-
пруга.» Онъ спрашиваетъ разсудокъ свой: какимъ
слѣдуетъ быть мужу, достойному главѣ союза брач-
наго? и получаетъ слѣдующій отвѣтъ:

Законовъ Бога своего —

Онъ долженъ вѣрнымъ быть рабомъ;

Блности, чтобъ въ домъ у него

Быль въ маломъ видѣ Божій домъ;

Онъ долженъ лъности не знать,

Идти всегда прямымъ путемъ;

Одной лишь правдой богатѣть;

Трудовъ полезныхъ не жалѣть;

О прошломъ смѣло вспоминать;

Что выше силъ не начинать;

Не словомъ, дѣломъ поучать.

Быть честнымъ мужемъ и отцомъ,

Но не медвѣдемъ и не львомъ.

Судьбою строгимъ быть съ собой,

Весельчакомъ съ своей женой,

Но такъ, чтобъ радостью своей

Не причинить печали ей.

Не ослѣпляться красотой;

Любить жену, какъ Божій даръ,

Чтобъ къ ней огонь любви святой

Быль наслажденье, не пожаръ;

Тайнъ спальныхъ не пускать на свѣтъ,
Чтобы упрекъ, или совѣтъ,
Не вышли за ея порогъ
И ихъ никто открыть не могъ.
Мужъ добрый долженъ въ мѣрѣ жить
Не для того, чтобъ ѣсть и пить:
Домашній пиръ въ семьѣ своей
Ему пировъ чужихъ милѣй.
Онъ сложитъ голову за домъ,
Но онъ глава въ дому своемъ;
Онъ душу радъ женѣ отдать,
Но ей не дастъ повѣлывать.»

За эту бесѣдою, или введеніемъ, слѣдуетъ отры-
вокъ о выборѣ жены, настоящей *tour de force* Гол-
ландскаго стихотворства и образецъ краткости язы-
ка, которымъ такъ мастерски владѣли Фондель
и Катсъ — отрывокъ вовсе не переводимый. Вотъ
обращикъ:

Niet al le sacht, niet al te stuer;
.....
Niet al te wijs, niet al te geek;
.....
Niet al te kort, niet al te lanck;
Niet al te dick, niet al te ranck, и пр.
.....

То есть:

Ни смиренъку, ни шумненъку,
Ни умненъку, ни глупненъку,
Ни высокоу, ни низенъку,
Ни толстенъку, ни худенъку, и т. д.

Цѣлая страница такого набора одиозвучныхъ анти-
тезъ льется у Катса, какъ потокъ, однимъ и тѣмъ
же краткимъ размѣромъ, котораго не позволяеть
намъ продолжать длинносложность, не только Рус-
ской рѣчи, но и рѣчи Нѣмецкой, столь близкой

родственников языка Голландскаго. Впрочемъ, самъ Катсъ, въ шуточномъ примѣчаніи, предлагаетъ нарочно этотъ отрывокъ, какъ неразрѣшимую задачу, всѣмъ переводчикамъ на иностранные языки. Въ отрывкѣ семь есть много національныхъ выраженій, которыя не могутъ быть ни поняты, ни изъяснены на иномъ языкѣ, кромѣ Голландскаго. Предлагаемъ здѣсь переводъ Катсова примѣчанія: «Вотъ вамъ, Нидерландцы, къ похвалѣ вашего природнаго языка, цѣлое стихотвореніе, состоящее изъ однозвучныхъ, или односложныхъ рѣченій: изъ него увидите, какъ кратко и складно можете вы на языкѣ своемъ изъясниться. Желалъ бы я, чтобы ктонибудь изъ хулителей его могъ передать этотъ отрывокъ на то нарѣчіе, которое ему подручишь другихъ. И если не сумѣетъ достигъ до совершенія этого дѣла, (которое полагаю я *невозможнымъ* на всякомъ другомъ языкѣ), то, по крайней мѣрѣ, пусть онъ тогда перестанетъ говорить и думать съ презрѣніемъ о нарѣчій нашемъ.» Чтобы понять *улыбчивость* такой выходки, надобно припомнить, что говорилъ я о народномъ языкѣ Нидерландцовъ, въ моемъ «Очеркѣ Голландской литературы.» — Только послѣ Гоофта, Катса и Фонделя сдѣлался языкъ сей ученымъ и литературнымъ. Большая часть лучшихъ Нидерландскихъ писателей и поэтовъ тогдашняго времени, презиралъ языкъ *заероузъ, редерейкероузъ*, писали по Латини.

Теперь слѣдуетъ новая пѣснь Катсовой поэмы — подъ заглавіемъ: *Bruydt* (Невѣста). Она составляетъ первый отдѣлъ «Христіанской женщины доминицы.» Эпиграфъ автора есть уже самъ по себѣ милое и граціозное введеніе въ прелестную эту пѣснь.

Hier is de koele Mey, een Bruydtost van de dieren,
Daer al wat pluimen draecht begint te *tirelieren*,

Daer al het groene Wout met open bloemen staet,
En stort in het Gemoet en hoope van det Zaet.
Hoe kont ick beter prent hier onder latten drijven,
Nadien ick was gesint hier van be Bruyt te scrijven?
Al Wat de Lente Werckt omtrent de groene Kruyt,
Dat doet het eerste jaer omtrent een jonge Bruyt.

Вотъ свѣжій Май, — пора любви всѣхъ тварей,
Гдѣ всѣ пернатые *гуликають* начинаютъ,
Гдѣ распускаются цвѣты дубравъ зеленыхъ
И будущихъ сѣмянъ надеждой сладкой дышать.
Возможно ли тебя картиннѣе представить,
Какъ описать твой блескъ въ лицѣ невѣсты милой?
Что топяя весна для муравы зеленой,
То первый годъ любви для молодой невѣсты.

«Описавъ обязанности твои, милая дѣвушка,» говоритъ Катсъ, въ прелестныхъ стихахъ своихъ, «почитаю пріятнымъ долгомъ объяснить тебѣ въ новой пѣсни моей, какъ тебѣ слѣдуетъ достигать до званія супруги, а ты, *Безконечное Начало*, котораго непостижимая сущность читается въ великой книгѣ всѣхъ созданій, которое единымъ словомъ Своимъ изъ ничего вызвало на свѣтъ все видимое очами, внушило человѣку сладостную потребность сожитія, для взаимной пользы человѣка, и, для большей отрады, сказала людямъ: «разсѣйтесь плодотворнымъ сѣменемъ по лицу земному!» къ Тебѣ молюба моя: дозвожь Твоимъ богатымъ лучамъ, дозвожь духу Твоему низойти долу, дабы я могъ стройной и сладостной пѣснью научить себя и людей обязанностямъ челоуѣчества!»

Послѣ сего воззванія къ Вѣчному Началу, авторъ обращается къ дѣвѣ-невѣстѣ, будущей супругѣ, матери и вдовѣ. Советуетъ ей твердо вѣрить, что браки записаны на небесахъ и ни предвидѣніе ближнихъ, ни пышность приданнаго, ни дары природы,

ничто, безъ высшаго содѣйствія, не можетъ упросить благополучія въ бракѣ.

«Ты можешь отъ родныхъ наследовать богатства,
И драгоценности отъ ближнихъ заставить,
Познаемъ, почестями свою украситъ прелесть,
Но счастья брачнаго одинъ издатель Богъ!»

Убѣдаясь въ томъ, онъ совѣтуетъ подругѣ чловѣка изучать пути къ счастью, предначертанные самимъ Богомъ.

День брака — первый день блаженства или горя!

И дѣва женщина, на утро брачной ночи,
Или возводится на степенъ честныхъ жень,
Или низводится на степенъ жень презрѣнныхъ.

Съ руками чистыми и непорочнымъ сердцемъ

совѣтуетъ авторъ првступать къ святому таинству брака... Онъ повторяетъ еще разъ завѣтъ свой: *не вступать въ бракъ ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно*. Онъ почерпаетъ изъ Св. Писанія и любомудрїя чловѣческаго превосходные совѣты, какъ должно готовить себя къ высокому назначенію мужа и жены; потомъ переходитъ къ обязанностямъ приготовителей, къ отцу и матери будущихъ супруговъ, которые, при помощи Небснаго Провидѣнїа, должны быть земнымъ провидѣнїемъ ихъ; наконецъ, въ случаѣ непредвидѣнной ошибки въ выборѣ, поучаетъ, какъ помочь горю, или утѣшиться въ невозможности исправить его. Возвратясь опять къ состоянію невѣсты и новобрачной, перебираетъ онъ все ея брачныя драгоценности. Съ несгараемымъ и вѣдлннымъ алмазомъ сравниваетъ онъ ея супружескую любовь и вѣрность. *Кораллу*, погребенному во мракѣ морей, и изведенному на свѣтъ для укра-

шенія дѣвственныхъ прелестей, уподобляетъ онъ любезность невѣсты, скрытую отъ свѣта въ домѣ родительскомъ и обнаруженную въ союзѣ брачномъ. *Жемчугъ*, блескъ котораго можетъ помрачиться ѣдкою жидкостью, сравниваетъ онъ съ достоинствомъ женщины: *ничего тѣтъ предпочтительнѣе чистоты ложа супружескаго*; жена отвратительнаго поведенія есть язва мужа. Въ *рубинѣ* видитъ авторъ символъ женскаго цѣломудрїа: «умѣй», говоритъ онъ новобрачной, «прикрывать румянцемъ стыда самую наготу свою. Румянецъ сей есть лучшее твое сокровище. Не будь безъ мѣры смѣла, ни безъ причинъ развязна: стыдливость твою увидятъ и заочно.» *Сапфиръ* внушаетъ автору прелестное четыре-стишіе, которое мы перевели прозою въ нашемъ Очеркѣ Голландской литературы: «Если голубой сапфиръ, подобіе небесъ, могъ быть искусственно вдѣланъ въ перстень твой, то онъ служить тебѣ, юная невѣста, служить тебѣ на то, чтобы извлекая душу твою изъ праха, возносить ее къ высшему (небесному) благу.» *Изумрудъ* подаетъ ему поводъ вспомнить одну баснословную легенду объ этомъ камнѣ, «дроблящемся въ куски на рукъ развратной женщины.» У *агата*, въ которомъ, не смотря на твердость его, недѣ однимъ глянцемъ различные колера, совѣтуетъ онъ учиться сливать въ одно блестящее цѣлое разнообразныя чувства и способности новобрачныхъ. Въ *Аметистѣ*, украшеніи пояса новобрачной, котораго блѣдно-лиловый цвѣтъ есть какъ бы посредникъ между синевомъ и багрецомъ небесъ, видитъ онъ символъ обязанностей жены — держаться во всѣхъ поступкахъ своихъ богатой середины. Безначальность и безконечность круглаго *кольца*, которымъ обручаются новобрачные, внушаютъ автору мысли о вѣчности священнаго союза, ихъ сочетавшаго. «Бракъ

можетъ существовать и безъ украшеній, вѣрность безъ золота, жена безъ перстней и колець; жемчужныя запястья и ожерелья не тѣ столбы, на которыхъ зиждется храмина супружескаго счастья. Два единодушныя сердца, связанныя искреннею взаимностью, суть лучшія въ мірѣ основанія брачнаго счастья. Послушай меня, дѣвушка, милая безъ всякихъ внѣшнихъ прикрасъ, послушай меня, невеста, неукрашенная ни запястьями, ни ожерельями: вступи только въ душѣ своей первообразъ вещественнаго золота, тогда и безъ него будешь ты достойна имени супруги:

Отбрось все земное: вся сила въ душѣ!

Сильно и краснорѣчиво возстаетъ благонамѣренный Катсъ противъ гибельнаго обычая невестъ, обременять себя тягостнымъ украшеніемъ, или стѣснять ложе будущаго плода своего модными *корсетками*: онъ уподобляетъ ихъ разодѣтымъ лавочнымъ кукламъ, которыхъ продавцы выставляютъ на Гаагскихъ ярмаркахъ, и здѣсь совѣтуетъ онъ имъ держаться благоразумной середины между опрятностью и щегольствомъ. «Блескъ достоинствъ: вотъ чѣмъ должна вѣнчаться свѣжая юность. Пусть блистаютъ *брильянты* одни дары благой природы, а довершаютъ украшеніе невесты *жемчугъ-порядка*, и *рубины-стыдливости*; ихъ бѣлизна и румянецъ, лучше всѣхъ прикрасъ, увеличатъ прелести милой очаровательницы и увѣковѣчатъ блескъ ея души.

«Чистое и никогда еще не мытое бѣлье, которое подносится жениху отъ лица его невесты, есть символъ чистой души ея и непорочнаго тѣла; есть лучшій подарокъ, который новобрачная можетъ сдѣлать своему законному супругу.»

Въ свѣдѣ за симъ слѣдуетъ трогательное описаніе брачнаго обряда древнихъ язычниковъ.

«Неподалеку отъ Рима,» говоритъ Катсъ, «возвышался храмъ, осѣненный зелеными миртами. Онъ посвященъ былъ Венерѣ, покровительницѣ не разврата, но законной любви. Въ символъ того, что ея поклонники должны оставлять за оградю храма всѣ нечистыя желанія свои, молодая дѣва-невеста разставаясь съ мечтами юности, игрушками своего дѣтства, предъ лицомъ народа и боговъ привѣшивала къ лику Венеры-покровительницы свою любимую куклу, и приступивъ къ алтарю, умоляла богиню посвятить ее въ званіе новобрачной.»

Отъ обряда языческаго переходитъ авторъ къ чувствамъ христіанскаго жениха и невесты, и описываетъ одно бѣдственное происшествіе своего времени:

«Женихъ и невеста переѣзжали на челнокѣ къ храму Божію, находившемуся на противоположномъ берегу рѣки; внезапная буря опрокинула легкое судно и потопила влюбленныхъ: яростная волна выкинула ихъ на берегъ, но и самая смерть не разлучила чету, обрученную на жизнь и смерть: обрученные замерли въ объятіяхъ другъ друга. Состраданіе друзей соединило ихъ въ одномъ гробѣ и украсило могилу ихъ слѣдующею надписью:

Здѣсь мужа и жену прішла смерти сънь:
Ихъ одиодневный бракъ расторгенъ въ тотъ же день;
Ихъ къ пиру брачному вода не допустила:
Ихъ ложе брачное — родной земли могила!

Обращаясь къ свадебному пиру, авторъ шутитъ надъ суетностью людей, торжествующихъ день сей съ безумною роскошью, и проживающихъ въ одинъ вечеръ брака весь годовою доходъ свой. «Къ

чему эта толпа гостей-паразитовъ (объѣдаютъ)? Для осужденія безумной расточительности хозяевъ! Къ чему эти изысканныя блюда и вина? Для пресыщенія неблагодарныхъ! — Пѣсколько радушныхъ друзей и благословеніе Божіе — вотъ истинные застольники свадебнаго пира! Первый бракъ въ мірѣ заключенъ былъ въ мирномъ уединеніи, на цветистомъ дугу, подъ навѣсомъ вѣтвей, зеленѣвшихъ надеждою супружескаго счастья: на немъ присутствовалъ одинъ Богъ и ликовала природа. Пиръ брачныя установленъ развратнымъ язычествомъ: оно ли должно служить образцомъ для христианина-Нидерландца?» Въмѣсто обычныхъ эпиталамъ и поздравительныхъ пѣсней Катсова времени, онъ «предлагаетъ невѣстѣ новобрачной торжествовать свой бракъ трогательною молитвою, которую мы пропускаемъ, не потому, чтобы она, менѣе другихъ произведеній нашего автора, была достойною перевода, но отъ того именно, что намъ остается передать читателямъ еще многое изъ другихъ прекрасныхъ его созданій. Вотъ однакожь еще нѣчто изъ окончанія сей пѣсни, или отдѣла.

«Цѣль брака есть высокая тайна дѣторожденія: одной чистой любви слѣдуетъ совершать сей подвигъ. Не пылъ сладострастія, но взаимное сочувствіе своихъ обязанностей, должны вести супруговъ къ достиженію высокаго назначенія природы: вотъ что должна повторять въ душѣ своей цѣломудренная невѣста новобрачная, предаваясь ласкамъ своего мужа:

Блоснитель юности, дарованный мнѣ Богомъ,
Ограда помысловъ, душа моей души!
Прими стыдливую и робкую невѣсту —
Какъ вѣчную рабу одной любви твоей,
Какъ самого себя другую половину,

И непорочную въ объятія заключи!
Передъ тобой никѣмъ нечитанная книга,
То сердце юное, въ которомъ ты живешь:
Какъ розу па зарѣ роса свѣжитъ весною,
Такъ развернувъ ее, ты нѣжно осѣжи
Своей любовію! Ея любовь и силы
Для собственныхъ отрадъ и счастья ты развей,
Чтобы въ душѣ ея всегда твой образъ милый,
Какъ въ чистомъ зеркалѣ, сіялъ до позднихъ дней!
Руководи ее въ быту наземной жизни
И духъ ея къ Творцу съ молитвой вознеси!

«Великое дѣло благоустроенный бракъ!» прибавляетъ въ концѣ пѣсни своей добродушный Катсъ: «одна дружба можетъ осуществить его, одна взаимность можетъ обратить его въ идеаль домашней церкви.»

Передъ четвертою пѣснью всей поэмы и вторымъ отдѣломъ «Христіанской женщины - домовницы,» которую называлъ Катсъ «Женою супругою» (Vrouwe), находится довольно любопытная, прозаическая беседа его съ гостями свадебнаго пира. Онъ является въ ней рѣшительнымъ адвокатомъ женскаго пола и защитникомъ правъ ихъ передъ трибуналомъ совѣсти, но требуетъ, чтобы Евангельское, и, по несчастію, *неисполнявшееся въ его сремля правило*: «жена да боится своего мужа,» было свято соблюдено его клиентками.

И вотъ почему:

De man betracht de wet des Landts,
De wijf — de wille van de mans.

«Мужъ исполняетъ законы земскіе, жена — волю мужа.»

Пѣснь начинается авторъ, по обычаю своему, эпиграфомъ и возваніемъ. Солнце взошло. Онъ пригласяетъ супруговъ вставать, и посылаетъ каждаго

изъ нихъ на дневную работу, или занятія другого роду, смотря по состоянію ихъ. «Встарину, вручали повобрачной ключи отъ всего домашняго имущества и съ тѣхъ поръ, она считалась хозяйкою въ домѣ.» Поэтъ нашъ предлагаетъ держаться такого правила. По обычаю всѣхъ Германскихъ народовъ, онъ приглашаетъ жену въ *кухню* — настоящее мѣсто ея владычества: въ его отечествѣ ни одна дама, какого бы знатнаго рода ни была, не гнушается домашними заботами и готовится къ нимъ изъ дѣтства. Онъ цорицаетъ мужей, которые мѣшаются въ дѣла хозяйки и стѣсняютъ своею недовѣрчивостію кругъ ея дѣйствій: не одно ложе брачное, но и всѣ дѣла домашнія слѣдуетъ ей раздѣлять съ своимъ супругомъ. Жена должна быть правою рукою своего мужа: гуляя съ нимъ, она идетъ по правую его сторону. *Nonneur aux Dames!* есть старинная пословица. Мужъ долженъ окружить жену своею уваженіемъ, и потомъ уже требовать отъ нея уваженія къ волѣ своей, въ дѣлахъ болѣе важныхъ. Но и новобрачная не должна забывать, что одна сладостная ночь, превративъ ее изъ пѣвней дѣвы въ жену, дала ей въ обществѣ тотъ вѣсъ, котораго она не имѣла, и что всѣмъ тѣмъ она обязана своему мужу. Она должна предпочитать друзей его всѣмъ друзьямъ своего дѣтства, любить тѣхъ, которые ему любезны. Со дня брака своего, она должна забыть всѣ привычки своего младенчества, и замѣнить ихъ новыми, угодными ея мужу, подобно тому, какъ измѣнила родовое имя свое на имя новое, имя своего мужа; какъ соединилась она съ нимъ плотью, такъ должна слиться съ нимъ и душою, составить съ мужемъ своимъ одно цѣлосъ, преобразуемое таинственнымъ словомъ: *чета!* Все-го болѣе совѣтуетъ онъ остерегаться первой ссоры:

Привыкнувъ ссориться, дойдешь и до развода.

У каждаго есть свое доброе и свое худое: взаимно извинять себя есть обязанность и христіанъ и супруговъ. Нѣтъ двухъ листковъ на деревѣ совершенно сходныхъ другъ съ другомъ, и оба они дружно зеленѣютъ на одной вѣткѣ: таковъ законъ природы. Идиллически описываетъ Катсъ первые браки Древнихъ, и, непримѣтно впадаетъ въ эклогу, любимую поэзію его вѣка, отъ которой звучныя философическо-религіозныя творенія Катса пробудили современниковъ, какъ звонъ утренняго колокола пробуждаетъ обдѣвившагося богомольца. Но вскорѣ духъ Катсовой поэзіи принимаетъ снова естественный свой полетъ, и обращается къ вѣчной цѣли своей, къ умнымъ христіанскимъ иносказаніямъ и историческимъ примѣрамъ: онъ избображаетъ нѣжную Теоделинду, супругу Короля Лонгобардовъ, готоваго разгромить христіанскій Римъ, супругу неукротимаго воина, котораго она обращаетъ своею любовію въ пѣдра истинной вѣры. Онъ живописуетъ Троянскій пожаръ, зажженный факеломъ расторгнутаго брака, и новое царство Римское, основанное супружескою любовію Сабинянокъ; приводитъ разныя легенды Среднихъ Вѣковъ и новѣйшаго времени; противопоставляетъ неистовству нѣкоторыхъ женъ доблесть многихъ, и предоставляетъ читателямъ дѣлать нравственные выводы изъ его картинъ. Онъ сильно вооружается противъ женъ, которыя, пользуясь списходительностію мужей, глупымъ тщеславіемъ и суетною расточительностію своею раззоряютъ богатѣйшія состоянія, и противъ тѣхъ изъ нихъ, которыя, плѣвшись лестію соблазнителей, увлекаются чувственностію, забываютъ свой долгъ и оскверняютъ чистоту ложа брачнаго. Онъ совѣтуетъ молодымъ

супругамъ взаимно удалить отъ себя всё камни преткновенія и самимъ отъ нихъ удалиться. «Изъ огня выходитъ пламя . . . Юность нѣжна, ночь опасна, красота приманчива . . .» *Она не советуетъ женѣ молодого, пылкого мужа нанимать для уборной своей слишкомъ красивыхъ служанокъ . . . Советуетъ и мужу и женѣ, для порядка въ хозяйствѣ своемъ, не всегда полагаться на слугъ, и держаться одной старинной поговорки:*

«Daer men Huys gaen te recht,
Daer moet meester zijn de knecht;
En zoo't Huys u wel behaeght,
So moet de vrouwe zijn de maeght.»

То есть, отъ слова до слова по Русски:

«Чтобъ въ порядкѣ домъ былъ твой —
Будь, хозяйни, въ немъ слугой;
Чтобъ тебѣ былъ домъ приманкой —
Будь, хозяйка, въ немъ служанкой.»

«Дитя морей — народъ Зеландскій и Голландскій! восклицаетъ Катсъ, «ты, который томить безпрестанная жажда новыхъ открытій, народъ скиталецъ, который, въ дальнихъ своихъ странствіяхъ, безпрестанно ищетъ новыхъ земель! откажись или отъ ложа брачнаго, или отъ ненасытимой страсти твоей къ путешествіямъ, или бери съ собой свою возлюбленную: жена не можетъ жить одна. Припомни Евву, опутанную змѣемъ, Евву, погубившую свѣтъ. Жены, молодой жены, не должно оставлять одной... но и жены не должны искать развлеченій вѣ своего дома, чтобы ихъ не прозвали *женами полевыми, или улитными* *». «Женщина - домовница» **,

* . . . . «Of vrouwen van de velde,
Of vrouwen van de Straet . . .
Тоже, что *побродячки*.

** Huys-vrouw.

вотъ настоящее имя, приличное вашему званію» говорить Катсъ, обращаясь къ милой ученицѣ своей, молодой женѣ. Послѣ сего онъ развиваетъ качества, которыя могутъ и должны украшать женщину въ глазахъ ея мужа. Наконецъ, обращаясь къ нему, заключаетъ пѣснь свою слѣдующимъ советомъ: «Будь разсудителенъ, пользуясь своей властью; не употребляй никогда милой жены твоей для мелкихъ прислугъ: она подруга твоего ложа (твоя сожительница), а не какая нибудь *замарашка* (служанка) *».

Въ предисловіи къ слѣдующей пѣсни: «Мать» (Moeder) — подобіе *осени* авторъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Законники положительно утверждаютъ, что всѣмъ тѣлеснымъ недостаткамъ дѣтей бываетъ первую причину безпорядочное сожитіе ихъ родителей, а потомъ безпутство матерей во время беременности и воспитанія новорожденного младенца.»

«Многія правительственныя лица, на томъ же основаніи, громко восклицаютъ, что цѣлыя области и города, вмѣсто полезныхъ и здоровыхъ гражданъ, наполнялись одними *выкидышами*. Врачи, сильно свидѣтельствуя, что множество болѣзней, страданій и разныхъ бѣдствій для родителей и дѣтей происходятъ отъ преждевременныхъ родовъ, приписываютъ частымъ выкидышамъ рожденіе лунатиковъ, и Богъ знаетъ какихъ безумцевъ и уродовъ, и наконецъ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ безпорядки родителей отзываются въ ихъ дѣтяхъ.»

О многихъ *злоупотребленіяхъ* сего рода ** почи-

* Vuyl-jonck-wijf.

** Источники, изъ которыхъ почерпнулъ авторъ свои предостереженія, были творенія Плутарха, Ософраста, извѣстный Леонциумъ, Эразмъ in Tractatu de Christian. Matrim., Блаж. Иеронимъ, въ книгѣ De Virginitate, Hieronym. ad Demetri, и множество другихъ писателей, свѣтскихъ и духовныхъ.

таетъ авторъ нужнымъ предупредить своихъ соотечественницъ, и предлагаетъ тѣмъ изъ нихъ, которыя не вступили еще въ супружеское званіе, пропустить эту пѣснь, которой онъ, при всемъ своемъ желаніи, ни какъ не могъ написать съ довольною скромностью для чтенія перваго дѣвственнаго возраста.

Разныя уважительныя причины не позволяютъ намъ передать сей пѣсни нашей публикѣ со всѣми отгѣнками ея. Но она такъ оригинальна, такъ благонамѣренна, что мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ. Вотъ эпиграфъ ея:

«De Wijngaert is gestut, de druif begint tee swelllen,
De Boomen staen bevruucht, de jonge taken hellen;
Kom, plant nu, groene Jeught, int, jonge lieden, jnt.
Daer naeck een rijpen tijdt, wanner men vruchten vint.
Sie hier een zoeten loon van uwe rappe jaren;
Siet hier een swanger Lijf, genegen om te baren;
Siet hier een lieve vrucht, die nae de moeder dorst;
Nu — komt, o Vester! komt, en geef het Kint de borst.»

А вотъ и переводъ его:

Всѣ лозы подперты и виноградъ тучнѣеть,
Древесный гнется сукъ и плодъ на вѣтви зрѣетъ.
О, молодость! спѣши деревья прививать,
Ужъ близится пора плодъ сладкій собирать.
Вотъ бодрыхъ лѣтъ твоихъ отрада, награжденье;
.....
Здѣсь просить матери краса земныхъ плодовъ —
Кормилица! дитя здѣсь ждетъ твоихъ сосцовъ!

За эпиграфомъ слѣдуетъ здѣсь начало самой пѣсни, въ Русскомъ подстрочномъ переводѣ:

О немощахъ людскихъ довольно мы скорбѣли,
Теперь — мы бытія прямой достигли цѣли,
До благороднаго мы съмени дошли,
Которымъ насажденъ обширный садъ земли.

Спѣши, мое перо и слово — за невѣстой,
Въ супружескій покой — ся прямое мѣсто!
Стой, рѣзвый юноша, ни шагу въ слѣдъ за мной!
Стой, дѣва милая, чередъ еще не твой!
Прочь съ суетностью, прочь оттуда съ грубымъ чувствомъ,
Гдѣ чистая любовь не знается съ искусствомъ,
Гдѣ непорочный жрецъ — жаръ вѣрности святой —
На ложъ счастья обрядъ свершаетъ свой!
Источникъ всѣхъ свѣтилъ, Творецъ всей тверди дальней,
Начало безъ конца, Сый, вѣчный, безначальный,
Чей лучъ святой душѣ жизнь новую даетъ
И сердце чистое въ насъ зиждетъ — какъ Твой свѣтъ!
Наставь насъ — правила сложить супругамъ истымъ;
Не дай истечь изъ устъ словамъ страстей нечистымъ;
Чтобъ рѣчь безжелчная, при простотѣ своей,
Была, какъ соль небесъ, отрадой для людей,
И послужила ихъ блаженства основаемъ;
Ихъ чувствамъ не въ соблазнъ, ихъ правамъ назиданемъ!
Издавна многіе твердили намъ о томъ,
Что женщина должна разстаться со стыдомъ,
Когда, въ часъ вечера, съ одеждой разстается,
Должна по утру лишь приличіемъ одѣться;
Что честной женщины, для похвалы людской,
Днемъ тихой скромницей быть можно предъ толпой,
А въ темнотѣ ночей, дрожа отъ вождельнѣя,
Съ супругомъ утопать въ пучинѣ наслажденья.

«Но что?» продолжаетъ Катсъ, «неужели жена моя должна подражать женѣ Улиссовой, и, какъ неясная рѣчь, уклоняться отъ прямого смысла своихъ обязанностей? Ужели чистая душа можетъ истреблять ночью добро, совершенное днемъ? О, нѣтъ, подруга милая, нѣтъ! не совѣтую тебѣ слѣдовать сему примѣру: онъ повредитъ и душѣ твоей и непорочности твоихъ нравовъ.»

И въ самой наготѣ, раздѣтая жена
Одеждою стыда прикрыта быть должна!

«И послѣ того, какъ солнце поникнетъ за море, чистота нравовъ ея должна явнѣть прежнимъ блескомъ; и въ отсутствіи свѣта дневнаго, лучи ея должны мерцать въ часъ полуночи; въ самой таинственной мглѣ, должна она сохранять приличіе, бесѣдуя съ своимъ мужемъ. Да не угаснетъ свѣтильникъ стыда ея во мракъ ночи, *ибо сама ночь есть тотъ же день предъ очами Божиими* *; во всякое время дня и ночи должна жена въ чистотѣ сердца исполнять свои обязанности.

«Ложе брачное, свидѣтель вѣжнѣйшихъ рѣчей твоихъ,» говоритъ поэтъ, обращаясь къ женѣ, «должно чаще всего оглашаться твоими молитвами... Тамъ совершается величайшее дѣло человечества, великое таинство, непостижимое самому дѣлтелю... Уже ли мы, въ ожиданіи милыхъ дѣтей, не призовемъ благословенія небснаго на сѣмя будущаго плода?»

Такъ облагороживаетъ добродѣтельный Катсъ, пламенный поэтъ, глубокій философъ-христианинъ, другъ человечества, *дѣйствіе брачнаго союза*. Не смѣемъ переводить далѣе его пѣсни, въ которой такъ краснорѣчиво, такъ оригинально и такъ плѣнительно живописуетъ онъ цѣлый курсъ нравственной физиологій брака. Въ Катсовѣ не нашъ: многія выраженія его показались бы слишкомъ простыми, слишкомъ грубыми для утонченнаго слуха нѣкоторыхъ читателей нашихъ, и — кто знаетъ? можетъ быть, тѣ именно, которые не стыдятся читать извѣстные романы новѣйшей школы — сіи плоды неистовыхъ побужденій, осыпанные цвѣтами губительнаго краснорѣчія, заткнуть уши свои при рѣзкихъ звукахъ Катсовой лиры, или съ презрѣніемъ къ отголоскамъ чистой, небснай любви,

* *Твой есть день и Твоя есть ночь!* говоритъ святой Царь Псалмопѣвецъ Пс. 73. ст. 15.

закроютъ книгу, гдѣ помѣщена будетъ пѣснь сія, какъ книгу неблагопристойную и соблазнительную, хотя всѣ Нидерланды и теперь еще читаютъ съ восхищеніемъ своего поэта-философа, и послѣ двухъ-вѣковой славы его не перестаютъ имъ гордиться. Объемъ сей статьи не позволяетъ мнѣ перевести вполне этой пѣсни для тѣхъ изъ читателей, которые берегутся не *слова*, а *дѣла*, а не для тѣхъ скромныхъ особъ, на челѣ которыхъ читается вмѣсто вывѣски: *Faites-le, mais ne le dites pas!* При концѣ пѣсни, приложены шестнадцать, странныхъ и довольно любопытныхъ, брачныхъ правилъ, или узаконеній:

«*ANDREAS TIRAQUELS, sestien Huwelijks wetten, waer in hij het gantsche Recht des Huwelijks kortlijk begrepen en breder door zeer geleerde Uitleggingen verklaert heeft* *.»

Последняя пѣснь: «Вдова» (*de Weduwe*), которую авторъ уподобляетъ Зимѣ, раздѣлена на двѣ половины: первая, подъ названіемъ: *Благоразумная мать семейства* (*Bedaeghde Huys-moeder*), служить, какъ бы введеніемъ въ последнюю часть.

Авторъ объясняетъ содержаніе пѣсни сей слѣдующимъ эпиграфомъ:

Зима пришла; въ лѣсахъ, на мѣсто листьевъ, иней;
Морозъ побилъ траву; сталь камнемъ быстрый ключъ;
Смерть рыщетъ по землѣ, какъ мгла по тверди синей;
Но землю оживитъ опять весенній лучъ!..
Такъ жизни сей зима, морозливая старость,
Объемлетъ смертнаго, когда умчится младость,
Но, вѣрой сильные, мы ожидать должны,
Что Богъ насъ оживитъ, какъ землю для весны.

* Андрея Тираквелла, шестнадцать узаконеній, въ которыхъ онъ вмѣстѣ все *право брачное*, и полсилъ его пространнѣйшимъ изложеніемъ!

Но вот и самое начало этой трогательной пьесы:

В пучинах кроется светило золотое;
 Цвѣтуція лѣта и юность прочь летятъ:
 Другъ въ другъ видимъ мы — не знаю, что такое,
 Чего не представлялъ отжитыхъ дней закатъ....
 Что стало съ юностью и съ жизнью былою?
 Онъ отпрянули, какъ ключъ отъ высей горъ,
 Какъ дерево, чей пень въ лѣсу подсыкъ топоръ;
 Онъ прошли, какъ сонъ, съ тревожною мечтою!
 Отъ всѣхъ плодовъ земли, отъ радостныхъ почей,
 Осталось грустное одно воспоминанье,
 И нѣчто сладкое, когда въ насъ есть сознанье,
 Что не безъ пользы мы скитались въ жизни сей!
 Не всели, что зоркій глазъ вокругъ себя встрѣчаетъ,
 Страданьемъ жизни сей за радости грозить?
 Не день ли каждый дню глаголы отрыгаетъ
 И міру Божьему о будущемъ твердить?
 Былинка на лугу, чей злакъ въ долинахъ зрѣеть,
 Живою книгою здѣсь служить для людей:
 Зима дохнетъ на лугъ и зелень поблѣднѣетъ,
 И смерть несытая поглотитъ цвѣтъ полей.
 Все украшавшее нгривый Май весною,
 Въ одинъ осенній день развѣетъ бурь полетъ
 И листья и цвѣты, оставя за собою,
 Не розу — терпѣе, не дерево — скалетъ!
 И солнце, свѣтъ очей, живитель всей природы,
 Отецъ, питатель травъ и луговыхъ цвѣтовъ,
 И солнце къ вечеру свой прячетъ ликъ за воды,
 Какъ будто опочить желая отъ трудовъ:
 Людской ли немощи нарушить чинъ творенья,
 Прожить безъ устали, не зная успокоенья?
 Какъ камень, человекъ недвижимо лежалъ,
 Но жизнью Богъ дохнулъ на мертвенное тѣло
 И пламя бытія въ немъ вихремъ закипѣло,
 И вотъ оно опять заснуло, опѣмѣло,
 Престало двигаться: живой какъ не бывалъ,
 И сонъ его глубокъ въ объятяхъ смерти блѣдной!
 Такъ все блестящее въ созданьяхъ жизни бѣдной

Зародышъ мрачности здѣсь поситъ на челѣ.
 Такъ все высокое склоплется къ землѣ,
 И члены свѣжіе и пышныя стропель,
 Народы и цари, все подъ однимъ клеймомъ,
 Все носить на себѣ печать уничтоженья:
 Начало каждое сливается съ кощомъ.
 И дѣва и жена, какъ сочныя растенья,
 Чтобъ осенью отцвѣсть, красуются весной,
 А время между тѣмъ таинственной косой
 Цвѣты ихъ юности безмолвно пожинаетъ
 И къ цѣли бытія, какъ тать, ихъ увлекаетъ.

Послѣ сего прекраснаго* введенія въ свою живописную галерею, поэтъ открываетъ свои картины: изображаетъ устарѣвшую языческую Елену, за дивную красоту которой погибло столько героевъ древности. Переживъ прежній блескъ своей молодости, она сидитъ на пожарищѣ своихъ прелестей, сожженныхъ пыломъ беззаконной любви; видитъ розовыя ланиты свои, изрытыя морщинами буйныхъ страстей, алые уста свои покрытые синевою, потухшіе очи свои, изъ которыхъ нѣкогда вылетали молніи любви, и проливаетъ слезы о прошедшихъ дняхъ своей славы... Не такъ она должна быть обветшалая красавица - христіанка: прочитавъ книгу жизни своей, она закрываетъ ее, чтобы размыслить о прочитанномъ; какъ пловецъ, совершившій свой трудный путь по житейскому морю, она вперяетъ взоръ свой въ берега гостепріимной гавани, гдѣ вѣчный покой и мирныя радости ее ожидаютъ. По мѣрѣ истощенія плоти, возрастаетъ въ ней силою бессмертная душа; самая слабость тѣла укрѣпляетъ въ ней внутреннее сознаніе, что она близка къ вѣчнымъ радостямъ небесъ. Она не завидуетъ ни долголѣтію чернаго ворона, ни вѣковой зелени исполиновъ лѣсныхъ, кедра и сосны...

*Мы говоримъ о подлинникѣ. *Ир. Сов.*

Минута смерти животного есть конец его бытія, конец безславный и безвѣстный; съ подсыченіемъ пня древеснаго истлѣваетъ и самое дерево — краса дубравъ и пріютъ пернатыхъ... И воронъ, и дерево, и память о нихъ погибаютъ... Не такова судьба безсмертной души человѣка: ее ждетъ славное переселеніе изъ тѣснаго вещественнаго дома въ чертогъ небесныхъ радостей, безпредѣльныхъ, какъ сами небеса, неизмѣримыхъ, какъ благодать Зиждителя живонодавца: истинно христіанская душа возносится превыше солнца и мѣсяца, въ неостижимый уму земному новый Иерусалимъ, въ вѣчное жилище избранныхъ Божіихъ, гдѣ все зеленѣетъ надеждою, гдѣ струятся неисчерпаемые потоки жизни вѣчной, гдѣ раздаются восхитительные, хвалебные лики неумолкающихъ херувимовъ! Какъ чистая горлица Ноева Ковчега, она летитъ на встрѣчу имъ, окрыленная любовью къ своей небесной отчизнѣ...

Потомъ, обращаясь къ олицетворенной имъ старости, поэтъ восклицаетъ:

Привѣтствую тебя, нашъ властелинъ съдой!
Привѣтствую тебя, учитель нашъ маститый!
Ключъ, отпирающій нашъ замкнутый покой,
Зерцало мудрости и хранилище совѣта!
Убжище добра, смиритель злыхъ страстей!...
Съдой нашъ властелинъ! склонилось предъ тобою,
За то, что учишь насъ парить къ Творцу душою,
И кору юности плотскую совлекать;
За то, что учишь насъ уроки понимать,
Которыхъ не читалъ намъ ни одинъ ученый!

«Если старость теряетъ юношескую силу и красоту, то Богъ вознаграждаетъ ее другими благами: она возраждается и молодѣетъ въ дѣтяхъ своихъ, она приобретаетъ опытность и передаетъ плоды ся по-

вому поколѣнію, оберегаетъ его отъ своихъ ошибокъ и дѣлается его вторымъ провидѣніемъ. Прежній пылъ юношеской любви не распалаетъ болѣе пожилыхъ супруговъ, но любовь ихъ, освященная закономъ и временемъ, обратилась въ привычку; кроткая дружба заступила мѣсто перваго изступленія; теплота ея согрѣваетъ охладѣвшіе члены, утѣшаетъ ихъ душу; они дѣлили вмѣстѣ и сладость и горестъ, пережили не одну радость и не одну печаль: теперь живутъ они воспоминаніемъ благаго, надеждою будущаго, утѣшительнымъ сознаніемъ, что исполнили долгъ свой до конца... Но вотъ новое испытаніе постоянства ихъ: добрые супруги осуждены перенести тягчайшую изъ всѣхъ горестей, чувствительнѣйшее изъ всѣхъ лишеній — они терпятъ дѣтей, и, какъ скрижали благаго, осуждены переживать начертанныя на нихъ событія... Неужели имъ должно сносить ихъ съ каменнымъ равнодушіемъ, и столь сильному потрясенію ихъ семейственнаго счастія противопоставить ожесточеніе скаль? Нѣтъ, чета благословенная! Такая безчувственность была бы неестественною! Плачь, нѣжная мать, сокрушайся о потерю твоего любезнаго дитяти! Печаль твоя естественна и священна: никто ея не осудитъ, но сокрушайся сердцемъ, но заливайся слезами, мужайся духомъ, береги себя для оставшихся... Кто знаетъ? Можетъ быть, умершее дитя — предметъ твоей скорби, возлелѣянное тобою на радость — принесло бы тебѣ одни тернія печали! Можетъ статься, любимецъ души твоей опозорилъ бы твое доброе, ничѣмъ незапятнанное имя, измучилъ бы тебя своимъ физическимъ страданіемъ и болѣзнями!... Но оплакивая потерю столь милаго существа, не попускай потокамъ слезъ изрыть твои ланиты. Не предавайся отчаянію невѣрующихъ: ты Христіанка; ты должна вѣрить, что

умерло не дитя твое, а одни его грѣхи, что плодъ любви твоей созрѣлъ для вѣчнаго покоя, и ни слезы твои, ни рыданія не возвратятъ его болѣе міру, ибо дни его изогтены до его рожденія. Плачь лучше о собственныхъ грѣхахъ своихъ, болѣзнуй о грѣхахъ живыхъ твоихъ ближнихъ!»

Такъ утѣшаетъ благочестивыхъ супруговъ, поэтъ мысли и чувствъ, философъ-христіанинъ. Трогательныя убѣжденія его напоминаютъ намъ христіанскія «Утѣшенія» написанныя Боэціемъ* въ темницѣ. Какъ должны они были облегчать оковы сего знаменитаго узника, и какъ жалокъ властитель, не достигшій столь высокой души!

Послѣ сего, Катсъ переходитъ къ исчисленію недостатковъ обыкновенной матери семейства, порицаетъ излишнюю расточительность, оуждаетъ и непомѣрную скупость. «Вы, которые ищите мира, хотите жить спокойно, не хотите приумножать сокровищъ, но умѣрите желанія, знайте, что небольшого куска земли достаточно на пропитаніе ваше, небольшого куска земли довольно, чтобы прикрыть ваши члены, немногое достаточно на многія нужды и во дни юности и въ минуту смерти... «Благоразумная домовница! хочешь ли ты надѣлать дѣтей своихъ прочнымъ наслѣдіемъ? Поучай ихъ съ младенчества ненавидѣть зло; приучай ихъ къ по-

* Аппій Манлій, Торкватъ, Северинъ Боэцій, государственный мужъ и философъ, знаменитый ученостію, заслугами и печальною кончиною, род. въ исходѣ V вѣка по Р. Х. Ость-Готскій Король Θεодорикъ, котораго онъ былъ любимцемъ, возвелъ его въ званіе Консула, а потомъ, заключивъ въ темницу, велѣлъ его обезглавить, въ 524 году по Р. Х. Во время продолжительнаго заключенія своего, Боэцій написалъ знаменитое твореніе De consolatione Philosophiae, въ пяти книгахъ. — Это превосходный діалогъ въ стихахъ и прозѣ — можетъ быть послѣдній памятникъ чистой Латинно-Христіанской литературы, сочиненіе образцовое, переведенное на всѣ языки, и усвоенное всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ.

рядку — истинному хлѣбу благословенія; никогда душа чистая въ нуждѣ не погибнетъ. Взгляни на самку глупаго страуса (struthio camelus): она сама не знаетъ, гдѣ раскидала свои яйца, и не смотря на то, изъ нихъ выходятъ живыя птицы; взгляни на дикаго ворона: онъ не питаетъ птенцовъ своихъ; кто жъ воспитываетъ ихъ? Богъ — отецъ всей твари! Пользуйся же и ты благодатью Господа! Не такъ, какъ скряга, а какъ прилично и потребно. Будь милостива и благодушна, въ особенности къ своему мужу: чтобы ни случилось, не допускай его до нужды, но не забывай надѣлать и убогихъ, не тѣхъ однихъ, которые ежедневно оглашаютъ двери твои жалобами и умоляютъ о помощи, но предпочтительно надѣлай стыдливую, кроткую нищету. Подаяніе безъ надежды возмездія, милостыня прежде спроса, добро въ тайнѣ безъ хвастовства и съ радушіемъ, есть кадильный ѳиміамъ, котораго ароматъ возносится прямо на небо!... Не все отдавай дѣтямъ, чтобы не быть у нихъ въ зависимости, и не лишай ихъ приличнаго, чтобы не помышляли о твоей смерти и будущемъ послѣ тебя наслѣдствѣ. Умѣй разграничить достояніе свое отъ имущества дѣтскаго. Не будь строга, но и не забывай своихъ родительскихъ обязанностей.. Благоразуміе есть свѣча, равно озаряющая и будущее и былое...»

Тутъ переноситъ поэтъ читателя своего въ комнату устарѣлаго мужа, и зоветъ къ нему на помощь его заботливую подругу, лучшую утѣшительницу его предсмертныхъ минутъ. Онъ слышитъ его жалобы на недугъ тѣлесный. Голосъ старца слабѣетъ, члены его дрожатъ, мысли мрачны, какъ почъ осенняя; туманные взоры его едва различаютъ предметы, и слова его отзываются грустнымъ состояніемъ души, готовой скинуть свое земное вретще. На-

ступавший вечерний холод напоминает ему, что закатившийся светлый день есть частица бытия, похищенная из итога его жизни; восход солнечный переносит мысли его к невечернему свету новой жизни, к гробовой лампаде вьчности, озаряющей и самую полночь; в осеннем шесте падающих листьев слышит он таинственный голос судьбы, который нашептывает ему об упадке его жизненных сил. Он хочет положить чувства свои на бумагу *, но чувствует на ней печать смерти; каждый предмет напоминает ему о незваном госте пира жизненного, и пояс и бабмакьжимают смерть в его члены... Его клонит ко сну... он задремал... и видит сон — последний сон в своей жизни: ему мечтается целый ряд вместе с ними усопших, и вельмож, и рабов, простертых во всю длину свою на одном общем ложе. Он видит то, чего так боялся молодому, но дух его бодр: старец смеется юноши. Безстрашно слышит он шипящие пресмыкающихся, и видит очами ума, как черви вползают ему в голову и переполняют его грудь, чувствует, как разлагается его тело, уже подверженное гниению... Но он говорит себя: «Чего мне пугаться? Разве не предсказано мне было разрушение сего брэннаго состава, — время, ближайшего и нового соединения его с душою? Чего боялся горестному сердцу, когда живь его Избавитель?... Разве Агнец Божий не взял на себя грехов мира?» Разказав сон свой жень, он мужественно прощается с рыдающею подругою, и говорить:

О чем нам горевать, любезная подруга?
Мы в правь ль сетовать, что век наш кратокъ былъ;

* Вь подлинникъ, пергаментъ.

Что путь нашъ жизненный такъ скоро совершился,
Что наступилъ нашъ часъ стезю заботъ оставить?
Союзъ нашъ чадами Господь благословилъ,
Жизнь нашу благами земными надѣлилъ;
Онъ наши превзошелъ надежды и желанья:
Всю юность красную мы вмѣстѣ провели,
И долго мы съ тобой хлѣбъ мира здѣсь вкушали...
Пора нести вь гумно плоды созрѣвшей жатвы.
Предвѣчный свѣтель, блжститель нашихъ дунь,
Онъ ископи рѣшилъ, когда вь земной утробѣ
Довѣсть сѣмени на время умирать
И къ повои юности и къ жизни воскресать.
Мы вновь увидимся съ тобою вь лучшемъ мирѣ.
Когда услышишь ты, что часъ твой прозвучитъ,
И разрѣшаетъ Богъ твои земныя узы,
Вели постлатъ свой одръ близъ мужниго одра
И перстѣю одной засыпать наше ложе.
Довольно!... Чувствую... несвязность словъ моихъ...
Дохла хладомъ смерть... Языкъ вь устахъ коснеть...
Подруга милая! привѣтствую тебя —
Прости! пока Господь могилы не раскроетъ!
Къ устамъ хладящимъ приблизъ свои уста,
Запечатлѣй на нихъ прощальный поцѣлуй —
И пусть Господь тебя вь разлукѣ утѣшаетъ!»

Простясь съ доброю женою своею, умирающей отецъ семейства обращается къ дѣтямъ, и передаетъ имъ завѣты Божии и человѣческіе, вь отношеніи къ ихъ неземной жизни. Монологъ умирающаго оканчивается первымъ отдѣломъ пѣсни.

Во второмъ отдѣлѣ авторъ обращается къ овдовѣвшей «Женщинѣ домовницѣ.» Онъ утѣшаетъ ее надеждою свиданія съ супругомъ, вь лучшемъ, преобразенномъ видѣ; онъ рисуетъ вдовство ея вь образѣ «цвѣтка, срѣзаннаго съ стебля своего острымъ лезвиемъ смерти.» Цвѣтокъ сей посаженъ вь узкій сосудъ съ водою, и осужденъ доцвѣтѣть не подь влагою благодатной росы небесной, но подь росю

слезъ о былыхъ радостяхъ брака. Онъ цвѣтетъ безъ влаги ихъ и поникаетъ долу изсыхающимъ своимъ вѣнчикомъ: молитвы, слезы и воспоминанія—единственная отрада вдовы; прошедшее — ея жизнь; настоящее — мученіе; будущность — одиночество! Цвѣтку вдовства не красоваться больше въ поляхъ весною, не впивать въ себя свѣжести воздуха, не кивать головкою другому цвѣтку на одномъ общемъ стеблѣ, не высится къ небесамъ и не благоухать въ долины!... Потомъ обращается авторъ къ молодой вдовѣ, едва успѣвшей поднести къ устами фіалъ супружескихъ радостей; юной вдовѣ, въ которой бракъ, какъ бы для того пробудилъ жажду наслажденія, чтобы заставить ее вполне почувствовать всю безграничность ея потери. Ей, въ особенности, велитъ онъ бодрствовать надъ доброю славою своего имени, которую можетъ помрачить не только дуновение, и самая тѣнь порока; совѣтуетъ ей размѣрять каждое слово свое и дѣйствіе, слѣдить каждую мысль, всею силою цѣломудрія вооружаться противъ нечистыхъ побужденій, стараться немедленно предупреждать каждую ошибку, заботиться о томъ, чтобы излишество нищиили питья не возбудило въ ней роскоши страстей, умерщвленіемъ плоти совѣтуетъ ей предупреждать соблазны помысловъ и заблужденія души... «Если же природа беретъ верхъ надъ убѣжденіями, если нужда любить и нестерпимость одиночества переполняютъ грудь твою — ищи спасенія въ новомъ законномъ союзѣ, освященномъ Церковью: *лучше согрѣтаться, чѣмъ разгараться!*... Но вступая вторично въ бракъ, храни уваженіе къ памяти усопшаго мужа и вступай осмотрительно въ новое супружество... Въ порѣ быть матерью, не выбирай *блѣбородаго* и *беззубаго старца*, живаго мертвеца, хотя бы онъ озодотилъ тебя своею многотысячною

казною; не выбирай отца семейства, вдовца съ дѣтьми, если не хочешь накликать на себя лишнія заботы; не выбирай мужа моложе себя, чтобы не мучиться ревностью... Храни въ душѣ своей память объ усопшемъ другѣ своемъ, не докучай воспоминаніями о немъ своему новому мужу, чтобы не оскорбить его твоими сравненіями: *любуйся тѣмъ солнцемъ, которое озаряетъ твой небосклонъ!*... Въ новомъ бракѣ вдовы возраждаются прежнія обязанности супруги и матери, такъ умно и трогательно изложенныя авторомъ въ первыхъ его пѣсняхъ. Христіанскою молитвою къ Бого-Человѣку заключаетъ Катсъ поэму «Бракъ,» одно изъ лучшихъ его произведеній, одно изъ трогательнѣйшихъ произведеній человеческого ума...

Въ послѣдней части нашей монографіи постараемся ознакомить читателей съ другими созданіями нашего поэта.

II. КОРСАКОВЪ.

=

ПСИХОЛОГІЯ СНОВИДѢНІЙ.

(Статья первая).

Non omnis moriar.

ГОРАЦІЙ.

При входѣ въ Плимутскую гавань естъ скала, знаменитая кораблекрушеніями. Обнаженная при отливѣ моря, при приливѣ его, она покрывается водою. Винстанлей предпринялъ своимъ иждивеніемъ соорудить на ней маякъ; для устройства маяка требовалось громадное и сколь возможно неколебимой прочности зданіе, которое могло бы устоять противъ моря. Никто не вѣрилъ успѣху предпріятія. Винстанлей восторжествовалъ: сооруженный имъ маякъ смѣялся надъ моремъ. Зодчій, нѣкоторымъ образомъ, желалъ даже бури необыкновенной, для испытанія воздвигнутаго имъ памятника. Наконецъ заревѣла она, желанная буря; при приближеніи ея, Винстанлей, исполненный довѣренности, хотѣлъ на сооруженномъ имъ оплотѣ поборотъ грозу природы... Зданіе и созидатель погибли!

Тайна души человѣческой естъ скала непоколебимая. Метафизики, не имѣя возможности, по произволу ихъ, разгадать тайну и измѣрять глубину ея, предприняли прикрыть ее Физиологією, какъ бастиономъ, съ котораго имъ легко стрѣлять безъ

промаха въ легковѣріе публики. Локкъ, Баконъ, Кондильякъ, Мопертюн, Бруссэ воздвигли маяки свои торжественно. Отсюда послѣдовало ужасное опустошеніе инстинктивныхъ чувствованій, по преданію вѣренныхъ Провидѣніемъ нашему сердцу, вѣрованіе въ которыя составляло нравственное утѣшеніе человѣка на землѣ. Древнѣйшее, высочайшее, наиболее утѣшительное, наиболее полезное даже изъ сихъ чувствованій была наша вѣра въ нѣкоторыя будущія предначначенія, благородное предубѣжденіе, которое указывало мысли цѣль, согласную съ ея склонностями. И чтожь? Это собственное, необходимое человѣку чувствованіе не болѣе другихъ было уважено. Тайна души человѣческой, потерявъ такимъ образомъ мало по малу благоговѣйную вышность, искони заповѣданную простонародію, осталась разообщенною, одинокою, постоянно неразгаданною среди попытокъ Физиологін, положившихъ себя основаніемъ скалу одинокую, въ разсѣченіи коей она отчаялась. Она осталась какъ Байроновскій Прометей —

A silent suffering and intense,
The rock, the vulture, and the chain!

съ страданіемъ безмолвнымъ и глубокимъ, утесомъ, коршуномъ и цѣпью. Цѣпью была завѣса, кою Богъ скрываетъ тайны нашего бытія; коршуномъ — наука, раздробляющая и дерзкая. Буря, какъ протъ водѣйствіе, не замедлила. По гласу Капта, Гердера, Вико и Кузена, море религіозныхъ мнѣній бурно взволновалось; идеи Платоновы снова возвратили себѣ свое владычество, и кипящая волна потушила маякъ Физиологін современной.

Отъ нея остались только страшные обломки. Впрочемъ, если за тайну души человѣческой возникаетъ

новое единоборство, то отъ явленій только умственного восторга долженствуетъ завязаться борьба. Въ сей области, съ полвѣка тому, сооружено огромное зданіе; отнынѣ покушенія на него Физиологій нимало нестрашны. Подобно Мильтоновымъ адскимъ духамъ, освѣщавшимся собственнымъ своимъ мракомъ, явленія магнетическія, по ихъ темнотѣ даже, ниспровергають предвидѣніе и расчеты науки. Нынѣ невозможно сказать, чтобы сомнамбулизмъ, каталепсія, второе зрѣніе, духовидѣніе и вообще всѣ новыя припадки, кои кажутся имѣющими связь съ вліяніемъ неизвѣстной жидкости, не успѣли, рано или поздно, проложить твердаго пути къ открытію свойства души. Безъ сомнѣнія, выводъ изъ того весьма отдаленъ, но какого успѣха можно ожидать съ большимъ терпѣніемъ, какой путь покажется долгимъ, когда дѣло идетъ объ изслѣдованіи основанія жизни нашей? Безпорядки мозговые, напутствующіе насъ къ сей цѣли, имѣють даже признакъ общій въ одной изъ способностей человѣческаго устройства, по очевидности слишкомъ извѣстной и слишкомъ пошлой: мы хотимъ говорить о сновидѣніи. Посредствомъ сновъ, разсматриваемыхъ со всеми причудливыми измѣненіями ихъ психологическаго существованія, посредствомъ ежедневной тайны сна, коей всякій человѣкъ въ свою очередь платитъ дань, какъ празднеству богини благотворной, отчасти открывается источникъ души нашей. Вотъ почему предприняли мы собрать здѣсь то, что заключается въ снахъ драгоцѣннѣйшаго, относительно открытія тайнъ нашей души.

Кто во снѣ не испыталъ удовольствія погружаться въ волны Океана, восхитительно плавать въ воздухѣ, проходить сквозь пламень, съ такою неимовѣрною невредимостью, которая совершенно напоми-

наеть сверхъ-естественныя силы, приписываемыя исторією суевѣрій Уидинамъ, Сильфамъ, Саламандрѣ? Сіи посредствующіе духи, кои завладѣли поэты, кои замѣнили столько преданій и легендъ, породили даже духовные обряды и основныя догматы, точно ли духи сіи посѣщали землю? Не думаемъ ли мы часто тогда, какъ сонъ кажется притворяетъ наши сжатые члены къ тѣсному ложу, возносятся медленно въ такую сферу, которая по законамъ тяготѣнія никогда недостижима? Не чувствуемъ ли мы, въ то время, тѣло наше облегчающимся по мѣрѣ его восхожденія, возносящимся съ неимовѣрною быстротою и легкостью, и въ некоторомъ образѣ обращаемымъ въ нѣчто безвѣстное и жидкообразное, сливающееся съ эфиромъ, которымъ оно дышитъ и въ которомъ, кажется ему, что оно паритъ? Не чувствуемъ ли мы тогда тѣло наше, тамъ, высоко, какимъ-то живымъ атомомъ, какимъ-то атомомъ, одушевленнымъ самобытностію, чувствомъ человѣческимъ недоступною? Еще болѣе, не чувствуемъ ли мы тогда тѣло наше повсеместно, какъ будто душа наша слилась съ душою всей природы, общалась съ струями, съ разливомъ, съ сгущеніемъ, съ раздробимостью сей тончайшей матеріи? Наконецъ, не думаемъ ли мы, при такомъ всеобъемлющемъ расширеніи нашихъ жизненныхъ силъ, безпрестанно восходить на высоты неимовѣрныя и съ быстротою столь нечувствительною, что наше тѣло, кажется, будто бы обращается въ газъ, въ существо, постепенно утончающееся, существо эфирное, мало по малу развѣваемое и разжижаемое? И не кажется ли намъ тогда, что будто бы вдругъ, подобно слабому свѣтильнику, внезапно потушенному дуновеніемъ воздуха, невѣдомая,

возрастающая, разрушительная сила насъ сжимаетъ, уносить, уничтожаетъ?

Когда сія чрезвычайная связь не прервана, кажется, что открывается намъ міръ другой, гдѣ мы, какъ будто висимъ на воздухѣ, гдѣ ноги наши тяжельютъ, гдѣ потерянная жизнь для насъ возобновляется, но жизнь воздушная, жизнь съ преимуществами, пронстекающими отъ превращенія. Наши руки безъ усилія отдаляютъ тамъ толпы невѣдомыхъ существъ, волнующихся безъ смятенія, перебивающихся, какъ волны. Сія толпа не плаваетъ, не летаетъ, однакожь сила столкновения уподобляетъ ее вмѣстѣ и рыбамъ и птицамъ. Тамъ соединеніе существъ того міра есть только едва примѣтное ихъ прикосновеніе: они сближаются безъ гнѣтенія, они поддерживаются безъ связи, они не раздѣляются, они, такъ сказать, расплываются. Тамъ наслажденія наши, самыя тончайшія, длятся, не притупляя органовъ; тамъ наши пять чувствъ кажутся только главными звуками клавира, коего отзывъ безконечнымъ сотрясеніемъ сообщается всѣмъ существамъ. Движеніе колесницы, висящей на воздухѣ, равновѣсіе конька, колыхаемость качели, взвивъ вальса — они только одни, при пробужденіи, могутъ слабо изобразить намъ сію жизнь одуховленную.

Таково явленіе, коего физическія причины, въ повѣйшее время, объяснялись изслѣдованіями различныхъ категорій сна. Намъ достаточно будетъ напомнить здѣсь о превосходныхъ трудахъ г. Моро (de la Sarthe), о сочиненіяхъ Гг. Вирея, Дюгальда-Стюарта, Формеля, Галлера, и проч. Но врачи остаются всегда физиологами. Отъемля все у воображенія, они придаютъ слишкомъ много матеріи: изучать человѣка въ трупѣ, значить искать его тамъ, гдѣ его уже нѣтъ, равно какъ производить надъ че-

ловѣкомъ изслѣдованія отвлеченнымъ образомъ, какъ надъ духомъ, значить искать его тамъ, гдѣ его еще нѣтъ. Если сновидѣнія Кадрана были только вздорныя бредни, то, въ замѣнъ того, заслуживаетъ глубокаго размышленія, по крайней мѣрѣ, сіе изреченіе Паскаля: *Сонъ постоянный былъ бы равенъ сущестственности.* Между матеріализмомъ и сновидцами (visionnaires) необходимо находится нѣчто, весьма важное, вопросъ туманный, недоумѣніе святое, въ разрѣшеніи коего заключается отгадка сновидѣній. Посему мы не будемъ разсматривать сего явленія врачебно, анатомически, какъ бодѣзнь мозга, что было бы для насъ весьма легко, ибо для сего достаточно бы передлистовать только нѣсколько книгъ физиологій практической. Мы не хотимъ даже знать: какимъ образомъ явленіе сіе представляется взору Гигіены, въ какіе часы сна, при какихъ особенностяхъ организаціи, подъ вліяніемъ какого пищеваренія? Довольно академиковъ, врачей и другихъ ученыхъ писателей обсуживали сію задачу окончательно. Мы просимъ только позволенія быть единственно толмачами мнѣній, попытокъ, приключеній, предразсудковъ и сомнѣній разныхъ особъ, незнающихъ науки врачеванія, но знающихъ немного человѣка, которые никогда не разсѣкаютъ, но которые однакожь наблюдаютъ много. Отъ мнѣній сихъ людей, относительно явленія сновидѣній, происходятъ въ свѣтъ общіе толки, болѣе и болѣе разглашающіеся; сіи люди представляютъ свидѣтельства, приводятъ доказательства, противопоставятъ возраженія и оканчиваютъ громкими укоризнами противъ безсилія учености. Нельзя лучше объяснить сего любопытнаго безпокойства, какъ привести здѣсь слова одного писателя, коего, по крайней мѣрѣ, добросовѣстность неопровержима:

« Душа ощущает, когда произведено на нее впечатлѣніе », говоритъ Монлозье. « Тогда человекъ можетъ дать себѣ отчетъ въ своей общительности. Онъ можетъ даже до нѣкоторой степени уменьшить сію общительность, или увеличить ее, ограничить и распространить. Такимъ образомъ, онъ можетъ видѣть или смотрѣть, осязать или чувствовать. Взоръ, движимый волею, встрѣчаетъ свѣтъ тѣль сіяющихъ; обоняніе старается распознать ихъ благоуханіе; рука дотрогивается до нихъ, чтобы увѣриться въ ихъ образахъ. Такимъ образомъ чувства суть обыкновенные пути, коими совершается взаимное сообщеніе души съ существами. Но хотя наша общительность съ предметами наружными имѣетъ путь опредѣленный, изъ того не слѣдуетъ, однакожь, чтобы душа или, лучше сказать, *чувство внутреннее* не могли открыть другихъ къ тому путей, или даже сообщаться съ предметами непосредственно. Явленія, приметныя въ человекѣ, находящемся въ состояніи иступленія, сомнамбулизма, оцѣпененія, разныхъ припадковъ нервическихъ, даже нѣкоторыя особенности въ состояніи сумасшествія доказываютъ, кажется, что *душа можетъ освободиться отъ зависимости чувствъ и сообщаться съ предметами сама собою.* »

Сія свойства сновидѣній служатъ основаніемъ тремъ періодамъ ужаса, столь искусно изображеннымъ въ извѣстной Гофмановой сказкѣ, подъ заглавіемъ: *Майорати*. Въ ней, во-первыхъ, сочинитель рассказываетъ объ истинномъ явленіи призрака Даниилова. Потомъ явленіе, весьма обыкновенное, естественнаго сомнамбулизма, но производящее въ романѣ дѣйствіе ужасное, составляетъ завязку басни. Третье дѣйствіе сей небольшой драмы ужасная смерть Даниила, пораженнаго силою человѣческаго голоса,

какъ бы стрѣлою громовою, есть явленіе физиологическое, издавна доказанное наукою. Вообще между скептиками признана возможность двухъ послѣднихъ дѣйствій.

Вотъ какъ объясняемъ мы первое. Если вы прочтете біографію Гофмана, составленную Вальтеръ Скоттомъ, вы увидите, что повѣствователь Нѣмецкій не иначе изобрѣталъ свои фантастическіе рассказы, какъ въ такомъ особенно удобовводящемъ въ изступленіе положеніи, въ коемъ разстроенное воображеніе представляеть человекъ предметы въ превратномъ видѣ (Hallucinato). Теодоръ, усыпленный въ большой залѣ, предъ огнемъ готическаго каминна, слышитъ, что призракъ Даниила скоблитъ закладенную кирпичами дверь; онъ слышитъ его шаги, слышитъ его жалобы: это подходитъ подъ общія земныя свойства сна. Но Теодоръ встаетъ, бѣжитъ къ дверямъ залы, и *видитъ* Даниила мертваго, удаляющагося съ свѣтильникомъ въ рукѣ, какъ въ тѣ ночи, когда Данииль живой одержимъ былъ сильными припадками смертоноснаго своего сомнамбулизма. Подобнаго видѣнія нельзя назвать выходящимъ изъ законовъ природы. Гофманъ могъ предположить себѣ единственно сонъ, но онъ предпочелъ видѣніе, такъ какъ болѣе драматическое, но не такъ какъ болѣе нелѣпное. Ничто не препятствовало повѣствователю, проявляющемуся въ романѣ—самъ ли то сочинитель, или лицо вымышленное—чувствовать себя довольно взволнованнымъ мѣстными обстоятельствами, чтобы органамъ его могло быть доступно созерцаніе блуждающей души Даниила, въ то мгновеніе, когда роковой часъ, связи нѣкоторымъ образомъ повременныя, и нестижимая прелесть обычнаго пребыванія во время жизни, призвали полвленіе ея изъ обитавша горняго въ тѣ

мѣста, кои были свидѣтелями разлученія ея съ тѣломъ.

Между философами Римскими, Лукрецій, считающійся наибольшимъ матеріалистомъ, признавалъ, что тѣла, даже неодушевленные, разоблачаются, въ некоторомъ образомъ по мѣрѣ ихъ существованія, и возвращаютъ землѣ тѣ тлѣныя оболочки, такъ сказать, послѣдовательныя линища, изъ коихъ въ общемъ хранилищѣ ихъ образуются новыя *. Лукрецій предполагалъ, что въ животныхъ послѣдовательное разоблаченіе оканчивалось душепереселеніемъ, и что душа ихъ, не имѣя болѣе возможности сохранить вещественную оболочку, для коей время уже кончилось, переходила въ другую новую. Такимъ образомъ, по мнѣнію Лукреція, тѣло составлено изъ разныхъ кожъ, наподобіе луковницы, и когда послѣдняя, самая тончайшая, отрывается смертію, она продолжаетъ носиться близъ гроба, гдѣ вещественныя останки покоятся, сохраняя признаки тѣхъ обличій, кои образовывались изъ разныхъ покрововъ тѣла, во время жизни, подобно тому, какъ оболочки луковницы, отдѣленные отъ корня, сохраняютъ образъ ея. Представьте себѣ, что съ поверхности тѣла человѣческаго воздымаются образы видимые, какъ покровы, какъ вмѣстителица мумій. По дѣйствию истребленія, или зрѣнія, болѣе тончайшаго, сіи образы могутъ казаться размноженными, или только раздвоенными. Представьте еще человѣка въ опьянѣніи, предъ отуманенными глазами коего двигаютъ колесо съ невозможною быстротою: онъ видитъ движеніе криволинейное, круги фантастическіе, стрѣлообразно стремящіяся отъ ередоточія колеса и разносящіяся вкругъ оси криво-

* *Circulus aeterni motus!*... (Bekker, *Physica subterranea*).

образными струями, подобно скачущимъ волнамъ, при навѣсномъ выстрѣлѣ на водѣ. Вотъ мысль Лукреція, и таково сновидѣніе Гофмана.

Есть двѣ части въ семь вопросъ: видѣніе живыхъ и видѣніе мертвыхъ. Относительно первыхъ, мы отсылаемъ скептиковъ къ дивамъ *двойнаго зрѣнія* (*seconde sight*); относительно послѣднихъ, мы призываемъ исторію и науки естественныя. Если Даніиль былъ мертвъ, какъ могла душа его, даже въ глазахъ чловѣка иступленнаго, облечься въ какой либо образъ видимый, когда источникъ жизни вещественной, т. е. тѣло, было совершенно отдѣлено отъ нея? Вотъ задача, которая предлежитъ ршенію.

Призываніе духовъ, столь обыкновенное въ древности, подходитъ подъ классификацію сновидѣній. Оно было слѣдствіемъ понятія о безсмертіи души; мы видимъ основанія его блестящимъ образомъ объясненными въ первой книгѣ Тускуланскихъ Вопросовъ, и за всѣмъ тѣмъ однакожь, Цицеронъ, въ разсужденіи своемъ *de Divinatione*, обнаруживаетъ себя духовно-невѣрующимъ. Логика Древнихъ стоила не больше нашей: въ семь отношеніи, одно только то положительно, что Древніе не больше нашего знали Логикѣ, и что мы столько же мало свѣдуци въ Логикѣ, сколько они были малосвѣдуци въ Психологій.

При неизвѣстности, въ коей древніе народы находились о состояніи души они давали ей имя и свойства бога. Апулей говоритъ: *Cum vero incertum est, quæ cuique sortitio advenerit, utrum lar sit an larva, nomine Manem Deum nuncupant: scilicet et honoris gratia Dei vocabulum additum est* *.

Сауль и Евреи полагали призываніе духовъ возможнымъ: доказательствомъ тому привидѣніе Самуи-

* *De Deo Socratis*.

ла, вызванное волшебницею. Во Второзаконіи Моисеевомъ видимъ, что онъ принужденъ былъ запрещать народу вопрошаніе мертвыхъ о познаніи истины. Нѣкоторые изъ Раввиновъ были убѣждены, что души грѣшныя послѣ смерти облакаются въ нѣкоторый родъ оболочки, или покроя, коего тяжесть приучаетъ ихъ къ страданію, тогда, какъ души блаженныя облачаются въ блестящія ризы, чтобъ быть достойными взора Существа Верховнаго. Известны два сна Софокла и Симониды: оба они заключаютъ въ себѣ привидѣнія. Что же романъ Эпимениды, если не поэтическое продолженіе сна?

Исторически задача рѣшена: до Христіанства, въ всѣхъ мірѣхъ народы признавали за правило, что души, отдѣленныя отъ тѣлъ ихъ, грубыхъ и земныхъ, сохраняли по смерти оболочку нѣжнѣйшую и тончайшую, имѣвшую образъ оболочки прежней; что сіи тѣла были свѣтлыя, прозрачныя, неосизаемыя; что они сохраняли привязанность къ предметамъ и лицамъ, кои были любезны имъ въ продолженіе ихъ жизни; что они являлись къ гробамъ, какъ къ роковому мѣсту, служащему, по волѣ Провидѣнія, связью между прежнимъ жилищемъ ихъ и обиталищемъ новымъ. Когда душа Патрокла явилась Ахиллу въ видѣ призрака, то призракъ сей имѣлъ свой прежній голосъ, прежній станъ, прежніе глаза, прежнюю одежду, но не имѣлъ однакожь прежняго своего тѣла, осязаемаго. Дидона нисходитъ въ адъ, но въ большемъ видѣ, въ сравненіи съ ея видомъ естественнымъ. Эней узнаетъ между тѣми же жену свою Креузу, но сей образъ былъ такого размѣра, какого смертная имѣть не могла. Идя на приступъ башни Антонія при осадѣ Иерусалима, Титъ не могъ вообразить себѣ лучшей рѣчи, для возбужденія храбрости въ войскѣ, какъ повѣствованіе о семъ осо-

бенномъ положеніи духовъ. Наконецъ таково было чувство Тертуліана. — Иногда объясняли удобство возвращенія душъ на землю необходимостью могилы; отъ сего произошло превосходное Латинское выраженіе: *Condere animam, condere umbras*, покрыть душу, положить ее въ землю. Известны въ Фастахъ Овидія прекрасныя стихи:

Romulus ut tumulo fraternas condidit umbras,
Et male veloci justa voluta Remo.

У Римлянъ былъ даже любопытный праздникъ, посвященный духамъ, называвшійся *fabania lemurgia*. Отецъ семейства вставалъ въ полночь, въ то время, когда всѣ живущіе въ домѣ его спали еще. Онъ шелъ босыми ногами, въ глубокомъ безмолвіи, къ домашнему водомету, стараясь ломать тихонько пальцы свои, для отдаленія посредствомъ сего шума тѣней, кои появленіемъ могли бы затруднить совершеніе торжественнаго обряда. Умывъ трижды руки, онъ возвращался отъ водомета, вскидывая надъ головой своей большіе черныя бобы, находившіяся во рту его, произнося притомъ слѣдующія слова: *Силы бобами я искупляюсь, искупляю себя и моихъ*. Онъ повторялъ сіи слова девять разъ, не обращая взора своего назадъ. Предполагалось, что тѣни должныствовали за нимъ слѣдовать и по добратъ бобы. Потомъ онъ еще черпалъ воду, ударялъ по мѣдному сосуду и умолялъ тѣни выйти изъ обиталища, повторяя девять разъ слѣдующія слова: *Изыдите духи отцовскіе!* О мѣдномъ сосудѣ упоминаетъ Лукіанъ, писатель Греческій говоритъ положительно, что привидѣнія исчезаютъ отъ звука мѣди и желѣза. Феокритъ представляетъ намъ пастуха, не смѣющаго играть на флейтѣ, изъ опасенія пробудить бога Пана, коего звуки игры его раздра-

жали. Сии древніе предразсудки весьма замѣчательны; известно вліяніе звука и музыки на болѣзни мозга, на припадки нервическіе и самый животный магнетизмъ. Таинственное могущество желѣза, уже тогда столь явно ощутительное въ подобныхъ обстоятельствахъ, въ наше время торжественно ознаменовывается въ безчисленныхъ явленіяхъ сновидѣній. Я видалъ лунатиковъ (*somnambules*), кои, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ желѣзомъ, падали, какъ одержимые падуцею болѣзнію, и являли жестокими судорожными припадками тайное мученіе сего металла въ области физиологической.

Со времени Христіанства подобныя суевѣрія измѣнили свойство свое, но не совсѣмъ исчезли. Лапонцы вѣрятъ возвращенію духовъ, воздвигаютъ имъ алтари и приносятъ жертвы. Безъ сомнѣнія воображеніе принимаетъ большое участіе въ подобныхъ заблужденіяхъ, но тутъ необходимо возникаетъ слѣдующій вопросъ: что же такое воображеніе? Аристотель говоритъ объ одномъ Абидосскомъ шохондрикѣ, который, находясь совершенно одинъ, хлопалъ руками, и посредствомъ сего движенія забавлялся точно такъ, какъ бы присутствовалъ въ какомъ либо амфитатрѣ; наслаждался онъ прекраснѣйшимъ въ мірѣ представленіемъ. Гораций упоминаетъ о безпорядкѣ мозговомъ такого же свойства. Увѣрены ли мы, что въ подобныхъ случаяхъ не проявляется преходящее расоединеніе души и тѣла? Когда-то два друга, путешествовавшіе вмѣстѣ, прибыли въ Мегару; одинъ изъ нихъ помѣстился въ гостинницѣ, другой въ частномъ домѣ. Сей послѣдній увидѣлъ во снѣ, что товарищъ, оставшійся въ гостинницѣ, убѣждаетъ его придти къ нему на помощь, потому, что хозяинъ гостинницы хочетъ убить его. Онъ былъ такъ пораженъ видѣніемъ, что проснулся отъ пе-

го, но онъ счелъ предчувствіе за сонъ тяжелый, не имѣющій никакой очевидной существенности, и заснулъ снова. Тутъ вдругъ товарищъ его явился ему во снѣ вторично и произнесъ слѣдующія слова: «Если ты не помогъ мнѣ избавиться отъ смерти, то надѣюсь, что по крайней мѣрѣ, не оставишь умерщвленія моего безъ отмщенія». Онъ присоединилъ къ тому, что хозяинъ гостинницы, по убіеніи его, спряталъ тѣло въ навозъ, и заключилъ рѣчь свою убѣжденіемъ товарища спящаго придти рано поутру къ воротамъ гостинницы, прежде нежели умерщвленное тѣло будетъ вывезено за городъ. Спавшій товарищъ, пораженный горестнымъ сновидѣніемъ, на самомъ разсвѣтѣ двѣ прибѣжалъ въ гостинницу; онъ нашелъ тамъ вощика, готовящагося вывезти какую-то телѣжку. Когда онъ спросилъ у вощика, что находится въ телѣжкѣ, вощикъ убѣждалъ; трупъ убитаго товарища найдется былъ въ навозѣ*.

Повѣствуютъ объ одномъ, еще болѣе чудеснѣйшемъ событіи, случившемся въ семнадцатомъ столѣтіи. Нѣкоторый Дижонскій ученый легъ въ одинъ день спать, чрезвычайно утомленный разысканіемъ непонимаемаго имъ смысла какого-то выраженія въ поэтѣ Греческомъ. Онъ заснулъ. И вотъ вдругъ онъ видитъ себя умственно перенесеннымъ внезапно въ Стокгольмъ; его вводятъ во дворецъ Королевы Христіны, приводятъ въ бібліотеку и помѣщаютъ передъ одною полкою, на которой усматриваетъ онъ небольшую книгу, коей заглавіе казалось ему новымъ. Онъ отеряваетъ книгу и встрѣчаетъ въ ней грамматическое объясненіе того самого затруднительнаго мѣста въ поэтѣ Греческомъ, которымъ, во время вечерняго занятія пе-

* Цицеронъ, *De Divinatione*.

редъ сномъ, онъ такъ много былъ озабоченъ. Радость, ощущенная симъ ученымъ отъ открытія, пробуждаетъ его; онъ высѣкаетъ огонь, освѣщаетъ комнату и отмѣчаетъ на бумагѣ сдѣланное имъ открытіе. Но случившееся съ нимъ приключеніе было слишкомъ чрезвычайною, и онъ не могъ оставить безъ изслѣдованія и повѣрки точности своего ночнаго странствованія. Декартъ находился тогда въ Стокгольмѣ. Дижонскій ученый писалъ къ Г. Шаню, бывшему въ то время Французскимъ Посланникомъ въ Швеціи, и просилъ его спросить у великаго философа, съ коимъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ: какимъ образомъ расположены дворецъ и библіотека Королевы Шведской, и нѣтъ ли на такой-то полкѣ, въ такой-то книгѣ, на такой-то страницѣ десяти Греческихъ стиховъ, коимъ приложилъ онъ списокъ? Декартъ отвѣчалъ Г. Шаню, что одинъ только тотъ, кто въ продолженіе двадцати лѣтъ, безпрестанно посѣщаетъ библіотеку Королевы, могъ бы сообщить объ сей библіотекѣ свѣдѣнія, столь точныя и столь вѣрныя: полка, книга, страница и десять Греческихъ стиховъ, все существовало, такъ точно, какъ писалъ объ нихъ Дижонскій ученый. Не защищая подлинности сего происшествія, но я не выдумалъ его.

Подобныя факты къ объясненію сновидѣній не должны быть удивительны съ тѣхъ поръ, какъ дунатики магнетическіе доказываютъ свои явленія такимъ же образомъ. Въ Провансѣ, въ департаментѣ Варскомъ, находится дунатикъ, по имени Михайло, уроженецъ Фиганберскій, обладающій способностью дальновидѣнія (*rétrospection*), до такой степени, что онъ могъ, не двигаясь съ мѣста, слѣдовать за корветтою *La Lilloise*, совершавшею плаваніе свое въ 1833 году. Мы имѣли въ рукахъ своихъ письмо, въ

которомъ Г. Гарсенъ, врачъ, находящійся нынѣ въ Драгиньянѣ, описывалъ и утверждалъ сіе явленіе, коего самъ былъ свидѣтелемъ. По истинѣ, нѣтъ смѣлости повторять многія подобныя событія, о коихъ сообщаютъ другъ другу разные наблюдатели, ибо они слишкомъ унижаютъ наше умственное высокомеріе и нашу человѣческую гордость.

Одинъ молодой человѣкъ, достаточно расположенный къ задумчивости, когда-то, отдаленный отъ своего дома, находился въ другомъ постороннемъ домѣ, гдѣ многочисленное, окружавшее его общество, бесѣдовало, стараясь сколько возможно не прекословить чрезвычайному предрасположенію его къ уединенію; онъ мало по малу впалъ въ необыкновенное усыпленіе, которое психологи-любители называютъ безчувствіемъ разсѣянія, а свѣтскіе люди, объясняющиеся; правдивѣе и живописнѣе, *забытьемъ*. Молодой человѣкъ забылъ, гдѣ онъ существенно находился: ему представилось, что онъ входилъ въ свою комнату и ложился тамъ въ свою постелью.

Въ то самое время, когда сіе происходило съ молодымъ человѣкомъ въ постороннемъ домѣ, въ томъ домѣ, въ которомъ онъ жилъ, слышенъ былъ стукъ въ дверь; слуга, вышедши отворить ее, узналъ хозяина, входящаго въ домъ, говорилъ съ нимъ, и потомъ по обыкновенію легъ спать. Прибравъ все въ комнатѣ хозяина, слуга взялъ свѣчу, пожелалъ хозяину доброй ночи, и самъ легъ въ постелью. Едва успѣлъ онъ завернуться въ одѣяло, какъ вдругъ снова услышанъ былъ стукъ. Слуга встаетъ, отворяетъ и изумляется, видя опять передъ собою молодого человѣка, который, выйдя изъ общества, въ коемъ мы оставили его въ забытій, возвращался домой. Слуга клятвенно увѣрилъ господина своего, что онъ вошелъ уже прежде въ домъ свой, и на-

конецъ, чтобы убѣдить, что онъ не сумасбродствуетъ, побѣжалъ въ господскую комнату къ постели. Тамъ никого не было, но постель была смята, какъ будто кто нибудь ложился на нее; платье, скинутое привидѣніемъ, исчезло, и только въ потолокъ алькова видно было измѣненіе въ цвѣтъ и составъ штукатурки, которая не была ни расколота, ни треснута; въ ней обнаружилось однакожь нѣкоторое измѣненіе, подобно тому, какое бываетъ съ твердыми тѣлами, которыя тончайшая жидкость проникаетъ, но не рассоединяетъ ихъ. Въ слѣдствіе силы, посредствомъ коей молодой человѣкъ погрузился въ забвеніе, жизненность души его приняла внѣ-мірный образъ его тѣла, для совершенія, подъ мысленнымъ вліяніемъ его воли, обыкновенныхъ подробностей вечерняго туалета. Голосъ говорилъ и платье показались слугѣ, какъ привидѣніе сверхъ-естественное, но не какъ дѣйствительность земная; голосъ былъ симпатическій отзывъ для ушей слуги; платье явленіе видимое и осязаемое для его глазъ и его руки. Когда молодой человѣкъ внезапно пробудился отъ забытья, можетъ быть, отъ упрека, пригожей женщины, которая ссорилась съ нимъ за неучтивое во время усыпленія молчаніе, душа его, быстро возвращенная въ свое обыкновенное вмѣстительство, оставила комнату и положеніе, въ коемъ она мгновенно находилась, противодѣйствуя затрудненіямъ и переносясь черезъ пространства съ быстротою, гибкостью и сжатостію, свойственными жидкостямъ самымъ тончайшимъ. Сіе смѣлое предположеніе требуетъ нѣкоторыхъ полеченій.

Во власти человѣка существуетъ одно только механическое средство къ изслѣдованію задачи о сновидѣніи въ наибольшемъ его мысленномъ напряженіи: оно заключается въ опьянѣніи, производимомъ

опіумомъ. «При Дворѣ Персидскомъ», говоритъ Кемпферъ, «приготавливаютъ, для употребленія Шаха, нѣкоторый адскій составъ, куда входятъ опіумъ, мускусъ, амбра и другіе ароматы, кои тщательно мѣшаютъ для составленія изъ нихъ маленькихъ пилюль, которыя Шахъ глотаетъ отъ времени до времени. Если онъ не пожелаетъ употреблять сего лекарства въ пилюляхъ, тогда приготавливаютъ ему воду, дистиллированную съ благоухающими цвѣтами, въ которой, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, мочатъ маковыя головки. Желая сдѣлать напитокъ еще болѣе пріятнымъ, подслащиваютъ его сахаромъ, напитаннымъ амброю и другими ароматами; сей напитокъ дѣлается столь необходимымъ, что знатные люди Персидскаго Двора не могутъ провести одного дня безъ употребленія его.» — Но сладострастіе не есть единственная цѣль напитка. Достаточный пріемъ сего снотворнаго зелья наводитъ сонъ, совершенно сходный съ состояніемъ изступленія, и страданія омертвѣнія сливаются въ немъ съ наслажденіями небесными. Кемпферъ, на одномъ пирѣ Персидскомъ, самъ пилъ изъ заколдованной чаши. Сновидѣніе его было отъ того столь восхитительно, что ему казалось, будто онъ засѣдалъ за пиршествомъ боговъ, описанныхъ Омиромъ. — «Одна молодая дѣвушка, больная», говоритъ Пинель, «была три дня, какъ мертвая; по прекращеніи омертвѣнія ея, она сильно жаловалась на то, что такъ скоро оторвана была отъ наслажденія чистѣйшаго, отъ блаженства непостижимаго, коими она наслаждалась». Монтанъ, который, вѣрно, не былъ изступленнымъ, находилъ нѣкоторое время, послѣ сильнаго паденія, безъ движенія и безъ жизни; пробудясь, онъ увѣрялъ, что испыталъ такую сладость существованія, которая прежде ему была неизвѣстна, и

которая примиряла его съ помышлениями о смерти. Итальянцы, для выражения изступленія умственнаго, имѣютъ слово, которое объясняетъ сіе состояніе съ чудесною вѣрностью: говоря о женщинѣ, они восклицаютъ: *la poverina è spiritata!* — Постоянная наклонность души къ духовности, иногда посредствомъ обстоятельствъ важныхъ развивается до такой степени, что слѣдствіемъ его бываетъ смерть. Въ лѣтописяхъ врачеванія упоминается, что одинъ отецъ, потерявъ въ весьма молодыхъ лѣтахъ дочь, нѣжно имѣ любимую, хотѣлъ еще наглядѣться на драгоценныя черты ея, пока не скрыла ихъ земля; глаза его устремились неподвижно на предметъ горести, и наконецъ онъ упалъ мертвый подлѣ трупа. Врачебное изслѣдованіе, произведенное надъ умершимъ, не открыло никакихъ слѣдовъ смерти насильственной.

Изъ хроникъ Среднихъ вѣковъ вѣсьмъ извѣстно кратковременное оживленіе Абеларда. *Elevatis brachiis illam reserit, et ita eam amplexatus brachia sua strinxit.* Въ истинѣ происшествія ручается только народное суевѣріе, но если чрезмѣрность горести можетъ внезапно разорвать связи, соединяющія тѣло съ душою, почему обратно невозможно противное, и почему чрезмѣрность счастья не можетъ, въ свою очередь, возстановить кратковременно кругообращенія всѣхъ жизненныхъ силъ? Полагаю бесполезнымъ напоминать здѣсь читателямъ, что многіе историки и поэты разныхъ временъ занимались описаніемъ существованія страстей, соображая положенія и физиогномію труповъ. Ненависть, гнѣвъ, любовь, горесть, самыя глубочайшія потрясенія души, часто переживали последнее дыханіе тѣхъ, кто ощущалъ ихъ. Древность оставила намъ легенду, еще болѣе чрезвычайную, коей досто-

вѣрность должно оставить на ея ответственности. Эспезій, изъ Солоса, въ Киликии, человекъ чрезвычайно распутный, весьма извѣстный Плутарху, упалъ съ крыши дома, переломилъ шею и умеръ. Потомъ, послѣ четырехъ дней, онъ ожилъ совершенно честнымъ и добродѣтельнымъ. Тѣло его было тоже; перемѣнилась одна душа его. Онъ полагалъ, что въ минуту паденія испыталъ ощущенія матроса, сброшеннаго съ высоты корабельной палубы въ море; что его душа, подобно нѣкоторому испаренію, возносилась къ звѣздамъ, коихъ великолѣпно и блеску онъ изумлялся; ему казалось, что другія существа, подобно ему воздухообразныя, парили въ воздухѣ и колыхались съ быстротою горящаго шара, двигались въ разныхъ направленіяхъ и постоянно отбрасывал отъ себя пламя, и что наконецъ онъ былъ опять, чрезъ какой-то проводъ, обращенъ въ свое тѣло и вдвинутъ въ него сильнымъ вѣтромъ. Басня странная, которую древніе психологи тщателью сохранили и въ ея глубокости нельзя не сознаться!

Сонъ ли, смерть ли были послѣдствіями паденія Эспезія, неизвѣстно; очевидно однакожь, что посредствомъ исключительнаго омертвенія, сей человекъ точно чувствовалъ тѣ самыя волненія умственныя, коими обыкновенное сновидѣніе измѣняетъ жизнь нашу. Такимъ образомъ пословица (Санчо и Фигаро называли пословицы *мудростью народною*), пословица чрезвычайно пошлая: *сонъ образъ смерти*, была бы уже, какъ всѣ стародавнія метафоры, отчасти откровеніемъ судебъ человѣческихъ. Но не придавая ребяческимъ уподобленіямъ болѣе важности, нежели они того стоятъ, мы прежде всего видимъ въ сихъ гипотезахъ новое доказательство чрезвычайной темноты, коею покрывается связь,

соединяющая душу съ тѣломъ. Сдѣлано замѣчаніе, приводящее въ большое затрудненіе любопытство наше, что труды умственные совершаются на яву точно такъ, какъ сновидѣнія приводятся въ дѣйствіе во время сна. Изъ сего слѣдуетъ, что сонъ съ одной стороны уподобляется смерти, а съ другой, какъ точка сообщенія, способствуетъ невещественнымъ отправленіямъ души. Существуетъ, нельзя утаить того, стройная связь между таинственнымъ тождествомъ и различными явленіями, выше нами объясненными: влеченіемъ духовъ къ землѣ, стремленіемъ смертныхъ къ небу, состояніемъ смѣшаннымъ, средствами вѣтрными и горнымъ очищеніемъ.

Автописи психологическія заключаютъ въ себѣ сдѣланія весьма любопытныя. Одного осужденнаго на смерть увѣдомили, что для произведенія опытовъ врачевныхъ, ему откроютъ четыре жилы, и онъ окончить жизнь свою, какъ Сенека, или Петроній. Завязавъ глаза и связавши ему руки на спинѣ, помѣстили его въ комнату. Онъ слышитъ приготовленія всѣхъ орудій и всѣхъ принадлежностей къ его казни; онъ чувствуетъ на рукахъ и на ногахъ холодный прорѣзъ ланцета, и въ тоже самое мгновеніе капанье какой-то жидкости, которая, падая по каплѣ, отдается въ его ухахъ. Это были четыре фонтана, устроенные въ нѣкоторомъ разстояніи операторами. Ему кажется, что кровь его течетъ безпрестанно, течетъ долго. Мало по малу присутствующіе удаляются, дверь комнаты затворяютъ, тишина смерти усиливаетъ ужасъ осужденнаго. Онъ убѣждается, что жизнь его отходитъ съ водою фонтана. Въ слѣдъ за тѣмъ кровь осужденнаго начинаетъ течь медленнѣе, какъ будто уменьшается; съ уменьшеніемъ крови осужденнаго уменьшаются и жиз-

ненные силы его. Наконецъ истекають послѣднія капли крови. Все умолкаетъ. Осужденный умеръ!

Мы находимъ въ Иродотѣ обстоятельство точно такое же, совершенно сходное съ тѣмъ, которое мы рассказали, относительно силы подражательности и симпатіи, коими одарены сновидѣнія. Признаюсь, по моему мнѣнію, Иродотъ занимаетъ въ исторіи древней Греціи такое же мѣсто, какое въ исторіи старой Шотландіи занимаетъ Вальтеръ Скоттъ. Въ немъ тѣже злоупотребленія чудесностей, таже вѣра въ міръ посредствующій, таже уваженіе къ вымысламъ народнымъ и къ вѣрованіямъ толпы. Признаюсь, что сей характеръ заставляетъ меня любить его гелій, потому, что воображеніе, можетъ быть, есть ли что иное, какъ сущность истины, хотя лучше бы было, для убѣжденія въ достовѣрности явленія, если бы Фукидидъ былъ его поручикомъ.

Артабану, брату Дарія и дядѣ Ксеркса, ввѣрена была тайна сновидѣнія Шаха Персидскаго. Но и послѣ открытія ему сновидѣнія, не менѣе прежняго желалъ онъ отклонить племянника своего отъ войны по ту сторону Эгейскаго моря. Раздраженный Ксерксъ приказалъ невѣрующему надѣть царскую одежду, взойти на тронъ и лечь на собственное его Ксерксово ложе. Артабанъ упорствовалъ, и въ извѣненіе своего неповиновенія, возразилъ Ксерксу слѣдующимъ, немного Нормандскимъ отвѣтомъ: «*Это что-то невѣрливое* (ce je ne sais quoi), которое посылаетъ тебѣ сновидѣніе, конечно, не повѣритъ, что я есть *ты*, если и увидитъ меня на твоёмъ ложѣ...» Не смотря на дилемму дяди, Ксерксъ настоялъ и — былъ правъ. Артабанъ легъ, заснулъ, и сонъ Ксеркса точно явился по назначенію.

Если когда либо основаніе нашей жизни являлось общимъ, однороднымъ, перемѣщаемымъ, то это очевидно послѣ подробностей здѣсь изложенныхъ. Безъ сомнѣнія, предубѣжденіе не было чуждо при совершеніи сего физическаго явленія, но весьма много проявляется въ немъ воля Ксеркса. Опытъ самый простой облегчить объясненіе сего таинства. Возьмите часы и помѣстите ихъ на столъ, плашмя, стекломъ въ низъ, корпусомъ въ верхъ; пусть кто нибудь, облокотясь на столъ, держитъ, оставаясь неподвижнымъ, пальцами нитку, на концѣ которой повѣшенъ металлическій шарикъ, и пусть онъ медленно приближаетъ сей шарикъ, въ совершенномъ покоѣ находящійся, но совершенно отдѣленный, какъ гири, къ часовому корпусу, столъ близко, сколько возможно, не дотрогиваясь до него. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, въ шарикъ произойдетъ движеніе кругообразное, на которое не будутъ имѣть вліянія ни свивъ нитки, ни сотрясеніе пальцевъ, предполагаемая при всевозможныхъ сбыточныхъ условіяхъ неподвижности. Магнетизмъ металла доказывается симъ кругообразнымъ движеніемъ. Теперь возьмите за лѣвую руку человѣка, держащаго нитку, правою рукою; пусть мыслительность сего человѣка находится въ состояніи совершенно отрицательномъ, и пусть онъ предается впечатлѣніямъ вашимъ машинально; предположимъ наконецъ, что вы сами, съ усиліемъ сосредоточивъ зрѣніе ваше на шарикъ, направяете мысленно сей шарикъ по движенію, противоположному тому, которое въ ту минуту передъ вашими глазами совершается; нѣтъ нужды, будетъ ли сіе движеніе поперечное, или круговое, лишь бы оно было противоположно первому, а въ прочемъ невѣдомо человѣку, держащему нитку. Тогда что послѣдуетъ? Ваша

воля, проникая до шарика магнетическимъ и сосредоточеннымъ посредствомъ человѣка, держащаго нитку, руки его, вашей, его нитки и вашихъ взоровъ, сообщить, мало по малу, шарикъ то движеніе, о коемъ вы помышляли. Впрочемъ, для произведенія сего явленія необходимо, чтобы воля была самая энергическая, вниманіе самое постоянное, и обѣ руки крѣпко были сжаты одна другою.

Сіе взаимное раствореніе душъ главнѣйше проявляется въ дѣйствіи животнаго магнетизма. Физиологи замѣтили, что если въ сомнамбулизмѣ магнетическомъ воля лунатика, посредствомъ магнетизма, направлена на нѣкоторые дѣйствія, или на нѣкоторые помышленія, то лунатикъ, по пробужденіи его, хотя не сохраняетъ въ себѣ никакого воспоминанія, дѣйствуетъ однакожъ всегда, нѣкоторымъ образомъ, *автоматически*, по инстинкту сихъ дѣйствій, или сихъ помышленій. Разсуждая по аналогіи, можно заключить, что если человѣкъ уснувшій въ продолженіе ночи, впадетъ случайно въ сомнамбулизмъ естественный, то въ немъ, невѣдомо отъ него, возбудится желаніе, которыя онъ невольно исполнитъ по пробужденіи. И если неестественная сила души уединенной способна къ подобному нарушенію обыкновенныхъ законовъ мысленія, то что произойдетъ въ такомъ случаѣ, когда душа человѣка уснуващаго, безъ сознанія ея, повинуются будетъ вліянію человѣка бодрствующаго? Сообщимость душъ, Провидѣніемъ внушенная, проявится во всей своей свободѣ, со всею вездѣущностью своего основанія. Мы имѣемъ по сему предмету такія свѣдѣнія и знаемъ такія событія, которыя кидаютъ яркій свѣтъ на сей мрачный вопросъ. Но сіи свѣдѣнія и событія суть таинства,

выходящія изъ рамы размысканій новѣйшихъ, на коихъ мы теперь останавливаемся.

Такимъ образомъ всякій порывъ любви заключаетъ въ себѣ жертву жизни, и наша способность располагать ею возрастаетъ по мѣрѣ усиленія нашихъ чувствъ. Дѣйствіе магнетическое могло бы даже доходить до смерти мужчины или женщины, предающихся ему съ волею твердою и рѣшительною, еслибы ослабленіе органовъ, или дурное ихъ расположеніе не поставили тому преграды. Чувствовавшіе дѣйствіе сильной страсти легко поймутъ, съ какою воспламененіемъ проживается жизнь въ сіи мгновенія общности эфирной. Лунатики, возвращаясь въ кругъ обыкновенной жизни, теряютъ воспоминаніе о сомнамбулическомъ состояніи. Сіе явленіе заставило заключить многихъ смѣлыхъ психологовъ, что въ сомнамбулизмъ душа случайно пріобрѣтаетъ независимость, которая рѣшительно должна сообщиться ей смертию; что сія таинственная способность есть мимолетная сила состоянія невещественнаго; что покровы тѣлесные мгновенно перестаютъ тогда заключать въ себѣ невѣдомое основаніе, насъ животворящее, и что даже производительные органы чувствительности, при всемъ сохраненіи механизма жизненныхъ отправленій, останавливаются тогда свои дѣйствія, въ конхъ чрезмѣрное одуховленіе чловѣка, въ сіи минуты безпорядка, не имѣетъ болѣе нужды. Основаніе гипотезы довольно благовидно: трудъ памяти, говорить, совершается въ мозгу; если же лунатикъ, при пробужденіи, забываетъ съ нимъ случившееся, то потому, что сей органъ во снѣ ничего не производилъ; слѣдовательно, тогда душа сама дѣйствовала въ немъ, независимо отъ тѣла? Но лунатикъ, впадая въ изступленіе, вспоминаетъ въ немъ о со-

бытіяхъ, случившихся въ продолженіе предшествовавшаго перелома; онъ по истинѣ устанавливаетъ въ себѣ тогда двѣ памяти различныя: одну для изступленія, другую для жизни обыкновенной. Слѣдовательно, если наша душа, какъ то полагаютъ философы и какъ то опытами доказывается, обитала уже прежде въ другомъ мірѣ, отличномъ отъ земли, въ коемъ живеть тѣло наше, то память о семъ предыдущемъ существованіи не должна существовала бы, по закону логическому, проявляться въ земномъ бытіи нашемъ, какъ только въ тотъ роковой часъ, когда мы, посредствомъ смерти, выходимъ изъ круга обыкновенной жизни, для воспріятія другаго, еще невѣдомаго намъ существованія.

Лѣтописи Психологіи, какъ равно и скрижали Исторіи, открываютъ намъ, что во всѣ времена находились люди, кои предполагали, что они принесли въ сей міръ неопредѣленные, темныя впечатлѣнія существованія предшествовавшаго. Въ царствованіе Людовика XV и Людовика XVI, когда Графъ Сень-Жермень и Калиостро увѣрили умныхъ людей, первый, что онъ жилъ уже нѣсколько вѣковъ, а послѣдній, что постепенно переходилъ чрезъ многія тѣла, то сіи увѣренія не были только изобрѣтательнымъ эмпиризмомъ, поддерживавшимъ мнимую ложь, но въ нихъ заключался также расчетъ, коего философія основывалась на преданіяхъ незапамятныхъ. Оба они, Сень-Жермень и Калиостро, происходили изъ Германіи, гдѣ первоначальное основаніе психологіи будущаго постоянно находится въ умственномъ броженіи. Оба они искусно прислушались тамъ къ разнымъ темнымъ по сему предмету толкамъ, и заимствовали разныя, не совсѣмъ скромныя, но блистательныя мнѣнія, коими барышничали въ пользу своего земнаго благоденствія. Нѣмец-

кій сапожникъ, теософъ Іаковъ Беме, не сказали ли слѣдующаго: «Если человекъ клонится къ природѣ небесной, онъ принимаетъ образъ небесный, а если онъ клонится къ аду, образъ человѣческой становится адекимъ, ибо каковъ духъ, таково и тѣло. Подъ вліяніемъ какой бы воли духъ ни устремлялся, онъ образуетъ свое тѣло, уподобляясь образу духа и уподобляясь его источнику.» Сія глубокая теорема, выраженная отвлеченнымъ метафизическимъ языкомъ, есть краткое повтореніе древнихъ и новѣйшихъ ученій о переселеніи жизненной силы. Переселеніе душъ Прокла и Платона, распространенное между всѣми древними народами, которое Рейхлинъ и Дасье почитали символомъ, сіе переселеніе душъ, которое находимъ въ Индіи и у Альбигойцевъ, никогда не имѣло опредѣленія точнаго. Я не вѣрю съ Браминами, что сжавъ обѣими руками хвостъ коровы при послѣдней минутѣ нашей жизни, мы получимъ право войти въ тѣла телачья и ожидать тамъ, какъ въ чистилищѣ, будущей ваканціи въ какой либо оболочкѣ человѣческой, для перемѣненія себя въ оную. Но думаю, что слишкомъ поспѣшили обратить въ смѣхъ и причислить къ незначительнымъ аллегоріямъ правило, которое ученики Пифагоровы вписали въ известную книгу Лизиса, когда случившійся въ училищѣ ихъ пожаръ изгналъ ихъ изъ Кротоны и Метапонта и разсыпалъ по лицу земли.

Пифагоръ почиталъ человека существомъ, посредствующимъ между міромъ мыслящимъ и міромъ чувственнымъ; онъ видѣлъ въ немъ послѣднiго въ существахъ высшихъ и перваго въ существахъ низшихъ, свободнаго возносится въ верхъ и опускается въ низъ посредствомъ страстей своихъ, приводящихъ въ дѣйствіе движеніе восходящее и нис-

ходящее, коимъ обладаетъ воля его, то соединяясь съ бессмертными, и обращеніемъ къ добродетели достигая судьбы ему свойственной, то погружаясь въ исходы смертные, и нарушеніемъ законовъ Божіихъ лишаясь своего достоинства. Въ первомъ случаѣ, если связи матеріи слишкомъ слабы для полноты душевной, объясняются всѣ внѣмрныя явленія нашей жизни; во второмъ, если оболочка тѣлесная искажается и грубѣетъ, открываются чудеса животнаго переселенія душъ. И какъ нѣтъ причины останавливаться на сей лѣстницѣ, тамъ восходящей, здѣсь нисходящей, то мы касаемся двумя конечностями къ двумъ крайностямъ созданія. Природы испытатели утвердили уже одну часть сего, Провидѣніемъ опредѣленнаго сцѣпленія, слѣдующимъ основнымъ въ наукѣ закономъ: *Минералы растутъ, растенія растутъ и живутъ, животныя растутъ, живутъ и чувствуютъ.* Виды смѣшанные, свойства двоякія, классы нѣкоторымъ образомъ совокупные, составляютъ цѣпь между большими семействами и пополняютъ промежутокъ, ихъ разделяющей. Это суть мадрепоры, вѣтвистые зоофиты, амбра, трюфан, нетронъ-мелъ, растенія известковыя; въ гротѣ Антипаросскомъ мраморъ пускаетъ отростки, подобно кустарнику, и, говоря по совѣсти, говоря психологически, большую ли разницу видимъ мы между Альбиносомъ и Недотрогомъ? И какъ дѣло идетъ о снѣ, то возникаетъ вопросъ: животныя не имѣютъ ли сновидѣній подобно поэтамъ?

Canis in somnis leporis vestigia latrat, говоритъ Петроній.—Лукрецій, въ четвертой книгѣ своего сочиненія, оставилъ намъ обширное описаніе о такомъ чудесномъ явленіи. Въ трехъ царствахъ природы неясно встрѣчаются симпатическія нарушенія порядка, подражательныя уродливости, способству-

ющія, какъ къ нарушенію порядка, такъ и къ поддержанію равновѣсія. Весьма недавно, по части зоологической, относительно рода *Ursus*, былъ большой между Гг. Жофруа-Сентъ-Илеромъ и Кювье споръ, довольно извѣстный ученому міру.

Всѣ философы, соединявшіе науку опытовъ съ усиліемъ наблюденія, нападали съ разныхъ сторонъ на темную проблему, и всѣ озаряли ее лучами свѣта, которые служатъ средствомъ къ ея разрѣшенію. Бюфонъ признаетъ одно только созданіе, имѣвшее свои фазы существованія, которое влачило въ пеленахъ перваго возраста, и коего успѣхи однажды ознаменовались появленіемъ рода человѣческаго и силы возрасли и болѣе болѣе возрастать будутъ посредствомъ власти, которую человекъ пріобрѣлъ и будетъ пріобрѣтать на землѣ. Баконъ, въ своемъ *Lova Atlantis*, совѣтуетъ испытать превращеніе органовъ и изслѣдовать: какимъ образомъ всякій родъ, подвергаясь тому, могъ разнообразиться и размножаться самъ собою? Наконецъ Паскаль постигъ и не опасался написать, что «существа, одушевленные въ основаніи ихъ, были существа нестройныя и смѣшанныя, коихъ первоначальное устройство опредѣлялось обстоятельствами, въ какихъ жизни ихъ находилась.» Но перейдемъ, по случаю настоящаго отступленія, къ переселенію душъ.

Безъ сомнѣнія, я не вѣрю мнѣнію Маркиза Л... брата, нѣкогда бывшаго Посланника Шведскаго въ Парижъ и одного изъ самыхъ страстныхъ мечтателей, не вѣрю, говорю, чтобы какалъ нибудь обреченная могла обратиться въ голубку и въ носу принести вѣнчальное кольцо жениху своему. Но вѣтъ ли правды въ томъ, что наши души постепенно отдѣляются отъ матеріи, что смерть есть

первая ступень сего отдѣленія, а послѣдняя — совершенное сліянiе съ міромъ небеснымъ. По моему мнѣнію, сія теорія есть единственная, которая, относительно человека, преслѣдуетъ *тѣмъ* рядъ сцѣпленій, утвержденныхъ *здѣсь*. Кусокъ свинцу не обращается внезапно въ жидкость электрическую, но однакожь оба существа сія связаны между собою. Въ отношеніи духовномъ, есть сцѣпленіе, такъ какъ есть связь между атомомъ и человекомъ, въ отношеніи тѣлесномъ. Въ человекѣ находится столько ступеней, столько покрововъ къ облаченію души его, сколько находится постепенныхъ усовершенствованій, подлежащихъ достиженію его, относительно мысленія, что, по моему мнѣнію, служить къ объясненію видѣній сверхъестественныхъ.

Досадно, что Вальтеръ-Скоттъ, въ своей *Исторіи Демонологіи*, смѣшалъ чудесности магнетизма съ баснями колдовства. Знаю, что книга его была просто *заказъ*, сдѣланный романисту, нуждавшемуся въ деньгахъ, но должно сожалѣть, что важною, внушающею довѣріе подписью Вальтеръ Скотта скрѣпленъ подобный неполный сборникъ. Одно произшествіе беремъ мы изъ него и рассмотримъ здѣсь.

Въ 1800 году, г. Вилліамъ Клеркъ, служившій въ Эдимбургѣ, ѣхавъ въ Лондонъ, находился въ дилижансѣ съ морякомъ, среднихъ лѣтъ, имѣвшимъ физиогномію благородную; онъ былъ хозяинъ корабля, коего отправление въ Балтику, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было затруднено. Въ продолженіе отрывистаго разговора между Клеркомъ и морякомъ, сей послѣдній, слѣдуя извѣстному суевѣрному понятію, сказалъ: «Желаю, чтобы путешествіе наше было благополучно... я вижу сороку». — Да, почему же эта птица должна предвѣщать намъ

несчастіе? — спросилъ Клеркъ. «Не знаю,» отвѣчалъ морякъ, «но весь свѣтъ соглашается, что сорока предвѣщаетъ какое нибудь несчастіе: двѣ не составляютъ еще слишкомъ худаго предназначенія, но три, на примѣръ — бѣда, ужась!» — По этому — спросилъ Клеркъ — если вы вѣрите сорокамъ, то должны вѣрить и мертвецамъ. — «Вѣрю ли я мертвецамъ?»... Морякъ произнесъ сіи послѣднія слова съ видомъ важнымъ и угрюмымъ, который показывалъ въ немъ человѣка, увѣреннаго въ томъ, въ чемъ вопрошатель его сомнѣвался. Склоненный усиленными убѣжденіями Клерка, любопытствовавшего узнать причину подобнаго отвѣта, морякъ рассказалъ ему слѣдующее, чрезвычайное происшествіе:

«Во время молодости моея, я былъ поручикомъ на корабль, на которомъ перевозили Негровъ. Я чувствовалъ отвращеніе къ моему ремеслу, принуждавшему меня ежедневно быть свидѣтелемъ ужаснѣйшаго зрѣлища, мученій Гвинейскихъ невольниковъ, и отвращеніе еще болѣе усиливалось нестерпимымъ для меня характеромъ Капитана; нравъ сего челоѵка былъ чрезвычайно перемѣнчивъ: иногда онъ былъ кротокъ и привѣтливъ съ моряками своего экипажа, но всего чаще, предавшись порывамъ гнѣва и ненависти, онъ въ запальчивости своей ревалъ на палубѣ, какъ тигръ. Казалось, что Африканское солнце, проникнувъ пламенемъ своимъ въ его жилы, жгло его кровь, и зрачки глазъ его часто багровѣли. Съ нимъ не иначе говорили тогда, какъ съ пистолетомъ въ рукахъ.

«Капитанъ вдругъ почувствовалъ чрезвычайную ненависть къ одному матросу, старику, на головѣ котораго былъ уже одинъ только клочекъ сѣдыхъ волосъ и котораго звали Билль-Жономъ, или именемъ тому подобнымъ. Экипажъ уважалъ ста-

раго моряка, который ни разу не ночевалъ внѣ корабля. Но, безъ сомнѣнія, это самое уваженіе внушило Капитану ненависть къ нему; сей лютой звѣрь безпрестанно грозилъ ему, или бранилъ его. Старикъ, съ свободою, которую позволяютъ себѣ матросы на корабляхъ купеческихъ, отвѣчалъ ему такою же бранью. Однажды, Билль-Жонъ замедлилъ нѣсколько взойти на рей, чтобы укрѣпить тамъ парусъ. Бѣдный старикъ былъ такъ слабъ и дряхлъ!

На ту пору Капитанъ вышелъ изъ каюты нѣсколько пьянъ:

— О! закричалъ онъ — старый негодяй, пьяница, пузырь, надутый ромомъ! Укрѣпляй парусъ, или тресни!

«Не знаю, что отвѣчалъ ему матросъ, потому что я не разслушалъ словъ его, но по видимому они долженствовали быть слишкомъ оскорбительны для Капитана. Чрезвычайно раздраженный, онъ ушелъ въ каюту и тотчасъ вышелъ изъ нея съ заряженнымъ ружьемъ въ рукѣ, прицѣлился въ мнимаго митежника и выстрѣлилъ... Пуля ударила въ рей. Мы видѣли Билль-Жона съ минуту среди дыма, но потомъ онъ тяжело спустился къ нижнему концу большой мачты. Вскорѣ послѣ того онъ лежалъ уже на палубѣ. Умирающій, онъ посмотрѣлъ на Капитана и сказалъ ему:

— Вы со мною разочались Капитанъ, но я никогда васъ не оставлю!

«Капитанъ ограничилъ отвѣтъ свой умирающему тѣмъ, что онъ прикажетъ кинуть его въ котель, гдѣ готовятъ пищу для невольниковъ, за тѣмъ, чтобы узнать сколько въ немъ будетъ жиру.

«Капитанъ нашъ приказалъ, произносилъ жестокия ругательства, сохранять въ глубокой тайнѣ случившееся происшествіе; но какъ я не скрывалъ передъ

нимъ моего негодованія, онъ приказалъ посадить меня на дно трюма. Нѣсколько дней спустя послѣ того, онъ пришелъ туда ко мнѣ и съ видомъ чрезвычайно страннымъ спросилъ меня: «Не намѣревался ли я, по возвращеніи нашемъ въ Англію, донести о случившемся происшествіи Правительству?» — Утомленный пребываніемъ моимъ на днѣ трюма, въ климатъ столь жаркомъ, я согласился молчать. Капитанъ освободилъ меня. Возвратясь на палубу, къ удивленію моему замѣтилъ я, что моряки были поражены мыслию, будто Билль-Жонъ не оставилъ корабля; они полагали, что духъ его, вмѣстѣ съ экипажемъ, по прежнему, исправляетъ корабельную службу; въ особенности же, когда надлежало укрѣплять парусъ, при такомъ случаѣ, привидѣніе матроса всегда являлось первое на реѣ. Я кончилъ тѣмъ, милостивый государь, что какъ и всѣ другіе, видѣлъ самъ умершаго Билль-Жона, и столь явственно, въ одинъ вечеръ, въ бурю, что невольно тихимъ голосомъ кликнулъ его по имени: *Жонъ!* Но онъ вскарабкался на мачту и исчезъ тамъ. Капитанъ казался необращающимъ никакого вниманія на такое странное происшествіе, и какъ всѣ боялись запальчивости его характера, то никто не говорилъ ему. Экипажъ, тревожный и мрачный, пожиралъ глазами пространство, отдѣлявшее еще насъ отъ береговъ Англіи.

«Въ одинъ памятный мнѣ вечеръ (мы прошли заливъ Бискайскій) Капитанъ корабля вдругъ позвалъ меня въ свою каюту, вышитъ съ нимъ стаканъ гроку. Сойдя въ каюту Капитана, я нашелъ его въ чрезвычайномъ смущеніи; послѣ нѣкотораго незначительнаго разговора, онъ наконецъ открылъ мнѣ безпокойшую его тайну. Голосъ Капитана обнаруживалъ, что душа его была тронута.

— Мнѣ не нужно говорить вамъ, Жакъ — сказала мнѣ Капитанъ — какого рода товарища имѣемъ мы на нашемъ корабль.

— Капитанъ! — отвѣчалъ я ему, съ большимъ равнодушіемъ — все это ни что иное, какъ шутка...

— Нѣтъ, нѣтъ, это не шутка! Онъ мнѣ сказалъ что онъ никогда *никогда* не оставитъ, и сдержалъ слово.

— Какъ?... — вскричалъ я съ видомъ удивленія.

— Вы — возразилъ Капитанъ — вы видите его только отъ времени до времени, но онъ всегда со мною, онъ никогда не выходитъ изъ глазъ моихъ... Вотъ, вотъ, Жакъ!... Теперь.... Смотрите!... въ эту самую минуту, я его вижу, здѣсь, за вами... —

«Капитанъ совершенно поблѣднѣлъ. Взоры его выражали такой ужасъ, который ничѣмъ не объяснимъ. Онъ всталъ въ чрезвычайномъ смущеніи.

— Нѣтъ! — сказалъ Капитанъ — я не могу долѣе переносить его присутствія: я долженъ оставить васъ. —

«Потомъ ходилъ онъ по каютѣ взадъ и впередъ, какъ будто избѣгая встрѣчи съ привидѣніемъ. На несвязныя, произносимыя имъ слова, я отвѣчалъ Капитану спокойно, желая утишить его волненіе моимъ мнимымъ невѣріемъ. Я говорилъ ему, что онъ долженъ успокоиться, что для него не было никакой возможности оставить корабль, что ему оставалось одно только приличное средство — плыть къ западу Франціи, или Ирландіи, выйдти тамъ на берегъ тайно, и оставить на мое попеченіе довести корабль до Ливерпуля. Но онъ съ страшнымъ видомъ качалъ головою, и какъ будто не слыша сказанныхъ ему мною словъ, повторилъ мнѣ:

— Я долженъ оставить васъ, Жакъ!

«Пронзена сіи слова, Капитанъ вдругъ остано-
вился, съ безпокойствомъ чловѣка, слушающаго
отдаленный шумъ, и спросилъ меня: не слышу ли
я шума на палубѣ? Въ странномъ положеніи, въ
какомъ находился корабль, всѣ служители корабля
были, такъ сказать, *на сторожѣ!* Вскожу съ по-
спѣшностью по лѣстницѣ кормы; ноги мои едва пе-
реступили послѣднюю ступень, какъ вдругъ шумъ,
произведенный паденіемъ какого-то тѣла въ воду,
поразилъ слухъ мой. Я содрогнулся, съ усиліемъ
обратилъ взоръ свой на бортъ корабля и увидѣлъ,
что Капитанъ нашъ бросился съ кормовой галереи
въ море. Въ ту самую минуту, когда несчастный
углублялся въ море, въ немъ примѣтно было отча-
янное усиліе; онъ въ половину приподнялся изъ воды,
и протянувъ ко мнѣ руку, вскричалъ:

— *My God!* Билль все еще со мною! —

«По произнесеніи сихъ словъ, Капитанъ былъ по-
глощенъ моремъ, и я, пораженный ужасомъ, упалъ
на колѣни.»

Много чудеснаго въ подобномъ повѣствованіи,
но почему же не допустить, что чловѣкъ въ
обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, можетъ приво-
дить въ дѣйствіе способности неестественныя до
такой степени, что чрезъ нихъ пріобрѣтаетъ сред-
ство удерживать, нѣкоторымъ образомъ, около
себя сонъ, ему представившійся, и тѣсно присоеди-
нить къ себѣ привидѣніе, подобно тому, какъ Пас-
каль измѣрялъ у ногъ своихъ пропасть? Паскаль
изнемогъ, не смотря на свой гений или, луч-
ше сказать, ради своего гения, подъ бременемъ
упорнаго кошмара. Мучительныя впечатлѣнія мо-
гутъ измѣнять нашу жизнь столь сильно, что увѣ-
рятъ насъ, будто существа внѣ-мірныя безпрестан-
но нисходятъ къ землѣ или возносятся къ небу.

Сей безпорядокъ покажется логическимъ въ по-
слѣдствіи сильнаго угрызенія, когда жертва не по-
лучила еще мщенія земнаго, и когда ея суще-
ствованіе, внезапно прерванное, не имѣло еще вре-
мени заживить ранъ ея. Такимъ образомъ въ пре-
смыкающемся животномъ, разрѣзанномъ въ куски,
жизнь проявляется въ издыханіи самыхъ мѣлкихъ
частей его. И какъ всякое нарушеніе законовъ при-
роды противодѣйствуетъ противъ его виновника,
то убійца получаетъ отбойный ударъ отъ чловѣка,
имъ умерщвленнаго, и ударъ губительно распро-
страняется по всей потрясенной организаціи. Отъ
того происходятъ ужасы, безпрестанно носящіеся
надъ виновнымъ; отъ того происходитъ предчувствіе
смерти, столь обыкновенное у важныхъ преступни-
ковъ.

Изъ всѣхъ животныхъ, въ чловѣкѣ сіе предвѣдѣ-
ніе проявляется всего слабѣе, и притомъ онъ ощу-
щаетъ его тогда только, когда онъ боленъ или ви-
повенъ. Сновидѣніе есть болѣзненное состояніе че-
ловѣка, какъ угрызеніе совѣсти. Когда тѣло и душа
находятся въ согласіи, когда органы ума и тѣла не-
вредимы — сновидѣній нѣтъ. Чловѣкъ начинаетъ
читать въ будущемъ, когда составъ его истоще-
вается. Если онъ одержимъ бываетъ припадками
нервическими, сновидѣнія его являютя болѣе пред-
знаменующими; чловѣкъ, страдающій подагрой,
ревматизмами, или другими какими хроническими
немощами, бываетъ болѣе чувствителенъ къ измѣ-
неніямъ воздуха, перемѣнамъ времени года, разли-
чіямъ климатовъ. Въ минуты скуки, дурнаго рас-
положенія ярава, или страданія, малѣйшая нево-
лность, случившаяся около насъ, малѣйшая невѣр-
ность въ тонѣ, малѣйшее несогласіе въ рѣчахъ
или движеніяхъ, насъ оскорбляютъ, раздражаютъ

и способны привести въ гнивь. Но при избыткѣ здоровья и спокойствіи совѣсти, предчувствія удаляются, какъ будто мы слишкомъ земны для ихъ развитія. ....

Великіе поэты тщательно проявили въ своихъ твореніяхъ свидѣтельства о чувствительности, болѣзненной у чловѣка, но здоровой для всей природы. Знаете ли вы что нибудь съ большимъ утонченіемъ разобранное въ области психологіи и предвозвѣщанія, какъ бредь, постепенно прорицательный, Валленштейна, по мѣрѣ, какъ онъ приближается къ перелому, заключившему драму его политики и романъ его жизни? Съ какимъ ученымъ приуготовленіемъ Шиллеръ выводитъ заблужденія героя, отъ сновидѣнія сраженія Люценскаго до его кабалистическаго монолога и музыкальныхъ привѣтговъ его дочери! Какъ непостижимая власть музыки надъ безпорядками мозговыми чудесно выражена въ романсѣ Теклы, подражаніи пѣснямъ Офеліи, которыя у Шекспира, посредствомъ той же науки, свойственной высокімъ гениамъ театра, съ такимъ искусствомъ послѣдуютъ за видѣніями Гамлета! Привидѣніе министра Оливареса въ Жилблазѣ есть изобрѣтеніе, достойное гениа Лесажа, и среди сего романа, гдѣ существенности жизни изображены столь естественно, чрезвычайно трогаетъ насъ положеніе чловѣка, ругавшагося надъ цѣлымъ міромъ, на подобіе Ришелье и Хименеса, умирающаго не отъ ига управленія, не отъ суетности богатствъ и почестей, ни даже отъ ослабленія жизненныхъ силъ, но единственно отъ того только, что какое-то привидѣніе, коему онъ не вѣритъ, безпрестанно находится предъ его глазами, неподвижное и неудобосвязаемое. Примѣръ, приведенный Лесажемъ, коему поводомъ могло служить какое либо происшествіе его

времени, обнаруживаетъ, какъ воображеніе способно убивать тѣло чловѣка, даже и тогда, когда фантастическіе ужасы не въ силахъ уничтожить его разсудка. Находятся ужасныя въ семь родѣ повѣствованія въ сборникѣ, составленномъ Вальтеръ Скоттомъ. Мы помѣщаемъ сіи повѣствованія, какъ пронасть Паскалеву и корабль Ливерпульскій, въ категорію предчувствія; ибо они кажутся намъ послѣдствіемъ поврежденія, неминуемо смертнаго, нетерпѣливимъ предвѣстіемъ разлуки, которую душа вскорѣ приуготовляетъ тѣлу. На основаніи сего, о безпрестанномъ видѣніи можно сказать тоже, что о зрѣмищѣ, при которомъ душа ваша присутствуетъ, тогда, какъ тѣло ваше находится отъ него въ отсутствіи. Сіи явленія, разрывистыя, но постоянныя, суть лучи области виѣмрной; они достигаютъ до вась просвѣтами, являющимися въ нашемъ болѣзненномъ мысленіи, и мы становимся тѣмъ болѣе лиссвидящими, чѣмъ болѣе жизненный симптомъ нашъ разрушается.

**ЗАПИСКА О НАБЛЮДЕНИЯХ НАДЪ МАГНИТ-
НОЮ СТРЕЛКОЮ, ПОСЛАННАЯ ЛЕЙБНИЦЕМЪ
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ *.**

Es ist bekannt, dass der Magnet an den meisten Orten nicht allerdings nach Norden weise, sondern gemeinlich etwas nach Osten oder Westen abweiche, und zwar an unterschiedenen Orten unterschiedlich.

Es findet sich auch noch eine Variation dabei, kraft deren sich solche Declination von Jahre zu Jahre überall in etwas verändert, und also von Zeiten zu Zeiten von neuem obserwirt werden muss.

Nun hat man zwar viel solche Observationes zur See auch in Frankreich, England, Deutsch- und Welschland zu Lande sie endwieder gemacht, es wird auch damit continuiret: aberes fehlen an noch solche Observationes von den Nordlichen Orten in Europa und Asia, deren Lücken vermittelst Anstalt in dem grossen Russischen Reich ersetzt werden könnten.

Wenn nun Seine Gross-Czaarische Majestet dazu Anstalt machen lassen wollten, würden Sie ein Grosses zu der Verbesserung der Schifffarth beitragen und allen Seefahrenden damit zu Statten kommen.

Denenjenigen, so die Declination des Magnets zu untersuchen hätte, könnte man zugleich andere Untersuchungen

* Драгоценная замѣтка гения, переданная другому гению, и показывающая, что и тогда занималъ уже ихъ вопросъ, столь многихъ занимающій въ наше время. Подлинникъ хранится въ Московскомъ Архивѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ другими записками и письмами Лейбница. *P. C. O.*

auftragen, so situm et naturalia regionem zu beschreiben dienen könnten, und die Prowinzen unter sie vertheilen.

Wen nun durch zusammengetragene Observationes zu See und Land verschiedener Nationen der meisten Orte Declination zu einer gewissen Zeit, als z. e. im Jahr 1718 bekommt, könnte man solche auf einen Globum und auf Seekarten tragen, und die magnetischen Linien zeichnen, also dass eine Linie gehe durch alle Oerter einer Declination als nämlich da der Magnet jetzo gar nicht, oder um ein, zwei, drei Grad etc. nach Westen oder Osten declinirt.

Derjenige nun, der in der See ist, und zweierlei beobachtet, erstlich die Latitudinem oder Höhe des Poli, vors andere die Declination des Magnets, darf nur auf dem magnetischen Globo die Linie suchen, wo der Magnet die gefundene Declination hat, und solcher Linie folgen bis an die Stelle, wo sie unter die gegenwärtige elevationem poli kömmt, so hat er die Stelle, da er sich befindet.

Solches könnte demnach dienen pro succedaneo longitudinem. Denn obschon die Declination sich verändert, dennoch, wenn durch beständige Anstalt sowohl Sr. Gross-Czaarischen Majst. als auch andere Potenzen, absonderlich England, Holland und Frankreich solche Observationes von Zeiten zu Zeiten erneuert wurden, so dürften nur etwa alle 5 oder 6 Jahr neue magnetische Carten oder Globi gemacht werden, welche solche Zeit über dienen könnten. Und also wurde es fast eben so gut sein als wenn das arcanum longitudinum ausgefunden wäre. Und gleichwie der Kalender nur auf ein Jahr dient, würden solche Carten auf 5 oder 6 Jahre Vergnügung leisten.

Und ist kein Zweifel, dass mit der Zeit in der Veränderung selbst sich eine gewisse Ordnung zeigen und die Posterität endlich zu einer nähern Erkenntniss dieses Geheimnisses gereichen wurde, dass man nicht mehr so oftmalige neue Observationes zu machen nöthig hätte, sondern endlich die Veränderung ziemlich vorher sehen könnte, auf welchen Fall das längst gesuchte Problema longitudinum seine gewünschte solution erlangen wurde.

Weilen auch schliesslich unlängst im Parlement von

Gross-Britannien wegen der longitudinum eine gewisse Resolution genommen, so wäre vielleicht dienlich, dass diessfalls mit Königlicher Majestät zu Gross-Britannien eine gewisse Unterhandlung gepflogen wurde, welches, da es Sr. Gross-Czaarischen Majst. allergnädigsten intention gemäss sein sollte, vermittelt des Staats-Secretarie, Hr. Stanhope, welche vermutlich mit S. Königlichen Majst. herauskommen wird, durch mich geschehen konnte.

Извѣстно, что магнитъ во многихъ мѣстахъ указываетъ не только на сѣверъ, но обыкновенно уклоняется нѣсколько и на востокъ, или западъ, въ различныхъ мѣстахъ различнымъ образомъ.

При томъ есть еще одно измѣненіе, черезъ которое уклоненіе сіе каждый годъ повсюду нѣсколько перемѣняется, и потому-то надобно его, отъ времени до времени, наблюдать снова.

Хотя такихъ наблюденій много сдѣлано, какъ на морѣ, такъ и на землѣ, во Франціи, Англіи, Германіи и Италіи, во многихъ мѣстахъ, что и будетъ еще продолжаемо, но таковыхъ недостаетъ въ Сѣверныхъ странахъ Европы и Азіи. Недостатокъ сей могло бы пополнить особенное распоряженіе въ великомъ Россійскомъ государствѣ.

Еслибы Его Велико-Царскому Величеству угодно было сдѣлать таковое распоряженіе, то Царь весьма много способствовалъ бы тѣмъ улучшенію кораблеплаванія и сдѣлалъ бы желаемое всімъ мореходами. Тѣмъ, которые занимались бы изслѣдованіемъ уклоненій магнита, можно было бы поручать и другія изслѣдованія, какъ то, описывать *situm et naturalia regionum*, и назначить для изысканій каждаго особую провинцію.

Если совокупныя наблюденія уклоненій, произведенныя на морѣ и на землѣ различными народами во

многихъ мѣстахъ получатся въ извѣстное время, напримѣръ въ 1718 году, то можно будетъ перенести ихъ на глобусъ и на морекія карты, и означить магнитныя линіи, такъ, что одна линія пройдетъ по всімъ мѣстамъ одного уклоненія, а именно тамъ, гдѣ магнитъ совсѣмъ не уклоняется, или уклоняется на одинъ, на два, на три градуса, и т. д., къ западу или къ востоку.

Путешествующій на морѣ дѣлаетъ двоякія наблюденія: первое, наблюдаетъ широту или возвышеніе полюса, второе уклоненія магнита; тогда ему надобно будетъ только отыскать на магнитномъ глобусѣ ту линію, гдѣ магнитъ имѣетъ найденное склоненіе, и слѣдовать по той линіи до того мѣста, гдѣ сходится она съ настоящимъ возвышеніемъ (мѣстопробываніемъ путешествующаго), и онъ отыщетъ мѣсто, въ которомъ находится.

Это могло бы сверхъ того служить *pro succedaneo longitudinem*, ибо хотя уклоненія измѣняются, однакоже еслибъ чрезъ постоянное распоряженіе Его Велико-Царскаго Величества и другихъ властей, особенно же Англіи, Голландіи и Франціи, таковыя наблюденія были отъ времени до времени возобновляемы, то стоило бы только чрезъ каждыя 5 или 6 лѣтъ дѣлать новыя магнетическія карты, или глобусы, которые на то время и могутъ служить, что было бы почти тоже, что найти *arcuum longitudinum*. Календарь служить только на одинъ годъ, а такими картами можно было бы довольствоваться 5 или 6 годовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современемъ въ самомъ измѣненіи откроется извѣстный порядокъ, и потомство наконецъ дойдетъ до близкаго извѣданія сей тайны; уже не нужно будетъ столь часто возобновлять наблюденій, и напротивъ можно будетъ нѣкоторымъ образомъ предвидѣть из-

мѣненіе. Такимъ образомъ давно искомая problema longitudinum получить желаемое рѣшеніе.

Поселику и въ Великобританскомъ Парламентѣ недавно принято окончательное рѣшеніе касательно longitudinum, то можетъ быть полезно было бы по сему случаю войти въ нѣкоторыя сношенія съ Его Великобританскимъ Величествомъ, если только сіе согласно со всемилостивѣйшимъ намѣреніемъ Его Высоко-Царскаго Величества. Это могло бы совершиться чрезъ меня, при посредствѣ Статсъ-Секретаря г-на Стангона, и, вѣроятно, получило бы соизволеніе Его Королевскаго Величества.

=

ПОСЫЛКА ВЪ МОЖАЙСКЪ ОТЪ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА, СЪ ЦАРСКИМЪ ЖАЛОВАНЫЕМЪ, ВЪ 1618 ГОДУ.

Юля въ 30-й день 7126 года писалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всей Русіи изъ Можайска Бояринъ и Воевода Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ съ товарищи, что Юля въ 29 день приходили подъ Можайскъ изъ подъ Борисова Городища Королевичъ и Гетманъ со многими Польскими и съ Литовскими людьми, и они, прося у Бога милости, изъ острога противъ Литовскихъ людей выходили и съ Литовскими людьми бились, и Литовскихъ людей отъ Можайска отбили и языки понмали, а иныхъ побил.

И Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всея Русіи указалъ послати въ Можайскъ съ своимъ Государевымъ жаловальнымъ словомъ къ Боярину къ Князю Борису Михайловичу Лыкову съ товарищи, и къ дворянамъ, и ко всемъ ратнымъ людямъ Стольника Василья Артемьева сына Измайлова.

И по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Федоровича всея Русіи указу, въ Можайскъ съ жаловальнымъ словомъ къ Боярину къ Князю Борису Михайловичу Лыкову съ товарищи, и къ всей рати, Стольникъ Василій Измайловъ посланъ, а наказъ ему данъ таковъ :

« Лета 7126 - го Юля въ 1 день, Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всея Русіи велѣлъ Стольнику Василью Артемьевичу Измайлову ѣхати въ Можайскъ съ своимъ Государевымъ жаловальнымъ словомъ къ Боярину и

къ Воеводѣ къ Князю Борису Михайловичу Лыкову съ товарищи, и къ Дворянамъ и ко всемъ ратнымъ людямъ, которые пшѣ на Государевъ службѣ въ Можайскѣ съ Боириномъ съ Княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ. И Столинику Василью Артемьевичу Измайлову, прихавъ въ Можайскъ, идти въ связную избѣ къ Боирину и къ Воеводѣ къ Князю Борису Михайловичу Лыкову, да тутъ же велѣти быти къ связней избѣ Головамъ Сотеннымъ, и Дворянамъ, и Дѣтямъ Болрскимъ, и Головамъ, и Сотникамъ, и Атаманамъ, и Ясауламъ, и казакамъ, и стрѣльцамъ и всякимъ ратнымъ людямъ, а какъ сойдутся, и Столинику Василью Измайлову говорить отъ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Оедоровича всея Русіи Боирину и Воеводѣ Князю Борису Михайловичу Лыкову съ товарищи рѣчь: «Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Оедоровичъ всея Русіи велѣть тебѣ Боирину и Воеводу Князю Борису Михайловича съ товарищи спросити о здоровьѣ: здоровыль еси на его Царской службѣ? А послѣ того говорити:

«Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Оедоровичъ всея Русіи Самодержецъ велѣть тебѣ Боирину и Воеводу Князю Борису Михайловичу съ товарищи говорити: писали есте къ Намъ, что Королевичъ и Гетманъ со многими Польскими и съ Литовскими людьми приходили подъ Можайскъ, Июля въ 29 день, и ты, прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи, изъ острога противъ Литовскихъ людей выходилъ и съ Литовскими людьми бился, и бой былъ съ Литовскими людьми свалной, и Литовскихъ людей отъ Можайска отбили и языки поймали, а пшѣхъ побили, а которые пшѣіе люди позавалилися было по-за церковью, и тѣхъ изъ церкви и изъ садовъ выбили вонъ. И Королевичъ и Гетманъ, видя изрощъ надъ Литовскими людьми, изъ подъ Можайска пошли на станы къ Борисову Городищу, и то сдѣлаось милостью Божіею и Пречистыя Богородицы помощію и всехъ Святыхъ молитвами, а службою и промысломъ, и крѣпкостоятельствомъ и радѣньемъ твоимъ Боирину Нашего и Воеводу Князя Бориса Михайловича съ товарищи. И вы бѣ, будучи на Нашей службѣ, и впередъ Намъ служили, и прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи, надъ Королевичемъ и надъ Гетманомъ, и надъ Литовскими людьми нашимъ дѣломъ промыслили, сколько Богъ

помощи подасть, и какъ тебѣ Богъ вразумитъ, а какъ будешь на Москвѣ и увидишь образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія и Наши Царскія очи, и Мы тебѣ за твою службу пожалуемъ Нашимъ великимъ жалованьемъ.»

А послѣ того спросити о здоровьи Головъ Сотенныхъ, и Дворянъ, и Дѣтей Болрскихъ, и Атамановъ, и казаковъ, и иноземцевъ Литву и Нѣмецъ и Татаръ, и стрѣльцовъ, и всякихъ служилыхъ людей, а молвити: «Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Оедоровичъ всея Русіи Самодержецъ, жалуючи васъ Головъ Сотенныхъ, и Дворянъ, и Дѣтей Болрскихъ, и Атамановъ, и Ясауловъ, и казаковъ, и стрѣльцовъ, и иноземцевъ, и всякихъ ратныхъ служилыхъ людей велѣть васъ спросити о здоровьѣ. Здоровыль есте на Его Государевъ службѣ?»

А спрося о здоровьѣ говорити Головамъ Сотеннымъ, и Дворянамъ, и Дѣтямъ Болрскимъ, и Атаманамъ, и Ясауламъ, и казакамъ, и стрѣльцамъ, и всякимъ ратнымъ людямъ: «Писалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Оедоровичу всея Русіи изъ Можайска Боиринъ и Воевода Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, что Июля въ 29 день приходилъ подъ Можайскъ Королевичъ и Гетманъ со многими Польскими и съ Литовскими людьми и снарядомъ, и Боиринъ и Воевода Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи, вышелъ изъ острога съ вами съ Дворяны, и съ Дѣтьми Болрскими, и съ Атаманы, и съ Ясаулы, и съ казаки, и съ стрѣльцы, и со всеми ратными людьми, съ Литовскими людьми бился, и бой былъ съ Литовскими людьми свалной большой, и Литовскихъ людей отъ Можайска отбили и языки поймали, а пшѣхъ побили, а которые пшѣіе люди позавалилися было по-за церковью, и тѣхъ изъ церкви и изъ садовъ выбили вонъ. И Королевичъ и Гетманъ, видя изрощъ надъ Литовскими людьми, изъ Можайска пошли на станы къ Борисову Городищу, и то сдѣлаось милостью Божіею и Пречистыя Богородицы помощію, а службою и промысломъ, и крѣпкостоятельствомъ и радѣньемъ Боирину нашего и Воеводу Князя Бориса Михайловича Лыкова, и васъ Дворянъ, и Дѣтей Болрскихъ, и иноземцевъ, и Атамановъ, и Ясауловъ, и казаковъ, и стрѣльцовъ, и всякихъ ратныхъ людей крѣпкою службою и дородствомъ, и вы бѣ, исполняя свою къ Намъ службу, и впередъ Намъ служи-

ли, со враги нашими съ Литовскими людьми билися, сколько Богъ помощи подасть, а Мы насъ, за вашу великую службу и дородство пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ.»

А изговоръ рѣчь и спрося о здоровьѣ Боярина Князя Бориса Михайловича Лыкова съ товарищи, и Головъ Сотенныхъ, и Дворянъ, и Дѣтей Боярскихъ, и всякихъ ратныхъ людей, ѣхати къ Государю къ Москвѣ.

—

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

АБУКИРСКАЯ БИТВА

I.

Въ Англіи узнали въ одно время, что значительное вооруженіе готовится въ Тулонѣ, Брестѣ, Генуѣ, Чивита-Веккии, что Испанская эскадра въ Кадиксѣ вооружается поспѣшно, и что многочисленныя лагеря образуются на Шельдѣ, берегахъ Ла-Манша, Нормандіи и Бретани. Наполеонъ, назначенный главнокомандующимъ войска, назначеннаго въ Англію, объѣзжалъ все берега Океана и останавливался во всехъ портахъ. Онъ собралъ около себя въ Парижѣ все, что оставалось изъ прежнихъ морскихъ офицеровъ, всехъ, кто приобрѣлъ себя имя въ Американской войнѣ, какъ-то: Бугора, Мариньи, и проч. — Они не оправдали своей извѣстности. — Соглашенія, какія имѣла Франція съ соединенными Ирландцами, не могли быть столь скрытны, чтобы Англійское Правительство чего нибудь объ нихъ не узнало. — Первое мнѣніе Сенъ-Джемскаго Кабинета

* Сочиненіе Наполеона, изъ его Mémoires, диктованныхъ на островѣ Св. Елены генералу Гурго. См. Сынъ Отеч. кн. III, отд. 6, стр. 50. Т. VIII. — Олд. III. 8

было, что все готовится против Англии и Ирландии, и что Франция хочет воспользоваться миромъ, возстановленнымъ на твердой землѣ Европы, и окончить продолжительную борьбу битвою грудъ съ грудью. Кабинетъ С. Джемскій думалъ, что вооруженія, производимыя въ Италіи, дѣлаются только для отвлеченія его вниманія; что Тулонскій флотъ пройдетъ черезъ Гибралтарскій проливъ, и соединится въ Кадиксъ съ Испанскимъ флотомъ; что они вмѣстѣ прійдутъ къ Бресту, и переправятъ одно войско въ Англию, а другое въ Ирландію. Въ такой неизвестности, Англійское Адмиралтейство удорожствовало снаряженіемъ, съ большою поспѣшностью, новой эскадры, и только что узнали объ отбытіи Наполеоновоу изъ Тулона, отправили адмирала Роджера, съ десятию военными кораблями, подкрѣпить Англійскую эскадру передъ Кадиксомъ, которою начальствовалъ адмиралъ лордъ Сентъ-Винцентъ, при семъ подкрѣпленіи имѣвшій отъ 28-ми до 30 кораблей. Другая эскадра, равной силы, была передъ Брестомъ.

Адмиралъ Сентъ-Винцентъ держалъ въ Средиземномъ морѣ легкую эскадру изъ трехъ кораблей, плававшую между берегами Испаніи, Прованса и Сардиніи, для собранія свѣдѣній и наблюденія надъ водами сего моря. Мая 24-го, Адмиралъ отделилъ еще десять кораблей, и послалъ ихъ отъ Кадикса въ Средиземное море, съ повелѣніемъ присоединиться къ тѣмъ, которымъ начальствовалъ тамъ Нельсонъ, и такимъ образомъ составилъ ему флотъ изъ тринадцати кораблей, для блокады Тулона и преслѣдованія Французской эскадры, если она уже вышла оттуда. Лордъ Сентъ-Винцентъ остался передъ Кадиксомъ, съ восемнадцатью кораблями, для наблюденія надъ Испанскимъ флотомъ, особенно опасаясь, чтобы Тулонскій не ускользнулъ отъ Нельсона и не прошелъ Гибралтарскимъ проливомъ.

Изъ наставленій, какія сей Адмиралъ послалъ къ Нельсону, въ послѣдствіи напечатанныхъ, видно, что онъ все предвидѣлъ, исключая экспедиціи противъ Египта. Случай, если Французская экспедиція пойдетъ въ Бразилію, въ Черное море, въ Константинополь, были означены. — Больше 150,000 человѣкъ Французскаго войска стояли лагерями по берегамъ Океана, и производили безпрерывныя тревоги и движенія во всей Англии.

II.

Нельсонъ, съ тремя кораблями, отдѣленными прежде отъ лорда Сентъ-Винцента, крейсировалъ между Корсикою, Провансомъ и Испаніею. Ночью 19-го мая, онъ потерпѣлъ отъ порыва вѣтра, повредившаго его корабль и изломавшаго мачту на томъ, гдѣ самъ онъ находился. Онъ принужденъ былъ думать объ исправленіи, хотѣлъ остановиться въ Сардиніи, въ заливѣ Остандскомъ, но не могъ туда понасть, достигъ рейды на островахъ Св. Петра и исправилъ тамъ поврежденія.

Въ ту же самую ночь, мая 19-го, эскадра Французская отправилась изъ Тулона. Юня 10-го, она пришла къ Мальтѣ, обогнувъ мысъ Корсиканскій и мысъ Бонара. Нельсонъ присоединилъ къ себѣ десять кораблей, посланныхъ отъ лорда Сентъ-Винцента, и получивъ начальство надъ сею эскадрою, закрейсировалъ передъ Тулономъ, 1-го юня. Онъ не зналъ еще, что эскадра Французская уже вышла отсюда. Юня 15-го обозрѣлъ онъ рейду Таліамонскую на Тосканскихъ берегахъ, предполагая тамъ мѣсто соединенія Французской экспедиціи. Юня 20 явился онъ передъ Неаполемъ. Тутъ его извѣстило Правительство, что Французская эскадра сдѣлала высадку въ Мальтѣ, и что посланникъ республики Гара давалъ разумѣть о назначеніи экспедиціи въ Египетъ. Нельсонъ прибылъ 22-го передъ Мессину. Въсть,

что эскадра Французская овладела Мальтою, была ему подтверждена; онъ узналъ также, что эскадра направилась потомъ на Кандію. Тотчасъ прошелъ онъ Мессинскимъ фаромъ и пустился къ Александріи, куда прибылъ 29-го іюля.

Первое извѣстіе объ Англійской эскадрѣ въ Средиземномъ Морѣ передано было эскадрѣ Французской на высотахъ мыса Бонара, кораблемъ, попавшимся на встрѣчу, и 25-го, когда эскадра опознала берега Кандіи, къ ней присоединился фрегатъ *Правосудіе*, крейсировавшій передъ Неаполемъ. Онъ положительно сказалъ о бытіи Англійской эскадры на водахъ Средиземнаго моря. Наполеонъ приказалъ тогда, вмѣсто направленія прямо на Александрію, маневрировать и пристать къ Африкѣ близъ мыса Азе, въ 25-ти мѣ отъ Александріи, не являясь къ сему городу, пока не получатся новыя свѣденія. Іюня 29 завидѣли Африканскій берегъ и мысъ Азе. Нельсонъ прибылъ тогда къ Александріи, и ничего не узнавши тамъ объ эскадрѣ Французской, направился на Александретту и Родосъ. Онъ обошелъ потомъ острова Архипелага, заглянулъ въ Адриатическій заливъ, и принужденъ былъ остановиться, 18-го іюля, въ Сиракузахъ; надобно было заготовить водою. Отправившись изъ Сиракузъ 28-го, остановился онъ близъ мыса Коронскаго, оконечности Морей. Тамъ только узналъ онъ, что Французская армія съ мѣсяцъ тому вышла на Египетскій берегъ. Онъ предполагалъ, что эскадра Французская уже воротилась въ Тулонъ, но направился на Александрію, желая дать положительный отчетъ своему Правительству, и оставить передъ симъ городомъ необходимыя силы для блокады.

III.

Эскадра Французская, при выходѣ изъ Тулона, состояла въ 13-ти линейныхъ корабляхъ, 6-ти фре-

гатахъ и 12-ти бригахъ, корветтахъ и ботахъ (*avisos*). Эскадра Англійская была изъ 13-ти кораблей, одинъ въ 50, всѣ другіе въ 74 пушки. Они были вооружены весьма паскоро и очень плохи. Фрегатомъ у Нельсона не было. Въ эскадрѣ Французской былъ одинъ корабль въ 120, три въ 80 пушекъ. Конвой, изъ нѣсколькихъ сотъ парусовъ, находился подъ прикрытіемъ сей эскадры, и особенно подъ защитою двухъ кораблей 64-хъ-пушечныхъ, четырехъ фрегатомъ 18-ти-пушечныхъ, Венеціанской постройкн, и 20-ти бриговъ и ботовъ. Пользуясь большимъ числомъ легкихъ судовъ, эскадра Французская разсыпалась далеко для развѣдыванія, такъ, что конвою нечего было бояться, и онъ могъ, если бы только завидѣли непріятеля, взять приличную позицію и остаться удаленнымъ отъ битвы. На каждомъ Французскомъ кораблѣ находилось по 500 старыхъ солдатомъ, и между ними по ротѣ сухопутной артиллеріи. Весь мѣсяцъ послѣ отбитія, по два раза въ день, учили высадное войско управляться съ пушками. На каждомъ военномъ кораблѣ были генералы, люди съ характеромъ, привычныя къ огню, пріученные къ случайностямъ войны.

Предположеніе встрѣчи съ Англичанами было предметомъ всѣхъ разговоровъ. Капитаны кораблей имели на сей случай приказъ: почитать непремѣннымъ и постояннымъ сигналомъ принятіе участія въ битвѣ и подкрѣпленіе товарищей.

Эскадра Нельсонова была одна изъ самыхъ плохихъ, какія Англія отправляла въ море въ послѣднее время.

IV.

Французская эскадра получила приказъ войти въ гавань Александрійскую, что было необходимо для арміи и дальѣйшихъ предпріяній главнокомандующаго. Когда Турецкіе лоцманы объявили, что не-

могут вести въ старый портъ 74-хъ-пушечныхъ, и еще болѣе 80-ти-пушечныхъ кораблей, изумленіе было немалое. Капитанъ Барре, отличный морской офицеръ, которому вѣрно провѣрить проходы, положительно объявилъ противное. Корабли 64-хъ-пушечные и фрегаты могли идти безъ труда, но Адмиралъ и многіе морскіе офицеры упорствовали въ мысли, что надлежало сдѣлать новую повѣрку, не подвергая еще опасности всей эскадры. Какъ на военныхъ корабляхъ была артиллерія и армейская амунниція, и вѣтеръ былъ крѣпокъ, Адмиралъ предложилъ перевезти все въ Абукиръ, объявляя, что на то достаточно 36-ти часовъ, между тѣмъ, какъ ему надобно было пять, шесть дней для сей операціи, оставаясь подъ парусами.

Отправясь изъ Александріи противъ Мамелюковъ, Наполеонъ подтвердилъ Адмиралу приказъ войти въ портъ Александрійскій, и въ случаѣ, если найдеть исполненіе невозможнымъ, отправиться въ Корфу, гдѣ получить изъ Константинополя приказъ Французскаго министра Талейрана, а если приказъ замедлится, долженъ отправиться изъ Корфу въ Тулонъ.

Эскадра могла войти въ старый Александрійскій портъ. Было извѣстно, что входъ туда безопасенъ для корабля, который беретъ воды 21 футъ. Корабли 74-хъ-пушечные берутъ 23 фута, следовательно, надобно было только облегчить ихъ на два фута; 80-ти-пушечные берутъ 24½ фута, и ихъ стоило облегчить на 3½ фута, и наконецъ, корабль трехпалубный, забирая воды 27 футовъ, долженъ былъ облегчиться на 6 футовъ. Облегченіе могли сдѣлать весьма легко, сбросивши въ море воду, либо убавивши артиллерію. Корабль 74-хъ-пушечн. можетъ облегчиться до ..., снявши только воду и провизію, а ...-хъ-пушечный, прибавя къ такой сѣмкѣ артиллерію. Такое средство было Адмиралу предлагаемо

морскими офицерами. Онъ отвѣчалъ, что еслибы всѣ 13-ть кораблей были 74-хъ-пушечные, онъ употребилъ бы его, но что имѣя одинъ корабль въ 120 пушекъ и три по 80-ти, онъ подвергается опасности, однажды зашедши въ портъ, не быть уже въ состояніи оттуда выйдти, и подвергнуться блокадѣ 8-ми, или 9-ти Англійскихъ кораблей, ибо невозможно будетъ ему поставить три 80-ти-пушечные и *Востокъ*, такъ, чтобы можно было имъ сражаться, если ихъ доведутъ до облегченія, при которомъ могутъ они пройти въ гавань. Неудобство само по себѣ было небольшое. Вѣтры, дующіе въ тамошнихъ водахъ, дѣлаютъ невозможную строгую блокаду, и достаточно было эскадрѣ сутками предупредить неприятеля выходомъ изъ порта, послѣ чего она могла дополнить свое вооруженіе. Впрочемъ, и еще оставалось весьма естественное пособіе: надлежало построить въ Александріи четыре полу-каmeli, способныя дать 2 фута 80-ти-пушечному и 4 фута 120-ти-пушечному кораблю. Устройство такихъ четырехъ камелей, для пособія столь неважнаго, не требовало большаго труда. *Риволи*, построенный въ Венеціи, вышелъ совсѣмъ вооруженный изъ Маломоко на камели, которая подняла его на 7 фут., такъ, что онъ бралъ воды только 16 футовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ выхода, онъ превосходно дрался противъ Англійскаго корабля и корветты. Въ Александріи были корабли, фрегаты, 400 перевозныхъ судовъ, что давало всѣ матеріалы, какіе были потребны. Морскихъ инженеровъ было тамъ довольно, и между прочими былъ Леруа, цѣлую жизнь свою проведшій на верфяхъ.

Когда комиссія, назначенная для провѣрки донесенія капитана Барре, кончила свое дѣло, Адмиралъ послалъ отчетъ ея къ главнокомандующему. Но онъ не могъ достигнуть во время для полученія отвѣта: сообщенія были прерваны на цѣлый мѣсяцъ,

до взятія Каира. Еслибы главнокомандующій получил донесеніе, онъ подтвердилъ бы приказъ войти въ портъ, облегчивъ корабли, и предписалъ работы въ Александріи, необходимыя для выхода эскадры. Наконецъ, когда Адмиралъ имѣлъ приказъ, на случай, если нельзя войти въ портъ, отправиться въ Корфу, онъ былъ уже самъ судьей и ответчикомъ въ своемъ дѣлѣ. Въ Корфу находился сильный гарнизонъ Французскій и были магазины сухарей и мяса на полгода; Адмиралъ могъ подойти къ берегамъ Албаніи, откуда получили бы припасы, и въ заключеніе его инструкціи давали ему свободу отправиться оттуда въ Тулонъ, гдѣ собралось пять, или шесть тысячъ человекъ, принадлежавшихъ къ полкамъ, находившимся въ Египтѣ. То были солдаты, пришедшіе изъ отпусковъ, выбывшіе изъ госпиталей, и различныя команды, пришедшія на мѣсто послѣ отбитія экспедицій.

Брюейсъ ничего не сдѣлалъ; онъ забрался на Абукирскую рейду и послалъ въ Розетту, требовать сарацинскаго пшена и запасовъ. Думали потомъ различно о причинахъ, заставившихъ Адмирала упорно оставаться на негодной Абукирской рейдѣ. Нѣкоторые полагали, что утвердившись въ невозможности ввести свою эскадру въ Александрію, онъ желалъ, прежде оставленія сухопутной арміи, быть увѣреннымъ во взятіи Каира, и остался потомъ спокойнымъ касательно позиціи войскъ. Брюейсъ былъ очень привязанъ къ главнокомандующему; сообщенія были пресѣчены, и, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, распространились самыя непріятныя слухи о судьбѣ войска. Между тѣмъ, Адмиралъ узналъ о битвѣ при Пирамидахъ и торжественномъ вступленіи Французовъ въ Каиръ 29-го іюля. Кажется, что прождавши цѣлый мѣсяцъ, онъ хотѣлъ еще подождать нѣсколько дней и получить прямо извѣстія отъ главнокомандующаго. Поведавія, какія имѣлъ Ад-

миралъ, были положительны, и всѣ нечисленныя побужденія недостаточны были оправдать его поведеніе. Онъ не долженъ былъ, ни въ какомъ случаѣ, оставаться въ позиціи, гдѣ эскадра его не была безопасна. Онъ согласилъ бы даже и заботливость, какую причиняли ему ложныя слухи объ арміи, съ тѣмъ, чѣмъ долженъ онъ былъ безопасности своей эскадры, но только крейсируя между берегами Египта и Караманіи, и посылая за свѣдѣніями въ Даміетту, или на другой пунктъ, откуда могъ онъ получать извѣстія изъ арміи и Александріи.

V.

Коль скоро Адмиралъ выгрузилъ артиллерию, и то, что принадлежало сухопутной арміи, а это было для него дѣломъ сорока восьми часовъ, онъ долженъ былъ поднять якоря и держаться на парусахъ, ожидая ли онъ новыхъ свѣдѣній для входа въ портъ Александрійскій, ждалъ ли извѣстій изъ арміи, прежде оставленія Египетскаго моря. Но онъ совершенно ошибся въ своей позиціи. Много дней употребилъ онъ, выправляя свою линію кораблей; уперся лѣвымъ крыломъ своимъ въ маленькій островокъ Абукиръ, и почитая его неприступнымъ, поставилъ тамъ самыя плохіе свои корабли, *Востокъ* и *Завоеватель*. Послѣдній былъ самый старшій изъ всей эскадры, и имѣлъ на нижней баттарѣ своей только 18-тифунтовья срудія. Адмиралъ занялъ островокъ и поставилъ тамъ баттарю изъ двухъ 12-ти-фунт. пушекъ. Въ центрѣ помѣстилъ онъ свои лучшія суда: *Востокъ*, *Франклинъ*, *Гремлющій*, а на краю праваго крыла одинъ изъ лучшихъ и изъ всей эскадры лучше другихъ управляемый. Опасаясь за свое правое крыло, онъ подкрѣпилъ его *Вильгельмомъ Теллемъ*, своимъ третьимъ 80-ти-пушечнымъ кораблемъ.

В сей позиціи, Брюейсъ не боялся быть атакованнымъ съ лѣваго крыла, опиралъ его на островъ, и больше страшился за правую сторону. Но онъ забылъ, что если непріятель пустится на него, онъ проигрываетъ вѣтеръ. Въ семь случаевъ, кажется, что намереніе Брюейса было двинуться самому съ своимъ центромъ и лѣвымъ крыломъ. Онъ почиталъ свою лѣвую сторону столь безопасно отъ всякой атаки, что не полагалъ даже необходимымъ защитить ее огнемъ съ островка. Слабая батарея, тамъ поставленная, имѣла целью только не допустить непріятеля до высадки на островокъ. Еслибы Адмиралъ лучше зналъ свое положеніе, онъ поставилъ бы на островкѣ 20-ть 36-ти-фунтовыхъ пушекъ, и 8-мь, либо 10 мортиръ, утвердилъ подъ ними лѣвое крыло свое, вызвалъ изъ Александріи два 64-хъ-пушечные корабля, составлявшіе въ такомъ случаѣ двѣ превосходныя пловучія батареи, которыя, забирая воды менѣе другихъ судовъ, могли бы больше приблизиться къ островку; наконецъ, взялъ бы изъ Александріи 3000 конвойныхъ матрозовъ, которыхъ распредѣлилъ бы по судамъ и тѣмъ усилилъ экипажи. Правда, онъ прибѣгнулъ къ послѣднему пособію, но только въ рѣшительныя мгновенія, когда дѣло уже завязалось, такъ, что его распоряженіе умножило только безпорядокъ. Адмиралъ вполне былъ ослѣпленъ увѣренностью въ силу своей боевой линіи.

VI.

Послѣ Романігской битвы, Баирскіе Арабы пресѣкли все сообщенія между Александріею и арміею; только послѣ извѣстія о битвѣ при Пирамидахъ и взятіи Каира, страшась мщенія Французской арміи, они покорились. Юля 27-го, наканунѣ своего вступленія въ Каиръ, Наполеонъ получилъ въ первый разъ депеши изъ Александріи и донесенія Адмирала. Удивленіе его было немалое, узнавши, что

эскадра Французская не была безопасна, не находилась ни въ портѣ Александрійскомъ, ни въ Корфу, ни на пути въ Тулонъ, но стояла на Абукирской рейдѣ, выставленная на атаку превосходному въ силахъ непріятелю. Онъ отправилъ изъ арміи своего адъютанта Жюльена къ Адмиралу, извѣщая его все свое неудовольствіе, и предписывая немедленно сняться, войти въ Александрію или идти въ Корфу. Онъ напоминалъ ему, что основанія морскаго искусства запрещаютъ принимать битву въ открытой рейдѣ. Эскадронный командиръ Жюльенъ похвально 27-го, въ 7-мь часовъ вечера, и не могъ прибыть ранѣе 3-го, или 4-го Августа. Битва была съ 1-го на 2-е. Посланный офицеръ достигъ до Тераме; здѣсь Арабскій отрядъ напалъ на джерму (лодку), въ которой онъ плылъ, и храбрый молодой воинъ былъ убитъ, отважно защищая врученныя ему депеши, важность коихъ онъ зналъ хорошо.

VII.

Адмиралъ Брюейсъ остался бездѣйствующимъ въ плохой позиціи, въ какую онъ себя поставилъ. Англійскій фрегатъ, дней за двадцать отдѣленный отъ эскадры Нельсона, и искавшій ее, явился передъ Александріею, отправился къ Абукиру, осматривалъ всю линію Французскую и исполнилъ безнаказанно свое обозрѣніе: ни одинъ корабль, ни одинъ бригъ, ни одинъ фрегатъ Французскій не были подъ парусами. Между тѣмъ Адмиралъ имѣлъ больше 30-ти легкихъ судовъ, которыми могъ покрыть море; все они стояли на якоряхъ. Основныя правила войны требовали отъ него, чтобы со всею эскадрою былъ онъ на парусахъ, каковы бы ни были его послѣдующія расположенія. Но, по крайней мѣрѣ, долженъ онъ былъ держать подъ парусами легкую эскадру, изъ двухъ, трехъ кораблей военныхъ, и восьми, или десяти фрегатовъ, либо ботовъ, чтобы препятствовать

всякому легкому Английскому судну наблюдать его, и быть самому уведомленнымъ впередъ о прибытіи непріятеля. — Роковое опредѣленіе судебъ увлекло его!

VIII.

Юля 31-го, Нельсонъ отбѣлилъ два изъ своихъ кораблей, и они осмотрѣли всю линію Французскую, никѣмъ нетревожимыя. Августа 1-го явилась Английская эскадра, около 3-хъ часовъ по полудни, на полныхъ парусахъ. Она воспользовалась вѣтромъ, постоянно дующимъ въ то время года. Адмиралъ Брюейсъ обѣдалъ; часть экипажей была на берегу; приготовленій къ битвѣ не сдѣлали ни на одномъ корабль. Адмиралъ немедленно далъ сигналъ готовиться къ бою. Онъ отправилъ офицера въ Александрію, требуя конвойныхъ матрозовъ, и вскорѣ далъ сигналъ быть готовыми вступать подъ паруса, но непріятельская эскадра прибыла такъ быстро, что едва имѣли время изготвиться къ бою, и приготовленія произвели весьма небрежно. Даже на *Востокъ*, гдѣ былъ самъ Адмиралъ, каюты, построенныя на ютъ для сухопутныхъ офицеровъ на время плаванія изъ Тулона въ Египетъ, не были сломаны, и ихъ завалили тюфяками, красильными ведрами и смолою. На *Вонтель* и *Завоеватель* очистили только по одну сторону пушки. На другіе ряды ихъ, къ береговой сторонѣ, сбросали все съ другой стороны, такъ, что когда корабли повернулись, они не могли стрѣлять. Англичане до того были изумлены, что послали узнать причину бездѣйствія; они видѣли, что Французскій флагъ вѣется на судахъ, а между тѣмъ ни одна пушка не стрѣляетъ.

Часть экипажей, отпущенныхъ на берегъ, едва имѣла время возвратиться на корабли. Адмиралъ, думая, что непріятель подойдетъ на пушечный выстрѣлъ не прежде 6-ти часовъ вечера, предпола-

галъ, что онъ едвали нападетъ на другой день, тѣмъ болѣе, что въ виду были только одиннадцать кораблей 74-хъ-пушечныхъ; два отбѣлены были къ Александрію, и присоединились къ Нельсону уже въ 8-мъ часовъ вечера. Брюейсъ не вѣрилъ, что Англичане атакуютъ его въ тотъ же день, и съ одиннадцатью только кораблями. Думаютъ, что сначала онъ хотѣлъ поднять паруса, но медлилъ дать на то приказъ, пока не явятся все ожиданныя изъ Абукира матрозы. Началась пальба, и одинъ изъ Английскихъ кораблей сталъ на мѣль у острова, что умножило надежду Брюейса. Матрозы, вызванные изъ Александрію, явились уже въ 8-мъ часовъ вечера. Пальба началась тогда на многихъ корабляхъ. Въ смятеніи и въ темнотѣ, большее число людей осталось на берегу и не могло переправиться на корабли. Планъ Английскаго Адмирала состоялъ въ схваткѣ корабля съ кораблемъ; каждый Английскій корабль долженъ былъ бросить якорь, и стать поперекъ носа Французскаго корабля. Случай измѣнилъ такое расположеніе. *Кулмедень*, назначенный на атаку *Вонтеля*, хотѣлъ пройти между лѣвымъ бокомъ его и островомъ, и сталъ на мѣль. Еслибы островъ былъ защищенъ нѣсколькими большими орудіями, онъ непременно былъ бы взятъ. *Голиаозъ*, за нимъ слѣдовавшій, маневрируя, чтобы стать поперекъ носа *Вонтеля*, былъ увлеченъ вѣтромъ и теченіемъ, и бросилъ якорь только прошедши сей корабль и оборотись кругомъ его. Замѣтивъ тогда, что лѣвый бокъ *Завоевателя* не производитъ пальбы, по причинамъ выше изъясненнымъ, онъ сталъ съ нимъ борть о борть и уничтожилъ у него оснастку въ короткое время. «Ревностный», другой Английскій корабль, слѣдовавшій за движеніями *Голиаоза*, сталъ борть о борть съ *Вонтелемъ*, и какъ на огонь его не могли отвѣчать, онъ быстро сблизилъ мачты. Оріонъ, третій корабль Английскій, испол-

нилъ такой же маневръ, но въ движеніи своемъ задержанъ былъ атакою одного Французскаго фрегата, и остановился между Франклиномъ и Народомъ-Властителемъ (*Peuple souverain*). Вангардъ, Англійскій адмиральскій корабль, бросилъ якорь поперегъ Спартиата, третьяго корабля Французскаго. Защита, Беллерофонтъ, Величественный и Минотавръ следовали сему движенію и обхватили центръ линіи Французской, до Гремячаго, восьмага ея корабля. Адмиральскій корабль и два его товарища составили линію трехъ кораблей, превосходныхъ противъ Англійскихъ. Огонь былъ ужасный. Беллерофонта сбили, лишили мачтъ и заставили выйдти изъ сраженія. Другіе Англійскіе корабли также были принуждены удалиться, и еслибы въ то мгновеніе Контръ-Адмираль Вильнѣвъ, командовавшій правымъ крыломъ Французскимъ, обрубилъ канаты и напалъ на Англійскую линію съ своими пятью кораблями, бывшими подъ его начальствомъ, Счастливымъ, Тимолономъ, Меркуриемъ, Вильгельмомъ Телемъ, Великодушнымъ, и фрегатами Діаню и Правосудіемъ — она была бы уничтожена. Куллоденъ стоялъ на мѣли Бекіерской, Леандръ старался спасти его; Александръ, Свитсфуръ, и два другіе Англійскіе корабли, видя, что наше правое крыло не трогается, и что центръ Англійской линіи жестоко пострадалъ, бросились туда. Александръ замѣнилъ Беллерофонта, Свитсфуръ напалъ на Франклина. Леандръ, дотола занятый подъемомъ Куллодена, призываемый опасностью центра, спѣшилъ усилить его. Побѣда не была еще рѣшена. Воитель и Завоеватель прекратили пальбу, но они были самыя плохіе корабли въ эскадрѣ, а со стороны Англичанъ Куллоденъ и Беллерофонтъ остались внѣ битвы. Центръ линіи Французской, по большому превосходству огня, причинялъ гораздо болѣе вреда противникамъ; нежели терпѣлъ отъ нихъ. Англичане имѣли только 74-хъ-пушечные и

меньше корабли. Надобно предполагать, что еслибы огонь поддержался такимъ образомъ всю ночь, Вильнѣвъ явился бы наконецъ днемъ, и можно было надеяться самыхъ счастливыхъ послѣдствій отъ нападенія пяти хорошихъ кораблей, не давшихъ и не получившихъ еще ни одного выстрѣла. Но въ 11-ть часовъ загорѣлось на Востоку и сей корабль взорвало на воздухъ. Столь неожиданное событіе рѣшило побѣду. Страшный взрывъ остановилъ на четверть часа битву. Линія наша возобновила огонь, не унывая отъ столь ужаснаго зрѣлища. Франклинъ, Гремящій, Народъ-Властитель, Спартиатъ, Аквилонъ поддерживали ее до трехъ часовъ утра. Отъ 3-хъ до 5-ти пальба затихала съ той и другой стороны. Между 5-ти и 6-ти она удвоилась и сдѣлалась ужасною. Чтожь было бы, еслибъ Востокъ не взорвало? Наконецъ, въ полдень битва еще продолжалась и кончилась не прежде двухъ часовъ. Тогда только Вильнѣвъ, казалось, проснулся и замѣтилъ, что уже около двадцати часовъ сражаются. Онъ обрубилъ канаты и пошелъ въ море, уводя Вильгельма Теля, на которомъ былъ самъ, Великодушнаго и фрегаты Діану и Правосудіе. Три другіе корабля его бросились къ берегу не сражавшись. И за всѣмъ тѣмъ, не смотря на ужасное событіе съ Востокомъ, странное бездѣйствіе Вильнѣва, воспрепятствовавшее пяти кораблямъ произвести хотя одинъ выстрѣлъ, потеря и разстройство Англичанъ были таковы, что сутки спустя послѣ битвы, трехъ-цвѣтный флагъ вѣлль еще на Гремящемъ; у Нельсона не было ни одного корабля въ состояніи пуститься на атаку. Не только Вильгельмъ Тель и Великодушный не были преслѣдуемы ни однимъ Англійскимъ кораблемъ, но непріятель, при разстройствѣ, въ какомъ онъ былъ, радовался еще, что они удалились. Адмираль Брюейсъ упорно защищалъ честь Французскаго флага; получивъ нѣсколько ранъ, онъ отказывался отъ пе-

ревязки ихъ и умеръ на своемъ адмиральскомъ мѣстѣ, отдавая приказы. Казабланка, Тевенаръ и Дюпети-Туаръ приобрѣли славу въ сей несчастный день. Контръ-Адмиралъ Вильнёвъ, по словамъ Нельсона и Англичанъ, могъ рѣшить побѣду, даже послѣ гибели Востока. Въ полночь еще, еслибы онъ поднялъ паруса и взялъ участіе въ битвѣ съ кораблями его крыла, онъ могъ бы уничтожить Англійскую эскадру, но онъ оставался спокойнымъ зрителемъ битвы!

Контръ-Адмиралъ Вильнёвъ былъ храбръ и хороший морякъ: спрашивается причина такого страннаго поведенія? Онъ ожидалъ приказаній! Увѣряютъ, что Французскій Адмиралъ далъ ему приказъ поднять паруса, и что дымъ воспрепятствовалъ ему то замѣтить. Но надобенъ ли приказъ взять участіе въ битвѣ и помогать своимъ товарищамъ?

Востокъ взорвало въ 11-ть часовъ; съ сего времени до двухъ часовъ по полудни, то есть въ теченіе 13-ти часовъ, дрались. Тогда командовалъ уже Вильнёвъ; почему же онъ ничего не дѣлалъ? Вильнёвъ былъ характера нервнѣтельнаго и безсильнаго.

IX.

Экипажи трехъ ставшихъ на мѣль кораблей и двухъ фрегатовъ переправились на Абукирскій берегъ. Сотня человекъ спаслась съ Востока, и много матрозовъ съ другихъ судовъ бѣжали на землю, когда дѣло рѣшилось, пользуясь безпорядкомъ непріятелей. Армія умножилась черезъ то 3,500 человекъ; изъ нихъ образовали еще морской легіонъ, изъ 3-хъ батальоновъ, и число людей въ немъ простиралось до 1,800. Другихъ помѣстили въ артиллерію, пѣхоту, конницу. Спасеніе вещей произведено дѣятельно. Много вытащили пушекъ, аммуниціи, мачтъ, другихъ обломковъ, что все пригодилось въ Александрійскомъ арсеналѣ. Намъ осталось въ портѣ два корабля, *Коссъ*

и *Дюбуа*, четыре фрегата Венеціанской постройки, три фрегата постройки Французской, всѣ легкіе и всѣ конвойныя суда. — Черезъ нѣсколько дней послѣ битвы, Нельсонъ распустилъ паруса и покинулъ Александрійскій берегъ, оставя два корабля для блокады порта. Сорокъ конвойныхъ Неаполитанскихъ судовъ потребовали и получили отъ Александрійскаго Комменданта позволеніе воротиться во своиси; начальникъ Англійскихъ крейсеровъ собралъ ихъ вокругъ себя, забралъ съ нихъ экипажи и сжегъ суда. Такое нарушеніе народнаго права обратилось во вредъ Англичанъ; экипажи Итальянскихъ и Французскихъ конвоевъ увидѣли, что имъ остается одно только спасеніе — успѣхъ Французской арміи, и рѣшительно взяли участіе въ общемъ дѣлѣ. Нельсонъ былъ торжественно встрѣченъ въ Неапольскомъ портѣ.

Потеря Абукирской битвы имѣла большое вліяніе на дѣла Египетскія, и даже на дѣла цѣлаго свѣта. Будь спасенъ Французскій флотъ, Сирійская экспедиція не встрѣтила бы препятствій; осадная артиллерія надежно и легко перешла бы черезъ степи, и Сеиъ-Жанъ-Дакръ не остановилъ бы Французской арміи. Уничтожился Французскій флотъ, и Диванъ осмѣлился объявить войну Франціи. Армія потеряла большую подпору. Ея положеніе въ Египтѣ измѣнилось совершенно, и Наполеонъ долженъ былъ отказаться отъ надежды упрочить навсегда могущество Французовъ на Западъ слѣдствіями Египетской экспедиціи.

X.

Съ тѣхъ поръ, какъ самый малый корабль линейный сдѣлался не менѣе 74-хъ пушекъ, морскія арміи Франціи, Англіи, Испаніи не составляли обыкновенно болѣе тридцати кораблей. Значительнѣе бывали они только на малое время. Эскадра изъ 30-ти линейныхъ кораблей на морѣ тоже, что на сухомъ

пути 120,000-я армія. Армія въ 120,000 человекъ большее войско, хотя и бывали сильнѣйшія. Эскадра въ 30-ть кораблей вообще имѣетъ пятую часть людей сто двадцати тысячной арміи. Артиллеріи въ ней въ пятеро больше и калиберъ пушекъ огромнѣе. Снаряженіе стоитъ почти одинаковыхъ издержекъ. Если сравнить матеріалъ артиллеріи у 120,000, телѣги, запасы, госпитали, съ кочтомъ 30-ти кораблей, суммы одинаковы, или почти равны. Считаю въ арміи 20,000 конницы и 20,000 артиллеріи, или экипажа, содержаніе арміи несравненно дороже, нежели равной ей флотиліи.

Франція можетъ имѣть три флота по 30-ти кораблей, какъ три арміи по 120,000 человекъ.

Въ сухопутной войнѣ тратится людей вообще больше, нежели на морь, и она опаснѣе. Морской солдатъ на эскадрѣ бѣется только однажды въ цѣлую кампанію, а сухопутный ежедневно. Морской солдатъ, каковы бы ни были труды и опасности, сопряженныя съ его стихіей, терпитъ гораздо меньше сухопутнаго: онъ не страдаетъ отъ голода, отъ жажды; у него всегда съ собою квартира, кухня, госпиталь и аптека. Морскія арміи, Французскія и Англійскія, гдѣ дисциплина поддерживаетъ опрятность, гдѣ опытность сдѣлала известными всѣ мѣры, какія должно брать для сохраненія здоровья, имѣютъ больныхъ меньше, нежели арміи сухопутныя. Независимо отъ опасностей битвы, морскому солдату грозятъ опасности бури, но искусство до того уменьшило ихъ, что нельзя сравнивать ихъ съ опасностями на сухомъ пути, каковы: народныя возмущенія, отдѣльныя убійства, нечаянныя нападѣнія легкихъ непріятельскихъ войскъ.

Генераль, главнокомандующій морскою арміею, и генераль, главнокомандующій арміею сухопутною, суть люди, имѣющіе потребность въ различныхъ свойствахъ. Родятся съ качествами, свойственными

для начальства сухопутною арміею, но качества, необходимыя для начальства арміею морскою, приобрятаются только опытностью.

Александръ, Конде могли начальствовать съ самаго юнаго возраста; искусство войны сухопутной есть искусство генія, вдохновенія; но ни Александръ, ни Конде 22-хъ лѣтъ отъ роду не могли бы начальствовать надъ арміею морскою. Здѣсь нѣтъ ни генія, ни вдохновенія — все положительность и опытность. Морскому генералу потребно одно знаніе — мореходство. Сухопутному надобны всѣ знанія, или дарованіе, которое стоитъ ихъ всѣхъ — пользоваться всеми опытностями и всеми знаніями. Морскому генералу угадывать нечего: онъ знаетъ, гдѣ его непріятель, знаетъ его силу. Сухопутный генераль ничего не знаетъ достоверно, никогда не видитъ хорошо своего непріятеля, никогда не знаетъ положительно гдѣ онъ. Когда арміи сошлись, малѣйшая неровность земли, маленькій лѣсокъ скрываютъ часть непріятельской арміи. Самый опытный глазъ не можетъ рѣшить: всю ли непріятельскую армію видитъ онъ, или только три части ея. Очами ума, общиною всѣхъ соображеній, чѣмъ-то въ родѣ вдохновенія, сухопутный генераль видитъ, познаетъ и судитъ. Морскому генералу нѣтъ надобности въ опытномъ взорѣ: ничто изъ непріятельскихъ силъ не скрыто передъ нимъ. Ремесло сухопутнаго генерала дѣлаетъ затруднительнымъ необходимою пропитывать столько людей и животныхъ; если онъ позволитъ себя управлять чиновникамъ комиссаріата, онъ не двинется съ мѣста и всѣ его предпріятія пропали. Но морской никогда тѣмъ не стѣсненъ: онъ все несетъ съ собою. Морскому генералу не надобно, ни обзрѣвать непріятеля, ни изслѣдовать земли, ни изучать поля битвы. Море Индійское, Море Американское, Ламаншъ, все и всегда ровная долина. Самый искусный будетъ имѣть выгоду надъ самымъ

неискуснымъ только въ познаніи вѣтровъ, дуящихъ тогда-то и тамъ-то, предусмотрительностью по настоящей погодѣ, или по атмосферическимъ признакамъ: качества, приобретаемая опытностью, и — только опытностью!

Сухопутный генералъ никогда не предузнаетъ поля битвы, гдѣ ему должно дѣйствовать. Взглядъ его есть взглядъ вдохновенія, и нѣтъ у него никакихъ положительныхъ изъясненій. Данныя, по которымъ доходятъ до познанія мѣстности, такъ случайны, что почти нисколько нельзя изучать ихъ опытностью. Это особенная ловкость ума: вдругъ схватывать отношенія, какія имѣютъ между собою мѣстоположенія земли, смотря по природѣ страны. Это, наконецъ, даръ, который называютъ военнымъ взглядомъ (*coup d'oeil militaire*), и который великіе генералы получаютъ отъ природы. Между тѣмъ наблюденія, какія можно дѣлать по топографическимъ картамъ, легкость, какую даютъ воспитаніе и привычка читать по картамъ, могутъ быть некоторымъ пособіемъ.

Морской главнокомандующій зависитъ отъ корабельныхъ капитановъ болѣе, нежели сухопутный главнокомандующій отъ своихъ генераловъ. Сухопутный имѣетъ средство взять самъ прямую команду надъ войсками, идти на всѣ пункты и пособить ошибочнымъ движеніямъ другими. Морской генералъ лично имѣетъ вліяніе только на людей того корабля, гдѣ самъ находится; дымъ препятствуетъ сигналамъ быть видимыми. Вѣтры перемѣняются, и не одни и тѣ на всемъ пространствѣ, покрываемомъ линіею кораблей. И такъ, морское дѣло изъ всѣхъ ремеслъ то, гдѣ подчиненные должны наиболѣе брать на свой отчетъ.

Надобно отнести къ тремъ причинамъ потери нашихъ морскихъ битвъ: 1-е, нерѣшительности и недостатку характера въ главнокомандующихъ; 2-е, недостаткамъ дисциплины; 3-е, недостатку опытности

и морскихъ свѣдѣній корабельныхъ капитановъ, или мнѣнію нашихъ офицеровъ, что надобно дѣйствовать только по сигналамъ. Битвы: Уссанская, на Океанѣ и въ Средиземномъ Морѣ во время Революціи, въ 93-мъ и 94 годахъ, были все потеряны по приведеннымъ различнымъ причинамъ. Адмиралъ Вилларе, храбрый лично, былъ безъ характера, и не имѣлъ притомъ преданности къ тому, за что сражался. Мартенъ былъ хорошій морякъ, но нерѣшительный человекъ. Впрочемъ, оба они были подъ вліяніемъ народныхъ представителей, которые не имѣли никакой опытности и утверждали невѣрныя операціи.

Правила, не дѣлать никакихъ движеній, кромѣ приказанныхъ адмираломъ, есть правило тѣмъ болѣе ошибочное, что корабельный капитанъ всегда во власти найти причины для оправданія худаго исполненія сигналовъ, имъ полученныхъ. Во всѣхъ необходимыхъ для войны знаніяхъ, теорія хороша, чтобы дать общія идеи, образующія умъ, но мѣлочное исполненіе ихъ всегда опасно. Онъ суть оси, долженствующія служить для начертанія окружности. Впрочемъ, самыя правила заставляютъ разсуждать, дабы судить: должно ли удалиться отъ правля, и проч.

Часто, въ силахъ превосходныхъ противъ Англичанъ, мы не умѣли ихъ атаковать, и допускали уходить ихъ эскадры, потому, что теряли время на пустые маневры. Первый законъ морской тактики долженъ быть тотъ, что едва адмиралъ дастъ сигналъ, что хочетъ атаковать, каждый капитанъ обязанъ дѣлать необходимыя движенія для атаки неприятельскаго корабля, принятія участія въ битвѣ и поддержки своихъ сосѣдей.

Такое основаніе принято Англійскою тактикою въ послѣднее время. Если бы приняли его во Франціи, Адмиралъ Вильиёвъ при Абукирѣ не считалъ бы

себя невиноватымъ, оставаясь въ бездѣйствіи двадцать четыре часа, съ пятью или шестью кораблями, то есть, половиною эскадры, пока непріятель громилъ другое крыло ея.

Моряки Французскіе должны пріобрѣсть превосходство надъ Англійскими морями. Французы лучше разумѣютъ постройку, и Французскіе корабли, по признанію самихъ Англичанъ, превосходятъ Англійскихъ. Пушки превосходятъ въ калибръ четвертью Англійскія. Вотъ два большія преимущества.

У Англичанъ больше дисциплины. Тулонская и Шельдская эскадры приняли всѣ обычаи и практику Англичанъ и достигли до дисциплины столь же строгой, съ разницею, какой требовалъ характеръ обѣихъ націй. Англійская дисциплина рабская дисциплина — властителя и невольника. Подобное соотловіе дѣла унизило, опозорило бы характеръ Французскій, которому нужна дисциплина отеческая, больше основанная на чести и чувствѣ.

Во многихъ битвахъ, потерянныхъ нами противъ Англичанъ, мы были слабѣе силами, или соединились съ Испанскими кораблями, которые, будучи худо устроены, при выродкахъ матрозахъ послѣднихъ времени, ослабляли нашу линію, вмѣсто ея укрявленія; иногда, наконецъ, наши главнокомандующіе, стремясь на битву, идя сами на непріятеля, едва только были въ его присутствіи, вдругъ приходили въ замѣшательство, старались удалиться подъ различными предлогами и тѣмъ безславили храбрость нашихъ моряковъ.

ПРИЧИНЫ, СВОЙСТВА И ЯВЛЕНІЯ УРАГАНОВЪ *.

Оскорбительно для величія науки и чести просвѣщенныхъ народовъ, что мы еще такъ мало имѣемъ метеорологическихъ свѣдѣній, познанія законовъ и измѣненій состоянія воздуха, находящагося внутри и внѣ насъ и составляющаго главную пищу нашего существованія. Мы до такой степени отъ него зависимъ, что недостаточное, или испорченное, снабженіе имъ нашихъ жизненныхъ силъ можетъ повлечь за собою наше неминуемое разрушеніе. Разсматривая атмосферу земли съ ея химической и статической стороны, знанія наши о свойствахъ ея глубоки и обширны. Мы разложили газообразную ея массу на составныя части и опредѣляли отдѣльное ихъ, питательное и разрушительное вліяніе на нашу жизнь. Тяжесть атмосферы, переменчивая ея плотность, высота, дѣйствіе ея на свѣтъ и электрическіе и магнитные феномены, измѣненія ея температуры, при возвышеніи нашемъ отъ земли, или при движеніяхъ нашихъ изъ одного мѣста ея поверхности въ другое, разсмотрѣны съ

* Любопытная для каждаго просвѣщеннаго читателя, и драгоценная для ученаго и мореплавателя, статья сія обратила на себя Европейское вниманіе. Араго обещалъ помѣстить дополненія къ ней въ *Revue Britann.*, и передавалъ теперь читателямъ Англійскій подлинникъ, мы помѣстимъ потомъ и дополненія Араго. *P. C. O.*

точностью и вниманіемъ, дѣлающими честь трудолюбію и дарованіямъ естествоиспытателей. Но какъ велико ни было бы приобрѣтенное нами познаніе о воздухѣ, находящемся въ чистомъ и спокойномъ состояніи, мы не можемъ не сознаться въ нашемъ совершенномъ невѣжествѣ относительно законовъ движенія его въ состояніи возмущенномъ. Когда припадки (ragouysms) теплоты и холода поражаютъ организацію животной и растительной жизни, когда густое облако изливаетъ свою жидкость и грозитъ намъ вторымъ потопомъ, или ревущая буря мчится надъ землею съ опустошительною яростью, гоня передъ собою кипящіе валы и крутя пловучія, или срывая постоянныя жилища людей, когда электрическое пламя, вырвавшись изъ своихъ облачныхъ оковъ, разрушаетъ дѣло рукъ человѣческихъ, раздражаетъ твердую поверхность нашей планеты и силы воздуха бунтуютъ противъ человѣка, онъ трепещетъ въ своемъ убѣжищѣ, рабъ ужасовъ, которыхъ не можетъ ни предвидѣть ни отвратить, игралище стихій, которыхъ не въ силахъ обуздать, жертва разрушенія, котораго не знаетъ какъ избѣгнуть!

Но хотя человѣческая мудрость никогда не была по плечу бунтующимъ стихіямъ, увѣрять, что никакія мѣры не въ состояніи защитить отъ гибели жизнь и собственность человѣческую, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить грозящую имъ опасность, значитъ идти противъ фактовъ всей исторіи ученыхъ изслѣдованій. Философы, въ глуши своихъ кабинетовъ, уже много сдѣлали для защиты своихъ соотечественниковъ отъ бѣдствій и предупрежденія ихъ. Электрическій проводникъ, безъ сомнѣнія, спасъ отъ молніи не одинъ домъ, или корабль, и великій морякъ скажетъ, что ртуть барометра часто указывала ему время, когда брать у марселей рифы и готовиться на

борьбу съ стихіями. Правда, все это довольно незначительно. Сознаемся, что какъ ни ничтожны могутъ казаться сіи пособія, но они суть единственныя, которыми покаместъ снабжаетъ насъ наука. Правительства государствъ Европы и Америки, въ особенности Англійское, военные и коммерческіе флоты котораго покрываютъ моря всей земли, должны бы ободрять и поощрять значительными преміями изысканія, хоть сколько нибудь способствующія къ объясненію происхожденія и сущности ужасныхъ атмосферическихъ переворотовъ, губящихъ въ одинъ день цѣлыя сотни судовъ и предающихъ въ жертву безднамъ Океана тысячи человѣческихъ жизней и неисчислимыя богатства. Но, увы! ни одно изъ нихъ не обратило на сей предметъ полнаго вниманія. Англійское правительство не имѣетъ никакого публичнаго заведенія, куда можно бы относиться съ изысканіями подобнаго рода, и то, что касается до всего человѣчества, заключая въ себѣ выгоды всѣхъ существующихъ народовъ, и даже будущихъ поколѣній, предоставлено только слабому и уединенному усердію и любознательности частныхъ людей. Тѣмъ драгоцѣннѣе, можетъ быть, тѣмъ усерднѣе сіи труды, и потому тѣмъ болѣе должны мы обращать на нихъ вниманіе наше. Въ послѣдніе годы, два или три частныхъ лица посвятили себя особенно изученію бурь и урагановъ, свирѣпствующихъ въ тропическихъ странахъ, съ ревностію и успѣхомъ соответствующими самымъ пламеннымъ ожиданіямъ. Правда, они еще не успѣли открыть причины и источника сихъ бичей океана, но, по крайней мѣрѣ, опредѣлили ихъ свойства и характеръ, и вывели постоянныя правила, которыми, хотя и не въ силахъ мы обезоружить ярости стихій, но тѣмъ не менѣе можемъ облегчать борьбу съ ними. Если успѣшныя

труды двухъ, трехъ ученыхъ сдѣлали столь много въ краткій промежутокъ немногихъ лѣтъ, какихъ результатовъ нельзя ожидать намъ отъ болѣе обширныхъ метеорологическихъ изысканій, производимыхъ съ надлежащей тщательностію въ нѣсколькихъ пунктахъ земнаго шара, еслибы вниманіе Европы и Америки устремилось на предметъ, столь важный для человѣческаго благосостоянія?

Въ прежніе годы вообще полагали, что *шторль* (gale) разнствуеть отъ обыкновеннаго *вѣтерка* (breeze) только скоростью приведеннаго въ движеніе воздуха; изъясненіе урагана (hurricane) считалось неопровержимымъ, если опредѣляли его вѣтромъ, движущимся по прямо-линейному направленію, съ скоростью 100, или 120 миль въ часъ.

Первый, противопоставивъ такому грубому заблужденію, былъ полковникъ Остъ-Индской службы Кенперъ, издавшій свое сочиненіе *О вѣтрахъ и муссонахъ*, въ 1801 году. Изучая всѣ обстоятельства урагановъ, свирѣпствовавшихъ въ Пондишери и Мадрасѣ, въ 1760 и 1773 годахъ, сей умный писатель замѣчаетъ, что обстоятельства сін, разсмотрѣнныя должнымъ образомъ, положительно доказываютъ, что ураганы суть не иное что, какъ вихри (whirlwinds), діаметръ вращательнаго движенія которыхъ не можетъ быть болѣе 120 миль. Кенперу было извѣстно и то замѣчательное обстоятельство, что вихри сін имѣютъ поступательное движеніе; онъ не только говорилъ, что корабли могутъ избѣгать ихъ ярости, пользуясь дующимъ отъ берега вѣтромъ, но даже доказывалъ возможность приблизительно опредѣлить положеніе судна въ отношеніи коловорота урагана, по силѣ и переменамъ въ немъ вѣтра, безъ сомнѣнія съ тою цѣлью, чтобы судно могло ви-

дѣть средство и уловить возможность выбраться изъ его пучины.

Какъ драгоценны ни были сін замѣчанія, они не возбудили, по видимому, никакого особеннаго любопытства. Слѣдовавшій за тѣмъ естествоиспытатель, направившій на сей предметъ свои изысканія, послѣ долгихъ наблюденій и болѣе обширныхъ метеорологическихъ изслѣдованій, дошелъ до того же результата. Г. Редфильдъ, изъ Нью-Йорка, мѣстоположеніе котораго на берегу Атлантическаго Океана давало лучшія средства, не только наблюдать феномены бурь, но и собирать подробности изъ другихъ мѣстъ, былъ приведенъ изслѣдованіями къ заключенію Кенпера, именно, что Вѣсть-Индскіе и Остъ-Индскіе ураганы суть не что иное, какъ большіе вихри. Онъ положительно доказалъ то, на что только намѣкалъ полковникъ Кенперъ, именно, что вся вращающаяся масса атмосферы имѣетъ поступательное движеніе отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Отсюда выводилъ онъ слѣдующее заключеніе: *Направленіе вѣтра въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ урагана не составляетъ существеннаго свойства его, но во всѣхъ случаяхъ происходитъ отъ совокупленія вращательной и поступательной скоростей бури и находится въ средней между ними пропорціи.* Г. Редфильдъ дошелъ до сего вывода изученіемъ урагана, бывшаго въ Сентябрѣ 1821 года, но для подкрѣпленія составленныхъ имъ о семъ предметѣ понятій, онъ дѣлалъ наблюденія надъ послѣдующимъ ураганомъ 17-го Августа 1830 г., и при помощи карты объяснилъ его характеръ и обозначилъ его путь вдоль берега Атлантическаго Океана, основываясь вмѣстѣ съ тѣмъ на тщательномъ разсмотрѣніи частныхъ подробностей, собранныхъ имъ болѣе нежели изъ *семидесяти* разныхъ мѣстъ.

Несмотря на занимательность подробностей, предѣлы нашей статьи позволяют намъ представить только главные факты, вмѣстѣ съ выведенными Г. Редфильдомъ результатами. Ураганъ 1830 года начался, по видимому, у острова Св. Ёомы, въ полночь 12-го Августа, и продолжая свой опустошительный путь вдоль Багамскихъ острововъ и берега Флориды, онъ направился вдоль берега Сѣверной Америки и кончился у острова Св. Петра, въ сѣв. широтѣ 43°, и зап. долготѣ 57°. Столь длинный путь прошелъ онъ въ *шесть дней*, съ среднею скоростью около *семнадцати* географическихъ миль въ часъ. Средняя ширина пути его, измѣнявшаяся отъ разныхъ, дѣйствовавшихъ на ураганъ обстоятельствъ, была отъ 500 до 600 миль, но тамъ, гдѣ ураганъ свирѣпствовалъ съ наибольшою яростью, ширина его пути не превышала отъ 150 до 250 миль. Продолжительность наибольшей его силы, въ разныхъ мѣстахъ, черезъ которыя онъ проходилъ, была отъ *семи до двѣнадцати* часовъ, а скорость, отъ начала его у острова Св. Ёомы и до окончанія за берегомъ Новой Шотландіи, измѣнялась отъ *пятнадцати до двадцати* миль въ часъ.

Вращательное свойство урагана, отъ *правой* руки къ *левой*, доказано измѣненіями переменъ вѣтра въ разныхъ точкахъ его пути, но разительнѣйшее доказательство сего предположенія испытали на себѣ два вышедшіе въ море Европейскіе корабли, *Иллиноа* и *Британніа*. Первый, 15-го Августа, замѣтилъ зыбь, предшествовавшую шедшему отъ юга урагана; но какъ онъ шелъ съ попутнымъ вѣтромъ и теченіемъ, и ураганъ потерялъ передъ нимъ время, обгибая Чарлстоунъ и берегъ Георгин, то онъ успѣлъ выйти изъ зыби; 17-го числа настигъ его ураганъ, яростно дувшій отъ юга, тогда, какъ онъ въ то

же самое время въ Нью-Йоркѣ срывалъ съ домовъ крыши, направляясь отъ сѣверо-востока. *Британніа*, вышедши изъ Нью-Йорка 16-го числа, въ прекрасную погоду, ночью 17-го числа встрѣтила напоръ урагана, сперва отъ SO, потомъ отъ ONO, а послѣ полуночи отъ NO.

Описывая другіе ураганы, приводившіе Г. Редфильда къ одинакимъ заключеніямъ, онъ замѣчаетъ, что ось вращенія, вѣроятно, наклоняется въ сторону направленія своего поступательнаго движенія. Онъ приписываетъ такое свойство отставанію нижней части вращающейся массы воздуха отъ верхней, происходящему отъ встрѣчаемаго бурей сопротивленія на поверхности земли, въ слѣдствіе коего болѣе возвышенныя части урагана должны уходить съ значительною скоростью впередъ, наклоняясь въ сторону пути его. Отсюда можно понять причину, почему у кораблей летятъ брань-стенги, или стеньги, тогда, какъ внизу все совершенно тихо.

Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ Г. Редфильда есть объясненіе внезапнаго паденія ртути барометра, въ мѣстахъ, куда приближается ураганъ, или тѣхъ, которыя находятся наиболѣе подъ его вліяніемъ. Онъ приписываетъ сіе дѣйствіе центробѣжному стремленію огромной вращающейся массы атмосферическаго воздуха, составляющаго ураганъ. Сія центробѣжная сила должна разжидить подверженный ея вліянію слой атмосферы, а къ центру вращенія слой долженъ сплющиться и сжаться. Ясно, что отъ того неминуемо уменьшится вѣсъ атмосферы, производящій свое давленіе на ртуть барометра. Отсюда явственно можно видѣть, почему ртуть барометра всегда возвышается передъ окончаніемъ урагана, и достигаетъ своей наибольшей высоты послѣ его пролета. Г. Редфильдъ полагаетъ также, что

каковъ бы ни былъ крайній предѣлъ вращающейся массы, дѣйствіе ея давленія непремѣнно должно понудить внизъ холодный слой атмосферы, въ особенности около наиболѣе центральныхъ частей урагана, приведя его такимъ образомъ въ соприкосновеніе съ сырѣмъ слоемъ надъ поверхностью земли. Неминуемымъ слѣдствіемъ сего будетъ широкій густой слой облаковъ съ обильнымъ изверженіемъ дождя, или отдѣленіемъ застывшихъ испареній земли, смотря по состоянію температуры нисшей части атмосферы.

Отсюда Г. Редфильдъ приходитъ къ своимъ понятіямъ о причинахъ урагановъ, господствующихъ по берегамъ Атлантическаго Океана. Онъ полагаетъ, что ураганы «являются отъ отдѣленія и вращенія сѣверныхъ частей пассатныхъ вѣтровъ, что происходитъ отъ косвеннаго сопротивленія, представляемаго островами прямому ихъ пути, или отъ вторженія въ пассаты сѣвернаго вѣтра, приходящаго отъ берега Америки, или, наконецъ, отъ соединенія обихъ, приведенныхъ нами причинъ.»

Такова сущность перваго и наиболѣе важнаго сочиненія Г. Редфильда (*Remarks on the prevailing storms of the Atlantic Coast*, въ Суллимановомъ журналѣ). Второе заключаетъ въ себѣ краткое описаніе урагана, который, произведя ужасное опустошеніе на островѣ Барбадосѣ, въ 1831 году, промчался черезъ острова Св. Луціи, Сень-Доминго и Кубу, и пришелъ къ сѣвернымъ берегамъ Мексиканскаго залива, около широты 30°, гдѣ онъ свирѣпствовалъ разомъ въ Пенсаколь, Мобиль и Новомъ Орлеанѣ. Отсюда перешелъ онъ въ близлежащія страны, гдѣ, вѣроятно, уничтожился отъ сопротивленія горъ Аллегани. Онъ произвелъ сильныя дожди на большомъ пространствѣ страны къ сѣверу отъ Мексиканскаго за-

лива, и если свойственное ему дѣйствіе продолжалось далѣе Новаго Орлеана, то, вѣроятно, что оно ограничивалось только верхними слоями атмосферы, потому, что на поверхности земли, ближе къ Южнымъ Штатамъ, не осталось отъ него никакихъ слѣдовъ опустошенія. Сей ураганъ, вращавшійся отъ правой руки къ лѣвой, прошелъ разстояніе 2000 морскихъ миль въ 150 часовъ, съ среднею скоростью болѣе 13½ миль въ часъ. Вращательное свойство его оставило несомнительныя слѣды на островѣ Барбадосѣ. Вырванныя около сѣвернаго берега деревья лежали по направленію отъ NNW на SSO, будучи низвергнуты порывомъ отъ сѣвера, при самомъ началѣ урагана, а во внутренности и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ острова, они лежали отъ юга къ сѣверу, будучи вырваны въ послѣднее время урагана.

Въ третьемъ своемъ сочиненіи Г. Редфильдъ направляетъ наше вниманіе на различныя, по его мнѣнію, непреложныя пункты, относительно главныхъ движеній атмосферы во время урагана. Вотъ сокращенный перечень его наблюденій:

1. Сильнѣйшіе ураганы господствуютъ въ тропическихъ странахъ, къ сѣверу и востоку отъ Вестъ-Индскихъ острововъ.
2. Они разомъ покрываютъ протяженіе поверхности земли отъ 100 до 500 миль въ діаметръ, дѣйствуя слабѣе во вѣншей части сего пространства, и сильнѣе по мѣрѣ приближенія къ центру его.
3. Южнѣе широты 30°, ураганы идутъ на западъ, склоняющимся постепенно къ сѣверу путемъ, отъ сей параллели, они вдругъ перемѣняютъ направленіе къ NO, продолжая постепенно склоняться къ востоку, куда стремятся они съ увеличивающеюся скоростью.
4. Продолжительность урагана зависитъ отъ его расширенія и скорости. Случается, что бури меньшаго протяженія

въ ширину бываютъ иногда сильнѣе и идутъ быстрѣе большае расширяющагося.

5. Направленіе и сила вѣтра въ ураганъ *не находятся въ направленіи его поступательнаго движенія.*

6. Когда ураганъ идетъ къ западу, направленіе вѣтра, при началѣ его, въ томъ или другомъ мѣстѣ, бываетъ всегда отъ сѣверной, а въ продолженіе послѣдней его половины отъ южной стороны горизонта.

7. На пути къ сѣверу, или востоку, ураганъ начинается восточнымъ, или южнымъ вѣтромъ, а оканчивается западнымъ.

8. Сѣвернѣе 30°, и въ отдаленнѣйшей отъ Американскаго берега части своего пути, ураганъ начинается южнымъ вѣтромъ, который, по мѣрѣ приближенія его къ концу, постепенно отходитъ къ западу; откуда онъ дуетъ при послѣднемъ издыханіи урагана.

9. Въ центральной части своего пути, въ той же широтѣ, вѣтръ начинается отъ близкаго къ юго-востоку румба, но послѣ нѣкотораго періода времени *вдругъ переливается*, и дуетъ почти отъ діаметрально противоположнаго первому направленія. По сему послѣднему, сила его нѣсколько не уменьшается до самаго окончанія бури. Въ центрѣ урагана пониженіе ртути барометра наибольшее. Она нѣсколько возвышается передъ переменою направленія вѣтра.

10. Когда ураганъ придетъ на ближайшее разстояніе къ Американскому берегу, или, когда онъ свирѣпствуетъ на самомъ берегу, то чѣмъ далѣе онъ пройдетъ во внутрь его, вѣтръ болѣе начинается отъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ румбовъ, а потомъ, съ болѣею или меньшею постепенностью, склоняется черезъ сѣверъ къ сѣверо-западу и западу, гдѣ и оканчивается.

11. Изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ слѣдуетъ, что главная масса урагана вращается горизонтально вокругъ вертикальной, или наклонной оси, склоняющейся въ сторону на пути его, и что направленіе вращенія неизмѣнно *отъ правой руки къ левой.*

12. Во всѣхъ широтахъ, барометръ понижается въ первую половину пути урагана, исключая, можетъ быть, крайняго сѣ-

вернаго своего предѣла, и такимъ образомъ даетъ ближайшее указаніе о приближеніи его. Ртуть поднимается снова, когда начнетъ проходить послѣдняя часть бури.

Читателю весьма естественно захочется знать: какого рода феномены происходятъ внутри коллоро-та, или въ самой оси вращенія бури? Извѣстно, что въ сердцѣ свирѣпствующаго въ открытомъ морѣ урагана, за сильными *порывами*, слѣдуетъ кратковременная тишина, или порывы меньшей ярости; отсюда Г. Редфильдъ заключаетъ, что ось вращенія урагана колеблется на своемъ пути съ значительною скоростью кругообразно, по окружности средственнаго протяженія, около центра урагана. Онъ предполагаетъ, что такое разноцентренное вращательное движеніе можетъ быть существенно продолжительной дѣятельности, или силъ урагана.

Четвертое и послѣднее сочиненіе Г. Редфильда имѣетъ предметомъ поясненіе его предшествовавшихъ трудовъ. Онъ кладетъ на картѣ пути нѣкоторыхъ урагановъ, о которыхъ имѣлъ случай собрать свѣдѣнія. На нихъ показано ежедневное поступательное шествіе бурь. Мы выпишемъ здѣсь списокъ начертанныхъ имъ бурь:

I. Ураганъ, прошедшій черезъ Тринидадъ, Тобаго и Гренаду, 23 Юня 1831 г.,

II. Ураганъ 10 Августа 1831 г., о которомъ мы говорили выше.

III. Ураганъ, промчавшійся черезъ Западные Острова, 17 Августа 1827, и кончившійся около Пещанаго острова, 27 числа; въ краткій промежутокъ *одинадцати* дней, онъ сдѣлалъ болѣе 3000 морскихъ миль, съ среднею скоростью около *одинадцати* миль въ часъ.

IV. Ураганъ, пронесшійся черезъ Навѣтренные

острова, 3 Сентября 1804 г., через Дввичьи острова, 4 Сентября, через остров Турки 5-го, через Багамские острова 6-го, через берегь Георгий и Каролинские острова 7-го, Чизапикский и Делаверский заливы, и Виргинию, Мерилендъ и Нью-Джерзей 8-го, и наконецъ, через Штаты Массачусетский, Нью-Гемпширский и Майнскій 9-го Сентября; въ горахъ Нью-Гемпшира онъ сдѣлался сильнымъ снѣговымъ вихремъ, и прошелъ въ *шесть* дней 2200 миль, съ среднею скоростью около $15\frac{1}{2}$ миль въ часъ.

V. Ураганъ, опустошившій Антигоа, Невисъ и С. Киттъ, ночью 12 Августа 1835 г. и достигшій Метамора и Мексиканскаго берега 18-го, пройдя черезъ острова Св. Томы, Санъ-Доминго и Кубу. Скорость его была $15\frac{1}{2}$ миль въ часъ, на разстоянн 2,200 миль, пройденныхъ имъ въ шесть дней.

VI. Замѣчательный ураганъ 12 Августа 1830 года, о которомъ мы упоминали выше. Онъ посѣтилъ островъ Св. Томы 12-го, и достигъ Нью-Фуонландской и Порпойзовой (Porpoise Vale) мѣлей 19 числа, пройдя въ сіе время болѣе 3000 морскихъ миль, съ среднею скоростью 18-ти миль въ часъ.

VII. Ураганъ, промчавшійся надъ Атлантическимъ океаномъ въ 1830 году, встрѣченный къ сѣверу отъ Вестъ-Индскихъ острововъ. Онъ прошелъ восточнѣе другихъ, и достигъ большой Нью-Фуонландской мѣли 2 Октября, истребивъ на пути множество судовъ. Онъ прошелъ 1,800 миль, съ среднею скоростью 25-ти миль въ часъ.

VIII. Ураганъ, гораздо меньшей ширины, но сильнѣйшій, встрѣченный около острова Турки 1 Сентября 1821 года, и достигшій Майнскаго Штата,

пройдя въ шестьдесятъ часовъ 1,800 миль, съ среднею скоростью 30 миль въ часъ.

IX. Сильный и широкій ураганъ, встрѣченный къ сѣверу острова Турки, 22 Августа 1830 г. Онъ прошелъ сѣвернѣе Багамскихъ острововъ, 23, 24, 25 и 26-го числа, истребилъ и повредилъ въ океанѣ множество судовъ, но едва коснулся Американскаго берега. Поступательное его движеніе было медленнѣе другихъ.

X. Сильный снѣговой вихрь 5 и 6 Декабря, происшедшій вдоль Американскаго берега, начиналъ отъ 30° широты.

XI. Часть пути сильной бури, свирѣствовавшей на материкъ и промчавшейся надъ озерами Эрио и Онтарио, 11 Ноября 1835 г.

Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній, Г. Редфильдъ дѣлаетъ слѣдующія заключенія:

Безъ труда можно замѣтить, что пути болшей части означенныхъ мною на картѣ урагановъ представляютъ кривую линію, эллиптическаго, или параболическаго свойства, что будетъ еще очевиднѣе, если мы сдѣлаемъ поправки видимыхъ легкыхъ отклоненій отъ правильнаго пути, причина коихъ, въ особенности въ большихъ широтахъ, не ималъ какъ та, что онъ черчены на картахъ плоской проекціи. Также разительнъ и тотъ фактъ, что вершина кривой линіи падаетъ болшего частію въ 30° широты, или около того. Соображая сіе послѣднее обстоятельство, не излишнимъ будетъ замѣтить, что широта 30° , въ обѣ стороны отъ экватора, есть крайній предѣлъ пассатныхъ ветровъ, а также, что параллель 30° , какъ въ Сѣверномъ, такъ и въ южномъ полушаріяхъ, разделяетъ площадь поверхности ихъ почти на двѣ равныя части, такъ, что площадь пояса земли и атмосферы заключающагося между экваторомъ и 30° широты, равняется площади остальной поверхности полушарія, отъ 30° до полюса.

Независимо отъ ученой занимательности подобныхъ изысканій, онѣ имѣютъ существенную поль-

зу. Г. Редфильд старался вывести несколько практических правил, руководствуясь которыми, моряк может, хотя отчасти, избавиться бедствий от ярости урагана. Правила сии требуют, без сомнѣній, еще весьма обширнаго развитія, которое неминуемо должно слѣдовать за распространением наших свѣдѣній о законахъ бурь. Несмотря на то, наука уже сдѣлала важный шагъ впередъ, если результаты ея изысканій подають человечеству хотя малѣйшее облегчение отъ бедствий, считавшихся доселѣ неминуемыми:

«1. Судно, идущее къ востоку, въ широтахъ 32° и 45° , въ западной части Атлантическаго Океана, будучи застигнуто ураганомъ, начинающимъ дуть отъ какаго нибудь румба восточнѣе SO, или даже OSO, можетъ избѣгать части его силы, обративъ носъ свой къ северу, и когда вѣтеръ сдѣлаетъ свое круговращеніе въ ту сторону, оно можетъ выйти изъ предѣла коловорота, и безопасно продолжать свой путь. Но, направлясь въ подобныхъ обстоятельствахъ на югъ, по всей вѣроятности, попадетъ оно въ сердце урагана и можетъ погибнуть.

«2. Въ тѣхъ же краяхъ, суда, принимая ураганъ отъ SO, или близкихъ къ нему румбовъ компаса, весьма легко могутъ попасть въ центръ бури, и выдержавъ первый ея напоръ, могутъ ожидать другаго съ противоположной стороны. Желая недолго и немного страдать отъ жестокости урагана, надобно тогда править на югъ, сколько будетъ возможно или нужно. Если сіе движеніе удастся, вѣтеръ будетъ постепенно выжимать судно изъ своей пучины. Когда понадобится его привести (to heave to), должно обратитъ носъ къ югу, и если вѣтеръ не станетъ перемѣняться, то надобно ждать порыва отъ сѣверо-запада.

«3. Въ тѣхъ же самыхъ широтахъ, если судно бѣжитъ съ штормомъ, дующимъ отъ O или NO, то оно скорѣе выберется изъ урагана. Напротивъ того, если оно бѣжитъ на Фордевиндъ передъ SW, или W, то можетъ пробыть въ немъ долѣе.

«4. Судно, идущее въ сей части Атлантическаго Океана, къ западу, или юго-западу, встрѣчаетъ ураганы на пути ихъ, и тѣмъ сокращаетъ для себя ихъ продолжительность. Оно встрѣтитъ въ тоже число дней больше бурь, нежели тогда, когда оно стояло бы на мѣстѣ, или шло другимъ курсомъ.

«5. Съ другой стороны, когда суда править на O, или NO, т. е. идутъ по пути урагановъ, то, безъ сомнѣнія, промежутки между ними будутъ длиннѣе, и, слѣдственно, онѣ рѣже будутъ подвергнуты ихъ дѣйствию, нежели права другимъ курсомъ. Разность случаевъ, зависящая отъ совпаденія курса судна съ путемъ урагана и противоположность ихъ, около Американскихъ береговъ, содержится какъ два къ одному.

«6. При застрахованіи судовъ и груза, можно брать въ расчетъ направленіе судна, ибо, какъ показано въ двухъ предыдущихъ параграфахъ, рискъ и несчастные случаи находятся въ зависимости отъ курса.

«7. Такъ какъ въ сихъ широтахъ вѣтры и состояніе погоды находятся въ довольно тѣсной связи съ различными измѣненіями урагановъ, какъ было выше сказано, то наблюдательный морякъ можетъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о приближеніяхъ бури, по перемѣнамъ вѣтра и погоды, что можетъ быть ему весьма полезнымъ.

«8. Должное вниманіе къ численнымъ фактамъ, неминуемо усугубитъ довѣренность къ указаніямъ барометра, которыми не должно пренебрегать ни

въ какомъ случаѣ, даже если бы паденіе ртути не могло быть приписано никакимъ обнаруживающимся признакамъ усиленія вѣтра, или измѣненія погоды, потому, что ураганъ можетъ налетѣть неожиданно, и тѣмъ съ большею силою, чѣмъ долѣе онъ скрываетъ свое приближеніе.

«Въ тропическихъ широтахъ не должно нималѣйше довѣрять обыкновеннымъ указаніямъ барометра, т. е. надписямъ, означающимъ, когда должны быть великая сушь, ясно, переливно, дождь, буря, и проч. Тамъ сіи указанія заставляютъ только сомнѣваться въ вѣрности столь важнаго инструмента. Должно смотрѣть на одно только возвышеніе и пониженіе ртути, а не на совпаденіе ея съ тою или другою точкою масштаба.

«9. Сіи практическіе выводы примѣняются только къ бурямъ, прошедшимъ сѣвернѣе 30° широты вдоль Американскаго берега, но, съ нужнымъ ограниченіемъ относительно румба компаса, могущимъ происходить отъ западнѣйшаго пути, слѣдуемаго ураганомъ, пока онъ еще въ малыхъ широтахъ, правила сіи могутъ быть вообще приложены ко вѣбмъ Вестъ-Индскимъ и свирѣпствующимъ южиѣ параллели 30° широты ураганамъ. Такъ какъ примѣчательныя случаи бурь бывають здѣсь менѣе часты, достаточно замѣтить, что румбъ направленія вѣтра, въ случаяхъ, впрочемъ между собою сходныхъ, въ Вестъ-Индскихъ моряхъ, почти всегда на десять, или двѣнадцать румбовъ лѣвѣе, нежели при берегахъ Соединенныхъ Штатовъ, въ широтѣ Нью-Йорка.

«Переменчивость вѣтровъ и погоды на семь берегу, не подходящая подъ предвѣдущія классификаціи, замѣчательна въ Апрель, Маѣ и Іюнь болѣе, нежели въ другіе мѣсяца.

«Восточныя или южныя вѣтры, въ которые ртуть

барометра возвышается, или сохраняетъ свою высоту, не имѣють вращательнаго, или бурнаго свойства. Сіи вѣтры часто оканчиваются при паденіи ртути и обыкновенномъ феноменѣ восточнаго шторма.»

Г. Редфильдъ оканчиваетъ свои драгоценныя замѣчанія, выведеннымъ имъ изъ долгихъ наблюденій, заключеніемъ, что большіе вращенія вѣтра, которыми пассаты весьма много содѣйствуютъ, происходятъ почти одинаково во всѣхъ большихъ моряхъ, и что поступательный ихъ путь въ южномъ полушаріи *противоположенъ* пути ихъ въ сѣверномъ, и общія измѣненія и ходъ ихъ *соотвѣтствуютъ другъ другу въ обѣихъ полушаріяхъ.*

Отъ изслѣдованій почтеннаго заатлантическаго наблюдателя, перейдемъ къ изысканіямъ Англійскаго полковника Рейда, трудившагося надъ своимъ предметомъ съ величайшею ревностію и искусствомъ, и издавшаго свои изслѣдованія въ прошломъ году въ Лондонѣ (*An Attempt to Develop the Laws of Storms, съ атласомъ*). Его вниманіе обратилось на предметъ впервые по случаю назначенія его на островъ Барбадосъ, для возобновленія казенныхъ зданій, сокрушенныхъ ураганомъ 1831-го года, причѣмъ 1,477 человекъ лишились жизни, въ краткій промежутокъ семи часовъ. Для изученія причинъ и дѣйствія столь ужасныхъ бурь, онъ старался добывать отсюду описанія предшествовавшихъ урагановъ, и къ счастью, попалъ между прочими матеріалами и на сочиненія Г. Редфильда. Убѣдившись съ перваго взгляда въ справедливости понятій Г. Редфильда, полковникъ Рейдъ рѣшился повѣрить ихъ, начертавъ карты большаго масштаба и проложивъ на нихъ различныя обстоятельства бурь, изъ собранныхъ имъ самимъ и найденныхъ у Г. Редфильда свидѣній. Чѣмъ

съ большою тщательностію онъ трудился, тѣмъ болѣе убѣждался, что ураганъ есть действительно ни что иное, какъ *подвигающийся впередъ вихрь*. Но г-нъ Рейдъ не удовольствовался простою повѣркою и болѣе точною прокладкою на планѣ трудовъ своего предшественника. Онъ выпросилъ у Адмиралтейства *шканечные журналы* Англійскихъ кораблей, плававшихъ въ полосѣ урагановъ, и соображая заключавшіяся въ нихъ извѣстія съ сдѣланными имъ самимъ наблюденіями, собралъ частныя подробности нѣсколькихъ урагановъ. Г. Рейдъ ясно и неоспоримо доказалъ ихъ вращательное и поступательное свойства, убѣдился, что величайшая ихъ разрушительность происходитъ именно отъ вращательной силы, и подтвердилъ остроумную гипотезу Американскаго естествоиспытателя, что ураганы въ Южномъ полушаріи вращаются въ сторону, противоположную сѣвернымъ, т. е. *отъ лѣвой руки къ правой*.

Не приступая къ дальнѣйшему разбору, постараемся дать нашимъ читателямъ понятіе о Вестъ-Индскомъ ураганѣ, выбравъ занимательнѣйшія подробности изъ описанія Барбадосскаго урагана 1834 года. Переходя отъ Барбадоса къ С. Винценту, онъ двигался съ среднею скоростью около 10-ти миль въ часъ. Прежде нежели онъ достигъ С. Винцента, г-нъ Симонсъ замѣтилъ къ сѣверу отъ острова облако, столь угрожающаго вида, что не припомнитъ ничего подобнаго во все время сорокалѣтняго своего пребыванія въ тропическихъ странахъ. Онъ писалъ къ полковнику Рейду, что облако было *оливково-зеленаго* цвѣта. Г. Симонсъ поспѣшилъ домой, и заколотивъ всѣ двери и окна, спасъ свое жилище отъ разрушенія. Въ Кингстонскомъ заливѣ вода была такъ высока, что наводнила улицы; у многихъ строеній крѣпости Шарлотты снесло крыши; другія бы-

ли совершенно разрушены. Замѣчательнѣе всего феноменъ, произведенный ураганомъ надъ обширнымъ лѣсомъ, покрывающимъ значительную часть острова С. Винцента. Множество деревьевъ сѣверной части лѣса были *убиты* (killed), не будучи вырванными. Полковникъ Рейдъ разсматривалъ ихъ много разъ съ большимъ вниманіемъ, въ 1832-мъ году. По его мнѣнію, онѣ были лишены растительной жизни не отъ силы вѣтра, а отъ чрезмѣрнаго количества электрической матеріи, приведенной въ движеніе бурей. Такое дѣйствіе электрическаго огня есть, какъ кажется, необходимая принадлежность всякаго сильнаго урагана. Во время урагана, происходившаго въ 1671 году, молнія, по описаніямъ, не извивалась по обыкновенію своими живыми, кратковременными вспышками, но въ видѣ быстрого пламени пробѣгала по поверхности земли, и потомъ опять поднималась въ верхніе слои воздуха. Въ бурю, разразившуюся надъ Барбадосомъ въ 1831-мъ году, два Негра были приведены въ ужасъ электрическими искрами, выходящими изъ одного изъ нихъ, что случилось въ саду Кодрингтонова училища, гдѣ хижину Негровъ снесло ураганомъ, и оба они, поддерживая другъ друга въ темнотѣ, старались добратся до главнаго строенія. Другой замѣчательный феноменъ ознаменовалъ сей ураганъ. Море, порываясь черезъ утесы сѣверной части острова, на высоту 70 футовъ, дробилось въ брызги, которые вѣтромъ несло во внутреню часть острова на разстояніи нѣсколькихъ миль, и во всѣхъ частяхъ острова *шелъ дождь изъ соленой воды*. (Вфронтно, г-нъ Рейдъ называетъ дождемъ только *пузырьки* соленой воды. Въ крѣпкіе сѣверо-восточные вѣтры, разбивающіе морскія волны объ утесистые берега у С. Андрью, въ Шотландіи, брызги несутся черезъ городъ въ видѣ *пузырьковъ*, или

пныи, которая, разбиваясь объ окна, или падал на землю, показываеъ свое настоящее происхождение, оставляя комечки соленой матеріи, обыкновенно остающіеся послѣ испаренія морской воды). Рыба въ прудахъ прѣсной воды маіора Ликокка вса перемерла, а въ Брайтъ-Галль, около двухъ миль къ SSO отъ мыса, вода въ прудахъ была солона нѣсколько дней по прошествіи бури.

Великій переворотъ стихій, составившій Барбадосскій ураганъ, начался 18-го Августа послѣ полудня, шквалами, сопровождаемыми проливнымъ дождемъ и перемежавшимися штилями. Около 4-хъ часовъ по полудни настала ужасная, зловѣщая темнота. Около зенита показался кругъ мерцающаго полусвѣта, занимавшій дугу вертикала около 35° или 40°. Слѣдующее описаніе Барбадосскаго урагана было издано полковникомъ Рейдомъ въ Бриджътоунѣ:

Послѣ полуночи, продолжительныя освѣщенія молній были страшно величественны, и жестокіе порывы дули отъ N и NO, по въ часть ярость вѣтра увеличилась; буря, ревѣвшая сперва отъ NO, вдругъ перемѣнила направленіе и задула отъ NW и *промежуточныхъ румбовъ компаса*. Верхняя атмосфера озарялась на то время непрерывными молніями, но сію трепещущую массу свѣта безпрестанно перерывали еще болѣе яркія струи электрическаго огня, разсѣивающаго небо по всѣмъ направленимъ. Нѣсколько спустя послѣ двухъ часовъ загудѣлъ отъ NO ураганъ, съ нестерпимо оглушительнымъ ревомъ. Около 3-хъ часовъ сила его нѣсколько унялась, но по временамъ дули бѣшеные порывы отъ SW, W и WNW.

«Прекратившаяся на нѣсколько мгновеній молнія оставила городъ въ совершенномъ мракѣ. Потомъ начали падать съ неба огненные метеоры; одинъ, шарообразнаго вида и темно-краснаго цвѣту, спустился съ неизмѣримой высоты вертикально. Очевидно было, что онъ упалъ отъ своей собственной тяжести, а не былъ понужденъ къ тому постороннею силой. Приближаясь къ землѣ, съ возрастающею скоростью, онъ

вдругъ принялъ цѣвь освѣлительно бѣлый и продолговатую форму, и грянувшись на землю, разсыпался всплесками, подобно пролитому расплавленному металлу, погаснувъ въ одно мгновение. Видомъ и величиною походитъ онъ на обыкновенную бочку; блескъ и расплескание его частицъ, при паденіи на землю, дѣлали его похожимъ на огромную массу рутьи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ сего явленія, оглушительный шумъ бури понизился до отголоска отдаленнаго рева; молніи, съ самой полуночи, безпрестанно освѣщавшіе сцену опустошенія, съ немногими, мгновенными перемерками, въ продолженіе почти полуминуты ужасно и непрерывно играли между облаками и землею. Густая черная туча, казалась, дотрогивалась до крышъ домовъ и выбрасывала изъ себя массы пламени, которыя, отразясь отъ земли, опять возвращались обратно въ свои облачныя жилища.

«Тотчасъ послѣ сей перемѣны освѣщенія молніи, ураганъ снова ворвался отъ запада съ неописанною силою, бросая и крутя передъ собою цѣлый столбъ земли, деревьевъ и обломковъ жилищъ. Крѣпчайшіе дома были потрясены въ основаніи и поверхность земная трепетала подъ яростью разрушителя. Громъ не былъ слышенъ во все это время. Ужасный ревъ и стоиъ бури, шумъ океана, волны, которыя порывались затопить городъ и кончить разрушеніе, недовершенное другими бунтовавшими стихіями, трещаніе черепицъ, паденіе сорванныхъ крышъ и разрушенныхъ стѣнъ, и соединеніе тысячъ разнородныхъ звуковъ, составляли одну ужасающую, безобразную, адекую симфонію. Тотъ, кто не былъ очевидцомъ, не можетъ составить себѣ никакого понятія объ ощущеніяхъ, томившихъ и подавлявшихъ всѣ способности человѣческія въ сіи часы общаго ужаса.

Послѣ пяти часовъ, промежутки меньшей ярости бури дозволяли разслушать паденіе на землю черепицъ, камней, бревенъ, и проч., что въ *предшествовавшій порывъ былло, впрямлю, взброшено вверхъ на значительную высоту*.

Когда разсвѣтъ дозволялъ различать предметы, я отиравался на верѣ. Дождь падалъ съ такою силою, что больно было выносить его. Видъ былъ величественъ внѣ всякаго описанія. Испанскія волны бѣшено катились впередъ, какъ будто пренебрегалъ всѣми преградами, но приближаясь къ эллину, онъ, казалось, теряли свою ярость, превращались въ какую-то

колеблющуюся массу обломков бревенъ, корабельныхъ членовъ, досокъ, шестовъ, бочекъ, сѣна, и всякаго рода плавающихъ товаровъ. Два судна носились внутри плотины; за нею было видно множество опрокинутыхъ, разбитыхъ, или лежащихъ на боку, на мѣли, судовъ.

Съ высоты башни соборной церкви величественная, но вмѣстѣ съ тѣмъ горестная картина разрушенія открывалась взорамъ. Вся страна представляла огромную пустыню; никакого признака растительности не осталось послѣ бури, кромѣ пролягавшихся кой-гдѣ кое-какихъ клочковъ чахлой зелени. Казалось, будто поверхность земли была опалена пламенемъ, истребившимъ всякое произрастаніе. Малое число уцѣлѣвшихъ деревьевъ, безлиственныхъ, съ обломанными сучьями, имѣли какой-то ужасающій, зимній видъ. Прелестныя дачи, разбросанныя въ окрестностяхъ Бриджъ-тоуна, прежде столь веселыя и скрывавшіяся въ густой зелени душистыхъ рощей, были обнажены и разрушены.

Въ 1835 году, два урагана промчались надъ Вестъ-Индіей. Одинъ изъ нихъ, о которомъ, описывая карты Г. Редфильда, мы говорили подѣ № V, былъ въ Антигоу 12-го Августа. По пріобрѣтеннымъ полковникомъ Рейдомъ свѣдѣніямъ, въ первую половину бури вѣтеръ дулъ отъ сѣвера, а въ послѣднюю отъ юга. Между порывами былъ промежутокъ тишины около 20 минутъ. Изъ сего г-нъ Рейдъ заключаетъ, что центръ вращенія урагана перешелъ черезъ Антигоу. Барометръ упалъ на 1, 4 дюйма, и ряды вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ лежали по землѣ, образуя собою въ лѣсахъ просѣки.

Второй ураганъ 1835 года изображенъ на четвертой картѣ г-на Рейда, которому изъ шканечныхъ журналовъ военнаго парохода Спитфайръ и корабля *Боецъ* удалось вывести направленіе и обозначить общее вращательное свойство бури. Около 9 часовъ утра сдѣлалась огромная зыбь. Валы необычайной вышины катились у Карлильскаго залива, и около десяти часовъ утра вѣтеръ до того скрѣпчалъ, что

трудно было держаться на ногахъ. Сначала дувшій отъ NNO, постепенно склонился вѣтеръ къ O, и потомъ, продолжая отходить, въ концѣ бури дулъ уже отъ S, прямо въ Карлильскій заливъ. У Барбадоса штормъ затихъ около часа по полудни и совершенно прекратился къ двумъ часамъ. Въ половинѣ третьяго, Боецъ былъ въ центрѣ урагана, и, какъ кажется, перешелъ изъ правой его стороны въ лѣвую. Въ полночь Боецъ былъ еще внутри урагана, но въ часъ по полуночи 4-го Сентября вышелъ онъ изъ него. Спитфайръ, около шести часовъ по полудни 3-го числа, будучи въ лѣвой сторонѣ урагана, потерялъ гротъ-мачту, но въ 8 часовъ былъ уже внѣ бури. Ураганъ простирался до острова Св. Луціи, сѣверный берегъ котораго былъ усѣянъ обломками разбитыхъ судовъ и т. п., но ураганъ не былъ ощутителенъ въ С. Винцентъ. Краткость его пути достойна вниманія; онъ пришелъ, по видимому, отъ ближайшихъ къ S румбовъ компаса.

Въ пятой главѣ, занимающей болѣе 80 страницъ, полковникъ Рейдъ объясняетъ и проводитъ на трехъ занимательныхъ картахъ путь и явленія трехъ урагановъ, ознаменовавшихъ 1837 годъ.

Первый изъ нихъ пронесся черезъ Барбадосъ, утромъ 26-го Іюля. Онъ достигъ Мартиники въ 10 минутъ 1-го часа по полудни, уже прекратившаясь въ Барбадосъ. Санта-Круцъ почувствовалъ его въ полночь 26-го числа. Іюля 30-го, онъ принесся въ Флориду, и у ея береговъ разбилъ и повредилъ множество судовъ; направясь на сѣверъ, онъ достигъ Джаксонвилля, въ Флоридѣ, 1-го Августа, и оттуда перешелъ черезъ Саванну и Чарльстоунъ, слѣдуя сѣверо-восточнымъ направленіемъ.

Частный журналъ г-на Джемса, находившагося на военномъ Англійскомъ кораблѣ Спей, въ Барбадосъ,

26-го числа, уведомляет насъ, что сначала огромная зыбь катилась въ заливъ, въ сопровожденіи молній и грома. Небо приняло черно-синій цвѣтъ, съ краснымъ просвѣтомъ около самаго горизонта. Каждое освѣщеніе молній сопровождалось страннымъ шипѣніемъ, въ родъ того, какъ раскаленное желѣзо опускаютъ въ воду. Около 6-ти часовъ вечера барометръ быстро понизился до 28,45 дюйм. Въ половинѣ 8-го часа ураганъ разразился надъ кораблемъ со всею своею яростью. Въ 8-мъ часовъ вѣтеръ перемѣнился отъ OSO къ S, и съ полчаса дулъ съ такою силою, что люди не могли стоять на палубѣ. Морѣ катилось въ заливъ тяжелыми, похожими на бурныя валами; корабль качало такъ, что бушпритъ вмѣстѣ съ бакомъ уходили въ воду. Въ 9 часовъ вѣтеръ перешелъ къ WSW, барометръ началъ подниматься, и когда пасмурность прочистилась, г-нъ Джемсъ насчиталъ *двадцать одно* купеческихъ судовъ, выброшенныхъ на берегъ и совершенно разбитыхъ.

Изъ многихъ, собранныхъ г-мъ Рейдомъ, извѣстій о семь ураганъ, составилъ онъ пятую карту, которая являетъ намъ занимательные результаты. Въместо того, чтобы путь урагана представлялъ кривую линію, вознутую въ восточную сторону, она оказалась выпуклою отъ начала урагана у Барбадоса и до Санта-Круца, т. е., какъ будто ураганъ начался отъ южнаго направленія. Впрочемъ, кривая линія принимаетъ послѣ сего свое всегдѣшнее образованіе, и что всего любопытнѣе, вершина ея находится на параллели 30°, какъ у всѣхъ, изображенныхъ г-мъ Редфильдомъ урагановъ. Вращающійся цилиндръ атмосферы, сравнительно малый при началѣ урагана, постепенно распространялся до большой ширины, и наконецъ раздѣлился на обыкновенные неправильные вѣтры сѣвернаго полушарія.

Второй ураганъ 1837 года, названный *Антигойскими ураганомъ* (the Antigua hurricane), отличается тѣмъ, что начался гораздо восточнѣе всѣхъ другихъ. Подробности его въ высшей степени занимательны. Въ ночь 31-го Іюля (въ 8-мъ часовъ вечера), въ сѣверной широтѣ 17° 19', и зап. долготѣ 52° 10', капитанъ Сеймуръ, на купеческой бригантинѣ *Юдишь и Эсиръ*, изъ Корка, идя съ свѣжимъ NO вѣтромъ, замѣтилъ около зенита бѣлое явленіе кругообразнаго вида, и пока онъ всматривался въ него со вниманіемъ, сильный порывъ снесъ у него стеньгу и ундеръ-лисели. Въ часъ по полуночи, 1-го Августа, вѣтеръ скрѣпчалъ и развелъ огромное волненіе. Въ 7 часовъ утра вѣтеръ усиливался болѣе и болѣе; судно должно было закрѣпить всѣ паруса и идти въ одинъ снасти; волненіе ходило горами и почти заливало бригантину. Въ 8-мъ часовъ штормъ превратился въ ураганъ, до того жестокій, что люди не могли слышать словъ другъ друга, а не только сдѣлать что либо для своей безопасности.

Бригантина пустилась къ вѣтру (говоритъ капитанъ Сеймуръ, занимательное повѣствованіе котораго передаемъ мы цѣликомъ) и легла на бокъ отъ удара ужаснаго вала, смышаго весь лѣвый нашъ шкафутъ. Нѣсколько минутъ лежали мы на боку, и когда судно поднялось, вѣтеръ вдругъ отошелъ на SO. Едва успѣли мы опять провести нѣсколько времени, имѣя штормъ съ кормы, какъ снова повалило насъ на бокъ, и поднявшись, мы увидѣли, что отъ другаго шкафута у насъ осталось только нѣсколько досокъ. Опять была возможность править рулемъ съ четверть часа. Около полудня, минутъ на пятнадцать стихло, и ураганъ вдругъ перешелъ къ S, загудѣвши съ такою яростью, что мы потеряли всякую надежду на спасеніе. Волна, брошенная на насъ перемѣнившимся вѣтромъ, ударила въ лѣвый бортъ бригантинѣ и повалила ее на бокъ въ третій разъ. Нѣсколько времени пролежали мы въ такомъ положеніи. Каюты и декъ наполнились водою, не смотря на глухіе люки; бакъ, три щюпки, ростры — все

было смыто; рулевого унесло за бортъ, вмѣстѣ съ штурваломъ. Весь кнехты съ правой стороны переломало, и весь паруса, исключая грота, изорвало въ клочки; форъ-марсъ, пока мы лежали, раздробило волненіемъ въ щенки. какъ вдругъ, къ нашему неизъяснимому удивленію и восторгу, бригантина медленно начала подниматься, и мы не постигали, какимъ образомъ рука Всемогущаго спасла насъ отъ гибели, казавшейся неминуемою. Около часа времени мы не могли видѣть ни другъ друга, ни окружающихъ насъ предметовъ, ни даже свѣта. Когда такое ослѣпленіе кончилось, мы замѣтили, что ногти на нашихъ пальцахъ совершенно почернѣли; они приняли свой обыкновенный цвѣтъ не прежде, какъ черезъ пять недѣль.

Замѣчательная перемѣна цвѣта ногтей заставила полковника Рейда обратиться къ капитану Сеймуру за подробнѣйшими объясненіями. Сеймуръ говоритъ, что по его мнѣнію, мракъ былъ не такъ великъ, чтобы онъ мѣшалъ людямъ видѣть другъ друга, или различать предметы. Онъ полагаетъ, что ногти почернѣли около того же времени, когда глаза людей его были ослѣплены, и какъ всѣ вдругъ были подвержены сему дѣйствию, то причина того, по видимому, не въ сильномъ судорожномъ напряженіи, съ какимъ люди держались за вооруженіе, и проч., а въ томъ, «что тутъ дѣйствовало электричество, вызванное столкновеніемъ стихій.»

Истерзавши Юдию и Эсвиръ, ураганъ ринулся на Антигою, Невисъ, С. Киттъ, Санта-Крузъ, Св. Ому, Порто-Рико (гдѣ погибло 33 корабля) 2-го Августа. На остр. Св. Омы испыталъ весь ужасъ его корабль *Водная Вѣдьма*, капитанъ Нюбей. Утромъ вѣтеръ былъ N и NNW; къ 3-мъ часамъ сила шкваловъ заставила бросить якорь на 10 саженьяхъ (fathoms); въ 5 ч. за шквалами слѣдовалъ штормъ, а въ 7 ч. возсталъ ураганъ — beyond all description dreadful...

«Брашпиль,» говоритъ капитанъ, «сорвало съ мѣста, и не имѣя возможности выправить канатъ, я былъ дрейфовать, по-

ка не очутился на двадцати саженьяхъ (fathoms) глубины. Тогда на десять минутъ *затишье*, и послѣ того снова загудѣлъ ураганъ отъ S и SW съ самымъ ужаснымъ и *какимъ-то неземнымъ* (unearthly) *пронзительнымъ* *воплемъ*, какого мнѣ въ жизнь не случалось слышать. Всякая надежда казалась потерянною, потому, что вѣтеръ дулъ прямо въ берегъ и неправильное волненіе ходило горами. Форъ-брамъ-стенга, слетѣвшая нѣсколько прежде, и гичка, были на нѣсколько футовъ вскинуты на воздухъ, и насъ опять бросило на 12-ть сажень глубины. Въ 2 часа по полуночи 3-го числа, буря нѣсколько затихла и барометръ поднялся на одинъ дюймъ. Съ разсвѣтомъ я увидѣлъ, что изъ *сорока судовъ* увидѣли только мое и еще одно — всѣ остальные выбросило на берегъ, затопило, залило и опрокинуло.»

Августа 3-го, ураганъ пришелъ въ Порто Плата, на С. Доминго; 5-го числа, онъ снесъ мачты у купеческаго судна *Полерой*, около Абако; 6-го въ Джаксонвилль, въ Флоридѣ, разрушилъ онъ два каменные дома и истребилъ жатву хлопчатой бумаги. Судно *Анна*, продрейфовавъ при разливѣ рѣкъ и наводненіи отъ урагана на 6-ть миль въ глубину льсовъ, очутилось въ 700-хъ ярдовъ отъ береговъ рѣки. Августа 6-го ураганъ пришелъ въ широту 30°, гдѣ, повинуясь общему закону, ему слѣдовало бы перемѣнить свой путь къ сѣверо-востоку, но по какой-то необыкновенной причинѣ, онъ своротилъ на сѣверо-западъ внутрь Флориды, и 8-го числа достигъ Пенсаколы; линія общаго пути урагана не походила на параболу, а весьма разительно сходствовала съ вытянутымъ человѣческимъ бедромъ, или ногою.

Полковникъ Рейдъ не упоминаетъ особенно о столь странномъ явленіи, но мы можемъ заключить изъ слѣдующаго параграфа, что Антигойскій ураганъ уклонился отъ своего настоящаго пути потому, что онъ шелъ вмѣстѣ съ Барбадосскимъ ураганомъ, бывъ Т. VIII. — Отд. III. 11

шимъ у Чизапикскаго залива, въ то самое время, когда Антигойскій болѣе прямымъ путемъ вышелъ на берега Флориды и Георгіи.

«Въ верхней части VI-й карты», говоритъ полковникъ Рейдъ, «означено пунктирнымъ кругомъ мѣсто, гдѣ, должно полагать, Барбадосскій ураганъ направился къ мысу Гаттерасу, 6-го Августа, въ то самое время, когда Антигойскій разразился надъ берегами Георгіи и Флориды. Не трудно понять, что если двѣ бури имѣютъ вращательное свойство, то когда пути ихъ сближаются между собою, вѣтръ, дувшій въ одномъ, непременно долженъ переимѣниться отъ приближенія другой. Такимъ образомъ можно себя объяснить подобнаго рода измѣненія.»

Далѣе, полковникъ Рейдъ, начинаетъ описывать явленія другаго урагана, обширнѣе предъидущаго, встрѣченнаго Глазговскимъ судномъ *Felicity*, 12-го Августа 1837 года, при самомъ началѣ, въ сѣв. широтѣ $16^{\circ} 55'$, зап. дол. $53^{\circ} 45'$, въ ту часть года, когда послѣднія Ямойскія суда находятся на пути въ Англію. По сей причинѣ, карта подъ № VII-мъ, показывающая путь сего урагана, вся испещрена мѣстами встрѣтившихъ его судовъ. Около полуночи 14 Августа, корабль *Castries* прошелъ черезъ послѣднюю часть урагана, около начала его пути, въ шир. 18° , долг. 60° ; 15 числа онъ пришелъ къ острову Турки; 16-го, онъ далъ себя почувствовать судамъ, бывшихъ къ востоку отъ Багамекихъ острововъ; 17-го, кунеч. судно *Kalınca* опрокинуло ураганомъ около Абаско, съ самыми удивительными обстоятельствами. Когда положило его на бокъ, капитанъ и 14-ть матросовъ, стараясь, если не спасти, то хотя нѣсколько продлить свою жизнь, взобрались на гротъ и бизальванты, въ то время, когда топы мачты были уже въ водѣ. Судно быстро шло

ко дну. Пока нѣкоторые рѣзали навѣтренные талрепы, другіе въ безумномъ отчаяніи звали къ небу, или въ оцѣпененіи ждали смерти, а два матроса, отправившіеся для осмотра течи, плавали въ трюмѣ. Бизань мачта и потомъ гротъ и фокъ мачты слетѣли одна за другою, но мѣръ того, какъ судно уходило въ воду носомъ впередъ. Послѣ сего облегченія, оно начало понемногу подниматься, и хотя волненіе ходило черезъ него и все насосы были переломаны — все люди до единого спаслись!

Около полуночи, 18-го Августа, въ широтѣ 31° , куп. судно *Раулинсъ*, подъ начальствомъ шкипера Маккина, было, какъ кажется, въ самой оси вращенія урагана, въ то время, когда онъ достигъ вершины своего параболическаго пути. 17-го числа дулъ крѣпкій вѣтеръ отъ NOЮ цѣлые двѣнадцать часовъ; потомъ онъ вдругъ отошелъ къ N, продолжая дуть съ тою же неукротимою яростью до полуночи 18-го числа, когда внезапно наступилъ совершенный штиль, продолжавшійся съ часъ зрѣленія. Потомъ съ быстротою мысли снова загудѣлъ ураганъ, съ прежнею ужасною силою, отъ SW, передъ чѣмъ не было даже никакой зыби.» Въ продолженіе бури ртуть барометра едва была видна за обдѣлкою инструмента. Въ полночь, 19-го Августа, сила урагана унялась; ужасное волненіе поднялось со всѣхъ сторонъ. Верхушекъ валовъ не было видно — ихъ срывало силою вѣтра, разстилавшаго все ихъ въ одну обширную капящую массу пѣны; на палубу падали въ изнеможеніи морскія птицы, ища себѣ убѣжища. Въ продолженіе дня не возможно было различать предметовъ въ 50-ти ярдахъ разстоянія. Вояль вѣтра походилъ на сліяніе безчисленнаго множества человѣческихъ голосовъ, визжавшихъ самыми рѣзкими тонами. Нѣсколько разъ сверкнула молнія въ SW

сторонѣ, и «какое-то пасмурное явленіе» показалось въ NW сторонѣ горизонта, гдѣ двигался центрѣ урагана.

Суда: *Герцогъ Манчестерскій* и *Паламбамъ*, оставшіяся къ югу отъ двухъ первыхъ урагановъ были въ самомъ сердцѣ послѣдняго. Паламбамъ утонулъ подѣ зарифленнымъ во всѣ рифы гротѣ марселемъ около самаго центра бури, а Герцогъ Манчестерскій спасся съ большимъ трудомъ. Въ продолженіе урагана, въ часъ по полудни, 17-го Августа, самое необычайное явленіе показалось мгновенно въ навѣтренной сторонѣ горизонта. Оно походило на *черную вертикальную стѣну* около 15, или 20° возвышенія надъ горизонтомъ, и исчезло почти въ тоже мгновеніе. Потомъ явилось оно съ тою же внезапностью, и черезъ пять секундъ разнеслось, такъ далеко, какъ только глазъ могъ видѣть. Этотъ «черный шкваль», какъ писалъ г-нь Гриффитъ къ полковнику Рейду, «имѣлъ самый зловѣщій видъ (appalling sight), какой только мнѣ случалось видать въ продолженіе всей моей долговременной жизни.» Одинъ офицеръ военнаго Англійскаго корабля *Тартаръ*, (*Tartarus*), описывая ураганъ, застигшій ихъ около Американскихъ береговъ, 26-го Сентября 1814 года, говорить, что спустя четыре часа послѣ начала бури, сопровождавшейся огромнымъ волненіемъ, ртуть понизилась до того, что ея не было видно за деревомъ обдѣлки, и видъ неба былъ неописанно ужасенъ. «Никакого горизонта не было видно, но что-то похожее на неизмѣримую черную стѣну окружало насъ.» *Тартаръ* повалился на бокъ, и гротъ и бизань мачты слетѣли, такимъ образомъ, что ни одинъ человекъ на цѣломъ кораблѣ не слышалъ даже треска.

21-го Августа, корабль *Вестъ-Индіецъ* былъ, какъ

кажется, въ центрѣ урагана, въ широтѣ 38° 23' и долготѣ 62° 40'. Въ 10-ть часовъ вечера налетѣлъ на него ураганъ, и судно носилось среди бѣлаго дыма, или тумана, по морю бѣлому, какъ полотно. Въ полночь почти стихло. Въ часъ вѣтеръ усилился до высочайшей степени. По временамъ море было гладко; 22-го числа въ полдень буря была въ степени величайшей своей силы. Люди не могли слышать другъ друга, и дождь и брызги валовъ едва дозволяли имъ открывать глаза.

Августа 24-го, когда предыдущій ураганъ миновалъ *Вестъ-Индіецъ*, третій вращательный штормъ настигъ далѣе къ югу суда: *Clydesdale*, въ широтѣ 32° 21', долготѣ 59°, *Викторію*, въ широтѣ 32° 30', долг. 54° 30', и *Castries* въ широтѣ 35°, долготѣ 58°. *Castries*, принужденный взять у марселей послѣдній рифъ, очутился вскорѣ послѣ того во внезапномъ штилѣ, и вѣтеръ, при большой силѣ, быстро переменялся. Полковникъ Рейдъ заключаетъ, что судно сіе было въ центрѣ вращенія урагана. Сильный порывъ снесъ у *Викторіи* мачты и опрокинулъ ее, а *Clydesdale*, пролежавъ на боку около двухъ часовъ, поднялся, потерявъ стѣнки съ ихъ вооруженіемъ. Сей второй примѣръ урагана, слѣдующаго въ слѣдъ за другимъ, ведетъ полковника Рейда къ объясненію о происхожденіи переменныхъ вѣтровъ, «потому, что большая буря сдѣлала бы 22-го числа вестовый штормъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ меньшій, дуя отъ S, далъ вѣтру направленіе отъ O. Въ такомъ отношеніи ни одинъ ураганъ не можетъ сравняться въ занимательности явленій съ симъ послѣднимъ.»

Пятый ураганъ былъ въ 1837 году. Онъ пришелъ отъ W. Полковникъ Рейдъ слѣдилъ подробно за всѣмъ его теченіемъ; начиная отъ Аполачикола и Св. Марка, въ Штатѣ Алабамскомъ, гдѣ, 31-го Ав-

густа, онъ произвелъ большое опустошеніе. Оттуда пройдя черезъ Флориду, онъ вошелъ въ Атлантическій Океанъ, гдѣ судно *Каликса* встрѣтило его подъ фальшивымъ вооруженіемъ и принуждено было стать на якорь, на 30-ть миль къ югу отъ мыса *Ужаса*. *Каликса* пришло бурю сперва отъ восточной стороны. Въ ночь, 31-го числа, вѣтеръ усилился и отошелъ къ *сѣверу*, а въ полдень 1-го Сентября задулъ штормъ, который утромъ перешелъ къ WNW и нѣсколько стихъ; такимъ образомъ ясно, что и сей послѣдній штормъ имѣлъ вращательное свойство.

Далѣе полковникъ Рейдъ разсматриваетъ львенія штормовъ Южнаго Полушарія. И здѣсь собранныя имъ съ неутомимою дѣятельностью свѣдѣнія привели его къ тѣмъ же результатамъ, какъ и прежде его труды. Можемъ сказать утвердительно, что онъ доказалъ, въ всякаго опроверженія, свойство соединенія вращательнаго и поступательнаго движеній урагановъ Южнаго Полушарія, и во всѣхъ случаяхъ подкрѣпилъ остроумную теорію г-на Редфильда, что въ ураганахъ, имѣющихъ своимъ поприщемъ Южное Полушаріе, вращающаяся масса воздуха движется отъ *левой руки къ правой*, по направленію противоположному пути сѣверныхъ урагановъ. Здѣсь мы видимъ, что дѣланныя надъ барометромъ наблюденія были многочисленнѣе и тщательнѣе предыдущихъ, и такова правильность, съ которою ргуть падаетъ до половины продолжительности урагана и поднимается послѣ сего времени, что полковникъ Рейдъ считаетъ сей фактъ новымъ доказательствомъ вращенія атмосферы въ ея поступательномъ движеніи впередъ.

Ураганы, о которыхъ полковникъ Рейдъ говоритъ здѣсь, суть слѣдующіе:

1. Ураганы близъ острова Мавриціа (Ильдефранса) въ 1818, 1819, 1824, 1834 и 1836 годахъ.
2. Штормъ, выдержанный линейнымъ кораблемъ Куллоденомъ, въ 1809 г.
3. Штормъ корабля *Бойна*, въ 1835 г.
4. Штормъ лин. кор. Албіона, въ 1808 г.
5. Штормы у остр. Мавриціа, 1811 г.
6. Штормъ кораб. Бленгейма, въ 1807 г.
7. Ураганъ корабля Бриджватера, въ 1830 г.
8. Ураганъ кораб. Нептуна, въ 1835 г.
9. Штормъ кораб. Гангеса, въ 1837 г.

Достойно примѣчанія, что всѣ предыдущіе ураганы, числомъ *тринадцать*, за исключеніемъ трехъ, произошли въ сосѣдствѣ острововъ Мавриціа и Мадагаскара. Отсюда видимъ основательность мнѣнія, господствующаго между моряками, что для избѣженія урагановъ въ тѣхъ моряхъ, надобно только держаться отъ Мавриціа далѣе къ востоку. Три исключенія изъ сего правила слѣдующія: ураганъ *Албіона*, бывшій въ южн. широтѣ 5° и вост. долготѣ 90°, около 30° къ востоку отъ Мавриціа; *Бриджватеровъ* ураганъ, въ южн. шир. 21°, западной долготѣ 90°, и *Гангесовъ* штормъ, испытанный симъ кораблемъ въ шир. 3° 5', долготѣ зап. 90°. Не смотря на сѣ, и безъ сомнѣнія, многія другія исключенія, страну около Мавриціа можно разсматривать, какъ фокусъ урагановъ Южнаго полушарія, подобный Вестъ-Индіи и омываемому Атлантическимъ Океаномъ берегу Сѣверной Америки, фокусу сѣверныхъ урагановъ.

Самые жестокіе ураганы, сколько дошло о нихъ описаній, имѣли свое происхожденіе и разражались около двухъ упомянутыхъ мѣстъ, и хотя незамѣтно особенныхъ обстоятельствъ, сопряженныхъ съ

распределеніемъ земной теплоты, электричества и магнетизма, которыя привели бы насъ къ убѣжденію, что дѣйствительно тутъ находится отчизна урагановъ, но мы можемъ надѣяться, что изучивъ подробнѣе свойства внутренности материка и острововъ около сихъ мѣстъ, мы будемъ въ возможности составить себѣ о нашемъ предметѣ довольно приближенную гипотезу. Для сего необходимо выбрать изъ лучшихъ матеріаловъ соотношеніе, существующее между переворотами и припадками нашей атмосферы и феноменами дѣйствія подземнаго огня, являющимися намъ въ видѣ землетрясеній и вулканическихъ изверженій.

Важнѣйшій изъ всѣхъ сихъ урагановъ, доставившій г-ну Рейду наиболѣе матеріаловъ, есть испытанный Остъ-Индскимъ флотомъ, бывшимъ подъ коинвоємъ линейнаго корабля *Куллодена*, въ Мартѣ 1809 года. Четыре большихъ Остъ-Индскихъ корабля и военный бригъ *Гарриетъ* утонули тогда, и подробности бури весьма занимательны и поучительны. Въ коммисіи, изслѣдовавшей причины бѣдствія, большая часть моряковъ говорили о *двухъ отдѣльныхъ* штормахъ, но карта полковника Рейда ясно доказываетъ, что *другой* штормъ былъ только отраслью параболическаго пути урагана, въ которую попалъ корабль *Huddart*, пройдя тихое мѣсто, промежуточное между двумя отраслями. Въ этомъ тихомъ промежуткѣ, *Вилліамъ Питтъ*, *Гарриетъ* и *Эвфратъ*, лежа въ дрейфѣ, пользовались два дня црєкрасною погодою; тѣмъ же самымъ пользовались *Португальскіе*, *Индусъ* и *Соверейнъ*, выбравшись изъ урагана и также лежа въ дрейфѣ. *Сиръ Вилліамъ Бенсли* и *С. Винцентъ*, напротивъ того, ушедши отъ нихъ впередъ на одиѣ сутки пути, подверглись бѣдствіямъ. Первый долженъ былъ дрейфовать въ одиѣ

снасти въ продолженіе 24-го часа, 17-го числа. Корабль *Куллоденъ* и фрегатъ *Терпсихора* носились, такъ же какъ Бенсли и четыре погибшіе корабля Остъ-Индскіе, слѣдовавшіе за ними. Куллодену, правившему, сколько возможно, по прежнему румбу, удалось выбраться изъ урагана 18-го числа, а Терпсихора, продрейфовавъ 15-го числа около 16-ти часовъ, долѣе терпѣла бѣдствіе. Четыре погибшія Остъ-Индскія судна были всѣ въ виду 15-го числа, и, вѣроятно, что спустившись на фордовиндъ, они попали въ сердце урагана и погибли. Замѣчательно, что никакое электрическое явленіе не ознаменовало упомянутыхъ нами 13-ти буръ южнаго полушарія, кромѣ шторма, выдержаннаго кораблемъ *Воупе*.

Полковникъ Рейдъ разсуждаетъ наконецъ о тифонахъ Китайскаго моря и ураганахъ Остъ-Индіи, въ особенности же Бенгальскихъ, и хотя собранныя имъ свѣдѣнія, какъ онъ самъ замѣчаетъ, и ни довольно полны, ни достаточно удовлетворительны, но доказываютъ, что и здѣсь бури одинаковаго свойства съ сѣверными ураганами. Въ южныхъ ураганахъ, ртуть барометра ни разу не падала ниже 27,52 дюйм., что было 6-го Марта 1836 года у Портъ-Луи, въ два часа по полудни, въ ураганѣ бывшемъ у Мавриція. У Саугары, 24-го Мая 1833 года, въ 11 часовъ по полуночи, ртуть была нѣсколько ниже 26,50 дюйм. (inches), такъ, что ея не было видно за обдѣлкою инструмента. Масло симпесометра совершенно отошло, когда ртуть барометра исчезла, и опять поднялось нѣсколько прежде возвышенія ртути.

Любопытнѣйшая часть въ сочиненіи полковника Рейда далѣе есть та, гдѣ разсуждаетъ онъ объ ураганахъ 1780 года—двухъ ужаснѣйшихъ нашествіяхъ

разрушительной силы природы. Первый из них былъ 3 Октября. По окончаніи бури, море представляло самый ужасный видъ; волны вздымались до необычайной высоты, низвергались съ неописанною стремительностью на берегъ и затопляли городъ *Саванна ле Марь*. Когда вода пошла на убыль, почувствовали весьма сильный подземный ударъ. Въ заливъ Монтего освѣщенія молніи не прерывались ни на одно мгновеніе, и тѣмъ доставляли отраду среди ночной мглы, покрывавшей сцену страшнаго разрушенія. Центръ урагана перешелъ черезъ военный корабль *Баджеръ*, бывший тогда подъ командою лорда Коллингвуда. Военныя суда *Фениксъ*, *Скарборо*, *Барбадосъ* и *Поблдоносецъ* погибли.

За симъ ураганомъ послѣдовалъ 18-го Октября другой, названный *Великимъ Ураганомъ 1780 года*. Полковнику Рейду удалось обозначить его на своей *девятой и послѣдней* картѣ. Ураганъ начался къ SO отъ Барбадоса, и слѣдовалъ параболическимъ путемъ, расширяя вращающуюся массу атмосферы по мѣрѣ своего поступательнаго движенія. Онъ не дошелъ до Американскаго берега, заворотивъ къ сѣверу ранѣе обыкновеннаго. Вершина его орбиты была около параллели 23° сѣв. широты. Вотъ почему этотъ ураганъ не пощадилъ Бермудскихъ острововъ, хотя ихъ и миновали всѣ прочіе, начертанныя Г. Редфильдомъ. На Барбадосѣ жители покинули свои дома и удалились въ поле, добровольно подвергалъ себя дождю и грозѣ. Одно изъ судовъ бросило на берегъ, въ строеніи морскаго госпиталю; тѣла людей и трупы рогатаго скота крутило въ воздухъ и бросало въ вышину на нѣсколько ярдовъ. Деревья вырывало съ корнемъ; всѣ растенія уничтожило и болѣе 3000 человѣкъ тогда погибло! У острова Св. Евстафія семь судовъ разбилося о скалы и всѣ люди до единаго погиб-

ли. Дома, или срывало бурей, или смывало, вмѣстѣ съ ихъ обывателями, въ море. Около 6000 человѣкъ лишилось жизни. У Мартиники четыре судна со всѣми людьми утонули въ заливъ Портъ-Рояль. Въ С. Китль не осталось ни одного дома и 1000 человѣкъ лишилось жизни. Въ Портъ-Рояль снесло 1,400 домовъ, и 1,600 больныхъ и раненыхъ были погребены подъ развалинами госпиталя. Губернаторъ Барбадоса, Г. Куннингамъ, и семейство его, были въ ужасномъ положеніи. Не смотря на то, что стѣны его дома были въ 3 фута толщиною, и окна и двери заколочены и завалены, вѣтръ ворвался во внутренность и снесъ большую часть крыши. Убѣжали въ подвалъ, но и оттуда были выгнаны пробивавшеюся въ него водою и паденіемъ развалинъ. Тогда бросились въ башню, на которой поднимался флагъ, и когда и ее потрясло въ основаніи, всѣ кинулись бѣжать; Губернатора и нѣсколько оставшихся съ ними свалило съ ногъ, и они едва добрались до пушекъ, гдѣ искали спасенія подъ станками. Многія орудія сдвинуло съ мѣста яростью урагана, и несчастные ежеминутно опасались, чтобы пушекъ не сбросило съ станковъ, или какой нибудь изъ оставшихъ въ воздухъ обломковъ не прекратилъ ихъ существованія. Сиръ Джорджъ Родней, въ своей оффиціальной депешѣ говоритъ, что «одно лишь землетрясеніе могло причинить разрушеніе крѣпчайшихъ строеній; что онъ твердо убѣжденъ въ незамѣченномъ землетрясеніи, потому что сила бури «не допускала жителей чувствовать подземные удары, которые непременно сопровождали ураганъ.»

Полковникъ Рейдъ заключаетъ свое твореніе четырьмя главами разнороднаго содержанія, гдѣ можно найдти весьма много любопытныхъ замѣчаній. Онъ разсуждаетъ о буряхъ большихъ широтъ; объ

анемометрахъ для измѣренія силы вѣтра; о построеніи домовъ, которые могутъ сопротивляться напору урагановъ; о смерчахъ, или меньшаго разряда вихряхъ; наконецъ, о связи бурь и урагановъ съ электричествомъ и магнетизмомъ, и объ Арктическихъ шквалахъ и Африканскихъ вихряхъ. Въ заключеніе, онъ предлагаетъ нѣсколько правилъ для управленія кораблями во время урагановъ.

Мы старались дать нѣкоторое понятіе о сущности и достоинствахъ трудовъ полковника Рейда. Слѣдуя по стопамъ Г. Редфильда, онъ отдалъ полную справедливость изысканіямъ своему заатлантическаго предшественника, сужденія и теоретическія предположенія котораго подтвердилъ во всѣхъ отношеніяхъ. Общность понятій объ одномъ и томъ же предметѣ двухъ ревностныхъ естествоиспытателей есть вѣрное доказательство ихъ теорій. Но хотя мы охотно готовы принять сдѣланное ими подведеніе урагановъ подъ общія правила за лучшее, нельзя однако не сознаться, что общій характеръ источниковъ и явленій все еще требуетъ прилежныхъ наблюденій и болѣе точныхъ доказательствъ. Теорія другаго Американскаго ученаго, г-на Эспи, дѣлаетъ внимательное разсмотрѣніе системы Гг. Редфильда и Рейда еще болѣе нужнымъ, и если новая теорія и не опровергаетъ ихъ, то, по крайней мѣрѣ, она должна заставитьъ вникнуть въ предметъ еще глубже, и, слѣдственно, необходимо повлечь за собою болѣе развитіе теоретическихъ предположеній. По мнѣнію Г. Эспи, вѣтеръ въ каждомъ ураганѣ дуетъ отъ всѣхъ направлений къ одной центральной точкѣ. Профессоръ Бечъ, въ Филадельфій, наблюдавшій явленія бури 1835 года, пронесшейся черезъ Нью-Джерсей, подтверждаетъ мнѣніе Г. Эспи тѣмъ фактомъ,

что, дѣйствительно, испровергнутые ураганомъ предметы направлялись къ одному центру.

Но какъ бы тщательны и правдоподобны ни были сіи наблюденія, мы не можемъ признать ихъ уничтожающими результаты, до которыхъ дошли Гг. Редфильдъ и Рейдъ, относительно большихъ урагановъ, промчавшихся надъ Атлантическимъ Океаномъ. Если Г. Эспи можетъ доказать, что въ ураганахъ сосредоточеніе вѣтра въ одинъ фокусъ объясняетъ ихъ явленія, то все еще теорія его можетъ быть приложена только къ нѣкоторымъ, а не ко всѣмъ возмущеніямъ атмосферы. Указанія барометра, совершенно согласныя съ теоріею поступательнаго вращенія, діаметрально противоположны теоріи Г. Эспи, и Г. Редфильдъ увѣряетъ насъ, что «онъ не встрѣтилъ ни одного факта, который разнѣствовалъ бы съ его заключеніями, кромѣ *двухъ или трехъ слугавъ, да и тѣ, какъ по внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось, были ему ошибочно представлены.*»

Можно приобрести болѣе приблизительныхъ свѣдѣній объ ураганахъ и ихъ физическомъ устройствѣ, разсмотрѣвъ внимательно предназначеніе ихъ въ общемъ ходѣ отпавленій природы. Поддержаніе животной и растительной жизни есть, безъ сомнѣнія, главный предметъ атмосферическаго воздуха, стихій, въ которой ураганы происходятъ. Самые процессы растенія и увяданія органической жизни вредятъ благообразію среди вдыхаемаго нами элемента; кромѣ того, множество естественныхъ отпавленій внутренности и поверхности земнаго шара содѣйствуютъ сей порчѣ.

Испорченная такимъ образомъ атмосфера дѣлается зародышемъ зловредныхъ лихорадокъ и заразныхъ болѣзней, и еслибы она не очищалась

периодически, то нѣтъ сомнѣнія, что въ ней не могло бы жить никакое органическое существо. Въ томъ, что Источникъ жизни не оставилъ Своего творенія безъ спасительныхъ средствъ противъ такихъ золь, не могутъ сомнѣваться выдающіе ежедневное дѣйствіе благой системы воспроизведенія, которая столь таинственно воспроизводитъ растлѣвающія частицы нашего собственнаго брэннаго состава.

Ежедневное обращеніе нашей планеты, около ея оси вокругъ солнца, необходимо влечетъ за собою безчисленныя измѣненія въ движеніи облекающаго насъ воздуха. Но сіи движенія, какъ ни быстры, всегда будутъ недостаточны въ прямолинейномъ своемъ пути, даже если бы онѣ были и сосредоточены въ одинъ фокусъ, для переброженія разсѣвающихся составныхъ частицъ испорченной атмосферы. Одно только вращательное движеніе, совокупленное съ большою поступательною скоростью, можетъ имѣть достаточную возмутительную силу для дѣйствія на большую массу испорченнаго воздуха. Въ горнилахъ такого вихря отдѣльныя ядовитыя частицы атмосферы будутъ разложены, и электрическимъ его огнемъ пережгутся вредныя ея атомы. Такимъ образомъ необходимо должны уравниваться азотистые элементы атмосферы и воздухъ приобрести снова свою благообразность.

Припоминая всѣ описанныя нами подробности, читатель, безъ сомнѣнія, согласится съ нашимъ мнѣніемъ, что дѣйствительно труды наблюдателей надъ ураганами подвинули наши свѣдѣнія объ нихъ на значительный шагъ впередъ. Смѣло предсказываемъ, что каждый морякъ, изучивъ вышеизложенное излеченіе атмосферическихъ судорогъ, почувствуетъ себя лучше вооруженнымъ для борьбы съ стихіями.

Мореплавателю, оставившій Европу для плаванія въ Восточную или Западную Индію, не прочитавъ книги полковника Рейда, поздно увидитъ, что онъ оставилъ у себя за кормою лучшей *хронометръ* и вѣрнѣйшій *компасъ*. Пытался избѣгнуть одной пучины неправильныхъ бурь, онъ можетъ безразсудно и безвозвратно попасть въ другую.

Имѣя такія понятія о великой важности предмета, мы просимъ Г. Редфильда и полковника Рейда *, имена которыхъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи наукъ, продолжать ихъ безцѣнные труды и требовать отъ правительствъ необходимыхъ вспомогательныхъ средствъ для изслѣдованія источника и законовъ страшныхъ возмущеній природы, именуемыхъ *ураганами*. Если мы не въ силахъ утишать ураганы, то, по крайней мѣрѣ, научимся не давать имъ нападать на насъ въ распахъ, научимся наблюдать за движеніями грознаго нашего врага. Положимъ, что болты и скрѣпленія не могутъ предохранять нашихъ плавающихъ зданій отъ напоровъ бурь, но, по крайней мѣрѣ мы будемъ имѣть сколько нибудь *вѣроятностей* спастись отъ нихъ. Ежели береговаго жителя не ограждаютъ каменные стѣны, пусть онъ подпираетъ ихъ, а если и то не поможетъ, пусть приготовляетъ себя заранѣе подземное убѣжище, куда можетъ укрыться съ своимъ семействомъ. Если есть возможность найти спасеніе въ сопротивленіи, или бѣгствѣ, то человекъ навѣрно умудрится обезопасить себя то или другое. Надъ одною только чумою, врагомъ, не подающимъ о себѣ ни-

* После изданія въ свѣтъ трудовъ полковника Рейда, онъ назначенъ губернаторомъ и главнымъ начальникомъ Бермудскихъ острововъ — мѣсто, въ особенноти благоприятное для его нецѣнныхъ изслѣдованій. Это назначеніе приписитъ одинаковую честь полковнику Рейду и правительству, которое его туда послало.

какого наружнаго предвѣстія, наука не приобрѣла еще физической мощи, и потому не можетъ отражать ея ядовитыхъ нападеній, но все другое, хотя отчасти, можетъ и должно быть упреждаемо или облегчасмо силою нашего ума и нашей науки, ибо, какъ говорилъ Баконъ: «Наука есть сила.»

(Изъ The Edinb. Rev., Январь, 1839 г. No 158).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ АНГЛІЙСКИХЪ ЗАКОНОВЪ, КАСАТЕЛЬНО ТОРГОВЛИ ХЛѢБОМЪ *.

Самое поверхностное сравненіе *хлѣба*, какъ *товара*, со всѣми другими товарами, обыкновенными въ торговлѣ, показываетъ важность его для каждаго народа. Хлѣбъ есть произведеніе, служащее *человѣку* и домашнимъ животнымъ главною пищей и необходимымъ для нихъ существованія; цѣна его имѣетъ самое рѣшительное и обширное вліяніе на опредѣленіе платы за работу, а потому и на цѣны всѣхъ другихъ имуществъ, слѣдовательно, на свойство и обширность всего процесса торговаго обращенія. Для всякой торговли каждаго народа, хлѣбъ всегда будетъ составлять важнѣйшій предметъ, потому, что онъ рѣшительно необходимъ для всѣхъ; большая часть занимающихся торговлею всегда будетъ приводится въ движеніе *торговлею хлѣбомъ*, который требуется въ огромныхъ количествахъ. Мѣру потребленія его можно достаточнымъ образомъ видѣть

* Важный вопросъ, занимающій нынѣ Англію, имѣетъ столько общихъ отношеній къ Россіи, какъ государству, богатому земледѣльческими произведеніями, и притомъ занимаетъ такое мѣсто въ политическомъ устройствѣ Англіи, что предлагаемая здѣсь статья, помѣщенная въ *Прусской Государственной Газетѣ* (Preussische Staats Zeitung) должна заслужить вниманіе просвѣщенныхъ читателей, отличающагося беспристрастнымъ взглядомъ, вѣрностью фактовъ и выводами изъ нихъ. Нѣмецкая сухость изложенія предмета замѣняется интересомъ его, ибо здѣсь мы слышимъ почти оффиціальное мнѣніе одного изъ просвѣщеннѣйшихъ правительствъ Европейскихъ. Р. С. О.

изъ вычислений, которыми повѣйшіе статистики, разумѣется, приблизительно, старались опредѣлить отношеніе *производительности* и *потребленія* въ Англіи и Франціи. По симъ пропорціямъ произведенія Британскаго земледѣлія составляютъ *около половины цѣнности вѣсѣхъ естественныхъ и искусственныхъ произведеній Англіи*, а цѣна ежегодно возвращаемаго Франціею хлѣба можно полагать далеко превьшающею *треть общей цѣны ежегодно производимыхъ тамъ предметовъ земледѣлія и промышленности.*

Столь великая важность хлѣба, какъ товара, близкая связь его съ обезпеченіемъ существованія и основаніемъ и развитіемъ промышленности, торговли, благосостоянія и могущества государствъ, не только извиняють, но и вопіютъ оправдывають правительства въ томъ, что во все времена, руководимыя побудительными причинами, какъ относящимися къ политической экономіи, такъ равно и финансовыми, моральными и политическими, они обращали особенное вниманіе на торговлю хлѣбомъ. Но мѣры, принимаемыя въ отношеніи къ ней, въ разные времена и различными народами, происходили отъ образовъ возрѣнія совершенно разнородныхъ, часто даже противоположныхъ, и потому имѣли совершенно различныя слѣдствія. То старались способствовать ввозу или вывозу; то затруднять всеми средствами то и другое, даже дѣлать ихъ невозможными; то издавали законы и грозили наказаніемъ за перекупъ хлѣба и продажу его по дорогимъ цѣнамъ; то старались противодействовать угрожающему неурожаю основаніемъ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; опредѣляли мѣста, гдѣ могъ производиться торгъ хлѣбомъ; по временамъ установлено даже количество, болѣе котораго нельзя было пускать его въ оборотъ.

Посредствомъ всехъ упомянутыхъ распоряженій, старались удовлетворить двумъ главнымъ, такъ сказать, въ каждомъ государствѣ партіямъ: *производителей* и *потребителей*, и надѣялись достигнуть двухъ различныхъ цѣлей: то есть, съ одной стороны, *дешевыхъ цѣнъ на хлѣбъ*, выгодныхъ для народонаселенія, а съ другой *не слишкомъ низкихъ цѣнъ для удержанія земледѣлія въ цвѣтущемъ состояніи.*

Въ случаяхъ принятія какимъ либо правительствомъ новыхъ мѣръ, каждая изъ двухъ партій всегда старалась сдѣлаться преимущественно побѣдительницею, и свои выгоды представить единственными, которыя должно принимать въ соображеніе, хотя и на счетъ другой партіи, если невозможно иначе. Правительства предавались иногда впечатлѣнію, производимому жалобами одной стороны. Изъ вниманія къ стѣснительнымъ обстоятельствамъ и несчастнымъ случаямъ, отъ которыхъ народъ страдалъ, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно и круто, приступали къ законамъ и распоряженіямъ въ пользу однихъ, ко вреду другихъ. Но стѣснительныя обстоятельства измѣнялись, несчастные случаи проходили, и тогда громко вопила другая партія, требуя избавленія отъ несносныхъ стѣсненій. Правительства старались помочь, но партія, пользовавшаяся дотогѣ покровительствомъ, представляла свою погибель неизбежною, если ее лишать данныхъ преимуществъ. Не менѣе того вмѣшательство власти казалось необходимою; издавали новые законы и постановленія, удовлетворяя по возможности обѣимъ сторонамъ. Но всего чаще не удовлетворяли ни той ни другой, ибо при начертаніи законовъ, болѣею частію, склонялись передъ дѣйствіемъ минутныхъ случайностей, а не возвышались на свободную и высокую точку сужденія, съ которой можно обозрѣвать ходъ проис-

шествій и конечную цѣль распоряженій. Продолжительное колебаніе въ распорядкахъ власти, и ея уклоненія изъ одной крайности въ другую не рѣдко ведутъ къ развитію столь сложной системы законодательства, что хотя въ послѣдствіи и видятъ неудобства, однакожь устраненіе зла является сопряженнымъ съ столькими же опасностями, какъ невольное введеніе его соединено было съ затрудненіями.

Таковы дѣйствія, представляемая правительствами многихъ государствъ въ отношеніи торговли хлѣбомъ, и такова именно картина Британскаго законодательства о семъ предметѣ, которому многіе, удивляются, которое многіе превозносятъ, какъ образецъ осмотрительной политики, когда, съ другой стороны, оно не могло избѣгнуть упрека за то, что произвело рѣзкія разногасія и противоположности, устраненіе и уничтоженіе которыхъ сдѣлалось нынѣ для Англіи почти невозможнымъ.

Бѣглый взглядъ на слѣдовавшіе одинъ за другимъ акты Англійскаго законодательства о хлѣбѣ, на обстоятельства, при которыхъ они изданы, и на побудительныя причины ихъ, легко можетъ объяснить то, что кажется непонятнымъ, оправдаетъ во многихъ случаяхъ Англійское правленіе, привязанное къ старинному, или, по крайней мѣрѣ, извинитъ его и укажетъ на единственную точку зрѣнія, которую можно допустить при обсуживаніи столь запутаннаго дѣла.

Первоначальныя мѣры Британскаго правительства относительно торговли хлѣбомъ были просты и естественны. Для пользы большинства, т. е., потребителей, желали возможнаго изобилія хлѣба и притомъ умѣренныхъ цѣнъ. Того и другаго думали достигнуть затрудненіемъ, а въ случаѣ нужды запре-

щеніемъ вывоза. Таковъ древній законъ 1360 года, не дозволяющій вывозить за границу хлѣбъ, кромѣ отправляемаго въ Кале и Гасконію.

Но противъ сего закона, благопріятнаго для потребителей, вскорѣ возстали сельскіе хозяева, почтавшие себя стѣсненными, и противодѣйствію съ ихъ стороны должно приписать, что еще до истеченія XIV-го столѣтія, въ 1394 году, явился новый законъ, по которому дозволенъ (разумеется, съ платежемъ надлежачихъ пошлинъ) вывозъ хлѣба во все государство, за исключеніемъ только тѣхъ, съ которыми Англія воевала.

Партіи снова начали дѣйствовать одна противъ другой. До того времени дѣло касалось одного обстоятельства, болѣе или менѣе важнаго, т. е. свободы или ограниченія вывоза. Ввозъ оставался дозволеннымъ. Но по истеченіи еще одного столѣтія, дѣло приняло другой видъ.

До окончанія Среднихъ вѣковъ, въ Англіи значительно возрастало земледѣліе, и выгоды его приобрѣли сильное вліяніе на дѣла. То и другое свидѣлствуютъ два закона, 1463 и 1505 годовъ, во многомъ измѣнившіе въ пользу производителей систему, которой до того времени слѣдовали. Два закона ограничили вывозъ и ввозъ условными цѣнами, и потому заключаются въ нихъ сѣмяна всѣхъ позднѣйшихъ, и даже нынѣшнихъ Британскихъ законовъ о хлѣбѣ.

Разсуждая, что отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ государство терпитъ убытокъ, актомъ Парламента 1505 года уничтожили все прежнія ограниченія вывоза хлѣба. Съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ земель, находившихся съ Англіею въ непріязненныхъ отношеніяхъ, можно было вывозить хлѣбъ въ каждое государство, съ условіемъ, чтобы на мѣсть цѣна шпешницы не превышала 6 шиллинговъ, ржи 4 шилл.

лчменю 3 шилл.— Тѣ же правила приняты актомъ Парламента, въ Январѣ 1463 года, въ руководство относительно ввоза. Ввозить иностранный, то есть, не Англійскій и не Ирландскій хлѣбъ, можно было тогда только, когда цѣны на мѣстѣ не упадали ниже тѣхъ, при которыхъ разрѣшенъ былъ вывозъ.

Такъ при началѣ XVI-го вѣка перешли, въ противоположность прежнимъ ограниченіямъ вывоза и ввоза по торговлѣ хлѣбомъ, къ тому, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ положили правиломъ свободный ввозъ, а ограниченіе его исключеніемъ, а также и ограниченіе ввоза правиломъ, а свободу его исключеніемъ.

Сей законъ сохранился въ сущности и въ послѣдующее время, хотя особенныя политическія обстоятельства и производили отъ времени до времени нѣкоторыя его измѣненія и колебанія. Такого рода дѣйствія политики Англійскаго правительства были произведены въ первой половинѣ XVI-го столѣтія, возникшими тогда въ Англій гражданскими смутами. Земледѣіе сильно потерпѣло отъ нихъ. Много земли, дотолѣ обработанной, было оставлено въ запустѣніи; нѣкоторыя поля совершенно опустошены; въ разныхъ мѣстахъ пахатная земля была обращена въ луга. Такія слѣдствія междоусобной войны уменьшили значительно количество добываемаго ежегодно хлѣба. Правительство, не вида истинной причины зла, почитало необходимымъ уступить жалобамъ и требованіямъ потребителей. По сей причинѣ закономъ 1534 года запретило оно бывшій дотолѣ свободный вывозъ хлѣба, и для того же закономъ 1551 года старалось принудить угрозами къ большому обработыванію земли, которую дотолѣ засѣвали, предупреждая оставленіе ея впустъ.

Но слѣдствія сихъ мѣръ, гдѣ видно противодѣй-

ствіе пользамъ потребителей, а не желаніе справедливаго уравнианія обѣихъ сторонъ, не соответствовали ожиданіямъ. Въ царствованіе Эдуарда VI-го перекупъ хлѣба означали названіемъ преступленія и наказывали его заточеніемъ и позоромъ. Такъ стѣсня торговлю хлѣбомъ вообще, всѣми средствами, нарушали тѣмъ выгоды всѣхъ, и особливо производителей, а потому земля необходимо лишалась болѣе и болѣе воздѣлыванія, и земледѣіе продолжало упадать.

Вскорѣ должны были замѣтить такія послѣдствія, ибо дѣло было слишкомъ ясно. Потому, немного лѣтъ спустя, въ 1554 году, уничтожены вышеприведенныя законы, снова постановлены правиломъ свободный вывозъ хлѣба, на условіяхъ закона 1463-го года.

Правленіе Королевы Елисаветы, старавшейся о распространеніи славы Британскаго имени, благопріятствовало также выгодамъ отечественнаго земледѣія, и дѣятельно споспѣшествовало имъ при каждомъ случаѣ. Съ сей точки зрѣнія, должно разсматривать законъ 1562 года, болѣе другихъ распространившій свободу вывоза. Впрочемъ, для лучшей повѣрки вывоза, дозволялся онъ изъ определенныхъ гаваней, и до тѣхъ только поръ, пока цѣна пшеницы не достигнетъ 10 шилл., ржи 8 шилл., а ячменя 6 шилл. и 8 пенсовъ. Черезъ девять лѣтъ, въ 1571 году, сдѣлали болѣе, постановивъ, какъ говорили, для возбужденія земледѣія и торговли, что съ того времени свободно, съ платежемъ извѣстныхъ пошлинъ, могутъ вывозить хлѣбъ за границу, если правительство не будутъ обнародованы постановленія, рѣшительно тому противныя.

Законовъ Елисаветы касательно хлѣба держались въ продолженіе всего XVII-го столѣтія, и только

возвышали, въ пользу производителей, сообразно съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, коренныя, или нормальныя цѣны, при которыхъ вывозъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій и дозволенъ былъ въвозъ. Такъ въ 1632 году безусловно свободный въвозъ дозволялся, пока цѣна пшеницы не достигала 52 шилл., въ 1660 г. 40 шилл., въ 1670-мъ 53 шилл. 4 пенса. — Слѣдовательно, нормальную цѣну пшеницы, до которой вывозъ не встрѣчалъ препятствій, возвысили въ продолженіе одного столѣтія отъ 6 шилл. 8 пенса до 53 шилл. 4 пенса или отъ 1 до 8. Выше упомянуто, что не только старались споспѣшествовать агрономамъ содѣйствіемъ сбыта сырыхъ произведеній за границу, но къ той же цѣли хотѣли приблизиться всевозможнымъ затрудненіемъ, или и самымъ устраненіемъ соперничества чужеземцевъ.

Сообразно тому, закономъ 1670 года въвозъ иностраннаго хлѣба дозволенъ тогда только, когда цѣна пшеницы составляетъ, по крайней мѣрѣ, 53 шилл. 4 пенса, но и въ такомъ случаѣ съ каждаго квартера пшеницы должно было платить 8 шилл. пошлины, и только при цѣнѣ 80 шилл., почти невозобра- зимой, дозволялся совершенно свободный въвозъ.

Къ такимъ преимуществамъ земледѣльской промышленности, возраставшимъ въ теченіе XVII-го столѣтія, вслѣдъ за вступленіемъ Вильгельма III-го на престолъ присоединились новыя, дотогѣ неслыханныя поощренія. Будучи, по наружности, установлены въ пользу потребителей, они стоили имъ великихъ пожертвованій, и возвысили ремесло земледѣльца искусственнымъ образомъ, и, слѣдовательно, не принесли земледѣлю существенной пользы. Закономъ 1689 года не только уничтожены всѣ существовавшія дотогѣ пошлины на вывозъ, но и обѣщаны награды для его успѣха. Надѣялись распро-

странить воздѣлываніе земли; оно увеличило бы количество производимаго хлѣба, и тѣмъ произвело бы пониженіе цѣнъ на хлѣбъ въ пользу потребителей. Премія на вывозъ платилась, когда цѣна квартера пшеницы не превышала 48 шилл., и составляла 5 шилл., на другіе роды хлѣба, по соразмѣрности. Сумма платимыхъ съ того времени государствомъ премій за вывозъ была довольно значительна, и составляла въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія круглымъ числомъ милльонъ ежегодно, а около половины столѣтія даже полтора милльона. И не смотря на то, въ продолженіе всего времени безпрестанно упадали въ Англіи цѣны на хлѣбъ, ибо преміи усилили земледѣліе, и тѣмъ произвели въ сельскихъ хозяйствахъ большее соревнованіе.

Такимъ образомъ въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII столѣтія принята система, почти исключительно споспѣшствующая выгодамъ земледѣлія. Вывозъ не только освобожденъ отъ всѣхъ прежнихъ оковъ, но и былъ искусственно покровительствуемъ введеніемъ премій, а въвозъ оставался по прежнему ослабленнымъ и стѣсненнымъ, ко вреду всей Англіи, ибо касательно его оставленъ въ силѣ законъ 1670 года.

Система, такимъ образомъ утвердившаяся, удерживалась въ полной силѣ до второй половины XVIII-го столѣтія, не смотря на то, что не замѣчено было полезныхъ ея слѣдствій, и что противъ нея неоднократно возвышались многіе голоса. Хотя нѣсколько разъ, для удовлетворенія безпрестанно усиливавшимся требованіямъ потребителей, и ограничивали вывозъ хлѣба, однакожь то были только непостоянныя мѣры, временныя средства, которыя не касались причины зла и не устраняли ея. Правило оставалось и поддерживалось. Дальнѣйшее развитіе системы, только въ новѣйшее время достигшее со-

вершеннаго образованіи, начинается съ упомянутаго времени, именно, со второй половины XVIII-го столѣтія. Но на ея развитіе имѣли величайшее вліяніе три обстоятельства, состоявшія въ тѣсной связи съ происшедшимъ отъ того времени исполнскимъ развитіемъ промышленности и торговли Британской. Они суть: *борьба Англій съ Северо-Американскими колоніями; война, веденная въ прошедшемъ столѣтіи противъ Франціи; усилія Великобританіи, въ началѣ XIX-го столѣтія, противъ Наполеоновой континентальной системы.*

Борьба Англій съ Северо-Американскими колоніями важна потому, что во время ея продолженія защитники потребителей значительно увеличились, усилившеюся со времени Парижскаго мира 1762 года промышленностью, и предприняли противодѣйствіе противъ существовавшихъ въ то время началъ законодательства о хлѣбѣ. Это понудило правительство, предвидѣвшее борьбу съ большою частію Европы, предпринять въ пользу потребителей значительное измѣненіе системы. Оно совершено закономъ 1773 года, который долженствовалъ положить конецъ дальнѣйшему, чрезмѣрному покровительству вывоза, значительно облегчая ввозъ.

Симъ закономъ устраниена послѣдняя преграда свободной внутренней торговли хлѣбомъ, а вывозъ, который до того времени прерывали только въ случаѣ крайности, на короткое время, совершенно запрещался, если мѣстная цѣна пшеницы составляла 44 шилл. и болѣе; преміи за вывозъ совершенно уничтожены, и наконецъ дозволенъ ввозъ съ платою 6 пенс. пошлины, если цѣна пшеницы будетъ 48 шилл. и болѣе; совершенная свобода предоставлена всякому привозному грузу, который послѣ складки въ Англій опять будетъ вывозиться. Слѣд-

ствіи сего закона, возстановлявшаго свободу торговли хлѣбомъ, оказались весьма спасительны. Ввозъ, значительно усилившійся съ тѣхъ поръ, и составлявшій въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія круговымъ числомъ почти полтора милліона Берлинскихъ шеффелей пшеницы и пшеничной муки, облегчилъ существованіе бѣдныхъ потребителей въ продолженіе наступавшихъ годовъ неурожая. Земледѣліе нисколько притомъ не упало, потому, что сбытъ, не смотря на увеличеніе ввоза, оставался прежній, и еще усилился. Наконецъ, законъ сей приготовилъ возстановленіе истиннаго отношенія между земледѣліемъ и другими вѣтвями промышленности, ибо многіе и значительные капиталы, стекавшіеся до того времени къ сельскому хозяйству, не уклонялись уже отъ выгодныхъ оборотовъ.

Проложенной симъ закономъ стези, по мнѣнію ученыхъ Англійскихъ писателей, Британскому Правительству никогда не слѣдовало оставлять. Но не прошло и двадцати лѣтъ, какъ снова обратились на прежнюю дорогу, и начали слѣдовать по ней съ такимъ рвеніемъ, что вскорѣ должна была исчезнуть надежда на справедливое равновѣсіе противоположныхъ интересовъ, по мѣрѣ того, какъ обстоятельства времени являлись болѣе благопріятными противникамъ торговли хлѣбомъ. Противодѣйствіе выгоды земледѣлія и обращеніе къ прежней, съ 1773 года уничтоженной, политикѣ, относительно хлѣба, было провозведено происходившимъ тогда въ Англій новымъ явленіемъ, тѣмъ болѣе примѣчательнымъ, что оно находилось въ самой сильной противоположности съ измѣненіями, какія произошли одновременно въ общественной и политической жизни государства Европейскаго материка. Мы разумѣемъ здѣсь, возникшее съ послѣдней половины прошед-

шого столѣтія, сосредоточеніе и усиленіе недвижныхъ владѣній въ Англіи и Валлісѣ, и сильно возросшее въ слѣдствіе того вліяніе аристократическихъ элементовъ, основанныхъ на владѣніи недвижимостями.

Еще съ 1650-го до 1750 годовъ, помѣстья въ Англіи и Валлісѣ болѣе и болѣе переходили въ меньшее число рукъ; сословіе мелкопомѣстныхъ уменьшалось. Но ужасно увеличилась сія прогрессія только съ 1780 года. Чѣмъ болѣе въ то время развивалась Британская промышленность, давая средства къ обращенію огромныхъ капиталовъ, тѣмъ дѣятельнѣе старалось дворянство обратить въ недвижимость наследственные и приобретенныя промышленными и торговыми предпріятіями богатства. Такимъ образомъ, изъ бывшихъ въ 1786 году, въ Англіи и Валлісѣ, 250,000 помѣщиковъ, въ 1816 году существовало только 32,000, и сіе количество въ новѣйшее время уменьшилось почти на одну треть. Усилившеся несоразмѣрно съ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія требованіе на покупку земли, производило естественнымъ образомъ возвышеніе цѣны ея, а заплаченная за нею огромная цѣна и желаніе получить доходъ, побудили владѣльцовъ, съ одной стороны удобрять поля, чтобы собирать съ нихъ сколько возможно болѣе, а съ другой стороны, полученныя произведенія предавать сколь возможно дороже. Но послѣдняго можно было достигнуть только затрудненіемъ ввоза иностраннаго хлѣба, и вообще предоставленіемъ торговлѣ имъ монополіи въ пользу туземныхъ помѣщиковъ. Легко понять, что затрудненіе ввоза и монополіи тѣмъ легче было поддерживать, что богатые помѣщики начали являться въ Парламентахъ болѣе и болѣе нераздѣльною массою, окружающею престолъ и правительство, какъ несокрушимая стѣна.

Такое обстоятельство достаточно объясняетъ, какой ходъ могло въ новѣйшее время принять Англійское законодательство о хлѣбѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ показывать, съ какими трудностями всегда будетъ сопряжено измѣненіе укоренившейся системы.

Вскорѣ послѣ изданія закона 1773 года Англія утратила Сѣверо-Американскія колоніи. Въ слѣдствіе сей потери оказались въ торговлѣ застои, и произвели въ нисшихъ классахъ народа недостатокъ работъ. Естественнымъ слѣдствіемъ было уменьшеніе потребленія хлѣба, и оно подавало помѣщикамъ поводъ къ жалобамъ на лишеніе выгоды, ибо при наступавшихъ неурожаяхъ и при свободѣ ввоза, потребители легко могли удовлетворить свои нужды иностраннымъ хлѣбомъ. Когда послѣ Французской революціи вѣроятнѣе становилось предположеніе, что Британскій Кабинетъ долженъ будетъ приступить къ важной, продолжительной войнѣ, то къ упомянутымъ жалобамъ присоединился еще вопросъ о томъ: въ какую опасную зависимость отъ другихъ государствъ впадетъ отечество, если не будетъ стараться не имѣть нужды въ привозѣ хлѣба, подкрѣпленнымъ законами 1763 года, и не составитъ пропитанія народнаго собственнымъ средствомъ?

Такая мысль преимущественно побудила Правительство отказаться отъ основаній закона 1773 года, и возвратиться къ исключительной политикѣ, которой слѣдовали прежде, что и произведено закономъ 1791 года. Онъ определялъ уничтоженіе ввоза, но преимущественно клонился, какъ и всѣ позднѣйшія законныя постановленія, ко всевозможному затрудненію ввоза.

Относительно содержанія акта Парламента 1791 года должно еще упомянуть, что имъ возстановлены преміи на вывозъ, и онѣ превысили прежнія 2

шилл. на каждый кварталъ пшеницы. Ихъ положено было выплачивать до тѣхъ поръ, пока мѣстная цѣна не доходить до 46 шилл. за четверть; если же она составитъ болѣе, то хотя вывозъ и дозволенъ, но премія не платится. Ввозъ совершенно запрещенъ, до тѣхъ поръ, пока цѣна пшеницы не простирается, по крайней мѣрѣ, до 50 шилл. Съ наступленіемъ сей цѣны ввозъ хотя и разрѣшается, но не иначе, какъ съ платежемъ пошлины, составляющей 24 шилл. 3 пенс. на четверть пшеницы, что, безъ сомнѣнія, можно почесть почти запрещеніемъ. Только съ возвышеніемъ цѣны отъ 50 до 54 шилл. пошлина постепенно уменьшается до $2\frac{1}{2}$ шилл., а при цѣнахъ высшихъ устанавливается по $\frac{1}{2}$ шилл.

Принятія закономъ 1791 года основанія сохранили свою дѣйствительность до низверженія владычества Наполеонова, хотя впрочемъ чрезъ нѣсколько времени они были усиливаемы, въ слѣдствіе увеличившейся дѣятельности въ сельскомъ хозяйствѣ, тѣмъ, что послѣ разрѣшенной Банку въ 1797 году отсрочки уплаты, масса денежныхъ представителей значительно увеличилась, и многія лица, приведенныя въ затруднительное положеніе убытками, понесенными въ промышленности и торговлѣ, рѣшились пустить капиталы въ оборотъ хлѣбомъ, хотя съ меньшею выгодною, но съ болѣею вѣрностью. Посему воздѣлываніе земли не только значительно улучшилось въ концѣ XVIII-го столѣтія, но и замѣтно усилилось, а когда въ то время, и въ началѣ XIX-го вѣка, слѣдовали одинъ за другимъ многіе неурожаи, то наступившая дороговизна хлѣба побудила къ воздѣлыванію даже и самой худой почвы. Цѣны снова, быстро и значительно упали, когда изобильный 1803 годъ послѣдовалъ за нѣсколькими годами голода. Знатительное количество земли, вспахиваемой

въ послѣднее время, не стало приносить никакого дохода; другіе участки доставляли совершенно незначительныя выгоды; вездѣ въ усилившемся естественнымъ образомъ земледѣліи замѣтно было страшное замѣшательство. Слѣдуетъ положить ему конецъ, по настоятельнымъ требованіямъ помѣщиковъ, въ 1804 году издали законъ, который былъ ничто иное, какъ усиленіе закона 1791 года.

Парламентскимъ актомъ 1804 года запрещался вывозъ до тѣхъ поръ, пока цѣна пшеницы превышаетъ 54 шиллинга, а если она составляетъ менѣе, запрещеніе снимается. Премія за вывозъ сохранены, но должны были платиться только тогда, когда цѣна пшеницы упадетъ до 30 шилл. и ниже, слѣдовательно, когда изобиліе богатыхъ жатвъ потребуетъ сбыта. Ввозъ запрещался до возвышенія цѣны пшеницы въ 63 шилл., а при наступленіи сей цѣны, хотя онъ и дозволялся, однакожь съ платежемъ 24 шилл. 3 пенс. пошлины, которая уменьшалась до $2\frac{1}{2}$ шилл., если цѣна возрастала до 66 шилл.; въ случаѣ высшей цѣны, пошлина составляла только $\frac{1}{2}$ шиллинга.

Изъ приведеннаго здѣсь видно, что законъ 1804 года изданъ, какъ по желанію производителей, такъ и единственно въ ихъ пользу. Сколь ни значительны были заключающіяся въ немъ усиленія закона 1791 года, они оказали весьма слабое вліяніе и ничтожную практическую важность, доколѣ Наполеонъ былъ въ состояніи поддерживать континентальную систему. Въ продолженіе сего времени торговля сношенія Великобританіи съ иностранными державами можно было почитать прерванными, и, слѣдовательно, Англія была обращена къ самой себѣ, и легко объяснить, что въ семь періодъ не происходило значительныхъ вывозовъ, а потому не было

необходимости и въ преміяхъ, ибо государство потребляло большое количество собственнаго хлѣба. По причинѣ упадка торговли съ материкомъ Европы не встрѣчалось также и значительнаго ввоза, и Англія, которая при всякомъ другомъ обстоятельстве пришла бы отъ подобныхъ недостатковъ въ затруднительное положеніе, легче, нежели когда либо, могла обойтись тогда безъ чужой помощи, потому, что съ 1806 года, по уничтоженіи всѣхъ преградъ торговль Англіи съ Ирландіею, количество хлѣба, какое Ирландія доставляла Англіи, становилось годъ отъ году значительнѣе.

Такимъ образомъ, доколѣ внѣ государства съ напряженіемъ силъ была велена война, внутри его между партіями производителей и потребителей, существовало перемиріе. Но событія, происшедшія послѣ окончанія войны, ясно доказали, что миръ ихъ не былъ проченъ. Борьба партій возобновилась немедленно, и съ большею силою, нежели прежде, такъ что результатъ ея, нынѣшнее Британское законодательство о хлѣбѣ, до сихъ поръ далеко не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить важнаго спора двухъ сильныхъ партій.

Континентальная система, устроенная для уничтоженія промышленности и торговли, а съ тѣмъ вмѣстѣ политической силы и величія Великобританіи, какъ ни ограничивала торговья сношенія Англичанъ съ большею частію Европейскихъ государствъ, но произвела однакожь—въ чемъ самъ Наполеонъ не могъ не сознаться—вообще противное тому, чего хотѣли ея достигнуть. Британская торговля, изгнанная изъ Европейскаго материка, успѣла пріобрѣсть новые рынки въ Заатлантическихъ земляхъ, тогда, какъ Франція и союзныя съ нею государства, лишились почти всѣхъ своихъ колоній. Усилившійся

такимъ образомъ внѣ Европы сбытъ произведеній Британской промышленности, развилъ въ Англійскихъ мануфактурахъ и фабрикахъ дѣятельную жизнь, какой до тѣхъ поръ никогда въ нихъ не видали. При большихъ выгодахъ, доставленныхъ промышленникамъ сими обстоятельствами, обезпеченіе существованія содѣлалось для нихъ не труднымъ; они, безъ отлагоченія, охотно платили за хлѣбъ дорогія цѣны, къ которымъ понемногу всѣ привыкли, при отдѣленіи отечества отъ другихъ государствъ и напряженномъ состояніи отечественнаго земледѣлія.

Возстановленный въ Европѣ миръ долженъ былъ, по возможности, утвердить первоначальныя, естественныя отношенія. Большая часть чуждыхъ колоній, взятыхъ дотолѣ Англіею во владѣніе, были возвращены прежнимъ владѣтелямъ, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе Британской торговли, причемъ уничтоженіе многихъ потребностей, поражаемыхъ войною, также значительно уменьшило сбытъ Англійскихъ фабрикъ. Но Европейскій материкъ былъ снова открытъ, и туда начали стремиться произведенія фабрикъ и мануфактуръ Великобританіи, въ такомъ количествѣ и съ такою силою, что обитатели многихъ странъ начали громко жаловаться, что заключеніе мира перевернуло только властителя, что до того ихъ угнетала сила оружія Французовъ, а теперь лежитъ на нихъ бремя Британской промышленности.

Государства Европейскаго материка, въ противоположность Англіи, терпѣли великія погери отъ того, что Наполеонова система только отчасти благоприятствовала развитію ихъ промышленности, и постарались теперь, сколько отъ нихъ зависѣло, предупредить наступившія новыя, неблагоприятныя обстоятельства. Они начали отправлять въ Британскія

гавани свои произведенія, въ коихъ нуждалась Англія, и такимъ образомъ, страны, прилежащія къ Балтійскому морю, для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, сбыви туда весьма значительные, накопившіеся у нихъ запасы хлѣба.

Отъ сего въ короткое время должны были сосредоточиться въ Англіи хлѣба весьма большія количества, и въ слѣдствіе того долженъ былъ наступить упадокъ на него цѣны. Потребители и особенно промышленники торжествовали. Они видѣли, что при наступившемъ свободномъ сообщеніи съ другими государствами, имъ будетъ гораздо дешевле обходиться удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, и сбыту ихъ издѣлій открывается обширное поле. Производители хлѣба почитали, напротивъ, цѣны его, установленныя прежнему искусственною системою, за необходимое основаніе, не только своего благосостоянія, но и существованія. Стремленіе къ свободѣ въ сношеніяхъ съ иностранными землями объявили они не естественнымъ и насильственнымъ нарушеніемъ общаго блага, и потому самымъ настоятельнымъ образомъ потребовали не только поддержанія, но и усиленія запретительныхъ мѣръ, установленныхъ закономъ 1804 года.

Въ Нижнемъ Парламентѣ преніе о хлѣбѣ въ 1814 году было весьма жаркое. Мнѣніе правительства, по настоятельному представленію владѣтелей земель клонилось къ тому, чтобы значительно возвысить цѣны, ниже которыхъ дозволялся вывозъ и выше которыхъ былъ свободный ввозъ. Парламентъ сдѣлалъ различныя предварительныя заключенія. Но какъ извѣстіе о новыхъ мѣрахъ привело въ сильное волненіе народъ въ мануфактурныхъ округахъ, видѣвшій въ томъ искусственную попытку возвысить цѣны жизненныхъ припасовъ и предоставить помѣщикамъ не-

соразмѣрно большія выгоды, и какъ противъ предполагаемыхъ мѣръ поступали прошенія одно за другимъ, то ни министерство, ни земледѣльческая партія не сочли за благо принять рѣшительныя мѣры. Последняя, можетъ быть, надѣясь, что и безъ ея содѣйствія и вліянія правительства въ непродолжительное время возвысятся цѣны на хлѣбъ, отвергла билль, долженствовавшій установить главное, ввозъ иностраннаго хлѣба, и потому въ 1814 г. прошелъ только одинъ билль, который, хотя и содержалъ въ себѣ два немаловажныя опредѣленія, но вообще не имѣлъ весьма значительной практической пользы.

Два опредѣленія, заключавшіяся въ законѣ 1814 года, были: *безусловное дозволеніе вывоза на будущее время и совершенное уничтоженіе премій на вывозъ.*

Ни то, ни другое обстоятельство, сказали мы, не имѣло практической важности. Значительная потребность Британскихъ острововъ въ хлѣбѣ, и цѣны, въ сравненіи съ другими государствами постоянно высокія, уничтожали уже и безъ того вывозъ. Дѣло преимущественно касалось ввоза, и большого или меньшаго ограниченія оного. Ожидаемое повышеніе цѣны на хлѣбъ не наступало, и представители выгоды земледѣлія, въ засѣданіи Парламента 1815 года, немедленно предприняли сколь возможно затруднить ввозъ. Они представили, что законъ 1804 года, при измѣнившихся совершенно обстоятельствахъ, не даетъ имъ достаточной защиты; что арендаторы не въ состояніи исполнять своихъ обязательствъ; что нѣтъ притомъ никакой возможности продолжать пахать землю, бывшую прежде пустою, а потомъ обработанною, и потому должно принять рѣшительныя мѣры, чтобы не изсякъ первый источникъ народнаго богатства; что необходимо, по крайней мѣрѣ,

годы практическаго примѣненія, потому, что съ тѣхъ поръ почти вовсе не существовало ввоза; мѣстные цѣны хлѣба, за исключеніемъ ячменя, никогда не достигали мѣры, опредѣленной закономъ. И вскоре со всѣхъ сторонъ слышались новыя и настоятельныя жалобы. Онѣ увеличились до безконечности, когда лѣтомъ 1826 года продолжительная засуха предшествовала въ Англіи рѣшительному неурожаю. Несоразмѣрность между внутреннею производительною и потребленіемъ была въ томъ году столь велика, что еще въ продолженіе его предоставлено было Парламентомъ Королю полномочіе, допустить *чрезвычайный* ввозъ 500,000 четвертовъ иностранной пшеницы, съ платежемъ пошлины, какую назначить Королевскій Тайный Совѣтъ. Потомъ полномочіе сіе было распространено на дозволеніе втораго значительнаго ввоза.

Если до тѣхъ поръ законы 1815 и 1822 годовъ, не соответствовали желаніямъ и надеждамъ ни одной партіи, только отрицательнымъ образомъ доказали нецѣлесообразность ихъ, то несообразность ихъ положительно доказана необходимостью объявлять въ необыкновенныхъ и стѣснительныхъ обстоятельствахъ исключенія на короткое время. Требования измѣненія системы и смягченія ея въ пользу промышленныхъ званій, становились все громче и рѣшительнѣе. Каннингъ пытался въ 1827 году ввести смягчающія измѣненія въ своемъ биллѣ, по которому впредь уничтожалось безусловное запрещеніе ввоза, и онъ дозволенъ былъ при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, хотя пошлины на оный и должны, сообразно установленному росписанію понижаться и повышаться, по мѣрѣ возвышенія или упадка цѣны. Билль сей не претерпѣлъ значительныхъ измѣненій въ Нижнемъ Парламентѣ, но Верхній Парламентъ, въ

слѣдствіе предложеннаго Герцогомъ Веллингтономъ уравненія, объявилъ, что тогда только приметъ билль, когда закономъ будетъ рѣшительно запрещено ввозъ до возвышенія цѣны на пшеницу въ 66 шилл. Слѣдствіемъ было, что Министры, видѣвшіе въ принятіи сего предложенія нарушеніе основнаго положенія билля, не пропустили его.

Между тѣмъ никакъ нельзя было почитать дѣла рѣшеннымъ, ибо хотя билль и взятъ былъ обратно, но доказательствомъ необходимости предложенныхъ тогда рѣзкихъ мѣръ служить то, что на слѣдующій годъ прежнее обстоятельство обратило на себя живое вниманіе, и образовавшійся по смерти Каннинга, подъ вліяніемъ Герцога Веллингтона, Кабинетъ Торіевъ, уже не сопротивлялся основному началу билля, отвергнутого въ предшествовавшемъ году. Въ слѣдствіе сего, Сиръ Грантъ внесъ новый билль въ Нижній Парламентъ, который отличался отъ прежняго только тѣмъ, что пошлина на ввозъ не измѣнялась на одинъ шиллингъ, сообразно возвышенію и паденію цѣны на каждый шиллингъ, но опредѣлялась напротивъ того по сложной таксѣ. Послѣ жаркихъ преній, билль прошелъ оба Парламента и былъ объявленъ закономъ. Сей актъ Парламента 1828 года, кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ отмінъ, доннынѣ сохранившій всю свою силу и потому составляющій истинное основаніе нынѣшнихъ Британскихъ законовъ о хлѣбѣ, установилъ, что вывозъ всѣхъ родовъ хлѣба, какъ было опредѣлено закономъ 1815 года, во всѣхъ отношеніяхъ остается совершенно свободнымъ и на будущее время, съ единственнымъ ограниченіемъ, что однажды вывезенный хлѣбъ не можетъ быть снова ввозимъ иначе, какъ съ платежемъ пошлины положенной на ввозъ иностраннаго хлѣба. За тѣмъ было подтвержденъ

дено уничтоженіе премій на вывозъ; наконецъ постановлено, что *впредь* не будетъ безусловнаго запрещенія на ввозъ, хотя, сообразно съ обнаруженною тогда же таксою, внутреннія цѣны на хлѣбъ, которыя повелѣно опредѣлять каждую недѣлю особеннымъ присяжнымъ чиновникомъ, по весьма правильной и осмотрительной методѣ и на основаніи одного и того же вѣса и мѣры во всемъ государствѣ, должны были служить къ уравниенію ввозимыхъ количествъ. Особенныхъ измѣненій общаго правила и изыатій изъ него принято только два. Первое состояло въ покровительствѣ произведеніямъ Британскихъ колоній, преимущественно передъ иностранными, уменьшеніемъ при ввозѣ пошлины на $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{4}$, а съ другой стороны, не смотря на постановленную вообще свободу, запрещено рѣшительно ввозить солодъ и молотую муку, по причинѣ весьма возможныхъ обмановъ таможенъ. Изъ сего запрещенія исключены однакожь пшеничная и овсяная мука. Барриль (=196 фунт.) *пшеничной* муки долженъ при ввозѣ равняться въ платежъ пошлины $38\frac{1}{2}$ галлонамъ пшеницы, а $181\frac{1}{2}$ ф. овса четвертеру овса при ввозѣ изъ за границы.

Что касается до таксы, то по ней должно платить 1 шилл. пошлины за четвертеръ пшеницы, если цѣна ея составляетъ 73 шилл., и болѣе; за рожь, а также горохъ и бобы, при цѣнѣ 46 шилл. и болѣе; за ячмень (также маисъ и гречиху) при цѣнѣ 44 шилл. и болѣе, и за овесъ при цѣнѣ 31 шилл. и болѣе. Увеличеніе пошлины на пшеницу, ввозимую изъ-за границы, утверждено такимъ образомъ:

Цѣна	Пошлины на ввозъ.
72—73 шилл.	ф. стерл. 2 шилл. 8 пенс.
71—72 —	— — 6 — 8 —
70—71 —	— — 10 — 8 —

69—70 —	— — 13 — 8 —
68—69 —	— — 16 — 8 —
67—68 —	— — 18 — 8 —
66—67 —	1 — — 8 —
65—66 —	1 — 1 — 8 —

Далѣ прибавляется по шиллингу, такъ, что при цѣнѣ между 61—62 шилл., пошлина устанавливается 1 ф. ст. 5 шилл. 8 пенс.

Пошлина на ввозъ должна, при мѣстной цѣнѣ 36—37 шилл., составлять на четвертеръ иностранной пшеницы 15 шилл. 6 пенс., и потомъ увеличиваться на $4\frac{1}{2}$ шилл., при возвышеніи цѣны на 1 шилл. Такое правило должно наблюдаться и въ отношеніи къ ячменю, такъ, что при цѣнѣ между 33—34 шилл. пошлина составляетъ 12 шилл. 4 пенс., послѣ чего наступаетъ возвышеніе пошлины на $4\frac{1}{2}$ шилл. Наконецъ, пошлина на овесъ, при цѣнѣ отъ 25—26 шилл., полагалась въ 9 шилл. и 3 пенс., а при возвышеніи цѣны на 1 шилл., должна увеличиваться также на $4\frac{1}{2}$ шилл.

Если мы, послѣ нашего краткаго историческаго обзоренія, еще разъ обратимъ взоръ назадъ, то увидимъ, что Британское законодательство первоначальное, при опредѣленіи торговли хлѣбомъ, исключительно имѣло въ виду *выгоды народонаселенія*, или потребителей, что сей выгодѣ оно почитало необходимымъ удовлетворять, какою бы то ни было цѣною и всеми средствами, и что сначала земледѣльческая промышленность принималась во вниманіе не сама по себѣ, но какъ средство дешеваго существованія народа.

Потому первоначально вывозъ хлѣба былъ затрудняемъ и ограничиваемъ, а ввозъ изъ за границы безусловно свободенъ.

Отношенія постепенно измѣнялись, по мѣрѣ того, какъ земледѣліе совершенствовалося, распространялось и возрастало. Вывозъ туземнаго хлѣба сталъ казаться предметомъ, менѣе заслуживающимъ вниманія; ограниченіе его, уже около половины прошедшаго столѣтія, уменьшено до крайности. Въ *дѣйствительности*, оно совершенно не существовало съ начала нынѣшняго столѣтія, и *формально* уничтожены остатки его въ 1814 году, такъ, что съ того времени не осталось его слѣда. Параллельно съ возрастающею *свободою вывоза* увеличивалось безпрепятственно *затрудненіе и обремененіе ввоза, бывшаго прежде свободнымъ*. То, что прежде было вещь второстепенною и благонамѣренною, справедливою поддержкою сельскаго хозяйства, мало по малу сдѣлалось главнымъ: *выгодною привилегіею для производителей хлѣба, тягостнымъ налогомъ для потребителей*. Чѣмъ болѣе богачи Англіи стремились къ пріобрѣтенію земли, какъ основанію своего политическаго вліянія, чѣмъ болѣе привыкали почитать почву, не условіемъ гордой независимости, а выгодною промышленною машиною, тѣмъ болѣе старались утвердить свою привилегію и увеличить хлѣбный налогъ. Наступленіе мира показало шаткое основаніе принятой системы и опасность ея послѣдствій. Сперва начали еще болѣе усиливать, потомъ смягчать, измѣнять, укрощать законъ, но до сихъ поръ не успѣли удовлетворить ни одной партіи, ибо зло происходить отъ основанія, а не отъ побочныхъ обстоятельствъ закона.

Сколь легко пріобрѣсть привычку къ удаленію отъ естественнаго хода дѣлъ, столь же трудно возвратиться къ нему отъ вкоренившейся вредной привычки.

Изъ всего изложеннаго нами, кажется, довольно

ясно видны, съ одной стороны важность торговли хлѣбомъ для Англіи, а съ другой достаточное оправданіе Англійскаго правительства въ томъ, что оно искони обращало на сію отрасль торговли особенное вниманіе и попеченіе. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, чѣмъ болѣе явствуютъ важность торговли хлѣбомъ и польза, какъ равно право правительства вмѣшиваться въ нее, тѣмъ болѣе должна оказываться необходимостью, чтобы правительство слѣдовало естественной, твердой и прочной системѣ, осмотрительно и заботливо стараясь избѣгать того, что можетъ разрушительно дѣйствовать на естественный ходъ вещей.

Прежде всего рождается вопросъ: какія средства послужатъ къ утверженію естественной, твердой и прочной системы въ Англіискомъ законодательствѣ касательно хлѣба, и можно ли надѣяться ввести и сохранить естественный порядокъ дѣлъ примѣненіемъ прежде употреблявшихся средствъ?

Къ такимъ средствамъ, употреблявшимся прежде, а отчасти сохранившимся и донинѣ, принадлежатъ: *ограниченіе внутренней торговли хлѣбомъ, затрудненіе вывоза, назначеніе прелій за вывозъ, и обремененіе пошлинами и ограниченіе ввоза*.

Что касается до торговли хлѣбомъ внутри государства, то признано полезнымъ многими правительствами, а между прочими и Британскимъ, извлекать ее по возможности изъ круга коммерческихъ предпріятій, посредствомъ запрещеній перекупки хлѣба. Кроме того существовали въ древнія времена въ обширныхъ государствахъ строгія раздѣленія частей между собою, напримѣръ, въ древней Франціи между всѣми почти ея провинціями; во время существованія Римской Имперіи между отдѣльными землями Германіи; наконецъ, до начала XIX-го столѣтія между Великобританією и Ирландією.

дѣю. Правительства, при установленіи такихъ мѣръ, основывались на томъ, что собственность, особенный интересъ, исторически пріобрѣтенное право нѣкоторыхъ провинцій должны быть уважаемы; они опасались даже, что отъ смѣшенія хлѣбной торговли произойдетъ существенный вредъ другимъ частямъ земли, равно какъ и цѣлому государству. Между тѣмъ, съ развитіемъ свободныхъ политико-экономическихъ началъ болѣе и болѣе убѣждались, что подобныя преимущества, или угнетенія отдѣльныхъ частей государственной связи на счетъ другихъ, препятствовали сплавленію оныхъ въ одно цѣлое, что несправедливо увеличеніе выгодъ отдѣльныхъ частей, и что только уравненіе частныхъ выгодъ можетъ основать и упрочить благо, силу и независимость государства; слѣдовательно, чѣмъ болѣе правило сосредоточиванія (Centralisations-Princip) заступало вездѣ мѣсто господствовавшего прежде федерализма, тѣмъ болѣе отступали отъ такихъ исключеній. Въ отношеніи къ Ирландіи, оно произведено послѣ тѣснѣйшаго соединенія обонхъ острововъ, договоромъ 2-го Іюля 1800 года, ибо въ 1806 году установлено на будущее время совершенно свободное сношеніе между Великобританіею и Ирландіею. Главное средство ограничить торговлю хлѣбомъ внутри государства, именно запрещеніе, такъ называемаго, *скупа* и *продажи* хлѣба, поддерживалось въ Англіи еще до второй половины прошедшаго столѣтія. При изданіи запретительныхъ законовъ, цѣлью правительства было по возможности ввести непосредственную торговлю между производителемъ и потребителемъ, и, слѣдовательно, выгоду, которая при допущеніи посредника пала бы на долю сего послѣдняго, обратить поровну въ пользу, какъ того, такъ и другаго. Думали, что такимъ образомъ зем-

лѣдлецъ дороже продастъ, а потребитель дешевле купить. Но притомъ не вспомнили, что производителю почти всегда недостаетъ необходимой для того предприимчивости; что онъ болышею частью не имѣетъ достаточныхъ капиталовъ и необходимыхъ обширныхъ связей, для того, чтобы кромѣ своего главнаго занятія предаться еще съ успѣхомъ торговлѣ; что сверхъ того потребителю стоило бы большаго труда и много драгоценнаго времени, еслибы для полученія жизненныхъ потребностей, онъ долженъ былъ обращаться прямо къ производителю. Не замѣтили, что впадають въ великое заблужденіе, приписывая торговцу хлѣбомъ намѣреніеумышленно возвышать цѣны на него, потому, что польза и совершенно обыкновенная, разсудительная боязнь упадка цѣны и опасеніе соперничества, какъ товарищей, такъ и сельскихъ хозяевъ, побуждаютъ его раздѣлять свои запасы совершенно равно по нуждающимся округамъ, и сбывать ихъ тамъ, какъ возможно скоро, съ небольшою выгодною. Наконецъ, преслѣдуя перекупку хлѣба, для возвышенія цѣны на оный, не замѣтили, что тѣмъ удаляли, какъ производителей отъ ихъ хозяйства, такъ и потребителей отъ ихъ ремесла, и что вообще сіи мѣры лишали ихъ всѣхъ выгодъ, которыя хотѣли ими доставить, т. е. удобства пріобрѣтенія, сбыта и соразмѣрности цѣнъ, тогда, какъ перекупка, или торговля, доставляетъ удобства всѣмъ партіямъ. Разсмотрѣніе сихъ выгодъ съ половины прошедшаго столѣтія становилось въ Англіи болѣе и болѣе важнымъ, и замѣчательно, что почти въ то же время, какъ Адамъ Смитъ пролилъ новый свѣтъ въ область политической экономіи, разбиты въ Англіи послѣднія оковы, наложенныя во второй половинѣ XVI-го столѣтія на внутреннюю торговлю хлѣбомъ, что произведено,

какъ сказано выше, часто упоминаемымъ закономъ 1773 года.

Ограниченіе, стѣсненіе и совершенное запрещеніе вывоза хлѣба составляло прежде также обыкновенное средство, которымъ старались сообщить торговлѣ хлѣбными припасами спасительный для всего народонаселенія ходъ. Британское правительство приняло въ Средніе вѣки мнѣніе, что такого рода ограниченія полезны и необходимы. Оно основывалось на томъ, что прямыя и косвенныя запрещенія могутъ доставить государству поддержку во время нужды, и сильно противодействовать могущему наступить, или угрожающему, голоду и дороговизнѣ, и что того можно достигнуть, запасая на будущее время избытокъ жатвы, который желали бы получить другія земли. Полагали даже, что доставлять выгоды отечественной промышленности затрудненіемъ вывоза хлѣба, ибо избытокъ, производимый на отечественныхъ рынкахъ, понижаетъ цѣны хлѣба, которыя облегчаютъ существованіе промышленныхъ классовъ, а такое облегченіе понижаетъ плату за работу, что и производитъ дешевизну расхода, которая въ свою очередь понижаетъ цѣну собственныхъ произведеній, и все вмѣстѣ естественнымъ образомъ доставляетъ туземцу возможность одержать верхъ при соперничествѣ съ иностранцомъ.

Между тѣмъ продолжительный и горькій опытъ понудилъ всѣ правительства отказаться отъ такихъ мнѣній о вывозѣ, и слѣдовать совершенно противоположнымъ началамъ. Здравое размышленіе убѣдило, что запрещеніе вывоза существенно нарушаетъ права и выгоды производителей, подрываетъ основаніе и цвѣтъ промышленности, и заставляетъ стремиться къ тайному вывозу, когда притомъ трудно найти страну столь отдаленную, народонаселеніе столь

мало изобрѣтательное и не хитрое, чтобы можно было заградить ему всѣ выходы съ надеждою на успѣхъ. Обратили вниманіе на положеніе земледѣльца въ тѣхъ странахъ, гдѣ запрещенъ вывозъ, и увидѣли, что онъ принужденъ производить не болѣе того, сколько нужно для общаго обихода, потому, что если бы онъ произвелъ болѣе, то содѣйствовалъ бы самъ къ пониженію цѣнъ. При такихъ обстоятельствахъ, хорошія жатвы не были уже благословеніемъ, но казались даже сословію сельскихъ хозяевъ такимъ же великимъ наказаніемъ, какъ дороговизна для всѣхъ другихъ званій народа. Въ случаѣ неурожая появлялась большая нужда, потому, что по вышеприведеннымъ причинамъ не существовало и не могло существовать запасовъ на несчастные годы. Цѣны, относительно низкія при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, по сей причинѣ въ годы неурожая возвышались быстро и ужасно, и тѣмъ тяжелѣе было платить ихъ, чѣмъ легкомысленнѣе прежде отказывались отъ сбереженія, котораго можно было достигнуть свободнымъ развитіемъ производительности, свободною продажею произведеній и выгоднымъ сбытомъ остатковъ. Но если дѣйствительно существовали запасы, и если цѣны въ содѣйствіе были высоки, то раждался соблазнъ къ вывозу, который былъ запрещенъ, и бдительность правительства была обманута. Кто не отваживался на вывозъ, видя высокія заграничныя цѣны, тотъ болзливѣе и упорнѣе другихъ старался удержать свои запасы, и отъ того происходило гораздо сильнѣйшее возвышеніе цѣнъ, нежели какое могло послѣдовать отъ сбыта части запасеннаго количества хлѣба. Слѣдовательно, преимущественно передъ другими страдалъ производитель, а страдая и бѣдствуя самъ, увлекалъ въ свое бѣдствіе и прочихъ обитате-

лей страны, потребителей, ибо ограниченіе, пренебреженіе и угнетеніе сельскаго хозяйства причинили уменьшеніе сырыхъ произведеній и возвышеніе цѣвъ на хлѣбъ. Слѣдовательно, промышленность не могла развиваться и упала. Кромѣ высокихъ цѣвъ на хлѣбъ, которыя должны были платить промышленники, она должна была еще отказаться отъ всѣхъ тѣхъ капиталовъ, какіе стеклись бы для ея оживленія, если бы, при дозволеніи свободнаго вывоза, сельскій хозяинъ обратилъ въ деньги свои запасы. Наконецъ, не можетъ укрыться и то, что затрудненія вывоза, какъ равно вообще всѣ ограниченія иностранной торговли, вредятъ отношеніямъ къ другимъ государствамъ, а слѣдовательно, и собственному благосостоянію. Естественно, что государство, желающее получить нужное для него количество хлѣба отъ другаго государства, должно перемѣнить свое отношеніе къ послѣднему, когда получаетъ отъ него отказъ. Такимъ образомъ, запрещающее государство лишается всѣхъ издѣлій, или денегъ, которыя могло вымѣнять на свой излишній хлѣбъ, а чрезъ то и главнаго средства къ устраненію угрожающей дороговизны и подобныхъ несчастій безъ другой жертвы, кромѣ своего не нужнаго излишка.

Разсмотрѣніе сихъ причинъ привело постепенно всѣхъ къ убѣжденію, что ограниченіемъ вывоза каждый народъ наноситъ своему благосостоянію величайшій вредъ, противопоставляетъ развитію своему значительныя препятствія, и что по всѣмъ уваженіямъ должно желать, полезной для государствъ, совершенной свободы вывоза хлѣба, и возможнаго распространенія и облегченія его. Сообразно сей мысли дѣйствовало въ новѣйшее время Британское правительство. О введенныхъ въ 1562 году, и въ 1689 году снова устраненныхъ пошлинахъ не слѣдуетъ

здѣсь и упоминать, потому, что разнообразно въ Средніе Вѣки стѣсненный законами вывозъ былъ въ послѣднее столѣтіе, смотря по торжеству партіи земледѣльцовъ или промышленниковъ, прекращаемъ, уничтожаемъ, возстановляемъ, условно или безусловно, а парламентскимъ актомъ 1814 года принята за основное правило совершенная свобода вывоза.

Если, вмѣсто того, чтобы ограничивать и затруднять вывозъ, должно его напротивъ того облегчать и освобождать, то многіе скажутъ, что столь же сообразно должно быть содѣйствіе ему, и даже искусственное увеличеніе всѣми средствами, находящимися во власти правительства, т. е. введеніемъ системы премій на вывозъ. Не будутъ ли утверждать, что система сія, не только избавитъ отъ излишка собственныхъ жатвы, но и воспрепятствуетъ значительному упадку внутреннихъ цѣвъ на хлѣбъ, служа поощреніемъ къ распространенію производства хлѣба; что народъ, усиливая такимъ образомъ собственными средствами первый источникъ своего благосостоянія, упрочивая свою независимость отъ другихъ народовъ, тѣмъ значительно увеличиваетъ свои сношенія съ другими, и посредствомъ сей важной торговли необходимыми жизненными потребностями, поставляетъ другія государства въ зависимость отъ себя? Съ перваго взгляда всѣ сіи доводы кажутся значительными, но при точнѣйшемъ взвѣшиваніи предмета, они сами собой уничтожаются. Съ одной стороны издержки на награжденія бываютъ значительны для государственной казны, съ другой стороны мѣры сіи всегда производили различныя слѣдствія съ тѣми, которыхъ отъ нихъ ожидали. Такъ изъ представленнаго въ 1751 году въ Нижній Парламентъ оффиціального акта видно, что Англій-

Т. VIII. — Отд. III. 14

ское правительство уплатило премій въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1746 до 1750-го, почти 856,000 фунт. стерл., или около 18,852,000 рубл., что составляетъ слишкомъ $3\frac{3}{4}$ милльона въ годъ. Онъ конечно увеличили запросъ, но запросъ сей происходилъ не отъ естественныхъ причинъ, а былъ произведенъ искусственными средствами. Не въ слѣдствіе требованія за границу происходилъ вывозъ, но отъ того, что премія доставляла продавцу возможность уступать отечественный хлѣбъ за границею по цѣнамъ дешевымъ. Такимъ образомъ, суммы, которыхъ стоили государству преміи, были отняты у земледѣлія и у мануфактуръ, и все прилежаніе Англичанина къ земледѣлію обогащало собственно иностранцовъ. Разительный примѣръ представляетъ плодородный въ Англіи періодъ 1730—1756 гг., въ продолженіе коего, не смотря на значительные вывозы, благосостояніе сельскихъ хозяевъ съ трудомъ поддерживалось, и не взирая на относительно низкую цѣну хлѣба, жалобы на упадокъ и разореніе фабрикъ и мануфактуръ были общи.

Потому - то Британское правительство въ новѣйшее время оставило сію мѣру, отъ которой прежде ожидало благотельнаго вліянія на торговлю хлѣбомъ; преміи на вывозъ, установленныя съ благонамѣренною цѣлью при Вильгельмѣ III и Маріи въ 1689 году, устранены закономъ 1773 года, но будучи въ послѣдствіи возобновлены, послѣ пренія о земледѣліи въ 1791 году, были онъ снова болѣе двадцати лѣтъ законны, хотя и не существовали въ дѣйствительности, но потомъ уничтожены навсегда въ 1814 году.

Изъ всего сказаннаго нами видно, какъ Британское правительство, въ отношеніи къ внутренней торговлѣ и вывозу, достигло постепенно до мнѣнія,

что всѣ мѣры къ *ограниченію и затрудненію*, или къ *искусственному уравненію*, опасны по своимъ послѣдствіямъ, и что, слѣдовательно, свободное только развитіе хлѣбнаго торгова сопряжено съ выгодами правительства и народонаселенія. Потому положили примѣнить и ко ввозу хлѣба, принятое во всѣхъ другихъ случаяхъ, правило; но замѣчательно однакожь, что въ отношеніи къ сему послѣднему предмету, составляющему въ хорошо населенныхъ и богатыхъ фабриками государствахъ значительную отрасль торговли, слѣдовали до сихъ поръ совершенно инымъ началамъ. Хотя въ новѣйшемъ Британскомъ законѣ и не сохранено рѣшительнаго запрещенія ввоза, но онъ подверженъ постоянно такимъ условіямъ, дозволенъ съ такими ограниченіями, обремененъ такими притѣсненіями, что во многихъ случаяхъ позволеніе ввоза почти сравнивается съ запрещеніемъ.

Кто счастливо проникаетъ сквозь обширный лабиринтъ доказательствъ, какими преобладающая въ Англійскомъ Парламентѣ земледѣльческая партія донынѣ пыталась оправдать сохраненіе ограниченій ввоза и доказать необходимость ихъ, тотъ увидитъ, что сія партія противопоставляетъ собственно двѣ главныя причины своимъ противникамъ, защитникамъ свободной торговли хлѣбомъ. Утверждаютъ, что только исключеніе соперничества иностраннаго сельскаго хозяйства, опредѣленнаго Англійскими законами, въ состояніи:

1) Произвести равныя, прочныя и высокія цѣны въ отечествѣ, какихъ по справедливости требуетъ, частію выгода потребителей, частію благо туземнаго земледѣлія.

2) Что исключеніе соперничества иностранцовъ, еслибы оно даже было выгодно въ политическо-

экономическомъ отношеніи, избавляетъ государство отъ зависимости другихъ странъ, и если такая безопасность достижима, то къ ней необходимо надобно стремиться, хотя и съ пожертвованіемъ другихъ удобствъ жизни.

Во первыхъ, что касается *равности и прогности цѣны*, то, кажется, что ихъ нельзя произвести ограниченіями ввоза. Если бы имѣли цѣлью установить цѣну пшеницы въ 80 шилл., какъ то было определено закономъ 1815 года, то необходимо нужно бы, не только не впускать иностраннаго хлѣба до тѣхъ поръ, пока цѣны до того не возвысятся, но и заботиться о томъ, чтобы рынки никогда не заваливались внутреннимъ произведеніемъ. Ясно, что если произведеннаго государствомъ количества достаточно для прокормленія народонаселенія въ обыкновенные годы, то при особенныхъ урожаяхъ долженъ оставаться излишекъ. Если излишекъ сей подвергнется продажѣ, то примѣрная цѣна въ Англіи неизбѣжно будетъ весьма понижена, и отъ того произойдетъ пагубное обратное дѣйствіе. Истина сего мнѣнія удовлетворительно доказывается, какъ древнею, такъ и повѣйшею исторіею Англіи.

Законъ 1804 года, усилившій запрещеніе и чрезвычайно затруднившій ввозъ, возвысилъ цѣну въ 1809 — 1814 годахъ; въ 1812 году она составляла 125 шилл. за четверть. Столь неестественно высокая цѣны возбудили неестественное рвеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ 1812 и 1813 годахъ собраннаго хлѣба, безъ сомнѣнія, достаточно было для потребленія, хотя онъ и произросъ на поляхъ весьма посредственныхъ и едва заслуживавшихъ вспахиваніе. Первый богатая жатва должна была произвести пагубный упадокъ цѣны, ибо не легко было достигнуть возвышенія ихъ посредствомъ вывоза, потому,

что въ обыкновенные и неурожайные годы привыкли продавать относительно не слишкомъ дорого. Цѣна пшеницы, которая, какъ выше упомянуто, составляла въ 1811 году 94 шилл., возвысилась въ слѣдующемъ году до 125-ти, упала въ 1813 на 108, въ 1814 до 74, въ 1815 до 64-хъ. Въ 1816 году, она снова возвысилась и составила 75, въ 1817 — 94; потомъ установилась въ 1818 — въ 84, въ 1819 — въ 73 шилл.; въ 1822 году упала она до 44-хъ, а въ 1825 снова подвинулась до 68 шилл. Если изъ сихъ данныхъ достаточно явствуетъ, что ограниченія ввоза скорѣе причинили, нежели устранили колебанія цѣны, то по нимъ можно съ полною справедливостію заключить, что такого рода запретительныя мѣры не могутъ утвердить выгодныхъ для сельскихъ хозяевъ относительно-высокихъ цѣны. Какое возвышеніе въ 1812, но и какой ужасный упадокъ въ 1822 году! Если разобрать дѣло основательно и безпристрастно, вообще окажется, что желаніе произвести возможно высокія цѣны должно назвать превратнымъ понятіемъ выгоды сельскихъ хозяевъ. Дѣло состоитъ не столько въ поддержаніи постоянныхъ и равныхъ цѣнъ, сколько въ томъ, чтобы они были выгодны для обѣихъ сторонъ, какъ производителей, такъ и потребителей. При менѣ высокихъ цѣнахъ, которыя будутъ слѣдствіемъ свободы ввоза, производитель можетъ выручить менѣ денегъ за проданные запасы, но тѣмъ не менѣе онъ въ состояніи на сію малую сумму получить большую выгоду, т. е. закупить всего болѣе нежели на значительнѣйшую, ибо низкія цѣны хлѣба естественнымъ образомъ всегда дѣйствуютъ на уменьшеніе цѣнъ всѣхъ товаровъ. Наконецъ, соразмѣрныя цѣны суть такія, которыя выгодны для производителя и потребителя. Но такими

не могут быть цѣпы, быстро наполняющія кошельки одного, когда онѣ разоряютъ другаго. Что вредитъ одной половинѣ народонаселенія, то никогда не принесетъ существенной пользы другой.

Вторая изъ вышеприведенныхъ причинъ ограниченія ввоза, а именно, *необходимость попеченія о самостоятельности государства*, съ перваго взгляда кажется имѣющею особенную важность. Если должно избирать изъ двухъ одно, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизнь должно предпочесть удобству жизни и безопасности богатству. Но противники запрещенія подвергаютъ сомнѣнью мысль, будто уничтоженіе соперничества въ торговлѣ хлѣбомъ ограждаетъ независимость того или другаго государства. По крайней мѣрѣ, въ пользу ихъ мнѣнія служатъ Голландія, которая, хотя и всегда заимствовала у другихъ хлѣбомъ и позволяла свободный ввозъ, но никогда не теряла своей самостоятельности, и напротивъ того, при свободѣ ввоза сохраняла сильное вліяніе на Европейскія государственныя системы. И самая Англія, почти постоянно получавшая хлѣбъ въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не подверглась отъ того большей прежняго зависимости. Дѣло не въ томъ, чтобы не имѣть надобности покупать у иностранцевъ, а въ томъ, можемъ ли мы покупать у нихъ? Общее благосостояніе народа, по мнѣнью противниковъ запрещенія, составляетъ самую прочную основу его независимости. Благосостояніе Англіи и Франціи, происшедшее отъ различныхъ причинъ и различнымъ образомъ, значительно возрасло въ прошедшемъ столѣтіи, а такое возрастающее благосостояніе придавало обѣимъ странамъ большую силу и утвердило ихъ самостоятельность. По крайней мѣрѣ, какъ Франція, которую Питтъ пытался морить съ голоду посредствомъ за-

прещеній, такъ и Англія, которую Наполеонъ думалъ уничтожить запрещеніями, противостали притомъ врагомъ въ большей еще независимости, нежели когда либо прежде.

Столь убѣдительныя причины побудили въ новѣйшее время политическихъ экономовъ Англіи и материка Европы возвысить голоса въ пользу безусловной свободы торговли хлѣбомъ, побудили и большую часть Британскаго народонаселенія требовать уничтоженія оковъ, какими отягчена торговля необходимыми для всѣхъ хлѣбными потребностями, хотя важная, сильная и донинѣ преобладающая въ Англійскомъ законодательствѣ партія, по уважительнымъ своимъ причинамъ, защищаетъ мѣры запрещенія. Система ограниченія, замѣчаютъ первые, нерѣдко обращала дороговизну въ голодъ, что удовлетворительно доказано Исторіею; свободная, напротивъ, торговля хлѣбомъ дѣйствовала всегда равномерно на внутреннюю и внѣшнюю. Изобиліе въ одномъ мѣстѣ наполняло недостатокъ въ другомъ; благоденствіе одной стороны помогало нуждѣ другой. Свобода торговли хлѣбомъ всегда вела за собою относительно дешевое удовлетвореніе потребностей, а дешевизна всегда побуждаетъ изобрѣтательность къ тѣмъ великимъ усиленіямъ, которыми въ наше время, болѣе нежели когда либо, оно ознаменовалось. Совершенное освобожденіе торговли хлѣбомъ отъ ига, безспорно, одно доставляетъ всѣмъ народамъ возможность совершенно предаться тѣмъ занятіямъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ ихъ мѣстнымъ и политическимъ отношеніямъ, силамъ, склонностямъ и способностямъ, а произведя такое дѣйствіе, оно, безъ сомнѣнія, наиболѣе способствуетъ истиннымъ выгодамъ, какъ производителей, такъ и потребителей. Наконецъ, свобода сей торговли сближаетъ

и соединяет народы, когда запрещенія раздѣляютъ ихъ и противопоставляютъ другъ другу, какъ непріятелей. Вотъ какъ объясняется одинъ новѣйшій Британскій писатель, говоря безусловно въ пользу свободной торговли, *относительно Англій*: «Она одна можетъ сохранить отъ недостатка Англію, изобилующую столь многими товарами. Народы, обитающіе на землѣ, не должны ожидать случая, когда кому нибудь изъ нихъ должно гибнуть отъ голодной смерти. Въ мірѣ всегда изобиліе жизненныхъ потребностей. Для наслажденія постояннымъ довольствомъ не нужно ничего болѣе, кромѣ того, что надобно уничтожить всѣ запрещенія и препятствія въ сношеніяхъ и перестать противодействовать мудрости Промысла, благого для всѣхъ равно».

Но положимъ, что неограниченная свобода торговли хлѣбомъ, въ отвлеченномъ смыслѣ (*in abstracto*), какъ и всякая свободная торговля, есть естественная потребность народовъ, положимъ, что она была бы необходима для Англій, если бы сія земля находилась при началѣ своего развитія, или въ спокойномъ и естественномъ ходѣ ея, развѣ такое обстоятельство не приняло бы, относительно, другаго оборота въ разсужденіи нынѣшней Англій, гдѣ земледѣліе искусственно возвысилось при необыкновенныхъ обстоятельствахъ, гдѣ промышленность развилась притомъ съ такимъ напряженіемъ, что быстрое измѣненіе нынѣшнихъ законовъ о хлѣбѣ необходимо произведетъ ужаснѣйшее дѣйствіе на цѣлязія званія народонаселенія? Последнее обстоятельство, кажется, безъ сомнѣнія достойно вниманія, и хотя оно не отвергаетъ возвращенія къ естественной системѣ, однакожь заставляетъ желать и дѣлаетъ необходимымъ только постепенное введеніе новостей. Нпко-

гда не должно забывать, что великія усилія Великобританіи, въ послѣднее столѣтіе, къ достиженію владычества на морѣ, клонились преимущественно въ пользу промышленности и къ распространенію торговли. Сія усилія ужасно увеличили государственнѣй долъ, бремя котораго вело къ умноженію и увеличенію налоговъ. Они стѣсняли болѣе сословіе помѣщиковъ, ибо помѣщики не были въ состояніи скрывать своихъ доходовъ, подобно промышленнымъ званіямъ, и бремя налоговъ служитъ объясненіемъ того, почему Британскій помѣщикъ долженъ продавать свои произведенія гораздо дороже, нежели сельскій хозяинъ всякой другой страны.

Если нечислять обстоятельства, на которыя должно преимущественно обратить вниманіе, въ случаѣ измѣненій въ нынѣшнемъ Британскомъ законодательствѣ о хлѣбѣ, то прежде всего представятся слѣдующія: *во первыхъ*, должно, безъ сомнѣнія, принять въ соображеніе выгоды государственной казны; затѣмъ, *второе*, не менѣе того, положеніе помѣщиковъ, и еще болѣе арендаторовъ, не должно и — *третье*, забывать вліянія, которое, безъ сомнѣнія, произведетъ на промышленность существенное измѣненіе нынѣшнихъ законовъ, а наконецъ — *четвертое*, весьма заслуживаетъ вниманіе, слѣдствіе такихъ измѣненій на состояніе Ирландіи.

Государственная казна, безъ сомнѣнія, въ сущности ничего не лишится, если установитъ свободный ввозъ хлѣба, однакожь въ первое время уничтоженіе пошлины на ввозъ поведетъ за собою немаловажный недочетъ таможенъ. Что касается до пользы помѣщиковъ, то внезапная и совершенная свобода хлѣбной торговли немедленно понизитъ значительно плату за хорошую землю и до крайности уронитъ цѣну худой земли. Много пахатной земли должно

будеть обратить въ луга, и много луговой земли совершенно запустѣть. Помѣщики потерпятъ ужасный убытокъ; еще больше пострадаютъ арендаторы, подъ покровительствомъ нынѣшнихъ законовъ употребившіе значительные капиталы на улучшения и немогущіе освободить ихъ изъ земли. Значительныя потери, нанесенныя обществу сельскихъ хозяевъ, не заключаютъ однакожъ въ себѣ ничего, кроме перехода собственности отъ одной половины народонаселенія къ другой, отъ земледѣльцовъ къ промышленникамъ. Но, съ другой стороны, и для промышленниковъ произойдутъ, въ слѣдствіе быстраго измѣненія прежней системы, великія неудобства. Множество рукъ, принужденныхъ оставить земледѣліе, по причинѣ ограниченія сельскаго хозяйства, обратятся тогда, при своемъ стѣсненномъ положеніи, къ ремесламъ, и произведутъ безъ сомнѣнія въ области его на первое время неловкое излишество и уменьшеніе задѣльной платы. Наконецъ, должно принять въ соображеніе состояніе земледѣлія въ Ирландіи, хотя О'Коннелль, руководимый пристрастіемъ партій, еще недавно отвергъ послѣднее обстоятельство. По официальнымъ актамъ, нынѣ вывозится изъ Ирландіи въ Великобританію ежегодно до двухъ милльоновъ четвертей хлѣба всѣхъ родовъ и милльоновъ центнеровъ муки. Одинъ Нѣмецкій писатель замѣчаетъ, что если бы при безусловномъ открытіи Англійскихъ гаваней для ввоза иностраннаго хлѣба уменьшился сей отечественный ввозъ, или наступило значительное и продолжительное пониженіе цѣны, то, при раздробленіи земель въ Ирландіи на мѣлкія, частыя, можно осязательно измѣрять непремѣнное возрастаніе недостатка и общаго бѣдствія, которое и безъ того въ столь сильной степени губить жителей сей страны.

Вотъ почему, когда дѣло касается новыхъ мѣръ правительства относительно хлѣбнаго торга въ Англій, всѣ изложенныя обстоятельства заставляютъ тамъ задумываться, и обращать вниманіе на великія затрудненія и важныя неудобства, которыя представляются въ слѣдствіе новаго распоряженія, какового бы рода оно ни было. Но всѣ затрудненія, по мнѣнію благоразумныхъ и прямодушныхъ ораторовъ самой Англій, не должны однакожъ затруднять стремленія къ измѣненіямъ нынѣшней системы. Невозможно отступить отъ нынѣшнихъ законовъ о хлѣбѣ, безъ вреда тому или другому классу. Правда, но сіе обстоятельство вообще неважно, ибо здѣсь выгоды остаются большинству народа, которое съ давняго времени терпитъ при нынѣшнемъ состояніи Англійскаго законодательства. Дѣло въ томъ, что переходъ надобно сдѣлать по возможности незамѣтно, и мало по малу перейти къ большей свободѣ торговли, постепенно исхищая торговлю хлѣбомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и земледѣліе изъ власти случая, которой подвержены въ новѣйшее время та и другое противоестественнымъ и искусственнымъ положеніемъ.

Самые свѣдущіе ораторы, неподверженные вліянію партій, соглашаются, что преимущественно *три мѣры* могутъ служить приступомъ къ приведенію дѣла въ Англій въ лучшее положеніе, а именно, 1-е, *разсмотрѣніе поземельной таксы и возможное уменьшеніе лежащаго на сословіи помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ общественнаго бремени*; 2-е, *значительное уменьшеніе (Ermässigung) пошлины на ввозъ хлѣба*, и наконецъ, 3-е, *безусловное установленіе мѣръ ввоза*. До какой степени должно простираться умѣреніе гдѣ бытъ установленію мѣръ? Это должно указать тщательнѣйшее разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, входящихъ въ соображенія.

Въ то время, когда была писана наша статья, новыя предложенія объ измѣненіяхъ нынѣшнихъ Англійскихъ законовъ о хлѣбѣ отвергнуты, и потому снова отдалено исполненіе надеждъ большей части Англійскаго народа. Но не смотря на то, кажется, недалеко время осуществленія сихъ надеждъ, если неложны видимыя указанія. Пусть сила Англіи всегда находитъ надежную поддержку въ своемъ земледѣліи, преимущество Англіи не на томъ основано. Оно упрощено ея желѣзомъ и каменнымъ углемъ, ея капиталами и машинами. Они возвели мануфактуры и фабрики на высочайшую степень; неизмѣримые результаты промышленности доставили Великобританіи міровую торговлю и владычество на Океанѣ. Англія не должна забывать объ основаніи своего величія, ни пренебрегать главнымъ рычагомъ своего могущества. Но что случилось бы, еслибы она захотѣла односторонно окружиться запрещеніями, которыя служили ей нѣкогда предохранительнымъ панциремъ, тогда, какъ всѣ окрестныя государства начинаютъ разрывать оковы свободныхъ сообщеній между народами? Не смотря на упорное сопротивленіе многихъ приверженцовъ хартии, вопреки дикой разрушительной буйности Манчестерскаго братства, Англія не остановится на началомъ ея поприщѣ, ибо производимое на народную жизнь силою обстоятельствъ всегда прочнѣе и сильнѣе страстей и всѣхъ расчетовъ партій.

Съ Нѣм. изъ Allg. Pr. St. Z.

=

○ ВЫГОДАХЪ ПОМѢЩИКА И КРЕСТЬЯНИНА.

Любезный читатель! Хотя я съ тобой вовсе незнакомъ, да и познакомлюсь только на короткое время, однакожь беру смѣлость, такъ за-просто, обратиться къ тебѣ, по двумъ причинамъ: во первыхъ, надѣюсь, что, возбуждѣвъ въ тебѣ дружескимъ языкомъ соотвѣтствующую моимъ чувствамъ пріязнь, найду въ тебѣ болѣе снисходительности къ моимъ недостаткамъ и ошибкамъ, а во-вторыхъ, я самъ чувствую, что не могу притворствоваться, ибо не владѣю ученымъ слогомъ, ни логическими формами, посредствомъ коихъ авторъ, при всей своей скромности, на каждомъ шагу даетъ знать читателю, что такая-то его мысль самая оригинальная и глубокая. Не владѣя симъ даромъ, я не смѣю выйдти на кафедру передъ публикою и закутываться передъ ней въ пыль тысячелѣтней, мною будто бы разжеванной учености. Но сообщить съ глазу на глазъ чистосердечному земляку мои надежды и сомнѣнія — вотъ предметъ моего честолюбія, и вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ моихъ усилій. Одно условіе, любезный другъ, прежде нежели заключимъ мы съ тобой кратчайшее знакомство—обращаюсь къ твоей совѣсти, чести и твоему самопознанію съ слѣдующими вопросами: считаешь ли ты себя способнымъ проникать въ

тайны и постигать обширныя соображенія государственнаго хозяйства? Испытывалъ ли ты свои силы на уточненныя вычисленія Рикардо о постепенномъ переходѣ земледѣлія съ лучшей на худшую почву и о таковомъ же возвышеніи нуждъ? Останавливалъ ли вниманіе на его теоріи употребленія машинъ? Знаешь ли сравненія, сдѣланныя Мальтусомъ, между умноженіемъ народонаселенія и средствами пропитанія? Читалъ ли разныя Французскія и Англійскія сочиненія о финансахъ? Точно ли ты убѣжденъ, что только по симъ книгамъ истинно государственный человѣкъ долженъ судить о пользахъ и потребностяхъ государства? Чувствуешь ли въ себѣ соответствующую твоимъ познаніямъ увѣренность, что ты рожденъ государственнымъ человѣкомъ и умрешь министромъ? — Если на все сіи вопросы ты можешь, по чистой совѣсти и сущей справедливости, отвѣчать: *да*, то, любезный читатель, мы можемъ разстаться сейчасъ же, съ ненарушеннымъ еще взаимнымъ другъ къ другу расположеніемъ. Въ сихъ страницахъ ты не найдешь ничего соответствующаго твоимъ высокимъ видамъ, и едва ли увидишь что-нибудь полезное для твоего высокаго поприща. Я только украду у тебя время, и ты, тщетно ища здѣсь глубокихъ мыслей, или новыхъ открытій, съ негодованіемъ увидишь мое невѣжество и, можетъ быть, поссоришь меня съ другими.

Мудрено и совѣстно: набросивъ на бумагу свои мысли, возлагать на кого бы то ни было обязанность читать ихъ. Я этого и не хочу дѣлать, и никому не обещаю отъ чтенія моей статьи пользы. Но съ тобой, добрый помѣщикъ, живущій въ глуши сельскаго уединенія, вдали отъ столицы, неизвѣстный въ модномъ и литературномъ свѣтѣ, съ

тобой не можемъ ли мы побесѣдовать? И не могу ли я сдѣлать тебѣ нѣсколькихъ вопросовъ, ибо положительныхъ мыслей ты найдешь здѣсь мало? Не можемъ ли мы, объѣзжая поля, воздѣланныя твоими крестьянами, поговорить о томъ, какъ все помѣщики могли бы, не обременя своихъ крестьянъ, получать съ нихъ такой же доходъ, какъ и ты? Мы будемъ разсуждать о томъ, какъ употреблять оброкъ и господскую запашку. Одно изъ двухъ средствъ должно быть лучше, если не всегда и не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя мы съ тобой постараемся опредѣлить. Рѣчь пойдетъ у насъ о порядкѣ засѣванія, о сравнительной цѣнѣ земли въ разныхъ губерніяхъ Россійскихъ, о достоинствахъ степной, невоздѣланной земли и земли пахатной, о лѣсахъ и сбереженіи ихъ, или срубкѣ, для собственнаго употребленія и продажи. Возвратясь съ поля, и увидѣвъ на горѣ колокольню твоей сельской церкви, мы слова два промолвимъ о священникѣ. Тутъ спрошу тебя: какое ты сдѣлалъ распоряженіе касательно свадебъ — предмета, какъ ты знаешь, затруднительнаго и деликатнаго, для всякаго подобнаго тебѣ, челоуколюбиваго помѣщика и притомъ хозяина? Можетъ быть, твой священникъ «и вышелъ изъ курса богословія», и ты воспользовался тѣмъ, и завелъ приходское училище. По моему, здѣсь есть о чемъ поговорить, и въ ту сторону, и въ другую, но мы до всего дойдемъ своимъ порядкомъ. Проѣзжая черезъ селеніе, будемъ разсуждать о порядкѣ крестьянскихъ построекъ и о хижинахъ. — Дѣло возможное: замѣнить богадѣльню сиротскія хижины, вредныя, какъ для господина, такъ и для крестьянъ, и безобразныя тѣ селенія, въ которыхъ онѣ существуютъ. Хотя сія послѣдняя статья и важна, какъ и все относя-

щееся до благосостояния полезнѣйшаго сословія нашихъ соотечественниковъ, однакожь остаются для разрѣшенія другіе вопросы, еще важнѣйшіе и болѣе интересные. Какъ развязать безконечно запутанныя дѣла крестьянъ по рекрутской очереди и установить по сей части порядокъ постоянный? Въ какихъ случаяхъ и на какомъ положеніи дозволить крестьянамъ откупать себя на волю? и проч., и пр.

Здѣсь, почтеннѣйшій помѣщикъ, кажется, довольно важныхъ вопросовъ, хотя предметы весьма просты. Мы не касаемся высокой науки Экономіи собственно - *Политической*. Предметъ нашъ не *государство*, а *село съ полями*. Мы разсуждаемъ о томъ, какъ упрочить пользу людей, намъ подвластныхъ и нашу собственную. Объ этомъ каждый разсуждать въ силахъ. На многіе вопросы, даже изъ предложенныхъ нами, нѣкоторые дадутъ, можетъ быть, отвѣтъ рѣшительный; не входи въ подробное разбирательство дѣла, не допускать возможности сомнѣваться и называть бесполезнымъ всякое разсужденіе. Но эти господа забываютъ, что одно мнѣніе возникаетъ въ С. Петербургѣ, другое господствуетъ въ Москвѣ, третье и четвертое уже приводится въ исполненіе въ Нижнемъ, Симбирскѣ, Орлѣ и Кіевѣ. По многимъ и, можетъ быть, по всемъ предметамъ, читатель найдетъ мои предположенія самыми простыми и съ давнихъ временъ знакомыми. Въ свое оправданіе могу только напомнить извѣстное правило, что «самыя великія, полезныя и неопровержимыя истины, съ тѣмъ вмѣстѣ суть и самыя простыя и удобопонятныя.»

Fieri non potest ut quod quisque cogitat, dicat unus.
(Не можетъ одному человѣку принадлежать выраженіе того, что всѣ думаютъ). Притомъ, разстояніе между убѣжденіемъ и исполненіемъ предписаннаго

совѣстью долга бываетъ такъ далеко, что нѣтъ вреда отъ повторенія полезнаго.

Не на всѣ сдѣланные мною вопросы буду и самъ я въ силахъ предложить разрѣшеніе, но начало всякаго дѣла несовершенно и будущае довершаетъ его. Оставляя многія статьи нерѣшенными, я разрѣшу, можетъ быть, одну или двѣ.

Въ особенный знакъ снисхожденія, прошу наблюдать то, что хотѣлъ я написать, а не слога, которымъ пишу. Преисполненный своего предмета, измененный богатствомъ моей родины, тронутый видѣнными мною частными несообразностями, я взялся за перо, чтобы облегчить мое преисполненное сердце сообщеніемъ мыслей и желаній моихъ, хоть одному или двумъ благонамбренымъ людямъ. И не пустая авторская скромность заставляетъ меня сказать, что я не полагаю получить доступа болѣе, какъ къ одному или двумъ: я въ томъ убѣжденъ.

Взгляни вокругъ себя, читатель почтенный и богобоязливый, къ которому и сначала обращалъ я слова мои. Что видишь ты въ уединенной своей странѣ? Пробравъ равнины безконечныя, гдѣ безпрепятственно царствуютъ митель и вьюга, ты не встрѣчаешь ни одного просвѣщеннаго человѣка въ соедѣствѣ. Внезапно перепесенный оттуда въ вихрь городской жизни, я вижу совершенно противоположное. Между тѣмъ, голось, теряющійся въ дебряхъ пространной твоей пустыни, гложеть здѣсь, гдѣ всѣ дѣйствуютъ и никто не отдыхаетъ. Но наша скромная беседа не потерпитъ отъ того, что мы имѣемъ мало слушателей, хотя равнодушіе ихъ прискорбно. Правда, хотѣлось бы разсмотрѣть здѣсь разныя статьи, подверженныя, по моему мнѣнію, суду спорному. Но полагая на одну минуту, что я могъ бы все рѣшить справедливо и рѣшить

всѣ сомнѣнія, и тогда, какую бы пользу доставило мое сочиненіе. Всякій изъ читателей былъ бы убѣжденъ, и ни одинъ не тронулся бы съ мѣста, на которомъ небрежно прочелъ меня. Убѣжденъ ли онъ и теперь въ существенности и пользѣ какихъ-нибудь неопровержимыхъ правилъ, но однакожь не думаетъ объ исполненіи ихъ. Вотъ, напримѣръ, 1-е), сколько разъ въ теченіе каждаго года, проведеннаго въ забавахъ столицы, повторялъ онъ, и про себя и громко: «Къ несчастію, мы не живемъ въ нашихъ имѣніяхъ; тратимъ деньги здѣсь; не наблюдаемъ за исполненіемъ нашихъ приказаній, которыя, какъ искусно ни были бы писаны, никогда не исполняются!» Но кто мѣшаетъ тебѣ заглядитъ вину свою?— 2-е), Тотъ же филантропъ вздыхаетъ о томъ, что иногда сельскіе священники по сіе время не имѣютъ большаго вліянія на нравственность крестьянъ, и что магазины хлѣбные никогда не наполнены хлѣбомъ, на случай голода. А у тебя есть ли запасный хлѣбъ? 3-е), У насъ въ деревняхъ неисправная пожарная команда. Ты, по крайней мѣрѣ, у себя исправилъ ли ее? и проч. и проч.

На всѣ сіи вопросы отвѣты моего читателя готовы. На 1-й, недостатокъ образованнаго общества, и занятій для человѣка благовоспитаннаго. На 2-й и 3-й вопросы отвѣтъ, что *приказы даны*, и если бы ихъ исполняли, все пошло бы хорошо. Ко всѣмъ же отвѣтамъ прибавляются общія замѣчанія, что у насъ *все не хорошо*, что *то того, то другаго* недостаётъ; словомъ, мы негодуемъ на то, что наилучшія мѣры Правительства не достигаютъ своей цѣли, тогда, какъ мы сами не содѣйствуемъ имъ нашими средствами.

Равнодушіе къ благу согражданъ, равнодушіе къ собственной пользѣ и стремленіе къ почестямъ, пре-

пятствуютъ намъ заняться тѣмъ, что наипаче составляетъ обязанность нашу. Мы отдаемъ власть, которою сами имѣемъ право пользоваться, управлющему, или бурмистру. Иногда получаемъ доходы разореніемъ крестьянъ, иногда вовсе доходовъ не получаемъ, а крестьянъ все таки разорлемъ. Горестно положеніе, при которомъ надобно выбирать одно изъ двухъ, или быть въ тягость своимъ подчиненнымъ, или быть ихъ жертвою. Должны существовать сильныя средства къ искорененію сего противосестественнаго вреда и золь, всѣми признаваемыхъ. Въ читателѣ, принимающемъ участіе въ стремленіи къ полезной цѣли, мысль, хотя и незрѣлая, но предлагаемая ему съ желаніемъ блага, развернется. Можетъ быть, она подастъ поводъ къ открытію истины, и даже будетъ зародышемъ благодѣтельнаго подвига. И такъ, поговоримъ сперва —

О настоящемъ положеніи крестьянъ въ Россіи, и различіяхъ, происходящихъ отъ географическихъ и хозяйственныхъ причинъ, а также оброкъ и пашнѣ.

Начинаю краткимъ описаніемъ существующаго на самомъ дѣлѣ.

Изъ пяти главныхъ сословій, на которыя раздѣлено государство, именно: духовенства, дворянства, кувечества, мѣщанства, крестьянства, только *второе и послѣднее* должны быть предметомъ нашего вниманія, и второе только въ отношеніи къ послѣднему. И такъ начнемъ съ *крестьянъ*. Права и положеніе ихъ слѣдующія:

Крестьяне (для большаго порядка повторю здѣсь всѣмъ извѣстное), по законоположенію Русскому, суть крѣпостные, или крѣпостью утвержденные за

той землею, на которой живутъ, съ которой себя пропитываютъ и владѣльцу приносятъ доходъ. Уда- литься самовольно отъ земли, ими обрабатываемой, крестьяне невластны. Сіе учрежденіе, цѣлью коего было утвержденіе благосостоянія господина и крестьянина, вездѣ и всегда обезпечивается ихъ общемою пользою. Требования господина разнообразны, но силы крестьянина ограничены, и (что не вѣсемъ до- вольно извѣстно, но не менѣе того вѣрно), если го- сподинъ увеличить чрезмѣрно свой доходъ, то тѣмъ уменьшить свой капиталъ, ибо разорить крестьянъ. Если же вычестъ изъ всехъ требованій господина все то, къ чему принуждаетъ его собственная его выгода, останется преимущество въ пользу го- сподя одно только, что они могутъ возбуждать дѣя- тельность крестьянъ, когда въ тоже время безъ соб- ственной потери не могутъ истощать силъ ихъ. Не говорю, чтобъ нѣкоторые того не дѣлали, но при- бавлю, что они себя, или, по крайней мѣрѣ, дѣ- тей своихъ, раззоряютъ. Словомъ, помѣщикъ имѣетъ надъ своими подчиненными такіа права, каки- ми пользуется каждый человекъ надъ собствен- ными своими силами; онъ можетъ направлять ихъ къ своей пользѣ, и истощать ихъ къ собственному раззоренію.

Отъ власти господской перехожу къ обязанно- стямъ крестьянъ.

Крестьянину земля не принадлежитъ, но, трудясь за помѣщика безъ всякихъ условій, онъ долженъ питаться. Если же разсчитать по всей справедливости, въ чемъ состоитъ предоставляемое на самомъ дѣлѣ Русскимъ помѣщикомъ крестьянину пропитаніе, то увидимъ, что ни въ какомъ другомъ государствѣ крестьянинъ не получаетъ такого возмездія за свои

труды, какъ по всему пространству Россіи — разу- мѣется, возмездіе относительное, а не прямое, т. е. удовлетвореніе крестьянина плодами отъ земли, а не денежную плату за поденную работу. Если мы нанимаемъ работника, то не дадимъ въ цѣлую не- дѣлю такого жалованья, какое получаетъ въ одинъ день работникъ въ чужихъ краяхъ. Но вотъ вопросъ, который предлагаемъ вѣсемъ путешественникамъ: гдѣ крестьянинъ сытъ? Въ плодородной Италіи, въ бла- горастворенномъ климатѣ Франціи, гдѣ всякій крестья- ницъ—помѣщикъ квадратнаго лоскутка земли, или въ богатой Англии, гдѣ платятъ работнику по 6-ти рублей въ день, или въ Германіи, гдѣ благосостоя- ніе народное неоспоримо, или въ Россіи?

Можно, кажется, положить, при самомъ умѣрен- номъ разсчетѣ, что по общей сложности большихъ и малыхъ имѣній, крестьянинъ Русскій воздѣлываетъ около 5-хъ десятинъ пахатной земли. Обрабатывая ее въ трехъ поляхъ, онъ оставляетъ одну десятину подъ паромъ, и пользуется только двумя остальны- ми десятинами, съ коихъ долженъ себя пропитыва- вать, удовлетворять требованія господина и платить еще государственную повинность. Если, на взятыхъ примѣрно трехъ десятинахъ земли, крестьянинъ на- ходится на оброчномъ положеніи, то долженъ пла- тить господину, по общей сложности, около 20 руб- лей въ годъ. Слѣдовательно, онъ пользуется двумя десятинами, за уплатой господину 20 рублей. Извѣст- но, что произведеніе одной десятины подъ озимымъ, важнѣйшимъ посѣвомъ въ Россіи, простирается во- обще до 6-ти четвертей ржи, за исключеніемъ сѣ- мянъ, а подъ яровымъ вообще до 8-ми четвертей. Полагая обыкновенную цѣну 5 рублей за четверть ржи и 3 рубля за четверть овса, выходитъ, что го- довое произведеніе двухъ десятинъ должно быть око-

ло 54 рублей, а за исключеніемъ 25 рублей, слишкомъ вдвое болѣе внесенной крестьяниномъ господину суммы. Если же имѣніе находится на пашнѣ, то можно положить, сообразно правилу, вообще въ Россіи существующему, что третья часть онаго обрабатывается въ пользу господина, а другія двѣ трети земли, слѣдовательно, и произведенія ихъ, предоставлены въ пользу крестьянина. Потому можно навѣрное утверждать, что во всякомъ случаѣ крестьянинъ Русскій вознаграждается въ *полтора* раза за принесенный имъ господину доходъ, и вѣрно нѣтъ такой страны въ Европѣ, гдѣ крестьянинъ, по вольной цѣвѣ опредѣляющійся, получалъ бы такое щедрое возмездіе.

Но при сравненіи положенія крестьянина въ Россіи съ положеніемъ его въ чужихъ краяхъ усматривается одна важнѣйшая разница: тамъ онъ получаетъ плату деньгами, или, по крайней мѣрѣ, готовыми произведеніями, а здѣсь количествомъ земли, которую онъ самъ долженъ обрабатывать. Его нельзя почитать *мызникомъ*, ибо онъ самъ пашетъ, ни простымъ работникомъ, ибо онъ хозяинъ, либо всей земли, ямъ занимаемой, либо двухъ третей оной. Оба характера въ немъ смѣшаны, равно какъ и двѣ пользы, существенно между собою различныя, разсмотри ихъ покороче и поодиначкѣ. Между тѣмъ стоить замѣтить, что крестьянинъ, пользуясь вышепоказанною щедрою платою, получаетъ ее съ тѣмъ условіемъ, что самъ будетъ неусыпно трудиться, а иначе вся предоставленная ему земля останется праздною. Аксиома для Русскаго земледѣлія слѣдующая: *крестьянинъ трудится за господина, который платитъ ему за то земледіе*. Но, какъ земля сія ни къ чему негодна безъ трудовъ, коимъ обреченъ добыватель насущнаго хлѣба, то всю щедр-

рость, или, по крайней мѣрѣ, данную господиномъ плату, крестьянинъ теряетъ изъ вида, и почитаетъ себя безусловнымъ работникомъ, трудящимся на господина безъ всякаго вознагражденія. Заблужденіе происходитъ отъ того что крестьянинъ поселенъ на землѣ, ничего безъ трудовъ неприносящей, и получаетъ приказъ — треть изъ произведеній доставлять господину, котораго, по большей части и въ глаза не видитъ. Отъ этого разсужденія Русскій мужикъ переходитъ къ другому, и *почитаетъ вспахиваемую имъ землю своею собственностью*.

Естественное заключеніе, прористекающее изъ сей, вѣсми признанной, истины то, что крестьянинъ не знаетъ обязанностей, по которымъ онъ работаетъ для господина. Господинъ для него отецъ; приказанія же, имъ данныя, исполняетъ строгій управляющій, и потому только подчиненный полагаетъ, что онъ долженъ безпрекословно повиноваться его волѣ. Почитая себя крѣпостнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ почитаетъ себя и сыномъ своего помѣщика, и множество можно привести примѣровъ сыновней преданности и любви крестьянъ къ господамъ своимъ. Но между тѣмъ, самый легкій оброкъ, ими платимый, въ глубинѣ сердца своего крестьяне почитаютъ подаркомъ, котораго требуетъ отъ нихъ помѣщикъ.

Изъ всѣхъ сихъ замѣчаній явствуетъ:

1-е, *что крестьянинъ получаетъ въ возмездіе за свои труды самое достаточное средство пропитывать себя и семейство*.

2-е, *что средство сіе условное, ибо оно заключается въ предоставленной ему землѣ, требующей съ ея стороны трудовъ, дѣлтельности и бодрствованія*.

3-е, *что крестьяне забываютъ, что плата оброка, или барщина, служитъ только возмездіемъ за*

землю, которую они пользуются, и что непреложныя, самую справедливою указуемая обязанности крестьянъ, возлагаемая на нихъ за выгоды, ими получаемыя отъ господина, теряются у нихъ изъ вида, а остается мысль объ одной только необходимости исполнять господскую волю.

За симъ общимъ взглядомъ на средства, коими Русскій земледѣлецъ обезпеченъ, выйдемъ въ обыкновенное его положеніе. Въ чемъ можетъ онъ нуждаться при его источникахъ дохода? Отъ чего состояніе его не улучшается годъ отъ года? Отъ чего не обогащается онъ деньгами, какъ равно хлѣбомъ и всѣми земными произведеніями? Вслкій, наблюдая на мѣстѣ положеніе крестьянъ, знаетъ, что за уплатою всѣхъ повинностей, остается у большаго числа мужиковъ весьма немного, только необходимое для пропитанія съ семействомъ, да и то до будущаго урожая. Пахатный крестьянинъ рѣдко продаетъ собранный съ своего поля хлѣбъ; оброчный же не успѣетъ свезти на рынокъ воза сѣна, или нѣсколькихъ пудовъ муки, какъ староста, или выборный, уже ожидаетъ его у околицы и получаетъ, все, что найдется, въ господскую сумму. Такою мѣлочью почти всегда собирается оброкъ господскій. Хорошо когда соберутъ его сполна, но послѣ сбора не надѣйся уже найдти, у большей части крестьянъ, ни одного завалящагося гривенника.

Хлѣбомъ, оставшимся на лицо, крестьяне пропитываются до весны, и хорошо еще, если найдутъ на сторону въ работники, а чтобы отложить денежку про черный день — этого и не спрашивай!

Какія ли предполагались бы, мѣстными или другія причины сему положенію, отъ котораго должны постепенно разоряться имѣнія и происходитъ непоправимыя бѣдствія въ неурожайные годы, самая,

кажется, естественная и очевидная причина слѣдующая: ни въ какой другой странѣ Европы не употребляется такого количества рукъ на земледѣліе, какъ въ Россіи. Если предположить, что въ другихъ странахъ только половина народонаселенія занимается земледѣліемъ, то можно навѣрное сказать, что въ Россіи $\frac{1}{8}$ всего народонаселенія промышляютъ имъ. Отъ сего происходятъ заключенія:

4-е, что почти во всей населенной Россіи имѣнія обременены гораздо большимъ числомъ крестьянъ, нежели сколько нужно для обработки полей;

5-е, что за тѣмъ мало можетъ оставаться лишняго хлѣба на продажу;

6-е, что при маломъ числѣ городскихъ жителей, требующихъ блага хлѣба, крестьянинъ, по большей части, имѣетъ въ виду собственную только нужду, а потому съѣтъ одну рожь, которая, требуя менѣе трудовъ, имѣетъ и менѣе цѣнности, нежели пшеница. Достоинно замѣчанія, хотя и весьма естественно, что земледѣліе въ Россіи цѣнится дешевле всѣхъ другихъ искусствъ, или, другими словами: хлѣбъ, сравнительно съ другими издѣліями, вездѣ дороже, нежели въ Россіи. Четверть пшеницы, напримѣръ, стоитъ во всѣхъ главнѣйшихъ странахъ Европы 40 и 60 рублей, а у насъ рѣдко продается дороже 16 рублей. Но если, съ одной стороны, хлѣбъ въ чужихъ краяхъ дороже, то съ другой большая часть руководящихъ произведеній дешевле, какъ-то: сукна, бумажныя издѣлія, и проч., а потому можно считать цѣну хлѣба въ чужихъ краяхъ еще выше противъ нашей, относительно 40 или 60 къ 16; по у насъ вмѣсто пшеницы съѣтъ обыкновенно рожь, которой четверть стоитъ, по большей части, около 5 р., и потому отношеніе заграничной цѣны хлѣба къ нашей остается 60, или 40 : 5.

7-е, крестьянинъ, если и продасть лишній остаточный хлѣбъ, кого (какъ замѣчено выше) весьма мало, то съ большимъ трудомъ можетъ получить средства къ пріобрѣтенію какого либо изъ тѣхъ мануфактурныхъ произведеній, которыя въ чужихъ краяхъ находятся въ общемъ употребленіи между крестьянами. Истина сего замѣчанія доказывается тѣмъ, что ни въ какой деревнѣ (разумѣется, нѣтъ правилъ безъ исключенія, и я даже укажу ихъ далѣе) невидать слѣдовъ городскихъ ремеслъ. Пища крестьянина, все платье его, отъ шапки до лаптей, тулупъ, рубаха, чумичка, рукавицы, даже сврос сукно, все добыто на мѣстѣ, или въ границахъ уѣзда; изба выстроена собственными руками крестьянина, изъ домашняго обыкновеннаго лѣса; внутренняя отдѣлка всѣхъ его же художества, и хотя у печки стоятъ горшка два глиняныхъ съ ухватомъ, и хотя у хозяйки на шеѣ бусы стеклянные, хотя на стѣнахъ красками раскрашенный портретъ славной Бобелины и сказка о Ершѣ Ершовичѣ, и наконецъ, хотя въ деревнѣ найдутся одинъ самоваръ и два стаканчика хрустальные, но за всѣмъ тѣмъ безпристрастный наблюдатель сознается, что истиннаго *облына между городами и деревнями у насъ еще нѣтъ*. Если какія вибудь грубыя вещи кое гдѣ заронены разнощикомъ, то нельзя еще заключить, что крестьянинъ пользуется чужимъ рукодѣліемъ, такъ, какъ нельзя сказать, что всѣ курныя избы свѣтлы, потому что лучъ свѣта часто проглядываетъ сквозь полуразвалившійся потолокъ.

Въ семи вышеизложенныхъ статьяхъ, полагаю, описаны главные черты общаго положенія крестьянъ въ Россіи. Перечитавъ въ сихъ параграфахъ строки, напечатанныя косыми буквами, ты будешь знать, читатель, мои мысли. Если ты находишь, что

здѣсь не все вздоръ, и желаешь дойти ближе къ самому предмету, то я сообщу тебѣ отчасти измѣненія, которымъ подверженъ крестьянскій бытъ — говорю, отчасти, ибо кто можетъ припомнить, не только описать все? Раздѣляю измѣненія сіи на слѣдующія:

Измѣненія, происходящія отъ мѣстности и образа управленія.

Говорить утвердительно и въ подробности о мѣстныхъ обстоятельствахъ крестьянъ въ разныхъ частяхъ Россіи, кажется, дѣло довольно трудное. Но, какъ я буду говорить объ общихъ только признакахъ, то и надѣюсь ошибиться менѣе, нежели ошибся бы тогда, когда взялся бы объяснять подробности. Я имѣлъ счастье прогуляться по многимъ большимъ и проселочнымъ дорогамъ, вдоль и поперекъ моей родины, видѣлъ кое что, угадываю остальное; о губерніяхъ Западныхъ, о Сибири, о Кавказской линіи, о Грузіи, и наконецъ объ Американской Россіи, не скажу ни слова, ибо вовсе не знаю ихъ. Затѣмъ, остальной, кромѣ несчастнаго, лоскуточикъ Россійскаго государства, я, по своей статистикѣ, раздѣляю, какъ слѣдуетъ далѣе:

1. Въ *Московскою околоткѣ*, т. е. въ той округѣ, на которую Москва простираетъ свое столичное вліяніе, находятся губерніи: Московская, Владимірская, Тверская, Смоленская и Калужская. Тульскую и Рязанскую, хотя и смежныя съ Московскою губерніею, я присоединяю къ другому околотку, какъ не находящіяся подъ однимъ вліяніемъ. Крестьянинъ въ семь округъ занимается не исключительно земледѣліемъ, но поступаетъ также въ работники къ фабрикантамъ. Земля вообще неплодородна, но по многочисленному народонаселенію, десятина пахатной земли стоитъ отъ 80 до 120 рублей. Кре-

стьяне вообще на оброкъ; на каждую душу приходится въ сложности по 20 рубл. ассигнаціями. Въ лѣсъ не нуждаются. Деревни выстроены вообще правильно, и даже щеголевато, и въ губерніяхъ: Владимірской, Тверской и Смоленской тянутся улицами по большой дорогѣ. Крестьянское платье въ сихъ губерніяхъ показываетъ также нѣкоторую роскошь; сапоги по праздникамъ, даже кафтаны изъ сивяго сукна, отличаютъ вообще Владимірскаго крестьянина. Въ сей полось вообще имѣнія не приносятъ большаго дохода помѣщику, и за исключеніемъ губерній Владимірской и Московской, крестьянинъ не богатъ и не обезпечивается своимъ промысломъ.

2. Въ хлѣбноль околodкѣ, т. е., томъ, который служить житницею для Россіи, я полагаю губерніи Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую. Онѣ составляютъ коренную Русскую, самую обильную по плодородію, и вѣроятно, самую населенную часть государства. Но можно сказать, что слишкомъ сильное населеніе лишаетъ жителей тѣхъ выгодъ, какія доставляло бы плодородіе почвы при меньшемъ многолюдствѣ. Хлѣбъ родится обильно во всѣхъ сихъ губерніяхъ, а въ трехъ первыхъ, сверхъ того, отъ лучшаго удобства водяной коммуникаціи, продается обыкновенно по высокой цѣнѣ. Въ остальныхъ четырехъ помѣщику нужно пособіе конскихъ заводовъ и винокурень, для извлеченія полныхъ выгодъ съ имѣнія и безубыточнаго потребленія хлѣба. Во всемъ этомъ околodкѣ, за исключеніемъ степныхъ частей Тамбовской и Воронежской губерній, десятинна пахатной земли должна вообще стоить 100 рублей; многія имѣнія здѣсь малоземельны; они обыкновенно на оброкъ, но и богатые землемы имѣнія часто находятся на оброкъ, при такихъ же у-

словіяхъ, какъ въ околodкѣ, который я называлъ Московскимъ. Онѣ должны быть вообще гораздо выгодиѣе, нежели сіи послѣднія помѣщику; состояніемъ крестьяне также равнѣе, нежели въ томъ околodкѣ: нѣтъ между ними богачей, но всѣ вообще обезпечены въ своемъ состояніи и имѣютъ небольшое скотоводство. Деревни однакожь не такъ красивы, какъ въ томъ околodкѣ, и выстроены не улицами, а кучками, и болѣе въ сторонѣ, нежели на самой дорогѣ. Избы внутри неопрятны, и часто даже безъ деревянныхъ половъ. Причиною сего иногда можетъ быть недостатокъ въ лѣсѣ. Такъ, напримѣръ, Тульская и Курская губерніи до того безлѣсны, что избы въ нихъ отапливаются соломой, а гумна огораживаются навозомъ, смѣшаннымъ съ соломой и землею. Платье крестьянина очень просто, но это, вѣроятно, происходитъ отъ привычки въ земледѣльческой жизни и малаго числа городовъ, поощряющихъ щегольство.

3. Малороссія и Краснороссійскія губерніи особенно отличаются отъ двухъ предыдущихъ округовъ тѣмъ, что онѣ пользуются особыми правами. Свободное винокуреніе, множество Жидовъ, облегчающихъ торговые обороты, значительное число помѣщиковъ, живущихъ въ своихъ помѣстьяхъ, плодородность земли и широкій Днѣпръ дѣлаютъ имѣнія въ сей странѣ самыми доходными. Крестьяне почти всѣ на пашнѣ, но нельзя сказать, чтобы они пользовались богатствомъ страны, ибо вообще кажутся изнуренными и чрезвычайно бѣдными. Лѣтомъ они, по большей части, ходятъ босые, и живутъ въ хатахъ выбѣленныхъ снаружи, но внутри нечистыхъ и крайне бѣдныхъ. Отъ употребленія вина, здѣсь весьма дешеваго, или отъ лѣни, крестьяне имѣютъ здѣсь видъ гораздо болѣе грубый и дикій, нежели въ ве-

ликороссійскихъ губерніяхъ. Въмѣсто деревень являю-
ются здѣсь *мѣстечки*, величиною часто равняющія-
ся съ уѣзднымъ городомъ, но всѣ лучшія въ нихъ
строенія заняты господиномъ, съ управителями и съ
прислугой, базаромъ или жидами, а мужикъ, на-
стоящій труженникъ, живетъ въ домикъ скромномъ,
какъ и самое званіе его. Земля въ губерніяхъ Мало-
россійскихъ, за исключеніемъ Черниговской и части
Харьковской губерній, должна быть еще дороже въ
семь округъ, нежели въ томъ, который называлъ я
хлѣбнымъ, но десятину земли здѣсь весьма трудно
цѣнить общюю цѣною.

4. Бѣлоруссію и Литовскія губерніи можно на-
звать, относительно прочихъ частей государства, *ис-*
тощенными округами, ибо хотя нѣкоторые губер-
ніи, особенно Каменецъ-Подольская, весьма плодо-
родны, но вообще Бѣлорусская почва плоха, и не
даетъ хлѣба достаточно для продовольствія своего
населенія. Крестьяне Бѣлорусскіе бѣднѣйше
во всей Россіи, и питаются грубымъ хлѣбомъ, смѣ-
шаннымъ съ микною. Большая часть сихъ имѣній,
къ несчастію, состоитъ въ тѣлбахъ и ввѣрена опекамъ,
а нѣкоторыя отданы въ арендное содержаніе, всегда
тягостное для вотчины, ибо арендаторъ ищетъ сво-
ихъ выгодъ въ истощеніи капитальныхъ силъ имѣ-
нія и физическихъ силъ крестьянина. Оброкъ въ
сихъ губерніяхъ вовсе не существуетъ, потому, что
крестьяне не могутъ добывать хлѣба иначе, какъ
посредствомъ тяжелой пашни. Земли въ семь округъ
вообще неплодородна, и имѣнія продаются, въ сра-
вненіи съ другими губерніями Россіи, весьма низкою
цѣною.

5. Менѣе всѣхъ населена часть *сѣверная* (разу-
мѣя подъ симъ названіемъ губерніи Псковскую, Нов-
городскую, С. Петербургскую, Олонецкую, Архангель-

скую, Вятскую, Вологодскую и Пермскую) отъ суро-
вости климата и безплодія почвы, вообще покры-
той гранитомъ и болотами. Народонаселеніе сей
полосы весьма малочисленное, за исключеніемъ бе-
реговъ Камы, имѣющихъ тучныя пастбища, и тѣхъ
частей, гдѣ находятся соль и металлическіе рудники,
особенно многочисленнѣе въ Пермской губерніи. За-
сими исключеніями, десятина земли можетъ стоить
здѣсь дешевле 40 рублей. Изобиліе въ лѣсъ, издѣ-
ліе барокъ, по мѣстамъ пастбища, удобныя для ско-
товодства, рыбныя ловли, судоходство по Камъ и
Двинѣ и работы въ рудникахъ поддерживаютъ кре-
стьянина. Положеніе вообще оброчное, кромѣ тѣхъ
мѣстъ, гдѣ находятся заводы.

Слѣдующіе два округа, которые намъ остается
разсмотрѣть въ Европейской Россіи, противополож-
ны четвертому и пятому, какъ по географической
мѣстности, такъ и по всѣмъ другимъ признакамъ.

6. *Приволжская Россія* противоположна *Бѣ-*
лоруссіи, а *южная*, или *Черноморская*, сѣверной
полосѣ. Приволжскую Россію составляютъ губер-
ніи, чрезъ которыя течетъ Волга, или на которыя
она простираетъ свое вліяніе, именно: Ярославль,
Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Симбирскъ,
Саратовъ и Астрахань. Равняясь по плодородію, за
исключеніемъ Костромской и Астраханской губер-
ній, лучшимъ губерніямъ хлѣбнаго округа, сія по-
лоса имѣетъ то преимущество, что населеніе ея не
только соразмѣрно съ производительностью, но въ
ней находится еще много земель, къ коимъ не при-
касалась рука человѣческая. Она будущая надежда
Россіи, скрываетъ въ себѣ неизчислимыя средства
къ пропитанію народонаселенія, какъ своего, такъ
и западныхъ губерній. Водяное сообщеніе, поощ-
ряя торговлю, возвышаетъ цѣну хлѣба и даетъ кре-

стьянину надежныя средства къ промысламъ. Нѣтъ губерній, гдѣ состояніе крестьянъ казалось бы столь цвѣтущимъ, какъ въ Ярославской и Костромской. Занимаясь торговлей, они приобрѣли навѣкъ къ оборотамъ и подрядамъ. Находясь почти всегда, по малому количеству земли, на оброкѣ, они избрѣли такой образъ управленія, посредствомъ коего порядокъ въ ихъ дѣлахъ сохраняется переменными бурмистрами. Помѣщикъ не имѣетъ нужды входить ни въ какія подробности, ибо сами крестьяне его привыкли покоряться мѣстному начальству, не прибѣгая къ господской власти. Къ назначенному времени толстый бородачъ подноситъ барину пакетецъ съ деньгами, въ плодахъ и овощахъ, и кромѣ сей *интересной* минуты, помѣщикъ, живущій въ столицѣ, не имѣетъ почти никакого сношенія съ своимъ имѣніемъ. Деревни выстроены лучше, нежели во всѣхъ другихъ губерніяхъ; въ нихъ нѣрѣдко въѣзды двухъ-этажныя, да и городская роскошь, пропавшая туда, выказывается въ пацѣ, одеждѣ и жилищахъ крестьянъ. Но не смотря на такое благосостояніе, имѣнія въ сихъ двухъ губерніяхъ не приносятъ большой пользы помѣщику. Они вообще малоземельны, и потому помѣщики не имѣютъ права требовать многого отъ крестьянъ, обогащающихся своими собственными трудами и просвѣщенною дѣятельностью, и потому рѣдко получается здѣсь болѣе 20 рублей съ души. Въ другихъ губерніяхъ сей части Россіи, крестьянинъ, хотя не такъ просвѣщенъ и не такъ богатъ, однакожь имѣетъ еще болѣе средствъ пропитывать себя, а помѣщики извлекаютъ выгоды гораздо значительнѣйшія изъ своихъ имѣній. Земля вообще плодородна, и до того обильна, что по недостатку населенія остается праздною. Во всѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, ко-

торую можно приписать къ сему округу, хотя Волга чрезъ нея не протекаетъ, земля продается за самую низкую цѣну и вообще во всей этой губерніи, судя по качеству почвы, имѣнія дешевле всѣхъ другихъ краевъ Россіи. Оброчное управленіе встрѣчается чаще въ Нижегородской губерніи; въ другихъ болѣе запашка.

Наконецъ, 7-я полоса, которая такъ же противоположна по всему сѣверной, какъ и приволжская, со стороны изобилія и богатства, Бѣлоруссія, есть Южная и Черноморскій берегъ. Ее составляютъ губерніи Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Область Бессарабская и Земля Донскихъ Казаковъ. Вся сія полоса очень плодородна; населена мало, причиною чего, кажется, недостатокъ въ лѣсѣ и множество безводныхъ степей, негодныхъ для жительства; къ тому же сія страна принадлежитъ Россіи съ недавняго времени, и не могла еще получить надлежащаго образованія отъ помѣщиковъ. Равно какъ и въ приволжской полосѣ, крестьяне перемѣшаны здѣсь съ иноплемениками. Казаки, Волохи, Греки, Нѣмцы и Жидаы приносятъ сюда изъ разныхъ странъ свои обычаи и познанія, соединеніе коихъ должно во всякомъ случаѣ производить благотворное дѣйствіе. Нельзя еще опредѣлять цѣны, которой будутъ стоить имѣнія въ сей части Россіи, когда опытные и искусные хозяева обратятъ сюда свои капиталы. Удобство къ разведенію скота, особенно мериносовъ, приносящихъ большую пользу, виноградныя сады, винодѣліе, Днѣпръ и близость моря дѣлаютъ здѣсь имѣнія самыми капиталными въ Россіи. Оцѣнить землю чрезвычайно трудно, ибо въ частяхъ удобныхъ для разведенія винограда десятина продается по 1000 рубл. и болѣе, а въ другихъ и ста рублей не стоитъ. Но вообще можно сказать, что подобно

Т. VIII. — Отд. III. 16

тому, какъ нѣтъ земли качествомъ и цѣною ниже сѣверной полосы, такъ нѣтъ земли и приносящей надежды къ вызвышенію цѣнности своей болѣе южной полосы. Но о Россійскомъ крестьяннѣ, составляющемъ главную цѣль моего разсужденія, тутъ нечего сказать. Русскій крестьянинъ здѣсь теряется изъ вида; онъ дичится сихъ странъ, какъ мѣста ссылки, но потомки его будутъ блаженствовать. О богатствахъ Грузіи и областей, присоединенныхъ въ послѣднее время отъ Персіи, наши дѣти будутъ писать утвердительное пасъ, но нельзя и теперь не предвидѣть пользы, которую получить отечеству наше въ то время, когда сторона тамъ обрѣсаетъ.

Въ заключеніе бѣлаго обзора Россійской Имперіи, раздѣленной мною на *сельскую полосу*, а именно: Московскую, Хлѣбную, Малороссійскую и Красно-россійскую, Бѣлорусскую, Сѣверную, Приволжскую и Южную, мы видимъ, что цѣна имѣній, польза помѣщика, положеніе крестьянина у насъ такъ же разнообразны, какъ разнообразны самыя физическія свойства разныхъ частей обширной Руси. Вопросъ: сколько кто имѣетъ душъ? теперь интересенъ только развѣ для какого нибудь Митрофанушки, по *какихъ Губерніяхъ и при какомъ количествѣ земли?* вотъ что спроситъ человѣкъ, знающій настоящее положеніе Россіи. Замѣчено было выше, что имѣнія весьма часто обременяются гораздо большимъ числомъ крестьянъ, нежели сколько нужно для обработыванія полей. По сдѣланному здѣсь обзору разныхъ частей Россіи видно, что такое замѣчаніе наиболѣе относится къ губерніямъ, состоящимъ въ полосахъ Московской, Хлѣбной, и особенно Бѣлорусской, а изъ сего заключаю, что въ Восточной и Южной частяхъ Россіи положеніе земледѣльца приволь-

нѣе, имѣнія выгоднѣе, нежели въ западныхъ, и пре-взойдутъ со временемъ даже самыя земли внутрен-нихъ губерній, почитающіяся нынѣ самыми лучши-ми въ государствѣ.

Полагаю излишнимъ прибавлять, что читатель долженъ съ осторожностью вѣрить всѣмъ вышеиз-ложеннымъ мѣстнымъ замѣчаніямъ. Очевидно, что если статистику округа, превышающаго въ двое, или въ четверо, Францію и Германію, высказать въ нѣсколькихъ строкахъ, то общія положенія будутъ подлежать безчисленнымъ исключеніямъ. Но я хочу поставить маяки только на главныхъ мѣстахъ, посред-ствомъ конхъ глубина и отмѣли могутъ быть со вре-менемъ означены подробнѣе. Не отвѣчаю за вѣрность моихъ замѣчаній и представляю ихъ повѣркъ читателя, который найдетъ, вѣроятно, ошибки, даже въ общи-сти ихъ, не только въ исключеніяхъ, какимъ каждое изъ нихъ подлежитъ. Отдѣльно о каждой изъ губер-ній Россійскихъ можно написать цѣлую книгу, но пока не напишутся такія книги, лучше говорить что нибудь, нежели молчать, ибо симъ, по крайней мѣрѣ, дается размышленію толчокъ, и стоячая вода без-мыслія приводится въ броженіе.

Перехожу ко второй отрасли измѣненій въ кре-стьянскомъ бытѣ, къ тѣмъ именно измѣненіямъ, ко-торыя происходятъ отъ двойкаго образа управле-нія. Какимъ образомъ дѣйствуютъ оброкъ и запаш-ка на благосостояніе крестьянъ? И кстати, какіе признаки бывають ихъ благосостоянія? Красота крестьянскихъ строеній не всегда можетъ служить его признакомъ. Они красивы въ Ярославль, но и во Владимірѣ и въ Калугѣ тоже, хотя тамъ мужикъ бѣденъ, между тѣмъ, какъ въ Орлѣ, гдѣ онъ богаче, изба его несравненно хуже. Вообще основательна аксіома: *не красна изба углами, а красна пирогами.*

Нельзя судить справедливо по наружности дома или платя, и въ быстромъ объездѣ губерній невозможно замѣтить ихъ благосостоянія; надобно пожить на мѣстѣ и взглянуть внутрь, чтобы развѣдать крестьянскій бытъ, а рѣшить взглянувъ на крыльцо, что крестьянинъ богатъ, значить по румянцу на щекахъ судить о здоровьѣ челоѣка, у котораго между тѣмъ на языкѣ и въ пульсѣ всѣ признаки чахотки. Только узнавая весь внѣшній и внутренній бытъ крестьянина можно разсуждать основательно о прочности его состоянія и вліяніи хозяйства оброчнаго и землешественнаго. Мы видѣли, что то и другое исключительно находятся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ-то, напримѣръ, оброкъ въ Ярославль, пашня въ Кіевѣ, въ Оренбургѣ, но много есть губерній, гдѣ смежныя владѣнія управляются различно, одно на пашнѣ, а другое на оброкѣ. Изъ этого видно, что каждое требуетъ необходимо особыхъ мѣстныхъ условій, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ условія того и другаго соединены.

Мѣста, почти исключительно расположенныя на оброкѣ, суть Ярославль, Кострома и *большая часть* Московскаго и Сѣвернаго околдовъ. Въ Хлѣбномъ округѣ оброкъ смѣшанъ съ барщиной, или землешественнымъ хозяйствомъ; въ Приволжскомъ, отъ Нижняго внизъ по Волгѣ, онъ встрѣчается рѣже, а въ Оренбургѣ, Южномъ и Бѣлорусскомъ округахъ почти вовсе не показывается. Правила оброчнаго хозяйства состоятъ въ томъ, что крестьянинъ, пользуясь землею, на которой поселенъ, и правомъ продавать въ свою пользу произведенія, имъ добытыя, долженъ вносить ежегодно своему господину известную плату, называемую *оброкомъ*. Количество его различно, смотри по количеству земли, мѣстоположенію имѣнія и требованіямъ господина, но рѣд-

ко бываетъ выше 35 руб. ассигнаціями, а часто мѣше 10-ти. Взносъ оброка бываетъ обыкновенно опредѣленъ въ два срока, весною и осенью, т. е., по продажѣ яроваго и озимаго хлѣбовъ. На семъ основаніи, помѣщикъ, для узнанія всего положенія своего дохода, можетъ только помножить число крестьянъ суммою оброка, положеннаго на каждую душу, и не заботясь ни о ходѣ земледѣлія, ни о продажѣ хлѣба, ждать каждый годъ къ известному сроку положенной суммы. Спокойствіе господина, непринужденность и свобода крестьянина даютъ перевѣсъ сему образу хозяйства надъ пашней. Одинъ помѣщикъ оставляетъ крестьянъ на оброкѣ изъ филантропіи; другой—подъ предлогомъ своей неопытности въ хозяйствѣ; третій—по недосугамъ; четвертый—по причинѣ исправности платежа и постояннаго при всѣхъ урожаяхъ дохода; пятый — по обычаю предковъ. Но какъ ни казались бы велики выгоды оброчнаго хозяйства, ясно съ перваго взгляда, что учредить его вездѣ невозможно. Во первыхъ, исполненіе обязанности оброчнаго крестьянина, платить деньгами, а не произведеніями, требуетъ близости какого нибудь города или судоходной рѣки, безъ чего онъ не можетъ сбывать своего хлѣба, а потому оброкъ можетъ существовать въ Рязани и въ Тулѣ, но никакъ не водворится во всемъ пространствѣ Оренбургской и Екатеринославской губерній. Во вторыхъ, крестьянинъ оброчный, поселенный на тѣсномъ пространствѣ земли, или на неплодородной почвѣ, раззорится, если не найдетъ средствъ работать на фабрикѣ, либо пустится въ торговлю, какъ въ Московскомъ округѣ и въ Костромѣ; земледѣлемъ же онъ занимается только для доставленія необходимаго своему семейству, ибо невозможно въ одно и тоже время быть и тщательнымъ пахаремъ, и куп-

цомъ и своицкомъ своего хлѣба, а потому, оброкъ хотя и существуетъ во Владимирѣ, но вовсе не можетъ быть введенъ ни въ Витебскія, ни въ Минскія имѣнія. Условія торговли такъ же необходимы въ оброчныхъ имѣніяхъ, какъ условія земледѣлія, и качества, требуемыя обоими сими родами промысла, должны соединиться въ оброчномъ крестьяннѣ.

Теперь остается разсмотрѣть: выгодно ли всегда соединеніе въ одномъ лицѣ промысловъ земледѣльнаго и торговаго?

Не касаясь еще разныхъ, вышеисчисленныхъ выгодъ оброка, что вскорѣ разсмотрю подробнѣе, замѣчу только одно, по моему мнѣнію, важное обстоятельство оброчнаго хозяйства. При раскладкѣ оброка, сумма, полагаемая на душу, можетъ простираться только до такого количества, которое самый бѣдный крестьяннѣ въ имѣніи платить можетъ. Справедливость того требуетъ. Всѣ крестьяне въ селеніи пользуются одинакимъ количествомъ земли, а потому всѣ должны платить одну и ту же сумму, и требовать съ трудолюбиваго болѣе, нежели съ лѣнивца, было бы, во первыхъ, несправедливо, во вторыхъ и невозможно. Но могутъ ли быть всѣ крестьяне на одинаковой степени благосостоянія? Хотя земля была бы распределена между ними по своему качеству самымъ справедливымъ образомъ, на участки одинакаго достоинства (что невозможно), имѣютъ ли всѣ крестьяне равныя средства ею пользоваться? Этого никакъ нельзя предполагать. Одинъ крестьяннѣ здоровъ и крѣпокъ, а другой слабъ; у одного три взрослые сына, всѣ хорошіе работники, а у другаго только дочери, или малолѣтныя дѣти. Разница, какая съ самаго начала обнаруживается въ силахъ, должна годъ отъ году увеличиваться въ дѣйствіи, и въ томъ легко увѣриться. Положимъ, что три крестья-

нина А. Б. В., находящіеся на оброкъ, получили ровну земли, и должны платить по 20 рублей оброка и другія подати. А., имѣя трехъ взрослыхъ сыновей, самъ пользуется хорошимъ здоровьемъ, принадлежитъ къ числу семейныхъ, доходныхъ мужиковъ, и воздѣлывая поле тремя работниками, между тѣмъ, какъ самъ свободенъ для торговыхъ оборотовъ, получаетъ прибыль, которую мы означимъ суммою, во 100 рублей; у Б. одинъ сынъ, и съ такого же поля, какимъ пользуется А., но воздѣланнаго только однимъ работникомъ, онъ едва ли получитъ половину, т. е., 50 рублей. Наконецъ, В., не имѣя ни одного сына, ходитъ одинъ на поле, на рынокъ, и съ трудомъ къ концу года добываетъ 30 рублей. Положимъ, что В. употребилъ на содержаніе свое 10 р., Б. 30 р., А. 60 рублей, за вычетомъ оброка остается у А. 20 рублей, у Б. 15 рублей, у В. не остается ничего. Приложите остатокъ къ доходу крестьянина въ слѣдующемъ году, разница между тремя крестьянами увеличится и будетъ съ каждымъ годомъ увеличиваться. Оброкъ, умеренный для А., тягостенъ для Б. и раззорителенъ для В. Если положить съ подушными оброкъ ниже, на примѣръ, въ 15 рублей, тутъ будетъ видна только филантропія помѣщика, но несправедливость остается все таже. В. облегченъ, но помѣщикъ теряетъ болѣе дохода отъ крестьянъ А. и Б., нежели сколько приноситъ пользы В. Напротивъ, если помѣщикъ возвыситъ оброкъ на А. и Б., оставляя его въ прежнемъ количествѣ на В., тогда онъ приведетъ всѣхъ трехъ въ равную степень бѣдности, и при первомъ неурожаѣ не получитъ ни копѣйки со всѣхъ. Состояніе, всѣхъ безъ исключенія большихъ оброчныхъ имѣній показываетъ, что картина здѣсь не преувеличена, и мы каждый день видимъ примѣры, подобные представленному

намъ сказанными тремя крестьянами. У самыхъ добрыхъ господъ есть множество бѣдныхъ крестьянъ, при небольшомъ числѣ достаточныхъ, и, можетъ быть, двухъ или трехъ капиталистахъ. Последними можно гордиться, вторыми можно питаться, а первыхъ надобно самихъ питать. Но часто господинъ не знаетъ такого неравенства, и полагаетъ, что всѣ одинаково пользуются его щедротами. Не говорю здѣсь о злоупотребленіяхъ, коимъ всѣ управленія подвержены, но объ основномъ недостаткѣ оброка. Помѣщикъ получаетъ весьма мало отъ всѣхъ крестьянъ вообще, но и притомъ много крестьянъ разоряется. Неминуемымъ слѣдствіемъ оброка, въ мѣстахъ, гдѣ промышляютъ однимъ хлѣбомъ, должно быть большое неравенство въ состояніи ихъ, а потому и угнетенія бѣднѣйшихъ богатыми. Кажется, нѣтъ нужды распространяться и доказывать болѣе филантропамъ, защищающимъ оброчное хозяйство, что оно непрочно. Всякій знаетъ, что крестьяне вообще предпочитаютъ оброкъ пашни, но это происходитъ отъ ложнаго мнѣнія о своихъ силахъ, и отъ увѣренности, что съ ними никакой бѣды не будетъ, если они не уплатятъ болѣе половины положенной на нихъ суммы.

Остается рассмотреть: требуетъ ли управленіе оброчнымъ имѣніемъ времени и хлопотъ менѣе, чѣмъ пашня, и можно ли полагаться на постоянный доходъ при всякомъ урожаѣ? Опытъ даетъ намъ рѣшительные отвѣты на оба вопроса. Смотрѣть за хозяйствомъ каждаго крестьянина, и за тѣмъ, какъ обрывается оное свое поле, безъ сомнѣнія, тяжело, но отъ несмотрѣнія за ними большей части нашихъ помѣщиковъ накопилось на нихъ имѣній множество недоимокъ. Слѣдовательно, неусыпное наблюденіе за хозяйствомъ оброчныхъ крестьянъ необходимо, ис-

ключал развѣтъ случан, когда они промышляютъ единственно торговлей. Что касается до одинаковости дохода, то она находится — только въ книгахъ. Ложное мнѣніе объ оброкѣ не устоитъ противъ неурожая. Тогда съ достаточныхъ получайте последнее, а на прочихъ отмѣчайте, какъ хотите недоимку — она, не смотря на то, не возвратно потеряна, точно такъ же, какъ при неурожаяхъ доходъ въ имѣніяхъ землепашныхъ. Многие усердные помѣщики, желая поправить нѣсколько изложеннаго неудобства и несправедливости оброка, замѣнили оброкъ *подушный* иначе, *землянымъ*, а другіе *тягловымъ*. Земляной основанъ на точномъ раздѣленіи и расцѣнкѣ полей по десятинамъ, и оброкъ собирается, какъ доходъ съ пашни, по количеству земли, занятой крестьяниномъ. Справедливость сего оброка, въ сравненіи съ подушнымъ очевидна, но не менѣе того, онъ не обезпеченъ отъ неудобствъ, выше показанныхъ примѣрами А. Б. и В. На В. оброкъ уменьшится, но вмѣстѣ съ тѣмъ и земля подъ нимъ ежится, до тѣхъ поръ, пока не останется за нимъ ни одной сажени, а тогда требуй съ него оброкъ или нѣтъ — явно, что ему не откуда его взять.

При тягловомъ оброкѣ повинность располагается не на землю а на *силы*, употребленныя для обработыванія ея, т. е., на число работниковъ въ семействѣ. Сей образъ хозяйства, безъ сомнѣнія, самый справедливый, потому, что онъ соображается съ количествомъ земли, данной крестьянину, и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе подходитъ къ системѣ землепашатнаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, одно только различіе между сими двумя способами управленія существуетъ, то, что на пашнѣ требуется воздѣлываніе господскаго поля, а на тягловомъ оброкѣ денежная сумма, соответствующая трудамъ дѣла-

тельного работника. При сей системѣ неравенство оброчнаго хозяйства уменьшается, но пристрастіе богатыхъ мужиковъ часто препятствуетъ надлежащему ея развитію. И въ семь родѣ оброка, такъ же какъ и въ другихъ, крестьянинъ долженъ быть земледѣльцомъ и купцомъ, что безъ сомнѣнія препятствуетъ успѣхамъ его въ какомъ либо изъ сихъ двухъ, совершенно противоположныхъ промысловъ.

Замѣчанія наши относятся, какъ выше сказано, къ тѣмъ губерніямъ, гдѣ имѣнія могутъ быть, по произволу помѣщика, опредѣлены на оброкъ и на пашню; еще выше было сказано, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оброкъ существуетъ исключительно, наприм., во всѣхъ почти частяхъ Московскаго околodka, въ губерніяхъ Ярославской и Костромской. Ясно, что здѣсь, при всѣхъ невыгодахъ оброка, должно придерживаться его, какъ единственнаго средства получать доходы съ имѣнія. Но какое свойство тѣхъ губерній, въ коихъ оброкъ существуетъ исключительно? Во первыхъ, онъ малоземельны; во вторыхъ, крестьяне имѣютъ здѣсь средства промышлять рукодѣльемъ, или торговлею. Изъ сего должно заключить, что въ сихъ мѣстахъ оброкъ платится не съ одной земли, но съ трудовъ крестьянина. Еслибы крестьяне были на пашнѣ, они приносили бы только то, что производитъ земля; будучи на оброкъ они приносятъ гораздо болѣе, ибо къ скудному произведенію земли должны прибавить произведеніе постороннихъ своихъ трудовъ, чтобы удовлетворить обращеннымъ на нихъ требованіямъ.

Въ заключеніе утвердимъ, что оброкъ въ земляхъ, удобныхъ для земледѣлія, невыгоденъ для господина и неравенъ для крестьянъ; въ тѣхъ же, гдѣ по-

чва неудобна для земледѣлія, онъ даетъ господину выгоды.

Пашня. Въ землепахатномъ управленіи крестьянинъ занимается исключительно земледѣліемъ, и исправляя возложенную на него трехъ-дневную работу, не имѣетъ нужды входить ни въ какія торговля сношенія. Главныя качества пашни состоятъ въ томъ, что крестьянинъ землепашный есть работникъ и настоящій крестьянинъ, не толкается въ городахъ, но почти круглый годъ живетъ въ деревнѣ, и если онъ не столько просвѣщенъ, какъ крестьянинъ оброчный, и рѣдко бываетъ богатъ, то въ необходимомъ для своего пропитанія не нуждается, и если принадлежитъ мѣлкопомѣстному господину, то бываетъ часто принужденъ работать въ три назначенные господину дня, безъ малѣйшаго отдыха. Свободою, которая предоставляется оброчному крестьянину, землепахатный почти вовсе не пользуется, и положеніе его показалось бы намъ несравненно хуже, еслибы мы сравнили однѣ только работы, на того и другаго возложенныя, а не прочность ихъ состоянія. Но здѣсь-то надобно припомнить, что въ оброчномъ имѣніи, часто совершенно безземельномъ, требуютъ 20 рублей съ челоуѣка, у котораго нѣтъ во время раскладки ни гроша. Для того, чтобы содержать себя и платить подать господину, ему надобно опредѣлится въ работу на сторонѣ, въ городахъ, на баркахъ, на фабрикахъ. За всѣми перемѣнами мѣсть и работъ, за всѣми рисками, ему остается только то, что слѣдуетъ съ него взыскать, а потому, онъ дѣлается такимъ же безкапитальнымъ крестьяниномъ, какъ и прежде. Напротивъ, крестьянинъ на пашнѣ, сверхъ земли, имъ занимаемой, долженъ, для обработыванія ея, быть снабженъ значительнымъ капиталомъ въ орудіяхъ и въ лоша-

дахъ, а иначе онъ не надежный работникъ. Польза господина требуетъ такого условія, и потому крестьянинъ землепахатный обезпеченъ средствами производить работу съ пользою для помѣщика и для себя. Но безпристрастный наблюдатель обоихъ образовъ хозяйства не можетъ не замѣтить еще и того, что оброкъ, при всѣхъ своихъ коренныхъ недостаткахъ, не столько подверженъ злоупотребленіямъ, какъ пашня. Хотя сія послѣдняя существенно выгоднѣе какъ для сословія крестьянъ, такъ равно и для самого помѣщика, но послѣдній, въ семь случаевъ, приобретаая болѣе выгодъ, принимаетъ на себя и болѣе обязанностей. Его долгъ, относительно крестьянъ, дѣлается гораздо сложнѣе, и именно во столько разъ, во сколько увеличиваются попеченія его о собственной своей выгодѣ.

В. УСОЛКИНЪ.

==

Если сія статья будетъ благосклонно принята, постараюсь въ слѣдующей опредѣлить, сообразно моему мнѣнію, обязанность и пользу Русскаго помѣщика. Если я умѣю ея занять читателя, то съ удовольствіемъ напишу и ему второе посланіе, и изложу тѣ мысли, которыя, по моему мнѣнію, могутъ служить къ пользѣ помѣщика и крестьянина.

ПСИХОЛОГІЯ СНОВИДѢНІЙ.

(Статья вторая и послѣдняя).

Будущее не существуетъ, пока есть настоящее. Какъ же можно постигать его, предвидѣть его въ сновидѣніи? Таково заключеніе общее, таково опроверженіе нѣсколько благовидное. Однакожь, прежде всего вспомнимъ, что *предчувствіе*, сіе нѣкоторымъ образомъ преддверіе предвидѣнія, есть явленіе столь обыкновенное, столь давнее, что оно изстаря поставалось наравнѣ съ самимъ сновидѣніемъ, коего разновремено оказывалось оно, то причиною, то дѣйствіемъ, то послѣдствіемъ. Древніе были убѣждены, что душа во время сна ощущаетъ и посредствомъ сновидѣній предчувствуетъ будущее. Прочтите Плинія, Цицерона, Ксенофонта, Аристотелл, вы увидите, какъ сіи мыслители затрудняются въ объясненіи нѣкоторыхъ явленій относительно сего предмета. Многіе общественные перевороты и движенія политическія, извѣстныя намъ изъ исторіи народовъ, болѣе или менѣе связываются съ психологіею сновидѣній. Исторія открываетъ намъ, что въ подобныхъ случаяхъ иногда показывались какія-то привидѣнія, иногда слышался какой-то голосъ, иногда являлся сонъ, въ коемъ выражалось происшествіе. Есть сны Магометовы, Ксерксовы, Митридатовы, Камбизовы, Генриха IV, Вагтазаровы, Людовика XIV и — Наполеоновы. Должно ли напоминать здѣсь о знаменитостяхъ классическихъ въ семь родѣ: объ ужасахъ Кальпуріи, приключеніяхъ Св. Августина, о чело-

вѣкъ, приходившемъ къ Бруту въ его палатку, и привидѣній, ставшемъ предъ Цезаремъ у Рубикона? Сновидѣнія обращали даже во врачевныя пособия: Оригенъ, Гиппократъ и Ямблихъ врачевали болѣзни предвѣдительно посредствомъ сновъ. Въ какомъ величественномъ образѣ является Кассандра въ поэмѣ Омровой! Не льзя ли заключить изъ того, что Омръ, столько же глубокой философъ, сколько и духовный раскодистъ, хотѣлъ олицетвореніемъ предвѣдній души человѣческой придать болѣе свѣтозарнаго блеска поэмѣ своей? Рафаэль, величайшій изъ живописцевъ, могъ посредствомъ земныхъ красокъ изобразить явленіе Преображенія, но гдѣ сыскать Декарта, Паскаля, Невтона, для измѣренія глубины сего живаго предвѣднія, для изслѣдованія законовъ сего явленія?

Впрочемъ, не должно смѣшивать предчувствій, или предвѣдній, съ предвѣщаніями, или предзнаменованіями. Предчувствія происходятъ отъ внутренняго движенія, производимаго въ насъ свойственною намъ способностью, причина коего для насъ необъяснима. Предвѣщанія суть предполагаемыя сходства между происшествіями настоящими и происшествіями отдаленными. Весьма очевидно, что нѣтъ никакого отношенія между такимъ-то числомъ, такимъ-то днемъ недѣли и успѣхомъ въ такомъ-то или въ такомъ-то предпріятіи. На сикхто предвѣщаніяхъ основывалось *столкованіе*, или способность объяснять будущее посредствомъ сновъ — вздорная, торговая смѣтка, унижавшая источникъ предчувствія, конемъ Авиценна и самъ великій Гиппократъ съ благомысліемъ занимались, какъ вѣрно истинною, Артемидоръ, какъ наукою положительною и Карданъ, Белотъ, Апомазаръ какъ смущеніемъ бѣсовскимъ. На истолкованіяхъ сихъ же предвѣщаній основывалось искусство гаданія, столь знаменитое у древнихъ, и сего достаточно для доказательства лжи сего искусства, коимъ люди просвѣщенные никогда не были обмануты. Весьма очевидно, что различіе между предчувствіемъ и предвѣщаніемъ необходимо, какъ для огражденія себя отъ шарлатановъ, такъ и для предохраненія себя отъ септиковъ. Для невѣрія остается одинъ конекъ: случай, когда предчувствіе сливается съ привидѣніемъ, или сномъ, и когда представленіе всѣхъ происшествій жизни существенной столь совершенно, что спящій полагаетъ себя точно перенесеннымъ въ будущее. Но мы уже довольно говорили въ пользу сновъ и привидѣній.

Нѣсколько, малоизвѣстныхъ, здѣсь приводимыхъ событій, послужатъ къ объясненію сей категоріи предчувствій.

Маркизъ Рамбулье, старшій братъ Герцогини Монтозье, и маркизъ Преси, старшій въ семействѣ Нантулье, оба молодые люди, отъ 25 до 30 лѣтъ, были искренними друзьями, и служили вмѣстѣ въ военной службѣ, какъ и всѣ знатные люди во Франціи. Однажды бесѣдовали они о дѣлахъ того свѣта; послѣ нѣкоторыхъ разсужденій, обнаруживавшихъ, что они не слишкомъ убѣждены были въ томъ, что говорится о томъ свѣтѣ, оба друга обѣщали одинъ другому, что первый, который прежде умретъ, придетъ къ товарищу съ извѣстіемъ, о томъ, что тамъ дѣлается. По прошествіи трехъ мѣсяцовъ, маркизъ Рамбулье поѣхалъ во Фландрію, гдѣ была тогда война, а маркизъ Преси, сдержимый сильною лихорадкою, остался въ Парижѣ. Черезъ шесть недѣль послѣ того, маркизъ Преси, во время своего выздоровленія, въ пять часовъ утра, слышитъ, что занавѣсъ его кровати кто-то отдернулъ; онъ обращается, желая узнать, кто отдергиваетъ занавѣсъ, и видитъ передъ собою Рамбулье, въ кожаномъ колѣтѣ и въ сапогахъ. Преси всталъ съ постели, хотѣлъ броситься на шею къ своему другу, для изъявленія радости, которую ощущалъ при его возвращеніи, но Рамбулье, отступя нѣсколько шаговъ, сказалъ ему, что его ласки уже поздны; что онъ пришелъ къ нему только для того, чтобы сдержать данное слово; что онъ наканунѣ былъ убитъ въ траншеѣ; что все, что говорятъ о томъ свѣтѣ, совершенно справедливо; что Преси долженъ помыслить жить иначе, и что ему остается къ тому времени немного, ибо его убьютъ въ первомъ сраженіи, въ которомъ онъ будетъ находиться. Нельзя выразить удивленія, какимъ, при семъ разговорѣ пораженъ былъ маркизъ Преси. Не вѣри тому, что слышалъ, снова усиливался онъ обнять своего друга, полагая, что его обманываютъ, но Преси обнялъ только воздухъ, и Рамбулье, видя его невѣріе, показалъ ему то мѣсто на тѣлѣ своемъ, гдѣ онъ былъ раненъ; изъ раны текла еще свѣжая кровь. Привидѣніе исчезло. Преси остался въ ужасѣ, который скорѣе можно постигнуть, нежели описать. Онъ звалъ къ себѣ слугу и разбудилъ всѣхъ крикомъ своимъ. Многіе прибѣжали къ нему; онъ разсказалъ имъ, что видѣлъ; всѣ отнесли его видѣніе къ дѣйствию горячки, которая могла помутить его воображеніе. Его просили

опять лечь, доказывал ему, что все рассказанное имъ видѣлъ онъ во снѣ. Маркизь Преси, въ отчаяніи, что его считают сумасбродомъ, рассказалъ всѣ обстоятельства, но не смотря на торжественныя уврѣнія, что онъ видѣлъ и слышалъ своего друга, всѣ остались при прежнемъ мнѣніи — до первой почты изъ Фландріи, съ которою было получено извѣстіе о смерти маркиза Рамбуле. Этого было достаточно произвести трелогю въ Парижъ, но только время могло оправдать привидѣніе совершенно. Ждали, что будетъ съ маркизомъ Преси, угрожаемымъ погибелью при первомъ случаѣ. Вскорѣ загорѣлась во Франціи внутренняя война. Преси хотѣлъ участвовать въ ней, не смотря на то, что отецъ и мать, страшившіеся прорицаній, отклоняли его отъ такого предпріятія. Маркизь Преси, дѣйствительно, вскорѣ былъ убитъ.

Въ то время, когда съ нимъ случилось рассказанное нами происшествіе, Преси былъ въ бодрственномъ положеніи; это очевидно. Явленія *двойного зрѣнія* доказываютъ, что въ самомъ бодрствованіи предчувствіе проявляется иногда посредствомъ сна. Но тогда впечатлѣнія, тѣмъ болѣе нѣжныя, чѣмъ болѣе предметы, ихъ производящіе, отдалены, могутъ быть ощущаемы, дѣйствуя исключительно одни, когда всякая удобоприемлемость къ другимъ впечатлѣніямъ остановлена. Необходимо между впечатлѣніями и нашею душою находится, такъ сказать, цѣдильному орудію, гдѣ останавливается все грубое и пропускаютъ только самыя тончайшія и самыя чистѣйшія ощущенія. Вотъ почему въ спокойномъ только положеніи нашего тѣла, душа различаетъ безчисленные лучи, движимыя тончайшія нити, посредствомъ коихъ настоящее связывается съ будущимъ и прошедшимъ. Такое спокойное положеніе болѣе свойственно сну, но различныя усыпленія, какимъ человекъ подверженъ, доступны также дѣйствию подобныхъ явленій. Мы приводили примѣры, объясняя сповидѣніе какъ странствованіе души. Семнадцатое столѣтіе славится еще однимъ событіемъ, которое стоитъ рассказаннаго нами. Вотъ оно:

Какой-то человекъ, незнавшій по Гречески, пришелъ къ Сомезу, бывшему совѣтникомъ въ парламентъ Дижонскомъ, и показалъ ему слова, слышанныя имъ ночью во снѣ, и по

пробужденіи написанныя имъ по Французски: *arifi ouc ordreni tin sen apsikian.*

Сомезъ отвѣчалъ, что слова сія суть Греческія, и написали ихъ такъ: *απιτι! ουκ οβροσσηη τιμ βεν αψι-χιαν?* и сказалъ, что они значатъ: *Важно! не упустишь ли смерти?* Вопросавшій поспѣшно вѣхалъ изъ дома, гдѣ жилъ. Едва успѣлъ онъ выбраться, какъ домъ обрушился.

Предчувствіе самое обильное и любопытное изъ всѣхъ дѣйствій сомнамбулизма. Въ важности его можно убѣдиться сочиненіями Делѣза, *Психологією нервной системы* Жорже, книгою доктора Бертрана объ изступленіи; наконецъ сочиненіями, врачебными или философскими, Дельпита, Кабаниса, Виреля, Пететена, Бордѣ, Геккета и другихъ. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе предчувствія, произведеннаго сповидѣніями, о будущемъ развитіи болѣзней. Одинъ человекъ, говоритъ Галиенъ, видѣлъ во снѣ, что его нога окаменѣла; черезъ нѣсколько дней послѣ того нога его была разбита параличемъ. Плиній рассказываетъ, что Корнелій Руфинъ, увидѣвъ во снѣ, что онъ потерялъ зрѣніе, пробудившись ослѣпленный внезапно темною водою. Конрадъ Геснеръ видѣлъ во снѣ, что грудь его укусила змѣя, и, дѣйствительно, у него открылся у плеча чумной жезвакъ, отъ котораго, черезъ пять дней, онъ умеръ. Очевидно, что подобныя особенности, суть простой результатъ жизни органической, и потому не заслуживаютъ мѣста въ психологіи сповидѣній. Но не таково слѣдующее происшествіе.

Когда генералъ Ловендаль, предводительствовавшій Французскимъ войскомъ, вошелъ 16-го Декабря 1747 года, послѣ продолжительной осады, въ Бергъ-Опъ-Цоомъ, крѣпость была раззорена, и тогда истреблена была гробница въ углу крѣпостнаго вала, на которой находилось бронзовое изображеніе зеркала съ мертвою головою, изъясненною изъ камня. Въ ней погребенъ былъ лордъ Брюсъ, Англійскій дворянинъ, служившій въ войскѣ Голландскомъ, передъ тѣмъ незадолго убитый на поединкѣ. Наканунѣ смерти, лордъ Брюсъ заслушалъ на постели, альковъ кося украшался зеркаломъ. Ночью онъ проснулся и увидѣлъ въ зеркалѣ мертвую голову. Поутру, отираваясь на условное мѣсто, рассказывалъ онъ о своемъ

странномъ снѣ и гибельномъ предчувствіи. Удивлялись подобной слабости въ человѣкѣ, столь храбромъ, но когда предчувствіе его сбылось, сповиданіе лорда Брюса поразило друзей его, и они пожелали увѣковѣчить воспоминаніе объ немъ тѣмъ изображеніемъ, какое вырѣзано было на гробницѣ Брюса.

Здѣсь обнаруживается свойство двойнаго зрѣнія, но, какъ въ предчувствіи почпомъ, въ немъ равно участвуетъ сповиданіе. Зеркало, отражающее происшествіе будущее, можетъ, быть объяснено явленіемъ магнетическимъ. Впрочемъ, если предвѣдніе доказано, то нѣтъ большаго чуда читать въ зеркалѣ, такъ же, какъ видѣть явленіе поды небосклопомъ. Все затрудненіе состоитъ въ признаніи, что мы обладаемъ непостижимымъ способомъ, посредствомъ дѣйствія души, составлять въ нашемъ умѣ рядъ образовъ и картину дѣйствій, кои будутъ существовать. Можетъ быть, когда науки психологическія болѣе усовершеншаты, доказано будетъ, что сіе явленіе производится посредствомъ эфирной части нашего мысленія, порыва нашей духовной жизни въ міръ чашмый, куда ея воздухообразное существо нечувствительно увлекается. Лордъ Брюсъ видѣлъ черепъ, потому, что такой видъ принимаетъ въ гробѣ голова, источенная разрушительными началами, дѣйствующими въ матеріи неодоушевленной.

Въ примѣчаніяхъ къ Байронову Глауру помѣщено слѣдующее: во время третьяго странствія моего къ мысу Колонейскому, въ 1811 году, когда мы проходили черезъ дефиле между Кератія и Колонна, я замѣтилъ, что Дервишъ-Тагирн отдался съ дороги и склонилъ голову на руку, подобно чловѣку, чѣмъ-то встревоженному. Я подошелъ къ нему: «Что съ тобой сдѣлалось?» спросилъ я его. — Мы находимся въ опасности — отвѣчалъ онъ. — «Въ какой опасности?» возразилъ я. «Мы здѣсь не въ Албаніи, не въ дефилеяхъ Эфесскихъ, Мессалунгскихъ и Лепантскихъ; всѣ наши люди вооружены и Хоріаты не осмѣлятся разбойничать.» — Да, *эфренди*, по однакожъ свистъ пуль отдается въ ушахъ моихъ. — «Ты шутишь. Во все утро не слышно было ни одного выстрѣла.» — Но я его слышу... теперь... вотъ точно такъ, какъ я слышу ваши слова, но намъ тутъ дѣлать нечего: это написано тамъ — выше; оно должно быть такъ! — Отойдя отъ моего *дервиша* съ столь утонченнымъ слухомъ, я подошелъ къ Базиліо, его соотече-

ственнику, который былъ христіанинъ, и замѣтилъ, что онъ съ трепетомъ слушаетъ предсказаніе своего товарища. Мы прибыли въ Колонну, гдѣ остановились на нѣсколько часовъ, и возвращаясь оттуда спокойно, истощами всевозможныя на смѣшки падъ мнимымъ предсказателемъ. Разными шутками, на языкахъ Романскомъ, Албанскомъ, Турецкомъ, Итальянскомъ, Английскомъ, мы приводили въ отчаяніе бѣднаго музульманина. По возвращеніи нашемъ въ Аонны узнали мы отъ Леоне (плѣнника, чрезъ нѣсколько дней послѣ того освобожденнаго), что Майноты готовились напасть на насъ. Желая лучше убѣдиться въ томъ, я подробно разспрашивалъ о томъ Леоне, который точно и удовлетворительно описалъ мнѣ платье, оружіе и шалы враждебной Майнотской шайки, такъ, что не оставалось никакого сомнѣнія, что и самъ онъ не находился въ числѣ Майнотовъ въ засадѣ, гдѣ они насъ ожидали. *Дервишъ* былъ провозглашенъ прорицателемъ.

Байронъ былъ суевѣренъ, какъ всѣ люди, одаренные пылкимъ воображеніемъ, но онъ искренно смѣлся надъ вторымъ зрѣніемъ, и это самое невѣріе придаетъ рассказанному имъ происшествію то вѣроятіе, когю оно заслуживаетъ. Поэтъ не замѣтилъ бы такого обстоятельства, которое почель ничтожнымъ, еслибы подробности его не были поразительны. Видимъ, что подобныя понятія распространены между Восточными народами. Жители Востока называютъ *фагіа* нѣкоторыхъ духовъ, которые наносятъ смерть людямъ. Султанъ Моктади Бемвила, выходя изъ-за стола, сказалъ одной изъ своихъ женъ: «Что это за люди, которые вошли сюда безъ позволенія?» Она не видала никого. Но обрати опять взоръ свой на Моктади, замѣтила, что онъ блѣднѣетъ, и въ тоже мгновеніе онъ умеръ.

Слѣдовательно, до смерти, посредствомъ ли изліянія жизненнаго, или посредствомъ другаго явленія, намъ непостижимаго, есть возможность отдать себѣ отчетъ въ семъ событіи? Но намъ было бы легко составить о снахъ огромную книгу, которая могла бы помѣститься на ряду съ Белотомъ и Апомазаромъ. Въ обществѣ, въ кругу самыхъ умнѣйшихъ людей, мы находимъ весьма немного такихъ, которымъ не были бы извѣстны какой нибудь сонъ, или видѣніе, довольно чрезвычайныя, служащія къ множеству возникающихъ по

сему предмету вопросов. Удовольствуемся здѣсь весьма немногими, болѣе или менѣе достоверными, событіями.

Въ 1826 году, одинъ молодой человѣкъ, въ Новомъ Орлеанѣ, убитъ былъ на поединкѣ. Обстоятельства, сопровождавшія поединокъ, должны были быть весьма драматическія, потому, что произвели чрезвычайное волненіе въ сей части Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ подобныя происшествія случаются весьма часто. Убитый, Теодоръ П., былъ молодой человѣкъ, лѣтъ семнадцати; онъ имѣлъ обыкновеніе почти всякій день проводить нѣсколько часовъ въ домѣ одной госпожи, бывшей искреннимъ другомъ его матери. Сія госпожа, женщина умная, веселая, и нимало не суевѣрная, на другой день послѣ смерти молодого П., была приглашена матерью его принять, вмѣстѣ съ семействомъ умершаго, участіе въ молитвахъ, которыя оно ежедневно приносило въ церкви за упокой души усопшаго; извѣстно, что Креолки слѣдуютъ сему обыкновенію. Та согласилась на приглашеніе, желая доказать матери участіе, которое принимала она въ ея горести, и молилась съ умиленіемъ.

Въ колоніяхъ есть обычай окружать постели пологомъ изъ прозрачнаго *марли*, замѣняющимъ занавѣсъ; онъ служитъ огражденіемъ спящаго отъ насекомыхъ, и потому называется *мустикеръ*. Черезъ два дня послѣ смерти П., госпожа, о которой мы говоримъ, по наступленіи вечера, съѣла на свою постель подъ пологомъ, и пачала качать младенца, котораго кормила. Должно замѣтить, что она въ то время не спала и не хотѣла спать. Совершенное спокойствіе царствовало въ комнатѣ и во всемъ домѣ; лампа горѣла на каминѣ, и посредствомъ свѣта, отъ нея происходищаго, можно было сквозь пологъ ясно различать всѣ предметы, находившіеся въ комнатѣ. Она нимало не думала объ умершемъ П. неподвижная на своей постели, пристально, но безъ всякой цѣли, смотрѣла она на предметы, ее окружавшія. Изъ положенія, въ какомъ она находилась, видно было, что она старалась, какъ бы ни малѣйшій шумъ, ни малѣйшее движеніе не потревожили сна ея ребенка, и съ нетерпѣнью ожидала когда ребенокъ заснетъ. Вдругъ видитъ она, что посреди комнаты, за пологомъ, голова какого-то человѣка, блѣдная и печальная, медленно образуется передъ глазами ея, наподобіе

дыма, постепенно стущающагося. Вскорѣ обнаружилась черта, проявилась физіогномія, и можно было совершенно распознать въ привидѣніи образъ молодого П. Мы сказали уже, что зрительница привидѣнія была женщина умная и притомъ совершенно хладнокровная. Она не вѣрила никакимъ мертвецамъ, и разумъ ея сохранилъ всю полноту свою, такъ, что она постоянно слѣдовала за развитіемъ сего неслыханнаго явленія. Не переставая смотрѣть на явившееся къ ней привидѣніе, она положила тихонько ребенка своего на постель, спустилась къ краю полога и спокойно сквозь газъ наблюдала за привидѣніемъ, которое еще не двигалось. Потомъ она замѣтила безъ малѣйшаго смущенія, что одна только голова мертвеца видна ей была явственно, а всѣ другія части тѣла его были ни что иное, какъ облако, легкое, сѣроватое, совершенно похожее на тѣнь, которую можетъ произвести неожиданно появившійся дымъ, подымалась вдругъ между лампою и стѣнами комнаты.

Когда тѣнь, облако, или привидѣніе, какъ вамъ угодно будетъ называть сей призракъ, получило нѣкоторымъ образомъ свое очертаніе, то начало скользить отъ середины комнаты къ постели, и двигаясь медленно, приблизилось къ пологу, въ половину обошло его, слѣдуя по краямъ постели, столь явственно, столь живо, что, какъ рассказывала мнѣ сама свидѣтельница сего явленія, что «я различала» говорила она, «тѣнь *тѣни*, проходившей около полога и отражавшейся на одеялѣ постели.» Когда П. достигнулъ до края постели, не сопротивляясь болѣе увлекавшему ее лобоньгству, госпожа протянула къ привидѣнію руку, и ласково сказала ему: «Теодоръ! дайте же мнѣ руку!» По произнесеніи сихъ словъ, отъ конкхъ слѣдовало движеніе воздуха, и чрезъ то произошли въ комнатѣ легкій шумъ и нѣкоторое сотрясеніе, привидѣніе отшатнулось отъ постели къ стѣнѣ. Голова тѣни мало по малу послѣ того разрушалась, образъ ея отуманился, черты изгладились и все исчезло.

Эстелла, какъ извѣстно, есть маленькій городокъ въ Наваррѣ, находящійся въ 9-ти миляхъ отъ Пампелуны. Въ XII столѣтіи находился тамъ монастырь, коего настоятелемъ былъ Петръ Эггебертъ, дворянинъ Кастильскій и монахъ ордена

Клунийскаго. Происходя изъ богатаго и знатнаго дома, онъ усердно защищалъ наследника Альфонса Великаго отъ внутреннихъ мятежей Кастильскихъ и въ партизанскихъ войнахъ, гдѣ отличался храбростію и влияніемъ, ознаменовалъ себя славою рыцарскою, которая послѣдовала за нимъ даже и въ стѣны монастырскія. Много говорили также о таинственной и романтической его жизни. Когда онъ былъ уже готовъ вступить въ монастырь Эстельскій, былъ обпародованъ указъ юнаго Короля, которымъ, по случаю военного времени, всякое дворянское семейство обязывалось выставить вооруженнаго чловѣка. Петръ Энгебертъ, до поступленія въ монахи, желалъ исполнить послѣдній долгъ свой передъ государемъ; самый красивый и самый храбрый изъ служителей его, Санхо, отданъ имъ былъ въ Королевскую службу. Въ то время свирѣствовала въ лагерь Королевскомъ чума. Санхо зачумѣлъ и умеръ. По смерти его прошло уже четыре мѣсяца; отслужили уже нѣсколько обѣдѣн за упокой его. Вдругъ, въ одну зимнюю ночь, монахъ Эстельскій, чувствуя себя совершенно пробужденнымъ, увидѣлъ въ своей постели, что какой-то чловѣкъ сидитъ передъ углями камина, почти потухшаго, и раздуваетъ въ немъ золу. Блѣдныя, слабыя искры сверкали отъ углей и освѣщали собой образъ чловѣка, средн всеобщей темноты, бывшей въ кельѣ. Петръ Энгебертъ узналъ въ семъ призракъ слугу своего. Санхо! — сказалъ онъ, не смѣя двинуться съ мѣста. — Чего хочешь ты отъ меня? — «Не бойтесь ничего, господинъ,» отвѣчало привидѣніе. Оно продолжало сидѣть и, казалось, что губы его не шевелятся. «Я собираюсь въ дальній путь; иду изъ лагеря Королевскаго, хочу странствовать въ Римъ. Находясь близъ монастыря, я замѣтилъ, что сильный вѣтеръ открылъ окно, и полагая, что вы отъ того озябнете, вошелъ сюда, еще разъ поговорить съ вами и раздуть вашъ огонь. Не хотите ли взять мой плащъ?» Казалось, что привставъ немного, привидѣніе хотѣло подойти къ постели. Петръ Энгебертъ чувствовалъ себя столь сильно пораженнымъ, что изумленіе его приостановило движеніе Санхо, ибо мертвецъ остановился съ почтеніемъ, какъ будто чувствовалъ, что пугаетъ собою своего прежняго господина. — Санхо — продолжалъ Энгебертъ — ужели ты пришелъ сюда только для того, чтобы предохранить меня, соннаго, отъ вѣтра? — «Увы! мой господинъ!» сказалъ мертвецъ,

«я умеръ въ такихъ грѣхахъ, что должно тебѣ молиться, чтобы душа моя утѣшилась. Вашъ управитель остался дожидетъ мнѣ восемь ефимковъ, по послѣднему разсчету со мною, при отправленіи моемъ на войну. Прикажите эти деньги употребить на молитву обо мнѣ, что воздастся вамъ *талиъ*.» Послѣдовало молчаніе, увлекающимъ его, съ другой онъ боялся любопытствомъ унижить свое званіе. «Послушай, Санхо,» сказалъ онъ, «молиться за тебя будутъ: скажи мнѣ только, что сдѣлалось съ Эстельскимъ судьбою, который умеръ прошлаго года и не хотѣлъ платитъ монастырю десятины своей? Онъ былъ большой корыстолюбецъ; тяжущіеся покупали у него правосудіе и имъ торговала жена его.» — Нашъ судья теперь горитъ въ пламени, но я говорить не смѣю и мнѣ пора идти... Мертвецъ началъ подходить къ окошку. — Еще одно слово — сказалъ Энгебертъ — развѣ ты не любишь своего стараго господина, что такъ поспѣшно хочешь оставить его? — При семъ вопросѣ уголья въ жаровнѣ потухли, въ комнатѣ потемнѣло. Взошла луна. Не получивъ отвѣта, монахъ искалъ своего слугу съ большимъ безпокойствомъ. Его не было. «Санхо! развѣ ты меня не слышишь?» закричалъ съ отчаяніемъ Петръ Энгебертъ. Тогда привидѣніе показалось въ окнѣ. Лунный свѣтъ осеребрилъ его епанчу, измоченную дождемъ. Взоры привидѣнія обращены были на комнату. — Прощайте! сказали оно, не отвѣчая монаху, пора! — и видѣніе пропало.

Суевѣріе, служащее основаніемъ вампиризма въ Венгріи и Трансильваніи, повсемѣстно распространено на Востокъ. Оно кажется весьма обыкновеннымъ у Арабовъ Малой Азіи, существуетъ также у новѣйшихъ Грековъ. Извѣстно, что на островахъ Адриатическихъ и около залива Венеційскаго поютъ легенды, весьма древнія, о вампирахъ. Отсылаемъ любопытныхъ къ книгѣ, писанной отцемъ Риншардомъ, Дезунтомъ, въ XVII столѣтіи, на островъ Св. Эрншті, или Св. Ирены, въ Архипелагѣ — Оертъ древнихъ, коего знаменитая Кириная, нынѣшняя Кюрена въ Триполи, была колоніею. Сіе суевѣріе, по преданію, увеличивалось, и послужило поводомъ къ различнымъ разсказамъ о многихъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ, подобно тому, какъ и нынѣ разсказываютъ тамъ о мертвецахъ, встающихъ изъ гробовъ и сосущихъ кровь юноней и прекрасныхъ женщинъ.

Столь ужасное суевѣріе, кажущееся только поэзіе домового, распространилось на западъ Европы. Отъ острововъ Архипелагскихъ до Балтійскаго моря вѣрятъ, что вампиры всякую ночь высасываютъ нѣкоторое количество крови изъ жертвъ своихъ, которыя худѣютъ, ослабѣваютъ, и наконецъ умираютъ отъ сухотки. Въ тоже самое время вампиры жирѣютъ, жиры ихъ плавяются кровью, до того, что она поступаетъ чрезъ все отверстія тѣла ихъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи вампиризмъ почитается нѣкоторымъ родомъ наказанія, коему подвергаются люди по смерти, для очищенія какого либо важнаго преступленія, совершеннаго ими въ продолженіе жизни. Вампиръ осуждается преслѣдовать преимущественно всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ наиболее соединенъ былъ связями родства, любви, дружбы. Къ сему-то обстоятельству примѣнены слѣдующіе стихи въ Глурь:

But first, on earth as vampire sent...

Сутей, въ своей поэмѣ Thalaba, выводитъ молодую дѣвушку, Арабку Онезу, сдѣлавшуюся вампиромъ. Онъ представляетъ ее выходящую изъ гроба, для того, чтобы мучить человѣка, котораго всего больше любила она въ продолженіе своей жизни. Но при семъ случаѣ нельзя думать, чтобы явленіе ея происходило для очищенія какого либо преступленія, ибо Онеза всегда является въ поэмѣ образцомъ невинности.

Въ Силезіи и Моравіи полагаютъ, что платья, принадлежавшія умершимъ, сдѣлавшимся вампирами, движутся безъ всякаго малѣйшаго къ нимъ прикосновенія. Тамъ полагаютъ также, что вампиры часто являюся внезапно въ гостинныя, гдѣ они во время жизни имѣли привычку проводить вечера свои; что они садятся за столъ съ людьми, имъ знакомыми, не говорятъ ни слова, ѣдятъ хорошо, и когда подадутъ десертъ, даютъ знакъ кому нибудь изъ гостей; сей знакъ есть предсказаніе смерти, для того, кто былъ удостоенъ такимъ предпочтительнымъ привѣтствіемъ.

Въ Валахіи, и въ особенности въ Темесварѣ, въ Банатѣ, выбираютъ молодаго мальчика, сажаютъ его безъ сѣдла на воронаго жеребца и водятъ всадника и копя по клад-

бищу. Такимъ образомъ копыта лошадиныя топчутъ все могилы, и если случится, что передъ которою нибудь изъ нихъ лошадь остановится, и не смотря на шпоры и бичъ, не поидетъ далѣе, то зрители заключаютъ, что на томъ мѣстѣ лежитъ въ землѣ вампиръ, разрываютъ могилу, отрубаятъ заступомъ голову мертвецу, и чудовище уничтожается.

Отъ сего суевѣрія не оградились даже на другомъ краю Европы сама Англія, въ коей нравы столь противоположны Востоку. Извѣстія о тамошнихъ вампирахъ можно найти въ хроникѣ Вильгельма Нейбрига, писанной въ XII столѣтіи.

Лапландцы погрѣбаютъ тѣла людей, коихъ вампиризма они опасаются, въ домахъ своихъ подъ очагами, чтобы они скорѣе истреблились.

Всего же болѣе въ Греческомъ Архипелагѣ, на Цикладахъ и Спорадахъ, въ Наксѣ, въ Миконѣ, въ Тинѣ, остр. св. Эрнни, Мило проявляется ужасъ вампиризма со всеми его страшными особенностями. Вампиры, именуемые *Гуллими* и *Вардулахали* у Турковъ, въ Спорадахъ именуются *Бруколакали*, отъ Греческаго слова, значащаго: «привидѣніе, составленное изъ мертваго тѣла и могилы».

И на Францію имѣли пашествія подобныя почпыя чудовища. Для объясненія таинственнаго могущества, коимъ они одарены, существуетъ извѣстная въ Лотарингіи сказка о Пьерронѣ, настухъ на берегахъ Мозелла, въ окрестностяхъ Нанси. Ужасныя и отвратительныя сей сказки я ничего не знаю.

Относительно вампиризма, самое чудеснѣйшее повѣствованіе находимъ мы въ легендѣ, взятой изъ рапсодій Саксона Граматика и разсказанной В. Скоттомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что на обширномъ полѣ Физиологій вообще доступны даже самыя гиперболы воображенія. Но относительно вопроса психологическаго видѣній мечтательныхъ, однимъ словомъ, относительно снаговъ, вампиризмъ, остается проблемною, до коей мы касаться не будемъ.

Заканчиваемъ наши разсказы о загадкахъ и таинственно-

стяхъ, думалъ, что въ изложеніи быстромъ, по гдѣ вся причудливость сновидній была нами означена, можетъ быть, мы указали на нѣкоторыя любопытныя стороны и положили тѣнь теоріи новой.

(Сокращ. изъ *Revue de Paris*).

==

ОПИСАНІЕ О БРАКѢ

МЕЖДУ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВОМЪ АННОЮ ПЕТРОВНОЮ ЦЕСАРЕВНОЮ ВСЕРОССІЙСКОЮ, И ЕГО КОРОЛЕВСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ КАРЛОМЪ ФРИДРИХОМЪ ГЕРЦОГОМЪ ГОЛШТЕЙНОГОТТОРНСКИМЪ*.

Когда Ея Императорское Величество, по сіѣ учиненнаго при жизни Его Императорскаго Величества Блаженныя и Вѣчностойныя памяти Супружественнаго трактата между Ея Высочествомъ Анною Петровною Цесаревною, и Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Голштейноготторнскимъ, намѣреніе воспріять изволила, оной Бракъ въ мѣсяцѣ Маѣ при помощи Вышняго совершити: то повелѣла Ея Величество въ лѣтнемъ своемъ домѣ, вновь здѣлать и предуготовить къ тому торжеству, Салу дліною 20, шіріною 7 сажень, у котораго работы по случаю присутствовалъ Его Свѣтлость Генераль Фелтмаршалъ и Кавалеръ Господиъ Князь Меншиковъ, и собрано было всякихъ рабочихъ мастеровъ и художниковъ многое число, и въ самомъ краткомъ времени преизряднымъ художествомъ опалъ создана, и убраца богатыми обоями, и другими уборы, и поставлены Вагдахіны: на одной сторонѣ, гдѣ сѣдѣтъ Невѣсть Ея Высочеству Цесаревнѣ Всероссійской, съ Гербомъ и Короною Россійской Имперіи: по другую на супротивѣ, съ Гербомъ Его Королевскаго Высочества Герцога

* Предлагалъ здѣсь точную копию съ рѣдкаго современнаго описанія священнаго обряда, при бракосочетаніи дщери Петра Великаго, надобно ли напоминать, что оно драгоцѣнно намъ по благословенію Божию, которое измѣлось на бракъ дщери Петровой въ Августѣйшихъ Ея потомкахъ, Владыкахъ Россіи. *Р. С. О.*

Голштейнгофторпскаго. И когда со всѣмъ предуготовленіи учинены: тогда Ея Императорское Величество назначить изволила къ тому браку двоихъ Маршаловъ, помянутаго Генерала Фелтмаршала и Кавалера Господина Князя Мешнікова, да Генерала Лейтенанта и Кавалера и Генерала Прокурора Господина Ягушинскаго, и при нихъ 24 персоны Шафаровъ, между которыми были Брегаты, и Штапные Офицеры, такъ же отъ Гвардіи Капитаны, и морскіе оберъ Офицеры.

А въ чины того брака по обыкновенному церемониальному учрежденію отъ Еяже Императорскаго Величества опредѣлены.

Власти отцовъ,

Генераль Адмираль и Кавалеръ Графъ Апраксинъ,
Канцляръ и Кавалеръ Графъ Головкинъ.

Власти братьевъ,

Генераль Фелтцейхмейстеръ и Кавалеръ Графъ Брюсъ.
Генераль и Подполковникъ отъ Гвардіи Господинъ Бутурлинъ.

Власти матерей,

Ея Высочество Царевна Россійская и Герцогія Мекленбургская Екатерина Иоанновна.
Святлышная Княгиня Мешнікова.

Власти сестръ,

Канцлярша Госпожа Графиня Головкина.
Генеральша Госпожа Бутурлина.

Близкіи двѣци,

Ея Высочество Цесаревна Всероссийская Елисаветъ Петровна.
Великая Княжна Наталя Алексіевна.
Форъ шпейдеромъ, Полковникъ Князь Гессенгоумбургскон.
Потомъ Маіа 18 числа публиковано о томъ Бракъ чрезъ офицеровъ съ трубачами и литавры во всемъ Санктпетербургъ, и назначень тому Браку день, Маіа 21 числа: то есть въ Пятницу. И велено собратца маршаламъ и Шафарамъ по утру о 7 часу: а прочіимъ какъ Сенаторамъ, такъ Генералитету,

и другимъ знатымъ чинамъ, какъ мужеска такъ и женска полу о 11 часахъ въ вышеозначенную повосозданную Салу. А чужестранные Міністры всѣ, пребывающіи при дворѣ. Ея Императорскаго Величества, и съ ихъ женами къ тому Торжеству, нарочно званы были за день Брака.

И тогожь 18 дня въ вечеру, Ея Императорское Величество, со всею своею Высочайшею фамиліею, изъ Зимняго двора, въ Лѣтній свои домъ переіттъ изволила.

Когда Маіа 21 въ опредѣленное время, всѣ въ помянутую Салу собрались: то въ полдни отъ Лѣтняго двора Ея Императорскаго Величества отправлены были по Его Королевское Высочество для препроважденія Его ко двору Ея Величества выше упомянутые Маршалы съ прочіими чиновными въ седми карѣтахъ цугами, а передъ ними ѣхали верхами Трубачи и Литаврички въ богатомъ уборѣ.

И пріѣхавъ оные ко двору Ея Высочества, и бывъ въ Палатахъ съ полчаса, паки ко двору Ея Императорскаго Величества ѣхали съ такоюжь Церемоніею: а за ними ѣхали, одиъ Пранорщикъ, и два Гофъ фуріера, и нѣсколко Гранодировъ.

Потомъ шель Гофъ штатъ Его Королевскаго Высочества, за ними ѣхали Егожь двора Оберъ Камеръ-Геръ Графъ Бонде, да Гофъ Маршалъ Платеръ верхами.

Послѣ того ѣхалъ въ карѣтъ, Самъ Его Королевское Высочество.

По обѣимъ сторонамъ Его карѣты шли Его Кавалеры.

А за нимъ Міністры Его Королевскаго Высочества, Басевичъ и Стамкенъ въ особливыхъ карѣтахъ.

Между карѣтами шли ихъ Лакьи, а подлѣ карѣтъ Пажи.

И въ 1 часу по полудни, пріѣхали ко двору Ея Императорскаго Величества: и Его Королевское Высочество, съ обыкновенною церемоніею встрѣченъ отъ опредѣленныхъ Особъ, за Отцовъ и Братьевъ, и препроваждень въ новую Салу: и тамо мало побывъ, по томужь ономъ препроваждень въ Апартаменты къ Ея Императорскому Величеству, и оттуду отъ Ея Императорскаго Величества, какъ Ея Высочество Цесаревна, такъ и Его Королевское Высочество, отпущены къ вѣнчанію до Церкви Святыхъ Троицы, въ болшой уборной цвѣтной Баржѣ: въ которой присутствовали ихъ Высочества, Цесаревна Елисаветъ Петровна, Царевна и Герцогія Мек-

лембургская Екатерина Иоанновна, Великая Княжна Наталья Алексеевна, и при них персон Маршалъ, Отцы, Братья, Матери, и прочіе ближніе Кавалеры и Дамы, все въ цвѣтномъ богатомъ Платье. А передъ тою Баржею вхали въ болшой же некрытой Баржѣ, второй Маршалъ съ Шафары: и въ 3 часу по полудни прибыли къ Церкви.

И когда ихъ Высочества Невѣста и Женихъ, и прочіе чины Брачныя, вышедъ изъ Баржъ шли къ Церкви, и въ то время продолжался звонъ Церковной.

На Ея Высочествъ Государынь Невѣсть, была Цесарская Корона, украшенная Бралиантами, и прочими драгими каменьями, и одѣяніе было Порфура пурпуроваго бархата, подбитая Горностаями.

Ея Императорское Величество отпусти ихъ Высочествъ Невѣсту и Жениха къ вѣчанію, изволила вскорѣ поити къ оной же Церкви въ траурной своей Баржѣ (имья Штандартъ) въ траурномъ уборѣ: а за Ея Величествомъ и прочіе Баржи слѣдовали: и отъ пристани Ея Величество изволила до Церкви вхаты въ каретѣ траурной: и прибыла въ Церковь во время прѣвѣтствія, которое чинилъ для ихъ Высочествъ Цесаревны и Герцога предъ вѣчаніемъ Псковской Архіепіскопъ Теофанъ: и по окончаніи прѣвѣтствія оныя ихъ Высочествы, по обыкновенному Церковному уставу, вѣчаны отъ помилуотоужь Архіепіскупа Псковскаго: а при немъ присутствовали Архіерей, Тверской, и Белоградской, и Архімандриты, и другіе духовныя первыя персоны, въ Церковномъ богатомъ одѣяніи.

По совершеніи же вѣчанія, изволила Ея Императорское Величество на Ея Высочество Цесаревну Анну Петровну, положить Кавалерію Ордена Святон Екатерины, съ краснымъ бантомъ, которую прежде сего Ея Императорское Величество Сама изволила носить. Потомъ отъ Ея Величества и отъ первыхъ персонъ, и отъ всего народа, вѣчаніемъ ихъ Высочествы Цесаревна и Герцогъ поздравлены. И какъ Ея Императорское Величество, и ихъ Высочествы Цесаревна и Герцогъ о 4 часу по полудни вышли изъ Церкви, и сѣли въ Баржи: тогда съ крѣпостен Санктпетербургской, и Адмиралтеской, и съ яхты называемои Принцессы Анны, стоящей на рѣкѣ противъ повоздѣланной Салы, и убранной флагами, поздравляли пушечною стрѣбою.

Ея Императорское Величество изволила на тои же своей барже прибыть, и поити въ свои Апартаменты.

А Ея Высочество Цесаревна, и Ея Королевское Высочество прибыли прямо въ болшую Салу, и сѣли кушать подѣ устроенными для того парочно, особыми богатыми двѣма балдахинами, выше сего объявленными.

Подъ первымъ Балдахіномъ къ Востоку Ея Высочество Цесаревна, да съ нею по сторонамъ ихъ Высочайшей фамилии, ихъ Высочествы, Цесаревна Елисаветъ Петровна, Царевна и Герцогиня Меклембургская Екатерина Иоанновна, Великая Княжна Наталья Алексеевна, да изъ первыхъ Дамъ Святѣйшая Княгиня Меншикова, Графиня Головкина, Генералша Бутурлина.

Подъ вторымъ балдахіномъ противъ Ея Высочества къ западу, сѣдѣлъ Ея Королевское Высочество, да съ нимъ изъ вышеозначенныхъ особъ, Генералъ Адмиралъ Графъ Апраксинъ, Капцдѣръ Графъ Головкинъ, Генералъ и отъ гвардіи Подполковникъ Бутурлинъ.

А между тѣмъ по обоимъ сторонамъ за столами, сѣдѣли и прочіе Россійскіе Кавалеры, и чужестранные Министры, и другіе знатныя Особы, и Дамы, которые званы были до 7 класса: которыхъ было всѣхъ званыхъ до 400 персонъ, все въ богатоубранномъ цвѣтномъ платьѣ: такъ же и все подалье разныхъ чиновъ люди, пущены были для гулянья въ огородъ Ея Величества. И во время стола стрѣляли много разъ съ помилутои Яхты изъ пушекъ, и трубили на трубахъ съ литаврными боемъ, а музыки япон ни какои не было.

Въ 7 часу Ея Императорское Величество, изволила ити на лугъ, что противъ огорода, гдѣ поставлена была въ строю гвардія. Въ тожъ самое время отворили двѣ фонтаны, которые текли винами краснымъ и бѣлымъ. И какъ Ея Императорское Величество, изволила Гвардію всю въ строю столую обойти, и прішедъ изволила стать по срединѣ луга близъ большаго Глобуса: и тогда начали салдаты гвардіи стрѣлять бѣглымъ огнемъ: и послѣ тои стрѣлбы все тѣ салдаты къ фонтанамъ, которыми пущено было вино, привожены по ротни и доволствованы, какъ пѣтьемъ, такъ и ѣствами, для чего пріготовлено было нѣсколко жареныхъ быковъ (со птицы) и барановъ.

А потомъ Ея Императорское Величество идучи съ лугу въ огородъ свои, изволила зайти въ брачную Салу, и тогда прі-

ступили къ Ея Величеству ихъ Высочества повобрачные Цесаревна и Герцогъ, такожъ и прочіе всѣ тонъ высочайшей фамилии персоны, и два маршала, и чины Ея Величеству поздравленіе: на противъ чего и Ея Императорское Величество, изволила ихъ Высочествъ повобрачныхъ также поздравлять.

А въ 9 часу по полудни Ея Императорское Величество, соизволила ихъ Высочествъ Цесаревну и Герцога изъ оной Салы отпустить, во особю уготованной имъ домъ, въ которой ихъ высочества поехали тогда вмѣстѣ въ картъ Ея Императорскаго Величества, съ такоюжъ церемонією, какъ и пріездъ былъ Его Высочества, ко двору Ея Императорскаго Величества предъ внѣчаніемъ.

За ихъ Высочествами ѣхали, Генераль Адмираль господинъ Графъ Апраксинъ, и Канцлеръ Господинъ Графъ Головкинъ въ картъжъ.

Да Штатъ Ея Высочества Цесаревны по своимъ чинамъ.

А Ея Императорское Величество отпустила ихъ Высочествъ, изволила ити въ свои апартаменты.

А потомъ всѣ прочіе на ономъ торжествѣ бывшіе, изъ огорода со удовольствиемъ отпущены.

Въ тотъ день даны каамеринъ ордна святаго андреа.

Генералу и подполковнику гвардіи Бутурлину.

Первому Министру Его Королевскаго Высочества Башевичю.

НОВАГО ОРДНА СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО,
НА ПУНСОВОМЪ БАНТЪ.

Генералу Леитенанту Бону.

Генералу Леитенанту Лесю.

Генераламъ Масорамъ.

Ивану Головину

Михайль Волкову.

Ивану Дмитресву Мамонову.

Семену Салтыкову.

Брегадирю Лихареву.

Григорью Чернышеву.

Андрею Ушакову.

Князь Григорью Юсупову.

Антону Девіеру.

Цесаревны Анны Петровны, Оборъ гофъ меістеру Нарышкину.

Вице Адмираламъ.

Сиверсу.

Змаевичу.

Шаутебеінаху Науму Сіявину.

Двора Его Королевскаго Высочества Герцога Голштенноготторпскаго.

Гофъ Канцлеру Штамкену, Гофъ Маршалу Платору, Оборъ Ягеръ Меістеру Алексю, Оборъ Камерьгеру Графу Бондію.

Да объявлены чины чрезъ Генерала Фелтмаршала Его Свѣтлость Князя Мешпикова.

Генералу Кавалеру Князю Міхану Голіцину въ Фелтмаршала.

Генералу леитенанту Вейсбаху въ Генерала.

Изъ Генераловъ Масоровъ.

Генеру въ Генерала Леитенанты.

Ивану Головину, въ Генерала Крикъ Комісары при Адмиралтействѣ.

Григорью Чернышеву въ Генерала Крикъ Комісары при Арміе.

чрезъ канцлера господина графа Головкина чиныжъ объявлены, въ тайные дѣйствительные советники.

Князю Василью Долгорукову.

Князю Димітрію Голіцину.

Князю Ивану Ромадановскому.

Директору отъ строенъ Сіявину, объявленъ рангъ Генерала маора.

Юстиць Колегіи Советнику Вулфу, въ тоежъ Колегію Вице-Президентомъ.

На другой день, то есть въ Субботу по полудни въ 4 часу, пакы собраніе было въ огородъ Ея Императорскаго Величества въ вышеозначенной же Салѣ, для продолженія Высокопознутаго торжества, тѣхъ же всѣхъ Персонъ, которые въ первый день того брачнаго торжества присутствовали, куда потомъ и ихъ Высочества повобрачные Цесаревна и Герцогъ съ своимъ дворомъ прибыли, и встрѣчены были отъ Маршаловъ, и отъ прочіихъ брачнаго церемоніала Особъ. Сидѣли ихъ Высочества повобрачные за столомъ оба вмѣстѣ подъ однимъ Балдахиномъ, подъ которымъ въ первой день сидѣла Ея Высочество Цесаревна: и продолжалось оное веселіе, какъ и въ первой день съ пушечною стрѣлою. А Ея Императорское Величество

быть не изволила: но по окончании онаго, Ея Императорское Величество соизволила выйти въ огородъ, куда къ Ея Величеству и повобрачные ихъ Высочества, и прочіе всѣ изъ Салы прибыли, и гуляли при Ея Императорскомъ Велиествѣ въ огородъ довольное время. И потомъ Ея Величество изволила пойти въ свои апартаменты, а ихъ Высочества повобрачные Цесаревна и Герцогъ возвратились въ домъ свои.

А въ третій день по полуднѣжъ о 6 часъ, собирались всѣ Россійскіе знатные Особы мужеска и женска полу, такожъ и чужестранные Миністры въ домъ Ея Королевскаго Высочества Герцога Голштейнготторпскаго, куда потомъ изволила прибыть и Ея Императорское Величество со всею Высокою Фамілією, и тамо отъ страны Ея Королевскаго Высочества, со всякою подобающею Магнѣценцією чрезъ довольное время отправилось трактованіе, гдѣ въ одной палатѣ богато убранной приуготовленъ былъ по срединѣ столъ, и за онымъ изволила сидѣть въ началѣ Ея Императорское Величество: по сторонамъ за тѣмъ же столомъ, сидѣли ихъ Высочества повобрачные, Цесаревна и Герцогъ, и ихъ Высочества Цесаревна Елисаветъ Петровна, Царевна и Герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, Великая Княжна Наталья Алексіевна, и Великій Князь Петръ Алексіевичъ. Въ той же палатѣ по сторонамъ поставлены были другіе два стола, изъ которыхъ за однимъ сидѣли знатнѣшіе Россійскіе мужеска полу Особы, и съ ними чужестранные Миністры: за другимъ знатнѣшіе Дамы: а для прочіихъ многихъ Особъ, были столы въ другіихъ апартаментахъ. И сіе трактованіе продолжалось чрезъ довольное время, однакожъ безъ музыки: по токмо съ Трубочами, и пушечною стрѣлою съ Яхтъ убранныхъ флагами, стоящихъ на рѣкѣ передъ домомъ Ея Королевскаго Высочества. При семъ торжествѣ Графъ Петръ Апраксинъ, изъ Статскихъ дѣйствительныхъ Советниковъ, пожалованъ отъ Ея Императорскаго Величества въ тайныя дѣйствительныя Советники. И тако оное высокобрачное торжество чрезъ три дни помощію Божією благополучно окончилось.

Печатано ВЪ САНКТЪПЕТЕРБУРГСКОЙ Типографіи 1725 Года, Іунія 30 Дня.

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

НЫНѢШНЯЯ АНГЛІЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

(Статья Филарета Шаля *).

Нѣтъ уже Байрона и В. Скотта! Другіе голоса слышны въ Англіи, выражая ея страсти, желанія мысли и мечты. Выслушаемъ ихъ, внимательно, одного

* Одного изъ первыхъ современныхъ критиковъ Французскихъ, переводчика Жанъ-Полева *Tatiana*, и столь же знакомаго съ Германскою литературою, какъ съ Англійскою. Почитаемъ за нужное прибавить здѣсь, что Англійскія имена пишемъ мы *приблизительно*, не слѣдуя забавному усилію однихъ выразить ихъ Русскими буквами, по слѣду чего пришлось бы писать: Wordsworth, *Уордсвордъ*, и все таки мы не выразили бы вполне Англійскихъ звуковъ *w* и *th*, и еще менѣ слѣдуя манерѣ другихъ: ставить въ Русскомъ переводѣ иностранное имя безъ перевода, прибавляя Русскую букву на концѣ, для означенія падежа (*Chateaubriand'a*, Wordsworth'y), потому, что не всякій читатель нашъ знаетъ и по Англійски и по Французски, а сверхъ того, оказавши такую честь Англичанамъ, Французамъ, какъ отказать въ ней Грекамъ, Китайцамъ, Арабамъ, Евреямъ и другимъ народамъ? Но послѣ того хороша будетъ наша *Русская* азбука! *Пер.*

за другимъ, и будемъ надвѣяться, что они покажутъ намъ, не статистическое положеніе вещественныхъ предметовъ для Англійскаго народа, но что нибудь лучшее — его нравственное состояніе, занятіе его мысленія и заботы его ума.

Напрасно думаютъ, что Англія поколебалась въ своихъ постановленіяхъ и своей общественной жизни: она любитъ еще память былаго и не отказывается отъ аристократіи. На вершинѣ ея общественнаго зданія, какъ всегда, находится блестящій куполь, завѣщанный ей феодализмомъ; украшенный гербами, утвержденный на владѣніи недвижимостью, на гордости, на воспоминаніи, на прежнихъ страстяхъ и современныхъ выгодахъ, блистаетъ еще сей древній историческій куполь.

Англія слѣдуетъ новой наклонности: она увлечена движеніемъ роскоши, благосостоянія, космополитизма — движеніемъ Европейскимъ. Она начинаетъ сочувствовать материкъ Европы. Заставы упали, разъединеніе двухъ ея острововъ уничтожено, народныя предрасудки слабѣютъ, быстрота сообщеній перебросила мостъ черезъ Британскій проливъ, и привела Англію въ общину другихъ новыхъ народовъ. Она терлетъ свое своеобычіе и обращается къ Франціи и Германіи. Вся острота угловатости ея сравниваются. Нѣтъ у нея, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ рядахъ, ни мрачнаго отчужденія, ни антигаллскаго презрѣнія. Каррикатуры подняли зубы — она улыбается, но не кусаетъ. Народонаселеніе Лондонское не бросаетъ грязью въ иноземца; чуждыя сочиненія переходятъ въ Англію, и гордыя Обзорныя берутъ статьи у сосѣдей. Особенно въ словесности всего болѣе оказывается такое сліянiе гения Британскаго съ чужеземнымъ. Утомленная Поэзія, истощенная Драма, поверхностная Философія, промышленный Романъ Англіи ищутъ у другихъ народовъ живительнаго подкрѣпленія. Рѣдко являютъ они ны-

нѣ Британскую складку, народный характеръ, иногда двусмысленный, но всегда могучій вкусъ, означившій великія литературныя эпохи Британіи. Англійская гордость не сознается въ такомъ переходѣ, но скрыть его не можетъ.

На берегахъ Вестморландскаго (Westmoreland) озера, въ очаровательномъ убжищѣ, живутъ два старые, знаменитые писателя, памятники предшествовавшаго нынѣшнему литературнаго поколѣнія: *Сутей* (Southey) и *Вордсвортъ* (Wordsworth). Въ Эдинбургѣ (Edinburgh), профессоръ *Вильсонъ*, редакторъ *Блаквудова Магазина* (Blackwood's Magazine), принадлежитъ къ тому же племени. Лондонъ видитъ въ своихъ салонахъ нѣсколько живыхъ тѣней того міра, полнаго гениемъ: Томаса Мура (Thomas Moore), Эджертона Брайджеса (Edgerton Brydges), Лея Гунта (Leigh Hunt) — друзей, или противниковъ Байрона (Byron), Скотта (Scott), Колериджа (Coleridge), Лемба (Lamb), Газлита (Hazlitt), Крабба (Crabbe), Макинтоша (Mackintosh) и Бентама (Bentham). Но гдѣ же они, сіи богатыри? — Въ нынѣшнемъ поколѣніи есть ли на нихъ похожіе, равные имъ? — Безспорно, нѣтъ — и нѣтъ! — Между 1790 и 1820 годами, гений Англій, возбужденный одновременно ужасомъ и побѣдою, тревогой колеблемаго могущества и недоувѣрчивостью въ величіе, раждаемое нечеловѣческими усиліями, насильственно потрясенный опасеніемъ, страстями, надеждами отчаянной борьбы, вдругъ выдвинулъ все свои отпрыски. Онъ явилъ великихъ поэтовъ, великихъ историковъ, великихъ ораторовъ. Грусть о минувшемъ, недовольство настоящимъ сосредоточились въ двухъ выраженіяхъ Европейскихъ: В. Скоттъ былъ голосъ прошедшаго, и предоставилъ Байрону владычествовать въ другой сферѣ. Вся роды — исключая Дрaму — были обильны превосходными созданіями — исключая Дрaму, повторяю — она отдала всю свою жатву Шекспиру, и,

видно, таковъ роковой законъ сцены — имѣть одинъ разъ живую въ жизни цѣлаго народа!

Но кромѣ того, сколько различныхъ силъ блеснуло разомъ! Сколько могучихъ самобытностей: сильный, грустный разсказъ Крабба, мыслители Колериджъ и Вордсвортъ, тонкій, отвлеченный наблюдатель Карлъ Лембъ, арабски Газзита, эпическая и историческая плодovitость Сутей, строгая, или остроумная критика Гиффорда (Gifford) и Жеффрия (Jeffrey), историчекая ловкость Макинтоша, демагогическое краснорѣчiе Коббета (Cobbett), похоронные вымыслы Матюрина (Maturin), остроумный блескъ поэмъ Мура! Чудная эпоха, жаркое лѣто Британскаго гения, который при Елисаветъ проявилъ первые начатки свои съ такою же многоплодностью!

Байроново и В. Скоттово поколѣнiе воспроизводитъ въ себѣ, во всѣхъ ихъ отънкахъ, Англійское общество 1800 года, его партii, его досады, его прихоти, его дѣленiя. Шотландская школа, совершенно критическая, была судьбою поля. Ирландская гордилась своимъ любимымъ поэтомъ и своимъ полчищемъ ораторовъ. Пуритане и диссентеры выбрали представителемъ краснорѣчиваго импровизатора Ирвинга. Была отдѣльная словесность Лемба, Газзита, Лей Гунта, которая, предавшись дробямъ, сосредоточивалась въ стѣнахъ Лондона и позволяла обвинять себя въ ребяческомъ рогозѣйствѣ (cockneyism). Вордсвортъ основалъ секту поэзiи внутренняго чувства, гдѣ владычествовало психическое изслѣдованiе, странно колебался между смѣшнымъ и великимъ. Политическiя подраздѣленiя размножали еще такое безконечное дѣленiе, небольшiя купы котораго, блестящiя и гордыя, жили каждая своею занимательною самобытностью. Такъ двигались тысячи сильныхъ, или только отличительныхъ разумный, изыскивая каждая для своихъ идей и своихъ страстей, своихъ теорiй и своихъ видовъ, формы самыя живыя, выра-

женiе самое народное, когда Байронъ и В. Скоттъ, не желая быть начальниками школъ, владычествовали надъ всѣми школами. Истинный гений никого не зоветъ себѣ на помощь, и орелъ живетъ одинъ на своей скалѣ. Опереться на мысли другихъ и соединить войско для нападенiя, скорѣе доказательство слабости, нежели признакъ силы. Безпристрастiе возвеличивается по мѣрѣ того, какъ умъ возвышается. Попъ (Pope), столь презрительно оттолкнутый Эдимбургскими критиками, былъ признанъ Байрономъ за самаго искуснаго ремесленника Англійскаго стихосложенiя. Сочувствующий гений В. Скотта удивлялся наблюдательности и глубокости Крабба, грубаго изслѣдователя, горькаго, вѣдучаго ума, счастливаго открытiемъ безобразiя, и заставляющаго музу свою пѣть крикливымъ голосомъ немилосердыя повѣсти.

Прекрасное и мощное поколѣнiе исчезло не вдругъ и не вполнѣ. Постепенно гасло и слабѣло оно; одинъ за другимъ, свѣточъ за свѣточью потушался, чело-вѣкъ за чело-вѣкомъ умиралъ — В. Скоттъ послѣ Байрона; потомъ Макинтошъ, Колериджъ, Лембъ, Краббъ исчезли, оставя за собою историка-поэта Сутей, пѣвца Ирландiи и Востока Мура, автора *Гертруды Биомингъ* Кемпбеля (Campbell), совершеннаго стихотворца. Пока сiи звѣзды изглаживались на небѣ, послѣднiя движенiя борьбы между Англiею и Наполеономъ — борьбы современной Байрону и В. Скотту, усмирились постепенно. Европа отворялась Англiи, Англiя Европа. Новый миръ ослабилъ грознаго льва, соединившаго на битву Англiйскую Аристократiю и Демократiю. Тѣсно сдвигались на защиту. Убѣдились въ побѣдѣ и все раздвинулось; древнiя страсти появились снова. Старая Аристократiя, обновленная условiемъ 1688 года, думала торжествовать въ 1815 году надъ Наполеономъ, Демократiею и Европою. Она не замедлила понять обманчивость своего торжества.

Идеи реформы не умерли подъ Ватерлоо; онѣ перегнулись на Великобританію, побѣдную и мирную, и начали съ ней битву, болѣе вышней опасную. Все обратилось за движеніемъ политическимъ. Вспомнили, что Бурке (Burke) требовалъ уравниенія Католиковъ, Чатамъ (Chatham) реформы Парламентской, и цѣпь постепенныхъ улучшеній обвила Англійскую общественность духомъ преній и независимости умовъ. Подъ силъ основныхъ въ старомъ обществѣ всплыла другая сила, порожденная торговлею, знаніями, опытностью и общественнымъ богатствомъ. За неизмѣнимъ другаго имени, она назвалась *Промышленностью* (Industrie), и сдѣлалась ученымъ употребленіемъ силъ природы. Приложили открытія предковъ къ потребностямъ современниковъ, и новый въкъ истощилъ изобретательный умъ тѣхъ, кто ему предшествовалъ. Такъ парь ринулъ корабли по волнамъ морей; всѣ работы упростились; мѣдная рукоятка машинъ замѣнила слабую и дорогую руку человека. Двигатели смѣнили эпическія поэмы, и не было уже романа замысловатѣе цилиндровъ *мольдженни*. Всѣ воображенія увлеклись въ чудеса мѣ грубой силы, сдѣланной рабынею настойчиваго разума. Между тѣмъ, политическое движеніе продолжалось: изломали загородки и батареи Англійскаго Протестантизма и отдали независимость Католицизму Ирландскому; Философія Бенгама поразила феодальнаго исполнца Британскихъ законовъ. Тори (Tories) и Виги (Whigs) передвинулись въ Парламентъ, и подпоры прежняго изгладились: подъ мнѣніями Тори начали понимать ученіе о сохраненіи прежняго, нѣкогда проповѣдуемое Вигами; подъ мнѣніями Виговъ теорію умѣренной реформы, и наконецъ, подъ мнѣніями Радикаловъ стремленіе къ реформѣ полной и насильственной. Послѣдняя партія, ютійшая, менѣе осторожная, раздвинулась въ самой груди цовой Англій. Надлежало уступить времени и

перемѣнить порядокъ выборовъ, дать болѣе мѣста современному обществу, новому могуществу разбогатѣвшей промышленности, усиленію путей представительности. Умы, такимъ образомъ занятыя, такимъ увлеченіямъ преданные, утомленные притомъ удивленіемъ къ тому великому, что прежде было сдѣлано, не должныствовали скоро возобновить литературныя явленія предшествовавшаго поколѣнія. Поэты стали ослабленнымъ отзвукомъ мысли предшественниковъ; историки превратились болѣе въ собирателей фактовъ, нежели въ изслѣдователей прошедшаго; умные люди торговали своимъ дарованіемъ, а не слѣдовали его влеченію. На Обзорніи было еще много подписчиковъ, но ихъ не одушевляли уже несправедливость, гнѣвъ, діалектическая сатира жестокихъ изслѣдователей, поражавшихъ и заставлявшихъ страдать Байрона. Такъ предвѣщало себя другое литературное поколѣніе, воинство многочисленное, въ которомъ характеры являлись менѣе рѣзки, ненависти менѣе пламенны, раздоры менѣе живы. Составлявшіе его не выказывались съ самобытною рѣзкостью и смѣлымъ положеніемъ своихъ предшественниковъ, и выше ихъ видны еще живые остатки прежней школы, превосходящіе ихъ, владычаствующие надъ ними.

Обратимся къ учителямъ, образцовъ которыхъ никто еще не оставляетъ. Мы изберемъ только живущихъ еще, и потомъ дѣти и воспитанники ихъ появятся передъ нами поочередно. Можемъ обещать, не заслугу оцѣнки, но искренность, сужденіе, добросовѣстно извлеченное изъ нашихъ впечатлѣній, собственнаго чтенія, продолжительнаго знакомства съ Англійскою Словесностью, и особенно удаленія отъ пошлыхъ идей, совершеннаго отрицанія отъ пристрастныхъ возгласовъ, которые проспекты переводчиковъ и личная сатира, угодливость и ненависть, безпрерывно являютъ публикѣ.

Нѣкоторые принадлежатъ времени уже отдаленному: *Сутей*, напимѣрь, пынвшій патріархъ охранительнаго ученія и панегиристъ Англиканской Церкви. Умъ глубокий и горячій, одвѣчивающій свою ученую прозу, не потерявшій въ преклонныхъ лѣтахъ вдохновенія, блещущаго въ его страстныхъ стихахъ. Онъ былъ рожденъ для эпопеи, одинъ изъ тѣхъ писателей, которыхъ всего менѣе пойметъ умъ Французскій. Бурный переворотъ Франціи далъ толчекъ его разумнью. Поминать еще планъ его *пантисократіи*, или совершеннаго равенства, о чемъ думалъ и мечталъ онъ съ другомъ своимъ Колериджемъ — великолѣпная ода, въ которой одинъ недостатокъ — несбыточная идея. Онъ писалъ потомъ, въ видѣ диопирамовъ, длинныя повѣствованія, украшенныя всеми отраженіями Востока и различно судимыя. Разочарованный горько, какъ бываетъ со всѣми, кто упоился прелестною небылицею, онъ посвятилъ потомъ вторую половину жизни на споръ въ прозѣ противъ поэтическихъ химеръ перваго періода своей жизни. Искренній, чтобы объ немъ ни говорили, какъ въ своей палинодіи, такъ и въ своемъ восторгѣ, своею *Исторіею Англійскаго Флота* и своею *Книгою Церкви*, писанными слогомъ гордымъ и суровымъ, онъ доказалъ, что терпѣніе изыскателя легко можетъ соединиться съ прелестью и силою созданія. Въ послѣднемъ сочиненіи своемъ, *Беспдахъ о будущемъ*, которые суть ни что иное, какъ элегія о прошедшемъ, его разочарованіе является краснорѣчиво. Онъ сомнѣвается въ обновленіи жребія челоувческаго, и, не безъ причины, спрашиваетъ: можно ли надѣяться, чтобы разрушеніе произвело новую жизнь? Вопросъ о времени и пространствѣ: что повѣйшее образованіе разовьется когда нибудь — сомнѣваться нечего, но сколькихъ вѣковъ потребуетъ оно для своего развитія?

Противъ сего философа, рожденнаго среди просто-

людиновъ и аристократа по чувствамъ, находится старый поэтъ салоновъ, пѣвецъ любви и фей, остроумный Муръ, всегда насмѣшливый, и непримиримый противъ высшихъ, съ тѣхъ поръ, какъ поссорился онъ съ Принцомъ-Регентомъ. Можетъ быть, и Муръ и Сутей, въ своей поэтической раздражительности, преувеличили погрѣшности своихъ старыхъ друзей, не понимая, что всякая дружба составляется изъ тысячи прощенныхъ ошибокъ. Поэзія Мура довольно знакома иностранцамъ, поэзія колибри, съ блестящими крылушками, съ разноцвѣтными перьями, съ тысячею прихотей, богатая изумрудами и сафирами, при желаніи присоединить къ такому богатству поддѣльную ученость. Въ Мурѣ есть лирическое вдохновеніе. Проза его, слишкомъ манерная, часто достигаетъ эффекта, ища его безпрестанно. Какъ Сутей, онъ обладаетъ чувствомъ рима, блестящю образозъ, тайною гармоніи: онъ поэтъ.

Томасъ Кемпбель, давно отказавшійся отъ поэзіи, и управлявшій Обзорнїями, также поэтъ; никому лучше нельзя уподобить его, какъ Альфреду Де-Виньи. Его строфа, чистая, прозрачная, стройная по формѣ, съ точнымъ смысломъ, часто глубокая, блестящая, какъ кристаллъ, искусно обдѣланный. Онъ писалъ стихи удивительные и замѣченные другими. Будущее сохранить, можетъ быть, съ большимъ уваженіемъ, произведенія, выработанныя съ такою любовью, нежели вдохновенные, неконченныя звуки, какіе гремя вырывались у Сутей, какъ металлъ рвется изъ горячей печи. Суровость вкуса уединяетъ его отъ другихъ.

Тщательная обработка отличаетъ Вордсворта, пустынника поэтическаго искусства, сокрытаго въ лѣсахъ Вестмореланда, подлѣ друга его Сутей. Вордсвортъ извѣстенъ болѣе по своему вліанію, нежели по подражанію ему иностранцовъ; переводить его невозможно. Прелестъ его римы, его выраженія, его

мысли носить характер неоптимальной тонкости, плущей въ глубину и затерянной во мракъ. Это обработка чувства, точка между добродушнымъ и выскокимъ, переможение простонароднаго въ чудесное, преобразование предметовъ ничтожныхъ въ предметы дивные — теологическій аскетизмъ, психологическій анализъ. Быть любимымъ всеми ему нельзя; въ одно время въ немъ много слишкомъ высокаго и слишкомъ развязаннаго. Но чувствительное, избранное разуміе найдетъ въ такихъ опасныхъ качествахъ живой источникъ тайныхъ наслаждений: это Англійскій Сень-Бэвъ, если надобны сравненія, и Французскій поэтъ, не снимая формъ его, приближается тѣмъ болѣе къ сущности его дарованія.

Четыре означенные мною поэта нынѣ производятъ мало, и всегда въ томъ разрядѣ идей и въ томъ цвѣтѣ слога, которыми прославились прежнія произведенія ихъ. — Нѣсколько умовъ, странныхъ или, неполныхъ, относящихся къ ихъ эпохѣ, успѣли достигнуть извѣстности только въ позднѣйшее время. Таковы Вальтеръ Саваджъ Ландоръ (Walter Savage Landor), Лей Гунтъ, ловкій журналистъ, съ быстрымъ воображеніемъ и гибкимъ слогаемъ, и Эджертоунъ Брайджесъ, тщетно добивавшійся перста; недовольный людьми и дѣлами, онъ бродитъ теперь по берегамъ Женевского озера, съ своею библиографическою ученостью, фантазіями мысленія, мечтами поэзии, обильными и замѣчательными сонетами, длинною бородою и мрачною суровостью.

Вордсвортъ, Сутей, Кемпбелль, Т. Муръ отдѣляются отъ настоящаго поколѣнія качествомъ внутреннимъ и могучимъ: они върують. Ихъ разуміе недоступно мертвящему началу, страшному болѣе скептицизма, отъ котораго составляетъ оно чахоточный выродокъ, именуясь *равнодушіемъ* (indifférence). Въ мистицизмъ перваго, въ страстномъ преувеличеніи втораго, въ искусствѣ третьяго, въ прихотливомъ раз-

сказъ Ирландца наконецъ, смѣшеніе добра и зла, порока и добродѣтели, прекраснаго и безобразнаго, не даютъ себя чувствовать. Но остерегитесь: это улетученный признакъ, похоронный напѣвъ, предвѣщающій великое разрушеніе. Упорное заблужденіе лучше колеблющейся истины. Не быть ни въ чемъ увѣреннымъ значить отказаться отъ жизни и существовать въ ничтожествѣ. Вы найдете такую страшную неопредѣленность при паденіи Рима, въ гнилой Византинѣ, вездѣ, гдѣ умираетъ нація, гдѣ глупая общественности меркнетъ и погасаетъ, исчезая, словно легкіе пары, которые вспыхиваютъ на небѣ, не сливаясь въ огненные звѣзды, подчиненныя правильному теченію и величественнымъ измѣненіямъ. Нѣтъ великихъ твореній безъ твердыхъ началъ, служащихъ средоточіемъ ихъ тяготѣній. У Данте, у Мильтона такое средоточіе огромно. Самый Монтанъ различаетъ добро и зло. Общества безъ такого связующаго основанія обращаются къ грубому бытію, и бывають осуждены тратить на пустой блескъ стихій силы своей.

Между поэтами, которыхъ я называлъ, Вордсвортъ, позднѣе всѣхъ оцененный, долѣе всѣхъ продолжалъ свое вліяніе. Сутей слышенъ, какъ воспоминаніе былаго, какъ отдаленная гармонія величественныхъ органовъ. Кемпбелль поэтъ классическій, образецъ, изучаемый для совершенства въ слогѣ, подобно Поупу и Драйдену. Однообразное отчаяніе, занятое у Байрона, уже утомило его списывателей. Болѣе общее вдохновеніе является нынѣ отъ Вордсворта; оно распространяется даже на Драму, которую губитъ, потому, что Драма должна подражать дѣяніямъ, а не мечтамъ чловѣка. Большая часть поэтовъ и *поэтриссъ* (poetesses) втораго разряда подраздѣлили анализъ своего учителя, уточнили его ижность, испарили летучіе туманы его, и свели его поэзію на ничто — тѣнь тѣни! *Барри Корнуаль* (Barry Cornwall),

или Прокторъ (Proctor), поэтъ впрочемъ, съ элегическою душою и нѣжнымъ воображеніемъ, погубилъ славу свою излишнею щепетильностью, неопредѣленностью образовъ и излишествомъ колорита. Иные, принявъ метафизику Вордсворта, уступили другимъ вдохновеніямъ. Политика и промышленность, двѣ музы, одна желѣзная, другая мѣдная, нашли себѣ пѣвцовъ въ арміи Вордсвортовскихъ поэтовъ. Сущность Метафизики: превращать въ чистыя идеи вещественность и дѣйствительность, и какъ Вордсвортъ извлекаетъ свою поэзію изъ мѣлочей деревенской жизни, такъ Альфредъ Теннейсонъ (Alfred Tennyson) и Эбенезеръ Эллиотъ (Ebenezer Elliott) преобразили Политическую Экономію въ Сатиру и теоріи Бентама въ Оду.

Бентамъ (Bentham), обитавшій въ Вестминстеръ, въ комнатѣ Мильтона, гений странный и систематическій, съ понятіемъ подробностей и съ обширнымъ взглядомъ, далъ полную форму и ученую дѣйствительность теоріи полезнаго (utilité), теоріи личности, эгоизма, произведенію философіи XVIII-го вѣка, теоріи, выражаемой великолѣпною ложью слѣдующей аксіомы: «величайшее благополучіе наибольшаго числа.» — Благополучіе! Хорошо: обещайте намъ то, чего и у самихъ васъ нѣтъ! Благополучіе! Прекрасно, но какъ хотите вы сдѣлать счастливымъ бѣдняка? Дать ему хлѣбъ, одежду, богатство? Разумѣется, онъ возьметъ, но его пороки завтра же лишатъ его всего. Кто сказалъ вамъ, что желаніе быть счастливымъ и сожалѣніе о недостиженіи къ счастью не возрастаютъ у него въ соразмѣрности съ новыми пріобрѣтеніями?

Философы, всегда смѣшивающіе чувство съ душою и несчастья человѣчества съ ужасомъ голода! ваша система пустые Барклаевой, который воображалъ тѣло человеческое мечтою. Потому теченіе времени уже унесло систему Бентама, законодателя, подобно

Сень-Симону, общества матеріалистовъ; съ его системою исчезло и Вестминстерское Обозрѣніе (Westminsters Review), основанное для ея распространенія. Не буду говорить, по какимъ утонченнымъ тонкостямъ вывели, что школа Бентамистовъ должна была имѣть своего Омира, и что «величайшее благополучіе наибольшаго числа» требовало явленія поэта особеннаго, проповѣдующаго новыя догматы эстетическіе. Альфредъ Теннейсонъ былъ такимъ поэтомъ. Особенно замѣчательны въ опытахъ Утилитистовъ постоянная воля темной Метафизики, потребность творить вдохновеніе размышленіемъ, вопреки чувству, воображенію и личности. Альфредъ Теннейсонъ, впрочемъ сильный и смѣлый, печально двигался въ такихъ кандалахъ, а механизмъ стихосложенія, плодъ ученаго труда, умножалъ еще принужденность, налагаемую условною философіею. Муза Сѣвера съ трудомъ защищается отъ такого похищенія мысли, входящей въ самое себя и самое себя воспроизводящей. Такъ потухли великіе свѣтильники, которыми освѣщалась поэзія, такъ исчезли подъ покрываломъ изысканныхъ изобрѣтеній ясность и теплота. Коулей (Cowley), надъ которымъ смѣются теперь, только то и дѣлалъ: природа, человекъ, страсти, живая и главная часть поэзіи удаляются у него въ глубину сценической, предоставленной системѣ, которая хочетъ передразнить и воспроизвести ихъ. Остроумные и поэтическіе символы Спенсера (Spencer), дарованія высокаго, не пріобрѣли народности въ Европѣ; тамъ не хотѣли слушать гармоническаго журчанія прекрасныхъ строфъ, столь милыхъ Британскому уху. Напрасно Теннейсонъ, замѣняя сей недостатокъ, искалъ вещественной опредѣлительности въ формѣхъ и чрезвычайнаго блеска въ цвѣтахъ: это значило исправлять порокъ порокомъ. Поэтъ старался проникнуть во всѣ частныя бытія (individualités), и понять—какъ говорилъ онъ—всѣ души природы, посвящая оды свои

самым странным превращением, представляя поочередно читателю, въ безконечномъ *аватаръ*, растение, животного, обитателя небесъ, четвероногого, подразделяя искусственно классификаціею свое обширное изліяніе поэзіи, и смѣшивая произвольное произведеніе науки съ голосомъ вдохновенія.

Эбenezеръ Элміотъ болѣе палегаль на простолюдинскія страсти. Онъ обращался къ самымъ грубымъ ихъ выгодамъ; признавая преимущество промышленности, онъ говорилъ о страданіяхъ, какія сія новая побѣда вещества влечетъ за собою. Но для чего памфлету публициста давать оборотъ и метръ Драйдена и Чурчилла (Churchill)? Положимъ, что смѣшеніе сатиры и элегіи умѣряетъ важность предмета, но все это, окончателно, Коббеттъ и Бурке, переложенные въ стихи. Скоро утомились такимъ смѣшеніемъ, сначала изумившимъ, и отослали прозу къ ея обыкновенной должности, отправленію дѣлъ, спору о пользахъ, признавая, что дарованіе сего рода, чисто дидактическое и полемиическое, теряетъ часть своей важности, подчиняясь риму и цезурѣ, и снова предпочли сбивчивой смѣси принадлежностей и работъ ума съ поэзіею чистоту прямого употребленія силъ и средствъ отдѣльно.

Такимъ образомъ, какъ видите, истощался источникъ поэтической. Онъ быстро бѣжалъ къ пещанымъ покатостямъ, въ которыхъ терлется всякая поэзія; непримѣтныя струйки его текли раздѣляясь и утончаясь болѣе и болѣе ежедневно. Онъ не повиновался уже, какъ во дни Вордсворта, одной всеобщей теоріи, но множеству маленькихъ, частныхъ теорій, не обнимающихъ ни природы, ни человека. Женщины, присовокупляя свою тонкость и ловкость подражанія къ отличающей ихъ легкости ощущеній, всегда похожей на поэзію, увеличили зло. Каждый оттънокъ чувствительности имѣлъ свою оду, каждая мысль матери или любовницы выражалась въ своей элегіи,

грусть обертывалась сонетомъ, надежда дѣлалась пѣснейю. Вся сіи мелодическіе голоски щебетали за одно въ птичникъ Англійскаго общества, которое не могло положить различія между ними и рѣшилось удивляться всемъ имъ вмѣстѣ; такимъ образомъ, слава каждаго изъ нихъ не была даже пожизненною (*viagère*), и можно опасаться, что многія имена, плавающие еще теперь, такъ сказать, на поверхности поэтической молвы, скоро погрязнуть въ нее, подобно столь славнымъ лѣтъ за двадцать именамъ миссъ Сьюардъ (Seward), миссъ Порденъ (Porden) и Розы Матильды (Rosa Matilda). Чрезвычайная легкость амбическаго рима и рифмы, едва намѣкнутой, богатство Англійскаго словаря, который почти всегда представляетъ выраженіе Латинско-Нордманское подлѣ слова Саксоно-Тевтонскаго, пошлости элегическихъ изображеній, знакомыя поэтамъ Сѣвера, все призывало юныя воображенія и молодыя сердца къ знанію поэтовъ, къ испытанію каждой въ свой чередъ арфы, которая столь легко производитъ звуки. — Г-жа Нортонъ (Norton), которую Лондонское общество недавно наказало за неосторожность, впрочемъ недоказанную, и за супружество неудачное, женщина остроумная, прекрасная, отличная по званію, нашла для стихотвореній обороты болѣе сильныя, и формы болѣе определенныя, нежели ея подруги. Миссъ Ландонъ (Landon), недавно умершая, приобрьла буквамъ, коими означала она свое имя: L. E. L. извѣстность въ альманахахъ, и приблизилась къ Муру блестящею гибкостью и вдохновеніемъ. — Фелиція Гемансъ (Felicia Hemans), также перешедшая уже за предѣлы міра нашего, выше ихъ всѣхъ; по крайней мѣрѣ, она свободно приступаетъ къ своему роду поэзіи, и поетъ только сердечныя чувства; пѣніе ея бываетъ перѣдко удачно, и въ звукахъ его нѣтъ недостатка ни сладости, ни обилія. Но выслушавши его съ удовольствіемъ, которое со-

всѣхъ не удивленіе, и еще менѣе восторгъ, а кака-то прелесть, которая убаюкиваетъ душу и иногда проникаетъ въ нее, вы находите, что гордица воркуетъ и стонетъ слишкомъ долго; что благоуханіе, излетающее изъ души ея, упоетъ, усыпляетъ ее, и жалѣете, что трудъ болѣе ученый, сосредоточивающій въ себя болѣе мыслей, не упрочиваетъ здѣсь продолжительности и не придаетъ крѣпости созданію.

Поэты предшествовавшаго поколѣнія признавали только самихъ себя. Творцы своего дарованія, они отrekliсь отъ привычекъ Томсона (Thomson), Акенсиды (Akenside), Грея (Gray), Коллинса (Collins), и не безъ презрѣнія отвергли примѣры Гайлея (Hayley) и Дарвина (Darwin), своихъ непосредственныхъ предметниковъ. Коуперъ (Cowper) былъ единственный поэтъ XVIII-го вѣка, отъ наслѣдства котораго они не отказались. Теперь, когда Плеяды Байрона и Вордсворта потухли, отъ нихъ остался еще отблескъ, которымъ украшаются ихъ подражатели, отвѣтъ, оцѣтвшій даже и Драмѣ. Изученіе, или, лучше сказать, обожаніе Шекспира не возвратило Англійскому Театру его крѣпкой жизни. Траги-комедіи Шеридана Ноульса (Sheridan Knowles), Бульвера (Bulwer), Шиля (Shiel), мелодрамы, хуже или лучше выкроенныя, произведенія на одинъ вечеръ безъ завтрашняго дня, особенно лишены дѣйствительности, наблюденія, силы и естественности. Вордсвортъ, укрывшій въ почтенное уединеніе свою старость, есть истинный демонъ поэтической, котораго чтить Англійская Драма, сама того не понимая. Его чувствительный анализъ, его трогательная, темная мечтательность, его размышленіе о скорби обыкновенной жизни, проникли въ драматическую сферу и замѣнили атмосферою элегіи живительный сценическій воздухъ — неизлечимый недостатокъ, происходящій отъ дряхлости искусства! Разнообразіе и богатство декораций, Парламентскій приказъ, повелѣніе изслѣ-

довать состояніе театра, не возвратятъ свѣжести и мужества слабому, скорбному старику. Могутъ сдѣлать его болтуномъ, философемъ, плаксивымъ, при-дать ему гальваническую дѣятельность, даже какую нибудь краску Идилліи, но дряхлый старикъ не поздоровѣетъ.

До сихъ поръ нѣтъ еще исторіи Англійскаго Театра, исполненной самобытности и разнообразія. Она дѣлится на три измѣненія, которыя были каждое выраженіемъ Британской общественности.

У всѣхъ народовъ; театръ походитъ на тѣ великолѣпныя и скупныя цвѣты, вѣнчикъ которыхъ, однажды развернувшись, раскрываетъ тогда все свое великолѣпіе, расточаетъ все свое благоуханіе, показываетъ все свое величіе, и потомъ производитъ жалкіе отродки, гибнущіе съ первымъ холодомъ. — Первая эпоха Англійскаго театра, Шекспировская, чрезвычайно важна, но — и только. При Елисаветѣ, дикая горячность Англійскаго разумія сверкаетъ внезапно — могущество души сжатое, размышляющее, проницательное, говорящее съ страстями сквозь мысль. Мірѣ открыть. Надобно описывать характеры челоуѣка, надобно воспроизводить многообразіе жребіевъ и состояній людскихъ, надобно пересказывать борьбу челоуѣческую съ судьбою. Шекспиръ царствуетъ. Окрестъ него, передъ нимъ, за нимъ — сколько проконсуловъ, аколитовъ, министровъ! Марловъ (Marlowe), Деккеръ (DeKker), Вебстеръ (Webster), Бомонтъ (Beaumont), Флетчеръ (Fletcher), Массингеръ (Massinger), имена достойныя большаго уваженія, нежели сколько воздастъ имъ Европа, помраченныя не только великою тѣнью Шекспира, но и устарѣлостью своего языка и темнотою отношеній. Это эра наблюденія и способностей, перенесенныхъ въ Драмѣ, иногда доводимая до предѣловъ генія.

Прекрасный трудъ ума и величайшее обиліе Драмъ терлется въ тучахъ Пуританизма и въ буряхъ гра-

жданских смятеній. Вторая эпоха Англійской Драмы признаетъ образцомъ Францію. Драйденъ (Dryden) передразниваетъ Артамень и Кировъ; Вичерлей (Wycherley), Фаркугаръ (Farkuhar), Ванбру (Vanbrugh) и Рочестеръ (Rochester) преувеличиваютъ веселость Мольера и удваиваютъ вольность Жоржъ Дандена и Минмаго Рогоносца. Правы времени Карла II-го всходить на сцену и гонять шепетильныя восторженности, занятія въ романахъ дѣвицы Скюдери. Ни одно изъ твореній сей эпохи не выполняетъ условій Драмы. Дарованіе блещетъ иногда яркими ракетами, но тотчасъ превращается въ дымъ и огарки. Драйденовы Альманзоръ и Орондатъ пустыя, каменные, или мѣдныя статуи, которыя звенятъ, когда въ нихъ ударятъ, но не болѣе. Шалуны Конгрева (Congreve) и Фаркугара машины остроумныхъ словъ, которыя тратятъ весь умъ свой на ребяческія шутки. Неполныя памятники, оставшіеся намъ отъ сей эпохи, суть два, три сочиненія, замѣчательныя по разнымъ отношеніямъ: забавный фарсъ Рочестера, *The Rehearsal*, Вичерлея, *The Provoked wife*, съ живою интригою, и Конгревовъ *Double Dealer*, съ яркимъ его разговоромъ. Но лживость, неправда, косою, двусмысленный отъбнокъ безобразятъ все. Видимъ, что сочинители не дышали атмосферою нравственности и истины, что они были умы безпорядочныя, или люди развратныхъ нравовъ и испорченнаго сердца. Глубокій, остроумный взглядъ Шекспира, неподражаемый инстинктъ генія, что съ вами сдѣлалось?

При Иаковъ II-мъ и Вильгельмъ привычки народа очищаются и образуютъ жизнь болѣе важную. Испытываютъ важную, страстную Драму Отвая (*Otway*) и Лилло (*Lillo*). Въ ней все краснорѣчіе припадковъ страсти, и несчастіе, доведенное до послѣдней крайности, но нѣтъ ни отъбнокъ, ни дроби, ни разнобразія трагической и комической стороны жизни. Съ Отваемъ начинается третья эпоха Англійской

Драмы, съ того времени обращенной къ важному, преданной мраку, простомудринской у Лилло, сатирической у Фуа (*Foote*) и Гаррика (*Garrick*), занимательной у Кумберланда (*Cumberland*) и Кольмана, всегда принужденной и надутой, часто Квакерской, Пуританской, совершенно скучной въ трагедіяхъ Роуа (*Rowe*), Вальпола (*Walpole*) и Джонсона (*Johnson*) Привычка и потребность театра переживаютъ драматическое вдохновеніе. Лучшіе умы современныя, Адиссонъ (*Adisson*), Стиль (*Steele*), Юнгъ (*Young*) не замѣчаютъ того, и продолжаютъ творить вырождковъ, которые едва держатся на нѣскольکو мгновеній потомъ на подмосткахъ Дрюрилана (*Drury-Lane*). Холодный Катонъ Адиссоновъ похищаетъ удивленіе Вольтера. Надутая Ирина Джонсонова внушаетъ уваженіе зрителямъ, не мѣшая имъ засыпать. Ааронъ Гилль неловко подражаетъ Заирю. Съ трудомъ влечется Англійскій театръ, до того времени, когда одинъ насмѣшливый умъ замѣчаетъ, что главное основаніе общества заключаетъ въ себѣ порокъ — лицемеріе. Этотъ насмѣшникъ былъ Шериданъ (*Sheridan*).

Обычаніе, договоръ, или, какъ говорятъ купцы, *cole mal taillée*, 1688 года, принудили всѣхъ обманывать, и покоряться видимой, вѣшней суровости въ мысляхъ и поведеніи. И правители и общество обманывали другъ друга, предполагая согласіе отношеній, вовсе несуществующее. Лицемерный видъ и утонченная принужденность вошли въ моду въ гостинныхъ; тонъ нравственной элегии и угрюмой драмы забрался на театръ. Цѣлый народъ тартюфитъ — славная сатира! Шериданъ пишетъ ее. Выходитъ комедія превосходная въ одеждѣ сатиры — признакъ новой эпохи! Шериданъ означилъ ее своею *Школою Злословія* (*School for Scandal*) — исключеніемъ, явленіемъ не въ счетъ другихъ, единственностью, произведеніемъ спротивляющимъ въ безплодіи, но все таки само по себѣ превосходнымъ.

Набать Французскаго переворота загремѣлъ и все содрогнулось. Общественное богатство растеть, поэзія расправляетъ свои крылья, внутренняя сила націи находить могущество и смѣлость, какими блистала при Елисаветѣ. Влюбленная въ Шекспира и Спенсера, эпоха литературнаго возстановленія, предвѣщаемая Левисомъ (Lewis), сочинителемъ *Монаха*, Краббомъ и Коуперомъ, продолженная В. Скоттомъ и Байрономъ, пыталась образовать Драму по образцу великихъ писателей XVI вѣка. Тщетное стараніе! Тайна драматическаго генія не открылась ни В. Скотту, ни Байрону, ни Колериджу, ни Лембу, ни Левису, и усыпленная фея не проснулась. Матюриновъ *Бертрамъ* — мелодрама; во всѣхъ пьесахъ Байрона одно лицо — Лордъ Байронъ, и онъ что-то такое между диаврамомъ и элегіею. Есть хорошія страницы въ Мильмановомъ (Milman) *Фазіо* и въ его *Разрушеніи Иерусалима*. Мистриссъ Байли (Baillie) пишетъ трагедіи, гдѣ нѣтъ движенія, но есть иногда сила слова. Но вся нынѣшняя Драма лишена дѣйствительности, жизни, и слѣдственно долговѣчія. Байроновъ *Сарданпалъ* и Колериджево *Мищеніе* имѣютъ цѣну и интересъ только въ чтеніи.

Англійское общество удалилось отъ театра по многимъ и страннымъ причинамъ. Театральныя фойе, гдѣ издавна привыкли собираться пороки и развратъ столицы, заставляли убѣгать отъ нихъ порядочныхъ людей, отцовъ семействъ, и всѣхъ, кто, не почитая добродѣтели необходимостью жизни, надѣвалъ однакожъ маску благопристойности. Часъ объѣда, застувившій часъ стариннаго ужина, не позволялъ болѣе высшимъ званіямъ присутствовать при первыхъ пьесахъ. Между тѣмъ, какъ люди важные и святоши проклинали развратъ театра, поражала анаеменою всѣхъ, кто посѣщалъ такое проклятое убѣжище порока, аристократія показывала свое отвращеніе отъ буйства партернаго и пейстовыхъ кри-

ковъ райка (half-price-gallery). Искали наслажденій болѣе сердечныхъ и болѣе литературныхъ, гдѣ удовольствіе было бы менѣе испорчено. Романъ представляетъ вамъ сцену разнообразіе, занятіе подлѣ вашего каміна, спокойное, трогающее ваше сердце. За него принялись одни. Игрокъ, политическій человекъ, купецъ, офицеръ отправились въ свои клубы. Вечера, названныя чайными (tea-party), толкотня баловъ, получившая названіе: *roué* (*разбитіе*), обольстили кокетство дамъ, общая имъ болѣе театра вѣрныя наслажденія. Я помню время, когда многіе въ Англии, говоря о going to the play (о посѣщеніи спектакля), какъ будто говорили о какой нибудь шалости. А между тѣмъ, тогда мистриссъ О'Нейлъ (O'Neill) царствовала на сценѣ — послѣдняя слава Театра Шекспирова. Правда, что входя въ Ковентъ-Гарденъ (Covent-Garden) и Друриланъ, можно было подумать, что вы входите въ Вавилонскій храмъ, гдѣ плясало нагое сладострастіе. Увлеченная всеми такими причинами паденія, тщетно поддерживаемая розысками и стараніями Парламента, Драма хотѣла стряхнуть грязь, можетъ быть, и успѣла бы, но она едва дышитъ и томится больная. Если теперь посѣтите вы Лондонскій театръ, откуда превосходный актеръ Макриди (Macready) гоить продажныхъ красавицъ, завладѣвшихъ имъ издавна, вы изумитесь его безмолвію и пустынности. А что увидите вы на сценѣ? Представленіе какой нибудь мѣшанской трагедіи, болѣе сантиментальной, нежели печальной, безъ вѣроятности въ вымыслѣ, безъ силы въ разговорѣ, хорошо написанной, правда, но исполненной романическаго анализа, томительнаго развитія и эгегическихъ вздоховъ. И самое совершенство всей этой смѣси покажетъ вамъ ошибку автора и смерть Драмъ.

Такова исторія Театра Англійскаго: жизнь, организмъ, порывъ, сила при Шекспирѣ; преувеличеніе, шалость, безстыдство при Карлѣ II-мъ; докторская

важность и мѣщанскія слезы при Георгахъ; литературная форма при Байронѣ, и — утонченіе сентиментальной метафизики нынѣ — періодъ послѣдній, томленіе предсмертное...

Послѣ Матюринова Бертрама, пьесы Шеридана Ноульса пользуются наиболее народнымъ успѣхомъ. Но Бертрамъ не драма, а кладовая кирасей, шпагъ, привидѣній, лунь, цѣпей, донжоновъ и зубчатыхъ стѣнъ. Не знаю ничего пустѣе и глупѣе крикливой поэзіи, которая отдается въ безсмыслии и ладить себя сценической отголосокъ въ утесахъ, пещерахъ и подъ сводами старинныхъ замковъ. Между тѣмъ, Бертрамомъ любовались и во Франціи. — Ноульсъ не поклонникъ Анны Радклифъ (Anne Radcliff) и Левиса, но онъ обожатель Вордсвурта, и потому драмы его все еще имѣютъ нѣсколько цѣны поэтической, но за то, какъ драмы, ничего не стоятъ.

Станете ли утверждать, что въ современной Англійской Драмѣ есть однакожъ движеніе? Да, движеніе физическое, вещественное, грубое, плохая пародія Испанской сцены, движеніе на удачу, не представляющее ни урока, ни логики. Интрига, костлявый скелетъ драматическаго искусства, показываетъ собою вообще неловкое ремесленничество. Она не осуществляетъ идеи, но путаетъ безсвязныя приключенія, удовлетворяя только любопытству. По сей канвь мелькаютъ обрывки поэзіи, которая мѣтитъ на чувство, а попадаетъ въ декламацию. Послушайте, что говорило недавно Эдмбургское Обозрѣніе (Edinburgh Review): «Нашъ Театръ касается послѣдняго перелома своей продолжительной, предсмертной муки. Наша сцена всею жертвуетъ одной или двумъ ролямъ, созданнымъ модными актерами, и въ пьесахъ, имѣющихъ успѣхъ, вы открываете только смѣшную натяжку, сентиментальное преувеличеніе, нелѣзную ярость — ни какого вѣроятія, ни какой определенности въ обрисовкѣ характеровъ. Ловкіе

подрядчики довольствуются постановкою фарсовъ, либо Французскихъ водевилей. Что касается до первоклассныхъ драматиковъ, они взаимно мѣняются подкупными похвалами, и такой переторжкѣ обязаны своею извѣстностью; вдохновеніе приходитъ къ нимъ изъ кулисъ, а не изъ природы, и никогда новая, сильная мысль не пробивается въ ихъ созданіяхъ». Старый врагъ Эдмбургскаго Обозрѣнія, Quarterly Review (Четвертное Обозрѣніе) также громко говорить объ упадкѣ Англійской Драмы, которая считается нынѣ только двухъ извѣстныхъ писателей: Шеридана Ноульса и Литтона Бульвера, да еще двухъ, трехъ кандидатовъ на такую же извѣстность: Тальфурда (Talfourd), автора Греческой трагедіи *Ионъ*, Тайлора (Taylor), автора *Артемелда*, Гарнесса (Horness) и Броунинга (Browning).

Но что такое ихъ драмы? Романы, хуже или лучше переложенные въ стихи. Истина жертвуется анализу, положенія театральнымъ ударамъ (coup de théâtre), интересъ запутанности, и иногда дѣйствіе мистицизму. Въ пьесѣ, названной *Парацельсъ*, пять актовъ идетъ мечтаніе сокровенныхъ знаній и возвышеніе души къ идеалу. *Здравствуй и прощай*, натянутый титулъ одной сентиментальной трагедіи не представляетъ ничего болѣе, кромѣ цветистаго, иногда трогательнаго слога. Тальфурдъ, въ своемъ *Ионѣ*, превознесенномъ критиками до небесъ, а сюжетомъ похожемъ на Гоелію, пытался оживить Греческую простоту — потерянное усиліе, литературное покушеніе, которое не можетъ имѣть народнаго успѣха среди сложныхъ страстей, колеблющихся современное поколѣніе! *Артемелдъ* Тайлора, произведеніе труда и достойное уваженія, совершенно лишено сценическаго интереса. Ноульсъ, долго бывшій актеромъ, употребилъ для драмы свою опытность, смастерилъ нѣсколько драмъ, завлазавши ихъ на приключенія, и возбудилъ интересъ немногими поэ-

тическими порывами, часто натянутыми, и живописью домашних скорбей и страстей в жизни семейной. Его *Виргиний*, *Жена*, *Горбуны*, *Дочь*, мелькнули съ успѣхомъ по сценѣ. Все, что остается жизненнаго на Британскомъ Театрѣ, сосредоточено однакожь въ этомъ сочинителѣ, у котораго въ слогѣ есть сладость безъ силы, а планы, безсвязные и невѣроятные, наполненные множествомъ безполезнаго и нечеловѣческаго, кажется, составляютъ только предлогъ для плаксивой розказни безсильной поэзіи. Одна изъ самыхъ подвижныхъ струнъ разумія и души нынѣшнихъ Англичанъ отзывается однакожь подъ рукою автора: онъ ищетъ, какъ Вордсвортъ, ужаса и состраданія подлѣ семейнаго очага, и почерпаетъ ихъ въ чувствахъ и любви жизни обыкновенной, иногда увлекаясь въ надутую приторность Коцебу, но чаще бывая простымъ и страстнымъ, и всегда почти напоминала щеголеватую форму Бомонта и Флетчера, двухъ авторовъ, мало извѣстныхъ въ Европѣ, но замѣчательныхъ. Они продолжали собою Шекспира, съ большею плодотворностью въ словахъ, и съ меньшею глубиною въ мысли и важною въ наблюденіи — поэты, болѣе страстные, нежели глубокие, болѣе цвѣтистые, нежели важные, болѣе дѣйствующіе умомъ, нежели убѣжденіемъ дарованія.

Никто нынѣ, даже и Эдуардъ Литтонъ Бульверъ, драма котораго: *Lady of Lions*, имѣла нѣсколько успѣха на сценѣ, не входятъ свободно на путь Шекспировскаго наблюденія, единственный, коимъ можетъ обновиться Британская Драма. Отъ Чауцера (Chaucer) до Спенсера, и отъ Бакона (Bacon) до В. Скотта, у Англійской самобытности одинъ источникъ — изученіе человѣческихъ характеровъ. Имъ однимъ жилъ Шекспиръ, философическое и миниатюрное выраженіе котораго находимъ въ Лабрюеръ, не пренебрегающій анализа даже въ самой живописи страстей и бурь ея. Отсюда возникли Макбетъ (*Macbeth*),

Гамлетъ (*Hamlet*), Яго (*Iago*), Дездемона (*Desdemona*), даже Бектрикса, даже кормилица Юлія — самыя полныя созданія, какія только Философія можетъ представить воображенію. Британція удивляется еще Бенъ-Джонсону, мѣлкому изыскателю странностей и уродливостей человѣка. Никогда, что вы съ ней ни дѣлайте, она не аплодируетъ искренно чистой страсти, такой, какою раскрываетъ ее Расинъ, сладостный и глубокий, но любитъ своей особенной Драмѣ, обширной критикѣ човѣчества. Ее привѣтствовала она поочередно въ Бенъ-Джонсонѣ, Массингерѣ, Деккертъ, Буккингамѣ (*Buckingham*), Шериданѣ, отказываясь отъ Драйдена, Рова и сладостнаго Отваля, пьесы котораго едва ли два раза въ годъ являютъ на Лондонской сценѣ. Какъ измѣнить геній націи? Невозможно. В. Скоттъ, воспитанникъ Шекспира, пріобрѣлъ славу свѣтлымъ познаніемъ всѣхъ личностей, всѣхъ характеровъ, всѣхъ слабостей, что все перенесъ онъ въ романъ. Бульверъ былъ одолженъ извѣстностью своего *Пельгама* и *Малтраверса* ловкому наблюденію, чему доказательства такъ часто видимъ въ его романѣ. Для чего же, если существуетъ такая основа національнаго ума, Драмѣ отдѣляться отъ корня вѣрнаго успѣха? Съ романическими сказками, съ сантиментальнымъ разговоромъ, никогда не побѣдитъ ей равнодушія народа, преданнаго торгу, дѣламъ, труду, народа, который особенно боится пустяковъ, привыкъ къ анализу, у котораго преніе, изслѣдованіе, отчетливость составляютъ общественную жизнь, и который позволитъ скорѣе управлять собою убѣжденіемъ ума, нежели бѣшенствомъ страстей.

Оставимъ слабѣющую поэзію, погасающую Драму. Мѣсто литературному исполниту Великобританіи и Европы — Роману. Сюда укрылись всѣ дарованія, жадныя славы; всѣ разсыпчатыя искры слога и чувствованія сосредоточились, стѣснились окрестъ сего

последняго убъжища. Что такое Романъ? Форма, и не форма: предлогъ, слово, извиненіе. Онъ все поглотилъ. Самыя мѣлкія разумныя прильпляютъ къ нему; самыя высокія нисходятъ къ нему. Въ извѣстную эпоху всѣ идеи превращались въ Драму, потому, что Драма *дѣйствіе*, а вся Европа тогда дѣйствовала, рубила мечемъ, воздвигала знамена на бойнищахъ, пѣла серенады. Нынѣ, когда дѣйствіе ослабло, господствуетъ мечтательность — вы видите господство въ рукахъ Романа, потому, что онъ мечтание. Его тягучее свойство способно на все. Въ немъ видали мы Исторію, видали Политическую Экономію, видали Сатиру и біографію; онъ можетъ быть палингенезію, Утопію, промышленностью, торговлею, политикою. Соберите же пары, скопите облака, освѣтите ихъ тысячами радугъ, оживите ихъ всеми цвѣтами призмы, и сквозь сіи разноцвѣтные свѣты и свѣтящаяся тѣни показывайте намъ города, гаремы, салоны, пустыни, героевъ и ихъ оружіе; назначьте намъ черезъ сіи занавѣсы сколько угодно системъ, въ коихъ отдаленное солнце, то свѣтитъ, то помрачается; ведите передъ глазами читателей старый Парижъ, старый Лондонъ, возмущенныя противъ Испанцевъ области Фландріи, буйныя Итальянскія республики. Ничего не можетъ быть обольстительнѣе для неопредѣленной эпохи, которая не создаетъ самой себя, принимаетъ всѣ начала, отбрасываетъ всѣ убѣжденія, играетъ всеми свѣтами и всеми тѣнями, и находитъ сладострастіе въ оцвѣченныхъ сумеркахъ, которыя ее окружаютъ.

Издавна уже Англія гордилась своими романистами; ихъ изыскательность частной жизни и характера человѣческаго, съ особеннымъ участкомъ глубины, прелести и тщательности, слѣдовала по дорогѣ Шекспировскихъ наблюденій. Самый Байронъ, страшась равнодушія читателей, смѣшивалъ интересъ сказки съ оцвѣткою и кипучестью оды. В. Скоттъ, цвѣр-

ный рыцарской эпопеей, съ тридцати лѣтъ жизни писалъ только вымыслы въ прозѣ. Послѣ нихъ все стало Романомъ. Наклонность къ разсѣченію и изысканію подробностей, столь вредная Драмѣ и чистой Поэзіи, не имѣла на Романъ такого роковаго вліянія. Онъ близко вглядывался въ характеры, выбиралъ себѣ обрѣзокъ общества, перечеканку бытія человѣческаго, едва замѣтный обломокъ нашихъ чувствованій, и все для того, чтобы воспроизводить, изъяснять ихъ, и все это дѣлалъ онъ по праву. И вотъ онъ бросился разомъ по всемъ тропинкамъ своихъ любимыхъ изслѣдованій, и его паденіе не было, ни такъ полно, ни такъ быстро, какъ паденіе Театра и Поэзіи. Женщины прибавили не одинъ нѣжный оттѣнокъ къ его микроскопической энциклопедіи, и въ образованіи Великобританіи не осталось ни одной жилки, ни одной фибры, которой не коснулся бы анализъ Романа.

Школа В. Скотта, оцвѣщенное возобновеніе Исторіи, родъ впрочемъ ограниченный, потеряла свое первоначальное стремленіе послѣ смерти своего главнаго учителя. Его подражатели приняли тѣнь за существенность, одежду героя за самого героя. Стукотня оружія, блескъ копей, рѣзныя стѣны, резстры готической мебели, все это скоро утомило терпѣніе читателей, и всю старую мебель отдали въ магазины. Джемсъ (James), сочинитель Дарнлея, Делорма, Филиппа Августа, изобрѣлъ драматическія пружины, и вѣрно слѣдовалъ документамъ Исторіи. Жаль, что у него не находится многообразія фигуръ, и занимательной толпы лицъ, столь хорошо изученныхъ, столь хорошо понятыхъ, что составляетъ изъ сочиненій В. Скотта міръ дѣйствительный, живой и одушевленный. Горацій Смитъ (Horace Smith), авторъ Brambletye-Hall, даетъ болѣе движенія своимъ картинамъ, но заботливое мѣлочничество, съ какимъ рисуетъ онъ подробности, вредитъ интересу и про-

стоть дѣлаго. Эпическій геній В. Скотта, это обширное, блестящее зеркало, затмилось съ его смертыю.

Романъ дѣлится въ Англіи до безконечности. Подъ романа историческаго, видите романъ военный, морской, *фаціонабельный*, мѣщанскій, экономическій, политической, комическій, простонародный. Мы не одобримъ такого раздробленія, удобнаго для писателей, неполнаго въ его выводѣ и представляющаго только одну грань общества. Для чего ограничивать поле наблюдений? Авторъ Донъ Кихота изображалъ мужика и гранда Испанскаго, лоскутья одного, бархатъ другаго, и подъ всякою одеждою билось у него сердце человѣческое. Но Марриетъ (Marryat) пишетъ теперь только корабли и матрозовъ; Глей (Gleig) солдаты, лордъ Норменби (Normanby) салоны, Гукъ (Hook) мѣщанъ, миссъ Мартино (Martineau) ремесленниковъ, Гальтъ (Galt) членовъ парламента, Диккенсъ (Dickens) мошенниковъ и кучеровъ, Гудъ (Hood) прикащиковъ и нянекъ, миссъ Митфордъ (Mitford) деревенскихъ лавочниковъ и старыхъ помѣщиковъ. Все это безконечная цѣпь монографій, обработанныхъ съ Китайскимъ терпѣніемъ, работа микроскопическая, гдѣ въ поры, въ жилки кожи общественной спинаны. Можно раздѣлить всю эту груду пещинокъ на двѣ главныя части: романы, которые берутся ввести читателя въ свѣтское общество, хоть большую часть ихъ работаютъ руки мѣщанскія, и романы, въ которыхъ изображаютъ нравы простолюдиновъ, чѣмъ забавляется свѣтскій народъ. Мистриссъ Горъ (Gore), Листеръ (Lister), лордъ Норменби, мистриссъ Нортонъ (Norton), и особливо леди Шарлотта Бури (Charlotte Bury) блистаютъ въ первой изъ сихъ областей, а Теодоръ Гукъ и Гудъ, недавно помраченные славою Диккенса, автора Пиквика (Pickwick), сдѣлали много шума во второмъ родѣ. За чертою назначеннаго нами дѣленія становятся Шотландскіе наблюдатели: Гоггъ (Hogg) и Гальтъ, съ ихъ

грубою, язвительною сатирою; Гаррисонъ Эйнсвортъ (Harrison Ainsworth), хотѣвшій слить воедино комическій романъ и историческія воспоминанія; остроумный и тщательный Вардъ (Ward), сатирическая мистриссъ Троллопъ (Trollop), щеголеватая миссъ Ландонъ; г-жа Джамесонъ (Jamieson), пишущая приятно и имѣющая чутье искусства; леди Блессингтонъ (Blessington), другъ Байрона, которая высказала его тайные рассказы, и лучше другихъ полнила странную душу челоуѣка, въ одно время поэта и героя, щеголя и кокетку.

Видите, что Англія представляетъ намъ дремучій лѣсъ романовъ, или, когда вамъ лучше нравится морская метафора — это безконечное движеніе небольшихъ волнъ, которыя разбиваются, теряются, изглаживаются. Мы далеко не исчислили всѣхъ кандидатовъ на романную эфемерную славу; наименуемъ еще: мистриссъ Говиттъ (Howitt), мистриссъ Галль (Hall), Аллана Куннингама (Allan Cuningham), Граттона 2-го (Grattan), сына оратора, младшаго Д'Израели (D'Israeli) и г-жу Шеллей (Shelley). Мы говоримъ только о звѣздахъ прошедшаго года, и не можемъ предвидѣть числа, появленія и помраченія тѣхъ, которыя явятся въ новомъ годѣ. Романъ поочередно бываетъ, то вопль, то стenanіе, то гимнъ и шумъ, урокъ, брюжжанье, свистокъ и хотеть, которыми изъясняется каждое движеніе Англійскаго общества. Послѣ 1815 года, Британская Аристократія начала мядѣть горделиво, увидѣвши, что удѣляла въ бурь, и тотчасъ явились fashionable novels, съ ихъ шелкомъ и бархатомъ, модными гримасами, кодексомъ этикета, палевыми перчатками, болтовней о скачкахъ (turf), спорами о томъ, какъ держать вилку, и какъ кланяться, входя въ салонъ, или вовсе не кланяться. Вардъ, Листеръ, мистриссъ Горъ, лордъ Норменби присовокупляютъ къ такимъ изъясненіямъ самыя важныя наблюденія. Обогатившееся

мѣщанство съ завистью глядитъ въ сѣи привилегированныя области; старается подражать извѣстному тамъ искусству остроумно молчать, садиться и стоять ловко; покупаетъ *отели*, нанимаетъ слугъ, плаваетъ въ золотѣ и въ смѣшномъ, и даетъ средство для романовъ умному человеку, который мастеръ на карриатуру — Теодору Гуку, автору *Sayings and Dings*, дарованію живому, бдучему, защищающему сохранительныя основанія, какъ дѣлаютъ многіа дарованія въ Англіи. Онъ успѣшно изображаетъ классъ кандидатовъ въ знатные, этотъ родъ гусеницъ, находящихся между торговлею, отъ коей онъ разбогатѣли, и дворянствомъ, коего онъ добиваются. Показываетъ еще старая Англія, Англія деревенская, остается нетронутою, работаетъ, пашетъ землю, дремлетъ въ своихъ маленькихъ деревенькахъ, заросшихъ цвѣтами и вхомя, подъ скромною тѣнью своихъ зеленыхъ холмовъ и подъ покровомъ своихъ Норманскихъ колоколенъ. Марія Говиттъ и миссъ Митфордъ пересказываютъ объ ея трудахъ и отдыхѣ; страницы романовъ ихъ вообще прелестны и имѣютъ большую цѣну; анализъ ихъ касается подробностей не ничтожныхъ и трогательныхъ. *Провинціальныя Очерки* (*Provincial Sketches*), сочиненіе неизвѣстнаго, представляетъ въ этомъ родѣ оригинальную и колкую насмѣшку. — Но вотъ слышенъ вопль реформы: миссъ Мартино беретъ перо, и, въ видѣ сказокъ, излагаетъ догматы статистики, положительнаго знанія, которое переводитъ химеры въ твердое состояніе и переливаетъ неопредѣленные данныя въ мѣдныя цыфры. Другіе смѣются надъ новыми затѣями, родившимися изъ новыхъ ошибокъ: завистью, почитаемою чѣмъ-то высокимъ, фанатизмомъ вещественности, теологіею цыфръ, мистицизмомъ золота. Шотландецъ Гальтъ, въ двухъ превосходныхъ маленькихъ памфлетахъ, одѣтыхъ въ платье романа, поражаетъ равнодушіе однихъ, жадность и зависть другихъ.

Изъ чувствъ и изъ идей, которыя Англійское общество передаетъ вътрамъ наблюденій, ничто не теряется, и все попадаетъ въ романъ, даже каждый удачный каламбуръ. Есть въ Англіи нѣкто умный человекъ, по имени Гудъ, который постоянно живетъ ловлею всякой вслячины, пишетъ каждый годъ по шести томовъ, въ каждомъ томѣ помѣщая по двѣнадцати сказокъ, въ каждой строкѣ по парѣ каламбуровъ. Неутомимый Пунстеръ (*Punster*) идетъ еще далѣе: безъ всякаго парламентскаго приказа, онъ все ловитъ въ стихъ и въ прозу, декламируетъ, изобрѣтаетъ, прибавляетъ, бредитъ новинками, печатаетъ, рисуетъ, литографируетъ ихъ, все на одні руки. Въ его безконечной кузницѣ романовъ, все куется съ плеча, горитъ непрерывно горнъ, шевелятся мѣхи, всякая дѣйствительность переходитъ въ вымыселъ, и всякій вымыселъ принимаетъ форму дѣйствительности.

Безполезно было бы слѣдовать шагъ за шагомъ, преслѣдуя на маршѣ войско Романа Англійскаго. Если будемъ изучать его общее движеніе, найдемъ, что начиная съ *Монаха* Левисова, Британскій Романъ не переставалъ проясняться, развеселяться, разглаживать свой лобъ и разбивать свои желчныя завалы: Переходя отъ живодеренъ Левиса, гробницъ Радклифъ, погребовъ Матюрина, хижины Годвина (*Godwin*), со славой прогулявшись по берегамъ туманныхъ озеръ Шотландіи, изнѣжившись и испалившись подъ занавѣсами *Portland-Place*, въ конторахъ *Threadneedle-Street*, въ тавернахъ *Billingsgate*, онъ дошелъ до грубой радости *Пиквика*. Имя всѣми повторяемое нынѣ, имя славное теперь, есть имя Карла Диккенса, творца его. Это наследникъ В. Скотта. Простите, рыцари съ вѣющими хоругвями, босоногія крестьянки Шотландскія, ученые антикваріи, столь худощавые и столь забавные, контрабандисты острова Мана, прелестныя дѣвы горъ, бѣгите всѣ! Вы все еще носите гербъ старины, передаете

намъ отголосокъ старыхъ временъ, съ которыми навсегда мы простились и — вы лишніе — оставьте насъ! Уступите мѣста прикащикамъ Лондонскихъ лавокъ, кучерамъ дилижансовъ, ловкимъ извозчикамъ, веселымъ глупцамъ, у которыхъ шестдесятъ лѣтъ отъ роду, огромное брюхо, маленькій доходъ и пустая голова! Изчезните передъ грубымъ и пошлымъ народомъ, который честитъ Англія, между тѣмъ какъ Франція отдастъ вѣнки парикмахерамъ, парюмерамъ и почталюнамъ своей Комической Оперы! — Не станемъ искать причинъ такого перехода аристократіи въ Романъ, хотя мы и нашли бы, быть можетъ, въ какой нибудь тайной наклонности, которую можетъ изслѣдовать философія исторіи, если разсудить за благо. Не смотря на силу политическихъ движеній, Англія непрерывно старается снова приобрести себя имя *веселой* Англіи. Погребальныя покрывала ея сброшены. Она не налюбуется, пробѣгая свой *Comic Annual*, *Очерки Боза*, рыцарскія шутки *Нимрода*, каррикатуры Гуда; она провозглашаетъ Пиквика и Сама Веллера чудесными героями, а отца ихъ, Карла Диккенса, великимъ писателемъ.

У Диккенса есть легкость, рисовка, и некоторая способность наблюденія, которая возвышается до писшихъ званій мѣщанъ, и привольно гуляетъ между простолодичествомъ. Онъ счастливо изобрѣтаетъ грубыя сцены, и гораздо хуже успѣваетъ въ подробностяхъ и очеркѣ характеровъ. Въ первомъ у него есть порывъ; вторыя какъ-то неопредѣленны. Вѣрность вещественныхъ подробностей и странности темныхъ закоулковъ, куда Диккенсъ водить своихъ читателей, награждая за его важные недостатки, дѣлаютъ его писателемъ болѣе забавнымъ, нежели съ прочною славою. Одинъ изъ всѣхъ лицъ Диккенсовыхъ, сынъ кучера, возвышенный въ званіе слуги, управляющій своимъ господиномъ, спасающій его, умно шутливый, остроумный простякъ, превосхо-

дить собою все типы, созданные романистомъ. Въ Самуилъ Веллеръ, можетъ быть, и не думавши о томъ, Диккенсъ выразилъ тайную и глухую борьбу Англійскаго рабочаго званія, подавленнаго двойною тягостью золота и политики, торговли и прошедшаго времени. Послѣ чтенія Пиквика и Оливера Твиста, также Диккенсомъ сочиненнаго, вы не останетесь довольны: они приподнимаютъ только уголокъ занавѣсы. — Гдѣ же разгадка всей тайны?

Миссъ Эмма Робертсъ (Robertz) описываетъ нравы Англійской Индіи, грузы дѣвокъ, которыя плывутъ туда искать мужей, разочарованіе знатныхъ людей, которые тамъ хотя бы нажить, и наконецъ страшную смѣсь Сѣвера и Азіи, образованія новаго и образованія дряхлаго. — Марриатъ, писака многими любимый, неловкій, темный, *безфасонный*, правится некоторою врожденною веселостью, и не оставляетъ своихъ милыхъ матросовъ и офицеровъ Королевскаго флота, начиная уже утомлять однимъ и тѣмъ же. Миссъ Мартино не думаетъ отказать отъ своей докторальной философіи, и роется въ Бентамовскихъ мечтахъ о полезности. Въ снѣ дарованія, разнообразія, но не представляющія ничего отличнаго и высокаго, потемнены сочинителемъ *Книги Лоций*, матрозомъ Кринглемъ, и особенно *Журналомъ Доктора*. Этотъ Докторъ сидитъ у постелей всякихъ больныхъ, слышитъ всѣ ихъ вздохи, щупаетъ пульсъ у министра и публичной женщины, присутствуетъ при всѣхъ предсмертныхъ бореціяхъ, и все рассказываетъ, что говорится, когда уже скрывать нечего. Онъ краснорѣчивъ, проникателенъ, страстенъ. Планъ его сочиненія, по видимому, ограниченный, отворяетъ ему двери къ богачу и бѣдняку, въ кабинетъ, госпиталь и лавочку. Онъ избѣгаетъ отъ тѣсной необходимости сосредоточивать наблюденія на одной точкѣ, необходимости, которую Англійскій анализъ вздумалъ почитать достоинствомъ, выгодною, и которая

только вяжетъ писателя, ибо его работа дѣлается похожею на работу живописца, если онъ, занявшись списываніемъ козявки какой нибудь, забудетъ о ландшафтѣ.

Умная женщина, миссъ Троллопъ, держится вѣн круга всѣхъ исчисленныхъ нами романистовъ. Сатира, предубѣжденіе ея ума, болѣе живаго, нежели сочувствующаго, служила ей поочередно оружіемъ противъ Американцевъ, которыхъ она не любитъ, противъ святошъ, которыхъ Американскій Пуританизмъ заставилъ ее ненавидѣть, и противъ критиковъ, которые не щадили ея. Она напоминаетъ, не живое воображеніе, но брачница леди Морганъ (Morgan), столь извѣстной во Франціи, испытавшей успѣхи и неудачи еще въ молодости В. Скотта, написавшей безсчетное число томовъ, гдѣ есть поэзія, вздоръ, гуморъ, ученье и глупость, но всегда съ живою разноцвѣтностью, которая нравится читателю и сбиваетъ критика. — Наконецъ, мы встрѣчаемъ на дорогѣ легкой литературы Романа ловкій умъ, первенствующій нынѣ въ Англійской литературѣ, и довольно вѣрно представляющій ея современныя направленія — *Эдуарда Литтона Бульвера*.

Гибкость, блескъ, навѣчка, плодovitость, знаніе свѣта, ловкость, все сіи различныя качества находятъ въ Бульверѣ, романистѣ, историкѣ, поэтѣ, журналистѣ, драматистѣ. У него много идей, но разбросанныхъ, много чтенія, но непереваренного; многочисленныя сочиненія его лишены гармоніи въ завязкѣ, чистоты въ исполненіи. Блескъ и эффектъ, работа на спѣхъ и скорый успѣхъ увлекаютъ его. Кажется, что блестящія и умныя страницы, какія выкидываетъ онъ въ свѣтъ, ждали еще окончательной зрѣлости, и что могучія ласки болѣе жаркаго, болѣе постоянного солнечнаго свѣта придали бы болѣе совершенства его скороспѣлкамъ. Первые романы Бульвера, гдѣ наговорено много пустаго, скоро вошли въ моду, тѣмъ,

что ни одинъ фашіонабельный романъ не былъ писанъ такимъ живымъ, чистымъ и обработаннымъ слогомъ. Успѣхъ Пельгама, Клиффорда, Disowned (Неузнаннаго) открыли ему путь къ деньгамъ и кредиту въ обществѣ. Юнаго писателя встрѣтилъ успѣхъ салоновъ; духъ времени подсказалъ ему блестящее житье, говоря, что въ наше время простота жизни означаетъ бѣдность ума, а торговая разработка дарованія есть геній. Оставляя Томаса Кемпбеля бѣднымъ, живущимъ скромно съ 200-ми ф. ст. дохода, новое поколѣніе хотѣло рвать золотыя лавры на поэтическомъ полѣ. Бульверъ сталъ впереди другихъ на этой дорогѣ: плодилъ свои произведенія, искалъ говора салоновъ и почестей парламентскихъ, былъ избранъ въ члены Нижняго Парламента, пытался составить тамъ новую партію, людей литературныхъ, объявляя себя ихъ представителемъ, и безпрестанно кидая въ публику томами, говоря, восклицая, споря, принимаясь за политическія розыски, бросаясь на сцену съ плохими трагедіями, а въ толпу народную съ незначительными памфлетами, когда въ то же время угощалъ свѣтское общество гладкими стихами и щеголеватыми романами. Онъ добился наконецъ отъ юной Королевы титула Баронетскаго. Жизнь блестяще-рабочая! Будь менѣ стыдливъ на соблазнъ, болѣе безстыденъ, и Бульверъ былъ бы Англійскимъ Бомарше. Не предводя никакой партіею, онъ между тѣмъ либераль, идетъ впередъ, хоть за нимъ никто не слѣдуетъ. Англійская общественность, гдѣ нарушилъ онъ приличія и условія, не щадитъ его. Какъ литераторъ, а не какъ ораторъ, Бульверъ имѣетъ вліяніе въ Парламентѣ. Новость для Англичанъ Фильдингъ (Fielding), Гольдсмитъ (Goldsmith), В. Скоттъ, Вордсвортъ, все дѣлали крѣпостью, изъ которой стрѣляли въ непріятеля, свой уединенный кабинетъ, но не смѣшивались съ дѣловыми людьми, Бурке, Фоксомъ (Fox), Каннингомъ (Canning), Бурдетомъ (Burdett),

одетыми въ битвенные доспѣхи, прямо выходящими на поле битвъ, не презирая, но забывая литтературную славу, людьми, созданными для политической борьбы, жаждущими ораторскаго успѣха.

Характеръ челоѵка литтературнаго, смѣшаннаго съ челоѵкомъ политическихъ партій, суетность, соединенная съ гордостью, фраза, связанная съ дѣйствіемъ, Бульверъ романистъ и членъ Парламента—это признаки новаго движенія, и измѣненія, совершившагося въ умахъ. Прежде Свифтъ совѣтовалъ министрамъ, Болингбронъ дѣлалъ полемику изъ Теологій, Бурке высоко цѣнилъ красивыя формы рычи. Но въ первый еще разъ *Романъ* зашелъ въ Парламентъ и кутается въ политическую тогу. Романъ—это *Бульверъ* своею особою. Но—быстрая обрисовка яркихъ походовъ, играющихъ на поверхности общественнаго моря, зеркало, доступное всѣмъ очеркамъ, блестящее всѣми цвѣтами, созданъ ли Романъ для того, чтобы дѣйствовать и сражаться? Вѣдь онъ зеркало, а не рычагъ. Стало быть, силы передвигаются въ Англій, и Бульверъ выражаетъ собою такое передвиганье. Будущее разрѣшить, чему изъ него суждено быть.

Чтобы ни говорили, но Пельгамъ, Евгений Арамъ, Павелъ Клиффордъ, Малтраверсъ кажутся намъ лучшими вымыслами послѣдней эпохи. Пусть упрекають перваго за описанія бѣлья и мебели, втораго за излишекъ мошенническаго языка, третьяго за то, что извѣстное дѣло и грубый анекдотъ положенъ ему въ основаніе; пусть говорятъ, что для всего служила одна идея, изысканная изъ общей мысли, съ частною поддѣлкою для каждаго подробностей; что окончательно цвѣта не слиты, вставки не связаны съ общимъ—для похвалы и занимательности все еще остается мѣсто. Не оспорите у автора живости разговора, изобрѣтенія характеровъ, вѣрности взгляда, особенно въ Эрнестъ Малтраверсъ, гдѣ рачительность

сего качества становится даже излишнею. А тысячи мелкихъ замѣтокъ, плоды свѣтской философіи? Неровность слога, недостатокъ слиянія частей, которыя кажутся скорѣе странничками изъ альбома, нежели частями книги, сшитыми, а не систематически расположенными, подрисовка разцвѣтки—все это справедливо и легко замѣтно. Безспорно, что тому, кто знаетъ и любитъ Древнихъ, несносно видѣть совершенно новаго писателя на развалинахъ Помпей и въ Аѳинской Агорѣ, съ его философіею *деиди* и полурадикальною политикою. Самыя важныя по названію сочиненія Бульвера суть самыя вздорныя—это его *Аѳины* и *Послѣдній день Помпей*. Но возвышенныя менѣе громкимъ титуломъ заключаютъ въ себѣ много достоинства при меньшемъ требованіи автора; есть краспорѣчіе въ Арамъ, превосходныя картины въ Пельгамъ и Клиффордъ, возвышенный взглядъ въ Малтраверсъ. Не наблюденіе ли, исполненное силы, хотъ и преувеличенное въ исполненіи, этотъ портретъ тщеславнаго безсмія, которое вѣрять въ свой геній, думаетъ имѣть послѣ того право ненавидѣть весь свѣтъ, и предлогъ наложеннаго на другихъ проклятія представляетъ причиною своей трусливой и оскорбительной лъни? Неузнанный геній вздиръ по Европѣ, и вездѣ видитъ, какъ общее возстаніе мѣлкаго эгоизма сулитъ каждому хвосту власть и силу. Цезарини, герою романа, надобно бы только менѣе отвратительнаго и болѣе смѣшнаго. О Драмахъ Бульвера мы не скажемъ ни слова, даже и объ лучшей изъ нихъ, *Герцогиня Делавальеръ*, жалкомъ недоноскѣ, надутой пародіи на эпоху щегольства и величія.

Высшая степень, какую похитилъ, или завоевалъ въ Англійской литтературѣ Романъ, оправдываетъ вниманіе, обращаемое нами здѣсь на самаго ловкаго и самаго народнаго изъ Англійскихъ современныхъ романистовъ. Романъ въ Англій не только

одѣлся въ платьѣ Исторіи — онъ захватилъ даже ея область: изданы были даже *Романы Исторіи* (*Romance of History by Leitch Ritchie and others*), впрочемъ не имѣвшіе успѣха. — Сказка и повѣсть, романы второстепенные и меньшаго объема, наполняютъ альманахи и *Магазины*, вкрадываются даже въ путешествія. Двусмысленный родъ этотъ въ последнее время произвелъ нѣсколько дѣтей, не лишенныхъ прелести: *Замокъ Гайнфельдъ*, остроумное описаніе замка въ Стирѣн, капитана Гада (*Head*); *Bubbles from Nassau* — титулъ, который могутъ потрудиться перевести, кому угодно (*Нассаускіе Пузыри?*). — Ученость, смѣшанная съ романическимъ разсказомъ, подарила въ прошедшемъ году Англію странною книгою, подъ названіемъ: *Докторъ* — попури цитатъ, бреда, болтовни, размышленій, анекдотовъ, мечтаній. Авторъ (думаютъ, что это произведеніе Гартлея Колериджа), живо, и иногда умно, защищаетъ нравы и мнѣнія старой Англіи. Онъ роется въ тысячѣ забытыхъ и запленныхъ книжонокъ, извлекаетъ изъ нихъ по двѣ, по три жемчужины, и восхищается часто холодными шутками, нелѣпыми вздорами, за клочки чувства, за превосходный слогъ. Внукъ Рабеле, Буртона и Стерна, онъ занимается у нихъ гремушки, но ему недостаетъ веселости, и его усмѣшка, скорѣе горькая, нежели веселая, не переходитъ къ читателю. Ему прощаютъ изысканность безпорядка, педантизмъ стараго литературнаго лоскутничества, разбой воспоминаній, за какую-то элегическую прелесть, подкрепленную рѣдкою опредѣлительностью мыслей, прикрывающую философическую насмѣшку изящнаго вкуса. Ласковый пріемъ *Доктора* въ Англіи показываетъ всю разницу между Джонъ Булемъ и его сосѣдями, хоть путисообщенія сдѣлались теперь такъ легки и удобны. Книга, которая во Франціи показалась бы нелѣпою смѣсью, составляетъ сокровище для любопытства Англичанъ литераторовъ и уче-

ныхъ; слегка бранить они безпорядокъ и шаловливость цѣмага, но удивляются разнообразію ученья, новости изысканій, чистотѣ языка. *Докторъ* говоритъ съ старою Англіею, хвалитъ въ ней нравы, подражаетъ ея слогу. Потому Радикалы и Виги едва удостоили взглядомъ четыре тома Доктора, но за то *Обозрѣнія охранительной партіи*, *Blackwood* и *Quarterly*, посвятили имъ множество страницъ, и почли ихъ достойными самаго обширнаго разбора.

Въ *Докторъ* и сочиненіяхъ Бульвера видимъ желаніе всеобщности въ мысли; замѣтно тайное возвращеніе къ синтезу, и тѣмъ отличаются они отъ множества произведеній мѣлкаго анализа, надъ которыми бесполезно истощается столько ума и красокъ. Бульверъ, Гартлей Колериджъ, В. Скоттъ и Сутей обращаютъ обширный взглядъ на міръ, стараются схватить безконечное его многообразіе, не занимаются исключеніями, но во всѣхъ сторонахъ хотятъ найти новыя точки зрѣнія, и не забываютъ ничего, что увлекаетъ человека. Тотъ же Гартлей, авторъ прекрасныхъ балладъ, написалъ біографіи знаменитыхъ и замѣчательныхъ людей, родившихся въ областяхъ Ланкастерской и Юркской. Книга его носитъ отпечатокъ историческаго чувства, весьма необыкновеннаго въ Великобританіи, хотя въ последнее время издано тамъ много книгъ историческихъ, записокъ и біографій. Бесплодный пустоцвѣтъ! — Ни одна біографія новѣйшая не сравнится по живописной силѣ слога съ *Worthies of Lancashire and Yorkshire*, книгою драматическою и добродушною. Хорошая біографія — золотая медаль, которую трудно вырѣзать, трудно выбить, и которая навѣки хранитъ отпечатокъ героя, при большой рѣдкости моделей. Какъ дѣлаютъ теперь біографіи въ Англіи? Собираютъ числа, сшиваютъ переніску, выводятъ родословіе, перепечатываютъ акты, и все вмѣстѣ называютъ записками о Болингброкъ, Питтъ, Чатамъ, Гольдсмитъ,

Бурке, Самуиль Джонсонъ. Множество такихъ компиляцій и ихъ ничтожество не лишаютъ однакожь ихъ нѣкоторой заслуги: онѣ могутъ быть полезны, какъ матеріалъ, безъ выбора впрочемъ поставленный малосвѣдущими подрядчиками, и иногда даже не искусно и бережно собранный. Жизнь Шеридана и жизнь Фитцджеральда, составленные Т. Муромъ, даже и не касаются цѣли, какой хотѣлъ достигнуть писатель: въ нихъ нѣтъ важности, безпристрастія, твердости слога, требуемыхъ родомъ историческихъ книгъ. Изъ общаго осужденія надобно исключить: литературныя изслѣдованія Пейна Коллера (Paine Collier) объ Англійскомъ Театрѣ и юности Шекспира, труды Гиффорда, касательно Бенъ-Джонсона, и записки лорда Голланда (Holland) о Лопе де-Веги, которыя, вмѣстѣ съ прелестною всячиною Д'Израели старшаго, принадлежать эпохѣ предшествовавшей. Желанье знать все, что касается знаменитыхъ людей, ободряетъ фабрикацію книгъ, не имѣющихъ никакой цѣны философической, и могущихъ служить только источникомъ и пособіемъ для настоящихъ работъ въ семь родъ Исторіи. Правило торговой отчетливости, совершенно противоположной генію, заставляетъ компиляторовъ не упускать никакихъ мѣлочей, и потому ничтожный вздоръ наполняетъ въ ихъ запискахъ бумагу, безъ всякой пользы для Исторіи. Сей недостатокъ, еще болѣе ощутительный въ книгахъ Американскихъ, при неспособной болтливости наемныхъ писакъ, которымъ платятъ съ листа, составляетъ порокъ большей части историческихъ книгъ, въ последнее время изданныхъ. Послѣ трудовъ Галлама (Hallam), Макинтоша, Лингарда (Lingard) и Сутея, только сочиненія Карлейля (Carlyle), страшною своею непонятною фразеологією, показываютъ высшее историческое разуміе. Ученикъ Шиллера, жизнь коего написалъ онъ очень умно, Карлейль долженъ быть причисленъ къ мыслителямъ, и даже

къ мистикамъ, взоръ которыхъ видитъ въ лѣтописяхъ человѣческихъ рядъ метафизическихъ проблемъ. Оставляя ихъ летать въ области, куда немногіе могутъ за ними слѣдовать, тысячи другихъ остаются въ замѣнъ того на землѣ, сгребаютъ на ней пещинки, сметають пыль въ кучи, и иногда удивляются мѣлкимъ своимъ терпѣніемъ.

Какъ не сознать, что общій упадокъ Поэзіи, Драмы, Исторіи въ Англии, относится къ одному и тѣмъ же причинамъ? Англичане привыкли предпочитать подробность общности и любопытный анализъ частей многоплодному синтезу — привычка и склонность еще со временъ Локка, совпадающая съ ходомъ современнаго образованія Англии. Но въ Романы, порождая множество монографій, она даетъ чтеніе занимательное, подробности поучительныя. Тѣмъ и другимъ отличаются: Ayrshire Legatee (Наслѣдники Эйрширскіе), Subaltern (Унтеръ-офицеръ), Пиквикъ, Книга Лоцій, о которыхъ говорили мы выше. Въ Исторіи совсѣмъ другое. Если воображеніе перестаетъ оцвѣчать и облагораживать духъ подробностей и безконечность мѣлагаго разысканія, остаются результатомъ бѣдность и сухость. Тутъ не помогаютъ самолюбіе и притязанія на любопытство читателей, производяція множество автобіографій, издаваемыхъ корыстолюбивыми наслѣдниками, или спекулянтами на известное имя. Изъ нихъ должно исключить, изданныя недавно: Отрывки изъ записокъ Колериджа и Жизнь В. Скотта, изданную зятемъ его, жизнь Крабба, изданную сыномъ поэта, жизнь Коупера, изданную Сутеемъ, и еще весьма немногіе.

Колериджъ (котораго не должно смѣшивать съ Гартлеемъ Колериджемъ) имѣлъ на предшествовавшую эпоху любопытное вліяніе. Онъ былъ философъ, одаренный ловкимъ и высокимъ умомъ, предающій коего, какъ будто оракулы древней Пифіи, выражались отрывками и яркими блестящими въ бле-

стящей импровизации, едва заметными в его печатных сочинениях. — Философия Британцов гордится Макинтошемъ, Вордсвортомъ и Колериджемъ, присовокупляя къ нимъ Дюгалдь-Стюарда (Dugald-Stewart) и Рейда (Reid). Преемниковъ имъ нѣтъ. Можно упомянуть о Карлейль, выше названномъ нами, и тщетно думаемъ ввести въ дѣятельную и торговую жизнь Англичанъ ученіе объ идеалахъ Фихте. — Женщина, мистриссъ Сомервилль (Somerville) сдѣлала въ послѣдніе годы въ Англии болѣе всѣхъ другихъ современниковъ для умственного образованія. Въ своемъ сочиненіи, титулъ котораго трудно перевести (Complexion of physical sciences — связь естествоиспытательныхъ знаній) показала она безслѣдіе и тѣсныя предѣлы анализа, разсѣкающаго свойства, обрывающаго клочками наблюденія, разрывающаго естественныя связи, коими все соединено въ человечествѣ, и вмѣсто обширной общности организма, коего примѣры и предметы изученія видимъ мы въ природѣ, увлекающаго насъ въ дробь отдѣльныхъ частностей. Не отъ того ли исчезаетъ единство вѣдѣній, знаніе валится обломками, физикъ удаляется отъ химика, химикъ отъ медика, медикъ отъ естествоиспытателя, и дѣленіе выходитъ изъ подраздѣленій, такъ, что энтомологъ не видитъ ничего далѣе насѣкомыхъ, электро-химикъ сжимается только въ своихъ опытахъ, и чистая математика презираетъ прикладную? Чѣмъ болѣе умножается дѣлежъ, тѣмъ ближе мы къ разрушенію. Средніе Вѣка завѣщали своимъ преемникамъ противную крайность. Тогда хотѣли все объять и все понять, и отъ того все смѣшали. Литтераторы Воссій и Скалигеръ были съ тѣмъ вмѣстѣ и геометры; Дунканъ Скоттъ, теологъ, славился физическими познаніями. Со временъ Бакона раздѣльность знаній замѣнила всеобщность ихъ. Но злоупотребленіе анализа лучше ли злоупотребленія синтеза? Удивляются дерзости Гоббеса, вступаю-

щаго въ область математики; не вѣрятъ Гете, когда онъ является на поприщѣ опытной физики; не понимаютъ, какъ могъ Паскаль рѣшить проблему Циклоиды. Но непрерывное колебаніе образованія нашего между противоположными ошибками должно ступить довести насъ опять къ высшему предмету вѣдѣній — синтезу, указывая на важное назначеніе, ему принадлежащее: найти точки соединенія, связать разорванныя кольца цѣпи, оживить нарушенныя сочувствія, распредѣлить по мѣстамъ разбросанные обломки, слить въ одинъ организмъ члены, изрѣзанные, изрубленные ножемъ анализа. Такое движеніе, новое, обновительное, которое воспользуется всѣми открытіями анализа, уже проявляется въ изученіи природы трудами великаго Кювье; Гизо, Тьерри, Мишеле вводятъ ту же систему въ исторію; въ Англии есть много ея признаковъ, и къ такимъ признакамъ принадлежитъ успѣхъ книги г-жи Сомервилль. Не будемъ разбирать ея со стороны ученыхъ свѣдѣній, но скажемъ, что ея краснорѣчивая простота, ея философическая крѣпость показываютъ великую силу мысли. — Во Франціи подобныя изысканія и ученые и литературные труды съ сею цѣлью уже признаны самыми прочными и плодоносными для ума человеческого. Имъ посвящаютъ себя Либри, Вилльмень, Сентъ-Бевъ, Амперъ. Пишущій сіи строки, съ своей стороны, уже нѣсколько лѣтъ тому (См. Discours d'ouverture du Cours sur le parallélisme des littératures modernes), говорилъ, что единственное живительное начало для современной исторіи литературы — изученіе и картина умственного магнетизма, существующаго между народами, ихъ скрытое и непрерывное оплодотвореніе одного другимъ, ихъ различныя отношенія, взаимныя пособія и борьба, проявленія лучистой матеріи, отсюду изникающей, грядущей, взаимно проникающей, дабы образоватъ великій потокъ свѣта, именуемый образованіемъ, сло-

вомъ: синтезь Исторіи Ума, котораго намъ, разумется, не довершить, но который начать должно, предоставляя обширную окончательную работу для довершенія потомству нашему.

Знаменитый адвокатъ, политическій ораторъ, страшный своею горячностью, своею легкостью работы, *лордъ Бруггамъ* (Brougham), столь долгое время бывший главою Оппозиціи, потомъ главою Англійской магистратуры, а нынѣ сдѣлавшійся провозвѣстникомъ оппозиціонной партіи, нетерпящей надъ собою старшинъ, относится къ Англійскимъ философамъ многими сторонами, другими касаясь литераторовъ, всюду страшный, подъ всеми формами своего дарованія, по своей настойчивости и странности. Никто далѣе Бруггама не простиралъ дѣятельности своего ума, и не умѣлъ такъ трудолюбиво употреблять своего времени. Но сочиненія Бруггама не показываютъ его намъ вполне. Человѣкъ практическій жертвуетъ многимъ обстоятельствамъ, необходимости, дѣйствию, настоящему. Силы его употребляются въ жизни дѣйствительнаго. Подробности, какихъ требовали политическія и юридическія битвы, такъ много заняли у Бруггама, что потомство, которому чужды будутъ интересы современнаго великому оратору, не пойметъ его вполне, не зная его жизни. Бруггамъ рожденъ для битвы: атлетическая сила ума, незнающаго отдыха, видна въ его рѣчахъ, его философическихъ опытахъ, журнальныхъ статьяхъ и памфлетахъ; слогъ его мускулистъ, діалектика его пламенна, полемика его немилосерда. Здѣсь соединены грубость критики Эдмбургской, умъ юриста и нечаянность импровизаціи оратора. Бруггамъ, какъ Робертъ Пиль, ораторъ совсѣмъ другого рода, принадлежитъ къ поколѣнію прошедшему, и самыя блестящія побѣды его заключаются во времени между 1810-мъ и 1830 годами.—Если къ Бруггамову имени прибавите вы имя Окенеля (O'Connell), Алкида Ир-

ландскаго, въ тѣсномъ смыслѣ выразите вы все современное краснорѣчіе Англійскаго Парламента. Прибавимъ, что голосъ Бруггама ослабѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣніе публики и справедливость Короля дали ему мѣсто въ Верхнемъ Парламентѣ, гдѣ, какъ говорятъ насмѣшники, онъ не на *своемъ* мѣстѣ. На трибунѣ Нижняго Парламента были слышны и приличныя его крикливыя голоса, его ѣдкія обвиненія. Здѣсь было его мѣсто, и для того, чтобы исполнцу снова пріобрѣсть свои силы, ему надобно упасть на землю съ подмостокъ, гдѣ онъ вовсе некрасивъ и безсиленъ.

Сила и блескъ политическаго краснорѣчія вообще понизились въ Англии послѣ Парламентской реформы. Множество новыхъ членовъ Парламента, не зная обычаевъ Парламентскихъ, были непривычны къ гибкимъ и сильнымъ преніямъ, къ смѣшенію прежде обдуманыхъ идей съ импровизаціею изложенія ихъ. Краснорѣчію благопріятствуютъ сильныя потрясенія страстей. Мирные переходы, условія, разсчеты между двумя эпохами, взаимная борьба уступокъ, представляя только оттенки, не цвѣта, не рѣшительность мнѣній, смѣшеніе партій неопредѣленное, не даютъ пиши слову оратора. Аристократія Англійская, уступающая одно, спорящая за другое, и Демократія, которая страшится буйнаго переворота, не уступая своихъ радикальныхъ теорій, не могли доставить трибунѣ Англійскаго Парламента того блеска, какимъ была она окружена, когда Французскій переворотъ, Наполеонъ, война съ Сѣверо-Американцами, завоеваніе Индіи вызывали на словесный бой Каннингъ, Бурдетовъ, Фоксовъ, Шеридановъ, Бурке. Среди нынѣшней дробнѣ всякихъ партій, только два человѣка обозначили себя болѣе рѣзкимъ очеркомъ съ двухъ противныхъ сторонъ: одинъ—*Пиль*, человѣкъ умѣренныхъ правилъ, отчасти наслѣдникъ краснорѣчія Питтова, мастеръ на всѣ тонкости и хи-

тлости прений, замѣчательный по ясному изложенію, живой діалектикѣ и искусству устрашать другихъ презрѣніемъ, гордостью и опасеніемъ за выгоды ихъ.— Другой, *Оконель*, по видимому предводитель радикаловъ, но въ самомъ дѣлѣ только представитель Ирландіи. Здѣсь вся крѣпость положенія Оконелева: его родина всегда у него въ расчетъ, и онъ покупаетъ политическія победы Ирландіи, жертвуя имъ Англійскою партіею, которой считаютъ его предводителемъ. Волоча за собою свой *O'Connell's tail* (Оконелевъ хвостъ), при помощи поэта *Шеля* (*Shiel*), своего земляка, пылкаго говоруна, онъ занимаетъ въ Парламентѣ роль посредника. Смотря по надобности, онъ двигаетъ свою подвижную армію на всѣ точки, которыя хочетъ защитить, и такимъ движеніемъ часто рѣшить важные вопросы. Онъ отличается своею сильною простолудиною, своими неожиданными выходками, неистощимою говорливостью, и соединеніемъ ловкости и грубости, метафоръ и брани, что все дѣлаетъ его опаснымъ для соперниковъ и сблѣжаетъ дарованіе его съ горячими порывами Фокса.

Заклучимъ: что такое представляетъ намъ современная Англійская Словесность? Литтературное и умственное могущество, котораго не поколебали еще новыя направленія общества; трибуну, гдѣ одна за другою мелькаютъ тысячи урвненныхъ способностей; пѣмьющій Театръ, хоть онъ и дорого стоитъ Англии; смѣсь всякихъ ученій, всякихъ догматовъ, всякихъ надеждъ, всякихъ вѣдѣній; наконецъ, одинъ родъ книжный, непрерывно обновляющійся, и пожирающій Исторію, Поэзію, даже самый Романъ, сего завоевателя общественнаго, родъ, являющій собою новое могущество, на ряду съ Парламентами, словомъ — повременныя изданія, окончательное дѣло всѣхъ мнѣній и движеній. Съ начала XIX вѣка, Журнализмъ сдѣлался въ Англии важенъ, и его чрезмерное усиленіе безспорно вредитъ литтературному

дѣлу. Сила идеи, порывъ слова, ловкость полемики, вмѣсто того, чтобы оставаться при медленной и трудной работѣ книгъ, бѣгутъ въ Журналы, требуя быстраго распространенія, электрическаго дѣйствія на читателей. Сутей, В. Скоттъ, Бентамъ, Бруггамъ, Кемпбелъ, Газлиттъ, Колериджъ, Макинтошъ, Гиффордъ, Лембъ, Джеффри были участниками Обзорной. Сюда прибѣгали и иностранцы, нашедшіе убѣжище въ Англии, Уго Фосколо, Телесфоро де-Трубеа, съ своими литтературными и историческими отрывками. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ, самыхъ замѣчательныхъ романовъ: Томъ Крингль, Записки Доктора, Тюрьма Ольдъ-Байльскай, первоначально являлись отрывками въ журналахъ. Пиквикъ и послѣдователь его Оливиеръ Твистъ шли тою же дорогою. Вездѣ и всюду журнальное раздробленіе силъ и способностей. Такимъ образомъ Англичане дошли до своей *penny literature* (копвечной литтературы), собранія урѣзковъ и отрывковъ, гдѣ слова перемѣшаны съ картинками, и быстраго распространенія, которой не смѣемъ мы ни хвалить, ни осуждать. Между тѣмъ, крѣпости Торизма и Вигизма, *Quarterly* и *Edinburgh Reviews* цѣлы, и въ нихъ бьются самыя храбрыя и самыя ловкія защитники обѣихъ партій. Здѣсь Крофтонъ Крокеръ (*Crofton Croker*), умъ колкій, разборщикъ насмѣшливый, ученый, многообразный, старикъ Сутей, Локкартъ, съ его свѣтлымъ, прямымъ и тонкимъ умомъ и безжалостною сатирою. Тамъ Макаулай (*Macaulay*), превосходный писатель, кажется, ротившійся для философической исторіи, одно изъ первыхъ дарованій между Вигами. Подъ знаменами сохрнительной партіи идетъ *Blackwood's Magazine*, управляемый Вильсономъ, и часто являетъ собою дикіе цвѣты, иногда блестящіе грубою красотою, старинный духъ Шотландіи. Въ *Fraser's Magazine* участвуетъ своими превосходными статьями Карлейль, остроумный и самобытный, даже въ своихъ

шалостяхъ. Съ нимъ товарищами (если не ошибаемся) Магиннъ (Maginn), Глей, Эджертоуъ Бриджесъ, Локкартъ, Гоггъ, Эйпсвортъ. Metropolitan и New-Monthly суть два отъѣнка вигизма; Tait's Magazine ведетъ войну радикальную, а Dublin Quarterly есть выраженіе Ирландскаго Католицизма, въ то же время, какъ Dublin University Review служить опорой Протестантовъ Ирландскихъ. *Вестминстерское Обозрѣніе*, бывшій провозглашатель Бентамовой Философіи, преобразовался теперь, и отъ идеаловъ полезности перешелъ къ жизни дѣйствительной, принявъ названіе «Лондонскаго и Вестминстерскаго». Общее замѣчаніе объ Англійской Журналистикѣ то, что всѣ дарованія раздѣлились въ ней, и отъ того, если во всѣхъ журналахъ появляются хорошія статьи, тѣмъ рѣже появляются оныя, а по мѣрѣ того умножилось число статей сносныхъ и отчасти занимательныхъ. Кажется, какъ будто и здѣсь коснулся духъ уравниенія, и уничтожая силы высшихъ, рѣдкихъ способностей, умножилъ число произведеній качества нисшаго, но болѣе общаго.

Такова картина, представляемая современною Англійскою Словесностью. — Во время перехода и перерожденія, она сохранила еще, какъ вы видите, довольно силы и жизни. Если сравнивать ея нынѣшнее движеніе съ умственнымъ движеніемъ предшествовавшаго нашему времени, въ такомъ блескѣ показавшаго Британскую Словесность въ началѣ XIX вѣка, съ такимъ обиліемъ поэзіи и вымысла — пахотимъ упадокъ. Если псчислать ея недостатки, мы укоримъ ее въ болтливости, злоупотребленіи анализа, излишкѣ подробностей, подражаніи. Нѣтъ Байроновъ и В. Скоттовъ, владыкъ нравственнаго міра, двухъ электрическихъ струй, двигавшихъ цѣлый міръ мысленія, но за то есть множество дарованій второстепенныхъ, и критическое изслѣдованіе отчасти замѣняетъ силу творчества. Разсматриваемая

въ общности, болѣе Германской критическая, болѣе Французской умѣренная и многообразная, подкрѣпленная обиліемъ произведеній, сосредоточивающая въ себѣ множество вѣднѣй, собирающая драгоценныя матеріалы, хранящая уваженіе къ прошедшему, готовая къ будущему, Словесность Англійская есть истинное изображеніе современной Англій, и достойна полнаго вниманія просвѣщеннаго наблюдателя.

==

ВРЕДИТЪ ЛИ КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ?

Audiat et altera pars...

Не странно ли, что отъ времени до времени между людьми являюся старые вопросы, казалось, уже давно рѣшенные, какъ будто умъ человѣскій вынимаетъ изъ своего архива старые акты и начинаетъ ихъ снова разсматривать, недовольный прежними рѣшеніями, ибо споръ возобновляется не объ историческомъ, по о практическомъ приложеніи. Старые вопросы изслѣдываются вновь, для установленія въ слѣдствіе рѣшеній того или другаго изъ нихъ современныхъ практическихъ понятій. Но дивиться тутъ нечему: часто находятъ, что вопросы сдавались въ архивъ нерѣшенными, за неполученіемъ достаточныхъ справокъ, за примиреніемъ, добровольнымъ или невольнымъ, спорившихъ сторонъ, за послабленіемъ и подкупомъ судей, послѣ чего обвиненный принужденъ, или долженъ быть, замолчать. Наконецъ, со временемъ являюся между людьми новыя отношенія, новыя любопытныя стороны, въ слѣдствіе коихъ изъ архива вынимаются прежнія рѣшенія для новыхъ соображеній и выводовъ.

Извините маленькое предисловіе. Оно показалось намъ необходимо, прежде нежели приступимъ мы къ нашему предмету. Рѣчь о *Критикѣ*, Мм. Гг. — Согласитесь, что во всякомъ отношеніи вопросъ не новый, но онъ всегда любопытенъ, и хоть нѣсколько разъ былъ передаваемъ въ архивъ, но не рѣшенъ еще окончательно до сихъ поръ, и всегда можетъ показать намъ новыя, любопытныя стороны, особенно если до него, какъ и до всѣхъ другихъ, коснется человѣкъ съ дарованіемъ, и будетъ судить съ желаніемъ добра и истинны.

Н. В. Кукольникъ, прекрасное дарованіе котораго, какъ поэта, мы оцѣняемъ весьма высоко, и котораго любимъ при томъ, какъ человѣка, недавно издалъ 2-ю книжку своей *Библиотеки литературно-художественныхъ статей*. Такъ называетъ онъ прибавленія къ *Художественной Газетѣ*, выдаваемые имъ неопредѣленно. Въ 1-й кн. помѣщенъ былъ *Романъ*, одно изъ превосходныхъ произведеній повѣйшей Французской Драмы, хотя и не имѣвшее успѣха на нашей сценѣ; во 2-й кн. помѣщено нѣсколько небольшихъ статей въ стихахъ и прозѣ. Между ними есть повѣсть г-на Тронцаго, въ повѣстяхъ котораго одинъ недостатокъ: повѣсти его скучно читать; есть письмо г-на Растушкина, который перечиталъ пропасть книгъ, и умоляетъ разрѣшить ему вопросъ: «что такое художникъ? Ради бога разрѣшите, что такое художникъ?» — Есть еще нѣсколько отрывковъ, переведенныхъ съ иностраннаго, выбранныхъ съ умѣньемъ; есть стихи самого издателя и его проза. Мы опредѣлили уже себѣ дарованіе Н. В. Кукольника, и готовы сказать откровенно и доказать мнѣніе наше, что въ стихахъ — онъ поэтъ, а въ прозѣ — софистъ, иногда своенравный, часто увлекající — всегда умный. Не таково ли должно быть свойство поэта вообще? Можетъ быть, по парадоксу и софизму тѣмъ не менѣе остаются парадоксомъ и софизмомъ, выдаетъ ли ихъ естествоиспытатель Бюль за физическую истину, говоритъ ли ихъ поэтъ Кукольникъ, разсуждая о теоріи своего искусства. Какъ хороши слѣдующіе стихи Н. В. Кукольника:

Звуки, звуки! въ бѣдной жизни
Вы, какъ благовѣсть небесъ:
Будто на небѣ служенье
Совершается землей,
И надъ тихой колыбелью,
Надъ младенцомъ въ сладкомъ снѣ,
Звуки ходятъ темной сказкой,
Словно, въ воздухъ прозрачномъ
Обольстительные сны...

Не странно ли, что тотъ же человѣкъ, говоря о теоріи, разсуждая о сущности искусства своего, до того говорить парадоксально и софистически, что вы готовы спорить съ нимъ безпрестанно? Нѣтъ! странности тутъ нѣтъ никакой, и все объясняется логически и психологически. Но споръ съ такимъ

человѣкомъ можетъ быть любопытенъ и поучителенъ. На сей разъ, мы пропускаемъ статью г-на Кукольника: *О Русской народной Драмы*, потому, что видимъ только начало развитія мнѣній г-на К. о Драматическомъ Искусствѣ — съ началомъ несогласны, но ожидаемъ продолженія и обращаемся къ другой статьѣ его: это собственно не статья, а нѣсколько словъ въ *Слѣси*. Предметъ ихъ важный — слово идетъ о *Критикѣ*.

«У насъ завелась въ журналахъ мода (такъ начинаетъ г-нъ К.) говорить, что Русская Словесность совершенно потеряла поэтическую производительность.»

Не знаемъ, обща ли это журнальная мода, но мы нѣсколько разъ говорили и теперь повторяемъ сказанное г-мъ К., будучи уврены въ истинѣ такого предположенія. Стоитъ оглянуться кругомъ, и надобны ли доказательства на совершенное безплодіе Русской Поэзіи?

«Хитро, но несправедливо. Каждый день видимъ мы новыя проблески поэтическихъ дарованій.»

Гораздо *хитрее* будетъ, если г-нъ К. докажетъ слова свои объ *ежедневныхъ новыхъ проблескахъ* поэтическихъ дарованій на Руси. Но онъ не хочетъ доказывать ихъ, и тотчасъ соглашается съ тѣмъ, что называетъ *модото журналистовъ*:

«Правда, каждый день эти дарованія *столь же быстро уходятъ, какъ быстро появлялись* на поприщѣ литературной.»

— Хороши дарованія! — готовы мы сказать, но г-нъ К. грознымъ обвиненіемъ замыкаетъ намъ уста:

«Опять *журнальная мода* вивовата въ *предсмертной кончинѣ*, или *дурною направленій* молодыхъ талантовъ.»

— *Дурною направленій* — замѣтьте, а это совсѣмъ не то, о чемъ началъ говорить жаркій противникъ журнальной моды! Далѣе однакожь —

«Желчь и другія, не врожденныя, но пріобрѣтенныя качества нѣкоторыхъ критиковъ, *неусыпно преслѣдуютъ каждый успѣхъ*, даже *тѣмъ успѣха начинающихъ*. Они *убѣждены* (т. е. критики), что критика не можетъ подавить истиннаго таланта, но не принимаютъ въ соображеніе психологическихъ свѣдѣній, сохраненныхъ намъ исторіею всѣхъ возможныхъ литературъ и художествъ, о разновременномъ развитіи многихъ первоклассныхъ талантовъ, а равно и о перемѣнахъ и направленіи къ лучшему.»

И такъ, Мм. Гг. видите, что споръ обращается здѣсь къ старому вопросу: *полезна ли критика? какал должна быть критика?* или даже, просто сказать, *что такое критика?* Мы опредѣляемъ Критику повѣркою теоретическихъ основаній искусства съ практикою ихъ въ созданіяхъ. Мы утверждаемъ, что критика необходима и должна быть строга, и что ей вѣтъ надобности до личныхъ отношеній поэта и художника, если только она принимается въ соображеніе не безусловно свое мнѣніе, но разбираетъ каждое явленіе по его времени и мѣсту. Я смотрю на картину художника: если она ученическое произведеніе, гдѣ видно незнаніе даже механическихъ основаній художества, я говорю только художнику: «учись!» Тутъ и толковать много нечего. Если нахожу уже власть надъ механикою искусства, но вижу пошлое подражаніе и школьную изысканность, или противное тому своевольство правилъ и желаніе отличиться странностью, либо рѣзкою новостью, указываю на то и другое. Главное при томъ, смотрю: есть ли идея, есть ли мысль? и высказываю, что идея тутъ нѣтъ, что въ колоритѣ ложь, въ рисункѣ ошибка, что мысль схвачена уродливо или исполнена дурно. Вотъ все. Что мнѣ за надобность, что художникъ начинаетъ только писать, или уже измазалъ дюжины двѣ пѣтуки холста, что онъ связанъ *отношеніями*, не выдалъ образцовъ, и проч. и проч., даже и то, что онъ *можетъ быть* со временемъ *разовьется*, либо *перейдетъ* къ лучшему и сдѣлается великимъ художникомъ. *Можетъ!* Тогда, какъ онъ *будетъ*, я похваляю его, стану на колѣни передъ нимъ, откажусь отъ всякаго суда при безотчетномъ очарованіи его кисти, но въ настоящее время *можетъ* для меня хуже нежели обязанія Испанскихъ Кортесовъ для биржеваго Лондонскаго банкира — вексель, на который я платежа не акцентую. — Да, кто далъ мнѣ право судить и рѣшать? — Право это принадлежитъ каждому изъ насъ, и каждый имъ пользуется, если только произведеніе художника представлено воззрѣнію другихъ. Одни сказываютъ на словахъ — я *нишу* мое мнѣніе, и вотъ вся разница. — Но, можетъ быть, мое сужденіе глупо, нелѣпо, пристрастно? — Въ такомъ случаѣ его опровергнуть, не уважать, докажутъ его глупость, нелѣпость, пристрастіе. — Но кто вступится? А между тѣмъ художникъ, поэтъ въ отчаяніи — ломаетъ кисти, рветъ свою поэму, пишетъ свою черни-

цу. — Чуть ли все это не хорошо только въ романахъ, и едва ли бываетъ на дѣлѣ. . . По крайней мѣрѣ, говорю по сердечному убѣжденію и зрѣлому размышленію, что не вѣрю, будто самая злая критика можетъ погубить истинное дарованіе — истинное, повторю, которое необходимо требуетъ крѣпости душевной, смѣлости, силы, и безъ того не существуетъ. Лихорадочные припадки гениа, просто низкая выдумка поэтовъ, лупатизмъ не восторгъ, и если недостатокъ гениальнаго сложенія мѣшаетъ духовному развитію, критика невиновата. Кромѣ того, повѣрьте, что самолюбіе чело-вѣческое неистощимо, и отраженіе силы въ гениа замѣляется у самаго пошлаго глупца самолюбіемъ, въ такой благотворительной мѣрѣ, что самая высшая бездарность, почти какъ гениа, дѣлается упрямъ и непобѣдима, не говоря уже объ известной аксіомѣ:

Un sot trouve toujours un plus sot, qui l'admire.

Но дарованія развиваются разновременно — говорятъ намъ — зачѣмъ же оскорблять ихъ осужденіемъ прежде времени? — Да, зачѣмъ же представлять всякаго критика постолнно какимъ-то *хулительмъ* всего? Съ другой стороны, зачѣмъ налагать на него тяжкую обязанность анатомировать, разлагать всякую дрянъ, чтобы узнать: пѣтъ ли въ ней $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$ доли примѣса гениа? — Люди, люди добрые, столь пѣжно и заботно пекущіеся о нѣжномъ дарованіи, убиваемомъ критикою! повѣрьте, что говоръ противъ критики всего чаще есть говоръ мѣлкой, оскорбленной бездарности; повѣрьте, что нѣтъ человека, котораго не разсердило бы самое малѣйшее замѣчаніе критическое, но разница въ томъ, что истинное дарованіе тотчасъ сознаетъ пользу критики, когда пройдетъ досада его. Байронъ жестоко разругалъ В. Скотта, Т. Мура, Джефферса, Кемпбеля, и проч., когда его плохіа стишѣнки, его *Notes of Idleness* были раскритикованы, но потомъ, онъ подавъ дружески руку однимъ и дорожилъ мнѣніемъ другихъ. Только одна посредственность и бездарность неумолимы и непримиримы, потому, что для нихъ критика — смерть! Позвольте прибавить еще одну замѣтку. Вы кричите о критикѣ, но не критика, а другое, совсѣмъ другое убиваетъ всего чаще. Вы не критикуете, но хладнокровно смотрите на художника,

умирающаго съ голоду; вы оставляете его терзаніямъ зависти, личнаго гоненія; вы бессмысленно повторяете пристрастное мнѣніе; вы не гоните злобнаго ругателя дарованій изъ среды своей, не клеймите его вашимъ презрѣніемъ. . . Впрочемъ, рѣчь шла у насъ о другомъ. Мы не станемъ вмѣшиваться посторонняго, но утверждаемъ только, что если «Исторіею литературы и художествъ», г-нъ К. покажетъ (въ чемъ никто и не споритъ) *разновременное развитіе талантовъ*, то никакою исторіею не докажетъ онъ *убіенія великихъ дарованій критикою*, когда мы представимъ сотни примѣровъ противнаго, и когда вслкій въ душѣ своей сознается, что критика (принимая даже ее равносильною *осужденію*) могла и можетъ быть полезна самымъ великимъ людямъ. — Впрочемъ, говоря, надобно доказывать слова свои, и г-нъ К. не отказывается отъ доказательствъ. Онъ продолжаетъ:

«Весьма *свѣжей примѣръ* подобнаго *перехода дарованія на постолнную дорогу* мы имѣемъ въ нашей литературѣ.»

Укажите намъ его, укажите скорѣе, ради Бога!

«И. А. Крыловъ *готовился быть лирическимъ поэтомъ*; вѣроятно, увлеченный знаменитыми современными образцами, слѣдуя путемъ подражанія, онъ бы не только не получилъ побѣднаго вѣнца отъ музы поэзій лирической, но даже могъ слиться съ толпою современныхъ посредственныхъ лириковъ, которыхъ самыя имена какъ-то выползли изъ литературы Русской.»

Нельзя было хуже выбрать примѣра для убѣжденія! Начнемъ съ того: гдѣ доказательства, что И. А. *готовился быть лирическимъ поэтомъ*? Почти до 40 лѣтъ, онъ вообще не думалъ даже быть исключительно литераторомъ, жилъ, служилъ, а если писалъ *между дѣлъ* и увлеченій жизни, то сатирической и смѣтливый умъ его всего болѣе проявлялся въ журнальныхъ статьяхъ *Поэты Духовъ*, *Зритель*, *Меркурій*, и въ комедіяхъ, въ которыхъ нельзя и теперь не признать неподдѣльнаго дарованія, колкаго остроумія, умной насмѣшливости. Если его могли увлекать современные лирики, то могли также увлекать и апологисты, которыхъ было у насъ встарину не менѣе лирическихъ писателей. Не говоря о Сумароковѣ, Хемницерѣ, кто не писалъ тогда басенъ? Аблесимовъ, Дмитріевъ, двое Майковыхъ, Леонтьевъ, Хвостовъ издавали ихъ цѣлыми десятками, книгами. — Одна-

коже, положимъ, что басня была окончательнымъ сознаніемъ истиннаго направленія у И. А., какое тутъ дѣло критикъ? Очень большое, по мнѣнію г-на К., и вотъ почему:

«Извѣстно, что И. И. Дмитриевъ *первымъ обратилъ вниманіе баснописца* на естественную сторону его таланта, и И. А. Крыловъ сталъ единственнымъ въ своемъ родѣ.»

Но, извѣстно ли г-ну К., что И. И. Дмитриевъ совѣтовалъ и В. А. Жуковскому писать басни? Что самъ онъ умеръ, не понимая значенія великихъ дарованій И. А. Крылова, такъ же какъ не понималъ и самаго значенія басни? Что И. А. только въ послѣдствіи, а не въ началѣ, развилъ свое высокое дарованіе *народнаго баснописца*, когда этого никто изъ современниковъ не понималъ и не подозрѣвалъ, и *формы* приписывали все что принадлежитъ *духу*? Далѣе, что въ томъ направленіи басни, какое давали баснѣ всѣ, *кроль Хелмшера*, И. А. Крыловъ бесспорно хуже Дмитриева, а именно въ семь-то ложномъ направленіи были писаны всѣ первые опыты Крылова, и Дмитриевъ очень хорошо могъ понимать это, а потому *могъ совѣтовать* И. А. Крылову писать басни? Извѣстно ли, повторяемъ, все это г-ну К., и согласенъ ли онъ въ томъ? Но оставимъ что принадлежитъ литературной Исторіи. — Какъ? Вы, вы сами поэтъ, любезный Н. В., вы понимаете душу поэта и величіе дарованія Крылова, и вы не видите глубокаго психологическаго факта въ переходѣ его дарованія? Не видите, что Крыловъ самъ постигъ, что его не достапетъ на комедію, и потому свое великое дарованіе, свой Руссизмъ, свой гуморъ обратилъ постепенно на легчайшую форму того, что видимъ мы, читая его сатиры и комедіи? — Какъ? Вы сами поэтъ, и думаете, что какому нибудь замѣчанію, совѣту Дмитриева одолжены мы Крыловымъ? Что не похвали Дмитриевъ первыхъ басенъ его, и мы не имѣли бы его безсмертныхъ произведеній? Если бы самъ И. А. Крыловъ сталъ спорить съ нами, мы убѣдились бы въ одномъ, что онъ самъ не понимаетъ психологической своей исторіи, а вы, любезный Н. В., пишете поскорѣе отказъ отъ вашего софизма и выбирайте потомъ примѣры лучше. За Крыловымъ слѣдуетъ еще примѣръ, *какъ доказательство* словъ г-на К., и не лучше выбранное:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ представленія Олега

Древлянскаго, если бы журнальная критика того времени была въ нынѣшнемъ ея состояніи, Русская литература никогда не имѣла бы ни Фингала, ни Эдипа.»

Но здѣсь именно находимъ мы доказательство противнаго. Послѣ вздорной трагедіи, хвалимый, превозносимый всѣми, что создалъ Озеровъ? *Фингала* и *Эдипа*, крайнее усиліе слабаго дарованія, которое писало гладкіе стихи, но не имѣло понятія о томъ, что такое Драма, дарованія эгегического, напитаннаго Французскою поэзіею своего времени, и выдававшего переводы за сочиненія, когда его *увѣрили*, что оно великое дарованіе драматическое. Напротивъ, когда именно терпы критики коснулись Озерова, онъ произвелъ, сравнительно, лучшую свою трагедію, *Поликсену*. Кричать и повторять, что онъ не перенесъ огорченій, да только *критика* ли огорчала его? И если бы даже критика, то Озеровъ есть именно доказательство безсилнаго дарованія съ маленькимъ проблескомъ.

«Когда нибудь (продолжаетъ г-нъ К.), мы подробно войдемъ въ разсмотрѣніе этого вопроса (о вредѣ критики) *столь печальнаго для наблюденій патриота*.»

Очень рады будемъ *подробному разсмотрѣнію*, по *последнихъ* словъ мы не желали бы слышать отъ г-на К., ибо они могутъ дать самое превратное попятіе о современной критикѣ Русской тому, кто не захочетъ разсмотрѣть дѣла вполнѣ и основательно. Намъ кажется, напротивъ, что *нынешняя*, болѣе прежней взыскательная Русская критика есть естественное слѣдствіе непрерывныхъ обмановъ прежняго, и уступокъ, какіе дѣлала ему критика, а съ тѣмъ вмѣстѣ повыхъ, болѣе обширныхъ идей нашихъ объ искусствѣ. Притомъ, гдѣ видитъ г-нъ К., на чемъ основавшись воображаетъ онъ, что теперь на Руси существуетъ у насъ какой-то заговоръ современной Русской критики противъ всякихъ дарованій? Съ чего мечтается ему критика *несулило преслѣдующая каждый успѣхъ, даже тѣхъ успѣха начинающихъ*? Наша критика, бесспорно, имѣетъ недостатки существенные, но въ ней именно образовалось теперь самое лучшее направленіе, говоря относительно. Это направленіе — *разнообразіе лирич. и рисич.* Критика нынѣ взыскательна, но развѣ менѣе были взыскательны въ старину: *Санктпетербургскій Вѣстникъ, Цѣльничекъ, Московскій Меркурій, Вѣстникъ Европы*, съ тою невыгодою, что те-

перь видите большее разнообразіе и на всякое дѣйствіе противодѣйствіе. *Библиотека для Читанія, Отечественный Записки, Московский Наблюдатель, Сынъ Отечества, Свѣриал Писла, Галатей*, всѣ совершенно различныя, независимыя одинъ отъ другаго представатели критики современной. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ? Судите и рѣшайте, по согласіи, что именно такое только разнообразіе можетъ образовать общій вкусъ писателей и производителей и учредить въ нихъ высшую школу критицизма. Мы увѣрены, что начнись теперь *Художественный Журналъ*, съ мнѣніемъ противоположнымъ мнѣніямъ *Художественной Газеты* г-на К. и мнѣніямъ *Отечеств. Записокъ* о художествахъ, онъ принесетъ бы много, весьма много пользы. Мы сказали, что въ современной Русской критикѣ есть недостатки существенныя, но только они совсѣмъ не тѣ, какіе преслѣдуетъ г-нъ К., и объ нихъ мы упомянемъ далѣе.

«Теперь мы стали говорить объ этомъ предметѣ (заговоръ Русской критики противъ талантовъ) единственно потому, что *не проходитъ недѣли*, чтобы мы *не слышали* о *появленіи* поэтическаго, художественнаго или музыкальнаго дарованія. Изъ далекихъ концовъ Россіи къ намъ прилетаютъ отголоски *свѣжихъ пьесъ*, согрѣтыхъ *истинными жаромъ природнаго, неподдѣльнаго дарованія*. Сколько *печальныхъ опасеній!*» надеждъ, но вмѣстѣ, сколько *печальныхъ опасеній!*»

Воля ваша, а вы, милый Н. В., создаете сами себѣ печали и радости, по волѣ вашего поэтическаго воображенія! Прекрасно для стиховъ, а не для прозы, гдѣ беретесь вы разсуждать положительно, и притомъ возлагаете на другихъ тяжкое обвиненіе, когда на него нѣтъ у васъ ни причинъ, ни доказательствъ. Изъ всего говореннаго нами выше о критикѣ вообще и пынѣшей критикѣ Русской, кажется, можно рѣшительно утвердить, что *надежды* и *опасенія* нашего поэта левѣры. Напротивъ, мы примѣрами готовы доказать, что какъ ни различны теперь мнѣнія Русскихъ критиковъ, но примѣры убѣдятъ насъ, что въ последнее время *каждое*, чуть *подававшее* какую либо *надежду* дароваціе было тотчасъ оцѣняемо и льгемо читателями и критикою. Подолжискій, Вельманъ, Вроценко, Графъ Р—на, Бенедиктовъ, Якубовичъ, Дермантовъ, Ершовъ, Даль, Панаевъ (И. И.), Соколовскій, Гурберъ, Князь Одоевскій, Шевыревъ, Бороздина, Маркевичъ

Ободовскій, Баронъ Розень, Каменскій, Владиславлевъ, Лажечниковъ, Теплова, вы сами, любезный Н. В., даже *просоль* Кольцовъ—всѣ вы, принадлежащіе къ эпохѣ послѣ-Пушкинской, всѣ, болѣе или менѣе, но отличенныя дарованіемъ безспорнымъ, не были ли вы всѣ отличены критикою пынѣшею? Не заслужили ли себѣ большей или меньшей почетности и известности? Что же намъ еще прикажете дѣлать? Хвалить сряду всѣхъ поэтовъ: г-дѣ Теплякова, Оедосѣева, Менцова, Лаголова, Чистякова, Тимоеева, Бернета, Мызнкова, Рудыковского, Чицова, Бахтурина, Лукашевича, и проч. и проч., чьи имена мелькаютъ въ журналахъ? Всѣ они, можетъ быть, умные, ученые, добрые, любезные люди, но — поэты плохіе! Довольно, что ихъ *печатаютъ*, а притомъ и *похваляютъ*, да не уже ли и васъ всѣхъ, выше упомянутыхъ, пожаловать прямо въ гени? А совѣсть гдѣ? А гдѣ ваше оправданіе трудами? — И васъ, которыхъ мы отличаемъ отъ другихъ, не уже ли хвалить *безусловно*? Никогда! Если *Подолжискій* не оправдать мыслью своихъ прелестныхъ звуковъ, если *Каменскому* совѣтують думать объ языкѣ при мысли, если *Князю Одоевскому* говорить, что Бальзаковская, практическая повесть не его родъ, если *Губеру* указываютъ на невѣрность его «Фауста,» если *Лажечникову* совѣтують не вводить реформы въ языкъ безъ достаточныхъ причинъ, если *Соколовскому* говорить, что его духовная поэзія, просто, ошибка, если *Далю* сказываютъ, что онъ слишкомъ хитритъ въ своемъ Руссизмѣ, если *Бенедиктова* умоляютъ пощадить свой звучный стихъ отъ изысканности — развѣ все это нападки, заговоръ противъ талантовъ? И тутъ при разнообразіи пынѣшей критики, вслѣдствіи найдеть себѣ утѣшеніе, не тамъ, такъ здѣсь, не здѣсь, такъ тамъ — что одинъ хвалитъ, то другой осуждаетъ: выбирай самъ поэтъ и рѣшай публика. А что теперь труднѣе стало покупать славу, труднѣе, нежели во времена В. Л. Пушкина, Озерова, Милонова, Неелдинскаго, Хераскова и проч., видите вѣкъ и время, которые, при всѣхъ недостаткахъ, ушли впередъ неоспоримо. Теперь и въ другихъ земляхъ, Лафары, Шолье, Лонжельеры, Клейсты, Поне, Томсоны, Делли, Глеймы не уплелись бы далеко. И дарованіе Ламартиновъ, Раупаховъ, В. Гюго, Сенъ - Бёвовъ, Гальмовъ, Манзони, Диккенсовъ должно теперь ocuparъ себя по суду. Кажется, что мы говоримъ правду, и безпристрастно,

а скажите - ка намъ, любезнѣйшій Н. В., гдѣ ваши доказательства на *проблески дарованій, отголоски свѣжихъ писемъ, жаръ вдохновеній?* Гдѣ вы, счастливецъ изъ счастливецевъ, каждую недѣлю слышите и видите дарованія, которыхъ мы не видимъ и не слышимъ, хоть чуть что нибудь замѣчательное ярко освѣчивается для насъ на бесплодной почвѣ литературной современности, хотя мы ищемъ и не находимъ ничего, безпрестанно разочаровывался даже и въ томъ, что иногда слышимъ похвалить, хотимъ поддержать, и хотя именно не *излишнее осужденіе*, по *черезурная похвала* составляетъ, по мнѣнію нашему, слабость и недостатокъ пышнѣйшей критики Русской. Мы вовсе не ишимъ. У насъ мало судятъ и слишкомъ много хвалятъ. Правда, что иное получаютъ теперь у насъ единогласное, общее осужденіе критиковъ всѣхъ сторонъ, осужденіе безпардонное, громовое, по посмотрите однакожь, что такое это *иное*, и притомъ вы не отвергнете, къ чести всѣхъ нашихъ критиковъ, что такому осужденію никогда не подвергались ни Бенедиктовъ, ни Вельтманъ, ни вы, ни двадцать человекъ, выше нами численныхъ, и показавшихъ, что въ душахъ ихъ горятъ искры Божія дара, развитіе, котораго требуетъ труда, мысли, думы, безпристрастія къ самому себѣ, о чемъ обо всемъ и напоминаетъ и чего ждетъ и не дождется критика отъ васъ, гдѣ поэты и творцы — извините за правду! — Но г-нъ К. обращается самъ невольню къ нашей мысли —

«Невольню заботишься: сохранить ли молодое дарованіе *литературную независимость*, необходимую для свѣжести и чистоты поэтическихъ созданий; не соблазнишься ли *корыстной похвалой*; не уязвишь ли его на смерть оскорбленная присутствіемъ таланта посредственности; не смахнишь ли его подъ хоругвь котораго нибудь *полиція литераторы-самозванцы*, дѣйствующіе союзно и не бездѣйствительно противъ всего, что выше или достойнѣе горизонта ихъ понятій.»

Вотъ здѣсь въ первый разъ соглашаемся мы съ г-мъ К., по однакожь не во все. Да, точно такъ, если надобно указать на существенный порокъ нашей Словесности, то онъ именно состоитъ въ «потерѣ литературной независимости, необходимой для свѣжести и чистоты поэтическихъ созданий, соблазнѣ корыстной похвалою, переманкѣ подъ хоругвь котораго нибудь «пол-

«лица литераторовъ,» даже и *не самозванцовъ*, по приверженцовъ какого нибудь *своего прихода* (по выраженію И. А. Крылова). Никогда, иль, никогда не уязвить на смерть истиннаго дарованія оскорбленная посредственностью! Никогда не погубить «поллицу литераторовъ-самозванцовъ» того, что «выше горизонта ихъ понятій!» Пусть бросаютъ грязью въ лебедя литературныя гагары — онъ окунется въ воды Цермесса и грязь исчезла! Но сто лѣтъ существуя подъ вліяніемъ другихъ литературъ, только лишь пачиная сознавать свою національную самобытность, наше литературное образованіе успѣло перенять и многія недостатки чужеземныхъ. Въ числѣ главныхъ изъ нихъ надобно поставить — *подражаніе и партизанство*: и то и другое убиваетъ на смерть! Приобрѣтя посредствомъ перваго какую нибудь чужую мысль, при ловкой литературной тактикѣ, посредственности и бездарности черезъ второе пробиваются у насъ въ извѣстность, получаютъ литературное имл. Но тутъ бы еще бѣда не велика — и муравью на Парнассѣ мѣсто сыщется, а главное въ томъ, что изъ такихъ-то людей составляются муравейники партій, и потомъ, не только часто гибнетъ отъ нихъ юное дарованіе, но отъ чада куреній кружатся головы дарованій даже самыхъ высокихъ, и здѣсь зло — зло явное! Не взыскательной критики, по того, чтобы не *захвалили на смерть* члены той или другой партіи, вотъ чего должно бояться за юное дарованіе, говоря съ поэтомъ:

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упительныхъ похвалъ!

Не будемъ приводить примѣровъ, боясь оскорбить чью либо личность, и всего лучше ссылаемся на самихъ васъ, любезный Н. В., да, на самихъ васъ: скажите, принесли ль вамъ какую нибудь пользу всѣ хваленія, на которыя вы такъ счастливы были до сихъ поръ въ Русскихъ журналахъ? Хорошо, что ваша стойкость не увлеклась ими, что вы не ослабѣли, не пали, когда одинъ изъ журналистовъ, послѣ вашего Торквато Тасса, *становился передъ вами на колѣни* (буквально) и восклицалъ: «*Великій Кукольникъ!*» Хорошо, что послѣ *Торквато Тасса* написали вы *Джулио Мисти*, и послѣ *Доллишкина* хотите подарить насъ вашимъ *Равіо* (простите за нескромность, но мы еще

такъ живо помнимъ наслажденіе, какое чувствовали, слыша чтеніе вашей новой рукописи, что не считаемъ нашей нескромности грѣхомъ). Будьте искренны: сознайтесь, чью руку пожмете вы теперь охотнѣе, того ли критика, который за первый опытъ вашъ возвелъ васъ въ великіе *Куколышки*, или того, кто тогда написалъ подробный разборъ вашего Тасса, и судилъ его искренно, но строго и неумолимо? Скажите: то или другое принесло вамъ болѣе пользы—повторяемъ? Если правда, что человекъ самолюбивъ вообще, то согласитесь еще, что начинающій писать юноша рѣдкій не считаетъ себя отломкомъ Байрона, либо Шиллера. И здѣсь, пусть лучше страдаетъ отъ критики его гордая самоувѣренность, нежели допустить юному дарованію заснуть на пустощахъ его первыхъ опытовъ, и гуляфуную воду пріятельской похвалы почитать небесною рососою дани великому дарованію. Однакожь, все рѣчь въ обходъ — доказательствъ, доказательствъ на *проблески дарованій, отголоски священныхъ пѣсней, жаръ вдохновеній, любезный Н. В. Мы безъ нихъ отъ васъ не отстанемъ* — давайте намъ ваши *сжеснедальныя* находки, *прилетающія къ вамъ изъ далекихъ концовъ Россіи*.

И вотъ нашъ поэтъ приступаетъ къ доказательствамъ слѣдующими словами:

«Радуюсь каждому успѣху Русской литературы, желая, сколько способности и силы позволяютъ, участвовать и содѣйствовать дѣлу общаго образованія, мы не забудемъ священной обязанности сообщать нашимъ читателямъ извѣстія о появленіи новыхъ дарованій —

И мы первые просимъ о томъ любезнаго Н. В., умоляемъ его и усердно будемъ его благодарить!

«Удаляясь отъ всякой критики, или совѣта.

Съ этимъ мы несогласны. Но, пусть такъ — дайте —

«Направленіе дарованія тогда только можетъ требовать помощи критики, и то *истинной* (но кто же и говорить объ *лбедь*, когда утверждаетъ *необходимость законовъ?*), когда достаточно окрѣпнетъ и обнаружить нѣкоторую самостоятельность (но какимъ образомъ узнавать такое наступленіе времени критической жатвы?), а до тѣхъ поръ оно нуждается

только въ снисходительной внимательности (собственно, истинное дарованіе ни въ чемъ не пуждается. Богъ знаетъ, что зараждаетъ его и какія обстоятельства доводятъ его до зрѣлости. Самые счастливыя степенія обстоятельствъ такъ часто убивали дарованія, похвалы столько душили ихъ, и такъ явно, что иногда подумае: не страданіе ли, не неприязнь ли счастья именно есть истинная школа дарованія великаго?). Вотъ долетѣла къ намъ съ Кавказа одна изъ весьма многихъ Русскихъ пѣсней молодого поэта Дмитревскаго. Безъ всякихъ предупрежденій, помѣщаемъ ее:

Про тебя ль это, красна дѣвица,
Про тебя ль, душа раскрасавица,
Вездѣ рѣчь ведутъ люди добрые,
Что ты краше всѣхъ, всѣхъ дорогнѣе;
Что твой коса ниже поляса;
Брови въ поль-кольца; какъ алмазъ глаза;
Что ты, дѣвушка, какъ тростникъ стройна,
Какъ ковыль гибка, какъ старикъ умна.
Не стать молодцу выхвалять тебя,
А мірекая рѣчь веселить меня.

Такъ эта-то пѣсенка была поводомъ грозной выходки нашего поэта противъ современной Русской критики? Это одно изъ доказательствъ *проблесковъ дарованій*, о которыхъ слышнѣе нашъ поэтъ *каждую недѣлю*? Это отголоски *священныхъ пѣсней, жара не поддающаго вдохновенія*, причина *надежды, опасеній, печальныхъ наблюдений для патріота, священной обязанности извѣщать*, удаляясь отъ критики и совѣта? — Хорошо. Любезный поэтъ исполнилъ свое дѣло, а мы исполнимъ свое: принимаемъ обязанность критика самаго строгаго, ибо наша критика не можетъ уже теперь сдѣлать вреда г-ну Дмитревскому: Н. В. расхвалилъ его пѣсно, и наше сужденіе г-нъ Дмитревскій можетъ почесть ошибочнымъ, по крайней мѣрѣ, не почесть общимъ голосомъ объ его дарованіи, которое, впрочемъ, судимъ мы по *одной* пѣснѣ.

Если бы спросили объ ней нашего мнѣнія, мы сказали бы, что пѣсня г-на Д. еще ничего не доказываетъ. Въ ней нѣтъ, какъ у Кольцова, ни одного могучаго, задушевнаго слова; нѣтъ, какъ у покойнаго Цыганова, Русской сердечности. А между тѣмъ, мы съ боязнью замѣчаемъ въ ней: не съ чужа-

го ли голоса она спята? Точно ли внутреннимъ сознаниемъ Русской души создана она, и не болѣе ли въ ней играло желаніе писать, нежели невозможность не пропѣть ея? — Если бы поэтъ принесъ ее къ намъ, мы замѣтили бы ему, что въ ней многое надобно исправить; что мысль его прекрасна и въ изложеніи есть выраженія удачныя; что слова: «Рѣчь ведутъ люди добрые; ты краше всѣхъ, всѣхъ дороднѣе; коса твоя ниже пояса,» и заключеніе:

Не стать молодцу выхвалять тебя,
А мірская рѣчь веселитъ меня —

все поддѣлано, можетъ быть, и *похуствовано* хорошо по Русски. Но другія мѣста требуютъ рѣшительной передѣлки. Начнемъ съ перваго стиха:

Про тебя ль это, красна дѣвица —

Э то, это чадо новѣйшаго, пельпаго гоненія на *сис*, э то, которымъ портятъ теперь у насъ и прозу и стихи, здѣсь рѣшительно не на мѣстѣ, и въ Русской пѣснѣ оно никуда не годится. Скажите просто:

Про тебя ли, красна дѣвица —

Прибавьте: *моя*, поставьте: *душа*, все будетъ приличнѣе, будетъ естественнѣе. — Въ 3-мъ стихѣ, слово: *вездѣ*, вставлено для мѣры, и его лучше замѣнить простонароднымъ, чистымъ выраженіемъ пѣсепника Русскаго:

Таку рѣчь ведутъ люди добрые,
Добру рѣчь ведутъ люди добрые.

Шестой стихъ весь не годится. Первая половина его не имѣетъ смысла; что значить: *брови въ полъ-кольца*? Вѣроятно, поэтъ хотѣлъ сказать, что брови его красавицы представляютъ полукругъ, правильный, какъ половина кольца. Но на то есть прекрасное Русское выраженіе: *брови дугой*, когда въ *полъ-кольца* представляетъ забавное изображеніе маленькихъ полукруглыхъ бровей, потому, что мѣра кольца, какъ бы оно велико ни было, не соразмѣрна ни съ какими глазами. *Какъ алмазъ глаза* — вовсе не годится для Русской пѣснѣ — алмазовъ она не знаетъ, и кромѣ того, можно ли сравнивать

глаза съ алмазомъ, камнемъ, хотя и блестящимъ, но бѣлаго цвѣта? Кто запретитъ послѣ сего сравнивать ихъ съ изумрудомъ и рубиномъ? — Не менѣе странно сравненіе стройности дѣвушки съ *тростинкою*, былинкою, палочкою, которая притомъ почти всегда бываетъ кривая. Еще хуже сравненіе гибкости съ *ковылемъ*, травкой низенькою, которая покрываетъ степи, и волнуется на нихъ, какъ море бѣлыми своими верхушками. Можно сравнить съ *ковылемъ* думу молодецкую, разгулье молодости, раздольное, какъ вътеръ по степному *ковылю*, но совсѣмъ не гибкость дѣвичьего стана. Не станемъ спорить о словахъ: *какъ старикъ ушма*, хоть напомнимъ ихъ слишкомъ мудреными для любовника: какой любовникъ станетъ хвалить умъ своей красавицы? Какая красавица не разсердится за уподобленіе ея старику? Но — тутъ мы не споримъ, и только спросимъ въ заключеніе: не справедливы ли замѣчанія наши? Не подозрителенъ ли *Русскимъ* пѣсни г-на Дмитревскаго, а главное: неужели такая пѣсенка оправдываетъ все, что наговорилъ предварительно нашъ любезный поэтъ?

Кончимъ, излагая кратко все изложенныя нами мысли въ заключеніе: Н. В. Кукольникъ не убѣдилъ насъ въ плодородіи нашей современной Русской Словесности. Можемъ доказать ему противное фактами, и, если угодно, указать, даже и на причины безплодія современной Словесности Русской. Дальше: онъ ни сколько не доказалъ, что критика вредитъ всего болѣе творчеству и развитію дарованій, и мы остаемся убѣжденными, что критика необходима, благотворна, и что гораздо вреднѣе ея дарованіямъ хваленіе и излишняя снисходительность. Наконецъ мы смѣло говоримъ, что состояніе нынѣшней критики Русской не представляетъ *никого пегала*, напротивъ, показывая шагъ впередъ; что при разнообразіи мнѣній Русской журналистики, мы не видимъ въ ней никакого возстанія, никакого общаго заговора критиковъ, «неусыпно преслѣдующихъ каждый успѣхъ, даже тѣнь успѣха начинающихъ.» и что если есть въ современной Русской критикѣ недостатки, то они совсѣмъ не тѣ, на какія указываетъ нашъ любезный поэтъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе мнѣній нашихъ о Русской Литтературѣ и Русской Критикѣ, но мы готовы изложить ихъ, когда угодно Н. В., съ тою же откровенностью, съ тѣмъ же усердіемъ къ общему добру, съ какимъ противорѣчимъ его мнѣніямъ, со-

храняя притомъ полное уваженіе къ его дарованію, и любя его, не смотря на его софизмы и парадоксы, остроумные, но — невѣрные...

Вотъ, любезный Н. В., статья, написанная въ слѣдствіе нашего разговора. Вы хотѣли, чтобы я печатно изложилъ вамъ мои противорѣчія; вы говорили, что подобная полемика, при взаимномъ уваженіи съ обѣихъ сторонъ, при удаленіи всякихъ личностей, при желаніи добра спорному предмету, есть истинное назначеніе журналовъ и принесетъ пользу неоспоримую. Я исполнилъ ваше желаніе. Жду вашего отвѣта.

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

Л Ъ Т О П И С Ъ

Русскихъ Журналовъ за 1839 годъ.

Первая книжка Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія начинается на сей годъ чрезвычайно любопытною статью: *Обозрѣніе истекшаго пятилѣтія*. Радостное чувство исполняетъ сердце при чтеніи сего краткаго отчета о дѣйствіяхъ Правительства по Министерству Народнаго Просвѣщенія, со времени вступленія въ Министерство С. С. Уварова, попечительность котораго показала уже столь многое въ слѣдствіяхъ его неусыпной заботы о вѣрнопой ему Монарху важной части государственнаго управленія. — Съ удовольствіемъ прочли мы далѣе отрывокъ изъ сочиняемой А. Н. Муравьевымъ *Исторіи Новозавѣтной Церкви*. — Г-нъ Дерпскій профессоръ Крузе продолжаетъ свои любопытныя изслѣдованія, касательно древней Русской Исторіи въ статьѣ о *Нордманнахъ* и *Руссахъ*. Гипотезы его смѣлы, но если почтеть ихъ даже просто матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, онѣ имѣютъ большую цѣну. — Не менѣе любопытны: извѣстія С. М. Строева о знаменитомъ *Реймскомъ Евангеліи* (приложенъ и снимокъ одной страницы его), а также статья о *Консезерскихъ марціальныхъ водахъ* (съ картиною и планомъ церкви, построенной при Петрѣ Великомъ). — Далѣе помѣщены отчеты: о трудахъ, какими занимались въ 1838 году учащіе въ университетахъ, гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ исправленія своихъ обязанностей; о занятіяхъ Парижской Академіи надписей въ 1837 и 1838 годахъ и жизнеописаніе славнаго ориенталиста С. Дессаи. — Библиографическія замѣтки и выписки составляютъ особый отдѣлъ *критики*, и книжка заключается отдѣленіемъ

извѣстій и смлси, гдѣ замѣчательны статьи: объ изслѣдованіи Монгольскаго идола въ Сибири по указу Петра Великаго; о *Варашевѣ камлѣ*, который некогда служилъ межевымъ знакомъ между владѣніями Швеціи и Россіи; о *Кривингахъ*, Финскомъ заселеніи въ Курляндіи; о произношеніи Китайскомъ (О. Иакшоа); о Парижскомъ Jardin des Plantes и Лондонскихъ ученыхъ обществахъ. — Редакція Ж. М. Н. П. извѣщаетъ, что въ нынѣшнемъ году будутъ ею издаваемы особыя *прибавленія*, и между прочимъ въ одномъ помѣщаются будутъ труды воспитанниковъ учебныхъ заведеній, въ другія статьи литературныя, въ третью библиографія Русская. — Наружный видъ Журнала М. Н. П. получилъ въ нынѣшнемъ году болѣе прежняго изящества; онъ печатается на лучшей бумагѣ, въ болѣе прежняго красивомъ форматѣ.

Главную статью въ 1-й книжкѣ Земледѣльческаго Журнала, на сей годъ, издаваемаго Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, составляетъ отчетъ Общества за 1858 годъ. *Восмнадцать лѣтъ* постоянного стремленія къ цѣли, единодушнаго усердія, безкорыстной дѣятельности и щедрыхъ пособій Правительства, при покровительствѣ знаменитаго градоправителя древней Московской столицы, дали средства Обществу совершить много добраго, много тако-го, что приносятъ уже вождельные плоды. Кромѣ *Опытнаго Хутораи Земледѣльческой Школы*, заведенія выдѣлки земледѣльческихъ машинъ и орудій, депо хозяйственныхъ сѣмянъ, Общество испытываетъ шелководство въ Москвѣ, поддерживаетъ Школу Пчеловодства, основанную въ Малороссіи, заботится о распространеніи въ Россіи свекловично-сахарной промышленности, обработки льна и тканей изъ него по Фламандскому способу, и обо всѣхъ полезныхъ нововведеніяхъ, какъ-то: выдѣлкѣ кости, постройкѣ тонко-стѣнныхъ кирпичныхъ домовъ, по образцу Герарда, дублинѣи овчинъ, плетеніи лаптей изъ соломы, разведеніи въ Россіи Американскаго табаку, и проч. и проч. — За любопытнымъ отчетомъ о дѣйствіяхъ Общества, мы прочли прекрасныя статьи: взглядъ на заграничныя агропомещскія и хозяйственныя заведенія въ Меглинѣ, Гофвилѣ, Гринвилѣ (г-на Павлова, лично обозрѣвавшаго ихъ); хозяйственныя записки помѣщика Костром-

ской губерніи (г-на Захарова), замѣчательныя подробностями; о производствѣ стеариновыхъ свѣчъ и очищеніи жира и масла, обращающихъ нынѣ общее вниманіе; о веревчатыхъ приводахъ (г-на Днго). — Библиографіи Земледѣльческаго Журнала мы желали бы поболѣе объема и болѣе *положительности* въ мнѣніяхъ. Въ отдѣленіи *Смлси*, пашли мы любопытныя свѣдѣнія объ усовершенствованіи молотилки для пшеницы арнаутки, о Земледѣльческой Школѣ Московской, о вновь учрежденномъ въ Москвѣ Земледѣльческомъ Училищѣ, г-на профессора Павлова, и проч.

Живописное Обзореніе начато въ Москвѣ г-мъ Семеновъ въ добрый часъ. Извѣстно, что оно выходитъ листами, черезъ двѣ недѣли, съ полнотажами, вставляемыми въ самый текстъ. Въ Іюль нынѣшняго года оно копнитъ свой *четвертый годъ*, и составитъ 200 листовъ текста, на которыхъ помѣстится всего до *восьми сотъ* картинокъ. Статьи представляютъ разнообразный, богатый запасъ свѣдѣній всякаго рода, изложенныхъ легко, занимательно, и приводимыхъ, при всемъ разнообразіи ихъ, въ систему общими ежегодными *указателями*. Мы просили бы редакторовъ приложить къ 4-му тому общій реестръ за всѣ годы, и такой реестръ, съ одной стороны послужилъ бы общему аналитическою таблицей для читателей, а съ другой показалъ все богатство содержанія листовъ Жив. Обзоренія. Предпріятіе г-на Семена начато было по образцу иностранныхъ изданій съ полнотажными рисунками, каковы: Penny Magazine, Saturday Magazine, Magasin Pittoresque, и проч., но онъ умѣлъ съ самаго начала избѣгать пустоты упомянутыхъ нами иностранныхъ листковъ. Рисунки его были *выборомъ* лучшаго изъ многихъ, а статьи всѣ рѣшительно *согмляются* въ Россіи и для Рускихъ. За границей онѣ составляютъ роскошь чтенія; у насъ средство къ увлекательному распространенію въ народъ полезнаго. Русскій человекъ пугается, когда умъ заходитъ за разумъ, но онъ и не любитъ мутить умомъ. Ему давай и шутку съ разумомъ, да чтобы и ясно притомъ было. Тогда онъ радъ слушать. *Полезное упрощеніе* пока девизъ нашъ, и Редакція Ж. О. превосходно поняла сей девизъ въ выборѣ предметомъ и самымъ изложеніемъ ихъ. Она поняла притомъ, что одно чуже-

земное для насъ уже недостаточно, что настало время говорить Рускимъ объ Рускомъ, и потому издатель Ж. О. не щадя и не щадить трудовъ и издержекъ на собраніе оригинальныхъ рисунковъ и отработку по нимъ полиптижажей, представляющихъ замѣчательные отечественные предметы. Въ строки наши вставляемъ мы прекрасный полиптижажъ, замѣствованный нами изъ Ж. О., портретъ славнаго баснописца нашего И. А. Крылова, и съ удовольствіемъ упомянемъ о

другихъ, столь же превосходныхъ Русскихъ полиптижажахъ Ж. О., которыя украсили собою листки 4-го года сего превосходнаго изданія. Они изображаютъ: *церковь въ селѣ Измайловѣ* (съ картины г-на Рабуса), *Ивана Великаго и Царь колоколь*, *церковь Ризъ положенія въ Кремль Московскомъ и Спасъ за Золотою рѣшеткою*. Намъ драгоценнѣе показался особенно рисунокъ *Храма Спасителя*, воздвигаемаго нынѣ въ Москвѣ г-мъ Тономъ. Рядомъ съ нимъ Ж. О. представляетъ рисунокъ *Храма, который предполагали воздвигнуть на Воробьевыхъ горахъ*. Кроме того вы найдете въ Ж. О. *Угличскій Дворецъ Царевича Дмитрія*, *Казанскую башню Сумбеки*, *развалины Симферопольскія*, *Оеодосійскіе* и другіе памятники Крыма, *могилу поэта Канниста*, *монастырь Алексѣевскій*, бывший на нынѣшнемъ мѣ-

стѣ Храма Спасителя, *Ледяной дворецъ Императрицы Анны*, а вотъ и красавицы наши — *кухонцы*, въ оригинальномъ, мастерскомъ рисункѣ г-на Рабуса! Рѣшительно можно сказать, что Ж. О. совершенствуется съ каждымъ годомъ, и мы не удивляемся, что его ежегодно расходуется болѣе 5000 экземпляровъ, при изумительной дешевизнѣ изданія: годовая подписка на Ж. О. стоитъ 20 рублей, когда дрянные какіе-нибудь романы, въ четырехъ крошечныхъ томкахъ, стоятъ не дешевле, и нѣтъ альманаха менѣе 10 рублей! Не споримъ о вкусахъ: почему не заплатить за фунтъ конфетовъ, или бутылку вина десяти рублей, но не можемъ не отдать преимуществу тому, въ чемъ соединена польза съ удовольствіемъ, а Ж. О. причисляемъ мы къ самымъ полезнымъ литературнымъ и художественнымъ явленіямъ нашего времени. Мы говоримъ: *художественнымъ*, и не безъ причины. Представляя намъ галерею предметовъ изъ Географіи, Естествознанія, Исторіи, путешествій, Ж. О. содѣйствуетъ образованію вкуса изящными рисунками и удѣляетъ листы свои и для Художества. Вотъ предметы по сему отношенію въ четвертомъ годѣ: *памятникъ Принцессы Шарлотты*, *Лондонскій Памятникъ* (The monument), *Римскій фонтанъ Павла V-го*, *Храмъ Минервы въ Римѣ*, *карикатура Гогарта*, *Ворстерскій*, *Батскій и Илійскій соборы*, *Монте-Кавалло въ Римѣ*, *монастырь Батамъ въ Португаліи*, *Гласговская биржа*, *памятники Генделю*, *Гуттенбергу*. *Ландшафтами* можно назвать многіе мастерскіе полиптижажи, изображающіе: *Нефшатель*, *Кенильвортъ*, *виды Лондонскихъ зданій*, *Копенгагенъ*, *Мысль Доброй Надежды*, *Ланкастеръ*, *Виргинское кладбище*, *Сидней въ Австраліи*, *Кембриджскую часовню*, *Кантопъ*, *замокъ Донробинъ*, *Александретту*, *развалины Карвагена*, *Сетубаль*, *Мальту*, и проч. Одно несчисленіе сихъ превосходныхъ полиптижажей показываетъ уже интересъ ихъ мастерскаго выбора, которому вполне соответствуютъ занимательность и мастерство описаній, писанныхъ Редакторомъ опытнымъ, мыслящимъ, знающимъ языкъ свой и потребности своихъ читателей.

Мы получили изъ Москвы уже *одиннадцать* книжекъ *Глалаговъ*, и съ удовольствіемъ видимъ въ ней ожившую снова

литературную дѣятельность одного изъ почтенныхъ нашихъ литераторовъ, С. Е. Рапча-Амфитеатрова. Всякое литературное движеніе хорошо, потому и Пингалионъ-издатель Галатеи заслуживаетъ благодарность. Галатея очень хорошо дѣлаетъ, что ограничиваетъ себя небольшими книжечками, гдѣ читатели находятъ мѣлкіе стишки, маленькіе анекдоты, мимолетныя извѣстїицы, замѣчанїицы, разсужденїицы объ излицномъ, повѣстїицы, критички, и прочее, что подходитъ къ мишюрному формату книжечекъ. Мы желали бы немножко побольше излицности наружной въ Галатее: бумажка въ ней сѣренька, литтерки не четки, а особливо въ стишкахъ плохоньки. Картиночки модъ немножко сбиваются на лубочныя изображенїицы. Но каждый дѣлаетъ по силамъ, и всегда надобно оцѣнять подвигъ по средствамъ. — Намъ кажется, не надобно бы допускать въ Галатею такихъ тяжелыхъ статей, какъ статья г-на Морозкина о Руссахъ. Печатать подобную статью въ Галатее, все равно, что великану вздѣть верхомя на бабочкѣ. Нельзя ли также Издателю потщательнѣе выбирать повѣсти? Предполагая Галатею чтенїемъ преимущественно мѣлыхъ нашихъ соотечественницъ, скажите: не совѣстно ли предстать предъ взоры ихъ съ *Паскалемъ-Бруно*, съ *Неизблжностью*, съ *Беатрисою*? Чего добраго: онѣ испугаются и не станутъ читать Галатеи! Но самое нехорошее въ Галатее ея критика. Ужъ если бы и допустить критику, такъ самую розовую. А то, посудите: прилично ли милой бабочкѣ кусаться? прилично ли Пенкевъ браниться? прилично ли Граціи вмѣшиваться въ полемику и милыми ручками давать другимъ щелчки или тычки? *Fi! comme c'est mauvais genre!* — Разумѣется: кто станетъ сердиться на милое, прелестное созданїе, если она употребляетъ свои пухленькія, миленькія ручки и не на одно плетенъе въночковъ... Но все таки не хорошо — осудить добрые люди!...

=

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ ЗА 1838 И 1839-Й ГОДЫ.

48. Новогодникъ. *Собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ, современныхъ Русскихъ Писателей.* Издаиный Н. Кукольникомъ. Спб., въ тип. А. Плюшара, 1839 г. въ 8, 421 и II стр.

Послѣ красиваго, летучаго альманаха г-на Владиславева, степенною книгою *in octavo*, безъ картинокъ, выступаетъ альманахъ г-на Кукольника. Хотя на заглавномъ листѣ онъ отрекается отъ названїа *альманаха*, и называетъ себя *собранїемъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ*, по все измѣнеть въ немъ родовыя привычки: онъ *отрывистъ*, любитъ сказку, повѣсть и стихи, не выказывая претензїи на систему и книгу. Намъ показалось, будто мы вошли въ комнату, гдѣ собралось нѣсколько литераторовъ, и каждый прочиталъ что нибудь безъ всякихъ дальнѣйшихъ претензїи. Исчисляемъ кто что читалъ. Какъ прозаики, начнемъ съ прозы, а въ прозѣ съ статьи Н. И. Греча: *Воспоминанїя тоности*. Судя по нѣсколькимъ отрывкамъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, мы думаемъ, что почтенный авторъ не задумалъ ли благаго дѣла: писать свои записки? Вотъ книга, за которую, выйди она, мы возьмемся охотнѣе, нежели за всякій романъ. Признаемся, чтенїе *Записокъ* вообще одно изъ любимыхъ нашихъ чтенїи, а *записки Н. П. Греча* могутъ быть тѣмъ интереснѣе для насъ, что будутъ первымъ опытомъ *литературныхъ записокъ* въ нашей литературѣ, и представлять намъ родное и знакомое. Но слово о томъ, сколь многое посяплетъ, или, по крайней мѣрѣ, намѣкнутъ онъ намъ. Н. И. Гречъ, испытаиый столь многое въ жизни своей, видѣиый

и слышавшій еще болѣе, жившій въ самую любопытную эпоху XIX вѣка и Русской литературы, смѣло можетъ выйти съ своими записками передъ публику, какъ *литтераторъ* и какъ *человѣкъ*. Съ истиннымъ удовольствіемъ прослушали мы на сей разъ его рассказы объ Юнкерской Школѣ, о Цвѣтковѣ, объ Аристовѣ, о Левандѣ, переводникъ Антенорова путешествія, объ его собственныхъ, первоначальныхъ занятіяхъ литературою. Все рассказано такъ просто, такъ умно, что мы пожалѣли: зачѣмъ такъ мало онъ рассказывалъ! Мы вспомнили прежніе рассказы Н. И. Греча о началѣ Сына Отечества, о поэтѣ Крюковскомъ, которые читали съ истиннымъ удовольствіемъ. Объ одномъ хотѣли бы мы поспорить, что говорить Н. И. (на стр. 222-й *Новогодника*) о словѣ Карамзина, по предмету довольно важномъ и только намъвнѣуть мелкою, слегка. Желали бы мы выслушать мнѣніе Н. И., выказанное нѣсколько подробнѣе. — Послѣ статьи Н. И., мы заслушались при чтеніи «Отрывка изъ романа: *Жизнь и походы П. С. Пустолобова, сог. Гривича Основленска*». Мастеръ своего дѣла, романистъ съ дарованіемъ великимъ и несомнительнымъ! Н. В. Кукольникъ сказалъ намъ, что весь романъ скоро будетъ напечатанъ. Если онъ весь таковъ, какъ *отрывокъ* въ *Новогодникѣ*, мы поздравляемъ Автора *Маруси* съ новою, блистательною побѣдою надъ читателями. — Отъ души рукоплескали мы потомъ *Василью Буславичу*, и обрадовались, когда Н. В. Кукольникъ опять сказалъ намъ, что то одна изъ Русскихъ сказокъ, которая вскорѣ вполне издана Н. П. Сахаровъ. Тутъ открываются прелюбопытныя подробности объ изданіи Древнихъ Русскихъ Стихотвореній, гдѣ помѣщенъ тотъ же разбойникъ *Васяка Буславъ* съ его *старшицею-многочитницею* и *матерью* вдовой *Амельфой Тимоосеиной*. Поговоримъ побольше, когда Н. П. выдастъ свою книгу. — Видно, позабывавши Н. П. Сахарову, г-нъ Троицкій вздумалъ рассказать намъ также *Русскую* повѣсть: *Давидъ Якуновичъ Крушина*, повѣсть, конца которой мы едва дождались — *сто страницъ!* Царь Небесный! чего тутъ итъ — герои повѣсти дрались, дрались, дрались, а въ концѣ такъ отчаянно душили, рѣзали, давили, кололи, рубили другъ друга, что мы обрадовались, когда ихъ почти всѣхъ похоронили. Богъ съ ними! Такой драчливый, безпокойный народъ! Изъ разговора героевъ, мы

съ удивленіемъ узнали, что это, этихъ были весьма употребительны между Рускими XIII-го столѣтія. Крушина и товарищи его употребляютъ ихъ разъ по двадцати на страницѣ, а авторъ, видно слѣдя примѣру отцовъ — безъ счета! — В. П. Луганскій тоже угостилъ насъ чѣмъ-то *Русскимъ*: двѣ *притчи*, рассказала онъ, ичто въ родѣ винегрета, а о чемъ въ притчахъ рѣчь была, мы худо догадались. Слышали, что кто-то «положилъ гороху въ свиной пузырь, да колотилъ по башкѣ», что отъ козла «песло псиной», и еще кто-то «драйкомъ въ ухахъ ковыряеть, вздулъ спину конной, да и ершится»; и проч. и проч. Вѣроятно, автору кажется это очень забавно. Мы не раздѣляемъ его мнѣнія. — О. В. Булгаринъ былъ на сей разъ очень скупъ. Въ его *Переpravъ черезъ Лету*, мы желали бы видѣть болѣе забавныхъ, *листочковъ* подробностей, напримѣръ, о рыданіи и блаженныхъ Орковыхъ брегахъ, куда рыданіе прокатился съ скрипомъ намазаной тельги. — Статью самого Издателя *Новогодника: Изъясненіе*, Мавританскій рассказъ, мы только что пробѣжали. Признаемъ: терпѣть не можемъ и не читаемъ мы Турецкихъ и Мавританскихъ рассказовъ, гдѣ Европейскій умъ маскируется условными признаками Востока, и походить на Турковъ въ маскарадѣ Благороднаго Собранія. — Также не нравятся намъ повѣсти съ статистическими подробностями, а потому не поправилась повѣсть г-на Каменскаго: *Князь Бекевичъ-Черкасскій*. Мы не прочь отъ *историческаго романа*, но думаемъ, что если для историческаго романа надобны *оправдательныя статьи* (такъ переводилъ кто-то: *pieces justificatives*), то значить, что предметъ романа выбранъ плохо. Надѣемся отдохнуть за романомъ г-на К., который уже печатается. — *Повѣсть безъ названія*, г-на Медвѣдовскаго, была бы хороша, да только мысль ея не нова, съ тѣхъ поръ, какъ Сервантесъ (помнится) написалъ *Дегана Баджаохскаго*, и сто повѣстей было написано въ его подражаніе. — Маленькая статейка Марлинскаго: *О Романтизмѣ*, кажется, была началомъ большой статьи, которую хотѣлъ писать Авторъ Амалата-Бека и Мулла-Нура. Въ ней есть важное достоинство: есть *мысль!* — Таково содержаніе прозы *Новогодника*, и согласитесь, что за нее можно поблагодарить Издателя.

Съ чего прикажете начать въ *стихахъ*? Лучшее принадлежить тутъ самому Н. В. Куколинку, и это *лучше*, по на-

шему мнѣнію, начало «*Пролога къ трагедіи: Генераль-Поручикъ Іоаннъ Рейнгольдъ Паткуль*». Стихъ умный, простой, вѣрный, обещающій намъ очень многое. Н. В. Кукольникъ дразнитъ наше любопытство, и какъ кажется, особенно дожить своимъ *Паткулемъ*. Все, что мы знаемъ изъ пролога, ручается намъ, что въ Паткулѣ увидимъ мы въ полномъ блескѣ прекрасное дарованіе нашего поэта. Но если того же не подумаютъ читатели, читая отрывокъ изъ поэмы г-на Кукольника: *Давидъ Риццо*, онъ будетъ виноватъ самъ: поэма его неотрывочнаго свойства. Ее, какъ романъ В. Скотта, надобно читать вполнѣ; тогда перенесетъ она читателя въ чудесный фантастическій міръ, возсозданный поэтомъ, и покажетъ зрѣлое дарованіе того, кто началъ свое поприще *Торквато-мъ Тассо*, пѣснью прекрасной надежды поэтической. — *Первая глава изъ повести Антоній*, г-на Губера. Въ ней замѣтили и нѣсколько разъ перечитали мы слѣдующую прелестную строфу:

Блаженъ, кто дѣтской вѣры полнъ!
Онъ опоясанъ дивной силой;
Надежда носить утлый чолнъ —
На шумномъ лопѣ лрыхъ волнъ —
Къ отрадной пристани могилы.
Порою страсть его смутитъ,
Но истомлѣ напрасной битвой,
Благоговѣнною молитвою
Онъ страсть безумную смиритъ.
Отъ мысли грѣшной и лукавой
Онъ душу праведную спасъ,
И въ грудь его, въ урочный часъ,
Не упадетъ лдъ отравы,
И цѣломудренной мечты
Не тронетъ жало клеветы!
Утѣха черни праздничной
Его души не соблазнитъ,
Онъ благостынею духовной
Земныя блага замѣнитъ...

Въ остальныхъ 26-ти строфахъ главы рѣчь идетъ о какомъ-то пасторѣ, сынѣ его, мудрецѣ, дочери мудреца, и проч. и не безъ хорошихъ стиховъ. — Вотъ капитальный стихъ *Новогодника*. Но въ немъ прочитали мы еще около 25-ти мѣлкихъ стихотвореній. Помнимъ, что въ нихъ нашли мы много гладкихъ стиховъ, кое-гдѣ что-то похожее на мысль,

въ другихъ мѣстахъ что-то даже похожее на поэзію, много забавнаго и очень много остроумнаго. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ поэтовъ одѣвается въ Меѣстофелевскій плащъ и пугаетъ какую-то *Молодую Двѣушку*, увѣряя ее, что онъ... Но лучше выслушайте сами, чѣмъ, разумѣется, въ шутку, называлъ себя изобрѣтательный поэтъ:

Я сынъ порока, обольщенья,
Я спутникъ неблагихъ духовъ,
Я гордъ и не нищу прощенья
И радъ горѣть въ огнѣ грѣховъ!
И всюду я влачусь надъ бездною!
Изъ бездны я къ тебѣ присталъ,
Дави навѣки міръ надъзвѣздной
Одной душой бдѣнье сталъ...

Но *Молодая Двѣушка* не испугалась (да, и помнитъ, кого лывъ испугаете чортомъ?) Она поняла шутку и начала *крестить* поэта:

Но чтожь? Ты *лилюю* рукою
Крестишь меня! Ты *надо* *линой*
Склонилась *тихо* головою,
Какъ *лилія* въ поднебный зной...

Поэтъ изумлялся, удивлялся, спрашивалъ:

...Ужь *мои* объятья
Не *облили* тебя *огнемъ*?
Ужь *мои* *клеилно* проклятыя
Не *блещутъ* на *гемъ* твою?

Когда такъ, заключилъ поэтъ, такъ

И *я* не *делюнь* ужъ *теперь!*

Тѣмъ и кончилась шутка. — Въ этомъ отношеніи не менѣе любопытны еще стихи г-на Гребенки. Нашелъ онъ гдѣ-то въ дубравѣ, гдѣ *сильно* *растутъ* *могучіе* дубы, *лилюю*, которая *цвѣтетъ* *цвѣткою*; иногда надъ *роцею* (т. е. надъ дубравой) *слетаются* *тули*, сверкаетъ *молнія*, и дубы *злурятся*, и *красавица* *гордая* эта *лилія*, припикаетъ къ землѣ. Поэту пришло въ голову, что эта *лилія* похожа на дѣвицу, у которой живая *лазурь* *голубыхъ* очей, какъ *лазурь* *подъ* *небомъ* (т. е. на небѣ) *Мая*, съ тою разницею, что когда вокругъ этой *лиліи* съ *голубою* *лазурью* очей закипитъ буря, она не склоняется главою,

А властители — мужчины,
Эти дубы-исполнители,
Силаты (?) огненной грозой,
Падаютъ передъ тобой!..)

Впрочемъ, не всѣ мѣстныя стихотворенія въ *Новогодникъ* таковы, и на досугъ нѣкоторыя изъ нихъ прочитаете съ такимъ же наслажденіемъ, какъ выпиваете стаканъ чистой, холодной, кристальной воды, когда вамъ пить хочется въ жаркій лѣтній день. Кто изъ насъ не испытывалъ такого наслажденія въ жизни своей? Есть подобная жажда и въ нравственномъ мѣрѣ. Когда васъ палитъ зной сильныхъ ощущеній поэзій, послѣ твореній гениальныхъ и великихъ, вы хотите усладить жаждущую душу чѣмъ нибудь въ родѣ стакана воды, и тогда съ услажденіемъ читаете что нибудь въ родѣ того, чѣмъ, какъ въ мозаической картинѣ, вымащиваются въ наше время *фонды* альманаховъ и журналовъ. Рисунки *Новогодника*, на примѣръ, составляютъ исчисленные нами выше статьи гг. Греча, Основьяненки, Сахарова, *Паткуль*, *Раицъ* самого Издателя и *Антоніо* Губера. Ну, а остальное *фонды*: и безъ него нельзя же въ картинѣ! И за красивый фондъ поблагодаримъ Издателя *Новогодника*.

49. Одесскій Альманахъ на 1839 годъ. Одесса, въ Городской тил., 1839 г. въ 16, 618 стр., съ картинками и картою.

Если вы подумаете, что альманахъ, издаваемый въ *губернско-мъ городѣ*, долженъ во всемъ уступать *столичнымъ* альманахамъ, мы прежде всего предупредимъ васъ, что Одесса губерній не по плечу другимъ, и потому Одесскій Альманахъ не пужается въ нашей спсходительности. Кроме того, имѣя литературно свой оригинальный и мѣстный отъенокъ, онъ вызвалъ на трудъ тѣхъ же сподвижниковъ, которые являютъся и въ столичныхъ изданіяхъ. Одесскій Альманахъ напечатанъ весьма опрятно, украшенъ довольно хорошими литографіями, и признаемъ, что интересъ его для насъ умножаетъ и благотворительная цѣль, съ какою былъ онъ изданъ пошечительнымъ начальникомъ Одесскаго Учебнаго Округа, Д. М. Княжевичемъ, имя котораго всегда съ честью останется между Русскими литераторами.

Мы упомянули объ *оригинальномъ* и *литтлномъ* отъѣнкѣ: онъ состоитъ въ томъ, что О. А. посвящаетъ нѣсколько ста-

тѣй Новороссійскому краю и очаровательной сторонѣ Крыма. Изъ такихъ статей особенно увлекъ насъ подробностями *Очеркъ Южнаго Крыма*. (г-на А. В. К.), гдѣ поэзія мѣстности придала занимательность самымъ статистическимъ дробямъ.

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и лхонть винограда,
Долинъ пріютная краса
И струй, и топей прохлада;
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безматежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зелениющая влага
Подъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага!..

Не менѣе любопытно мѣстностью *Воспоминаніе* (г-на Андреевскаго) о полудникѣ Колхидѣ, гдѣ авторъ провелъ нѣсколько лѣтъ и умѣлъ быть просвѣщеннымъ наблюдателемъ подъ бурлями военной непогоды *. — Н. И. Надеждинъ (нынѣ живущій въ Одессѣ), въ легкомъ, живомъ очеркѣ изобразилъ жизнь и характеръ Князя Тавриды, какъ основателя благоденствія Новороссійскаго края (*Свѣтл. Князь Потемкинъ-Тавричскій*); можетъ быть, потому, какъ намъ кажется, авторъ придавъ своему очерку *слишкомъ много блеску*, и больше хвалить, нежели наблюдалъ своего героя безпристрастно. — Подобный излишекъ яркихъ красокъ видѣнъ, и также очень попятенъ, въ другой статьѣ Н. И. Надеждина (*Русская Альгалибра*): онъ увлекся прелестью мѣстъ, вдохновившихъ Пушкина. — Потому же извиняемъ мы *восторженность*, съ какою описываютъ Одессу г-да Зеленецкій и Маркевичъ (*Жизнь въ Одессѣ* и *Еще два слова объ Одессѣ*). — Дополнимъ мѣстныя статьи *Четырьмя страницами изъ Одесской летописи*, историка Одессы, г-на Скалковскаго. — Но вотъ открывается рядъ статей, имѣющихъ свое общее относителное достоинство: *Шарлотта Штиглицъ* (Н. И. Греча)

* Крайне сожалѣемъ, что по обстоятельствамъ, отъ насъ независѣвшимъ, мы немогли помѣстить въ С. О. статьи, присланной намъ въ прошломъ году г-мъ Андреевскимъ, отъменно любопытной по содержанию, и прекрасно написанной. Р. С. О.

— истинная повесть о женѣ молодого Нѣмецкаго поэта Штиглица, послѣ которой вамъ понятны *Нѣмецкіе* романы Жань-Поля; *Вѣрный вѣгерьинъ* (В. А. Владиславлева) — очень милая шутка; *Фирдоуси* — легкій очеркъ жизни и твореній Персидскаго Омира (В. В. Григорьева). Бывшій житель Одессы, Н. И. Розановъ отозвался *Голосомъ Русскаго изъ Ревеля*, въ которомъ желали бы мы видѣть менше вставочныхъ предложеній: и логически, и грамматически, и пневматически не вынесеть никто периодовъ на *двухъ страницахъ* (какой на стр. 561, 562 О. А.! — Статья А. С. Стурдзы (*Нѣкто о вліяніи женскаго пола*), вѣроятно, написана была для дамскаго альбома; впрочемъ, въ ней много остроумно придуманнаго. Что вамъ сказать о двухъ повѣстяхъ: *Такъ нѣкого* (г-на Рахманова) и *Какъ добры люди* (И. И. Панаева)? Та и другая что-то въ родѣ Жоганнотовскихъ вышетенныхъ *сгоцисъ*, только авторы ихъ не Жоганно и не Жигу. — А. В. Никитенко подарилъ О. А. пять параболъ, въ родѣ Круммахеровскихъ, и онѣ заставляють насъ желать увидѣть на Русскомъ языкѣ собраніе ихъ побольше.

Шестнадцать прозаиковъ составили такимъ образомъ прозу О. А. — Отдѣленіе поэзій гораздо многочисленнѣе: двадцать *сели* поэтовъ явились въ немъ, съ 45-мя пьесами. — Среди нихъ замѣтны, кажется, новыя имена: г-дѣ *Головагова*, *Дригевича*, *Кирилова*, *Зеленецкаго*, *Князя А. В. Меицера*, *Протопопова*, *г-жи Максимовой*. — Остальные статьи принадлежать г-мъ Бенедиктову, Берпету, Глинкѣ (О. Н.), Гребенкѣ, Григорьеву, Губеру, Деларю, Кукольникову, Максимовичу, Ободовскому, В. И. П — ву, Подолнскому, Ранчу, Соколовскому, Степанову, Струйскому, Чистякову, Якубовичу и ***. — Г-нъ Деларю сообщилъ въ О. А. отрывокъ изъ перевода Эпиды; П. А. Ободовскій отрывокъ изъ драмы своей: *Князя Шуйскіе*; В. И. Соколовскій отрывокъ изъ поэмы: *Алиба и Жажда*. Но вотъ что намъ бросилось въ глаза особенно въ стихотвореніяхъ Одесск. Альманаха: нельзя не удивиться какому-то отблугу горести, печали, безнадежности и отчаянія, который слышенъ изъ многихъ пьесъ! Сколько намъ известно, большая часть нечисленныхъ нами поэтовъ люди молодые, слава Богу, здоровые, милые, веселые, но что же? Г-нъ *Бенедиктовъ* горюетъ, что ему нѣгдѣ *распахнуть объятія* природѣ, *закликать радость*

на перекутѣ въ грудь, и просить *лѣсу* (дайте мнѣ лѣсу дремучаго лѣсу). Г-нъ *Кукольникъ* увѣряетъ, что у него *зреть, но не дозреваетъ пѣснь*, пѣть любви, пѣть вдохновеній, пѣть дѣвы, пѣть стиховъ, *сто пѣсень въ души*, но въ нихъ ни одного стиха. Г-нъ *Губеръ* въ отчаяніи, умоляетъ даже отженуть отъ души кровавый замыслъ — такъ ему страшно и тяжело! Г-нъ *Подолнскій* увѣряетъ, что его *нигто не манитъ впереди, дорога безъ цѣли, кругомъ туманы*. Въ слѣдъ за ними и г-нъ *Головаговъ* объявляетъ, что его душа — могла, что его мечты — замогъ страданія, что мѣръ ему чуждъ и любовь отнята отъ сердца; г-нъ *Максимовичъ* видитъ смутную звезду, которая дрожать за него, и безъ привѣта которой ему смертельно грустно: весна оживила было его, но все дѣло плохо; *Князь А. В. Меицерскій* увѣряетъ, что вмѣсто веселья жизни, онъ *прослуелъ въ телмищѣ*, гдѣ слышанъ только звукъ маятника; г-нъ *Степановъ* клянется, что *страшницы жизни его перелетѣлись горемъ*, на сердцѣ *оборвались струны*, онъ *со страхомъ итъ идетъ въ путь*, и ждетъ только, *когда подкоситъ его ероза души*; г-нъ *Чистяковъ* сидитъ въ отчаяніи, съ трубкой, *какъ монахъ въ кельѣ* — въ каминѣ у него брызжутъ искры, *ходитъ пламя и говоритъ ему*, что въ *душиномъ творѣ бытія разливы чувствъ и потоки думъ* его скоро *попухнутъ* и погибнуть!... — Боже мой! думаете невольно: да, когда же весь этотъ юный, молодой народъ успѣлъ натерпѣться горю, настрадаться, нагруститъся, отцвѣсть и увянуть? Когда успѣлъ онъ быть восторженнымъ, напѣться вдоволь и расетаться съ мечтами и съ поэзіею?... Но если и въ самомъ дѣлѣ рѣчи ихъ правда, за чѣмъ же превращать Парнасъ въ какое-то кладбище? Лучше молчать. Зачѣмъ они поютъ въ такомъ горѣ, въ такомъ отчаяніи, какъ будто бѣда какая нашла на современную поэзію Русскую!... — Правда, не все еще поэты наши заражены грустною, мрачною хандрою, но съ тѣми другое горе! Вотъ г-нъ *Струйскій* напѣваетъ колыбельную *пѣсню корчиллицы*:

Да, разбойникъ мужъ,
Закляшой злодѣй!
И на сей землѣ,
И на свѣтѣ помѣ,
Будь же проклятъ ты!
И во вѣкъ вѣковъ
Будь анагема!

Такіе стихи стоятъ поэтической хандры другихъ! Вотъ еще г-нъ Чистяковъ поетъ: *Декабрьскія ночи*:

Декабрьскія ночи, чудесныя ночи!
Торжественно дремлетъ небесъ шишина!

А почему опъ такъ поетъ? Потому, что В. А. Жуковскій говорилъ некогда:

Безмолвное море, лазурное море!..

Вотъ еще поэтической метаморфозъ: известные стихи въ *Цыганахъ* Пушкина о Божьей птичкѣ, которая вольно летаетъ въ воздухъ, и когда —

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя ведетъ...
Птичка въ дальнихъ снраны,
Въ шеплый край, за сине море
Улетаетъ до весны...

Эти стихи возродили восторгъ С. Е. Раича, и опъ воспѣваетъ *жаворонка* (sic!):

Нѣтъ весны, не шало лѣна...
Чтожь? Изъ грустной спороны,
Опъ въ другія снраны свѣша
Полетѣлъ искашь весны...

Но мы говоримъ, и не подумаемъ, что рѣчь о поэзіи, что за нашу окривленную рѣчь могутъ на насъ разсердиться поэты, которыхъ еще безсмертный трусъ Гораций называлъ *irritabile genus*, что на насъ могутъ посыпаться эпиграммы, и безъ милосердія исколотъ, истыкать насъ... Что дѣлать, что дѣлать! Неосторожность, да ужъ такъ и быть! Пусть эпиграммами отпечатываютъ нашъ бюстъ, какъ иголками фнзіотипа, а что мы говорили, отъ того не отопремся. Стерпѣ давно сказала: «Варвара мнѣ тетка, да вѣдь и Истина мнѣ бабушка!»

50. Борисъ Ульинъ. Повесть въ стихахъ. Соч. Александра Карамзина. Спб., въ тип. К. Крайя, 1839 г., въ 8, VIII и 83.

Завязки въ повѣсти почти нѣтъ, и вся повѣсть дѣло неважное. Армейскій офицеръ влюбился въ свѣтскую двушку, и съ гори, что его не любятъ, пошелъ въ походъ и убить

подъ Варшавою. Все въ порядкѣ вещей, но странно какъ-то читать *руги* въ стихахъ, ознаменованныхъ именемъ *Карамзина*, и еще страннѣе подъ такимъ славнымъ именемъ читать стихи, которые ссорятся съ логикой и грамматикой, на примѣръ, въ родѣ слѣдующихъ:

Дыма изъ трубки, *то есть* *моги*,
Въ окнѣ задумчиво *повисъ*
Лицомъ задумчивымъ Борисъ...

. . . . *Художавгій*

Въ чаюшку сморинпъ *кошегекъ*..

Супъ, чпо за супъ! Ну, объѣденье —
Повоухать рубль *ужь* *стоитъ* *дать*...

Всегда для баняного участие
Во всѣхъ я женщинахъ *вспрѣчалъ*,
Когда свой бытъ имъ *накутавъ*...

Влюбился *весь*, *то было* *моги*
Въ его безоышной груди...

Дурныхъ дорогъ я ненавижу...

Мечты *двигити* играютъ
Надъ ложемъ шелковымъ ея ..

Огонь пылающаго взора
Одинъ Борису *измѣнилъ*,
Да, *препешъ* *рукоприжиланья*....

Любила Ольга, и *безъ шуткоъ*,
До самыхъ Пешербургскихъ *буткоъ*,
Всего ипогомъ шрое *суктоъ*
О немъ все думала она,
А *это* много *для* *двигити*...

. . . Да, *прудно*

Не покраснѣвъ въ *жартъ* *накой*...

Былъ офицеръ у насъ *въ* *поспоѣ*...

Желаю вамъ счастливей *путь* ..

На стр. 6-й, сочинитель спрашивается:

Поэтъ ли я, или не поэтъ?

Вопросъ трудный!

Молчаеъе будетъ нашъ отвѣтъ!

51. Элоа. *Индійская легенда. А. О.* (Аникиты Озерскаго). Спб., въ тип. Е. Фишера, 1839 г., въ 8, 45 стр.

Вотъ твореніе для *немногихъ*. Мысль Индійской (какъ говорятъ) легенды передалъ по Французски въ своихъ прелестныхъ стихахъ Алфредъ де-Виньи. Но онъ перенесъ дѣйствіе въ міръ христіанства. Въ романъ г-на Полеваго, *Аббадонна*, стихотвореніе Де-Виньи было представлено въ прозаическомъ переводѣ. Г-нъ Озерскій передаетъ теперь его въ гекзаметрахъ, размѣръ столь приличномъ содержанію легенды. Думаемъ, что чтеніе *Элоа* доставитъ нѣсколько усладительныхъ минутъ тѣмъ, кто ищетъ въ стихѣ не однихъ рифменыхъ погрешекъ, но глубокой мысли, облеченной въ изящное изложеніе...

52. Вечеръ въ клубъ. *Шуточный рассказъ въ стихахъ, соч. А. К.* Москва, въ тип. В. Кирилова, 1839 г. въ 12, 42 стр.

И это твореніе также *не для всѣхъ*. — Содержаніе: мать, купчиха, отпускаетъ сына въ Нѣмецкій Клубъ, заказывая ему, чтобы онъ тамъ не игралъ —

Смотри — а то съдѣ я помянуль,
И навсегда къ твоимъ сочленамъ
Тебѣ изъ дома прогону!..
На, вотъ, возьми тебѣ цѣлковый...

Сынъ, вопреки приказу матери, играетъ, проигрываетъ цѣлковый, играетъ въ доазъ, пьетъ притомъ настойку, и наконецъ тихонько бѣжитъ изъ Клуба, лѣзетъ въ домъ свой черезъ заборъ; тутъ его хватаетъ буточникъ; мать является, бьетъ сына полъномъ. Въ заключеніе, авторъ съѣзжаетъ юношамъ въ клубъ не ходить и въ карты не играть.

53. Басни и сказки *Александра Измайлова*. Изданіе 6-е, умноженное. Спб. въ тип. Эксп. Загот. Госуд. бумагъ, 1839 г. въ 64 д., 313 стр. съ портретомъ автора.

Миниатюрныя изданія вошли въ моду, и вотъ Крыловъ, Дмитріевъ, Хемницеръ, Измайловъ, всѣ въ 64-ю долю, могутъ теперь составить *коллекцію* всего, что только замѣчательнаго по части Аполога являлось въ Русской словесности. Изданіе басенъ А. Е. Измайлова такое же хорошенькое, какъ и миниатюрныя изданія басенъ Крылова, Дмитріева и

Хемницера. Портреты его гравированы на стали и очень похожи?

Жаль, что издатель не приложилъ жизнеописанія А. Е. Измайлова. Оно могло быть любопытно. Добрый, умный, честный человѣкъ, онъ былъ *оригиналь* въ своей жизни. Знаетокъ языка, человѣкъ образованный, классикъ жестокой, онъ былъ также страшный оригиналь и въ литературѣ, *писатель не для дилъ*, страстный охотникъ описывать людей 15-го класса, буточниковъ, подъячыхъ, міръ настойки и подовыхъ пироговъ, седежки съ лучкомъ, разстегайчиковъ и блинковъ съ припекой. Кто не помнитъ его *Благонамереннаго*, его критикъ на Романтизмъ, его Пялюшклина, его Брылана, его Чорта и Стихотворца! Даръ Измайлова не былъ *гуморъ* — нѣтъ! Случается, что самый умный человѣкъ привыкаетъ *прибавлять* къ своей рѣчи не печатныя присловья, которыхъ не найдете въ словаряхъ. Оно, коли хотите, бываетъ иногда и забавно, но кто почтетъ такія прибавки красотой рѣчи, тотъ удалится отъ истиннаго назначенія слова человѣческаго. Такъ и въ литературѣ: привычка къ подобнымъ присловьямъ есть вѣрная дорога удалиться отъ истиннаго назначенія искусства. *Скарронство* не *гуморъ*, повторямъ, и шутовство Панкратія Сумарокова, Наръжнаго и А. Е. Измайлова похожа на драгунскую шутку, а драгунская шутка не годится въ бесѣдъ Музы. Вспомните слова Хераскова:

Дерзая на Парнасъ, того не позабудь,
Что Музы существа божественнаго суть...

Между тѣмъ, отлагая въ сторону вопросъ объ *Излициоль*, и объ *Искусствѣ*, литературное явленіе подобное Скаррону и А. Е. Измайлову, достойно изслѣдованія.

А. Е. Измайловъ принадлежалъ къ литераторамъ первой Карамзинской эпохи, къ классикамъ въ родѣ Подшивалова (онъ родился въ 1779 году). Умѣвши постигнуть реформу Карамзина, онъ не принялъ *сатилистичности* многихъ его последователей, но сражался за нововодителей въ Цѣвѣнникѣ и другихъ журналахъ, и былъ въ свое время однимъ изъ дѣятельныхъ двигателей современнаго литературнаго образованія. Подъ его руководствомъ составилось *Общество Любителей Словесности*, принесшее много пользы въ свое время. Но еще въ 1798 году романъ его былъ уже страшнымъ провлеченіемъ Скарронизма (*Евгеній Лукичъ Негодливъ*), а съ па-

чаломъ *Благонатрешаго* (въ 1818 г.), А. Е. почелъ, кажется, такой родъ Литтературы настоящимъ своимъ назначеніемъ. Идя постепенно далѣе и далѣе по ложному направленію, онъ сбился наконецъ въ грубую шутку, которая сначала забавляла, потомъ надѣла, и А. Е. Измайловъ быть забытъ — несправедливо, потому, что у него было дарованіе, и онъ оказывалъ, по своему, посильную услугу Русской литтературѣ.

Въ изданіи пѣнь собраніи басенъ А. Е. помѣщено 66 басенъ и 54 сказки. Авторъ строго дѣлитъ одиѣ отъ другихъ. По его мнѣнію выходило такъ: гдѣ дѣйствуютъ *скоти* — басня, а гдѣ дѣйствуютъ *люди* — сказка (какъ будто *четыре ноги* есть отличіе *животнаго*, а *два* отличіе *человѣка*). Въ слѣдствіе сего дѣленія, въ первой половинѣ должны были являться ослы, свиньи, собаки, въ другой Пялюшкины кварталныя, Гордыи книгопродавцы, Яшки повара, но новыя издатель перемѣшала сказки съ баснями. Впрочемъ, они прибавили 24 новыя басенъ и сказокъ. Всѣ въ извѣстномъ шутливомъ родѣ А. Е. Измайлова, и надобно прибавить въ этомъ родѣ совершенство! Утѣшило только одно: во всемъ видѣнь тутъ честный, благородный челоуѣкъ, который хотѣлъ шуткою принести пользу. Не вписывая ни одной басни, выпишемъ нѣсколько, такъ называемыхъ, *кравоуѣний*, какія выводитъ нашъ добрый баснописецъ изъ своихъ басенъ, и вы согласитесь, что для извѣстнаго класса читателей, подобныя апофеогмы могутъ быть очень полезны:

Немного пользы намъ законы доспавляющъ,
Хоть будь они и хороши,
Коль судьи ихъ не понимаютъ,
И если пѣнь въ судьяхъ ни шодку, ни души.
И не разбойники за грѣхъ большой счищаютъ
Въ поспѣхъ оскоромиться, обѣдно прогукать,
А ближняго оклеветать,
Пѣніе, и съ нимъ нерѣдко жизнь опияшь,
Еще въ доспомощство и въ честь себѣ вмѣняющъ.
Мы ближняго нимаю не щадимъ,
Въ другихъ пороки замѣчаемъ,
Другихъ бранимъ, пересмѣхаемъ,
А на себя не поглядимъ!
Что, если бы велѣли
Мальчишекъ розгами за поединки сѣчь?

Нѣшь легче ничего, какъ правились глумящамъ,
Хвали ихъ, и они равно себя похваляишь,
Припомъ и въ луждѣ не осмиваишь —
Гдѣ много дураковъ, жише памъ поддеамъ!

54. Басни и сказки *И. И. Хемницера*, въ 3-хъ частяхъ. Съ описаніемъ его жизни. Москва, въ тип. Лазаревыхъ Института, 1839 года, въ 12, V, X и 139 стр.

Недавно И. П. Сахаровъ напечаталъ изданіе басенъ Хемницера, и по его изысканіямъ, оно было 12-е. Послѣ того напечаталъ свое прекрасное миниатюрное изданіе А. Фарииковъ, 15-е; кажется, еще было потомъ изданіе въ Москвѣ для толкучаго рынка — 14-е, и слѣдовательно, вновь напечатанное въ Москвѣ 15-е. Оно плохо, но цѣна его на оберткѣ объявлена — 60 *копекъ*! Послѣ сего, разумется, требованія на типографическую роскошь были бы вовсе неумѣстны.

55. Полное собраніе сочиненій *А. Марлинскаго*. Части XI и XII. Спб. въ тип. III Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1839 г. въ 12, 351 и 322 стр.

Здѣсь помѣщены: отрывки изъ поэмы *Андрей Перелславскій*, стихотворенія, обзорныя Словесности, печатанныя некогда въ Полярной Звѣздѣ, разборъ романа Н. А. Полеваго: *Клятва при Гробѣ Господнемъ*, мѣлкія статьи и отрывки, напечатанныя и ненапечатанныя прежде, Мореходъ Никитинъ, окончаніе Мулла-Нура, и — *четыре пачала* разныхъ повѣстей и романовъ...

56. Записки *Александрова* (Дуровой). *Добавленіе къ Дъвиць-Кавалеристъ*. Москва, въ тип. П. Стенанова, 1839 г. въ 8, 362 стр., съ портретомъ.

Вотъ здѣсь опять наша героння, наша Дъвица-Кавалеристъ, на полномъ раздолыи разсказа и языка, и какъ хороши, какъ живы, какъ опять увлекателенъ ея разсказъ! Описываетъ ли г-жа Дурова проказы дѣтства, или странствованіе свое въ лабиринтъ Гудишекъ, уланскіе генера, шалости, разговоры, приключенія товарищей — не хочется отстать отъ книги,

И все пакъ живо, неспокойно,
Такъ чуждо мершвыхъ нашихъ пѣгъ,
Такъ чуждо эшой жизни праздной,
Какъ пѣнь рабовъ однообразной...

Странное дѣло: отъ чего та же г-жа Дурова не такъ развязна, когда говорить не изъ памяти, но дасть волю своему

воображенію, начавъ разсказывать *повѣсть* какую-нибудь? Видѣвъ ризмахъ Дѣвницы-Кавалериста, по все равно, какъ видѣть добрый конь Аравійскій въ манежѣ, красивый, стройный, да не тотъ, котораго видѣли мы на раздольной степи, видѣли, какъ вихремъ носился онъ по степи и переронялъ вѣтры пустынные? — Не отъ того ли все происходитъ, что сочинительница готовится въ послѣднемъ случаѣ *социаль*, а въ первомъ даетъ просто разгулъ своему перу, говорить, что ей подсказываютъ сердце и память, а не *искусство социаль*? — Вотъ, примѣромъ сказать, повѣсть ея *Павильонъ*, признаемся, намъ не понравилась, и потому змемно, что едва ли просишествіе разсказано такъ, какъ было, и сочинительница думала *украсить* его *вымысломъ*. На что? Для чего? Пржежній *Записки Дѣвницы-Кавалериста, Годъ жизни въ Петербургѣ*, нынѣшнее *добавленіе* къ Запискамъ, показываютъ г-жѣ Дуровой настоящее назначеніе ея прекраснаго дарованія. Какъ хорошъ эпизодъ объ Олинкѣ въ нынѣшнемъ *добавленіи*! Какъ тутъ все просто и естественно! Можно ли сравнить такой разсказъ съ кровавыми, неестественными подробностями *Павильона*! Мы говоримъ: *неестественныя*. Намъ могутъ возразить, что все такъ точно было въ самомъ дѣлѣ: Ксендзь воспитывалъ въ павильонѣ дѣвущку, Графъ похитилъ ее, а Ксендзь зарѣзалъ ее. Но все-то что такое? Неестественное, нравственное уродство, а *уродство* не принадлежность *искусства изящнаго*. — Намъ простить г-жа Дурова за наши замѣчанія, потому, что мы говоримъ наше мнѣніе искренно, и не слѣдуемъ обычаю другихъ: хвалить на повалъ, или бранить онтомъ писателя. Мы знаемъ и увѣрены, что дарованія бываютъ различны, и что всего труднѣе, можетъ быть, узнать настоящую дорогу своего дарованія, такъ, что самые генильные люди въ томъ ошибались. Хотите ли примѣровъ? Байронъ и Державинъ были великіе лирики, В. Скоттъ великій романистъ, Шиллеръ великій драмтикъ, Ирвингъ-Вашингтонъ превосходный расказчикъ повѣстей, но на зло природѣ, они хотѣли быть — Державинъ и Байронъ драматическими писателями, В. Скоттъ историкомъ, Шиллеръ историкомъ и философомъ, а И. Вашингтонъ рѣшительно отказался отъ повѣсти, и упорно пишетъ теперь исторіи, въ которыхъ каждая глава доказываетъ, что онъ историкъ плохой. — Обращаясь къ г-жѣ Дуровой, мы просили бы ее по-

искать въ портфель или въ памяти еще нѣсколько разсказовъ о *бывалой* жизни ея, и напередъ готовы ручаться, что они будутъ прекрасны.

57. Дѣвница Всеволожская, или картины Русскаго быта въ XVIII вѣкѣ. Сочиненіе Василья Мирошевскаго. Спб. въ тип. Н. Греча, 1859 г., въ 12, 189 стр., съ нотами.

И Царь Михаилъ Θεодоровичъ, и Царь Алексій Михайловичъ были оба несчастливы въ первомъ сватовствѣ своемъ. Царь Михаилъ сосватался на незнатной дѣвицѣ Хлоповой — бѣдную дѣвицу закормили сластями; она заболѣла, и подъ предлогомъ неизлѣчимой болѣзни, ее сослали въ ссылку. После открылось коварство, зашищниками котораго были Салтыковы. Царь Алексій также сосватался на незнатной дѣвицѣ, стариннаго, но пришедшаго на то время въ упадокъ дома Всеволожскихъ. Милославскіе разрушили свадьбу. Иностранныя современныя извѣстія говорить, что повѣсть такъ крѣпко затянули волосы на голову, что она упала въ обморокъ передъ Царемъ. Бѣдную почили одержимого падукою болѣзнью, и съ отцомъ и матерью сослали въ Сибирь. Шведскій повѣренный Ферберъ писалъ тогда изъ Москвы въ Ригу, что обморокъ сдѣлался Всеволожской изъ страха и радости. Царь Алексій женился на Милославской въ Январѣ 1648 года, хотя, кажется, гораздо прежде открылось злоумышленіе противъ несчастной первой его невѣсты. Знаемъ, что въ 1647 году, въ Апрель, сосланъ былъ въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь крестьянинъ Никиты Ивановна Романова Мишка Ивановъ, «за чародѣйство и за *косной* разводъ, и за наговоръ, что объявился въ Рафовѣ дѣлъ Всеволожскаго». Но Всеволожскіе остались въ Сибири, и только по смерти отца невѣсты, съ матерью, и братомъ, вельно воротить изъ ссылки, (въ Июль 1653 года), однакожъ «быти имъ въ «Касимовскомъ уѣздѣ, въ дальней ихъ деревнѣ, а изъ деревни ихъ къ Москвѣ и никуда отпущати не велѣно.» Невѣста Царская умерла въ тоскѣ и горѣ.

Вотъ завязка, на которой г-нъ М. основалъ свою небольшую повѣсть. Она служила ему, кажется, болѣе рамою для очерка обычаевъ XVII вѣка, и изложенія собственныхъ мыслей и разсужденій. Характеры дѣйствующихъ лицъ означены слегка, общими чертами, но г-нъ М. описываетъ увлекательно, разсуждаетъ шутливо, остроумно, и небольшую

книжку его читаете съ истиннымъ удовольствіемъ. Въ концѣ прилжены ноты на пѣсно Всеволожской. Жаль, что авторъ не придалъ пѣснѣ современнаго отгѣнка.

Ахъ! забудуль то мгновенье,
Ты когда явился мнѣ?
Не небесное ль видѣнье
Мнѣ представилось во снѣ?

Разумѣется, что *такъ* не могла пѣть Всеволожская. «Но мнѣ нельзя же говорить съ вами языкомъ тогдашняго времени», возражаетъ Сочинитель (стр. 175). А почему нельзя? И если не совсемъ *тогдашнимъ* языкомъ, то приближаясь къ нему. Можемъ увѣрить почтеннаго автора, на примѣръ, въ томъ, что вычеркнуи онъ половину *это* и *этихъ* изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, онъ болѣе приблизился бы къ естественности, такъ какъ убавъ онъ три четверти *это, этихъ* вообще изъ своего собственнаго разсказа, слогъ его выигралъ бы весьма много и сдѣлался гораздо изящнѣе.

58. Тысяча и одна нога, *Арабскія Сказки*. Томы 1, 2, 3, 4, 5. — Сиб. въ тип. III-го Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярш, 1859 года, въ 12, LXXXV, 209, 240, 240, 240 и 240 стр.

«Можно, кажется, безошибочно сказать (говорить въ предисловіи Переводчика), что у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ перевода *Тысячи и одной ноги*, потому, что изданныя лѣтъ сорокъ и тридцать тому *назадъ* два перевода *сдѣлали* могутъ *соответствовать* *современнымъ* *требованіямъ* *образованной публики*. Устарѣлый языкъ этихъ переводовъ невольно останавливаетъ читателя, не смотря на всю занимательность ихъ содержанія».

И такъ рѣчь не о переводѣ Тысячи одной ночи съ подлинника, не объ учебномъ изданіи на Русскомъ языкѣ, а только о *поволеніи* языка старыхъ переводовъ соответственно *современнымъ* *требованіямъ* *образованной публики*?

Хорошо. Мы не будемъ послѣ того спорить, что переводъ съ перевода, или какаля пибудь сводная выборка изъ Французскихъ и Нѣмецкихъ переводовъ не дадутъ настоящаго понятія объ Арабскомъ подлинникѣ. Мы даже не понимаемъ, для чего Переводчикамъ прилагать введеніе, гдѣ Французскіе переводчики отдають отчетъ въ Арабскомъ подлинникѣ? для чего толковать о Галамѣ, началъ 1001 ночи, и проч. и проч.? Дайте намъ переданный чистымъ, изящнымъ Русскимъ язы-

комъ переводъ съ Французскаго текста, который написать и изданъ прекрасно, и — только!

Спрашивается: новые переводчики замѣнили ль своимъ переводомъ и изданіемъ прежніе, *устарѣлыя*, какъ они говорятъ, переводы, *не соответствующіе* *современнымъ* *требованіямъ* *образованной публики*?

Если цѣль галлицизмовъ и барбаризмовъ, растоптанная на *это, который, чтобы*, значить чистый Русскій языкъ, и если книга, напечатанная на сѣрой, толстой бумагѣ, разными буквами, съ плохими гравюрками, значить хорошее изданіе — замѣнили.

Не угодно ли, безъ выбора, на удачу, возьмемъ образчики языка новыхъ переводчиковъ?

Часть I, *предисловіе*. «Нѣтъ *необности* предувѣдомлять читателей въ превосходствѣ сказокъ, заключающихся въ этомъ *твореніи*: стоитъ ихъ прочесть, *чтобы* убѣдиться, *что* до сихъ поръ ни на одномъ языкѣ не было ничего *прекраснѣе* въ этомъ *родѣ*».

Ну, это сбивается на приказный слогъ. Посмотримъ лучше самый текстъ книги. *Часть I, стр. 35*. «Онъ (богатый купецъ) перѣхалъ съ женою и дѣтьми въ одинъ изъ этихъ домовъ, *чтобы* самому ближе присмотрѣть за хозяйствомъ. Этому кунцу открыть (?) былъ языкъ звѣрей, съ тѣмъ условіемъ *чтобы* онъ ничего и ни для кого не переводилъ съ этого языка, подѣ опасеніемъ лишиться жизни; (,) что пренятствовало ему сообщать другимъ *узнанное* имъ *помощію* этого дара»...

Часть II, стр. 147. «*Между тѣмъ какъ* *молодая госпожа* (?) и носильщикъ ждали, *чтобы* отворили имъ двѣ(е)ри, *послѣдній сталъ* *разсуждать* самъ съ собою. Онъ дивился, *что* женщина съ такою *наружностью* исправляетъ должность закупщицы. Онъ не могъ предполагать, *чтобы* она была цевольница: благородный ея видъ *заставлялъ* *его* *замысловать*, *что* она свободна, даже принадлежитъ къ высшему званію. Охотно *сдѣлалъ* бы онъ ей нѣсколько вопросовъ *на счетъ* ея самой; но *между тѣмъ какъ* онъ собирался съ духомъ, *чтобы* ее спросить, другая *госпожа*, пришедшая отворить дверь, показалаась ему столь прелестною, что изумленный блескомъ ея красоты, онъ потерялся и чуть не уронилъ своей корзины (,) со всемъ *что* въ ней было»...

Полно не задача ли это составить литературную меду на слова: *онъ, она, что, чтобы, между тѣмъ какъ?* Прикажете продолжать выписки, или позволите сказать слѣдующее рѣшеніе новому переводу 1001 ночи?

«*Этотъ переводъ, котораго хотѣтъ замѣнить старый, сличаюль плохъ, чтобы замѣнить старый переводъ, и эти «новые г-да переводчики могли не печатать этого перевода, «который нѣтъ печатанъ для замѣны этого прежняго».*

59. Святоточные Вечера. Написаны Николаемъ Куцакиль. Изданы для его, Григоріемъ Ракиль. Изданіе не первое и не второе. Спб. въ тип. Е. Фишера, 1839 г. въ 12, XVIII, 215 и 162 стр.

Мы читали *Святоточные вечера*, помнится, года съ два тому, въ неопрятномъ изданіи, и порадовались имъ, потому, что видѣли дарованіе сочинителя. Теперь, когда *Вечера* изданы вторично, опрятнѣе и красивѣе съ вѣншей и ввнутренней стороны, мы встречаемъ ихъ радушнымъ привѣтомъ. Болѣе опрятными и красивыми *извѣтъ* называемъ мы ихъ потому, что онп напечатаны снова на порлдонной бумагѣ и четкими буквами, а болѣе опрятными по *внутреннему* убору называемъ потому, что авторъ поправилъ слогу и заботился объ отдѣлкѣ подробностей. По нашему мнѣнію, *завязъ* у него така, что изъ нея можетъ развиваться много прекраснаго, веселаго, народнаго; надобно только ему отказаться отъ одного, что рѣшительно портитъ его вымыслы и рассказы. Что же это такое? Приторное *баллсничество*, такъ сказать, охота на мѣщанскія *приблутки* и *изысканный* подборъ шутокъ. Все это наросты неестественные и чужіе. Мы даже знаемъ источникъ ихъ: авторъ *Святоточныхъ Вечеровъ* наслушался у казака Луганскаго и старается подражать ему. Но смѣемъ увѣрить его, что по мнѣнію почти общему, балагурная изысканность рѣшительно вредитъ и самому даровитому Луганскому: такъ за чѣмъ же подражать дурному, да и вообще зачѣмъ подражать чему бы то ни было? Посмотрите, что помѣстилъ теперь казакъ Луганскій въ *Новогодникъ*, а вѣдь ему кажется, вѣроятію, будто это *Русская шутка*, когда она также далека отъ Русской шутки, какъ изысканная фраза какой нибудь стриженной бородки Щукина Двора отъ настоящаго Русскаго гумора. Хотите ли видѣть матушку Русь на чистоту? Прочитайте въ томъ же Новогодникѣ *Висилья*

Буслава. Сочинитель Святоточныхъ Вечеровъ, надѣмся, пойметъ чего хотимъ и требуемъ мы отъ него. Въ такомъ случаѣ, онъ броситъ свои пустые псевдонимы: Куцакаго, Рацакаго, тетушку Соломониду; не станетъ писать предисловія въ родѣ *Сказки про наши сказки*, и вмѣсто спроса у кого бы то ни было, станетъ спрашиваться у Русской души своей и своего дарованія, которое видно сквозь всѣ дурныя привычки, занятыя имъ у другихъ.

60. Полина. *Созиненіе Александра Дюма*. Перевелъ съ Французскаго Егоръ Байбузенковъ. Спб., въ тип. А. Сычева, 1839 г., въ 8, III стр.

Никакъ не думали мы, чтобы Дюма выдумалъ подобную нелѣпость; впрочемъ можно выдумать и нелѣпость, по рассказу умио, а Полина Дюмасова и разсказана нелѣпо.

Что за мысль была: представить въ XIX вѣкѣ разбойника, заставить его являться въ свѣтъ подъ именемъ графа, женить его на милой дѣвушкѣ, и потомъ, изъ опасенія, чтобы она не открыла тайны его разбоя, посадить ее въ подземелье? Но здѣсь не конецъ вздорамъ. Бывшій любовникъ дѣвушки плыветъ въ челнокъ по морю, пристаетъ къ развалинамъ замка, входитъ въ подземелье, видитъ, похищаетъ жепу разбойника и увозитъ ее въ Лондонъ. Разбойникъ забываетъ о первой жепѣ, и сватается на сестрѣ избавителя. Тотъ спѣшитъ изъ Лондона, стрѣляется съ разбойникомъ, убиваетъ его, хочетъ жениться на его вдовѣ, но она умираетъ и роману конецъ! Почему любовникъ, вмѣсто дуэли, не отдалъ мерзавца въ руки полиціи? Потому, что жена разбойника, рассказывая повѣсть объ немъ, взяла слово не открывать тайны. Можно ли выдумать что нибудь нелѣпѣе?

И такую пустошь переводятъ? Одно утѣшительно въ переводѣ Полины на Русскій языкъ, то, что еслибы Полина ожила, прочитавши переводъ г-на Байбузенкова, она непременно опять умерла бы, испугавшись, какъ разсказаны по Русски ея похождения.

61. Мужъ-Эгоистъ. *И. Неврина*. Двѣ части. Спб., въ тип. Конр. Вингебера, 1839 г., въ 12, V, 168 и 182 стр.

Еслибы намъ пришлось рѣшать перьпенную тяжбу между мужьями и женами, или, что все равно, между мужчинами и женщинами, мы, признаемъ, рѣшили бы ее въ пользу

обвиняемаго многими прекраснаго пола, именно, въ силу словъ И. А. Крылова:

У сильнаго всегда беспильный виновать.

Не смотря на примѣръ г-жи Зандъ, не смотря на крики противъ женщинъ, мужчина, безспорно, сторопа сильнѣйшая. Кто виновать въ превратномъ воспитаніи, въ ложномъ направленіи женскаго образованія, въ несчастіяхъ супружества, во всемъ томъ, что пачинается пянькой Англичанкой и кончится гибелью семейства, переходя отъ водевилля до мазурки, отъ мазурки до кокетства, отъ кокетства до дуельной пули? По нашему мнѣнію, мужчины — *мужчины* рѣшительно!

Не такъ думаетъ г-нъ Невѣрнинъ, и выставляетъ памъ въ своемъ романѣ ничтожную женщину, у которой и страстей-то даже нѣтъ, рядомъ съ добрымъ, но грубымъ, простымъ человѣкомъ, ея мужемъ. Разумѣется, жена остается тутъ виноватою, а мужъ правымъ. Нельзя ли однакожь теперь написать памъ *Жены-Деистки*, и показать дѣло съ другой стороны. Судя по занимательности романа г-на Невѣрнина, мы думаемъ, что онъ хорошо разыграетъ и другую варицію на одну и ту же тему.

Въ такомъ случаѣ, мы просили бы его не почитать однакожь запутанности и многосложности дѣйствія необходимою въ романѣ, быть отчетливѣе въ подробностяхъ и въ шуткахъ, а также подумать и о слогѣ. Для чего въ *Мужь-Деистъ* двоятся дѣйствіе вводимъ отвратительнаго Графа Д., и всей его, довольно *испрятной*, чтобы не сказать болѣе, исторіи съ Глафирою? Алешу могъ замѣнить въ романѣ г-на Невѣрнина первый франтикъ, котораго сочинитель взялъ бы съ Невскаго Проспекта, если уже для развязки романа нужно было лицо, столь ничтожное, какъ Алеша? — Къ чему опять исторіи Машеньки съ Барономъ, и чѣмъ она кончилась, да и для чего выведена Машенька? Темно и то, какъ досталось наследство Алешѣ? Для чего также является самъ рассказчикъ повѣсти *Никита Семеновичъ*, и тянется черезъ весь романъ? Для чего шутки въ родѣ насмѣшекъ надъ кабинетомъ, несправедливыхъ и неудачныхъ? Неужели авторъ въ самомъ дѣлѣ такъ думаетъ? — Касательно слога, ему всего болѣе надобно опасаться *этихъ* и *которыхъ*: они губятъ всякую порлдочную Русскую фразу, а г-нъ Невѣрнинъ не жалѣетъ ихъ и сыплетъ на каждой страницѣ.

Признаемся, что всего сказаннаго нами, мы не стали бы говорить, если бы не почитали г-на Невѣрнина человѣкомъ съ дарованіемъ, который по литературной неопытности увлекается дурнымъ примѣромъ другихъ.

62. Честный человѣкъ. *Нравственное поученіе Генриха Берту*. Перев. съ Французск. Е. Вероникинъ. Двѣ части. Спб. въ тип. III-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярн, 1839 г., въ 8, 207 и 197 стр.

Мы, конечно, порадуемъ многихъ родителей, сказавши имъ, что сочиненіе Берту смѣло могутъ они дать въ руки своимъ дѣтямъ, и юные читатели найдутъ здѣсь нравственныя уроки въ весьма занимательномъ рассказѣ.

Кстати, изъ Русскаго перевода могутъ они извлечь еще большую пользу: заставьте ихъ держать корректуру его и исправлять грамматическія ошибки переводчика, показывая: какимъ образомъ надобно по Русски правильно разнообразить фразу. Г-нъ Вероникинъ сплошь пачинаетъ ее *этиаъ* а кончить *которыхъ*? Весьма любопытенъ можетъ быть вычетъ: сколько *этихъ* безъ нужды поставлено у г-на В. на каждой страницѣ, или изслѣдованіе о томъ, какимъ образомъ говорятся *по Русски* слѣдующія фразы: «никогда супруга не нахлопалась къ моему изголовью, *чтобы* спросить» и тому подобное? Всѣ такія грамматическія упражненія надъ переводомъ г-на Вероникина могутъ быть для молодыхъ людей очень полезны.

63. Репертуаръ Русскаго Театра, издаваемый *Иваномъ Песоцкимъ*. Книжки 1, 2, 3, 4. Спб. въ тип. И. Глазунова и К., 1839 г. въ бол. 8, съ нотами.

До сихъ поръ мы только *изговщали*, а ничего еще не *говрили* о Репертуарѣ г-на Песоцкаго, и на сей разъ опять довольствуемся только извѣщеніемъ. Мысль Издателя пресчастливая: летучими тетрадами передавать всѣ новости нашей сцены читателямъ. Чему сегодня хлопали въ Петербургъ, то черезъ шесть недѣль стануть читать въ Иркутскъ! Да это желѣзная дорога для Русской Драмъ! — Отъ критики у г-на Песоцкаго защита непобѣдимая. Вы печатаете плохія пьесы. — «Не знаю», отвѣтитъ онъ, «я не печатаю того, что хлопаютъ на сценѣ, а печатаю только то, чему хлопаютъ тамъ. — Но пьесы *Репертуара* вашего плохи по правиламъ искусства. — «Не знаю: возьмите подъ искусъ публику и авто-

ровь.» — И по правилам вкуса. — «За вкусъ я не беруся, а только горячо страдаю, какъ говорить Русская послонница. — Остается ловить ловкаго Издателя на другомъ, по на чемъ же? Быстрота появления новостей въ его *Репертуаръ*, исправность выхода книжекъ, весьма красиво притомъ печатаемыхъ, и дешевизна ихъ — удивительны! Въ *четырехъ книжкахъ* помѣщены уже Издателемъ большая трагедія, большая драма, небольшая драма, двѣ небольшія комедіи, два водевиля, одна быль (комедія, или драма — не знаемъ), а всего *восемь* пьесъ. Такимъ образомъ, дюжины двѣ большихъ и малыхъ новостей получаютъ читатели *Репертуара* въ годъ, и по цѣнѣ обойдута онъ имъ дешевле 50 коп. за каждую. А ноты, отчеты, биографіи, портреты, виньетки? — Все это не въ счетъ абонемента. Помилуйте, да г-нъ Песочкій какой-то колдунъ! Да какъ онъ это дѣлаетъ? Не знаемъ, и въ одномъ ругаемся, что онъ точно *исполняетъ*, а не *облицаетъ* только. Книжки, ноты, отчеты уже находятя передъ вами, а мы видѣли приготовленный для *Репертуара* портретъ П. И. Социнскаго — онъ живой, а не печатный, и ужъ полетѣлъ въ Лондонъ, гдѣ отравиваютъ его на стали, а потомъ помчатъ всюду, гдѣ бы ни скрывался подписчикъ *Репертуара*; другой портретъ будетъ очаровательницы нашей В. Н. Асенковой; третій, кажется, М. С. Щепкина. За тайну скажемъ еще, что для *Репертуара* у Издателя запасено большое обиліе пьесъ. Онъ увѣрялъ насъ, что въ нынѣшній театральный годъ на Русской сценѣ больше *ста пьесъ* будутъ имѣть успѣхъ, и слѣдовательно, ему легко будетъ выбрать десятка два сценическихъ *chefs-d'oeuvre*. Видите, что г-нъ Песочкій колдунъ — право колдунъ! Диво ли, что *Репертуаръ* его всѣ хвалятъ, и что его разошлось уже нѣсколько тысячъ экземпляровъ!

64. Разстроенное святовство, или горе отъ ума и горе безъ ума. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. А. Оедосьева. Москва, въ тип. Н. Стенапова, 1839 г., въ 8, 136 стр.

Одинъ глупый помѣщикъ не отдаетъ дочери за умнаго сосяда, а велитъ ей выбирать жениха изъ трехъ подобныхъ ему дураковъ. Другъ умнаго сосяда передѣвается чиновникомъ, пугаетъ отца и дураковъ его, и дочь выходитъ за умнаго сосяда. На оберткѣ напечатано: *Цѣна 5 рублей асс.* — Въроятно, это опечатка! Кто дастъ за такой вздоръ *пять рублей?*

65. Правила стихосложенія (Ивана Пенинскаго). Сиб. въ тип. И. Глазунова и К., 1838 г., въ 8, VIII и 96 стр.

Сочинитель увѣряетъ, что размѣровъ стиховныхъ имѣется на бѣломъ свѣтѣ четыре: *Стопо-дирный, Стопо-слагательный, Слово-зислительный, Слово-ударительный*. Потомъ напѣли мы у него слѣдующіе примѣры стихословія:

Гудитъ	жужжитъ	волчокъ	скокъ, скокъ
Крутясь	вертясь	шумитъ	стучитъ
Щелкъ, щелкъ	и въ бокъ	летитъ	лежитъ.
Такъ здѣсь	пной	хвалясь	собой
И въ спѣсь	пустясь	грезитъ	шумитъ
Пускай	ступай	а тамъ	и самъ
	Замолкъ		волчокъ!

Признаться, намъ приходитъ послѣ сего охота *постижословить* подобнымъ манеромъ, на примѣръ, вотъ такъ:

Ну, какъ	въ просакъ	такой	большой
Поналъ	упалъ	кто	намъ
Писалъ	о томъ	о чемъ	и самъ
		не зналъ?	

Безъ шутокъ: можно ли выдавать книжки, подобныя книжкѣ г-на Пенинскаго, послѣ того, когда уже давно издано превосходное сочиненіе о Русскомъ стихосложеніи г-на Востокова?

66. Описание Санктпетербурга и окрестныхъ городовъ С. П. бурской губерніи. Ивана Пункарева. Сиб. въ тип. Н. Греча, 1839 года, въ 8, 505 и 50 стр., съ планомъ и виньеткию, представл. домикъ Петра Великаго.

Ни Петербургъ, ни Москва не имѣли донынѣ ни какого *Путеводителя*, который могъ бы, хотя поверхностно, знакомить жителей ихъ, а тѣмъ болѣе прѣѣзжаго, съ достопамятностями обихъ столицъ, ксати представлялъ бы историческія свѣдѣнія, и отчасти важнѣйшія адресныя указанія. Не говорите, что вы знаете хорошо Москву или Петербургъ. Та и другая столицы — море, и изучать ихъ надобно годы, когда какойнибудь томикъ Путеводителя дополнитъ бы вамъ такое изученіе въ нѣсколько часовъ. Для Москвы есть у насъ только старинный, Новиковскій *Путеводитель*, весьма невѣрный и устарѣлый. Путеводитель, изданный г-мъ Делаво, очень плохъ, и опять таки устарѣлъ. Но пусть бы Москва — она старушка лѣнивая, а не совѣстно ли было щеголю Петербургу, гдѣ столько любопытнаго, что до сихъ поръ онъ не подумалъ похвастать своими достопамятностями? Богд-Т. VIII. — Отд. IV.

новъ и Георги, писавшіе въ половинѣ XVIII-го вѣка, могутъ быть только матеріаломъ для исторіи Петербурга. Труды П. П. Свиньица и г-на Шредера весьма недостаточны. Не забудемъ книги г-на Аттенгофера, и особенно, изданныхъ при Мин. Внутр. Дѣлъ (г-мъ Заблоцкимъ) *Статистическихъ свѣдѣній о Петербургѣ* (въ 1836 году — книга драгоценная!), но все исчисленное нами суть частности. Г-нъ Ваиуцкій принялся было за полную картину Петербурга, но онъ не кончилъ ея, хоть столько развелъ красокъ, что рамы предположенной имъ не достало и на десятую долю запаса, и картина вышла притомъ изъ мѣры по цѣпъ. Предоставляя другимъ писать огромныя картины, г-нъ Пушкиревъ рѣшился представить пока литографическій очеркъ нашей дивной столицы, и мы усердно благодаримъ его. Безъ дальнихъ и обширныхъ требованій, авторъ соединяетъ въ краткомъ очеркѣ исторію, топографію, статистику, меморанду достопримѣчательностей Петербурга, печатаетъ все въ красивой книгѣ, прибавляетъ адрессныя указанія, планы, и все продаетъ за *десять рублей*, уступая еще часть выручки на благотвореніе, и какъ будто соединя въ предпріятіи своемъ всякаго рода общественныя пользы (*четвертую часть* выручки за свою книгу, авторъ жертвуетъ въ пользу Дѣтской больницы въ С. Петербургѣ). Честь и хвала г-ну Пушкиреву! Благодарность и за множество подробностей, которыхъ мы не знали бы безъ его книги! Только мѣстнымъ, скучнымъ и утомительнымъ изслѣдованіемъ могъ ихъ собрать г-нъ П. — Попечительное Правительство дозволило ему пользоваться всеми оффиціальными свѣдѣніями, и г-нъ П. достойно оправдываетъ такую довѣренность. — Въ 1-й части помѣстилъ онъ общую топографію и статистику Петербурга, перечисленіе храмовъ и церквей, дворцовъ, памятниковъ, правительственныхъ мѣстъ и общественныхъ заведеній. Въ концѣ находится указатель улицъ и планъ. Ожидаемъ окончанія полезнаго труда г-на Пушкирева, и рекомендуемъ его полному вниманію читателей.

67. Исторія Философіи. *Архимандрита Гавріила*. Часть 2. Казань, въ Унив. тип. 1839 г. въ 8, 161 стр.

Съ петербургскимъ ждали мы продолженія сего важнаго сочиненія; *первая часть* его выдана была въ 1837 году. Желательно видѣть и окончаніе книги, значительно дополняющей то немногое, что издаю у насъ для изученія исторіи фило-

софіи. Честь и хвала поддерживающимъ среди насъ тихій, благодѣтельный свѣтильникъ науки наукъ, не смотря на рыканія отвратительныхъ и темныхъ противниковъ любознательности! Имя почтеннаго автора, Архимандрита Гавріила принадлежитъ къ числу именъ, коими украшается нынѣ Казанскій Университетъ, скромный въ трудахъ своихъ, но приносящій пользу благодатную и несомнительную. Кому неизвѣстны имена *Лобачевскаго, Симонова, Эверсмана, Эрмана, Ковалевскаго, О. Давида*?² Все они суть профессора того заведенія, откуда перешли на другія поприща *Перовицкиевъ, Врангелъ, Френъ*, люди знаменитые ученіемъ обширнымъ и основательнымъ.

68. Русскіе *простонародные праздники и суевѣрные обряды*. Выпускъ IV. Москва, въ тип. Унив., 1839 г. въ 8, 200 и 40 стр. съ картинкой.

Четвертымъ выпускомъ кончился важный и замѣчательный трудъ почтеннаго И. М. Снегирева, достойный всякаго уваженія. Мы желали бы посвятить ему подробный разборъ, и постараемся исполнить наше желаніе, *если...* Человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ!...

69. Начертаніе Технологіи, *составленное профессоромъ Гермштедтомъ*. Переведено съ Нѣмецкаго, по приказанію г-на Министра Финансовъ. Спб. въ тип. Эксп. Заг. Гос. бу-магъ, 1839 г., въ 8, 389 и 612 стр. съ рисунками.

Среди важныхъ государственныхъ занятій, знаменитый покровитель отечественной промышленности заботился и о доставленіи краткаго руководства для чтенія технологовъ нашихъ и преподаванія сего знанія въ учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя было выбрать для того и другаго книги лучше Гермштедтовой. Прибавимъ, что она весьма хорошо передана по Русски, а издана даже слишкомъ великолюбно. Отъ того произошелъ даже важный недостатокъ ея — дороговизна. Разумѣется, что по Гермштедту не выучишься быть записнымъ фабрикантомъ и технологомъ. Но она даетъ понятіе о Технологіи для всякаго, а технолога приучаетъ къ *системѣ* и *исоріи*, что весьма важно. Желательно бы намъ видѣть послѣ сего *практическую Русскую технологию*, такъ, какъ творить и пересоздастъ ее нашъ Русскій умъ. Для такого труда книга Гермштедта можетъ послужить прочнымъ основаніемъ. Заботливость объ обра-

зованіи трудящагося и производящаго званія гражданъ важное свидѣтельство убѣжденія въ истинѣ, что и ему цѣлѣбно просвѣщеніе. Трудъ безъ науки слѣпой великанш.

70. Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Курсъ Рисованія. Составилъ А. Сапожниковъ. Спб. въ тип. И. Воробьева, 1838 г. въ 8, IV и 43 стр. съ рисунками.

71. CRESTOMATISCHE BLÄTTER zur Uebersetzen aus dem Deutschen ins Russische, für junge Leute der sich Bergwesen widmen. Entworfen von C. Seidel. Спб. въ тип. Глазунова и К., 1838 г. въ 12, 129 стр.

Первая изъ сихъ книгъ принадлежитъ къ тѣмъ систематическимъ сочиненіямъ, которыя предположено издать для употребленія въ Военно-учебныхъ заведеніяхъ. Сочинитель, столь известный и искусный рисовальщикъ, объясняетъ, что при изданіи его краткаго Курса, «цѣль состояла не въ томъ, чтобы изъ учащихся сдѣлать художниковъ - живописцовъ,» но только «развить въ нихъ способность изображать на бумагѣ видимые предметы понятно и правильно, чтобы въ случаѣ надобности воспитанники могли потомъ безъ затрудненія парисовать съ натуры машину, инструментъ, видъ мѣстности, или предметъ, могущій встрѣтиться имъ на поприщѣ службы, либо въ домашнемъ быту.» — Въ слѣдствіе сего, авторъ преподаетъ собственно знаніе перспективы и черченія, и отчасти расположеніе тѣней и свѣта. Правила его кратки, просты и отчетливы.

Обучая Нѣмецкому языку въ Горномъ Корпусѣ, г-нъ Зейдель замѣтилъ недостатокъ книги, гдѣ соединился бы языкъ Нѣмецкій съ предметами самаго курса учениковъ. Читая порядочно Шиллера, ученикъ становится въ тупикъ передъ первою книгою минералогическою, и устраняя такой недостатокъ, г-нъ З. собралъ особенную хрестоматію, гдѣ всѣ статьи касаются собственно горнаго дѣла и входящихъ въ него знаній. Какъ хорошо было бы собрать такіа хрестоматіи и для другихъ учебныхъ заведеній! Мы видали, какъ ученики училищъ, предназначенныхъ для образованія кунечества, переводили Боссюэга и Фенелона, а не умѣли перевести Французскаго кунеческаго писема, гдѣ видѣли непонятныя имъ термины и обороты. Вообще такой недостатокъ ощутителенъ у насъ еще во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ученикъ странно толкуетъ вамъ о гиперболѣ, метафорѣ, синекдохѣ, а

не сдѣлаетъ вамъ грамматическаго разбора самой пустой фразы, не напишетъ вамъ правильно письма о томъ, что у него насморкъ. Что же выходитъ? Выходятъ полуграммотные юноши, которые пишутъ и даже печатаютъ стихи и прозу, а грамоты Русской все таки не знаютъ!

72. Новое дѣтское чтеніе, издаваемое подъ руководствомъ и смотрѣніемъ Н. Греча, издѣниетемъ книгопродавца Л. Жебелева. Ч. I. Спб. въ тип. Н. Греча, 1839 г., въ 8, 176 стр., съ картинкой.

73. Фридрихъ Великій, Король Прусскій. Повѣствованія, разсказы и сказки, заключающія въ себѣ очеркъ важнѣйшихъ того времени происшествій въ Европѣ. Спб. въ тип. И. Глазунова и К., 1839 г. въ 12, 141 стр.

74. Разговоры отца съ дѣтьми. Переводъ съ Англійскаго. Дѣвъ части. Москва, въ тип. А. Семена, 1839 г. въ 12, 260 и 264 стр. съ политнаж. картинками.

75. Благовоспитанное дитя, или какъ должно жить въ семьѣ. Соч. Жозефины Ле-Боссю. Съ Французскаго. Спб. въ тип. Деп. Вишин. Торговыи, 1838 г. въ 12, 188 стр.

Трудно писать для дѣтей!

Положимъ, что вы рѣшились пожертвовать временемъ труда не блестящему и скучному, труду, отъ котораго не добьетесь ни славы, ни денегъ, ни пріятнаго препровожденія времени. Пользу, только пользу имѣете вы въ виду, и рѣшаетесь писать руководство учебное, либо чтеніе для дѣтей. Хвалю, благодарю васъ! Но умѣете ли вы писать для дѣтей? Знаете ли, что мало вамъ знать предметъ, надобно еще умѣти изложить его сообразно дѣтскому понятію, придумать (почти что угадать) систему, посредствомъ которой понятію дѣтскому легче передать то или другое знаніе, или разсказывая повѣсть, найдти идею, образъ изложенія и рѣчь понятную, пріятную, поучительную дѣтямъ. И ежели всякая плохая книга есть грѣхъ, то плохая дѣтская книга почти преступленіе и вина непростительная...

А между тѣмъ, у насъ, да и вездѣ думаютъ, что ничего нѣтъ легче, какъ писать для дѣтей! Ты не умѣешь писать для взрослыхъ — пиши для дѣтей! Ты не умѣешь учить взрослыхъ — учи дѣтей! Ты плохо знаешь Французскій языкъ, то есть, знаешь только, что се, qui, roui, по Русски значатъ

этомъ, который, чтобы — переводы дѣтскія книги, и ставъ *этомъ, который, чтобы*, не думая о смыслѣ.

Среди множества книгъ, выдаваемыхъ для дѣтей на святой Руси, какъ пылинки золота среди грязи, отмѣчаемъ *четыре* означенныя нами дѣтскія книги.

Новое Дѣтское чтеніе, изд. г-мъ Жебелевымъ, есть родъ маленькаго журнала для дѣтей, гдѣ найдутъ они любопытныя статьи, повѣсти, сказочки, путешествія, изложенныя легко и понятно. Имя *Н. И. Грета* ручается за чистоту языка и выборъ статей.

Вторая книжечка представляетъ исторію Фридриха II-го, въ видѣ разговоръ между дѣтьми; въ концѣ авторъ примѣняетъ ихъ къ упражненіямъ по системамъ Жакото и Язвинскаго. Идея и исполненіе прекрасны. Объ языкѣ и корректурѣ автору надобно было позаботиться.

Еще болѣе надобно было подумать о томъ и о другомъ переводчику *Разговоръ отца съ дѣтьми*. Книжечка состоитъ изъ полезной смѣси всякой всячины; дѣти прочитаютъ ее съ пользою и удовольствіемъ, и могутъ изъ нея кое чему научиться. Но скажите, что за языкъ у переводчика? Угодно вамъ прочесть строкъ десятокъ?

«Но знаешь ли, Марія, что солнце не всегда восходитъ точно на востокъ? Карлъ уже сказалъ намъ это; иначе лѣтомъ оно не восходило бы надъ старымъ букомъ, а зимою — надъ вершиною горы: востокъ находится между этими двумя точками. Но я думаю, что намъ лучше не углубляться теперь въ этотъ предметъ: вы узнаете это лучше тогда, какъ будете постарше. — Маріи было такъ пріятно говорить объ этомъ предметѣ, что ей было жаль, что отецъ прекратилъ разговоръ объ этомъ...»

Право, *это* совѣстно доказывать, что *этомъ* языкъ не Русскій, и что *это* писано очень дурно. *Этомъ* переводчикъ долженъ былъ самъ догадаться объ *этомъ*.

На *это* и *эти* не скупъ и переводчикъ *Благовоспитаннаго дитяти*, книжечки, гдѣ излагаются правила, не какъ должно жить въ свѣтѣ, о чемъ дѣтямъ рано еще и думать, по правилу учтивости, благопримлчій, порядка въ обществѣ, и излагаются очень просто и мило. Мы охотно рекомендуемъ ее маленькимъ читателямъ.

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Письмо къ *Θ. В. Булгарину*).

Прежде всего позвольте мнѣ, почтеннѣйшій *Θ. В.*, поблагодарить васъ за ласковое слово, которымъ вы удостоивали уже нѣсколько разъ нѣкоторые драматические мои опыты. Позвольте прибавить, что я вѣрю искренности словъ вашихъ. Говорятъ, будто въ Японіи и Кохинхинѣ, болѣею частью, нынѣ пишутъ критики по личнымъ отношеніямъ, и что такая мода пробирается оттуда и въ Европу. Вѣрю, что подобной модѣ вы никогда послѣдовать не захотите, и пріязненное и непріязненное, и какое ни было бы отношеніе ваше ко мнѣ, оно никогда не допуститъ васъ къ измѣнѣ правды. И такъ, благодарность моя вамъ, «да будетъ первымъ моимъ словомъ», какъ говорилъ Карамзинъ. Признаться, мое литературное поприще, какъ самимъ вамъ вѣдомо, никогда не баловали излишними похвалами. Такъ теперь дѣлается и съ драматическими моими сочиненіями. Еслибы кто не зналъ о благосклонномъ принятіи ихъ снисходительною публикою обзвѣхъ столицъ, и судилъ только по нѣкоторымъ журнальнымъ отзывамъ, то могъ бы изумиться только тому: гдѣ беру я довольно безстыдства отдавать на сцену сущія нелюбости, и почему онѣ довольно часто являются въ репертуарѣ Русской сцены съ начала 1837 года,

послѣ перваго опыта моего на семь, до того времени совершенно чуждомъ для меня отдѣленіи литературы? Будь я характера робкаго и мнительнаго, дорожи похвалою журнальною и трепещи отъ брани журнальной, а главное — не имѣй я нѣкоторой предвзятельной системы въ моихъ занятіяхъ — мнѣ пришлось бы по сю пору даже раскаляться въ томъ, что я осмѣлился писать для сцены, но — это дѣло постороннее.

Писать къ вамъ заставляетъ меня совсѣмъ другое. Во *первыхъ*, покорная просьба: снять съ меня нѣкоторыя изъ замѣчаній, помѣщенныхъ вами въ *Съверной Пчелѣ*. Во *вторыхъ*, позвольте объясниться немножко по весьма любопытному для меня обстоятельству, въ которомъ и вы, и другіе меня вините, а я, право, невиноватъ, развѣ, можетъ быть, ошибаюсь неумышленно. Выписываю изъ *Съверной Пчелы* вполнѣ слова ваши обо мнѣ; рѣчь была объ отрывкѣ изъ драмы моей: *Елена Глинская*, помѣщенномъ въ *Новогодникѣ*. Ваши слова:

«Почтенный Н. А. Полевой пишетъ, какъ говорятъ, полосами. О чемъ рѣчь въ публикѣ, за то и принимается почтенный Н. А. Полевой. Была эпоха Журналовъ, Н. А. издавалъ журналы; была мода на Шеллингову Философію и на Политическую Экономію — онъ писалъ о Философіи и о Политической Экономіи. Настала мода на романы, онъ сталъ писать романы. Альманахи ввели въ моду оригинальныя повѣсти, Н. А. Полевой сталъ писать повѣсти. Заговорили объ Исторіи — вотъ есть и Исторія; наконецъ, вкусъ высшаго сословія и публика явно обратились къ театру, и Н. А. Полевой пишетъ трагедіи, драмы, драматическія представленія, драматическія были и водевили. Пишетъ онъ такъ много, что мы не можемъ постигнуть, когда онъ выбираетъ время, чтобы читать и учиться! Н. А. Полевой человѣкъ умный и удивительно смѣшанный. Онъ не можетъ написать ничего рѣшительно дурнаго, а между тѣмъ онъ написалъ много хорошаго. Что онъ ни напишетъ, во всемъ пробивается, то талантъ, то смѣливость, то ловкое подражаніе, и все припророчено къ поняті-

ямъ большинства! Но за то ужъ онъ вовсе не хлопочетъ объ отдѣлкѣ слога, потому, что сообразно съ нашимъ индустріальнымъ вкусомъ, онъ пишетъ съ быстротою паровоза. Что это, проза или стихи, въ *Уголино* и въ отрывкѣ: *Елена Глинская*? Текстъ напечатанъ, какъ печатаются стихи, а тутъ не знаемъ что!!! Одна строка въ прозѣ, другая строка стихъ — тамъ два стиха, далѣе три строки прозы.... Ужасъ и это *нововведеніе*, вольность пѣтическая? Нѣтъ, почтенный Н. А. Полевой, вы человѣкъ умный и разумный, и притомъ старый литераторъ: пишите что вамъ угодно, драмы, исторію или оперу, но держитесь нашей святой старины, и не отпускайте намъ рубленой прозы за стихи. Стоитъ вамъ захотѣть, и вы право напишете стихами лучше многихъ *нѣтънищихъ новѣйшъ* великихъ пѣтцовъ! Мы помнимъ, какъ вы, въ шутку, передразнивали, въ Телеграфѣ, нашихъ доморощенныхъ гениевъ, поддѣлываясь подъ ихъ стихи, и ваши шутки были лучше ихъ гениальности. Вы можете писать стихи — и такъ пишите! По отрывку мы не можемъ судить о вашей драмѣ, но думаемъ, что она будетъ хороша. Пишите для театра! Пьесы ваши имѣли неслыханный успѣхъ, следовательно, онъ хороши, хотя бы только для современности. Невозможно быть безпристрастнѣе насъ къ Н. А. Полевому, и, не взирая на пропущенное, мы всегда отдаемъ справедливость его таланту, уму, трудолюбію, а больше всего его смѣливости, въ которой онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ нашей литературѣ.»

Не знаю, справедливо ли, но я положилъ себѣ правиломъ и постоянно держусь его: никогда не возражать и не спорить, если является критика на какое либо мое сочиненіе. Хвалить меня? — благодаренъ; не хвалить? учусь изъ дѣльныхъ замѣчаній, пропускаю безъ вниманія то, что кажется мнѣ не дѣльно, а брань предаю вътрамъ мимолетнымъ! Опровергать и доказывать противное, не значить ли надѣяться публикѣ своею личностью, и притомъ, кто можетъ быть самъ себѣ судьей? Да, и не говорить ли старинная Латинская пословица, по моему, совершенно справедливая: *о вкусахъ спорить не должно?* Иное дѣло: опроверженіе какого либо ученаго предмета, споръ объ историческомъ фактѣ; по и тутъ надобно

строго разсматривать: не пустая ли личность, не охота ли спорить заставляют критика опровергать нас? Въ такомъ случаѣ, вспомнимъ бесполезность споровъ вообще, и то, что едвали когда нибудь бывалъ на бѣломъ свѣтѣ примѣръ искренняго сознанія въ ошибкѣ, и тѣмъ паче въ умысленной. Самолюбіе человѣческое такой конекъ, съ котораго трудно сбить самаго плохаго навздника; выбейте его изъ сѣдла, такъ онъ за хвостъ ухватится, и будетъ кричать, что его не сбили. А между тѣмъ, въ споръ иногда разгорячается самый хладнокровный человѣкъ; предметъ забыть; начинаются личности, игра въ остроуміе, и какъ Богъ не всякому даетъ его,

Такъ публикъ за чтожь терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье?

Повторю: не знаю, справедливо ли, но такъ я думаю, и думу мою поставилъ я себѣ непремѣннымъ правиломъ.

Но на вашу статейку объ *Еленѣ Глинской*, я осмѣливаюсь возразить мимоходомъ, потому, что дѣло идетъ тутъ совсѣмъ не о достоинствѣ моихъ сочиненій, а — какъ бы сказать? о выходѣ ихъ кстатѣ и во время. Вотъ здѣсь, мнѣ кажется, почтеннѣйшій *Ө. В.*, вы не совсѣмъ были справедливы. Напротивъ, я причисляю себя къ тѣмъ литераторамъ, которые менѣе другихъ знаютъ счастливое искусство *быть по плечу времени и большинства*. «Онъ пишетъ полосами,» говорите вы обо мнѣ — «о чемъ рѣчь въ публикѣ, за то и принимается: была эпоха *Журналовъ* — издавалъ журналъ; была мода на *Шеллингову Философію* и *Политическую Экономію* — писалъ о *Философіи* и *Политической Экономіи*; настала мода на романы — сталъ писать романы; альманахи ввели въ моду оригинальныя повѣсти — сталъ писать повѣсти; заговорили объ *Исторіи* — вотъ есть и *Исторія*; наконецъ, вкусъ высшаго сословія и публика явно обратились къ театру, и онъ пишетъ

трагедіи, драмы, драматическія представленія, драматическія были и водевили.»

Едва ли все это было и есть такъ. Начнемъ съ *журнала*. Когда началъ я издавать журналъ, была ли тогда эпоха *журналовъ*? Не думаю: въ Москвѣ сиротѣлъ тогда *Вѣстникъ Европы*, совершая уже двадцать третій годъ существованія; въ Петербургѣ тринадцать лѣтъ издавался *Сынъ Отечества*, а за ними шли только въ Москвѣ *Дамскій Журналъ*, да въ Петербургѣ *Благонамѣренный*, по своимъ особеннымъ колеямъ; *Отечественныя Записки*, покойнаго П. П. Свиньина, и *Русскій Вѣстникъ*, С. Н. Глинки, едвали могли назваться журналами, хоть и имѣли свое достоинство, а равно и журналъ А. Ө. Воейкова. Вы издавали ученый журналъ, *Сѣверный Архивъ*, и шутили въ своихъ листочкахъ. Мнѣ казалось, что надобно было оживить, разогрѣть журналистику Русскую, какъ лучшее средство расшевелить нашу литературу. Не знаю, успѣлъ ли я, но, по крайней мѣрѣ, толпой явились послѣ того Атеней, *Московскіе Вѣстники*, *Галатея*, *Московскіе Наблюдатели*, *Санктпетербургскія Обозрѣнія*, *Сѣверныя Минервы*, и почти все брали форму и манеръ съ моего журнала, которая перешла потомъ и въ самую Библіотеку для Чтенія и нынѣшнія *Отечественныя Записки*; важнѣйшіе вопросы современные были переданы критикѣ; объемъ журналистики раздвинулся; самая полемика остряла, горячила умы, и, по крайней мѣрѣ, въ *Исторіи Русскихъ Журналовъ* я не шелъ за другими.

«*Шеллингова Философія* и *Политическая Экономія*». Признаюсь, что не помню времени, когда была на то и другое мода, а если и была какая, то, думаю, и теперь не прошла. Я усердно споспѣшествовалъ той и другой наукѣ, ознакомившись съ ними при самомъ началѣ моего литературнаго поприща, и не только не отвергаюсь ихъ теперь, но увѣренъ, что для прочнаго образованія, какого угодно, объ науки долж-

ны быть положены краеугольнымъ камнемъ въ основаніи: одна, какъ зерно всѣхъ идей человеческихъ, какъ наука наукъ; другая, какъ важнѣйшее дополненіе Исторіи, какъ необходимое знаніе въ практической жизни, которымъ разрѣшаются важнѣйшіе вопросы общественные.

«Мода на романы». Но когда я издалъ *Клятеу при Гробъ Господнемъ*, много ли было тогда Русскихъ романовъ, и могли ль они войти въ моду, если ихъ почти не было? Другой романъ мой: *Аббадонна*, былъ писанъ въ грустное время моей жизни, и самое содержаніе его, самый недостатокъ успѣха, доказываютъ, что онъ былъ и не въ пору и не кстати, и что имъ хотѣлъ я усладить только собственное свое сердце, а не угодить большинству публики... Мечтать и поэтизировать, когда хотѣть *положительнаго, индустриальнаго*, когда читаютъ *Фашистическія повѣсти, Ледные дома, Бальзака и Жанена!*... Согласитесь послѣ сего, что и въ *Аббадоннѣ* я былъ плохой подражатель модѣ и общему вкусу, а также и въ повѣстяхъ, гдѣ мимоходомъ хотѣлось мнѣ развить нѣсколько идей, зная притомъ, что большинству онѣ не будутъ доступны, и цѣня только голосъ немногихъ...

«Исторія». Нѣтъ! Здѣсь я рѣшительно шелъ противъ общаго вкуса и направленія, а, по крайней мѣрѣ, не слѣдовалъ примѣру другихъ. Исторія Отчественная съ самаго начала моего ученія сдѣлалась любимымъ и исключительнымъ его предметомъ. Историческія пособія, историческая критика, заняли у меня самые первые годы. Далѣе, знакомясь съ Германскими понятіями объ Исторіи, съ современными объ ней идеями Европейцевъ, я не могъ не приложить высшей критики къ Исторіи Отчественной, и отъ того явились и мои противорѣчія противъ Карамзина и идея *Исторіи Русскаго народа*. «Заговорили объ Исторіи — вотъ есть и Исторія». Нѣтъ, почтеннѣйшій *Э. В.*, нѣтъ! Никто тогда не гово-

рилъ — не издавался тогда матеріалы, не изыскивались источники; едвали кто, кромѣ *Камайдовича*, сидѣлъ надъ лѣтописями, но и тотъ видѣлъ въ нихъ мертвую букву; изрѣдка мелькали статейки *Цеплина*; писали *Эверсъ* и *Вихманъ*, но не для насъ; были условныя идеи въ Русской Исторіи, и окрестъ ихъ стояла толпа и только дивилась. Вамъ честь: вы тогда издавали *Сѣверный Архивъ*, и дерзнули перевести критику на *Карамзина*, дерзнули сами не согласиться съ нимъ. *М. Т. Каченовскій* колебался въ своихъ сбивчивыхъ изысканіяхъ, и говорилъ кое что въ полголоса. И только. Большая отвага надобна была заговорить громко, и тоже сдѣлать съ Исторіею Русскою, что дѣлалось съ Русскимъ классицизмомъ. Не знаю, доставало ль у меня на то знанія, но отваги достало — толчекъ былъ данъ; на меня посыпались вопли и возгласы, но уже ничто не могло остановить потока свѣжихъ идей, и я осмѣлюсь вѣнчить это себѣ также въ заслугу. Пусть оно повело потомъ къ излпнку самобытныхъ мнѣній и критикъ, какой видимъ въ наше время, пусть *Исторія Русскаго народа* невѣрна, ошибочна, будетъ забыта, но ей надобно будетъ дать мѣстечко въ исторіи нашей литературы. И тутъ опять не мода, не подражаніе влекли меня, а тѣмъ менѣе разсчетовъ: согласитесь, что мнѣ выгодно было пристать *во время оно* къ дремлющему или восклицающему большинству, но подобный поступокъ почиталъ я ниже стремленія къ истинѣ.

Наконецъ, обращаюсь къ театру, и осмѣлюсь опять противорѣчить словамъ вашимъ. «Наконецъ вкусъ высшаго сословія и публика явно обратились къ театру.» Но когда же это было? (Да, полно, и теперь есть ли?) Посмотрѣть на *Горе отъ ума*, на *Ревизора*, являлись иногда въ театръ; въ журналахъ толковали кое-что о теоріи; на сценѣ были бенефисы, водили, передѣлки новѣйшей Французской сцены, и добросовѣстныя, скажу болѣе — прекрасныя попыт-

ки на Русскую Драму, Кукольника и Барона Розена, или на Нѣмецкую Ободовскаго. Но если дѣло идетъ о модѣ, объ обращеніи вкуса къ театру, право, его не было и теперь еще нѣтъ, и начавши писать для театра, я не могъ увлечься примѣромъ другихъ. Дѣло сдѣлалось гораздо простѣе. Въ то же грустное время жизни, когда развлекался я сочиняя *Аббаддону*, Шекспиръ, старый другъ мой, соблазнилъ меня переводить *Гамлета*, и привести притомъ въ исполненіе мысль мою о *сценической* передачѣ его твореній. Объяснять здѣсь мысль мою было бы долго, и я осмѣлюсь сказать, что успѣхъ *Гамлета* едвали не оправдалъ ея вѣрности, хоть я не обещу отъ упрековъ за бѣдный переводъ мой отъ г-дъ критиковъ и журналистовъ! Мнѣ надобно было даже долго изъяснять мысль мою самому артисту, которому передавалъ я ролю *Гамлета*, и опять большая отвага, надобно была литься передъ публику съ Шекспиромъ, и съ обезславленнымъ уже на нашей сценѣ *Гамлетомъ*! Публика лучше журналистовъ и теоретиковъ поняла дѣло, и это рѣшило меня на драматическій опытъ еще, а потомъ на другой и на третій опытъ. Да, почтеннѣйшій *О. В.*, опытъ. Видите ли что:

Драма составляетъ важную часть *Словесности* каждаго народа, а *Театръ* — важный предметъ *общества*. Нѣкогда составляли они одно и тоже, но потомъ разошлись по разнымъ дорогамъ, по разнымъ народамъ, по разнымъ идеямъ, по разнымъ теоріямъ. Не буду пересказывать здѣсь исторіи *Драмы* и *Сцены*, и, думаю, вы согласитесь безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что нашъ вѣкъ вообще не сыскалъ еще современной ему *Драмы*, а Русская *Словесность* и сцена еще менѣе сыскали ее. Какая должна быть *современная драма*? Какая должна быть драма у каждаго народа? И даже должна ли быть отдѣльная драма Русская, Французская, Нѣмецкая? Для меня

все это составляетъ еще до сихъ поръ вопросы. Я увѣренъ, что современная намъ драма не осуществлена ни Французскими классиками и романтиками, ни Германскою драмою Гёте, Шиллера, Вернера, Грильпарцера, Мюльнера, и что Шекспиръ *цѣликомъ* такъ же не современная наша драма, какъ *цѣликомъ* Калдеронъ, Софокль и Корнель. Далѣе идетъ другой рядъ вопросовъ, о соглашеніи *нашей драмы*, сообразной нравамъ, понятіямъ, образованію, съ идеею *современной драмы вообще*. Наконецъ, третій рядъ вопросовъ о примиреніи *Сцены* съ *Драмою*, или теоріи съ практикою.

Все это вопросы важные, и, можетъ быть, да и, кажется, навѣрное, мы умремъ не рѣшивши ихъ. Но что же намъ дѣлать: сложить руки и сидѣть? Нѣтъ! надобно начать рѣшеніе, положить отъ себя нѣсколько данныхъ, къ которымъ потомъ приложить еще. Начать рѣшеніе должно думая *теоретически* и *дѣлая практически*, а для того надобны опыты, и при нихъ стоическое самоотверженіе — важное достоинство въ писателѣ! Мы такъ самолюбивы и себялюбивы, что мы столько же горды, сколько и робки. Великій Гёте говорилъ, помнится, Эккерманну, что надобно дѣлать что можно, и никогда не разсчитывать на великое и огромное, ибо великое и огромное явится само собою, если только Богъ далъ намъ для него способность. Мы отъ того именно теряемъ, что хотимъ слишкомъ совершеннаго, боимся предстать съ несовершеннымъ, а сдѣлавши что нибудь — другая крайность: увѣряемъ самихъ себя, что это очень хорошо. Чтожь тутъ такое? По моему, вмѣстѣ трусость и гордость. Великій Суворовъ отвѣчалъ кому-то, кто спрашивалъ, какъ могъ онъ одержать столько побѣдъ и сдѣлаться столь великимъ полководцемъ? «Помилуй Богъ, просто: я всегда воображалъ себя, что я прапорщикъ и несу голову мою за первый крестикъ; другіе осторожны, помилуй Богъ — *рети-*

рада, деплода — а отъ того, они хорошіе полководцы, а я великій полководец!» — Я всегда былъ увѣренъ въ истинѣ словъ Гёте и Суворова, и потому бросался страху прямо въ глаза, увѣренный, что если Богъ мнѣ дасть средства на великое, великое явится само собою, а не то я проложу дорогу другимъ — заслуга важная, если примѣромъ своимъ я покажу другимъ хоть опасность дѣла. Застрѣльщикъ, убитый пулей тиральера при началѣ Бородинской битвы принесъ свою пользу...

Такъ размышляя я, пускаясь на поприще и драматическаго писателя, послѣ успѣха *Гамлета*. Примемъ за опыты: одна теорія недостаточна нигдѣ — въ этомъ я увѣренъ, а одной практики также мало. Думать о Драмѣ и сценѣ имѣлъ я время, принимаясь за ихъ практику на *сороковомъ году* отъ рожденія, изучивъ предварительно исторію ихъ у всѣхъ народовъ. И все, что до сихъ поръ отдано мною на сцену, я не считаю ни чѣмъ другимъ, какъ только добросовѣстными опытами, игрою *en banque*, на мою литературную извѣстность. Не мнѣ судить себя, но признаюсь, не могу не порадоваться некоторымъ успѣхамъ моихъ опытовъ, хотя приписываю ихъ снисхожденію публики только за *искренность* трудовъ моихъ, которую она вполне одобряетъ, и которая можетъ многое замѣнить въ писателѣ. Опытъ мой были разнообразны: въ *Уголино* мнѣ хотѣлось испытать на сценѣ идею судьбы, ожививъ ее религіознымъ духомъ; въ *Дядушкѣ Русскаго Флота* — очеркъ исторической картины и Русское народное чувство; въ *Иголкинѣ* — простое изображеніе фанатическаго чувства любви къ Отечеству, безъ всякихъ декораций сценическихъ; въ *Смерти или Чести* — Нѣмецкую *Trauerspiel*, и предѣлъ перехода изъ Повѣсти въ Драму; въ *Русскомъ Человѣкѣ* — сцену, сведенную на самыя простыя событія и чувства ежедневныя, въ которыхъ многіе не находятъ предмета для художника.

Такъ, въ одномъ изъ новыхъ, приготовляемыхъ мною для сцены опытовъ моихъ, подъ названіемъ: *Ода Премудрой Царевнѣ Фелицѣ*, мнѣ хотѣлось бы показать поэтическую сторону прозаической жизни Державина; въ другомъ, *Елень Глинской*, испытать быть Русской старины въ идеалѣ художника; въ третьемъ, *Стрѣшневѣ* — простое изображеніе стариннаго Русскаго быта и опытъ на сценѣ языка нашихъ предковъ; въ *Эспаньолетто* попытаться на Сѣверѣ на изображеніе Итальянскихъ страстей; въ *Прасковѣ Лупуловой* опять коснуться простаго изображенія любви дѣтской, которая провела простую дѣвушку изъ сѣговъ Сибири къ Царскому престолу, для испрошенія милости виновному отцу ея. Всѣ послѣдніе, упомянутыя здѣсь драматическіе опыты почти кончены мною, и, можетъ быть, въ нынѣшнемъ же году явятся на сценѣ.

Предвижу слова ваши: «пять новыхъ пьесъ!» и, можетъ быть, вы повторите, что сказали уже въ Северной Пчелѣ: «Пишетъ онъ такъ много, что мы не можемъ постигнуть, когда онъ выбираетъ время читать и учиться.»

Мнѣ кажется, почтеннѣйшій О. В., слова: много, мало, выражаютъ понятія только относительныя. Богъ дасть человѣку довольно времени, если только онъ умѣетъ беречь и употреблять свое время. Въ моемъ уединеніи, удаленный отъ всякихъ свѣтскихъ отношеній, въ кругу моего семейства, я также иногда дивлюсь, когда находятъ время люди на исполненіе всѣхъ, возложенныхъ ими на себя, свѣтскихъ обязанностей и еще притомъ на дѣло и на бездѣлье! Вотъ этого, право, я не понимаю, какъ притомъ еще многіе хотѣ что нибудь *дѣлаютъ!* Не знаю: много ли я пишу, но, соображая работы многихъ литераторовъ въ Европѣ, едвали можно назвать *многопишущимъ* кого либо изъ Русскихъ литераторовъ. Драматическія произведенія составляютъ для

меня отдых и наслаждение среди других, официальных и сухих занятий, и достаются мне легко, может быть, потому, что я начинаю их без дальних претензий, предоставляя рваться достоинство их другим, а сам только искренно ими занимаясь, и думая, что даже предъловъ нашего дарования никто не прыгнетъ, какъ ни силится бы онъ прыгать. «Но когда учиться?» — Ученье ученью разница, почтеннѣйшій *Θ. В.*, и оно раздѣляется на приобретение первоначальныхъ познаній и дальнѣйшее распространеніе ихъ. Чего не приобрѣли мы по первому отдаленію въ юности, предварительно, тому нечего учиться подъ старость, по крайней мѣрѣ, очень трудно. А если мы успѣли предварительно что нибудь запасти, потомъ обдумать, усвоить себѣ, привести въ систему, то *прибавленіе, дополненіе* къ тому ни чуть нетрудно, не обременить насъ, не огнемить у насъ много времени...

Вотъ обвиненіе ваше гораздо важнѣе: «но за то ужъ онъ (то есть, я) вовсе не хлопочетъ объ отдѣлкѣ слога, потому, что сообразно съ нашимъ индустриальнымъ въкомъ, пишетъ съ быстротой паровоза». Не знаю. По крайней мѣрѣ, смѣю увѣрить, что я совѣстливо забочусь о слогѣ, и доведу его до той степени совершенства, какая доступна по моимъ силамъ и способностямъ. Не знаю и того: придаетъ ли *медленное писанье* болѣе совершенства слогу? Не состоятъ ли средства для хорошаго слога, не въ томъ, чтобы, по словамъ Буало: «исправлять и переправлять свои сочиненія, гладить ихъ безпрестанно и переглаживать,» а въ томъ, чтобы имѣть нѣкоторое природное дарованіе, чего не даетъ наука, а потомъ логически и филологически изучить грамматику и языкъ свой, изучить образцы его, обдумывать то, что пишешь, и писавши мыслить. Избави меня Богъ горделиво думать, чтобы мой слогъ былъ хорошъ, изищенъ — первый я готовъ самъ

указать на его недостатки и погрѣшности; но смѣю увѣрить однакожь, что они происходятъ уже не отъ моего нерадѣнія. Мне хотѣлось бы видѣть доказательства вашихъ словъ... И вы указываете мне на нихъ, вы говорите: «Что это такое, проза или стихи, въ *Уголино* и въ отрывкѣ изъ *Елены Глинской*? Напечатано какъ стихи, а что такое, не знаемъ. Одна строка въ прозѣ, другая строка стихъ — тамъ два стиха, далѣе три строки прозы... Неужели это *нововведеніе*, вольность пѣническая? Нѣтъ! Не отпускайте намъ рубленой прозы за стихи!» И вы дѣлаете мне потомъ лестное увѣреніе, что я могъ бы писать стихи, и писывалъ ихъ, и проч., и проч.—Позвольте поблагодарить, и кратко объясниться во *второй* причинѣ заставившей меня писать къ вамъ.

Если вы, почтеннѣйшій *Θ. В.*, предполагаете во мне знаніе просодіи, и даже нѣкоторое умѣнье (если и не даръ) писать стихи, то послѣ сего не странно ли думать, что я не могъ бы, положимъ плохими, но правильными по просодіи, стихами писать мои драмы? Вы угадали: стихи, которыми написаны «Гамлетъ», «Уголино» и «Глинская» — *нововведеніе*. Что дѣлать, почтеннѣйшій *Θ. В.*, можетъ быть, несправедливое, невѣрное, но въ слѣдствіе мысли, идеи, которую я долго обдумывалъ....

Предполагая свои драматическія сочиненія просто *опытами*, я также хотѣлъ сдѣлать *опытъ стиха* для Русской сцены. Вотъ въ чемъ дѣло:

Отъ Французовъ перенявши классическую трагедію, мы взяли вмѣстѣ съ нею и классическія ихъ стихи. Имъ писали мы драмы наши отъ Тредьяковского и Сумарокова до Свѣчина и Озерова. Надобла намъ классическая драма, надобла и не годился для насъ и стихъ, обутой въ риому на концѣ. Писать въ прозѣ? Такъ, но драма высшаго разряда не *терпитъ прозы*; ей надобенъ стихъ, какъ котурнъ классической драмѣ, какъ рама

картинъ, какъ перспектива декораціи. Это, мнѣ кажется, несомнительно. Но какой же стихъ избрать? Для комедіи, по моему мнѣнію, стихъ Грибоевской, рифмованный, гибкій, ломкій, увертливый, есть стихъ настоящій. Но для трагедіи? Жуковскій первый подаль примѣръ стиха 5-ти стопнаго ямбическаго, безъ рифмы, съ переносомъ цезуры, взявши его у Ньмцовъ, и мѣшая съ пиррихемъ, вставляя иногда 6-ти, 7-ми стопный, иногда впадая, въ лирическихъ мѣстахъ, въ 4-хъ стопный съ рифмою. Жуковскому послѣдовали всѣ новѣйшіе драматики: Кукольникъ, Баронъ Розентъ, Ротчевъ, Вронченко, Ободовскій, Муравьевъ, Кирьевъ, и проч. и проч.— Но удовлетворителенъ ли такой стихъ? — Удивительный мелодистъ, Жуковскій, умѣлъ разнообразить его, но у послѣдователей его, воля ваша, онъ опять дѣлается однообразнымъ, тяжелымъ, вяжетъ, куется произношеніе на сценѣ, впадаетъ въ несносные переносы изъ стиха въ стихъ, и, по моему мнѣнію, это доказываетъ, что Жуковскій мастеръ писать стихи, а стихъ имъ взятый для драмы все таки неудовлетворителенъ. Что же надобно дѣлать? Какой стихъ доведетъ нашу сцену до совершенно свободнаго говора?

Я рѣшился испытать приложеніе на сценѣ *тонического* стиха, такого, гдѣ не разсчитываются стопы, но въ цѣлой строкѣ считаются ударенія только по произношенію. Этотъ стихъ намъ родной и знакомый по нашимъ народнымъ пѣснямъ, и при немъ можемъ мы понимать что значило у древнихъ различіе *стопосложенія* отъ *произношенія*, чего никакъ не могли понять Западныя филологи. Если вы будете разсчитывать наши пѣсни по стопамъ, то никакого толку изъ нихъ не выведете. Почтенному А. Х. Востокову обязаны мы первою мыслью о тоникѣ нашихъ пѣсень, послѣ чего появившемся намъ вполне ихъ стихосложеніе, гдѣ ямбъ стоитъ вмѣстѣ

съ хореемъ, дактиль на ряду съ анапестомъ. Теперь, если хотите узнать: какимъ образомъ писаны *Гамлетъ*, *Уголио*, *Глинская* — не рубленой прозой, не черезъ строчку стихами и прозой, почтеннѣйшій Ѳ. В., по *тоническимъ* размѣромъ. Тутъ нѣтъ стопы: есть только *удареніе*; нѣтъ рифмы — есть только *рифмъ*, или *ладъ*, и я осмѣливаюсь думать, что такой стихъ есть самый приличный и ловкій для драмы нашей.

Но чтожь это за стихосложеніе, скажете вы, гдѣ наряду стихи въ 4, 5, 6, 7, даже 8-мъ стопъ, и я не знаю, какъ ихъ читать: ямбомъ, хореемъ, дактилемъ, анапестомъ? Чѣмъ различается онъ отъ прозы?

Отъ прозы отличается онъ *рифмомъ*, тѣмъ *ладомъ* словъ и рѣчей, который такъ нестерпимъ въ прозѣ. Читать его пріучиться легко, если знаемъ ударенія, а при соблюденіи ихъ являются мѣра и согласіе. Послушайте Каратыгина, Сосницкаго, Мочалова въ *Гамлетѣ* и *Уголио*. Не смотря на мое нескусство писать стихи (въ чемъ я охотно сознаюсь), вы согласитесь, слыша ихъ произношеніе, что они *говорятъ стихами*, но ухо ваше не оскорбляется ни цезурой, ни стукотней стопъ, и я увѣренъ, что въ рукахъ искуснаго, изучившаго тоническое стихосложеніе поэта, стихъ тоническій будетъ самымъ ценнымъ, самымъ драматическимъ стихомъ. Онъ даетъ полную свободу сочинителю ничѣмъ не жертвовать для стопъ и переносовъ, даетъ волю актеру переливать голосъ такъ, какъ требуетъ страсть. Что ему надобно? Ямбъ, спондей, хорей, пиррихій? — Онъ свободенъ, выбирай — умѣй только произнести. Я не скажу, чтобы тоническимъ стихомъ было писать легче. Напротивъ, онъ, какъ романтизмъ, даетъ только минимую свободу, налагая условія гораздо тяжелѣе классическихъ.

Желательно бы мнѣ было, чтобы вы, какъ знатокъ языка, проникли въ мое объясненіе, и

подтвердили, или опровергли мое мнѣніе. По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ оправдаться, что дѣло не безъ толку было дѣлано, что тутъ была мысль, была идея, положимъ, невѣрная, да была однакожь! И признаюсь, я не отступлю отъ нея, пока мнѣ не докажутъ противнаго. Мы еще такъ далеко не узнали всѣхъ богатствъ нашего сильнаго, прекраснаго, звучнаго языка, что всякій опытъ, извлекаемый изъ природы его, долженъ заслуживать уваженіе. А. О. Вельтманъ осмѣлился на Русскіе *полиметры*, и мнѣ очень жаль, что его прекрасный опытъ до сихъ поръ остался безъ вниманія. Да, многіе ли пишутъ у насъ даже и гекзаметромъ? А отъ чего? Отъ того, что онъ требуетъ опытности, труда. До того ли намъ! Намъ, какъ бы поскорѣе взвзвать къ *двѣтъ*, къ *лунтъ*, къ *мечтъ*, въ рифмованной клеткѣ четырехъ-стопнаго ямба, о которомъ такъ хорошо сказалъ Пушкинъ :

Четырехъ-стопный ямбъ мнѣ надобѣль :
Пора оставить мальчикамъ въ забаву . . .

И *дивья ли* про другихъ, когда даже вы, почтеннѣйшій О. В., не хотѣли вникнуть въ дѣло, и осудили меня, предполагая даже во мнѣ, въ тоже время, и нѣкоторую литературную опытность, и даже нѣсколько поэтическаго дара. Вотъ почему рѣшился я писать къ вамъ, на сказанное *печатно* отвѣчать *печатно*, и сдѣлать другихъ посредниками нашего спора. Иное дѣло было отвѣчать, когда говорили о томъ же другіе критики. Они какъ-то умѣютъ такъ говорить, что отвѣчать имъ не хочется, и оправдываться передъ ними какъ-то совѣстно. Пусть они толкуютъ, какъ имъ угодно, но вы совсѣмъ другое дѣло.

Н. ПОЛЕВОЙ.

Л Ъ Т О П И С Ъ

Русскихъ Журналовъ за 1839 годъ.

Вторая книжка Современника подарилъ намъ опять прелестнымъ созданіемъ Грицка Основьяпенка: говоримъ о новой его повѣсти: *Далѣй добро и тебѣ будетъ добро*, которую можно назвать *панданомъ* (pendant) къ его *Марусѣ*. Содержаніе новой повѣсти совсѣмъ другое: тамъ мы видѣли изображеніе кроткаго, простаго чувства любви; здѣсь авторъ рассказываетъ намъ, какъ въ простомъ быту можетъ явиться и дѣйствовать мудрая практическая философія жизни въ быту простомудра. Сходство обѣихъ повѣстей состоитъ въ томъ, что въ той и другой мѣсто дѣйствія въ Малороссіи; въ обѣихъ изображаются нравы, обычаи, повѣрья Малороссіи, и обѣ равно прекрасны. Какое мастерство въ изображеніи характера Тихона Бруса, какъ живописно изображеніе голоднаго года въ Малороссіи, толковъ, пересудовъ мірскихъ противъ добраго, умнаго Тихона, и какъ умирительно потомъ заключеніе повѣсти. Рѣшительно, обѣ повѣсти г-на Основьяпенка (надобно ли говорить, что имя *Основьяпенка* есть псевдонимъ, и что подъ нимъ именемъ скрывается настоящее имя сочинителя, открывать которое мы не имѣемъ никакого права?), обѣ повѣсти причисляемъ мы къ лучшимъ сочиненіямъ сего рода въ нашей литературѣ, столь на него небогатой, хоть повѣстей у насъ по сию пору написаны сотни! Кромѣ нѣсколькихъ повѣстей Марлинскаго, Князя Одоевскаго, Булгарина, Павлова, Загоскина, Гоголя, Вельмана, г-жи Жуковой, Ясновидящей, на что прикажете указать? Разумѣется, что роды повѣстей упомянутыхъ нами писателей разные и достоинство ихъ неравно. У всякаго есть свое, и надобно

ли прибавлять, что и не все писанное тѣмъ или другимъ писателемъ бываетъ сплошь хорошо? Вотъ этой-то истины никакъ не могутъ еще дознаться у насъ *нѣкоторые* г-да Критики: у нихъ обычай бранить на повалъ и хвалить оптомъ. Они удивляются, какъ можно у одного и того же писателя одно похвалить, а другое осудить, и потому сперва надобно имъ посмотреть *подпись*, справиться, къ какому *приходу* принадлежитъ писатель, а потомъ ужъ они отмѣчаютъ въ следствіе того: *бранить*, или *хвалить*. Недавно одинъ изъ журналистовъ, говоря о нѣкоторой книгѣ, сказалъ, что сочинитель ея находится съ нимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, и потому о книгѣ его ошъ ничего не скажетъ. Да, почему же такъ? Если книга хороша—похвалите, если дурна—похулите. Тутъ ни пріязнь, ни непріязнь ничего не должны значить, какъ равно и имя ничего не доказываетъ. Не забавно ли, что нѣкоторые критики изумлялись: какъ могли мы, превознося *Марусю* г-на Основьяненки, не похвалить его *Праздника мертвецовъ!* Кажется, дѣло очень простое: первая повѣсть прекрасна, другая нехороша; потому одну мы хвалили, другую осудили, и — какъ же иначе поступать? — *Гордъ безъ имени*, Князя Одоевского, повѣсть прекрасная, а его же *Клужна Зизи* не хороша, и по мысли и по разсказу. И мы первую читаемъ съ наслажденіемъ, отъ другой зѣваемъ, и совѣмъ не по тому, что первая была въ *Современникѣ*, а другая въ *Отечественныхъ Запискахъ*; у насъ нѣтъ никакого пристрастія къ первому изъ сихъ журналовъ, нѣтъ никакой ненависти и къ другому. Положимъ, что О. З. бранить Сынь Отечества, да намъ-то что до того за дѣло? Хорошее въ нихъ всегда будетъ намъ казаться хорошимъ, плохое плохимъ, дурное дурнымъ. *Ихъ* мнѣніе *объ насъ* дѣло тутъ совершенно постороннее. Такъ мы обо всемъ думаемъ. Возьмемъ чтонибудь для примѣра, безъ всякаго выбора. Имя Пушкина, скажемъ на примѣръ, никогда не заставитъ насъ думать, чтобы въ его *Каменномъ Гостѣ* видна была какалъ нибудь глубокая, или яркая поэтическая идея, подобная тѣмъ, какія видимъ въ его *Моцартъ и Сальери*, его *Евгенийскіе погахъ*, его *Отрывокъ изъ Фауста*. Другой примѣръ: въ *Библиотекѣ для Чтенія*, недавно (книжка 3-я) прочитали мы статью: *Альпійскіе виды*. Имя сочинителя (*Николай Фроловъ*) намъ вовсе неизвѣстно, и едва ли не въ первый разъ

появляется оно въ печатномъ Русскомъ мѣрѣ, по ни то, ни другое не попрелтствуетъ намъ сказать, что статья очень умная и писана прекрасно (исключая неизбѣжныя поправки, принадлежащія Редактору Б. для Ч., и который онъ почитаетъ обязанностью дѣлать въ каждой статьѣ своего журнала). Въ той же книжкѣ Б. для Ч. нашли мы повѣсть Марриета: *Чортъ собака*. Кажется, имя сочинителя извѣстное, но мы признаемся, что никакой романъ Сулье, никакое твореніе А. А. Орлова не производило въ насъ такого негодованія, какъ эта повѣсть, пошлая по идѣ, отвратительная по разсказу... Но, обратимся къ *Современнику*.

Какъ будто вознаграждая за прекрасную повѣсть г-на Основьяненки, *второй* книжка *Современника* ничѣмъ болѣе не отличается. Изъ *пятнадцати* стихотвореній, въ ней помѣщенныхъ, едва ли что нибудь западетъ вамъ въ память, не смотря на то, что подъ нѣкоторыми подписаны *известныя* имена. Въ стихахъ г-на Межакова: *Я видѣлъ море*, мы раскланялись съ нѣсколькими знакомыми. Конецъ пьесы давно читали мы у Беранже, а два стиха:

О небо, небо! кто тебя
Усыялъ яркими звездами?

показались намъ нѣсколько сродни стихамъ Пушкина:

О поле, поле! кто тебя
Усыялъ старыми костями?

Вотъ г-нъ Гребенка, такъ онъ ни у кого не списываетъ! Въ *Современникѣ* помѣщенъ отрывокъ изъ новой его поэмы. По отрывку полагаемъ, что поэма будетъ *илишничко* Русской поэзіи. Начинается она такъ:

Ночь. Вся окрестность тихо спитъ;
На небѣ мѣсяцъ не горитъ...

Мы, правда, не понимаемъ, какъ можно *не тихо* спать, и какъ можетъ *горѣть* блѣдное свѣтло ночи; но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что

На руку голову склоня
У раствореннаго окна,
Невыразимо хороша,
Сидитъ жена Барабаша,
Сидитъ давнымъ давно она..

Вотъ она сидитъ и думаетъ: гдѣ мужъ? Не пошелъ ли къ намъ молодой —

*И ася изъ туги и огня
Къ нему на грудь падеть она...*

И жена Барабаша *вспыхнула*:

*И страстью налитая грудь
Дрожитъ и силится вздохнуть...*

Тутъ неожиданно прѣбѣжаетъ казакъ отъ мужа,

«Гдѣ мужъ мой? Что съ нимъ?» — *Нисего*;
Меня прислалъ онъ *для того*,
Чтобъ вашу милость *извѣстить*,
Что Богъ его еще *хранитъ*...

Посланный требуетъ какого-то королевскаго указа. Жена Барабаша отдаетъ указъ, и опять садится подь окно, съ *грудью, налитую страстью*; еще разъ *вспыхнула*, поспѣвѣла, поспѣвѣла, и вида, что на дворѣ уже свѣтаетъ —

Любовной плугою дыша,
Вздохнувъ жена Барабаша,
Легла спокойно почивать
На одинокую кровать...

Тѣмъ и кончается отрывокъ. Въ примѣчаніи, издатель *Современника* увѣряетъ, что поэма будетъ очень хороша. Дай Богъ, да что-то не вѣрится...

Пропуская всѣ другія стихотворенія, переберемъ прозу; ее составляютъ двѣ статьи: *Зимніе цветы* — извѣстіе о Шведскомъ альманахѣ, который издается въ Швеціи подь симъ именемъ, къ чему прибавлены краткія извѣстія о современныхъ Шведскихъ литераторахъ. Они любопытны: видимъ, что вездѣ, какъ и у насъ, есть люди, есть страсти, и что даже благоразумные, хладнокровные Шведы по литературной части не соблюдаютъ пословицы: «сору изъ избы выносить ненадобно». Другая статья: переводъ въ прозѣ трагедіи *Томасъ Морусъ*, сочиненной Сильвіо Пеллико. Конечно, и то любопытно узнать, что повал трагедіи Пеллико такъ же плоха, пятацута и скучна, какъ и прежнія его плохія драмы, да, притомъ же она коротка и можетъ порадовать классиковъ, что въ Италіи все еще держатся ихъ обветшалой методы драматической. Стало быть, что *Томасъ Морусъ* нашель мѣсто въ *Современникѣ*, то недурно. Но къ чему только представляю къ переводу столь громкое извѣстіе объ авторѣ трагедіи, который ни въ какомъ отношеніи не стоить его, какъ человекъ и какъ литераторъ? Не ужели въ самомъ дѣлѣ, не шу-

тъ, къ Пеллико идетъ прилагательное: *славный*, какимъ удостоивается его *Современникъ*? Послѣ того за славу грѣша дать не стоить, и намъ кажется, что на такое *прилагательное* надобно быть нѣсколько скупише.

Подь именемъ: *Разборъ новыхъ книгъ*, какъ извѣстно, Современникъ предлагаетъ всегда списокъ кой-какимъ новымъ книгамъ, прибавля къ нимъ иногда кой-какія коротенькія замѣтки. Мы вообще полагаемъ себя правомъ: о вкусахъ не спорить, и потому не возражаемъ ничего противъ мнѣній *Современника*, тѣмъ болѣе, что болшею частью онъ говоритъ какими-то памѣтками и двусмысленными замѣтками, какъ будто удалаясь отъ всякаго повода къ спору, и оставяла читателей разгадывать: хвалить ли онъ, или бранить? Но почти каждая книжка *Современника* доказываетъ, однакожь, что безпристрастіе трудное дѣло на бѣломъ свѣтѣ! Сличите отзывъ Современника о превосходномъ *Сборникѣ Князя Оболенскаго* и *Исторіи слутнаго времени*, о новомъ переводѣ *Тысячи и одной ноги* и изданной А. Ф. Смирдинымъ книгѣ: *Сто Русскихъ литераторовъ*. Последняя особенно не удостоилась благосклонности Современника. За что бы такъ? Не понимаемъ. Но сужденія и требованія Современника до того оригинальны, что ихъ стоить выписать и пояснить. *Современникъ* начинаетъ тѣмъ, что г-нъ Смирдинъ сперва собиралъ портреты, а потомъ «предположилъ коллекціи портретовъ придать видъ книги, и потому напечаталъ «при нихъ по одной статьѣ каждого изъ авторовъ, имъ избранныхъ. Мы находимъ», говоритъ онъ, «последнее его соображеніе не совсѣмъ удачнымъ. Статьи напечатаны, но *книги изъ нихъ не вышло*.» Не знаемъ: хотѣлъ ли г-нъ Смирдинъ придать своей коллекціи видъ книги, по кнѣга вышла у него, кажется, сама собою. Желая доставить публикѣ чтеніе пріятное и занимательное, по крайпей мѣрѣ, любопытное, онъ пріобрѣлъ, не щадя пожертвованій, по одному, по два, по три небольшихъ, нѣдѣ еще напечатанныхъ сочиненій разныхъ авторовъ, присовокупилъ къ нимъ портреты сочинителей и картинки, на которые также не щадилъ издержекъ, какъ равно и на напечатаніе сборника своего щегольскимъ образомъ. Составился огромный, великолѣпно напечатанный томъ. Но этотъ *томъ не книга*, Мм. Гг., да, *не книга*: это привидѣніе, призракъ, мечта!... «Книга,» говоритъ Современ-

никъ, «предполагаетъ какое нибудь единство, или предмета, или цѣль сочиненія. А здѣсь мы видимъ статьи безъ всякаго между собою отношенія.» Важная новость! Вы ищите единства предмета? Да, не состоитъ ли оно въ томъ, что вамъ предлагаютъ собраніе новыхъ сочиненій разныхъ современныхъ авторовъ? Вы хотите знать цѣль? Не состоитъ ли она въ томъ, что вамъ предлагаютъ галерею портретовъ современныхъ авторовъ, а какъ моральное, или духовное, если угодно, дополненіе, подлѣ каждого портрета становится каждый авторъ и бесѣдуетъ съ вами. Какихъ же еще отношеній угодно вамъ искать между статьями? Великая должна говорить сама за себя. Послѣ этого Петербургъ по городу. И въ самомъ дѣлѣ, что это за городъ? Онъ составленъ изъ домовъ, которые совершенно отдѣлены одинъ отъ другаго. The Works of Shakspeare совсѣмъ не Works: это отдѣльныя сочиненія, безъ всякаго между собою отношенія: Гамлетъ, Лиръ, Макбетъ, Кориоланъ. Гдѣ тутъ единство предмета и кака я цѣль? Что писалъ Шекспиръ въ теченіе 20-ти лѣтъ, собрали воедино, написали надъ собраніемъ: Сочиненія Шекспира, и увѣряютъ насъ, будто это книга? «Еслибы изданіе могло, по крайней мѣрѣ, служить современному хрестоматію, оно походило бы на книгу.» Да, именно: еслибы изъ Шекспира сдѣлали выборку и расположили ее систематически: описанія, мысли, правоученія — дѣло иное. Еслибы и г-нъ Смирдинъ издалъ хрестоматію, собраніе мелкихъ отрывковъ современной Русской Словесности, и приложилъ къ ней портреты, тогда была бы книга. «Но въ теперешнелъ (вы не знаете этого моднаго слова? Оно замѣняетъ слова: *пыльиный, настольный, съ тѣхъ поръ, какъ: пыль превратилось въ пыль, тепериче, а тотъ и сей въ этотъ и такой* — это, Мм. Гг., новые успѣхи современнаго языка Русскаго), въ теперешнемъ своемъ видѣ, подобно *Новоселью*, или *Библиотецкѣ для Читенія*, оно не представляетъ ничего цѣлаго». Здѣсь степенный Современникъ начинаетъ шутить, и шутить очень мило: «Что сказали бы о художникѣ, который, представивъ коллекцію портретовъ, вздумалъ бы, на память физиогноміи, нарисовать подлѣ каждого лица, или сапогъ, или перчатку, или пальку—вещи, очень любопытныя, когда они образуютъ полный костюмъ исторической особы, по ничего непознающія поодиначкѣ?» — Шутка очень остроумна, но желательно бы знать,

что такое въ *Ста Литтераторахъ* походить на сапогъ, что на перчатку и что на пальку? Не превосходны ли статьи Пушкина, Марлинскаго, Давыдова какуются *Современнику* сапогами, перчатками и пальками? — «Отдѣльныя статьи авторовъ здѣсь представленныхъ, еще печатаются, или были уже напечатаны въ Библи. для Читенія». Вотъ ужъ это, извините, неправда. Ни одна изъ статей, помещенныхъ въ *Ста Литтераторахъ*, не была нигдѣ прежде и не будетъ нигдѣ потомъ напечатана, развѣ въ полномъ собраніи сочиненій того или другаго автора. Неужели для того, чтобы *Ста Литтераторовъ* образовали книгу, г-ну Смирдину надобно было приложить къ портрету каждого автора и полное собраніе его сочиненій? Слѣдовательно, по мнѣнію *Современника*, надобно издавать, или одну Библиотеку для Читенія, или полную собранія сочиненій того или другаго автора? Но для чего же онъ самъ беспокоится сборомъ и изданіемъ разныхъ отрывковъ и пьесъ, и для чего онъ самъ издается? Собраніе статей, выходящее подъ именемъ *Современника*, не походить ли также на собраніе сапоговъ, перчатокъ и пальокъ литературныхъ? И слѣдовательно, и оно не книга? и его изданіе бесполезно? — Наконецъ, *Современникъ* изрекаетъ приговоръ *Ста Литтераторамъ*: «Мы не находимъ особенной надобности говорить о статьяхъ» — однакожъ Современникъ долженъ былъ сказать свое мнѣніе, говоря о явленіи столь замѣчательномъ, какова книга, изданная г-мъ Смирдинымъ, ибо у него есть отдѣленіе *Критики и Библиографіи*, гдѣ удостоиваются чести разбора, похвалы и замѣчаній иногда самыя ничтожныя книжечки. Но у Современника на все особенныя причины. Почему не хочетъ онъ ничего говорить о *Ста Литтераторахъ*? «Потому, что ни одинъ изъ *известныхъ* (какъ называется ихъ *книгопродавецъ*) авторовъ не вышелъ здѣсь изъ своей, давно знакомой намъ сферы.» Замѣйте слово: *книгопродавецъ*. Оно значитъ, что напрасно-дескать онъ, г-нъ Смирдинъ, беретъ распространять известности авторскія! Издатель смиряется передъ судомъ критики и молчитъ, по мы смѣемъ за него думать, что слово: *известный*, не синонимъ славному, и что если Сильвіо Пеллино получаетъ отъ *Современника* титулъ *славнаго*, то, по крайней мѣрѣ, Пушкина, Давыдова, Марлинскаго, Кукольникъ, Шаховскаго всякому позволено, кажется, назвать *известными*.

«Ни одинъ не вышелъ изъ своей сферы!» Но кто же знаетъ сферы нашихъ авторовъ? Потрудились ли *Современникъ* предварительно опредѣлить эти сферы? И неужели трагедія Кукольника, стихи и проза Пушкина и Марлинскаго, повѣсти Александровой и Шаховскаго, не стоили даже и упомянуть объ нихъ? — Сказать ли наше мнѣніе вообще объ отзывѣ *Современника* о прекрасномъ и безкорыстномъ предпріятіи г-на Смирдина? Намъ кажется подобный отзывъ неблагодарнымъ въ отношеніи издателя, человека столь полезнаго своею дѣятельностью и не пощадившаго никакихъ издержекъ на свое полезное предпріятіе. Онъ и несправедливъ, какъ по страннымъ требованіямъ критики *Современника*, такъ и по сущности и внутреннему достоинству книги г-на Смирдина? Что мы за богачи такіе, что будемъ не уважать книгами, подобными *Ста Литтератураль*, издаваемымъ г-мъ Смирдинымъ на манеръ изданій сего рода иностранныхъ, принимаемыхъ съ благодарностью публикою и критикою въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ. — Извините за наше длинное разсужденіе о такой статейкѣ, которая, можетъ быть, и не стоила его. Намъ хотѣлось показать, что безпристрастіе не всегда руководствуетъ мнѣніями Современника, не смотря на стараніе его высказывать свое хладнокровіе и свою осторожность въ отзывахъ. За то мы поспѣшите пройдемъ другія статьи *Современника*, да и что прикажете сказать о статьѣ: *Цимбелия Шекспира*, взятой у Газзита? Если Газзитова критика вообще ничтожна, то статья его о Цимбелии не стоила, кажется, перевода. *Пятдесятъ шесть страницъ* посвящаетъ потомъ *Современникъ* разбору *Басурлиана*, восхищается, любитъ имъ, журитъ его, похваливаетъ, опять журитъ, словно милое дитя свое. Счастливцевъ *Басурлианъ*! Какъ онъ по плечу пришелся нашимъ критикамъ — не налюбуются, не нахвалятся имъ.... Передъ нимъ онъ — о вкусахъ не споримъ! Остановимся лучше надъ огромною статьею, которая находится также въ отдѣленіи Критики Современника: *Жанъ-Поль*, Барона Э. Э. Корфа. Съ нѣкотораго времени начали у насъ появляться отрывки изъ сочиненій Жанъ-Польевыхъ, и даже завязалась теперь маленькая за Ж. Поля битва. Нѣсколько словъ, сказанныхъ Н. И. Гречемъ, въ его *Путевыхъ Запискахъ*, подали поводъ къ статьѣ Барона Корфа. Признаемся, что отзывъ Н. И.

Греча кажется намъ уже *слишкомъ рѣзкимъ*, по защитникъ его попадаетъ въ другую крайность. Онъ сердится, что нѣкогда въ *одно изъ журналовъ, издававшихся въ Москвѣ*, былъ напечатанъ разборъ, гдѣ редакторъ «хотѣлъ блеснуть *высшимъ взглядомъ*, низводилъ недоступное въ сферу обыкновенныхъ явленій, *радовалъ своего суетности тѣмъ, что его унижало*,» и представилъ переводъ одной пьесы Ж. Поля, гдѣ «передалъ слова безъ мыслей». Съѣмъ увѣрить Барона Корфа, что издатель *одного журнала, издававшегося въ Москвѣ*, ни чуть не боятся придаваемыхъ ему многими *высшихъ взглядовъ*. Далѣе, что разборъ Ж. Польевыхъ сочиненій не былъ писанъ самимъ редакторомъ, а переведенъ имъ изъ Англійскаго журнала, и наконецъ, что упоминаемая пьеса Ж. Поля была переведена однимъ изъ знатоковъ Русскаго и Нѣмецкаго языка, и мы готовы доказать, что переводъ ея столько же былъ вѣренъ, сколько изященъ. Но оставимъ *Редактора одного журнала, издававшегося въ Москвѣ*, «радовать свою суетность тѣмъ, что его унижаетъ.» Баронъ Корфъ объявляетъ, что Жанъ-Поль есть величайшій изъ всѣхъ гениевъ въ мірѣ, съ которымъ сравнится *только Шекспиръ*, а все остальное — Гёте, Шиллеръ, Байронъ и Пушкинъ (*Пушкинъ и Байронъ, Шиллеръ и Гёте*, выходятъ, по мнѣнію Барона Корфа, равномѣрны!) все стоятъ ниже его. Послѣ сего можете понять, въ чемъ состоитъ статья почтеннаго защитника Ж. Полева. Противъ такихъ статей спорить не должно, ибо тщетно будете стараться навести сочинителей на стезю истиннаго понятія. Забавно только одно, что почтенный защитникъ Ж. Поля, какъ послѣднее доказательство своего мнѣнія, предлагаетъ разборъ Ж. Полева романа: *Зибенкесъ*, переводитъ изъ него отрывки, весьма плохими Русскимъ языкомъ, восхищается и романою и своимъ переводомъ, и рѣшительно думаетъ, что убѣдилъ своихъ читателей. Уже если бы взять что для разбора, такъ развѣ *Титаниа*, или *Гессоруса*, но съ *Зибенкесомъ* дѣло защитника рѣшительно проиграно. Намъ кажется, что едва-ли голова человѣческая выдумала когда нибудь и что нибудь, страшнѣе, и даже, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, отвратительнѣе *Зибенкеса*! Не показывая своего великаго гения, Ж. Поль является въ Зибенкесѣ во всей своей нелѣпности. Слова наши должны удивить тѣхъ, кто не знаетъ Ж. Поля, но онъ былъ именно таковъ, и если бы надобно

было уподоблять его Шекспиру, то, мы готовы согласиться, онъ точно Шекспиръ, только *сумасшедшій*, или, когда угодно, Данте, только *опьянявшій отъ прыжка Нѣмецкаго пива*. Никто не споритъ, что Ж. Поль гений, но къ его гению прибавьте равную долю безумія, а для доказательства такого мнѣнія читайте его сочиненія, читайте *Зибенкеса*, и вы найдете доказательства почти на каждой страницѣ. Смѣемъ увѣрить, что это мнѣніе не наше, но общее, давно утвердившее мнѣніе, не только Франціи и Англіи, но и самой Германіи, съ которымъ мы только совершенно согласны. Сравнивать съ Ж. Полемъ Шекспира, значитъ не понимать сущности ни того, ни другаго писателя. Это двѣ разныя природы, два разные вѣка, два совершенно разные чловѣка... Но, мы почитаемъ излишнимъ говорить безъ доказательствъ, а доказательства потребовали бы отъ насъ развитія обширнаго. Мы прибавимъ, что статьи, подобныя статьѣ Барона Корфа, болѣе вредятъ дѣлу, нежели приносятъ пользы. Онѣ могутъ отбить охоту на знакомство съ Нѣмецкою литературою, а намъ надобно желать такого знакомства, хоть мы и позволяемъ себѣ уклоняться отъ безотчетнаго восторга, не только передъ генияльнымъ, но нелѣпымъ Ж. Полемъ, но даже и передъ самымъ великимъ Гёте, никакъ не думая, что у Нѣмцовъ *абсолютно* все хорошо, и —

Что намъ безъ Нѣмцовъ нѣтъ спасенья!

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ ЗА 1838 И 1839-Й ГОДЫ.

76. Церквин, *сочиненія архитекторомъ Е. И. В., профессоромъ архитектуры Императорской Академіи Художествъ и членомъ разныхъ иностранныхъ Академій, Константиномъ Тономъ*. Спб., 1838 г., лит. стран. текста и 18 рисунковъ, въ полнѣстѣ.

Мы никогда не вѣрили *исключительности* того или другаго предмета, въ томъ или другомъ вѣкѣ, и намъ всегда казалось и кажется, что всякая «исключительность» является только отъ односторонней точки зрѣнія наблюдателей. Такъ, на примѣръ, намъ ложно кажется мнѣніе, будто XVIII-й вѣкъ былъ исключительнымъ вѣкомъ разрушенія и матеріализма въ мірѣ чловѣческаго мышленія. И, дѣйствительно, сообразите сами: когда явились самая глубокая мистика и самая высокая философія повѣйшія, если не въ XVIII-мъ вѣкѣ? — Такъ и теперь намъ забавно слышать, будто нашъ современный вѣкъ есть вѣкъ только *положительный* и *индустріальный*. Мы не вѣримъ, такъ же, какъ не вѣримъ увѣреньямъ, будто иногда то или другое отдѣленіе чловѣческихъ знаній исчезаетъ; что, на примѣръ, излишныя художества въ наше время не существуютъ, или что то или другое отдѣленіе художествъ уничтожается въ ихъ области, и что на примѣръ, въ повѣйшее время эпоха не существуетъ, а замѣняетъ ее *романъ*. Вся такія мнѣнія должно приписывать, повторимъ, односторонности взгляда. Увѣримся, единожды навсегда, что вѣчные законы изящнаго, какъ вѣчные законы историческіе, всегда совершенно неизмѣнны и во все времена тождественны, и что чловѣчество, взятое вполнѣ, всегда живетъ своею полною жизнью, и что на все и на каждое у него всегда есть свои

представителн. Математическія истины не могутъ пзмѣняться, а жизнь человечества и природы подчинена строгимъ законамъ высшей математики.

Такъ намъ кажется совершенно ложнымъ мнѣніе многихъ, будто *зодчество* отжило свой вѣкъ, и никогда уже не составитъ собой такой новой эпохи, какія составляло въ Древнемъ мірѣ и въ Среднихъ вѣкахъ. Правда, до сихъ поръ нашъ вѣкъ не образовалъ еще своего самобытнаго зодчества; мы все еще кое-какъ подражаемъ древнимъ, не понимаемъ величія зодчества готическаго, и не нашли еще самобытной, современной его идеи, и самыя покушенія наши на теорію и практику его всего чаще и всего болѣе показываютъ только наше безсиліе. Но, не отвергнемъ опять неоспоримыхъ фактовъ, что самыя покушенія сіи показываютъ стремленіе наше отыскать предметъ, а всякое стремленіе должно имѣть цѣль, и наконецъ достигнуть цѣли своей: не предполагайте ея, не будетъ и стремленія къ ней. Сколь многого поняли уже мы противъ нашихъ предшественниковъ такого, чего они вовсе не понимали, и сколько новыхъ идей мы уже осуществили! Все еще непошло — правда, но дайте же время: идеи великія никогда не прыгаютъ; онѣ идутъ тихо, медленно, и «шевелиа приобрѣтаютъ силы», по Латинской поговоркѣ.

Вся сіи мысли родило въ насъ изданное нынѣ почтеннымъ художникомъ нашимъ, г-мъ Топомъ, собраніе *плановъ* и *фасадовъ* церквей, уже воздвигнутыхъ, или еще воздвигаемыхъ имъ въ обычныхъ столицахъ и разныхъ городахъ Россіи. Намъ кажется, что они могутъ служить вѣрнымъ доказательствомъ успенія истинныхъ понятій о зодчествѣ въ наше время, и того, что зодчество можетъ еще нынѣ отыскивать и приобрѣтать свою самобытность, даже и въ нашъ вѣкъ сомнѣній и критики, осуждаемый многими на бесплодіе новыхъ и самостоятельныхъ идей художественныхъ.

Не входи здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, что такое было *Византійское церковное зодчество*, и какъ составилось наше старинное зодчество церковное, скажемъ, что въ послѣднее время въ наши построенія церковныя вошли было у насъ идеи, рѣшительно намъ несвойственныя. Несчастный, мною *Итальянскій* вкусъ вводилъ въ нихъ самое бѣдное разнообразіе, и не понималъ даже въ постройкѣ ихъ глубокаго символизма православнаго храма, долженствующаго имѣть

свое опредѣленное, *догматическое*, такъ сказать, раздѣленіе. Вездѣ видѣнъ былъ портикъ и неизбежныя, ничего неподдерживающія колонны, всегда круглый куполь на храмъ, подлѣ него сквозная четырехъугольная колокольня, опять съ колоннами и шпиромъ, и по внутренности храма пизанскій наклонъ, съ открытыми клиросами, безъ хоровъ, безъ раздѣленія храма на части: таковы были почти всегда одинакіе планы нашихъ храмовъ и всегдашняя, избитая, несвойственная идея новѣйшихъ церквей нашихъ, тратившихъ черезъ то свою древнюю форму, внушавшую величіе и благоговѣніе, по смотря на странность и своеволие вкуса, иногда въ нихъ видныя.

Мысль обновить старинную постройку православныхъ храмовъ, съ нѣкоторыми усовершенствованіями, была весьма счастливою мыслью г-на Тона. Намъ кажется, что въ ней именно заключается начало элемента церковнаго зодчества нашего, которому десять столѣтій придали уже и національную самобытность. Рисунокъ готическій, рисунокъ Итальянской церкви вѣковъ возрожденія намъ равно несвойственны, уже по самому внутреннему расположенію Западныхъ храмовъ. Нѣтъ сомнѣній, что самъ г-нъ Тонъ, превосходное дарованіе и необыкновенное трудолюбіе коего уже неоспоримо доказаны, не считаетъ своей идеей окончательною, распространить, увеличить свои нынѣшнія понятія о церковномъ зодчествѣ Русскомъ, придастъ имъ разнообразіе, согласитъ и подробности отдѣлки храмовъ съ главною идеею ихъ, что также весьма важно.

Идея г-на Тона всего лучше можетъ пояснить изданное нынѣ имъ собраніе плановъ и фасадовъ. Посвящая его Августѣйшему Покровителю художествъ въ отечествѣ нашемъ, Царю Россіи, почтенный художникъ говоритъ: «Стиль Византійскій, сроднившійся съ давнихъ временъ съ элементами нашей народности, образовалъ Церковную нашу Архитектуру, образцовъ которой не находимъ въ другихъ странахъ. Опытъ современнаго возстановленія сего стиля, драгоценнаго для сердца Русскаго по многимъ воспоминаніямъ, удостоены были всемилоостивѣйшаго В. И. В. вниманія. Ободренный имъ, слабыя труды свои по части Русскаго зодчества, дерзаю посвятить Великому Царю Русскаго народа».

Главное вниманіе наше обращается въ собраніи рисунковъ

г-на Тона на планъ воздвигаемаго имъ пылъ въ Москвѣ храма *Христа Спасителя*, типомъ которому взятъ Успенскій Московскій соборъ. Предполагается, что онъ вмѣститъ въ себѣ 6000 человекъ; длина и ширина его составитъ квадратъ въ 55 сажень, а вышина съ крестомъ, отъ цоколя, 46 сажень. Жители Петербурга могутъ видѣть отчасти исполненіе мысли его въ церквахъ Св. Екатерины за Калиткинымъ мостомъ и Введенской въ Семеновскомъ полку, а также Петропавловской въ Петергофѣ. Планы ихъ помѣщены въ собраніи г-на Тона, гдѣ также замѣчательны планы для церквей въ Свеаборгѣ и Саратовѣ, церкви на развалинахъ Херсонеса, и церквей въ другихъ мѣстахъ. Не менѣе любопытенъ, планъ строимой г-мъ Тонемъ въ Москвѣ, колокольни Симонова Монастыря, въ пять этажей, по 8-ми сажень шириною съ каждой стороны, и въ 42 сажени вышиною. Образцомъ служилъ здѣсь Плавъ Великій. Тутъ же приложено прозѣтъ Евангелической церкви въ Новгородѣ, образцомъ которой были художнику Западные готическіе храмы.

Г-нъ Тонъ не прилагаетъ никакихъ описаній и поясненій къ своимъ рисункамъ, хотя весьма было бы желательно слышать мысли его о предметѣ, который онъ такъ хорошо понимаетъ, и объ искусствѣ, которое онъ такъ любитъ. Рисунки литографированы прекрасно, и изданіе можетъ назваться изящнымъ.

77. Медальоны въ память военныхъ событій 1812, 1815, 1814 и 1815 годовъ, изобрѣтенные Графомъ Ѳ. Толстымъ, и выгравированные на стали, по способу Бета, Н. Менцовымъ. Съ Высочайшаго соизволенія, изданы Археографическою Коммиссіею. Спб., въ Военной тип., 1858 г., въ 4, 21 рисунокъ, и при нихъ 24 стр. заглавія и объясненія текста.

Вотъ новая заслуга, которою ознаменовала дѣятельность свою Археографическая Коммиссія.

Извѣстно, что къ числу новѣйшихъ открытій въ гравированіи принадлежитъ гравировка съ выпуклыхъ изображеній, посредствомъ которой передаются на сталь, а съ нея на бумагу, всѣ выпуклости ихъ, до такой степени, что зрѣніе обманывается. Медаль, монета, снятыя симъ образомъ, и особливо, если онѣ будутъ оттиснуты металлическимъ составомъ, кажутся не гравурою, но настоящею медалью и монетою.

Надобно дотронуться рукою, и тогда только удостовѣришь, что это рисунокъ, и что только расположеніе очерковъ даетъ ему совершенную рельефность. Потому, во Франціи, въ другихъ странахъ Европы, и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ въ первый разъ явилось выпуклое гравированіе, было оно принято съ большимъ одобреніемъ. Особливо употребляютъ его пылъ на изображеніе монетъ и медалей. Вероятно, многимъ изъ нашихъ читателей знакомо, издаваемое во Франціи, сочиненіе: *Tresor de Numismatique et de Glyptique*, съ его превосходными выпуклыми рисунками.

Выпуклое гравированіе, какъ мы сказали, первоначально явилось въ Соед. Штатахъ, гдѣ машинку для него, въ родѣ пантографа, примѣнилъ граверъ Колась, въ 1828 году. Его изобрѣтеніе усовершенствовалъ потомъ Англичанинъ Бетъ. Соображая важность выпуклой гравировки для вернаго и изящнаго изданія въ свѣтъ предметовъ Русской Нумизматики, Археографическая Коммиссія рѣшилась ввести сей способъ въ Россію, почему въ 1836 году, по ея представленію, былъ посланъ въ Англію, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, художникъ Менцовъ, дабы приобрести тамъ машинку Бета и изучить его усовершенствованный способъ гравировки. Около года занимаясь возложеннымъ на него изученіемъ, г-нъ Менцовъ возвратился въ Россію съ удовлетворительнымъ познаніемъ предмета, и мы видимъ теперь первый опытъ искусства его.

Для такого опыта невозможно было избрать ничего приличнѣе тѣхъ драгоценныхъ медалей, которыми нашъ знаменитый художникъ, Графъ Ѳ. П. Толстой, ознаменовалъ рядъ великихъ событій отечественной, и потомъ Европейской войны 1812 — 1815 годовъ. Въ изданныхъ пылъ для образца Археографическою Коммиссіею выпуклыхъ гравюрахъ помѣщены всѣ его 20-ть медалей, и при нихъ изображеніе Родомысла XIX-го вѣка, которое можно почесть чудомъ медальернаго искусства, по тонкости и иѣжности рѣзбы; оно должно составлять *аверсъ* всѣхъ медалей Графа Толстаго.

Изданіе книги вообще превосходно; для него выписаны были изъ Англій особая бумага и искусный печатальщикъ, Англичанинъ В. Россель. Будемъ надѣяться, что при такихъ пособіяхъ, попеченіи г-на Министра Народнаго Просвѣщенія и искусствъ г-на Менцова, Археографическая Коммиссія пода-

рптъ пастъ отечественнымъ нумизматическимъ собраніемъ рп-сунковъ, которое стапеть на риду съ Европейскимъ сочненіямъ сего рода, когда притомъ ученость почтенныхъ членовъ ея не оставляетъ никакого сомнѣнія, что оно будетъ снабжено полными изслѣдованіями о Русской Нумизматикѣ.

78. Путевыя Записки, веденыя во время пребыванія на *Ионическихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи*, въ 1835 году, *Владимиромъ Давыдовымъ*. Часть I. Спб., въ тип. Э. Праца и К., 1839 г. въ 8, 315 и X стр., и

— Атласъ къ путешествію *Владимира Давыдова* по Ионическимъ островамъ, Греціи, Малой Азіи и Турціи. Отдѣленіе I. Спб., 1839 г. 2 стр. in f. и 23 рисунка литограф.

Замѣтимъ любопытную черту нашего времени, показывающую важный шагъ впередъ: въ наше время чаще прежняго начали являться описанія прогулокъ и путешествій за границу Русскихъ путешественниковъ. Сколько народа ѣзжало прежде за границу и проживало тамъ, а что осталось намъ отъ прежнихъ путешественниковъ, ученыхъ и неученыхъ, оффиціальныхъ и охотниковъ? Путешествія Шереметева и Демидова, Прогулки за границу Крымскаго Судьи, Панорама Парижа Л. А. Цвѣтсва, Письма Русскаго Путешественника, и — что еще? Посмотрите: вышъ безпрерывно являюся въ журналахъ отрывки изъ записокъ нашихъ путешественниковъ, и мы можемъ указать на нѣсколько полныхъ путешествій, совершенныхъ въ послѣдніе годы, описанныхъ мастерски, изданныхъ прекрасно и любопытныхъ во многихъ отношеніяхъ. Таковы путешествія г-дъ Муравьева и Норова въ Палестину, г-на Черткова въ Сицилію, г-на Греча въ Англію, Францію и Германию, г-на Всеволожскаго, о которомъ мы говорили въ С. О., и г-на Давыдова, 1-я часть котораго, съ 1-мъ отдѣленіемъ атласа, принадлежащаго къ ней, обращаетъ теперь на себя наше особенное вниманіе: все это такія явленія, которые могли бы быть замѣчены во великой литературѣ, и тѣмъ важнѣе они въ нашей.

Особенное вниманіе заслуживаетъ путешествіе г-на Д. потому именно, что предметъ его отъменно любопытенъ, а изданіе его представляетъ намъ роскошь, какой мы даже не привыкли еще встрѣчать въ нашей литературѣ. Другъ Вальтеръ-

Скотта, получивъ классическое образованіе въ Англіи, какъ отличный знатокъ древностей и памятниковъ древняго художества, какъ человекъ, имѣвшій притомъ средства, при огромномъ состояніи, удовлетворить вполне свое просвѣщенное любопытство, В. П. Давыдовъ совершилъ путешествіе по Греціи, съ избранною, ученою и художническою экспедиціею. Съ нимъ были: нашъ славный живописецъ Брюлловъ, архитекторъ Ефимовъ и Прусскій антикварій, докторъ Крамеръ. Этого мало: по окончаніи путешествія, г-нъ Давыдовъ рѣшился издать выборъ изъ своихъ богатыхъ дорожныхъ альбомовъ и портфелей, не щадя на изданіе издержекъ, заказывать работу въ Россіи и за границею, въ Парижъ и Берлинъ и прибавивъ къ тому дѣльныя, умныя и ученые замѣтки, роскошно издаетъ свою прогулку по мѣстамъ, освещеннымъ памятью древняго міра Греціи. Согласимся, что такое предпріятіе, такое благородное и полезное употребленіе богатствъ, заслуживаетъ полную благодарность соотечественниковъ, и думаемъ, что мы не дерзко поступимъ, если отъ лица ихъ поблагодаримъ почтеннаго В. П. Давыдова.

Книга г-на Д. будетъ состоять изъ двухъ частей, и, какъ изъ заглавія видно, покажетъ намъ очеркъ поѣздки его по Греціи, Малой Азіи и другимъ Турецкимъ областямъ. Въ изданной вышъ 1-й части мы находимъ путешествіе изъ Рима на Ионіскіе острова, по морю, до Аонія, и описаніе Аонія и ихъ окрестностей. Кажется, поле было уже столько разъ пожинаемо, что трудно было бы сыскать здѣсь что нибудь новое. Но оно столь обширно, что всегда найдется на немъ жатва для искуснаго дѣлателя. Читатели С. О. отчасти уже знакомы съ образомъ описаній г-на Давыдова, по статьѣ, взятой изъ 2-й части его Записокъ, содержащей въ себѣ описаніе Аониской Горы. Слогъ его, сжатый, скупой на слова, замѣтенъ особенно тѣмъ, что говоритъ только о дѣлѣ и отличается притомъ какою-то простотою и искренностью. Фраза его не куется молотомъ риторики — она рождена подъ дорожнымъ карандашемъ путешественника, и безыскусственная передается имъ читателю. Не слѣдуя за нашимъ путешественникомъ въ подробности его любопытныхъ замѣтокъ о вышнемъ состояніи древностей въ Греціи, о нравахъ и обычаяхъ жителей, Дворъ Короля Оттона, скажемъ, что главныя точки, на которыя устремляется вниманіе читателя въ 1-й части: Т. VIII. — Отд. IV.

Олимпійская долина и *Паросионъ* — два мѣста, священные памятныя искусство! Искусный Баварскій художникъ Метцгеръ занимался съ г-мъ Д. подробнымъ описаніемъ и измѣреніемъ всѣхъ частей Паросиона, составилъ потомъ для него десять рисунковъ, помѣщенныхъ въ Атласъ, и учное отдѣльное описаніе, помѣщенное въ книгу. И описаніе, и рисунки Метцгера — безцѣнный подарокъ, которымъ Европа обязана нашему соотечественнику, и они одни могутъ составить обширный предметъ изученія для художника и археолога. Но главное украшеніе Атласа г-на Д. составляетъ трудъ, также Нѣмецкаго художника, извѣстнаго Берлинскаго архитектора Шинкеля: по даннымъ ему рисункамъ и подробнымъ описаніямъ, онъ, какъ говорится, *ресторировалъ* Альтисть, или священную рошу, бывшую вокругъ храма Юпитера Олимпійскаго. Рисункъ его составляетъ большой листъ, и на немъ изображеніе Шинкеля, руководимое ученою критикою, изобразило для насъ долину Олимпійскую, такъ, какъ она была въ древнія времена Эллады, заселенная храмами и статуями. Эта картина — прелесть неописанная, увлекающая къ восторгу и грусти!

Достаточно было бы рисунковъ *Паросиона* и картины *Альтиста*, чтобы Атласу г-на Д. придать достоинство высшее Европейское, но читатели наши далеко не будутъ имѣть объ немъ понятія, если мы не скажемъ ничего объ остальныхъ его рисункахъ. Они суть *живописныя* изображенія: развалины Олимпійскія, развалины Фигалійскія, остатковъ храма Юпитера и храма Эрхтеля въ Аэниахъ, памятника Лизикратова, Пеллениккона Эгипскаго и остатковъ Паросиона. Присовокупите къ тому: виды Дельфійской и Херонейской долины, Трофоніевой пещеры, деревни Св. Рокка въ Корфу, и очеркъ Греческой вышней хижины, съ ея полудикими обитателями. Хотите ли оцѣнить достоинство всѣхъ сихъ рисунковъ? Ихъ писалъ Брюлловъ.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ *второй* части *Записокъ* и *Атласа* г-на Давыдова. Изъ 2-й части Атласа, мы видѣли нѣсколько листовъ, и не могли безъ удивленія смотреть на превосходный огромный рисунокъ, гдѣ *ресторировалъ* Софійскій храмъ въ Царѣградѣ. Передъ вами вполнѣ сей великолѣпный памятникъ послѣдней эпохи Греческой славы: рука художника сняла съ него всю пыль вѣковъ, все прибавки варварства, и чудо Ви-

зантийскаго зодчества, какъ будто теперь только явилось изъ-подъ рукъ зодчихъ и художниковъ. Не менѣе любопытенъ, въ другомъ отношеніи, листъ, изображающій Аѳонскую Гору. Однимъ словомъ, повторимъ сказанное нами выше, что книга В. П. Давыдова могла бы занять почетное мѣсто во великой Европейской Литературѣ, по внутреннему достоинству и по великолѣпной вѣнности, не смотря на недостатокъ для сею средствъ у насъ въ Россіи. Здѣсь, съ удовольствіемъ замѣтимъ, что многіе рисунки, дѣланные для г-на Давыдова здѣшнимъ художникомъ, г-мъ Селезевымъ, заслуживаютъ одобреніе знатока тщательностью и изяществомъ отдѣлки.

79. ГАЛЕРЕЯ видовъ города Пскова и его окрестностей, *сдѣланныхъ съ натуры*. Части 1 и 2. Издаваемая Псковскимъ Губернскимъ Землемѣромъ Ивановымъ. Спб., въ тип. Э. Праца, 1837 и 1838 г., въ пол. 8 стр. и 8 лит. рисунковъ.

Послѣ великолѣпнаго живописнаго собранія памятниковъ Эллады, съ любовью обратимъ взоръ нашъ на трудъ, не блестящій, но весьма замѣчательный. Цѣнны дѣло по силамъ — правило, совершенно справедливое. Не смотря на ограниченность средствъ, Губернскій Землемѣръ, живущій въ Псковѣ, г-нъ Ивановъ, рѣшился издавать собраніе достопамятностей Пскова, литографируетъ ихъ во Псковѣ, прибавляетъ къ нимъ краткія описанія, и уже выдалъ *дѣтъ* тетради, въ которыхъ находится *восемь* рисунковъ, весьма хорошо снятыхъ съ натуры и опрятно отдѣланныхъ. Желательно, чтобы нашлись послѣдователи г-ну Иванову въ другихъ городахъ, и чтобы публика подкрѣпила его прекрасное предпріятіе. Древній нашъ *Плескскъ*, родной братъ Новгороду, о которую разбивались мечи Плеттенберговъ и Баторіевъ, достоинъ вниманія по удѣльшимъ въ немъ памятникамъ старины. Взгляните: вотъ передъ вами древній стѣны Труворова Изборка; вотъ проломъ Баторіи въ Псковской стѣнѣ; вотъ обломки знаменитой Печерской обители... А видите ли этотъ бѣдный монастырь *Селтогорскій*, и *престъ* на *могилахъ*, подлѣ церковнаго алтаря! Не сильно ли заблещетъ сердце ваше, если мы скажемъ вамъ, чья это могила? Въ ней уснокоился *Пушкинъ*... Вотъ, на другой картинѣ и сельскій домикъ, гдѣ жила въ насъ поэтъ, въ своемъ Михайловскомъ. Здѣсь-то мечталъ, задумывался онъ,

удаляясь за вдохновенною думою изъ шумной столицы, глядя на родныя поля и восклицая при видѣ ихъ:

Опять на родинѣ, опять я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ...

На оберткѣ 2-й тетради, издатель выставилъ имена *всѣхъ* подписавшихся на его изданіе — всего нашлось менѣе *сорока* подписчиковъ: въ *Москвѣ* не подписались *ни на одинъ экземпляръ*; въ *Петербургѣ* взяли только *восемь*, и въ числѣ подписавшихся нѣтъ имени ни одного литератора! Цѣна за обѣ тетради очень дорога — 15 рублей! — Бутылка Кремана стоитъ 12 рублей; кресла Большаго Театра... Сколько бутылкоу разопеть иной поэтъ въ теченіе года? Есть люди, которые не пропускаютъ ни одного раза, когда танцуетъ Талиони....

80. Живописное Путешествіе по Азін, *составленное на Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе* (Eugène), и украшенное гравюрами. Переводъ Е. Корша. Изданіе А. С. Ширяева. Томъ I. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1839 г., въ 8, 290 и III стр.

Живописныя изданія въ большой модѣ въ Европѣ. Какимъ вамъ угодно? Дешевыхъ съ политипажами, дорогихъ съ драгоценными гравюрами, средней цѣны, съ гравюрками весьма порядочными? Всякіе можете найти на Нѣмецкомъ, Англійскомъ и Французскомъ языкахъ. Возобновленная въ наше время и доведенная до большаго совершенства рѣзьба на деревѣ, и гравировка на стали, даютъ къ тому всякія средства. Можно сказать, что живописныя изданія сдѣлались въ наше время даже *злоупотребительныя*: издаютъ книги для картинокъ, а не прилагаютъ картинки къ книгамъ. Самые дрянные тексты составляютъ содержаніе прелестныхъ Англійскихъ книсечекъ, гдѣ гравюрки — чудо, а описаній лучше не читать! И притомъ одні и тѣ же гравюрки являются въ десяти видахъ: то издается путешествіе, то географическое описаніе, то исторія, то романъ, а картинки все одні и тѣ же, какъ одни актеры въ разныхъ роляхъ.

Но злоупотребленіе ничего не доказываетъ, и хорошее остается хорошимъ. Такъ уже и Русская публика могла озна-

комиться съ живописнымъ путешествіемъ извѣстнаго мореплавателя Диомонъ-Дюрвиля, въ двухъ Русскихъ переводахъ его. Превосходному этому творенію всѣ отдали у насъ полную справедливость. Во Франціи имѣло оно успѣхъ неслыханный, и успѣхъ его возбудилъ соревнованіе многихъ: Дорбиннъ издалъ послѣ того Путешествіе по Америкѣ, а Эйріе Путешествіе по Азін, оба совершенно копируя Д. Дюрвиля, принимая форматъ его книги, маперъ его картинокъ и самый образъ описаній. Имена *Дорбинни* и *Эйріеса* могутъ быть порукой, что тотъ и другой могли исполнить свои работы успѣшно. Дорбиннъ совершилъ самъ продолжительное, ученое путешествіе по Америкѣ, а Эйріе долго былъ товарищемъ Малтебрея въ трудахъ его по части географіи. А. С. Ширяевъ издаетъ теперь въ Москвѣ Эйріесову книгу объ Азін, съ рисунками; предварительно, выдать покажетъ только первый томъ текста; рисунковъ мы еще не видали. Кто знаетъ книгу Д. Дюрвиля, тотъ пойметъ составъ и образъ изложенія и Эйріесова Путешествія по Азін. Вымышленное лицо путешествуетъ, описываетъ все лобозытное по дорогѣ, и такимъ образомъ объѣзжаетъ всю Азін. Сиди въ своемъ кабинетѣ, можете за нимъ спокойно путешествовать, и узнать все, что только достовернаго извѣдали настояще путешественники по Азін. Къ сожалѣнію, 1-я часть Эйріесовой книги довольно суха и недостаточна; онъ описываетъ Сибирь. Да, развѣ тамъ нечего описывать? Совсѣмъ нѣтъ; но гдѣ взять матеріалы? Не вините автора: онъ собираетъ и повторяетъ, что ему дадутъ и скажутъ, и, при незнаціи Русскаго языка, не можетъ пользоваться даже и тѣмъ немногимъ, что у насъ издано и извѣстно. Намъ кажется, для пользы науки следовало бы теперь, при изданіи Эйріесовой книги по Русски, сдѣлать на нее *дополненія* и *замѣчанія*, что было бы полезно и Русскому переводу, и за что, конечно, были бы благодарны и переводчикъ и издатель, ибо тогда трудъ ихъ пріобрѣлъ бы болѣе совершенства. Читая Русскій переводъ (Французскаго подлинника не имѣли мы случая видѣть), мы замѣтили много ошибокъ въ именахъ, а въ описаніяхъ подробностей неврѣныхъ. Замѣтимъ нѣкоторые, мимоходомъ: на стр. 210, мы не поняли, откуда взято нелѣпное извѣстіе объ ѣздѣ Сибиряковъ на *восемли* лошадахъ и на *тетверняхъ*? Не знаемъ также, откуда взято извѣстіе объ Иркутской ярмаркѣ

на стр. 213, и преимущественной торговль китайскою съ Китаичами, когда мы ее получаемъ весьма мало. *Тюркский залогъ* и *замокъ* въ Иркутскѣ (стр. 213, 214) значать просто *острогъ*. Расчеты о торговль съ Китаичами 1828 года, Переводчикъ могъ бы замѣнить болѣе новыми и вѣрными, изъ *Видовъ торговли*, ежегодно отъ Правительства издаваемыхъ (на стр. 229). Не понимаемъ также, зачѣмъ отправился путешественникъ изъ Иркутска до Качуга *вертоль*, и куда *переправился* оныя потомъ черезъ Лену для достиженія *Кагуга* (стр. 237), когда Качугъ пристань на Ленѣ, по сию сторону ея, и вздѣтъ до нея просто въ повозкахъ. На стр. 240, Тунгусы напрасно *принадлежатъ къ отрасли Манчжуровъ*. Наконецъ, съ невольнымъ негодованіемъ увидѣли мы, на стр. 248-й, несправедливое парьканіе на жителей Якутска. Вотъ что значить: «добрая слава лежитъ, а худая по міру ходитъ!» Одному изъ нашихъ путешественниковъ вздумалось съ чего-то говорить неправдъ на счетъ правовъ и характера жителей Якутска, и эти неправды повторять теперь Эйрисъ, какъ фактъ, прибавляя забавныхъ вздорновъ, будто въ Якутскѣ пишутъ леденническія прошенія даже *на берестѣ*, даже *поетельми на камнѣ!* Почтенный переводчикъ долженъ былъ при семъ случаѣ, или переменить текстъ, или прибавить отъ себя примѣчаніе. Извѣстіе Русскаго путешественника для насъ оскорбительно, а главное — *несправедливо*, о чемъ въ свое время было говорено и толковано въ Русскихъ журналахъ.

81. Обзоръ Малай Азій, *въ пятидесяти ея состояніи*, составленное Русскимъ путешественникомъ М. В. Часть I. Спб., въ тип. К. Крайя, 1839 г. въ 4, XVII и 286 стр.

Если не ошибаемся, то составленіемъ сихъ драгоценныхъ, на мѣсть собранныхъ свѣдѣній, мы обязаны труду одного изъ нашихъ военныхъ чиновниковъ, обозрѣвавшаго подробно Малаю Азію и составившаго карту ея. И кажется намъ еще, что имя автора извѣстно по многимъ прекраснымъ литературнымъ трудамъ. Въ 1-й части, послѣ общаго очерка мѣстности, рѣкъ, климата, произведеній края, авторъ излагаетъ населенность Малай Азій и образъ ея, оканчивая гражданскія устройство страны. Топографія Малай Азій составитъ предметъ 2-й части.

82. Лексиконъ *Чистой и Прикладной Математики*, со-

ставленный Академіи Наукъ Э. П. и проч., В. Я. Буяковскимъ. Томъ I, А. Д. Сиб., въ тип. Акад. Наукъ, 1839 г., въ 4, X и 462 стр. съ рисунками.

Первый томъ обширнаго труда почтеннаго В. Я. Буяковского, о которомъ уже нѣсколько разъ имѣли мы случай говорить, вполне оконченъ. Не *пятидесяти*, какъ обѣщано, но *пятидесяти* *восемь* листовъ составилъ оныя текста, красиво напечатаннаго, и заключилъ въ себя буквы А, В, С, D Французскаго алфавита. Не постигаемъ, какъ сей, столь обширный и драгоценный трудъ можетъ авторъ продавать столь дешево — томъ стоитъ 20 *рублей!* Нѣтъ послѣ сего никакого сомнѣнія, что оныя имѣеть въ виду не свои прибыли, а пользу своихъ соотечественниковъ. И если къ тому прибавить, что Лексиконъ г-на В. составляетъ истинную сокровищницу математическихъ знаній въ современномъ ихъ состояніи, то надобно ли прибавлять, что трудъ нашего почтеннаго Академика долженъ возбудить и вниманіе, и благодарность каждаго просвѣщеннаго соотечественника?

83. Учитель *Русскаго и Армянскаго языковъ, или руководство къ познанію Русскаго языка*, въ пользу Армянскаго юношества и Армянскаго языка для любителей Восточной Словесности. Издавъ Армянскій протодіаконъ Григорій Сукіасовъ. Часть I. Русско-Армянская Азбука. Москва, въ тип. Лазар. Института, 1839 г., въ 8, 118 и II стр.

84. Армяно-Русскій Словарь, *составленный по лексикону, издавшему въ Венеціи*, и умноженный вновь введенными словами Александромъ Худобашевымъ. Двѣ части. Москва, въ тип. Лазаревыхъ инст., 1838 г., въ 8, 613, 530 и III стр.

Кажется, что скоро не стануть уже намъ упрекать, что мы небрежемъ знакомствомъ съ Азіатскими языками: непрерывно видимъ мы въ послѣднее время умноженіе въ Россіи пособій для изученія ихъ и появленіе важныхъ книгъ Восточныхъ. Къ числу ихъ причислить надобно изданный пылъ г-мъ Худобашевымъ *Словарь* — первый опытъ полной лексикографіи для языка народа, многочисленнаго въ Россіи, имѣющаго любопытное значеніе въ Исторіи, и литературу, гдѣ Европеецъ можетъ отыскать много новаго. Имя автора извѣстно по прежнимъ литературнымъ трудамъ его.

а издание Словаря произведено щедрымъ пособіемъ почтеннаго И. А. Лазарева, и составляетъ новый подвигъ сей знаменитой Армянской фамиліи на пользу ихъ соотечественниковъ. Имя *Лазаревыхъ* останется въ памяти Армянскаго народа, послѣ всѣхъ тѣхъ пожертвованій, какія сдѣлапы ими для блага и чести соотечественниковъ, нашедшихъ новую отчизну въ гостепріимной и привольной Русской землѣ.

Небольшое, первоначальное руководство къ изученію Армянскаго языка, составленное г-мъ Сукіасовымъ, расположено очень просто и понятно. Вѣроятно, во 2-й части его будутъ правила и примѣры для обоюдныхъ переводовъ по Армянски и по Русски. Изданіемъ его обязаны мы Кизлярскому гражданину Б. Н. Мудусіеву, на иждивеніе котораго оно напечатано. Подобные примѣры и цвѣтущее состояніе Армянскихъ училищъ, а особенно *Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ* въ Москвѣ, не суть ли доказательства охоты къ образованію, одушевляющей Армянскій народъ подь благословеннымъ скипетромъ Русскихъ Монарховъ? Словарь г-на Худобашева былъ поднесенъ Государю Императору, и удостоился самой щедрой награды Монаршей.

85. ВСЕОБЩІЙ Французско-Русскій Словарь, составленный по изданіямъ Раймонда, Подъс, Еуста и Трипуцуской Академіи, Д. С. С. и К. Ивановъ Татищевымъ. Изданіе третіе, вновь дополненное и исправленное. Томъ I, отъ А до Г. Издали Селивановскій и Ширлевы. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1859 года, въ 4, II и 651 стр.

Уже нѣсколько поколѣній выучились у насъ Французскому языку по Словарию, означенному именемъ г-на Татищева; первое изданіе его явилось ровно за сорокъ лѣтъ, въ 1798 г., въ двухъ толстыхъ томахъ, въ 8 долю. Преемникъ имени и трудовъ, если не ошибаемся, своего родителя, почтенный И. И. Татищевъ совершенно преобразовалъ его потомъ, издалъ, въ 1816 году, уже въ 4, и имѣлъ полное право назвать свое изданіе *первымъ*, ибо стараго Словаря едва остались въ немъ слѣды. Черезъ десять лѣтъ потребовалось *второе изданіе*, и явилось опять дополненное и исправленое. Словарь языка такая книга, которая безпрерывно старѣеть и никогда не можетъ быть доведена до совершеннаго совершенства. Поэтому-то, каждый Словарь цѣнится по мѣрѣ *прибавокъ* и *улуч-*

шеній къ нему противъ прежнихъ своихъ собратій. Работа тяжкая и нескончаемая, но можно получить охоту, страсть къ составленію Словарей, и только привычкою и страстью къ занятіямъ подобнаго рода можно объяснить трудъ почтеннаго нашего лексикографа: онъ просто ужасаетъ воображеніе! Представьте, что нынѣ, къ *предѣлу изданію* своего Словаря, онъ прибавилъ опять тысячи дополненій и измѣненій. Ихъ можно оцѣнить математически тѣмъ, что во 2-мъ изданіи Словаря г-на Татищева, 1828 года, слова отъ А до Н занимали 368 страницъ, а нынѣ занимаютъ они 651 стр., такъ, что 185 страницъ, или около *двадцати трехъ листовъ печатныхъ*, въ огромную четвертку, въ три столбца, составляютъ *дополнил* одного *перваго* тома! Перемѣны и поправки не менѣе велики, и кажется, можно сказать, что у самыхъ Французовъ нѣтъ Словаря обширнѣе и полнѣе. Напечатанный, хотя и весьма четко, но удивительно убогисто, *первый томъ* составилъ бы не менѣе 200 листовъ обыкновенной печати, которые и въ компактномъ изданіи занимаютъ 82 листа! Не щадя издержекъ на изданіе труда, столь безкорыстнаго и почтеннаго, Издатели Словаря, г-да Селивановскій и Ширлевы, не пощадилъ издержекъ, нарочно выписали мастера изъ Парижа и напечатали его стереотипомъ. Огромные расходы на изданіе не препятствовали имъ однакожъ положить цѣну книгѣ изумительно дешевую — по 15 рублей за оба тома, и что можетъ объясниться только большою потребностью книги. Г-нъ Татищевъ положилъ навсегда прочное основаніе своему обширному Словарию, но тѣмъ не менѣе Издатели продолжаютъ и совершенствуютъ трудъ г-на Татищева, и по временамъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, намѣрены издавать дополненія *неологическія* и *техническія*, хотя обѣ сѣи части, по настоящае время, являются въ Словарѣ г-на Татищева съ необыкновенною полнотою. Почтенный лексикографъ тщательнѣе о томъ заботился, просилъ совѣта знатоковъ, и, кажется, никогда еще техническая и ученая терминологія не являлась столь исправною ни въ одномъ Словарѣ Французско-Русскомъ. — Издатели объявляютъ, что въ теченіе нынѣшняго года, они выдадутъ и 2-й томъ своего Словаря, послѣ чего намѣрены повысить цѣну его, что будетъ совершенно справедливо, судя по огромнымъ издержкамъ, каковыхъ стоило дополненіе и изданіе книги.

86. Библиотека *Коллежскихъ Знаний*. Отдѣленіе третіе. *Указатель предисловій и лѣтностей*. Спб., въ тип. Е. Фишера, 1839 г. въ 8, VIII, 148 стр.

Вотъ обращенъ и третяго отдѣленія *Библиотеки*, о которой мы уже подробно говорили прежде, а здѣсь прибавить только, что издаваемый нынѣ *Указатель*, по его полнотѣ, ясности и соображенію съ другими отдѣленіями *Библиотеки*, является весьма удовлетворительнымъ и совершенно соответствующимъ своей цѣли.

87. Описание *Астрономической Обсерваторіи Императорскаго Казанскаго Университета*. Профессора П. Симонова. Спб., въ тип. Академіи Наукъ, 1838 г. въ 8, 24 стр. съ рисунками.

Нельзя безъ истиннаго удовольствія читать этого описанія, гдѣ съ одной стороны видите правдивое изложеніе, какъ просвѣщенное и почтенное Правительство не щадитъ заботъ и издержекъ, если дѣло идетъ о чести и пользѣ Отечества, а съ другой находите пламенное усердіе почтеннаго ученаго мужа, ревностнаго къ своей наукѣ. Нынѣ, при щедротахъ Государя Императора, и стараніи почтеннаго Почетителя, «со времени вступленія въ управленіе котораго (съ 1827 года) настала новая эпоха для вѣреннаго почтенію его Университета» Казанскій Университетъ имѣетъ такую Обсерваторію, которая можетъ стать на ряду съ лучшими сего рода заведеніями въ Европѣ. Начало астрономическихъ наблюденій положено было тамъ славнымъ Литтровымъ, но потомъ ожили они новою жизнью, когда наизъ почтенный соотечественникъ, П. М. Симоновъ, вступилъ въ званіе астронома и профессора въ Казани, совершивъ свое достопамятное путешествіе вокругъ Свѣта. Съ 1835 года заложено было зданіе Казанской Обсерваторіи, стоившее донынѣ болѣе 70,000 рублей. Г-нъ Симоновъ отправился послѣ того за границу для покупки лучшихъ инструментовъ, и въ 1837 году привезенъ былъ, подъ его надзоромъ, въ Казань знаменитый 13-ти-футовый Фраунгоферовскій рефракторъ, а въ прошломъ году Обсерваторія, снабженная богатыми инструментами, начала исполнять свои ученые дѣйствія. Чего нельзя ожидать отъ усердія и познаний почтеннаго ея директора? Мы можемъ надѣяться, что Университетъ Казанскій поддержитъ нынѣ славу свою и по от-

дѣленію практической Математики и Астрономіи, какъ поддерживаетъ ее по Восточной Филологіи. Для успѣха науки мало зданій и средствъ — надобны люди, которые пламенны бы къ наукѣ своей ревностно, и такого дѣятеля Казанскій Университетъ имѣетъ въ своемъ почтенномъ астрономѣ и учредителѣ Обсерваторіи, г-нѣ Симоновѣ.

88. *Указатель дорогъ отъ Грэмля Московскаго къ заставамъ и къ границамъ Московскаго уѣзда*, съ присовокупленіемъ замѣчаній о рѣкахъ, горахъ и древнемъ дѣленіи уѣзда Московскаго на волости и станы, также предполагаемомъ соединеніи Москвы рѣки съ Волгою, и проч. Сочиненіе П. Хавскаго. Москва, въ Унив. тип. 1839 г. въ 8, XI и 79 стр.

Имя почтеннаго П. В. Хавскаго давно извѣстно было у насъ, какъ имя трудолюбиваго практическаго юриста. Нельзя забыть трудовъ его, касательно систематическаго собранія новѣйшихъ законовъ Русскихъ, прежде нежели совершенно былъ Правительствомъ обширный и великій трудъ, касательно полнаго изданія ихъ. Труды г-на Хавскаго, участвовавшіе въ семь достопамятныхъ дѣлъ, были отличены начальствомъ, и ему предоставлено было потомъ совершить новый подвигъ, требовавшій работы безмѣрной: мы говоримъ объ уничтоженіи запретительныхъ книгъ и безконечной запутанности запрещеній и разрѣшеній на пивъ, источникъ лѣбды и прибытка дельцамъ. Г-нъ Хавскій приступилъ къ работѣ усердно, смѣло, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда, весь хаосъ, запутанный съ 1740 года, былъ уничтоженъ: сотни тысячъ статей и миллионы листовъ книгъ уничтожились повсюду — *миллионы* безъ фигуры риторической, ибо по отчетамъ Комиссіи Свода запрещеній и разрѣшеній, они составили 6,750,770 страницъ и 876,831 статей запретительныхъ. Все это замѣнилъ общій, удобоуяснитель, систематическій печатный сводъ и печатныя объявленія. — Нынѣ г-нъ Хавскій участвуетъ въ другомъ, не менѣе обширномъ и любовитномъ трудѣ — занятіяхъ Комитета для составленія описанія архивовъ: Сенатскаго, Государственнаго и Вотчиннаго. Самъ же надѣялся, что его усердіе къ общей пользѣ откроетъ и здѣсь богатые матеріалы для своей дѣятельности, и подаритъ ихъ нашей Юриспруденціи и Исторіи. Жизнь, столь полезно употребленная, должна возбудить къ имени П. В. Хавскаго уваженіе

въ каждомъ его соотчичѣ. Касательно надеждъ нашихъ на новые труды его, насъ ободряетъ въ нихъ *Указатель до-рогъ*, пылъ изданный П. В. Хавскимъ въ Москвѣ. Здѣсь авторъ излагаетъ мѣры и начало для составленія *древней топографіи* и земельной карты Москвы и области Московской. Обширныя собранія фактовъ и привычка къ труду ручаются, что едва ли кто лучше г-на Хавскаго можетъ заняться подобною работою, и мы готовы записать въ книгу самыхъ лучшихъ надеждъ для Русскаго Историка все, что говорить почтенный г-нъ Хавскій на стр. 65 и 66-й своего *Указателя* (§§ 276 и 277). Да, помогите ему Богъ!

89. Начальныя основанія *общей Грамматики*, приспособленныя къ понятію начинающихъ обучаться частнымъ Грамматикамъ. И. Тито. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1839 г. въ 8, 176 стр.

Вотъ благое начало добраго дѣла. Мы рѣшительно увѣрены, что послѣ обыкновеннаго первоначальнаго ученія языковъ *рутинною*, и послѣ Русской грамоты, *ученіе Грамматики* непременно должно начинать правилами Грамматики Всеобщей, которая такъ же можетъ быть проста и понятна, какъ азбука, если только умѣючи упростить ее. Она дастъ ключъ къ ученію всехъ языковъ, легче покажетъ основанія роднаго языка, и вообще укрѣпитъ понятія учащагося. Но дѣло затрудняется методою. Вопросъ: какую избрать? Съ особенною признательностью принимая трудъ г-на Тито* (едва ли не первый въ своемъ родѣ на Русскомъ языкѣ), мы не согласны съ методою, имъ принятою, и думаемъ, что ни Французская, идеологическая, принятая г-мъ Тито, ни Немецкая, схоластическая, не годятся. Дѣло надобно объяснить легче и проще. Не *чувствами*, не понятіями о *душѣ* надобно начинать — это ужъ слишкомъ далеко, да и пойдетъ къ наукѣ языка. Начните гораздо проще: съ *словъ*, и съ того, что такое значить *говорить*; покажите только различіе *субъекта* и *объекта*, *идеи предмета* и *бытія* (пространства и времени), и объясните потомъ *части речи*, а за тѣмъ излагайте просто логическіе законы синтаксиса, и — ради Бога, какъ можно меньше словъ, и какъ можно болѣе простоты, простоты и порядка въ идеяхъ! Трудъ г-на Тито можно упрекнуть въ томъ и другомъ отношеніи: онъ, кажетъ-

ся намъ, очень много говорить, и не вездѣ переходя идей у него просто и вѣрнѣ. *Книги учебная* должна содержать *правила*, а подробное изложеніе и манеру изложенія ихъ представьте учителю. Слѣдуя Французскимъ идеологамъ, г-нъ Тито ставить первымъ словомъ челоѣвѣскимъ *междоуміе*: это ошибка, такъ, какъ и произведеніе *слаголовъ* отъ *именъ*. Междоуміе могло быть первымъ звукомъ съ динамическими, такъ сказать, идеями челоѣвѣка, но конечное сознаніе логики челоѣвѣка должноствовало явиться съ словами: *Я — ты — онъ — бытіе*. Отсюда развились идеи предметности и времени, здѣсь былъ источникъ склоненій и спряженій, и всего обширнаго челоѣвѣческаго слова, и отсюда должно начинать ученіе всеобщей Грамматики.

90. О жизни и трудахъ Геромонаха Аникиты, *въ лирѣ Князя Сергія Александровича Шиллатова*. Читано въ Императорской Россійской Академіи, 29 Октября 1838 г. Спб. въ тип. Росс. Акад. 1838 г., въ 8.

Какъ свѣтлая лампада среди тумановъ міра, была жизнь поэта-христианина, потомка знаменитаго рода, и *иногда* при концѣ дней, біографію котораго краснорѣчиво и сердечно изобразилъ почтенный сочинитель небольшого очерка ея, читаннаго въ Россійской Академіи. Умилительно видѣть подобныя сочиненія, гдѣ голосъ сердца замѣняетъ искусство, утѣшительно слышать повѣсть о жизни, подобной жизни *иногда Аникиты*. Его высокое, самобытное дарованіе не было отчуждено соотечественниками, но оно всегда составляло и составляло утѣшеніе немногихъ, и потому самому никогда не могло и не можетъ быть общимъ достояніемъ толпы читателей. Причиною сему отчасти можно почесть и то, что сочиненія Князя С. А. донынѣ не собраны во едино, и издаваемыя разновременно и отдѣльно, не могли показать всей силы, всей глубины его дарованія. Осмѣливаемся думать, что на знаменитой Россійской Академіи, столь хорошо оцѣнившей достоинства поэта при жизни, лежитъ обязанность издать пылъ его полныя сочиненія, приложить къ нимъ поучительное описаніе его жизни, и критически показать достоинство поэтическихъ его созданій. Такую книгу съ радостью встрѣтимъ мы въ отечественной литературѣ.

91. Кремневъ, *Русскій Солдатъ*. Оригинальное драмати-

ческое представлѣніе въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Русскаго Инвалида, И. Скобелева. Спб., въ тип. Н. Греча. 1839 г. въ 8, 95 стр.

«Штыками, бывало, мы писывали изрядпехонько, а на перышкѣ не взъичите: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!» говоритъ нашъ почтенный отецъ-командиръ устами Кременева.

Честь имѣемъ васъ, отецъ-командиръ, извѣстить, что опасенія ваши несправедливы. Какъ Русскій солдатъ, вы съ своимъ Кременевымъ приступомъ взяли нашу Русскую душу; какъ Русскій человекъ, вы исторгли изъ сердецъ нашихъ клочки восторга на свое Русское слово; какъ баловень Русской славы, вы шути подарили ей новый вѣнокъ. Спасибо вамъ, благодаримъ васъ, отецъ-командиръ, отъ души и сердца благодаримъ! Батюшка Царь Православный уже показалъ вамъ своими милостями, какъ тронуто было Его истинно-Русское сердце, а мы, Русскій народъ, съ просьбой къ вамъ: «Давайте намъ еще Кременевыхъ, дайте намъ поскорѣе вашу *Бабунку Русской Славы*, о которой пошелъ слухъ, будто вы ее приготовили; ведите насъ скорѣе на бивакъ *двѣнадцати вѣдъ*; покажите намъ солдатское житье-бытье; представьте намъ Русское удалство и молодечество — употребите остатокъ благородной руки вашей, принесенной въ дань Отечеству на кровавыхъ поляхъ брани, употребите ее на то, чѣмъ восхитили, плѣнили, увлекли вы насъ въ своемъ *Кремлевѣ*! Нѣтъ! вы и перомъ не *проштыкинетесь* — вотъ вамъ наше честное Русское слово, а вы знаете, что у насъ изстари присловье: «Кто не держитъ слова, да будетъ тому стыдно!»

Намъ простятъ наше невольное увлеченіе, когда мы заговорили о новомъ трудѣ почтеннаго И. Н. Скобелева. Критикъ искусства, критикъ схоластической, здѣсь нѣтъ мѣста, такъ какъ при народной пѣснѣ такая критика никуда не годится. Тутъ надобно другую критику, а какую? спросите вы. Ту, которая, какъ заботится молодцы пѣсенкой: *Не блыто стѣи*, или *Не одна-то одна* — заставлять Русское сердце сильно, крѣпко биться, и говорить: «Русь наша матушка! Слава Богу, что у меня сердце отзывается на твой голосъ!»

92. МЫСЛЬ О БЕЗСМЕРТІИ. Соч. Балаисоваго жгнцаниши

Сергѣя Мысовскаго-Святгорскаго. Спб., въ тип. И. Глазунова и К., 1839 г. въ 8, 15 стр.

Недавно читали мы въ Англійскихъ журналахъ извѣстіе объ Англійскомъ филологѣ-самоучкѣ *Ричардѣ Джонсѣ*, который былъ сынъ столяра и рыбака Валійской области, и самъ собою изучилъ двадцать языковъ, какъ второй Меццофанти, или Мальабекки. Случай привелъ насъ недавно встрѣтить Русскаго Джонса въ г-нѣ *Мысовсколь-Святгорсколь*. Рожденный въ самомъ бѣдномъ состояніи, обстоятельствами принужденный быть поднощикомъ въ питейномъ домѣ, онъ почувствовалъ непреодолимую страсть къ языкамъ, учился, читалъ, оставилъ родину, *тшкколь дошль* до Петербурга, и здѣсь, найдя покровителей въ благонамѣренныхъ знатныхъ людяхъ, въ самое короткое время хорошо изучилъ свой природный языкъ, свободно началъ переводить съ Нѣмецкаго, Англійскаго Латинскаго языковъ, хочетъ учиться Восточнымъ языкамъ, а предлагаемое имъ публикѣ сочиненіе показываетъ, если не дарованіе поэтическое, то, по крайней мѣрѣ, силу чувства, мысль, стремленіе къ совершенствованію самого себя. Благодарности, съ какою г-нъ М. С. говоритъ о своихъ благодѣтеляхъ, Графъ Н. С. Мордвиновъ и И. С. Гоголинъ, ручается за его сердце. Дай Богъ успѣхъ нашему Джонсу, дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ сдѣлаться полезнымъ по своимъ талантамъ отечеству, и оправдать упованіе на его дарованіе, теперь уже признанное, пригрѣтое знаменитыми покровителями. Пустьъ онъ собираетъ еще болѣе и болѣе знаній въ свою, ненасытимую имъ душу: будемъ надѣяться, что увидимъ и плоды ихъ въ трудахъ достойныхъ. Мы съ удовольствіемъ можемъ извѣстить, что г-нъ М. С., по выдержаніи учительскаго экзамена въ С. Петербургскомъ Университетѣ, уволенъ изъ податнаго званія, и получилъ мѣсто учителя въ здѣшнемъ учебномъ округѣ.

93. Слѣдъ Чалый. *Драматическія сцены на южно-Руссколь языкѣ*. Соч. Іеремія Галки. Харьковъ, въ Унив. тип., 1838 г. въ 8, 11½ стр.

94. Думки и пѣсни, *та ите де што*, Амбросія Могилы. Харьковъ, въ Унив. тип., 1839 г. въ 12, VIII и 210 стр. съ погати.

Признаемъ: мы вовсе не понимаемъ изданія книгъ на *Малороссійско-мъ* нарѣчїи! Что урожденцу Малороссїи могутъ быть драгоценны все преданїя родимой его стороны, что онъ собираетъ ихъ, что иногда вздумается ему подражать какой нибудь пьснѣ, легендѣ Малороссійской — все такъ, и дѣло очень попятно. Но если мы видимъ, что на Малороссійскомъ нарѣчїи пишутъ и печатаютъ книги, переводятъ на него цѣлыя поэмы, хотятъ составить цѣлую литературу Малороссійскую, спрашивается: для чего это? къ чему ведетъ? Котляревскій писалъ пьсни Малороссійскїя, написалъ очень милый Малорусскій водевиль, перелицовалъ Эпенду — то была шутка, оригинальность, и произведенїя Котляревскаго объясняются его жизнью и положенїемъ. Но изъ чего быются молодые урожденцы Малороссїи, люди чисто Русскїе? Для чего по Малороссійски упорно пишетъ талантливый Грицко Основьяненко? Не понимаемъ, и тѣмъ страннѣе кажется намъ, что въ числѣ пишущихъ по Малороссійски, и кромѣ г-на Основьяненка, есть люди съ истиннымъ дарованїемъ, а для доказательства укажемъ мы на г-да Могилу и Галку (вѣроятно, то и другое имя псевдонимы). Думать, что можетъ образоваться отдѣльная *Малороссійская* *Словесность* — странно; да еслибы и могла она образоваться, развѣ Малороссїяне, прежде всего, не *Русскїе*, не должны посвящать свое дарованїя *Русско-му*, богатому, общему нашему, національному языку? Не потребуешь ли послѣ того особой Словесности Зыряннїи, Олончаннїи, Белоруоссѣ, Вотьякъ, всѣ племена и нарѣчїя, слившїяся въ одну могучую громаду, Россїю? Словомъ, мы смотримъ на все, что издается въ наше время на Малороссійскомъ языкѣ, какъ на странную какую-то прихоть людей умныхъ, и осмѣлимся сказать болѣе — какъ на шалость литературную....

Мы почти готовы думать, что г-нъ Могилъ соображаетъ съ нами, ибо иначе растолковать нельзя предисловія къ его *Дуликамъ*. Онъ утверждаетъ, что Малороссійское нарѣчїе и самое сладкозвучное, и самое древнее въ Россїи и самое богатое. Польскїй языкъ уподобляетъ онъ *арфѣ* и *гитарѣ*, Русскїй *скрипкѣ* и *кларнету*, Малороссїйскїй *виолончели* и *флейтѣ*. Какъ доказательство сладкозвучїя, приводитъ онъ слова: *городъ*, *ухо*, вмѣсто: *осгородъ*, *ухо*; какъ доказательство богатства, множество бранчивыхъ словъ, обилїе междометїи (*сень*, *гунь*,

лясъ, *лянь*, *скинь*), и возможность уменьшительныхъ, ибо Малороссїяне, на слово: *говорить*, можетъ сыскать четырнадцать синонимовъ (*казать*, *балакать*, *базикатъ*, *базувать*, *слабезувать*, *варикать*, *патлать*, *палкать*, *балагурить*, *раздбаривать*, *дриботить*, *цокотить*, *торохотить*, *лилрить*), на пил: *Аша*, восемь варїацій, (*Гаши*, *Галя*, *Гашога*, *Галетка*, *Галенька*, *Гангуся*, *Гангусянька*, *Гангусянька*). Но послѣ сего не въ правѣ ли заступиться за себя Сибирякъ, и утверждать, что его: *сужага*, *ковды*, благозвучнѣе чисто Русскїихъ: *бунага*, *когда*, или другой провинціалъ, что гораздо благозвучнѣе говорить: *улять*, *вилья*, *писокъ*, *пекель*: *влять*, *ушель*, *песокъ*? Если уменьшительныя, бранчивыя слова, междометїя и варїаціи именъ доказываютъ богатство языка, мы заступаемся за Великороссїйское нарѣчїе. Послушайте-ка Русскаго мужичка, какъ онъ начнетъ браниться! *Хлонъ*, *шленъ*, *хванъ*, *баць*, *бухъ*, говорится и по Великороссїйски. На глаголъ: *говорить*, мы также найдемъ десятка два синонимовъ: *бавить*, *гупорить*, *разглагольствовать*, *борлотать*, *болтать*, *разнобавить*, *баллелитать*, *балакать*, *палкать*, *балагурить*, *раздбаривать*, *лїллїить*, *тараторить*, и проч. и проч. — А наша *Евдокїя* не уступитъ Малороссїйской *Ашѣ*, именувась: *Авдотья*, *Авдотьяошка*, *Авдотка*, *Душенька*, *Душетка*, *Душка*, *Душетка*, *Донетка*, *Дуля*, *Дуляша*, *Душонокъ*, *Душка*. А если взять наши увеличительныя: «стога» — *столница*, *столнїица*, и проч. и проч. — что вы скажете, Мн. Гг?

Разумѣется, мы шутимъ. Думаемъ, что только шуткою и можно отвѣчать на предисловіе г-на Могилы. — Если вы спросите насъ о достоинствѣ самыхъ произведенїи г-на Могилы и г-на Галки, мы скажемъ, что устраняя Малороссїйское нарѣчїе, *Савва Чалый* и *Дуляки* показываютъ несомнѣныя дарованїя сочинителей, особликъ *Дулики*. Многія изъ нихъ дышатъ красотою неподдѣльною. Жаль, что онъ писаны по Малороссїйски, бесполезны для нашей Словесности, и даже не могутъ быть намъ вполне понятны.

95. Лу! *Стихотворенїя* *М. Демидова*. Въ двухъ отдѣленїяхъ. Москва, въ тип. Авг. Семена, 1859 г., въ 12, 115 стр.

Кого опять окликаетъ юный поэтъ? Вѣроятно, *Славу*? Нѣтъ! онъ бранитъ ее! Или *Любовь*? Избави Богъ: онъ отказывается Т. VIII. — Отд. IV.

отъ любви! — Такъ кому же крикнуто его громкое Ау? — Поэтъ обращается къ намъ, бѣднымъ не-поэтамъ, и спрашиваетъ:

Созвучья Перли ты слышалъ ли?
 Стихи Мицкевича читалъ ли?
 Картины Вандика видалъ ли?
 Ихъ назначенье угадалъ ли?
 Ты говоръ волкъ морскихъ слышалъ ли?
 Ты ихъ нарѣчь понималъ ли?
 Ты лѣснымъ соловьямъ внималъ ли?
 Тебя ихъ голоса восхищали ли?
 Златое утро ты видалъ ли?
 Его ты прелесть понималъ ли?
 Спокойный вечеръ ты видалъ ли?
 И въ сердцѣ радость ощущалъ ли?
 Явленье бури ты видалъ ли?
 Въ ней голоса Бога постигалъ ли?

И не дождавшись нашего отвѣта, начинается настъ, бѣдливко-прозанковъ, бранить:

Но ты, увы! не понималъ
 Все эти дивныя явленья,
 Въ стихахъ и звукахъ не узналъ
 Небесъ святаго вдохновенья.
 Иди же прочь, иди туда,
 Куда влечетъ тебѣ желанье!
 Животворящая мечта
 Твое ль, сынъ праха достоянье?

Оно немного грубо — бранить и гнать отъ себя такимъ образомъ добрыхъ людей, но мы пользуемся однакожь позволеніемъ поэта, идемъ отъ него прочь съ низкимъ поклономъ, и принимаемъ за новое твореніе Г-на Гурьянова:

96. Появленіе въ Россіи *перваго, ужаснаго Салозавица Дмитрія, Григорія Отрепьева, и его изверженіе*. Историческое сказаніе. Соч. И. Г.—ва. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1839 г. въ 16, 43 стр.

«Имя *Отрепьева*,» говоритъ авторъ, «извѣстно каждому Русскому, а потому это сказаніе вѣрно *найдетъ своихъ читателей*.» Какъ не найти, и такимъ читателямъ охотно рекомендуемъ мы сказаніе о Григорѣ Отрепьевѣ: *огненно-дескать* любопытно, и то есть, видите, занимательно!

97. *Ариометика, служащая къ легчайшему обученію малолѣтняго юношества, въ двухъ частяхъ, вновь разсмотрѣнная и исправленная Колл. Ассессоромъ Петромъ Кумицкимъ. Изданіе одиннадцатое. (?) Москва, въ тип. Н. Степанова, 1839 г. въ 12, 187 стр.*

Кажется, что эта Ариометика старый нашъ знакомецъ, и если не копія съ знаменитаго творенія Меморскаго, то родная сестра ему. Двѣ вещи тутъ трудно понять: какимъ образомъ и когда достигла она *одиннадцатаго* изданія? И какъ *выгуживается* по сей *малолѣтнее юношество въ двухъ частяхъ?* По заглавію можете судить о достоинствѣ книги, и—не ошибетесь.

98. Оригинальный опекунъ. Мелодрама въ 5-ти дѣйствіяхъ. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1838 г. въ 8, 99 стр.

Здѣсь прочтите страницы двѣ, не болѣе, и отъ чтенія остальнаго можете себя уволить, потому, что содержаніе мелодрамы очень страшно: въ 1-мъ дѣйствіи, какой-то глупецъ знакомится съ мошенникомъ; во 2-мъ дѣлаетъ его опекуномъ надъ имѣніемъ и дочерью, и умираетъ; въ 3-мъ мошенникъ грабитъ имѣніе у дочерей его; въ 4-мъ дочери глупца являются на скотномъ дворѣ, и когда опекушка начинаетъ бить одну изъ ихъ, она бѣжитъ въ лѣсъ. Начинаются громъ, буря. Любовникъ дочери ходитъ по лѣсу и поетъ, видитъ свою возлюбленную и спасаетъ ее отъ опекуна. Въ 5-мъ дѣйствіи, приходитъ губернаторъ, требуетъ сиротское имѣніе; мошенникъ возвращаетъ все заграбленное; губернаторъ его прощаетъ (?), и все кончится благополучно. Сколько хлопотъ надвѣлалъ глупый отецъ своею доверчивостію къ мошеннику — цѣлую мелодраму! Справедлива пословица: «одинъ дуракъ броситъ камень въ воду, а десять умныхъ не вытащатъ».

99. Энциклопедія *молодой Русской хозяйки*. Часть I. Составилъ Б. В.—пъ. Сиб., въ тип. А. Воейкова и К., 1839 г. въ 8, IV, 477 и XXXIII стр.

Доказательство, что все въ мірѣ идетъ къ совершенству. Прежде выдавали *стряпухъ, поварихъ, хозяйкъ* на сѣрой бумагѣ, и продавали по двугривенному; теперь извѣстный литераторъ, *г-нъ Борисъ Волжинъ*, издатель множества дѣтскихъ, хозяйственныхъ и великихъ книгъ, принимается за по-

вариху, придаетъ ей названіе *Энциклопедіи*, и на оберткѣ назначаетъ цѣну книгъ своей 12 рублей. Умный человекъ и въ кухнѣ будетъ уменъ, но зачѣмъ однакожь отбивать работу у другихъ? Не ужели почтенный г-нъ Волжнинъ не нашелъ въ литературѣ занятія лучше искусства дѣлать пироги и пуддинги? Предоставимъ такіе предметы поварамъ и поварихамъ, или поставщикамъ книгъ на толкуіе рынки.

100. Исторія блохи, *содержащая въ себѣ весьма любопытныя наблюденія надъ симъ насекомымъ*. Сочиненіе г-на Бертолотто, известнаго своею рѣдкою коллекціею ученыхъ блохъ. Пер. съ Французскаго. Москва въ Ун. тип. 1839 г. въ 12, 22 стр.

Какая злая насмѣшка на людское любопытство была коллекція *ученыхъ блохъ*, которую въ прошломъ году показывали въ Петербургъ и въ Москвѣ! Вѣдь находились же люди, платили по пяти рублей за входъ, и смотрѣли, какъ блохи вальсируютъ, фехтуютъ, дерутся, возятъ карету! Хозяинъ ученыхъ блохъ не довольствовался славой и пошлinoй съ своихъ почитателей; онъ продавалъ притомъ книжечку о блохахъ — еще источникъ дохода! Теперь, кто-то перевелъ его книжечку на Русскій языкъ: опять налогъ на людское любопытство, и вотъ какой новый и сильный источникъ промышленности доставили блохи! Въ самомъ дѣлѣ: индустриальный вѣкъ, когда даже и на блохъ дѣлаютъ столь разнообразныя спекуляціи! А впрочемъ, какъ ни добывать деньги, только бы добыть. Все таки лучше дѣлать спекуляціи на блохъ, нежели на свою совѣсть...

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За Мартъ 1839 года.

—
Россия.

Императорскій флагъ снова развѣвается надъ Зимнимъ Дворцомъ. Русскій орелъ возвратился на свое обычное мѣсто. Жилище Русскаго Царя возникло изъ пепла въ назначенный срокъ, съ чудною и непостижимою быстротою, и знамена Гвардейскихъ полковъ, съ которыми соединено столько великихъ воспоминаній, украшенныя новымъ залогомъ Царской милости къ храбрымъ Русскимъ воинамъ, красуются въ возобновленныхъ стѣнахъ, столѣтнихъ свидѣтеляхъ Русской славы!

Освященіе Зимняго Дворца происходило по Высочайше утвержденному церемоніалу. Нѣсколько тысячъ человекъ высшихъ государственныхъ, военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ, и даже старшинъ надъ работниками, трудившихся въ возобновленіи дворца, собрались въ немъ до заутрени, въ 12 часовъ ночи, для встрѣчи праздника Свѣт. Т. VIII. — Отд. V.

лаго Воскресенія и празднованія возрожденія Царскаго жилища. Послѣ обѣдни, въ три часа по полуночи, Государь Императоръ изволилъ войти въ Бѣлую Залу, гдѣ собраны были все строители, и все милостивѣйше благодарилъ ихъ за усердіе въ трудахъ. Потомъ все присутствовавшіе во дворцѣ, все безъ исключенія, разгавливались роскошнымъ завтракомъ, которымъ угощаль ихъ Августѣйшій Хозяинъ. Участвовавшіе въ возобновеніи дворца умомъ, попеченіемъ, или личнымъ трудомъ, отъ высшихъ государственныхъ сановниковъ до простаго исполнителя, получили украшенные медалями, именно на сей случай выбитыми, и разданными всемъ въ знакъ Монаршаго къ трудамъ ихъ благоволенія. Какая сладостная надежда должна оживлять каждаго изъ насъ, при мысли, что Русскій Царь проникаетъ взоромъ во все слои общества и награждаетъ заслугу и усердіе во всехъ сословіяхъ! Русскій трудолюбивый и честный поселянинъ удостоился Царской награды рядомъ съ вельможею, въ чертогахъ Царскихъ, въ присутствіи общаго нашего отца, Царя Русскаго! Зрѣлище великое и умиленное, служащее залогомъ общаго нашего счастья!

Увидѣвъ внутренность возобновленнаго Зимняго Дворца, трудно, въ первыя минуты, найти слова для выраженія чувствъ своихъ, а тѣмъ болѣе для его описанія. Богатство въ убранствѣ комнатъ, высокое, художественное достоинство живописи и вази, изящество льпной и столярной работы, и даже самое распределеніе помѣщеній, составляютъ Зимній Дворецъ въ число первѣйшихъ произведеній искусства въ цѣломъ мірѣ. Дворецъ сей есть нынѣ достойный памятникъ величія Россіи и стпечатокъ нашей блистательной, современной эпохи, характеристика Русской славы и Русскаго могущества. И

какъ все это сдѣлалось! По одному слову Русскаго Царя: *да будетъ* — чудное зданіе возникло съ быстротою мысли, и чудо совершилось волею Царя, безпредѣльною преданностію къ Нему Русскаго народа и усердіемъ вѣрныхъ слугъ Его! Сказано и сдѣлано! — Восхищенные посѣтители Зимняго Дворца, при торжествѣ освященія, невольно обращали взоры на изображеніе Петра Великаго, въ залѣ Его имени, сближали въ умѣ своемъ все историческія эпохи, и къ удивленію своему, увидѣли подъ ликомъ Преобразователя Россіи, священный тронъ Его. Это зрѣлище произвело во всехъ необыкновенное впечатлѣніе и неизъяснимую радость. Прикованные сердцемъ и душою къ современности, столь изобильной славой и пользою отечества, зрители перенесли воображеніемъ въ старину, въ эпоху боренія Россіи, и все проникнуты были чувствомъ благоговѣнія къ прошедшему и благодарностію къ настоящему. Казалось, что самъ Петръ присутствуетъ при торжествѣ, и радуется величію, могуществу Россіи и вѣрности, любви, усердію сыновъ ея къ его благословенному потомству. И въ самомъ дѣлѣ: Великій Петръ, пересоздавшій Россію, присутствуетъ духомъ своимъ при каждомъ торжествѣ ея! Безсмертный Петръ вѣчно живетъ между нами въ чудныхъ дѣлахъ своихъ, и въ Потомкахъ, которые, по священному Его завету, прославили, возвеличили Россію, и некутся непрерывно о ея благодѣяніи!

Въ Четвертокъ, 25-го числа сего Марта, въ церкви Собственнаго Дворца Его Императорскаго Величества, изволили приобщаться Святыхъ Христовыхъ Таинъ: Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Ни-

КОЛАЕВИЧЪ и МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ, Великая Княгиня Елена Павловна, Великия Княжны Марія Николаевна, Ольга Николаевна, Александра Николаевна, Марія Михайловна, Елисавета Михайловна и Екатерина Михайловна.

Въ день Святыя Пасхи происходило торжественное перенесеніе въ Зимній Дворецъ знаменъ и штандартовъ Гвардейскаго корпуса, которые хранились въ немъ прежде, до пожара 1837 года. Величественный обрядъ сей совершенъ былъ среди радостнаго народнаго восторга; войска осчастливлены были милостивымъ словеснымъ изъявленіемъ Государя, и при семъ случаѣ украшены Андреевскими лентами знамена Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, Московскаго, Павловскаго, Литовскаго, и штандарты Конно-Гвардейскаго, Кирасирскаго Е. И. В., Конно-Гренадерскаго и Уланскаго полковъ, а Александровскими штандарты Лейбъ-Кирасирскаго Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника полка, а также пожалованы Андреевскія ленты Уланскому Е. И. В. Великому Князю Михаилу Павловичу полку, а Александровскія Гренадерскимъ Императора Франца I-го и Короля Прусскаго полкамъ, находящимся въ Новгородѣ, Ямбургѣ и Нарвѣ.

Изъ числа медалей, выбитыхъ по случаю возобновленія Зимняго Дворца, три медали, украшенныя алмазами, Всемилостивѣйше пожалованы имѣвшимъ главное смотрѣніе за работами: Министру Императорскаго Двора, Князю П. М. Волконскому, Оберъ-Шталмейстеру Князю Долгорукову и Дежурному Генералу Главнаго Штаба, Генераль-Адъютанту Клейнмихелю, возведенному притомъ въ Графское Россійской Имперіи достоинство.

Января 1-го, Княжеское Россійской Имперіи до-

стоинство всемилостивѣйше пожаловано было Предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ Графу Васильчикову. Марта 26-го всемилостивѣйше пожаловано Графское достоинство Министру Государственныхъ Имуществъ, Генераль-Адъютанту Киселеву. Орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго всемилостивѣйше пожалованъ: Австрійскому Генераль-Фельдмаршалу Графу Радецкому (Марта 18-го), Оберъ-Шенку Графу Строганову, Оберъ-Шталмейстеру Графу Долгорукову, Начальнику Морскаго Штаба Князю Меншикову (Марта 25-го), Митрополиту Кіевскому Филарету и Генераль-Адъютанту Графу Орлову (Марта 26-го).

О путешествіи Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника получены вождѣленные извѣстія. Отправясь изъ Турнина (Февраля 10-го), Е. И. В. благополучно совершилъ путешествіе въ Вѣну, гдѣ ожидалъ его Графъ Орловъ, назначенный вмѣсто покойнаго Графа Ливена (Февраля 19-го). Великолѣпныя праздники и увеселенія означили пребываніе Наслѣдника въ Вѣнѣ до 1-го Марта. Дальнѣйшее путешествіе Е. И. В. было на Мюнхенъ (4-го Марта), Стутгартъ (7-го Марта), Карлсруе (10-го Марта), Дармштатъ, Майнцъ, Биберихъ, по Рейну въ Кобленцъ и Кельнъ, въ Дюссельдорфъ, и снова по Рейну въ Нимвегенъ и Роттердамъ, гдѣ (19-го Марта) встрѣтилъ Е. И. В. Принцъ Оранскій, и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Гагу. Здѣсь Е. И. В. по обряду Православной Церкви говѣлъ, и въ четвергъ страстной недѣли пріобщался Св. Тайнъ, вмѣстѣ съ Е. И. В. Великою Княгинею Анною Павловною. — Всюду Государь Цесаревичъ осматривалъ всѣ достопамятности; Русскій народный гимнъ вездѣ гремѣлъ при видѣ Его въ концертахъ и на парадахъ. Въ Шенбруннѣ данъ былъ въ честь Высокаго Гостя Импе-

раторомъ Австрійскимъ спектакль, и въ тамошней оранжерей дворцовой ужинъ на 300 персонъ. Австрійскій Императоръ назвалъ Цесаревича Шефомъ Гусарскаго 4-го (что именовался прежде Жерамба) полка. Е. В. Король Прусскій повелѣлъ назвать именемъ нашего Цесаревича вновь строящееся въ Кобленцѣ крѣпостное укрѣпленіе.

А н г л и я.

Засѣданія Англійскихъ Парламентовъ не представили въ Мартѣ ничего особеннаго. Вопросъ о хлѣбѣ рѣшенъ: 342-мя голосами противъ 192-хъ, предложеніе Виллерса отвергнуто (18-го Марта), и прежніе законы остаются. Въ Палатѣ Перовъ, или Верхнемъ Парламентѣ, 28-го Февраля, прочитанъ и принятъ билль объ Ирландскихъ бѣдныхъ; Марта 5-го, Лордъ Эбрингтонъ жарко защищался противъ обвиненія въ нелюбви его къ Ирландскимъ Протестантамъ. Марта 7-го были споры о флотѣ и мнѣніемъ его упадкѣ. Марта 12-го, Бруггамъ говорилъ о вооруженіяхъ Турціи и необходимости предупредить посредничествомъ войну Турціи съ Египтомъ. 19-го Бруггамъ осуждалъ поступки Англичанъ въ Индіи, на что отвѣчалъ ему лордъ Мельбурнъ; 21-го положено составить комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ Ирландскихъ; 20-го вторично прочитанъ Билль Пагинтона о правѣ продажи пива, которое при легкомъ сборѣ акциза до того распространило пивныя лавочки въ Англіи, что въ иныхъ мѣстахъ на 20-ть семействъ приходится кабакъ, гдѣ продаютъ не только пиво, но и водку; отсюда происходитъ умноженіе въ пьянствѣ преступленій, такъ, что въ три года въ одномъ округѣ Англіи вмѣсто 600, число ихъ увеличилось до 2,000. Марта 26-го Бруггамъ осуждалъ поступки

Министровъ въ нерѣшеніи споровъ съ Соедин. Штатами о границахъ.—Въ Нижнемъ Парламентѣ: 27-го Февраля прочитанъ вторично билль о распространеніи правъ писателей на ихъ сочиненія; 28-го отвергнуто билль Оконеля объ уравненіи выборовъ въ Ирландіи; Марта 1-го утверждено устройство желѣзной дороги въ Ирландіи, съ издержками въ 2½ милл. ф. ст.—4-го представленъ бюджетъ по флоту; 8-го вторично прочитанъ билль о городскомъ управленіи въ Ирландіи; 11-го сильныя споры происходили, касательно морскаго бюджета, причѣмъ Лордъ Пальмерстонъ оправдывалъ внѣшнюю политику Англіи; 19-го былъ споръ о Мексиканскихъ дѣлахъ; 21-го отвергнуто билль Гюма о распространеніи правъ разныхъ мѣстъ на выборы; 22-го лордъ Руссель сильно говорилъ объ Ирландіи.—Марта 27-го, засѣданія Парламентовъ закрыты по случаю Пасхи—Нижняго до 8-го, а Верхняго до 11-го Апрѣля.—Марта 28-го Бруггамъ былъ уже въ Парижѣ, гдѣ видѣли его въ Академіи, съ большимъ участіемъ слушающаго ученые споры.

Коммиссарами для управленія Адмиралтействомъ назначены Королевою: Графъ Минто, Вице-Адмиралъ Адамъ, Контръ-Адмиралъ Паркеръ, Капитаны Трубриджъ, Печель, и лордъ Дельмени.

Ф р а н ц і я.

Рѣшеніе Короля касательно Палаты имѣло слѣдствіи многими предвидѣнныя. Не смотря на общія желанія людей благонамѣренныхъ, старанія Правительства, возгласы роялистскихъ журналовъ, выборы оказались такъ неблагопріятны Министрамъ, что Марта 9-го они подали Королю рѣшительно просьбы объ отставкѣ, и снова Маршалу Сульту предложено было составить новое Министерство. Но всѣ

его старанія были бесполезны, и Марта 31-го послѣдовало Королевское повелѣніе, коимъ назначены Министры: *Гаспаренъ* внутреннихъ дѣлъ, и управляющимъ публ. зданіями, земледѣіемъ и торговлею, *Жиро (д'Энь)* юстиціи, Герцогъ *Монтебелло* иностранныхъ дѣлъ, Генераль-Лейтенантъ *Депанъ-Кюбьеръ* военнымъ, Баронъ *Тюпише* (депутатъ) морскихъ силъ и колоній, *Паранъ* (депутатъ) народнаго просвѣщенія, *Готье* финансовъ. — Всѣмъ извѣстно, что министерство ихъ не имѣетъ никакой прочности, но 4-го Апрѣля Палаты однакожь были снова открыты. Въ *J. des Débats* напечатано, по поводу жалобъ, что Король не присутствовалъ при открытіи, и по неимѣнію Королевской тронной рѣчи и преній послѣ оной, невозможно узнать теперь мнѣній Палаты Депутатовъ, что Король не могъ ничего сказать новаго въ рѣчи своей, что Министерство нынѣшнее, какъ преходящее и временное, не откроетъ вполнѣ системы Правительства, и слѣдовательно рѣчь Короля подала бы только поводъ къ пустымъ преніямъ и разгоряченію умовъ, и что есть гораздо легче средство Палатѣ показать свое направленіе и усердіе къ общему благу выборомъ Президента. — Переговоры и заботы объ учрежденіи настоящаго Министерства (сказано въ Монитерѣ) были безуспѣшны, а между тѣмъ надлежало занять дѣлами государственными, и потому учредить хотя преходящее Министерство. «Люди, извѣстные патріотизмомъ, личнымъ безкорыстіемъ и почетными заслугами приняли отъ Короля порученіе, требующее довѣренности и преданности, съ условіемъ, что ихъ тотчасъ уволить, когда изберется Министерство прочное и вполнѣ отвѣтственное, и они надѣются, что Палаты и Франція оцѣнятъ ихъ безкорыстную рѣшительность.»

Споры въ журналахъ и при выборахъ были весьма сильны во все время, и даже странно было читать всѣ взаимныя порицанія партій. — Ройе-Колларъ явно упрекалъ, въ рѣчи своей въ Витри-ле-Франсе, Коалицію въ революціонныхъ правилахъ, ненасытимости, злости страстей и незаконномъ нападѣннѣи на власть Правительства. Одно изъ увѣщаній *J. des Débats* къ Парижскимъ избирателямъ начиналось такъ, громкою лестью ихъ честолюбію: «Парижане! вашъ городъ первый въ мірѣ; въ немъ собраны всѣ чудеса роскоши, всѣ славы умовъ, всѣ благодѣянія просвѣщенія; въ немъ безчисленное множество ученыхъ, артистовъ, литтераторовъ, торговцовъ, ремесленниковъ; изъ него выходили войска укрощать страшныя возмущенія; онъ платитъ большую часть податей государства; онъ привлекаетъ чужеземцевъ къ зрѣлищу своихъ празднествъ и наслажденію своимъ счастіемъ: въ другихъ городахъ только проѣзжаютъ они, а въ вашемъ городѣ живутъ» и проч.

Теперь полагаютъ, что новал Палата дѣлится на слѣдующія партіи: правая сторона 235 (доктринеровъ 28), лѣвая 161 (ультровъ 77), а затѣмъ республиканцовъ 37, легитимистовъ 24, слѣдовательно, оппозиція имѣетъ всего до 222-хъ голосовъ.

Марта 7-го Король пожаловалъ вновь званіе Перовъ: Вице-Адмиралу *Розамело*, Ген. Лейтенанту *Шрамлю*, *Ге-Люссаку*, *Деллапинсоньеру*, Барону *Дюпонъ-Дельпортю*, Барону *Но-де-Шамлюи*, *Мальеру* и Герцогу *Колонъ-ла-Форсу*.

Большія замѣшательства въ промышленности и по торговлѣ замѣчаютъ въ Парижѣ при нынѣшней нерѣшительности дѣлъ.

Папино, извѣстный Канадскій бунтовщикъ, пріѣхалъ въ Парижъ.

Бельгія.

Споры объ уступкѣ Лимбурга и Люксембурга въ Палатѣ Депутатовъ рѣшены: они начались съ 28-го Февраля, ведены были горячо и кончились 19-го Марта, большинствомъ 53-хъ голосовъ противъ 40. Марта 26-го принялъ рѣшеніе ихъ и Сенатъ, 31-мъ голосомъ противъ 14-ти. — Совершенное спокойствіе замѣтно въ Брюссель. — Демократы *Бартельсъ* и *Катсъ* арестованы; они, особливо послѣдній, побуждали народъ къ явному мятежу.

Германія.

Число полныхъ генераловъ въ Пруссіи, по кончинѣ Ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго и выходѣ въ отставку Графа Циттена, ограничивается нынѣ десятью, кои суть: братъ Короля, Принцъ Вильгельмъ, Принцъ Августъ, Баронъ фонъ-деръ Кнезебекъ, Баронъ Борстель, Графъ Латтумъ и Раухъ (Министры), Мюфлингъ (Берлинскій Губернаторъ), Наслѣдній Принцъ и Графъ Бранденбургъ.

По древнему этикету, Императоръ Австрійскій не могъ обѣдать въ бытность свою въ Вѣнѣ ни съ кѣмъ, кромѣ Принцовъ и Принцессъ царской крови. Первое исключеніе сдѣлано было для Графа Орлова, когда онъ прибылъ въ качествѣ Россійскаго Посла, послѣ смерти Императора Франца. Нынѣ, въ бытность въ Вѣнѣ Государя Цесаревича Наслѣдника, къ Императорскому столу приглашаемы были Графъ Орловъ, Посолъ Россійскій Татищевъ и Князь и Княгиня Меттернихъ.

Въ Баваріи изданы вновь строгія повелѣнія противъ дуэлей университетскихъ студентовъ.

Принцъ *Максимиліанъ*, младшій сынъ Эрцъ-Гер-

цога Райнера, скончался 16-го Марта въ Миланѣ, (родился 16-го Января, 1830 г.).

Швейцарія.

Заразительная болѣзнь оказалась въ Савоіи, откуда занесли ее въ знаменитую гостиницу Сень-Бернардскую, гдѣ умерли отъ нея нѣсколько почтенныхъ, благотворительныхъ тамошнихъ монаховъ. Потомъ распространилась она въ Валезской области; велѣно учредить охранительные кордоны и карантинны.

Италія.

Февраля 18-го, Папа возвелъ въ званіе Кардиналовъ синьора *Солія*, Патріарха Цариградскаго, и синьора *Тости*, своего казначея. Епископъ Веспримскій *И. Копати* возведенъ въ званіе архіепископа Гранскаго и Примаса Венгріи.

Король Баварскій прибылъ въ Неаполь 26-го Февраля.

Греція.

Король пожаловалъ званіе генераловъ *Колокотрони* отцу и старому *Мавромихали* (Петро-Бекю). — Въ Аѳинахъ учрежденъ Повивальный Институтъ.

Испанія.

Ничего рѣшительнаго. Самовластіе Марото преобразуетъ все въ управленіи войсками и дѣлами Донъ Карлоса. Прежніе министры, генералы и многіе офицеры его бѣгутъ. Громкими прокламаціями Марото оправдываетъ свои поступки. Онъ вошелъ въ переговоры съ Эспартеро о прекращеніи убійства плѣн-

ныхъ. Бальмаседа, Мерино и Кабрера удалились, какъ говорятъ, отъ Донъ-Карлоса, объявляя, что они не хотятъ повиноваться Марото. — Въ Мадридѣ смѣнили двухъ членовъ высшаго военнаго суда, *Олазага* и *Санчо*. — Але поссорился съ Эспартеро и ѣдетъ въ Америку, гдѣ досталось ему богатое наслѣдство. — Эспартеро, Марта 5-го, неожиданно двинулся впередъ и занялъ мѣстечко Лось Аркосъ, откуда, при его приближеніи, удалились Карлисты. Марото немедленно отправилъ войско, но Эспартеро не дождался непріятели и снова удалился на свои прежнія квартиры.

Португалія.

Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ Мигуэлистовъ, *Олива* *Иоахимъ Кодессо*, погибъ при нападеніи на 18-й пѣхотный полкъ.

Турція.

16-го Февраля, Султанъ принималъ на прощальной аудиенціи Сербскую депутацію, предъ отправленіемъ ея изъ Константинополя. При семъ случаѣ онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Богъ да будетъ свидѣтелемъ въ томъ, что я не полагаю никакого различія между моиими Христіанскими и Турецкими подданными. Въ прошедшемъ году, я предпринялъ путешествіе въ Силистрію, чтобы доказать то Свѣту. Если бы не воспрепятствовала другія дѣла, я проѣхалъ бы еще далѣе, и, можетъ быть, посвятилъ бы васъ. Нынѣ дарую Сербскому народу, по просьбѣ его, нѣкоторые новые законы, дабы онъ былъ счастливъ, пользуясь ими. Даю вамъ мое императорское слово, что всегда буду радоваться, видя ваше благоденствіе. Кланяйтесь отъ меня народу и Князю. Ты, Авраамъ Тража (об-

ратясь къ главѣ депутаціи Петроніевичу), скажи имъ то. Да напутствуетъ васъ Богъ!»

— Полученный въ Берлинѣ послѣдній номеръ Турецкой газеты *Тахиля-Вакайи*, отъ 21-го Силкаадега (8-го Февраля), почти весь наполненъ наставленіемъ трехъ высшихъ коллегій имперіи (Коллегія Государственной пользы, Совѣтъ Порты и Высшая Коллегія Юстиціи) объ улучшеніи народнаго обученія; оно утверждено Султаномъ. По исчисленіи пользы искусства и наукъ, источника славы и благочестія всѣхъ націй, въ постановленіи сказано, что въ Оттоманской имперіи также было нѣкогда сдѣлано много для учебныхъ заведеній и для процвѣтанія различныхъ знаній, и имперія могла по справедливости называться рудникомъ науки. Въ послѣдствіи ученость долго находилась въ забвеніи и въ пренебреженіи, пока Султанъ Махмутъ снова не возвысилъ ея и не далъ ей своими реформами новаго направленія. Хотя Его Высочество весьма заботится о поддержаніи школъ и объ учреженіи новыхъ учебныхъ заведеній, однако же состояніе ихъ доселѣ еще очень несовершенно, такъ же какъ и самая система. Когда ученики не знаютъ еще порядочно читать и писать на своемъ отечественномъ языкѣ, ихъ начинаютъ учить по Арабски, по Персидски, по Французски и разнымъ спеціальнымъ наукамъ. Въ школахъ для малыхъ дѣтей господствуютъ такія же запутанность и отсутствіе системы. Молодые Мусульмане, которые по своимъ врожденнымъ способностямъ могли бы въ короткое время пріобрѣсти хорошія познанія, остаются, почти безъ исключенія, совершенными невѣждами. Также бывають частые примѣры, что родители посылаютъ въ школу дѣтей слѣпкомъ молодыхъ лѣтъ, и берутъ ихъ назадъ, когда они еще ничему не научились. Предпо-

дагал даже, что такой мальчикъ выучится тому занятию или ремеслу, которому его посвятили, все же онъ не пойдетъ далѣе, не будучи образованъ.— Для отвращенія сего зла, повелѣвается слѣдующее: 1) Учителя всѣхъ учебныхъ заведеній впредь должны быть испытываемы въ своихъ познаніяхъ и способностяхъ. 2) Ученики каждаго заведенія должны быть раздѣлены на классы, и въ каждомъ классѣ надлежитъ обучать особеннымъ наукамъ, такъ, чтобы всѣ ученики извѣстнаго класса имѣли одинаковыя познанія, дабы учитель не терялъ времени на обученіе каждаго отдѣльно. Изъ сего правила исключаются тѣ дѣти, которымъ еще неизвѣстна форма буквъ, и которыя слѣдовательно не могутъ довольствоваться однимъ словеснымъ объясненіемъ. 3) Всѣ родители, безъ исключенія, обязаны посылать дѣтей своихъ въ школу, съ 4-го или 5-го года. 4) Для бѣдныхъ сиротъ, или подкидышей, будутъ основаны въ столицѣ предварительно двѣ особенныя школы, въ которыхъ они будутъ не только обучаться, но также снабжены одеждою, пищею и квартирою.

Предсѣдателемъ Комитета для общепользныхъ учрежденій назначенъ, на мѣсто Мустафы-Кіани-Бей, бывший Посолъ въ Лондонъ, Мустешаръ-Саримъ-Эфенди. 17-го числа, въ день, избранный астрологами, 180 учениковъ школы Тонкапу, въ Константинополь, были переведены въ Медико-Хирургическую Академію, основанную въ Галата-Серафъ, и названную, по прозвищу Султана, Адліе. Во время религиозныхъ обрядовъ, совершенныхъ по сему случаю, присутствовали Сераскіръ Саидъ-Паша, какъ главный начальникъ сего заведенія, Министръ Финансовъ, Нафизъ-Паша, многіе чиновники и офицеры и нѣсколько Европейскихъ врачей, между прочимъ Австрійскій докторъ Бернардь, которому поручено

устроеніе новой Академіи. По окончаніи торжества, всѣ присутствовавшіе отправились въ одну изъ обширныхъ аудиторій, въ которой учитель Арабскаго языка прочелъ нѣсколько мѣстъ изъ Корана.

А з і я.

Въ Аравіи походъ Египтянъ ознаменовался успѣхами: городъ *Даламъ* покорился имъ.

Англичане взяли, 20-го Января, Аденъ въ Аравіи приступомъ.

Объ Индійскихъ событіяхъ ничего новаго. Отъ 20-го Января пишутъ, что Афганцы не думаютъ уступать, укрѣпляютъ горныя проходы въ Кандагаръ и собираютъ войско, чѣмъ руководствуетъ у нихъ исключенный изъ Англійской службы офицеръ Кембелль. Гератскій Ханъ выслалъ изъ Герата Англійскихъ офицеровъ, защищавшихъ сей городъ отъ Персіянъ. Начальники Санда не соглашаются на переходъ Англичанъ черезъ ихъ земли. — Рунджитъ-Сингъ боленъ опасно. — Полагаютъ, что все кончится взаимными уступками и миромъ.

На Суматрѣ, Голландскія войска разбили и уничтожили туземныхъ возмутителей, не покорявшихся власти Нидерландскаго Короля.

А ф р и к а.

Опять извѣстія о занятіи Айнъ-Майдеха Абдъ-эль-Кадеромъ оказались ложны. Пишутъ, что *Теджани*, доведенный до крайности, притворно покорился эмиру, прислалъ даже въ аманаты своего сына, но потомъ получилъ помощь отъ разныхъ племенъ, укрѣпилъ свой городъ, хитростью успѣлъ захватить брата Абдъ-эль-Кадерова и съ насмѣшкою отрекся

отъ словъ своихъ. Эмиръ обратилъ гнѣвъ свой на союзниковъ Теджины, но принужденъ былъ удалиться, и Теджины прислалъ сказать ему: «Ты приходилъ къ намъ какъ воля свирѣпый, а бѣжишь какъ худая корова.» — По послѣднимъ извѣстіямъ, у Абдъ-эль-Кадера опять начались неудовольствія съ Французами, но извѣстіе требуетъ подтвержденія, какъ и война между Египтомъ и Турціею, о которой писали во многихъ газетахъ, какъ о дѣлѣ несомнительномъ.

АМЕРИКА.

Въ Менской области, предметъ спора между Англіею и Штатами, дошло до непріязненныхъ дѣйствій. Въ концѣ Января, Американцы силою выгнали Англичанъ, рубившихъ тамъ лѣсъ. Англичане захватили начальника ихъ отряда, а Американцы одного Англійскаго чиновника. Губернаторъ Новаго Брауншвейга протестовалъ противъ насилія, 13-го Февраля; Американцы собираютъ въ Менской области войско для защиты.

Епископъ Юліопольскій отправилъ миссіонеровъ къ западному Американскому берегу, на рѣку Колумбію.

Въ Канадѣ тихо. Еще 11-ть бунтовщиковъ, взятыхъ при Богарне, осуждены на смерть.

Мексиканская война кончилась. Боденъ принялъ посредничество Англіи. Есть уже достовѣрныя извѣстія, что миръ заключенъ. Боденъ сильно и публично возражалъ противъ Санта-Анна, который въ прокламаціяхъ своихъ упрекалъ его въ измѣнѣ и вѣроломствѣ. Мексика платитъ Франціи все убытки. — Важная перемѣна последовала въ Мексикѣ: Бустаменте смѣненъ и отправленъ противъ Тамико. — Болѣе 200 Французовъ, изгнанныхъ изъ Мекси-

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За Апрель 1839 года.

Россія.

2-го числа Апрѣля, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Государыни Великія Княжны Марія Николаевна, Ольга Николаевна и Александра Николаевна, изволили слушать Божественную Литургію въ Придворномъ Соборѣ Зимняго Дворца, которую совершалъ Духовникъ Ихъ Величествъ, Протопресвитеръ Музовскій.

По окончаніи Литургіи, Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволили принимать поздравленія: въ церкви, отъ Чл. Т. VIII. — Отд. V.

новъ Святѣйшаго Синода и прочаго Духовенства, а въ Петровской залѣ отъ Особѣ Дипломатическаго Корпуса.

Въ сей день, по особому Высочайшему повелѣнію, приглашены были къ выходу купцы 1-й и 2-й гильдіи, и находились въ Бѣлой Залѣ.

Въ тотъ же день, Графъ *Ле-Дейль*, генераль-маіоръ и камергеръ Е. В. Императора Австрійскаго, *Баронъ фонъ-Бессингъ*, камергеръ Е. В. Короля Прусскаго, и *Графъ Монтальто*, секретарь Сардинскаго Посольства, имѣли честь представляться И. И. В. Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ.

Апрѣля 21-го, по случаю Тезоименитства Е. И. В. Государыни Императрицы, дня рожденія Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника, и Тезоименитства Е. И. В. Великия Княжны Александры Николаевны, отправляема была Божественная Литургія въ церкви Зимняго Дворца, въ присутствіи И. И. В. Государя Императора и Государыни Императрицы, и И. И. В. Великихъ Князей Константина Николаевича и Михаила Павловича, Великой Княгини Елены Павловны, и Великихъ Княженъ Маріи, Ольги, Александры Николаевны и Маріи Михайловны. Члены Государственнаго Совѣта, Министры, Сенаторы, Генералы и Офицеры Гвардіи, Арміи и Флота, Придворные чины и знатнѣйшіе особы обоюга пола, присутствовали притомъ, а по окончаніи Литургіи Святѣйшій Синодъ поздравлялъ Ихъ Императорскія Величества. Дипломатическій Корпусъ былъ принятъ И. И. В. въ залѣ Петра Великаго, а въ апартаментахъ Ея Императорскаго Величества представлялись Государынѣ Императрицѣ дамы, Члены

Совѣта и офицеры Кавалергардскаго Е. И. В. полка.—Въ тотъ же день, *Графъ Иосифъ Эстергази*, камергеръ Е. В. Императора Австрійскаго, и г-нъ *де-Гури*, чиновникъ Французскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣли честь представляться Ихъ Императорскимъ Величествамъ. — Въ вечеру городъ былъ иллюминованъ.

— О путешествіи Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника получены слѣдующія вождѣленные извѣстія:

Марта 26-го, во время пребыванія Его Высочества въ Гагъ, послѣ обѣдни, былъ завтракъ у Е. В. Великой Княгини Анны Павловны, а потомъ большою обѣдъ у Короля; 28-го балъ у Принца Оранскаго; 29-го, Государь Цесаревичъ посѣтилъ театръ, со всею Королевскою фамилією. Публика привѣтствовала Высокихъ Посѣтителей радостными восклицаніями, и оркестръ игралъ Русскій и Голландскій народныя гимны.—Марта 30-го былъ балъ у Принца Фридриха Нидерландскаго, а 31-го у нашего Посланника, Барона Мальтица. — Апрѣля 3-го, Цесаревичъ отправился въ Амстердамъ, останавливался для обозрѣнія въ Гарлемъ, и по прибытіи въ Амстердамъ, гдѣ находилась уже вся Королевская фамилія, присутствовалъ на большомъ обѣдѣ въ Тронной залѣ Амстердамскаго дворца, и посѣтилъ съ Королевскою фамилією театръ Голландскій, гдѣ пропѣтъ былъ Русскій народный гимнъ на Голландскомъ языкѣ, при всеобщемъ восторгѣ зрителей. Апрѣля 4-го, Цесаревичъ осматривалъ Греческую церковь, основанную при Петрѣ Великомъ, и Музеумъ, а вечеромъ посѣтилъ Французскій театръ.—Апрѣля 5-го, осмотрѣвши верфь, Цесаревичъ отправился посѣтить Сардамъ, съ Е. В. Великою Княгиней Анною Павловною, Принцомъ Фридрихомъ

и его супругою. Въ Сардамъ встрѣтили Ихъ торжественно, и Великая Княгиня угощала Высокаго Гостя завтракомъ въ домикъ Петра Великаго, какъ хозяйка сего достопамятнаго жилища Ея Великаго Предка. — Апрѣля 6-го, Цесаревичъ возвратился черезъ Лейденъ въ Гагу. Здѣсь пребываніе его до 18-го Апрѣля ознаменовалось разными праздниками, а сего числа, Цесаревичъ отправился въ главную квартиру Голландской арміи, Тильбургъ; тамъ 19-го былъ большой парадъ, а 20-го Цесаревичъ отправился, на пароходъ Церберъ, изъ мѣстечка Мурдейка, на рѣкъ Маасъ, въ Англію, въ сопровожденіи Принца Гейнриха. Апрѣля 21-го, пароходъ прибылъ благополучно къ Дентфорду, въ двухъ миляхъ отъ Лондона, и Цесаревичъ встрѣченъ былъ почетнымъ Англійскимъ карауломъ съ музыкою и пальбою. Лордъ Торрингтонъ, назначенный состоять при Цесаревичѣ, во время пребыванія Его въ Англіи, привѣтствовалъ Е. И. В. отъ имени Королевы; Посоль нашъ, чиновники Посольства и Графъ М. С. Воронцовъ, находящійся нынѣ въ Англіи, представлялись Е. И. В.; послѣ чего Цесаревичъ отправился въ тотъ же день въ Лондонъ, гдѣ 22-го Апрѣля представлялся Королевы, посѣтилъ всѣхъ членовъ Королевской фамиліи и Лорда Веллингтона, и былъ потомъ на обѣдѣ у Королевы въ Буккингамскомъ Дворцѣ.

А н г л і я .

Не смотря на то, что Парламентъ отвергъ измѣненія въ нынѣшнихъ законахъ о торговлѣ хлѣбомъ, усилія противниковъ ихъ не прекращаются, и дѣло занимаетъ умы всѣхъ. Просьбы, представленныя Вилліерсомъ, были подписаны множествомъ купцовъ и мануфактуристовъ, которые доказываютъ

величайшіе убытки и разстройство дѣламъ ихъ отъ хлѣбной монополіи. По 19-е Апрѣля было представлено Парламенту 396 прошеній, съ подписью 504,939 человекъ. Но и защитники законовъ о хлѣбѣ подали 2,997 просьбъ, съ подписью 299,837 человекъ. О поддержаніи нынѣшняго управленія Ирландіи подано въ Парламентъ 688. просьбъ, съ подписью 535,595 человекъ.

— По отчетамъ Банка, въ послѣднее время выданы имъ огромныя суммы наличными деньгами. — Комиссія погашенія государственнаго долга не могла употребить ничего на выкупъ, ибо по счету 5-го Января, расходы государственные превышали доходы 345,227 ф. ст., и на погашеніе нельзя было отдѣлить никакой суммы.

— Засѣданія Парламентовъ начались снова Апрѣля 8-го. Въ Нижнемъ Парламентѣ, 10-го, возникъ замѣчательный споръ, по предложенію Министровъ объ уничтоженіи представительнаго образа правленія Ямайки, и введенія тамъ временнаго правленія, пока не присканы будутъ мѣры для учрежденія надлежащаго порядка въ дѣлахъ. Сильный споръ по сему случаю продолжался и на слѣдующіе дни, и оказался рѣшительнымъ для министерства Мельбурнова. Гоульбурнъ и Лордъ Станлей говорили противъ Министровъ; Люшингтонъ и Лордъ Грей защищали ихъ; Пилъ обвинялъ обѣ стороны. Билль рѣшено было представить вторично. — 11-го, положено составить Комитетъ для разсмотрѣнія нынѣшняго состоянія желѣзныхъ дорогъ въ Англіи и образа ихъ управленія. — 15-го, продолжались пренія по поводу дѣль Ирландскихъ. — 19-го, билль Министерскій по сему дѣлу привягъ. — 22-го, читанъ вторично билль объ Ямаикѣ и выслушано защищеніе обвиняемыхъ. —

23-го, жаркое преніе завязалось по предложенію Кодрингтона о нынѣшнемъ состояніи Британскаго флота. — 25-го предложено объ уничтоженіи внутреннихъ духовныхъ судилищъ, и возобновлено предложеніе о дѣтяхъ разведенныхъ супруговъ. — 29-го, прошелъ Министерскій билль объ улучшеніи торговли. — Мая 6-го, послѣ многократныхъ споровъ, билль объ Ямайкѣ былъ отвергнутъ Парламентомъ, большинствомъ 6-ти голосовъ. — Такое, хотя и слабое противоборство имѣло важныя слѣдствія: Министры потребовали увольненія, и 7-го Мая прошеніе ихъ объявлено Лордомъ Мельбурномъ въ Верхнемъ, а Лордомъ Русселемъ въ Нижнемъ Парламентѣ. — Засѣданія Верхняго Парламента не представляли ничего особенно важнаго. Только Апрѣля 11-го происходили пренія о войнѣ Англичанъ въ Индіи, и во многихъ засѣданіяхъ занимались нынѣшнимъ состояніемъ Ирландіи.

— *Митинги*, или собранія, такъ называемыхъ *хартитовъ*, то есть, защитниковъ хартии, продолжаютъ, и въ слѣдствіе того, Мая 5-го, издана строгая прокламація Королевы, которою подтверждается уничтоженіе сихъ противозаконныхъ сборищъ, съ дозволеніемъ употреблять даже въ случаѣ нужды военныя команды. — Въ Валлійской области, жители городка Llanidloes, явно воспротивились приказаніямъ правительства, и митинги тамъ продолжаютъ.

— Сиръ Ф. Ламбъ, посоль Британскій при Вѣнскомъ Дворѣ, получилъ званіе пѣра, съ титуломъ *Барона Бовалля*, а Лордъ Понсонби, посоль при Цареградскомъ Дворѣ, званіе Виконта. Бывшему при Тегеранскомъ Дворѣ, г-ну Макпейлю, пожалованъ орденъ Бани. — Герцогъ Клевеландъ возведенъ Королевою въ достоинство кавалеровъ ордена Подвязки. — Мая 3-го,

возвѣщено о возведеніи Королевою въ званіе Перовъ: Лорда Тальбота, Сиръ Джона Станлея, Генриха Виллерса Стюарта, Чандоса Лея, Пейльби Томсона, Карла Броунло, Ридли Кольборна, Артура Френча, съ Баронскими титулами, и съ переименованіемъ: Тальбота *Барономъ Форнисалемъ де-Малагейда*, Виллерса Стюарта *Барономъ Стюартомъ де-Досисъ*, Томсона *Барономъ Веннокомъ*, Браунло *Барономъ Лургане*, Френча *Барономъ де-Фрейномъ*.

— Подарки Шаха Персидскаго Королевъ привезены въ Лондонъ; они состоятъ изъ 60-ти драгоценныхъ шалей, подобныхъ которымъ, какъ пишутъ, еще никогда не видывали въ Европѣ; на бордюрахъ некоторыхъ изъ нихъ представлены торжественныя процессіи на коняхъ и верблюдахъ, богато убранныхъ. Вся сіи шали тканы въ Ширазѣ и Испагани.

— Въ Лондонѣ открытъ конкурсъ для представленія плановъ Биржи, которую хотятъ тамъ строить. Награда за избранный планъ назначена въ 300 ф. ст.; издержки на постройку не должны превзойти 150,000 ф. ст., и мѣсто для сбора купцовъ должно составлять пространство въ 20,000 квадрат. футовъ.

— Апрѣля 27-го праздновали въ Лондонѣ окончаніе вооруженія корабля, предназначеннаго отвезти колонистовъ въ Новую Зеландію. Слѣдовательно, Новая Зеландія поступаетъ въ число Англійскихъ колоній. Для покоренія и заселенія ея колонистами, составилось въ Лондонѣ общество изъ 40 членовъ. Директоры его: Лордъ Петръ и г-да Гуттъ, Гордонъ, Сомесъ. Полковникъ Ваксфильдъ принимаетъ управленіе новою колонією. Желających туда переселиться оказывается великое множество.

— Полагаютъ, что партіи Англійскаго Парламента

раздѣляются нынѣ слѣдующимъ образомъ: приверженцовъ охранительной системы 317 голосовъ; радикаловъ, или реформистовъ, 150 голосовъ; виговъ, или защитниковъ Министровъ, не болѣе 130-ти; Окселевскихъ друзей 70.

Франція.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали начала новыхъ засѣданій Палаты Депутатовъ, ибо имъ слѣдовало рѣшить многое, обозначить окончательно различія партій, и, главное, указать на направленіе общаго духа народнаго, среди колебаній и сомнѣній, продолжавшихся съ самаго Января мѣсяца. Мы уже говорили о началѣ засѣданій 4-го Апрѣля. До 16-го происходила повѣрка выборовъ Депутатскихъ; потому приступлено къ выбору Президента, и мѣсто его досталось г-ну *Пасси*, большинствомъ 223-хъ голосовъ; *Одильонъ Барро* имѣлъ 193 голоса, а *Дюпенъ* не болѣе 9-ти. Апрѣля 17-го избраны Вице-Президенты. Депутаты: *Кальмонъ* получилъ 239 голосовъ, *Кюенъ-Гриденъ* 221, а *Тестъ* 215—надлежащее большинство, ибо всѣхъ Депутатовъ было 429. Выборъ четвертаго Вице-Президента долго колебался между *Жакелино* (208 голосовъ) и *Этьенель* (206 голосовъ). *Ганнеронъ* получилъ притомъ 204 голоса; 18-го *Этьенъ* избранъ (212 голосами противъ 209); секретарями избраны: *Гавенъ*, *Дюбуа*, *Биньонъ*, и 10-го Апрѣля *Маллевиль*. — Въ рѣчи своей, Президентъ изъявилъ сомнѣніе, что, можетъ быть, важнѣйшія обязанности, какія возлагаютъ на него настоящія обстоятельства, не позволятъ ему долго занимать мѣста его. «Желаю тишины и мудрости въ вашихъ преніяхъ», продолжалъ онъ. «Засѣданія наши открываются среди великихъ затрудненій; бу-

демъ надѣяться, что положеніе наше скоро сдѣлается правильнымъ.» Могенъ немедленно потомъ открылъ бой, предлагая Палатѣ объясниться о настоящемъ состояніи дѣлъ. «Франція нетерпѣливо ждала нашихъ засѣданій», говорилъ онъ. «Зрѣлище, представляемое нынѣ ея верховнымъ управленіемъ, тревожитъ и печалитъ ее: общія пользы страдаютъ, дѣла остановились, торговый переломъ справедливо приписываютъ политическому перелому; должно рѣшить затрудненія, которыя угрожаютъ благосостоянію государства. Собирая насъ, правитель-ство требуетъ нашего мнѣнія: скажемъ его откровенно, не какою нибудь Арабскою загадкою. Предлагаю поднести адресъ Королю, но прежде должно узнать наше положеніе: надобно узнать, настоящихъ ли министровъ имѣемъ мы теперь, или только посредствующихъ? Пусть каждый объяснится, почему общія усилія къ союзу оказались безплодными?—Апрѣля 22-го начались требуемыя объясненія. *Тьеръ*, *Дюпенъ*, *Одильонъ-Барро*, *Гизо* говорили долго и съ жаромъ. Взаимныя отношенія каждаго пояснились въ спорахъ. Явись съ депутаціею, для поздравленія Короля, Президентъ Палаты говорилъ ему: «При видѣ политическихъ затрудненій, окончанія коихъ желаете вы, Государь, мы раздѣляемъ ваше желаніе, а съ нами желаетъ того Франція. Мы преисполнены почтенія и преданности къ особѣ вашей, но хотимъ поддержать ваши права и наши преимущества, готовые помогать только тому управленію, которое законно поддержитъ порядокъ, миръ, согласіе, требуемыя духомъ времени и потребностью усилій», на коихъ основаны достоинство трона вашего и величіе государства.» — Мая 3-го, Могенъ предложилъ проектъ адреса, въ которомъ должно просить Короля: «Положить конецъ замѣшатель-

ствамъ, и установить прочное Министерство, избирая людей, которые, заботясь о сохраненіи порядка для твердости своей, были бы вѣрны основаніямъ постоянного, благоразумнаго и обдуманнаго хода дѣлъ впередъ, извѣсть умѣли поддержать миръ, не оказывая слабости, внутри занялись уменьшеніемъ народныхъ тягостей, дали промышленности дѣятельное и искреннее покровительство, соответствовали нуждамъ государства, заботились объ общественной нравственности, и будучи враги злоупотребленій и ухищреній, приобрѣли большинство избирателей и Палаты, не интригою и коварствомъ, но искусствомъ, прямою и законною своихъ дѣйствій.»

Мая 8-го начались пренія о проэктъ адреса Могена, но они были не важны, и 11-го назначенъ Комитетъ для составленія адреса: Маркизь Далматскій, Берже, Кальмонъ, Ланіе, Дюфоръ, Тьеръ, Куненъ-Гриденъ, Дюшатель и Ганнеронъ избраны его членами.— Между тѣмъ переговоры о составленіи новаго Министерства продолжались дѣятельно и непрерывно, особливо послѣ открытія засѣданій Депутатскихъ, и 13-го Королевское повелѣніе извѣстило о составленіи новаго Министерства. Вотъ составъ его: *Маршалъ Сультъ*, Министръ иностранныхъ дѣлъ и Президентъ Совѣта Министровъ; Депутатъ *Тестъ* Министръ Юстиціи; *Генералъ Шнейдеръ* Министръ Военный; *Адмиралъ Дюперре* Министръ Морской, Депутатъ *Дюшатель* Министръ внутреннихъ дѣлъ; Депутатъ *Дюфоръ* Министръ публичныхъ зданій, и Депутаты: *Вилльменъ*, *Пасси* и *Куненъ-Гриденъ*, Министры Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и Торговли. — Составъ новаго Министерства показывалъ желаніе примирить все партіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ отнималъ у оппозиціи депутатовъ нѣсколько сильныхъ членовъ. — Но уже наканунѣ, 12-го Мая, смл-

тенія оказались въ Парижѣ. Нѣсколько сотъ буйныхъ возмутителей разграбили оружейную лавку Лажа и бросились потомъ въ разные мѣста. Смятеніе продолжалось и на другой день; народъ не принялъ въ немъ участія; національная гвардія и войско разогнали возмутителей. — Маршалъ Сультъ извѣстилъ Палату Депутатовъ о вступленіи своемъ въ должность. «Министерство установлено,» говорилъ онъ, «Король ввѣрилъ мнѣ президентство его, но, безъ сомнѣній, симъ высокимъ знакомъ довѣренности, я имѣлъ счастье быть обязанъ только тому, что представилъ для Совѣта его имени, соответствующія ожиданіямъ Палаты и государства. Ставлю за честь ихъ товарищество, и готовъ раздѣлять съ ними отвѣтственность передъ правительствомъ и Палатою. Министры согласны между собою въ основаніяхъ, по коимъ будутъ направлены ихъ дѣйствія. Сіи основанія приняты правительствомъ. Независимость дѣйствій, отвѣтственное соревнованіе, миръ, основанный на достоинствѣ національномъ, порядокъ, огражденный закономъ, дѣятельное покровительство для всехъ пользы, споспѣшествующихъ благосостоянію государства, и въ отношеніи Палаты откровенность и твердость, какъ лучшіе средства примирить умы—вотъ наши правила. Посвящая мою преданность службѣ Короля по повому департаменту, гдѣ такъ важны вопросы о національной чести, не имѣю надобности увѣрять, что Франція найдетъ во мнѣ, при сужденіи о самыхъ драгоцѣнныхъ ея отношеніяхъ, всегда чувства стараго солдата Имперіи, понимающаго, что государство требуетъ мира, и мира благороднаго и славнаго.» — Мая 14-го, Маршалъ Сультъ извѣстилъ о вступленіи своемъ въ должность Палату Перовъ, а Хранитель Печати объявлялъ ей повелѣніе Короля о на-

значеніи Палаты мѣстомъ судилища возмутителей общественнаго спокойствія, произведшихъ смятенія 12-го и 13-го Мая.—Мая 15-го, Палата Перовъ назначила изъ среды своей Комитетъ для изслѣдованія обстоятельствъ заговора, подробностей возмущенія и допросовъ захваченныхъ возмутителей. — Палата Депутатовъ приступила между тѣмъ къ выбору новаго Президента, на мѣсто г-на Пасси, и 14-го числа были выборы. Кандидатами предстали *Тверъ* и *Созе*, и при вторичной балатировкѣ Созе избранъ, хотя большинствомъ только 5-ти человекъ (215-ти противъ 206). — Потомъ слѣдовали выборы двухъ новыхъ Вице-Президентовъ, вмѣсто Куненг-Гридена и Теста, и избраны *Ганнеронъ* и *Жакеллино*, имѣвшіе оба по 201 голосу; Садъ и Делессеръ, балатированные притомъ, получили не болѣе 174-хъ и 167-ми. — Всѣ сии выборы возбудили новыя возраженія со стороны оппозиціонныхъ журналовъ. Съ другой стороны, малое большинство въ пользу г-на Созе заставляетъ многихъ опасаться непрочности Министерства. Въ слѣдствіе сего, въ *Монитеръ* было замѣчено: «Избраніе Президента Палаты не должно было зависѣть отъ вопроса о составѣ Министерства. Каждый депутатъ подавалъ голосъ по личному своему мнѣнію, не думая о большинствѣ въ пользу, или противъ Министровъ.» — «Но,» спрашиваетъ оппозиція, «не поведетъ ли это къ прежнимъ недоумѣніямъ?» Комитетъ для изслѣдованія обстоятельствъ возмущенія и допроса возмутителей, избранный Палатою Перовъ изъ среды ея, состоитъ изъ Герцога Деказа, Графа Бастара, Барона Донана, Барта и Мерилью. Они дѣятельно занимаютъ, и надѣются кончить свои занятія въ двѣ, или три недѣли. По 18-е число, въ тюрьмѣ Консержеры и Префектуръ полиціи находилось уже болѣе 250-ти человекъ, за-

хваченныхъ на мѣсть преступленій и взятыхъ потомъ.

— Еще 5-го и 6-го Мая замѣтны уже были въ Парижѣ буйныя движенія. Нѣсколько человекъ, кричавшихъ на площадяхъ, было захвачено; но патрули и отряды національной гвардіи предупредили безпорядки. — Персилъ напечаталъ длинное письмо, по поводу новаго Министерства, въ *J. des D.* — «Лѣвый центръ не есть самобитная партія,» говоритъ онъ: «это суть люди, несмѣющіе противостать центру оппозиціи; отсюда являются всѣ затрудненія; будь общимъ примирителемъ центръ оппозиціи, утверждаясь на требованіи сентябрьскихъ законовъ и отверженіи всякой преждевременной реформы, и лѣвый центръ будетъ съ ними единодушенъ.» — Среди безпокойствъ, колеблющихся Францію, всѣ дѣла, и особенно промышленность и торговля, приведены въ страшное замѣшательство, что умножается еще неустройствомъ дѣлъ въ Бельгіи и тамошними бѣдственными обстоятельствами кредита общественнаго. Отъ 13-го Апрѣля, писали изъ Парижа, что въ одинъ день поступило тамъ къ протесту 60,000 векселей, а въ одну недѣлю число ихъ возрасло до 369,630; тридцать шесть торговыхъ и промышленныхъ компаній вдругъ обанкрутились; въ таможенныхъ доходы уменьшились цѣлою третью; у многихъ купцовъ, ежедневная продажа съ 500 франковъ упала на 25. Въ Нантѣ, Мюльгаузенѣ, Сентъ-Этьеннѣ половина фабрикъ остается безъ работы. Въ Коммерческомъ Судѣ въ одинъ день было 800 дѣлъ, чему не видано примѣровъ съ 1826 года.—Къ потерямъ отъ Бельгійскаго Банка присоединился еще неплатежъ по билетамъ 20-ти-лѣтняго займа, какой сдѣланъ былъ на счетъ города Брюсселя. Билеты были расположены по 1000 франковъ, и ежегодный платежъ по онѣмъ, съ про-

центами, составляя 360,000 франковъ. Платежъ на выѣзній день остановленъ, и городское правленіе Брюсселя объявило себя несостоятельнымъ.

—Королевскимъ повелѣніемъ, 31-го Марта, изъ числа бывшихъ Министровъ опредѣлены: *Графъ Монталме*, Генераль-Интендантомъ Двора, *Лапланъ* совѣтникомъ при Счетной Комиссіи, а *Бартъ* Президентомъ ея.

—Персидскій Посоль, Гуссейнъ-Ханъ, на пути въ Англію, прибылъ въ Парижъ 16-го Апрѣля. Онъ поднесъ Королю грамоты Шаха и подарки — богатую саблю, двѣ драгоценныя рукописи Персидскія и 16 дорогихъ шалей.

—По военному суду, Базошъ, бывший начальникъ Мексиканской экспедиціи, оправдался во всѣхъ обвиненіяхъ.

Бельгія.

Апрѣля 19-го, подписаны въ Лондонѣ взаимные трактаты о мирѣ Бельгіи съ Нидерландами, между пятью Державами Лондонской Конференціи (Россією, Англією, Францією, Австрією и Пруссією), Бельгією, Нидерландами и Германскимъ Союзомъ. Ратификаціи должны быть обмѣнены въ теченіе шести недѣль, и послѣ того черезъ двѣ недѣли Бельгія обязывается очистить уступаемыя ею области.

—Между Соединенными Штатами и Бельгією идутъ переговоры о торговомъ трактатѣ, но Американцы требуютъ уплаты за товары, захваченныя и истребленныя въ Антверпенѣ въ началѣ Бельгійской революціи. Сынъ Президента Ванъ-Бурена прибылъ для того въ Брюссель, и Бельгія соглашается, боясь, что въ противномъ случаѣ, торговля, вмѣсто Шель-

ды, обратится на Маасу, ибо съ Нидерландами уже заключенъ у Соединенн. Штатовъ торговый договоръ.

—Бартельсъ и Катсъ преданы суду, какъ обвиняемые въ заговоръ и злоумышленіи противъ правительства.

Первый заемъ Бельгійскій произведенъ былъ въ 1832 году, черезъ банкировъ Ротшильдовъ, по 5 проц., суммою въ 50 милліоновъ, 2-й былъ въ 1836 г., и составлялъ 30 милліоновъ, съ 4 проц., а 3-й въ 1838 году, въ 50 милліоновъ, съ 3 проц. — Всѣ займы раздѣлены были на облигаціи по 1000 и по 2000 франковъ, съ платежемъ процентовъ и погашенія, одновременно, въ Парижѣ, Лондонѣ, Франкфуртѣ и Брюсселѣ. Но, отдѣльно отъ сего государственнаго долга, сдѣланъ былъ заемъ на счетъ города Брюсселя, въ 1832 году, 3½ милліоновъ, съ погашеніемъ въ годъ по 175,000, и 4-мя процентами. Другой такой же заемъ былъ въ 1834 году, въ 4 милліона, съ уплатою въ теченіе 20 лѣтъ ежегодно по 360,000, въ счетъ процентовъ и погашенія. Въ прошломъ году платежъ по обоимъ займамъ прекратился, и Французскіе кредиторы, у которыхъ всего болѣе находилось Бельгійскихъ облигацій, потерпѣли чрезвычайное разстройство. Но еще болѣе пострадали они отъ банкротства Бельгійскаго Банка. Изъ 20,000 акцій его, каждая въ 1000 франковъ, около 17,000 были проданы во Франціи, гдѣ цѣна ихъ доходила наконецъ съ премією до 1,300 франковъ, вмѣсто номинальной ихъ цѣны 1000 франковъ. Бельгійцы въ послѣднее время особенно спешили сбывать свои акціи, а жадность къ азіотажу рѣшительно ослѣпляла Французовъ. Теперь навѣрное полагаютъ убытокъ Французовъ, по неплатежу

Брюссельскаго займа и по банкротству банка въ 10-ть миллионъ франковъ. Въ Бельгii обращаютъ особенное вниманiе на дѣла знаменитаго дома Кокерилля и Компанii. Долги его простираются до 18-ти, а наличное имѣнiе и кредитъ на другихъ до 26-ти миллионъ, но при совершенномъ разстройствѣ дѣлъ въ Бельгii нѣтъ никакой надежды къ его поправленiю. Апрѣля 15-го было въ Лигтхѣ собранiе кредиторовъ Кокерилля, числомъ болѣе 400 человекъ, но собранiе разошлось безъ всякаго рѣшенiя.

Испанiя.

Военныя дѣйствiя начались съ наступленiемъ весны: Марта 23-го Христиноскiй генераль Айербъ двинулся на Сегуру, но былъ разбитъ Кабрерою; дѣло завязалось довольно жаркое; въ Саррагоссу привезли потомъ болѣе 300 раненыхъ, послѣ чего Кабрера заключилъ договоръ съ Фанъ-Галеномъ о пощаду пѣнныхъ. Балмаседа пробрался съ отрядомъ своимъ въ Нижнюю Аррагонiю. Фанъ-Галенъ поспѣшилъ двинуться съ войскомъ на Сегуру, но холодъ, недостатокъ провiанта и воды, заставили его отступить, и 10-го Апрѣля, онъ безуспѣшно возвратился въ Муніезу. Такая робость придала смѣлость Кабрерѣ: отряды его появились даже въ 12-ти миляхъ отъ Мадрита, взяли въ разныхъ мѣстахъ контрибуцiи, и счастливо избѣжали отъ преслѣдованiй Христиносовъ. Фанъ-Галена вѣрно смѣнить; мѣсто его заступаетъ Ногера, личный врагъ Кабреры, нѣкогда разстрѣлявшiй мать его. — Между тѣмъ, военныя дѣйствiя съ болѣею удачею были продолжаемы Эспартеро: онъ двинулся съ 20,000 человекъ. Марото ждалъ его, стѣсняя съ Билбао и укрѣпляя Рамалезъ и Балмаседу. Эспартеро захватилъ городокъ и крѣпость *Пена дель Моро*, что заставило Марото

сосредоточиться въ Гвардамино, оставя Рамалезъ, въ началъ Мая. Писали, послѣ того, что Карлисты успѣли однакожь разбить нѣсколько отрядовъ. Донъ Карлосъ лично прибылъ къ своимъ войскамъ, и 27-го Апрѣля находился въ Дуранго. Полагаютъ, что около Рамалеса откроются упорныя битвы.

Кордова не осмѣлился предстать предъ военный судъ въ Валладолидѣ; онъ бѣжалъ въ Португалiю. — Генераль Мееръ смѣненъ, и мѣсто начальника Каталонii отдано генералу Пастору. Генераль Каррала возстановляетъ порядокъ въ Андалузii только строгими мѣрами. — Ужасная нищета свирѣпствуетъ между народомъ въ Мадритѣ. Городовое правленiе тамошнее объявило, что поелику у него взяли въ Государственное Казначейство всѣ городовыя доходы, то оно не будетъ освѣщать города, оставить всѣ публичныя работы, затворить ратушу; принуждены были послать ему послѣ того 3000 пiастровъ.

— Нѣсколько разъ уже писали о смѣнѣ прежнихъ и назначенiи новыхъ Министровъ. — Квируга поссорился съ Але и подалъ просьбу объ увольненiи, но его уговорили остаться. Але и его товарищи просили послѣ того объ отставкѣ, но имъ отказано. — Мелила, въ Африканскихъ президiяхъ, снова занята войсками Королевы.

Португалiя.

Министры рѣшительно отказались отъ своихъ должностей. Послѣ долгихъ старанiй примирить партii, новое министерство составилось слѣд. образомъ: *Баронъ Рибейра Саброза* Президентъ совѣта, Министръ военный, и управляющiй морскою частiю и но-

странными дѣлами; *Гомезъ да-Сильва Санхезъ* внутреннихъ дѣлъ; *Кардозо да-Кунья* юстиціи, и *Антоній Карвальо* финансовъ. Графъ Вилла-Реаль отказался отъ званія Президента, которое ему предлагали, а Герцогъ Пальмелла принялъ было предложеніе, но безуспѣшно хотѣлъ составить кабинетъ, и возвратилъ полномочіе Королевѣ.

ГЕРМАНІЯ.

По Прусской арміи было большое производство: 37 маіоровъ пожалованы въ подполковники, 19 подполковниковъ въ полковники, 41 полковниковъ въ генераль-маіоры, и 8 генераль-маіоровъ въ генераль-лейтенанты (въ томъ числѣ коммандантъ Люксембургскій Дюмуленъ и Принцъ Георгій Гессенскій). Инспекторство 4-хъ корпусовъ арміи передано Принцамъ Фридриху, Карлу и Вильгельму (имѣющимъ чины генераль-лейтенантовъ) и Наслѣдному Принцу. Генераль-лейтенантъ Дона назначенъ управляющимъ 2-мъ корпусомъ, а ген. лейт. Принцъ Фридрихъ-Гессенскій Люксембургскимъ губернаторомъ.

— Е. С. Принцъ Петръ Ольденбургскій, съ супругою, прибылъ въ Стутгардъ, 25-го Апрѣля. — Апрѣля 24-го Эрцгерцогъ Карлъ возвратился въ Вѣну изъ Неаполя.

— Апрѣля 17-го скончалась въ Гану вдовствующая Герцогиня Ангальтъ-Бернбургская, Марія-Фридерика, сестра Курфюрста Гессенъ-Кассельскаго, на 71 году отъ рожденія.

А з і я.

Послѣднее возмущеніе въ Сиріи произведено было кочевымъ племенемъ *Друзовъ Аназскихъ*. Ибрагимъ

требовалъ отъ нихъ осѣдлой жизни, или удаленія изъ Сиріи, ибо, при первомъ случаѣ, Аназы, соединяясь съ Туркоманами и Курдами, могли быть опасны своимъ набѣгомъ. Получивъ отказъ, Ибрагимъ послалъ противъ нихъ войско; Аназы были разсѣлны и отмстили набѣгомъ, но толпы ихъ захватили, разогнали, и Ибрагимъ препоручилъ потомъ охраненіе предѣловъ Сирійскихъ осѣдымъ и мирнымъ Друзамъ Эмиръ-Бешира, для чего послалъ ему Шенху 14,000 ружей. Мегемедъ-Али благополучно возвратился изъ своего путешествія. Марта 16-го, онъ былъ уже въ Каирѣ.

— Завоеваніе Адена вовлекаетъ Англичанъ въ жестокую войну съ окрестными Арабами. Они собираются толпами. Англичане готовятся на битву. — Въ Индіи дѣло кончается, по видимому, покорностью Афганцовъ. Они просятъ пощады. Но Англійскія войска двинулись однакожь въ походъ. Въ Синдѣ не хотѣли ихъ пропустить мимо Караше, и сей городъ былъ жестоко бомбардированъ, чѣмъ все сопротивленіе жителей Синда прекратилось. Сиръ Коттонъ пошелъ 23-го Февраля въ Биланскія дефилы, а Сиръ Кинъ, 24-го, отправился на Дадуръ. — Гератскій Ханъ снова изъявляетъ миролюбіе.

— Несогласія съ Китайцами все еще не кончены. Адмиралъ Майтландъ возвратился въ Мадрасъ безъ всякаго успѣха.

АМЕРИКА.

Миръ между Мексикою и Франціею возстановленъ. Боденъ подписалъ договоръ Марта 9-го. Французы получили право торговать въ Мексикѣ оптомъ и въ разницу; Мексика платитъ 600,000 долларовъ за все убытки, и вознаграждаетъ раззореніе изгнан-

ныхъ оттуда Французскихъ подданныхъ. Бустаменте и Санта-Анна извинились въ личныхъ оскорбленіяхъ Бодена. Франція ничего не взыскиваетъ за военныя издержки, и возвращаетъ Мексикѣ Сень-Жанъ-д'Улла, принимая поправку его укрѣпленій на свой счетъ.

— Отъ 17-го Марта, изъ Тампика пишутъ, что Мексиканскія войска осадили сей городъ.

Безконечный споръ о границахъ между Англіею и Соедин. Штатами продолжается, но съ обѣихъ сторонъ строго запрещено приниматься за оружіе.

— Франція приняла посредничество Англіи въ дѣлахъ съ Буенось-Айресомъ. — О дѣлахъ въ Перу извѣстія различны: пишутъ будто Санта-Крузъ на голову разбитъ Чилійцами, и едва могъ спастись бѣгствомъ.

Некрологъ.

Лордъ Роосъ, потомокъ одного изъ древнѣйшихъ родовъ Шотландіи, сконч. въ Эдинбургѣ. Титулъ пера переходитъ къ брату его, полковнику Роосу, зятю Герцога Ричмонда. — Покойный былъ извѣстенъ искусствомъ играть въ вистъ, что нѣкогда подало поводъ къ весьма соблазнительной тяжбѣ, о которой говорила тогда вся Англія.

Графъ Эссексъ, женившійся въ прошломъ году на пѣвицѣ Стеффенсъ, сконч. въ Лондонѣ на 82 году. Титулъ и имѣніе его переходятъ къ брату, Алджернону Капелю.

Маркизь Семонвилль, бывшій великій референдарій Палаты Перовъ, нечаянно упалъ съ лѣстницы,

и скончался отъ полученной присемь въ голову раны, въ Парижѣ.

Контръ-Адмиралъ Гамеленъ, директоръ депо картъ при Французскомъ Адмиралтействѣ, сконч. въ Парижѣ, на 70 году.

Гаспаръ Германнъ Катти, одинъ изъ ученѣйшихъ артиллерійскихъ генераловъ Французскихъ, сконч. въ Парижѣ, на 77 году.

Графъ Іоаннъ Ферзенъ, племянникъ умерщвленнаго въ Стокгольмѣ, въ 1810 году, Графа Акселя Ферзена, послѣдній потомокъ сего знаменитаго рода, сконч. въ Стокгольмѣ, на 30-мъ году. Недавно получилъ онъ наслѣдство отъ старшаго брата и женился на богатой красавицѣ, дѣвицѣ Бонде.

Ученый прелатъ Итальянскій Белленги, архіепископъ Никозійскій, извѣстный естествоиспытатель и антикварій, сконч. въ Римѣ на 82 году.

Самый старшій изъ Австрійскихъ генераловъ, генералъ-маіоръ Питшъ Ф. Воллисгофенъ, сконч. въ Вѣнѣ на 99 году. Онъ уже болѣе сорока лѣтъ находился въ отставкѣ.

Наѳаниль Боудичъ, математикъ и астрономъ Американскій, сконч. въ Бостонѣ.

Профессоръ Фанъ-Кампенъ, литераторъ, филологъ и историкъ Голландскій, сконч. въ Амстердамѣ на 62 году.

Ле-Франсе де-Лаландъ, членъ Института, извѣстный астрономъ, сконч. въ Парижѣ.

Фрисъ, извѣстный зоологъ Шведскій, сконч. въ Стокгольмѣ, на 39 году. Онъ не успѣлъ кончить своего огромнаго творенія о рыбахъ.

Эмерикъ Давидъ, бывший некогда адвокатъ, известный археологъ и членъ Института, сконч. въ Парижѣ на 64 году.

Прево, Женевецъ, известный переводами Еврипида, Дюгальдъ-Стюарта и Мальтуса, сконч. въ Женевѣ, на 88 году.

Боке, известный пейзажистъ, членъ Академій Флорентійской и Римской, сконч. въ Римѣ (гдѣ прожилъ 50 лѣтъ), на 85 году.

Перъ, знаменитый композитеръ, сконч. въ Парижѣ, на 69 году.

Энгельманъ, известный литографъ Парижскій и изобрѣтатель Полихроміи, сконч. въ Мюльгаузевѣ, на 50 году.

Вильгельмъ Блюменгагенъ, известный повѣстями, сконч. въ Ганноверѣ на 59 году.

Отецъ Россіи скончался въ Болоніи.

Луиза Линней, послѣдняя дочь великаго Линнея, сконч. въ Упсалѣ, на 90 году.

Елисавета Михайловна Хитрова, дочь нашего безсмертнаго героя Кутузова-Смоленскаго, сконч. на 54 году. — Первый супругъ ея, Графъ Тизенгаузенъ, былъ убитъ въ Аустерлицкой битвѣ, на 22 году жизни.

Степанъ Семеновичъ Джунковскій, Тайный Совѣтникъ, управлявшій Канцеляріею по части осужденія и воздѣланія окрестностей Петербурга, из-

вѣстный своими экономическими трудами, сконч. 3 Апрѣля, въ Сиб., на 77 году.

Максимъ Константиновичъ Крыжановскій, Генераль-Лейтенантъ и Членъ Военнаго Совѣта, сконч. 6-го Мая. Должность Комменданта С. Петербургской крѣпости и Директора Чесменской Военной Богадѣльни, вмѣсто него, Высочайшимъ приказомъ, 8-го Мая, передана нашему заслуженному воину, Генераль-Лейтенанту И. Н. Скобелеву.

Художества въ Россіи понесли прискорбную потерю кончиною нашего знаменитаго ваятеля, Самуила Иваповича Гальберга. Онъ сконч. 10-го Мая.

Сценическое искусство наше утратило юнаго артиста, обладавшаго дарованіемъ необыкновеннымъ, Николая Осиповича Дюра. Онъ сконч. 16-го Мая, на 32 году, послѣ тяжкой, продолжительной болѣзни.

Изъ Москвы увѣдомляютъ о кончинѣ заслуженнаго воина Русскаго, Генераль-Маіора Леонтія Яковлевича Неклюдова. Онъ родился въ 1748 году, вступилъ въ службу въ 1766 году, былъ подъ Очаковымъ и *первый* взшелъ на стѣны Измаила. Суворовъ обнялъ его, когда перенесли его потомъ, израненаго, въ госпиталь, и воскликнулъ: *Ура! мой храбрый Неклюдовъ!* Великій внукъ Екатерины, нынѣ благополучно царствующій Монархъ Россіи, почтилъ старость Неклюдова своими наградами.

Изъ Симбирска получено горестное извѣстіе о кончинѣ нашего славнаго война-поэта, Дениса Васильевича Давыдова. Онъ скончался въ деревнѣ своей 26-го Апрѣля... Подробности кончины его еще неизвѣстны.

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ВОСПОМНАНІЯ ОБЪ ЛОНДОНѢ *.

(Статья первая.)

⁴/₁₆ Июля, въ четыре часа пополудни, мы были въ устьѣ Темзы, и избавившись отъ докучливой морской болѣзни, съ радостію вышли мы на палубу, откуда взорамъ нашимъ представилось множество судовъ торговыхъ и военныхъ, предвозвѣщающихъ путешественнику пріѣздъ его въ державу, содержащую сильный флотъ и владѣющую обширною торговлею. — Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я пріѣзга въ Лондонъ, и наконецъ ⁵/₁₇ числа рано по утру, вошли мы въ Темзу и могли разсматривать оба берега; съ правой стороны графство Кентъ, а съ лѣвой графство Эссексъ. Вскоръ представились намъ *Гринвичъ*, съ его извѣстною госпиталію, и *Вулвичъ*, мѣстопробываніе сухопутныхъ войскъ; за ними виднѣлся сквозь туманъ величавый исполнѣ *Лондонъ*. — Въ 7-мъ часовъ были мы уже въ сей обширной и многолюдной столицѣ Англій. Вышедъ на берегъ и оставивъ наши вещи въ таможнѣ (Си-

* Сочиненіе молодого воспитанника одного изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній, который во время ваканцій прошлаго года посѣтилъ Лондонъ, въ сопровожденіи своего почтеннаго родителя, и прожилъ тамъ недѣлю.

stom House), мы наняли фіакръ, и проѣхали чрезъ торговую часть города (City). Несмотря на то, что было еще рано, улицы уже наполнялись народомъ; на рыбномъ и мясномъ рынкахъ пестрыя толпы переливались съ одного конца улицы къ другому; въ нихъ можно было различать рыбаковъ, мясниковъ, ремесленниковъ, поваровъ, кухарокъ, трактирщиковъ и работниковъ, однимъ словомъ всѣхъ, составляющихъ одно цѣлое — plebs. Вездѣ являлась торговая дѣятельность. Богатые магазины пестрыли и блестяли передъ нами. Лучшія произведенія Англійскихъ фабрикъ, новѣйшіе наряды и моды

Все чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильный,
И по Балтическимъ волнамъ
За льдъ и сало возитъ къ намъ,

все выглядывало изъ огромныхъ зеркальныхъ оконъ, прельщала и соблазняла взоры, которые между тѣмъ разбѣгались при чтеніи надписей и вывѣсокъ съ аршинными буквами. Меня удивляли также стѣны, увѣщенные съ верха до низа афишками и объявленіями, съ разноцвѣтными буквами необычайнаго размѣра, а между тѣмъ оглушали насъ на улицъ шумъ и стукъ. Тамъ пара лошадей тащила во весь опоръ огромный дилижансъ; здѣсь вѣхалъ красивый кабриолетъ à la fashionable; тутъ одна лошадь везла двухмѣстный фіакръ, а кучеръ сидѣлъ на имперіалѣ; тамъ останавливается прекрасная *мелькошь*: кондукторъ собираетъ пассажировъ, объясняя приходящимъ ея *комфортъ*, а между тѣмъ, на другомъ концѣ улицы четыре огромныя Шотландскія лошади тащатъ возъ, загроможденный бочками портера и пива (English ale). Представьте картину такой дѣятельности и ея безпорядковъ и странностей, что все можно видѣть только въ Лондонѣ, источникъ обширной торговли, обитаемомъ націею, которая столь упорно хранитъ свою оригинальность.

Между тѣмъ, непримтно добравшись мы до Французской Отели, находящейся на Leicester Square.

Рѣшась пробить въ Лондонѣ только одну недѣлю, и желая осмотрѣть въ столь короткое время все его достопримѣчательности, немедленно приступили мы къ исполненію нашего предпріятія.

Тотчасъ, по нашему требованію, явились лондонскіе лакей, экипажъ и печатный Путеводитель Лондона съ планомъ.

Мы приступили къ дѣлу тѣмъ, что посѣтили сначала славный соборъ Св. Павла. Мысль, что я нахожусь въ храмѣ, который по обширности и великолѣпію считается первымъ послѣ храма Св. Петра въ Римѣ, внушила мнѣ невольное благоговѣніе къ этому рѣдкому произведенію зодчества. При входѣ въ храмъ, окинувъ робкимъ взоромъ всю внутренность его, и замѣтивъ необычайную высоту купола, невольно ощущаешь невѣдомое до той минуты чувство. Душа стремится въ горніе предѣлы, къ престолу Того, къ кому созданы люди, воздвигнувшись такой храмъ въ Его прославленіе. Посвятивъ первыя минуты порывамъ благоговѣнія, я началъ потомъ съ любопытствомъ разсматривать каждую колонну, каждый карнизъ въ соборѣ Св. Павла. Все просто, но какая великолѣпная простота! Около стѣнъ ряды статуй и памятниковъ, воздвигнутыхъ признательными соотечественниками въ память великихъ мужей, со славою послужившихъ отечеству. Я видѣлъ прекрасные памятники адмираловъ: Нельсона, Гоу, Дункана, Сень-Винченца, также лорда Роллея, маркиза Корнваллиса и генерала Коллингвуда. Нельсонъ въ адмиральскомъ мундирѣ, опершись на якорь и корабельныя снасти; у подножія, гдѣ читаете имена побѣдъ его: *Copenhagen, Nile, Trafalgar*, Муза Исторіи указываетъ двумъ дѣтямъ на ликъ героя и поучаетъ ихъ подражать его примѣру. На пьедесталѣ надпись: *Воздвигнуть общими усердіемъ памяти Вице-Адмирала Виконта Нельсона, въ ознаменованіе его блистательныхъ и несравненныхъ подвиговъ, въ продолженіе жизни, посвященной служенію отечества и увѣчанной въ часъ побѣды завидною смертію*, и проч. Долго стоялъ я, глядя на статую великаго мужа и восхищаясь ея прекрасною надписью. Вообще здѣсь всюду замѣтны слѣды благодарности и уваженія, которыя воздастъ нація памяти своихъ великихъ мужей. Вся граждане, ознаменовавшія себя великими дарованіями, по всемъ отраслямъ народнаго благосостоянія, удостоены здѣсь памятниками, увѣковѣчивающими имена ихъ въ грядущемъ потомствѣ. Такъ, въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ любопытный посѣтитель найдетъ памятники Питту, Фоксу, Каннин-

гу, Шекспиру, Мильтону, Драйдену, Томсону, Джонсону, Годьдсмиту, Спенсеру, лорду Чатаму, и другимъ. Переносущъ воспоминаніемъ къ одному изъ замчателнѣйшихъ остатковъ готическаго зодчества — *Вестминстерскому Аббатстау*. Вышность сего свидѣтеля древности привлекаетъ уже взоры красотой и великолѣпиемъ. Двѣ башни высятся надъ зданіемъ, и красуются въ облакахъ, какъ будто гордятся чистотою и нѣжностью своихъ кружевныхъ украшеній, и трудами, какихъ стоили они строителямъ. Гордятся сокровищами, которыя Аббатство заключаетъ въ своихъ стѣнахъ, оно презираетъ полетъ всеразрушающаго времени, и будто чадолюбивая мать, даритъ мирный пріютъ браннымъ останкамъ достойныхъ сыновъ отечества и славы. Между памятниками, воздвигнутыми имъ признательными согражданами, возвышаются богатыя гробницы Англійскихъ Королей. Тамъ покоятся: Генрихъ III-й, Эдуардъ I-й, Эдуардъ III-й, Ричардъ II-й, Генрихъ V-й, Генрихъ VII и мн. др. Государи. Внутренность храма неуступаетъ вышности богатствомъ въ украшеніяхъ. Мягкіе карнизы и колонны, соединяясь въ высотахъ, образуютъ своды, и солнце, проникая сквозь разноцветныя окна и отражая на нихъ лучи свои, проливаетъ на всю внутренность храма магическій свѣтъ. . . . Посѣтивъ сей храмъ, я не могъ оставить его безъ сожалѣній о томъ, что принужденъ былъ осматривать его внутренность по частямъ, и не могъ насладиться видомъ цѣлаго, потому, что все еще было наполнено остатками отъ коронаціи, скамьями, помостами, возвышеніями и галереями, выстроенными по случаю торжества для членовъ обоихъ Парламентовъ, Двора, иностранныхъ Пословъ и другихъ особъ.

Послѣ Вестминстерскаго Аббатства посѣтили мы *Тауеръ* (the Tower), укрѣпленную часть города, гдѣ заключаютъ государственныхъ преступниковъ. Онъ окруженъ валомъ и окопомъ; нѣсколько башенъ украшаютъ его зданія. Здѣсь показываютъ богатый арсеналъ, съ множествомъ древнихъ, и даже *историческихъ* оружій, а также the Horse armour, залу съ восковыми изображеніями многихъ Королей Среднихъ Вѣковъ, на коняхъ, въ ихъ рыцарскихъ одеждахъ. Въ другой залѣ, которая имѣетъ 3,500 фут. длины и 48

ширины, хранится 150,000 ружей.—При Тауерѣ есть рота солдатъ, называемыхъ Yeoman, одежда которыхъ не измѣнилась со временъ Королевы Елисаветы. Они служатъ проводниками посѣтителямъ, и указывая на лики властителей своихъ предковъ, говорить о подвигахъ каждаго изъ нихъ. Одинъ изъ такихъ Yeoman водилъ насъ по всему зданію, и между многими достопримѣчательностями, показалъ мѣста убіенія дѣтей Эдуарда и Герцога Йоркскаго, также тюрьму, гдѣ Герцогъ Кларанскій, братъ Эдуарда I-го, былъ утопленъ въ бочкѣ Мальвазійскаго вина. Въ одномъ изъ отдѣленій Тауера, называемомъ *сокровищницею*, показываютъ Королевскія регалии, скипетръ, корону, державу, и другія драгоценныя вещи, бывшія въ употребленіи при послѣдней коронаціи.

Тауеръ выстроенъ, по мнѣнію многихъ, въ царствованіе Вильгельма Завоевателя, и съ тѣхъ поръ, былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ происшествій Англійской Исторіи; онъ служилъ послѣднимъ жилищемъ многимъ несчастнымъ жертвамъ властолюбія и деспотизма Среднихъ Вѣковъ; многіе безвинно погибли подъ его мрачными сводами, оклеветанные въ глазахъ своихъ Государей; другіе, найдя въ Тауерѣ возмездіе за свои преступленія, издыхали въ его башняхъ, пожираемые злобою и угрызѣніями совѣсти. Одно изъ отдѣленій Тауера названо даже *кровавымъ* (Bloody tower), вѣроятно, въ воспоминаніе о томъ, сколько въ немъ погибло жертвъ, сколько въ немъ пролито крови! . . . Это мѣсто, гдѣ прежде катились во прахъ головы несчастныхъ, и гдѣ обгагрлялись кровью ихъ мечи палачей, теперь страшитъ посѣтителя только мракомъ и тишиною, и только шаги любопытнаго пришельца раздаются тамъ, гдѣ прежде слышались стонъ и вопли несчастныхъ, когда съкира полагала предѣлъ ихъ страданіямъ. . . .

Въ соседствѣ Тауера находится два, чрезвычайно занимательные для путешественника предмета — *монетный дворъ* и *корабельная верфи*. Мы не замедлили посѣтить ихъ. На Монетномъ Дворѣ нашъ проводникъ показалъ и объяснилъ намъ весь процессъ механизма, котораго подвергаются монеты при ихъ выдѣлываніи. По-

стивъ корабельныя верфи (the London dok's), я удивлялся множеству судовъ, которые могутъ заключать въ себѣ сіи бассейны; число ихъ иногда далеко превосходитъ число *восьми тысячъ*. Красивыя суда, гордятся высотой своихъ мачтъ и разнообразіемъ флаговъ, небрежно развѣвающихся въ воздухъ, рисуются другъ передъ другомъ, и составляя непроницаемый лѣсъ мачтъ, являютъ въ цѣломъ восхитительную картину.

Въ первый день нашего пребыванія въ Лондонъ, проѣзжая мимо Buckingham palace, дворца Королевы, и увидѣвъ тамъ множество народа, мы узнали, что ждутъ ея въѣзда. Въмѣшавшись въ толпу, мы также хотѣли увидѣть девятнадцатилѣтнюю Королеву Англійскую. Появленіе двухъ жокеевъ предвѣстило ея въѣздъ; въ слѣдъ за ними быстро катилась красивая коляска. Въ ней сидѣли двѣ дамы; одна изъ нихъ отличалась молодостью, живостью и прекрасными, выразительными, голубыми глазами: это была *Королева Викторія*; благосклонно привѣтствуя любителей, она быстро промчалась мимо насъ, и повернувъ въ одинъ изъ парковъ, вскорѣ скрылась вдали.

Узнавъ, что на сей вечеръ въ Оперномъ Театрѣ было назначено представленіе *по особенному желанію* (by special desire) Королевы, и потому, надѣясь тамъ увидѣть ее, мы успѣли достать билеты. Королева Викторія удостоила театръ своимъ посѣщеніемъ. Давали прекрасную оперу Lucia di Lammermoor, сюжетъ, который заимствованъ изъ романа В. Скотта. Здѣсь мы имѣли удовольствіе слышать пѣніе славнѣйшихъ Европейскихъ артистовъ, Рубини, Тамбурини, Лаблаша, и пѣвицъ Гризи и Персиани. Послѣ оперы данъ былъ балетъ, въ которомъ танцовала извѣстная соперница Таліони—*Фанинъ Эйслеръ*. Если она не сравнится съ нею въ граціозности и ловкости, то, крайней мѣрѣ, далеко превосходитъ ее красотой, а красота и молодость суть безспорно однѣ изъ первыхъ принадлежностей танцовщицы, которой нетрудно украсить сии дары природы выразительными, граціозными и пльнительными движеніями.

⁹_{VI} Юля вечеромъ я былъ въ Нижнемъ Парламентѣ (House of Commons), и слышалъ тамъ рѣчи Оконеля, Шилля, сира Роб. Пиля, и нѣк. друг. Дѣло шло о недоимкахъ за капиталы, данные заимообразно Англійскимъ Правительствомъ Ирландцамъ Католическаго исповѣданія, которые были обязаны, на равнѣ съ Ирландцами Англиканскаго исповѣданія, платить пошлины на содержаніе Англиканскаго духовенства. Теперь Правительство требуетъ уплаты всего долга. Ирландцы-Католики возражаютъ, говоря, что они не считаютъ себя обязанными содѣйствовать своимъ подданіемъ содержанію Англиканскаго духовенства. Оконель съ жаромъ сказалъ нѣсколько основательныхъ и остроумныхъ замѣчаній, на которыя возражалъ Шилль, заключая свою рѣчь острою, которая мнѣ очень понравилась. Онъ изъявилъ свое согласіе съ многими предположеніями Оконеля, и прибавилъ: «Жаль только, что почт. членъ сдѣлалъ свои наблюденія на Гренувичской обсерваторіи, забывъ, что она не одна въ Англіи!» Ободрительный шопотъ и громкіе клики: «Слушай!» огласили собраніе.

На другой день, ввечеру, былъ я въ Палатѣ Перовъ (House of Lords), гдѣ разсуждали объ интервенціи Англій въ Испанскія дѣла, причемъ могъ я слышать рѣчи лорда Бругама, Веллингтона, Абердина (Aberdeen) и Лондондерри.

Въ обѣихъ Палатахъ меня удивили два обыкновенія. Во первыхъ то, что засѣданіе бываетъ въ вечеру, и такъ поздно, что однажды пришлось Оратору (Speaker) открыть засѣданіе въ полночь. Во вторыхъ, наружныя формы собранія. Лорды и депутаты пріѣзжаютъ въ Парламентъ въ сюртукахъ, и въ продолженіе засѣданія никто не снимаетъ шляпы, кромѣ того изъ членовъ, который приноситъ рѣчь. Напротивъ того, косьщая Оперный Театръ, должно быть во фракъ, а имѣя билетъ на ложу, надобно, кромѣ того, быть еще въ чулкахъ и башмакахъ. Простота и разнообразіе одеждъ членовъ Парламента еще болѣе поразить посѣтителя, когда онъ увидитъ подлѣ молодого лорда, который отъ скуки зѣваетъ и манетъ своимъ хлыстикомъ, толстаго, важнаго стряпчаго, въ широкомъ, черномъ платьѣ и въ напулдренномъ парикѣ....

О ПОГОРѢНІЯХЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ СОБОРНЫЯ ЦЕРКВИ СВ. АПОСТОЛѢВЪ ПЕТРА И ПАВЛА *.

Соборная церковь св. Апостоловъ Петра и Павла зачата была каменнымъ строеніемъ 1714 года, Мая 30-го дня, то есть, въ день рожденія Государа Императора Петра Великаго, которая и производилась строеніемъ своимъ чрезъ 19 лѣтъ. По совершеніи же всего устроения, освящена при державѣ Государины Императрицы Анны Иоанновны, 1733 года Іюня 28-го дня.

Въ 1735 году, Іюня 26-го дня, когда у соборной церкви Св. Исаакія Далматскаго, Божіимъ посвященіемъ, отъ громовой молніи Исакиевская колокольня загорѣлась, то, въ тотъ же самый моментъ, отъ того же громового удара, зажегъ былъ и Петро-Павловскій иппецъ, *но яко, какъ настоящій день тогда былъ*, оный громовой огонь на Петропавловской колокольнѣ тотчасъ затушили.

Въ 1748 года, Іюля 19-го дня, по полудни, въ 5 часу, ударилъ громъ съ молніею, которая тогда учинила слѣдующее поврежденіе: 1) Пovyше благовѣстнаго колокола, отъ рѣпки, отшибло часть карниза; 2) противъ того же мѣста, на кровль, погнуло немного желѣза; 3) внутри потолокъ противъ хоръ прошибло, и отъ боковыхъ дверей Невскихъ, отъ втораго окна, на стѣнѣ по нѣкоторымъ мѣстамъ подмазку и карнизъ осыпало; 4) на иконостасѣ, во многихъ мѣстахъ, какъ въ верху, такъ и въ низу, много позолоты попало; 5) въ алтарь, близъ жертвенника и окна, карнизъ немного отшибло; 6) у стѣны надъ престоломъ, у всѣхъ четырехъ столбовъ позолоту опалило, у одного столпа край немного отшибло; 7) потомъ, гдѣ сперва ударъ былъ, скважину пробило, величиною *на лицо*;

* Статья, заимствованная изъ записокъ покойнаго описателя С. Петербурга, Богданова, донынѣ не напечатанныхъ, и хранящихся у г-на Суханова.

8) отъ того громового удара (какъ слышно тогда было) церковь вся наполнена была дыма *съ страннымъ духомъ*, и пламя было великое, которое послѣ само погасло.

Сего 1756 году, Апрѣля 30 дня, въ первомъ часу по полуночи, ударилъ громъ въ Петропавловскую колокольню, и отъ того учинился великій пожаръ, и въ 3 часу показался огонь наружу, который уже весьма разродился, и видимъ быть сталь весть, въ чемъ знаемъ, что онаго ко утушенію преодолѣть было невозможно. И такъ Божіимъ благоизволеніемъ Петропавловскій соборъ совсѣмъ сгорѣлъ.

Впрочемъ, утварь церковная вся въ цѣлости вынесена. Иконостасъ, который былъ превосходной рѣзбы и архитектуры и богатой позолоты, хотя оный и весь былъ выбранъ, но на многія дробныя части разломанъ, который къ исправленію своему, какъ чаятельно было весть, исправить быть не могъ, ибо въ народъ такого мастера не имѣлось.

Часы (охъ, жалъ!), которые вмѣстѣ съ Исакиевскими часами выписаны были изъ Голландіи, и за которые заплачено было 45,000 рублей (за Исакиевскіе же заплачено 35,000 рублей), въ пожаръ сгорѣли. И такъ царствующій градъ Санктпетербургъ нынѣ безъ органныхъ часовъ остался.

Но, впрочемъ, церковь каменнымъ строеніемъ вся въ цѣлости осталась. Внутри, подъ прикрытіемъ крышкихъ сводовъ, вся живопись и картины въ потолокъ, по стѣнамъ и въ самомъ куполѣ, со всею позолотою, въ цѣлости не-вредимо осталось все.

Но, по соизволенію Ея Императорскаго Величества, Высочайшимъ указомъ тотчасъ повелѣно было Канцелярїи отъ строеній во весть оный погорѣвшій Петропавловскій соборъ по прежнему въ порядокъ привести, чего ради до-вольствомъ разныхъ мастеровыхъ отъ 30 Апрѣля по 20 числа... иконостасъ церковный весь позолотою, и со весть св. образами, исправилъ. Также каеэдру, Монаршее мѣсто, все по прежнему въ порядокъ привели. Полъ въ алтарь и подъ алтаремъ плитою замостили. Мраморъ по столбамъ и по пиластрамъ обновили. Живопись въ сводахъ, гдѣ отчасти отъ жару мало потемнѣла и пожелтѣла, оную поправили, и все карнизы вновь выбѣлили, и про-

чее. Исправя все ко дню праздника св. Апостолъ Петра и Павла, Юня 23 дня, совѣтъ освятили паки.

Куполь надъ алтаремъ, разобравъ по окна, начали надъ нимъ каменные своды сводить, на которомъ прежде былъ сводъ и малое купольцо, все деревянное; нынѣ оный куполь весь сдѣланъ каменный, и бѣлымъ желѣзомъ покрыли, какъ куполь, такъ и всю церковь, и главу позолотили на день Св. Петра и Павла, въ 1757 году.

==

КНЯЗЬ Х. А. ЛИВЕНЬ.

—

Смерть похитила у Монарха Россіи одного изъ самыхъ старыхъ и самыхъ преданныхъ Августѣйшему Егo Дому подданныхъ: *Князь Х. А. Ливень* * кончилъ въ Римѣ свое продолжительное и почтенное поприще.

Съ самаго дѣтства, его почтенная и благочестивая родительница (въ награду отличныхъ услугъ которой, въ царствованіе Императора Павла, пожалованъ былъ ея потомкамъ титулъ Графскій, а при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ титулъ Княжескій) внушила сыну своему уваженіе къ семейству Царскому, какъ въ колыбели, такъ и на тронѣ, въ благоденствіи и превратностяхъ судьбы. Вѣрный симъ правиламъ, всю жизнь свою, каждый день, каждый часъ соединилъ онъ съ великимъ жребіемъ властителей Россіи. Раздвѣля съ ними времена испытаній и дни счастья, онъ исчислялъ эпохи жизни своей воспоминаніями, какія напечатлѣли въ его памяти царствованія *трехъ Монарховъ*, которымъ посвящалъ онъ надежды своей юности, силы зрѣлаго возраста и преданность преклонныхъ лѣтъ.

* Князь *Христофоръ Андреевичъ Ливень*, Попечитель Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Инфантерій, и кавалеръ орденовъ: Св. Ап. Андрея съ алмазами, Св. Александра Невскаго съ алмазами, Св. Владиміра и Св. Анны 1-й степени, Св. Георгія 3-й степени, Прусскихъ Чернаго и Краснаго Орла, Ганноверскаго Гвельфовъ Бол. Креста, Св. Іоанна Іерусалимскаго, Шведскаго Меча Бол. Креста, и знака отличія безпор. службы за ХІ лѣтъ.

Такъ, обращая взоры на прошедшее, Князь Ливень пересказывалъ жизнь свою, когда говаривалъ о славу своихъ Повелителей, и дни, которые любилъ онъ вспоминать, начертывая самымъ драгоценнымъ сердцу его воспоминаніямъ, были дни событій, въ теченіе полувѣка означившихъ исторію величія Россіи.

Двадцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ занималъ, въ царствованіе Императора Павла, должность Генераль-Адъютанта и имѣлъ на рукахъ портфейль Военнаго Министерства, когда Суворовъ на поляхъ Италіи славилъ Русское оружіе. Къ успѣхамъ блестящаго, быстро поприща вскорѣ превратность присовокупила свои строгіе уроки. Свидѣтель дня Аустерлицкаго сраженія и Тильзитскаго мира, Князь Ливень вѣрно сораздвѣлялъ скорби, какими постигнуты были первые годы царствованія Императора Александра, но имѣлъ утѣшеніе понимать уже и тогда, что бѣдствія, не только не побѣждали мужества юнаго Монарха, но, казалось, еще болѣе укрѣпляли его, какъ будто приготавливая его великую душу къ высокому жребію, каковой предоставляло ему Божественное Провидѣніе.

Съ Тильзитскаго мира до открытія кампаніи 1812 года, Князь Ливень, бывшій Россійскимъ Министромъ въ Берлинѣ, былъ наперсникомъ въ скорбяхъ, тяготѣвшихъ надъ Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ и Егo Августѣйшимъ Домомъ. Онъ былъ также первый, который умѣлъ оцѣнить во всемъ его объемъ и указать вниманію Императора Александра національный порывъ, каковой таила въ себѣ Пруссія, великодушное чувство, въ тайнѣ готовившееся низвергнуть чужеземное иго, подъ которымъ стнала тогда Прусская монархія.

Оставя Берлинъ при открытіи кампаніи 1812 года, Князь Ливень былъ назначенъ Посломъ въ Лондонъ. Назначеніе послѣдовало въ Августъ 1812 года. Но только послѣ вступленія Французовъ въ Москву, рѣшительно опредѣленъ былъ отъѣздъ его.

Наканунъ отправленія своего, по назначенію Государя, онъ явился въ Каменно-Островскій Дворецъ получить послѣднія наставленія Императора Александра. Вотъ слова, которыя сказалъ ему сей Великій Монархъ:

«Я избралъ для вашего отъѣзда то время, когда Фран-

«цуская армія заняла Москву, и тѣмъ лучше хочу подтвердить Мою непоколебимую рѣшимость продолжать войну, не смотря на такое важное событіе. Въ то мгновение, «когда Наполеонъ находится въ Москѣ Кремлевскомъ кабинетѣ, Я посылаю васъ въ Лондонъ, передать тамъ Мою крѣпкую рѣшимость — до тѣхъ поръ не заключать «мира, пока не изгони неприятеля за наши предѣлы, еслибы даже, для достиженія къ тому, Я долженъ былъ уда- «длиться за Казань.»

«Требую отъ Англіи только амунниціи и оружія, по- «тому, что усилія, сдѣланныя Россіею, истощили наши «арсеналы. Только такого пособія хочу Я, пока Мнѣ на- «добно защищать Русскую землю. Когда, при помощи «Божіей, изгону неприятеля за наши предѣлы, Я не оста- «новлюсь на томъ, и тогда уговорился Мы съ Англіею о «помощи болѣе значительной, какой требую Я отъ нея, «для избавленія отъ ига Европы.»

Таковы были наставленія, которыми блаженной памяти Императоръ Александръ снабдилъ Своего Представителя, посылая его въ Лондонъ. Князь Ливенъ благоговѣнно внималъ словамъ Монарха, и говаривалъ потомъ объ нихъ, какъ о драгоцѣнномъ воспоминаніи въ жизни своей.

Въ теченіе *двадцати двухъ лѣтъ*, съ 1812-го по 1834 годъ, Князь Ливенъ съ честью несравлялъ званіе Россійскаго Посла въ Лондонъ. Во время сей эпохи, величайшія событія современной исторіи пренли передъ его глазами, требовали его содѣйствія, и, если осмѣлимся такъ выразиться, имѣли его свидѣтелемъ. Тѣсный союзъ, образовавшійся между Россіею, Великобританіею, Австріею и Пруссіею, сдѣлалъ иткоротырь образомъ общими ихъ выгоды, ихъ обѣты и ихъ надежды. Ихъ соединеннымъ усиліямъ одолжена Европа великимъ результатомъ новѣйшей политики — возстановленіемъ всеобщаго мира, продолжающагося уже *четверть* столѣтія.

Среди памятныхъ событий 1813 и 1814 гг., приведшихъ сіе миротвореніе, и въ конѣхъ Британскій Кабинетъ призванъ былъ къ вліянію столь рѣшительному, Князь Ливенъ умѣлъ приобрести себѣ довѣренность государственныхъ мужей, имена конѣхъ всегда будутъ честью политической исторіи Англіи XIX вѣка.

При различныхъ администраціяхъ, слѣдовавшихъ въ Англіи въ теченіе 20-ти лѣтъ, Князь Ливенъ пребылъ неизменно въ высокому уваженіи всѣхъ начальниковъ Англійскаго Кабинета. Призываемъ ли онъ былъ содѣйствовать ихъ политическимъ видамъ, или принужденъ оспаривать ихъ, онъ не переставалъ быть другомъ Ливерпуля, Кастельрига, Веллингтона и Каннинга. Умѣренность и благородство его характера были признаны всеми и оценены всеми партіями въ Англіи, каковы ни были ихъ мнѣнія. Среди самыхъ сложныхъ отношеній публичныхъ дѣлъ, какъ равно и въ простыхъ привычкахъ частной жизни, его поведеніе было благороднымъ опроверженіемъ укору, которое простонароднымъ мнѣніемъ донынѣ прилагается къ дипломатіи, обвиняя ее, безъ всякихъ соображеній, въ двойственности и лжи. Никто лучше Князя Ливена не доказалъ, что правота есть самое вѣрное средство рѣшать важнѣйшія затрудненія, и что въ людяхъ, призванныхъ разсуждать о важнѣйшихъ выгодахъ государствъ, политическая честность есть качество превыше всякаго дарованія.

Размышляющій здраво, и умѣренный въ своихъ мнѣніяхъ, осторожный, но настойчивый въ своихъ поступкахъ, и не расточительный на обещанія, онъ былъ всегда увѣренъ, что внушить довѣренность, ибо всѣ знали, что никогда не измѣнитъ онъ своему слову.

Потому имѣлъ онъ наслажденіе — скажемъ болѣе — торжество: видѣть, что всѣ единодушно сожалѣли въ Англіи, когда, въ 1834 году, Императоръ призывалъ его въ Россію. Единственный примѣръ въ исторіи Великобританскаго Парламента: въ Палатѣ Перовъ его слышали тогда начальника Кабинета Англійскаго, воздающаго иностранному Послу справедливую дань похвалы и сожалѣнія, и ни единый голосъ не возвысился отвѣчать укориною, или осужденіемъ, на свидѣтельства чести и правоты, пребывшихъ неприкосновенными въ теченіе 22-хъ лѣтъ, столь обильныхъ событиями и измѣненіями.

Лордъ Грей (въ засѣданіи Палаты Перовъ, 27 Мая 1834 года) воздалъ представителю Россійскаго Императора благородную и блестящую признательность — трогательное воспоминаніе, котораго не можемъ пропустить здѣсь, ибо оно дѣлаетъ честь характеру Лорда Грея, и, какъ обсто-

ительство достопамятное, какъ последнее прощаніе старой Англии, никогда не изглаживалось изъ памяти Князя Ливена.

Въ Июль 1834 года возвратился онъ въ Россію, для занятія обязанностями, означавшими высокую довѣренность, какими удостоилъ его Императоръ, благоволившій призвать его и наименовать, по статутамъ Императорской Фамиліи, *Попечителемъ* при Особѣ Е. И. В., Цесаревича Наслѣдника, когда исполнилось совершеннолѣтіе Великаго Князя.

Князь Ливень принялъ сіи обязанности съ совершенною покорностью воли своего Государя, хотя и сожалѣлъ, оставляя Англію, гдѣ провелъ лучшіе годы своей жизни.

Тяжкая скорбь ожидала его въ Петербургѣ. Двое сыновей его, въ цвѣтъ лѣтъ, были похищены заразительною болѣзнію въ теченіе двухъ недѣль. Домъ его, едва сдѣлавшись открытымъ, и уже неоднократно удостоенный присутствіемъ Императорской Фамиліи, затворился навсегда и покрылся трауромъ. Такое предвѣщаніе судебъ, казалось, возвышавшее Князю Ливену, что и для него скоро придетъ жизнь міра здѣшняго, сильно поразило его.

Но, между тѣмъ, чувство долга поддерживало еще его бодрость. Полугодовое пребываніе въ Италіи оживило его силы. Призванный къ чести сопровождать Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника въ путешествіи въ чужестранныя государства, онъ спѣшилъ, весною 1838 года, предстать предъ Императорскимъ Семействомъ въ Берлинъ. Отсюда сопровождалъ онъ Е. И. В. въ Стокгольмъ, Копенгагенъ и по Германіи до самой Ломбардіи. Счастливый и гордый тѣмъ, что ему суждено быть свидѣтелемъ надеждъ, какія повсюду возраждаетъ Наслѣдникъ Русскаго Престола, съ радостію слѣдовалъ онъ за Нимъ до среды величія Рима.

Здѣсь судьба назначила предѣлъ обязанности, которой посвятилъ Князь Ливень все, что оставалось въ немъ жизни и силъ. Не суждено было ему исполнить своей обязанности до конца. Не дозволилъ ему жребій препроводить въ отечество надежду Россіи, ввѣренную ему довѣренностью Государя Императора, но онъ имѣлъ утѣ-

шеніе видѣть, что здоровье Е. И. В., укрепленное пребываніемъ въ Италіи, соответствовало болѣе и болѣе объѣтамъ и нѣжной заботливости объ немъ Августѣйшихъ Родителей.

Такъ послѣднія мгновенія Князя Ливена не были омрачены безпокойствомъ и заботою. Онъ сошелъ въ могилу, какъ жилъ — усерднымъ подданнымъ своего Повелителя. Онъ умеръ съ утѣренностью, что свято охранялъ юную надежду, которую Монархъ его довѣрилъ преданности его преклонныхъ лѣтъ.

Санктпетербургъ.
Января 22, 1859 г.

=

ЛЮБОПЫТНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ КЪ СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ *.

I.

Вопросы о пѣсни Игоревой К. Калайдовича и объясненія Графа Мусина-Пушкина, присланныя съ письмомъ, Декабря 31-го 1813 года:

1. *На чемъ, когда и какъ она писана?*

Писана на лощеной бумагѣ, въ концѣ лѣтописи, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV, или къ началу XV вѣка.

2. *Гдѣ найдена?*

* Все, что касается *единственнаго*, драгоценнаго памятника нашей Древней Словесности, должно быть для насъ драгоценно. Вотъ почему не смѣю оставить въ невѣдѣнности замѣтокъ, сообщенныхъ мнѣ незабвеннымъ Вас. Фед. Тимковскимъ, изъ бумагъ брата его, Ром. Фед., когда я собирался писать о Словѣ о полку Игоревомъ. Не знаю, выдамъ ли когда нибудь множество написанныхъ уже мною изслѣдованій и замѣчаній, но до сихъ поръ не оставлю своего намѣренія. Кстати здѣсь замѣтить, что Ром. Фед. весьма много занимался Словомъ о полку Игоревомъ, но *одѣ* его записки объ немъ — *неизвестно*. У Вас. Фед. ихъ не было. Остальныя бумаги Ром. Фед. погибли въ Петербургскомъ наводненіи, вмѣстѣ съ драгоценными бумагами самого почтеннаго В. Ф. Тимковского. *Н. П.*

До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ управлялъ онымъ архимандритъ Юилъ, мужъ съ просвѣщеніемъ и любительъ Словесности. По униженіи штата, остался онъ въ томъ монастырѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился въ недостаткѣ, а потому случаю комисіонеръ мой купилъ у него въ Русскія книги, въ числѣ конхъ, въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ: *Хронографъ*, въ концѣ найдено Слово о полку Игоревомъ.

3. Сколько экземпляровъ напечатано?

Экземпляровъ было напечатано 1,200, изъ коихъ большая часть сожжена въ Москвѣ съ домомъ моимъ отъ злодѣя.

4. О прежнихъ переводахъ и кто былъ участникомъ въ изданіи?

Во время службы моея въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и преложеніемъ оныя пѣсни на пѣвшій, которая въ подлинникъ хотя довольно яснымъ характеромъ была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому, что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ конхъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего должно было раздѣлить ее на періоды, и потомъ добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все уже было разобрано, но я, не бывъ преложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать ошибки, подобной К. Щербатову, который, разбирая граматы Новгородцевъ къ Ярославу, напечаталъ въ оной между прочаго (что надѣюсь вамъ извѣстно): «Почто отъялъ еси Поле Заячь и Милавцы.» По переездѣ же моемъ въ Москву, увидѣлъ у А. Ѳ. Малиновскаго, къ удивленію моему, переводъ мой очень въ несправной перепискѣ, и по убѣдительному совѣту его и друга моего Н. Н. Б. Каменскаго, рѣшился обще съ нимъ свѣрить преложеніе съ подлинникомъ, и исправя съ общаго совѣта что слѣдовало, отдалъ въ печать.

* То есть, слова: «Почто отъялъ еси поле заячьими ловцы.» Щербатовъ принялъ за имена собственные: *Поле Заячь и Миловцы. Н. Н.*

ки, прибыли во Францію, въ самомъ бѣдномъ положеніи. — Базошъ отданъ подѣ судѣ; онъ самъ желалъ его, надѣясь оправдаться во всѣхъ обвиненіяхъ.

Дикари овладѣли въ Гватималѣ городомъ *Халаномъ*, ограбили его, но были потомъ разбиты. Больше 500 изъ нихъ остались на мѣстѣ.

Буэносъ-Айресъ доведенъ блокадою до крайности. Только насиліемъ поддерживаетъ себя Розасъ. — Лебланъ по послѣднимъ извѣстіямъ хотѣлъ преслѣдовать Орибе на мѣлкихъ судахъ по рѣкѣ Паранѣ, слыша, что онъ собралъ новыя силы противъ Рибера.

Соборная церковь въ Берингенѣ, близъ Беверлоо, древнее готическое зданіе, построенное въ XIV вѣкѣ, разрушилась 17-го Февраля, утромъ. Часть обломковъ ея завалила городскую школу, вблизи находившуюся, и въ ней погибло и изувѣчено было 13-ть дѣтей, въ школѣ въ то время бывшихъ! — Февраля 16-го загорѣлся въ Неаполѣ Воспитательный Домъ, и пламя такъ быстро обхватило зданіе, что изъ числа бывшихъ въ немъ дѣтей—23 погибли въ пламени; одна кормилица бросилась изъ окна съ двумя дѣтьми и — убила до смерти! — Въ Ричмондѣ, въ Соед. Штатахъ, пожаръ истребилъ нѣсколько огромныхъ домовъ, и въ томъ числѣ богатую гостинницу, стоявшую болѣе 600,000 рублей. — Декабря 14-го, пожаръ опустошилъ нѣсколько прекрасныхъ улицъ въ Портъ-Луи на Ильде-Франсе. Убытокъ полагаютъ въ 500,000 піастровъ. — Въ концѣ Февраля въ Бельгій были большія наводненія, отъ множества снѣговъ, выпавшихъ зимою. — Какъ любопытное явленіе, должно замѣтить льды, встрѣ-

ченныя на Атлантическомъ морѣ, подъ 44° широты. Ихъ несло въ такомъ обилии, что они угрожали разбитіемъ кораблямъ, съ ними встрѣтившимся, и нѣкоторые изъ нихъ выставлялись изъ моря на 60 футовъ.

Изъ Отанги получены извѣстія отъ 30-го Августа 1838 г. — Королева изгнала изъ своихъ владѣній Французскихъ Миссіонеровъ и отправила ихъ на Гамбьерскіе острова. Капитанъ Пети-Туаръ, прибывшій на корабль *Венера*, потребовалъ отъ нея извиненія, платежа убытковъ и возвращенія своихъ земляковъ, угрожая мщеніемъ. Королева посѣдила исполнить требованіе и заплатила немедленно за убытки 10,000 франковъ, прося прощенія въ дерзкомъ своевольствѣ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

Баронъ Франсуа, Антуанъ Лаллеманъ, перъ Франціи, одинъ изъ Наполеоновскихъ генераловъ, приговоренный къ смерти въ 1816 году, и долго жившій потомъ въ Америкѣ, сконч. въ Парижѣ, въ началѣ Марта.

Принцесса Шарлотта, младшая дочь Юсифа Бонапарте, сконч. 2-го Марта, на дорогѣ въ Геную изъ Флоренціи, гдѣ жила съ своею матерью, Графинею Сюрвилле. Она род. въ 1803 году и была въ супружествѣ за Наполеономъ, старшимъ сыномъ Людовика Бонапарте, умершимъ въ 1831 году.

Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ, Генераль-Лейтенантъ и Кавалеръ, сконч. въ Москвѣ, Февраля 3-го.

Онъ останется памятенъ основаніемъ города *Тучкова*, такъ названнаго потому, что безъ всякой казенной помощи, онъ основанъ былъ С. А. въ 1810 г., изъ выходцовъ изъ Турціи и Некрасовскихъ казаковъ.

Павелъ Васильевичъ Тархановъ, Экстраорд. Академикъ Спб. Академіи Наукъ, по части астрономіи, статск. сов., сконч. въ Спб., Марта 16-го, на 52 году.

Сиръ Чарль Педжетъ, Англійскій Адмиралъ, начальств. Англійскою эскадрою въ Мексиканск. заливѣ, сконч. 29-го Января на остр. св. Томы.

Дэвида Аделаида Рейнбольдъ, сконч. въ Дрезденѣ 14-го Февраля. До появленія въ нынѣшнемъ году, въ альманахѣ *Уранія*, ея повѣсти: *Irgwisch Friezt*, немногіе знали, что ей одолжена была Германія стихотвореніями, которые издавали Тикъ и другіе, подъ именемъ *Франциска Бертольда*. Вся выручка за нихъ обращена была сочинительницею въ помощь бѣдныхъ.

Герцогъ де-Шеврезъ, богатѣйшій изъ помѣщиковъ Французскихъ, сконч. въ замкѣ своемъ. Имѣніе его переходитъ къ Герцогу де-Люинь (*Luynes*).

Сентъ-Ферменъ, славный комическій актеръ, умеръ въ Парижѣ.

Ладурнеръ, композитеръ и фортепіанистъ, род. въ Тироля, сконч. близъ Парижа, въ деревенькѣ Вильенъ, 4-го Марта. Супруга его была извѣстна игрою на скрипкѣ, а сынъ, извѣстный живописецъ, находится у насъ въ Петербургѣ.

Графъ Карлъ Фридрихъ Теодоръ Левенгельмъ, богатѣйшій изъ Шведскихъ владѣтелей желѣзныхъ рудниковъ, сконч. на 80 году.

Викторія Бабѹа, старѣйшая изъ Французскихъ писательницъ, сконч. 8-го Марта, въ Парижѣ. Она род. въ 1760 году, и въ 1805 году издала свои алегїи, которыя заслужили ей тогда дружбу Шенье, Дюсиса, Лебрюня, и заставили Жоффруа сказать: Quand on pleure comme M-me Babois, on ne devroit jamais sourire.

Карлъ Марія Штаркъ, благотворитель бѣдныхъ, каноникъ собора и Директоръ обсерваторїи въ Аугсбургѣ, сконч. на 69 году, 15-го Марта. Аугсбургская обсерваторія была построена на его иждивеніе.

Никандеръ, Шведскій поэтъ, извѣстный многими прекрасными стихотвореніями, сконч. 26-го Января въ Стокгольмѣ. Онъ род. въ 1799 г.

Павелъ Петровичъ Свиньинъ, заслужившій въ Русской литературѣ память своими литературными и художественными трудами, и особенно ревностнымъ желаніемъ ознакомить ближе Русскихъ съ ихъ славною отчизною, сконч. въ С. Петербургѣ, Марта 29-го дня, на 52 году.

Юрій Ивановичъ Венелинъ, уроженецъ Карпато-Россій, посланный отъ Россійской Академіи для изслѣдованій о Булгарскомъ языкѣ въ Булгарію, и занимавшійся усердно Русскою Исторіею, сконч. въ Москвѣ 17-го Марта.

=

Приписка рукою К. О. Калайдовска. Въ первомъ и второмъ отвѣтѣ сказано, что Пѣснь Игорева помещена въ рукописи въ концѣ Лѣтописи (Хронографа), а въ печатномъ изданіи оной, 1800 года, она слѣдуетъ послѣ *Синагрила*. — Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что Пѣснь Игорева писана не въ концѣ XVI и не въ началѣ XV вѣка, но въ исходѣ сего столѣтія.

II.

Типографщикъ Семень Аникѣевичъ Селивановскій говоритъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ рукописи пѣснь Игореву. Она написана, точно, въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, и Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Дмитрія Ростовскаго. Корректуру держали: А. О. Малиновскій, Н. Н. Б. Каменскій, а третью уже читалъ Графъ Пушкинъ. Они дѣлали частыя поправки въ корректуру, съ точностію издавая подлинникъ, отъ чего печатаніе шло медленно. Графъ Пушкинъ не имѣлъ права помаривать корректуру.

Стр. 34, *усобицы*, не значить ли: *состязаніе*?

Иск. лѣт. Ч. II, стр. 26. Василью говорить: *любо нальзу себѣ славу, любо и главу свою сложу за Русскую землю.* Стр. 30, *И Угры збиша въ клубъ, яко соколы сбиаетъ галицы.*

Въ Малороссіи говорятъ: *утка какгае* (кикакутъ?)

Пути—кандалы. Въ Малороссіи говорятъ: *пути лошадиныл.*

Слово: *убуди*, въ четырехъ мѣстахъ передано, на стр. 9 *пробуждаетъ*; на стр. 10 *умолаетъ*; на стр. 16 *разбудила*, а на стр. 21 *возобновили.*

Лукоморіе, на стр. 22-й упоминаемое, значить здѣсь *Азовское море*. Въ одной лѣтописи написано, что Татары, преслѣдуя Половцевъ, загнали до рѣки Днѣпра по Дону и въ *луки моря*. *Лука*, значить *кривизна, извилина*.

Трудная посылъ значить *неприскорбная, а печальная*. На стр. 17 слова: *а сице и рати*, должно читать: *а сицей рати*. Въмѣсто: *розы нося имъ*, кажется, читать надобно: *розы послыцимъ*.

* Въ слѣдующія замѣчанія писаны рукою Конст. Осдор. Калайдовича. II. II.

Т. VIII. — Отд. VI.

Г. Карамзинъ говорилъ мнѣ, что въ подлинникъ Пѣсни Игоревои, вмѣсто: *вѣли Тролли*, въ двухъ мѣстахъ было написано: *вѣли Тролли*. Также лѣтопись Волынская, по его словамъ, имѣетъ большое сходство по языку и выражениямъ съ Пѣснью Игоревою, и обильна сравненіями, подобными находящимся въ первой.

Преосвященный Евгенийъ, въ письмѣ ко мнѣ, отъ 18-го Января 1814 года, изъ Калуги, пишетъ слѣдующее о Пѣсни Игоревои: «Объ Игоревои пѣсни я не сомнѣваюсь, что она давняя, и могла сочинена быть въ XV вѣкѣ, когда воображеніе и духъ Россіянъ уже ободрился отъ успѣховъ надъ Татарами. Но чтобы была и древняя до XIII вѣка, на это потребны доказательства яснѣе Игумена Зосимы (заключеніе Апостола 1307 года.) Растолкуйте вы мнѣ, къ чему авторъ написалъ въ самомъ началѣ: «не льно ли ны бѣшетъ *старыми словесы?*» Не значить ли это, что онъ силится написать стариннымъ прежнихъ временъ слогомъ, а не современнымъ себѣ? Слѣдовательно, онъ не современникъ бытій. Много у насъ и Русскихъ пѣсней, писанныхъ стариннымъ слогомъ, о временахъ даже Владиміровыхъ. Кътожь отнесетъ ихъ къ тѣмъ временамъ? Сѣверное пѣснопѣіе древнее (ссылаюсь на Скандинавскія Саги и Эдды), никогда не было такъ высокопарно, какъ Пѣснь Игорева. Это воображеніе Восточное, похожее на Арабскія и Татарскія пѣсни, а не на Греческія.»

Графъ С. П. Румянцовъ не вѣритъ Пѣсни Игоревои, почитая ее подложною, и основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя *Солтаново*, появившееся гораздо позже XII вѣка, новое названіе народа *Венецици*, и мѣстоименіе *которой*, неприличное будто бы тому времени. Объ имени Солтана и Венецицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова, совершенно похожія на новыя, приводилъ я Его Сіятел. слово: *батогъ*, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Къ числу прежнихъ сомнѣній о Пѣсни Игоревои, Графъ приводитъ, что образъ Богоматери, привезенный Пирогошею въ 1160 году, перенесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи Издателя), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившись

въ 1185 году изъ пѣвна Половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогошей? Самое рожденіе Игоря въ 1151 еще болѣе сіе запутываетъ.—Я не могши ничего припомнить, согласился было съ симъ, но г. Карамзинъ сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе Графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогошей и писанной Еванг. Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно, дѣйствительно, полагать въ 1160 году.

Я еще не справлялся, но Графъ С. П. Румянцовъ увѣрялъ меня, что походъ Игоря на Половцевъ описанъ пѣнически и у Татищева.

На стр. 3-й Пѣсни Игоревои видно что Боянъ жилъ во времена Ярослава, Мстислава и Романа Святославича, а на стр. 37, что онъ былъ современникомъ Всеслава. Что онъ былъ во время Ярослава, также видно и на 44 страницъ.

Есть слово сходное съ *Стрикусами* — *Стрикало*, тоже что *Стрекало*, *бодило*. Церк. Словарь, Алексѣева.

Преосвященный Евгенийъ и Архимандритъ Амвросій увѣдомили меня, что они не въ силахъ объяснить *семи словъ* Пѣсни Игоревои. Евгенийъ советуетъ справиться въ книгѣ: *Slownik iazyka Polskiego przez Samuela Bogumila Linde, w Warsawie, w drukarni Piarow, 1807, въ 4.* Въ сей книгѣ слова Польскія объяснены разными діалектами языка Славянскаго.

Въ одной лѣтописи Синодальной Библіотеки находится описаніе сраженія Дмитрія Донскаго съ Мамаемъ, сходное съ пѣснью, вами найденною *, исключая того, что въ первой пропущены многія пѣническія мѣста, находящіяся во второй.

Пѣснь Игорева имѣетъ много Малороссійскихъ и Польскихъ выраженій на прим. *помняшетъ, бѣшетъ, мужаймься, на кие ся години обратиша, свѣгаі и обыгаі.*—Далѣ: *шеръ* значить на какомъ-то сѣверномъ языкѣ *городъ*. *Хариль*, на Китайскомъ (?) языкѣ значить *брань* или *война*.

* Слѣдовательно, Р. О. Тимковскому обязаны мы находкою Пѣсни о Куликовской битвѣ? *И. П.*

III.

1814 года, Октября 21 дня, слышалъ я отъ К. О. Калайдовича:

1. Что Н. М. Карамзинъ увѣрялъ его въ томъ, что хранящаяся у него *Волынская Летопись* имѣеть великое сходство въ языкъ съ Пѣснью о походѣ Кн. Игоря, и что въ оной летописи встрѣчаются слова: *харалужный* и *тлековина*.

2. Что, по мнѣнію Н. М. Карамзина, *харалужный* значить *булатный*, а *тлековина* значить *раковина*, отъ слова: *тлековь*, которое значить: *устрица*.

3. Что Н. М. Карамзинъ увѣрялъ его, К. О. Калайдовича, что по сдѣланному имъ, Н. М. Карамзинъ, сличенію, оказалось, что Пѣснь о походѣ Кн. Игоря со всею точностью напечатана противъ подлинника, выключая словъ: *сли Тролли*, вмѣсто которыхъ въ подлинникъ стоять: *сли Тролли*. Касательно же поставленнаго въ скобкѣ слова: *Олега*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности рѣчи.

4. Что городъ *Дильскъ* встрѣчается въ печатной *Книгѣ большаго чертежа*, сочиненной около временъ Михаила Феодоровича; *Дудутки* же есть мѣстечко вблизи Новгорода Великаго, и что упоминается тамъ монастырь *на Дудуткахъ*.

5. Что, по мнѣнію Н. М. Карамзина, помянутая Пѣсня о походѣ Кн. Игоря сочинена въ княженіи Новгородо-Сверскомъ.

6. Что слово: *орьтма*, встрѣчается въ древнихъ грамотахъ Архивскихъ.

=

* Въ слѣдующія замѣчанія писаны рукою Ром. Фед. Тимковскаго.
И. И.

СРАВНЕНІЕ МѢРЫ КИТАЙСКОЙ СЪ РУССКОЮ И АНГЛІЙСКОЮ.

—

Почтенный О. Іакинѣвъ сообщилъ намъ слѣдующее извѣстіе, который полагаемъ любопытнымъ для метрологовъ и географовъ:

Китайскій фунтъ равенъ $1\frac{1}{24}$ Англ. фунта. — Китайская квадратная сажень равна $108\frac{73}{144}$ квадр. Англ. футомъ. — Китайская *му* содержитъ 60 квадр. Кит. сажень, что равняется $6510\frac{60}{144}$ квадр. Англ. футовъ, или, по Русской мѣрѣ, 132 квадр. саж. и $42\frac{60}{144}$ футомъ. — Китайскій *цинъ* содержитъ въ себѣ 100 му, и слѣдственно равняется 13,286 Русск. квадр. сажень и $26\frac{96}{144}$ футомъ, что равно 5 десят. 1286 саж. $26\frac{96}{144}$ футомъ.

=

ГОРА ДЖУГА *

—

Въ полумилѣ отъ дороги, ведущей изъ Тельшъ въ Ольсиды, городокъ, извѣстный по мѣстопробыванію Самогитскихъ Епископовъ, представляется взору путешественника высокая гора, насыпанная человѣческою рукою, какъ доказываетъ то самый видъ ея, воронкообразный, и одинакость родовъ земли во всѣхъ слояхъ, которые ее составляютъ. Тамонній народъ называетъ насыпь горою *Джугою*, по имени какого-то въ древности Самогитскаго богатыря, который еще при жизни своей насыпалъ сей курганъ собственными руками и предназначилъ его себѣ могилою. Тѣло этого Джуга долгое время, по народному преданію, было подъ стражею бѣсовъ, съ которымъ издавна жилъ онъ въ самой тѣсной дружбѣ. Съ ихъ-то по-

* Статья изъ рукописи кн. Л. А. Юцевича, подъ названіемъ: *Изслѣдованія древностей Литовскихъ и Бѣлорусскихъ*, помѣщ. въ Туг. Petersburg.

мощью и чудеса храбрости онъ оказывалъ: одинъ пора-жалъ сотни Тевтонскихъ рыцарей своею желзною була-вою, въковые дубы ломалъ, какъ тростникъ, и ниспро-вергалъ самыя высокія, поднебесныя горы. Онъ же и озе-ро Тельшевское вырылъ и основалъ подлѣ него первоначальное поселеніе. Чудныя преданія ходятъ въ народѣ о древнихъ богатыряхъ Литвы! Всякій храбрый мужъ, вся-кій смѣлый навздникъ живетъ въ памяти Литовскихъ по-селенъ, и дѣла каждаго изъ нихъ, переходя въ разсказахъ изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ, и, разумется, без-престанно съ новыми прибавленіями, стали уже теперь совершенно невтроятными. Однакожъ изъ сказокъ можно еще сколько нибудь почерпнуть истины. Теперь никто изъ насъ не повѣритъ разсказамъ, чтобы Джуга одинъ побѣд-далъ сотни враговъ, ломалъ столѣтніе дубы и ниспровер-галъ горы, но что *былъ онъ храбръ, что основалъ Тельши,* и если не вырылъ озера, то, по крайней мѣрѣ, прорылъ на обширной болотистой равнинѣ рвы и спустилъ ото-всюду воду въ одно мѣсто — въ этомъ нѣтъ никакого сом-нѣнія. Когда же этотъ необыкновенный въ свое время человекъ жилъ — неизвѣстно. Акты города и документы ближайшихъ къ Тельшевскому уѣзду жителей совершен-но о томъ молчатъ, а простой народъ не имѣетъ лѣтопи-сей. Сказываютъ только, что жилъ Джуга во времена Кей-стута, но тому невозможно вѣрить, ибо народъ Литовскій въ событія, какія только когда либо случались, относить всегда къ царствованію сего Князя Самогиціи. До сихъ поръ еще находится нѣсколько семействъ изъ крестьян-скаго званія, носящихъ фамилію *Джуговъ*, но производятъ ли они свой родъ отъ основателя Тельши, неизвѣстно. Помѣстье г-на Александра Горскаго, лежащее подлѣ самой горы Джуга, именуется *Джугиньлянь*, только не знаемъ: гора ли Джуга, или же самъ богатырь были поводомъ къ такому названію? Для полноты изслѣдованія о древней горѣ Джуга можно привести и слѣдующую сказку, или народное преданье:

Мудрый Убуртисъ и Чортъ.

Всякій разъ, кто только проходилъ мимо горы Джуга, замѣчалъ тамъ пригожаго Нѣмчика, въ короткополомѣ

фрачишкѣ, перепрыгивающаго съ дерева на дерево. Вско-эту гору издали обходили, боясь сатанинскаго навожде-нія; кто приближался къ ней, тотчасъ нечистая сила вы-зывала его биться объ закладъ, и послѣ проигрыша схва-тывала и душила. Однакожъ нашелся нѣкій отважный по-селенннъ, по имени *Убуртисъ*, который пришелъ къ бо-лоту, лежащему у самой горы, и началъ плести себѣ лап-ти изъ лыка лозы, растущей на томъ мѣстѣ. Черезъ нѣ-сколько минутъ является къ нему чортъ.

— Здорово, добрый человекъ.

«Здорово.»

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

«А лапти плету.»

— Ктожъ тебѣ это позволилъ?

«Когда я дѣлаю что, то ни у кого не спрашиваю позво-ленія.»

— Какъ же ты смѣешь на моей землѣ и съ моихъ де-ревьевъ драть себѣ лыко? Я хозяинъ здѣшнихъ мѣстъ, и, слѣдовательно, если ты не выиграешь закладовъ, которые я тебя предложу, то немедля погибнешь.

«Изволь. А если выиграю, что ты мнѣ дашь?»

— Полную шляпу денегъ.

«Какой же будетъ первый закладъ?»

— Попробуемъ, кто кого сильнѣе.

«Ладно.»

— Ну, давай же бороться.

«Оставь меня въ покоѣ. Что тебѣ со мною схватываться, когда ты даже моего дѣда, который вонъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда спитъ, не переборешь?»

Говоря такъ, Убуртисъ указалъ ему на лежащаго мед-вѣдя. Чортъ подскочилъ къ нему и хватъ обими руками медвѣдя за шею. Разъяренный медвѣдь повалилъ Нѣмчика на земь, и давай его хлопать своею нѣжною лапкою. Изне-моженный, избитый, бѣдный чортъ на силу могъ вырваться изъ дружескихъ тисковъ медвѣдя.

— Ну, этотъ закладъ — дѣлать нечего — ты выигралъ, а вотъ теперь другой: станемъ бросать, кто далѣе пере-броситъ!

И говоря такъ, схватилъ чортъ близлежащій огромный камень и швырнулъ его въ воздухъ — камень упалъ че-

резь три часа на землю. Убуртись держаль въ рукъ жаворонка и пустил его; глухой чортъ полагалъ, что то былъ камешекъ, и вотъ ждуть часъ, другой, третій, четвертый, пятый, десятый, а камешекъ все не падаетъ.

— Выигралъ ты и второй закладъ! Теперь, погоди, будетъ третій: кто изъ насъ проворнѣе — ты бѣги, я буду догонять!

«Что тебѣ, чортъ, за охота связываться со мною? Ты даже моего дитяти не догонишь, который вчера только родился — когда хочешь, съ нимъ попробуй!»

Говоря такъ, вспугнулъ онъ лежавшаго въ хворостъ зайца. Залцъ скокъ и давай драла — ату его, лови, лови!

Чортъ погнался за зайцомъ, и не догнавши его, воротился.

— Правда твоя, человекъ, опять выигралъ ты! Ну, еще вотъ тебѣ послѣдній закладъ и деньги твои! Видишь это железное ядро; въсомъ оно сто тысячъ фунтовъ — кто изъ насъ подброситъ его выше?

«Ты сперва попробуй, чортъ!»

Чортъ схватилъ ядро одною рукою и вбросилъ такъ высоко, что оно изъ глазъ пропало, а когда упало, то до половинны врылось въ землю.

— Теперь твоя, человекъ, очередь!

Тотъ приложилъ руку къ ядру и сталъ присматриваться къ облакамъ, которыя передвигались по небу.

— Что ты тамъ присматриваешься? — спросилъ его чортъ.

«Жду, пока подойдетъ вонъ эта огромная туча. Мой братъ на небѣ кузнецъ и теперь нуждается въ желѣзѣ. Онъ сидитъ за этими облаками, и дожидается, чтобы я забросилъ къ нему ядро.»

— Ахъ! смилуйся, добрый человекъ! Не бросай моего ядра: оно мнѣ крайне нужно! Я знаю, что ты силенъ. Все мои заклады ты выигралъ; давай скорѣе шляпу свою, а я наполню ее тебѣ золотомъ!

«Ладно. Ступай же ты за мной въ этотъ лѣсъ и тамъ со мною расплатишься.»

У поселнина давно уже была приготовлена тамъ огромная яма. Надъ нею положилъ онъ свою дырявую шляпу,

прикрывъ кругомъ все отверстія ямы дерномъ, чтобы чортъ не догадался объ его плутнѣ.

«Вотъ тебѣ, г-нъ чортъ, моя шляпа, изволь-ка сыпать въ нее деньги!»

Чортъ высыпалъ одинъ мѣшокъ золота, и знака нѣтъ въ шляпѣ; принесъ другой мѣшокъ — ничего; высыпалъ третій, четвертый, десятый, сотый, и когда не стало уже мѣста въ ямѣ, наполнилъ онъ наконецъ и шляпу.

Съ той поры стыдно стало чорту казаться между добрыми людьми — видно догадался, что люди хитрѣе чорта стали, и никогда уже не показывался онъ на горѣ Джуга. Убуртись разбогатѣлъ, выстроилъ себѣ новый домъ, закупилъ запасъ меду и водки, и каждый день давай пить *прунишкы**, и *я тамъ былъ, пѣлъ у него и пилъ, по бородѣ стекло, а зубамъ не досталось***.

=

* Напитокъ изъ меду и водки, сваренныхъ съ разными ароматическими зельями, въ родѣ Малороссійской варенухи. Великая почти хозяйка Самогидка имѣетъ особый секретъ приготовления такого Литовскаго нектара.

** Это окончательный припѣвъ всѣхъ вообще Литовскихъ сказокъ:

Yz asz ten buwau,
Walgian yz gieriau,
Paz barzda warwieje,
Dantis ne regieje.

Читатели припоминаютъ окончаніе Русскихъ сказокъ:

Я тамъ былъ,
Медъ, вино пилъ,
По усу текло,
А въ ротъ не попало!

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ нынѣшнемъ 1839 году, выданы отъ Правительства нижеслѣдующія привиллегіи:

Англійскому Инженеру Д. Т. Билю, отъ 9-го Февраля, на 6-ть лѣтъ, на изобрѣтенную имъ лампу для освещенія посредствомъ горючія паровъ маслянистыхъ жидкостей, въ соединеніи съ атмосфернымъ воздухомъ и нѣкоторыми газами.

Рижскому слѣсарному мастеру Зеку, отъ 9-го Февраля, на 5-ть лѣтъ, на изобрѣтенный имъ корабельный винтъ, для прессованія корабельныхъ грузовъ.

Французскому негоціанту Пинжону, отъ 9-го Февраля, на 6-ть лѣтъ, на дополненіе кирпичедѣлательной машины Террасона Фужера, состоящее въ рѣзальномъ сириндѣ. Изобрѣтатель полагаетъ, что съ паровымъ приводомъ можетъ онъ выдѣлывать по 30,000 кирпичей, въ 12 часовъ.

Фортепіанному мастеру Павлу Вульфю, отъ 16-го Февраля, на 5-ть лѣтъ, на усовершенствованіе въ фортепіано (изобрѣтатель отдѣляетъ металлическими дощечками струны отъ штифтиковъ и подставокъ, при нихъ находящихся, полагая, что звукъ фортепіано дѣлается отъ того чище и звонче).

Утверждены Правительствомъ нижеслѣдующія Общества и учрежденія, основанныя для пользы промышленности и торговли:

С. Петербургское Товарищество для механической выдѣлки бумажныхъ обоевъ, на 10-ть лѣтъ (съ 30-го Декабря); капиталъ 750,000, на паяхъ въ 5,000 рублей.

Общество ремесленной промышленности, въ Дерптѣ, изъ художниковъ, купцовъ, ученыхъ, ремесленниковъ, для теоретическаго и практическаго усовершенствованія и пособія промышленности, съ платою отъ каждаго изъ членовъ по 10 рублей въ годъ (Декабря 9-го, 1838 г.).

Московская и Петербургская Компанія для храненія и залога громоздкихъ движимостей, на 10 лѣтъ, съ капиталами въ 800 т. и въ миллионъ, на акціяхъ по 200 рублей, съ предположеніемъ: брать на сбереженіе громоздкія дви-

жимости, и выдавать подъ нихъ денежные ссуды, съ платежемъ отъ заимщиковъ по 6 проц. за капиталъ, кромѣ расходовъ и застраховки, въ годовой срокъ.

Компанія для освещенія газомъ Васильевскаго Острова, на 10 лѣтъ, съ капиталомъ въ миллионъ, на акціяхъ по 100 рублей.

С. Петербургское Общество производства стеариновыхъ свѣчъ, на 10 лѣтъ, съ капиталомъ въ 300 т. рублей, на паяхъ по 5,000 рублей.

Товарищество салотопленія, по привилегированному способу Варранда (шести-лѣтняя прив. 10 Февр. 1838 г.). и свѣлаго и мыловареннаго производствъ, съ капиталомъ 200 т. рублей, на паяхъ по 500 рублей.

Въ пособіе образующемуся новому Товариществу Закавказской механической шелкопрядильни, Высочайше повѣльно отпустить, на особыхъ условіяхъ, 25,000 рублей единовременно.

Кому изъ патріотовъ неизвѣстенъ *Савинскій Банкъ*, учрежденный въ Осташковѣ, и основанный на малое пособіе, какое внесено было незабвеннымъ гражданиномъ Осташковскимъ — примѣръ, которому, къ сожалѣнію, не было у насъ другихъ послѣдователей! — Нынѣ изъ доходовъ Банка, Градское Общество положило учредить *Домъ призрѣнія для инвалидовъ*, поступившихъ въ военную службу изъ гражданъ города Осташкова, что Высочайше утверждено, Ноября 29-го. *Блаженъ разумывай на нища и збога!*

Не можемъ пропустить слѣдующаго гражданскаго подвига: известный С. Петербургскій негоціантъ, почетный гражданинъ, коммерціи совѣтникъ, *С. О. Чаплинъ*, желая ознаменовать благотвореніемъ пятидесяти-лѣтнее существованіе своего торговаго дома, основаннаго подъ фирмою: *Братьевъ Чаплиныхъ*, въ 1788 году, внесъ въ Домъ Призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ 25,000 рублей, отъ избытковъ, какими благословилъ Богъ миръ, согласіе и дѣла его почтеннаго торговаго дома. Комитетъ Дома

Призрѣнія предоставилъ за сіе г-ну Чапину званіе своего *Почетнаго Члена*.

Москва, столь извѣстная благотворительностью, показала примѣръ ея въ 1834 г., когда пожары причинили тамъ многа опустошенія; собраны были пожертвованія, болѣе нежели на 200 т. рублей. — За удовлетвореніемъ погорѣвшихъ, имѣвшихъ нужду въ пособіи, осталось еще болѣе 40,000 рублей. Нынѣ положено, какъ сію, такъ разданную въ пособіе погорѣвшимъ, и могущую впредь собраться на сей предметъ сумму, все обратить въ особый капиталъ, изъ коего будетъ производима Коммиссією Строеній постоянная ссуда жителямъ Москвы, потерпѣвшимъ разореніе отъ пожара и неимѣющимъ средствъ для отстройки домовъ своихъ, что и утверждено Государемъ Императоромъ.

Демидовскій Домъ Призрѣнія бѣдныхъ учреждаетъ въ Петербургѣ, въ 4-хъ мѣстахъ, особенныя заведенія, гдѣ неимущіе, по разсмотрѣніи ихъ безпомощнаго и бѣднаго состоянія, могутъ приходити и получать на мѣстѣ за небольшую плату, и безъ платы, простую, но сытную пищу. Тотъ только оценитъ подобное благодѣяніе, кто знаетъ, что среди великолѣпна столицъ гнѣздится и честная, но угнѣтающая, и — неприютная бѣдность... Для полученія объѣда, неимущій долженъ представить данный ему билетъ, и послѣ того получаетъ порцію щей и порцію каши, съ двумя фунтами ржанаго хлѣба.

Ученыя извѣстія.

Г-нъ Бодѣръ представилъ Парижскому Геологическому Обществу усовершенствованный имъ барометръ, который называетъ онъ *Баро-термометромъ*, *Baro-thermomètre*. Орудіе сіе состоитъ изъ стеклянной трубочки, конецъ которой наполненъ газомъ, а другой, открытый сверху, заливъ ртутью; при малѣйшемъ измѣненіи въ атмосферѣ, ртуть подымается и опускается отъ дѣйствія газа, такъ, что все малѣйшія перемѣны, въ 4, или 5 разъ скорѣе оказываются здѣсь, нежели въ барометрѣ обыкновенномъ.

Г-нъ Сканланъ, въ Ирландіи, открылъ новое вещество въ деревянномъ спиртѣ, и назвалъ его *эбланиномъ* (*Eblanine*). Химическое разложеніе его даетъ слѣдующій результатъ: *carbone* 75,275, *hydrogène* 5,609, *oxigène* 19,116. Оно цвѣтомъ желто, кристалловидно, плавится при 318° Ф. улетучивается при 300°, сохраняется хорошо въ закрытой трубкѣ, не разводится въ водѣ и щелочахъ, но распускается съ оцѣткою въ спиртѣ, эфирѣ и *acide acétique*; отъ сѣрной кислоты (*A. sulfurique*) получаетъ фіолетовый цвѣтъ, переходящій потомъ въ черный, а отъ кислоты водохлоровай (*A. chlorohydrique*) красный, потомъ чернѣющій. Кислота селитряная (*A. nitrique*) распускаетъ его, и вода отдѣляетъ тогда твердую, желтую матерію, которая, при извѣстной температурѣ, быстро разлагается, съ слабымъ звукомъ.

Г-нъ Канъ, членъ Дублинской Академіи, открылъ также новое жидкое вещество, равнотепенное (*isomérique*) камфарѣ. Оно извлекается при возгонкѣ *acétate de chaux*, безцвѣтно, сильно пахнетъ смолою, и даетъ слѣдующее содержаніе: *carbone* 78, 82, *hydrogène* 10, 46, *oxigène* 10, 72; удѣльный вѣсъ паровъ его 5,204; упругость (*densité*) одинакая съ камфарою, 5, 315.

Г-нъ Венсанъ представилъ Филомаѳическому Парижскому Обществу свое разысканіе о происхожденіи цифръ. Основываясь на истолкованіи ученаго Гюе, онъ принимаетъ изъясненія Бозція и Меурсія, касательно кабалистическихъ значеній, или *амциевъ*, которыя передали упомянутые ученые люди слѣдующими названіями: 1. *igin*, 2. *andras*, 3. *ornis*, 4. *arbas*, 5. *quimas*, 6. *chaleus*, 7. *zevis*, 8. *temenias*, 9. *celentis*. Гюе изъяснилъ въ слѣдствіе сего цифры 4, 5, 7, 8 Еврейскими словами. — Г-нъ Венсанъ изъясняетъ: 1-е Греческимъ словомъ: *и гни*, женщина; 2-е Греч. словомъ: *аниръ*, *андросъ*, мужчина; 3-е Греч. словомъ: *орлисъ*, соединеніе. Извѣстно, что кабалистики почитали непарныя числа мужескими, а парныя женскими, полагая единицу не числомъ, но *спянемъ* (*сперма*) числомъ, а число 6 называли *однимъ*, какъ совершеннѣйшее, принимая его за единицу (*инсія*, *укиа*, или *халкусъ*).

Название 9-ти означает: *не оженимый* (аолитмосъ), какъ бы: *viril*. Изъ всего выходитъ, что цифры были первоначально символами, и изъяснялся Еврейскими (4, 5, 7, 8) и испорченными Греческими именами (1, 2, 3, 6, 9), являють начало свое въ таинственной мудрости Востока, откуда перешли они въ Европу съ Пиеогорейцами, изучавшими Восточную мудрость.

Г-нъ Нордманъ представилъ Парижской Академіи свои изслѣдованія о новомъ родѣ полиповъ, найденныхъ имъ въ Черномъ Морѣ, на листьяхъ растенія *zostera*, и потому названныхъ *Tendra zostericola*; они принадлежатъ къ родамъ *Eschares* и *Holodactyles*, но отличаются тѣмъ, что въ нихъ замѣтно различіе половъ мужскаго и женскаго. Диссертація г-на Нордмана заключаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытныя подробности объ оплодотвореніи сихъ моллюсковъ.

И. Жюбенъ привезъ изъ Потози кусокъ желѣза, которое тамъ почитаютъ самороднымъ, но по испытаніи открылось, что оно аэролитное, только сильно сплавленное. Желѣзо это чрезвычайно упруго, и не окисляется даже въ сырѣмъ воздухѣ. Упругость его 7, 736, а по разложенію оказалась въ немъ почти *десятая* доля никкеля (9, 759, противъ 90, 241 желѣза).

Близъ Рошфора, въ Шарантѣ, въ глинистой почвѣ, въ 6 фут. глубины, найдены рога ископаемаго оленя, названнаго Кювье *S. gigantesque*, и нынѣ уже не существующаго.

Г-нъ Эмъ, посланный Мегеметъ-Пашею въ Сирію, нашелъ тамъ богатые свинцовые прииски, близъ свинцовыхъ рудниковъ Куллекскихъ; они даютъ по 70 проц. чистаго свинца.

Любопытны замѣчанія Литтхскаго профессора Моррена о теоріи запаха. Известно, что камфара въ порошокъ, всыпанная въ воду, сначала быстро вертится, и потомъ уже разливается по поверхности. Тоже замѣчаютъ въ ли-

сточкѣ *Schinus molle*, изъ коего выходитъ на воду масло, но всего лѣвѣе такое дѣйствіе въ *Passiflora foetida*, изъ тычинокъ коего выходитъ масло. Г-нъ М. заключаетъ, что запахъ производится отъ летучаго вещества, которое разрываетъ пары маслянистыхъ пузырьковъ, и дѣлаетъ тѣмъ замѣчаемое на водѣ движеніе, послѣ чего сіи пузырьки опять соединяются.

Тессарофтальмондъ — такъ назвали рыбу, недавно открытую въ Парамарибо; она имѣетъ зубы, пожираетъ чрепокожныхъ, сама длиною дюйма въ три, цвѣтъ ея на спинѣ темно-зеленый, на брюхѣ оранжевый, съ черными и бѣлыми полосками. Но главное: у нея открыты *четыре* отдѣльные глаза, два съ переди, два съ зади головы, на шишкѣ, которая тутъ находится. Рыба сія приплываетъ ежегодно къ Суринамскому берегу во множествѣ, и доннынѣ еще не была известна, хотя и представляетъ собою странное нарушеніе всѣхъ физиологическихъ законовъ.

Въ Мартѣ прошлаго года, отъ поноводія, обрушилась часть берега рѣчки Лоссосны, въ Гродненскомъ уездѣ, и въ немъ открылись кости мамонта. Часть ихъ успѣли пріобрѣсть въ музей Гродненской Гимназіи; остальные были растащены на мѣстѣ любопытными.

Въ Парижской Академіи были выборы, по случаю кончины двухъ членовъ: Пуккевиля и Бруссе. На мѣсто перваго избранъ молодой элминистъ *Литтре*, а на мѣсто втораго естественныиспытатель *Бартелими де-Сентъ-Илеръ*.

Литтре издаетъ теперь превосходный Французскій переводъ сочиненій Иппократа (*Oeuvres complètes d'Hippocrate*), съ Греческимъ текстомъ, введеніемъ, вариантами и медицинскими объясненіями. Вышелъ 1-й томъ.

Въ Парижѣ выдають великолѣпное, ученое и живописное описаніе Алжира, Бони, Константины и Орана, составленное Бербрюггеромъ, смотрителемъ Музея въ Алжирѣ, при пособіи многихъ ученыхъ, художниковъ и офи-

церовъ. Всего будетъ 5-ть томовъ, раздѣленныхъ на 75 ливрезоновъ, или тетрадей, въ листъ. Цѣна за тетрадь, съ 4-мя рисунками, 10 франковъ. Титуль книги: *Voyage pittoresque en Algerie.*

Нидерландское Правительство опредѣлило издать на Голландскомъ и Латинскомъ языкахъ полное собраніе всѣхъ свѣдѣнныхъ доннынъ Нидерландскими учеными изслѣдованій, касательно исторіи, жителей и природы Нидерландскихъ колоній въ Азій. Исполненіе препоручено гг-мъ Рейнварду, Темминку, Блюму и фанъ деръ-Говену. Книга будетъ печататься in 4, съ рисунками; въ каждомъ томѣ полагается до 60 рисунковъ. Всѣ архивы Амстердамскія для сего изданія будутъ открыты, и исторія Мореплаванія, исторія Азій и Естествознаніе, конечно, приобрѣтутъ новые и богатые матеріалы.

Художественныя извѣстія.

Въ Свѣ. Пчель помѣщены слѣдующія подробности о постройкѣ триумфальныхъ воротъ близъ Московской заставы въ С. Петербургѣ:

«Въ Декабрѣ 1833 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ память подвиговъ Россійскихъ войскъ въ Персіи, Турціи и при усмирении Польши, съ 1826 по 1832, соорудить въ С. Петербургѣ чугунные триумфальныя ворота, по плану архитектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасова, указавъ для нихъ мѣсто у новой Московской заставы, между Лиговкою и вновь проектированнымъ за нею каналомъ. Исполненіе сооруженія поручено было Государемъ Императоромъ (4-го Декабря 1833), Министру Финансовъ Графу Егору Францовичу Канкрину, а отъ него дѣлопроизводство возложено на Коммиссію окончанія Собора всѣхъ Учебныхъ Заведеній и архитектора Стасова. Отливка чугунныхъ воротъ, со всѣми арматурами и украшеніями, предоставлена Александровскому заводу. Для рисунковъ же арматурамъ и украшеніямъ Высочайше повелѣно пригласить Академика Орловскаго. Строитель воротъ заимствовалъ видъ ихъ отъ древнихъ Аѳинскихъ Пропилей.

Общая величина ихъ согласована съ обширностью города и изяществомъ его зданій. Бранденбургскія ворота, въ Берлинѣ, могутъ имѣть приблизительной высоты до аттика 8 $\frac{1}{2}$ сажень, съ аттикомъ до 10. Ворота у Московской заставы до аттика 9 $\frac{3}{4}$ сажень, съ аттикомъ 11 сажень 8 вершковъ, то есть, нашія съ аттикомъ выше Бранденбургскихъ на сажень 8 вершковъ. Трофеи на воротахъ вышиною въ двѣ сажени, шириною въ сажень. Соображенія архитектора Стасова были поднесены на усмотрѣніе Государю Императору, 9-го Марта 1834 года. 20-го Апрѣля 1834 Высочайше утверждены представленныя Министромъ Финансовъ планы, и вслѣдъ за тѣмъ начались работы. Закладка воротъ послѣдовала въ отсутствіи Его Императорскаго Величества, по Высочайшему повелѣнію, 24-го Августа 1834 года. Въ Сентябрѣ 1837 года, всѣ части воротъ были отлиты, мѣдныя украшенія къ нимъ приготовлены и установка ихъ на мѣсто кончена. 4-го Юня 1837 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать на воротахъ слѣдующую надпись, начертанную собственною Его Величества рукою: *Побѣдоносильныя Россійскія войска, въ память подвиговъ въ Персіи, Турціи и при усмирении Польши, въ 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годахъ.* Русскую надпись повелѣно помѣстить на Московской сторонѣ, а на внутренней отъ Санктпетербурга Латинскую. Переводъ ея на Латинскій языкъ сдѣланъ Ректоромъ Дерптскаго Университета, профессоромъ Нейе. 16-го Юля 1837 года, Высочайше одобренъ рисунокъ чугунной рѣшетки около воротъ, имѣющей въ длину до пятидесяти погонныхъ сажень. 24-го Сентября того же года, на Керченскомъ рейдѣ, Государь Императоръ изволилъ одобрить два слѣпка восьми-угольной медали на сооруженіе сихъ воротъ, вырѣзанной медальеромъ Губе, и заслужившей изяществомъ и отчетливостію работы особенную похвалу Его Императорскаго Величества. Лѣтомъ 1838 года довершены Ворота окраскою ихъ подъ бронзу. Постройка ихъ, со всѣми принадлежностями, обошлась до 1,000,000 рублей. 16-го Октябрю, новый сей памятникъ открытъ былъ, въ Высочайшемъ присутствіи, приличною воинскою церемоніею, причѣмъ Государь

Императоръ Высочайшими Приказами благоволилъ повторить выраженія признательности Своей Россійской Арміи и Флоту, заслужившимъ, вѣрно службою и блистательными подвигами воинской доблести, сей монументъ Монаршей къ нимъ благодарности.»

Вотъ любопытныя известія о горшечныхъ сводахъ, введенныхъ нынѣ въ новѣйшее зодчество: «Нынѣ, когда устройство горшковыхъ сводовъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ Зимняго Дворца обращаетъ на себя вниманіе публики, весьма любопытно узнать, что способъ сей издавна былъ извѣстенъ и у насъ въ Россіи. Такіе своды найдены были при разборкѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ. При разломкѣ каменнаго пола и свода Кремлевскаго Дворца (который, какъ извѣстно, перестраивается) оказалось, что разбутка между ними была сдѣлана изъ горшковъ. Кладка оныхъ начиналась съ самыхъ пяти свода, рядами, одни на другихъ, и разбучена небрежно, по извести, ломаннымъ кирпичемъ. Каждый рядъ горшковъ проложенъ былъ лубками, которые отъ времени уже сгнили; по горшкамъ шла выстилка кирпичемъ, тремя способами: планья, въ елку и просто на ребро, но безъ всякаго тѣсанія. На сей разбуткѣ выведены каменные своды и даже стѣны въ три кирпича; тяжесть оныхъ не сдѣлала въ горшкахъ ни малѣйшихъ трещинъ. Они весьма хорошо обожжены, форму имѣютъ обыкновенныхъ поваренныхъ горшковъ, величиною же отъ 6-ти до 13-ти вершковъ въ вышину и отъ $3\frac{1}{2}$ до 10-ти вершковъ въ діаметръ. Кирпичъ, употребленный для кладки свода, оказался длиною $7\frac{1}{2}$, а шириною $3\frac{1}{4}$ вершк.

Знаменитая Парижская *Диорама*, плодъ нѣсколькихъ-лѣтнихъ трудовъ Дагерра, который сдѣлался нынѣ извѣстенъ своимъ *Дагерротипомъ*, сгорѣла. Въ пожаръ погибли многія произведенія и мастерская Дагерра, гдѣ приготовилъ было онъ для публики новыя свои изобрѣтенія, основанныя на изучаемой имъ теоріи свѣта, красокъ и перспективы.

Въ Вѣнѣ изобрѣтенъ органъ, который удивительно подражаетъ человѣческому голосу, и звуками своими похо-

дитъ на хоръ, составленный изъ 20-ти человекъ. Изъ Парижа пишутъ, что тамъ готовится такой же органъ, и изобрѣтатель обѣщаетъ произвести имъ рѣшительную революцію въ музыкѣ.

Галлерей извѣстнаго Соммаривы распродана его наследниками, и аукціонъ ея возбудилъ страшное соревнованіе любителей, которые набили огромныя цѣны на все, что было въ ней замѣчательнаго. Статуя Кановы, *Магдалина*, продана за 63,000 фр. (ее купилъ богачъ Португалецъ Агвидо); другая статуя, *Терисилора*, за 7,000 фр.; картина Прюдона, *Психел*, за 14,450, его же *Зефиръ* за 21,050 фр.; *Галатея* Жироде за 14,000; портретъ Рембрандта за 5,100 фр. Замѣчательно, что картины Давида совсѣмъ упали въ цѣнѣ: его *Амуръ* и *Психел* продана за 2,300 франковъ, а прелестная картинка Даніелло Кресси, *Иосифъ и Иисусъ-младенецъ* — за 575 фр., когда за 38 другихъ картинъ всякой величины выручено было 63,918 франковъ.

Не для того, чтобы уведомить любителей музыки, которыми, конечно, извѣстно уже прекрасное собраніе музыкальныхъ пьесъ, издаваемое М. П. Глинкою, но для извѣщенія собственнаго нашего удовольствія, мы должны извѣстить объ немъ. Вотъ *альманахъ музыкальный*, какого желали бы мы для нашей Словесности. Онъ составитъ *пять тетрадей*; въ каждой отъ *шести* до *восьми* пьесъ: самъ издатель, А. П. Верстовскій, Графъ М. Ю. Вѣлгорскій, Алябьевъ, Геништа, Варламовъ, Львовъ, Липинскій и другіе композитеры участвуютъ въ немъ. Выборъ пьесъ оправдываетъ имя издателя: онъ изящны, и многія, безъ сомнѣнія, доставятъ истинное наслажденіе любителямъ. Цѣна всему изданію, на подписку, чрезвычайно дешевая — 25 рублей.

Нельзя не упомянуть о литографіи, изданной г-мъ Беггровымъ съ рисунка знаменитаго Ретша: это извѣстный его очеркъ — *die Schachspieler*, *Игроки въ шахматы*. Мысль глубокая, исполненіе превосходное! Прибавимъ, что г-нъ Беггровъ и оліитографировалъ рисунокъ весьма изящ-

но. Если вы не знаете еще игроковъ въ шахматы Ретша, мы скажемъ вамъ, что это цѣлая поэма: юноша, прелестный, милый, играетъ въ шахматы; соперникъ его завернутъ въ плащъ, голова закрыта беретомъ, но вы узнаете его — онъ *Духъ тмы!* Шахматы изображаютъ Добродѣтели и Пороки. Юноша проигрываетъ и задумался. Ангелъ-Хранитель его стоитъ грустный, смотритъ на игру и молчитъ: человеку даны разумъ и воля; спасеніе не можетъ быть невольное, и Ангелъ плачетъ только и молится, когда дерзкая самонадѣянность увлекаетъ смертнаго въ погибель!... Очаровательная легенда Среднихъ Вѣковъ, и прелесть ея умножаютъ еще костюмы и все подробности рисунка, за который можно бы признать Ретша художникомъ гениальнымъ, если бы мы и не знали его очерковъ къ Шекспировымъ сочиненіямъ, къ Шиллерову Колоколу и Гетеву Фаусту, гдѣ онъ неподражаемъ.

Если хотите посмѣяться, посмотрите на собраніе каррикатуръ, издаваемыхъ въ Петербургъ съ Парижскаго оригинала, подъ названіемъ: *Les metamorphoses du jour (Современныя превращенія)*. Ихъ вышло уже *два тетради*, и онѣ преуморительныя. Чтобы *гусей не раздражить*, изображаются звѣри, и эти звѣри волочатся, пляшутъ, болыны, лечатся, дерутся на дуели — никто не можетъ за то осердиться: вотъ, на примѣръ, похищаютъ красавицу изъ пансіона — вотъ мужъ въ отсутствіи жены ласкаетъ красивую служаночку — вотъ стоитъ недоученный и недосвѣченный дуралей и толкуетъ мальчишкамъ спряженіа — франты рвутъ мороженое изъ рукъ оффиціанта — танцмейстеръ выплясываетъ *pas à la ...*, а вотъ и подица кланяется богатому дураку, и нѣсколько щеголей бѣгутъ за красоткой — нельзя не смѣяться и сердиться нельзя: вѣдь это животныя, скоты: медвѣди, волки, кошки, козы, овцы, кабаны, стрекозы, собаки, и хоть они и одѣты въ человѣческія платья, намъ что до нихъ за дѣло! Какъ тутъ хорошъ концертъ: быкъ играетъ аккомпаньманъ, примадонна — утка, басъ — волкъ, теноръ — баранъ, а сзади разинулъ ротъ крикливый пѣтушекъ! Прелестенъ еще *олень-отецъ*, который любитъ дитятей, а *коза-кормиллица* увѣряетъ его: «какъ онъ, батюшка, на васъ-то

похожъ!» — Очень милы еще *доктора-пѣлки*, призванныя на консультацію къ стрекозъ: «Вы очень полнокровны» — говорятъ они — «продолжайте діету, а завтра мы опять пустимъ вамъ кровь!» — Все это можетъ ли быть между людьми? Никогда!

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВАЯ.

По отчету 2-го Россійскаго страхового отъ огня Общества, получено было имъ страховыхъ въ теченіе года 673,612 р. 69 к.; заплачено за пожарные убытки 368,839 р. 45.; за всеми расходами, съ прибылью на капиталы, лежащіе въ Банкахъ, чистаго барыша приобрѣтено 521,039 р. 91 к., изъ коего положено раздать дивидендъ на акціи по 25 рублей, т. е. *полъ-милліона*.

Еще важнѣе были обороты 1-го страхового отъ огня Общества. Въ теченіе года, получено было имъ страховыхъ 2,322,529 р. 17 к.; заплачено за пожарные убытки 514,770 р. 1 к., и за всеми расходами, съ прибылью на капитала, лежащіе въ Банкахъ, чистаго барыша приобрѣтено 1,731,533 р. 36 к., изъ коего положено раздать дивиденда 1,200,000 р., то есть, по 120 р. на акцію. — Со времени основанія, Сентября 1827 года, Общество получило страховыхъ 16,261,466 р. 8 к.; раздало за пожарные убытки 4,485,097 р. 27 к.; и акціонеры его приобрѣли на каждую акцію барыша по сіе время по 765 рублей, не считая капитала, лежащаго въ Банкахъ, 8,247,845 рублей.

По отчету *С. Петербургскаго и Любекскаго Общества пароходства*, доходъ его въ 1838 году составилъ 581,673 р. 74 к., расходъ 288,214 р. 70 к.; чистая прибыль 293,459 р. 4. — Дивиденда раздано по 50 р. на акцію, 200,000 рублей.

Биржевой курсъ на акціи упомянутыхъ Обществъ, 28 Марта, въ Петербургъ, состоялъ слѣдующій: 1-го Страхового 1365 р., 2-го Страхового 305 р., пароходства 515 р. — Акціи Американской Компаніи стоили по 760 р. —

Напротивъ, акціи Общества освѣщенія газомъ упали до 160 р., а Общества застрахованія жизни до 156 рублей.

Кто не имѣетъ надобности въ машинахъ, которыми очищаютъ воду, особливо теперь, когда рѣки грязны польются въ Неву и чистая вода сдѣлается роскошью, рѣдкостью въ Петербургъ? Рекомендуемъ для охотниковъ до чистой воды (а кто до нея не охотникъ?) честнаго Русскаго мастера, г-на Аксеноваго, живущаго на Мойкѣ у Краснаго моста, въ домъ Меншикова, подъ N 16. У него найдете водочистительныя машины отъ 300 до 7 рублей съ полтиной. Смѣло можете надѣяться на доброту товара и совѣсть честнаго продавца, а то и другое важное дѣло.

Географія и Статистика.

Въ послѣднюю половину прошлаго года, получено изъ Сибири, съ Уральскихъ, казенныхъ и частныхъ заводовъ, золота 144 пуда, 31 ф. 74 зол., платины 61 п. 34 ф. 31 зол., да въ первую половину получено золота 155 п. 6 ф. 92 зол. и платины 60 п. 8 ф. 73 зол.

Никогда еще мореходство по Балтійскому морю не достигало такой дѣятельности, какъ въ прошломъ году. Число кораблей, прошедшихъ черезъ Зундъ, простиралось до 13,960.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, число Англійскихъ купеческихъ кораблей, въ 1833 году не превышало 24,385, а въ 1838 составляло уже 26,037. Число матросовъ на нихъ въ 1833 году было 164,000, а въ 1838 году до 200,000, не считая рыбацкихъ судовъ и рыбаковъ. Число пароходовъ въ 1833 г. было 433, а въ 1838 г. 679; изъ сего числа 65 въ 200 и болѣе силъ, 136 отъ 100 до 200 силъ, 160 отъ 50 до 100 силъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ число военныхъ кораблей въ Соединенныхъ Штатахъ не превышаетъ 12 линейныхъ, 14 фрегатовъ, 16 корветтъ, 4 бриговъ, 8 шхунъ и 2-хъ

пароходовъ. Число офицеровъ въ дѣйствительной службѣ 579, и въ отпуску находится 602.

Голландскій купеческій флотъ состоитъ нынѣ изъ 1439 кораблей, грузъ коихъ составляетъ 117,325 тастовъ.

Вотъ любопытная статистика Англійскихъ колоній: число ихъ простирается до 71, въ коемъ *Нью-Фондлендъ* самая старинная (съ 1583 г.), а *Аденъ* самая новая (съ 1838 г.). Пространство земель въ нихъ составляетъ 2,119,708 кв. миль, т. е. въ *сорокъ разъ* болѣе самой Англии. Народонаселеніе 100,708,323 человекъ; въ семь числъ бѣлыхъ только 2,075,229, и Христіанъ 2,953,312, а Мугаммеданъ 26,752,155. Войска въ колоніяхъ содержится 453,199 чел., изъ коего болѣе половины милиціи изъ туземцовъ. Издержки на защиту и управленіе колоній составляютъ въ годъ 25 милліоновъ ф. ст., изъ числа коихъ на народное освѣщеніе и образованіе употребляется только 119,000 ф. ст. — Цѣнность имѣній въ колоніяхъ, не считая имѣній казенныхъ, полагаютъ въ 2,443,150,000 ф. ст.

По официальнымъ выводамъ, въ Англии приходится каждому солдату быть больнымъ одинъ разъ въ 13 мѣсяцовъ, а въ Индіи два раза въ годъ, такъ, что изъ *тысячнаго* отряда въ Индіи ежегодно перебиваетъ въ госпиталяхъ 1,903 человека. На поступающихъ въ госпиталь въ Англию полагается 1 умирающей на 67, а въ Индіи 1 на 24. Можно видѣть изъ сего, какую страшную убыль въ людяхъ причиняетъ климатъ Индіи Европейцамъ! Изъ 1903-хъ бываетъ больныхъ лихорадками 700, вередями 200, желудочнымъ разстройствомъ 400, разстройствомъ легкихъ 100, водяною 80, глазами болезнями 90, отъ свѣдствій тѣлеснаго наказанія 50.

Количество обработанной земли во Франціи составляло въ 1783 году 52,659,000 гектаровъ, а нынѣ 52,760,279; число жителей тогда было 25½ милліоновъ; послѣ того погибло въ битвахъ до *милліона*, и причинена погибель свѣдствіями войнъ *десяти милліонамъ*. Не смотря на то, нынѣ во Франціи считается жителей 33¼ милліона.

Въ Парижѣ находится нынѣ 1,310 докторовъ медицины; въ 1833 г. было ихъ только 1090. — Изъ числа жителей Парижа, по числу родившихся и умершихъ, въ пять лѣтъ было убыли 18,711, но между тѣмъ народонаселеніе Парижа увеличилось 130,000. Въ 1813 году число всѣхъ экипажей и тѣлѣтъ въ Парижѣ составляло 15,000, а нынѣ 61,000, въ томъ числѣ кабриолетовъ, куку, фіакровъ, дилижансовъ и омнибусовъ 20,000. Число гостинницъ и отелей въ Парижѣ въ 1833 г. простиралось до 3,147, а живущихъ въ нихъ 39,619; въ 1838 г. было ихъ 4,907, а живущихъ въ нихъ 62,143.

Число жителей въ Берлинѣ, по официалльнмъ свѣдѣніямъ, 272,484, не считая военныхъ. — Народонаселеніе Баваріи простирается нынѣ до 4,315,469; на 35 человекъ приходится тамъ, среднимъ числомъ, 1 умершій, на 60 одинъ нищій, на 152 одно супружество, и по 4 дѣтей на каждое супружество. Въ Мюнхенѣ, не считая гарнизона, жителей 79,791. По новейшему исчисленію въ Неаполитанскомъ королевствѣ жителей 6,021,234.

Зрѣлища и музыка.

Едва ли когда нибудь прежде бывало такое обиліе музыкальных звуковъ, какое было въ минувшій Великій постъ въ Петербургѣ! Съ 12 Февраля по 19 Марта, въ 35 дней, дано было *сорокъ два концерта*; следовательно, на иной день приходилось по два. Кромѣ 17-ти, данныхъ Театральною Дирекціею, съ присовокупленіемъ къ нимъ, по большей части, *живыхъ картинъ*, вотъ имена дававшихъ концерты, по хронологическому порядку: Г-нъ Герке (фортепiano), Г-жа Шлейель (фортепiano), Г-нъ Пике (гитара), Г-нъ Гильу (флейта), Г-жа Новелло (пѣніе), Г-нъ Тальбергъ (фортепiano), Г-нъ Мейнгардтъ (виолончель), Г-нъ Тальбергъ (во 2-й разъ), Г-жа Петрова (пѣніе), Г-жа Фиданца (пѣніе), Г-нъ Вель (скрыпка), Г-нъ Ферзингъ (пѣніе), Г-нъ Серве (виолончель), Г-нъ Тальбергъ въ 3-й разъ, Г-нъ Ремлерсъ (скрыпка), Г-нъ Вещель-Козель, капельмейстеръ, Г-нъ Кюнъ, слѣпорожденный (скры-

ка), Г-нъ Мауреръ, Г-нъ Тальбергъ, въ 4-й разъ, Г-нъ Лебедевъ (фортепiano), Г-нъ Серве, во 2-й разъ, Г-нъ Тальбергъ, въ 5-й разъ, Г-нъ Ромбергъ (Тальбергъ игралъ всего семь разъ). Мы не считаемъ здѣсь концертовъ Филармоническаго Общества и любителей музыки, а также *частныхъ вѣтеровъ* (на одномъ изъ нихъ любовались мы игрою дѣвцы Оттаво на скрыпкѣ (15 Марта); смѣлою рукою она передала въ прелестныхъ звукахъ фантазію Гаумана и вариациі Берію). Обращаемся къ самому главному, блистательному, увлекшему общее вниманіе. Не говоримъ ничего въ семъ отношеніи о концертахъ Филармоническаго Общества, гдѣ превосходно исполнены были *Реквиемъ* Херубини и *Сотвореніе Мира* Гайдена; о концертахъ Дирекціи Театровъ, гдѣ живыя картины прекрасно разнообразили звуки, и (17 Марта) 400 голосовъ и 600 инструментовъ исполнили прогремъ: «Боже! Царя храни» обь искусствъ Г-жи Шлейель, прелестномъ голосъ Г-жъ Новелло и Петровой, искусствъ Г-дъ Ферзинга, Герке, Ромберга, Маурера, Вема — все это прекрасно, очаровательно, но — мы переходимъ къ *необыкновенно-прекрасному, чудесно-очаровательному*, къ тому, что выходитъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ искусства, и поражаетъ — даже какою-то странностью силы и величія! Сюда причисляемъ мы *фортепiano* Тальберга, *виолончель* Серве, и *голосъ* Графини Росси — имъ на сей годъ принадлежитъ пальма первенства! Если Тальбергъ *изумилъ* нашъ умъ, а Серве *услладила сердце*, то Графиня Росси *увлекла наше воображеніе*. — Мы думали: «До чего можетъ достигнуть искусство человеческое?» когда слушали Тальберга. Мы говорили: «Откуда эти чудные звуки? не по сердцу ли движется смычекъ его? — когда слушали Серве. — Но мы ничего не думали и ничего не говорили, когда пѣла Графиня Росси: это не голосъ — это какал-то мечта о томъ, что едва понимаетъ человекъ.... И надобно было видѣть притомъ восторгъ слушателей, съ которымъ утѣшительно соединялась мысль, что слезы бѣдныхъ и слротъ осушаютъ эти ангельскіе звуки! Она пѣла въ концертъ, составленномъ изъ любителей музыки, гдѣ участвовали всѣ отличныя дарованія высшего круга столицы и благородные дилеттанты....

Нѣтъ! долго не забудемъ мы нынѣшняго музыкальнаго времени Петербурга!

Вотъ нѣсколько заграничныхъ музыкальныхъ новостей: Февраля 6-го въ Парижѣ давали Роберта Дьявола въ 177 разѣ, а 20-го Марта въ 180-й разѣ. Гидо и Жишеву давали 6-го Марта въ 38-й разѣ. — Оберъ написалъ новую оперу: *Озеро Фей*. Либретто передѣляли, изъ известной сказки Нѣмецкой, Скрибъ и Мельвилль: завязка въ похищеніи покрывала, послѣ чего Фей становится простою смертною, но все страшно перепутано съ битвами, маскарадами, и проч. и проч. — Музыка, какъ пишутъ, очень плоха. — На Парижскихъ Театрахъ новаго много, хорошаго мало. Вотъ что говоритъ Ж. Жаненъ: «Какая бѣдность, какая пошлость на нашей сценѣ! Вотъ на что тратимъ мы свои умы! Вотъ чѣмъ должны заниматься въ фейлетонахъ журналовъ добрые читатели! Вотъ на что теряетъ жизнь драмы? Ничего важнаго, ничего смѣшнаго — ни улыбки, ни слезы! Ни одного слова отъ сердца! Изобрѣтеніе глупое, завязка живая — пародіи, импровизація, пляска на канатъ нелѣпостей! Литтература забыта, поэзія изгнана, комедія опозорена, трагедія огажена, драма съ судорожными слезами. Въ такой смѣси всякой всячины, что вамъ сказать? что дѣлать? чѣмъ быть критикъ? Она не имѣетъ права вступаться въ такія плоскости, но если ей молчать, кто же заступится за умъ, которому угрожаетъ крайняя опасность?» И потомъ Ж. Жаненъ начинаетъ отдавать отчетъ въ театральныхъ новостяхъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ — *изъ рукъ вонъ*, по Русской пословицѣ....

Гугенотовъ Мейербера даютъ въ Пестъ. Либретто передѣлано какимъ-то г-мъ Отто; дѣйствіе перенесено въ Италію, и опера получила названіе: *Гибеллинцы Шизанскіе*. — Въ Вьнѣ давали Гайденову ораторію: *Времена года*. Оркестръ составляли: Два дирижера, одинъ піанистъ, двѣ первыя скрипки, три солиста, 268 сопрано, 170 альтовъ, 270 теноровъ, 200 басовъ, 59 первыихъ скрипокъ, 40 альтовъ, 41 віолончель, 25 контрабасовъ, 13 флейтъ, 12 гобоевъ, 12 кларнетовъ, 12 бассоновъ, 4 бассона двойныхъ, 1 офиклейдъ, 12 роговъ, 8 трубъ, 9 тромбонъ, 4 пары бара-

бановъ, 6 барабановъ простыхъ, 2 треугольника и 1 Турецкій барабанъ. Всего 1,132 голосовъ и инструментовъ. Пишутъ, что это было торжество искусства. — Общество любителей, ежегодно собирающееся въ Дюссельдорфъ, на сей годъ состоитъ изъ 1,200 человекъ, пѣвцовъ и музыкантовъ. Располагаются дать ораторію Генделя: *Мессія*, въ томъ видѣ, какъ составилъ ее композитеръ, только съ скрипками, альтами и басами. Известно, что духовые инструменты присовокупилъ къ партитурѣ Моцартъ. Потомъ дадутъ *Героическую симфонію* Бетховена, и *Псаломъ*, вновь написанный Мендельсономъ-Бартольди (онъ управляетъ оркестромъ). Дѣвица Фасманъ, Берлинская пѣвица, будетъ пѣть соло въ Ораторіи. — Оксфордское Филармоническое Общество, которое въ прошломъ году не могло дать своего обыкновеннаго праздника, готовится отправлять его нынѣ съ большимъ великолѣпиемъ: строить временную залу, гдѣ помѣстятся 2,000 пѣвцовъ и музыкантовъ и до 7,000 слушателей. Будутъ даны: *Иуда Маккавей*, ораторія Генделя, *Смерть Иисуса Христа*, ораторія Грауна, и *Вознесеніе*, ораторія К. Ф. Э. Баха, сына известнаго Себастьяна Баха, славная своими хорами, изъ коихъ нынѣ составляютъ фути на восемь голосовъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Кажется, что вскорѣ хорошо ознакомимся мы съ страшною, до нынѣ бывшею для насъ terra incognita; *Абиссинію*, столь любопытною во всехъ отношеніяхъ, царствомъ *Попа Иаана*, который такъ славился въ XIV вѣкѣ. Кроме Риншеля, который началъ уже выдавать свое путешествіе въ Абиссинію, и путешествія Комба и Тамиссе, изданнаго, въ прошломъ году, въ Парижѣ, теперь возвратился изъ Абиссиніи ученый путешественникъ Абадіа, прожившій тамъ два года. Не смотря на трудности, онъ успѣлъ не только самъ уцѣлѣть, но вывезъ еще множество книгъ, предметовъ Естествознанія, и даже нѣсколько Абиссинцевъ. Любопытно, что не погибнувши въ Еѳіопіи, онъ едва не былъ зарванъ близъ Рима разбойниками, которые дочиста его ограбили. Но все ограбленное оты-

скано и возвращено ему, и теперь Абадія въ Парижъ, гдѣ хочетъ привести въ порядокъ свои записки и печатать ихъ.

Отъ капитана Лапласа, совершающаго ученое путешествіе кругомъ Свѣта, получены известія съ Филиппинскихъ острововъ, отъ Сентября 1838 года. Онъ посѣтитъ потомъ Макао, Яву, Австралію, Океанію, и полагаетъ возвратиться во Францію въ 1840 году.

Дикари Новой Зеландіи опять перерезали экипажъ одного китоловнаго корабля Французскаго, и капитанъ корветты *Геронил*, Сесиль, тщетно требовалъ удовлетворенія, особливо выдачи Французовъ, если кто нибудь изъ нихъ уцѣлѣлъ при побіеніи. Дикари сами начали бой. Сесиль, разогнавъ ихъ пушками, сжегъ ихъ лодки и хижины, но дикари бѣжали, и не думали покориться. Успѣли обманомъ захватить одного старшину ихъ и везуть его во Францію.

Иностранная Литтература.

Если *литтература* вообще есть изображеніе общественной жизни, то нѣтъ сомнѣнія, что *журналистика* самое рзкое ея выраженіе. Вотъ почему рѣшились мы на довольно трудное предпріятіе: собрать, по возможности, полное исчисленіе всѣхъ Нѣмецкихъ современныхъ журналовъ. Здѣсь открываются чрезвычайно любопытныя стороны для наблюденій и выводовъ. Предоставляя себѣ сказать ихъ въ послѣдствіи, предлагаемъ сперва голословные *факты*. При каждомъ названіи журнала означаемъ мы мѣсто изданія, имя издателя, число лѣтъ журнала, образъ выхода его, руководствуясь, издавасмою въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ, *Allgemeine Bibliographie für Deutschland*, и классифируя всѣ журналы по содержанію ихъ.

I. Журналы по разнымъ отраслямъ наукъ и знаній, а также энциклопедическіе.

1. *Zeitschrift f. Philosophie und Speculative Theologie* (3-й годъ), изд. I. Г. Фихте, въ Боннѣ, 4 книжки.
2. *Histor. Politische Blätter f. das Katholische Deutsch-*

land (2-й годъ), изд. Г. Филипсъ и Г. Геррестъ, въ Мюнхенѣ, 24 книжки.

3. *Journal f. praktische Chemie* (6-й годъ), изд. О. Эрманнъ и Р. Моршанъ, въ Лейпцигѣ, 24 книжки.
4. *Mercur*, и проч. (географич. журналъ), изд. К. Винклеръ, въ Галле, 52 книжки.
5. *Das Ausland* (географ. газета), 12-й годъ, изд. Э. Видеманнъ, въ Минхенѣ, 365 N.
6. *Neueste fortlaufende Sammlung der Länder- und Reisebeschreibungen*, и проч., изд. Карлъ Винклеръ, въ Галле, 52 N.
7. *Repertorium der In- und Ausländischen Literatur der gesammten Philosophie*, изд. Д. Беккерсъ, въ Нюренбергѣ, 4 кн. въ годъ.
8. *Annalen der Erd- Völker- und Staatenkunde* (продолженіе *Герты*), изд. Г. Берггаусъ (13-й годъ), 12 кн.
9. *Isis*. Энциклопед. журналъ, изд. Окенъ, въ Лейпцигѣ, 12 книг.
10. *Gelehrte Anzeigen*, изд. Баварскою Академією Наукъ, въ Мюнхенѣ, 260 N.
11. *Archiv für Naturgeschichte*, изд. Д. Вигманнъ (5-й годъ), въ Берлинѣ, 6 книг.
12. *Heidelberger Jahrbücher*, и проч., изд. Шлоссеромъ, Мунке и Беромъ, въ Гейдельбергѣ (32-й годъ), 12 кн.
13. *Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft* (6-й годъ), изд. К. Циммерманнъ, въ Дармштадтѣ, 12 книг.
14. *Neues Jahrbuch für Mineralogie, Geognosie, Geologie*, и проч., изд. Д. Леонгардъ и Д. Броннъ, въ Стутгартѣ, 6 книг.
15. *Annalen der Physik und Chemie* (10-й годъ), изд. I. Ноггендорфъ, въ Лейпцигѣ, 12 книг.
16. *Archiv für Natur, Kunst*, и проч., изд. Ф. В. Линднеръ, въ Брауншвейгѣ, 12 книг.
17. *Archiv für Mineralogie, Geognosie, Bergbau*, и проч., изд. Д. Карстенъ и Д. Дехенъ, въ Берлинѣ, 12 кн.
18. *Flora. Allgem. botan. Zeitung*, изд. Д. Гоппе и Д. Фюрнроръ, въ Регенсбургѣ (22-й годъ), 48 N.
19. *Linnaea. Ein Journal für die Botanik*, изд. Д. Шлегендалъ, въ Галле, 6 книг.
20. *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, изд.

Эвальдъ, Габелентцъ, Козегартенъ, Лассенъ, Нейманнъ, Редигеръ и Рюкертъ, въ Геттингенъ (неопредѣленно, книжками въ 4).

II. КРИТИКА, СЛОВЕСНОСТЬ И ЛИТТЕРАТУРНАЯ СМѢСЬ.

21. *Monatliches Verzeichniss der in Deutschland neu ersch. Kunst-Sachen*, изд. въ Берлинъ, 12 книж.
22. *Brunonia. Monatsschrift für Kunst, Wissenschaft, и проч.*, изд. Д. Бринкмейеръ, въ Брауншвейгъ, 12 кн.
23. *Der Bote aus Preussen* (3-й годъ), изд. въ Браунсбергъ, 104 N.
24. *Blätter für Unterhaltung, и проч.*, изд. Д. Кобитцъ, въ Берлинъ, 156 N.
25. *Tändelblätter. Humor und Satyre*, изд. Иокозусъ (Я. Шнееманнъ), въ Дрезденъ, 24 книж.
26. *Kastalia. N. Z. für Literatur, Musik, и проч.*, изд. Бухнеръ и Конрадъ, въ Лейпцигъ, съ карт. модъ, 12 к.
27. *Galerie der Neueren schön. Liter. der Engländer, Niederländer, Franzosen und Italiener*, изд. въ Везель, 156 N.
28. *Der Thüringer Volksfreund* (3-й годъ), изд. въ Рудольштадтъ, 12 книж.
29. *Jenaische Allgem. Literatur-Zeitung*, изд. въ Йенъ (35-й годъ), 240 N.
30. *Karlsruher Unterhaltungsblatt*, изд. въ Карлсругъ, 52 N.
31. *Das Rheinland* (3-й годъ), изд. Д. Рейндендеръ, въ Майнцъ, 156 N.
32. *Rheinische Prov. Blätter* (6-й годъ), изд. Я. Бахемъ, въ Кельнъ, 104 N.
33. *Deutsche Vierteljahrs Schrift* (2-й годъ), изд. въ Стутгартъ, 4 книжки.
34. *Der Freihafen. Galerie v. Unterhaltungsbildern, и проч.* (2-й годъ), изд. въ Альтонъ, 4 книжки.
35. *Abendzeitung* (23-й годъ), изд. К. Г. Винклеръ (Т. Гелль), въ Дрезденъ, 315 N. и 104 N. прибавлений.
36. *Die Ameise* (4-й годъ), изд. Ф. Филиппи, въ Гриммъ, 156 N. и 52 N. прибавлений.
37. *Allgem. Anzeiger und Nationalzeitung*, изд. I. Фр. Геннике и Фр. Г. Беккеръ, въ Готъ, 360 N.

38. *Litterar. und Kritische Blätter der Börsen-Halle* (15-й годъ), изд. Г. Гострупъ, въ Гамбургъ, 156 N.
39. *Osterländische Blätter und Figaro*, изд. Спиритусъ-Асперъ (псевдонимъ), въ Гриммъ, 104 N. и прибавлений 52 N.
40. *Blätter für litterar. Unterhaltung*, изд. Г. Брокгаузъ, въ Лейпцигъ, 365 N. и прибавления.
41. *Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel* (6-й годъ), изд. Г. Вуттичь, въ Лейпцигъ, 104 N.
42. *Flora. Original-Chronik, и проч.*, изд. Карлъ Винклеръ, въ Галле, 52 книжки.
43. *Hallische Jahrbücher f. Deutsche Wissenschaft und Kunst, и проч.* (2-й годъ), изд. А. Руге и Т. Эхтермейеръ, въ Лейпцигъ, 312 N.
44. *Jahrbücher f. Wissenschaftliche Kritik*, изд. Проф. Геннингъ, въ Берлинъ, 104 N.
45. *Journal f. Buchdruckerkunst, и проч.*, изд. I. Г. Мейеръ, въ Брауншвейгъ, 12 книжекъ.
46. *Lesefrüchte vom Felde der neuesten Literatur, и пр.* (24-й годъ), изд. I. Б. Аппель, въ Гамбургъ, 104 N.
47. *Mittagsblatt zur Abwehr des Hungers und der Indigestion, и проч.*, изд. Ф. Норкъ, въ Лейпцигъ, 104 N.
48. *Telegraph f. Deutschland*, изд. К. Гуцковъ, въ Гамбургъ, 208 N.
49. *Leipziger Allgem. Zeitung*, изд. въ Лейпцигъ, 365 N.
50. *Zeitung f. die elegante Welt* (39-й годъ), изд. Ф. Г. Кюне, въ Лейпцигъ, 256 N.
51. *Der Freimüthige* (36-й годъ), изд. А. Генцель, въ Берлинъ, 260 N.
52. *Der Gesellschafter* (23-й годъ), изд. Ф. В. Губитцъ, въ Берлинъ, 362 N.
53. *Mitternachtzeitung* (14-й годъ), изд. Бринкмейеръ, въ Брауншвейгъ, 208 N.
54. *Morgenblatt* (33-й годъ), изд. Г. Гауффъ, въ Стутгартъ, 312 N.; при немъ: *Kunst-Blatt* (20-й годъ), изд. Д. Шорнъ, 104 N., *Literaturblatt* (20-й годъ), изд. В. Менцель, 104 N.
55. *Hannoversches Museum*, изд. В. Шредеръ, въ Ганноверъ, 156 N. съ картинками.

56. Berliner Neuigkeits-Bote (3-й годъ), изд. К. Мюхмеръ, въ Берлинъ, 156 N.
57. Originalien aus dem Gebiete der Wahrheit, Kunst, и проч. (23-й годъ), изд. Г. Лотцъ, въ Гамбургъ, 156 N.
58. Ost und West. Blätter f. Kunst, и проч. (3-й годъ), изд. Р. Глезеръ, въ Прагъ, 104 N.
59. Unser Planet. Dresdner Merkur, и проч., изд. Ф. Филиппи, въ Дрезденъ, 208 N. и 104 N. прибавлений.
60. Provinzial-Blätter f. die Prov. Sachsen, изд. Д. Ферстеманнъ, въ Вейссензее, 308 N.
61. Weissenseer Allgem. Unterhaltungsblatt (14-й годъ), изд. Фр. Гесслеръ, въ Вейссензее, 52 N., и 104 N. прибавлений.
62. Welt und Zeit (10-й годъ), изд. А. Дицманнъ, въ Лейпцигъ, 52 N. и 200 картинокъ.
63. Zeitschrift f. Kunst, и проч., изд. К. Деккеръ и Л. Блессонъ, въ Берлинъ, 4 книжки.
64. Literarische Zeitung (6-й годъ), изд. К. Брандесъ, въ Берлинъ, 52 N.
65. Süd-Deutsche Zeitung, изд. Г. Гауберъ, въ Стутгартъ, 313 N.
66. Blätter zur Kunde der Literatur des Auslands (4-й годъ), изд. Э. Виденманнъ, въ Мюнхенъ, 130 N.
67. Allgem. Literar. Zeitung, изд. Профессоры Фридендеръ, Гезениусъ, и проч., въ Галле, 240 N. и прибавленія.
68. Jahreszeiten, изд. Осв. Марбахъ, въ Лейпцигъ, 4 кн.
69. Argus, изд. въ Гамбургъ (3-й годъ), 208 N. въ годъ.
70. Das Dampfboot, и проч., изд. Ю. Цинцерусъ (Д. Ласкеръ), въ Данцигъ (9-й годъ), 156 N.
71. Europa (5-й годъ), изд. Авг. Левальдъ, въ Стутгартъ, 52 книжки, и прибавленія, Album des Boudoirs, съ картинками.
72. Der Humorist, изд. М. Г. Сафиръ, въ Вьнь, 260 N.
73. Der Schwabische Humorist, изд. К. Т. Гринингеръ, въ Стутгартъ, 156 N.
74. Miscellen aus der Neuesten Ausländischen Literatur, изд. Фр. Бранъ, въ Йенъ, 12 книжекъ.
75. Mittheilungen aus Oldenburg, и проч., изд. Штраккерльнъ (5-й годъ), 52 N.

76. Der Sprecher, и проч., изд. Д. Шульцъ, въ Гамтъ (старинный журналъ), 104 N.
77. Breslauer Bote (7-й годъ), изд. М. Башке, въ Бреславль, 52 N.
78. Der Hausfreund, и проч., изд. въ Нордлингенъ, 52 N.
79. Der Hessebote, изд. въ Герсфельдъ, 104 N.
80. Allgem. Mittwochblatt, съ прибавленіемъ: Helios, изд. Г. Фребель (6-й годъ), въ Рудольштадтъ, 52 N.
81. Sonntags Blatt (9-й годъ), изд. Проф. Вухереръ, въ Нордлингенъ, 52 N.
82. Leipziger Allgem. Zeitung f. Buchhandel und Bücherkunde, изд. въ Лейпцигъ, 156 N.

III. Журналы модъ.

83. Eilpost f. Moden (3-й годъ), изд. Ф. Столле, въ Лейпцигъ, 52 N. и картинки.
84. Der Elegante. Журналь для портныхъ и друзей моды (4-й годъ), изд. Баронъ Биденфельдъ, въ Веймаръ, 12 книж. и картинки.
85. Frauenzeitung (2-й годъ), изд. Луиза Мацероль, въ Лейпцигъ, 150 N.
86. Neue Pariser Modeblätter (13-й годъ), изд. Амалия Шоппе, въ Гамбургъ, 52 N. и 104 картинки.
87. Braunschweiger Moden-Courier, изд. въ Брауншвейгъ (3-й годъ), 104 N. съ картинками.
88. Berliner Modenspiegel (8-й годъ), изд. А. Госмаръ, 104 N. съ картинками.
89. Allgem. Moden-Zeitung (41-й годъ), изд. А. Дицманнъ, въ Лейпцигъ, 52 N.; при немъ: Bilder-Magazin, 52 N.; Tages-Bericht, 52 N.; при всѣхъ 180 картинокъ.
90. Pariser Moden-Zeitung. Journal des Modes (14-й годъ), изд. Ф. Казень, въ Ахень, 52 N. съ картинками.
91. Schnellpost f. Moden (8-й годъ), изд. въ Лейпцигъ, 52 N. съ картинками.
92. Pariser Journal f. Mannskleidermacher (9-й годъ), изд. Ф. Казень, въ Ахень, 24 N. съ карт.
93. Der Weltton. Allgem. Zeitung der Moden, и проч., изд. Д. Морфель, въ Стутгартъ, 52 N. съ карт.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ЛИТТЕРАТУРНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Слѣдующимъ уведомятъ объ окончаніи новаго важнаго труда, которымъ занимался въ последнее время почтенный нашъ Историкъ войны 1812 года, *А. И. Данилевскій*: онъ кончилъ теперь Исторію войны 1813 года. Первый трудъ его уже печатается, и составитъ, какъ мы слышали, *четыре* тома. Изданіе производится въ Военной типографіи, и будетъ весьма изящно.

Любезный поэтъ нашъ, *Баронъ Е. О. Розель* возвратился изъ Италіи. Мы слышали, что портфель его наполненъ многими новыми произведеніями; отрывокъ изъ его любопытныхъ путевыхъ записокъ съ удовольствіемъ прочитали уже мы въ Свѣ. Пчелѣ.

О. В. Булгаринъ предпринялъ полное изданіе вступъ своихъ сочиненій, въ большой *компактный* форматъ, въ двѣ колонны.

Н. В. Кукольникъ усердно занимается составленіемъ Исторіи Зимняго Дворца. Ему открыты для того всѣ архивы дворцовые.

Разныя известія.

При сей книжкѣ С. О. приложенъ *снимокъ съ почерка Наполеона*. Онъ принадлежитъ къ рукописямъ, которые издалъ Гурго и Монтолонъ, подъ названіемъ: *Записки для исторіи Франціи съ царствованіемъ Наполеона, писанныя на остр. св. Елены, генералами раздѣлявшими плѣнь его, и изданныя по рукописямъ, совершенно исправленнымъ рукою Наполеона*. Книга сія извѣстна у насъ по отрывкамъ въ журналахъ, и по переводу части ся, той, гдѣ Наполеонъ изложилъ походы Фридриха Великаго и Тюрення (переводъ изданъ К. А. Полевымъ, въ Москвѣ). Она принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ нашего вѣка. Безъ нея не знали бы мы Наполеона вполнѣ; по крайней мѣрѣ, не знали бы, что онъ принадлежитъ и къ числу великихъ историковъ новѣйшихъ. Какая жизнь, какая сила, какой взглядъ видны на краснорѣчивыхъ страницахъ, которыя диктовалъ онъ и потомъ просматривалъ

самъ! — Снимокъ, предлагаемый нами, составляетъ нѣсколько строкъ изъ описанія Абукирской битвы (переводъ котораго помѣстится въ слѣдующей книжкѣ С. О.). Вотъ что было продиктовано Наполеономъ, послѣ словъ, что контръ-адмиралъ Вильнѣвъ оставался *спокойнымъ зрителемъ битвы* (paisible spectateur du combat): Le Contre-Amiral Villeneuve a dit pour sa justification, qu'il attendoit le signal de l'amiral; on assure que cet ordre lui fut donné, et que la fumée empêcha le signal d'être vu. Mais faut-il donc des ordres pour prendre part au combat et secourir ses camarades? D'ailleurs l'Orient asauté à onze heures du soir. Depuis ces moments, jusqu'à deux heures après midi Villeneuve commandait l'armée. Il ne manquait pas d'expérience de la mer, mais il manquait de résolution et de vigueur (Контръ-Адмиралъ говорилъ въ свое оправданіе, что онъ ждалъ Адмиральскаго сигнала; увѣряютъ, что сигналъ былъ ему данъ, и что дымъ помѣшалъ сигналу быть виданнымъ. Но неужели надобны приказанія взять участіе въ битвѣ и помогать товарищамъ? Впрочемъ, Востокъ взорвало въ одиннадцать часовъ вечера. Съ сего времени, до двухъ часовъ по полудни, Вильнѣвъ начальствовалъ флотомъ. У него была опытность морская, но не было рѣшительности и силы). — Все это зачеркнулъ Наполеонъ и на сторонѣ написалъ своимъ *героглифическимъ* почеркомъ: Le Contre-Amiral Villeneuve étant brave et bon marin, on se demande la raison de cette singulière conduite? Il attendait des ordres!... On assure que l'amiral français lui donna celui d'appareiller, et que la fumée l'empêcha de l'apercevoir. Mais fallait-il donc un ordre pour prendre part au combat et secourir ses camarades?... L'Orient a sauté à onze heures; depuis ce temps, jusqu'à deux heures après midi, c'est-à-dire pendant treize heures, on s'est battu. C'était alors Villeneuve qui commandait; pourquoi donc n'a-t-il rien fait? Villeneuve était d'un caractère irrésoû et sans vigueur (Контръ-Адмиралъ Вильнѣвъ былъ храбръ и добрый морякъ; спрашивается причина такого страннаго поведенія?. Онъ ожидалъ приказаній!... Увѣряютъ, что Французскій Адмиралъ далъ ему приказъ распуснуть паруса, и что дымъ воспрепятствовалъ ему то замѣтить. Но

надобенъ ли былъ приказъ взять участіе въ битвѣ и помогать своимъ товарищамъ? — Востокъ взорвало въ одиннадцать часовъ; съ сего времени до двухъ часовъ по полудни, то есть, въ теченіе тринадцати часовъ, дрались. Тогда командовалъ Вилльиѳъ; почему же онъ ничего не дѣлалъ? — Вилльиѳъ былъ характера нервнительнаго и безъ силы).

Въ Мартѣ занималъ Парижанъ запутанный процессъ объ убійствѣ одной несчастной торговки тюфяками. Злодѣи открыты, и двое убійць, Л. С. Лесаажъ, столяръ, и Ж. В. Суффляръ, поденщикъ, оба уже бывшіе прежде въ каторжной работѣ, осуждены на смерть. Суффляръ отравилъ себя послѣ приговора въ тюрьмѣ; болѣе 260 челоувѣкъ являлось по сему дѣлу въ судъ, но подробности дѣла такъ отвратительны, представляютъ такое хладнокровное злодѣйство и такую черноту гнуснаго разврата, что мы не смѣемъ повторять ихъ! — Гораздо любопытнѣе былъ процессъ, производившійся въ тоже время въ Брестѣ; подробности его напоминаютъ рассказы о Корсаряхъ и Флибустьерахъ: въ Іюнь 1837 года, купеческій корабль Александръ отплылъ изъ Бордо въ Батавію; тамъ нагружился товаромъ, отплылъ обратно, и въ Зондскомъ проливѣ, 27 октября, лейтенантъ Марсо, съ матросомъ Раймондомъ и другими сообщниками, застрѣлили шкипера, бросили трупъ его въ море, убили старшаго лейтенанта, квартирмейстера, четырехъ матросовъ, и раздѣлили грузъ корабля между собою. Надобно было зайдти для починки корабля на Иль-де-Франсъ; здѣсь злодѣи показали, будто шкиперъ и другіе ихъ товарищи погибли во время бури; они вышравили бумаги, починили корабль, но вмѣсто Бордо отправились въ Соед. Штаты, гдѣ пристали въ Нью-Портъ, надѣясь распродать тамъ товаръ и поселиться въ Америкѣ. Къ несчастію ихъ, здѣсь находился Французскій консулъ, и по подозрѣнію арестовалъ ихъ. Ужасное злодѣйство было раскрыто. Судъ приговорилъ Марсо и Раймонда къ смертной казни. Въ числѣ подсудимыхъ находилась красивая 17-ти лѣтняя Мулатрка Аделина Парр, которую увезъ съ собою съ Иль-де-Франса Марсо. Ей дали свободу.

Во 2-й кн. С. О. прокралась забавная опечатка: на стр. 102, III-го отдѣленія, указывая на невѣрное показаніе Англійскаго журналиста, что Ново-Архангельскъ находится подъ 57°, мы сами неумышленно подвинули его на *три градуса* къ югу. Просимъ, вмѣсто: 54° 2' 50'' читать: 57° 2' 50''.

Мы уже приносили нашимъ товарищамъ-литтераторамъ жалобу на того неизвѣстнаго намъ г-на Н. Т., который помѣщаетъ въ Journal des Débats жестокія обвиненія на нашу литтературу. Но не все мы однакожъ въ немилости у неизвѣстнаго намъ корреспондента, а всѣхъ милостивѣе оказывается онъ къ О. В. Булгарину. Прошу тутъ разсудить! Въ *Отечественныхъ Запискахъ* ставятъ О. В. рядомъ съ А. А. Орловымъ, а вотъ что передаетъ Корреспондентъ J. des D. Парижскимъ читателямъ: «Изъ всѣхъ новыхъ литтературныхъ трудовъ по части Русской Исторіи самый важнѣйшій есть трудъ г-на Булгарина, подъ заглавіемъ: *Россія. Четыре первые тома* выданы, и *возбудили жестокія битвы между послѣдователями старой и новой методы исторической* (но когда и гдѣ?). Послѣдніе, не допуская слѣпо, подобно первымъ, *всего, что находится въ лѣтописи Нестора* (но кто же все это допускает?), и не составляя Исторіи только по симъ даннѣмъ, (?) хотѣть критики, и для уразумѣнія фактовъ, смотрятъ въ Византійскія и Восточныя Лѣтописи, и словомъ, во все свидѣтельства, какія собрать можно. Г-нъ Булгаринъ не объявляетъ себя рѣшительно ни на ту, ни на другую сторону: онъ беретъ направленіе электическое, и передаетъ публикѣ бумаги процесса, не желая рѣшать самъ ничего. Можетъ быть, онъ и хорошо дѣлаетъ, ибо пока не извлекутся изъ пыли большія количества матеріаловъ, невозможно, кажется, рѣшить окончательно многихъ вопросовъ, довольно существенныхъ для прошедшаго. Цель автора дать общее изложеніе Исторіи, Географіи, Статистики и Литтературы. Сравнивая то, что уже имѣемъ мы изъ сего црєкраснаго предпріятія, съ Статистикою, какую издалъ г-нъ Шнитцлеръ, легко убѣдиться, что сочиненіе г-на Булгарина дополняетъ собою важный промежутокъ. Не унижая достоинствъ г-на Ш., надобно сказать, что

г-нъ Б. имѣя для своей работы несравненно больше пособій и удобствъ, и что планъ его былъ обширнѣе. Поэтому, М. Г., (заключаетъ корреспондентъ) не могу не излить вамъ желанія: видѣть книгу г-на Б. переведенною на Французскій языкъ, и увѣрю васъ, что если бы имѣлъ я время, то съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ бы я на себя переводъ ея, полагая, что окажу тѣмъ пользу Франціи и цѣлой Европѣ.» — Мы не подтверждаемъ и не отвергаемъ словъ г-на N. T., но, не правда ли, что система Философіи Азаяса non e vero e ben trovato? Здѣсь бранить — тамъ хвалить! И вотъ вамъ еще новое доказательство des lois de compensation: романъ г-на Лажечникова: *Ледяной Домъ*, переведенъ на Нѣмецкій языкъ и изданъ въ Лейпцигѣ, подъ титуломъ: *Der Eis-Pallast von Lagetschnickoff* (и еще перевелъ его какой-то докторъ — *Aus dem Russischen von Dr. C. J. Schulz*). — Но что же? Великій романистъ, перелъ которымъ преклонились *Отеч. Записки*, стоялъ на колѣни *Моск. Наблюдателя*, въ прахъ повергаются *Литтер. Прибавленія*, и которому съ восторгомъ дивятся *Галатея*... какой вы думаете встрѣтилъ пріемъ въ Германіи? Страшно читать! И не думайте, чтобы критиковалъ его какойнибудь невѣстный писатель — нѣтъ! Самъ *Менцель* изрекаетъ ему приговоръ неумолимый и строгій! И въ томъ же листкѣ газеты, Менцель не можетъ нахвалиться романами Э. В. Будгарина. Мы переведемъ вамъ отзывы Менцеля въ свѣд. книжкѣ — теперь намъ некогда — столько важныхъ новостей, столько диковинокъ!...

Не диковника ли, на примѣръ: *сигъ* и *зимняя дороги* въ половинѣ Апрѣля въ Петербургѣ? Впрочемъ, *сигъ*-то у насъ есть, а *дороги*-собственно никакой нѣтъ, и если кто хочетъ понять въ полной силѣ слово: *безпуте*, пусть попробуетъ теперь провѣхать на чемъ угодно по Петербургскимъ улицамъ. Марта 25-е было для некоторыхъ жителей Петербурга днемъ достопамятнымъ: Смуровъ объявилъ о новыхъ свѣжихъ *устрицахъ* — первомъ привозѣ ихъ въ нынѣшнемъ году, на кораблѣ Магдалина, къ Либавскому порту! — Остальные наши новости, конечно, не столь важны, и если и любопытны, то все въ порядкѣ

вещей: каждый день неумолаемо, цѣлый Великій постъ гремѣли въ Петербургѣ концерты, а въ Павловскѣ хоры Лабидкаго, привлекала туда слушателей, какъ магнитъ по желѣзной дорогѣ. Въ Вербную Субботу открылась на Невскомъ Проспектѣ обыкновенная торговля игрушками, или *вербами*, если угодно, а потомъ тысячи сюрпризовъ, куличей и лицъ испечрили собою окна магазиновъ и лавокъ, пока на Адмиралтейской площади воздвигались эфемерные театры, качели, балаганы, и проч. — Гулянье тамъ было однакожъ плохо, въ грязи, снѣгу, холодѣ, вѣтрѣ, дождѣ. Любопытны были притомъ только прогулки на оленяхъ, которыхъ нынѣшнею зимою привезъ въ Петербургъ Кемскій житель, г-нъ Черняевъ. Петербуржцы съ удивленіемъ смотрѣли на Самоѣдовъ, на чумъ ихъ близъ Парголова, и не могли налюбоваться быстротою бѣга рогатыхъ лошадокъ. Въ одинъ часъ, Черняевъ съѣздитъ впередъ и обратно до Кронштадта, и по дорогѣ до Павловска перегналъ онъ пароходъ. — Во вторникъ на Святой открылись Нѣмецкіе спектакли. Любопытнымъ явленіемъ было появленіе *Андушки Русскаго флота* въ Нѣмецкомъ переводѣ. Самъ переводчикъ, г-нъ Моръ, занималъ роль Брандта, и публика вызвала его, за прекрасную игру, и за мастерской переводъ; пьеса шла вообще весьма удачно. — Что-то скажутъ намъ теперь Русскіе театры! Множество новостей готовится на бенефисы. — О Таліони пишутъ изъ Варшавы, что она отправилась отсюда, въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ, и возвратится въ Петербургъ къ будущей осени.

Декабря 29-го перенесли въ Парижъ гробъ Лагарпа на кладбищѣ Перъ-Лашезъ. Депутаціи отъ Академіи и Театровъ, и множество любопытныхъ, литераторовъ и ученыхъ, сопровождали процессію. Теперь воздвигаютъ Лагарпу памятникъ на новой могилѣ его.

Макопскій погребщикъ Батилля отправлялъ нарочно для опыта Бургонское вино на Антильскіе острова, и удостоверялся, что перевозъ черезъ море придаетъ ему болѣе вкуса и пріятности. — Кстати о винахъ: пишутъ изъ Стутгардта, что тамъ теперь значительную отрасль

промышленности составляетъ *поддѣлка Шампанскаго вина*, и что самая большая часть его *отправляется оттуда въ Россiю*. Впрочемъ, что тутъ удивительнаго? Многое изъ того, что называютъ у насъ *Шампанскимъ*, не говоря уже о *полу-шампанскомъ*, и въ Стутгардѣ не бывало, а просто — *соедѣльщина!* По крайней мѣрѣ, *плата за работу* остается въ Россiи, а политическiе экононы говорятъ, будто это очень выгодно для государства. Въдъ на томъ основаны филатуры наши.

Января 13-го, три сестры, тройни, праздновали въ Амстердамъ день своего рожденiя; имъ теперь каждой ровно по *шестидесяти* лѣтъ, и онѣ всѣ три совершенно здоровы. — Изъ Дунди, въ Шотландiи, пишутъ, что тамъ живетъ нѣкто *Джонъ Робертсонъ*, которому теперь 115 лѣтъ. Онъ помнитъ войну Претендента въ 1745 г., рассказываетъ всѣ ея подробности, здоровъ, и недавно только пересталъ ходить въ церковь. Жизнь свою велъ онъ всегда умеренно, и только очень любить табакъ. У него было 12-ть дѣтей, изъ коихъ теперь въ живыхъ остается только одна дочь; ей около 70 лѣтъ.

Касательно распущенной Палаты Депутатовъ Французскихъ замѣчаютъ, что въ 1837 году число избирателей во Францiи составляло 198,836 человекъ, и изъ 459 депутатовъ прежнихъ было вновь выбрано 310. Изъ числа невъбранныхъ: 23 перешли въ Палату Перовъ, а 26 отказались добровольно. Только одинъ департаментъ перемѣнилъ всѣхъ своихъ депутатовъ; 14 выбрали менѣе половины прежнихъ, 9 половину, 44 болѣе половины и 18 всѣхъ прежнихъ. Ламартина выбрали тогда въ одно время въ *трехъ мѣстахъ*; въ *двухъ мѣстахъ* въ одно время были выбраны Араго, Биллоль, Клозель, Делонгъ, Себастиани, Тайльяндье, Тьеръ, Тьеръ и Тюпинье.

Въ будущемъ 1840 году, Пруссiя будетъ торжествовать нѣсколько юбилеевъ, ибо въ семь году совершится— 400 лѣтъ со введенiя типографiи въ Бранденбургiи, 300 лѣтъ со времени введенiя Лютеранской вѣры, 200 лѣтъ со времени вступленiя на престолъ Великаго Курфирста

Фридерика-Вильгельма, и 100 лѣтъ со времени вступленiя на престолъ Фридриха Великаго. Последнее особенно будетъ великолѣпно праздновано признательнымъ потомствомъ его. По приказанiю Е. В. Короля, готовятъ къ тому времени полное собранiе всѣхъ сочиненiй Фридриха II, по лучшимъ изданiямъ и по неизданнымъ донынѣ рукописямъ. Особенной Коммиссiи поручено написать его Исторiю, и она будетъ напечатана съ политипажными рисунками извѣстнаго Прусскаго художника Фельсинга.

Въ Лондонѣ между щеголяхами вошли въ моду носовые платки, вышитые золотомъ; нѣкоторые изъ нихъ продаются по 20 ф. ст. (500 рублей)!

Общее сожалѣнiе въ Парижѣ и Неаполѣ возбудила несчастная смерть пѣвца *Адольфа Нурри*. Пятнадцать лѣтъ составлялъ онъ украшенiе Парижской сцены, и при своемъ превосходномъ дарованiи, отличался образованностью и кроткимъ поведенiемъ. Съ нѣкотораго времени, голосъ его началъ слабѣть, что наводило на него грусть и унынiе. Друзья совѣтовали ему отправиться въ Неаполь. Тамъ уговорили его выйдти на сцену; онъ былъ принятъ холодно, провелъ ночь въ задумчивости, поутру бросился изъ окошка на улицу и убится до смерти. Ему было только 36 лѣтъ. Несчастная жена его осталась беременною, и кромѣ того шесть сиротъ оплакиваютъ смерть отца. За нѣсколько дней до того, Нурри написалъ въ альбомѣ одному изъ друзей своихъ слѣд. стихи:

Si tu m'as fait à ton image,
O Dieu! l'arbitre de mon sort
Donne-moi le courage,
Ou donne-moi la mort!
Mon ame en proie à la souffrance
Est tout près de succomber:
Dans l'abime où m'égare l'espérance,
Oh! ne me laisse pas tomber!

Вотъ еще примѣръ несчастнаго помнательства, доведшаго до самоубiйства: Баронъ Т., отставной маiоръ Ба-

варскій, 63-хъ лѣтъ отъ рожденія, въ послѣднее время впалъ въ задумчивость и сдѣлался чрезвычайно разсыпанъ и забывчивъ. Въ сильномъ припадкѣ меланхолиі пошелъ онъ въ театр; къ несчастію, давали известную пьесу Коцебу: *Die Zerstreuten* (*Разсыпанные*). Маіоръ, вообразивъ, что актеръ представляетъ его, такъ огорчился тѣмъ, что воротясь домой, написалъ къ Военному Министру письмо, жалуюсь на обиду старому, заслуженному воину, который не можетъ ея пережить. Письмо показывало совершенное умственное разстройство. Министръ отправилъ къ барону Т. своего адъютанта, разуверить его, но было поздно — несчастный застрѣлся...

Исчислено, что война съ 1792 по 1815 годъ стоила всемъ воювавшимъ тогда державамъ болѣе *семидесяти шести тысячъ милліоновъ* франковъ и 2,000,000 человекъ; что потеря только однихъ Англійскихъ купеческихъ кораблей разорила и ввела въ убытокъ до 650,000 человекъ; что въ 1815 году было въ Европѣ 200,000 вдовъ и милліонъ сиротъ, лишившихся мужей и отцовъ; что Англія издержала на пенсіи до 12,000 милліоновъ франковъ. О величинѣ долга, какой принуждена была тогда сдѣлать Англія, можно судить потому, что нынѣ *одни проценты* на него составляютъ 28½ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (712,500,000 рублей)! Сумма всего долга — 762,275,188 ф. ст.

Мы упоминали о кончинѣ *Рене Калье* (Caillé). Онъ родился въ 1799 г. въ Мозе, въ Пуату. Отецъ его былъ булочникъ; 16 лѣтъ отправился Калье на Сенегалъ, былъ потомъ на Гваделупъ, возвратился въ Африку, и разстроенное здоровье заставило его вернуться на родину въ 1818 году. Но мысль: означить имя свое какимъ нибудь славнымъ подвигомъ, не давала ему покоя. Въ 1824 году, онъ отправился опять на Сенегалъ, и съ неописанными трудностями, *первый изъ Европейцевъ* проникъ въ Томбукту. Съ торжествомъ встрѣтили его во Франціи. Калье удался на родину, издалъ свое путешествіе, и жилъ спокойно. Онъ отправлялъ должность Мера, любимый и уважаемый всеми за добрый, любезный характеръ. Но зло-

ровье его не могло уже поправиться послѣ трудовъ, перенесенныхъ въ путешествіи. Онъ скончался 17 мая, 1838 года. — *Антоній Морозеи* (Mogochesi), славнѣйшій изъ трагическихъ актеровъ Италіи, другъ Альфіери, известный притомъ своею ученостью и умершій во Флоренціи, въ Ноябрь 1838 года, род. тамъ въ 1768 г. — Въ 1807 г. издалъ онъ критическое собраніе пьесъ Итальянскаго репертуара, былъ опредѣленъ профессоромъ декламации въ Флорентинскую Академію, а въ 1832 г. издалъ сочиненіе о Декламаци, которое считается классическимъ.

Еще новалъ система Медицинская, которой придумано уже и Греко-Латинское названіе: *судогидропатія*, то есть, *помощь водолеченіемъ*. Дѣло самое простое. Вы заболѣли? Пейте горячую воду и потомъ потѣйте. Лихорадки, горячки — вздоръ! Самыя упорныя негодяйки-болѣзни не могутъ устоять противъ новой методы, которая не много сбивается на старинную методу знаменитаго Санградо. — Герцогъ Веллингтонъ сосваталъ за сына своего, Маркиза Дуро, прелестную, 18-ти лѣтнюю, леди Елисавету Гей, которая сама довольно богата, такъ, что приданое ея составляетъ предметъ разговоровъ въ Лондонѣ. Пишутъ, что будущій свекоръ съ нашель въ своемъ бюро забытый имъ ящичекъ съ брилліантами, и подарилъ его, какъ испужную бездѣлку, молодой невѣстѣ. Можно судить объ этомъ ящичкѣ потому, что въ немъ, между прочимъ, находится брилліантовый склаважъ въ 250,000 рублей, подаренный Веллингтону Людовикомъ XVIII-мъ. — Губительныя пушки, изобрѣтенныя Англійскимъ инженеромъ Пексганомъ, въ первый разъ употреблены Французами при осадѣ Сень-Жанъ-Улмоа, и — пишутъ, что невозможно вообразить разрушительнаго дѣйствія, какое оказали онѣ! Все гибло и падало подъ ихъ ударами — пороховой магазинъ тотчасъ взлетѣлъ на воздухъ, и черезъ часъ палубы крѣпости представляли груды развалинъ. Какъ изобрѣтателенъ умъ человѣчскій! Вотъ, на примѣръ, пишутъ изъ Лондона, что тамъ показываютъ карету, выдуманную какимъ-то г-мъ Невисомъ. Она двигается тяжестью сидящихъ въ ней, безъ лошадей, безъ паровъ, безъ всего — садитесь и потѣжайте, какъ мысль! Въ часъ можно провѣхать до 30-ти

Англійскихъ миль, а по желѣзной дорогѣ въ трое болѣе. Чудная эта карета названа *Эллоподъ*. — Въ Парижѣ возобновляютъ теперь большой старинный колоколь на колокольнѣ Notre-Dame. Онъ былъ вылитъ въ 1400 году, и названъ *Жакелиною*, по имени супруги Жана Монтегю, брата тогдашняго Парижскаго Епископа Жерара Монтегю. Вильгельмъ Суффле перелилъ его въ 1430 году. Въ 1681 году, онъ разбился, и его снова перелилъ Флорентинъ Ле-Гей, славный королевскій литейщикъ. Самъ Людовикъ XIV-й и Королева крестили его, и назвали Людовикомъ и Маріею. Обрядъ крещенія (до нынѣ употребительный въ Католическихъ земляхъ) совершалъ Архіепископъ Парижскій Франсуа-де-Гарле. — Тѣ, кто любовался въ Парижѣ сердитымъ слономъ, въ Jardins-des-Plantes, могутъ пожалѣть: онъ скончался 24 Марта! Въ журналахъ подробно пишутъ объ его смерти. Около десяти дней былъ онъ боленъ и чрезвычайно сердитъ, такъ, что только корнакъ могъ заставлять его повиноваться. Бѣдняка между тѣмъ лечили; давали ему воду съ медомъ и сѣрою; обыкновенный пріемъ составлялъ *истъ вездеръ* (six seaux), но гдѣ лечитъ нашимъ лекарямъ слоновъ, когда они и людей лечатъ такъ плохо! Двадцать человекъ едва могли поднять потомъ трупъ, когда слонъ почилъ навѣки; онъ весилъ болѣе 3000 килограммъ. Профессоръ Бленвилъ анатомитъ его; изъ кожи набиваютъ чучелу; скелеть готовятъ отдѣльно. Одинъ изъ журналовъ Парижскихъ (Chronique Scientifique, N 12, jeudi 28 Mars) извѣстия о кончинѣ слона, прибавляетъ еще горестное извѣстіе: «Красивая обезьянка, ловкости и проворству которой привыкли всѣ удивляться, также умерла (Le joli petit singe dont on avait l'habitude d'admirer l'adresse et l'agilité vient également de mourir). Такъ все преходитъ въ міръ — умираютъ великіе и малые, люди, слоны и обезьянки — зданія падаютъ въ прахъ, могла тѣснить могилу, и давно уже какой-то плохой поэтъ написалъ поэму: *Последній человекъ*. Насмѣшники говорили, что если поэма доживетъ до *последняго человека*, то онъ навѣрно умретъ отъ скуки, читалъ ее.

=

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА *.

1762-й годъ.

Наконецъ наступилъ праздникъ Св. Пасхи. Я уже упоминалъ вамъ, что къ торжеству сему дѣланы были во всемъ Петербургѣ приготовления превеликія, но нигдѣ такъ сіе не примѣтно было, какъ во дворцѣ. Государю хотѣлось не-

* Имя *Андрея Тимофеевича Болотова* извѣстно, какъ имя достопамятнаго Русскаго агронома и помолога. Жизнь его, полезная, шпихая и заботливая, была кратко описана въ *Землепольномъ Журналѣ* (1858 г. кн. 5). Почтенный Редакторъ, С. А. Масловъ, воздалъ достойную память мужу добродѣтельному. А. Т. родился въ 1738 году, Тульской губ., въ родовомъ селѣ Двораниновѣ, Алексинскаго уѣзда. До первыхъ лѣтъ жизни провелъ онъ съ отцомъ своимъ въ Ливадіи и Филиддіи, гдѣ отецъ его былъ въ военной службѣ; шолько года три прожилъ онъ на родинѣ, и по смерти отца, на 17-мъ году, вступилъ въ военную службу. Семилѣтнюю войну всю провелъ А. Т. въ Пруссіи, служилъ, учился, переведенъ былъ въ Петербургъ адъютантомъ къ Генералъ-Полицейстеру Барону Корфу, когда Императоръ Петръ III-й вступилъ на престолю; вскорѣ выпросилъ онъ отставку. Уединеніе и сельская жизнь влекли его. Онъ уѣхалъ на родину; тамъ женился и *седьмилѣтне* провелъ въ счастіи семейной жизни, въ запісахъ, не блещущихъ, но полезныхъ. Онъ скончался, въ день своего рожденія, 7 Октября 1855 года, 45 лѣтъ онъ роду. Супруга его скончалась Т. VIII. — Огд. VI.

отмѣнно перейти къ оному въ большой, новопостроенный дворецъ свой, но какъ онъ былъ еще не совсѣмъ во внутренности отдѣланъ, то спѣшили денно и ночью его окончить и все оставшееся додѣлать. Во все послѣдніе дни передъ праздникомъ кипѣли въ немъ цѣлыя тысячи народа, и какъ оставался наконецъ одинъ лугъ предъ дворцомъ неочищеннымъ, и такъ загромощеннымъ, что не могло быть ко дворцу и прїѣзда, то не знали что съ нимъ успѣть дѣлать и какъ очистить его въ столь короткое время, какое оставалось до праздника. Лугъ сей былъ прелеккій и обширный; онъ лежалъ предъ дворцомъ и адмиралтействомъ, и простирался почти до самой Мойки, а вдоль отъ Милліонной до Исакиевской церкви. Все сіе обширное мѣсто не заграждено было тогда, какъ нынѣ, великимъ множествомъ сплошныхъ, пышныхъ и великолѣпныхъ зданій, а загромождено было сплошь премножествомъ хибарокъ, избушекъ, шалашей и сарайчиковъ, въ которыхъ жили всѣ тѣ мастеровые, которые строили Зимній Дворецъ, и гдѣ заготавлиемы и обрабатываемы были матеріалы. Кроме сего, во многихъ мѣстахъ лежали цѣлыя горы и бугры щепъ, мусора, половинокъ кирпича, щебня, камня и прочаго всякаго вздора.

Какъ къ очищенію всего такого дрязга потребно было очень много и времени и издержекъ, а особливо, если

на другой годъ, а именно 7-го Октября, на 85 году жизни, проживши въ супружествѣ *сидесятъ лѣтъ*. Презирая всѣ увлеченія честолюбія, А. Т. жилъ для добра и науки. Имъ издано нѣсколько сочиненій и переводовъ. Важнѣйшее: Экономическій Магазинъ, копорый, по приглашенію Новикова, издавался листками при Московскихъ Вѣдомостяхъ, съ 1780-го по 1790-й годъ, и составилъ 40 номеровъ. Любопытное собраніе рукописей осмалось послѣ А. Т. — Онъ записывалъ все современное, и между прочимъ оставилъ записки свои, въ 59-ти небольшихъ поминкахъ, переписанныхъ на бѣломъ рукою. Мы читали сіи поминки, писанные просто, добродушно, искренно, и просили одного изъ почтенныхъ помпомковъ А. Т. позволить намъ напечатать ошрвыки въ С. О. — Въ слѣдующей книгѣ помѣстимъ мы описаніе Егерндорфскаго сраженія, а здѣсь помѣщаемъ описаніе *новоселя въ Зимнелъ Дворцѣ, въ 1762 году*. Многія подробности здѣсь любопытны, и жаль, что почтенный описатель былъ такъ кратокъ въ изложеніи, когда въ другихъ частяхъ своихъ записокъ, онъ предполагалъ полную современную ему характеристику.

Р. С. О.

производить то по обыкновенію наемными людьми, то доложено было о томъ Государю. Сей и самъ не зналъ сначала что дѣлать; но какъ ему неотмѣнно хотѣлось чтобы сей дрязгъ къ празднику былъ очищенъ, то Генералъ мой надумилъ его и доложилъ: не пожертвовать ли симъ дрязгомъ всемъ Петербургскимъ жителямъ, и не угодно ли будетъ ему повелѣть чрезъ полицію повстѣть, чтобы всякій, кто только захочетъ, шелъ и бралъ себѣ безденежно все, что тутъ есть, доски, обрубки, щепы, камни, кирпичи и все прочее? Государю крайне полюбилось сіе предложеніе и онъ приказалъ тотчасъ его исполнить. Въ минуть тогда разсываются полиційскіе по всему Петербургу, бѣгаютъ по всѣмъ дворамъ и повзвѣщаютъ, чтобы шли на площадь передъ дворцомъ, очищали бы се и брали себѣ что хотѣтъ. И чтоже произошло отъ сей публикаціи? Весь Петербургъ, властно какъ взбѣленился въ одну минуть отъ того. Со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ улицъ бѣжали и вѣхали цѣлыя тысячи народа. Всякій спѣшилъ, и желая захватить что нибудь получше, бѣжалъ безъ ума, безъ памяти, и добѣжавъ кромсаль, рвалъ и тащилъ что ни попадалось ему прежде всего въ руки, спѣшилъ относить или отвозить въ домъ свой, и опять возвращался скорѣе. Шумъ, крикъ, всеобщая радость и восклицанія наполняли тогда весь воздухъ, и все сіе представляло въ сей день рѣдкое, необыкновенное и такое зрѣлище, которымъ довольно навеселиться было не можно. Самъ Государь не могъ довольно нахотѣться, смотрѣлъ на оное, ибо это было предъ обоими дворцами, старымъ и новымъ, и всѣ въ прелеккой радости волокли, везли и тащили добычи свои мимо оныхъ. И что же? По истинѣ не успѣло пройти нѣсколькихъ часовъ, какъ отъ всего несмѣтнаго множества хижинъ, лачужекъ, хибарокъ и шалашей не осталось ни одного бревешка, ни одного отрубочка и ни единой дощечки, а къ вечеру, какъ не бывало и всѣхъ щепъ, мусора и другаго дрязга, и не осталось ни единого камушка и половинокъ кирпичной. Все было свезено и счищено, и на все то нашлись охотники. Самые мои люди принимали въ томъ такое же участіе, и я удивился, увидѣвъ вечеромъ, по возвращеніи своемъ на квартиру, прелеккую стопу, наложенную изъ бревешекъ, досокъ, обрубковъ и

тому подобнаго, и не вѣрилъ почти, чтобы можно было успѣть имъ навозить такое великое множество. Словомъ: дразгу сего такъ было много, что намъ во все пребываніе наше въ Петербургъ не только не было нужды покупать дровъ, но мы предъ отъѣздомъ столько еще продали оставшагося, что могли тѣмъ заплатить за весь постой жилищу.

Не успѣли помнугую площадь очистить, какъ Государь и переехалъ въ Зимній Дворецъ, и переселеніе сіе было въ Великую Субботу, причѣмъ не было однакожъ никакой особенной церемоніи. Самое духовное торжество праздника не было такъ производимо во Дворцѣ, какъ въ прежнія времена при покойной Императрицѣ, ибо Государь не присутствовалъ, какъ прежде, при заутрени, а предоставилъ сіе однимъ только духовнымъ и Императрицѣ, своей супругѣ. Все торжество состояло только въ собраніи къ нему во дворецъ всѣхъ знаменитѣйшихъ особъ, для поздравленія его, какъ съ праздникомъ, такъ и новоселемъ.

Мнѣ самому не удалось въ сей годъ чувствовать всей обыкновенной пріятности, съ симъ праздникомъ сопряженной. Я всталъ хотя и очень рано, но принужденъ былъ помышлять не о заутрени и богомольи, а о томъ, какъ бы скорѣе и лучше причѣсаться, и убравшись въ свой новый мундиръ, ѣхать къ Генералу, и съ разсвѣтомъ скакать съ нимъ въ разные дома знаменитѣйшихъ господъ для поздравленія. Я такъ всѣмъ тѣмъ былъ занятъ, что насилу урвалъ нѣсколько минутъ досужныхъ, чтобы забѣжать въ полицейскую церковь и отслушать въ ней конецъ обѣдни.

Генералъ, какъ по должности своей, такъ и для свѣтскихъ приличій, всталъ въ сіе утро по разнымъ мѣстамъ, столъ много, что мы съ нимъ не прежде во дворецъ пріѣхали, какъ уже въ одиннадцать часовъ, и когда онъ былъ уже весь наполненъ народомъ, и вся площадь установлена великимъ множествомъ каретъ и экипажей. Для меня зрѣлище сіе было новое, но любопытнѣйшее дожидалось меня во внутренности дворца самаго, въ которомъ я до того времени еще не бывалъ. Самая уже огромность и пышность зданія сего приводили меня въ нѣкоторое изумленіе, а когда вошелъ я съ Генераломъ внутрь сихъ по-

выхъ Императорскихъ чертоговъ, и увидѣлъ, впервые еще отъ роду, всю пышность и великолѣпіе дворца нашего, то пришелъ въ такое пріятное восхищеніе, что самъ себя почти не вспомнилъ отъ удовольствія. Вся комнаты, чрезъ которыя мы проходили, набиты были несмѣтнымъ множествомъ народа и людей разныхъ чиновъ и достоинствъ. Вся одѣты и разряжены были въ прахъ, и все въ наилучшемъ своемъ платьѣ и убранствахъ. Но ни въ которой комнатѣ не пораженъ я былъ такимъ пріятнымъ удивленіемъ, какъ въ послѣдней; она была предъ тою, въ которой находился самъ Государь, окруженный великимъ множествомъ Генераловъ, и, какъ своихъ, такъ и иностранныхъ министровъ. Поселику и сія, далье которой намъ входить не дозволялось, набита была несмѣтнымъ множествомъ, какъ военныхъ, такъ и статскихъ чиновниковъ, а особливо штабъ-офицеровъ, а въ числѣ ихъ было тутъ и множество генераловъ, и все они были въ новыхъ своихъ мундирахъ, то истинно засмотрѣлся я на разноцвѣтность и разнообразность оныхъ. Какихъ это разныхъ колеровъ тутъ не было, и какими разными и новыми красками не различены они были другъ отъ друга! Привыкнувъ до сего видѣть вездѣ одни только зеленые и синіе однообразные мундиры, и увидѣвъ тогда вдругъ такую разнообразицу, не могли мы довольно надивиться и насмотрѣться, и только и знали что любопытствовали спрашивать какихъ полковъ, а наиболье тѣ, которые намъ болѣе прочихъ нравились. Не меньшее любопытство производили во мнѣ и иностранные министры, выходявшіе въ нашу комнату изъ внутренней Государевой, и украшенные разнообразными орденами своими. Товарищъ мой, Князь Урусовъ, которому все они были уже извѣстны, долженъ былъ о каждомъ изъ нихъ сказывать.

На все сіе я такъ засмотрѣлся, и всѣми сими невиданными до сего зрѣлищами такъ залюбовался, что позабылъ и о всей усталости своей, и не горевалъ о томъ, что во всей той комнатѣ не было нигдѣ ни единого стульца, на которомъ можно было присѣсть, хотя на нѣсколько минутъ, для отдохновенія.

Но мое любопытство было до того времени еще не совершенно удовлетворено; оставалось важнѣйшее, а имен-

но, чтобы увидѣть Государя и Государыню. Такъ случилось, что сколько разъ ни бывалъ я до того во Дворцѣ, но никогда не удавалось мнѣ ихъ видѣть, а потому давно уже, невѣдомо какъ, добивался чтобы увидѣть ихъ. Какъ сей день и случай казались мнѣ къ тому наилучшими, и какъ я не сомнѣвался, что увижу ихъ непременно, въ то время, когда они пойдутъ къ столу, чрезъ ту комнату, въ которой мы находились, какъ о томъ мнѣ сказывали, то, протѣснившись, сталъ я заблаговременно подлѣ самыхъ дверей, чтобы не пропустить ихъ и увидѣть въ самой близки, когда они проходятъ стануть.

Не успѣвъ я тутъ остановиться, какъ чрезъ нѣсколько минутъ и увидѣвъ двухъ дамъ въ черныхъ платьяхъ, и обвѣхъ въ Екатерининскихъ лентахъ, идущихъ одна за другою изъ отдаленныхъ покоевъ въ комнату къ Государю. Я пропустилъ ихъ безъ всякаго почти вниманія, и не иначе думалъ, что были онѣ какія вѣбуль придворныя дамы, ибо полагалъ, что Государыня давно уже находится въ комнатахъ Государя, въ которыя намъ за народомъ ничего было не видно. Но какимъ удивленіемъ поразила я, когда спросивъ тихонько у стоявшаго подлѣ себя, одного полнейскаго и мнѣ уже знакомаго офицера: кто бы такова была передняя изъ прошедшихъ мимо насъ дамъ? услышалъ отъ него, что была то сама Императрица. Мнѣ сего и въ голову никакъ не приходило, ибо выдавъ дотолѣ одинъ только портретъ Ея, писанный уже давно, и тогда еще, когда была Она Великою Княгинею и гораздо моложе, не только Ея не узналъ, но не могъ никакъ и подумать, чтобы то была Она. Я досадовалъ невѣдомо какъ на себя, что не рассмотрѣлъ Ея болѣе....

Еще не опомнился я отъ чрезвычайнаго своего удивленія, какъ взволновался весь народъ, и раздѣлясь въ двѣ стороны, сдѣлавъ свободный проходъ идущему и вдали уже показавшемуся Государю. Не могу изобразить, съ какими душевными движеніями смотрѣлъ я въ первый разъ тогда на сего Монарха и тогдашняго обладателя всей Россіи! Куча народа, состоящая изъ первѣйшихъ чиновниковъ и вельможъ государственныхъ, послѣдовали за нимъ, и провозжали Его въ столовую, въ своихъ орденахъ, лентахъ и въ богатыхъ одеждахъ. Нашъ Генералъ шелъ тутъ же,

разговаривая съ Графинею Воронцовою; но я въ сей разъ не обращалъ ни на что вниманія, а смотрѣлъ въ слѣдъ за Государемъ и Императрицею, и всему видимому дивился.

Какъ Генералу нашему, за помянутымъ разговоромъ съ идущею съ нимъ рядомъ Графинею Воронцовою; не удалось на меня взглянуть, и никто ему изъ товарищей моихъ въ толпѣ на глаза не попался, то по ушествіи ихъ не знали мы, что намъ дѣлать: домой ли ѣхать, или тутъ оставаться долѣе и дожидаться повелѣнія отъ Генерала? И какъ домой ѣхать мы не отважились, то чуть было не дошло до того, чтобы быть намъ для праздника такого безъ обѣда. Мы и были бы действительно безъ него, если бы, по счастью, третьему товарищу нашему, полицейскому офицеру, которому во дворцѣ было все знакомо, не удалось провѣдать, что въ заднихъ и отдаленныхъ комнатахъ есть накрытый, превеликій столъ для караульныхъ офицеровъ и ординарцовъ. Онъ не успѣвъ узнать о семъ, какъ приближалъ къ намъ, звалъ насъ скорѣе съ собою туда, увѣряя, что и намъ тамъ можно обѣдать, и нужно только захватить и не упустить мѣста. Сперва посовѣстились было мы и не хотѣли тамъ искать себя обѣда, но онъ силою почти насъ за собою утащилъ, и проведя чрезъ множество комнатъ въ другой край дворца, привелъ насъ, действительно, къ превеликому столу, установленному уже кушаньями, и за который, какъ караульные офицеры, такъ и многіе другіе начинали уже садиться. Мы съѣли также, наѣлись и напились себя до сыта, и были смѣлостію своею очень довольны, ибо узнали чрезъ то, что и впредь намъ всегда можно симъ офицерскимъ и ординарцескимъ столомъ пользоваться, и когда ни пожелаемъ оставаться тутъ обѣдать, что мы и действительно потомъ не одинъ разъ дѣлывали, а особливо когда случалось, что не хотѣлось ѣхать домой на короткое время.

Обѣдъ нашъ не столь долго продолжался, какъ Государевъ, и кончивши оный, пошли мы въ тотъ покой, который служилъ вмѣсто буфета и былъ подлѣ самаго того, гдѣ Государь кушалъ, дабы могъ Генералъ нашъ, вставши изъ-за стола, тотчасъ насъ увидѣть, ибо всѣмъ надлежало по окончаніи обѣда идти чрезъ покой сей. Но мы

принуждены были долго сего обратнаго шествія дожидаться: болѣе часа еще не кончался обѣдъ, и въ это время имѣли мы удовольствіе слышать голосъ Государевъ и почти все имъ говоренное. Голосъ у него былъ очень громкій, и было въ немъ нѣчто особое, и такое, что можно было его не только слышать издаиска, но и отличать отъ всѣхъ другихъ. Наконецъ встали они, и какъ Государь пошелъ тотчасъ опять во внутренніе свои покои, то вышелъ въ слѣдъ за нимъ и Генералъ нашъ, и обрадовался насъ увидѣвъ: «Ну, спасибо что вы здѣсь,» сказалъ онъ, «и домой не уѣзжали; мнѣ давеча сказать вамъ о томъ было нѣкогда, но обѣдали ли вы? Вамъ бы здѣсь пообѣдать за столомъ офицерскимъ!»—Мы сказали ему, что мы сіе уже сдѣлали. «Ну, хорошо жь!» сказалъ онъ, «такъ поведемъ же теперь домой и отдохнемъ.» Сказавъ сіе, пошли мы внизъ, гдѣ Князь Урусовъ, товарищъ мой, спросился у него къ своимъ роднымъ, а я похвалъ съ нимъ, и долженъ былъ готовиться ѣхать съ нимъ опять во дворецъ на *куртаги*, съ товарищемъ моимъ, полицейскимъ офицеромъ.

По пріѣздѣ къ нему въ домъ, спросился я тотчасъ на свою квартиру, чтобы хотя часокъ отдохнуть, ибо, какъ я почти всю ту ночь не спалъ, то клонилъ меня ужасно сонъ, и я впервые еще въ сей день спалъ послѣ обѣда. Но чтобы не заспать, посадилъ подлѣ себя человека съ часами и велѣлъ ему тотчасъ себя разбудить, какъ скоро пройдетъ часъ. О семь упоминаю я для того, что какъ въ послѣдующее время, и часто, такимъ образомъ удавалось мнѣ по ночамъ спать очень мало, и замѣилъ то единачаснымъ снѣмемъ послѣ обѣда, я такимъ же образомъ всегда саживалъ подлѣ себя слугу для буженія, что чрезъ короткое время обратилось въ такую привычку, что наконецъ не было нужды меня будить, но я уже и самъ, точь въ точь, по прошествіи часа просыпался, а что удивительнаго всего, то и во все продолженіе жизни моей, всегда, когда ни случалось мнѣ послѣ обѣда спать, никогда не спалъ болѣе часа, и всякій разъ, какъ тогда, пробуждался самъ собою.

Куртаги придворныя были тогда для меня также зрѣлищемъ новымъ и никогда еще невиданнымъ; потому охотно я похвалъ на оный съ Генераломъ, и дѣлаясь во двор-

цѣ часть отъ часу смѣльшимъ, нашелъ средство наконецъ втѣсниться и войти туда же въ галерею, гдѣ онъ продолжался. Тутъ посмотрѣлся я уже до сыта, какъ на Государя, такъ и на все тутъ происходившее. Видѣлъ, какъ тутъ играли въ карты и какъ танцовали; послушался прекрасной музыки, въ которой самъ Государь бралъ участіе и игралъ на скрипкѣ, вмѣстѣ съ прочими, концерты, весьма хорошо и было; наконецъ, за большимъ столомъ, и со многими, забавлялся Онъ въ любимую свою игру *кампио*, которой также не видывалъ я никогда до того времени, и какъ хотѣлось мнѣ ее очень видѣть, то былъ такъ уже смѣлъ и отваженъ, что подошелъ близехонько къ столу, и смотрѣлъ на нее, не могъ довольно посмотрѣть-ся и надивиться.

Мы пробили тутъ съ Генераломъ до самаго окончанія вечеринки, а какъ онъ оставленъ былъ Государемъ ужинать, то принужденъ былъ и я опять тутъ окончанія онаго дожидаться, перехвативъ, хотя немного, за столомъ офицерскимъ. Ожиданіе конца ужина, бывшаго въ прежней столовой, было для насъ довольно скучновато. Ужинъ продлился очень долго, и гораздо за полночь, и мы все сіе время должны были ждать въ проходной буфетной. И какъ не было въ сей, равно какъ и во всѣхъ другихъ тутъ комнатахъ ни единаго стульця, на который бы можно было присѣсть и отдохнуть, то отъ непрерывнаго стоянія и хожденія взадъ и впередъ для прогнанія дремоты, впрахъ мы все измучились, а особливо я, по непривычкѣ. Сонъ клонилъ меня немилосерднымъ образомъ, а подремать не было возможности. Нѣсколько разъ испытывалъ я становиться для сего гдѣ нибудь къ стѣнѣ, или къ уголку, но всѣ мои попытки были тщетны, ибо не успѣють глаза начать сжиматься, и сонъ принимать верхъ надъ бдѣніемъ, какъ вдругъ подгибаются колѣни, и приводятъ чрезъ то человека въ движеніе, разбужаютъ его, къ неописанной досадѣ, и мѣшаютъ сладкой дремотѣ.

Мы возвратились домой почти уже предъ разсвѣтомъ, а какъ поутру долженъ я былъ опять вставать рано, то судите, каково мнѣ тогда было....

**ЛЮБОПЫТНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ИЗВѢСТІЯМЪ
О СЛАВЯНСКОМЪ ЕВАНГЕЛІИ, НАХОДИВШЕМЪ
СЯ ВЪ РЕЙМСѢ.**

Читая любопытныя изслѣдованія С. М. Стросва о знаменитомъ Реймскомъ Евангеліи, я пожалѣлъ, что онъ слишкомъ поспѣшно обвиняетъ столь знаменитыхъ особъ, каковы С. де Саси въ *ложныхъ извѣстіяхъ*. Кажется, пора бы почтенному С. М. научиться быть осторожнѣе, послѣ опытовъ его во Франціи и Германіи, и послѣ того, что говорили ему печатно Французскіе и Нѣмецкіе ученые... Онъ увѣдомляетъ, что вскорѣ издастъ: «Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы, хранящихся въ бібліотекѣ Франціи и Германіи.» Предпріятіе прекрасное, но пусть С. М. въ книгѣ исправитъ то, что говорить о Реймскомъ Евангеліи. Онъ смѣшалъ извѣстія, и до его свѣдѣнія не дошло:

1. Что въ Реймсѣ было два Славянскія Евангелія, и самое драгоценное, дѣйствительно, погибло во время революціи, какъ извѣщалъ С. де Саси.

2. Что С. М. видѣлъ въ Реймсѣ другой, менѣе важный экземпляръ, уцѣлѣвшій.

Не распространяясь въ доказательствахъ, предлагаю при семъ списокъ съ оффиціального извѣстія, которое доставлено было по желанію Императрицы Екатерины II-й отъ Французскаго Правительства. Оно достаточно можетъ убѣдить нашего почтеннаго археографа, въ его ошибку.

**NOTE SUR UN TEXTE DES EVANGILES QUE POSSEDE L'EGLISE
DE REIMS.**

Le livre sur lequel on demande des renseignements, est un texte des Evangiles donné à l'Eglise de Reims en 1554 par le Cardinal Charles de Lorraine son Archevêque. L'inventaire des effets appartenans à l'Archevêque qui a été fait peu de tems après cette époque, rapporte qu'il avait

été tiré du trésor de Constantinople, qu'il fut donné au dit Cardinal, comme un ouvrage précieux et provenant, suivant une ancienne tradition de la bibliothèque de St. Jérôme.

La première partie de ce manuscrit est en langue Orientale à l'usage des Caloyers et en caractères Serviens dits de St. Cyrille.

La 2-me partie est la langue Esclavonne et les caractères Illiriens dits de St. Jérôme.

Les alphabets de ces deux espèces de caractères sont, rapportés dans le 1-er volume de la diplomatique de P. P. Tassin et Toussaint Bénédictins, 2-me partie page 702. Les caractères des deux parties du manuscrit dont on parle y paraissent exactement conformes.

Le Vice-chancelier du Czar Pierre 1-er passant à Reims le 27 Juin 1717, fit lecture sans difficulté de la première partie, ainsi que deux Seigneurs qui étaient avec lui, ils dirent que c'était leur langue naturelle, mais ils ne purent lire la 2-me partie.

Ce manuscrit est sur velin, dans le format in 4°, relié en bois et maroquin rouge, recouvert d'argent doré avec plusieurs cristaux sous lesquels sont des reliques de la vraie croix et de plusieurs Saints. On voit aux quatre coins les figures en argent émaillé de l'aigle, de l'homme, du lion, et du bœuf, emblème de quatre Evangelistes. Le reste de la couverture est parsemé de pierres précieuses enchassées dans le vermill. L'ouvrage est assés bien fait et se rapporte pour le goût et la manière à ceux qu'on connaît du seizième siècle.

Le Roi fait le serment Royal le jour de son sacre sur ce volume. On s'en sert de préférence pour cet usage sans doute parce qu'il réunit, le texte des Evangiles et des Reliques précieux, deux monumens respectables de la religion sur lesquels on a coutume de faire les sermens dans l'Eglise Catholique.

On voit encore dans le trésor de l'Eglise de Reims un texte des Evangiles moins précieux sur lequel nos Rois faisaient le serment de leur sacre avant que le Cardinal de Lorraine eût donné l'exemplaire dont on vient de parler.

ЗАМѢТКИ ОБЪ ОЛОНЕЦКОЙ СТОРОНѢ.

Взглядъ и плѣто...
Грибодовъ.

Семейная жизнь народа, со всеми ея обычаями и повѣр-
лими, гдѣ такъ ярко свѣтится душа его, съ своими страст-
ями, прихотями, наклонностями, со всеми силами, одна мо-
жетъ служить для опредѣленія характера его, тѣмъ болѣе,
что въ ней онъ налицо. Въ домѣ у себя, между своими,
онъ не боится чужаго глаза, не боится презора; его не стра-
шить осмѣяніе. Въ жизни вышепей онъ таковъ, каковы
обстоятельства; самолюбіе, рана, вѣчно-свѣжал, челоуече-
скаго рода, страшится пострадать. Но сталкивался съ со-
сѣдями, знакомясь съ ихъ жизнью, невольно мнѣемъ мы
правы, многимъ привычки, прививаемъ къ себѣ обычай, и
новое, какъ всегда, кажется хорошо. Старое забывается, и
опять самолюбіе въ дѣлѣ: закрываетъ, давить свое, чтобы
дать мѣсто чужому, все съ одною цѣлю — не казаться
смѣшнымъ. Не буду ли и я смѣшонъ, собирая здѣсь очер-
ки нравовъ и обычаевъ Олонецкой стороны? Не скажу,
чтобъ они были важны сами по себѣ, или служили бы
свѣтлою искрою для исторіи: ни то ни другое. Передаю
ихъ.... Для чего? Для того, что они Русскіе. Если мой
разсказъ познакомитъ хотя немного съ Олончанами, даже
хотя укажетъ только на существованіе Олонецкой губер-
ніи, то и довольно. Начнемъ съ историческихъ достопа-
мятностей.

Въ упраздненной *Соломенской пустыни*, въ 12 верстахъ
отъ губернскаго города Петрозаводска, хранится анти-
книсъ, благо холста, не болѣе квадратной четверти, дан-
ный для церкви, какъ видно по надписи при Царѣ Тео-
дорѣ Иоанновичѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7093, т. е.
въ 1585 году; мощи изъ него вынуты. Въ ризницѣ хранит-
ся риза, шитая самою Царевною Софіею Алексѣевною, изъ

блага толстаго холста, съ оплечьями Турецкой парчицы,
обложенными крашениной, и два къ ней поляса шелковые,
плетенные.

Въ *Толвуйскомъ погостѣ* была заточена Царица иноки-
ня Марѣа Иоанновна, мать Царя Михаила Феодоровича Ро-
манова, сосланная сюда Борисомъ Царемъ. Огромный
камень лежитъ на мѣстѣ терема изгнанницы. Крестьяне
Толвуйскаго погоста получили объильную грамату отъ
Михаила Феодоровича, въ награду за хлѣбъ-соль и услуги,
оказанныя ими его матери.

Великій Петръ оставилъ наиболѣе слѣдовъ Своего
пребыванія въ Олонецкой губерніи. *Петрозаводскъ* осно-
ванъ имъ въ проѣздѣ изъ Архангельска къ осадѣ Орш-
ка, гдѣ, его присутствіе было, писали къ нему, необ-
ходимо. Не желая терять времени, Царь взялъ провозжа-
таго, и изъ Архангельска пошелъ черезъ горы и лѣса пря-
мо въ Повънецъ, почти тою дорогою, по которой ходятъ
нынѣ богомольцы въ Соловецкій монастырь; часть свиты
была отправлена изъ Повънца водою къ устью Свири, а
самъ онъ черезъ Шуйскій погостъ пробирался къ Олон-
цу. Преданіе говоритъ, что въ путь изъ Архангельска Онъ
взялъ съ собою любимую свою яхту, и теперь еще пока-
зываютъ дорогу, прорубленную будто-бы для сего черезъ
лѣса отъ Архангельска на Повънецъ — она прорастаетъ
уже вѣликимъ лѣсомъ, и волкъ рыскаетъ по стопамъ Вели-
каго!... Прозорливый глазъ преобразователя открылъ око-
ло нынѣшняго Петрозаводска признаки существованія рудъ;
при рѣчкѣ Лососникъ, узенькой, тощей водою круглый
годъ, вытекающей изъ Лососнинскаго озера, положили быть
заводу, построили плотину, явились поселенцы, строи-
лись, свыкались съ лѣсами, и жизнь закопошилась — городъ
началъ расти.

Петръ Великій, проѣзжая черезъ Повънецъ изъ Архан-
гельска къ Оршкѣ, отправился прямо изъ Повънца водою
и не посѣтилъ Собора во имя Апостола Петра. Вѣтеръ
былъ попутный, но лишь только Царь довѣхалъ до остров-
ка, лежащаго за двѣ версты отъ города, при выходѣ изъ
губы Онежскаго Озера, при которой лежитъ Повънецъ,
вдругъ вѣтеръ переѣхался и сдѣлался противнымъ. «Вѣр-
но, Повънецкій Петръ сильнѣе Московскаго,» проговорилъ

Царь и вернулся прямо въ Соборъ. Съ тѣхъ поръ остро-
вокъ, гдѣ удержанъ былъ Великій, называется *Поворот-*
ными.

Марціалыныя воды, въ 53 в. отъ Петрозаводска къ сѣ-
веру, открыты полковникомъ Генинымъ, вскорѣ послѣ осно-
ванія завода. Крестыининъ Рябовъ первый испыталъ ихъ
силу надъ собою, за что и получилъ отъ Государя объль-
ную грамоту. Потомки его понынѣ живутъ въ деревнѣ
Видани, а одинъ изъ нихъ содержитъ почтовыхъ лошадей
на Половинской станціи, самой послѣдней къ Петрозавод-
ску по Петербургской дорогѣ, и между крестьянами слы-
ветъ подъ именемъ *болрина*.

Близъ Марціалыныхъ водъ выстроены были два дворца;
развалины *Дворца Петрава*, на скатъ горы, еще и теперь
видны. Четыре комнаты съ уцѣлѣвшими еще стѣнами —
вотъ, говорятъ, гдѣ жилъ нѣсколько мѣсяцовъ Царь, изне-
могалъ тѣломъ. Ступая по землѣ у разрушеннаго входа, не-
вольно думаешь, что когда-то топтали ее дѣлатели Россіи,
въ полномъ значеніи товарищи въ трудахъ Великаго!...
Екатерининъ Дворецъ, построенный на верху горы, со-
вершенно исчезъ, и плугъ прошелъ по мѣсту его. Къ ис-
точнику, который былъ накрытъ, проведены были изъ двор-
ца Петрава двѣ галлерей, одна для Царской фамиліи, чтобы
и въ ненастную погоду можно было пользоваться водами, а
другая для пріѣзжающихъ. Нынѣ видны кое-гдѣ сван отъ
стѣнъ. Передъ Петровымъ дворцомъ красуются двѣ бере-
зы, необъятной толщины, посаженныя, сказываютъ, цар-
ственными руками Петра и Екатерины. При дворцахъ
была выстроена церковь, во имя Апостола Петра, съ окла-
домъ, по указу 1721 года: Священнику въ годъ 20 р. и
10 четвертей ржаной муки, дячку и пономарю по 8 р.
и хлѣбомъ по 8 четвертей, просвирнѣ 4½ р. и 4⅛ четвер-
тей муки, да на церковный обиходъ по пяти рублей. По-
томъ, указомъ 1782 года, повелѣно выдавать жалованье
деньгами, по тогдашней цѣнѣ, за пудъ муки 37 коп. Ны-
нѣ сія церковь сдѣлалась приходскою Кондозерскаго за-
вода. Въ ней замѣчательны: Евангеліе на престольное, печат-
анное въ 1663 году, и икона Скорбящей Божіей Мате-
ри, бывшая прежде, говорятъ, въ Петровомъ дворцѣ; го-
лубыя ризы, набивныя бумажныя, съ оплечьями краснаго

кумача, обложенными кружевами, исподъ крашенинный;
они, сказываютъ, шиты самою Императрицею Екатери-
ною I. Здѣсь же *пять* крашениныхъ, точенныхъ изъ дерева
подсвѣчниковъ, вышедшихъ изъ мастерской Петра Вели-
каго.

Въ Правленіи Завода есть рама для зеркала, точенная,
говорятъ, Петромъ Великимъ; въ общественномъ саду го-
рода показываютъ камень, надъ которымъ былъ, гово-
рятъ, алтарь походной церкви Петра Великаго.

Семейство С — хъ хранить у себя серебряную чарку
Петра Великаго, изъ которой онъ пилъ свою любимую
анисовую водку, и которую возилъ съ собою въ дорогу;
она досталась имъ слѣдующимъ образомъ: дѣдъ, или пра-
дѣдъ ихъ, былъ крестьянинъ и содержалъ лошадей на Свя-
тозерской станціи, по Петербургской дорогѣ; Петръ въ
одинъ изъ пріѣздовъ Своихъ въ Петрозаводскъ, тогдашній
Петровский Заводъ, остановился у него, переменяя лошадей,
вошелъ въ избу и узналъ, что жена хозяина дала Богъ
дочь. Царственный почитатель изъявилъ желаніе быть не-
медленно воспріемникомъ. Хотѣли послать за кумою, но
Петръ выбралъ старшую дочь хозяина, передававшую сей
разсказъ, и съ нею окрестилъ новорожденную. Подали
водку. Царь вынулъ чарку, налилъ себѣ, выпилъ, и на-
лилъ кумѣ, заставляя ее выпить: «Я еще тогда была мо-
«лоденькою,» говорила старушка, «и не пила ничего; мнѣ
«ужасно было стыдно, и я отказывалась, но Государь на-
«ставилъ и ужъ послѣ отцовскаго приказанія я выпила.»
— «Возьми себѣ чарку,» сказалъ Царь, «и помни обо мнѣ.»
«Потомъ снялъ съ себя кожаный галстухъ и повязалъ
«мнѣ на шею, а я такъ и горю. Тогда вдѣ не таковы
«дѣвушки были, какъ нынѣ! Скажи слово, бывало, такъ
«щеки, что твоя малина! Ну, да то было время, а нынѣ
«другое: теперь все ученые, образованныя, а тогда были
«люди простые, не ученые. Ахъ, ахъ, ахъ!... Вотъ повя-
«залъ онъ галстухъ, снялъ и перчатки, большія по локоть
«и надѣлъ мнѣ на руки. — «А чѣмъ же я подарю крест-
«ницу?» проговорилъ Царь. «Ничего нѣтъ у меня — экая
«она несчастная! Ну, хорошо, въ другой разъ буду сюда,
«такъ пришло ей, если не забуду!» — «Послѣ, когда онъ
«пріѣзжалъ съ супругою своею, вдругъ вспомнилъ, что

«крестилъ у кого-то; сказали Екатеринѣ о томъ, сказали, «что обѣщали подарить крестницу, и просилъ ее исполнить вмѣсто его обѣщаніе. Отыскали у кого онъ крестилъ, и прислали и бархату, и парчей, и матерій разныхъ столько-то много, и все опять мнѣ же, а крестница опять ничего! Вотъ: не мимо идетъ ужъ Царское слово: называлъ *несчастною* — такъ и есть, и послѣ-то выросла, жила, а всю жизнь свою была несчастлива!»

Могила *Фаддея Блаженнаго*, предсказывавшаго, будто-бы, Великому Петру близкую кончину, находится въ оградѣ соборной церкви Петрозаводска. Г—ръ У—въ былъ, подобно тысячамъ мужьямъ, подъ самовластнымъ правленіемъ своей супруги. Ему, т. е. его супругу, что почти одно и тоже, а можетъ быть и важнѣе, не понравилось, что могила Блаженнаго передъ ея окнами; они занимали тогда домъ, въ которомъ нынѣ помѣщается Архіепископъ. Она потребовала отъ мужа уничтожить послѣдній земной пріютъ Фаддея. Вотъ однажды, когда сонъ бѣжалъ отъ не-можетъ быть, и ему надоела она своими капризами, подошла она къ окну и видитъ — на могилѣ теплится свѣча! Въ ужасѣ отскочила она и закрылась подушками; въ другую, въ третью ночь, влекомая любопытствомъ, видѣла она все также свѣчу. Тутъ, пораженная таинственными знаменіями, отказалась она, едва ли не въ первый разъ, отъ своего требованія, и могила до сихъ поръ еще видна, хотя почти выросла уже въ землю; на камнѣ ея нѣтъ никакой надписи.

У самой дороги въ Петербургъ, въ 1½ в. отъ города, есть часовня, выстроенная на мѣстѣ казни какой-то дѣтубійцы. Кума Петра Великаго, изъ Святозера, была свидѣтельницею казни. «Ангельская душа не пропадетъ,» говорила она; преступленіе открылось, и лютаѣ мать была казнена. Надъ ея головою, послѣ ея смерти, насыпали бугоръ; онъ сравненъ временемъ, но часовня Усѣвковенія Главы, выстроенная потомъ на ея могилѣ, напоминаетъ объ ужасной смерти преступницы. 29-го Августа, благочестивые люди ходятъ къ часовнѣ и нѣкоторые служатъ молебны.

Олонцкая губернія терпѣла въ древности отъ набѣговъ «Литвы,» какъ говорятъ оставшіеся документы и хроники, но вѣроятно-же, то была вольница Шведская, подобная нашей

древней Новгородской; можетъ быть, богатства многочисленныхъ монастырей манили ихъ алчность. Въ одинъ изъ таковыхъ набѣговъ, шайка Литовцовъ, по преданію, старалась перебраться черезъ р. Суну, повыше водопада, воспитанаго Державиннымъ. Рѣка была въ разливъ отъ тающихъ снѣговъ; они захватили крестьянина съ лодкою, и грозною смерти заставляли перевести ихъ. Хитрый сельникъ согласился, направилъ лодку въ быстрину тока, бросилъ весла и бросился самъ въ воду. Какъ искусный пловецъ, онъ добрался до берега, а грабители погибли въ котлѣ водопада.

Верстахъ въ 5-ти отъ с. Деревяннаго, есть на Онегѣ островъ, поросшій мѣлкимъ лѣсомъ. По преданію, во время набѣговъ Литовцовъ, толпа ихъ, ограбивъ соседство, отправилась пировать, со всемъ добромъ, на сей островъ. Захваченная двушка, связанная, была оставлена до времени въ лодкѣ. Литовцы, совершенно увѣренные въ невозможность спастись, не обращали на нее вниманія; но она, качая лодку, оборвала привязь, и мало по малу, тѣмъ же движеніемъ, отдалаясь отъ берега, и когда вспомнили объ ней — она была уже далеко. Ее принесло къ берегу и она была спасена. Преданіе молчитъ объ участи похитителей, но увѣряетъ въ существованіи кладовъ на островѣ, названномъ съ тѣхъ поръ *Дювильми*, будто бы зарытыхъ тѣми Литовцами.

Тишина и безмятежіе лѣсовъ здѣшняго края были, можетъ быть, причиною основанія здѣсь многихъ монастырей и пустынь; нынѣ большая часть изъ нихъ упразднены; нѣкоторые получили грамоты еще отъ Царя Иоанна Васильевича Грознаго, какъ наприм. Самоенская пустынь. Но еще древнѣе, по преданію, *Машезерская*, въ 20 в. отъ города. Церковь во имя Пророка имѣетъ, увѣряютъ поселяне, такое странное построеніе, что невозможно снятъ плана, и будто-бы годъ отъ году она уходитъ болѣе и болѣе въ землю; «уже трѣгья окна прорублены въ ней,» сказываютъ они, съ совершенною увѣренностію въ истинѣ своихъ словъ.

Андрувовская пустынь, въ 24 в. отъ г. Олонца, на бет. VIII. — Отд. VI.

регу Ладожскаго озера, была мѣстомъ уединенія отшельника Андреяна. Еще въ царствованіе Алексія Михайловича, св. Андреянъ хаживалъ почасту къ благочестивому Царю, и возвращался всегда обремененный богатыми дарами на украшеніе храма и для собравшейся вокругъ отшельника братіи. Въ одно изъ таковыхъ путешествій св. Андреянъ былъ ограбленъ и убитъ разбойниками, прослышавшими о его богатой ношѣ. Тѣло, покинутое въ глуши лѣсовъ, оставалось безъ погребенія. Братія, напрасно ожидая наставника, покинули пустыню, которая снова обратилась въ пустыню. Варяжскій купецъ, по словамъ преданія, застигнутый бурей на озерѣ, далъ обѣтъ, избавясь отъ гибели, выстроить храмъ, гдѣ прильетъ его ладью. Онъ вышелъ на берегъ, и въ сонномъ видѣніи получилъ указаніе о томъ, гдѣ лежатъ тѣло св. непогребенное. — Избавленный вывелъ храмъ надъ его могилою. Покойный Императоръ Александръ, посетивъ губернію, пожелалъ поклониться гробу святаго, взялъ въ провожники крестьянина изъ деревни, и одинъ, безъ свиты, отправился верхомъ въ пустыню. Благословенный пожертвовалъ 25,000 р., и велѣлъ выстроить новую каменную церковь; въ ней хранятся еще холщевыя ризы св. Андреяна. Нынѣшній видъ пустыни, новенькой, чистенькой, какъ-то отраденъ на пещаномъ пустомъ берегу, на который озеро, въ гнѣвъ, далеко катитъ свои высокія волны, и ели, какъ иноки одинокіе, рѣдкою грядою обставили берегъ, будто напоминая вѣчность своею всевременною зеленью.

Простой народъ, какъ и вездѣ, вѣритъ здѣсь въ существованіе духовъ, которымъ приписываетъ людскія страсти, насмѣшливость, гнѣвъ, состраданіе.... Такъ населяетъ онъ пустынные лѣса — *лѣсовиками*, воды — *водликами*, дома *домовыми*, но говоря объ нихъ всегда выражается иносказательно, называя: *онъ, хозяйникъ, дружалъ половинка*, и проч. Здѣсь знаютъ даже средства видѣть, или призвать духовъ. Если кто хочетъ видѣть *домоваго*, то должно для того, говорить крестьяне, въ Светлое Христово Воскресенье, между заутреннею и раннею обѣдней, *зажечь свѣчу*, съ которою стоялъ заутреню, и закрывъ ее сверху горшкомъ, идти въ хлѣвъ; тамъ, сними горшокъ, и увидишь *его* въ которомъ нибудь углу, стоитъ лицомъ въ уголку

туть, что хошь, то у него и спрашивай, а если не оборотится, не станеть отвѣчать, можно и за волосы и плетью приударить — ужъ онъ ничего не сдѣлаетъ! Вызвать *лѣсоваго* немного труда надобно, говорятъ они — легко: нарубить только молоденькихъ березокъ, и сложить ихъ въ кругъ, вершинками въ средину; потомъ стать въ этотъ кругъ, снять съ себя крестъ и кликнуть: *эй, дядюшка!* онъ и явится; да потомъ-то трудно съ нимъ развязаться.» Такъ выражаются они, не зная, что таково и знакомство чловѣка съ порокомъ. *Польсьники*, утврняютъ крестьяне, называя симъ именемъ тѣхъ изъ среды себя, которые промышляютъ охотою, польсьники иногда встрѣчаютъ *лѣсоваго*; его и не распознаешь вдругъ: тотъ-же крещеный съ виду, но только надобно всмотрѣться въ лицо — у него *бровей нѣтъ*. Пожалуй, туть можно и заговорить съ нимъ; самъ онъ не начнетъ, да надобно только помнить первое свое слово, съ чего начнешь, и какъ все выпросишь, что нужно, то опять заговорить о прежнемъ: онъ плонетъ и уйдетъ, сказавъ: «Съ тобой не переговоришь!» — «Ну, а если забудешь, чѣмъ началъ?» — Туть ужъ неладно; не отвяжешься отъ него; пожалуй, чего добраго, и задавить! — Да, вотъ, въ Шунгѣ на ярмаркѣ, онъ тоже продаетъ мѣха, выдръ, лисицъ. — «Какъ же узнать его?» — Э, какъ узнать! Известно какъ — просто: у каждаго крещенаго, видишь, правая лапа наверху, а у него такъ лѣвая.» — Хотѣлось бы знать, какъ увѣрить таможенныхъ продавецъ мѣховъ, что его выдры не изъ Финляндіи, которыя считаются контрабандой въ д. Шунгѣ. — Всѣмъ извѣстно, что чортъ нынѣ одѣтъ по Нѣмецки и Рудый Пасичникъ давно ужъ описалъ костюмъ его, будто съ натуры, какъ говорятъ художники. Но Олонецкій проклятый еще не слишкомъ просвѣтился, не носитъ, подобно Малороссійскому, кургузаго платья, да къ тому же и слишкомъ холодно въ его лѣсахъ, особенно зимою. Здѣсь пока, онъ носитъ полушубокъ, но, на перекоръ крещенымъ — запахиваетъ направо. Не забавляется ли этой выдумкой простой народъ надъ нашимъ Нѣмецкимъ покроемъ? Наши сюртуки, фраки всѣ застегиваются направо. Въ Рускомъ есть много гумора, или, какъ кто-то выразился, *смѣхотвора*; есть иные прочіе у насъ, которые смѣшатъ и острятъ по подраду. —

Крестьяне уверяютъ, что у нихъ, разумя подъ симъ Лъсовыхъ, заведены цѣлыя селенія; около Олонца есть такія мѣста. Тамъ, такъ же какъ у насъ, говорятъ крестьяне. «У насъ приходять съ работы и у нихъ тоже; и коровы мычатъ, и колокольчики звѣнятъ, и собаки лаютъ—все какъ у насъ, у кого хошь спроси! Вотъ и *тотъ* и *тотъ* слышалъ, особенно на вечерней зарѣ.» Губернія вся искрещена отрогами горъ, и гдѣ направленіе ихъ эмпитическое, а деревня находится въ одномъ изъ фокусовъ, тогда естественно, что эхо передаетъ звуки, а вечерняя заря для того удобнѣйшее время: всю природу тогда, кажется, клонить ко сну; все стихаетъ, передавалъ звуки; эхо собираетъ ихъ въ другой фокусъ, и случись кто нибудь вблизи—вотъ и цѣлая деревня духовъ, вотъ онъ и самъ слышалъ — и звонъ, и ревъ, и лай въ пустомъ мѣстѣ. Чему быть иному? Нечистые тутъ! Таковы два селенія близъ *Машезера* и *д. Слѣмги.*»

Есть здѣсь и *русалки*, не только *водлишки*. На берегахъ р. Шуи выдали женщину, нагую, расчесывавшую свои длинные волосы; она слѣдила обаятельнымъ взоромъ прохожихъ, и невольный ужасъ охватывалъ ихъ; быстро удалялись они, крестясь и творя молитву. А водяники ужъ есть, и говорить нечего! Иной выдавъ его, а иной такъ и дрался съ нимъ. «Сталъ доставать изъ воды застрѣленную утку; хватъ его кто-то за руку, да и стащилъ въ воду; хорошо еще, что у него за поясомъ былъ топоръ, такъ отбился, да вышелъ изъ воды; шел-то вся была въ синихъ пятнахъ, какъ будто вотъ знать пять пальцовъ.»—Другой выдавъ, зимой еще, какъ онъ, сидя на краю проруби далекаго пруда, или озера, чесалъ зеленые волосы; и все это чудилось, разумется, въ пустомъ, далекомъ отъ жилья мѣстѣ, и все подъ вечеръ. Странно наше нехотѣніе, если можно такъ выразиться, пустоты; человекъ вездѣ хочетъ жизни, все хочетъ населить существами близкими къ своимъ понятіямъ; какъ-то несовмѣстно, не ладится съ людьми мысль о пустынь—нѣтъ людей, такъ пусть будутъ духи. И люди творятъ ихъ по своему образцу, даютъ имъ свои прилоги, свои страсти, и потомъ твердо вярять въ созданіе собственнаго воображенія, а сколько нищи для него въ тиши лѣсовъ, въ многочисленныхъ водахъ Оло-

нецкихъ! Явленія природы, причины которыхъ недоступны ограниченному уму крестьянина, онъ объясняетъ дѣйствіемъ духовъ. Такъ крестьяне толкуютъ по своему странный переходъ ряпушки изъ Пертозера въ Кончозеро, лежащее ниже на 4 саж., и отдѣленное отъ перваго узкою лентою земли. Водяники, говорятъ они, Кончозерскій и Пертозерскій, сосѣди, вышли на перешеекъ между своими владѣніями, гдѣ Кончозерскій чугунный заводъ, и отъ скуки стали играть въ карты. Кончозерскій былъ счастливъ и безпрестанно выигрывалъ у своего товарища. Пертозерскому осталось проиграть свою рыбу; онъ поставилъ ряпушку — и проигралъ. Съ досады, боясь проиграть послѣднее — воду, онъ кончилъ игру, и съ тѣхъ поръ въ Пертозерѣ не поймаешь и маленькой ряпушки — вся въ Кончозерѣ». Прибавляютъ еще, что видѣли многіе, какъ эти сосѣди пришли въ питейный домъ передъ игрой. — «Они, такъ же какъ и мы,» говорятъ крестьяне, «только бороды да глаза зеленые» — и Кончозерскій велѣлъ подать ведро вина и попотчевать сосѣда, а тотъ взялъ за ушки и выпилъ разомъ. Хитрецъ! напилъ, да и обыгралъ. — Не случается ли такъ и между людьми?

На рѣкѣ Сунѣ, у водопада, стояла мельница. Прибылою водою ее снесло, и вскорѣ за тѣмъ сильная буря вырвала множество деревъ въ окружномъ лѣсу. Мельникъ, говорятъ, испросилъ позволеніе у лѣсоваго построить мельницу, да забылъ, или, можетъ быть, и не хотѣлъ просить также и водянаго; вырубилъ сколько ему надобно было лѣсу и построилъ. Водяной обидѣлся, поклялся разрушить мельницу, и вотъ весною выбралъ время, вздулъ воды и мельницу сдвинулъ — колеса стали. Покровитель мельника узналъ о томъ, хотѣлъ отмстить за него, искалъ злодѣя и встрѣтилъ на водопадѣ; схватился бороться, *срудь съ срудью и рука съ рукой!* Покровитель, какъ защитникъ угнетеннаго, одолевъ противника, бросилъ его въ глубину пади и удалился, довольный своимъ торжествомъ. Злость взяла водянаго — собралъ бурю, пустилъ на лѣсъ и повалилъ цѣлую гряду деревьевъ. На-же вотъ тебѣ!

Осенью въ 1800 году, отъ безпрерывныхъ и сильныхъ дождей, чрезъ все почти лѣто, всѣ, даже и малыя рѣчки

выступили изъ береговъ и наполнили заводскій прудъ такимъ количествомъ воды, что плотина не устояла противъ напора; ее промыло и стремленіемъ снесло еще другія, ниже по рѣчкѣ Лососникъ устроенныя. Ну, это свершалась свадьба подземныхъ духовъ!

Такъ темная чернь заговорила.

Водяникъ Машезерскій сватался на дочери Онежскаго и вѣхалъ жениться, вотъ отъ того-то и снесло плотины!

Много говорили *за* и *противъ* существованія и явленія духовъ; нынѣ совершенно уже утѣрились, кажется, что мы не можемъ имѣть никакого дѣла и ни коимъ образомъ съ ними. Но вотъ обстоятельство, переданное, человѣкомъ, который былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ, и не имѣлъ никакой надобности забавляться легковѣріемъ другихъ, передавалъ необъяснимый фактъ своей жизни.

Въ молодости, 14 лѣтъ еще, онъ служилъ главнымъ прикащикомъ по питейному откупу въ С-ой губерніи. Контора перемѣстилась въ большой деревянный домъ, въ которомъ до тѣхъ поръ никто не жилъ—онъ былъ построенъ на оставленномъ кладбищѣ. «Я предложилъ откупщику,» говорить повѣствователь, «совершать еженедѣльно общую панихиду соборомъ о всѣхъ почившихъ братіяхъ. Недѣлю прожили благополучно; на другую сидѣлъ я долго вечеромъ, и вотъ только что легъ — слышу въ пустыхъ комнатахъ, примыкавшихъ къ моей, и отъ которыхъ ключъ былъ у меня, изъ самой дальней отворилась дверь, идетъ кто-то, и половницы скрипятъ подъ тяжелой ступнею; отворилась другая дверь, третья, все ближе и ближе ко мнѣ, брякнула цѣпочка у моей двери: кто тамъ?—нѣтъ отвѣта. Вотъ снова отпираются, слышу, двери одна за другою, опять брякнула цѣпочка, тотъ-же вопросъ и снова все тихо. Постой же, думаю я, ты вздумалъ шутить со мною—я проучу тебя! Дверь моей комнаты запиралась большимъ деревяннымъ засовомъ. Въ третій разъ, лишь только дотронулся постытель до цѣпочки — я выхватилъ засовъ, распахнулъ двери и давай махать на право и на лѣво, обошелъ всю соседственную комнату, въ другую, въ третью; отперъ другія комнаты—онъ къ удивленію были заперты,

и прошелъ, какъ новый Донъ Кихоть, всѣ ихъ, размахивая во всѣ стороны огромнымъ польномъ. Усталый, возвратился я, не найдя никого, въ свою комнату, но не могъ спать. Я не чувствовалъ страха, вдулъ огня и принялся за дѣла. Пришла суббота, день панихиды; соборомъ, какъ положено было, отпѣли, и вотъ на воскресенье, лишь только я заснулъ, вижу во снѣ, пришелъ старикъ, съдой, какъ лунь, борода большая, и говорить мнѣ: «Здорово, дитятко! Вотъ хорошо ты сдѣлалъ, что поминаешь покойныхъ, и за то спасибо тебѣ! Прощай, спи съ Богомъ!» Съ того времени, бывало, забуду я что нибудь сдѣлать, или записать, придетъ во снѣ старикъ и напомнитъ мнѣ; я проснусь, встану, запишу, а у меня всегда горѣла ночью свѣча въ мѣдномъ тазѣ, и опять засну. Такъ было четыре года, все то время, какъ я жилъ въ томъ кладбищенскомъ домѣ. Въ исходъ четвертаго вздумали мѣщане поколотить конторскихъ служителей, когда они будутъ дѣлать обходъ. Старикъ является и говорить: «Завтра пошли ты въ обходъ чловѣкъ 25-тъ; вели каждому сдѣлать по деревянной рукояткѣ на ремнѣ, или на веревочкѣ, да надѣть тулупы, а сверху армяки на распашку, и вели отъ конторы идти черезъ прудъ рѣчки Д. къ Д-му питейному дому; самъ выйди на крыльцо и посмотри что будетъ. Да если будетъ драка — бить подъ колыма, лежачихъ не бить, а засыпать снѣгомъ.» Сказано — сдѣлано. Только лишь наши вышли на средину пруда, а ночь такая свѣтлая, мѣсяцъ такъ и печетъ, вдругъ бьютъ на встрѣчу чловѣкъ до ста, съ колыма, и кричатъ: «Бей наповаль!» Наши за дѣло — по колу ударилъ — изъ рукъ вонъ; еще ударилъ и свалилъ; свѣгу въ лицо и за другаго; всѣхъ перебрали и замѣтали снѣгомъ, не получивъ ни одного удара, да съ псынями и пошли своей дорогой. Встали бѣдные молча, да и убрались во сволси, и ни жалобъ, ни исконь; все запало, какъ будто ничего и не было.

«Въ другой разъ, при исходѣ откупа, городничій, стряпчій, исправникъ и увѣдннй казначей хотѣли, какъ я послѣ узналъ, захватить письменные документы конторы. Старикъ является и говорить: «Завтра ты пойдешь въ вечеру съ отличкою изъ К. питейнаго дома; зайди къ своей теткѣ и побудь тамъ, пока за тобой придутъ, а въ передней, пе-

редь конторой, посади человекъ шесть здоровыхъ, чтобы никого не впускали — но не драться!» Дверь въ контору была заперта висячимъ замкомъ; прїѣхали незваные гости — къ замку, но люди не допустили; схватились за шпаги, но тѣ отняли, приговаривая: «И, батюшка, Петръ Ивановичъ! гдѣ вашему высокоблагородію насъ бить; повѣжайте-ка домой!» — «Ну, ребята, не трусливого десятка! Мы пошутили, дайте назадъ шпаги!» — и съ тѣмъ уѣхали.

«Послѣ я былъ прикащикомъ у В. купца Л—ва. Онъ отправилъ караванъ съ хлѣбомъ, на 40 стругахъ, въ Ригу; 20 спустили къ пристани для выгрузки, а съ остальными я еще оставался въ дорогѣ. Вотъ однажды, къ утру ужъ, солнышко не всходило еще, а мы были на ночлегъ; я, по обыкновенію, не спалъ всю ночь, осматривая суда: отливаютъ ли воду, все ли люди по мѣстамъ.... Меня клонить сонъ, съѣлъ лишь на лавку и заснулъ. Вдругъ является мой старикъ и говоритъ: «Быги къ такому-то стругу; тамъ сей часъ откроется течь; вели подтянуть нарусь и законотпатить хорошенько—скорѣ!»—Я мигомъ проснулся, и лишь подоспѣлъ къ судну, вдругъ началъ бить изъ него фонтанъ, сажени въ двѣ, въ руку толщиною; въ ту же минуту велѣлъ я подтянуть рогожи, и судно было спасено.»

Такъ рассказываетъ онъ и теперь про былое.

Одно изъ повѣрій, существовавшихъ здѣсь въ Олонецкой губерніи, порождено, кажется, самою мѣстностію: все горы и горы, дали, можетъ быть, начало мысли, что на томъ свѣтѣ надобно будетъ лѣзть черезъ высокую и крутую гору; потому-то, когда обрываютъ ногти, то ~~мадутъ~~ мадутъ ихъ за пазуху, или собираютъ въ бумажку, въ той вѣрѣ, что на томъ свѣтѣ они прирастутъ. — «Пригодятся тамъ» — говорятъ. «Чѣмъ же захватнись, какъ ползешь на гору-то?» — Прибавляютъ къ тому, что воръ, укравшій одно лицо, долженъ будетъ лѣзть черезъ гору, имѣющую видъ лица.

Умирающихъ перекладываютъ съ перины, если она есть только, на солому. «Душа вѣдь должна будетъ дать отвѣтъ за каждое перышко.» — Да, какъ же, если кто трудно умираетъ? «Все таки положить надобно непременно на солому—душа сей часъ распростается.»

Замѣчательнъ обрядъ поминовенїа, совершаемый здѣсь

иногда поселянами. Цѣлой деревней назначаютъ день, даютъ знать священнику, и налагаютъ на себя постъ. За два, или за три дня до срока, собираются къ кому нибудь, у кого большая изба, и начинаютъ стряпню; но ею занимаютъся гости, а хозяева выдаютъ только припасы и ходятъ по всемъ угламъ, съ плачемъ и причитываньемъ. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцѣ, другою въ свняхъ, третій въ горницѣ, и толпою передъ домомъ идутъ священника. «Вотъ и батюшка! Вонъ и мой покойничекъ идетъ; вонъ и дядюшка Сила Пахомычъ; вотъ и тетюшка Окла Спиридоновна. Вотъ и тотъ-то, и тотъ-то»... говорятъ они, представляя, что за священникомъ идутъ ихъ покойные родственники.—«Вы устали родные; далеко вѣдь; покусайте же, пожалуйста, маленько чего нибудь съ дороги,» — говорятъ потомъ, когда воображаемая толпа духовъ войдетъ съ священникомъ на крыльцо. «Батюшка, просимъ откусить чего нибудь.» Священникъ покусаетъ немного; потомъ опять снова закуска въ свняхъ; наконецъ двери растворились въ избу — все входитъ. Хозяинъ, обращаясь къ покойникамъ, говоритъ: «Чай вы забыли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ-то не тепло можетъ было — погрѣйтесь, родные, на печкѣ.» И когда по его мнѣнію все души заберутся туда, живые садятся за столъ. Наконецъ, передъ киселемъ, когда, по обыкновенію, должно пѣть *вспную память*, хозяинъ открываетъ окно, выпускаетъ изъ него на улицу холстъ и обращается снова къ покойникамъ на печкѣ: «Теперь вамъ пора бы домой, да ножки у васъ устали; не близко вѣдь было идти; вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ!» И когда все души выберутся въ окно, онъ запираетъ его, и тогда ужъ поютъ *вспную память*. Для такого обряда, обыкновенно, поселяне выбираютъ урожайный годъ.

Слезы и смѣхъ, горе и радость близкіе сосѣди въ жизни — вотъ вамъ и свадебные здѣшніе обряды. При женихъ находятся двое *дружекъ*, двое или трое *бродгъ* (?) изъ женщинъ, и двое наиболее важныхъ для свадьбы: *тысячкій* (крестный отецъ жениха) и *кльтникъ*, охраняющій новобрачныхъ отъ порчи, ночью развѣзая вокругъ дома, гдѣ спятъ молодые. Все прочіа лица, участвующія въ свадьбѣ, называются *повѣжанами*. Когда невесту просватаютъ,

она плачетъ, и подходя къ гостямъ собираетъ деньги; на вечеринкѣ, передъ *вѣнцомъ*, становятся родные вокругъ стола, жениховы съ одной, невестины съ другой стороны — это называется: *показывать невесту*. Жениху и невестѣ подають по рюмкѣ вина, и тотъ старается изъ своей рюмки влить въ рюмку невесты, и если успеетъ, его одобряють крикомъ. При отпращиваніи въ церковь, обвязываютъ дружекъ холстомъ, для отличія отъ другихъ; жениху даютъ кремень и огниво, и обвязываютъ его сѣткою, а невесту, уже одѣтую къ вѣнцу, сажаютъ на квашню. Возвратясь изъ церкви, приводятъ молодыхъ въ домъ къ жениху, гдѣ бываетъ обѣдъ, называемый *кнлжмь*, и женихъ носитъ тогда имя *кнлжя*. — Послѣ стола спрашиваютъ у гостей: *хороша ли молодал?* Иногда случается слышать въ толпѣ: *старал лучше*. — На другой день ведутъ молодыхъ въ баню, съ пѣснями, при ружейныхъ выстрѣлахъ, и пока они моются, бьютъ горшки и съ пѣснями пляшутъ вокругъ бани. Молодые *вдутъ*, или идутъ потомъ къ невестинной матери, *лишницу псть*.

Уздный городъ Олонецъ получилъ начало во время царствованія Алексія Михайловича. Олонецкій антикварій * говоритъ такъ объ основаніи города:

«По мѣстоположенію и выгодамъ въ Олонецкихъ предѣлахъ многочисленныхъ строевыхъ и прочихъ лѣсовъ, удобной земли для хлѣбопашества, сѣнокосныхъ, еще дикихъ неочищенныхъ и необработанныхъ, въ дѣбряхъ и дубравахъ лежащихъ втунѣ мѣстъ, снабдѣнныхъ отъ Провидѣнія, протекающихъ и впадающихъ въ Ладожское озеро рѣкъ, воспріали по разлившимся слухамъ, о семъ (единими звѣрми и дикими птицами, обитающими въ пустынномъ убожищѣ) изъ многихъ странъ, принадлежавшихъ до покоренія Великаго Царя Іоанна Васильевича Новагорода, во времена настоящаго княжескаго владѣнія и правленія, вѣдомству Новгородскому, и изъ Святозерскихъ жителей крестьянъ, Петръ Дементьевъ Вороновъ съ товарищи, воспріали переселиться и водвориться на вышесказанномъ мѣстоположеніи, въ составъ уже населяющагося общества.

* Утеръ-шихтмейстеръ Баладинъ. Рукопись его, любопытная по слогу, находится въ библиотекѣ Александровскаго завода.

По каковому благоразумному и обдуманному предпріятію, рѣченный Вороновъ, призываетъ въ помощь Всесодѣйствующаго Бога силъ, соединясь съ товарищами, и взявъ съ собою семейство, имущество, скотъ и все хозяйственные и земледѣльческіе инструменты и пожизненный провіантъ, стремительно пустились въ надлежащій путь. И по прибытіи, избравъ удобное мѣстоположеніе и расположась, устроили съ сообщившимися товарищами дома, со всякою домостроительною принадлежностію. А за симъ уже устроениемъ, избравъ преудобныя и способныя къ земледѣльству и плодотворенію полезныя земли, и по очисткѣ и удобренію, съ прилежнымъ раченіемъ распахавъ, засѣли обширныя нивы, съ приспособленіемъ сѣнокосныхъ луговъ. По исполненіи дѣятельнаго и похвальнаго предпріятія, сообразуясь новоселенцы съ правилами христіанской жизни, устроили по благочестію молитвенную каплицу, въ коей по совершаемой ихъ молитвѣ, Всевышній Богъ благословилъ ихъ начало переселенія и продолжаемое жительство, изобильнымъ плодомъ, какъ въ преумноженіи дѣтороденія, спокойныхъ, постоянныхъ и трудолюбивыхъ семействъ, скотоводства, равно и хлѣбнымъ урожаемъ, и луга испещренными благоухающими цвѣтами и зеленомиловидною муравою, въ озерахъ и рѣкахъ питательною разнородною рыбою, и на одежду и производство промысловъ, добычею звѣрей и пернатыхъ воздушныхъ птицъ, слѣдующихъ на пищу народную. По каковымъ интереснымъ и обогащеннымъ и преизобильнымъ выгодамъ, промчался и паки развѣянный слухъ въ окрестныхъ и отдаленныхъ странахъ, съ привлекательнымъ и плѣнительнымъ побужденіемъ: оставить свои не аванжныя отчизны и слѣдовать непременно въ благоустроенныя и зидимыя предѣлы, къ поселившимся мирнымъ и благопріемнымъ жителямъ. Съ каковымъ благонамѣреніемъ воспріало вожделенный надеждою, аки цвѣтами осыпанный, путь, съ семействами и пожитками, скотомъ, и со всеми земледѣльческими и къ строенію принадлежащими орудіями, и прибыли благополучно въ назначенныя судьбою имъ мѣста, и поселились въ согласное сообщество первопоселенцевъ, къ составленію и преумноженію народонаселенія, могущаго по примѣру устроившихся городовъ, войдти въ подобную же степень

и видѣ къ полезнымъ выгодамъ благословенной Россіи. И тако тогда стекшіяся и собравшіяся, поселившіеся изъ разныхъ мѣстъ народъ, взирая на содѣлавшіея труды и подвиги, на первоначально поселившейся благопріемлющей ихъ въ сословіе и общежительство своей братіи, ревностно и усердно устремились по построению при имѣющихся протекающихъ рѣкахъ, домовъ, со всею къ онымъ хозяйственной принадлежностию, къ продолженію жительства, по удобнѣйшему и способнѣйшему мѣстоположенію, къ дѣлопроизводству, рубкою лѣсовъ, очисткою и жженіемъ оныхъ, и потомъ, окончавши, въ топкихъ болотахъ провели глубокіе рвы, для стеченія воды, ко отсушенію хлѣбопахатныхъ земель и луговъ, и такимъ содѣйствіемъ приобрѣли, по приложеннымъ трудамъ своимъ, интересныя и полезныя вотчинныя владѣнія, на конхъ основали и произвели свое земледѣльческое хлѣбопашество, съ полученіемъ избилія, къ составленію и продолженію ихъ благополучной и счастливой жизни, къ наслѣдственному владѣнію въ послѣдующее изъ рода въ родъ потомство.»

Переселенцы выстроили потомъ церковь, а въ 1627 г. присланы были изъ Москвы Панинъ и Кошылъ для переписки жителей и распределенія земель; притомъ нѣкоторые изъ крестьянъ записались въ Олонекій посадъ, по приглашенію Панина.

Олоонецъ, деревянный, обведенный деревянною стѣною, былъ истребленъ пожаромъ, и въ 1680 году возобновленъ по указу Царя Алексія Михайловича.

Г. ЕПИФАНОВЪ *.

Петрозаводскъ.
8-го Февраля 1859.

—

* Просимъ почтенную особу, приславшую сіи любознательныя замѣтки объ Олонекій сторонѣ, продолжить ихъ, какъ намъ обѣщала доставившій сію статью.
Р. С. О.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ ЗОРІАНА ДОЛУГИ- ХОДАКОВСКАГО.

Жаль, что до сихъ поръ никто не описалъ жизни и трудовъ Ходаковского — оригинала, добраго, страннаго и достойнаго памяти. Я коротко зналъ его, любилъ, и у меня сохраняется собственноручная его записка объ его жизни, которую просилъ я составить мнѣ для воспоминанія нашей дружбы. Предлагаю здѣсь упомянутую записку, слово въ слово. Вотъ что написалъ мнѣ Ходаковский:

«По требованію вами отъ меня формулярнаго списка, сообщаю оный, но мѣрь сколько могу упомянуть мою маловажную біографію, ибо не имѣю съ собою нужныхъ бумагъ къ тому.

«1784 года, 23 Декабря, родился я въ селѣ Комовѣ, въ Холмской землѣ, которая по послѣднему раздѣленію Польши перешла во владѣніе Австрійское, и заключалась въ Новой Галиціи, а съ 1809 года принадлежитъ къ Герцогству Варшавскому, послѣ переименованію въ Царство Польское. — Родители мои были дворянскаго состоянія, Яковъ и Анна (Кореневская) Долуга-Ходаковскіе. Они въ томъ селѣ имѣли небольшое владѣніе, состоящее въ 7-ми дворахъ крестьянскихъ; 1790 года, по смерти отца моего, мать моя завезла меня на Волинь къ дядьямъ и природнымъ опекунамъ мовымъ; одинъ изъ нихъ, Антоній Ходаковский, бывшій судья повѣтовый Кременецкій, владѣвшій имѣніемъ Михалковцами въ Острожскомъ повѣтѣ, отдалъ меня въ училище Межирецкое Ксендзовъ Піяровъ. 1803 года окончилъ я сіе училище. 1804 года возвратился я въ Новую Галицію, гдѣ по смерти моей матери долженъ я былъ управитъ разстроенное хозяйство, уплатить долги, и ради того въ будущемъ году 1806-мъ продалъ оное вѣчно. Отъ 1806 до 1810 года, въ Волинской Губернской Гимназіи въ Кременцѣ, которая на особенномъ положеніи, слушалъ наукъ въ вышнихъ курсахъ, и по оныхъ, 1810 года, въ осени, похалъ къ родственникамъ моей матушки въ Холмскій повѣтъ, и послѣ въ Варшаву, гдѣ я опредѣлился въ полковую военную службу. По же-

ланію моему, я былъ назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ, стоявшій въ Пруссіи, и послѣ на предѣлахъ Пруссіи. 1811 года, въ Бытгощи, произведенъ я былъ въ адъютанты подполковника. 1812 года въ подпоручики. Въ войнѣ, открывшейся противъ Россіи, я былъ въ корпусѣ Маршала Макдональда, въ Курляндіи, и оттуда отправленъ въ Москву. Въ ретирадѣ, подъ Борисовымъ, взявъ въ плѣнъ однимъ отрядомъ казачьимъ, и заведенъ въ Черниговъ, гдѣ по разнымъ мѣстечкамъ содержался я съ прочими плѣнными. Послѣ того, какъ Государь Императоръ, всемилостивѣйшимъ манифестомъ своимъ, уволилъ всѣхъ Полковъ изъ плѣна, возвратился я на Вольты. Бывъ прежде свидѣтелемъ величайшихъ событій, скучая въ невѣзвѣстности, я искалъ утѣшенія въ книгахъ, полюбобытствовать знанью начала того государства, которое менѣ всѣхъ намъ было извѣстно, и столь сильно дѣйствовало въ нашихъ глазахъ; къ тому же послѣ присоединилась надежда, что Славянскіе народы отнынѣ могутъ болѣе и болѣе возвращаться въ первобытное свое единство, я занялся извѣстнымъ изслѣдованіемъ.»

Остальная жизнь Ходаковского извѣстна. Посвятить малыя средства свои любимой мечтѣ — изслѣдованію первобытной исторіи Славянъ, по слѣдамъ, какіе сохранились на землѣ, нѣкогда ими обитаемой, въ 1819 году представилъ онъ обширный планъ путешествія по Россіи и Славянскимъ землямъ. По одобренію Карамзина, планъ былъ принятъ. Ходаковскому опредѣлена сумма на издержки. Онъ отправился, осмотрѣвъ мѣста около Ладоги, Новгорода, Твери, и провѣхалъ до Москвы. Здѣсь было ему отказано въ выдачу денегъ, ибо отчеты его найдены неудовлетворительными. Онъ увлекся своею системою *городищъ*, которая хотя и не была лишена нѣкоторой истины, но была уже слишкомъ односторонна. Въ Москвѣ, въ 1822 году, познакомился я съ Ходаковскимъ. Онъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и принужденъ былъ наконецъ принять на себя должность управителя у Тверскаго помѣщика, земляка своего. Тамъ, въ концѣ 1825 года, почилъ его кость....

н. полевой.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЛОНДОНѢ.

(Статья вторая.)

Во всѣхъ достопримѣчательностяхъ Лондона, которыя удалось мнѣ посвятить въ продолженіе моего краткаго пребыванія въ сей многолюдной столицѣ обширной торговли, я замѣтилъ отпечатокъ богатства и благосостоянія, которыми пользуется высшій торговый классъ въ Лондонѣ. Большая часть коммерческихъ, богоугодныхъ, ученыхъ и увеселительныхъ заведеній основаны на акціяхъ; отъ того-то все такъ богато, все такъ изящно. Прекрасный *Зоологическій садъ*, составляющій часть одного изъ богатѣйшихъ, *Регентова парка*, строеннаго во время регентства Георга IV-го, можетъ послужить примѣромъ дѣйствія, производимаго соединеніемъ капиталовъ нѣсколькихъ лицъ; въ этомъ саду, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ, всѣ роды животныхъ, четвероногихъ и двуногихъ, млекопитающихъ и позвоночныхъ, и сверхъ того множество рыбъ и птицъ. Тамъ показываютъ любопытному посетителю всякаго рода земныхъ и небесныхъ тварей, начиная отъ огромнаго слона, верблюда, льва, тигра и Русскаго медвѣдя, до самыхъ красивыхъ птицъ, уроженцовъ южныхъ климатовъ. Но разительный примѣръ богатства, рѣшимости и предприимчивости Англичанина есть, конечно, подводный проѣздъ подъ Темзою, или *Туннель*. Послѣ многихъ неудачъ, исполнительское предпріятіе это наконецъ доведено до того, что уже болѣе двухъ третей всего труда окончено, и остается только дорыть 150 футовъ подъ водою, что совершенно обезопаситъ подводный ходъ отъ вторженій стихій, которая одна не покорствуется предприимчивой волѣ человека. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ издержки, употребленныя на столь огромное дѣло, выкупятся доходами, которые уже и теперь составляютъ контрибуціи, собираемыя съ любопытныхъ посетителей у входа въ Туннель. Число ихъ всегда будетъ чрезвычайно велико, въ городѣ, населенномъ почти двумя милліонами жителей, и гдѣ число ежедневно пріѣзжающихъ путешественниковъ простирается до сорока ты-

слѣсь. Говоря, что расходы выкупятся одними контрибуціями, собираемыми съ почитителей, замѣчу, что въ Лондонѣ ничего не увидишь безъ платы, начиная съ церкви Св. Павла до городскихъ тюремъ, и съ Королевскихъ дворцовъ до простой пивоварни.... А, кстати! Кто не пилъ прекраснаго Англійскаго пива и портера, и будучи въ Лондонѣ, не пожелаетъ посѣтить знаменитѣйшей въ свѣтѣ пивоварни Барклея? — Нельзя не полюбопытствовать увидѣть его заведеніе, когда съ утра до вечера встрѣчаешь во всѣхъ улицахъ Лондона возы, плотно набитые огромными бочками пива и портера. Пользуясь за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ прекрасными произведеніями Барклея, нельзя не пожелать: узнать всѣ процессы, которымъ они подвергаются до появленія своего въ бутылкахъ на нашемъ столѣ. И заведеніе Барклея вполне заслуживаетъ вниманіе путешественника. Въ немъ найдетъ онъ сѣдущаго проводника, который, за умѣренную плату, охотно согласится показать ему всѣ операціи, коимъ подвергаются хлѣбъ и хмѣль, начиная отъ высушиванія солода до броженія, и разливки пива и портера въ бутылки. Впрочемъ, выдѣлка портера занимательна только для любителей сихъ напитковъ, а потому перехожу воспоминаніями къ предмету болѣе общему.

Между тѣмъ, какъ въ Петербургъ все думало о Павловскомъ Воксалѣ, и пестрѣя толпы моихъ соотечественниковъ носились туда по желѣзной дорогѣ, далекой отъ Россіи, я вспоминалъ объ увеселеніяхъ и пріятностяхъ северной столицы, и принимая участіе въ удовольствіяхъ чуждой мнѣ націи, вхалъ въ Воксалъ, который отъ Лондона находится на разстояніи равномъ Екатерингофу отъ Петербурга. Его великолѣпная галерея горѣла богато иллюминированными колоннами; въ саду гремѣла музыка; тамъ театръ на открытомъ воздухѣ привлекалъ множество любопытныхъ; здѣсь ракеты, улетая въ темный сводъ неба и внезапно освѣтивъ его, низпадали, рассыпаясь въ прахъ, какъ будто низвергнутыя съ высоты нечаяннымъ ударомъ густаго облака; тамъ сыпались огненные фонтаны, букеты и колеса; вдругъ воздвигался и внезапно разрушался блистательный храмъ счастья — прекрасная эмблема его непостоянства!... Толпы гуляющихъ оживляли

садъ пестротою своею, и садъ, то освѣщаемый магическимъ свѣтомъ разноцвѣтныхъ лампъ, то облитой мгновеннымъ сіяніемъ ракеты, казалось, нѣсколько приближался къ идеалу, въ какомъ представляемъ мы себѣ волшебные сады. Все соединилось въ немъ, чтобы сдѣлать изъ него мѣсто очаровательное. Одни рдѣющіе ряды разноцвѣтныхъ огней, украшающіе подъ разными формами прекрасныя галереи Воксама, откуда вѣтеръ разноситъ душистый ароматъ плодовъ и изысканной пищи, вмѣстѣ съ звуками музыки, и огненные и водные фонтаны, и ракеты, стремящіеся въ твердь небесную, подъ различными формами цвѣтовъ и букетовъ, не достаточны ли сдѣлать пустыню очаровательною?... Гуляющихъ было много, много потому, что народонаселеніе Лондона чрезвычайно велико; вездѣ и во всякое время дня, на всѣхъ улицахъ, встрѣчаются толпы народа, и тѣмъ большее число ихъ стекается въ мѣста увеселительныя. Но великое народонаселеніе часто приноситъ большіе вредъ, нежели пользы; въ такихъ обществахъ нельзя ожидать той восхитительной чистоты и простоты нравовъ, которыя отличаютъ селенія и неважные города. И такъ пусть не удивится Русскій путешественникъ, посѣщая въ Лондонѣ городскія тюрьмы и найдя ихъ наполненныя ворами, бродягами и негодяями, отъ семи до семидесяти лѣтъ!.... — Не смотря на строгую полицію, покражи и грабежи въ Лондонѣ повсемѣстны. Горе тому, кто входитъ въ театръ, или воксалъ, не послушаетъ предостереженія частнаго пристава: Take care your pocket (береги карманъ!) ибо ему вырвѣжутъ его карманъ, вытащатъ изъ него часы, отрѣжутъ фалды, скрывающія платокъ, табакерку, и все такъ искусно, что онъ не замѣтитъ своей потери, пока воръ не будетъ совершенно вѣдъ опасности быть пойманнымъ.... Горе и тому, кто одинъ отважится ходить ночью по закоулкамъ и узкимъ улицамъ Лондона! Но покражи, болѣею частію, происходятъ отъ того, что при ужасной дороговизнѣ, какъ мануфактурныхъ, такъ и земледѣльческихъ произведеній, бѣдность черни въ Англійи чрезвычайна. Хотя въ Лондонѣ строго запрещено скитаться нищимъ, но полиція не успѣваетъ смотрѣть за ними, и въ окрестностяхъ столицы, гдѣ нѣтъ вовсе присмотра, ихъ встрѣчаютъ толпами. Какъ Правительство, такъ и

Т. VIII. — Отд. VI.

многія частныя лица дѣятельно заботятся объ умноженіи богоугодныхъ заведеній и улучшеніи состоянія страдающаго человечества. Изъ такихъ я посѣтилъ *Гаеву больницу* и *Гринвичскую госпиталь*. Первое изъ сихъ заведеній существуетъ уже болѣе ста лѣтъ, и поддерживается доходами съ капитала, пожертвованнаго докторомъ Гаемъ, который, посвятивъ всю жизнь свою на пользу немощныхъ и страждущихъ собратій, обезсмертилъ имя свое благимъ употребленіемъ богатства, добытаго его искусствомъ. Пять сотъ сорокъ человекъ постоянно пользуются безъ платы скорымъ вспомоществованіемъ и излеченіемъ въ больницу, основанной благотворительнымъ медикомъ.

Примѣромъ того, какъ въ Англіи вознаграждаются труды, понесенные для отечества, можетъ послужить учрежденіе великолѣпной морской госпитали для 2,700 матросовъ-ветерановъ, которые успокоены и обезпечены тамъ въ безпріютной старости.

Много потерялъ тотъ, кто, бывши въ Лондонѣ, не похалъ по желѣзной дорогѣ въ Гринвичъ.

Юля 6-го, посвятивъ утро обзору нѣсколькихъ достопримѣчательностей Лондона, я отправился туда, и отобѣдавъ въ прекрасной тавернѣ, расположенной на возвышенномъ мѣстѣ, откуда взорамъ моимъ представлялся живописный видъ Темзы, оживленной безпрестаннымъ движеніемъ париходовъ, пріѣзжавшихъ изъ Лондона и переносившихъ въ Гринвичъ пеструю толпу посѣтителей, я поспѣшилъ обозрѣть великолѣпное зданіе морской госпитали, гдѣ между тѣмъ посылалися колокольчикъ, который однообразнымъ звономъ сзывалъ инвалидовъ къ ужину. Толпы ихъ, дотогъ разсыпанныя на площади, начали соединяться, и наконецъ все устремилися нестройною массою въ столовую залу. Мы послѣдовали за ними, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на храбрыхъ защитниковъ отечества, изъ коихъ иные бытъ можетъ носить подъ сѣдинами своими слѣды славной Трафальгарской битвы. — Старинный костюмъ, напоминающій времена Георга III-го, придаетъ имъ особенно почтенный видъ. Англичане вообще не любятъ *нововведеній*, или, лучше сказать, *измѣненій*. Оно и хорошо, но не всегда. При обходѣ залъ и дортуаровъ, инвалиды съ умиленіемъ показали мнѣ мундиръ и шляпу,

на которыхъ сохранились слѣды Нильской и Трафальгарской битвы: то и другое принадлежало великому Нельсону. Вообще, обозрѣвая прекрасное Гринвичское заведеніе, я восхищался спокойствіемъ, какимъ здѣсь пользуются достойные сыны отечества и славы. Посѣщая Гринвичскую госпиталь, часто переносился я воспоминаніями въ Чесменскій дворецъ, который повелѣніемъ Отца - Монарха, превращенъ въ домъ призрѣнія для ветерановъ, посвятившихъ лучшіе годы жизни службѣ Царя и Отечества!..... Но въ учрежденіи Гринвичской госпитали рѣзко отражается характеръ Англичанъ, любящихъ пышность, богатство и громкую славу, — и Гринвичское заведеніе, при всемъ своемъ великолѣпнн, есть одно изъ малаго числа ему подобныхъ въ Англіи, а между тѣмъ въ Россіи дома призрѣнія и богадельни повсемѣстны.

Говоря о Гринвичѣ, не могу не упомянуть о славной *Гершелевой обсерваторіи*, расположенной здѣсь на живописномъ возвышеніи, откуда, по словамъ моего проводника, весьма удобно дѣлать метеорологическія наблюденія. Но объ этомъ только *въ скобкахъ замѣтаю*, и, пересказавъ, что видѣлъ я въ Англіи изъ заведеній, въ конхъ вознаграждаются заслуги отечеству, скажу нѣсколько словъ о тѣхъ, которые необходимы въ каждомъ обществѣ, какъ средства исправительныя, прекращая распространеніе зла и пороковъ. Проникая съ юношескимъ любопытствомъ во все достопримѣчательности Лондона, я посѣщала все, что могъ, начиная съ великолѣпныхъ дворцовъ, до мрачныхъ мѣстъ заточенія преступнаго человечества. Долго не могъ я рѣшиться посѣтить городскія тюрьмы, представляя себѣ ихъ мѣстомъ ужасныхъ страданій, но, наконецъ, руководимый правиломъ, что *лучше видѣть все, нежели ничего*, я объявилъ своему лонь-лакею о странномъ моемъ желаніи. — Онъ согласился немедленно удовлетворить его, и проводилъ меня въ *Ньюгетъ* (Newgate), за высокими и зубчатыми стѣнами коего скрываются разнаго рода преступники, пока приговоръ ихъ не произнесенъ. Отсюда отсылаютъ ихъ въ Ботанибей, народонаселеніе коего должно чрезвычайно возрастать, судя по множеству узниковъ, наполняющихъ Ньюгетъ. Представляя себѣ цѣпи неотлучною принадлежностью тюремнаго заключенія,

я былъ крайне удивленъ, не видя ихъ ни на одномъ изъ затворниковъ, которые свободно расхаживали по чистымъ и свѣтлымъ комнатамъ. Только особенно тяжкимъ преступникамъ и приговореннымъ къ смерти отводятъ отдѣльные покои. Но въ продолженіе полугода не было такихъ узниковъ въ Ньюгетъ, хотя такое событіе скорѣе показываеъ смягченіе строгости законовъ, нежели улучшение нравственности. Преступниковъ не менѣе прежняго, и число женщинъ не менѣе числа мужчинъ, если еще не превосходитъ его. Хвала и честь образованнымъ Англичанкамъ!... Онѣ являются въ Ньюгетъ, какъ утѣшительницы женщинъ, недостаточное образованіе конхъ свергло несчастныхъ въ пропасть порока. Объясняя имъ Священное Писаніе и догматы вѣры и нравственности, онѣ нерѣдко успѣваютъ въ добромъ намѣреніи, заставляя ихъ сожалѣть и каяться въ своихъ проступкахъ. Хотя раскаяніе уже не можетъ отвратить наказанія, коимъ грозитъ законъ, но, водворивъ въ сердца преступной женщины правила вѣры и нравственности, готовятъ въ нихъ добродѣтельныхъ матерей будущему поколѣнію обитателей Ботанибел.... Хвала и честь благотворительницамъ, страждущаго чело- вѣчества, съ пользою употребляющимъ плоды образованія и воспитанія, коими надѣляли ихъ знатное происхожденіе и достаточное состояніе! Подобно ангеламъ-утѣшительницамъ, онѣ просвѣщаютъ понятными вѣры и нравственности умы тѣхъ, кого судьба лишила способовъ приобретенія сихъ сокровищъ, а недостаточное образованіе и незна- ніе свергли въ бездну золь и несчастій!...

Отечественныя известія.

Мая 13-го, въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ объявлено о назначеніи Демидовскихъ премій на нынѣшній годъ. Полныхъ премій удостоены два сочиненія: прѣвосходное произведеніе О. Іакинѣа, его *Китайская Грамматика*, и сочиненіе Барона Медема: *Руководство къ Тактикѣ*. Вторая половина полной премии выдана за 2-й и 3-й томы сочиненія г-на Фальдермана: *Фауна ентомологическая Транскавказія*. Половинныя премии назначены за пять сочиненій: *Изображеніе характера и содержанія Но-*

вой Исторіи, г-на Шульгина; *Курсъ практической Механики*, г-на Ястржембскаго; *Монографія о летеціи паломошнотныхъ грыжъ*, Доктора Грума; *Военно-походная Медицина*, г-на Чаруковскаго; *Курсъ Земледѣлія*, Г-на Усова. Наконецъ, пять сочиненій удостоены почетнаго отзыва: *О началѣ равновѣсія и движенія*, г-на Янища; *Собраніе задачъ и предложеній, относящихся къ линіямъ второй степени*, г-на Бруна; *Das Liv-und-Estländische Privatrecht*, Г-на Бунге; *Священная Исторія для дѣтей*, г-жи Зоннтагъ, и *Опытъ описанія Олонецкой Губерніи*, г-на Бергштрессера.

Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, 1-го Марта, повелѣно: соединить находящіеся при Оберъ-Прокурорѣ Святейшаго Синода Отдѣленія Духовныхъ дѣлъ Православнаго и Греко-Уническаго Исповѣданій въ одинъ составъ, въ слѣдствіе чего опредѣленъ новый штатъ его Канцелярїи (изъ 53-хъ чиновниковъ, съ выдачею на жалованье и расходы 105,190 рублей въ годъ). — Другимъ Высочайшимъ указомъ, того-же Марта 1-го, уничтожается, бывшая доннынъ при Синодѣ, Коммиссія Духовныхъ Училищъ, и учреждается при немъ Главное Духовно-Учебное Управленіе; контроль его передается Хозяйственному Комитету при Синодѣ. Новое Управленіе «несетъ на себя отвѣтственность исполнительную по Духовно-Учебнымъ дѣламъ, заведывая и Духовно-Учебнымъ хозяйствомъ». — Высочайшимъ указомъ, 15-го Марта, увеличены составъ и содержаніе Римско-Католической Духовной Коллегіи. Въмѣсто 24,165 рублей, нынѣ на нее отпускаемыхъ, штатъ опредѣляется въ 51,150 рублей. — Въ тотъ же день возведенъ въ достоинство Архіепископа Могилевскаго и Митрополита всѣхъ Римско-Католическихъ Церквей въ Россіи Епископъ Игнатій Павловскій, предсѣдательствующій въ упомянутой Коллегіи.

Высочайшимъ указомъ, отъ 22-го Марта, повелѣно учредить при Казанскомъ Университетѣ кафедру Армянскаго языка, съ званіемъ Ординарнаго Профессората, и жалованьемъ по 4000 рублей и квартирными по 500 рублей.

Высочайше утверждено положеніе о стипендіяхъ, какіе предполагались изъ собраннаго помята юбилея нашего знаменитаго поэта И. А. Крылова, капитала. Съ дополненіемъ изъ Государственнаго Казначейства, капиталъ сей составилъ 60,000 рублей. На доходы съ сей суммы, 2,850 рублей, положено содержать *трехъ* воспитанниковъ въ Гимназіяхъ; они избираются самымъ г-мъ Крыловымъ, и именуются *Крыловскими*, а по вступленіи ихъ въ Университетъ, получаютъ до выхода изъ него по 800 рублей на содержаніе. Такъ имя нашего поэта сохранится навсегда въ живомъ памятникъ благотворенія, цѣлью коего будетъ поощреніе недостаточнаго юношества къ просвѣщенію и наукъ.

Обнародовано точнѣйшее и полное извѣстіе о числѣ верстъ по Московскому шоссе, въ нынѣшнемъ, совершенно оконченномъ его состояніи. Выходитъ, что противъ прежняго пути въ Москву сокращенъ 47-ю верстами, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторые большія станціи раздѣлены на малыя, такъ, что нынѣ разстояніе отъ Москвы до Петербурга составляетъ только 674 версты, раздѣленныя на 37-мь переездовъ, или станцій; изъ числа ихъ вновь учреждены отъ Петербурга: между Петербургомъ и Ижорою *Четыре Руки*; между Тосною и Помераньемъ *Рябово*; между Зайцовымъ и Крестцами *Мошля*; между Едровымъ и Хотилковымъ *Макарово*; между Хотилковымъ и Вышнимъ Волочкомъ *Васмарь*; между Вышнимъ Волочкомъ и Выдропускомъ *Колоколенка*; между Выдропускомъ и Торжкомъ *Будово*; между Торжкомъ и Мѣднымъ *Миронецъ*; между Тверью и Городнею *Эмлаусъ*; между Подсолнечною Горюю и Черною Грязью *Дурыкино*, и между Черною Грязью и Москвою *Химки*.

Марта 29-го, Высочайше утверждено положеніе о выпускѣ вновь билетовъ Государственнаго Казначейства на *тридцать милліоновъ* рублей, на прежнемъ основаніи.

Указомъ Сената, отъ 17-го Апрѣля, повелѣно въ судебное дѣлопроизводство по Ахалцхской и Музульманской провинціямъ и по Армянской области ввести употребленіе гербовой бумаги.

Читатели наши, конечно, слышали о необыкновенномъ природномъ дарованіи Курскаго жителя, *Федора Алексѣевича Семенова*. Мѣщанинъ, и, по ремеслу отцовскому, бывшій нѣкогда мясникъ, онъ, съ юныхъ лѣтъ почувствовавъ страсть къ Математикѣ и Астрономіи, самъ, съ величайшими затрудненіями, успѣлъ образовать себя, и теперь, истинно, безъ удивленія невозможно сморгнуть на этого гениальнаго самоучку. Математическія и Астрономическія свѣдѣнія его, и обширныя познанія въ Физикѣ, Химіи и Естествознаніи, приводятъ въ невольное изумленіе. И только собственное услажденіе наукою руководило и руководитъ почтеннаго нашего Семенова. Довольный своимъ небольшимъ состояніемъ, смиренно философствуетъ онъ въ домикъ своемъ, ничего не ищетъ, и не думаетъ объ извлеченіи какой нибудь вещественной пользы изъ своихъ обширныхъ и необыкновенныхъ свѣдѣній. За то, рѣдко кто изъ ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, провѣзая Курскъ, не видится съ Семеновымъ. Нашъ знаменитый поэтъ, В. А. Жуковский, посѣтилъ его смиренный домикъ, и кто изъ насъ не восхитится сердцемъ, узнавши, что въ провѣздѣ черезъ Курскъ удостоила его личнымъ свиданіемъ Великая Княгиня Елена Павловна? Она непременно хотѣла ознаменовать благодѣніемъ свое снисходительное вниманіе, и Семеновъ недавно пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ привезъ съ собою двухъ сыновей своихъ, и оба опредѣлены, одинъ въ Технологическій Институтъ, другой въ Училище Гражданскихъ Землемѣровъ, на иждивеніе Ея Высочества. Лично удостоила снова Августѣйшая Покровительница свою бесѣдою почтеннаго нашего самоучку астронома, и напрасно хотѣли бы мы описать восторгъ и благодарность замѣчательнаго соотечественника нашего! Онъ ласково встрѣченъ и принятъ былъ въ Петербургѣ многими вельможами, знатными особами, учеными людьми, литераторами, и присовокупимъ, что Семеновъ достоинъ вполне такого вниманія, какъ человекъ добродѣтельный, скромный и удивительно добродушный. Онъ не оставляетъ своего прежняго быта, своего длиннаго сюртука и бородки, и его необыкновенно умная физиогномія и свѣтлые, быстрые глаза придаютъ ему притомъ разительную оригинальность. Семенова должно причислить къ

замѣчательнымъ явленіямъ нашего времени и доказательствомъ могучаго духа Русскаго. Кулибины, Волосковы, Власовы, Семеновы и Шелиховы составляютъ блестящій рядъ драгоценныхъ украшеній Русскаго самобытнаго ума. Ихъ рядъ продолжится, и говоря словами великаго самоучки-поэта:

Довольно таковыхъ сыновъ родитъ Россія!

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ученый зоологъ Лессонъ кончилъ исполнъ свою работу надъ системою млекопитающихъ (*Mammifères*), и вотъ порядокъ, какой утверждаетъ онъ теперь, послѣ многолѣтнихъ соображеній и наблюденій: г-нъ Лессонъ дѣлитъ всѣхъ млекопитающихъ на *два* группы, подраздѣля ихъ затѣмъ на *четыре* раздѣла (*sous-classe*) и *дванадцать* порядковъ, а именно:

ПЕРВАЯ ГРУППА.

Mammif. terrestres ou amphibies.

1-й раздѣлъ: *Mamm. proprement dits.*

1-е Отдѣленіе. *Unguiculata* (Ongles recouvrant simplement l'extrémité des phalanges).

Polyphages, 1-й пор. *Bimanes.*

2 » » » *Quadrumanes.*

3 » » » *Cheiroptères.*

Carnivores, 4 » » » *Carnassiers.*

Phytophages, 5 » » » *Rongeurs.*

2-е Отдѣленіе. *Ungulata* (Ongles enveloppant l'extrémité de la phalange).

Omnivores, 6-й пор. *Edentés.*

Herbivores, 7 » » » *Pachydermes.*

8 » » » *Ruminants.*

II-й раздѣлъ: *Mamm. marsupiaux.*

9-й пор. *Marsupiaux.*

1, *Carnivores.*

2, *Frugivores.*

3, *Herbivores.*

III-й раздѣлъ: *Mamm. monotrèmes.*

1, *Herbivores, paradox.*

2, *Insectivores, proglossa.*

ВТОРАЯ ГРУППА.

Mammif. aquatiques.

IV-й раздѣлъ: *Mamm. cétaçés (Cete).*

Herbivores, 11-й пор. *Siréniens.*

Zoophages, 12-й пор. *Cétaçés.*

Въ 1826 году, была назначена Королевскою Медициною Академіею въ Парижъ Коммиссія, для изслѣдованія, представленнаго въ Академію, новаго лекарства противъ зобовъ, и вообще скрофулезныхъ (золотушныхъ) болѣзней. Другая Коммиссія, подтвердившая благосклонный отзывъ первой, и множество сдѣланныхъ опытовъ удостоурили въ несомнѣнной пользѣ лекарства. Оно продается теперь въ Парижъ, подъ именемъ *Poudre de Sancy* (Сансійскаго порошка), у изобрѣтателя, г-на Базьера (*Bazière*), въ Лабораторіи его (*rue du Gindre, No 5, près de l'église de St. Sulpice*).

Апрѣля 23-го, въ Одессѣ открыто *Общество Исторіи и Древностей*. Началомъ его одолжены мы просвѣщенной заботливости нынѣшняго г-на Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Д. М. Княжевича. Богатый древностями и историческими воспоминаніями Новороссійскій край представляетъ Обществу обильную жатву, на томъ поприщѣ, гдѣ уже столь успешно трудились Паласы, Кеппены, Бламбергъ и Стемпковскіе.

Берцелиусъ уведомилъ Парижскую Академію объ открытіи новаго металла. Г-нъ Мозандеръ, разлагая Бастнасскій церитъ, въ которомъ найденъ, 36 лѣтъ тому, церіумъ, нашелъ, что окись церіума заключаетъ въ себя двѣ пятыхъ доли особеннаго металлическаго вещества, который и назвалъ онъ *Лантанъ* (*Lantane*). Для сего перекаливалъ онъ нитритъ церіума, и извлекъ окись лантановую селитряною кислотою, разведенною въ водѣ.

Художественныя известія.

По поводу нынѣшней выставки художественныхъ произведеній въ Парижѣ, исчислено, что съ 1802 года, когда

начались сія выставки въ Парижѣ, было донынѣ представлено на нихъ 29,364 разныхъ художественныхъ предметовъ, а именно: 24,510 картинъ и рисунковъ, 2409 статуй всякаго рода, 318 плановъ, 1660 гравюръ и 467 литографій. Многое ли изъ сихъ *тысячь* и *сотенъ* обречено безсмертію, или хоть долговѣтнѣю? Вотъ что любопытно было бы исчислить!

Отысканная недавно опера Моцарта, *Занда*, съ новымъ, привланымъ къ ней либретто, отпечатана, и ее хотѣть дать на театрѣ въ Дармштадтѣ.—Найденныя послѣ смерти Вебера произведенія изданы теперь въ Берлинѣ. Ихъ составляютъ: *Симфонія* для оркестра (*Ut majeur*); *Концертно* для виолончели съ оркестромъ; *Романсъ* для флейты, съ оркестромъ; *Квинтетъ*, для оперы Шпора: *Рубецаль*; *Дуэтъ* для сопрано и тенора; комическая *Арія* для тенора; *паннихида* на четыре голоса, и два *канона*.

Пишутъ изъ Москвы, что прошедшій постъ концерты тамошняго Московскаго Благороднаго Собранія были особенно великолѣпны. Липинскій игралъ въ нихъ два раза, и не хотѣлъ за то получить никакого возмездія. Старшины Собранія просили его послѣ сего принять въ знакъ памяти драгоценную табакерку.

Извѣстные живописцы наши, братья Чернецовы совершили замѣчательный художническій подвигъ: изъ Рыбинска проплыли они Волгою до Астрахани, сняли панораму всего Приволжья, рисовали все, что только богатая старинною и достопамятностями царица рѣкъ Русскихъ представляетъ по берегамъ своимъ замѣчательнаго, и возвратились нынѣ въ Петербургъ съ драгоценнымъ портфелемъ рисунковъ. Кромѣ общей панорамы Волги, его составляютъ до 500 рисунковъ, плановъ и очерковъ, до 80-ти этюдовъ масляными красками, и журналъ путешествія, со множествомъ виньетокъ и картинокъ. Ярославль, Кострома, Казань, Болгары, Саратовъ, Симбирскъ, Нижегородская ярмарка, Шери-Сарай, Астрахань—были предметами особеннаго вниманія нашихъ художниковъ-путешественниковъ, которые плыли по Волгѣ въ особо устроенной лод-

кѣ, и останавливались по городамъ для подробныхъ работъ.

С. Петербургское Филармоническое Общество предложило къ состязанію музыкальную задачу: положить на музыку, для пѣнія, съ аккомпанированіемъ хора и оркестра, балладу Жуковскаго: *Свѣтлана*. Сроку для присылки сочиненій назначается по 15-е Сентября. Композитеръ долженъ быть *природный Русскій*. Награду будетъ составлять большая серебряная лира, на подножій изъ чернаго дерева.

Въ Римѣ, подлѣ воротъ Піа и Лорензо, открыта въ землѣ гробница изъ травертина, и въ ней найдены три совершенно цѣлые и превосходные саркофага, на которыхъ извѣщены барельефомъ матерубійство Ореста, очищеніе его въ Тавридѣ и Нюбей съ дѣтьми. — Въ Тосканеллѣ открытъ Этрусскій саркофагъ съ такимъ же извѣщеніемъ.— Въ Римѣ теперь почти совершенно очистили врата Друза, и особенно памятникъ Марка Виргилія Эйризацеса; Висконти издастъ подробное ихъ описаніе.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Компанія содержателей парохода Great Western имѣла собраніе въ Бристоль, и по отчетамъ ея видно, что во всѣхъ своихъ переходахъ изъ Англій въ Америку пароходъ проплылъ донынѣ 35,000 морскихъ миль, и во все сіе время, 36 дней былъ въ жестокихъ буряхъ, но не требуетъ однакожъ никакой починки. Послѣдній переходъ свой совершилъ онъ въ 12¼ сутокъ, имѣя до 1000 пассажировъ. — Въ нынѣшнемъ году, по Рейну, отъ Роттердама до Страсбурга будутъ плавать не менее 34-хъ пароходовъ; за 10-ть лѣтъ было ихъ всего только *три*. — Недавно сдѣланъ опытъ пароходства отъ Страсбурга до Базеля и оказался весьма удаченъ. Пароходъ, въ 140 футовъ длины и 20-ть ширины, совершилъ въ Базель путь въ 25½ часовъ, а обратно въ 6¼ часовъ. — Магдебургскій пароходъ сгорѣлъ недавно вблизи Магдебурга; впрочемъ, всѣ пассажиры были спасены. — Исчислено, что въ Америкѣ, гдѣ пароходство доведено до величайшей об-

ширности, въ прошломъ году погибло отъ взрывовъ до 1,080 человекъ. Впрочемъ, известно, что тамъ устройство и управление пароходовъ производится весьма небрежно, такъ, что правительство тамъшнее приняло строгія мѣры, дабы предупредить бѣдствія, причиною которыхъ болѣе всего корыстолюбіе и невѣжество. — Апрѣля 8-го, открыта вполнѣ желѣзная дорога между Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Перевозъ совершается по ней въ $4\frac{1}{2}$ часа. Близъ Оберау дорога идетъ сквозь горный туннель, въ 870 локтей въ длину.

Торговля Франціи весьма усилилась въ прошломъ году: таможи принесли до 118-ти милліоновъ дохода (6-ть милл. болѣе противъ 1837 года). Хлопчатой бумаги ввезено 8-мь милл. килограммовъ болѣе (51 милліонъ); иностранной шерсти 5-ть милл. болѣе (15-ть милл.); кофе привезено въ оба года равное количество, по 12-ти милл. килограммовъ, но ввозъ колоніальнаго сахара упадетъ: въ 1831 году привезли его 80-ть милл., а въ 1838-мъ только 66-ть.

Важное открытіе для типографическаго искусства сдѣлано Клермонтскимъ жителемъ Колсономъ: онъ изобрѣлъ новую сплавку металловъ для литтеръ, которая замѣняетъ гартъ, стоитъ не дороже его, но несравненно его прочнѣе, такъ, что литтеры, изъ нея сдѣланныя, пробиваютъ мѣдную доску. Можно судить, во сколько разъ будутъ онъ прочнѣе гартовыхъ, когда притомъ дають оттиски несравненно чище.

Доннынъ пайка свинцовыхъ листовъ представляла большія неудобства, но ихъ совершенно устраняють теперь изобрѣтенныя во Франціи *аеридриескія* папальныя трубки (*chalumeaux aérhydrique*), производящія, по произволу, столь сильный огонь, что свинцовые листы крѣпко спаиваются отъ него герметически одинъ съ другимъ. Изобрѣтатель, Дебассенъ де-Ришмондъ представилъ подробное описаніе своихъ трубокъ Парижской Академіи Наукъ.

Пишуть, что нынѣшняя Выставка произведеній промышленности въ Парижѣ весьма богата. Число участвующихъ въ ней простирается до 3,348-ми. Въ семь чиселъ изъ департаментовъ находится только 1301, а остальные всѣ, то есть, 2047, суть производители и промышленники Парижа и принадлежащаго къ нему Сенскаго Департамента. Изъ семи Департаментовъ даже вовсе ничего не прислано на выставку.

Апрѣля 20-го, между Парижемъ и Версалью производили опытъ надъ новозобрѣтенною коляскою г-на Дюпена; она о 6-ти колесахъ, и оказывается чрезвычайно легка и удобна. Три лошади везли ее; въ ней сидѣло 24 человекъ, и *десять мѣ* проехали они въ $2\frac{3}{4}$ часа.

Въ Лондонѣ составила Компанія для разработки въ Ассамъ чайныхъ плантацій.

Къ чудесамъ, какія промышленность производитъ изъ каучука, надобно причислить разговорные и слуховые каучуковые снурки, въ которые вплетаются, или вшиваются, трубочки изъ каучука. Такимъ образомъ, слова, сказанныя за нѣсколько комнатъ въ чашечку, падающую на одномъ концѣ снурка, слышны въ чашечку, прильманную къ другому концу его, и тѣмъ дается возможность невидимо разговаривать въ самыхъ далекихъ разстояніяхъ, черезъ которыя проведенъ снурокъ. Въ Петербургѣ продаются такіе снурки въ магазинѣ г-на Кириштеня, на Исакиевской площади, въ домѣ г-жи Крюковской, противъ Адмиралтейскаго бульвара, гдѣ покупатели могутъ найти удивительное разнообразіе издѣлій каучуковыхъ.

По отчету Общества Царскосельской желѣзной дороги, всѣ расходы на устройство ея простирались по 1839 годъ, до 5,031,667 рублей, и еще для окончанія вполнѣ требуется до 250,000 рублей. Съ 4-го Апрѣля 1838-го по 4-е Апрѣля 1839 года, провѣжающихъ было всего 707,091, и сборъ съ нихъ составилъ 920,237 рублей; расходы въ первые девять мѣсяцевъ простирались до 480,688 рублей;

слѣдственно, прибыли получено до 316,976 рублей. Проздъ раздѣлялся вообще слѣд. образомъ.

	въ 1858 г.	въ 1859 г.
Между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ.....	460,707	76,828
Между Царскимъ Селомъ и Павловскимъ.....	127,652	13,732
Между Петербургомъ и Павловскимъ.....	8793	18,260
Отъ Московскаго шоссе.....	513	314
	597,665	109,134

ГЕОГРАФІЯ И СТАТИСТИКА.

Опытомъ извѣдано, что берега Нижней Нормандіи безпрестанно обрываетъ моремъ, а за то большой наносъ земли непрерывно бываетъ къ Гавру и устью Сены, такъ, что массу его полагаютъ ежегодно простирающуюся до 400,000 куб. метровъ. *Лиллеборнъ* въ V-мъ вѣкѣ былъ приморскимъ городомъ, а нынѣ онъ находится въ полулье отъ берега; на мѣстѣ Гарфлерской ярмарки, въ XVI-мъ вѣкѣ была гавань. Въ Гонфлерѣ, въ одинъ приливъ наноситъ иногда груду земли въ 200 сантим. толщиною. Никакія работы не помогаютъ такимъ заваламъ, и славная плотина Гаврская, стоившая болѣе 3-хъ милліоновъ франковъ, оказывается совершенно бесполезною.

По изданному списку, генераль-лейтенантовъ во Франціи считается нынѣ 134, но въ дѣйствительной службѣ находятся ихъ только 97 (31 по арміи, 6 въ резервѣ), генераль-маіоровъ считается 186; въ дѣйствительной службѣ только 128 (по арміи 43, въ резервѣ 15). Наполеоновскихъ ген.-лейтен. и ген.-маіоровъ въ дѣйствительной службѣ остается только 35; 43 возведены въ сін званія при Бурбонахъ, и 147 при нынѣшнемъ Королѣ.

Берлинъ распространяется необыкновенно: въ 1815 году считалось въ немъ только 8000 домовъ, а нынѣ 14,220. Число же всѣхъ зданій въ Берлинѣ полагаютъ до 20,121.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, число *удѣльныхъ крестьянъ* въ Россіи составляетъ нынѣ 733,770 муж. и 811,693 ж. п., всего 1,545,463 души, да лашмановъ, одноподворцовъ, свободныхъ земледѣльцовъ, пахатныхъ солдатъ и амщиковъ въ удѣльномъ владѣствѣ состоитъ до 41,321 м. и 43,630 ж., а всего 84,951 душъ. Въ прошломъ году, за платежемъ податей 2,861,111 р., оброчный доходъ удѣловъ составилъ 6,555,308 р., а всего дохода было, считая поземельные сборы, проценты съ капиталовъ и оброчныя статьи, 9,819,643 рубля. Остатокъ отъ расходовъ образуетъ особый капиталъ, простирающійся нынѣ до 28,800,000 рублей, и кромѣ того составлено еще особаго крестьянскаго удѣльнаго капитала около 3-хъ милліоновъ рублей.

Докторъ Лонскій, живущій въ Австраліи, въ городѣ Сидней, пишетъ, что онъ осматривалъ островъ *Арсензизвъ*, открытый въ прошломъ году въ Южномъ Океанѣ, и нашелъ на немъ остатки неизвѣстныхъ циклопическихъ построекъ. Нынѣшніе обитатели острова ничего не знаютъ о томъ, кто и когда воздвигалъ сін зданія. — Дикари Арсензизскіе кротки, миролюбивы, и жены пользуются у нихъ полною свободою.

Г-нъ Розе осмотрѣлъ и описалъ странный колодець, находящійся въ департаментѣ Саны и Луары, близъ Монпона, въ замкѣ Дюретальскомъ. Онъ изсѣченъ въ известковомъ утесѣ, и вода въ немъ при наступленіи сильной бури начинается кипѣть и издавать пары, а верхніе края его отъ времени до времени зарастаютъ наплавомъ известковымъ, до того, что ихъ принуждены прочищать. Вода въ семъ колодцѣ содержитъ много угольной кислоты и известки.

Колоніи нищихъ въ Нидерландахъ показываютъ большіе успѣхи сей спасительной мѣры для истребленія нищеты и бродяжничества. Извѣстно, что съ 1818 года положено въ Нидерландскомъ королевствѣ всѣхъ нищихъ и бродягъ, а равно безпомощныхъ сиротъ и виновныхъ въ неважныхъ преступленіяхъ людей, заселять отдѣльно, раздѣляя ихъ на колоніи вольныхъ, сиротъ и преступниковъ.

Нынѣ считается первыхъ 3, вторыхъ 2, третьихъ 4; въ нихъ: 4 церкви, 6 школъ, 12 фабрикъ, 32 большихъ и 374 малыхъ фермъ. Земли обработанной считается уже 1500 гектаровъ и жителей во всѣхъ колоніяхъ до 8,000 человекъ. Они отличаются благосостояніемъ и добрыми нравами, бывши прежде лъвою и тѣгостью общества.

Зрѣлища и музыка.

По отчету С. Петербургскаго Театра, въ прошломъ году, считалъ отъ масляницы 1838 года до того же времени 1839 года, Оперныя Нѣмецкая и Русская, Драматическія Русская, Нѣмецкая и Французская, и Балетная труппы, на шести театрахъ (Большомъ, Александринскомъ, Михайловскомъ, Каменно-Островскомъ, Павловскомъ и Петергофскомъ) дали 639 представлений; изъ сего числа Русскія труппы дали 345. — Новыхъ пьесъ явилось 129 (на Русской сценѣ 64, на оперной Русской 9, на Французской 40, на Нѣмецкой 16). Возобновлено на всѣхъ театрахъ старыхъ 28 пьесъ. Въ числѣ Русскихъ новостей были: драмъ 10, трагедій 2, комедій 15, водевилей 28, интермедій 4, оперъ 4; новыхъ балетовъ дано 2. — Изъ числа принадлежавшихъ къ театру умерли въ истекшемъ году: г-жа Степанова, молодая актриса съ дарованіемъ; превосходный машинистъ Роллеръ, и заслуженный капельмейстеръ Жуковский. На Русскую сцену поступила дѣвица Самойлова, дочь бывшаго знаменитаго артиста.

Въ Одессѣ находится только Итальянскій Театръ. Въ прошломъ театральномъ году репертуаръ его составляли двадцать одна опера. Изъ нихъ только четыре было поставлено вновь: *Велизарій Донизетти*, *Луція де-Ламмермуръ* его же, *Торвальдо и Дориска* Россини, и *Габриэль де-Вержи* Меркаданте. Превжнія оперы Одесскаго репертуара суть: *Россини* — Семирамида, Итальянка въ Алжирѣ, Севильскій Цырюльникъ, Сорока Воровка, *Отелло*; *Норма*, *la Straniera*, *la Compadula Беллини*; *il Furioso*, *Торквато-Тассо Донизетти*; *Chiara di Rosenberg*, *Egan due or son tre Рихли*; *Нордманны* въ Парижѣ *Меркаданте*; *Деревенскія пѣвицы Флораванте*; *Клотильда Коккиа*; *Аделина Джерарли* и *Нина Коппола*.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Получены известія отъ Евгенія де-Салля, путешествующаго по Сиріи. Онъ открылъ много неизвѣстныхъ донынѣ развалинъ между Антиохіею и Алепомъ, и съ особою тщательностью обозрѣлъ и описалъ Бальбекскія развалины.

Англичане готовятъ экспедицію къ южному полюсу. Она составитъ изъ двухъ кораблей: *Эрса* и *Ужаса*. Начальникомъ ея избранъ знаменитый мореплаватель Джемсъ Россъ.

Гемаръ опять отправляется къ сѣверу. Новая экспедиція его будетъ на прежнемъ кораблѣ *Открытіе*. Предполагаютъ снова осмотрѣть Шницбергенъ, и кромѣ того обозрѣть острова Ферроерскіе, Шерри и Ланландскій берегъ.

Графъ Жоберъ, и г-да Тексье, Герберъ, Делагншъ и Лабурдонне предпринимаютъ ученое путешествіе по Азій. Осмотрѣвши Царьградъ и Грецію, они хотѣтъ обозрѣть Смирну, Эфесъ, Сарды, Бруссу и Никюю. Потомъ пойдутъ въ Арзерумъ и осмотрятъ Ванъ, Тавризы, Гамаданъ, Багдадъ, Сирію, Палестину и часть Египта.

Пети-Туаръ уведомляетъ, изъ Портъ-Джаксона, что онъ былъ, въ Сентябрѣ 1838 года, вмѣстѣ съ Дюмонъ-Дюрвилемъ на Отанти, откуда Д. Д. отправился, 16-го Сентября, для обозрѣнія купы острововъ Мореплавателей.

Иностранная Литтература.

Кузенъ кончилъ свой превосходный переводъ Платона и выдалъ послѣдній томъ его (*Oeuvres de Platon, tome XII, Парижъ, 1839 г., in 8, 388 стр.*).

Французское Правительство издаетъ описаніе Малой Азій, составленное посланными отъ него учеными и офицерами. Изданіе будетъ великолѣпное. Вышла только 1-я тетрадь (*Description de l'Asie Mineure, faite par ordre du Gouvernement francais, de 1833 à 1837; томъ I, Худож.* Т. VIII. — Отд. IV.

ства, памятники историческіе, планы и топографія древнихъ городовъ, in folio).

Одуанъ издалъ 1-ю часть VI-го тома своей превосходной *Инсектографіи* (Histoire naturelle des insectes, par M. V. Audoin). Начатое Кювье изданіе *Ихтиографіи* продолжается г-мъ Валансьенемъ, in 4, и in 8; выданъ XIII-й томъ (Histoire naturelle des poissons, томъ XIII, съ 27 картинками).

Сень-Бёвъ выдалъ IV и V-й томы своихъ Critiques et portraits littéraires. Читать этого остроумнаго критика весело и увлекательно.

Журналы съ большими похвалами говорятъ о новомъ сочиненіи Мармье: Histoire de la littérature en Danemarck et en Suede (Парижъ, 1839 г., in 8).

Неутомимый Капфигъ издалъ новое историческое сочиненіе: Hugues Carpe et la troisieme race, jusqu'à Philippe-Auguste, 2 тома, in 8.

Въ Брюссель начали компактное изданіе важнѣйшихъ сочиненій по части Политической Экономіи (Cours d'économie politique, въ бол. октаву, въ двѣ колонны). Въ 1-мъ томѣ помѣщены: Исторія Полит. Экономіи *Бланки*; Опытъ о народонаселеніи *Мальтуса*; Основанія Пол. Экономіи *Рикардо*, и трактатъ о Пол. Экономіи *Дестюттъ де-Траси*, а въ заключеніе помѣщена библиографія науки.

На Нѣмецкій языкъ переведены съ Шведскаго языка любопытныя книги: Jahresbericht der Kön. Schwedischen Akademie der Wissenschaften über die Fortschritte der Botanik in Jahre 1835, соч. Викштрема (Бреславль, 1839 г. in 8, 422 стр.); и Jahres-Bericht über die Fortschritte der physischen Wissenschaften, соч. Берцелиуса, представленное Шведской Академіи въ Мартъ 1838 г., часть I, Физика, Неорганическая Химія и Минералогія (Тюбингенъ, 1839 г. 240 стр.). — Новаго, исправленнаго изданія Нѣмецкаго перевода Берцелиусовой Химіи (Lehrbuch der Chemie), вышло уже *восемь* томовъ — *восьмой томъ* составляетъ 767 стр. in 8 (Дрезденъ, 1839 г.).

Зибольдовой *Японской Флоры* изданы въ Лейденъ 9-я и 10-я тетради (Flora Japonica, in folio).

Въ Вьенъ издалъ Фрелихъ Иллирійскую Грамматику, со-

чиненную Иллирійцомъ Бабукичемъ (Grundzüge der Illirischen Grammatik).

Вотъ еще любопытныя для насъ, Русскихъ, книги: въ Парижъ напечатанъ переводъ *Орлеанской Дѣвы Шиллера*, исполненный въ Москвѣ переводчицею многихъ стихотвореній Русскихъ на Нѣмецкій языкъ, г-жею Павловою (супругою известнаго писателя нашего Н. Ф. Павлова, урожденною Яшиной). Титуль перевода: Jeanne d'Arc, tragédie de Schiller, trad. en vers français par M-me Caroline Pavloff, née Janisch, у Дидота, in 8. — Въ Ригѣ начали печатать Нѣмецкій переводъ сочиненія О. В. Булгарина: *Россия*, исполненный г-мъ фонъ-Брокелемъ; вышли томъ *Исторіи* и томъ *Статистики* (Russland in historischer, statistischer, geographischer und literarischer Beziehung, in 8, XXVI и 476, XII и 388 стр.).

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Спѣшимъ извѣстить моряковъ и просвѣщенныхъ любителей, что почтенный А. Н. Бутаковъ, известный въ нашемъ флотѣ своимъ переговорнымъ телеграфомъ, введеннымъ въ морскую службу нашу съ 1816 года, печатаетъ вновь, съ дополненіями, 1-ю часть изданнаго имъ *Словаря морскихъ словъ и рѣченій*, гдѣ переведены на Русскій и Французскій языки Англійскіе морскіе термины, и кромѣ того оканчивается 2-ю часть своего Словаря, гдѣ Французскіе термины переводятся на Англійскій и Русскій языки. Онъ предполагаетъ потомъ заняться 3-ю частью, гдѣ Русскіе термины будутъ передаваться на Англійскій и Французскій языки. Можно оцѣнить пользу сего, столь обширнаго и драгоценнаго, труда, сообразивъ совершенный недостатокъ подобныхъ пособій на нашемъ языкѣ.

Нашъ ветеранъ Русской народной пѣсни, Д. Н. Кашиинъ недавно посѣтилъ Петербургъ, и извѣстилъ насъ, что онъ приступаетъ къ новому, умноженному изданію своего *Собранія Русскихъ пѣсень*. Перваго уже нѣтъ больше въ продажѣ; оно все раскуплено. Къ новому изданію намъ-речь онъ приложить подробное изслѣдованіе объ исторіи и теоріи своего, столь любопытнаго предмета, и на Французскомъ языкѣ объясненіе содержанія каждой пѣсни, ибо

собрание его съ большою охотою покупаютъ и увозятъ за границу все иностранцы, до которыхъ оно доходитъ, при ознакомленіи ихъ съ нашимъ народнымъ музыкальнымъ міромъ.

Вторая часть *Спа Литтераторовъ* готовится. Нѣсколько картинокъ и портретовъ уже получены изъ Лондона. Мы слышали, что въ сей части будутъ новыя сочиненія И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. Ф. Вельмана, и еще семи другихъ литтераторовъ. Картины и портреты превосходны. Портретъ Жуковского снятъ съ новаго портрета его, писаннаго Брюлловымъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

Въ Глазговѣ выставлены для публики планы и модели *железнаго домика* — верхъ щегольства! Домикъ весь изъ железа, съ 6-ю комнатами, кухней и принадлежностями. Изобрѣтатель берется строить такіе домики по 250 ф. ст. (6,250 рублей), и за 500 ф. ст. построить домикъ вдвое больше, о 14-ти комнатахъ. Онъ принимаетъ на себя всю отдыжку въ два мѣсяца. Чего добраго? Въ нашъ *железный* вѣкъ, можетъ быть, у насъ и дома будутъ *железные*. По крайней мѣрѣ, въ Англии не шути берется за железныя дома.

Въ прошломъ году, въ Лондонѣ мало было произведено замѣчательныхъ построекъ: въездъ на Бирмингемскую железную дорогу въ Эйстонъ-Скверъ, Королевскій Институтъ, Банкъ и церковь въ Gray's-Inn-Road — вотъ почти все здѣшніи достопамятности прошлаго годъ. Нынѣ главное вниманіе обращаетъ Биржа, а затѣмъ памятникъ Нельсону, воздвигаемый на Трафальгарской площади, и памятникъ Веллингтону, которому мѣста еще не назначили. Кромѣ того приступаютъ къ постройкѣ зданія для Клуба Реформистовъ, и между улицами Доунингскою и Флюдіерскою предполагать строить дома для Министерства внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Два обширныя новыя кладбища заложены, кромѣ прежнихъ, а въ Регентовомъ Паркѣ устроиваютъ теперь богатѣйшій Ботанической садъ.

Въ Божанси, во Франціи, изумляетъ всѣхъ своею необыкновенною памятью дѣвица *Августина Псанъ*; ей только 11-тъ лѣтъ, и она весьма слабого сложенія. Прослушавши какую нибудь проповѣдь, стихи, или разговоръ, она немедленно повторяетъ и списываетъ ихъ, отъ слова до слова, хотя бы они были въ 10, 12, и даже 15 страницъ.

Въ Палермо, священникъ Гвардалани издаетъ журналъ для слѣпыхъ: *il Consolatore dei Ciechi*. Онъ печатается выпуклыми буквами, и составляетъ первый примѣръ журнала въ своемъ родѣ.

Каталогъ новыхъ книгъ на послѣдней Франкфуртской ярмаркѣ содержитъ въ себѣ 3258 названій Нѣмецкихъ сочиненій и переводовъ, и 130 книгъ Французскихъ, 13 Английскихъ, 4 Итальянскихъ; 1 Испанской, перепечатанныхъ въ Германіи. Между Нѣмецкими книгами особенно замѣчательнъ *Словарь браисъ и ругательства Нилецкихъ*. Авторъ пишетъ, что онъ издаетъ свою книгу для общественной пользы, и что она всего лучше можетъ дать понятіе о *богатствѣ* и *силѣ* его отечественнаго языка.

Въ Яссахъ составилось Общество для перевода на Молдавскій языкъ лучшихъ новѣйшихъ сочиненій. Члены его молодая Молдавскія боярыни, и Господарь Волоцкій особенно покровительствуетъ ихъ трудамъ. За лучшіе переводы выдаются медали. Общество переводчицъ, кажется, не имѣетъ въ виду толпы читателей, и, признаемся, мы вовсе не понимаемъ: много ли найдется читателей на приготовленныя уже Обществомъ прекрасныя Молдаванскыя переводы: пяти романовъ В. Скотта, нѣсколькихъ поэмъ Байрона, путешествія Ламартина, Записокъ Дьявола Сулье, Фауста Гете? Байронъ, говорятъ, составляетъ любимое чтеніе въ Молдавіи! Фаустъ на Молдаванскомъ языкѣ!.. Ушамъ своимъ не врите!

Въ Неаполѣ получено известіе о смерти Франциска Бонне, который какъ царь владычествовалъ много лѣтъ

частью острова Мадагаскара, и оставил послѣ себя наслѣдство въ 24 милліона Неаполитанскихъ дукатовъ. По завѣщанію, онъ отказалъ его родственникамъ, если они найдутся, и объявилъ, что онъ былъ уроженецъ Белогордскій, и настоящее имя его *Томасъ Паламоне*. Теперь ищутъ и не находятъ наслѣдниковъ. А какъ бы, кажется, не сыскаться! Дѣло что-то походить на сказку, но въ Итальянскихъ газетахъ говорятъ объ немъ не шутя.

Москва любитъ оригинальность, и Москва, право, добрая и милая! Вотъ что можно сказать, слыша о новомъ средствѣ благотворенія, съ которымъ Москва соединила самое пріятное общественное увеселеніе: Марта 16-го, въ рогондѣ тамошняго Благороднаго Собранія открытъ былъ: *Базаръ въ пользу бѣдныхъ*. Дамы и дѣвицы лучшаго тона, свѣтскія красавицы, разложили на большихъ столахъ множество своихъ рукодѣлій и бездѣлокъ, назначили имъ цѣны, положили плату за входъ и открыли продажу. Безчисленное множество покупателей явилось на Базаръ, и кто могъ бы отказать прелестнымъ продавицамъ въ покупкѣ, зная, что вся выручка отдается ими бѣднымъ? Нѣсколько десятковъ тысячъ рублей было выручено и *передано Богу*, какъ говаривали наши старики, говоря о милостынь убогой братіи. Три дня продолжалась дѣятельная торговля, и составляла для Москвичей, при добромъ дѣлѣ, одно изъ самыхъ пріятныхъ и занимательныхъ препровожденій времени.

Если только правда, то изобрѣтеніе Парижскаго врача Табары должно причислить къ самымъ благотѣльнымъ изобрѣтеніямъ нашего времени. Онъ нашелъ, что *разрѣженіе* и *упоженіе* воздуха есть самое лучшее средство для леченія чахотки. Въ слѣдствіе сего, онъ придумалъ садить больныхъ подъ огромный стеклянный колоколь, который плотно устанавливается на полу обширной залы. Помогъ вытягиваютъ изъ него понемногу воздухъ воздушнымъ насосомъ, и больные, употребляя постепенно такое леченіе нѣсколько времени, сами собою излечиваются отъ грудныхъ болѣзней и отъ самой злой чахотки. Известно, въ

самомъ дѣлѣ, что горный чистый воздухъ спасеніе для всѣхъ слабогрудыхъ.

Апрѣля 18-го, праздновали въ Лондонѣ свадьбу сына Велинктонова. На свадебный столъ подавъ былъ между прочимъ свадебный пирогъ, съ фамильными гербами — чудо богатства и изящества! Онъ всѣмъ болѣе двухъ пудовъ.

Апрѣля 5-го, во Флоренціи чувствовали нѣсколько легкихъ ударовъ землетрясенія, при сильномъ подземномъ шумѣ. — На Мартиникъ было опять землетрясеніе, 21-го Января, и снова разрушило много зданій, но никто притомъ не погибъ. Въ тотъ же день, сильный, 35 секундъ продолжавшійся ударъ поколебалъ островъ Сень-Люцію. Жители трепетали за жизнь свою и дома свои. — Пишутъ, что въ концѣ Марта въ Греціи были сильныя холода и холодныя вѣтры — дѣло тамъ неслыханное! — Въ южной Россіи въ началѣ Марта морозы стояли по 8°. Дунай, покрывшійся льдомъ въ половинѣ Декабря, вскрылся только въ первыхъ числахъ Марта. — Въ Ригѣ, въ началѣ Апрѣля были морозы до 10°, и ледъ на Двинѣ не таялъ. Волга въ Твери вскрылась 14-го Апрѣля. Двина въ Ригѣ вскрылась 20-го Апрѣля: съ жестокой зимы 1709 года, когда вскрытіе Двины въ Ригѣ было 16-го Апрѣля, не помнятъ подобнаго примѣра. — Въ Таганрогѣ навигація началась 2-го Апрѣля. — Кронштадскій рейдъ очистился только въ началѣ Мая: 4-го фрегатъ Церера вытянулся на дальнюю брандвахту; 3-го Мая пришелъ изъ Любека пароходъ *Наслѣдникъ*, и явились корабли съ лимонами, апельсинами и померанцами — мореходныя ласточки, означающія открытіе весны! — Нева въ Петербургъ вскрылась 21-го Апрѣля, чему въ 120 лѣтъ было только три примѣра, въ 1760, 1790, 1829 г. (только *восемь* разъ въ 120 лѣтъ Нева простояла далѣе 21-го Апрѣля). — Впрочемъ, въ Апрѣль и Май въ глазахъ жителей Петербурга прошли всѣ *четыре* времени года: въ Апрѣль сыпался еще и лежалъ твердо снѣгъ; въ началѣ Мая настали жары, просто жары лѣтніе; ихъ смѣнили освнніе вѣтры и холода, а конецъ Мая сталъ походить на весну.

Паганини отчаянно боленъ, и изготовилъ, какъ пишутъ, духовную, по которой отказываетъ все свои милліоны разнымъ недостаточнымъ музыкантамъ и благотельнымъ заведеніямъ. — Въ Гаврѣ поймали чудную рыбу, настоящую морскую сирену: голова у нея обезьяны; спереди груди и руки, какъ у женщины, а тѣло и хвостъ рыбы. Увѣрили, что ее отправили уже въ Парижъ, если только эта сирена не поймана на уду недостатка новостей въ журналахъ. — Вотъ еще любопытный разсказъ о ловлѣ орловъ въ Сардиніи, помѣщенный во Французскомъ *Журналь Охотниковъ*: три Сардинскіе охотника, родные братья, взонли на высокую гору, и тамъ, въ глубочайшей пропасти между скалами, увидѣли множество орлиныхъ гнѣздъ; скалы возвышались отвѣсно въ одну сторону, на 150 футовъ; одинъ изъ братьевъ съелъ въ корзину и двое другихъ спустили его въ бездну. Тамъ онъ запасся молодыми орлятами, но когда стали его подымать, орлы стадами напали на него; едва могъ онъ отбиться отъ нихъ своею саблею, махая ею на все стороны. Братья его между тѣмъ тянули его къверху. Уже недалеко былъ онъ отъ вершины скалы, какъ замѣтилъ, что отбиваясь отъ орловъ, почти совершенно перерубилъ веревку, и корзина его едва держится на немногихъ тонкихъ нитяхъ!... Корзину однакожь счастливо вытащили; отважный охотникъ остался съ добычей, но можно судить объ ужасѣ, какой объялъ его, когда такъ страшно и близко поглядѣла на него смерть, можно судить по тому, что братья едва могли узнать его: онъ опустился въ бездну съ прекрасными черными волосами, а когда вытащили его, то онъ былъ — *свѣдь, какъ луна!* — Если разсказъ и выдуманъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма занимателенъ. *А може, такъ и правда, родимый, право слово!* какъ говорятъ наши мушкетеры.

О Г Л А В Л Е Н І Е

В О С Ъ М А Г О Т О М А .

(Мартъ и Апрель 1859 года).

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Калопозъ. Фантазія Гальма. Пер. П. Г. Ободовскаго. 5
Стран.
Отрывокъ изъ I-го дѣйствія комедіи: *Воспитаніе*. 97

ПРОЗА.

Самоотверженіе. Повесть Г-жи Жуковой. 27
1-е Мал 1828 года. Перевѣздъ черезъ хребетъ Эрджавы.
Н. С. п. л. п. а. 117
Прогулка въ Луну. 127

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Креолка. Повесть Г-жи Тьерри. 1
Лидія. Повесть Г-ни Нодье. 97

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

Іаковъ Катсъ. П. А. Корсапова. 1
Психологія сповидній. А. Деларье. 64, 251
Записка Лейбница о магнитной стрѣлкѣ. 102
Посылка въ Можайскъ отъ Царя Михаила Теодоровича,
въ 1618 году. 107
Абукирская битва. Соч. Наполеона. 111
Причины, свойства и явленія урагановъ. 133
Обозрѣніе Англійскихъ законовъ, касательно торговли
хлѣбомъ. 175
О выгодахъ помѣщика и крестьянина. В. Усолкина. 219
Описаніе о бракѣ В. К. Ашны Петровны, въ 1725 году. 265

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ныѣшняя Англійская Словесность. <i>Ф. Шалл.</i>	1
Вредитъ ли критика Русской Словесности? <i>Н. А. По- леваго.</i>	50
Нѣсколько словъ о Русской драматической Словесности. <i>Его же.</i>	105
Лѣтопись Русскихъ журналовъ.	67, 119
Очеркъ Русской литературы.	75, 129

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Лѣтопись событій за Мартъ и Апрель.	1, 21
---	-------

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Воспоминанія объ Лондонѣ.	1, 91
О погорѣніяхъ церкви Петропавловской (изъ записокъ Богданова).	8
Князь Х. А. Ливень.	10
Замѣчанія къ слову о полку Игоревомъ.	15
Сравненіе мѣръ Китайской, Англійской и Русской.	21
Гора Джуга.	—
Отрывокъ изъ записокъ А. Т. Бологова.	61
Дополненіе къ извѣстіямъ о Реймскомъ Евангелии.	70
Замѣтки объ Олонецкой сторонѣ.	72
Записка о жизни З. Д. Ходаковского.	89

Въ концѣ обѣихъ книжекъ помѣщены *лилькія статьи и извѣстія*, въ разныхъ отдѣленіяхъ: *Отечественныя, Ученныя, Художественныя, Литтературныя извѣстія, Прогнозность и Торговля, Географія и Статистика, Зрѣлища и Музыка, Путешествія, Иностранная литтература, Разныя извѣстія.*

Къ сему тому приложень *ссылочкы съ рукописи Наполеона*.